

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВЪ

ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЪ.

ПОВРЕЖЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

О. М. Бодянского.

1873

Октябрь — Декабрь.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и В.),
на Страстномъ бульварѣ.

1874.

ИЗДАНИЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ.

Труды и Лѣтописи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 8 частей. М. 1815—1837 г. Цѣна за всѣ части, кромѣ 1-й, по 50 к. за каждую, на перес. за 2 ъ.

Русскія достопамятности. Часть 1-я. 1815 г., ц. 50 к., перес. за 2 ъ.; Ч. 2-я (Русская Правда). 1843 г., ц. 1 р., перес. за 2 ъ.; Ч. 3-я (Слово о Полку Игоревѣ). 1844 г., ц. 1 р., перес. за 2 ъ.

Предварительныя критическія изслѣдованія для Россійской Исторіи, Эверса, пер. съ Нѣмец. М. Погодина. М. 1826 г., ц. 1 р., перес. за 2 ъ.

Древности сѣвернаго берега Понта, соч. П. Кеппена, переводъ съ Нѣмец. Средняго-Камашева. М. 1828 г., ц. 10 к., перес. за 2 ъ.

Обозрѣніе кормчей книги въ историческомъ видѣ, соч. Барона Розенкампа. М. 1829 г., ц. 1 руб., перес. за 3 ъ.

Корсуныскія врата въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ, описаны и объяснены Ф. Адельунгомъ; пер. съ Нѣмец. П. Артемова; съ рисунками. М. 1834 г., ц. 1 р. 75 к., перес. за 3 ъ.

Супрасльскія рукописи, содержащая Новгородскую и Кіевскую сокращенныя лѣтописи, изд. Княземъ М. Оболенскимъ. М. 1836 г., ц. 1 р., перес. за 2 ъ.

Псковская лѣтопись, изд. М. Погодинымъ. М. 1837 г., ц. 1 р., перес. за 3 ъ.

Русскій Историческій Сборникъ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837—1846 г. 7 томовъ. Цѣна за каждый томъ по 1 р., перес. за 3 ъ. за каждый.

Повѣствованіе о Россіи, въ трехъ томахъ, соч. Н. С. Арцыбышева. М. 1838—1843 г. Цѣна за всѣ 10 руб., перес. за 13 ъ.

Книга посольская метрики Великаго Княжества Литовскаго, содержащая въ себѣ дипломатическія сношенія Литвы въ государствование Королей Сигизмунда Августа и Стефана Баторія; два тома, изданные Кн. М. Оболенскимъ, И. Даниловичемъ, М. Погодинымъ и Д. Дубенскимъ. М. 1843 г., 2 р., перес. за 6 ъ.

Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червоной или Галицкой Руси до конца XV столѣтія, соч. Зубрицкаго; пер. съ Польск. О. Бодинскаго. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ъ.

Книга Вошьшой чертежь, изд. по 8 стар. рукоп. и 2 печ. книги. Г. Спаскимъ. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 3 ъ.

О Русскомъ войскѣ въ царствованіе Михайла Федоровича и послѣ его до Петра I-го, изслѣд. И. Бѣляева. М. 1846 г., ц. 50 коп. перес. за 2 ъ.

Библиотека Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, сост. П. М. Строевымъ; со снимкомъ съ 1-го листа Правды Русской по пергам. сборнику конца XIV вѣка. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ъ.

Изслѣдованія, Забѣчанія и Лекціи о Русской Исторіи, М. Погодина. М. 1846 г.; томы: 1, 2 и 3-й, по 1 р., перес. за 6 ъ.

Исторія о Довокихъ Казакахъ, соч. А. Ригельмана, съ 19 рисунк. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., пер. за 2 ъ.

Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, соч. А. Ригельмана. съ 30 рисун. М. 1847 г., Ч. 2 р., перес. за 4 ъ.

Исторія Россійская, В. Н. Татищева, книга 5-я или часть 4-я. М. 1848 г. 1 р. 50 к., перес. за 4 ъ.

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Годъ 2, книги 2—9, по 2 руб. каждая. Годъ 3, книги 1—9, по 2 руб. каждая. Годъ 4, книга 1, 2 рубля. Годы 1858, 1859, 1860, по 4 книги въ каждомъ, по 10 рублей въ годъ. Годы 1861—1873, тоже по 4 книги, по 8 рублей годъ. Все же изданіе безъ пересылки 170 руб. За пересылку взимается съ вѣсу по разстоянію.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВЪ

ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЪ.

ПОВРЕЖЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

О. М. Бодянского.

1873

Октябрь — Декабрь.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и В.),
на Страстномъ бульварѣ.

1874.

I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ОТКУДА СЛОВО КРЕМЛЬ?

Письмо къ Секретарю Императорскаго Общества Истори и Древностей Россійскихъ при Москов- скомъ Университетѣ.

Милостивый Государь,

Осипъ Максимовичъ!

Еще въ 1868 г., въ № 56-мъ газеты «Русскій,» я помѣстилъ письмо къ издателю, въ которомъ изложилъ свои мысли о нѣкоторыхъ Греческихъ словахъ, вошедшихъ въ Русскій языкъ, при чемъ и высказалъ свое мнѣніе о происхожденіи Московскаго Кремля отъ Греческаго слова *κρημύς*. Я зналъ, что знаменитый нашъ исторіографъ производилъ это слово отъ «кремня,» а П. М. Строевъ отъ Псковской какой-то цитадели, названной «кромомъ», но я находилъ и то и другое мнѣніе ошибочнымъ; ибо ни то, ни другое не имѣли достаточныхъ доказательствъ, и по тому ни сколько не сомнѣвался въ истинѣ моего словопроизводства. Но вотъ случайно попалась мнѣ въ руки, недавно вышедшая въ свѣтъ, книга почтеннаго Академика Грота подъ названіемъ: «Филологическія розысканія,» въ которой, между прочими статьями, содержится и пространное разсужденіе о происхожденіи слова «Кремль.» Въ семь изслѣдованія своемъ сочинитель употребляетъ всѣ возможные доказательства для убѣжденія читателя, что слово «Кремль» неопровержимо происходитъ отъ Псковскаго «Крома,» который, не какъ собственное, а уже, по его мнѣнію, какъ нарицательное имя означаетъ всякую крѣпость. Разсматривая внимательно это разсужденіе, признаюсь, я не могъ не удивиться нѣкоторымъ доказательствамъ сочинителя, на которыхъ онъ утверждаетъ свою тему, и которыя, по моему мнѣнію, отнюдь не столь сильны, чтобы убѣдить читателя. И вотъ причина побудившая меня разобрать подробно все это сочиненіе. Впрочемъ, я отнюдь не имѣю въ виду вступать въ споръ съ сочинителемъ касательно существованія во Псковѣ какой-то крѣпости

«Крома.» Я доказываю только то, что имя нашего «Кремля» не происходит от сего «Крома» и не имѣетъ ничего общаго ни съ нимъ и ни съ какими другими названіями городовъ, сколько ни будь подходящими къ нашему «Кремлю» по своему названію. Теперь прошу Васъ покорнѣйше прежде всего помѣстить выше сказанное письмо мое къ М. П. Погодину и съ его отвѣтомъ, на что я испросилъ его согласіе, потомъ мой критическій разборъ статьи сочинителя. Это необходимо по тому, что въ письмѣ моемъ выражено вполне мое мнѣніе, со всѣми необходимыми доказательствами касательно словопроизводства «Кремля.» А это и дастъ читателю возможность сравнить оба мнѣнія, мое и сочинителя, о происхожденіи сего слова и судить, на чьей сторонѣ находится болѣе вѣроятностей.

А. К.

Письмо къ издателю «Русскаго» о нѣкоторыхъ Греческихъ словахъ, вошедшихъ въ Русскій языкъ.

Въ одномъ изъ вашихъ листовъ былъ затронутъ вопросъ объ иностранныхъ словахъ, принятыхъ въ Русскій языкъ. Введеніе и употребленіе нѣкоторыхъ весьма справедливо въ этой статьѣ признано достойнымъ осужденія, какъ, на примѣръ, слово: «гармонировать.» Вѣроятно, нововводитель полагалъ, что такъ какъ есть слово «маршировать,» то можно, по аналогіи, ввести въ нашъ языкъ и слово гармонировать. Онъ, какъ видно, не понималъ разницы между словами, принятыми офиціально, и тѣми, которыя мы вводимъ сами. Но Богъ съ нимъ! Я хочу теперь поговорить о другомъ. Хочу представить на судъ вашъ нѣсколько Греческихъ словъ, давно уже въ нашемъ языкѣ получившихъ право гражданства, и просить вашего о нихъ мнѣнія, на примѣръ, относительно времени ихъ появленія, помѣщенія ихъ въ лексиконъ и пр., не отказываясь изяснить и собственное свое мнѣніе на счетъ времени ихъ водворенія въ языкъ нашъ.

Мнѣ кажется, что нѣкоторыя изъ нихъ вошли въ употребленіе уже давно, другія позднѣе. Само собой понятно, что у меня рѣчь не о словахъ научныхъ, или техническихъ, которыя получили, и доселѣ не перестаютъ получать, право гражданства во всѣхъ Европейскихъ языкахъ, а о тѣхъ, которыя употребляются въ общежитіи и сдѣлались у насъ совершенно народными.

Нѣкоторыя изъ этихъ словъ, какъ будто, по сходству звуковъ, указываютъ на происхожденіе Русскихъ словъ отъ Греческихъ. Такъ, на примѣръ слово въ лѣтописи, Нестора: «рогагія» нельзя производить

отъ рога, но несомнѣнно отъ Греческаго ἐργαλείον, и употребляемое въ общезитіи слово «золотка» несомнѣнно происходитъ не отъ «золы», а, вѣроятно, отъ Греческаго γάλλος, и пр. Но такія слова сомнительнаго происхожденія мы оставимъ. Обратимся къ менѣе сомнительнымъ.

Нѣтъ ничего удивительнаго, если принимаются иногда чужестранныя слова какихъ ни будь животныхъ, растеній и пр., съ которыми познакомили насъ, или научили насъ, надлежащимъ образомъ употреблять ихъ иностранцы. О животныхъ говорить здѣсь было бы излишнимъ, также и о растеніяхъ. Несомнѣнно въ этомъ случаѣ всякій лексикографъ упомянетъ, что, на примѣръ, «макъ» происходитъ отъ Греческаго μήκων, Дорич. μάκων, кардамонъ, заимствованъ съ Греческаго буквально и пр. Не удивительно также заимствование иностранныхъ словъ отъ какого ни будь художества, рукодѣлія, или промысла, введеніемъ коихъ въ наше отечествѣ мы обязаны чужестранцамъ. Такъ отъ Греческихъ иконописцевъ мы заимствовали слова (не говорю о самомъ словѣ икона): «вапы,» отъ βαφί; «алифа,» отъ ἀλοιφή, отъ промышленниковъ «известь,» ἄσβεστος, и др. тому подобныя, которыя не могу припомнить въ настоящее время. Βαμβάκι, отъ котораго, вѣроятно, заимствована наша «бумага,» есть хотя Новогреческаго происхожденія, но указываетъ, однако жъ, на древній корень βόμβυξ.

Но что сказать о двухъ словечкахъ, буквально заимствованныхъ у Грековъ, словечкахъ въ высокой степени классическихъ, по тому что едва ли есть какая ни будь комедія Аристофана, въ которой бы они не являлись на сцену? Мы не назовемъ ихъ, хотя въ нихъ и не заключается никакой противунравственной, или соблазнительной, мысли, и если что ими оскорбляется, то только одно изъ чувствъ, впрочемъ, не менѣе нѣжное и воспримчивое, какъ и чувство вкуса. Въ слѣдствіе какихъ же побудительныхъ причинъ они у насъ приняты? Въ слѣдствіе ли бѣдности языка нашего для выраженія подобныхъ понятій, или въ слѣдствіе деликатности и сохраненія чести своего языка, чтобы не возбудить непріятнаго чувства, если бы содержащаяся въ сихъ словахъ понятія были выражены языкомъ природнымъ?

Но вотъ слова, заимствованныя въ нашъ языкъ съ Греческаго, которыя въ особенности удивляютъ меня тѣмъ, что приняты безъ всякой нужды, когда для замѣны ихъ мы имѣли уже свои собственные, и по тому естественно иностранныя уже должны были принять буквально. Вотъ нѣсколько такихъ словъ: τέρεινον, теремъ; этому слову, кажется, довольно хорошо отвѣчало бы Церковно-Славянское горница Терема, сколько намъ извѣстно, устроивались въ этажахъ воз-

вышенныхъ; *κράβατος*, кровать, Слав. одръ, ложе; *φανάριον*, фонарь, Слав. свѣтильникъ; *φῶρ*, воръ, тать; *κῆλη*: для этого слова, кажется, довольно можно бы было найти подобозначащихъ въ языкѣ Русскомъ; *ὄξος*, уксусъ, но мы уже имѣли слово оцетъ. Въ Малороссіи и доселѣ еще употребляютъ это слово, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Правда, это слово также не Славянское: оно заимствовано съ Латинскаго *acetum*; но оно давно уже было принято и употребляется въ нашихъ священныя книгахъ. Наконецъ, *ἰγῶδη*, иготь, Русское ступа, толчая. Вотъ встрѣтившіяся мнѣ слова, но я увѣренъ, что найдется ихъ и болѣе. Что жъ сказать о нихъ? Когда вошли они въ языкъ Русскій? И какая нужда была вводить ихъ, когда мы имѣли свои собственные, равносильныя по значенію?

Кажется, бываютъ времена, когда извѣстныя иностранныя слова входятъ въ употребленіе или официально, или получаютъ начало въ образованнѣйшемъ обществѣ, какъ будто безсознательно, а такъ, въ слѣдствіе какой-то моды. Такъ при Петрѣ Великомъ были въ ходу слова: «викторія, аппликація, дедикація» и пр., надъ которыми теперь такъ подтруниваютъ наши Славянофилы, хотя въ то же время употребляютъ не только въ разговорномъ, но и въ письменномъ, языкѣ: «сюрпризы, браслеты, спичи,» и едва ли найдете теперь какого ни будь мѣщанина, который бы, закуривъ у васъ папиросу, не сказалъ вамъ: «Мерси!» Что же теперь скажутъ они о нашихъ предкахъ допетровскаго времени, которые, какъ видно, также слѣдуя модѣ, заимствовали слова у Грековъ, хотя имѣли для замѣны ихъ свои собственные? Впрочемъ, оставимъ этихъ господъ въ покоѣ, и обратимся къ нашему вопросу. въ какое время выше сказанныя слова явились въ языкъ нашемъ? Здѣсь я принимаю смѣлость предложить благосклонному вниманію вашему и указать словцо, которое, по моему мнѣнію, можетъ намъ указать время введенія сихъ и, вѣроятно, нѣкоторыхъ другихъ вовсе ненужныхъ Греческихъ словъ въ языкъ Великороссійскій. Это слово я нахожу въ нашемъ «Кремль.»

Исторія говоритъ намъ, что это слово получило начало при Калитѣ. И здѣсь я не могу скрыть моего удивленія, что Карамзинъ, нашедши въ одной рукописи того времени другое его названіе «кремникъ,» не усомнился допустить производство его отъ «кремня.» Какъ могъ, столь великій знатокъ Русскаго языка, столь великій критикъ, впасть въ такую ошибку? Ибо, 1) если бы это слово дѣйствительно происходило отъ «кремня,» то производное «кремникъ» утвердилось бы навсегда, въ чемъ нѣтъ никакого сомнѣнія; однако жъ, оно не оста-

лось въ этомъ видѣ, а перешло въ «кремль.» Есть ли между сими словами какое ни будь отношеніе? 2) Если это слово происходитъ отъ «кремня,» то что подало поводъ производить названіе этой горы, или возвышенности, отъ слова «кремень?» Можно бы было это допустить, если бы это была какая ни будь кремнистая гора; но можно ли это сказать о нашемъ «Кремль,» котораго почва вовсе не представляетъ ничего кремнистаго? Старожилы еще помнятъ, когда окраины этой возвышенности были выравниваемы и облагаемы дерномъ послѣ 1872 г. Забытъ ли кто ни будь здѣсь грунтъ сколько ни будь кремнистый? Можетъ быть и выкапывались здѣсь какіе ни будь кремешки, но столько же, сколько и во всякомъ другомъ мѣстѣ. Наконецъ, 3) не употреблено ли это слово въ переносномъ смыслѣ, и не означаетъ ли какое ни будь столь крѣпкое мѣсто, что оно подобно кремню по твердости своей почвы? Но въ такомъ случаѣ многія гористыя мѣста назывались бы у насъ «кремлями,» или «кремниками.» Но этого нѣтъ. Гора, на которой построенъ Кіевъ, далеко превосходитъ Московскую, и никогда не носила названія «Кремля.» И такъ это слово родилось въ Москвѣ. Вотъ первое, что намъ несомнѣнно извѣстно.

И такъ мое мнѣніе то, что названіе «Кремль» происходитъ отъ Греческ. слова *κρημνός*, что значитъ: крутизна, крутая гора, возвышающаяся или надъ оврагомъ, или надъ морскимъ и рѣчнымъ берегомъ, и потомъ вообще всякое гористое и возвышенное мѣстоположеніе. Въ Фотіевомъ лексиконѣ, ближайшемъ къ тому времени, сказано: *κρημνοί, ἐξέχοντες τόποι.*

Теперь, по аналогіи Русскаго языка, Греческое слово *κρημνός* должно въ своемъ окончаніи перейти въ «кримнъ» или «кремнъ;» ибо Греч. η, въ протяжномъ произношеніи сей буквы, легко переходитъ въ е, какъ древніе Греки, вѣроятно, ее и произносили. Но какъ окончаніе «м н ѣ» тяжело для Русскаго выговора, то вотъ по чему въ упомянутой лѣтописи оно выражено производнымъ словомъ «крѣмникъ;» очевидно, что удареніе писецъ удерживалъ на первомъ слогѣ, а не на послѣднемъ «кремнѣтъ,» какъ Карамзинъ несомнѣнно читалъ. Но, не смотря на то, правильное окончаніе удержалось. Тодько въ слѣдствіе требованій Русской евфоніи въ двухъ послѣднихъ буквахъ согласная *н*, смягчена замѣною согласной *л*, и въ этомъ видѣ утвердилось у насъ навсегда. Безъ сомнѣнія, никто не подумаетъ, что мы при Калитѣ не имѣли сношеній съ Греками. Послѣ Св. Петра Митрополита былъ преемникомъ его, при Калитѣ же, Грекъ Митрополитъ Θεογνωστός; нужъ почтенный и книжный, какъ видно изъ лѣтописей. Присово-

куплю еще одно замѣчаніе. Карамзинъ, утвердившись въ мнѣніи, что слово «кремль» происходитъ отъ «кремня», прибавляетъ: «и такъ это слово не есть Татарское.» Къ крайнему сожалѣнію моему, исторіографъ не назвалъ этого Татарскаго слова. По этому я и нахожусь принужденнымъ обратиться къ Вамъ, М. Г., какъ Русскому исторнику, съ просьбою указать намъ это Татарское слово. Не скрою отъ Васъ, М. Г., что если это Татарское слово по смыслу и формѣ сколько ни будь сходно съ предложеннымъ мною Греческимъ, то, по моему мнѣнію, скорѣй можно допустить названію нашего «Кремля» Татарское происхожденіе, нежели безсмысленное его производство отъ «кремня.»

И такъ изъ выше приведенныхъ примѣровъ Вы усмотрѣть изволите, сколько излишнихъ словъ (мною, конечно, вычислены не всѣ) принято въ нашъ языкъ изъ Греческаго языка, вѣроятно, только по тому, что они были приняты въ высшемъ обществѣ того времени. Самое время Калиты показываетъ, въ какихъ близкихъ сношеніяхъ мы были съ Греками. Если присоединимъ къ этому близкое время Юанна III, его бракосочетаніе съ Греческою Царевной, и ея придворное сопровожденіе, то вопросъ нашъ и рѣшается, по видимому, весьма удовлетворительно.

Честъ имѣю быть и пр.

А. К.

ОТВѢТЪ О СЛОВѢ КРЕМЛЬ.

Очень радъ побесѣдовать съ вами о вопросѣ, который занимаетъ меня давно, то есть, объ имени нашего славнаго «Кремля.»

Во первыхъ: буква *з* есть вставная и не принадлежитъ собственно слову; вставляется она по свойству нашего Великорусскаго нарѣчія, и Добровскій, отецъ Славянской грамматики, причисляетъ ее къ его отличительнымъ признакамъ; мы говоримъ: корабль, земля, поставленъ; вмѣсто корабль, земля, поставенъ, какъ говорится въ Западныхъ нарѣчіяхъ. За то сіи послѣднія вставляють, Богъ знаетъ по чему, въ другія слова *д*, и говорятъ: сядло, крыло, правилдло, молитися, вмѣсто нашихъ: сало, крыло, правило, молитися.

И такъ первоначальное имя звучало «Кремь.»

Во вторыхъ: имя «Кремля» встрѣчается въ первой разъ, по свидѣтельству Карамзина, въ 1331 году, то есть, въ княженіе перваго Московскаго Великаго Князя, Ивана Даниловича Калиты: «Погорѣ (въ 1331 году) Мая въ 3 день городъ «кремникъ» на Москвѣ.» Такъ ска-

зано въ Троицкой летописи, свидѣтельствуеъ Карамзинъ. Въ нынѣ, такъ называемой, Троицкой летописи, напечатанной при Суздальской, по Лаврентьевскому списку, этого извѣстія нѣтъ. Если эти слова принадлежатъ харатейному Троицкому списку, сгорѣвшему при Французѣхъ, то они тѣмъ важнѣе.

Желательно было бы имѣть собраніе всѣхъ мѣстъ изъ летописей и прочихъ источниковъ, по крайней мѣрѣ, старыхъ, хоть до XVI столѣтія, гдѣ употребляется слово «кремль,» или «кремь.» Я знаю только Псковскую летопись, изъ коей видно, что Псковъ имѣлъ свой «кромъ.» Вотъ первое, кажется, мѣсто по списку Бантышъ-Каменскаго:

«Въ лѣто 6901 (1393) заложиша Псковичи перши у «кремену» (въ Синодальномъ спискѣ у «крома») отѣну каменную.»

А прежде крѣпость звалась въ летописи обыкновенно «дѣтинцемъ,» на примѣръ подъ г. 1320: «Бысть пожаръ великъ въ Псковѣ... а дѣтинца Святая Троица ублюде.»

«Того же лѣта (1412) Псковичи мостъ... другой новыи нарядили надъ греблю на «кромъ» ко Святѣй Троицѣ.»

Подъ г. 1417: «Псковскіе посадники... другихъ наймитовъ—наяша, и поставиша костеръ (башню) на «крому» отъ Псковы.»

Подъ г. 1420: «Поставиша костеръ на «крому» отъ Псковѣ,» и проч.

Быль ли Псковскій «Кремь» подражаніемъ Московскому? Могу сказать только, что Митрополитъ Феогностъ, преемникъ Петра Митрополита, имѣлъ отношенія ко Пскову.

Если бы къ каждому ученому изданію прикладываемы были указатели, какъ-то дѣлается во всѣхъ литературахъ (гдѣ безъ указателя и стыдятся выпустить изданіе), то такіа справки не стоили бы никакого труда, но этого у насъ не соблюдается.

Разберемъ теперь показанія И. М. Снегирева въ его «Памятникахъ Московской древности.» «Кремлями» назывались не только многіе Великороссійскіе, но и прежніе Татарскіе города.»

Въ какомъ смыслѣ онъ употребляетъ здѣсь слово «городъ?» Какіе города Великороссійскіе и Татарскіе назывались «кремлями?»

«Какъ Таврида слыветъ «Крымомъ,» т. е., крѣпостью, по имени зѣмка, гдѣ жили Ханы, то и «Кремль» едва ли не однозначителенъ съ «Крымомъ.» И Нѣмецкіе и Польскіе писатели (какіе?), въ началѣ XVII

вѣка, называютъ эту часть Москвы «Крымгородомъ» (Krymgrod, Cria-gorod).»

«Съ этимъ именемъ и предметомъ сходны также «Крожны» — второй городъ въ Новгородѣ на Софійской сторонѣ, между первымъ и третьимъ.»

Я не помню этого названія въ Новгородскихъ летописяхъ. Справился теперь у Евгения и Красова, — и также не нашелъ:

«Съ ними сходенъ въ Вильнѣ древній замокъ или крѣпость «Krampu zamek», отъ «kram», лавка, и созвучно Средне-Латинское слово «crenellus», стѣнный зубецъ.»

Последнія слова должно считать, кажется, простыми созвучіями, и принимать ихъ въ соображенія не слѣдуетъ.

«Въ чертежѣ Москвы Царевича Феодора Годунова и избирательной грамотѣ Михаила Феодоровича на царство этотъ городъ, едва ли не въ первый разъ, названъ «Кремлемъ» (с. VI).

А упоминовеніе Троицкаго списка въ 1331 году?

Вотъ все, что я могъ второпяхъ найти въ отвѣтъ на ваше замѣчаніе, которое, заключаю, кажется мнѣ вѣроятнѣйшимъ.

Догадка ваша, за неизмѣнимъ лучшихъ, вѣроятна: «кремь» происходитъ отъ Греческаго слова «кримнос», что значить крутъ, крутизна, крутое мѣсто.

Кстати обращу ваше вниманіе на наши «Крутицы», которыя, слѣдовательно, представляютъ буквальный переводъ вашего Греческаго «кремля.»

Прибавить ли еще, что звукъ *кр* и въ Греческомъ словѣ «кримнос» и въ Русскомъ: «крутъ», есть одинъ и тотъ же?

М. П.

Представивъ письмо мое къ М. П. Погдину и съ его отвѣтомъ, теперь обращаюсь къ рассмотрѣнію выше сказаннаго изслѣдованія почтеннаго Академика о производствѣ слова «Кремль.» Въ самомъ началѣ своего сочиненія почтенный авторъ, сопоставляя слова «кромъ» и «кремль», дѣлаетъ вопросъ: «Не одного ли происхожденія эти два названія, столь близкія одно къ другому и по формѣ и по значенію?» По значенію мы еще не знаемъ, а сколь они различны по формѣ, то очевидно всякому при первомъ взглядѣ на самое ихъ начертаніе и на способъ ихъ произношенія. И такъ мы видимъ, что тема сочинителя состоитъ въ томъ, чтобы

доказать ихъ тожество относительно къ словопроизводству. Приступимъ къ разбору сихъ доказательствъ.

Прежде всего почтенный сочинитель обратился къ самому мѣсту рожденія «крема» и представилъ тѣ же слова изъ Псковской лѣтописи, которыя выписаны выше въ отвѣтѣ М. П. Погодина: «Въ лѣто 6901 (1393) заложилша Псковичи перси (у М. П. перши) у Крома (но по другимъ спискамъ и у «Крема») стѣну камену.» И потомъ прибавляетъ: «А что имя «кромъ» (но, конечно, и кремъ, по другимъ спискамъ) дѣйствительно употреблялось въ значеніи крѣпости вообще, доказывается однимъ мѣстомъ Синодальной Библии 1499 г. (1 Паралип. I, 7), гдѣ сказано: «Обиташе же Давидъ въ Крому. * Здѣсь слово «въ крому» соотвѣтствуетъ выраженію Вулгаты: «in agse.» Но слово «агх» (отъ Греч. *ἄκρος*) не только означаетъ крѣпость, но и гору, какъ это и видимъ въ 5-мъ стихѣ этой же главы, гдѣ то же слово «агх» употреблено о горѣ Сионской, на которой Давидъ и основалъ свой, такъ называемый, градъ Давидовъ (см. Словарь Кальмета), въ которомъ и жилъ. И такъ Латинскіе переводы здѣсь ни сколько намъ не помогаютъ. Нужно изъ самыхъ лѣтописей извлечь доказательства сего всеобщаго значенія слова «кромъ» въ смыслѣ крѣпости. Но лѣтописи не представляютъ намъ такихъ доказательствъ. Есть достаточныя свидѣтельства, что такія укрѣпленія назывались «лѣтинцами,» но чтобы назывались «кромами,» такихъ доказательствъ нѣтъ. И такъ я не понимаю, какая нужда была сочинителю обращать это слово въ имя нарицательное, когда мы знаемъ, что иногда и собственныя имена переносятся, по нѣкоторому сходству, съ одного предмета на другой, какъ, на пр., гора, на которой построенъ Нижній Новгородъ, въ устахъ всѣхъ жителей называется «Кремлемъ», отъ Московскаго «Кремля,» и остается такъ же собственнымъ именемъ. Но вотъ что удивительно: въ другомъ мѣстѣ той же Синодальной Библии (1 Ездры 6, 2), гдѣ говорится о какомъ-то дворцѣ царей Персидскихъ (въ нынѣшней печатной Библии употреблено здѣсь слово «палата,» въ Тремелевомъ переводѣ съ Еврейскаго «regia»), находящемся, по мнѣнію толкователей, въ крѣпости Екватанѣ, названо это мѣсто—кто бы ожидалъ этого?—словомъ «Кремль.» Что же теперь мы заключимъ изъ сихъ двухъ именъ, несходныхъ какъ въ произношеніи, такъ и въ начертаніи? Одно ли и то же они зна-

* См. замѣчаніе 1.

чать, или каждое изъ нихъ имѣеть свое особое значеніе? Обратимся прежде къ «крому.»

Такъ какъ въ первомъ выше указанномъ мѣстѣ Синодальной Библии самъ переводчикъ истолковалъ это слово въ выноскѣ, написавши Русскими буквами: «инъ арце, или въ вышегородцѣ,» то спрашивается: означаетъ ли этотъ вышегородецъ крѣпость, или только городокъ, устроенный на гористомъ мѣстѣ? Обратимся теперь къ другому мѣсту выше сказанной Библии, гдѣ употреблено слово «кремль.» Такъ какъ въ семъ мѣстѣ говорится о какомъ-то важномъ государственномъ актѣ, который, будучи отыскиваемъ во всемъ Персидскомъ царствѣ, наконецъ былъ найденъ въ Мидійскомъ городѣ Екватанѣ, въ находящемся тамъ царскомъ дворцѣ, который несомнѣнно составлялъ отдѣльное зданіе, то не вижу здѣсь никакого повода, чтобы разумѣть подъ симъ зданіемъ крѣпость. Отсюда очевидно, что переводчики въ названіи сихъ мѣсть употребляли слова по своему произволу и какъ кому вздумалось; по этому въ рѣшеніи нашей задачи ихъ переводы вовсе для насъ бесполезны. И такъ намъ ничего не остается, какъ искать значенія слова «кромъ» въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ мы въ первый разъ нашли его, т. е., во Псковѣ. Что оно тамъ значило? Почтенный сочинитель утверждаетъ, что такъ какъ «кромъ» есть имя нарицательное, означающее всякую крѣпость. вообще, то и во Псковѣ не могло имѣть другого значенія. Но это не доказано примѣрами. Даже городъ «Кромы,» по мнѣнію самого сочинителя, получилъ названіе отъ рѣчки «Кромъ.» Стало быть, это есть названіе случайное, особенное, собственное имя, и принадлежитъ, какъ и многія названія городовъ, къ терминамъ условнымъ, т. е., такимъ, которые, безъ указанія предмета, къ коему относятся, для насъ вовсе непонятны. Если бы это слово подлинно имѣло значеніе крѣпости, то при первомъ его произнесеніи оно было бы всякому понятно; а теперь оно понятно только тогда, когда прибавимъ, что этимъ именемъ называлась Псковская крѣпость. И Г. Ильинскій, сочинитель «Историческаго описанія города Пскова,» ни какъ не осмѣлился бы отнести этого слова къ какому-то хлѣбному магазину, а не крѣпости, если бы это слово было такое имя, которое означало бы всякую крѣпость. И такъ слово «кромъ» ни какъ не можетъ быть нарицательнымъ именемъ, такъ же, какъ и Московскій «Кремль.»

Не смотря, однако жъ, на это, почтенный сочинитель, желая всячески утвердить въ словѣ «кромъ» значеніе крѣпости вообще,

рѣшился собрать всѣ слова, простыя и сложныя, одного съ нимъ корня. Путь сомнительный, неблагонадежный и часто ложный! Вотъ, на примѣръ, коренное слово «кормъ»; но этотъ корень даетъ отъ себя двѣ отрасли, вовсе несходныя по своему значенію. Отъ одной отрасли сего корня происходятъ слова: «кормлю, кормилецъ», и многія сложныя; отъ другой слова: «корма, кормило, кормчій.» А сколько и такихъ словъ, которыя буквально сходны между собою, но различествуютъ по значенію, такъ что въ смыслѣ оказываются совершенно противоположными? Какъ, на примѣръ, «топить печь и топить въ водѣ,» если только первое не происходитъ отъ глагола «тѣплю, затеплю.» Касательно словъ сложныхъ съ предлогами не менѣе требуется вниманія: такъ отъ слова «затворяю» мы не имѣемъ простого «творяю;» * не знали бы такъ же, откуда происходитъ сложный глаголъ «предваряю,» если бы въ Церковно-Славянскомъ языкѣ не находился глаголъ «варяю.» И такъ надо твердо помнить, что между простыми словами есть слова, происходящія отъ одного корня, но различныя по значенію, и что между сложными много такихъ, коихъ простыя совершенно не извѣстны, или потеряны. Въ нашемъ языкѣ, даже въ древнихъ лѣтописяхъ, находится слово: «сажень.» Нельзя было бы производить это слово отъ глагола «сажать.» Такимъ образомъ производство этого слова оставалось для меня не извѣстнымъ, пока я не увидѣлъ надписи на Тмутараканскомъ камнѣ, на которомъ это слово начертано «сяжень,» а не «сажень. Тутъ мнѣ пришло на мысль, не было ли въ употребленіи когда ни будь первообразное слово «сязать,»* отъ коего теперь въ употребленіи составныя слова: «осязать, досязать и досягать,» причемъ я не могъ не вспомнить, что видалъ часто у крестьянъ, когда они, за недостаткомъ искусственной сажени, измѣряя дрова, поднимаютъ руку вверхъ, во всемъ ея протяженіи отъ плеча и до средняго пальца и отсюда, изъ многокритныхъ опытовъ узнаютъ,

---

* Оно и теперь еще въ употребленіи у простого народа: см. Словарь Русскаго языка, Далъ, гдѣ приведены и примѣры его употребленія: «Не сязаетъ сязь, кармака.» «Разумъ сязаетъ, да воля не владаеть,» и проч.; сязъ = Пол. *siąg*, сязокъ, — разстояніе, на какое можно сязнуть, шагнуть (*siąg* = *sáh* Чеш. и др., и шагъ, отъ шагать = сязати): «Ты отъ дѣла на вершокъ, а оно отъ тебя на сязокъ;» сязный; достижимый, доступный: «Когда сязный хлѣбъ будетъ, тогда и закушимъ.» ЦС. *siągnąć*, *extendere*; *siązati*, *attingere*, Пол. *siągnąć*, *sięgnąć*, *sięgać*, Сан. *sandz*, *adhaerere*, *affigere*; отсюда: сязать, Пол. *siążyć*, *siąg*. О. Б.

содержитъ ли кладка дровъ полную сажень. То же дѣлаютъ и въ измѣреніи поперечника сажени; только тогда протягиваютъ уже обѣ руки горизонтально, и такимъ образомъ испытываютъ, сколько достигли (достали) обѣ руки до той мѣры, изъ которой можно было бы заключить о надлежащей полнотѣ сажени. Есть ли вѣроятіе въ моемъ предположеніи, оставляю судить другимъ. Но вотъ еще примѣръ весьма, если можно такъ сказать, курьезнаго словопроизводства. Мы имѣемъ два слова, буквально сходныя между собою, но по значенію такъ далеко отстоящія одно отъ другого, какъ небо отъ земли. Эти два слова суть: «небо—сфера, окружающая землю,» и «небо во рту.» Всякій видитъ, сколь различны оба эти слова по значенію, и я думаю, что ни въ одномъ языкѣ не встрѣтите двухъ столь различныхъ предметовъ подъ однимъ и тѣмъ же именемъ. И, однако жъ, они принадлежатъ къ одному и тому же корню, и второе слово есть производное отъ перваго, по гдѣ? Въ языкѣ Греческомъ! Οὐρανός небо, и отъ него Οὐρανίσκος небо во рту. И такъ это послѣднее слово есть переводъ съ Греческаго! Хотя, для точнѣйшаго перевода, слѣдовало бы перевести его не «небомъ,» а уменьшительнымъ словомъ «небочко,» какъ и въ Греческомъ. Такъ наши предки не только буквально заимствовали слова изъ языка Греческаго, который теперь у насъ въ такомъ пренебреженіи, но даже, при недостаткѣ своихъ собственныхъ терминовъ, переводили ихъ съ Греческаго!

Теперь обратимся къ тѣмъ производнымъ словамъ отъ «крома,» которыя, какъ полагаютъ сочинитель, по самому значенію своему заключаютъ въ себѣ понятіе крѣпости, и тѣмъ ясно доказываютъ, что они происходятъ отъ «крома.» И вотъ эти дѣтки, надѣляющіе сего своего родителя, чѣмъ Богъ послалъ, по силѣ помощи, ко введенію его во владѣніе всеобщаго значенія всякой крѣпости. Я выставлю ихъ всѣхъ по порядку и съ опредѣленіями сочинителя, какъ его собственными, такъ и заимствованными у другихъ:

1. «Нарицательное имя «кромъ» до сихъ поръ не исчезло изъ языка, по крайней мѣрѣ, въ соединеніи съ предлогомъ за: «закромъ.» По словарю Даля, это слово означаетъ забранное досками мѣсто, въ видѣ неподвижнаго ларя.»

(И такъ есть два вида ларя, одинъ подвижный, другой неподвижный! Чѣмъ же они отличаются другъ отъ друга? Впрочемъ,

если дано мѣсто неподвижному, то чего бы уже стоило дать мѣстечко и подвижному? Вѣдь и другой забирается такъ же доскани, а это главное.)

2. «Рядомъ съ именемъ муж. р. «кромъ» есть еще имя женск. «крома», ломоть хлѣба во всю ковригу (по Далю), или и вообще толстый ломоть чего ни будь (по Акад. словарю).»

(Вотъ этотъ толстый ломоть хлѣба во всю ковригу очень бы шелъ къ дѣлу, если бы прибавить слова: «самаго черстваго.» Тогда бы это было подлинно нѣчто, похожее на крѣпость. Жаль, что лексикографы не прибавили этого слова. Но, конечно, имъ не было еще извѣстно происхожденіе этой «кромы» отъ «крома», который означаетъ какую угодно крѣпость, даже и крѣпость печенаго хлѣба.)

3. «И уменьшительное отъ кромы, «кромка», тотъ завершенный край матеріи, гдѣ нитка не высыпается, иногда же и просто край, койма и т. п.»

(Признаюсь, не понимаю, къ чему тутъ является «кромка» и ни какъ и понять не могу, что такое завершенный край какой ни будь крѣпости. Не сомнѣваюсь, что и всякій читатель раздѣлитъ здѣсь со мной мое недоумѣніе. Впрочемъ, какъ сюда же относится и глаголъ «кромить» (см. § 7), то прошу обратить вниманіе на то, что тамъ замѣчено мною.)

4. «Особенно любопытно записанное Востоковымъ (см. Церковно-Славянскій словарь его) старинное слово «кромьство» — внутренность.»

(Чѣмъ же это слово особенно любопытно? Тѣмъ, что крѣпость имѣетъ и внутренность, или тѣмъ, что устроивается внутри города? но это, кажется не всегда бываетъ. Извѣстно, что весь Парижъ обнесенъ крѣпостью. И такъ, здѣсь внутренность есть самый городъ, а крѣпость его внѣшность; стало быть, это слово можетъ относиться къ крѣпости въ особенныхъ частныхъ случаяхъ, вообще же ко всякой крѣпости вовсе не идетъ, и по тому вовсе не любопытно).

5. «Изъ предложныхъ именъ сего корня замѣтимъ: «укроміе», воздержаніе.»

(Какъ это слово, означающее воздержаніе, приложимо къ крѣпости, этого не пойметъ никто.)

6. «Между другими частями рѣчи того же происхожденія первое мѣсто принадлежитъ нарѣчію «кромѣ», которое собственно не что иное, какъ мѣстный падежъ имени «кромъ.» Встарину это нарѣчіе встрѣчалось еще въ формѣ «кромъ» (Словарь Востокова). Его значеніе было опрѣчь, внѣ, въ сторонѣ.»

(Да и теперь оно значитъ то же. Не уже ли почтенному сочинителю это не извѣстно?)

7. «Присоединимъ къ этому гл. «кромить»—отдѣлять, огораживать, «закромить», на пр., гряду (поставить кромки, обнести досками, чтобы не осыпалось. Даль).»

(Это слово, какъ означающее ограду, могло бы относиться къ крѣпости; но такъ какъ это огражденіе дѣлается только для того, чтобы гряда не осыпалась, то что же въ крѣпости можетъ находиться такое, для чего нужно было бы устроить эту самую крѣпость, чтобы это нѣчто не осыпалось? Не для того ли, чтобы пресѣчь солдатамъ случаи къ побѣгу?)

8. «И старинныя прилагательныя «кромный» и «кромѣшній»—внѣшній.»

(Этихъ словъ не слѣдовало бы отдѣлять отъ нарѣчія «кромѣ».)

9. «Укромный (уютный, въ Церковно-Славянскомъ воздержный).»

(Какъ эти слова относятся къ крѣпости, ни какъ не придумаешь.)

10. «И скромный,» (воздержный, въ самомъ себѣ замкнутый). Ср. Чешск. kromní, * частный.»

(Что такое крѣпость воздержная, замкнутая сама въ себѣ, частная, не понимаемъ.)

Вотъ тѣ производныя слова отъ «крома,» изъ которыхъ сочинитель составилъ слѣдующее опредѣленіе «крома» въ смыслѣ крѣпости. Изъ противоположности словъ: «кромство» (внутренность) и «кромѣ» (внѣ), «кромный» (внѣшній), слѣдуетъ, что понятіе внѣшности не есть присущее въ корнѣ слова, и что «кромъ» означаетъ

---

* Такого слова въ Чешскомъ языкѣ нѣтъ, сколько извѣстно то по словарямъ. О. В.

только нѣчто отдѣльное, само въ себѣ замкнутое, особо стоящее, а не именно наружное.» Постараемся угадать, что все это значитъ.

Прежде всего сочинитель хотя замѣтилъ, что внутреннее («кромѣство») и внѣшнее («кромѣ, кромный») противоположны одно другому, однако жъ не желалъ вовсе устранить это внѣшнее въ своемъ опредѣленіи, и рѣшилъ дать ему хотя маленькое мѣстечко, по чему и дополнилъ свое опредѣленіе слѣдующими словами: «Понятіе внѣшности придано производнымъ отъ «крома» (крѣпости) по отношенію содержанія его къ постороннимъ предметамъ.» Но скажите же намъ, какіе есть еще внутренніе посторонніе предметы, къ которымъ онъ относится? Воля ваша, а отъ прибавки этихъ словъ ваше опредѣленіе сдѣлалось еще темнѣе. Потомъ говорите, что понятіе внѣшности не есть присущее въ корнѣ слова. Но здѣсь вы противорѣчите сами себѣ: Вы сами принимаете слово «кромѣ» за мѣстный падежъ отъ «крома.» Если же оно столь близко къ крому, то между всѣми его производными, сему нарѣчію слѣдовало бы дать первое мѣсто. Да и всѣ другія слова, исключая «кромѣство,» не отвергають понятія внѣшности.

Но оставимъ сіи непонятныя намъ слова, и обратимся къ тѣмъ, которыя намъ понятны; вотъ они: «Кромѣ» означаетъ нѣчто отдѣльное, само въ себѣ замкнутое, особо стоящее, а не именно— (къ чему тутъ именно?) наружное.» Но если внутреннее, то какіе же это внутренніе предметы, къ которымъ «кромѣ» имѣетъ отношеніе? этого не сказано. Что жъ это за опредѣленіе, и сколько въ немъ погрѣшностей: 1) Противъ слога въ недостаткѣ ясности. 2) Противъ логики, которой требованія столь строги, что преступить ихъ значитъ нарушить законы самаго ума. Наука требуетъ, чтобы въ опредѣленіи не включалось ни болѣе, ни менѣе понятій, нежели сколько нужно для опредѣляемаго слова. Вы хотите доказать, что «кромѣ» означаетъ укрѣпленіе какого ни будь мѣста для защиты отъ непріятелей? Но въ ваше опредѣленіе, что это слово означаетъ нѣчто отдѣльное, особо стоящее, входятъ, вмѣстѣ съ крѣпостію, и домъ, и тюрьма, и сарай, и погребъ, и какое угодно особо стоящее зданіе. Если же это относится только къ предметамъ, находящимся внутри, то и къ сундуку, и шкафу, и другимъ предметамъ, находящимся внутри дома. Но не буду объ этомъ болѣе распространяться. 3) Наконецъ этому слову противорѣчитъ самая дѣйствительность и опытъ. Не уже ли мы допустимъ, что, на

примѣръ, крома хлѣба, кромка, замыкающая холста, закрома для ссыпая муки, произошли отъ «крома», означающаго крѣпость? Но эти предметы суть предметы самой первой необходимости, и имена ихъ были уже извѣстны въ деревняхъ и селахъ гораздо прежде, нежели Псковскіе граждане вздумали основать свою крѣпость. Что жь отсюда слѣдуетъ? То, что для этихъ словъ слово «крома» есть только корень или коренной слогъ, не имѣющій самъ по себѣ никакого смысла, какъ и многіе коренные слоги, или звуки, что всякому извѣстно. Вѣрная этимологія требуетъ, чтобы первообразное слово (не корень) было сходно съ своими производными не только по звукамъ, но и по значенію. Но изъ выше приведенныхъ сочинителемъ словъ не имѣетъ ни одно ни малѣйшаго отношенія къ крѣпости, хотя имѣетъ одинъ и тотъ же корень, не заключающій въ себѣ никакого смысла. И такъ слово «крома», данное Псковской крѣпости, родилось или случайно, какъ и многія имена городовъ, или заимствовано отъ какого ни будь другого зданія, или мѣстности, въ слѣдствіе какого ни будь сходства, какъ, на прим., отъ Московскаго «Кремля.» Какъ бы то ни было, только «крома» есть имя собственное, а отнюдь не нарицательное, какъ и «кремль.» Даже и нарицательное имя «холма» дѣлается уже собственнымъ, когда говорится объ извѣстномъ городѣ. Что же касается до этого метафизическаго «крома», придуманнаго почтеннымъ сочинителемъ, то онъ, конечно, принадлежитъ къ разряду тѣхъ крѣпостей, которыя называются по Французски *Châteaux en Espagne!*

Теперь, переходя къ слову «кремль» почтенный сочинитель говоритъ, что «поводъ къ сближенію обоихъ названій (т. е., «кремля и крома») заключается уже въ томъ, что самое слово «крома» въ Ермажиномъ спискѣ Псковской лѣтописи написано однажды «кремль.» Но мы видѣли въ выпискѣ М. П. Погодина, что и въ другихъ спискахъ употреблено это же слово. Далѣе, приурочивая свой «крома» къ нашему «кремнику» (другое названіе «кремля» только въ другой формѣ), онъ говоритъ (стр. 270): «Здѣсь кремникъ, кажется, есть не что иное, какъ видоизмѣненіе слова «крома», чрезъ измѣненіе прилагательнаго «кромный» или «кремный.» (Кому извѣстно значеніе сихъ прилагательныхъ? Но мы доверяемъ вполнѣ сочинителю), т. е., замкнутый въ себѣ, огороженный.» (Мы уже видѣли это опредѣленіе выше.) Это доказательство онъ подкрѣпляетъ еще ссылкою на слова П. М. Строева, который, въ своемъ Указателѣ, при «Выходахъ Царей», говоритъ, что въ выше упомянутой

Троицкой лѣтописи могло быть (написано и «кромникъ,» т. е., вмѣсто «кремникъ»). Ибо цитадель Псковская называлась «Кромъ.» Что хочеть дать намъ разумѣть въ сихъ словахъ своихъ почтенный Павелъ Михайловичъ? Не то ли, что писецъ Троицкой лѣтописи сдѣлалъ здѣсь ошибку, написавши «кремникъ» вмѣсто «кромникъ?» т. е., что писецъ могъ и соврать? Да, могъ и соврать, по тому что писцы часто и ввали; къ счастью, съ нашимъ писцомъ этого не случилось, и онъ въ этомъ мѣстѣ ни сколько не сдѣлалъ ошибки, написавши слово: кремникъ, 1) по тому, что ни какъ нельзя думать, чтобы онъ самъ выдумалъ это слово, а безъ всякаго сомнѣнія онъ слышалъ его и у другихъ; 2) по тому, что коренная гласная е сохранилась и въ другой формѣ сего слова «кремль», тождественной съ словомъ «кремникъ», по производству и значенію, какъ увидимъ послѣ; 3) такъ какъ изъ предложенной поправки Павла Михайловича («кромникъ» вмѣсто «кремникъ») нельзя не предполагать, что слово «кромъ» не только по имени, но и по значенію своему, столь же было извѣстно писцу, какъ и ему самому, то я удивляюсь, по чему бы этому писцу не внести прямо и безъ всякой перемѣны въ свою лѣтопись, это слово «кромъ», а превратить его, какъ по предположенію Павла Михайловича, ему слѣдовало сдѣлать, въ слово «кромникъ,» коего даже и въ самой Псковской лѣтописи нигдѣ не встрѣчается? Скорѣй можно было бы предположить, что этотъ умный и книжный писецъ, если бы написалъ слово «кромникъ,» то сдѣлалъ бы поправку ошибочно еще прежде его какимъ ни будь неискуснымъ писцомъ написаннаго слова «кремникъ,» какъ это сдѣлалъ въ наше время (къ сожалѣнію, позненько) Павелъ Михайловичъ. Но отсюда слѣдуетъ, что и слово «кремль» должно было бы обратить въ «кромъ.» И такъ слово, уже столько вѣковъ господствующее въ устахъ всего народа, слово, сдѣлавшееся для него священнымъ по великимъ воспоминаніямъ, произошло, по мнѣнію Павла Михайловича, отъ ошибки писца? Подумалъ ли онъ объ этомъ хорошенько? Здѣсь, къ великому удовольствію нашему, и почтенный сочинитель новѣйшаго изслѣдованія, хотя и одобряетъ главную мысль Павла Михайловича, однако жъ не во всемъ съ нимъ соглашается; вотъ слова его (стр. 270): «Слово «кремль,» по замѣчанію Г. Строева, въ нашихъ историческихъ актахъ встрѣчается не прежде временъ Ѳедора Ивановича: но слѣдуетъ ли изъ этого, что и въ пародѣ оно не употреблялось ранѣе? Доказательство, что оно было извѣстно и до указанной Г. Строевымъ эпохи, представляетъ опять Синодальная Библія 1499 Г. въ 1 Ез-

дры 6, 2, гдѣ имя «кремль» придано Екватанѣ. По всей вѣроятности, слово «кремникъ» было извѣстно народу, но позднѣе сократилось въ «Кремль», и уже эта форма вошла въ языкъ книжный.» Прекрасное замѣчаніе! Какъ мы за него благодарны почтенному сочинителю! Мы только несогласны въ томъ, что «кремникъ» произошло прежде «кремля», и думаемъ, что они произошли въ одно время, какъ увидимъ. Но что до того, которое изъ сихъ двухъ словъ произошло прежде, когда и то и другое служить яснымъ доказательствомъ, что ни одно изъ нихъ не происходитъ отъ слова «кромъ?» И такъ, чтобы доказать, что во Псковѣ дѣйствительно существовала какая-то крѣпость, которая называлась «кромомъ», нужно свидѣтельство самой исторіи. Если этотъ «кромъ» занялъ въ Псковѣ мѣсто бывшаго тамъ дѣтинца, то есть основаніе заключать, что онъ дѣйствительно былъ крѣпостію; и такъ надлежало отыскать его мѣсто и рѣшить вопросъ, по чему бывший дѣтинецъ получилъ новое имя: «кромъ?» и когда получилъ его? Наконецъ, не излишнимъ было бы почтенному изслѣдователю обратиться и къ древнему описанію осады Пскова Баторіемъ, и посмотрѣть, упоминается ли въ этомъ описаніи о «кромѣ», какъ о крѣпости. Если же нѣтъ, то это показываетъ, что въ концѣ XVI столѣтія имя «крома» уже исчезло. Карамзинъ, въ самомъ началѣ своего описанія сей осады, упоминаетъ о Кремлѣ Псковскомъ, среднемъ и большомъ городѣ, и пр., но ни въ своемъ описаніи, ни въ замѣчаніяхъ, нигдѣ не выставляетъ имени «крома.» И такъ въ это время «крома» уже не было во Псковѣ. Во вторыхъ, что еще для насъ важнѣе, доказать, что и нашъ «кремль» или «кремникъ» (мы разумѣемъ здѣсь самую мѣстность) еще въ самомъ началѣ былъ такою же крѣпостію для Москвы (ибо Москва уже существовала), только не имѣлъ имени ни Кремля, ни Кремника до устройства Псковскаго «Крома», отъ коего въ послѣдствіи и получилъ названіе «Кремля.» Но это нелѣпица! Если буквально слѣдовать лѣтописямъ, то мы этого не видимъ. Изъ перваго извѣстія лѣтописей: «Погорѣ въ 1331 г. городъ кремникъ на Москвѣ» (т. е., въ Москвѣ, какъ говорятъ иногда: «Съ Москвы,» вмѣсто «изъ, или отъ Москвы») это слово не можетъ означать крѣпости, а только одну отдѣльную часть всего города, какъ и теперь Москвичи употребляютъ это слово о рядахъ. Стѣною эта часть города обведена уже послѣ. И вотъ, въ подтвержденіе нашего мнѣнія, еще важнѣйшее свидѣтельство, приведенное Карамзинымъ изъ лѣтописей (т. е., изъ нѣсколькихъ, и такъ вполне достовѣрное): «Ноября 25 (1339 г.) заложенъ градъ

Москва, дубовый, а кончалась на весну въ великое говѣнье.» И такъ, вотъ когда, и уже восемь лѣтъ спустя послѣ пожара кремника, обведена дубовая стѣна, и не около одного Кремля, но и около всего города. Несомнѣнно, тогда городъ былъ очень великъ и, слѣдовательно, легко было заключить въ одну стѣну и всю прилежащую часть къ Кремлю; но какое пространство обнимала эта стѣна, намъ не извѣстно. Но и такую стѣну, окружающую весь городъ, можно ли назвать цитаделью, оставлемъ судить другимъ.

Далѣе, настаивая на томъ, что слово «Кремль» означаетъ крѣпость, авторъ говорить (стр. 271): «Впрочемъ, это, или подобозвучное имя въ значеніи крѣпости, было извѣстно не однимъ Русскимъ, а и другимъ Славянамъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ, какъ видно изъ слѣдующаго стиха народной Хорутанской пѣсни:

«Oj ti preljuba kremliza, ki si naša braniza.»

Но здѣсь слѣдовало бы сказать, къ какому городу, или крѣпости, относится слово «кремлица.» Сюда же, по словамъ сочинителя, относится, вѣроятно, и названіе древней Венгерской крѣпости Kremnitz (Кремница — кремникъ). Потомъ присоединяетъ къ сему еще и названія многихъ древнихъ городовъ Русскихъ и селеній, какъ то: «Кременецъ, Кременчугъ, Кременскъ, Кремлево» (селеніе) * и другіе, которыя мы здѣсь опускаемъ. и утверждаетъ, что и въ этихъ именахъ основное понятіе есть именно то, которое заключается въ словѣ «кромъ», т. е., понятіе мѣста огороженнаго, обнесеннаго стѣнами. Но здѣсь сочинитель противорѣчитъ самому себѣ; въ выше приведенномъ общемъ опредѣленіи слова «кромъ» онъ сказалъ, что оно означаетъ въ себѣ нѣчто особо стоящее и пр., а не именно наружное. Но стѣна есть именно нѣчто наружное. По этому городъ, обнесенный стѣною, будетъ въ одно и тоже время нѣчто и не именно наружное и именно наружное. Но мы охотно извиняемъ это въ почтенномъ сочинителѣ. Въ такихъ отвлеченныхъ, метафизическихъ, опредѣленіяхъ иногда впадали въ противорѣчія и великіе философы, а по тому обратимъ теперь вниманіе на послѣднее и важнѣйшее

* Но гораздо вѣроятнѣе, что эти слова происходятъ отъ кремни. При томъ еще остается вопросъ; точно ли города подъ сими названіями были и крѣпости?

доказательство сочинителя, на которомъ онъ утверждаетъ свою тему. И такъ:

«Чтобы убѣдиться, говорить онъ, въ этимологическомъ родствѣ «Кремля» съ «Кромомъ,» надобно разсмотрѣть первое изъ этихъ словъ: 1) со стороны его значенія, и 2) со стороны его формы.» Этотъ пунктъ такъ важенъ, что, какъ мнѣ кажется, съ него бы слѣдовало и начать почтенному сочинителю свое изслѣдованіе, чѣмъ терять время въ прискиваніи словъ, вовсе не подходящихъ къ дѣлу.

И такъ, для опредѣленія значенія сего слова, почтенный сочинитель приводитъ слѣдующія слова: 1) «Кремь,» которое, по Академическому словарю, означаетъ ту часть засѣки, гдѣ растетъ лучший строевой лѣсъ; слѣдовательно, по словамъ сочинителя, нѣчто выдѣляющееся изъ цѣлага; 2) «кремлевое дерево,» которое растетъ на краю лѣса, крѣпкое, здоровое, по словарю Даля, и 3) «кремлевникъ,» хвойный лѣсъ на болотистомъ мѣстѣ, по словарю областному. Къ чему все это, не понимаю. Или къ тому, чтобы доказать, что нашъ «Кремль» есть нѣчто выдѣляющееся изъ цѣлаго? Положимъ такъ, но все, однако жъ, онъ не на краю города и не на болотѣ.

Касательно формы сего слова, почтенный сочинитель говоритъ, что, «для удостовѣренія въ возможности его родства съ именемъ «кромъ,» стоитъ только припомнить, какъ часто въ Славянскихъ нарѣчіяхъ одни и тѣ же слова, или слова одного корня, принимаютъ въ помощь, при своемъ образованіи то *o*, то *e*, на пр., моръ—смерть, воля—велѣть, и пр. Неправда! Эти слова не одного и того же значенія, хотя и одного корня; воля есть *θέλημα*, *voluntas*, желаніе, откуда и глаголь: «изволити» выражается въ Греческомъ еще и другими словами: изволися и мнѣ, *ἔδοξε ἡμῶν*, и др., близкими по значенію; но «велѣть» имѣетъ другое значеніе, Греч. *κελεύω* или, какъ еще въ Св. Писаніи *προστάσσω*. «Дѣлать» же, по моему мнѣнію, не происходитъ отъ доля, но на оборотъ, отъ дѣлать—доля. И «смерть» не происходитъ отъ моръ, который имѣетъ свое производное морить, а смерть происходитъ отъ неупотребительнаго «мереть—умереть;» и такъ слово «моръ» есть, какъ говорятъ грамматики, слово дѣйствительнаго значенія (*significatio activa*); а «смерть» имѣетъ значеніе страдательное (*sign. passiva* или *media*), то чю такъ же содержатся между собою и слова «звонить» и «звенѣть,» такъ же и дѣлать означаетъ дѣйствіе, а доля то, что отдѣлено. И такъ сія произ-

водныя тогда только измѣняютъ гласную своего корня, когда измѣняютъ свое значеніе, впрочемъ же обыкновенно ее удерживаютъ, какъ гроза—грозить, молотъ—молотить. Но, можетъ быть, есть и исключенія; но къ чему же здѣсь всѣ сіи, измѣняющія коренную букву, производныя слова? Всякій подумаетъ, что сочинитель желаетъ доказать, что и нашъ «Кремль» есть слово производное отъ слова «кромь,» а не коренное, самостоятельное. Но этого доказать нельзя никакимъ образомъ, основываясь на перемѣнѣ только одной коренной гласной и видя, что каждое изъ нихъ (и въ особенности «Кремль») имѣютъ свои собственныя производныя, удерживающія гласную каждое своего кореннаго слова. Но и самъ сочинитель не выразился объ этомъ рѣшительно, и по тому присовокупляетъ, какъ употребленіе всѣмъ извѣстное, что есть слова, которыя въ одномъ Славянскомъ нарѣчій являются съ *o*, а въ другомъ съ *e*, на пр.: осень, озеро, олень—есень, езеро, елень, и пр. Т. е., по его мнѣнію, и слово «кромь» такъ произносимое во Псковѣ, произносилось въ Москвѣ какъ «кремь» (для евфоніи «кремль»). Это идетъ къ дѣлу хотя этимъ оно еще не рѣшается, по тому что, въ силу сего положенія и «кремь» или «кремль» имѣетъ столько же правъ на первенство, какъ и «кромь,» и еще не рѣшено, который изъ нихъ долженъ уступить свое мѣсто другому. И, однако жъ, изъ всего того, что было доселѣ высказано, вышло слѣдствіе противное. А именно: вдругъ, не извѣстно, по чему и откуда, родилась у сочинителя мысль доказать, но не то, чего мы ожидали, т. е., что «кремль» и «кромь» суть одно и то же слово, разнящееся только въ областномъ произношеніи. Нѣтъ: сочинитель рѣшился положительно утверждать, что «кремль» отнюдь не есть такое же коренное, самостоятельное, слово, какъ «кромь,» а отъ него производное и, стало бытъ, ему подчиненное. А чтобы рѣшить это дѣло безъ всякихъ околичностей, безъ всякихъ доказательствъ, однимъ разомъ, онъ выражаетъ мысль свою въ слѣдующемъ прирѣрѣ: «Кремль»—по причинѣ вставочной буквы *л*, относится къ «крому» точно такъ же, какъ «граждь» (Черк.-Слав., огражденіе) къ «граду.» И сими словами оканчиваетъ свое изслѣдованіе. Что же мы заключимъ изъ этихъ словъ? Намъ ничего не остается, кромѣ удивленія, въ разсужденіи способа, употребленнаго сочинителемъ для сего новаго производства «кремля» отъ «крома.» Намъ казалось, что сочинитель истощилъ уже весь свой запасъ словъ производныхъ отъ «крома», начиная отъ закрома и до тмы кромѣшней, и, однако жъ, онъ придумалъ еще какой-то новый способъ для доказательства происхожденія

«кремля» отъ «крома» въ одноиъ какомъ-то, вовсе не подходящемъ сюда, примѣрѣ. «Кремль», по его словамъ, происходитъ отъ «крома,» какъ «граждь» отъ «града.» Но не уже ли онъ не примѣтилъ, что производное «граждь» удерживаетъ коренную букву своего первообразаго, а «кремль» и «кремникъ» имѣютъ свою коренную въ гласной *e*? И такъ, примѣръ, приведенный сочинителемъ, по формѣ своей, вовсе не идетъ сюда.

Теперь рассмотримъ его относительно содержанія. Самъ сочинитель говоритъ, что хотя «граждь» и происходитъ отъ града, однако жъ значить огражденіе, ограда, а отнюдь не самый городъ, такъ что городъ можетъ быть и безъ оградъ, и ограда можетъ принадлежать и всякой мѣстности. Теперь спрашивается: въ какомъ же отношеніи будетъ «кремль»-къ своему родителю «крому?» и что онъ будетъ значить? Если «граждь,» производное отъ «града», не имѣетъ, однако жъ, значенія города, то и «кремль,» производное отъ «крома,» не должно имѣть значенія крѣпости, какъ производное отъ «крома,» въ силу указанного примѣра. И такъ, если мы теперь спросимъ сочинителя: что же значить нашъ «Кремль,» то не сомнѣваемся, что онъ, сравнивая свой примѣръ, какъ отнюдь не приложимый къ производству «Кремля,» необходимо станетъ въ тупикъ и не найдетъ, что отвѣчать намъ. Если же будетъ настаивать на томъ, что «кремль» такъ же означаетъ крѣпость, то мы скажемъ ему: выкиньте же вашъ примѣръ, который ни по формѣ, ни по содержанію, здѣсь мѣста имѣть не можетъ. И такъ, чтобы доказать, что «кремль» происходитъ отъ «крома» сочинителю нѣтъ другого средства, какъ только доказать, что «кремль» есть тотъ же «кромъ» и значить такъ же крѣпость, только измѣнившій въ *e* коренную букву *o*, въ слѣдствіе областного Московскаго выговора. Другого средства нѣтъ. И такъ пусть попытается. Что же касается до выше приведеннаго сочинителемъ примѣра, то всякій знаетъ, что и здѣсь требованія науки столь же строги, какъ и въ составленіи опредѣленій. И здѣсь требуется, чтобы сравниваемые предметы въ содержаніи и формѣ были сходны совершенно во всѣхъ частяхъ своихъ. Если же примѣръ, предложенный для сравненія, не включаетъ въ себя всего того, что требуется наукою для полнаго и совершеннаго сходства съ сравниваемымъ предметомъ, то такой примѣръ никуда не годится.

Теперь я попрошу позволенія у почтеннаго сочинителя обратиться къ нему съ слѣдующими словами: Если уже Вы столько бы-

ли убеждены въ вѣрности и силѣ сего послѣдняго вашего доказательства, что считаете его почти неопровержимымъ, то къ чему употребили столько излишнихъ розысканій, вовсе не идущихъ къ дѣлу? Сначала вы стали прискивать слова первообразныя и производныя, которыя въ корнѣ имѣютъ слово «кромъ», но для чего? Для того, чтобы изъ нихъ вывести, что «кромъ» означаетъ крѣпость? Но положимъ, что слово «кромъ», значащее крѣпость, вмѣстѣ съ крѣпостію, совершенно исчезли изъ памяти людей: какимъ же образомъ изъ «кромы, кромки, закрома» вы вывели бы, что коренное слово «кромъ» означаетъ крѣпость тогда, когда бы крѣпости, называемой «кромомъ» вовсе не существовало? откуда бы вы узнали, что коренной слогъ «кромъ» означаетъ крѣпость? Изъ этихъ производныхъ? Но кто же бы согласился съ вами? Всякій сказалъ бы: «Укажите же намъ такую крѣпость!» Если это такъ, то и коренному слову боръ мы могли бы сообщить значеніе крѣпости, по тому что отъ сего же корня происходитъ и «заборъ», ограда, а слѣдовательно, какъ явствуетъ изъ вашего опредѣленія, и крѣпость, такъ же и «забрало» шлема, и «забрала», зубцы на городскихъ стѣнахъ. Впрочемъ, это послѣднее значеніе есть только мое предположеніе. И такъ трудъ вашъ въ присканіи сихъ созвучныхъ словъ былъ напрасный. Всѣ они суть условныя, или происходящія отъ другихъ именъ такъ же условныхъ, коихъ значенія опредѣлить нельзя безъ указанія предмета, къ коему они относятся. По тому для доказательства, что во Псковѣ существовала крѣпость съ собственнымъ именемъ «кромъ», вы должны были утвердиться на однихъ памятникахъ.

Потомъ приступаете къ присканію словъ производныхъ отъ «кремля» и, Боже мой! какое оказывается ихъ богатство, и при томъ шѣстныхъ, относящихся къ городамъ и селеніямъ, и не только у насъ, но и у народовъ, живущихъ отъ насъ къ югу, какъ «Kremli-za, Kremnitz», не говорю о городахъ нашихъ, тогда какъ для «крома» остается одинъ только городокъ «Кромы», такъ что, кажется, Псковскій «Кромъ» съ поникшей головой долженъ скорѣе обратиться къ «Кремлю» и признать его своимъ родителемъ. Но это пока въ сторону. Впрочемъ, «кремль» ни какъ не можетъ быть производнымъ отъ «крома» уже и по тому, что производныя имена отъ именъ собственныхъ никогда не измѣняютъ коренной гласной своего первообразнаго, на примѣръ: отъ Москвы никогда нельзя произвести «Месквичъ», или «Мескаль», какъ отъ «Пскова» Пскевитя-

нинъ. По этому и «кремль» если бы происходилъ отъ «крома,» то долженъ былъ бы обратиться въ «кромль,» а не въ «кремль.»

Наконецъ, вы привели въ примѣръ нѣсколько первообразныхъ именъ общихъ, отъ коихъ производныя измѣняютъ коренное *o* въ *e*. Но сами же вы сказали, что это слова глагольнаго корня. Не знаю, что вы подъ этимъ разумѣете, но очевидно, чего это происходитъ только въ слѣдствіе перемѣны въ значеніи, чего съ производными отъ именъ собственныхъ никогда не можетъ случиться. Но и этимъ производнымъ весьма безпристрастно и благоразумно вы противопоставили имена, измѣняющія коренную букву только въ слѣдствіе особеннаго областнаго произношенія. Жаль, что на этомъ не остановились, а рѣшились однимъ ударомъ разсѣчь Гордіевъ узелъ, для разрѣшенія коего вы сдѣлали столько неудачныхъ попытокъ.

Обращаюсь къ моему словопроизводству. Не нужно повторять того, что о семъ словѣ сказано мною выше. Я хочу только къ высказанному уже выше мною производству сего слова присовокупить нѣсколько грамматическихъ подробностей относительно произношенія и начертанія сего слова. И такъ, въ мечтахъ моихъ, я воображаю, что нѣкоторый именитый Греческій гость изъ Царяграда пріѣхалъ посѣтить юную столицу единовѣрнаго Князя. Князь приглашаетъ гостя къ себѣ, роскошно угощаетъ его, и потомъ ведетъ его съ собой прогуляться по окраинѣ горы, возвышающейся надъ рѣкою, гдѣ спрашиваетъ: какъ такое мѣсто называется по Гречески? Гость отвѣчаетъ: *κρημνός*. Спрашивается, въ какихъ звукахъ перешло это слово къ слуху Князя и его окружающихъ? Здѣсь я по необходимости долженъ обратиться къ ученому Экономиду. Его изслѣдованіе «*Περὶ τῆς γυναικίας προφορᾶς τῆς Ἑλληνικῆς γλώσσης*» исполнено столь великой учености и начтванности, что едва ли можно найти какое ни будь другое сочиненіе въ семъ родѣ, которое бы можно было поставить на ряду съ симъ превосходнымъ произведеніемъ. Этотъ ученый, основываясь на словахъ Діонсіа Галикарнаскаго, говоритъ (стр. 119), что у древнихъ Еллиновъ гласная *η* не произносилась ни какъ чистое едсилонъ (*ε*), ни какъ чистое іота (*ι*), а какъ нѣчто среднее между ними. Впрочемъ, извѣстно, что Латянцы, въ выраженіи Греческихъ словъ, всегда слышали въ Греч. *η* звукъ своей гласной *e*, какъ преобладающій: *Iesus, Demetrius*. Теперь, хотя прошло уже болѣе пяти вѣковъ со времени воображаемой мною бесѣды гостя

съ Кляземъ, и хотя произношеніе словъ, въ продолженіе многихъ вѣковъ, можетъ и измѣняться, однако жъ намъ любопытно знать, какъ Греки нашего времени произносятъ сію гласную букву. На этотъ вопросъ тотъ же ученый, хотя сторонникъ и защитникъ Рейхлинновскаго произношенія, отвѣчаетъ намъ, что и нынѣшніе Греки не произносятъ сей гласной, какъ чистое іота (ι), а гораздо ближе въ ея произношеніи подходятъ къ Русскому ѣ, при чемъ и выставляетъ въ примѣръ нѣкоторыя слова, между коими, по счастливой случайности, помѣщено и слово *κρημνός*. Мы, въ своей азбукѣ, имѣемъ двѣ чистыя или ясныя буквы, и и е, и двѣ, соотвѣтствующія имъ, грубыя или тупыя, ѣ и обратное э. Теперь произнесите Греческое *κρημνός* какъ Русское «крьминность», и вы увидите, какъ легко въ такомъ произношеніи грубое ѣ сольется съ грубымъ э, такъ что, произнесете ли «крьминность» или «крьминность», въ выговорѣ не найдете почти ни малѣйшаго различія. Если же въ такомъ сомнительномъ произношеніи мы отдали предпочтеніе гласной е предъ гласной и, то это еще и по тому, что грубая гласная ѣ подходитъ ближе къ е, нежели къ и. И такъ слово «крьминность» перешло и къ намъ въ Москву, только уже не въ смыслѣ нарицательнаго, а собственнаго, имени. Въ этомъ случаѣ необходимо было его обрусить, т. е., перелить въ Русскую форму. Но всѣ Греческія имена на ος съ предшествующею согласною у насъ теряютъ этотъ послѣдній слогъ и замѣняютъ его грубымъ окончаніемъ на букву з: *Ἀλέξανδρος*, Александръ. И такъ изъ нашего «крьминоса» выйдетъ «крьминъ.» Но слово, оканчивающееся двумя нѣмыми буквами для нашего органа не удобо произносимо, и вотъ какимъ образомъ буква л вытѣснила букву н и грубый звукъ з превратила въ мягкій ѣ. Здѣсь очень можно предположить, что нѣкоторые книжные люди, желая сохранить обѣ нѣмыя согласныя, придумали для «Кремля» и другую форму; а какъ для этого потребна была, для яснаго произношенія двухъ нѣмыхъ, какая ни будь слѣдующая за ними гласная, съ окончаніемъ муж. рода, то самую нужнѣйшую и приличнѣйшую для сего представлялась гласная и. И вотъ какимъ образомъ произошло и другое названіе «Кремля.» «крѣмникъ», конечно, съ удареніемъ на первомъ слогѣ.

Не выйдетъ изъ ряда вѣроятностей и то предположеніе, если мы допустимъ и третью форму «Кремля», происшедшую изъ грубаго деревенскаго произношенія, изъ коего и въ избранномъ обществѣ утвердился въ нѣкоторыхъ словахъ грубый звукъ о вмѣ-

сто мягкаго е, какъ это мы и видимъ въ словахъ: озеро, олень, дрова, да и нынѣ у деревенскихъ жителей слышимъ попель вмѣсто пепель, могомъ вмѣсто можемъ, и въ собственныхъ именахъ: Олена, Овдотья, Пологея и проч. Такимъ образомъ «кремъ» (изъ «кремнѣ» или «кремль») въ устахъ деревенскаго жителя могъ обратиться въ «кромъ.» И эта простонародная форма «Кремля» перешла и къ Псковскимъ жителямъ, откуда вошла и въ лѣтописи. Если же это справедливо, то мѣсто Псковскаго «крема» должно отыскивать на какой ни будь крутой возвышенности. По видимому, и въ некоторыхъ книжнымъ людямъ это простонародное слово не казалось противнымъ въ началѣ. Два выше приведенные примѣра изъ рукописной Библии, изъ коихъ въ одномъ это слово употреблено, по видимому, о дворцѣ Давыда, основанномъ на горѣ Сионской, тогда какъ въ другомъ, въ которомъ такъ же, кажется, * говорится о дворцѣ царей Персидскихъ, находящемся въ Екватанѣ, употреблено слово «кремль,» два сѣ мѣста служатъ доказательствомъ, что и это послѣднее предположеніе, если не болѣе, то уже ни какъ не менѣе, заслуживаетъ вѣроятія, какъ и предположеніе происхожденія «кремля» отъ «крема.»

Мнѣ кажется, что почтенный сочинитель сдѣлалъ важную ошибку, принявъ имя «кромъ» за нарицательное, а не за собственное. Вѣдь и собственное имя можетъ быть, по какому ни будь сходству, перенесено отъ одного мѣста на другое. Такъ Московское названіе «Кремля» перенесено и къ гористому мѣсту Нижняго Новгорода. И тамъ остается такимъ же собственнымъ именемъ, какъ и въ Москвѣ. Такъ и «кромъ,» означающій крѣпость во Псковѣ, есть имя собственное, произошло ли оно случайно, какъ и имена многихъ городовъ, или заимствовано отъ Московскаго «Кремля,» оно все будетъ именемъ собственнымъ. И такъ, чтобы обратиться это имя въ нарицательное, т. е., въ имя всякой крѣпости вообще, нужно ли было прибѣгать къ словамъ: «крема» (ломоть хлѣба), «кромка» (крайняя нитка въ концѣ холста), «закромъ» (ящикъ для ссыпанія муки)? Но эти слова, какъ мы уже сказали выше, какъ относящіяся къ самымъ первымъ потребностямъ нашей жизни,

* Переводы сихъ Библейскихъ мѣстъ столь разнятся между собою, что сравнивая ихъ, нельзя составить себѣ яснаго понятія, о какомъ мѣстѣ здѣсь говорится, если не составимъ своего собственнаго, какое только покажется намъ вѣроятнѣйшимъ.

родились прежде, и уже употреблялись въ деревняхъ прежде нежели была основана во Псковѣ крѣпость, названная «Кромомъ.» Какимъ же образомъ первообразное слово явилось послѣ своихъ производныхъ? И вотъ по чему почтенный сочинитель принужденъ былъ наконецъ прибѣгнуть къ какому-то метафизическому опредѣленію слова «кромъ,» и отыскивать его значеніе въ такихъ словахъ, которыя сами по себѣ имѣли уже опредѣленный смыслъ, для утвержденія коего ни въ какомъ постороннемъ словѣ не имѣли никакой нужды. Не уже ли «кромка» не будетъ имѣть своего значенія, если не отыщемъ его въ «кромѣ», означающемъ крѣпость? Я думаю, что и «кромъ», если бы былъ имя нарицательное, означающее, крѣпость, тоже не нуждался бы въ «кромкѣ,» чтобы утвердить свое значеніе. А какъ этого сдѣлать было нельзя, то и вышло то темное опредѣленіе, которое мы привели выше т. е., что слово «кромъ» означаетъ только нѣчто отдѣльное, само въ себѣ замкнутое, особо стоящее, а не именно наружное.» Присовокупимъ и другое сего же слова опредѣленіе, которое и еще темнѣе. «Изъ положенія Псковскаго «крома,» говорить сочинитель, наши лексикологи заключили, что «кромъ» значитъ «внѣшнее городовое укрѣпленіе.» Но это трудно доказать даже съ помощію нарѣчія «кромѣ.» Въ основаніи его лежитъ, конечно, понятіе исключенія, пожалуй, сторонности, внѣшности, но только въ такомъ смыслѣ, что все, заключающееся въ «кромѣ», будетъ находиться внѣ прочаго.» Что это такое? Скажемъ такъ: «Въ такомъ-то домѣ находятся многія вещи, но хотя онѣ и заключаются внутри дома, однако же онѣ находятся внѣ прочаго.» Но чего же прочаго? Кто пойметъ, что это значитъ? Я, признаюсь, не понимаю, и не могу довольно удивиться, какая была нужда почтенному сочинителю въ такомъ всеобщемъ опредѣленіи слова «кромъ,» изъ котораго можно такъ же вывести и хлѣбный магазинъ Ильинскаго, сочинителя «Историческаго описанія города Пскова,» и всякое, какое угодно, зданіе? Но чтобы и названіе «Кремля» происходило такъ же отъ «крома,» хотя бы «Кремль» былъ и такою же крѣпостію, сего доказать нельзя никакимъ образомъ, по тому именно, что ни кто не можетъ доказать, что корни «кромъ» и «кремъ» тождественны. Не спорю, что какое ни будь имя можетъ быть и испорчено въ областномъ его произношеніи. По этому, чтобы доказать, что слово «кромъ» есть первообразное производнаго слова «кремль,» нужно напередъ положительно доказать, что послѣднее слово есть тотъ же «кромъ,» только испорченный въ област-

номъ выговорѣ. Но сего нельзя доказать никакимъ образомъ. Не знаемъ достоверно, когда слово «кромъ» во Псковѣ замѣнило мѣсто прежняго «дѣтница» (крѣпости); но въ лѣтописи оно упоминается уже шестьдесятъ лѣтъ спустя послѣ Московскаго «кремника,» или «кремля.»

И такъ я отнюдь не намѣренъ вступать въ споръ съ сочинителемъ, и не отвергаю, что Псковскій «кромъ» есть имя собственное, данное Псковской крѣпости, заимствовано ли оно отъ какого ни будь другого подобнаго зданія, или случайно такъ названное, какъ и имена многихъ мѣстъ и городовъ неизвѣстнаго происхожденія. Мое намѣреніе было только доказать, что имя Московскаго «Кремля» отнюдь не заимствовано отъ Псковскаго «крома,» который давно уже исчезъ съ лица земли и на словахъ и на дѣлѣ, и теперь служить только предметомъ бесплодныхъ изслѣдованій, тогда какъ Московскій «Кремль» существуетъ и доселѣ, и сохраняетъ свое имя, заимствованное отъ языка богатѣйшаго, образованнѣйшаго и великолѣпнѣйшаго въ свѣтѣ. Да сохраняетъ же онъ это священное для всѣхъ Русскихъ имя! Да существуетъ долго, долго!... и да пребудетъ всегда несокрушимымъ щитомъ Россіи и карою для враговъ ея!

Алексѣй Кубаревъ.

ЗАМЪЧАНІЯ.

ЗАМЪЧАНІЕ 1.

Сочинитель говоритъ, что указаніемъ сего мѣста изъ Синодальной Библии онъ обязанъ Изм. Ив. Срезневскому. Здѣсь нельзя не вздохнуть изъ глубины души и не воскликнуть: «Доколѣ же сіи памятники будутъ скрываться подъ спудомъ и оставаться недоступными для всѣхъ любознательныхъ и просвѣщенныхъ читателей?» Не весьма давно было издано въ свѣтъ Остромирово Евангеліе: по чему же не издать въ свѣтъ и сей рукописной Библии? Сколько здѣсь представляется любопытныхъ вопросовъ для изслѣдователей древнихъ памятниковъ: когда она переведена? гдѣ переведена? однимъ ли, или нѣсколькими лицами? одинъ ли и тотъ же повсюду характеръ языка и слога, или въ нѣкоторыхъ книгахъ является и характеръ и употребленіе языка областного? Какое бы открылось поприще для науки, если бы эта рукопись была издана съ разночтеніями Острожкою и нынѣшней исправленной Библии? Не уже ли и теперь нѣтъ вельможъ, столь же просвѣщенныхъ и столь же любящихъ памятники древней нашей письменности, каковъ былъ покойный Канцлеръ Графъ Н. П. Румянцевъ? Не думаемъ. Кажется, стоило бы только кликнуть кличъ, и, безъ сомнѣнія, нашлось бы много капиталистовъ изъ всѣхъ сословій съ готовыми пожертвованіями. Въ ожиданіи же сего счастливаго времени, по чему бы самой Академіи не препоручить кому ни будь изъ своихъ членовъ, одному, или нѣсколькимъ, сдѣлать, для просвѣщеннаго общества, по крайней мѣрѣ филологическое описаніе сей важной рукописи? И что же сего полезнѣе могла бы сдѣлать Академія, первое ученое сословіе въ Россіи?

ЗАМЪЧАНІЕ 2.

Такъ какъ во всемъ нашемъ разсужденіи идетъ дѣло объ этимологіи слова «Кремль,» и если мое мнѣніе, что это имя происходитъ отъ Греческаго слова, означающаго гористое мѣсто, не лишено вѣротія, то очевидно, что въ этомъ главномъ, первенствующемъ понятіи

сего слова уже подразумевалось, или такъ сказать, тайно вошло во всеобщемъ употребленіи и понятіе всѣхъ тѣхъ первобытныхъ зданій, которыя на этой горѣ были уже устроены, какъ, на пр., теремъ или дворецъ Великаго Князя, и дома его вельможей, церкви и пр.; но сіи зданія ни коимъ образомъ не могли назваться крѣпостію, какъ и теперешнія Кремлевскія зданія. Не трудно расточать названія крѣпостей и цитаделей, не подумавъ напередъ и не условясь, что разумѣть подъ симъ именемъ. Если разумѣть подъ симъ словомъ какую бы то ни было, судя по времени, ограду, могущую служить защитою отъ нападенія непріятелей, то здѣсь должно считать крѣпостію ту только дубовую стѣну, которая была устроена и не около одного только «Кремля,» но и около всей тогдашней Москвы. Еще болѣе имѣлъ право «Кремль» на названіе крѣпости, когда около него была сооружена стѣна каменная. Но тогда названіе «Кремля» было уже господствующимъ въ устахъ народа. И такъ, при изслѣдованіи происхожденія перваго названія какой ни будь мѣстности, какъ скоро оно найдено, не должно уже принимать въ уваженіе того, что на этой, или вокругъ этой, мѣстности устроено въ послѣдствіи. Не могу здѣсь не указать на ошибку нашего историографа (да проститъ мнѣ сіе замѣчаніе великая тѣнь его)! Вотъ слова его, относящіяся къ началу нашей столицы: «Украшая столицу каменными храмами, онъ (Великій Князь, Иванъ Даниловичъ Калита) окружилъ ее, въ 1339 г., дубовыми стѣнами и возобновилъ сгорѣвшій въ его время кремникъ или кремль, бывшій внутреннею крѣпостію, или, по старинному именованію, дѣтинцемъ.» Но гдѣ въ лѣтописи сказано, что «кремникъ» былъ внутреннею крѣпостію Москвы? Къ чему тутъ дѣтинецъ? Этого слова Москва уже не знала, и не назвала свою дубовую ограду дѣтинцемъ. Такъ иногда предвзятія мнѣнія, не утверждающіяся на самой дѣйствительности, невольно, появляются и господствуютъ въ умѣ даже гениальныхъ писателей!

УДѢЛЬНЫЕ КНЯЗЬЯ КАШИНСКІЕ.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РУСИ XIV И XV
СТОЛѢТІЙ.

(Посвящается памяти Степана Дмитриевича Колерова.)

Въ Кашинѣ ты еси не вступилъ.
А имешь его обидѣти,
мнѣ его отъ тебе боронити.

(Слова Дмитрія Давидова Князя Тверскому.)

«Поѣздъ временныхъ лѣтъ» разсказываетъ, что еще первые Князья Сѣверной Руси подѣлили ее между собой на три области: Рюрикъ утвердился въ Новгородѣ, Синеусъ на Бѣлѣозерѣ, Труворъ въ Изборскѣ. Первый сталъ единовластителемъ только по смерти братьевъ. Сынъ и внукъ Рюрика были такими же единовластителями, но по тому, что не имѣли братьевъ. При управленіи его Русь опять была раздѣлена на три области: Кіевъ, Землю Древлянскую и Новгородъ. При нихъ же начались уже и усобицы, и двое старшихъ братьевъ-Князей заплатились за то жизнью. Третій братъ, Владимиръ, ставши главою всей земли, конечно, не забылъ несчастной судьбы братьевъ, Князей удѣльныхъ, но все таки далъ опять удѣлы своимъ сыновьямъ: святъ былъ обычай отцовъ, который былъ любъ и самымъ городамъ, приобрѣтавшимъ, съ полученіемъ своего отдѣльнаго Князя, нѣкоторую независимость. И старшій Князь, не задолго до своей смерти, имѣлъ несчастіе видѣть возмущившимся противъ себя роднаго сына, удѣльнаго Новгородскаго Князя, Ярослава. Ярославъ, въ свою очередь, ставши главою Руси, былъ также вѣренъ старинѣ, и раздѣлилъ удѣлы сыновьямъ. Мудрый Князь, вѣроятно, надѣялся, что старшій изъ Русскихъ Князей, Великій Князь Кіевскій, будетъ вмѣсто отца

для меншихъ своихъ братьевъ, которые, въ свою очередь, будутъ съ любовью ему повиноваться. Обманчивая надежда: его сынъ, Великій Князь, уже долженъ былъ убѣгать отъ племянника къ Полякамъ. Старѣйшинство Князя Киевскаго вскорѣ перешло въ одно преданіе. Даже самый его почетный титулъ «Великаго Князя» стали присвоивать себѣ и Князья удѣльные, когда они изъ своихъ областей, слѣдуя обычаю, начали сами выдѣлять удѣлы второстепенные. И стала дробиться, при умноженіи потомства Ярославова, земля Руская все болѣе и болѣе на удѣлы и пригороды. Въ иныхъ мѣстахъ эта дробность доходила до крайности... И почти всѣ эти Князья удѣльные, старѣйшіе и второстепенные, недружелюбно посматривали другъ на друга: одинъ домогался отнять область у другого, по тому что считалъ себя старѣе его; другой добивался себѣ самобытности отъ старѣйшаго Князя области; третій хотѣлъ пожинаться подъ видомъ защиты Князя слабѣйшаго отъ болѣе сильнаго. Особляясь и приобрѣтая со своимъ удѣльнымъ Княземъ самобытность, Русскія области должны были за то подвергаться и всѣмъ невыгодамъ Княжескихъ усобищъ и политической разрозненности, пока успѣвшая, благодаря благоприятнымъ обстоятельствамъ, возвыситься и окрѣпнуть Москва не смогла, мало по малу (конечно, главнымъ образомъ въ видахъ своихъ собственныхъ выгодъ), объединить около себя политически землю Русскую. Но старыи обычаи забывался не вдругъ. Самъ Иванъ III, «собиратель земли Русской,» оставляя по себѣ наследникомъ Великокняжескаго престола сына Василія, остальнымъ четыремъ все таки далъ по удѣлу, хотя и со значительнымъ ограниченіемъ ихъ власти. Даже позднѣе, по смерти Ивана IV, въ 1584 г., сего малолѣтній сынъ, Димитрій, получилъ въ удѣлъ Угличъ.

Такимъ образомъ государственная исторія Руси, со времени смуты Ярослава Мудраго до самаго возвышенія Москвы, слагается изъ исторій удѣльныхъ Княжествъ, и каждое изъ нихъ болѣе, или менѣе, имѣетъ право на вниманіе историка... По этому думается, что любопытно будетъ прослѣдить политическую жизнь и того маленькаго Княжества, имя котораго выставлено въ заглавіи этой статьи. Недолго оно пользовалось самобытностію, всего около ста лѣтъ; но и оно не осталось безслѣднымъ въ исторіи цѣлой Руси: обстоятельства заставляли его всегда быть на сторонѣ Москвы, въ ея борьбѣ съ самою опасною соперницею,

Тверью, и тѣмъ содѣйствовать (на сколько оно могло) ослабленію прсѣдшей в. усилению Князей Московскихъ, а слѣдовательно, хотя и невольна, объединенію всей Русской земли. ²

Въ землѣ, населяемой нѣкогда Чудскимъ ³ племенемъ, Весью, ³ на одномъ изъ лѣвѣхъ притоковъ верхней Волги, въ 12 верстахъ отъ ея теченія, еще въ XIII в. существовалъ городъ Кашинъ. Пространство, занимаемое въ то время Кашинымъ, входило въ составъ удѣла Ростовско-Суздайскаго. ⁴ Первое упоминаніе объ немъ помѣщено въ одной Никоновской лѣтописи подъ 1237 г., при перечисленіи городовъ, разоренныхъ Татарами (при Батыгѣ), а далѣе

¹ Главнымъ пособіемъ при составленіи этого очерка служила лѣтопись Никонская, (изд. подъ смотрѣніемъ Императорской Академіи Наукъ. С. П. Б. 1786—1790 г., томы: III, IV, V и VI). Она сообщаетъ самыя подробныя свѣдѣнія о Княжествѣ Тверскомъ и Кашинскомъ, и изъ текста ея замѣтно, что составитель ея пользовался, иногда буквально, записью событій, составленною въ самой Твери. Такъ, на примѣръ, подъ 1472 г., сообщаетъ о томъ, что Князь Кашинскій убѣжалъ изъ Твери въ Москву, лѣтописецъ добавляетъ: «а здѣ (т. е., въ Твери) много поискавше, и не обрѣтоша.» Говоря о смерти Зелени-Салтана, врага Князя Тверскаго, онъ называетъ его «злымъ нашимъ недругомъ.» Подъ 1367 г. опять лѣтописецъ, говоря о томъ, что войско Великаго Князя Дмитрія Донскаго не могло взять Твери, добавляетъ, что оно не вдало ея «Божіимъ заступленіемъ.» Всѣ сообщаемыя нами свѣдѣнія о Княжествѣ Кашинскомъ, если они не отмѣнены особыми ссылками, взяты изъ Никоновской лѣтописи. За тѣмъ довольно подробныя свѣдѣнія передаютъ о Твери и Кашинѣ лѣтописи Тверская и Воскресенская (Полнаго собранія Русскихъ лѣтописей тт.: XV, VII и VIII). Въ первую изъ нихъ, составленную Ростовскимъ селяниномъ въ 1534 г., какъ и въ Никоновскую лѣтопись, вошелъ лѣтописецъ, составленный въ Твери, по приказу Великаго Князя Бориса Александровича, умершаго въ 1461 г. Историческо-юридическія свѣдѣнія о Кашинѣ, а также и географическія, взяты изъ Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ, хранящихся въ Коллежѣ Иностранныхъ Дѣлъ (М. 1813 г., т. I), изъ Актовъ, собранныхъ Археологическою Экспедиціей (С. П. Б. 1836 г., т. I). Годы отъ Р. X. въ этомъ изслѣдованіи означены посредствомъ вычитанія изъ годовъ лѣтописей (отъ сотворенія міра) числа 5508.

² Намѣтъ о Чуди, населявшей нѣкогда Кашинскую область, сохранялась еще въ началѣ XVI в. въ названіи одного изъ становъ Кашинской области, Чудскаго. См. примѣч. 47-с.

³ См. карту Россіи, приложенную къ исторіи Карамзина, изданіе Эйвердинга. С. П. Б. 1842, к. I.

⁴ См. изслѣдованіе Г. Корсакова: Мера и Ростовское княжество. Казань, 1872 г. стр. 194—195.

всѣ лѣтописцы молчатъ о немъ до 1287 года, когда Великій Князь Владимирскій, Дмитрій Александровичъ, сынъ Невскаго, пошелъ войной на Великаго Князя Тверскаго,⁵ Михаила Ярославича, желая не дать усилиться этому опасному сосѣду, а послѣдній вышелъ противъ него съ войскомъ къ Кащину, гдѣ они и смирлись. Такое молчаніе о Кашинѣ всѣхъ лѣтописей до конца XIII в. (тогда какъ онѣ нерѣдко упоминаютъ почти о всѣхъ небольшихъ сосѣднихъ ему древнихъ городахъ) доказываетъ, что если Кащина и существовалъ раньше 1200хъ годовъ, то какъ незначительное селеніе.

Угликкія рукописныя лѣтописи⁶ рассказываютъ, что при удѣльномъ Князѣ Углицкомъ, Романѣ Владимировичѣ Святомъ (1261—1285 г.), Кашинъ, вмѣстѣ съ Угличемъ, Бѣжецкимъ Верхомъ, Желѣзнымъ Устюгомъ, Дмитровымъ, Звенигородомъ и Романовымъ, входилъ въ составъ Углицкаго, седмиграднаго Княжества. Но это Седмиградіе, вѣроятно, существовало (изъ подражанія седмиземлю стараго, новаго и третьяго Римовъ) лишь въ воображеніи книжниковъ-лѣтописцевъ, по тому что въ дошедшемъ до насъ⁷ договорѣ Новгородцевъ съ Княземъ Тверскимъ, Ярославомъ Ярославичемъ, отъ 1265 г., и Бѣжецкъ, и Егна (нынѣ г. Весьегонокъ верста на 50 ближе Устюга Желѣзнаго къ Угличу) перечисляются въ числѣ владѣній Новгородскихъ. Еще неправдоподобнѣе помѣщенное въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ Края,⁸ ни на чѣмъ не основанное, указаніе, будто Кашинъ до 1294 г. принадлежалъ Князю Ростовскому, Дмитрію Борисовичу, и лишь по смерти

⁵ Тверь была основана Великимъ Княземъ Владимирскимъ Всеволодомъ Юрьевичемъ, прадедомъ Михаила Ярославича, въ 1184 г. (см. у Карамзина т. III прим. 61), для обезпеченія отъ набѣговъ Новгородцевъ. Сынъ его, Ярославъ, въ 1240 г. перенесъ ее съ луговага, ватопламенаго поволодешъ, берега Волги на нагорный. Самостоятельность Твери получила, какъ независимое отъ Ростовско-Суздальскаго удѣла Княжество, при отцѣ Михаила, сынѣ Ярославомъ, Ярославѣ, который учредилъ въ ней и Епархію. Старики Великимъ Княземъ Владимирскимъ, Ярославъ Ярославичъ не оставилъ все таки любимой имъ Твери. Въ ней онъ и похороненъ.

⁶ См. Исторію города Углича, О. Киселя. Ярославль, 1844 г., стр. 71.

⁷ Въ I т. Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ, подъ № 4-мъ.

⁸ Энциклопедическій лексиконъ, изд. Краемъ. С. П. Б., 1844 г., т. VI, статья: «Кашинъ.»

его, въ 1294 г., перешелъ въ приданое за дочерью его зятю, Великому Князю Тверскому, Михаилу Ярославичу. Въ этомъ сообщеніи справедливо лишь то, что дочь Дмитрія Борисовича, Анна, по смерти отца вышла замужъ за Михаила Тверского; Кашина же, по всѣмъ лѣтописнымъ извѣстіямъ, является постоянною собственностью Михаила, который опредѣлялъ и рубежъ Кашинскимъ и Тверскимъ землямъ.⁹ Когда, въ 1288 г., Великій Князь Владимірскій снова пошелъ войной на Князя Тверского, въ союзѣ съ Князьями Андреемъ Городецкимъ, Даниломъ Московскимъ и выше упомянутымъ Дмитріемъ Ростовскимъ, то они подошли къ Кашину, простояли тамъ девять дней, сдѣлали все пусто (какъ во владѣніи своего врага), и затѣмъ сожгли, принадлежавшій Михаилу же, на устьѣ рѣки Нерли, городъ Кснятинъ.¹⁰ Спустя два года, въ 1290 г., неусидчивый Дмитрій Ростовскій, воспользовавшись неудовольствіемъ Новгородцевъ на Михаила Тверского, срядился опять со своимъ войскомъ на Тверь и дошелъ до Кашина; но Михаилъ успѣлъ уладить свое несогласіе съ Новгородцами и Дмитрію осталось помириться съ Тверскимъ Княземъ и убраться въ свой Ростовъ... Когда Михаилъ Тверской, уже владѣвшій, съ 1304 г., старѣйшимъ столомъ земли Русской (т. е., Владимірскимъ но жившій все таки въ Твери) вынужденъ¹¹ былъ вступить, въ 1318

⁹ Этотъ рубежъ, назначенный Михаиломъ, между Тверью и Кашинымъ, сохранился, какъ видно изъ I т. Собранія государственныхъ грамотъ (№ 76, 77, 88, 119), до самаго завоеванія Твери Москвою. Принимая въ соображеніе то обстоятельство, что Кашиницы, въ 1321 г. вышли защищать свои земли отъ вторженія Переяславскаго войска только на берегъ Волги, а не за нее, мы можемъ заключить, что при Михаилѣ Кашиницы еще не владѣли землями на правомъ берегу Волги. Гдѣ же шелъ Михайловъ «рубежъ Твери и Кашину?» Прямое указаніе на это въ актахъ нѣтъ; но, зная засвидѣтельствованную актами неизмѣнимость рубежа Михайлова, и не находя, съ другой стороны, ни въ какихъ документахъ указанія, чтобы Кашиницы когда ни будь владѣли землями южнѣ теченія рѣки Медвѣдицы, можно положить, что рубежъ Кашина и Твери не переходилъ за эту рѣку. На западъ Кашинская земля граничила съ землями Бѣжецкими (что видно изъ 18-го № I т. Собранія государственныхъ грамотъ, отъ 1426 г.), а на сѣверъ она простиралась не далѣе Койской водосты, селъ Перетерскаго и Васьяновскаго, принадлежавшихъ Князю Углицкому. (См. т. I Актовъ Археографической Экспедиціи, № 13 отъ 1430—1440 гг.).

¹⁰ Построенъ, по Никоновской лѣтописи, Великимъ Княземъ Юріемъ Долгорукимъ, въ 1134 г., нынѣ село.

¹¹ См. Исторію Карамзина, изд. Эйверлингга, С. П. Б. 1842 г., т. IV, стр. 111.

г., въ войну съ своимъ соперникомъ, двоюроднымъ братомъ, Княземъ Московскимъ, Юріемъ Даниловичемъ; опустошившій Тверскій села и города до самыхъ береговъ Волги; Кашицы, заодно съ Тверичами, ¹² были прохитъ войска Московскаго и его союзниковъ, Татаръ. Битва эта, какъ известно, кончилась пораженіемъ Юрія, и даже плѣномъ его жены, сестры Ордынскаго Хана, Узбека. Жена Юрія умерла въ Твери, и смерть ея была приписана молвою отравѣ. Эта-то молва и помогла Юрію возстановить наронецъ противъ Михаила самаго Узбека и, горячо любимый Тверскою землею отчизнолюбецъ, Князь Михаилъ Ярославичъ, 22 Ноября, 1319 г., былъ заколотъ въ Ордѣ.

Михаилъ оставилъ послѣ себя четырехъ сыновей: Дмитрія Александра, Константина и Василия. Старшій изъ нихъ, не смотря на искательство Князя Юрія Московскаго, зятя Ханова, успѣлъ таки получить Ордынскій ярлыкъ на Великокняжескій Владимирскій столъ (но жить сталъ, по прежнему, въ Твери). Младшіе братья жили съ Дмитріемъ. Пока еще Дмитрій не былъ признанъ старѣйшимъ Княземъ, въ 1321 г., прибылъ изъ Орды въ Кашинь Гатаинъ Таянчаръ (по Тверской летописи Гачна), съ Жидовиномъ должникомъ (т. е., откупщикомъ Ханской дани), и учинилъ Кашинцамъ своими поборами большую тягость. Въ томъ же году, осенью, ¹³ Юрій Московскій, занимавшій, на первыхъ порахъ по смерти Михаила, Владимирскій столъ, собрался, въ Переяславѣ, съ Суздальцами и всею силою Низовскою, сдѣлать нападеніе на землю своего соперника, Дмитрія. Мѣстомъ для этого нападенія онъ избралъ Кашинь. Дмитрій, извѣщенный о бѣдѣ, грозящей его отчизнѣ, въ сопровожденіи своихъ братьевъ, прибылъ, съ Тверскими поиками, на помощь испуганнымъ Кашинцамъ и вмѣстѣ съ ними выступилъ, ожидая вторженія Юрія, къ Волгѣ. Въ то же время Владыка Тверской, Андрей, можетъ быть, опасаясь многочисленности войска Юрьева, попытался (вѣроятно, не безъ согласія Дмитрія) примирить враждующихъ, что ему и удалось.

Дмитрію удалось недолго занимать столъ своего отца. Юрій не могъ снести униженія видѣть сына своего соперника главою всѣхъ Русскихъ Князей: снова поѣхалъ онъ въ Орду ис-

¹² Лѣт. Тверская, годъ 4810.

¹³ Лѣтопись Тверская, годъ 4810.

какъ Владимировича встала на замышлѣнїи Дмитрій. Здѣсь встрѣчались, лицомъ къ лицу, заклятые враговъ, цитавшіе, въ теченіи долгаго времени, въ своей мольбѣ души злобу другъ къ другу. Дмитрій наконецъ не могъ себя сдержатъ, и родственникъ смерти Мишлага былъ самъ мачою его сыномъ. Вскорѣ за смерть Юрія, по волю Хана, Дмитрій попалъ, въ 1326 г., и въ своею жизнью.

Дмитрія вступилъ братъ, а по Александръ. Какъ будто сама судьба благоприятствовала Твери: въ томъ, что, кимъ третій изъ ея Князей по порядку, занималъ Великокняжескїи Владимирскїи столъ, но, съ другой стороны, будто та же судьба заставляла Тверскихъ Князей, по дѣйствительности, и упускать изъ рукъ гдвенство надъ Русской землей. Вскорѣ послѣ полученія Великаго Княженія, подозрѣвая въ прибывшемъ въ Тверь Ханскомъ послѣ и родственникѣ, Шевкалѣ, будущаго гонителя Христіанской Вѣры, Александръ, въ 1327 г., въ день Успенія Богородицы, осадилъ, жившаго въ Твери со своими, Шевкала, и сожегъ его, вмѣстѣ съ его дворцомъ. Местъ Ханская не замедлила. Узбекъ призвалъ брата Юрьева, Московскаго Князя, Ивана Давыдовича, и, общая сдѣлать его Великимъ Княземъ, далъ ему пятьдесятъ тысячъ войска, въ томъ, чтобы онъ наказалъ Александра. Послѣдній затѣвъ бѣду, оставилъ своихъ Твертяей, и ушелъ въ Псковъ, а брата его, Константина и Василія, отразившись съ матерью въ Ладугу. Между тѣмъ Иванъ Давыдовичъ явился съ Узбековымъ войскомъ, взялъ Тверь и Кашинъ, и провѣ Тверскіе городки, и ожегъ селъ, а людей взялъ въ полонъ. Такимъ образомъ Кашинъ на памяти летописцевъ вынесъ тогда уже второй погромъ Татарскїи.

Послѣ этого разгрома Константинъ и Василій, съ матерью и своими боярами, снѣва вернулись въ Тверь и принуждены были смирились предъ Княземъ Московскимъ. Константинъ вскорѣ поѣхалъ съ нимъ въ Орду, гдѣ и былъ признанъ Княземъ Тверскимъ. Но Узбекъ требовалъ на судъ Александра. Псковичи, не смотря даже на требованіе Новгорода, куда ѣздилъ по этому дѣлу Иванъ Давыдовичъ съ Константиномъ и Васильемъ, Александра не выдвали. Клятва, положенная на Псковъ Митрополитомъ, такъ же была безсилна побудить ихъ къ тому, но Александръ ушелъ добровольно, въ 1329 г., въ Литву. Константинъ и Василій спокойно зажили въ Твери.

Черезъ семь лѣтъ, въ 1336 г., Александръ, однако же, появи-

талея примириться съ Узбекомъ. Онъ послалъ къ нему сына, и когда тотъ вернулся, насадъ благополучно съ послонъ Монгольскимъ, отправи.ся туда и самъ. Покорность Александра сличила гибль Хана, и первый вернулся домой, въ 1338 г., опять Княземъ Тверскимъ. Константинъ безъ всякаго сопротивленія уступилъ ему княженіе. Но Великій Князь Московскій, Иванъ Даниловичъ, не дремалъ: Князь Тверской, снова приобрѣвшій располженіе Орды, казался ему опаснымъ соперникомъ. И вотъ Иванъ со своими сыновьями ѣдетъ къ Узбеку и выставляетъ Александра отъявленнымъ врагомъ Татаръ, смирившимся лишь на время по нуждѣ. По требованію Узбека Александръ долженъ былъ отправиться въ Орду, и тамъ, въ 1339 г., 29 Октября, погибъ, вѣсть съ своимъ сыномъ, Федоромъ.

Константинъ опять сталъ Княземъ Тверскимъ. Въ то же, кажется, время (по крайней мѣрѣ, ни какъ не раньше) называвшійся до сихъ поръ вездѣ въ Никоновской лѣтописи Княземъ Тверскимъ,

Василій Михайловичъ (1339?—1346 и 1366—1368) «И

получилъ себѣ въ удѣлъ Кашинъ. Г. Костомаровъ, въ статьѣ: «Церковно-историческая критика въ XVII в.»¹⁵ говоритъ: «Въ удѣльно-вѣчевыя времена новыя Княжества возникали и упрочивались въ такихъ городахъ, которые, по какимъ-либо благоприятнымъ географическимъ условіямъ и историческимъ обстоятельствамъ, будучи пригородами главнаго города земли, получали болѣе, чѣмъ другіе пригороды, значенія, силы и достоинства. А такимъ пригородомъ Твери и былъ именно Кашинъ. Всѣ прочіе Тверскіе города, кромѣ, развѣ, Холма (Бѣлгорода),¹⁶ Новый Городокъ, т. е., Старица, Ржевъ, Зубцовъ, Радилонъ, Вбрынъ, Одоки, Вертязинъ, два Микудина, Ксвятинъ,¹⁶ были очень незна-

¹⁵ Въ Вѣстникѣ Европы за 1870 г., т. II, стр. 481.

¹⁶ См. духовное завѣщаніе Князя Тверскаго, Михаила Александровича, въ лѣтописи Воскресенской, подъ 741и годомъ. Прочіе города нынѣшней Тверской Губерніи или принадлежали въ то время Новгороду (Весь-Егриская, Бѣжецкъ, Торжекъ, Уѣзды Вышневолоцкій и Осташковскій), или не существовали еще (Корчева и Калезинъ).

¹⁶ На устьѣ рѣки Хотчи. См. лѣтописи Никоновскую и Воскресенскую, годъ 748и.

чительны, и ихъ жители въ исторіи Тверской земли не играли никакой замѣтной роли. Кашинъ, кромѣ того, былъ значительно удаленъ отъ главнаго города земли и, въ сдѣдствіе того, его интересы не всегда могли быть общими съ интересами Твери. Такъ въ 1372 г. Литва разгромила Кашинъ, не причинивъ никакого вреда Твери; наоборотъ, въ 1375 г. Великій Князь Московскій опустошилъ земли Тверскія, безъ всякаго урона Кашинскимъ.

И такъ Василій сдѣлался удѣльнымъ Княземъ Кашинскимъ. Не особенно много въ ту пору нужно было хлопотать, Князю вновь открывшагося удѣла о Княжеской обстановкѣ своей столицы. Рѣка Кашинка своимъ извилистымъ теченіемъ образуетъ много какъ бы полуострововъ, оставляя для доступа на нихъ лишь узкіе перешейки. На одномъ изъ такихъ полуострововъ (въ версту ширины и полверсты длины, съ перешейкомъ, всего саженой въ пятьдесятъ) и стоялъ древній Кашинъ. Василій могъ, слѣдовательно, воспользоваться рѣкою вмѣсто естественной крѣпости. На перешейкѣ былъ сдѣланъ ровъ съ мостомъ,¹⁷ а за нимъ могъ быть тынъ и частоколъ. Хоромы себѣ новый Князь, конечно, построилъ въ родѣ такихъ же, какія были и у его отца, въ Твери, деревянныя, съ сѣнами внизу, черезъ которыя вела лѣстница въ книжескую свѣтлицу (такъ что, въ случаѣ пожара снизу, приходилось выпрыгивать въ окно). Княжата, боярченки и стража, спали обыкновенно въ сѣнахъ. Въ такомъ домѣ хранилась и казна Княжая и порты всѣ.¹⁸ Въ немъ же Князь чинилъ свой судъ и расправу. Поволостанъ, принадлежавшимъ къ городу, управляли назначаемые Княземъ волостели (а надъ городомъ, въ отсутствіе Князя, были намѣстники), которые и кормились частію доходовъ. Населеніе земли дѣлилось на людей служилыхъ и тяглыхъ. Въ рядахъ первыхъ занимали высшее мѣсто Бояре, составлявшіе думу Князя, владѣвшіе значительными помѣстьями и пользовавшіеся разнаго рода преимуществами,¹⁹ а за тѣмъ и разные должностные люди, на прим., старосты, сотоки,²⁰ даящѣеки, пошлен-

¹⁷ Этотъ ровъ и мостъ на немъ значится еще на планѣ города Кашина, Высочайше утвержденномъ въ 1777 г.

¹⁸ Митюшевъ Нижегородскій, III, стр. 95.

¹⁹ См. Русскую Исторію К. Бестужева-Рюмина. С. П. Б., 1872 г., т. I, стр. 443—445.

²⁰ См. грамоту Тверского Князя Бориса, 1437—1449 г., въ Актахъ Археологической Экспедиціи, № 35.

ники, писцы ²¹ Въ разрядъ людей служилыхъ стояли купцы (гости) и крестьяне. Крестьяне сидѣли на общинныхъ земляхъ, на своихъ, или на владѣльческихъ. Въ послѣднемъ случаѣ они были обязаны владѣльцу или частію урожая, или работою. ²² Кроме того, знатные люди держали еще холопей, купленныхъ, или за вину взятыхъ въ рабство. ²³ Войско составляли въ военное время главнымъ образомъ Бояре и Дѣти Боярскіе; къ нимъ, въ случаѣ нужды, приобщались купцы и горожане, а помещѣльцы были отъ воинской повинности свободны. Въ мирное время войско распускалось. ²⁴

О податяхъ, собиравшихся въ Тверской землѣ въ пору выдѣленія Кашинскаго Княжества мы имѣемъ свѣдѣнія въ жадованной грамотѣ Василія Михайловича Тверскаго Отрочу монастырю и въ договорѣ Великаго Князя Василія Дмитриевича съ Княземъ Михайломъ Александровичемъ Тверскимъ, отъ 1398 г. ²⁵ Онѣ состояли для торговцевъ изъ тамги (по мордкѣ обѣушной съ рубля) и осминичаго (по столько же), а съ обывателей — изъ яма, подводъ, сторожевого, писцаго, корма, медоваго (гдѣ водились бобры, на пр., по рѣкѣ Корожечнѣ, бралось еще бобровое). ²⁶ Съ проѣзжающихъ торговцевъ бралось торговой пошлины съ воза по мордкѣ обѣушной, да костокъ (подорожной пошлины) столько же. Кто объѣздетъ сборщика пошлины, съ того бралось промыты по шестидесяти мордочкѣ съ воза, да заповѣди (штрафа) шестидесять одна мордочка. Съ лодки бралось пошлины по два алтына съ доски, а со струга алтынъ. Монастыри Княжескими грамотами отъ податей и пошлинъ освобождались, но когда приходилъ изъ Орды посолъ силенъ и трудно было его Князю сопроводить своими средствами, тогда Архимандритъ долженъ былъ пособить. ²⁷

²¹ Тамъ же, томъ № 5, грамота Князя Василія Михайловича, отъ 1363—1365 г.

²² Бестужева Рюмина, Исторія Русская, I, стр. 450.

²³ См. Собраніе государственныхъ грамотъ, I, № 37.

²⁴ Карамзина, Исторія Г. Р., изданіе Эйнерлинга, 1842 г., т. V, стр. 229.

²⁵ Первая отмѣчена выше въ прим 21, а вторая помѣщена въ Актахъ Экспедиціи подъ № 14.

²⁶ Акты Археологической Экспедиціи, №№ 34 и 56.

²⁷ См. грамоту Князя Тверскаго Отрочу монастырю 1437—1446, въ Актахъ Археологической Экспедиціи, № 34.

Что касается монетъ, то въ XIV ст. считали сначала кунными мордками, а потомъ адтынами, гривнами и рублями. Рубль состоялъ изъ обрубка серебра отъ 22 до 46 золотниковъ вѣса.²³ Карамзинъ (въ примѣчаніи 135 къ V т. Исторіи Г. Р.) говоритъ, что онъ видѣлъ Кашицкую монету съ изображеніемъ всадника, держащаго въ рукѣ птицу, и съ надписью: «Князь Василія Михайловича.» Но скорѣе, не Тверская ли то монета? Вѣдь, Василій Михайловичъ былъ 17-тъ лѣтъ Княземъ Тверскимъ.

Первые годы княженія Василіева въ Кашинѣ ни чѣмъ не отмѣчены въ лѣтописяхъ до самой смерти брата его, Константина Тверского, въ 1346 г., въ Ордѣ. Старшій сынъ, убитаго въ Ордѣ, въ 1339 г., Тверского Князя Александра, Всеволодъ, по примѣру дяди Василія, получилъ въ удѣлъ Холмъ (въ нынѣшнемъ Зубцовскомъ Уѣздѣ). Константинычъ частенько гѣснилъ племянника и мать его, Княгиню Анастасію, то захватывая ихъ Боарь, то отнимая доходы. Всеволодъ поѣхалъ судиться съ нимъ въ Орду. Когда здѣсь Константинъ умеръ, Всеволодъ, помимо дяди Василія, получилъ себѣ въ управленіе Тверь. Но Василій былъ не изъ тѣхъ людей, которые легко смиряются, особенно передъ младшими. Кашинскій Князь началъ съ того, что, услышавъ о смерти брата Константина, послалъ своихъ данщиковъ въ Холмъ (который онъ считалъ уже подвластнымъ себѣ, какъ законному Князю всей Тверской земли), собралъ поборъ и отправился въ Орду, къ Узбекову сыну, Чанибеку, за ярлыкомъ на Тверское княженіе. Всеволодъ встрѣтился на пути со своимъ дядей и соперникомъ) и обобралъ его. Василій, оная, что въ Ордѣ безъ денегъ ничего онъ не возьметъ, вернулся, въ 1348 г., въ свой Кашинъ, гдѣ и не переставалъ враждовать на племянника, такъ что въ тотъ же годъ дѣло едва не дошло до рѣзни.

...Всеволодъ, однако жъ, увидѣлъ, что въ Твери ему не удержаться: удорный дядя, рано, или поздно, думалъ онъ, лишитъ его Тверского стола. Племянникъ нашелъ болѣе выгоднымъ для себя уступить добровольно, что ему совѣтовалъ и Владыка Тверской, Феодоръ. И вотъ онъ, въ 1349 году, помирился съ дядей и уступилъ ему Тверь, перебравшись снова въ свой Холмъ. Василій Михайловичъ переѣхалъ въ Тверь, оставивъ въ Кашинѣ сына

²³ Исторія Бестужева-Рюмина, I, стр. 480; Карамзина, IV, пр. 250.

Василія Васильевича (1349—1363 г.).

Объ этомъ Князь только замѣчено въ Никоновской лѣтописи подъ 7800 (1363) годомъ: «Престависъ Князь Василій Васильевичъ Кашинскій, внукъ Михайловъ.» Принимая въ соображеніе, что это былъ старшій сынъ Василія, женившася, въ 1330 г. (а младшему, помимо старшаго, отецъ не далъ бы отдѣльнаго Княженія), и что другой его сынъ, Михайлъ, въ 1350 году уже женился, можемъ заключить, что Василій Васильевичъ получилъ удѣлъ уже будучи юношею взрослымъ.

Но обратився къ, отбѣхавшему въ Тверь, его отцу. Получивъ на Тверское Княжество изъ Орды ярлыкъ, Василій, не забывшій вредной непріязни Всеволода, опять началъ его обижать, обирая Бояръ его и слугъ. Уступчивый Всеволодъ вышелъ, наконецъ, изъ терпѣнія, и когда пріѣхалъ, въ 1357 году, во Владимиръ Митрополитъ Московскій, Св. Алексій, онъ обратился къ послѣднему съ жалобою на притѣсненія дяди. Василій, въ свою очередь, тоже отправился, съ своимъ Епископомъ, Феодоромъ, къ Митрополиту. Много было высказано передъ Митрополитомъ дядею и племянникомъ взаимныхъ обвиненій, и попытка Св. Алексія примирить ихъ осталась безъ успѣха. Оскорбленный жалобою Всеволода, Василій черезъ годъ послалъ Тверскихъ Бояръ, Григорчука и Корел, въ Орду къ Хану съ наговорами на племянника. Ханъ выдалъ послѣдняго мстительному дядѣ безъ суда, и, какъ выражается Никоновская лѣтопись, было Князю Всеволоду отъ дяди томленье великое, Боярамъ и слугамъ его, продажа и грабленье, а чернымъ людямъ великая данная продажа.

Но кромѣ Всеволода у Василія былъ еще и другой племянникъ, сынъ того же Александра, Михайлъ.²⁰ Оставшись по смѣртн отца шестилѣтнимъ ребенкомъ, Михайлъ Александровичъ воспитался въ Новгородѣ, у крестнаго отца, Архіепископа Василія, и, возвратившись въ Тверь, получалъ въ удѣлъ, еще отъ Всеволода, Микулинъ (почти на границѣ нынѣшняго Старицкаго и Тверскаго Уѣздовъ). Василій сначала его оставлялъ въ покоѣ, но въ 1363 г.

²⁰ Прекрасная монографія о немъ Г. Вѣлеса помѣщена въ III кн. «Чтеній въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» за 1861 годъ.

пошелъ ратью и на него. Михаилъ, впрочемъ, отдѣлался отъ нападенія безъ битвы и сумѣлъ задобрить дядю. Черезъ годъ поѣхала Тверскую землю язвы, отъ которой умерли, между прочими Князьми, Всеволодъ и, сынъ Василюва брата, Константина,³⁰ Симеонъ, княжившій въ Вертязинѣ (нынѣ с. Городня, на рѣкѣ Волгѣ, въ Тверскомъ Уѣздѣ). Михаилъ получилъ по завѣщанію удѣлы и Всеволода, и Симеона. Василю Тверскому это пришлось не по нраву, и онъ объявилъ притязаніе на удѣлъ Симеона, доказывая, что Удѣлъ этотъ принадлежитъ по праву родному брату Симеонову, Іеремію. Василя, по словамъ Тверской лѣтописи, возбуждала противъ Михаила жена, Елена, указывая на общую любовь Тверичей къ молодому Князю, любовь, которая заставила Василя вскорѣ лишиться Тверского стола. Михаилъ обратился, по дѣлу Вертязинскаго наследствія, къ суду Митрополита. Тотъ сдѣлалъ третейскимъ судьей дяди и племянника Епископа Тверского, Василя. Василий привналъ правымъ Михаила, который, послѣ Митрополичьяго суда, переѣхалъ уже и въ Тверь.

Такимъ-то образомъ Василий Михайловичъ опять сталъ только Княземъ Кашинскимъ. Но онъ не успокоился и теперь. Будучи родственникомъ Великому Князю Московскому, Дмитрію Ивановичу (сынъ Василя, Михаилъ, былъ женатъ на двоюродной сестрѣ Дмитрія), онъ обратился за заступничествомъ къ нему. Дмитрій сталъ грозить Тверскому Князю, Михаилу, войной, а тотъ поспѣшилъ отправиться въ Литву, къ Ольгерду (которому онъ былъ шуриномъ), для заключенія противъ Москвы союза. Тогда Князь Василий, съ сыномъ Михаиломъ и Княземъ Іереміемъ, жившимъ въ Дорогобужѣ (село Дорожево, около Холма, въ Старицкомъ Уѣздѣ, близъ Московской границы) рѣшились наказать своего третейскаго судью, Владыку Василя. Черезъ Митрополичьяго Пристава они позвали его въ Москву на судъ къ Митрополиту, за то, де, что судилъ ихъ не по правдѣ. За тѣмъ они со своимъ войскомъ, пригласивъ еще рать Великаго Князя Московскаго, двинулись на Тверь. Твери они взять не могли, за то разгромили церковныя имѣнія своего недруга, Епископа Василя, немало плѣнили народа и пожгли селъ Тверскихъ. Вернувшійся тою же осенью изъ Литвы со вспомогательнымъ войскомъ Михаилъ Тверской не остал-

³⁰ Быльезъ, на 7 стр. своей статьи, ошибочно отнесъ къ этому же году и смерть самаго Константина, умершаго еще въ 1346 г.

ся у противниковъ въ долгу. Онъ, во первыхъ, пошадъ подъ стражу много Васильевыхъ Бояръ, даже жену его, вмѣстѣ съ женою Іеремія; во вторыхъ, пошелъ ратью на Кашинь. Василій понималъ, что теперь у него не хватитъ силъ бороться съ ожогненіемъ Тверскимъ и Литовскимъ, да и Москвѣ нѣтъ расчета вступать за него въ опасную войну съ Тверью. Онъ примирился наконецъ съ Владыкой, и оба они выслали своихъ проловъ въ село Андреевское на встрѣчу Михаилу молить его о мирѣ. Великодушный Михаилъ простилъ своего дядю. Дмитрій Московскій подтвердилъ ихъ миръ, но въ договорѣ съ Княземъ Тверскимъ²¹ высказалъ знаменательныя слова, выражавшія будущую обычную тактику Москвы относительно Твери и Кашина: «Въ Кашинь ти (Михаилу) ся не вступати, а что потягло къ Кашиню, вѣдаеть то вочичь, Князь Василій; нѣ выходомъ (т. е., данью Ордынской) не надобѣ тобѣ ко Твери Кашина тнунти, а его ти не обидѣти. А имешь его обидѣти, мнѣ его отъ тобѣ боронити.» По землѣ привѣзжалъ къ Тверскому Князь и сынъ Василя, Михаилъ.

Въ слѣдующемъ 1368 г. Василій Михайловичъ кончалъ въ Кашинь свою тревожную жизнь. По древнему преданію, занесенному въ церковное «Житіе»²² у Василя Михайловича жила въ Кашинь и мать, Великая Княгиня Анна, и умерла у него (будто бы) въ 1338 г. Годъ этотъ выставленъ, очевидно, ошибочно: по Никоновской лѣтописи Княгиня Анна умерла въ 1368 г., а въ 1339 г. она еще оплакивала въ Твери смерть сына Александра, что засвидѣтельствовано и Никоновскою, и Тверскою, и Воскресенскою лѣтописями. Да до 1339 года и самъ Василій называется лѣтописцами вездѣ просто «Тверскимъ», а не Кашинскимъ, Княземъ. Кроме того, въ томъ же «Житіи» говорится, что мощи Княгини Анны почивали въ землѣ 243 года, и за тѣмъ Княгиня явилась въ сонномъ видѣніи пономарю Герасиму, въ царствованіе Василя (Шуйскаго), бывшаго въ великомъ утѣшеніи отъ Литовскаго воинства; приложивъ число 243 къ 1368, мы получимъ именно 1611 годъ,—последній царствованія Василя и первый междоусловія. Мощи благовѣрной Княгини Анны были торжественно причислены къ лику Святыхъ, по Указу Царя Алексѣя Михайловича, въ 1650

²¹ Помѣщенъ въ Собраніи Государственныхъ грамотъ и договоровъ подъ № 14.

²² Списокъ его находится въ Кашинскомъ Воскресенскомъ соборѣ.

г., (21 Июля), и поставлены въ Кашинской соборной церкви (гдѣ они находятся и теперь), а при Царѣ Федорѣ Алексѣевичѣ, лѣтъ да противорѣчія (въ годахъ и имени) «Житія» ея съ лѣтописями до времени закрыты. ³³ Никоновская лѣтопись называетъ мать Василя въ монашествѣ Софією. Не смѣшана ли здѣсь съ Анною жена Константина Михайловича, тоже Софія, ³⁴ годъ смерти которой больше нигдѣ не отмѣченъ?

По смерти Василя Михайловича Кашинскимъ Княземъ сталъ его сынъ

Михаилъ Васильевичъ (1368—1373 г.).

Начало княженія въ Кашинѣ Михаила было ознаменовано, какою-то важною неизвѣсною болѣзнію его и его жены, Княгини Василисы, которая въ томъ же году и скончалась весною. Набожный Князь видѣлъ въ этомъ себѣ наказаніе Божіе за то, что зимою, изъ загороднаго монастыря, ³⁵ онъ приказалъ перене-

³³ Соборное дѣяніе о Благочестивой Княгинѣ Аннѣ помѣщено въ IV кн. «Чтеній въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» за 1871 годъ.

³⁴ Софією она названа въ лѣтописи Тверской, подъ лѣт. Карамзинъ въ 5 прим. въ V т. своей Исторіи, называетъ ошибочно ее Андоцею: Андоца была, какъ видно изъ текста Никоновской лѣтописи, не «Константинова» (т. е., жена), но «Константиновна» (дочь).

³⁵ Въ настоящее время не осталось никакихъ слѣдовъ этого монастыря. Изъ вышннихъ Кашинскихъ монастырей женскій Срѣтенскій основанъ не позже первой половины 1400 годовъ (что видно изъ грамоты, данной ему Княземъ Тверскимъ, Борисомъ, ум. въ 1449 г.). Мужскій Клобуковъ существовалъ еще въ началѣ 1400 г.: въ немъ постригся тогда, подъ именемъ Макарія одинъ Кашинскій Бояринъ, по фамили Кожицъ, удалившійся за гѣмъ въ пустыню, на рѣку Волгу, и основавшій тамъ, на землѣ какого-то помѣщика Коляга, мѣстннхъ Колягинъ монастырь. Макарій скончался въ 1483 г., а въ 1521 г. признанъ Церковію Святыхъ. Въ Клобуковѣ монастырѣ сохраняется до настоящаго времени замѣчательная древность, Преподобнаго Макарія келья. Дѣла ея снаружн съ углами—четыре аршина безъ четверти, ширина три аршина съ четвертью; вышина отъ земли до крыши два аршина и полчетверти, толщина стѣнъ въ четверть. Потолка въ ней нѣтъ; полъ и крыша снаружн ветхи. При входѣ въ келью на правой сторонѣ одно слуховое окно, верхковъ въ пять. Келья сохраняется въ древнемъ зданіи (см. Матеріалы для статистики Россійской Имперіи, издаваемыя Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ. С. П. Б., 1841 г., стр. 131). Основаніе третьяго монастыря, мужскаго Дмитріевскаго, приписывается тому же Преподобному Макарію.

сти: царковь Ботородицы въ городъ, и тѣмъ потревожилъ кости погребенныя тамъ иноковъ. Князь сталъ просить въ этомъ прощеніи у Владыки Тверскаго, а тотъ посоветовалъ ему, на мѣстѣ бывшаго монастыря, построить малую церковь (которая, впрочемъ, вскоре также была «разнесена» по чему то).

Поправившись здоровьемъ, Михайлъ не забылъ, однако же, отцовскихъ счетовъ съ противниками. Прежде всего онъ поѣхалъ въ Москву къ Митрополиту жаловаться на Владыку Василія, а въ 1372 г. и открыто перешелъ на сторону Москвы. Москва тогда ожесточенно боролась съ Тверскимъ Княземъ, Михаиломъ Александровичемъ, боролась, по видимому, защищая выгоды, уже знакомаго намъ Князя Іеремиа, а на самомъ дѣлѣ, чтобы ослабить Тверскаго Князя, который для нея сдѣлался самымъ опаснымъ соперникомъ, располагавшимъ почти постоянною помощію Литвы, соперникомъ не враждебнымъ самой Ордѣ. За такую издѣлу въ годамъ цѣлой Тверской земли Михайлъ Александровичъ наказалъ Кашинскаго Князя. Когда явилась тайно приглашенная Тверскимъ Княземъ рать Литовская, подъ предводительствомъ Кейстута, съ сопровожденіемъ Князя Витовта, Князей Полоцкаго, Друцкаго и многихъ другихъ, и завоевала сначала Великокняжескій Деряславль, тогда и Кашину досталось: съ него взяли, докушъ, дожгли его села и много людей увели въ плѣтъ. Михайлъ Кашинскій принужденъ былъ цѣловать крестъ на вѣрность Твери.

Но эта принужденная вѣрность продолжалась недолго: на слѣдующій же годъ, на Рождество, Михайлъ Васильевичъ сложилъ цѣлованіе крестное ко Князю Тверскому. Онъ отправился сначала въ Москву. Не видя особенной выгоды для себя оставаться здѣсь долго, Михайлъ направился далѣе, въ Орду. Но и въ Ордѣ онъ, какъ видно, не могъ добиться какой нибудь себѣ поддержки противъ Тверскаго Князя. Объ отнятіи у двоюроднаго брата Тверскаго стола нечего было и думать. Въ то же лѣто вернулся онъ съ чѣмъ въ свой Кашинъ Михайлъ Васильевичъ, и здѣсь, въ 1373 г., скончался. Ему наследовалъ сынъ его

¹⁰ Дѣтские Воскресенская добавляетъ, что тутъ же было и войско Тверское.

Василій Михайловичъ 2-й (1373—1382 г.)

Первымъ дѣломъ Василія по смерти отца было отправиться, вмѣстѣ съ своею бабушкою (женою Василя 1-го, Еленою;) и съ Кашианскими Боярами, въ Тверь, къ сильному дядѣ, Михаилу Александровичу, съ челобитьемъ и просьбою объ утверженіи въ удѣлѣ отца. На первыхъ порахъ Василій вдался въ полную волю Михаилу. Но эта «воля» вѣроятно, была тяжка для Василя. Михаилъ, «Великій» Князь всей Тверской земли, былъ весьма искуснымъ политикомъ и, понимая весь вредъ усиленія подручныхъ ему Удѣльныхъ Князей, держалъ ихъ въ строгой зависимости. Съ другою стороною и искушение для Василя было сильно: и отецъ его, и дядѣ, въ своихъ усобицахъ съ Тверью, прибѣгали къ помощи постояннаго врага Твери, Великаго Князя Московскаго (который, въ 1372 г., успѣлъ таки на время ее смирить). Князь Московскій всегда ласкалъ мелкихъ Удѣльныхъ Князей Тверской земли, чтобы имѣть противъ Твери наготовѣ въ самой же ей сподручниковъ. Во всякомъ случаѣ ужъ не исканіе Тверского стола (на который, Василій не имѣлъ никакого уже права), а притѣсненія Твери, заставили новаго Кашинскаго Князя въ слѣдующемъ же (1374) году, убѣжать въ Москву, къ Великому Князю, Дмитрію Ивановичу. ²⁷

Между тѣмъ Тверской Князь, Михаилъ, побуждаемый, безъ сомнѣнія, между прочимъ, и этимъ бѣгствомъ Князя Кашинскаго, снова началъ свои счеты съ Москвою. Онъ, во первыхъ, послалъ двухъ, перебѣжавшихъ къ нему, Московскихъ Бояръ въ Орду, къ Мамаю просить ярлыкъ на, принадлежавшій когда-то его отцу, и дѣду, Великокняжескій Владимірскій столъ, а во вторыхъ, отправился къ Ольгерду въ Литву за помощію противъ Великаго Князя Московскаго. Заручившись обѣщаніемъ Ольгерда, Михаилъ обѣ-

²⁷ Г. Костомаровъ въ своей Церковно-исторической критикѣ (стр. 485) говоритъ, что въ 1374 г., въ рцуселіе Василя, послала на Кашинь Михаилъ орла. Почтенный историкъ, не пользовавшійся, какъ видно, изъ ссылки его статьи, никакими лѣтописями, кромѣ Никоновской, былъ введенъ ею въ ошибку: Воскресенская лѣтопись говоритъ, что Татары набѣгали не на Кашинь, а на «Кышъ» (рѣка Нижегородской Губерніи) и «Запанье» (за рѣкою Нылою, тамъ же). И дѣйствительно: по чему бы Татарамъ ити именно только на Кашинь и не тронуть ничего на пути? Такъ же понималъ это вѣстіе лѣтописи и Карамзинъ (изданіе 1842 г., т. V, стр. 20).

явилъ Дмитрію Ивановичу войну, и тотчасъ же послалъ одинъ изъ своихъ полковъ на завѣсившій отъ Москвы Угличъ. Дмитрій собралъ, въ свою очередь, всѣ свои силы и, въ сопровожденіи многихъ Князей, а въ томъ числѣ и Василя Кашинскаго, Князей, по словамъ Никоновской лѣтописи, негодовавшихъ на Михаила Тверскаго за то, что онъ не разъ призывалъ уже на Русскую землю Литовскіе полки, и теперь сталъ сноситься еще съ Татарамъ. Собранное Московское войско осадило Тверь, въ которой заключился Михаилъ, и держало ее цѣлый мѣсяць въ осадѣ. Бѣггородъ на Волгѣ, Микулинъ, Старица, Зубцовъ, были разрушены; множество Тверскихъ селъ опустошено и сожжено. Оставленный и Ольгердомъ, и Мамаемъ, безъ помощи, Михаилъ наконецъ долженъ былъ смириться, и Дмитрій Ивановичъ Московскій заключилъ съ нимъ миръ на всей своей волѣ. Михаилъ обѣщался, между прочимъ, не беспокоить Василя Кашинскаго, и даже не требовать съ него дани для Орды.³⁸

Василій Михайловичъ, послѣ пораженія Твери, вернулся снова въ свой Кашинъ. Когда, въ 1380 г., Мамай явился съ своими страшными полками въ землѣ Русской, и Дмитрій Московскій сѣло выступилъ противъ него на берега Непрядвы и Дона, сопровождаемый множествомъ Русскихъ Князей, исключая, впрочемъ, Тверскаго и Рязанскаго, то въ этомъ ополченіи принималъ участіе и Князь Василій Кашинскій.³⁹

Въ 1382 г., Мая 6 дня, Князь Василій умеръ въ Кашинѣ бездѣтнымъ,⁴⁰ и былъ похороненъ въ своей соборной Воскресенской церкви. Такимъ образомъ пресѣклось поколѣніе Князей Кашинскихъ, и Кашинъ на 18 лѣтъ сталъ пригородомъ Тверскимъ.

Въ теченіи этихъ 18 лѣтъ въ Кашинѣ умерли два Князя: Александръ и Борисъ Михайловичи. Первый умеръ въ 1389 г.,⁴¹ и названъ лѣтописью Ордынецъ. Кажется, это былъ сынъ Михаила

³⁸ Договоръ Дмитрія съ Михаиломъ помѣщенъ у Карамзина (изданіе 1842 г.) въ т. II, на стр. 32.

³⁹ Карамзинъ, стр. 39, V.

⁴⁰ Г. Костомаровъ, въ выше упомянутой статьѣ своей, говоритъ, что не извѣстно, умеръ ли Василій бездѣтнымъ. Напротивъ, это подтверждаетъ, приложенное къ лѣтописи Воскресенской, родословіе Князей Тверскихъ.

⁴¹ Лѣтопись Тверская, годъ 7344.

Александровича Тверского, вернувшійся въ 1386 г. "изъ Орды. Борисъ Михайловичъ, сынъ того же Михаила Тверского, умеръ въ 1395 г., а погребенъ былъ въ Твери. Г. Костомаровъ. "основываясь на духовномъ завѣщаніи Михаила Александровича, Тверского, " умершаго въ 1399 г., говоритъ, что Борисъ Михайловичъ былъ Удѣльнымъ Княземъ Кашинскимъ. Но, во первыхъ, въ лѣтописи Борисъ Княземъ Кашинскимъ не называется, а во вторыхъ, онъ умеръ четырьмя годами раньше смерти отца, послѣ которой уже братья Борисовы получили удѣлы. Въ завѣщаніи, на ряду съ именемъ Бориса, при назначеніи удѣловъ, выставлено и имя его сына, Ивана, что было бы лишнее, если бы Кашинъ уже принадлежалъ раньше Борису. Всего вѣрнѣе, что въ лѣтописи имя Бориса вставлено неискуснымъ переписчикомъ позднѣе.

Въ 1392 г., по словамъ лѣтописи Тверской, Кашинъ выгорѣлъ, и срубленъ былъ вскорѣ снова.

Въ 1399 г. скончался, смиреннымъ слугникомъ, послѣ 34-хъ лѣтняго, мудраго правленія Тверскою землею, Великій Князь Михаилъ Александровичъ, съ бранными останками котораго Тверь, по справедливому выраженію Бѣлева, похоронила свое счастье "и независимость. Вѣрный обычаю прародительскому, онъ еще при жизни раздѣлилъ свою землю между сыновьями: Ивану и его дѣтямъ онъ завѣщалъ Тверь, Новый Городокъ, Зубцовъ, Радиловъ, Вбрынъ, Опоки, Вертязинъ; Ѳедору: два городка Микулины съ волостями; Василю и сыну умершаго, въ 1395 г., Бориса, племяннику Ивану: Кашинъ, Коснятинъ. Такимъ образомъ въ Кашинѣ одновременно стало два удѣльныхъ Князья:

Василій Михайловичъ 3-й (съ 1400 до 1426 г.)

и

Иванъ Воржюевичъ (съ 1400 по 1413 г?)

Собственно Кашинскимъ Княземъ сталъ Василій, а Иванъ въ самомъ Кашинѣ получилъ лишь, въ слѣдующемъ 1401 году, Бросо-

¹⁰ См. у Карамзина т. V, прим. 137.

¹¹ Вѣстникъ Европы, 1870, т. II, стр. 486.

¹² Лѣтопись Воскресенская, годъ 7861.

¹³ Чтенія въ Императ. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1861; III, стр. 43.

лимскую слободку, гдѣ нынѣ церковь Входаіерусалимская и женскій монастырь. Большая часть земли Ивановой, вѣроятно, была во, вновь присоединенномъ къ Кашину съ городомъ Княгининымъ, Заволжья. ⁴⁰

Не успѣли еще новые Князья переѣхать въ свой удѣлъ, а уже распри ихъ съ Тверью начались. Заступившій умершаго Михаила, Князь Тверской (тоже Великій) Иванъ Михайловичъ, если не владѣлъ глубокимъ политическимъ смысломъ своего отца, за то не уступалъ ему въ желаніи держать въ полномъ подчиненіи Князей младшихъ. Еще на первыхъ порахъ онъ далъ понять своимъ Боярамъ, что его братья, Ѳеодоръ и Василій, и племянникъ Иванъ, вовсе имъ не Князья. Когда Василій, со своей матерью, Княгинею Авдотьею, Ѳеодоръ и Иванъ, послали жаловаться брату на неуваженіе Великокняжескихъ Тверскихъ сановниковъ, то Иванъ Тверской отвѣчалъ, что такъ дѣлается по его собственному желанію. Съ этихъ поръ онъ началъ оказывать еще болѣе холодности къ нимъ. Только къ племяннику онъ былъ милостивѣе, но и то по тому, что послѣдній, съ матерью и своимъ Бояриномъ Воронцомъ, приходилъ къ нему «бить челомъ» и увѣрялъ, что въ жалобѣ своихъ дядей на Тверскихъ Бояръ онъ участія не принималъ.

Черезъ годъ по смерти отца Василій Михайловичъ, въ 1400 г. перебрался въ отчину Кашинъ. А Иванъ Михайловичъ вскорѣ же началъ свои противъ него враждебныя дѣйствія, перешедшія

⁴⁰ Это Заволжье (въ нынѣшнемъ Калининскомъ Уѣздѣ) на сѣверъ простиралось до Углицкой границы (почти совпадавшей съ нынѣшней Уѣдной). На востокъ оно шло не далѣе рѣкъ Жабни и Суболки, которыя, еще до 1504 г. (какъ видно изъ № 137 Собранія государственныхъ грамотъ), служили границею Кашину и Ростову, и рѣки Сабди, по которой шли уже Переяславскія владѣнія, на пр., села: Старобислово, Твердилово, Губино (см. въ томъ же собр. № 136). Южную границу Кашинскаго Заволжья опредѣлять точно нѣтъ данныхъ. Принимая, лишь въ соображеніе то, что, стоявшій на устьѣ рѣки Хотчи, Бѣгородокъ принадлежалъ уже Твери, можно приближительно признать теченіе этой рѣки за южный рубежъ Кашинскихъ и Тверскихъ Заволжскихъ земель. Въ началѣ XVI ст., какъ видно изъ актовъ Археографической Экспедиціи (I, № 165), Кашинское Заволжье дѣлилось на два стана: Жабенскій (по рѣки Жабнѣ) и Нерехотскій (можетъ быть по рѣкамъ Нерли и Хотчѣ). Земли на лѣвой сторонѣ Волги гдѣ былъ самый городъ, составляли станъ Чудской (тамъ же, № 261).

Позднѣ въ безпощадное гоненіе. Онъ отнялъ у Василя Входъ-Еро-солима и Дуское озеро (?) и передалъ Князю Ивану Борисовичу. Изобитенный Василій пріѣхалъ въ Тверь и обратился къ посредничеству Владыки Арсенія (Святаго), прося его устроить общій судъ (изъ Тверскихъ и Кашинскихъ выбранныхъ), для разбора притязаній Ирана Михайловича. На ходатайство Арсенія Тверской Князь отвѣтилъ отказомъ на отрѣзъ, какъ полный хозяинъ всей Тверской земли, и Василій Михайловичъ ни съ чѣмъ вернулся въ свой Кашинь. Здѣсь онъ былъ обрадованъ рожденіемъ отъ второй жены сына Дмитрія (въ 1401), воспріемниками котораго отъ купѣли были, вмѣстѣ съ бабушкою, Княгинею Авдотьею, Игуменъ знаменитаго Сергіевскаго монастыря, Преподобный Никонъ. Вѣроятно, Василій видѣлъ въ новорожденномъ сынѣ своего наследника, будущаго Князя Капинскаго, но судьба, какъ увидимъ ниже, распорядилась совсѣмъ иначе.

Черезъ два года, въ 1403 г., Иванъ Михайловичъ вздумалъ отправиться на Кашинь войною, подъ тѣмъ предлогомъ (какъ сообщаетъ летописецъ Тверская), что будто Василій Михайловичъ его, брата старшаго, слушать не сталъ, хотя и не извѣстно, въ чемъ именно могло состоять это непослушаніе. Самъ Иванъ впрочемъ, изъ похода, по чему-то, скорѣе вернулся, а отправилъ съ войскомъ сына своего, Александра. Бѣдному Василію Михайловичу оставалось лишь послѣдовать примѣрамъ своихъ предшественниковъ, и убѣжать въ Москву, которая теперь, со смертію Михаила Александровича, стада несравненно сильнѣе съ Тверью. Василій такъ и сдѣлалъ.

Василію Дмитриевичу, Великому Князю Московскому, не стоило особеннаго труда примирить братьевъ; но примиреніе это со стороны Ивана было чисто мнимое, по нуждѣ. И вотъ, когда, Василій, черезъ два года, поѣхалъ за чѣмъ-то, предъ Великимъ постомъ, въ Тверь, Иванъ Михайловичъ схватилъ его, вмѣстѣ съ Боярами его, заковалъ и засадилъ подъ стражу. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, впрочемъ, въ самый Пятокъ Страстной Недѣли, братъ освободилъ. Не извѣстно, что было причиною этого примиренія: заговорило ли въ Иванѣ въ дни, посвященные воспоминанію страданій Искупителя, сознаніе несправедливости своего поведенія съ братомъ, или просто на просто онъ боялся Московскаго Князя; только Князь Тверской на Святой Недѣлѣ отпустилъ брата съ любовію (!) въ Кашинь. Однако жъ, эта «любовь» продолжалась

всего три мѣсяца, и Василій Михайловичъ долженъ былъ, въ Петрово говѣніе, опять убраться въ Москву, не хотя, какъ замѣчаетъ Никоновская лѣтопись, самъ себя «дать въ напасть.» Въ удѣлѣ его явились изъ Твери намѣстники, и много зла сдѣлали Кашиицамъ продажами и грабежомъ. Послѣ Петрова дня Кашииць посетилъ сынъ Ивана, Александръ, а въ Сентябрѣ и самъ Иванъ Михайловичъ, какъ полноправный Государь всей Тверской земли.

Въ убѣжавшемъ въ Москву Василіѣ, вѣроятно, принялъ участіе Великій Князь Московскій, никогда не упускавшій случая явиться судьей въ Тверскихъ удѣльныхъ распряхъ, и тѣмъ высказать свое политическое главенство надъ Русью. Какъ бы то ни было, только Иванъ Михайловичъ вскорѣ, когда съ нимъ снесся Василій, жившій въ Великокняжеской Московской отчинѣ, Переяславлѣ, помирился съ братомъ, и даже поцѣловалъ крестъ на томъ, «чтобы имъ быть въ мирѣ и любви за одинъ,» когда за тѣмъ Москва вступила въ войну съ Митовскимъ Княземъ, Витовтомъ, то Иванъ Михайловичъ, не смотря на старинную дружбу, существовавшую между Тверью и Литвою, долженъ былъ выслать Великому Князю Московскому, Василию Дмитриевичу, большое вспомогательное войско подъ начальствомъ своего сына и братьевъ, Князей Мекуловичаго и Василия Кашинскаго.

Въ 1408 г. явился новый притязатель на Кашииць. У Ивана Михайловича Тверскаго былъ двоюродный братъ, Юрій Всеволодовичъ. Когда Князь Тверской засадилъ Василия Кашинскаго въ оковахъ подъ стражу, Юрій, боясь того же, отъѣхалъ изъ Твери въ Москву, а отуда пробрался и въ Орду. Черезъ три года Иванъ Михайловичъ ѣздилъ въ Орду къ новому Хану, Булатъ-Салтану, и Юрій Всеволодовичъ тамъ предъявлялъ свое притязаніе на Тверской столъ (такъ какъ его отецъ, Всеволодъ, былъ старше отца Иванова). Само собою понятно, что въ Ордѣ дѣло выигралъ богатый Князь Тверской. Но его отъѣздъ и Юрій, вѣроятно, далъ отъ себя малую толику Ордынскому Хану и придворной его челяди, и явился въ Москву въ сопровоженіи Ханскаго посла. Самъ онъ остался въ Москвѣ, а посолъ прибылъ въ Тверь и объявилъ Ивану Михайловичу, что Царь далъ Юрію Кашииць и десять водостей Тверскихъ.⁴⁷ Иванъ понималъ хорошо, что Ордѣ нѣтъ особеннаго расчета вступаться за Юрія, и оставилъ Царскій приказъ

⁴⁷ Лѣтопись Тверская, годъ свѣд.

безъ исполненія. Такимъ образомъ Юрій изъ Москвы ушелъ изъ стѣнъ опять въ Орду.

Въ слѣдующемъ, 1409, году Князь Тверской задумалъ смирить и другого Кашинскаго Князя половищика, племянника своего, Ивана Борисовича, къ которому онъ прежде нѣсколько благоволилъ. Что было причиною дядина гнѣва, въ лѣтописяхъ не отмѣчено; только Великій Князь Тверской пошелъ на Ивана Борисовича войною, а тотъ убѣжалъ, въ обычное убѣжище всѣхъ младшихъ Князей Тверской земли, въ Москву. Иванъ Михайловичъ, явившись въ Кашинъ, посадилъ въ удѣлѣ племянника своихъ намѣстниковъ, взялъ на себя дань и, взявъ подѣ стражу свою споху (мать бѣжавшаго въ Москву Ивана), отправился назадъ, въ свою Тверь. Съ Василиемъ на этотъ разъ братъ обошелся мирно

Но миръ и на этотъ разъ длился недолго. Увидѣвъ въ селѣ своемъ, Стражковѣ, во время вечерни, метеоръ, Василиій счелъ его какъ бы предвѣстникомъ бѣды. Нелюбіе между нимъ и Иваномъ Михайловичемъ дѣйствительно не замедлило начаться, и въ 1412 г. въ удѣлѣ Василя изъ Твери намѣстникъ. 28 Іюня Князь Кашинскій, Бояре и слуги его были взяты подѣ стажу, даже Книгиня была отправлена въ Тверь. На другой день повезли подѣ стражей и самого Василя въ Новый Городокъ. Когда везшіе Князя были уже за Тверью, на переправѣ чрезъ рѣку Тмаку, и сошли съ лошадей, Василиій впередъ всѣхъ ускакалъ на своемъ конѣ въ одномъ терликѣ (кафтанѣ безъ кивера), перебрелъ рѣку и свернулъ съ дороги. Добѣжалъ онъ до какого-то села, и тамъ нашелся добрый человекъ, который сжалился надъ несчастнымъ бѣглецомъ, принялъ его на свое попеченіе и скрылъ въ лѣсной трущобѣ. Когда опасность отъ донсковъ миновалась, Василиій Михайловичъ, со своимъ благодѣтелемъ, добрался и до Москвы. Изъ Москвы съ Великимъ Княземъ, Василиемъ Дмитріевичемъ, спасавшимся также отъ Ивана Тверского, который теперь снова вступилъ въ тѣсный союзъ съ Литвою, Василиій отправился въ Орду, къ Зелени-Салтану. Этотъ Ханъ еще въ прошломъ году прислалъ въ Тверь за Иваномъ Михайловичемъ грознаго посла. Такимъ образомъ, въ слѣдъ за Князьями, Московскимъ и Кашинскимъ, отправился въ Орду и Тверской. Но во время ихъ пути Зелени-Салтанъ, по выраженію Никоновской лѣтописи, «злый недругъ Твери,» былъ уже убитъ другимъ сыномъ Тохтамыша, Киримбардеемъ, который и заступилъ его мѣсто. Ки-

римвердей, какъ полагаетъ Карамзинъ, ⁴⁸ по смерти отца жилъ, съ другими братьями, въ областяхъ Московскихъ; по этому Василій Дмитріевичъ былъ принятъ имъ ласково, но Ханъ также принялъ ласково и Ивана Михайловича. Василій Дмитріевичъ не видѣлъ особенной выгоды вступаться горячо за дѣдо Кашиискаго Князя и безъ нужды вооружать противъ себя Тверь. Такимъ образомъ Василій Михайловичъ и въ Орду не нашелъ себѣ дѣльной защиты и дрэженъ былъ вернуться, съ Василюемъ Дмитріевичемъ, изъ Орды почти ни съ чѣмъ. Приведъ оныя правда, за собою изъ Орды Татарскій поддъ, и въ самый Рождественскій сочельникъ, 1413 г., хотѣлъ было пробраться въ свой Кашиць, но Тверская застава и Князь Иванъ Борисовичъ, взрощо, снова получившій свой Заволжскій удѣлъ, его не пропустили. Бѣдный Князь снова отправился въ горѣ въ Орду, все еще надѣясь на какой-ни будь счастливый для себя оборотъ дѣла. Но ему пришлось ждать двѣнадцать лѣтъ, пока счастье еще разъ улыбнулось ему, впрочемъ, только на полгода.

И опять сталъ Кашиць Тверскимъ пригородомъ, управляемымъ намѣстниками. Кашинцы были обязаны нести, какъ и жители другихъ пригородовъ, общія повинности земли Тверской. Такъ, въ томъ же году Тверской Князь ихъ отправлялъ, вмѣстѣ съ Тверичами, для постройки вновь заложенной на Волгѣ городни (Вертязина).

Подъ 1424 г. въ Тверской лѣтописи записано, что въ Кашиць былъ моръ ⁴⁹ и голодъ (оково, т. е., 8 осминъ ржи продавалось по полтнѣ). Этотъ моръ поразилъ не только всю Россію но онъ опустошалъ и Азію, и Африку, и Европу (черная смерть). Отъ него-то въ слѣдующемъ 1426 году 1 Мая, умеръ и недругъ

⁴⁸ Исторія Госуд. Росс., изданіе 1842 г., т. V, стр. 119.

⁴⁹ Кромѣ мора въ этотъ годъ были въ Кашиць, конечно, эпидемія и въ другіе годы, хотя она въ лѣтописи Тверской и не отмѣчена. Карамзинъ перечисляетъ слѣдующіе страшные моры, свирѣпствовавшіе въ дѣлой Россіи, или, по крайней мѣрѣ, во всей Тверской области: въ 1309 г. въ дѣлой Россіи мерли отъ голода въ слѣдствіе истребленія хлѣба мышцами; въ 1318 г. была какая-то язва въ Тверской землѣ; въ 1352—1353 гг. по всей Россіи свирѣпствовала черная смерть, съ 1364 г. долго истребляла народъ кровахаркніе и желѣза. Последняя язва возобновилась въ Сѣверо-западной Россіи въ 1425 г. и въ 1464 годах.

Василія Кашинскаго, Иванъ Михайловичъ Тверской. Умирающія примирился наконецъ, и теперь уже, конечно, навсегда съ гонимымъ братомъ, и «приказалъ» ему снова Кашинъ.⁵⁰

И такъ въ 1426 г., Великий Княземъ Тверскимъ сталъ сынъ Ивана Михайловича, Александръ, а Княземъ Кашинскимъ дядя его, Василій. Но лишь на короткое время счастье побаловало бѣднаго старика. Александръ Ивановичъ княжилъ пять мѣсяцевъ и умеръ отъ язвы. Ему наследовалъ сынъ его, Юрій, княжившій всего нѣсколько дней и умершій отъ той же язвы. Поелъ Юрія сталъ Тверскимъ Княземъ братъ его, Борисъ Александровичъ. Первымъ дѣломъ Бориса, по занятіи Тверскаго стола, было поймать своего дѣда, Василія Михайловича Кашинскаго,⁵¹ и за тѣмъ этотъ, во всю свою жизнь гонимый, Князь исчезаетъ окончательно со страницъ лѣтописей.

«Съ этого времени Кашинъ уже не имѣлъ болѣе своихъ Князей, и подчинился Тверскимъ до тѣхъ поръ, пока сама Тверь не вошла въ нераздѣльный составъ Московскаго государства. Впрочемъ, какъ замѣчаетъ, въ упомянутой уже нами статьѣ, Г. Костомаровъ, «удѣлы Княжескіе не всегда были единственнымъ условіемъ самостоятельности города и земли: удѣльное Княженіе исчезло, а значеніе земли оставалось.» Такъ точно и при равноюности своей отъ Твери Кашинъ все таки считался обособленнымъ участкомъ Тверской земли, какъ бы младшимъ братомъ Твери (подобно тому, какъ Псковъ былъ младшимъ братомъ Новгорода). Эту обособленность высказываетъ ясно, на примѣръ, Великій Князь Московскій Василій Темный, въ своемъ договорѣ съ Княземъ Тверскимъ, Борисомъ (писанномъ около 1451 г.), упоминая о неизмѣяемости древнихъ границъ Тверскихъ и Кашинскихъ земель: «рубежь Твери и Кашину какъ было при Великомъ Князѣ Михайлѣ Ярославичѣ... Что потягло къ Твери и Кашину.»⁵² Даже Великій Князь Москов-

⁵⁰ См. 4-ю Новгородскую лѣтопись, въ IV т. Полнаго собранія Русскихъ лѣтописей, годъ 4118. Г. Костомаровъ, конечно, не знаетъ этого мѣста Новгородской лѣтописи; по тому и сомнѣвается, въ слѣдствіе неяснаго выраженія лѣтописи Никоновской, точно ли въ 1425 г., или ранѣе, Василій сталъ опять Княземъ Кашинскимъ. Первоначально истор. криз., стр. 488.

⁵¹ См. 1-ю и 2-ю лѣтописи Софійскія, въ V и VI тт. Полнаго собранія Русскихъ лѣтописей, годъ 4140.

⁵² См. Собраніе государственныхъ грамотъ №№ 76 и 77. Впрочемъ, эта неиз-

скій, Иванъ III, послѣ уже покоренія Твери, рядомъ съ именемъ ея упоминаеть и Кашинъ: «взяли есмя Тверь и Кашинъ и вся Тверская Кашинская мѣста. »⁴³ Когда Великому Князю Московскому, Василию Темному, пришлось, по смерти дяди своего, тоже Великаго Князя Московскаго, Юрія Дмитріевича, въ 1435 г., бороться за Московскій, столъ съ сыномъ Юріевымъ, Василиемъ Косымъ, то послѣдній, будучи разбитъ войскомъ Темнаго близъ Ярославля, убѣжалъ въ Кашинъ и тамъ «собрался,» чтобы снова бороться съ Темнымъ. Это выраженіе Никоновской лѣтописи «собрался» показываетъ, что Кашинцы, независимо отъ Твери, дозволяли у себя Василию Косому набрать войско и, конечно, вступили въ него и сами. ⁴⁴ 1478 г. Великій Князь Московскій ходилъ войною, для окончательнаго покоренія, подъ Новгородъ, и въ это ополченіи вмѣстѣ съ Тверичами и Дмитровцами, были также и Кашинцы, тѣ именно изъ нидъ, которые уже «служили Великому Князю Московскому.»

Тверь, какъ извѣстно, 16 Сентября, 1486 г., была взята у преемника и сына Борисова, Михаила, Великаго Княземъ Московскимъ, Иваномъ III. Иванъ отдалъ ее сначала въ управленіе своему сыну, Князю Ивану, по прозванію Молодому (родился 1458 г., умеръ 1490 г.), а послѣ его смерти вся Тверская земля была записана, въ 1492 г., по Московски, «въ сохъ,» въ томъ числѣ и Кашинъ, Бояриномъ Васильемъ Карамышевымъ.

Когда Кашинъ отошелъ уже къ Москвѣ, онъ, съ 1504 г., на тридцать лѣтъ вошелъ въ составъ одного изъ Московскихъ удѣловъ. Иванъ III, не задолго до своей смерти, роздалъ сыновьямъ удѣлы, съ тѣмъ, впрочемъ, чтобы четыре младшіе были въ зависи-

---

мость рубежа относилась лишь къ землѣ, на которой стоить самый городъ, а отъ Заволжскихъ Кашинскихъ владѣній въ 1400 годахъ отошла тѣ-которая часть къ Москвѣ, что видно изъ словъ того же договора: «а которыя земли и воды отошли (къ Москвѣ) отъ Твери и Кашина при Великомъ Князѣ Иванѣ Михайловичѣ, и при Великомъ Князѣ Александрѣ Ивановичѣ и при нидѣ»... (т. е., Великомъ Князѣ Борисѣ).

⁴³ Тамъ же, № 125.

⁴⁴ Братъ Косого, Князь Устюжскій Шемяка, воюя съ Москвою, по словамъ лѣтописи Тверской, въ 1453 г., въ Сентябрѣ, обступилъ Кашинъ, и хотя его взять не могъ, за то пожегъ его посады... Въ это время Кашинскимъ управлялъ Тверской Намѣстникъ, Бояринъ Иванъ Яковлевичъ Киндырь.

⁴⁵ См. Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, №№ 137—144 г.

мости отъ старшаго, Василя Московскаго. Одинъ изъ нихъ, Юрій (родился 1480 г.), получилъ въ свой удѣлъ города: Дмитровъ, Кашинъ, Звенигородъ, Рузу, Брянскъ, Серпейскъ. ⁵⁵ Но Юрій долженъ былъ, какъ братъ младшій, «предварительно присягнуть въ вѣрности» къ своему Господину и брату старѣйшему, Великому Князю, Василю Ивановичу, всея Руссїи. ⁵⁶ Юрій жилъ обыкновенно въ Дмитровѣ, но былъ у него свой дворъ и въ Москвѣ, позади Ивана Святаго, подъ колоколами. ⁵⁷ Кашиннымъ управляли, отъ имени его, намѣстники съ тиунами, а по волостямъ—волостели. Дѣлать монету, судить за душегубство, и участвовать въ откупкахъ государственныхъ, Юрій не имѣлъ права. ⁵⁸

Въ 1533 году, при восшествїи на престолъ матери Грознаго, Елены, Юрій Ивановичъ былъ оговоренъ Княземъ Андреемъ Ивановичемъ Шуйскимъ въ исканїи Московскаго Княжества, и заключенъ, со своими Боярами, въ темницу, гдѣ, черезъ три года, въ 1596 году, и умеръ страдальческою, гладною, нужею. ⁵⁹

Съ этихъ поръ Кашинъ окончательно вошелъ въ составъ нераздѣльнаго Московско-Русскаго Царства, и въ 1591 г., въ царствованіе Федора Ивановича, пригородъ Кашинъ съ Уѣздомъ является лишь простымъ помѣстьемъ Боярина Федора Ивановича Мстиславскаго.

---

⁵⁵ Тамъ же, № 133.

⁵⁶ Исторія Карамзина т. IX, прим. 15.

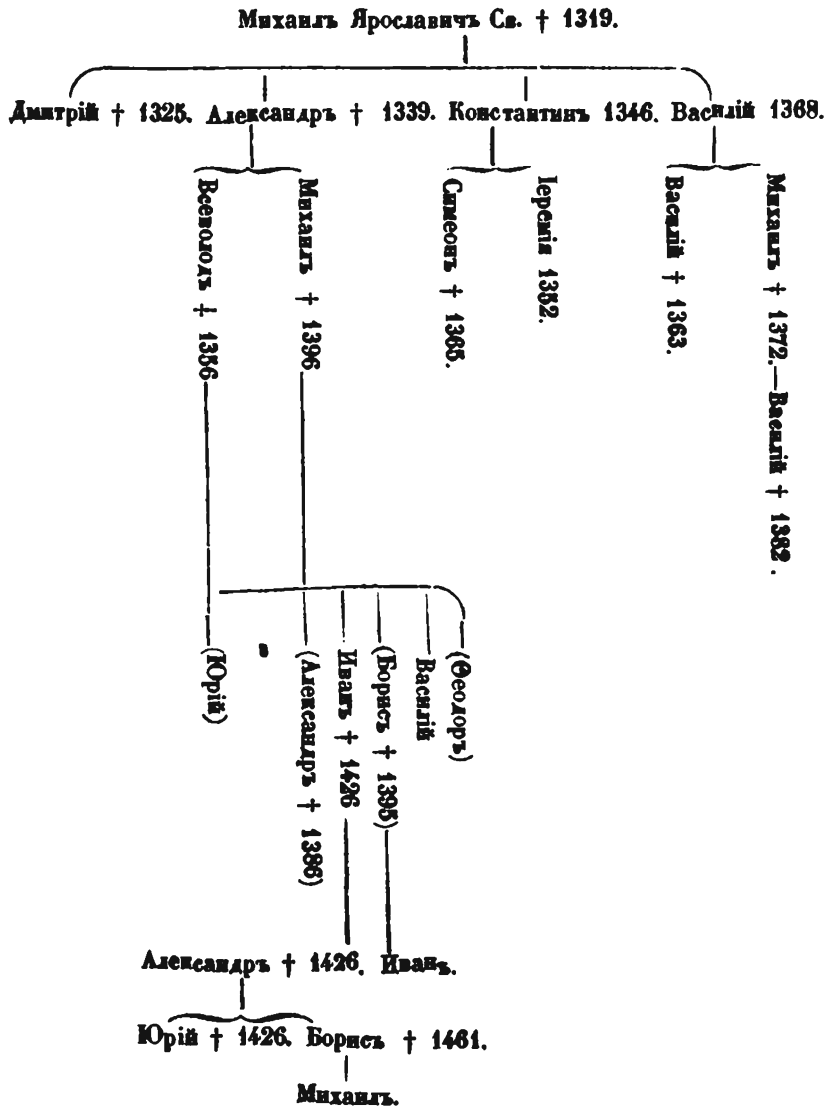
⁵⁷ См. Акты Археографической Экспедиціи т. I, №№ 148, 149, 152 и другіе.

⁵⁸ Собраніе государственныхъ грамотъ т. I, № 144.

⁵⁹ Исторія Карамзина т. VIII, прим. 15.

⁶⁰ Исторія Карамзина, изданіе 1842 г., т. X, стр. 90.

**РОДОСЛОВІЕ КНЯЗЕЙ ТВЕРСКИХЪ ВЪ КАШИНСКИХЪ, УПОМИНАЕМЫХЪ
ВЪ СЕМЪ ОЧЕРКЪ.**

Курсивомъ отмѣчены Князья Кашинскіе, скобками—не занимавшіе ни Тверскаго, ни Кашинскаго, столонъ.

Казань, 1873 г.

А. Д. Иноземцевъ.

II

МАТЕРІАЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ

ПУТЕШЕСТВІЕ МОЕ
ВЪ
И М Е Р Е Т І Ю

СЪ
ЛИНИИ КАВКАЗСКОЙ,
МОЕ ТАМЪ У ЦАРЯ ПРЕБЫВАНІЕ, СЪ НИМЪ СНОШЕНІЕ
И ОБРАТНОЕ ОТТУДА
ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ГРУЗИЮ.

СОЧИНЕНІЕ

Д. С. С. АЛЕКСАНДРА ЕГОРОВИЧА СОКОЛОВА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Весной 1870 года получилъ я для просмотра, предлагаемое при семъ, «Путешествіе», отъ Николая Петровича Ермолова, роднаго племянника нашего славнаго Алексѣя Петровича Ермолова, котораго «Записки и разныя бумаги, чрезвычайно важныя для отечественной исторіи, то же были имъ доставлены мнѣ и напечатаны въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ» за прошлые годы (1865—1868). Я нашелъ, что «Путешествіе» это есть весьма любопытный подлинникъ и цѣнный для Исторіи нашего Закавказья, но къмъ составленное, не сказано въ ономъ. Забирая справки отъ сообщившаго, узналъ отъ него, что «въ Грузіи былъ назначенъ къ уничтоженію какой-то старый Архивъ; покойный отецъ мой, говоритъ Н. П. Ермоловъ (Петръ Николаевичъ, двоюродный братъ А. П., то же служившій въ Грузіи при немъ), изъ любознательности просилъ дозволенія осмотрѣть: нѣтъ ли въ немъ чего достойнаго сохраненія, и нашелъ эти записки, которыя представилъ А. П., а онъ подарилъ мнѣ ихъ въ 1859 году. Рукопись составляетъ книгу въ листъ, писанную прямо на бѣло весьма твердо, но не всегда разборчивой рукой.» Къ этому прибавлю я отъ себя: бумага ея бѣлая съ золотымъ обрѣзомъ; письмо съ полями по половинѣ листа, коегдѣ съ помарками. Всѣхъ листовъ 364 (полулистовъ или страницъ), т. е.: въ 1-й части 156, во 2-й (Грузія) 66, въ 3-й (Грузія 1802 года) 38, въ 4-й (Записка о возмущеніи въ Грузіи 1802 г.) 96, и въ 5-й (Грузія 1803 г.) 8. Къ сожалѣнію, конца послѣдней части недостаетъ. Рукопись эта переплетена самимъ А. П. Ермоловымъ тщательно и довольно красиво. Известно, что нашъ богатырь занимался на досугѣ и переплетнымъ дѣломъ, такъ что чуть ли не большая часть собственной его библіотеки (поступившей еще при жизни его въ Московскій Университетъ, вѣжется въ 1855 г.) переплетена имъ самимъ. Это обстоя-

тельство вызвало извѣстные стихи гениальнаго нашего поэта А. С. Пушкина объ этомъ его искусствѣ.

Доискиваясь, кому бы это замѣчательное «Путешествіе» принадлежало, кто бы былъ тотъ неустрашимый смѣльчакъ, совершившій такое изумительное путешествіе съ Линіи Кавказской по вершинамъ высочайшихъ снѣжныхъ горъ въ Имеретію, я вспомнилъ, что въ «Журналѣ Посольства въ Персію Генерала А. П. Ермолова 1817 года (см. «Чтенія въ Импер. Обществѣ Истор. и Древн. Росс.» 1863 г. кн. 2, отд. V, стр. 121—184), на стр. 134 и слѣд. упоминается о Совѣтникѣ Посольства Соколовѣ. Не онъ ли, подумалъ я тогда, тѣмъ болѣе, что и подлинная рукопись сего «Путешествія» очутилась у Ермоловыхъ и ими для потомства сохранена. Перебирая въ памяти своей, я вспомнилъ еще о сочиненіи Г-на Н. Дубровина: «Закавказье отъ 1803 до 1806 года» (Спб. 1866), въ которомъ замѣчено, что Императоръ Александръ I-й, внимая просьбамъ Имеретинской Царицы Анны, въ Петербургѣ жившей, отправилъ Коллежскаго Совѣтника Соколова для переговоровъ съ Царемъ Имеретіи объ освобожденіи ея сына, Константина, заключеннаго послѣднимъ въ темницу. Нѣкоторыя свѣдѣнія о сношеніяхъ посланнаго съ Царемъ, совпавшія вполне со свѣдѣніями, содержащимися въ «Путешествіи», утвердили меня въ мысли, что сочинитель «Путешествія» долженъ быть именно этотъ Соколовъ. Тогда я отнесся, въ началѣ Марта (6-го) прошлаго года къ Г. Директору Азіятскаго Департамента Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, П. Н. Стремоухову, прося его приказать навести справки въ Архивѣ сего Департамента, не одно ли и то же Г. Соколовъ, какъ членъ Посольства въ Персію, съ Соколовымъ, отправленнымъ Государемъ въ Имеретію, и если это правда, какія имѣются о немъ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ свѣдѣнія? Въ половинѣ Августа того же года я получилъ изъ Департамента Азіятскаго письмо (отъ 25-го Юля), и при немъ просимыя мною свѣдѣнія, вполне подтвердившія мою догадку. Свѣдѣнія сіи говорятъ слѣдующее:

Александръ Егоровичъ Соколовъ, сынъ Статскаго Совѣтника, родился въ 1780 году, и 13-го Генваря, 1793 г., зачисленъ былъ Каптенармусомъ въ лейбъ-гвардію Преображенскій полкъ. Въ этомъ полку онъ прослужилъ до 1-го Генваря, 1796 г., и съ чиномъ Капитана арміи уволенъ былъ изъ военной службы. 31-го Мая того же года онъ опредѣлился въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ, до восшествія на престолъ Павла I-го, состоялъ при членѣ этой Коллегіи, Графѣ Безбородкѣ, и потомъ, числясь при Канцлерѣ, Свѣтлѣйшемъ Князѣ Безбородкѣ, находился у исправленія дѣлъ при Тайномъ Совѣтникѣ Обрѣзковѣ, вмѣстѣ съ которымъ участвовалъ въ Высочайшихъ путешествіяхъ въ Москву, Казань и Западныя Губерніи. 28-го Декабря, 1798 г., онъ, по Высочайшему повелѣнію, былъ посланъ на островъ Мальту, съ назначеннымъ туда Комендантомъ, Генералъ-Маіоромъ Княземъ Волконскимъ, за которымъ и слѣдовалъ, при корпусѣ Россійскихъ войскъ, подъ начальствомъ Генералъ-Лейтенанта Ребиндера, черезъ Галицію, Угрію, Штирію и Ломбардію, до соединенія этого корпуса съ арміею Генералиссимуса, Князя Италійскаго, Графа Суворова-Римникскаго, при чемъ находился въ дѣйствіяхъ этой арміи при Александріи, Тортонѣ и Нови. За тѣмъ слѣдовалъ, за Княземъ Волконскимъ, въ Неаполь. Изъ Неаполя же, съ наступленіемъ 1800 года, на эскадрѣ Адмирала Ушакова, возвратился, черезъ Крымъ, въ Петербургъ, гдѣ, отъ Декабря, 1800 года, до Мая, 1802, находился у исправленія дѣлъ при Вице-Канцлерѣ, Князѣ Куракинѣ, а 28-го Мая, 1802 года, былъ отправленъ, по Высочайшему повелѣнію, въ Грузію и Имеретію, для освобожденія Царевича Константина, сына Царицы Анны Имеретинской, проживавшей въ Петербургѣ, изъ заточенія у Имеретинскаго Царя Соломона, его дяди. Кромѣ того, ему поручено было, секретной инструкціей Вице-Канцлера, разузнать настроеніе духа и отношенія Кавказскихъ народовъ къ Россіи и по возможности стараться привлекать и располагать ихъ къ нашему Правитель-

ству ласковымъ обращеніемъ; наконецъ онъ долженъ былъ еще оказать поддержку новоизбранному, съ согласія народа, Патріарху Армянскому, Данилу, съ которымъ соперничалъ Давыдъ, утвержденный въ санъ Патріарха Армянскаго фирманомъ Султана Турецкаго. Въ помощники Соколову данъ былъ Коллежскій Ассесоръ Яковлевъ, родомъ Грузинъ, такъ какъ знаніе этого языка было положительно необходимо для предпринимаемаго путешествія.

8-го Іюля, 1802 года, прибылъ Соколовъ въ предѣлы Царства Имеретинскаго, но до 25-го Іюля не могъ добиться приѣма у Царя, который все откладывалъ его подъ разными предлогами. Да и на самомъ приѣмѣ, на вопросъ Соколова: «Намѣренъ ли онъ исполнить просьбу Государя относительно Царевича Константина, выраженную въ Высочайшей грамотѣ?» Царь отвѣчалъ уклончиво, и вообще вслѣдствіе старался протянуть окончательные переговоры объ этомъ дѣлѣ. 27-го Іюля наконецъ Царь призвалъ къ себѣ Соколова, и пояснилъ ему причины его нерѣшительности: «Царевичъ, говорилъ онъ, содержится у него въ качествѣ заложника; онъ былъ оставленъ при дворѣ отцомъ своимъ, Царемъ Давыдомъ, въ знакъ того, что онъ, Давыдъ, не будетъ предпринимать никакихъ непріязненныхъ дѣйствій противъ Царства Имеретинскаго. Скоро, однако, Давыдъ былъ уличенъ въ измѣнѣ, бѣжалъ въ Ахалцыхъ, и тамъ скончался, а Царевичъ съ тѣхъ поръ и держится въ крѣпости. «Если же и ему дамъ свободу (продолжалъ онъ), то боюсь, чтобы онъ, изъ личной мести ко мнѣ, не причинилъ безпокойства Царству.» Напрасно Соколовъ пытался успокоить его: Царь стоялъ на своемъ.

5-го Августа прибылъ въ Хонцкару, мѣстопробываніе Царя, диванъ (писецъ). Князь Леонидзе, который, посѣтивъ Соколова, отъ имени Царя объяснилъ ему, что «есть еще причина, мѣшающая Царю исполнить просьбу Государя, а именно: война, которую Царь ведетъ съ владѣтельнымъ Княземъ Дадіаномъ, еще не окон-

чена, и если Соломонъ выпуститъ Царевича, то будутъ думать, что онъ сдѣлалъ это по принужденію, но что, какъ только военныя дѣйствія прекратятся, онъ освободитъ Царевича, и или усыновитъ его и сдѣлаетъ своимъ наслѣдникомъ, или отправитъ его въ Россію.»

10-го Августа наконецъ Соколовъ уѣхалъ изъ Хонд-кара, не имѣвъ желаннаго успѣха.

Точно также ни чѣмъ не кончилась попытка Соколова при дворѣ Хана Эриванскаго относительно допущенія Патріярха Даниіла въ престольный градъ Эчміадзинъ. Ханъ отвѣчалъ ему, что онъ, какъ единовѣрецъ, долженъ повиноваться Султану Турецкому, фирманомъ котораго утверждёнъ въ Патріяршествѣ Давыдъ, а не Даниілъ.

Въ слѣдъ за тѣмъ Соколовъ, Высочайшимъ повелѣніемъ, отозванъ былъ обратно въ Петербургъ, а веденіе начатыхъ имъ дѣлъ поручено было тогдашнему Главнокомандующему въ Грузіи, Князю Циціанову. На возвратномъ пути, въ Тифлисѣ, Соколову поручено было доставить въ Петербургъ двухъ Грузинскихъ Царевичей, Вахтанга Иракліевича и Давыда Георгіевича, съ Царевной Катеваной Константиновной.

Съ 1804-го находился Соколовъ при Товарищѣ Министра Иностранныхъ Дѣлъ, Князѣ Черторыйскомъ, до увольненія его, въ 1806 г., при чемъ, 1805 г., удостоенъ былъ почетнаго званія Герольда Ордена Св. Екатерины. Въ 1806 онъ былъ произведенъ въ Статскіе Совѣтники и прикомандированъ, по Высочайшему Указу, къ Главнокомандующему арміею нашею въ Молдавіи и Валахіи, Генералу отъ Кавалеріи Михельсону, для занятій по дипломатической части, гдѣ оставался до 1808 года. Въ 1809, по Высочайшему Указу, въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, исправлялъ должность Оберъ-Секретаря Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Въ 1812 году вторично исправлялъ эту должность въ продолженіи одного мѣсяца, и наконецъ, въ 1816 году былъ утверждёнъ въ этомъ званіи, но носилъ его только съ Генваря до Іюня. Въ

Юнкъ же онъ былъ назначенъ Совѣтникомъ Миссіи въ Персію. Чрезвычайнымъ и полномочнымъ Посломъ этой Миссіи былъ назначенъ Генераль-Лейтенантъ Ермоловъ, Совѣтниками же: Дѣйствительные Статскіа Совѣтники Соколовъ и Негри.

При отправленіи Соколова въ Персію Государю Императору благоугодно было все милостивѣйше пожаловать семейству его, состоявшему изъ жены и 3-хъ малолѣтнихъ дѣтей, ежегодное пособіе въ 2 тысячи рублей серебромъ, не въ зачетъ того жалованья, которое Соколовъ долженъ былъ получать въ Персію.

Въ бытность свою при Посольствѣ, въ 1816 и 1817 годахъ, Соколовъ велъ довольно подробный журналъ, въ которомъ описалъ путешествіе Миссіи къ мѣсту ея назначенія, пребываніе и дѣйствія ея въ Тегеранѣ. Журналъ этотъ представленъ былъ Генераломъ Ермоловымъ Графу Нессельроде, тогдашнему Министру Иностранныхъ Дѣлъ, и нынѣ хранится въ Государственномъ Архивѣ.*

Этотъ полезный, трудолюбивый и ревностный чиновникъ кончилъ жизнь самоубійствомъ: онъ застрѣлся 4-го Мая, 1819 года. Причины, побудившія его къ этому, не извѣстны.»

Что сказать къ этому? Такъ-то у насъ нерѣдко гибнутъ самые замѣчательные люди, характеры стойкіе, неустрашимые ни передъ какими трудностями, пламенно ревностные къ благу и славѣ отечества, передающіе при томъ въ поученіе скромно, просто, безкитростно свои дѣла въ запискахъ, къ крайнему сожалѣнію, не всегда полностью доходящихъ къ потомству.

О. ВОДЯНСКІЙ.

* Есть ли это что отличное отъ журнала Посольства А. П. Ермолова въ Персію, напечатаннаго мною въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ», 1863 г., кн. 2 ?

ПУТЕШЕСТВІЕ МОЕ ВЪ ИМЕРЕТІЮ

СЪ

ЛИНИИ КАВКАЗСКОЙ, МОЕ ТАМЪ У ЦАРЯ ПРЕВЫ-
ВАНІЕ; СЪ НИМЪ СНОШЕНІЕ И ОБРАТНОЕ ОТТУДА
ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ГРУЗИЮ.

Цѣль сего моего начертанія не иная, какъ токмо та, чтобы составить полную и подробную историческую записку моего путешествія чрезъ мѣста, едва ли обстоятельно извѣстныя, и всего въ путешествіи семъ со мною случившагося, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ топографическихъ и статистическихъ замѣчаній, которыя мнѣ и время и обстоятельства сдѣлать позволили.

По чему и начинаю я записку сію со дня моего прибытія на Линію Кавказскую, въ Георгіевскъ.

Пріѣхавъ туда Іюня 23-го и нашедъ уже тамъ Главнокомандующаго, Г. Генералъ-Лейтенанта Кнорринга, изъ Грузіи, по открытіи тамъ новаго правленія возвратившагося, явился я у Его Превосходительства для врученія депешъ, до экспедиціи, Высочайше на меня возложенной, относившихся, по которымъ долженъ я былъ требовать отъ сего начальника тѣхъ вспомоствованій, которыя, для безопасности путешествія по ущельямъ горъ Кавказскихъ, по его благоразсмотрѣнію, мнѣ были нужны.

Въ ту же минуту Главнокомандующій приказалъ отправить нарочнаго въ Моздокъ съ повелѣніемъ, чтобы живущій тамъ нѣкто Ильинъ, Капитанъ Горной Казачей Команды, по его мнѣнію 24-го назначилъ проводника и явился въ Георгіевскъ. По чему и долженъ я былъ оставаться въ Георгіевскъ на нѣсколько дней для ожиданія прибытія Ильина. Бывъ весьма обласканъ лично Главнокомандующимъ и его семействомъ, я не счелъ уже за нужное распространять мое знакомство съ другими особами начальствъ

разныхъ званій, тѣмъ наче, что, по краткости времени моего въ Георгіевскѣ пребыванія, я въ томъ порядочно бы и не успѣлъ.

Занимаясь часто съ Главнокомандующимъ разговорами о новопріобрѣтенномъ Царствѣ Грузинскомъ, я тщательнѣйшее вниманіе обращалъ на все, что отъ него слышалъ, дабы почерпнуть изъ устъ его предварительное понятіе о сей области и о всемъ оной существованіи, особенно же въ отношеніи къ управленію оной новымъ Россійскимъ начальствомъ и къ взаимнымъ оной сношеніямъ съ сосѣдственными владѣльцами Азіи.

Главнокомандующій меня занималъ всегда пространно о своемъ путешествіи по Грузіи, о расположеніи въ оной войскъ, для преграды отъ хищниковъ, Грузію разорять привыкшихъ, и о трепетѣ, поселенномъ въ сосѣдяхъ, которые всѣ уже начали ознаменовывать искательство Высочайшаго покровительства Двора Россійскаго.

При всякомъ же случаѣ Главнокомандующій мнѣ изъяснялъ сомнѣніе свое въ томъ, что едва ли будетъ мнѣ возможность путешествовать въ Имеретію черезъ Грузію, въ разсужденіи того, что рѣка Терекъ, по ущелью горъ, черезъ кои ведетъ дорога въ Грузію, текущая, уже выступила изъ предѣловъ своихъ отъ растаевающихъ снѣговъ, и мосты разрушила.

Въ верстахъ въ 25 отъ Георгіевска разстояніемъ находятся, близь крѣпости Константиногорской, кислыя теплыя воды, изъ горъ истекающія, а далѣе въ Нагайскія кочевья еще верстъ за 30 таковыя же студеныя, начинающія славиться пользою и лѣченіемъ отъ разныхъ недуговъ. Любопытство хотя и завело было меня въ Бештовъ, мѣсто теплыя воды въ себѣ заключающее, но нашедъ тамъ знакомыхъ, изъ Москвы пріѣхавшихъ, и внявши, что въ короткое время я бы не успѣлъ всего обозрѣть, пробывъ тамъ одинъ день, я возвратился паки въ Георгіевскъ, гдѣ нашелъ уже и Капитана Ильина, изъ Моздока прибывшаго.

Сей человекъ, многожды на вѣку своемъ путешествовавшій по всей цѣпи горъ Кавказскихъ, рекомендованъ мнѣ былъ надежнѣйшимъ проводникомъ въ неизвѣстномъ мнѣ пути. Поелику же онъ не предвидѣлъ возможности къ слѣдованію въ Имеретію черезъ Грузію по выше писаннымъ причинамъ, то предлагалъ мнѣ другую дорогу, прямо въ Имеретію ведущую, вершинами снѣговыхъ горъ, предваривъ, однако же, меня, чтобы я самъ съ собою посоветовался, буду ли я въ состояніи перенести всѣ трудности

сего пути, въ разсужденіи того, что, по его увѣренію, надобно будетъ проходить пѣшкомъ версть 40 снѣгами и льдами.

Обязанъ будучи природѣ, безстрашіемъ меня наградившей, я предоставилъ Ильину избраніе дороги, съ какими бы трудностями сопряжена она ни была, изъявивъ ему свое желаніе, какъ найскорѣе въ путь отправиться.

Получивъ отъ Главнокомандующаго, нужныя къ воинскому въ Моздокъ начальству, предписанія о снабженіи меня конвоемъ для безопасности въ горахъ, наполненныхъ хищниками, поѣхалъ я изъ Георгіенска 28-го Іюля съ разсвѣтомъ въ Моздокъ, куда достигъ того же числа по полудни и куда впередъ себя же я отправилъ Ильина.

Случай благоприятствовалъ Ильину встрѣтить въ Моздокѣ старшихъ двухъ братьевъ Осетинскихъ селеній Кубатіевыхъ, тѣхъ самыхъ, чрезъ которыхъ путешествіе мое онъ располагалъ, кон тамъ находились для покупки пшеницы. Отобравъ отъ нихъ соглашеніе быть моими проводниками, до самыхъ подошвъ снѣговыхъ горъ въ Имеретію граничущихъ, представилъ онъ о томъ Коменданту, который, имъ сдѣлавъ пространное толкованіе о услугѣ, каковую они тѣмъ окажутъ предъ главнымъ начальствомъ, отобравъ отъ нихъ увѣреніе, что они безопасно меня проводятъ и въ самую Имеретію, чрезъ всѣ селенія хищниковъ, въ горахъ обитающихъ, которые всѣ съ оими Кубатіевыми въ связяхъ по родству.

Въ Моздокѣ я нашелъ Грузинскаго Князя Ратіева, пріѣхавшаго изъ С.-Петербурга съ прочими изъ свиты Царевичей, въ отечество отпущенными, который тамъ находился въ ожиданіи оказіи ѣхать въ Грузію.

На канунѣ моего изъ Моздока отъѣзда Комендантъ мнѣ предложилъ взять съ собою Князя сего товарищемъ, съ тѣмъ, чтобы онъ изъ Имеретіи могъ ѣхать въ Грузію. Я же предложеніе сіе вовсе отвергнулъ, сказавъ Коменданту, что и мой и Князя Ратіева поступокъ будетъ несообразный съ Высочайшею волею, по тому что противно порядку, чтобы Грузинцы, изъ Россіи въ отечество увольняемые, ѣхали въ оное предѣлами сосѣдственной области тогда, когда есть и прямая изъ Россіи въ Грузію дорога. Если же, по тогдашнему времени, оную слѣдовать возможности не было, то, по моему мнѣнію; единственное Князю Ратіеву къ тому оставалось средство ожидать въ Моздокѣ, доколѣ путь откроется.

А между тѣмъ, до сдѣланнаго еще мнѣ Комендантомъ предложенія, я уже былъ предваренъ К. А. Яковлевымъ о томъ, что Князь Ратіевъ располагалъ употребить въ пользу свою случай моего путешествія, и что въ Моздокѣ всѣмъ почти извѣстно о предметѣ онаго. Весьма меня то удивило, а еще болѣе, когда я вспомнилъ примѣчаніе, Главнекомандующимъ мнѣ сдѣланное, чтобы хранить тайну о моей миссиі, дабы какимъ ни будь образомъ въ Имеретію о томъ не дошло прежде моего туда прибытія.

По порученію, отъ меня данному К. А. Яковлеву, развѣдать, какимъ путемъ о томъ разгласилось, онъ мнѣ донесъ, что Казанскаго мушкатерскаго полку Попъ Алексѣй, бѣжавшій изъ Георгіевска чрезъ Моздокъ въ Науръ, о томъ слухъ распустилъ.

Въ бытность мою въ Георгіевскѣ, между многими, Главнекомандующій мнѣ показывалъ письма, отъ Царевича Ивана въ Грузію адресованныя и въ Моздокѣ перехваченныя, и при семъ случаѣ мнѣ рекомендовалъ Попа Алексѣя, употребляемаго имъ для переводовъ бумагъ Грузинскихъ, отзываясь о немъ, какъ о усерднѣйшемъ и вѣрнѣйшемъ человѣкѣ. Я только и видѣлъ сего Попа Алексѣя; ибо онъ на другой же день моего въ Георгіевскѣ пребыванія отпросился, для свиданія яко бы съ родственниками въ Кизляръ, и туда поѣхалъ.

Я же долженъ былъ опасаться интригъ и изъ самаго Петербурга; ибо, до отъѣзда еще моего оттуда, К. А. Яковлевъ мнѣ неоднократно сказывалъ, что Царевичъ Иванъ ему часто говорилъ, что мы напрасно въ Имеретію ѣдемъ, и что возвратимся съ пустыми руками.

По чему, взявъ все сіе въ соображеніе, я не могъ не возымѣть подозрѣнія на Попа Алексѣя, чтобы онъ не былъ соучастникомъ въ интригахъ, для поданія, чрезъ Грузію, предварительныхъ извѣстій въ Имеретію, о моемъ туда слѣдованіи, и рѣшился о всемъ томъ написать Главнекомандующему;

Комендантъ же, убѣжденный моимъ представленіемъ, остановилъ Князя Ратіева въ Моздокѣ.

По полученіи мною увѣдомленія отъ Коменданта о готовности конвоя, изъ 90 Донскихъ и 10 Горскихъ Казаковъ состоявшаго, въ Екатериноградѣ меня ожидавшаго, отправился я изъ Моздока рано по утру, 30 Іюня, въ Екатериноградъ, откуда, по переночеваніи, я, въ слѣдующій день съ разсвѣтомъ, пустился далѣе.

Переправясь надъ самымъ Екатериноградомъ чрезъ весьма быструю рѣку Малку, въ Терекъ впадающую, съ потерніемъ ток-

мо одной лошади Казачьей, быстротою унесенной, слѣдовали мы равниною и, доѣхавъ до рѣки Кара Терекъ, расположились у оной, для отдохновенія и для корму лошадей.

Отдохнувъ на семь мѣстъ часа съ 2, слѣдовали мы далѣе по весьма плодоносной степи, множествомъ цвѣтовъ испещренной и чащами дубовыми украшенной; переправясь въ бродъ черезъ мелкія рѣки Думанука, Аргуданъ, въ двухъ мѣстахъ черезъ черную рѣчку Лепенъ и Шенерь, впадающія въ Терекъ, достигли мы одной небольшой рощи, на рѣчкѣ Урухъ, въ которой мы расположились ночевать на лугу подъ открытымъ небомъ.

Въ слѣдующій день, Юля 2, продолжали мы нашъ путь къ, такъ называемымъ, Чернымъ Горамъ. Отѣхавши версты 3 отъ ночлега, должны мы были переправляться въ бродъ черезъ множество рукавовъ разливагося Уруха на подобіе Шемонтскаго Тальясна, съ подверженіемъ себя немалой опасности отъ черемъной быстроты сего разлива по каменистымъ рвамъ, такъ что до 40 Казаковъ, раздѣвшись и вошедши въ воду, помогали мнѣ и со мною находившимся переправляться верхомъ черезъ сіи быстрые рукава.

Употребивъ часа съ два на сію многотрудную переправу, поднялись мы на горку, а съ вершины оной продолжали путь по прямой равнинѣ съ множествомъ холмиковъ до Черкесскаго селенія Коголькова, на рѣчкѣ Чаголѣ, вокругъ коего мы занимались разсматриваніемъ многихъ столбовъ изъ камня изсѣченныхъ, съ надписями на Татарскомъ языкѣ, о коихъ старшіе Кубатіевы намъ сказывали, что оныя изображаютъ надгробіе славившихся Князей Большой Кабарды, на тѣхъ мѣстахъ погребенныхъ. Оставляя въ правой рукѣ селеніе Коголькова, не останавливаясь мы продолжали путешествіе горами весьма пологими и мѣстами густымъ лѣсомъ, по большей части дубовымъ, до Черкесскаго селенія Тугинова, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ котораго, на рѣчкѣ Бжижіюко, мы расположились въ небольшой рощицѣ на лужку для отдохновенія.

Укрѣпившись нѣсколько пищею, продолжали мы наше путешествіе равниною до перваго Осетинскаго селенія, Кубатіева, управляемаго старшинами сего названія, меня провожавшими, лежащаго на высокомъ мѣстѣ, по рѣчкѣ Псыхужъ, у подошвы Черныхъ Горъ.

Прибывши въ сіе селеніе, были мы приняты старшинами онаго, Кубатіевыми, весьма ласково и расположились на ночлегъ въ

его домѣ, для насъ очищенномъ и Осетинскими коврами, изъ соломы плетеными, убранномъ.

Въ вечеру хозяинъ дома, старшій братъ Кубатіевъ, Омаръ-Ханъ, сдѣлалъ намъ угощеніе по обряду Горцовъ: онъ принесъ самъ ко мнѣ огромное блюдо деревянное, наполненное хорошо разваренными частями баранины, а по краямъ онаго трехъугольными нарѣзаннымъ Осетинскимъ хлѣбомъ съ овечьимъ сыромъ печенымъ, которое предъ меня поставилъ на небольшомъ деревянномъ треножникѣ.

На другой день, хотя мы встали и весьма рано, но выѣхали не прежде полудня, долженствовавъ склониться на представленіе хозяина нашего, который, извиняясь тѣмъ, что, по случаю давняго изъ дому отсутствія, долженъ былъ заняться домашними дѣлами, не оставилъ намъ, съ откровенностію, соотчицамъ его свойственною, примѣтить, что не онъ у насъ, но что мы у него въ гостяхъ.

По его же представленію о трудности предстоящаго намъ пути, чрезъ дремучія лѣса и ущелья горъ, долженъ я былъ отпустить отъ себя охранявшій меня конвой, оставивъ, однако же, при себѣ 10 Донскихъ и 10 Горскихъ Казаковъ, достаточно вооруженныхъ.

Предъ выѣздомъ изъ селенія мы хозяину, насъ угощавшему въ домѣ своемъ, должны были изъявить за то свою признательность, по чему я и послалъ къ нему нѣсколько серебряныхъ рублей и нѣсколько золотыхъ и серебряныхъ цѣвокъ супругѣ, чѣмъ они были весьма довольны.

Наконецъ около полудни старшины Кубатіевы, явившись ко мнѣ, изъявили свою готовность къ походу, по чему, не медля ни минуты, я и отправился.

Проѣхавши верстѣ 25 пріятными долинами и негустымъ лѣсомъ, будучи при томъ немало обезпоеваемы множествомъ комаровъ и слѣпней, и достигнувши вершины одной горы, мы на оной расположились ночевать.

Въ слѣдующій день, Іюля 4-го, предстоялъ намъ походъ весьма трудный. Поднявшись съ разсвѣтомъ, отправились въ путь, начавши спускаться весьма крутою тропинкою по хребту горы въ ущелье Черныхъ Горъ, ужасныхъ какъ стремнинами, такъ и лѣсомъ, который на оныхъ разросся ярусами отъ подошвы до вершины, что представляетъ зрителю, въ первый разъ на то взирающему, картину удивленія и ужаса.

Проходя дремучими лѣсами весьма трудною дорогою, безпре-
станно поднимаясь и опускаясь по склизкимъ и грязнымъ пригор-
камъ, едва проходимымъ отъ множества свалившагося лѣса, под-
нялись мы на превысокую гору, пріятнымъ скатомъ зелени и цвѣ-
товъ украшенную.

Достигнувши вершины оной, должны мы были спѣшиться и
снять вьюки съ лошадей, по тому что на самой вершинѣ надоб-
но намъ было пролѣзть щелью въ камнѣ, сдѣланною съ помощію
пороха, которая носитъ имя Стодугорской (или Дюгорской) за-
ставы.

Лишь только мы перелѣзли сію щель, какъ объята были не-
обычайнымъ шумомъ отъ стремящейся рѣки Уруха по ущелью
каменныхъ горъ и съ ужасомъ увидѣвши себя на вершинѣ горы,
на подобіе стѣны оканчивающейся къ подошвѣ и къ самому
Уруху.

Съ величайшею трудностію должны мы были спуститься по
утесу сему тропинкою, по каменьямъ зигзагами проложенною, на-
ходясь ежеминутно въ опасности, чтобы съ сего утеса не сва-
литься въ Урухъ отъ сыпавшейся подъ ногами земли глинястой
съ множествомъ камешковъ, употребивъ на сей спускъ ококо 3-хъ
часовъ, и, сошедъ съ сей ужасной лѣстницы, достигли мы не-
большой каменистой равнины, подъ Осетинскимъ селеніемъ Нары,
на горѣ нѣсколько ниже вершины на бной построеннаго, на ко-
торой, отдохнувъ съ часъ подъ огромнымъ камнемъ, нѣкогда отъ
горъ оторвавшись, продолжали мы нашъ путь. Отъѣхавши вер-
сты съ двѣ, увидѣли мы башню, на подобіе воротъ сдѣланную,
между двухъ мостовъ построенную, чрезъ которые намъ надобно
было переходить. Въ семь мѣстъ рѣка Урухъ соединяется изъ
двухъ рукавовъ въ одинъ.

Перешедъ сіи зыблющіеся мосты, мы поднялись на высо-
кую гору, оставивъ въ лѣвой рукѣ за рѣкою Урухомъ на верши-
нѣ горы Осетинское селеніе Нары.

Пробираясь по весьма узкой тропинкѣ, извилинами по утесу
горъ, имѣя въ право превысокую каменную скалу, мѣстами лѣ-
сомъ обросшую, а въ лѣво стремнину сажень на 60 глубиною,
въ которой по каменьямъ весьма быстро и съ великимъ шумомъ
течетъ Урухъ, достигли мы, часовъ въ 6 вечера, до Осетинскаго
селенія Кантемира, у самыхъ подошвъ снѣговыхъ горъ лежаща-
го на высотѣ.

Приближавшись къ сему селенію, встрѣчены мы были жителями онаго, какъ непріятеля; они усмотрѣвъ насъ изъ далека съ башенъ своихъ, по вершинамъ горъ для осмотра построенныхъ, и заключивъ по вооруженнымъ Казакамъ, меня конвоевавшимъ, о насъ, какъ о непріятеляхъ, собрались всѣ вооруженные къ воротамъ селенія, для отраженія насъ, и находились къ тому во всей готовности, когда мы къ оному подъѣхали.

Старшины Осетинскіе Кубатіевы, хотя и считаются въ родствѣ съ Кантемирами, однако же изъ убѣжденія не имѣли надъ сими для насъ удачи, доколѣ самъ старшина Алій Кантемиръ не выѣхалъ къ намъ на встрѣчу и не увидѣлъ Капитана Ильина, котораго Алій называлъ Мегметомъ, спрашивалъ о предметѣ нашего пріѣзда, и коль скоро онъ ему о томъ истолковалъ, то сей, сдѣлавъ знакъ вооруженнымъ поселянцамъ, чтобы они удалились, насъ пригласилъ къ слѣдованію за собою въ селеніе.

Главная же причина сей дурной встрѣчи, сими хищниками намъ сдѣланной, была та, что они вознегодовали на Кубатіевыхъ, для чего они насъ прямо къ нимъ привели, не давъ имъ предварительно о томъ знать, для заключенія съ ними договора о выкупѣ или платѣ, должной за пропускъ насъ черезъ селеніе и помянутыя мосты чрезъ Урухъ, подозрѣвавъ ихъ, что они, взявши съ насъ деньги, не хотѣли, можетъ быть, съ нами подѣлиться.

Не находя пріятности остановиться въ какой либо павѣ, мы просили Алія о показаніи намъ какого ни будь лужечка, который бы былъ не отдаленъ отъ воды, и на которомъ лошади наши также бы могли имѣть кормъ, что онъ исполнилъ, указавъ намъ пріятную рощицу, въ верстахъ въ 2-хъ за селеніемъ, у самой подошвы снѣговой горы, на которой мы и расположились по Цыгански.

Того же вечера Алій Кантемиръ, пріѣхавъ меня посѣтить, прислалъ ко мнѣ послѣ живого ягненка и Осетинскаго пива. Народъ же, кромѣ женщинъ, старый и малый, около насъ толпился, оказывая ко всему удивленіе, какъ дикіе, а мы должны были наблюдать величайшую осторожность, чтобы они насъ не обокрали, по врожденной склонности, и особенному ихъ къ тому цѣлоству. По чему, когда зачало гораздо уже темнѣть, то мы, разложивъ на лагерѣ нашемъ, мѣстахъ въ десяти, огонь, разставили караулъ, а имъ посовѣтовали ити въ свои жилища; ибо они сами не хотѣли догадываться,

По утру слѣдующаго дня, 5-го Іюля, отпустилъ я обратно

10 Донскихъ и 6 Горскихъ Казаковъ, со всѣми лошадьми, давъ имъ надежнаго проводника изъ жителей Кантемирскихъ, и оставивъ при себѣ только четырехъ Горскихъ Казаковъ, знающихъ Осетинскій и Татарскій языкъ.

Я весьма сомнѣвался, чтобы отпущенные мною Казаки сохранили всѣхъ своихъ лошадей, въ разсужденіи того, что оныя, разбившись на утесистой каменистой горѣ, когда съ оной спустились отъ, такъ называемыхъ, Дигорскихъ воротъ, едва могли дойти до сего мѣста. И дѣйствительно, въ послѣдствіи, увидѣвшись съ Офицеромъ сей команды въ Грузіи, я отъ него узналъ, что хотя онѣ дошли благополучно до Екатеринограда, но послѣ большая часть изъ нихъ подохла. Хотя я располагалъ того же дня выступить въ походъ на Снѣговыя горы, однако же долженъ былъ весь день напрасно потерять и въ сей же рощицѣ еще ночевать по той причинѣ, что старшина Али Кантемиръ, обѣщавъ провожать меня чрезъ Снѣговыя горы до перваго селенія Имеретинскаго, собралъ людей, долженствовавшихъ насъ провожать и нести вьюки съ пожитками нашими, и заниматься торгомъ съ другими старшинами того же селенія, по обыкновенію ихъ о дѣлѣжѣ кунака.

Между тѣмъ Али въ сей день неоднократно приходилъ ко мнѣ для испытанія, не отдамъ ли я ему денегъ впередъ, на что я, однако же, ни какъ не соглашался, бывъ уже предувѣдомленъ о ненасытности сихъ народовъ и о привычкѣ дѣлать притѣсненія путешественникамъ, выпрашивая, даже и съ угрозами, болѣе и болѣе денегъ, если не возьмемъ предосторожности, не давать имъ ничего впередъ.

Разсудивъ послать кого ни будь впередъ себя въ первое селеніе Имеретинское, дабы въ ономъ изготовить какое ни будь для насъ пристанище и, есть ли можно, выслать къ намъ лошадей на встрѣчу, когда мы спустимся съ снѣговыхъ горъ, я сдѣлалъ о томъ предложеніе Алію, который въ ту же минуту оное исполнилъ, отправивъ отъ себя Осетинца.

Хотя въ назначенный день къ нашему походу, по сказанію Алія, Юля 6-го, мы и встали съ разсвѣтомъ, надѣясь тотчасъ въ путь отправиться, однако же Алію, коего мы въ ту же минуту послали къ себѣ звать, къ намъ не являлся до 8 часу, извиняясь тѣмъ, что занимался распоряженіемъ домашнихъ дѣлъ; но и по прибытіи его потеряли мы еще часа съ 2; ибо люди, которыхъ онъ съ собою привелъ для насъ проводниками и для ношенія

вьюковъ, подняли между собою превеликой шумъ, коему причиною былъ братъ Аліевъ, также старшина, настаивавшій, чтобы и его люди были участниками въ провожаніи насъ, а не одни токмо Аліевы, въ томъ опасеніи, чтобы сей послѣдній ихъ не обманулъ показаніемъ меньшей суммы, для раздѣла между старшинами, не жели каковую отъ насъ получить въ заплату за труды, или въ кунакъ.

Наконецъ на силу споръ ихъ прекратился и народъ принялся за вьюки.

Часовъ около 9 выступили мы въ походъ въ престранныхъ нарядахъ. Одежда наша состояла изъ короткихъ Черкесскихъ кафтановъ; на головѣ у насъ были Осетинскія круглыя шапочки, на ногахъ родъ башмаковъ, весьма нефигурно сшитыхъ изъ бараней кожи, на подобіе чулочныхъ носковъ, у коихъ подошва сдѣлана на подобіе сѣтки изъ тонкаго ремешка, чтобы, ходя по спѣгу, не поскользнуться; а въ рукахъ у каждаго по надежной дубинкѣ для опоры.

Оставивши нашу рожицу, надобно намъ было два раза переправиться въ бродъ чрезъ Урухъ, быстро стремящійся. Странность сей переправы заслуживаетъ краткаго оной здѣсь описанія.

Нѣсколько Осетинцевъ, раздѣвшись до нага, стали въ рѣку, держась одинъ за другого отъ берега до берега, а потомъ одинъ, также до нага раздѣвшиися, взявъ меня къ себѣ на плечи, пошелъ, одной рукой подпираясь на дубинку, а другую передавая стоящимъ въ водѣ; и такимъ образомъ меня и другихъ со мною бывшихъ переправили.

Мы долго смѣялись тому, что Капитана Ильина, весьма тучнаго человѣка, ни кто изъ Осетинцевъ не бралъ нести на себѣ; но напослѣдокъ согласились двое взять его на себѣ, и такимъ образомъ перетасили его.

Переправясь такимъ образомъ, начали мы подыматься на гору, по весьма каменистой тропинкѣ. Безпрестанно шагая чрезъ камени и пробираясь черезъ кусты, отъ коихъ и лица и руки наши много терѣли и безобразились, и достигнувъ до пространнаго луга, цвѣтами испещреннаго, мы на ономъ отдохнули у каскада, натурою произведеннаго стремленіемъ воды изъ многихъ источниковъ, въ одинъ пунктъ на семь мѣстъ собравшихся съ камня, перпендикулярно въ горѣ стоящаго, довольно высокаго; потомъ мы продолжали ити симъ пологимъ лугомъ до того мѣста, гдѣ

снѣга, и дошедъ, часу въ 4-мъ по полудни, до каменной лачужки, у онаго складенной, должны мы были, по предложенію Алія, тутъ ночевать. Не находя къ тому удобною сію лачужку, по ея тѣснотѣ и нечистотѣ, я предпочелъ ночевать на открытомъ воздухѣ, тѣмъ болѣе, что погода была прекрасная, хотя было и довольно прохладно, избравъ къ тому мѣсто у огромнаго камня, по видимому, съ вершины превысокой горы сорвавшася нѣкогда.

Укрѣпившись пищею, оставались мы въ ожиданіи ночи. Стало ужё смеркаться, какъ Осетинцы, насъ провожавшіе, до того весьма спокойно пребывавшіе, начали шумѣть между собою. Будучи паки возбуждены братомъ Алія къ сомнѣнію, что мы имъ не заплатимъ за труды по окончаніи похода, пришли они къ намъ требовать опыхъ впередъ, въ чемъ я, однако же, на чисто отказалъ, ссылаясь на согласіе ихъ самихъ, чрезъ Алія мнѣ изъясненное, получить плату не прежде, какъ когда они со мною достигнутъ до перваго Имеретинскаго селенія. Не довольствуясь симъ моимъ отвѣтомъ, они отъ насъ пошли къ своей кучѣ и, вскорѣ назадъ возвратившись, намъ объявили, что они намѣрены возвратиться въ свое жилище. Не показывая ни малѣйшаго вида безпокойства я имъ пожелалъ счастливаго пути, но внутренно безпокоясь, чтобы дѣйствительно сіи дикари не оставили насъ однихъ на столь невыгодномъ мѣстѣ, призвалъ я Алія, и его спрашивалъ о причинѣ сего ихъ поступка. Онъ мнѣ съ сердцемъ отвѣчалъ, чтобы я не безпокоился; что его братъ, отъ единой къ нему недовѣрчивости, ихъ возмущаетъ, и что если они уйдутъ, то онъ найдетъ способъ меня благополучно до мѣста проводить. Видѣвши его твердость, я рѣшился ни на что не склоняться и спокойно ожидать окончанія сцены.

Бунтовщики сіи дѣйствительно начали удалаться, но чрезъ нѣсколько минутъ прислали одного изъ кучи своей къ старшинамъ Кубатіевымъ, съ требованіемъ въ залогъ его оружія, для удостовѣренія, что ихъ труды не пропадутъ, на что Кубатіевы безъ затрудненія согласились, и съ симъ же посланникомъ отправили оное къ зачинщику безпокойства, брату Аліеву, который съ онымъ отправясь домой, отпустилъ къ намъ народъ. Несносный шумъ сихъ дикарей, болѣе 2-хъ часовъ продолжавшійся, прекратившись такимъ образомъ, успокоилъ насъ совершенно. Какъ ужъ становилось поздно, то мы начинали помышлять о снѣ. Разославъ на травѣ бурки и войлоки и поставивъ на часы одного Казака, болѣе для того, чтобы не потухалъ нашъ огонь, мы спокойно

полегли, имѣя кровомъ ясное небо и восходящую луну, ни мало не предвѣщавшихъ того, что съ нами случилось.

Хотя и казалось бы, что послѣ усталости отъ труднаго похода, въ тотъ день понесеннаго, должно бы было насладиться крѣпкимъ сномъ, однако же ни я, ни мой товарищъ, Яковлевъ, мы не могли заснуть, кромѣ Ильина, который намъ подавалъ поводъ ему въ семь случаевъ завидовать. Часовъ около 10, примѣтивъ густое облако изъ за вершины горъ несшееся, я сказалъ о томъ Яковлеву съ примѣчаніемъ, сколь неприятно намъ будетъ, если пойдетъ дождь: не прошло часа, какъ то сбылось. Пошелъ сперва небольшой, но вскорѣ усилился, и вода стала уже подходить подъ бурки, на коихъ мы лежали. Принуждены мы были встать и вздумали было искать убѣжища въ помянутой лачужкѣ, дабы, до крайней мѣрѣ, быть подъ крышей, будучи ужь мокры съ головы до ногъ; но Осетинцы, въ оную вобравшіеся, не выслушавъ ни нашихъ убѣжденій, ни Капитана Ильина, ни старшины Алія, не соглашались уступить намъ мѣсто.

Способомъ насилія, однако же, мы койкакъ втѣснились между Осетинцами и съ терпѣніемъ ожидали разсвѣта, весьма притомъ безпокоясь, что если дождь продлится, то содѣлаетъ вовсе невозможнымъ путешествіе наше по снѣгамъ. А Осетинцы, какъ мнѣ о томъ тутъ же сказалъ Ильинъ, между собою разговаривали, что если по разсвѣтѣ дождь не перестанетъ, то они уберутся домой.

Безпокойство наше, однако же, миновалось тѣмъ, что передъ разсвѣтомъ и дождь пересталъ и небо выяснилось. Коль же скоро стало разсвѣтать, то мы, разбудивъ Алія, его просили, чтобы онъ съ нами шелъ, на что онъ безотговорочно согласился.

Состояніе наше было не весьма завидное; ибо мы, почти до костей промокши, пустились къ снѣгамъ до восхожденія солнца, дрожа отъ мокроты и холода.

Сначала, съ версту, или болѣе, ити намъ было нетрудно по пологому скату снѣжному; потомъ столько же почти мы шли ровнымъ мѣстомъ по льду, подъ которымъ во многихъ мѣстахъ слышно журчаніе ручьевъ. Послѣ же сего стоило намъ многихъ трудовъ версты съ 2 подыматься снѣгами до самой вершины горы, весьма крутыми и подобными высунувшимся полушарамъ буграми, такъ что безпрестанно на нѣсколькихъ шагахъ мы останавливались и утоляли жажду снѣгомъ.

Наконецъ, съ помощію Божіею, около 9 часовъ утра, Іюля 7 достигли мы самой вершины и отдохнули съ полчаса на огром-

ной каменной скалѣ, съ которой, смотря въ округъ, я любовался на облака, изъ низшихъ горъ поднимавшіяся на подобіе клубовъ густаго дыма, и мысленно занимался удовольствіемъ, находясь выше облаковъ.

По отдохновеніи на сей скалѣ, ожидали насъ новыя трудности и опасности. Надобно было спускаться со скалы въ низъ сажень на 20, по чрезмѣрно крутому, съ вершины отвѣсному, камню, множествомъ острівъ на подобіе пирамидъ сросшемуся, а съ онаго же по подобной же снѣжной крутизнѣ, на снѣжную равнину, съ которой опять спокойно поднявшись, вошли на другую вершину. Потомъ опять спустились на снѣжное пространное поле, которое тѣмъ было опасно, что во многихъ мѣстахъ были на снѣгу разсѣлины и глубокія пропасти, на подобіе воронки оканчивавшіяся, кои мы всѣ благополучно миновали.

На семъ пространномъ полѣ видѣли мы множество громадъ отъ падавшихъ снѣговъ, въ ледъ превратившихся, происшедшихъ. Иныя представляли фигуры иррегулярныхъ пирамидъ, другія были подобны развалинамъ сводовъ и стѣнъ, и всѣ вообще составлены были изъ нѣсколькихъ слоевъ льду, а на вершинахъ покрыты были снѣгомъ.

Алія, удовлетворяя моему любопытству, мнѣ рассказывалъ, что громады сія происходятъ изъ глыбъ снѣжныхъ, съ вершинъ горъ срывающихся обыкновенно весною, съ ужаснымъ трескомъ, грому подобнымъ и во всѣхъ селеніяхъ горскихъ слышимымъ.

Прошедъ сія мѣста, поднялись мы крутымъ бугромъ по снѣгу на высшую вершину, огромными каменными скалами, на подобіе крѣпостной стѣны полукругомъ въ ту и другую сторону продолжавлююся.

Взошедъ на небольшую площадку на самой вершинѣ, объяти мы были трепетомъ, обозрѣвъ утесъ, на подобіе стѣны, излучинами къ подошвѣ оканчивающійся и снѣгомъ покрытый, по которому намъ надлежало спускаться.

Отпустивъ впередъ себя всѣхъ спутниковъ моихъ оставилъ я при себѣ Алія, одного изъ его людей и Горскаго Казака. Опясавшись веревкою и давъ передній конецъ Осетинцу, а задній Алію, началъ я такимъ образомъ спускаться, сползши, съ великою опасностію, съ вершины до снѣгу, по самой узенькой и скользкой тропинкѣ.

Неописанныхъ трудовъ и опасностей намъ стоило спускаться по снѣжной сей крутизнѣ. Отъ лучей солнца, на полднѣ уже

катившагося, снѣгъ сдѣлался такъ рыль, что не было возможности на ономъ ни какъ держаться; нѣсколько Осетинцевъ шли впередъ, прокладывая на снѣгу слѣды, чтобы, ступивъ въ оныя, я могъ спускаться, но все то было тщетно; ибо снѣгъ безпрестанно осыпался подъ Осетинцемъ; впереди меня шедшимъ, имѣвшимъ въ рукѣ конецъ веревки, который, ежеминутно со слѣдовъ обрываясь увлекалъ меня, а я за собою Алія. Катившись такимъ образомъ внизъ, засыпаемый съ головы до ногъ талымъ снѣгомъ, часто я почиталъ минуту послѣднею въ жизни моей.

Выбившись изъ силъ, хотѣлъ я испытать другой способъ, по предложенію Алія, тотъ, чтобы сѣсть на плечи Осетинцу, но оставилъ и оный, видѣвши, что тѣмъ я подвергалъ себя еще большей опасности: если бъ Осетинецъ поскользнулся, то не могъ бы ни себя, ни меня, спасти.

Наконецъ, оставивъ сіе, я сѣлъ на бурку, которую Осетинцы, съ каждой стороны взявъ за уголь, мало по малу за собою тащили, и Алій, слѣдуя за мною, меня придерживалъ за веревку, и симъ способомъ я спустился до половины горы, гдѣ начиналась излучина и гдѣ, кромѣ снѣга, я усмотрѣлъ каменныя скалы. Отдохнувъ на камнѣ и мысленно принесши Всевышнему благодареніе за спасеніе меня отъ очевидной опасности, я продолжалъ спускаться уже по каменьямъ, опираясь на палку и будучи поддерживаемъ со всѣхъ сторонъ Осетинцами. До самой подошвы я ползъ по симъ камнямъ, находясь ежеминутно въ опасности отъ того, что во многихъ мѣстахъ встрѣчались глинистыя слои съ мелкимъ камешкомъ, весьма острымъ.

Часа въ 3 по полудни находились мы уже на небольшой каменистой равнинѣ, на которой отдыхая, взирали мы съ почтеніемъ на громаду, съ которой мы, съ Божіею помощію, благополучно спустились, имѣвши ежеминутно смерть предъ очами.

Укрѣпивши истощенныя силы наши пищею и сномъ, поднялись мы опять въ походъ, для исканія убѣжища къ ночи, въ той надеждѣ, что посланный отъ Алія Осетинецъ насъ встрѣтитъ съ лошадьми, на которыхъ мы дойдемъ до перваго селенія Имеретинскаго.

Прошедши довольное разстояніе пріятнымъ мѣстомъ по подошвѣ горы, и переправившись въ бродъ черезъ рѣку Ріонъ, изъ ущелій Снѣговыхъ горъ истекающей, встрѣтили мы Осетинца, впередъ для доставленія намъ лошадей посланнаго, который намъ донесъ, что ни лошадей, ни убѣжища для насъ, не сыскалъ,

по чему и принуждены мы были искать онаго въ какомъ нѣ будь закрытомъ и безопасномъ мѣстѣ. Дошедши до пріятной рощи, у подошвы небольшой горы, по коей протекалъ Ріонъ, мы въ оной расположились ночевать

На разсвѣтѣ слѣдующаго Іюля 8 послалъ я Алія въ селеніе, верстахъ въ 4-хъ отъ насъ отстояшее, чтобы онъ сыскалъ намъ въ ономъ убѣжище и высадъ бы на встрѣчу къ намъ лошадей. Спустя же нѣсколько минутъ потомъ, видѣвши, что дождь не перестаетъ, а при томъ же чувствуя сильный ознобъ отъ промокашаго насквозь на мнѣ платья, я рѣшился лучше ити, нежели дожидаться возвращенія Алія съ лошадьми, которыхъ я встрѣтилъ весьма близко отъ селенія Геби надъѣцаемаго.

Осѣдлавши оныхъ на скорую руку, отправилъ я впередъ Капитана Ильина, дабы онъ также приложилъ стараніе сыскать квартиру, которую, однако жъ, съ великимъ трудомъ оны, вмѣстѣ съ Аліемъ, отыскали; я же, пріѣхавъ въ Геби, болѣе часу стоя на лошади подъ дождемъ, на силу того дождался.

Краткое описаніе Дигора или Стодугора съ нѣкоторыми замѣчаніями.

Пространство цѣпей горъ, прежде сего Дигоромъ называвшееся, простиралось на довольноное разстояніе, и именно, отъ земли владѣльца малой Кабарды Тавъ-Султана (о коей подробнѣе изъяснено будетъ ниже) по кряжу Черныхъ и Каменныхъ Горъ и по подошвамъ снѣговыхъ, почти до Ельбруса.

Истары Дигорцы повиновались Тавъ-Султану до тѣхъ поръ, когда Большая Кабарда возымѣла верхъ силою надъ симъ поколѣніемъ, и съ того времени Дигорцы хотя и платятъ Тавъ-Султану подати за землю, но таковую же даютъ и Большой Кабардѣ, дабы тѣмъ избавиться отъ набѣговъ ихъ и разореній. Кромѣ же того Дигорскіе старшины, Каштемиры, восимтываютъ дѣтей Кабардинскихъ Князей, изъ коихъ у Алія я видѣлъ сына Князя Мисостова.

Дигорцы нынѣ раздѣляются на 2 рода, Бадилатовъ и Черкесовъ.

Первые заключаются въ жителяхъ Дигора, отъ селенія Нары, по правой сторонѣ рѣки Уруха, въ горахъ обитающихъ, до застава Стодугорской, и въ селеніяхъ Кабановъ, Шегемовъ, Каражовъ, Тугановъ и Кубатіевъ, происшедшихъ отъ переселившихся изъ Дигора на землю Тавъ-Султанову семей.

А Черкесеты заключаются въ жителяхъ, обитающихъ въ горахъ, по лѣвой сторонѣ Уруха, отъ селенія Кантемира до Нары.

Сосѣдственныя горскіе жители съ Бадилятами суть: Куртаянцы, Тагаурцы и Чими, подвластные владѣльцамъ Малой Кабарды, Ахлову и Мударову; сосѣди же Черкесетовъ Осетинцы, родовъ: Балкара, Ишегема и Каражей, подвластные владѣльцамъ Большой Кабарды. Балкарцы обитаютъ въ самомъ сосѣдствѣ съ Дигорцами, на рѣчкѣ Черегъ, Каражемъ на рѣчкѣ того же имени, въ ущельяхъ Ельбруса, и Ишегемцы на рѣчкѣ того же имени, между Балкарцовъ и Каражей.

Почерпавъ сіи свѣдѣнія отъ старшинъ Кантемирскихъ, любопытствовалъ я отъ него о способахъ существованія Дигорцовъ, внушая имъ, сколь полезна для нихъ быть можетъ ихъ приверженность къ Россіи. Они меня увѣряли, что ни чего для нихъ лестнѣе быть не можетъ, если бы токмо они могли надѣяться на то, что имъ оказаны будутъ нѣкоторыя милости; въ семь они никогда успѣха имѣть не могли, котя неоднократно прибѣгали съ просьбами о томъ къ Начальствующимъ на Линіи Кавказской.

На вопросъ, отъ меня имъ сдѣланный, въ чемъ бы ихъ желанія состояли, они продолжали говорить мнѣ слѣдующее: что какъ выше сказано, Дигорцы повиновались Тавъ-Султану, въ томъ токмо отношеніи, что платили сему владѣльцу небольшую дань за землю, ими населяемую. Что нѣсколько тому лѣтъ назадъ владѣльцы Большой Кабарды, примѣтя ослабленіе потоковъ Тавъ-Султана, отъ раздѣленія, между ними происшедшаго, употребили случай тотъ въ свою пользу, начавъ господствовать не токмо надъ самими Тавъ-Султанами, но и надъ всѣми прочими селеніями, на ихъ землѣ находящимися: Кубатіевымъ, Тугановымъ, Каражовымъ, Шегемовымъ и Кабановымъ, взимая съ нихъ большія подати и преклонивъ къ себѣ старшинъ, какъ сихъ селеній, такъ и всѣхъ Дигорскихъ, избыточными подарками; и такимъ образомъ владѣльцы Большой Кабарды распростерли власть свою до самыхъ подошвъ Снѣговыхъ горъ.

Стеная подъ игомъ хищниковъ, имъ самимъ подобныхъ, и видя могущество Россіи, повсюду простирающееся къ благополучію скипетру ея покоряемыхъ, желали бы они отъ онаго избавиться.

Въ удовольствіе моему любопытству, какимъ бы то образомъ могло событись, они продолжали: чтобы всѣмъ Дигорцамъ, въ бесплодныхъ каменистыхъ горахъ обитающимъ, было дано дозво-

леніе переселиться на землю Тавъ-Султановъ, впускъ лежащую между рѣкъ Уруха и Терека, на томъ положеніи, чтобы, при отведеніи имъ достаточнаго количества земли, за которую они не откажутся платить подати Тавъ-Султану таковой же, каковую имъ возносятъ выше поманутыя селенія: Кубатіево, Туганово, Каражево, Ишегемово и Кабаново, построены имъ были Христіянскія церкви и къ онымъ опредѣлены священнослужители; а при томъ, чтобы они были навсегда обезпечены со стороны безопасности отъ владѣльцевъ Большой Кабарды небольшоимъ, но достаточнымъ, прикрытіемъ Казаковъ или другого войска, такъ какъ подобныя прикрытія были даваны многимъ другимъ мирнымъ Осетинскимъ селеніямъ, для охраненія ихъ отъ набѣговъ Кабардинцовъ.

Границы владѣній поколѣнія Тавъ-Султановъ, какъ мнѣ старшины Дигорскіе истолковали, распространяются обширною степью слѣдующимъ образомъ: Отъ устья рѣчки Аргудана, по краю Сибговыхъ горъ черезъ Урухъ, до устья Аредона, продолжаютъ по лѣвому берегу сей послѣдней, до впаденія оной въ Терекъ, а потомъ черезъ Терекъ вверхъ по рѣчкѣ Киржиму, до устья рѣки Куркъ, и внизъ по оной до впаденія ея въ Терекъ, и наконецъ вверхъ по Тереку, до впаденія въ оную Аргудана.

Желающихъ переселиться на сію землю, по увѣренію Дигорскихъ, можно считать до 120 деревень, и въ оныхъ полагать до 1,400 дворовъ или семей.

Нынѣ существующіе Тавъ-Султаны четыре брата; одинъ старшій служитъ въ пограничномъ Моздоцкомъ Судѣ.

Они тѣмъ охотнѣе согласятся уступить впускъ лежащую степь Дигорцамъ, что не токмо возымѣютъ выгоду отъ сихъ переселенцевъ мѣною, но и обезпечены будутъ безопасностію отъ владѣльцевъ Большой Кабарды.

По моему мнѣнію, и для насъ отъ переселенія сего могутъ произойти ощутительныя выгоды въ томъ, что когда бы оное вліяніемъ Высочайшей воли на Тавъ-Султановъ въ дѣйство произвелось, то во всякомъ случаѣ, относительно хищническихъ операцій горскихъ жителей Большой Кабарды на соотечичей своихъ, Россіи покоренныхъ, населеніе пункта сего, Большую Кабарду отъ Малой раздѣляющую, могло бы служить диверсією.

Дигорцы, не исключая изъ общаго сего названія и переселившихся на пространную землю Тавъ-Султана, которые отъ обитающихъ въ горахъ разиствуются токмо построеніемъ хижинъ, Дигорцы, которыхъ по истинѣ не можно назвать хищниками въ

сравненіи съ прочими, имъ подобными, обитателями ущельевъ, народъ ни малѣйшаго просвѣщенія еще не имѣеть. О вѣрѣ ихъ опредѣлительно можно сказать токмо то, что нѣкогда по ихъ селеніямъ путешествовали Россійскіе Священники, у которыхъ многіе крестились въ Христіанской законъ; но понятіе объ ономъ имѣютъ весьма мало, или, лучше сказать, никакого, и всѣ вообще пребываютъ въ самомъ глубокомъ невѣжествѣ, исповѣдуя идолопоклонническіе обряды, наполненныя предразсудками, исключая, однако же, варварства. Вообще, въ семь народѣ замѣтна склонность къ Христіанской Вѣрѣ. Старшины ихъ или помѣщики, избираемые гласомъ народнымъ, всегда изъ семей, храбростию и благородствіемъ отличающихся, или наслѣдственные, всѣ Татарскаго Исповѣданія.

Образъ жизни ихъ не заключаетъ въ себѣ никакихъ выгодъ, или прихотей. Питаются они весьма дурно печенымъ хлѣбомъ изъ проса, или пшеницы, овечьимъ мясомъ, молокомъ и сыромъ; кожи овечьи имъ служатъ верхнею одеждою, а часто единственною одеждою мужчинъ.

Мужчины почетные ни чѣмъ инымъ не занимаются, какъ оружіемъ. Исправное ружье, пистолеть, сабля и кинжалъ составляютъ все его благополучіе. Простолюдины же, кромѣ тѣхъ, которые сопутствуютъ на рати съ почетными, смотрять за стадами, въ горахъ пасущимися, и большая часть шатается праздно.

Въ случаѣ опасности, селенію предстоящей, заврываютъ женщинъ и дѣтей въ хижины, всѣ выходятъ на выгодныя мѣста съ оружіемъ, а не имѣющіе онаго— съ пращами и дубинами.

Женщины ихъ употребляются во всѣ работы домашнія и хлѣбопашество, гдѣ грунтъ земли того позволяетъ.

Жилища горскихъ обитателей складены изъ камня, безъ всякой оныхъ связи известію, или чѣмъ другимъ. Оныя расположены всегда кучею всѣхъ семей, селеніе составляющихъ, на подобіе замка на высокихъ и неприступныхъ мѣстахъ, и при всякомъ селеніи есть нѣсколько башенъ, почти на вершинахъ горъ расположенныхъ, съ которыхъ смотрять во всѣ стороны караульныя, и коль скоро издали примѣтятъ приближеніе чего либо сомнительнаго, то, по данному отъ нихъ сигналу, въ одно мгновеніе всѣ жители занимаютъ удобныя мѣста къ оборонѣ, такъ какъ то случилось и со мною, что все Кантемирово селеніе насъ встрѣтило съ положенными на сошки ружьями и съ пращами въ рукахъ. Жилища же переселившихся на землю Тавъ-Султана Дигорцовъ

разнствуютъ отъ сихъ тѣмъ, что они расположены нѣкоторымъ образомъ регулярно селеніями при рѣчкахъ; хижины ихъ не изъ камня складены, а выстроены на подобіе Малороссійскихъ мазанокъ и крыты соломой; внутри оныхъ по наружной стѣнѣ всегда есть особое мѣсто для раскладки огня, съ отверстіемъ на подобіе трубы, для ухода дыму.

Дигорскія горы во многихъ мѣстахъ по ущельямъ наполнены непроходимыми лѣсами и изобилуютъ весьма свинцовыми и желѣзными рудниками.

Съ дикостію мѣстъ сообразуется и характеръ сего народа. Хвощность, искусство въ оной, алчность къ деньгамъ, проворство въ ратахъ и въ бѣганіи по горамъ, подобно дикимъ звѣрямъ, образъ ихъ разговора, уподобляющагося болѣе ссорѣ, когда они между собою разсуждаютъ, все доказываетъ ихъ глубокое невѣжество.

Продолжая путешествіе мое, я обращаюсь къ тому, какъ я достигъ до перваго селенія Имеретинскаго, Геби. Оно выстроено довольно порядочно изъ камня со многими высокими башнями или бойницами, по обоимъ берегамъ рѣки Ріона, истекающей изъ многихъ потоковъ съ горъ отъ растаявающихъ снѣговъ, принимающей въ себя множество другихъ рѣчекъ, и впадающей въ Черное море у самой крѣпости Поти, въ Гуріи. Рѣка сія въ семь селеній такъ быстра, что стремленіемъ своимъ увлекаетъ огромные камни; жители сего селенія, на подобіе Татаръ одѣвающіеся, весьма звѣрообразны.

Расположившись для отдохновенія въ предурной дышной избѣ, въ 2 яруса выстроенной, изъ коихъ въ нижнемъ помѣщается хлѣвъ и отдѣляется отъ верхняго поломъ изъ фашичника, на брусьяхъ сдѣланнымъ и глиною обмазаннымъ, но столь удобно, что сквозь скважины онаго испаренія хлѣбныя распространились въ верхній ярусъ, для соединенія съ дымомъ отъ раскладеннаго на полу огня. Но будучи обрадованы и симъ убѣжищемъ, мы старались обсушиться, а между тѣмъ хлопотать о лошадяхъ, располагая, если будетъ можно, на завтра слѣдовать далѣе.

Али Каитемиръ мнѣ донесъ, что въ нѣкоторомъ отъ сего селенія разстояніи пребываніе имѣетъ Князь Джипаридзе, Моуравъ всего округа того же имени; то что лучше къ нему отправить нарочнаго съ извѣстіемъ о моемъ прибытіи и съ просьбою, чтобы

онъ высласть къ намъ лошадей и далъ всѣ потребныя вспоможенія для дальнѣйшаго путешествія, по тому что въ семь селеніи того добиться будетъ не возможно.

Весьма неприятная вѣсть; но уважить слѣдовало; какъ ему, такъ и Кубатіевымъ, я поручилъ то исполнить, давъ имъ на то денегъ, а при томъ не отлагать старанія къ доставленію мнѣ лошадей, дабы и не дождавшись посланнаго къ Князю Джипаридзе, взявъ проводника, ѣхать къ нему прямо.

Не прошло 2 часовъ моего въ убѣжищѣ пребыванія, какъ учинилось происшествіе, въ великое безпокойство меня ввергнувшее. Проводникъ мой, Капитанъ Ильинъ, вошедъ перепуганный въ избу, мнѣ объявилъ, что Кубатіеву младшему разрубили кинжаломъ голову.

Приказавъ въ ту же минуту поставить въ дверяхъ съ ружьями двухъ Казаковъ, изъ числа четырехъ Горскихъ, со мною находившихся, я распрашивалъ у него тому причину, но онъ не могъ мнѣ о ней порядочно изъяснить, и пошелъ, звать Яковлева, находившагося въ самое то время на дворѣ и происшествіе видѣвшаго, и вмѣстѣ съ нимъ мнѣ рассказали, что народъ, никакого старшины надъ собою не имѣющій, изъясняя неудовольствіе о нашемъ прибытіи, взволновался, и когда толпа между собою о томъ разсуждала въ выраженіяхъ, что ни у кого изъ нихъ глаза еще не опушли, Русскихъ дожидавшись, и что ихъ прибытіе не съ тѣмъ ли намѣреніемъ, чтобы Имеретинцовъ покорить на подобіе Грузинъ, то одинъ бросился изъ оной съ обнаженнымъ кинжаломъ, говоря, что онъ всѣхъ перерѣжетъ въ шалашѣ, въ которомъ расположились подлѣ моей избы старшины Кубатіевы и Алій Кантемиръ, и встрѣтивши въ ономъ младшаго Кубатіева, попалъ въ него кинжаломъ, что усмотрѣвъ Осетинцы, насъ провожавшіе съ сими старшинами, коихъ было человекъ до 20, похватились за оружіе, у коихъ таковое было, а другіе, начавъ кидать въ толпу камнями, оную разогнали, и тѣмъ опасный шумъ сей пресѣкся, и послѣ подобнаго ни чего болѣе не было.

Весь сей день прошелъ безъ успѣха: лошадей ни какъ достать мы не могли. Жители, видѣвши наши съ ними ласковые поступки, отговаривались сперва, что они охотно бы намъ оныхъ за предлагаемую плату доставили, но опасаются, что Моуравъ, помянутый Князь Джипаридзе, оныхъ для насъ задержать, чтобы на нихъ же и далѣе его мѣстопробыванія ѣхать; а потомъ говорили, что прибывшая отъ дождей вода въ Ріонѣ снесла всѣ мосты

черезъ которые къ горамъ, въ конхъ лошади пасутся, ити за оными надобно.

На другой день, Іюля 9, около полудни, прибыли ко мнѣ 3 Имеретинца, изъ коихъ одинъ, сдѣлавъ мнѣ пресмышной поклонъ, съ пріивѣтствіемъ отъ супруги Князя Джипаридзе, сказалъ что, за отсутствіемъ самаго Князя, къ Царю отозваннаго, она его къ намъ прислала узнать о моемъ качествѣ: отъ лица ли Государя Россійскаго, или отъ командующаго на линіи Генерала, я къ Царю ѣду? По полученіи отъ меня удовлетворительнаго отвѣта, сей учтивый Имеретинецъ въ ту же минуту съ онымъ отправилъ къ Княгинѣ обонхъ своихъ товарищей, а самъ остался при мнѣ ожидать отъ нея повелѣнія.

Часу въ 5 по полудни явился ко мнѣ другой Имеретинецъ, присланный отъ брата Князя Джипаридзе, за отсутствіемъ его управляющаго Моуравствомъ, съ подобнымъ первому поклономъ и пріивѣтствіемъ, и съ донесеніемъ, что ему приказано доставить мнѣ лошадей и всякое вспомошествованіе, для слѣдованія до мѣста пребыванія Князей Джипаридзевыхъ, которые меня встрѣтятъ у воротъ крѣпости Джидроти.

На другой день, Іюля 10, около 7 часовъ утра, мнѣ пришелъ сказать послѣдне пріивавшій Имеретинецъ, что лошади готовы, и чтобы я не гнѣвался, что оныхъ токмо три; ибо болѣе достать ему возможности не было. Надобно было и тѣмъ довольствоваться. И такъ, распредѣливъ по лошади себѣ, Яковлеву, Ильину, нашелся я принужденнымъ приказать Казакамъ и людямъ слѣдовать за собою пѣшкомъ, а व्यюки съ пожитками, по предложенію Имеретинца, отдать нести пѣшкимъ, имъ нанятымъ людямъ.

Отправившись такимъ образомъ въ путь, въ 8 часовъ по утру, переправясь въ бродъ черезъ Ріонъ, ѣхали мы сперва лощиною, по подошвамъ каменныхъ горъ, весьма каменистою, множествомъ источниковъ, въ Ріонъ впадающихъ, орошаемою, пробираясь при томъ во многихъ мѣстахъ черезъ густые кустарники, насъ довольно поцарапавшіе. Потомъ мы поднимались на четыре горы и съ оныхъ спускались, сходя съ лошадей и карабкаясь по каменьямъ, во многихъ мѣстахъ утесами оканчивающихся въ Ріонъ; быстротою Урухъ превосходящій, и перелѣзали черезъ дѣрвья, свалившіеся съ корнями. Лошадей же нашихъ обводили горами, нѣсколько подалѣе.

Приблизившись, часа въ 2 по полудни, къ крѣпости Джидроти, у самыхъ воротъ, не въѣзжая въ оную, встрѣтили меня 3

брата Князя Джипаридзе, съ большою свитою, на лугу, подъ большимъ деревомъ, сидѣвшіе по Турецки.

Крѣпость сія не иное что, какъ башня, въ каменномъ утѣсѣ огромной горы сдѣланная, на подошвѣ оной въ Ріонѣ оканчивающейся, имѣющая плохую деревянную дверцу, въ которую можетъ токмо пройти лошадь. У сихъ воротъ стоитъ всегда часовой, вопрошающій проѣзжаго: кто, оттуда, куда и за чѣмъ?

Сія крѣпость есть истинная граница Имеретіи къ горамъ Кавказскимъ; ибо селеніе Геби и другое, коего имя я запомнилъ, видѣнное мною въ сторонѣ, на дорогѣ до крѣпости, хотя признаютъ Царя Имеретинскаго своимъ владѣтелемъ, но между собою властей не терпятъ. У нихъ нѣтъ ни Моурава, ни иного старшины; существуютъ же безъ всякихъ правъ, кромѣ относящихся къ собственности личной каждаго. Царь Имеретинскій, Соломонъ 1-й, ихъ покорившій, не взыскалъ съ нихъ никакихъ податей, но для сохраненія добраго согласія съ Дигорцами, и именно съ селеніями Черкесетовъ, отдалъ право старшинамъ оныхъ, что когда они будутъ пріѣзжать въ Имеретію, чтобы въ сихъ селеніяхъ жители безъ платы имъ дѣлали угощенія, и къ сямъ же старшинамъ относились на расправу въ случающихся между ими распряхъ, что и до нынѣ существуетъ.

По взаимномъ привѣтствіи и по отдохновеніи съ полчаса, сѣвъ на лошадей, мы продолжали ѣхать, и въ 5 часовъ по полудни прибыли въ селеніе Князя Джипаридзе для переночеванія.

Обратившись къ старшему изъ сихъ Князей, въ отсутствіи брата моуравствующему, съ изъявленіемъ желанія отправить съ разствѣтомъ будущаго дня впередъ себя къ Царю Коллежскаго Ассессора Яковлева, съ извѣщеніемъ о моемъ въ его предѣлы прибытіи и для испрошенія, когда Его Высочеству угодно будетъ меня удостоить пріемомъ, я получилъ отъ него въ отвѣтъ, что онъ, по долгу своему, послалъ уже къ Царю нарочнаго съ увѣдомленіемъ о моемъ въ его домѣ нахожденіи, и что, по возвращеніи онаго съ повелѣніемъ Царскимъ, мнѣ объ ономъ дастъ знать, присовокупивъ къ тому, что если мнѣ будетъ пріятно, то онъ самъ меня проводитъ до мѣста пребыванія Его Высочества, на что я ему отвѣтилъ, что сочту себѣ особенною честію его товарищество.

На другой день, 11-го Іюля, рано по утру, прислалъ онъ ко мнѣ одного изъ своихъ братьевъ съ увѣдомленіемъ объ отвѣтѣ отъ Царя, съ возвратившимся его посланнымъ привезеннымъ, что Его Высочеству пріѣздъ мой будетъ весьма пріятенъ, и что, буде

я хочу, то онъ готовъ къ отъѣзду, что я въ ту же минуту исполнялъ.

Отъѣхавши версть съ 10, Князь Джипаридзе мнѣ предложилъ отдохнуть, а при томъ сообщилъ, что онъ получилъ того же утра повелѣніе, нѣсколько позже перваго, чрезъ брата его мнѣ объявленнаго, ожидать прибытія Его Высочества въ городъ Калакъ, близъ котораго мы отдыхали, и что если завтрашній день Царь туда не пріѣдетъ, то мы поѣдемъ далѣе.

Я долженъ былъ и на сіе согласиться; и по тому расположенъ ожидать прибытія Царскаго въ отведенномъ мнѣ крестьянскомъ домѣ въ Калакъ, принадлежащемъ Салтхуцелу, Князю Зурабу Церетелю.

Того же дня подъ вечеръ прислалъ ко мнѣ Князь Джипаридзе человекъ съ изъявленіемъ желанія со мною видѣться, и я его пригласилъ къ себѣ на чай.

Пришедши ко мнѣ, онъ объявилъ, что онъ отправилъ къ Царю своего брата съ донесеніемъ о моемъ пребываніи въ Калакъ, и что ожидаетъ его возвращенія на завтра около полудня. Поблагодаривъ его за сіе извѣщеніе, я его просилъ о сообщеніи мнѣ немедленно повелѣнія, какое онъ получить.

Въ слѣдующій день, Іюля 12, тщетно я ожидалъ того до самаго вечера, но, не получая отъ него никакого отвѣта, рѣшился къ нему послать Ильина о томъ спросить. Князь Джипаридзе съ Ильинымъ ко мнѣ прислалъ брата своего для донесенія, что посланный возвратился и съ нимъ прислано повелѣніе, чтобы еще оставаться въ Калакъ до завтра, и что вышлетъ ко мнѣ Царь на встрѣчу своихъ царедворцевъ. Моураву же приказано имѣть въ готовности потребное мнѣ число лошадей. Спустя нѣсколько минутъ пришелъ ко мнѣ и самъ Князь Джипаридзе для подтвержденія того.

Оставшись съ нимъ наединѣ, покажѣсть носили чай, я исподволь давалъ примѣтить Князю сему мое удивленіе на счетъ отлагательства Царя меня удостоить приѣмомъ, и на тотъ, что я хотѣлъ предъ Его Высочествомъ сохранить пристойность, отправивши къ нему съ извѣстіемъ о моемъ прибытіи въ его предѣлы Яковлева, но что и въ семъ вижу препятствія и невозможности.

Моуравъ мнѣ на сіе отвѣчалъ весьма дипломатическимъ тономъ, что Царь считаетъ мой пріѣздъ за подарокъ, судьбою ему присланный, удостоившись еще впервые видѣть у себя посланца отъ лица великаго Государя Россійскаго. Что Его Высочество

любопытствовалъ у посланнаго, изъ Калака о предметъ моего прїѣзда, на что онъ отозвался незнаніемъ. Я ему на сіе отвѣчалъ, что я ни мало не сомнѣваюсь, чтобы Царю не было прїятно мое прибытіе, и ни чего не говоря о предметъ онаго, склонилъ я разговоръ на постороннее.

Моуравъ послѣ сего мнѣ сказалъ, что Царь послалъ къ Салтхуцелу Князю Церетелю (первому въ Царствѣ вельможѣ), находящемуся въ деревнѣ своей, для приглашенія его съ собою, по случаю моего прїѣзда. Между тѣмъ нечувствительно зашла рѣчь о Царевичахъ Грузинскихъ, въ Россіи пребывающихъ. Моуравъ любопытствовалъ отъ меня, гдѣ они, и какъ живутъ?

Удовлетворяя сему, я ему говорилъ, что они обрѣтаются въ С.-Петербургѣ, и взысканы многими милостями Государя Императора.

На вопросъ же его, долго ли они тамъ пробудутъ, я ему отвѣчалъ, что поелику они добровольно пожелали остаться въ С.-Петербургѣ до тѣхъ поръ, доколѣ отечество ихъ не будетъ приведено въ надлежащее устройство и безопасность отъ ищниковъ, оное окружающихъ, то что Его Императорское Величество соизволилъ ихъ отличить знаками орденовъ и отъ щедротъ Монаршихъ пожаловать каждому изъ нихъ пристойное содержаніе.

Моуравъ мнѣ на сіе отвѣчалъ, что какъ скоро свѣдѣнія о такомъ благополучіи достигнутъ до Царя его, то что Его Высочество возымѣетъ вящее желаніе удостойтсѣя милостей Россійскаго Государя Императора, которыя снискать Его Высочество давно желаетъ.

Усмотрѣвши изъ глазъ его, что онъ ожидаетъ отъ меня на сіе отвѣта, и при томъ вспомнивши сказанное уже мнѣ отъ него, что Царь любопытствовалъ у посланнаго о предметъ моего прїѣзда, то разсудивъ, что всѣ его разговоры имѣютъ въ виду почерпнуть отъ меня что либо о миссіи моей, для поданія объ оной предварительнаго свѣдѣнія Царю, я ему отозвался, что нашъ Всемилостивѣйшій Государь Императоръ, по сродному великодушію своему, милосердіе и щедроты свои обращаетъ на всѣхъ оныхъ, праведно снискивающихъ.

Отвлекая его такимъ образомъ отъ предмета, на который онъ имѣлъ главнѣйшую цѣль, я съ нимъ распрощался, стараясь при томъ во всякомъ случаѣ осыпать ласками и учтивостями, имѣя всегда въ виду изъ него почерпать мало по малу свѣдѣнія, мнѣ потребныя.

Когда же Яковлевъ его провожалъ по двору, какъ онъ отъ меня пошелъ, то, отозвавъ его въ сторону, Моуравъ ему сказалъ, чтобы я не беспокоился медленностію Царя въ приглашеніи меня къ себѣ, объявивъ ему, по секрету, что тому причиною нѣкоторыя смутныя обстоятельства въ домѣ Царскомъ, и именно: вражда съ владѣтельнымъ Княземъ Дадіаномъ, требуетъ отъ него удѣла братьямъ его, у Его Высочества находящимся. Что хотя военныя дѣйствія на сихъ дняхъ казались идущими къ окончанію заключеннымъ договоромъ, коимъ Князь Дадіанъ обязывался братьямъ своимъ уступить по настоянію требуемый участокъ, который договоръ вчерашній день долженствовалъ быть присланъ къ Царю отъ Дадіана, утвержденный его печатью, но что Дадіанъ Царя обманулъ, отъ чего Его Высочество весьма гнѣвенъ и въ великомъ безпокойствѣ. Что же касается до моего приѣма, то что Царь самъ съ нетерпѣніемъ видѣть меня желаетъ, но находится въ размышленіи съ вельможами своими, за чѣмъ бы я пріѣхалъ, бывъ при томъ весьма встревоженъ извѣстіемъ, что яко бы со мною же слѣдуетъ множество Черкескихъ Князей, но что уже въ томъ успокоенъ донесеніемъ обстоятельнымъ его, Моурава.

Юля 13, часу въ 8 по утру, прислалъ ко мнѣ Князь Джипаридзе сказать, что онъ досталъ потребное мнѣ число лошадей, то чтобы я съ ними договорился, о цѣнѣ, а онъ ихъ при себѣ будетъ держать въ готовности къ немедленному нашему изъ Калака отбытію, по первому приглашенію отъ Царя, что я исполнилъ.

Юля 14 сей Князь меня посѣтилъ. По обыкновенномъ пріѣтствіи, онъ мнѣ оказалъ удивленіе, съ нѣкоторымъ на своего Царя негодованіемъ, на счетъ отлагательства Его Высочества въ призывѣ меня къ себѣ, донесъ при томъ, что сего утра онъ отправилъ паки къ Царю своего брата, и что надѣется, что или съ симъ братомъ своимъ получить повелѣніе, или Царь кого либо пришлетъ ко мнѣ на встрѣчу изъ вельможъ своихъ, присокупивъ къ тому, чтобы я былъ спокоенъ и на него бы не сердился, увѣряя, что онъ тому не причиною, и что если бы отъ него зависѣло, то что онъ бы всячески постарался мнѣ угодить.

Поблагодаривъ его за сіе, принужденъ я былъ паки вооружиться терпѣніемъ. Въ слѣдующій день, тщетно ожидая извѣстія до полудня, я послалъ опять къ Моураву Ильина объ ономъ навѣдаться, но который, возвратясь, мнѣ донесъ, что посланный къ Царю недавно возвратился съ приказаніемъ отъ Его Высочества

завтрашній день меня препроводить въ ближайшее селеніе къ мѣсту пребыванія Царя, находящагося, по случаю военныхъ дѣйствій съ Дадіаномъ, въ Хонцкари.

Ильинъ же при семъ мнѣ сообщилъ слышанное имъ отъ возвратившагося брата Моурава, что Царь въ великомъ находится безпокойствѣ и гнѣвѣ на владѣльца Дадіана, не исполнившаго его требованій, въ послѣднемъ договорѣ предложенныхъ, и что по тому твердое возымѣлъ предпріятіе отомстить за то Дадіану изгнаніемъ его изъ всѣхъ владѣній.

Юля 16, часовъ въ 7 по утру, послалъ я просить къ себѣ Моурава. Пришедъ ко мнѣ, онъ объявилъ, что все въ одну минуту будетъ готово, и что мы поѣдемъ.

Какъ опъ мнѣ казался довольно искреннимъ, по нѣкоторымъ, уже сдѣланнымъ, сообщеніямъ объ обстоятельствахъ, въ которыхъ Царь находился, то и хотѣлъ я испытать, не могу ли изъ него чего либо болѣе почерпнуть; по чему, мало по малу къ тому приступая, когда съ нимъ мы остались наединѣ, я къ нему обратился съ изъявленіемъ ему признательности за его ко мнѣ попеченія съ самаго моего въ Имеретію прибытія и съ обѣщаніемъ по возможности его за то возблагодарить, и при томъ, повторивши ему признательность же мою за искреннее его ко мнѣ на самомъ опытѣ благорасположеніе, я продолжалъ говорить, что, будучи весьма далекъ имѣть на него подозрѣніе, чтобы онъ былъ причиною моего шестидневнаго здѣсь безъ всякой пользы пребыванія и, ни мало не опасаясь, чтобы промедленіе таковое обратилось мнѣ въ предосужденіе, безпокоюсь я токмо тѣмъ, что если дойдетъ о томъ до свѣдѣнія моего Государя Императора, то что его Императорское Величество справедливѣйше можетъ заключить, что Царь, будучи давно уже извѣщенъ о моемъ въ его предѣлахъ нахожденіи, не оказалъ ни малѣйшаго желанія меня принять, для полученія Высочайшей Его Величества грамоты.

Моуравъ мнѣ на сіе отвѣчалъ, что, по точному его понятію всего, мною сказаннаго, опъ самъ давно о томъ размышляетъ, и удивляется постуку своего Царя, увѣряя, однако же, что происходитъ оный единственно отъ молодости и совершеннаго незнанія цѣнныя вещи по ихъ достоинству, а болѣе еще отъ того, что внутреннія дома Царскаго обстоятельства ему не позволяютъ меня принять приличнымъ образомъ; ибо онъ находится въ походѣ, собирая войско для нападенія на владѣльца, Князя Дадіана.

Содѣлавши такимъ образомъ основаніе къ тому, что въ пред-

метѣ я имѣлъ, считалъ я сію минуту удобнѣйшею къ извлеченію изъ Моурава всего, что узнать мнѣ было нужно; по чему я его и просилъ дать мнѣ понятіе о враждѣ Царя съ Дадіаномъ, и причинахъ, оную произведшихъ.

Моуравъ мнѣ на сіе говорилъ, что всему причиною самъ Царь, по тому что, цѣ восшествіи на царство, Его Высочество, бывъ за оное немало обязанъ Князю Дадіану, далъ ему торжественно клятву сохранить съ нимъ ненарушимо дружбу и согласіе, и оказывать ему все уваженіе, какъ ближайшему своему родственнику (ибо Царь имѣеть въ супружествѣ сестру владѣльца сего), но клятвы сей Его Высочество не сохранилъ.

На вопросъ, мною сдѣланный: что же бы побудило Царя нарушить свою клятву? Князь Джипаридзе продолжалъ, что единственная охота распространить свои владѣнія, и что Его Высочество еще къ тому подстрекаемъ одною особою, имено Сардаремъ, Княземъ Кайхосро Церетелемъ, величайшею довѣренностію отъ Царя пользующимся, который, побуждаемый жадностію къ пріобрѣтеніямъ, старается всячески склонить Царя къ завоеванію у Дадіана владѣній, чтобы имѣть изъ оныхъ себѣ послѣ участки, подобно какъ были отняты имущества покойнымъ Царемъ Соломономъ 1-мъ у Князей Еристовыхъ Методіевыхъ, изъ коихъ участкомъ награжденъ домъ Князей Церетелевыхъ.

Послѣ сего я спрашивалъ у Моурава, что какъ онъ самъ изъ почтенныхъ дворянъ Имеретинскихъ, то, конечно, ему не можетъ не быть извѣстно поведеніе Дадіана противъ Царя и образъ мыслей, какъ вельможей Царскихъ, такъ и сосѣдей о семъ владѣльцѣ.

Онъ же меня клятвенно увѣрялъ, что Дадіанъ никогда поступками своими противъ Царя не заслужилъ, чтобы Его Высочество такъ съ нимъ поступалъ, но что, напротивъ, свято хранилъ обязанности и родственника и ближняго сосѣда, и тѣмъ заслужилъ почтеніе отъ всѣхъ благомыслящихъ вельможей Имеретинскихъ.

Оказывая Князю Джипаридзе мое удивленіе, что Царь, имѣя столь добраго сосѣда, не отдаетъ ему должной справедливости и не оказываетъ оному взаимнаго дружества, я его просилъ мнѣ изъяснить, въ какихъ отношеніяхъ владѣтельные Князья Дадіаны состояли прежде сего съ Царствомъ Имеретинскихъ, и зависимость ихъ отъ сего до какой простиралась степени?

Онъ мнѣ на сіе сказалъ слѣдующее: что владѣльцы, какъ Дадіаны, такъ и Гуріели, ни въ подданствѣ, ниже какой либо

зависимости у Имеретіи никогда не были, но всегда съ симъ Царствомъ состояли въ связяхъ дружбы и сосласія, и оказывая всякое оному вспомошествованіе, когда таковое въ зависящемъ отъ нихъ требовалось; что равнымъ образомъ и въ распредѣленіи права наслѣдства въ сихъ владѣніяхъ Имеретія вліянія никакого не имѣла; ибо всегда по смерти владѣтеля наслѣдовалъ въ родѣ старшій сынъ, или братъ.

Владѣнія Дадіана раздѣляются на 3 области: Одиши, Лечгумъ и Суани; двѣ первыя области нѣсколько уже вѣковъ принадлежатъ предкамъ нынѣшняго владѣльца, а 3-я, простирающаяся по подошвамъ цѣли Кавказскихъ горъ Ельбруса до Чернаго моря, содѣлалась зависимою отъ Дадіановъ съ тѣхъ поръ, какъ въ Лечхумской области сооружена крѣпость Цхывши, чему уже болѣе 100 лѣтъ.

На вопросъ Моураву, мною сдѣланный, какую придирку Царь сыскалъ къ учиненію явнаго на Дадіана нападенія, онъ мнѣ разсказалъ, что Царь, посредствомъ Сердаря своего, Князя Кайхосро Церетеля, посѣлалъ несогласіе между владѣльцемъ и его тремя братьями, въ томъ видѣ, чтобъ они, будучи недовольны достаточнымъ содержаніемъ отъ владѣльца, ихъ брата, имъ даваемымъ, прибѣгнули къ Царю съ просьбою, чтобы онъ его принудилъ каждого изъ нихъ наградить особымъ удѣломъ, чему, однако же, Князь Дадіанъ не повиновался, хотя Царь и сдѣлалъ положительное удѣловъ назначеніе каждому изъ братьевъ его.

Я любопытствовалъ у Моурава, чѣмъ сіе происшествіе кончилось, и въ какомъ теперь положеніи оное, его отвѣтъ былъ тотъ: что, неблагоразуміе Царя все испортило для него, самаго; ибо онъ вздумалъ перемѣнить назначеніе удѣловъ, по видимому, для возрожденія ненависти и между трехъ братьевъ, оказаніемъ предпочтенія одному предъ другими, которые, видѣвши таковое непостоянство Царя, обратились съ раскаяніемъ къ владѣльцу Дадіану, согласившись остаться на прежнемъ положеніи.

Царь же, видя таковую неудачу, началъ дѣйствовать съ Дадіаномъ непріятельски, требуя отъ него уступки области Лечхумской, что Дадіанъ, однако же, ему въ томъ отказываетъ, не страшась и угрозъ Царя быть къ тому побужденнымъ силою оружія; ибо имѣетъ онаго самъ достаточно къ отраженію Имертинцевъ.

Князь Джипаридзе, заключая симъ разговоръ со мною, мнѣ еще объявилъ, что, кромѣ сихъ смутныхъ обстоятельствъ, Царь пребываетъ въ безпокойствѣ отъ невѣдѣнія о предметѣ моего

пріѣзда; что всякій разъ о томъ спрашиваетъ у посланнаго отъ него, размышляя при томъ съ вельможами своими, чтобы не былъ я присланъ отъ Высочайшаго Двора для освобожденія заключеннаго въ крѣпости Царевича, сына покойнаго Царя Давыда; заключая о семъ по тому, что Царица Анна, его мать, поѣхала въ Россію, и опасаясь, чтобы освобожденіемъ сего юноши не было потрясено основаніе сего Царства.

Я Князю Джипаридзе на сіе отвѣчалъ, что доколѣ не буду имѣть чести вручить Его Высочеству Высочайшей Его Императорскаго Величества грамоты, то я самъ о томъ не вѣдаю.

Еще же мнѣ признался Моуравъ съ трепетомъ, что случившееся въ недавнемъ времени происшествіе съ изгнаннымъ изъ Ахалцыха Сабудъ-Пашею есть неизгладимое пятно достоинству ихъ Царя.

Съ видомъ незнанія спросилъ я у него, что за происшествіе? Онъ же мнѣ въ подробности разсказалъ слѣдующее: что когда Сабудъ Паша, будучи изнанъ изъ Ахалцыха похитителемъ достоинства своего, Шерифъ Пашею, со спасенными сокровищами своими прибѣгнулъ къ Царю для снисканія убѣжища, доколѣ Султанъ, получивъ о томъ свѣдѣніе, не пришлетъ повелѣнія сосѣдственнымъ съ Ахалцыхомъ Пашамъ, его пакы возстановить, то Царь, хотя въ предѣлы свои его и принялъ дружески, но что послѣ, за нѣсколько (12) тысячъ денегъ, отъ Шерифъ-Паши предложенныхъ, по настоянію Царевича Грузинскаго, Александра, обще со Сердаремъ, Княземъ Кайхосро Церетелемъ, и ласкаясь воспользоваться сокровищами Сабудъ-Паши, приказалъ его лишить жизни самымъ варварскимъ образомъ. Получивши о томъ предложеніе отъ Шерифъ-Паши, и положивши въ намѣреніи съ Царевичемъ Александромъ произвести оное въ дѣйство, Царь совѣтовалъ Сабудъ-Пашѣ, жившему въ Кутаисѣ, столицѣ Имеретинской, переѣхать въ крѣпость Сухава (въ Рачѣ), подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы онъ, находясь въ отдаленіи отъ границы Ахалцыхской, могъ быть внѣ опасности отъ всякихъ замысловъ, или покушеній, похитителя его достоинства, Шерифъ-Паши. Сабудъ-Паша, полагая въ Царѣ всю свою довѣренность, будучи уже ему обязанъ за дарованное убѣжище, принялъ съ благодарностію сіе предложеніе. Пріѣхавъ въ помянутую крѣпость, былъ онъ въ оную принятъ съ почестями и расположился въ главной башнѣ двухъэтажной, для него изготовленной, имѣя съ свитѣ своей 2 приближенныхъ людей и 5 человекъ служителей. Все оружіе, при нихъ бывшее, было положено въ нижній

этажъ, а Паша занялъ верхній. Какъ башня сія нѣкогда состояла изъ 3-хъ ярусовъ, отъ древности обветшала, но къ прибытію Паши нижній и средній быи поправлены, а верхній оставленъ въ руинахъ, и былъ назначенъ для произведенія смертоубійства, посредствомъ скважины на потолокъ 2 яруса, нарочно для того оставленныхъ скрытно. Нѣсколько дней спустя, чиновникъ, имѣвшій отъ Царя порученіе учинить злодѣяніе, въ ночное время, тайно взобравшись на верхъ башни, съ нѣсколькими сообщниками, убилъ Пашу черезъ скважины въ потолокъ изъ 2 ружей, а прочіе ранили 2 чиновниковъ, съ нимъ сидѣвшихъ, которые были дорѣзаны кинжалами.

Исполнивъ такимъ образомъ варварское повелѣніе Царя, исполнители, отрѣзавъ у Паши голову, привезли оную къ Его Высочеству, со всѣми сокровищами, при немъ найденными, которыя полагаютъ суммою не менѣе, какъ на 200 тысячъ (100,000 піастровъ).

Въ удостовѣреніе Шерифъ-Паши, Царь отправилъ къ нему голову, за которую онъ къ Его Высочеству прислалъ 12 тысячъ, Царевичу Александру 5 тысячъ, а Царицѣ образъ съ богатымъ окладомъ, въ подарокъ.

Разсказавъ сіе, Моуравъ изъявилъ свое опасеніе, что, къ не счастью, Царь, будучи въ сіе вовлеченъ извергами, его окружающими, не предвидитъ опасныхъ для себя слѣдствій, отъ того произойти могущихъ, если Порты, коей не можетъ происшествіе сіе не быть извѣстно, рано, или поздно, захочетъ Царю за то отомстить.»

Симъ разговоръ его со мною окончился, и онъ, спустя часа 3, послѣ ко мнѣ прислалъ своего брата съ донесеніемъ, что все къ отъѣзду готово.

Выѣхавъ, Іюля 16, около полудни, изъ Калака, слѣдовали мы съ частью по берегу Ріона, а потомъ, по показанію Моурава, свернули на лѣво и продолжали путь узенькою и каменистою тропинкою до селенія Куашхѣти, на горѣ лежащаго. Достигши онаго часа въ 3 по полудни, по предложенію Моурава, мы въ оноиъ остановились въ прохладномъ мѣстѣ, подъ орѣховыми деревьями, для отдохновенія.

Мнѣ хотѣлось знать о причинѣ, Моурава побудившей, оставить прямую дорогу по берегу Ріона, насъ вести по горамъ и почти непроходимымъ мѣстамъ, и я его о томъ спросилъ. Онъ же мнѣ отвѣчалъ, что рѣка сдѣлала на дорогѣ прорывъ, и что онъ о томъ бывъ предваренъ, насъ сюда новелъ что, однако же, былъ совершенной обманъ, какъ я послѣ усмотрѣлъ.

Крестьяне намъ нанесли хлѣба, молока, орѣховъ и вина, и мы, позавтракавши, отдохнули. Я же заснулъ. Проснувшись, я посмотрѣлъ на часы, и видѣвши, что уже 4 часа, спрашивалъ я, не пора ли намъ ѣхать? Но братъ Моурава, подлѣ меня стоявшій, мнѣ сдѣлалъ предложеніе: что какъ я, можетъ быть, отъ жару и верховой ѣзды утомился, то не разсужу ли я въ семь селеній ночевать?

Поблагодаривъ его за оное, я ему отвѣчалъ, что предпочитаю ѣхать далѣе, чтобы сблизиться съ мѣстомъ пребыванія Царя. Онъ же мнѣ на сіе сказалъ, что Моуравъ имѣетъ отъ Царя повелѣніе меня оставить въ семь селеній до тѣхъ поръ, какъ Его Высочеству угодно будетъ меня къ себѣ пригласить.

Видѣвши сію дерзость, всталъ я съ мѣста и, подошедъ къ Моураву, ему сказалаъ, что если онъ имѣетъ отъ Царя такое повелѣніе, долженъ бы онъ былъ мнѣ еще въ Калакѣ объ ономъ сообщить, или же въ ту минуту, какъ мы въ сіе селеніе, Куашъ-хіети, пріѣхали; но поелику онъ намъ далъ время отдохнуть, а между тѣмъ ни чего и ни кому не приказывалъ, чтобы облегчить вьючныхъ и верховыхъ лошадей, и ни малѣйшаго вида не показывалъ до сей минуты, чтобы здѣсь для почлега намъ расположиться, то, почитая объявленную имъ мнѣ волю Царскую, хитрою выдумкою, а, по образу объявленія оной, подозрѣвая въ томъ паки ихъ намѣреніе меня влечь изъ мѣста въ мѣсто, и задерживать, какъ плѣнника, а не поступать со мною, какъ съ посланцомъ Великаго Государя, оставаться въ семь селеній ни подъ какимъ видомъ не соглашаюсь, предваривъ его при томъ, что, буде бы онъ вздумалъ употребить къ тому какое либо насиліе, то что оное простираться можетъ токмо до того, чтобы распустить его лошадей, что я ему съ удовольствіемъ исполнить дозволю, но что, пренебрегши всѣ опасности и покинувъ весь свой экипажъ, навьючу самонужнѣйшее на 4 моихъ Казаковъ и 2 людей и слѣдую пѣшкомъ до тѣхъ поръ, пока не отыщу Царя, примѣтивъ ему при томъ, что онъ не изволилъ мнѣ дать требуемыхъ мною вспомоствованій, для отправленія впередъ себя съ извѣстіемъ къ Царю о моемъ прибытіи, моего переводчика, сколько я ему о томъ ни повторялъ.

Моуравъ, выслушавъ сіе и снявъ Гишпанскую свою шапку, мнѣ отвѣчалъ весьма учтиво, что онъ мнѣ ни въ чемъ не препятствуетъ, признаваясь при всѣхъ, его окружавшихъ, что ему непостижима медленность Царя его, давно уже извѣщеннаго о моемъ въ предѣлахъ его Царства пребываніи.

Отошедъ отъ него съ поклономъ, я сѣлъ на лошадь, чему послѣдовали всѣ, со мною бывшіе, и Моуравъ со свитою.

Продолжая наше путешествіе кряжемъ небольшихъ горъ, около 8 часовъ вечера мы прибыли въ селеніе духовнаго вѣдомства Бари, и остановились, по показанію Моурава, въ Архіерейскомъ домѣ, на холмѣ стоящемъ, т. е., въ пустомъ сараѣ, въ 4-хъ деревянныхъ стѣнахъ заключавшемся, съ землянымъ поломъ и съ нарами, по одной изъ продольныхъ стѣнъ намощенными. Крышка же на ономъ, какъ и на всѣхъ Имеретинскихъ избахъ, состояла изъ набросанныхъ на брусьяхъ досокъ безъ всякаго укрѣпленія и въ конѣ не смыкающихся, что во время дождя, по нещмѣнію въ избахъ потолковъ, причиняетъ несносное безпокойство.

Остановившись въ семь убѣжищъ, и пригласивши къ себѣ Князя Джипаридзе на чай, я ему объявилъ, что я непременно хочу отправить моего переводчика къ Царю съ извѣстіемъ о моемъ въ предѣлахъ Его Высочества пребываніи и для испрошенія свиданія, и что если онъ не доставитъ Яковлеву 2-хъ лошадей съ проводникомъ, за которыя я ему предлагаю плату, то что я его отправлю пѣшаго, и ему прикажу, не смотря ни на какія препятствія и опасности, отыскивать мѣстопробываніе Царя.

Онъ же мнѣ на сіе отвѣчалъ, что не лучше ли будетъ дожидаться приглашенія Его Высочества, недалеко отъ Бари пребывающаго въ Хонцкара; но я ему возразилъ, что, ожидая чести сей болѣе 6 дней беззусибно, и имѣя Высочайшую Его Императорскаго Величества, Государя Императора моего, грамоту, для врученія Его Высочеству, я не могу тѣмъ долѣе медлить, и рѣшаюсь на все, лишь бы цѣли моей достигнуть.

Моуравъ мнѣ отвѣчалъ, что онъ найметъ лошадей изъ числа тѣхъ, на коихъ мы пріѣхали, и проводникомъ Яковлеву опредѣлитъ своего брата, а при томъ меня просилъ защитить его предъ Царемъ, въ случаѣ негодованія и гнѣва Его Высочества на него за то, что, не дождавшись повелѣнія, онъ способствовалъ къ отправленію отъ меня парочнаго.

Я свято ему обѣщалъ то исполнить, съ увѣреніемъ, что всякій гнѣва Царя принимаю на себя.

По окончаніи сего разговора Моуравъ отъ меня ушелъ, а я между тѣмъ изготавилъ Яковлеву открытое предписаніе, содержащее въ себѣ токмо то, что онъ завтрашній день весьма рано отправится до мѣста пребыванія Царя, взявъ съ собою вооруженнаго Казака, а отъ Князя Джипаридзе лошадей и проводника,

а въ случаѣ отказа отъ сего Моурава, чтобы шелъ подъ руководствомъ Провидѣнія Божія и въ шкомъ; прибывши же къ Царю, чтобы вручалъ Его Высочеству пакетъ отъ Главнокомандующаго въ Грузіи Г. Г. Л. Кнорринга), въ коемъ Его Превосходительство подавалъ Царю благой совѣтъ исполнить Высочайшую Государя Императора волю, въ грамотѣ, которую ему вручу, изъясненную, и испросилъ бы у Царя назначенія мнѣ приѣма.

Призвавъ къ себѣ Князя Джипаридзе, я ему подтвердилъ мою рѣшимость и, показавъ ему написанное, увѣрилъ его, что Яковлевъ ни подъ какимъ видомъ онаго не преступитъ. Онъ же мнѣ божился, что все исполнить по моему желанію.

Вышедъ отъ меня, Моуравъ вызвалъ тихонько за собою Яковлева, который, черезъ нѣсколько минутъ ко мнѣ возвратясь, мнѣ донесъ о разговорѣ, у него съ Моуравовъ имѣвшемся.

Моуравъ его просилъ найубѣдительнѣйше оправдать его предъ Царемъ, буде бы Его Высочество вызвался гнѣвно за то, что онъ къ нему до полученія повелѣнія отравленъ; а при томъ Моуравъ далъ Яковлеву наставленіе о наблюденіи осторожности и скромности съ братомъ его, Княземъ Джипаридзе, при Царѣ находящемся, увѣдомивъ его съ откровенностію, что сей его братъ участвуетъ съ Сердаремъ, Княземъ Кайхосро-Церетелемъ, въ замыслахъ противъ Дадіана, и что главнѣйшею причиною отлагательства, Царемъ къ моему приѣму сдѣланнаго, суть сіи двѣ особы, отъ опасенія, чтобы мой приѣздъ и свиданіе съ Царемъ не опрокинули ихъ замысловъ, по тому что уже всѣмъ извѣстно, что владѣлецъ Дадіанъ ищетъ покровительства Высочайшаго Двора Россійскаго и что, можетъ быть, я стану ходатайствовать у Царя, чтобы онъ Дадіана оставилъ въ покоѣ. А что при томъ и то Царя беспокоитъ, что не для освобожденія ли заключеннаго Царевича я прибылъ, которой содержится въ крѣпости Мухури весьма дурно, имѣя на шеѣ, на рукахъ и на ногахъ, оковы.

По полученіи отъ меня сего же вечера секретныхъ наставленій, касательно развѣдываній о разныхъ предметахъ и его поведенія у Царя, въ случаѣ того, что его бы стали тамъ задерживать для разлученія со мною, Яковлевъ въ слѣдующій день, на самомъ разсвѣтѣ, отправился въ путь съ братомъ Князя Джипаридзе.

Юля 18, рано по утру, прибылъ ко мнѣ Имеретинецъ, сказавшійся присланнымъ отъ Царя для наблюденія, чтобы не было мнѣ ни въ чемъ недостатоку. Явившись у меня, онъ мнѣ объявилъ,

что видѣлъ Яковлева въ Хонцкара, гдѣ Царь имѣеть пребываніе; что Яковлевъ былъ Его Высочеству представленъ и сего дня ко мнѣ непремѣнно возвратится, чего, однако же, я ожидалъ тщетно до самой ночи.

Юля 19, подъ вечеръ, неожиданно явился у меня братъ Князя Джипаридзе, провожавшій Яковлева, съ донесеніемъ, что Яковлевъ возвращается, и что онъ нарочно впередъ его ко мнѣ прибылъ, для предваренія меня, что, вмѣстѣ съ нимъ, ѣдетъ ко мнѣ вельможа Парскій, Князь Бежанъ Авали-Швили.

Въ слѣдъ за нимъ прибылъ и Яковлевъ, донесшій мнѣ слѣдующее: Когда онъ, 17-го числа, прибылъ въ Хонцкара, то Джипаридзе-проводникъ, оставивъ его въ лѣсочкѣ, не въ дальнемъ отъ селенія разстояніи, отъ него поѣхалъ для доклада яко бы Царю. Часа съ 3 спустя, пока Яковлевъ, сидя въ лѣсу, все дожидался, онъ къ нему возвратился съ извѣстіемъ, что яко бы Царя въ семь мѣстъ уже не было, а что Его Высочество изволилъ отѣхать далѣе, совѣтуя при томъ Яковлеву ѣхать съ нимъ назадъ, чему, однако же, воспротивясь, Яковлевъ ему возразилъ, что онъ за достовѣрное знаетъ о пребываніи тутъ Царя и назадъ не поѣдетъ.

Джипаридзе ему на сіе сказалъ, что, однако же, Царь принять его не желаетъ, и что лучше ѣхать назадъ.

Но Яковлевъ ему напомнилъ, что, имѣя отъ меня письменное приказаніе, онъ никакихъ угрозъ, ни принужденій, не страшится, а долженъ токмо оное исполнить и Царю вручить данный отъ меня пакетъ.

Джипаридзе паки отъ Яковлева ушелъ и, спустя нѣсколько минутъ, возвратился съ донесеніемъ, что онъ докладывалъ Сердарю, Князю Кайхосро Церетелю, о его желаніи, на что Сердарь, отринувъ оное, прислалъ къ намъ челоуѣка съ запискою, которую чтобы Яковлевъ отвезъ ко мнѣ. Яковлевъ, увидѣвши лоскутъ презамаранной бумаги, который назывался запискою, имъ отвѣчалъ, что когда они занемогутъ лихорадкою, то, сваривъ оный въ водѣ, ее, вмѣсто лѣкарства, бы выкушали, а что онъ никакъ тому не вѣритъ, чтобы Сердарь могъ ко мнѣ отправлять подобные лоскутки.

Джипаридзе опять возвратился съ принесшимъ записку, а черезъ нѣсколько минутъ приносившій оную опять съ Джипаридзе къ Яковлеву, съ донесеніемъ уже, что приказано имъ ему показать убѣжище, въ которое онъ съ ними послѣдовалъ.

По прибытіи его въ избу, для убѣжища ему назначенную;

Царь къ нему прислалъ Сердаря, Князя Церетеля, съ учтивымъ привѣтствіемъ и съ назначеніемъ ему приѣма въ слѣдующій день, въ вечеру, а по отбѣдѣ Сердаря прислано было къ Яковлеву отъ двора Царскаго, хлѣбъ, ягненокъ и вино.

На другой день, Іюля 18-го, часовъ въ 7 вечера, пригласилъ Царь Яковлева къ себѣ. По полученіи отъ него пакета, Царь его посадилъ возлѣ себя, и при изъявленіи участія въ моемъ здоровьи, спрашивалъ, давно ли я въ предѣлахъ его Царства нахожусь?

Когда же Яковлевъ Его Высочеству донесъ, что со дня вступленія нашего въ оныя уже протекло 11 дней, и что я, хотя тогда же и намѣревался отправить его, Яковлева, къ Его Высочеству съ извѣщеніемъ о томъ и для испрошенія, когда угодно было бы меня удостоить приѣмомъ, для полученія отъ меня Высочайшей Его Императорскаго Величества грамоты, но что, со всѣмъ нашимъ общимъ стараніемъ, не имѣли мы къ тому способовъ, будучи при томъ всегда увѣряемы Моуравомъ, что, по его донесенію, Его Высочество уже о моемъ прибытіи извѣщенъ: то Царь извинялся, что нѣкоторыя обстоятельства его понудили отложить на нѣсколько времени со мною видѣться.

Яковлевъ же Его Высочеству донесъ, что я, не имѣя о томъ ни малѣйшаго свѣдѣнія, считалъ за долгъ сохранить пристойность предварительнымъ извѣщеніемъ Его Высочеству о моемъ прибытіи въ его предѣлы.

Царь съ изъявленіемъ удовольствія и повторяя извиненія, говорилъ Яковлеву, указывая на противстоящую крѣпость Цхывши, что Князья и дворяне Лечхумскіе и многія сей области селенія хотя имъ уже и покорены, но что одна сія крѣпость, весьма укрѣпленная, еще не сдается, которую онъ, однако же, намѣренъ къ тому понудить силою оружія, надѣясь въ томъ имѣть успѣхъ сколько храбростію войска своего, столько и твердостію присяги покоренныхъ имъ частой Лечхума, и все привести къ желаемому окончанію послѣ завтра.

Послѣ сего Царь, обратясь къ вельможѣ своему, Князю Бажану Авали-Швили (его воспитавшему, коего Царь всегда называетъ своимъ дядькою), приказалъ ему, вмѣстѣ съ Яковлевымъ, ѣхать ко мнѣ на встрѣчу, а потомъ, по видимому, примѣтивъ, что Яковлевъ лучше изъясняется по Турецки, нежели по Грузински, написалъ записку къ Салтхуцелу (Правителю Царства), Князю Зурабу Церетелю, находившемуся въ своихъ помѣстьяхъ, чтобы онъ оттуда ѣхалъ въ селеніе Сухава (то самое, въ крѣпости котораго убитъ

Сабудъ-Паша Ахалцыхскій), и въ ономъ бы ожидалъ его прибытія.

Отправивъ же записку сію, Царь прочиталъ письмо Г. Генерала Кнорринга, Яковлевымъ отъ меня ему врученное, и съ смущеніемъ сказалъ, что хотя ему еще не извѣстно желаніе Государя Императора, однако же оное по усмотрѣніи изъ Высочайшей грамоты, по возможности исполнить постарается, со мною же вскорѣ увидится въ селеніи Сухава, по совершеніи начатаго предпріятія противъ Дадіана; до тѣхъ же поръ, въ замѣну себя, отправляетъ ко мнѣ того, подъ присмотромъ котораго Его Высочество возрасталъ.

Отпустивъ Яковлева, съ порученіемъ ему много учтивостей ко мнѣ, приказалъ ему завтрашняго дня возвратиться вмѣстѣ съ дядькою.

Поелику же было довольно поздно, какъ Яковлевъ ко мнѣ пріѣхалъ, то я отложилъ пріемъ Князя Авали-Швили до утра, пославъ къ нему Ильина поздравить съ благополучнымъ пріѣздомъ и, пожелавъ пріятнаго отдохновенія, его просить со мною видѣться утромъ.

Юля 20, часу въ 8 по утру, послалъ я къ сему дядкѣ Ильина съ изъявленіемъ желанія съ нимъ видѣться, предоставивъ на его выборъ, у себя ли меня принять пожелаетъ, или ко мнѣ пожалуетъ.

Онъ исполнилъ послѣднее. Когда онъ приближался къ моему убѣжищу, то, выславъ къ нему на встрѣчу Яковлева, самъ я его встрѣтилъ въ дверяхъ, оказывая ему возможное учтивство.

Въ продолженіи разговоровъ о постороннихъ предметахъ, онъ меня увѣдомилъ, что Князь Зурабъ Церетель, прібывъ вчерашній день въ Сухава, присылалъ къ нему нарочнаго съ симъ извѣстіемъ и просьбою о доставленіи ему случая со мною видѣться; что онъ намѣренъ къ Князю Церетелю тотчасъ ѣхать и въ вечеру съ нимъ ко мнѣ возвратиться, за что я ему изъявилъ благодарность, говоря, что онъ много труда на себя брать изволить, и что я еще могу видѣться съ Княземъ Церетелемъ и тогда, когда, по приглашенію Его Высочества, самъ пріѣду въ Сухава. Но Князь Аваловъ весьма учтиво отозвался, что, кромѣ исполненія въ томъ воли Царской, онъ за удовольствіе себѣ поставляетъ меня предвзрять во всемъ, что пріятно мнѣ быть можетъ, присовокупя къ тому, что съ отъѣздомъ своимъ къ Князю Церетелю, онъ отправляетъ нарочнаго къ Царю съ донесеніемъ о свиданіи со мною, по чему я его просилъ повергнуть мое почтеніе предъ Его Высочествомъ.

Въ вечеру, узнавъ о возвращеніи Князя Авалова, пошелъ я къ

нему. Онъ, не давъ мнѣ ни чего сказать, извинялся, что не могъ сдержать своего обѣщанія и не привезъ Князя Церетеля, который, будучи утомленъ отъ путешествія в неастанго времени, принужденъ былъ отложить прїѣздъ ко мнѣ до утра.

Поблагодаривъ его за сіе увѣдомленіе, я ему отвѣтствовалъ, что, сколь ни велико мое желаніе съ Княземъ Церетелемъ познакомиться, но что для меня прїятнѣе то будетъ, когда оное не будетъ сопряжено съ его безпокойствомъ. Побывши у него нѣсколько минутъ, я съ нимъ простился и пошелъ къ себѣ.

Юля 21 Князь Церетель, прибывши въ Бари, прислалъ ко мнѣ съ увѣдомленіемъ о томъ и съ изъясненіемъ желанія со мною видѣться. Я же послалъ къ нему Капитана Ильина, для поздравленія его съ благополучнымъ прїѣздомъ и для приглашенія къ себѣ на чай.

Свиданіе мое съ симъ вельможею продолжалось болѣе часу въ разговорахъ о постороннихъ предметахъ и большею частию о Россіи; ибо онъ въ 1783 и 84 годахъ былъ въ С.-Петербургѣ при Высочайшемъ Дворѣ посланцомъ отъ Имеретинскаго Царя Соломона, но между прочимъ я не оставилъ ему примѣтить къ стати, что, находясь уже 13 дней въ предѣлахъ Имеретіи, я не удостоился еще быть принятъ Царемъ, имѣя вручить Его Высочеству Высочайшую Государя Императора грамоту.

Разставаясь со мною, онъ меня предварилъ, что предъ возвращеніемъ сего вечера въ Сухава, онъ непременно со мною увидится, что дѣйствительно онъ исполнилъ, пришедъ предъ захоженіемъ солнца ко мнѣ.

Въ продолженіи моего съ нимъ разговора, я спрашивалъ у Князя Церетеля объ успѣхахъ Его Высочества въ военныхъ дѣйствіяхъ съ Дадіаномъ, и скоро ли, по его мнѣнію, я могу удостоиться узрѣть Царя?

Отвѣтъ его былъ тотъ, что если мнѣ не будетъ противно, то онъ Царю предложить, не ожидая окончанія предпріятого, меня принять на походъ, въ селеніи Хонцкара, гдѣ Его Высочество теперь находится.

Я сказалъ ему на сіе, что, напротивъ, чѣмъ скорѣе, тѣмъ прїятнѣе для меня будетъ, присокупивъ, что я съ самаго моего въ предѣлы Имеретіи прибытія, прилагаю стараніе, дабы какъ найскорѣе Его Высочеству поднести Высочайшую Его Императорскаго Величества грамоту, у меня имѣющуюся, и что для того я

первымъ счелъ долгомъ отправить къ Царю съ тѣмъ извѣщеніемъ Яковлева.

Князь Церетель, намятуя то время, когда онъ былъ у Высочайшаго Двора Россійскаго, и какимъ образомъ пріемъ у онаго ему былъ сдѣланъ, оказывалъ мнѣ негодованіе на своего Царя, за его отлагательство, отзывавшись, что непростительно ему такое неблагодарное, тѣмъ паче, что онъ за особое счастье считать бы долженъ, что въ первый еще разъ къ нему лично обращается Государь Императоръ Всероссійскій; а что онъ, напротивъ, столь мало готовности оказываетъ меня видѣть, и отъ меня принять Высочайшую грамоту.

Хотя я въ бытность мою въ Георгіевскѣ отъ Главнокомандующаго и слышалъ о семъ Князѣ Церетелѣ много хорошаго и о томъ, что онъ кажется быть весьма усердно расположеннымъ къ Россіи, однако же таковой его отзывъ о Царѣ мнѣ казался не совсѣмъ искрененъ, и я его принялъ за комплиментъ Азіятскій, располагая въ послѣдствіи его испытать.

Потомъ спрашивалъ меня Князь Церетель, гдѣ находится Царица Имеретинская, Анна, и не въ Петербургѣ ли она? Я же ему отвѣчалъ, что она тамъ. На вопросъ же его: удостоена ли она приема отъ Государя Императора, я ему говорилъ, что она принята весьма милостиво Его Императорскимъ Величествомъ и всѣмъ Императорскимъ Домомъ.

Князь Церетель, со мною прощаясь, обѣщалъ пріѣхать ко мнѣ самъ съ отвѣтомъ, который онъ получитъ отъ Царя на предложенное предположеніе о пріемѣ меня въ Хонцкара.

Въ сей день, подъ вечеръ, прибылъ въ Бари нарочный отъ Царя къ Моураву Князю Джинаридзе съ повелѣніемъ, чтобы онъ въ областяхъ и селеніяхъ, ему ввѣренныхъ въ Рачѣ, собиралъ войско и оное бы отправлялъ къ Царю.

Юля 22, около вечера, пошелъ я навѣстить Князя Авалова, который мнѣ сообщилъ, что Его Высочество въ отвѣтъ своемъ къ Князю Церетелю пишетъ, чтобы онъ его извинилъ предо мною въ медленности моего къ себѣ призыва, и чтобы изготовилъ мнѣ все потребное для путешествія моего до мѣста его пребыванія, желая видѣться со мною въ четвертокъ, 24 числа, хотя Его Высочество и стыдится меня принять на походѣ. Сей же Князь дядька прибавилъ, что Его Высочество можетъ быть и самъ изволить меня встрѣтить недалеко отъ Бари, если обстоятельства ему позволятъ изъ Хонцкара отлучиться.

Юля 23, довольно рано по утру, пріѣхалъ опять Князь Церетели ко мнѣ въ Бари съ подтвержденіемъ сообщеннаго мнѣ на канунѣ отъ Князя Авадова, съ тѣмъ, чтобы на другой день отправиться изъ Бари въ предназначенный походъ.

Юля 24, въ 6 часовъ утра, на силу мы вырвались изъ Бари. Перешедъ нѣсколько горъ и дефидей, добрались мы до лѣваго берега Ріона, близъ коего, поднявшись на гору, мы остановились, для отдохновенія, въ селеніи Хывши, Князю Пулукидзеу принадлежащемъ.

Расположившись на лужку, подъ тѣнью деревъ, пока мы занимались разсматриваніемъ мѣстоположенія, прибылъ къ намъ соборный Архимандритъ Николай съ причтомъ своимъ, нарочно изъ Кутаиса пріѣхавшій посмотреть на Россіянь, которыхъ онъ никогда не видывалъ. Съ нимъ же находился одинъ купецъ, Тифлискій уроженецъ, Георгій, бѣжавшій, какъ я послѣ провѣдалъ, изъ Грузіи за Царевичемъ Юлономъ, и который, живучи въ Кутаисѣ, промыслилъ книгопечатаніемъ.

На семь лугу мы обѣдали по обряду Имеретинскому, на коврахъ и буркахъ, а послѣ обѣда всѣ заснули, исключая Яковлева, который, отошедши съ симъ кунцомъ, съ нимъ занимался разговоромъ. Купецъ, между прочимъ, отзывался, что Его Имеретинское Высочество весьма сумазбродствуетъ военными своими подвигами съ Дадіаномъ, болѣе разореній причиняющими собственнымъ его подданнымъ, по тому что необразованное войско Царское вездѣ, гдѣ проходитъ, грабитъ себѣ продовольствіе, а равнымъ образомъ и содержаніемъ при себѣ Царевичей Грузинскихъ на счетъ подданныхъ своихъ, посылая къ каждому по очереди Есауловъ съ бератами, для взиманія жизненныхъ припасовъ для сихъ трутней, окруженныхъ свитою, до 200 человекъ простирающеюся. Что не токмо Домъ Царской отъ того въ раздорѣ, но что и народъ вообще весьма на Царя за то негодуетъ. Что, кромѣ еще сего, есть много другихъ причинъ, возбуждающихъ на Царя народный ропотъ, о которыхъ онъ и упоминать опасается.

Такое его заключеніе возбудило во мнѣ величайшее любопытство къ пространѣйшимъ распознаніямъ внутреннихъ въ Имеретіи обстоятельствъ, по чему я и поручилъ Яковлеву не выпускать изъ виду сего человека и его ласкать.

Пробудившись часу во второмъ по полудни, и видѣвши Князя Церетели также встающаго, я у него спрашивалъ, будемъ ли мы продолжать наше путешествіе? Онъ оказалъ къ тому свою готов-

ность. И такъ мы, сѣвши на лошадей, спустились съ крутой горы къ мосту, черезъ рѣку Ріонъ ведущему, къ Хидискари (мостовая застава) именуемому. Ріонъ въ семь мѣстѣ течетъ быстро между 2-хъ ужасныхъ утесовъ каменныхъ, въ которыхъ высѣчены, по обѣимъ концамъ моста, караулни съ заставами. Мостъ же состоитъ изъ 2 толстыхъ перекладинъ съ одного берега на другой, на которыхъ дурнымъ мастерствомъ накинаны доски.

Продолжая путешествіе наше долинами, горами и рощами по правому берегу рѣки, переправившись черезъ сей мостъ, въ 7 часовъ вечера мы прибыли въ Хонцкара, на довольно высокой горѣ лежащее селеніе. Подъ горою Князя Церетели и Аваловъ, простившись со мною, поѣхали къ Царю, а Моуравъ Князь Джипаридзе остался со мною, для провожанія меня въ назначенное мнѣ убѣжище, состоявшее на вершинѣ горы, насупротивъ таковой же, на моемъ находилась башня, въ которой Царь жительствовавалъ и на насъ изъ оной смотрѣлъ, когда мы на гору подымались.

Стало уже весьма смеркаться, и мы уже расположились на отдохновеніе, какъ пріѣхалъ ко мнѣ Князь Аваловъ съ поздравленіемъ отъ Царя съ благополучнымъ меня пріѣздомъ, съ предвареніемъ, что Его Высочество непременно меня пригласитъ къ общему завтрашнему утра, и съ просьбою, чтобы я забылъ все прошедшее.

Я отвѣчалъ Князю сему, что для меня будетъ предѣлъ счастья, когда удостоюсь узрѣть Царя, и что съ онымъ исчезнетъ изъ моей памяти все, что ему угодно.

Князь Джипаридзе расположился подлѣ моей избы, въ сѣнномъ шалашѣ, а я приказалъ Яковлеву, будто нечаянно, съ нимъ завести какой ни будь разговоръ, для извлеченія отъ него какихъ ни будь еще свѣдѣній о внутреннихъ Имеретіи обстоятельствахъ.

Пошедши къ нему, онъ то исполнилъ, и мнѣ послѣ донесъ въ подробности о содержаніи разговора у него съ Княземъ Джипаридзе имѣвшагося, какъ слѣдуетъ: что не только Царю, но и многимъ его вельможамъ извѣстенъ уже предметъ моего въ Имеретію пріѣзда. Что Царь, коль скоро извѣстился о моемъ вступленіи въ его предѣлы, то въ ту же минуту отправилъ тайно въ Моздокъ и въ Грузію лазутчиковъ для развѣдыванія, и что 16 дневное отлагательство моего приѣма дѣлалось, сколько въ ожиданіи извѣстій отъ лазутчиковъ, столько и для того, что Царь вознамѣрился прибытіе мое употребить въ свою пользу хитрымъ обманомъ Князя Дадіана, посылавъ къ нему Килткартхуцела, Князя Нижирадзе,

съ предложеніемъ, чтобы онъ безъ кровопролитія ему уступилъ крѣпость Цхывши, а съ оною и область Лечгумскую, и съ общаніемъ, во взаимство того, сдѣлать ему всякое вознагражденіе по его желанію; въ противномъ же случаѣ его страдалъ войсками Россійскими, которые вспомошествовать ему яко бы будутъ, коль скоро онъ таковыхъ потребуетъ отъ Россійскаго посланца, къ нему ѣдущаго, что Дадіанъ, однако же, отвергнувъ, и что, по сей причинѣ, ему, Моураву, прислано было отъ Царя повелѣніе о собираніи войска.

Что Царь весьма не навидитъ Россіянь, но ихъ страшится, и что, по тому, находится въ крайнемъ безпокойствѣ о содержаніи Высочайшей Его Императорскаго Величества грамоты, у меня для врученія ему имѣющейсѣ.

Что Царь, давая убѣжище въ предѣлахъ своихъ убѣжавшимъ изъ Грузіи 3 Царевичамъ: Юлону, Александру и Парнаозу, къ отягощенію подданныхъ своихъ имѣетъ въ предметѣ, при удобномъ случаѣ и способахъ, возвестъ старшаго изъ нихъ, Юлона, паки на царство Грузинское, дабы тѣмъ содѣлать себѣ союзника и помощника во многихъ своихъ замыслахъ.

Что хотя слухи и разсѣяны о побѣгѣ Царевича Александра въ Персію подъ предлогомъ, яко бы его неудовольствій на Царя, но что оныя распущены съ намѣреніемъ, дабы маскировать замыслы ихъ общіе; но что сей Царевичъ отправленъ отъ самого Царя съ грамотою къ Баба-Хану, въ Персію властвующему, въ коей Царь Шаха сего возбуждалъ къ поднятію оружія противъ войскъ Россійскихъ въ Грузіи, для возстановленія Царства сего въ потомкахъ покойнаго Царя Ираклія.

Что чинимыя въ народѣ разоренія, какъ нынѣ собираемымъ войскамъ противъ Дадіана, такъ и взиманіемъ по очереди съ селеній во всемъ Царствѣ разныхъ припасовъ для Царевичей и ихъ многолюдной свиты, возбуждаютъ въ ономъ всеобщій ропотъ, до того, что многіе поселяне, оставляя хижины свои, удаляются въ Грузію и въ Турецкія области снискивать въ оныхъ себѣ пропитаніе способомъ найма въ работу. Что недовольные распространяютъ внушенія, что Царь незаконно царствуетъ: ибо отецъ его, Арчилъ, племянникъ Царя Соломона 1 и братъ Давыда, лишеннаго Царства, не токмо не царствовалъ, но и окончилъ жизнь свою не яко Христіанинъ, но какъ извергъ рода человѣческаго, бывъ проклятъ братомъ своимъ, Имеретинскимъ Католикосомъ, за безпутство и беззаконія еще при жизни своей, а по кончинѣ

лишенъ погребенія, и что по тому Царство принадлежитъ сыну покойнаго Царя Давыда, Царевичу Константину, варварски содержимому и оковами отягощенному.

Юля 25, въ 8 часу по утру, пріѣхалъ ко мнѣ Князь Бежанъ Аваловъ, для приглашенія меня къ Царю, и я въ ту же минуту поѣхалъ. Поднявшись на холмъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ башни, слѣзли мы съ лошадей и былъ я встрѣченъ Салтхуцесомъ, Княземъ Зурабомъ Церетелемъ, который насъ привелъ въ шалашъ, гдѣ Царь находился и меня ожидалъ.

При входѣ моемъ въ оный, Царь всталъ съ дивана и меня встрѣтилъ почти у самаго входа.

Сдѣлавши ему низкій поклонъ, я его Высочеству говорилъ: «Что Его Императорское Величество, мой Всемилостивѣйшій Государь Императоръ Всероссійскій, отправилъ со мною Высочайшую свою дружескую и благовоительную грамоту къ Его Высочеству, поручить мнѣ извоилъ пожелать отъ лица своего свѣтлѣйшей особѣ Его Высочества благополучнаго царствованія и наслажденія вождельнымъ здравіемъ всему Царскому дому Его (что Яковлевъ переводилъ по Турецки Князю Зурабу Церетелю, сей по Грузински изъяснялъ Царю; такимъ образомъ я и всегда въ послѣдствіи съ Царемъ и съ его вельможами изъяснялся).

Послѣ сего вручилъ я Его Высочеству Высочайшую Государя Императора грамоту и часы, брилліантами осыпанные, отъ имени Его Императорскаго Величества, сказавъ, что Государь Императоръ Его Высочество проситъ оныя принять въ знакъ своего благоволенія.

Царь, принявъ отъ меня то и другое, и сядя на диванъ, указывалъ мнѣ мѣсто подлѣ себя, на которое я и сѣлъ.

Царь занялся разговоромъ со мною о трудностяхъ, которыя я долженъ былъ перенести въ путешествіи чрезъ Снѣговыя горы, и извинялся, что нѣкоторыя обстоятельства ему воспрепятствовали со мною видѣться прежде.

Я же Его Высочество благодарилъ за всѣ попеченія, мнѣ оказанныя начальствующими въ тѣхъ мѣстахъ, которыми я проѣзжалъ, заключивъ тѣмъ, что удостоившись узрѣть его Свѣтлѣйшую особу, я всѣ мои мысли на оную обращаю.

Спустя нѣсколько минутъ и воспользовавшись его молчаніемъ я всталъ съ дивана и Его Высочеству говорилъ:

«Что Его Императорское Величество, пребывая въ несомнѣнномъ увѣреніи о дружбѣ и всегдашней къ себѣ благонамѣренно-

сти Его Высочества, и по единоволю, издавна существующихъ, надѣяться изволить, что Его Высочество не отречется исполнить желанія Государя Императора, въ Высочайшей грамотѣ изъявленнаго.»

Его Высочество, со мною прощаясь, мнѣ токмо сказалъ, что онъ изволить заняться чтеніемъ грамоты.

Съ самой минуты моего къ Царю вступленія и при полученіи отъ меня грамоты, Его Высочество не могъ скрыть своего смущенія, безпрестанно краснѣлъ, и весь его со мною разговоръ примѣтнымъ образомъ былъ несвязенъ. Наконецъ, сядѣвши подлѣ Царя и видѣвши его теряющаго countenance, сказавъ ему выше писанное, при прощаніи я Царю сказалъ, что, не осмѣливаясь его обременять теперь моимъ присутствіемъ, я Его Высочество прошу всепокорнѣйше мнѣ дозволить къ себѣ являться съ почтеніемъ въ тѣ часы, когда Его Высочество не будетъ обремененъ дѣлами. Царь мнѣ на сіе отвѣчалъ, что всякая минута со мною ему будетъ пріятна.

Аудіенць-залъ, въ которомъ Царь меня принималъ, состоялъ изъ шалаша, сажени въ 3 діаметръ имѣвшаго, со всѣхъ сторонъ открытаго, а задомъ прислоненнаго къ забору, отъ башни идущаго и кукурусными листьями крытаго. Посреди онаго сдѣланъ былъ на небольшихъ бревешкахъ помостъ изъ нѣсколькихъ досокъ, покрытый шелковымъ ковромъ, что служило вмѣсто дивана.

Одежда Его Высочества была весьма простая. На головѣ Грузинская большая шапка. Кафтанъ Грузинскій зеленаго цвѣта суконный, обложенный узенькимъ золотымъ галуномъ и подкафтанье ситцовое, красные суконные Турецкіе шаровары, и родъ Арабскихъ сапожковъ красныхъ сафьянныхъ. На шелковомъ поясѣ привѣшанъ у него обыкновенно кинжалъ въ золотѣ оправленный. Окруженъ же Его Высочество былъ внутри шалаша всѣми Царедворцами, а извнѣ множествомъ народа. Когда я сѣлъ съ Царемъ на диванъ, то принесенъ былъ чай, коимъ насъ подчивали

Около 3 часовъ сядѣлъ я на лугу, подъ тѣнію орѣховаго дерева, близъ избы моей, ко мнѣ подошелъ Имеретинецъ, пожелавшій мнѣ здоровья, у коего я спросилъ откуда и кто онъ? Онъ мнѣ отвѣчалъ, что изъ Царскаго воинства, облегающаго крѣпость Цхивши, въ верстахъ въ 6 въ виду у насъ находившейся.

На вопросъ же мой о успѣхахъ ихъ блокады, онъ мнѣ сказалъ, что крѣпость непременно должна будетъ сдаться, по тому

что комендантъ оной Келовалъ, будучи преклоненъ къ Царю, прислалъ къ нему довѣреннаго человека съ 20-ю другими съ ключами оной; что, однако же, было ложно.

Между тѣмъ чрезъ цѣлый день занимался я размышленіемъ о дѣйстви, каковое бы надъ Царемъ произвела Высочайшая грамота, мною ему врученная, и о способѣ, какимъ бы я могъ о томъ узнать.

Князь Джипаридзе, если бѣ что ни будь узналъ, конечно бы мнѣ сказалъ, но онъ съ утра дежурилъ у шалаша Царскаго въ кучѣ Царедворцевъ.

Много я положилъ надежды на Князя Церетеля, но какъ его было залучить, чтобы Царь того не зналъ!

По счастью, однако же, случай мнѣ въ томъ поблагодѣйствовалъ. К. Церетель ко мнѣ прислалъ съ человекомъ своимъ дыню, которую я принявъ, ему поручилъ сказать своему господину, что весьма бы желалъ съ нимъ повидаться.

Спустя съ полчаса К. Церетель ко мнѣ пріѣхалъ. Въ началѣ я обратилъ разговоръ на счетъ благосклоннаго Его Высочествомъ меня приѣма, потомъ мало по малу и на предметъ моего въ Имеретію пріѣзда; что, какъ, по моему мнѣнію, содержаніе Высочайшей Его Императорскаго Величества грамоты, Царю мною врученной, не можетъ не быть ему извѣстно, то что я ни мало не сомнѣваюсь, чтобы Его Высочество не пожелалъ въ точности исполнить Высочайшей Государя Императора воли, въ оной изъявленной, для собственной своей пользы; полагаю, однако же, твердую надежду въ немъ, К. Церетелѣ, что онъ потщится Царю и истолковать всѣ выгоды, отъ того произойти могущія, а въ случаѣ нерѣшимости Царя, по вліянію, которое онъ, Князь, надъ особою Его Высочества имѣть будетъ, стараться его къ тому наклонять.

Князь Церетель мнѣ на сіе отвѣчалъ, что Царь, прочетши грамоту, далъ ее читать ему и племяннику его, Сердарю, Князю Каііхосро Церетелю, а болѣе никому оной не сообщалъ, а потомъ ее спряталъ, не показавъ ни малѣйшаго вида, изъ котораго бы заключить можно было о образѣ его мыслей по сему предмету.

Что онъ съ своей стороны, питая въ душѣ преданность къ Россіи, прилагать будетъ всевозможное стараніе къ убѣжденію Царя, чтобы онъ исполнилъ желаніе Государя Императора, и по тому еще, что съ благополучіемъ Царевича Константина со-

пряжено и благоденствіе всего дома Церетелевъ, по родству онаго съ Царевичемъ.

Что, однако же, онъ меня предупреждаетъ въ своемъ сомнѣніи, чтобы Царь добровольно согласился Царевичу даровать свободу, а еще менѣе отпустить его въ Россію, по тому что Царю не безызвѣстно единодушное подданныхъ своихъ желаніе Царевича видѣть на свободѣ, и что неоднократно употреблялъ у Его Высочества ходатайство по сему предмету, въ томъ видѣ, что какъ Царевичъ Константинъ единственный законный наследникъ Царства, то что гораздо Царю приличнѣе, вмѣсто заточенія, его держать при своемъ лицѣ, дабы онъ съ юныхъ лѣтъ привыкалъ носить на себѣ достоинство, ему принадлежащее, на что Царь всегда отвѣчалъ, что лучше согласится умереть, нежели Царевича освободить, опасаясь, чтобы, по мѣрѣ вступленія его въ зрѣлыя лѣта, не покусился онъ содѣлать съ Царемъ того же, что претерпѣлъ покойный отецъ Царевича, Царь Давидъ. Да и что Царь никогда себѣ вообразить не могъ, чтобы въ юности сему Россійскій Императоръ могъ принимать Всемилоствѣннѣе участіе.

Князь Церетель, похвавъ отъ меня, просилъ дозволенія познакомиться со мною племянника своего, Князя Кайхосро Церстеля и нѣкоторыхъ приближенныхъ къ Царю вельможъ, что я принялъ съ благодарностію и просилъ на завтра то исполнить.

Въ вечеру, довольно уже поздно, дядька, Князь Аваловъ, пришелъ ко мнѣ, сказалъ, что, по повелѣнію Царя, онъ долженъ находится при мнѣ безотлучно, для наблюденія, чтобы не было мнѣ ни въ чемъ недостатка, и чтобы меня не беспокоилъ шатающійся народъ своимъ любопытствомъ.

Хотя я и понималъ, что наблюденія его долженствовали простирались на то, чтобы имѣть за мною присмотръ, и чтобы не допускать до меня тѣхъ, которые бы мнѣ могли подать какія ни будь свѣдѣнія, однако же я Князя сего въжливѣйше просилъ принести мою благодарность Его Высочеству за милостивое обо мнѣ попеченіе.

И такъ, приставленный ко мнѣ одноккой Аргосъ (ибо онъ кривой на правый глазъ) расположился въ соломенномъ шалашѣ, на гумнѣ, подлѣ самой избы моей, а Князя Джипаридзе велѣно было отъ меня удалить, такъ что я болѣе его уже не видалъ, а извѣстно мнѣ было, что его отправили чрезъ нѣсколько дней назадъ.

Кромѣ сего главнаго Пристава, опредѣлили ко мнѣ, по по-

вельнію Царя, 2 дворянъ для услуги, которые должны были пецись о доставленіи мнѣ ежедневно барана, куръ, хлѣба и вина.

Надзоръ надо мною до того былъ строгъ, что и Князя Церетеля съ сего дня никогда Царь ко мнѣ не отпускалъ одного, а всегда были съ нимъ 2 вельможи, изъ числа коихъ безотлучно находился въ моихъ съ вельможами свиданіяхъ кривой дядька Царскій, что однако же, мнѣ мало препятствовало въ моихъ операціяхъ для залученія къ себѣ людей, коихъ тайно видѣть я хотѣлъ, какъ изъ послѣдствій видно будетъ.

Іюля 26, около полудня, пріѣхалъ ко мнѣ Князь Церетель съ вельможами, Князьми Сердаремъ Кайхосро Церетелемъ, Зурабомъ Мачабеломъ, никакого отличнаго званія не носящимъ, но великою довѣренностію Царя пользующимся, и Ростомомъ Нижарадзе, Калапартхуцеломъ Царскимъ, т. е., имѣющимъ смотрѣніе за гардербомъ, кухней и столомъ, а такъ же и должность виночерпія исполняющимъ. Онъ всегда намъ подавалъ чай и кофе, когда я бывалъ у Царя, а съ ними кривой дядька Аваловъ.

Визитъ ихъ у меня продолжался около получаса; и разговоръ не заключалъ въ себѣ ни чего важнаго, кромѣ того токмо, что, по видимому, они были подосланы ко мнѣ отъ Царя для узнанія о Царицѣ Амнѣ, ибо они любопытствовали о ея пребываніи при Высочайшемъ Дворѣ Россійскомъ, и образѣ, коимъ она въ С.-Петербургѣ принята; по чему и не упустилъ имъ о томъ дать понятіе самое выгоднѣйшее для Царицы, говоривъ имъ, что она Всемилостивѣйше принята Его Императорскимъ Величествомъ и всѣмъ Императорскимъ Домомъ, и что пользуется Высочайшими Ихъ Величествъ милостями.

Когда сіи вельможи отъ меня поѣхали, то Князь Церетель мнѣ сказалъ отъ имени Царя, что Его Высочеству всегда пріятно будетъ меня видѣть у себя, когда я того пожелаю, я же его просилъ Царю изъявить мою нижайшую благодарность, съ присовокупленіемъ, что всякій разъ не престану его, Князя Церетеля, или дядьку, Князя Авалова, предварять о такомъ моемъ желаніи, для испрошенія мнѣ дозволенія у Его Высочества свободнаго часа, въ который бы я не былъ ему въ тягость, и что я всегда готовъ и на востребованіе Его Высочества, когда приглашеніемъ къ себѣ Царю почтитъ меня угодно будетъ.

А того же вечера, часу въ 5, послалъ я къ Аргусу своему, его просить, чтобы онъ, когда пойдетъ къ Царю, испросилъ у Его Высочества мнѣ свиданіе на завтрашній день, но Царь меня

въ томъ предварилъ, приславъ ко мнѣ въ ту же минуту съ приглашеніемъ къ себѣ.

Разговоръ Царя со мною сначала касался до предметовъ постороннихъ. Онъ спрашивалъ у меня, давно ли я въ отлучкѣ изъ С.-Петербурга, любопытствовалъ о учрежденіяхъ въ Россіи почтъ.

Но потомъ, какъ окружавшіе его Царедворцы, по сдѣланному имъ знаку, всѣ удалились, а остались съ нами только Князь Церетель, дядька Князь Авадофъ, Мачабель, Сердаръ Князь Кай-хосро Церетель и Князь Джжарадзе, то Его Высочество далъ разговору оборотъ весьма недекатный. По нѣкоторомъ молчаніи, Царь изъявилъ мнѣ свое сомнѣніе въ томъ, что, по его мнѣнію, переводъ на Грузинскомъ языкѣ Высочайшей грамоты, мною ему врученной, не сходствуетъ съ Россійскимъ оригиналомъ. Я же, ни малѣйшаго вида сомнѣнія, или удивленія, не оказывая, Царю отвѣчалъ, что въ содержаніи или смыслѣ словъ перевода съ оригиналомъ ни малѣйшей разности быть не можетъ, но что если бы то и могло быть, то, что я словесно Его Высочеству могу повторить о содержаніи Высочайшей грамоты; ибо мнѣ оное не можетъ не быть извѣстно, по тому что я имѣю и копію оной; что, впрочемъ, ежели Его Высочество изволитъ еще въ томъ сомнѣваться, то можно тотъ же часъ свѣрить, отдавъ Яковлеву оригинальную, а переводъ Князю Церетелю, который изрядно понимаетъ по Русски. Царь по моему предложенію исполнилъ. Переводъ такимъ образомъ, при глазахъ Его Высочества, свѣренъ, и сходство обоихъ подтверждено. Царь покраснѣлъ и въ великомъ замѣшательствѣ сказалъ, что, по его мнѣнію, оригиналъ долженъ быть краснорѣчивѣе. Я же отвѣчалъ, что то быть можетъ, но что какъ бы переводъ не складенъ ни былъ, однако же что настоящаго въ ономъ смысла оригинала конечно не потеряно.

По нѣкоторомъ молчаніи, Царь обратилъ разговоръ на предметы политическіе, и меня спросилъ: Какою дорогою Французскія войска въ 1798 году пробрались въ Египеть? Сухимъ ли путемъ, или моремъ?

(Какъ вообще Азіяты ни малѣйшаго въ наукахъ понятія не имѣютъ, то хотя вопросъ сей и можетъ показаться нелѣпымъ, однако же оный клонился къ распространенію любопытства Его Высочества на довольно важный предметъ, а именно на тотъ, чтобы пріобрѣсть вѣрныя свѣдѣнія о союзѣ Государя Императора съ Портою Оттоманскою, какъ изъ продолженія явствуетъ).

Я также просто Царю отвѣчалъ, что Французы до Египта

добрались моремъ, и истолковалъ путь, которымъ флотъ ихъ туда шелъ.

Царь же съ насмѣшкою на сіе сказалъ, что если бы Туркамъ не вспомошествовали тогда силами Англичане, а въ послѣдствіи Россіане, то во что бы Французы напоследокъ могли превратить бездѣйственное Величество Султана? Я отвѣчалъ Царю съ усмѣшкою однимъ: «Конечно!»

Потомъ любопытствовалъ Его Высочество, есть ли еще нынѣ вспомогательныя Россійскія войска въ Царьградѣ, и Государь Императоръ въ тѣхъ ли еще дружественныхъ съ Портою сношеніяхъ, въ каковыхъ съ оною былъ блаженный намяти родитель Его Величества?

Я во отвѣтъ на сіе донесъ Царю, что, кромѣ 2 военныхъ фрегатовъ, въ Царьградѣ иныхъ войскъ никакихъ нѣтъ, а что принадлежитъ до союза Его Императорскаго Величества съ Портою, то что оный ни малѣйшаго ослабленія ни потерпѣлъ.

Царь за сямъ меня спросилъ: Не имѣетъ ли которое либо изъ прочихъ Европейскихъ Державъ непріязненныхъ видовъ, или дѣйствій, противъ Турокъ, присовокупивъ къ тому съ удивленіемъ, какъ можетъ столь долго существовать союзъ Россіи съ невѣрными!

Его Высочеству отвѣтствовалъ, что всѣ прочія Европейскія Державы, по уваженію союза Россіи съ Портою, равнымъ образомъ съ оною въ дружествѣ пребываютъ; а что Османы, хотя и слывутъ Невѣрными, но, поелику они твердо наблюдаютъ силу трактата, съ Россією ими заключеннаго, и никакихъ предосудительныхъ подвиговъ противъ Имперіи Россійской не предпринимаютъ, то что, во взаимство того, и Россія равнымъ образомъ обязанности свои по силѣ трактата хранить свято.

Царь на сіе мнѣ сказалъ, что цора бы Европу освободить, однако же, отъ сихъ басурмановъ, слѣдовъ варварства коихъ Имеретія до сихъ поръ еще не можетъ изгладить.

Мой же на сіе отвѣтъ состоялъ въ томъ, что въ благоденствіи, коимъ Имеретія наслаждается съ того времени, когда таковое Царству сему даровано Великою Еватериною, Императрицею Всероссійскою, и коимъ впередъ оное наслаждаться можетъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ благополучно царствующаго Государя Императора, не токмо давно можно было изгладить тѣ слѣды, но что и можно надѣяться и видѣть Царство Имеретин-

ское въ цвѣтущемъ состояніи, по мудрому управленію онаго Его Высочества.

(Читателю можетъ показаться сей разговоръ мой съ Царемъ и чуднымъ, но я съ мыслями отвѣты мои такимъ образомъ располагалъ; ибо мнѣ нѣкоторымъ образомъ извѣстно было, что Царь мыслями беспокоился, чтобы какимъ ни будь образомъ Порты, посредствомъ Россіи, съ Имеретією сближавшейся присоединеніемъ Грузіи, не стала требовать возмездія за' убіенія Царемъ Ахалцыхскаго Сабудь-Паши, то я и хотѣлъ случай сей употребить въ пользу, чтобы внушеніемъ Царю о неразрывномъ союзѣ Россіи съ Портою въ немъ не угасить внутренняго его неспокойствія, съ тою надеждою, что, можетъ быть, онъ тѣмъ скорѣе рѣшится на исполненіе Высочайшей Государя Императора воли; однако же, какъ видно изъ послѣдствія, сіе ни что не помогло; ибо вліяніе Грузіи и оплошность тамошняго начальства возымѣло гораздо болѣе надъ Царемъ дѣйствія.)

Поелику стало уже смеркаться, то, пожелавъ Его Высочеству успокоенія, я съ нимъ разстался.

Юля 27, около вечера, видѣли мы много конныхъ и пѣшихъ, подымавшихся изъ за лѣсу на холмъ къ шалашу Царскому. Были то аманаты, присланные къ Царю изъ селеній Лечгумскихъ, около крѣпости Цхывши лежащихъ, Его Высочествомъ покоренныхъ.

Того же вечера меня посѣтилъ Князь Церетель съ вельможею Княземъ Чулукидзе. При семъ постороннемъ человѣкѣ я никакъ не могъ съ Церетелемъ поговорить о чемъ бы надобно мнѣ было; онъ, однако же, самъ ко мнѣ пріѣхалъ не безъ намѣренія; ибо, возвращаясь отъ меня и будучи по двору провожаемъ Яковлевымъ, онъ ему, для донесенія мнѣ, сказалъ, что вчерашній вечеръ, послѣ свиданія со мною, Царь, находясь съ нимъ и съ дядькою, Княземъ Аваловымъ, и занимавшись перечитываніемъ Высочайшей грамоты, вызвался къ нимъ о нерѣшимости своей, дать ли свободу заключенному Царевичу, и отпустить ли его со мною, или нѣтъ? Что дядька ему на то отвѣчалъ, что весьма будетъ неблагоприятно, если Его Высочество упуститъ столь благоприятный случай заслужить Высочайшее покровительство, Государемъ Императоромъ въ грамотѣ ему и всему Царству обѣщанное, присокупивъ къ тому, что лучше бы Его Высочество сперва взялъ осторожности, чтобы Царица Анна, мать сего Царевича, не уѣзжала въ Россію и Государя бы не могла утруждать о сынѣ

своимъ; а что, поелику уже Его Императорское Величество Всемилостивѣйшее беретъ участіе въ семъ юношѣ, то весьма неприлично будетъ Царю того не исполнить. А что Царь промолчавъ, спряталъ грамоту и болѣе ничего по сему предмету не говорилъ, сказавъ сіе, Князь Церетель просилъ Яковлева мнѣ сдѣлать предложеніе, чтобы я созвалъ къ себѣ нѣсколькихъ изъ приближеннѣйшихъ къ Царю вельможъ, для убѣжденія ихъ къ наклоненію Царя на рѣшимость.

А между тѣмъ достигали до меня слухи, что нѣкоторые изъ Царедворцевъ, Царю приверженные, провѣдавшіе о предметѣ моего въ Имеретію пріѣзда, на то весьма вознегодовали, и, отзываясь неистово на счетъ Царицы Анны, матери заключеннаго Царевича Константина, говорили, что «лучше у себя юношу сего искрошить, нежели отпустить въ Россію, чтобы на послѣдокъ отечество свое не подвергнуть жребію Грузіи,» и что таковая молва необузданности дошла уже до свѣдѣнія Царя.

По чему и разсудилъ я за благо послѣдовать предложенію Князя Церетеля, и того же вечера послалъ Яковлева къ вельможамъ: сему Князю Церетелю, племяннику его, Сердарю, Князю Кайхосро Церетелю, Мачабелу и дядкѣ Князю Авалову, съ приглашеніемъ ихъ къ себѣ, на утро въ слѣдующій день.

Іюня 28, по утру часу въ 8, означенные вельможи, кромѣ Князя Мачабела, который былъ куда-то отправленъ Царемъ, а вмѣсто его привелъ Церетель Князя Сулукидзе, собрались ко мнѣ.

Какъ я уже пріобрѣлъ много свѣдѣній о дурномъ расположеніи Царя къ Россіи и о его участіи съ Царевичами, въ Имеретіи укрывающимися, къ возстановленію Царства Грузинскаго и къ истребленію войскъ Россійскихъ въ Грузіи, а при томъ какъ мнѣ извѣстно стало, что приверженные къ Царю, заочно неистовствуя на счетъ Царицы Анны, отклоняли Царя отъ освобожденія Царевича, за которымъ я присланъ, то я расположился съ сими вельможами изъясниться по точному содержанію Высочайшей Его Императорскаго Величества грамоты, и ихъ нѣкоторымъ образомъ удалить отъ той мысли, что Государь Императоръ Всемилостивѣйшее свое ходатайство объ освобоженіи Царевича обращаетъ къ Царю по единому снисхожденію на просьбу его матери, но что Его Императорское Величество желаетъ симъ испытать на самомъ дѣлѣ благонамѣренность къ Россіи ихъ Царя, которая, по обязанностямъ единовѣрія и по благоденствію,

коннѣ Царство Имеретянское наслаждается съ того времени, когда оное могущественнымъ посредствомъ Россіи исторгнуто изъ владычества варваровъ, существовать непремѣнно долженствуетъ.

Вельможи казались слушавшими съ великимъ вниманіемъ все, мною говоренное, а по окончаніи разговору они поѣхали отъ меня къ Царю, для донесенія о томъ Его Высочеству. Я же, съ ними прощаясь, присовокупилъ, съ видомъ откровенности, что, во взаимство ихъ усердія, я поставляю себѣ за счастье быть и за нихъ старателемъ и ходатаемъ, когда бы случай къ тому довелъ.

(Хотя Яковлевъ, поздно вечеромъ вчерашняго дня; и ѣздилъ къ нимъ вельможамъ, для приглашенія ихъ ко мнѣ, но въ томъ не успѣвъ, по тому что они всѣ были у Царя, онъ поѣхалъ для того весьма рано сего дня по утру, пока Царь еще почивалъ. Пришедши въ шалашъ, въ которомъ меня Царь обыкновенно принималъ, онъ послалъ къ Князю Церетелю Зурабу сказать, что имѣеть надобность съ нимъ видѣться, и пока онъ его тутъ дожидалъ, то подошелъ къ нему какой-то незнакомецъ и по Грузински его спросилъ, свѣдомъ ли онъ объ успѣхѣ того дѣла, за которымъ мы изъ Россіи пріѣхали? Яковлевъ, видя челоуѣка незнакомаго, счелъ его шпиономъ, и ему сухо отвѣчалъ, что онъ ни дѣла, ни его самаго, не знаетъ. Но незнакомецъ, не взирая на то, Яковлеву тихонько сказалъ, что какъ Царь не имѣеть при себѣ исправнаго писца, то послалъ куда-то за другимъ для сочиненія отвѣта Государю, который мы повеземъ, при обратномъ нашемъ вскорѣ изъ Имеретіи отъѣздѣ. Въ самую ту минуту пришелъ въ шалашъ Князь Церетель, а незнакомецъ скрылся. Яковлевъ не оставилъ о томъ спросить у сего Князя, который въ томъ признался, съ негодованьемъ сказавъ, что его Царь не знаетъ, что дѣлаеть и съ кѣмъ шутить; не только съ семь случаѣ, но и въ томъ, что укрывательствуетъ у себя 3 Царевичей Грузинскихъ: Юлона, Парнаоза и Александра.

Между тѣмъ тревожило меня чрезъ цѣлый день любопытство о дѣйствиіи, которое разговоръ мой съ вельможами, по донесеніи объ ономъ ими Царю, надъ Его Высочествомъ могъ произвести; по чему и поручилъ я Яковлеву, будто нечаянно съ Аргусомъ моимъ встрѣтиться, когда онъ, послѣ полуденнаго отдохновенія, пойдетъ по обыкновенію къ Царю, и по удобства или завести съ нимъ о томъ разговоръ, или его ко мнѣ мимоходомъ пригласить.

Онъ дѣйствительно то исполнилъ личнымъ съ нимъ на

единѣ изъясненіемъ, и сей кривой плутъ, съ личиною откровенности, Яковлева увѣрялъ, что, по прибытіи отъ меня къ Царю, они Его Высочеству въ подробности о имѣвшемся у нихъ со мною разговорѣ донесли, и что хотя болѣе 2 часовъ Царь съ ними занимался по оному разсужденіемъ, но, не оказавъ никакого рѣшенія, съ ними разошелся къ обѣду, съ тѣмъ чтобы вечеромъ они всѣ опять къ нему собрались, для повторительнаго о томъ разсужденія, на которомъ, безъ сомнѣнія что ни будь они обще положить и, конечно, ко мнѣ же пріѣдутъ отъ Царя съ увѣдомленіемъ, или Царь меня къ себѣ пригласитъ для изустнаго сказанія мнѣ своего рѣшенія.

Яковлевъ не оставилъ ему вкратцѣ подтвердить, сколь полезно будетъ для Царя, если онъ безъ отлагательства исполнитъ въ точности Высочайшее Его Императорскаго Величества желаніе, и не менѣе для тѣхъ, кои, пользуясь довѣренностію Царскою, употреблятъ будутъ стараніе для убѣжденія къ тому Его Высочества.

Іюля 29, въ 8 часу по утру, Аргусъ мой пришелъ ко мнѣ съ объявленіемъ, что вельможи, у меня вчерашній день бывшіе, желаютъ со мною видѣться, для сообщенія мнѣ нѣкоторыхъ предметовъ отъ имени Царя; по чему я изъяснилъ ему свою готовность ихъ у себя принять въ ту же минуту, если имъ то будетъ угодно. Они же дѣйствительно черезъ полчаса всѣ ко мнѣ съѣхались.

Послѣ чаю и нѣкоторыхъ пустыхъ разговоровъ, я ихъ спросилъ, какимъ повелѣніемъ отъ Царя изъ ихъ устъ я удостоенъ? Они же между собою согласясь, поручили Князю Церетелю говорить слѣдующее:

1. Что они обстоятельно донесли Его Высочеству о содержаніи моего съ ними разговора вчерашняго дня; что Царь, вникая въ истину того, сколь великое для него счастье быть удостоену всемилостивѣйшаго къ себѣ благорасположенія Его Императорскаго Величества, не токмо по тому исполнилъ бы Высочайшее Государя Императора желаніе, для котораго я къ нему прибылъ, но что если могло быть угодно Его Величеству, то что онъ и все Царство свое и самъ себя къ стопамъ Его повергнетъ. Что, однако же, со всѣмъ своимъ усердіемъ и приверженностію къ Государю Императору, встрѣчаетъ Царь въ томъ нѣкоторое затрудненіе, на которое Его Высочество моего требуетъ мнѣнія.

Я ихъ спросилъ, въ чемъ бы затрудненіе то состояло? Они же устами Князя Церетеля продолжали:

2. Что Царю угодно, чтобы я прежде позналъ всю исторію царствованія покойнаго Царя Давыда, отца заключеннаго Царевича Константина, и тѣ причины, по которымъ Царевичъ содержится въ крѣпости.

Что когда Его Высочество, нынѣ царствующій Соломоуъ Арчиловичъ, по смерти Царя Соломона 1 оставался въ малолѣтствѣ законнымъ наследникомъ Царства по его завѣщанію, то, до пришествія его въ совершеннолѣтіе, Царство Имеретинское, по общему избранію, поручено было во временное управленіе покойному Давыду, отцу заключеннаго Царевича, съ титуломъ Царя. Что Давыдъ спустя нѣсколько лѣтъ, по принятіи Царства, вмѣсто того, чтобы заниматься сохраненіемъ цѣлости и благосостоянія онаго, по нѣкоторому злопамятству на вельможъ, при Соломонѣ 1 бывшихъ, простеръ на нихъ свое мщеніе. Коль же скоро начали вельможи испытывать его гоненія, то, прибѣгнувъ яко бы къ царсвотвавшему тогда въ Грузіи Царю Ираклію съ просьбою о избавленіи ихъ отъ варварствъ Давыда и возведеніи на Царство, возмужавшаго уже почти Царевича Соломона Арчиловича. Что Царь Ираклій, бывъ ими къ тому убѣжденъ, на то согласился, и, для произведенія того въ дѣйство, отрядилъ къ нимъ своя войска и всякія оказалъ вспомошествованія. Когда же Давыдъ провѣдалъ о такомъ подвигѣ и намѣреніи вельможъ своихъ, и о соглашеніи съ ними Царя Ираклія лишить его Царства, то, желая за собою оное сохранить, и не падѣвшись на войско Имеретинское, требовалъ вспоможенія у Паши Ахалцыхскаго, обѣщавъ ему за то, когда Царство, съ помощію силъ его, за собою удержать, не токмо уступить во владѣніе Порты многія мѣста и крѣпости, но и отдать имъ множество Христіанскихъ церквей, для превращенія въ мечети. Залогомъ же своихъ обѣщаній послалъ яко бы Царь Давыдъ къ Пашѣ 16 юношей, дѣтей первѣйшихъ вельможъ.

Что когда народу стало извѣстно пагубное Давыда намѣреніе сіе, а паче то, что онъ Христіанскія церкви предавалъ владычеству варваровъ, то въ Имеретіи произошло отъ того гласное возмущеніе, и что всѣ единодушно стали требовать отнятія Царства отъ Давыда и возведенія на оное юнаго Царевича, Соломона Арчиловича.

Что Царь Давыдъ, лишившійся довѣренности и преданности къ себѣ народной, бывъ угрожаемъ силами Царя Ираклія, бѣжалъ въ Ахалцыхъ, гдѣ, распродавъ посланныхъ туда залогамъ

прежде 16 юношей, дѣтей вельможныхъ, и собравъ ополченіе, изъ Турецкаго и Лезгинскаго войска состоявшее, сдѣлалъ трехкратное на Имеретію нападеніе, и, кромѣ убитыхъ, отечество свое защищавшихъ, увлекъ въ плѣнъ до 17,000 человекъ, которые потомъ были распроданы въ разныхъ мѣстахъ Азіи. Но что въ 3-й разъ не токмо войско Давыда было отражено храбростію Грузинскою (кто Грузинцевъ знаетъ, тотъ едва ли такому чуду повѣрить); но и самъ былъ взятъ въ плѣнъ. Что Давыдъ покоренный, страшившись истязаній за свои поступки, принялъ предъ всѣмъ народомъ раскаяніе и клятву, впредь ни чего не предпринимать ко вреду Имеретіи, за что не токмо онъ ни чего не претерпѣлъ, но яко бы, напротивъ, дано ему было имѣніе, для пристойнаго себя содержанія, и преимущество особы Царскаго поколѣнія при немъ было оставлено. Что, спустя короткое время, Давыдъ завелъ переписку съ неприятелями Имеретіи, въ которой, бывъ уличенъ, въ преступленіи своемъ признался, и не токмо вторичную далъ клятву жить спокойно, но, имѣя въ одной рукѣ крестъ Спасителя, а въ другой Евангеліе, торжественно отдалъ Царю Соломону Арчиловичу, нынѣ царствующему, малолѣтняго сына своего, Константина, въ залогъ, съ тѣмъ что представляетъ его на жертву за пролитую кровь Имеретинцевъ, если впредь предпринять что либо во вредъ Царства. Наконецъ, что, спустя малое время, Давыдъ нарушилъ и сію вторичную клятву и, не памятуя о данномъ имъ Царству залогѣ, паки бѣжалъ въ Ахалцыхъ, и что хотя его преслѣдовали, но что онъ тамъ скрывшись и заболѣвъ оспою, отъ оной умеръ.

3. Что хотя отецъ заключеннаго Царевича столь много зла и причинилъ Царству, которое бы слѣдовало отомстить на семь юношей, однако же, что Царь, исповѣдуя теплую вѣру Христіанскую, того не учинилъ, но въ предосторожность, чтобы онъ, будучи на свободѣ, не послѣдовалъ примѣру отца, и, привлекая къ себѣ единомышленниковъ, не предпринялъ бы чего либо предосудительнаго противъ Царя, содержитъ его токмо въ крѣпости подъ присмотромъ, доставляя ему все потребное для его существованія.

4. На послѣдокъ, что Его Высочество со всею охотою готовъ исполнить желаніе Его Императорскаго Величества, но что опасается, чтобы когда Царевичъ, будучи освобожденъ и въ Россію отправленъ, а по просьбѣ матери Государемъ Императоромъ и

ей отданъ будетъ, не сталъ бы причинять Царю безпокойствъ вмѣстѣ съ матерію своею.

Выслушавъ отъ нихъ Арабскую сію сказку со вниманіемъ, я съ удивленіемъ ихъ спросилъ, что побуждаетъ Царя дѣлать такія заключенія, и къ Государю Императору имѣть такую недоувѣрчивость?

Ихъ же отвѣтъ былъ, что, можетъ быть, по тому, что Царь имѣеть въ памяти нѣкоторые случаи съ сосѣдственными Государствами, особенно съ Персією, на льстивыя предложенія коей въ прежнія времена Грузія склонялась, чрезвѣрною доувѣрчивостію обращала часто на себя собственное свое оружіе.

Я же имъ сдѣлалъ слѣдующія возраженія: что, поелику Его Высочество изволилъ требовать моего мнѣнія на все, что отъ имени его изъ устъ ихъ я теперь слышалъ, то я прошу ихъ Царю донести:

1. Что Всероссійскій Государь, обладатель пространнѣйшихъ земель во всей Европѣ, какъ имъ самимъ то не безъизвѣстно, правлами Невѣрныхъ никогда не руководствуется, и что Высочайшее Его Императорскаго Величества слово въ твердости своей непоколебимо.

2. Что Его Высочеству, ихъ Царю, не простительно бы было сомнѣваться въ томъ и тогда, когда бы Государь Императоръ изволилъ къ Царю просто токмо обратить свою просьбу объ освобожденіи Царевича и объ отправленіи его къ себѣ, но коль скоро Его Императорское Величество съ просьбою во всемплощаднѣйшей своей грамотѣ къ Царю соизволяетъ вызываться тѣмъ, что Царевичъ, оставаясь навсегда въ Имперіи нашей, и чрезъ то самое избавляя васъ отъ напрасной заботы, прекратить всякое о себѣ сомнѣніе, а въ заключеніи той же грамоты, во взаимство исполненія Царемъ Высочайшаго своего желанія, Государь Императоръ изъявляетъ свою готовность оказывать Царю и Царству Имеретинскому высокое свое покровительство: то если Его Высочество изволилъ вникнуть въ сіи Высочайшія слова, и оныя по прямому оныхъ смыслу понять, то я остаюсь въ твердой надеждѣ, что всякое сомнѣніе его долженствуетъ исчезнуть, и Высочайшее Его Императорское Величества желаніе точно исполнится.

Вельможи, между собою перетолковавъ, мнѣ признались, что сколько они вмѣстѣ съ Царемъ ни прочитывали Высочайшую грамоту, но глубины смысла оной не поняли, что тотъ же часъ донесутъ о томъ Его Высочеству.

Подтвердивъ оное имъ при прощаніи, я ихъ просилъ мнѣ доставить случай быть у Царя съ почтеніемъ.

Въ вечеру Князь Аваловъ, возвратившись отъ Царя, вызвалъ къ себѣ Яковлева и предъ нимъ извинялся, что Царь, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, принужденъ былъ отложить свиданіе со мною до завтрашняго дня, и именно по тому, что Царь, будучи безпрестанно обманываемъ Дадіаномъ въ сдачѣ крѣпости Цхывши, занимается распоряженіемъ къ рѣшительному дѣлу сего окончанію, взятіемъ оной приступомъ, и что для того послалъ въ какую-то крѣпость за пушками. А при томъ сей плутъ, съ личиною усердія, не оставилъ Яковлеву откровенно сообщить, что вельможи оняты разсуждали съ Царемъ по содержанію послѣдняго моего съ ними разговора; что Его Высочество ни чего рѣшительнаго не объявилъ, оставивъ оное до свиданія со мною. Такъ же, что онъ, Князь Аваловъ, разсуждалъ яко бы съ нѣкоторыми Царедворцами о предметѣ моего къ Царю пріѣзда, но что они всѣ пребываютъ въ тѣхъ мысляхъ, что лучше Царевича истребить, нежели въ Россію отпустить. Что онъ имъ истолковалъ смыслъ Высочайшей грамоты, Царемъ отъ меня по сему предмету полученной, и что послѣ сего они хотя и оставили прежнія мысли, но другихъ никакныхъ не объявляютъ.

Юня 30, въ 9 часовъ по утру, по приглашенію, имѣлъ я аудіенцію у Царя. Образъ, которымъ Царь меня принялъ, подалъ уже мнѣ поводъ къ заключенію, что Его Высочество имѣетъ нѣчто со мною поговорить по секрету; ибо какъ я вошелъ къ Царю, то онъ не былъ окруженъ толпою Царедворцевъ, а были у него токмо довѣреннѣйшіе вельможи, а именно: четверо, съ коими я имѣлъ переговоры, братъ Князя Чулукидзе и Князя Нижарадзе. Послѣ кофе и чаю Царь ко мнѣ обратился съ вопросомъ, что сказать ему я имѣю?

Я же отвѣчалъ, что если вельможи Его Высочеству донесли все отъ меня, ими слышанное, то что на сію минуту болѣе ни чего не имѣю, кромѣ подтвержденія того, что Его Высочество напрасно изволить беспокоиться, имѣя столь твердое Всемилостивѣйшаго Государя Императора увѣреніе, въ Высочайшей Его Величества грамотѣ изъясненное. «Царь же на сіе мнѣ ни какого отвѣта не далъ, но, задумавшись, сказалъ, что ему кажется, что Государю Императору подозрительныя на его счетъ внушены мысли, и что, по видимому, Его Императорское Величество изводитъ на него имѣть гнѣвъ!

Я же ему возразилъ, что Его Высочество несправедливо тѣмъ безпокоится; ибо Всемилостивѣйшему Государю Императору, по благодати его, никакія подозрѣнія несродны; а при томъ да послужить Его Высочеству въ доказательство тому противнаго Высочайшая Его Императорскаго Величества грамота, мною ему врученная, во всемилостивѣйшихъ выраженіяхъ коей не заключается никакого смысла негодованія Его Императорское Величество на Его Высочество; но что я осмѣливаюсь просить Его Высочество меня удостоить довѣренностію, по чему таковое заключеніе онъ дѣлать изволить.

Царь мнѣ на сіе сказалъ, что онъ завѣрное знаетъ, что Генераль Кноррингъ Государю Императору донесъ, что яко бы онъ замѣченъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ властвующимъ въ Персіи Баба-Ханомъ и съ прочими сосѣдственными Азіатскими владѣльцами, во вреду войскъ Россійскихъ въ Грузіи.

Я же продолжалъ, что Г. Генераль-Мейтенантъ Кноррингъ, по званію своему пограничнаго начальника, обязанъ непремѣнно вѣдать о всемъ, что за границею происходитъ и о томъ Его Императорскому Величеству доносить по сущей справедливости; и что по тому я Его Высочество смѣю увѣрить, что Г. Кноррингъ не могъ Государю Императору донести о сношеніяхъ Его Высочества съ Персією и прочими, если не имѣлъ въ томъ увѣрительныхъ доказательствъ.

Царь, согласуясь со мною, отозвался, что если не въ томъ, то въ чемъ ни будь другомъ, онъ, конечно, предъ Его Императорскимъ Величествомъ обвиненъ.

Въ чемъ же обвиненіе то состоять могло? спросилъ я у Царя.

Его Высочество съ принужденіемъ отвѣтствовалъ: что въ разсужденіи Грузинскихъ Царевичей, въ его Царствѣ обрѣтающихся. А потомъ, обратясь къ Князю Церетелю и Авалову, имъ говорилъ: «Не вы ли сами тому свидѣтели, сколь часто я ихъ уговаривалъ, чтобы они принесли покорность свою Государю, и возвратились бы въ Грузію, и что они меня никогда не слушались.»

Князь Аваловъ пантоминою то подтвердилъ, а Церетель, отвернувшись, промолчалъ и, какъ казалось, съ Царемъ въ томъ не согласился.

Я же отозвался, что если Его Высочеству угодно, то я, можетъ быть, на сіе могу донести нѣсто, въ чемъ Его Высочество, думаю, со мною согласится.

Царь мнѣ говорилъ, что онъ мнѣ за то будетъ обязанъ

(Какъ довольно уже мнѣ было извѣстно, что Царь все прѣбывалъ еще въ надеждѣ на то, что Грузія, какииъ ни будь образомъ получить прежнее свое бытіе, и что Его Высочество, имѣя переписку по сему предмету съ бабкою своею, вдовствующею Царицею Дарьею, супругою покойнаго Царя Ираклія, участвуетъ въ ея замыслѣ возвестъ на Царство Грузинское сына ея, Царевича Юлона, въ Имеретіи укрывающагося: то и старался я Царя вовлечь въ сей разговоръ, дабы того коснуться такъ, чтобы ему не дать того примѣтить, что мнѣ то извѣстно, и изъ онаго лучше приобрѣсть понятіе о истинномъ образѣ его мыслей.)

По чему я и продолжалъ: что Его Императорское Величество, по восшествіи на престолъ Всероссійскій, нашегъ уже Царство Грузинское къ Имперіи присоединенное, и, обративъ, Высочайшее свое вниманіе на все, что къ образованію онаго, для благоденствія всего Грузинскаго народа способствовать могло, простеръ равнымъ образомъ милосердіе свое и на Царевичей Грузинскихъ, сохраненіемъ при нихъ имуществъ ихъ и кромѣ того особеннымъ отъ щедротъ своихъ награжденіемъ. Что Государь Императоръ, имѣя ясныя доказательства покорности и повинновенія тѣхъ изъ Царевичей, которые остались въ своемъ отечествѣ, и другихъ, добровольно пожелавшихъ остаться въ Россіи, не можетъ, конечно, не удивляться поведенію 3 Царевичей, дѣтей покойнаго Царя Ираклія. Юлона, Парнаоза и Александра, въ Имеретіи по днесь прѣбывающихъ, а коими паче тогда, когда именемъ Его Императорскаго Величества неоднократно приглашаемы они были письмами Главнокомандующаго въ Грузіи въ отечество свое возвратиться, и когда Высочайшимъ Императорскимъ словомъ обѣщано имъ забвеніе всего прошедшаго, коль скоро они на путь истинный обратятся.

Царь, со вниманіемъ сіе выслушавъ, мнѣ сказалъ, что, по его мнѣнію, въ томъ, что Царевичи сіи имѣютъ убѣжище въ его Царствѣ, противнаго Высочайшей Государя Императора воли ни чего быть не можетъ; по тому что всемилостивѣйшимъ манифестомъ имъ даровано прощеніе всѣхъ прежнихъ ихъ проступковъ, а при томъ и дозволено имъ избрать мѣсто для ихъ пребыванія, гдѣ они сами пожелаютъ.

Но я донесъ Его Высочеству, что если имъ даровано прощеніе всѣхъ ихъ прежнихъ проступковъ, то оное въ настоящемъ дѣйствіи своемъ тогда токмо быть можетъ, когда они, возвра-

тять въ свое отечество, повиноваться будутъ законной власти Его Императорскаго Величества и въ вѣрности къ Престолу Всероссийскому учинять присягу, чего они еще не исполнили.

А что касается до дозволенія, всемилющивѣйше имъ даннаго, избрать по произволу мѣсто для всегдашняго своего пребыванія, то и оное простирается токмо до того, что они могутъ или оставаться навсегда въ своемъ отечествѣ, или же гдѣ пожелаютъ въ Имперіи Россійской, а не внѣ границъ оныхъ, на что безъ особаго Высочайшаго дозволенія, ни кто изъ подданныхъ самопроизвольнаго права не имѣеть.

Царь, послѣ нѣкотораго молчанія, съ видомъ признанія, отозвался, что онъ по сему невинно вовлеченъ въ проступокъ противъ Государя Императора.

Я же, въ заключеніе сего, присовокупилъ, что, по здравому разсудку, казалось бы, что тотъ, которому прощены дурныя дѣла, долженствовалъ бы хорошими поступками заглаждать заблужденія, въ которыя обстоятельствами вовлеченъ быть могъ, а не повторять оныхъ, и что совсѣмъ того въ противность поступаетъ доднесь Царевичъ Александръ, который, и въ Имеретіи не уживаясь, скитается по Азіи.

Царь, со мною въ томъ соглашаясь, отозвался, что онъ въ таковыхъ поступкахъ Царевича Александра ни малѣйшаго участія не имѣеть, а что Царевичъ, отпросясь на охоту, пропадалъ безъ вѣсти, и послѣ очутился въ Ерванѣ.

Я же Царю отвѣчалъ, что и я отнюдь не съ тѣми мыслями о томъ Его Высочеству докладывалъ, чтобы я осмѣлился возымѣть подозрѣніе объ участіи его въ побѣгѣ сего Царевича.

Царь потомъ продолжалъ, что онъ давно бы желалъ принести себѣ оправданіе предъ Его Императорскимъ Величествомъ, или посредствомъ письма, или же черезъ посланца, котораго бы отправилъ въ С.-Петербургъ; но что, зная, сколь великую довѣренность у Государя имѣеть Генералъ Клоррингъ, опасается того, что если бы было отправлено къ Государю Императору письмо, то оное не дойдетъ, а удержано будетъ Г. Кноррингомъ; а если бы отправленъ былъ посланецъ, то Г. Кноррингъ его до С.-Петербурга не допуститъ, а конечно назадъ отправить.

Съ увѣреніемъ Царя, что напрасно и въ семъ имѣеть сомнѣніе, я его просилъ мнѣ сказать, по какому поводу онъ заключенія таковыя дѣлать изволить?

Его Высочество отвѣчалъ, что, когда прошедшею зимою онъ

отправилъ съ С.-Петербургъ къ Высочайшему Двору посланникомъ Князя Джипаридзе, то Генералъ Кноррингъ, предоржавъ его нѣсколько времени въ Георгіевскій, отослалъ обратно, и что послѣ сего Его Высочество не имѣетъ болѣе надежды впредь съ Высочайшимъ Дворомъ Россійскимъ быть въ ближайшихъ сношеніяхъ.

Я же просилъ Царя быть по сему предмету спокойнымъ, представляя ему, что по одному примѣру не всегда можно судить о послѣдующихъ, а при томъ его старался увѣрить, что съ предметомъ, съ которымъ Князь Джипаридзе къ Высочайшему Двору отъ Его Высочества былъ отправленъ, Генералъ Кноррингъ, извѣстясь объ ономъ, и не осмѣлился посланника сего даждь пропустить, а что мнѣ также не безъизвѣстно, что сей Генералъ, отправивъ обратно Князя Джипаридзе съ приличнымъ званіемъ, въ которомъ онъ отъ Его Высочества къ Высочайшему Двору былъ назначенъ, награжденіемъ, Его Высочеству донесъ письменно о причинахъ, по которымъ слѣдовать ему даждь воспрещалось, и съ нимъ же прислалъ къ Царю тому доказательства.

Царь долженъ былъ и въ семъ со мною согласоваться; ибо сказалъ, что то совершенная истина.

(Я въ свѣжей памяти имѣлъ, что Генералъ Кноррингъ, съ отношеніемъ къ Его Сіятельству Вице-Канцелеру, отъ 8 Февраля сего 1802 года, подъ № 422, о извѣстїи чрезъ сего посланца, Князя Джипаридзе, полученномъ, что яко бы владѣлецъ Лечгумскій и Одишскій Дадіанъ, за нѣкоторое умышленіе противъ Царя, изъ владѣній своихъ изгнанъ, при особомъ письмѣ къ Вице-Канцелеру сообщилъ копію рапорта своего къ Государю Императору о томъ, что Князь Джипаридзе отъ Царя Имеретинскаго былъ отправленъ къ Высочайшему Двору съ порученіемъ ходатайствовать о возведеніи на Царство Грузинское Царевича Юлона, и что онъ, Генералъ Кноррингъ, не разсудивъ пристойнымъ съ сими предметами посланца сего ко Двору отправить, послалъ его назадъ, поручивъ ему доставить Царю нѣсколько печатныхъ экземпляровъ Высочайшаго манифеста о присоединеніи Грузіи къ Имперіи Россійской и штата нынѣшняго оной образованія.)

Заключеніе сей моей у Царя аудіенціи, было то, что я бы весьма желалъ видѣть тотъ предметъ, который, по желанію Его Императорскаго Величества, препорученъ мнѣ быть долженствуешь, для доставленія въ Россію.

Царь же отвѣчалъ, что ни чего о томъ рѣшительнаго сказать еще не можетъ.

Въ вечеру сего дня посѣтили меня Протопопъ нашъ причта соборнаго Архимандрита Кутаискаго Николая, встрѣтившаго насъ 24 сего мѣсяца на дорогѣ въ селеніи Хывши, и купецъ, уроженецъ Грузинскій, Георгій, о коемъ же упоминается 24 числа.

Протопопъ сидѣлъ у меня весьма короткое время, любопытствовалъ токмо о пребываніи въ С.-Петербургѣ Царицы Анны. Купецъ же, разговаривая съ Яковлевымъ по Турецки, его увѣдомлялъ, что о моемъ въ Имеретіи пребываніи не токмо извѣстно въ Кутаисѣ, столицѣ оной, но въ Ахалцыхѣ и другихъ сосѣдственныхъ областяхъ. Что въ Кутаисѣ желаютъ насъ видѣть, и пріѣзду нашему весьма радуются, и что какъ вошь уже извѣстно о предметѣ моего къ Царю пріѣзда, то большая часть народа, или всѣ благомыслящіе, весьма желаютъ, чтобы Царь требованіе Россійскаго Государя исполнилъ. Сей же купецъ сообщилъ за извѣстіе, что, по полученному Царемъ свѣдѣнію о движеніи Дадіана съ 300 человекъ для поданія сикурса блокируемой крѣпости Цхывши войскомъ Имеретинскимъ, Его Высочество отправилъ въ оное Серадаря, Князя Кайхосро Церетеля, и Князя Отія Цулукидзе. Любопытно для меня было извѣдать о числѣ войска Царскаго, крѣпость облегающаго, и вообще противъ Дадіана дѣйствующаго; по чему я сдѣлалъ ему о томъ вопросъ, а онъ мнѣ донесъ, что онаго было до 500 человекъ; но что какъ стало недоставать жизненныхъ припасовъ, то что большая онаго часть разбѣжалась, а теперь едва ли осталось онаго до 200 человекъ всякаго сброду, и что по тому, по повѣленію Царя, отвсюда войско набирается, для добавленія недостающаго, и везутся откуда-то 3 пушки.

Гораздо уже поздно вечеромъ, вышедъ походить и, увидѣвши моего Аргуса, сѣдющаго на гумнѣ, у огонька, послѣ ужина, я, будто нечаянно, къ нему зашелъ; а цѣль моя была та, что какъ уже слухи подтверждались, что Царь послалъ куда-то и за какиѣмъ-то Мдиваномъ или пшцомъ, для сочиненія отвѣтной къ Государю Императору грамоты, которую располагалъ отправить со мною: то чтобы съ нимъ завести о томъ рѣчь, и, если можно, извѣдать объ особѣ Мдивана и о нынѣшнемъ мѣстѣ его пребыванія. Что дѣйствительно мнѣ удалось, и вотъ что кривой мой Аргусъ рассказалъ, на вопросъ, мною ему сдѣланный, скороли Мдиванъ нашъ Кутайса пріѣдетъ, и кто отъ такой?

Что онъ нѣкто Князь Соломонъ, и что не въ Кутаисѣ, но въ Тифлисѣ находится по нѣкоторымъ препорученіямъ Царскимъ;

что ожидаютъ ежего воскресенья, или 3 Августа. Что онъ чело-
вѣкъ, имѣющій даръ краснорѣчія, пользуется милостями и довѣ-
ренностью Царя, ему пожаловавшаго за усердіе Моуравство, дво-
ровъ изъ 70 состоящее, въ конхъ можно полагать до 500 душъ
и сверхъ того ежегоднаго содержанія, по 500 маргалъ, по зва-
нію Мдивана.

Сего для меня было довольно для заключенія о предметѣ его
пребыванія въ Тифлисѣ, когда сіе сказаніе я сообразилъ съ
краткимъ описаніемъ о семъ челоѣкѣ, мнѣ сдѣланнымъ Коллеж-
скимъ Ассессоромъ Яковлевымъ, его знавшимъ въ то время въ
Тифлисѣ, когда онъ тамъ находился съ Министромъ, Г. Ковален-
скимъ, слѣдующимъ:

Что Князь Соломонъ Мдиванъ, долженъ быть самой тотъ,
который, за отличныя дорованія и краснорѣчіе во многихъ Вос-
точныхъ языкахъ, былъ употребленъ Царемъ Иракліемъ въ важ-
нѣйшія дѣла; что уроженецъ онъ Лезгинскій. Но въ 1783 году,
при заключеніи въ Грузіи съ Россією трактата, а задѣланную
имъ измѣну, Князь Соломонъ былъ брошенъ, а потомъ прощенъ
и опять, по прежнему, у Царя Ираклія былъ въ милости. Потомъ
вторичную сдѣлалъ нѣкую измѣну, и лишился на всегда милос-
тей Царскихъ. Что прѣемникъ Царя Ираклія, Царь Георгій, его
ненавидѣлъ, и что, напоследокъ, когда Грузія была присоединена
къ Россіи, то Соломонъ бѣжалъ въ Имеретію.

Однако же заключеніе мое простиралось токмо до того, что
я нѣсколько сомнѣвался, чтобы Царь исполнилъ требованіе Госу-
даря Императора; а объ истинныхъ причинахъ того догадаться
мнѣ было до случая не почему.

Юля 31 пришелъ ко мнѣ тайнымъ образомъ купецъ, часто
у: оманутый Георгій и, между прочимъ, говорилъ, что, когда
Царь ко мнѣ отправлялъ на встрѣчу въ Барі своего дядьку, К.
Авали-Швили, то ему приказалъ стараться развѣдать, какой уроже-
нецъ Яковлевъ, котораго я впередъ себя къ Его Высочеству тогда
отправлялъ, къ чему и дѣйствительно прилагалось съ ихъ стороны
стараніе, но Яковлевъ, какъ самъ долженъ былъ сказываться Ма-
дороссіяниномъ, такъ и всѣмъ свиты моей людямъ о томъ строго
было приказано; когда же его спрашивали, какъ онъ такъ хоро-
шо знаетъ Азіятскіе языки, то онъ говорилъ, что въ послѣднюю
Турецкую войну находился при Князѣ Потемкинѣ и, бывъ упо-
требленъ въ разныя должности, мало по малу онымъ научился.

Сей же Георгій сказывалъ, что къ крѣпости Цхыуши при-

шло Имеретинцовъ еще до 500, и что съ оными отправленный отъ Царя Сердарь, Князь Кайхосро Церетель, можетъ быть, успѣть взять крѣпость сію.

Въ вечеру же меня постигъ Князь Зурабъ Церетель, съ которымъ я имѣлъ пространный разговоръ о непреклонности Царя къ исполненію Высочайшаго Его Императорскаго Величества желанія, испытывая отъ него, что бы тому была за причина.

Онъ мнѣ съ прискорбіемъ говорилъ, что сколько со стороны благомыслящихъ ни прилагалось старанія къ убѣжденію Царя на преклонность, но что Его Высочество, не внимая ни въ какія выгоды, для него и для нихъ всѣхъ, отъ того произойти могущія, ни малѣйше не расположенъ дать свободу заключенному Царевичу, а еще менѣе его со мною отпустить въ Россію; а что хотя Его Высочество и оказываетъ видъ опасенія, чтобы сей Царевичъ, со временемъ, не содѣлался для него опаснымъ. Но что есть кажется, какая то сокровенная причина, отъ того Царя отдалекающая, кромѣ сего опасенія, которой Князь Церетель яко бы самъ не постигаетъ.

Съ оказаніемъ моего на сіе удивленія, я Князю Церетелю откровенно сказалъ, что если Царь вздумаетъ пренебречь священныя Императорскимъ словомъ, со стороны безопасности его обязывающимъ, то таковою недовѣрчивостію можетъ огорчить Государя Императора болѣе, нежели Его Высочество вообразить себѣ то можетъ.

На вопросъ же, имѣ мнѣ сдѣланный, донести ли о семъ Царю? я оставилъ на его волю.

Между тѣмъ я все касался причинъ, какія бы Царя могли отъ того отклонить, а Князь Церетель все токмо подтверждалъ свое сожалѣніе, что Царь добровольно лишаетъ себя благоволенія Высокомонаршаго, и что сіе надобно пречестъ къ единому его державству, или упрямству.

Сей дипломатическій разговоръ приходилъ уже къ концу, и съ моей стороны заключался признательностію за его усердіе, а при томъ и откровеніемъ о моемъ желаніи постигнуть сокровенности Царя, останавливающія, кромѣ опасенія отъ Царевича. Князь Церетель наконецъ мнѣ отозвался, что онъ, можетъ быть, въ состояніи мнѣ дать нѣкоторую о томъ идею, изъ которой бы я могъ сдѣлать заключенія пространнѣйшія по сему предмету, если я ему токмо дамъ обѣщаніе хранить о томъ тайну, и предъ Царемъ ни малѣйшаго виду не показывать, что я что либо знаю.

Я не могъ не изъявить ему моего на то согласія въ томъ смѣслѣ, что всякую обязанность, отъ него мнѣ налагаемую, не и како считаю, какъ удовольствіемъ.

И такъ Князь Церетель мнѣ за тайну сообщилъ, что сего дня; послѣ полудни, Царь получилъ изъ Грузіи извѣстіе о побѣгѣ Царевича Давыда изъ Тифлиса въ Борчалы, и о возмущеніи, въ Кахетіи и Кизакѣ ознаменовавшемся.

(Имѣвши уже достаточныя свѣдѣнія о замыслѣ и участіи Царя къ возведенію на Царство Грузинское Царевича Юлона, и объ операціяхъ Царевича Александра, къ тому же клонящихся, я мысленно себя поздравилъ съ неудачею моего въ Имеретію путешествія, а о сокровенностяхъ, Царя отклонявшихъ, заключить уже было не трудно.)

Князь Церетель отъ меня уѣхалъ, и я занялся мыслями, гдѣ я и въ какомъ критическомъ положеніи быть я долженъ, если мятежь возметъ свою силу, и если воцарится до того, что Имеретинцы, подъ предводительствомъ Царевича Юлона и Парнаоза, вздумаютъ Грузіи вспомоствовать.

Августа 1-го, послѣ полудни, слышно было нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. По развѣдываніямъ о томъ Яковлева и Ильина, мнѣ донесеннымъ, были выстрѣлы сіи по Имеретинцамъ изъ крѣпости Цхывши сдѣланы. Тутъ же одинъ изъ дворянъ, ко мнѣ приставленныхъ, намъ за удивительное сообщилъ, что подъ горою, за нашею избою, лежитъ преогромная пушка, привезенная по повелѣнію Царя, изъ какой-то крѣпости на 20 нарахъ валавъ. Пушка сія весьма огромна и должна быть древняго литья Турецкаго; по видимому, она и въ Имеретію завезена Турками во время ихъ надъ Имеретіею владычества. Лафета подъ нею не было, а притащена она на арбѣ (родъ телѣги).

Около вечера прислалъ ко мнѣ Царь письмо, имъ полученное въ письмахъ зятя его, Мсигхаза Андроникова, на границѣ Грузіи въ Имеретіи живущаго. Оно было ко мнѣ отъ Капитана Кавказскаго гренадерскаго полка Бартенева изъ Сурама, коимъ онъ мнѣ подарилъ свѣдѣнія, что Командующій въ Грузіи, Г. Генераль-Майоръ Лазаревъ, въ бытность свою въ Сурамѣ, ему приказалъ быть исполнителемъ, по моему востребованію, вспомоствованія воинскими отрядами и способствовать къ немедленному доставленію къ себѣ въ Тифлисъ пакетовъ, если отъ меня таковые получатся.

Поелюку Царь оное ко мнѣ приславъ, мнѣ приказалъ сказать

что онъ того же вечера отправляетъ нарочнаго къ помянутому зятю своему, и что не захочу ли я тѣмъ воспользоваться: то я написалъ къ Вице-Канцлеру о моемъ положеніи и ненадежности въ успѣшномъ моей миссіи окончаніи, и къ Генералу-Лейтенанту Кноррингу также, который нарочному и зѣло пьяному Имеретинцу, отъ Царя отправленному, я поручилъ, для доставленія въ Сурамъ Капитану Бартеневу, какъ онъ за способіе признаеть.

Августа 2го приходилъ ко мнѣ опять купецъ Георгій, который мнѣ сообщилъ, что Царь хотя ежедневно и не по одному разу прочитываетъ грамоту Государя Императора, и что сколько ни дѣлають ему убѣжденій Князя Церетель и Нижирадзе, чтобы онъ исполнялъ въ точности Высочайшую Его Императорскаго Величества волю, но что Его Высочество ни чему не внемлетъ и уже рѣшился отказать.

Онъ же, между прочимъ, мнѣ донесъ, что когда, нынѣшнею весною, Главнокомандующій Г.-Л. Кноррингъ пріѣзжалъ въ Грузію, тогда Царь, опасавшись, чтобы не было какого либо изъ Грузіи покушенія для спасенія заключеннаго въ крѣпости Мухури Царевича, изъ оной его перевелъ въ другую, называемую Сайайчегось, ближе къ Ахалцыху лежащую, и что по отѣздѣ Главнокомандующаго изъ Грузіи, Царевичъ паки перемѣщенъ въ Мухури и содержится весьма крѣпко, имѣя, кромѣ 3-хъ запорокъ, безсмысленно караулъ изъ 25 человекъ.

Около вечера услышали мы нескладный звукъ дудокъ: было то Царское войско, въ Хонцкари пришедшее и мимо Царя парадомъ проходившее, которое слѣдовало къ умноженію воинства, крѣпость Цхыши облежавшаго.

Августа 3-го, на разсвѣтѣ, опять пришло множество коннаго и пѣшаго войска, туда же назначеннаго. Между тѣмъ приказано отъ меня было стараться развѣдывать объ успѣхахъ Царской рати надъ Дадіаномъ, и въ тотъ же день мнѣ донесено, что Сердарь Князь Кайхосро Церетель, нѣсколько дней тому назадъ, съ Княземъ Цулукидзе поѣхавшій въ армию, имѣлъ отъ Царя порученіе, оставя подъ крѣпостію потребное число войска, ити съ большимъ количествомъ для покоренія Лечхума, а потомъ и Одиши, но что едва ли Сердарь въ чемъ успѣетъ; ибо, по слухамъ, извѣстно стало, что сосѣдственный съ Дадіаномъ Владѣтель Гуріеля ему намѣревается вспомошествовать; что Суанцы, Дадіану подвластные, не хотятъ участвовать въ войнѣ, а ожидаютъ спокойно своей судьбы, въ томъ, что если Лечхумъ останется за Дадіаномъ, то

они будутъ по прежнему ему повиноваться; если же Лечхумоу Царь овладѣетъ, то и ему подвергнуться съ покорностію.

Часу въ 6-иѣ по полудни былъ я приглашенъ къ Царю. Больше часа я долженъ былъ съ Его Высочествомъ заниматься пустыми разговорами, въ которыхъ, однако же, включались примѣчанія о великости и могуществѣ Россіи.

Солнце уже склонялось и я, видѣвши, что Царь ни мало нерасположенъ мнѣ что ни будь сказать о дѣлѣ, вызвался къ нему съ вопросомъ: «Не имѣетъ ли Его Высочество мнѣ чего ни будь милостиво приказать?»

Царь отвѣчалъ, что ничего, а что желалъ со мною токмо видѣться и провести вечеръ въ пріятныхъ разговорахъ.

Поблагодаривъ его, я Его Высочеству донесъ, что желалъ бы ему объяснить нѣсколько словъ. По чему всѣ Царедворцы удалились, а съ нами остались токмо Князь Церетель и Князь Авадовъ, дядька.

И такъ я Его Высочеству донесъ, что, имѣя счастье 10 уже дней при Свѣтлѣйшей его особѣ находиться и ни чѣмъ рѣшительнымъ не будучи удостоенъ, а при томъ, какъ уже всѣмъ извѣстно, что Его Высочество намѣревается вскорѣ отправиться въ походъ, то что я долгомъ считаю подтвердительно Его Высочеству предложить, что не лучше ли будетъ, чтобы Его Высочество до похода своего за благо признать изволилъ Царевича Константина безъ отлагательства мнѣ поручить, для путешествія его со мною въ Россію, въ разсужденія того, чтобы мнѣ не запоздать и не упустить лучшаго времени для проѣзда черезъ горы Кавказскія въ Сентябрь мѣсяцѣ.

Царь мнѣ отвѣчалъ, что онъ постарается то исполнить, но чтобы я взялъ терпѣнія еще на недѣлю, въ разсужденія того, что Мдиванъ, за которымъ давно уже онъ послалъ, на сихъ дняхъ прибудетъ, и что потребно ему такъ же время для порядочнаго расположенія отвѣтной грамоты къ Государю Императору. Я Его Высочеству отвѣчалъ, что изъ сего я токмо заключить могу о продолжающемся въ мысляхъ его прежнему безпокойствѣ и недобѣрчивости къ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества увѣрительнымъ словамъ, въ грамотѣ изъясненнымъ, и что въ теченіи 10 дней моего при Свѣтлѣйшемъ лицѣ Его Высочества нахождения, не видѣвши того, чтобы сдѣланъ былъ хотя малѣйшій подвигъ, съ Высочайшимъ желаніемъ Всемилостивѣйшаго Государя

моего сообразный, я нахожусь отъ того въ совершенномъ недоумѣніи, и долгомъ себѣ поставляю паки повторить Его Высочеству, что коль скоро я неоднократно удостоился слышать изъ устъ его о томъ, что Его Высочеству ничего столь не лестно, какъ пользоваться Высочайшимъ Его Императорскаго Величества покровительствомъ, и что онъ въ томъ единую полагаетъ свою надежду, то что, по моему мнѣнію, столько же долженствуетъ быть Его Величеству пріятно въ семъ случаѣ доказать то на самомъ дѣлѣ.

Царь мнѣ паки повторилъ, что онъ ни на что еще не рѣшился, и что когда придутъ Мдиванъ, тогда немедленно все окончатъ.

Поелику уже начало смеркаться и Царь поднялся съ своего дивана, то я пожелалъ Его Высочеству спокойной ночи, мысленно при томъ расположивъ въ слѣдующій день къ себѣ пригласить вельможъ, для подтвержденія имъ убѣдительнѣйшаго о непричиніи того, если Царь не исполнитъ Высочайшаго Государя Императора желанія.

Когда Князь Церетель и Князь Аваловъ, по приглашенію моему, ко мнѣ пріѣхали, около полудни Августа 4-го, то я открылъ съ ними слѣдующій разговоръ: по подтвержденіи имъ донесеннаго мною въ ихъ присутствіи Царю на канунѣ, и окончательнаго отзыва, Его Высочествомъ мнѣ сдѣланнаго, я продолжалъ: что еслии я долженъ полагать вѣру къ изустнымъ увѣреніямъ Его Высочества, неоднократно мнѣ повтореннымъ, о истинномъ его желаніи пользоваться Всемилостивѣйшимъ къ себѣ благорасположеніемъ Его Императорскаго Величества, то что я не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, чтобы Царь не исполнилъ Высочайшаго Государя Императора желанія по содержанію грамоты. Но поелику, по истеченіи 10 дней моего при Его Высочествѣ пребыванія, я еще не вижу, чтобы Царь что либо сообразное тому предпринять изволилъ, т. е., чтобы было послано за Царевичемъ, для его освобожденія, то хотя и питаю я въ себѣ увѣренность, что Его Высочествомъ Высочайшая Его Императорскаго Величества воля исполнена будетъ непремѣнно, однако же за долгъ считаю откровенно имъ сказать, для донесенія устами ихъ Царю, что для Его Высочества благоприятнѣйшая теперь минута утвердить за собою Всемилостивѣйшее благоволеніе Его Императорскаго Величества на всегда исполненіемъ безотлагательнымъ Высочайшей Его Величества воли. И наконецъ, что какъ Царь мнѣ отозваться

извоили, что ему потребно время для порядочнаго расположенія въ мысляхъ отвѣта къ Государю Императору, то что я прошу ихъ увѣрить Его Высочество, что лучший и приличивѣйшій его отвѣтъ на Высочайшую грамоту можетъ быть токмо тотъ, когда желаніе Его Императорскаго Величества, по содержанію оной, Царемъ будетъ исполнено безъ отлагательства.

Вельможы, сіе выслушавъ, отозвались, что имъ самимъ удивительно поведеніе ихъ Царя, и что они, какъ преданные къ Россіи, о томъ сердечно сожалеютъ. Симъ заключился мой съ ними разговоръ, и они поѣхали отъ меня, для донесенія объ ономъ Его Высочеству.

Августа 5, сидѣвъ по полудни на лугу, подъ деревомъ, гдѣ обыкновенно я отдыхалъ, видѣлъ я сперва одну кучу конныхъ и пѣшихъ, а потомъ и другую подобную, которыя подымались прямо къ шалашу Царскому. Хотя и было отъ меня приказано объ оныхъ развѣдать, но удалось то еще лучше. Ко мнѣ подошелъ Имеретинецъ, заговорившій изрядно по Русски а болѣе по Польски. На вопросъ, ему сдѣланный, кто онъ и гдѣ учился нашему языку, онъ отвѣчалъ, что онъ Полякъ, выѣхавшій съ Бурнашовымъ въ Грузію, а потомъ улалившійся въ Имеретію съ братомъ, и что нынѣ служитъ въ войскѣ Царскомъ, блокирующемъ крѣпость Цхывши. Не входя въ дальнее съ нимъ объясненіе, я его спросилъ о ихъ успѣхахъ противъ Дадіана.

Онъ же мнѣ рассказалъ, что нѣсколько дней тому назадъ пріѣхавшій въ армию Сердарь, Князь Кайхосро Церетель, хотя и забирался уже и далеко въ Лечхумъ, но, убоявшись Дадіана, большую силу на встрѣчу отрядившаго, ретировался подъ крѣпость Цхывши, и хотѣлъ оную принудить; но какъ она довольно укрѣплена, чтобы слабому Имеретинскому войску противустоять, то его испытаніе было тщетно; ибо ихъ крѣпости Имеретинцевъ поподували пушечными выстрѣлами и оными у нихъ убили 11 человекъ, а Сердарь, перепугавшись, отступилъ и опроретью къ Царю прискакалъ съ симъ печальнымъ извѣстіемъ, которое и Его Высочество до глубины сердца тронуло.

Что двѣ кучи, мною видѣнныя, конныхъ и пѣшихъ, къ шалашу Царскому подыавшіяся, были Сердарь, ретировавшійся со свитою, и пріѣхавшій откуда, то Соломонъ Мдиванъ.

Того же вечера я нечаянно встрѣтился съ моимъ Аргусомъ и между прочимъ ему сказалъ, что я, кажется, видѣлъ Сердаря,

бывшаго нѣсколько дней въ отлучкѣ и путеводительствовавшаго храбрѣмъ воинствомъ, то возвращеніе его не по поводу ли какой ни будь побѣды, надъ непріятелемъ одержанной?

Но сей плуть отвѣчалъ, что хотя гласной побѣды ни какой еще нѣтъ, а ожидать оной вскорѣ можно; но что Сердарь пріѣхалъ для того, чтобы завтрашній день, который былъ праздникъ Преображенія Господня, отслушать съ Царемъ обѣдню, а сегодня всенощную.

Все сіе было весьма хорошо. Соломонъ Мдиванъ пріѣхалъ, и меня заставилъ размышлять о томъ, что будетъ, и чего не будетъ.

Поздно вечеромъ Князь Зурабъ Церетель прислалъ ко мнѣ фрукты съ своимъ челоуѣкомъ, и ему поручилъ меня тайно предувѣдомить, что хотя Соломонъ Мдиванъ и довольно рано пріѣхалъ, но токмо отдалъ Царю много писемъ, а разговоръ съ Его Высочествомъ не имѣлъ, и что Царь, отложивъ оныя до завтра, отдалъ Соломону грамоту для чтенія (ту, которую я Царю, пріѣхавъ, вручилъ). Такъ же, что гость сей имѣетъ какое-то писмецо и ко мнѣ изъ Тифлиса, то что не разсужу ли я кого ни будь къ нему за онымъ отъ себя послать? Еще же, что изъ Россіи прібылъ въ Тифлисъ Царевичъ Багратъ, и что о семъ извѣстіе привезъ Соломонъ Мдиванъ.

Августа 6, по утру, я послалъ Казака къ Князю Соломону Мдивану, поздравить его съ пріѣздомъ и спросить, не имѣетъ ли ко мнѣ изъ Грузіи писемъ? Онъ же мнѣ, чрезъ сего Казака, приказалъ отвѣчать, что черезъ минуту будетъ ко мнѣ самъ, для врученія мнѣ лично имѣющагося у него письма.

Чрезъ полчаса онъ ко мнѣ пріѣхалъ, а Яковлевъ, его увидѣвъ, тихонько сказалъ, что онъ самой тотъ, о которомъ онъ мнѣ говорилъ.

Съ привѣтствіемъ онъ мнѣ вручалъ письмо отъ Правителя Грузіи Г. Д. С. С. Коваленскаго, въ которомъ Его Превосходительство изъясняетъ слѣдующее: что имѣя (откуда-то) офіціальное отношеніе о моемъ въ Имеретіи пребываніи, онъ за удовольствіе себѣ поставляетъ возобновить прежнее со мною знакомство и, пользуясь симъ случаемъ, мнѣ рекомендовать вручителя письма сего, Князя Соломона Леонидзе, находившагося въ Тифлисѣ по дѣламъ Царя Имеретинскаго, а нынѣ Его Высочествомъ вызваннаго для совѣщанія по предмету моей миссіи, который, по увѣренію въ семъ письмѣ Г. Коваленскаго, не токмо ему далъ слово скар-

нить Царя на освобожденіе Царевича Константина, но, по усердію своему къ интересамъ нашимъ, и на дальнѣйшіе предметы, Имперіи полезныя.

А въ Р. С. письма сего Г. Коваленскій приписалъ собственною рукою: что краткость времени ему не позволяетъ мнѣ описать внутреннія Грузіи обстоятельство, но что онъ бы мнѣ не советовалъ, на обратномъ пути въ Россію, ѣхать черезъ Грузію, а тою же дорогою, которою я прибылъ въ Имеретію. Что не возмущеніе, въ Кахетіи и Кизикѣ ознаменовавшееся, можетъ для меня быть опасно, и его побуждаетъ мнѣ подавать (столь благой) совѣтъ сей, но пресѣченіе коммуникаціи изъ Грузіи въ Россію отъ беспокойствъ Тагнурцовъ и Осетинцовъ, въ горахъ, чрезъ кою идетъ дорога, живущихъ, можетъ содѣлать путь сей для меня затруднительнымъ. Впрочемъ, заключаетъ Г. Коваленскій, казалось бы, чтобы могъ снестись предварительно съ нимъ по сему предмету, испрося на то дозволенія Его Высочества, Царя.

Прочетши оное, я съ Княземъ Леонидзе изъяснялся въ короткихъ словахъ о настоящемъ положеніи дѣла, о сомнѣніи Царя и его недоувѣрчивости къ Высочайшимъ словамъ, предварительно со всѣхъ сторонъ его обезпечивающимъ, и просилъ его употребить свое посредство къ преклоненію Царя. Онъ весьма откровенно мнѣ отозвался, что еслии Его Высочество не исполнить желанія Государа Императора, то развѣ захочетъ быть и себѣ и Царству своему врагомъ, а при томъ Князь Леонидзе мнѣ примѣтилъ, что онъ, по прочтеніи Высочайшей грамоты, Царю яко бы тоже истолковалъ, и почти его убѣдилъ, но что нѣкоторые изъ вельможъ стараются Царя отвлекать отъ того.

Я любопытствовалъ у него, какую пользу они въ томъ находятъ.

Леонидзе продолжалъ, что они суть тѣ, которымъ отданы деревни несчастнаго Царевича, и что опасаются, чтобы, съ освобожденіемъ его, имъ оныхъ со временемъ не лишиться.

Въ заключеніе же всего онъ осыпалъ меня увѣреніемъ, что, не взирая на какія противоборства, онъ употребитъ всевозможное стараніе къ тому, чтобы Царь, для собственной своей пользы, Высочайшую Его Императорскаго Величества волю непремѣнно исполнилъ.

Разставшись съ симъ гостемъ; обратился я пакн къ письму, имъ отъ Г. Правителя Грузіи мнѣ врученному. Выника въ смыслъ

онаго, находилъ я въ немъ много учтивства, но начало онаго: «что онъ имѣетъ официальное отношеніе о моемъ въ Имеретіи пребываніи,» меня удивляло; ибо, проходя мысленно Высочайшія повелѣнія, коими я, при отъѣздѣ моемъ изъ С.-Петербурга, и письменно и устно отъ Его Свѣтлости Вице-Канцлера снабженъ, я не находилъ ни малѣйшаго съ оными согласія, чтобы Г. Коваленскій откуда либо могъ имѣть официальное отношеніе о моей миссіи, до него ни мало не касающейся.

Не распространяясь въ дальнее сужденіе о рекомендаціи, мнѣ сдѣланной Г. Коваленскимъ о Князѣ Леонидзе, такъ же ни мало не согласующейся съ нѣкоторыми свѣдѣніями, о измѣнникѣ семъ мною пріобрѣтенными, долженъ я былъ оставить времени и обстоятельствамъ оную оправдать, или охулить. Вникнувши же въ P. S. письма Г. Коваленскаго, я дозволилъ себѣ безошибочно мыслить, что Г. Коваленскій, кромѣ того, что вмѣшался не въ свое дѣло, еще и сумазбродствуетъ.

Благой его совѣтъ не есть ли сумашествіе? Если бы миссіа моя совершилась успѣшно, то развѣ для того бы я послѣдовалъ оному, чтобы погубить юнаго Царевича, коего цѣлость для меня, конечно, была бы священнѣе, нежели собственно моей персоны? Ибо, кромѣ неописанной трудности въ пути чрезъ Сибговыя горы, ежеминутно подвергалъ бы я его опасности быть похищеннымъ хищниками, которые бы, конечно, случая сего не упустили употребить въ пользу, или по собственной своей догадкѣ, или по тайному наущенію Царя, дабы пріобрѣсть великія суммы, которыхъ бы Высочайшій Дворъ не пощадилъ для выкупа и спасенія сего Царевича. А при томъ Г. Коваленскій, если имѣлъ официальное откуда либо отношеніе, то долженствовалъ бы также знать, что, кромѣ открытаго предписанія Главнокомандовавшаго, у меня имѣвшагося, по секретному предписанію его къ Командующему въ Грузіи, Г. Генералу-Маіору Лазареву, о всѣхъ потребныхъ мнѣ вспомошествованіяхъ, сдѣланы были уже симъ послѣднимъ всѣ распоряженія, дабы, по моему востребованію, немедленно меня встрѣтилъ конвой изъ Сурасма и въ границахъ Имеретіи, если бы надобность въ томъ случилась.

Останавливаясь на семъ; предоставляю я всякому судить безпристрастно и дѣлать о семъ подвигѣ Г. Правителя Грузіи заключенія по продолженію сего журнала.

Подъ вечеръ прибыло къ Царю еще до 500 человекъ коннаго и пѣшаго войска, которое расположилось въ лощинѣ, на

рѣкъ, подѣ горою. Сего же вечера до меня дошло свѣдѣніе, что Царь, не надѣясь, съ однимъ своимъ войскомъ, покорить Дадіана, выписалъ, чрезъ Пашу Ахалцыхскаго, множество Лезгинцевъ, и что Его Высочество изволилъ самъ вскорѣ отправиться въ армию свою, а меня отправить до своего туда отъѣзда.

Августа 7, по утру, пріѣхали ко мнѣ Князья: Салтхуцесь Церетель, Авали-Швили и Леонидзе, для переговоровъ со мною, отъ имени Царя, въ отвѣтъ на мой съ ними разговоръ 4 числа.

Какъ обыкновенно, Князь Церетель былъ ораторъ, то и въ семь случаѣ Князь Леонидзе, хотя и по Русски недурно изъясняется, однако ему преимущество уступилъ; и такъ Князь Церетель говорилъ:

«Что Его Высочество, хотя и въ юныхъ еще лѣтахъ, но въ полной мѣрѣ чувствуетъ цѣну милостей къ себѣ Его Императорскаго Величества; что по тому, со всѣмъ своимъ усердіемъ, Царь готовъ исполнить Высочайшую Его Величества волю, но находится въ столь тѣсныхъ обстоятельствахъ, что съ исполненіемъ оной, хотя и казалось бы, что Царство его и самая его особа пріобрѣтутъ благополучіе, какъ о томъ Его Высочество, по силѣ Высочайшей грамоты, понимаетъ, но что, вмѣсто того, и Царство его можетъ прійти въ упадокъ, и его особа осрамиться.»

Съ удивленіемъ я ихъ спросилъ, что сіе за заключеніе?

Они же продолжали: «то еще гораздо прежде моего въ Имеретію прибытія, настоящія обстоятельства уже существовали, т. е., что Царь имѣлъ войну съ сосѣдственнымъ Владѣльцемъ, Княземъ Дадіаномъ. Что Его Высочество до сего дня имѣетъ нѣкоторые образомъ желаемый успѣхъ, покоривъ 3 крѣпости и многія селенія области Лечхумской, владѣльцы или помѣщики коихъ учинили Царю въ вѣрности присягу, и что теперь остается войну докончить токмо взятіемъ крѣпости Цхывши. И что по тому, если Царь, освободивъ Царевича, со мною онаго въ Россію отправить, то что всѣ вообще подумаютъ, что Его Высочество то исполнилъ по какому либо принужденію, или боязни, отъ Императора Россійскаго, а не добровольно, и что слѣдствія изъ того могутъ быть тѣ, что помянутые покоренные владѣльцы восхотятъ тѣмъ воспользоваться и отрекутся отъ своей присяги, и паки обратятся къ Князю Дадіану, и тѣмъ обратятъ въ ничтожество успѣхъ, который Царь имѣлъ и имѣть намѣревается.»

Я сдѣлалъ имъ на сіе возраженіе, что образъ моихъ мыслей

съ мыслями Его Высочества не сообразуется, и именно по тому, что если Его Высочеству угодно понять по прямому слову Императорское, въ Высочайшей грамотѣ изображенное, и онаго силу, то, напротивъ, когда до свѣдѣнія непріятелей, Царемъ покоренныхъ и непокоренныхъ, дойдетъ, что Его Высочество исполнилъ желаніе Государя Императора, по силѣ Всемилостивѣйшей грамоты, и что, во взаимство подвига такового, Его Императорское Величество обнадѣжить Царя соизволилъ Высочайшимъ покровительствомъ не токмо Царю, по и всему Царству его, то что тогда непріятели не осмѣлятся предпріять ни чего противъ власти Царя, а, напротивъ, съ покорностію предъ нимъ повергнутся, сосѣди же будутъ снискивать дружество Его Высочества.

Князь Церетель, по общему между собою соглашенію, на сіе говорилъ: «что хотя мое сужденіе и неоспоримо, но что Царь въ такомъ находясь опасеніи, не прежде согласится исполнить Высочайшую Его Императорскаго Величества волю, какъ по довершеніи начатыхъ противъ непріятеля дѣйствій, въ разсужденіи того, что народъ непросвѣщенный, привыкшій послѣдовать первымъ движеніямъ разсудка, или не понявъ порядочно существа дѣла, можетъ на что ни будь подобное, мнѣ отъ нихъ уже сказанному, посягнуть. А что доставленіе способовъ къ довершенію его предпріятій можетъ въ семъ случаѣ зависѣть отъ меня.»

Смекнувъ, къ чему они добираются, я, однако же, будто не понявъ, у нихъ спросилъ, въ чемъ отъ меня то зависѣть можетъ?

Князь Леонидзе вызвался отвѣтомъ: «что какъ на границѣ Грузіи расположено достаточное число войска, то что нельзя ли будетъ онаго сколько ни будь употребить для устрашенія непріятеля Царскаго, начавъ тѣмъ, чтобы принудить крѣпость Цхивши сдать, что будетъ довольно для распространенія Царю безпрепятственнаго покоренія себѣ всѣхъ Дадіановыхъ областей.»

На сіе нечего мнѣ было сказать иного, какъ что ни я, ни же Главнокомандующій въ Грузіи, того исполнить не въ силахъ, безъ особаго на то Высочайшаго соизволенія Государя Императора.

Князь же Леонидзе мнѣ сдѣлалъ предложеніе: «что поелику я ѣхать назадъ располагаюсь черезъ Грузію, то для чего же, пріѣхавъ въ Тифлисъ, оттуда не сдѣлать мнѣ представленія куда слѣдуетъ, для испрошенія у Государя Императора Высочайшей резолюціи на просьбу сію Его Высочества Царя? Что, по его

миѣнію, въ 40 дней изъ Петербурга можетъ въ Тифлисъ обратиться отвѣтъ на сіе представленіе, который, если для Царя будетъ удовлетворителенъ, то „Его Высочество тогда, безъ малѣйшаго отлагательства, все исполнить по Высочайшей волѣ Государя Императора.“ Но я имъ отвѣчалъ: что отвѣта изъ Петербурга не прежде ожидать можно, какъ дней въ 70, а не въ 40; а въ заключеніе всего, что имъ даю на замѣчаніе, и для допесенія Царю подтверждаю: что какъ Его Императорскаго Величества всегдашнее есть желаніе, чтобы со всѣми сосѣдственными областями пребывать въ отношеніяхъ дружественныхъ, то что я сомнѣваюсь, чтобы Государь Императоръ, не бывъ извѣстенъ объ истинной причинѣ, непріязненные и военныя дѣйствія между Его Высочествомъ и Княземъ Дадіаномъ произведшей, восхотѣлъ бы въ оныхъ соучаствовать.

Князь же Леонидзе, по Персидски, черезъ переводчика, мнѣ на сіе, именемъ Царя, говорилъ: «что Его Высочество, возымѣвъ твердое намѣреніе въ непродолжительномъ времени окончить войну съ Княземъ Дадіаномъ, изволить вскорѣ самъ въ походъ отправиться, и не прежде можетъ рѣшиться Царевича Константина въ Россію отпустить, какъ когда войну окончатъ благоуспѣшно. Но что, въ уваженіе Высочайшаго предстательства Его Императорскаго Величества, Царь, возвратясь изъ похода въ Кутаисъ, столицу Имеретіи, дастъ Царевичу свободу и, смотря по обстоятельствамъ, его или оставитъ при себѣ, и приличнымъ образомъ, какъ законнаго по себѣ наслѣдника, будетъ воспитывать, или же отпустить въ Россію».

Но я вельможъ сихъ просилъ доложить Царю, что равнымъ образомъ я, хотя въ лѣтахъ весьма юныхъ, но глубину смысла сего намѣренія Царскаго постигаю. Однако жъ, что не бывъ отъ Государя Императора, или же Высочайшимъ Его Величества именемъ отъ Министерства, уполномоченъ ни на какія по предмету моей миссіи предположенія или соглашенія, а ограничиваясь содержаніемъ Высочайшей Его Императорскаго Величества грамоты, Его Высочеству мною поднесенной, и полагая, что Его Высочеству долженствуетъ быть угодно употребить въ пользу столь благопріятный случай, съ Неба ему ниспосылаемый, обращеніемъ на себя Высочайшаго Его Императорскаго Величества покровительства и благоволенія, я ожидаю токмо того, чтобы, по силѣ грамоты, Царевичъ Константинъ, получивъ свободу, былъ мнѣ онъ

Царя препорученъ, для доставленія въ Россію къ Высочайшему Двору.

Вельможи, перетолковавъ между собою, отъ меня поѣхали, для донесенія о всемъ Царю.

Вникнувши порядочно въ сей разговоръ вельможъ со мною, въ которомъ часто говорилъ Князь Леонидзе, не трудно примѣтить, что расположеніе онаго не токмо съ прежними ихъ со мною сношеніями не сходствовало, но едва ли не истекло изъ хитрыхъ соображеній Князя Леонидзе, столь сильно Правителемъ Грузіи, Г. Коваленскимъ, рекомендованнаго. Ибо прежнія мои съ Царемъ и вельможами переговоры наполнены были съ ихъ стороны опасеніями и недовѣрчивостію, а сей формальнымъ предложеніемъ о вспомоствованіи оружіемъ, и наконецъ тѣмъ, что если того не будетъ, то и Царь, по желанію Государя Императора, не исполнить. По чему и долженъ я былъ заключить, что или Князь Леонидзе что ни будь изъ Тифлиса привезъ къ Царю въ письмѣ, на что Царь полагался, или же тѣми мыслями руководствовался, чтобы интриги Царя оправдать въ томъ, что если бы съ нашей стороны не было злаго умысла противъ Царя, съ которымъ мы требуемъ Царевича, то мы бы не отказали ему вспомоствованія оружіемъ противъ Дадіана.

Пришедшіе на канунъ въ Хинцкара 500 человекъ воинства, отправляясь въ походъ въ Лечхумъ, около полудни, а за ними ожидали еще до 700 человекъ конныхъ и пѣшихъ. Пушки же спокойно оставались на томъ же мѣстѣ, по той причинѣ, что все еще по окрестнымъ селеніямъ искали воловъ, на коихъ двигаться оныя должныствовали.

● Августа 8 аргусъ мой, Князь Бежанъ Аваловъ, посѣтившій меня между прочимъ съ увѣреніемъ о усердіи и старательствѣ своемъ къ убѣжденію яко бы Царя на исполненіе Высочайшей воли Государя Императора, мнѣ повторилъ рѣшимость Царя по предмету сему, такъ какъ о томъ вельможи на канунъ, въ заключеніе моего съ ними разговора, мнѣ объявили.

9-го, въ 8 часовъ по утру, прислалъ ко мнѣ Царь тѣхъ же вельможъ, кои у меня были 7 числа: сообщенія ими мнѣ, отъ имени Его Высочества учиненныя, состояли въ краткомъ повтореніи трѣтъягоднишняго ихъ со мною разговора, съ присовокупленіемъ, что и Его Высочество, имѣя столь основательныя, по его мнѣнію, причины и доводы къ оправданію себя предъ Его Император-

скимъ Величествомъ, не на иное что рѣшился, какъ на то, чтобы мени отправить въ Тифлисъ съ тѣмъ, чтобы я оттуда донесъ куда слѣдуетъ объ обстоятельствахъ, Царю препятствующихъ, Высочайшей волѣ Государя Императора повиноваться, и что если Государю Императору не будетъ то благоугодно, чтобы Царевичъ, по освобожденіи изъ заточенія, осгавался при Царѣ, то что тогда Царь, коль скоро о томъ будетъ увѣдомленъ, его немедленно пришетъ ко мнѣ въ Тифлисъ съ своимъ чиновникомъ.»

Я же, для донесенія Его Высочеству, имъ повторилъ прежде мною уже говоренное, т. е., что не осмѣливаюсь ни въ какомъ случаѣ преступить предѣловъ смысла Высочайшей Его Императорскаго Величества грамоты, мною Его Высочеству поднесенной, и что при томъ я вынуждаюсь оказать мое удивленіе въ томъ, что Его Высочество все еще изволить колебаться; осмѣливаясь, однако же, питать надежду, что, послѣ неоднократныхъ увѣреній, изъ собственныхъ устъ Царя мною слышанныхъ о желаніи его воспользоваться милостью и высокимъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества, Его Высочеству можетъ быть угодно не въ половинѣ исполнить Высочайшую Государя Императора волю, а точно, какъ изображена она въ Высочайшей грамотѣ, т. е., Царевича Константина освободить, и мнѣ его препоручить, для доставленія въ Россію.

Поѣхавшіе отъ меня вельможи, для донесенія сего моего отвѣта Царю, часа черезъ два ко мнѣ паки возвратились, для сообщенія мнѣ, «что на таковое ихъ донесеніе Его Высочество мнѣ объявить приказалъ:», что онъ, не будучи въ состояніи рѣшимости своей отмѣнить, изволить написать отвѣтную грамоту къ Его Императорскому Величеству, въ которой все подробно будетъ изъяснено, и съ которою чтобы я поѣхалъ въ Грузію, для отправленія оной къ Государю Императору. И что, буде на оную послѣдуетъ какое либо Высочайшее соизволеніе, то что Царь, по полученіи о томъ отъ меня увѣдомленія, сообразно оному тогда поступитъ.»

Принужденъ будучи такимъ образомъ согласиться на желаніе Царя, я имъ отвѣчалъ, что, поелику таковая Его Высочества есть воля, то я оную принужденнымъ себя видя исполнить, черезъ, нихъ, однако же, Царя предварить честь имѣю, что, по отправленіи изъ Тифлиса грамоты Его Высочества къ Государю Императору, я тамъ останусь ожидать Высочайшихъ повелѣній, или отвѣтной Его Императорскаго Величества къ Царю грам

Въ заключеніе же сего моего съ вельможами разговора, я ихъ просилъ доложить Царю, что я смѣю надѣяться имѣть честь явиться къ Его Высочеству съ почтеніемъ при моемъ отъѣздѣ.

Того же вечера былъ я приглашенъ къ Царю.

Его Высочество, изъявивъ притворное сожалѣніе свое къ тому, что обстоятельства ему воспрепятствовали повиноваться Высочайшей волѣ Государя Императора, обратился и ко мнѣ съ таковымъ же убѣжденіемъ, чтобы я тѣмъ не огорчился.

А по полученіи отъ Его Высочества грамоты на Высочайшее Его Императорскаго Величества имя, я Царю донесъ, что немедленно, по прибытіи моемъ въ Тифлисъ, оную я не премину отправить надлежащимъ образомъ, и останусь тамъ ожидать Высочайшихъ повелѣній или отвѣтной отъ Государя Императора къ Его Высочеству грамоты, присовокупивъ къ тому, что я пребываю въ твердой надеждѣ, что если Его Императорское Величество, и по полученіи Его Высочества сей грамоты, не соизволитъ отиѣнить своего Высочайшаго желанія видѣть Царевича Константина при Высочайшемъ своемъ Дворѣ, и таковое Высочайшее свое желаніе Его Высочеству паки изъявить соизволитъ, то что Его Высочество тогда оное не укоснительно исполнить.

Царь не токмо обѣщалъ, но и далъ мнѣ въ томъ клятву. Въ заключеніе же сего послѣдняго моего съ Царемъ свиданія, я счелъ за необходимое Его Высочество просить, чтобы, съ освобожденіемъ Царевича, котораго я не иначе теперь почитать долженъ, какъ священнѣйшимъ залогомъ благонамѣренности и приверженности Его Высочества, по примѣру предковъ его къ престолу Всероссійскому, было отъ него приказано, кому слѣдуетъ, о наблюденіи и охраненіи его здоровья.

Царь обѣщалъ клятвенно и сіе непремѣнно исполнять.

И такъ, простившись съ Его Высочествомъ, я спросилъ у него, когда угодно приказать, мнѣ будетъ ѣхать? Царь же мнѣ отвѣчалъ, «что, поелику завтрашняго утра послѣ обѣдни онъ намѣревается самъ въ походъ отправиться противъ Дадіана, то что я могу ѣхать въ то же время; а что касается до способовъ и вспомоствованій, мнѣ потребныхъ въ путешествіи, то что уже о томъ повелѣнія отданы.»

Принесши Его Высочеству мою нижайшую за сіе благодарность, и пожелавъ ему возможныхъ успѣховъ въ предприемомъ путешествіи на войну, я осмѣлялся у Его Высочества испросить

одной и послѣдней милости, состоявшей въ томъ, чтобы онъ дозволилъ Салтхуцелу Князю Церетелю меня проводить до самой границы Грузіи.

Причина же, къ сему меня побудившая, есть немалой важности, а именно:

Въ теченіи моего въ Имеретіи пребыванія, безпрестанно достигали до меня вѣрные слухи о набѣгахъ, чинимыхъ Лезгинскими хищниками на границы Грузинскія, о намѣреніяхъ Царевичей Грузинскихъ, въ Имеретіи укрывающихся, учинить съ сими хищниками нападеніе на Грузію, въ коей происходили уже внутреннія несопокойствія, а при томъ что многочисленныя толпы Лезгинцовъ собирались и въ самой Имеретіи, по приглашенію Царя, для покоренія, съ помощію ихъ, владѣльца Дадіана, то сколько по опасенію, чтобы на пути не быть ими захвачену, столько, и еще болѣе, по тому, что Князь Зурабъ Церетель, Россіи весьма преданный, неоднократно, въ моихъ съ нимъ разговорахъ, мнѣ давалъ чувствовать, что онъ бы желалъ меня провожать на моемъ пути изъ Имеретіи до Грузіи, и наконецъ что сей чиновникъ, имѣя въ Царствѣ величайшее отъ народа уваженіе и почтеніе, могъ мнѣ служить защитою во всякомъ случаѣ, а такъ же вѣрнѣйшая моя цѣль стремилась къ тому, чтобы откровенностію сей особы сколько можно болѣе воспользоваться въ продолженіе моего путешествія безъ свидѣтелей и аргусовъ; ибо, какъ я выше упомянулъ, сей Князь, подъ видомъ болѣзни, проживалъ, до моего въ Имеретію прибытія, въ своей деревнѣ, дабы не имѣть участія въ предпріятіи Царя своего противъ владѣльца Князя Дадіана, съ коимъ онъ состоитъ въ ближнемъ родствѣ.

Царь, сколько я могъ замѣтить, не весьма охотно на то согласился; однако же, послѣ краткаго раздумья, отозвался, что если мнѣ то пріятно, то и онъ отказать мнѣ въ просьбѣ моей не можетъ.

Раскланявшись съ Его Высочествомъ, такимъ образомъ, я поѣхалъ въ свое убѣжище.

Въ слѣдующій день, Августа 10 дня, послѣ обѣдни, Царь прислалъ ко мнѣ Князя Церетеля и Князя Авалова съ подарками, состоявшими изъ 3 лошадей безъ уборовъ и изъ 200 червонцевъ на мою свиту.

Послѣ сего Князья сіи поѣхали, съ изъявленіемъ благодарности моей къ Царю на обѣдъ.

Въ второмъ часу по полудни увидѣли мы Царя, сѣвшаго на лошадей и въ походъ отправившагося. Салтхуцель же Князь Зурабъ Церетель, проводивъ Царя, пріѣхалъ ко мнѣ, и поелику я совсѣмъ былъ въ готовности къ пути, то, сѣвъ на лошадей, и мы въ оный отправились.

Пустившись дорогою, по правому берегу рѣки Ріона, въ верхъ по оной лежащей, и достигши до моста, Хидискари именуемаго (черезъ который мы переѣзжали Іюля 24 на пути изъ Бари въ Ханцкара), мы черезъ оный переправились. Поднявшись на гору и, не останавливаясь въ селеніи Хывши, въ правѣ у насъ оставшемся, въ разсужденіи того, что какъ въ ономъ, и въ прочихъ окрестныхъ селеніяхъ по лѣвому берегу Ріона лежащихъ свирѣпствовала прилипчивая болѣзнь. Мы продолжали путешествіе наше по горамъ до селенія Сухова, лежащее на горѣ, въ коемъ мы расположились для ночлега.

Подъ сею деревнею находится и крѣпость того же имени: она весьма невелика, и состоитъ изъ башни съ небольшою оградой, на каменной скалѣ выстроенныхъ въ ущельи горъ. Для Азіатцевъ крѣпость сія, сколь сама по себѣ ни малозначуща, но можетъ назваться непреступною; ибо скала, на вершинѣ которой она сооружена, совершенно со всѣхъ сторонъ изолирована и весьма утесиста. Сія-то самая крѣпость послужила гробомъ несчастному Сабудъ-Пашѣ, спасшемуся изъ Ахалциха отъ буцтовщика, достоинство его похитившаго, Шерифъ-Паши, и содѣлавшемуся жертвою довѣренности своей къ Царю Имеретинскому, убѣжище сперва ему давшему въ своихъ предѣлахъ, а послѣ, за мзду отъ похитителя, Его Высочеству обѣщанную, умертвить варварски его приказавшему.

Замѣчательнаго о семъ мѣстѣ сказать я болѣе ни чего не могу, кромѣ того, что селеніе Сухова довольно обширно и лежитъ на прекрасномъ, возвышенномъ и плодоносномъ, мѣстѣ.

Переночевавъ въ селеніи семъ, въ слѣдующій день, 11 числа, въ 7 часу по утру, отправились мы въ путь. Пробѣжавъ дальними горами и густыми лѣсами, Рачу отъ Имеретин отдѣляющими, въ 10 часу достигли мы вершины одной горы, дремучимъ лѣсомъ окруженной, на коей существуетъ небольшой монастырь во имя Св. Іакова, нѣсколькими Черкесами сооруженный. Настоятель онаго, сѣдиною увѣнчаный старецъ, насъ встрѣтилъ и пригласилъ къ отдохновенію и раздѣленію трапезы съ его братією, на что

мы охотно согласились; ибо усталость наша отъ переѣзда черезъ огромныя сіи горы требовала отдохновенія.

Пока дѣлались приготовленія къ завтраку, любопытство меня влекло смотрѣть сіе священное мѣсто, которое я нахожу достойнымъ описать въ той подробности, съ каковою всѣ предметы онаго я успѣлъ разсмотрѣть, и которую объ обстоятельствахъ и существованіи обители сей, изъ устъ Настоятеля я почерпнулъ.

Пространство, монастыремъ занимаемое, весьма необширно. Какъ церковь весьма убогая, такъ и кельи высѣчены въ горѣ, а съ внѣшней стороны додѣланы на подобіе Малороссійскихъ мазанокъ. Хотя мѣсто сіе можно назвать дикимъ; ибо, кромѣ положенія онаго на вершинѣ горы въ дремучихъ лѣсахъ, оно со всѣхъ сторонъ отдѣлено отъ селеній, однако же нельзя не любоваться изобиліемъ, въ коемъ обитель сія живетъ. Въ амбарахъ имѣется у нихъ много разнаго хлѣба, въ подземныхъ погребахъ разнаго сорта вина и фруктовъ изящныхъ, которые они умѣютъ долго сохранять въ оныхъ свѣжими. Климатъ мѣста сего весьма прохладный. Съ Сентября мѣсяца выпадаетъ уже на горахъ сихъ снѣгъ, остающійся до Мая, и бываетъ онаго всякую зиму столько, что вся обитель имъ засыпается, и что монахи около трехъ мѣсяцевъ живутъ совершенно подъ снѣгомъ, прорывая токмо его, для внутренней коммуникаціи изъ келій къ церкви и къ запаснымъ своимъ амбарамъ.

Завтракъ, чернецами для насъ приготовленный, состоялъ изъ довольноаго количества, на Азіятской вкусъ хорошо приготовленныхъ, плодовъ; ибо тогда былъ какой-то постъ, хорошаго хлѣба и вина изящнаго. Укрѣпивши силы наши сею пищею и, простившись съ гостепріимчивыми монахами, отправились мы снова въ путь. Переѣхавъ еще одну великую гору, и спустившись съ оной, мы продолжали путешествіе по равнинамъ, изобильнымъ и можно сказать прелестнымъ, открывая вдали рощи, поля, луга и селенія, составляющія, отъ подошвы горы сей, на великое пространство, до границы Грузіи, владѣнія фамилии Князей Церетелевыхъ. Въ 7 часу по полудни прибыли мы въ большое селеніе Салашубанъ, непремѣнное мѣстопробываніе Салтхуцела Имеретіи, Князя Зураба Церетеля, въ которомъ, по приглашенію помѣщика, меня сопровождавшаго, мы остановились, не токмо для ночлега, но и для отдохновенія въ слѣдующей день, въ разсужденіи того, что Князь Церетель долженъ былъ отпустить отсюда лошадей—нес-

внѣхъ дѣюки и подѣ верхомъ бывшихъ у свиты моей назадѣ, и смѣнить оныхъ новыми.

Проѣзжая все помянутое пространство отъ подошвы горы, составляющей границу области или владѣній Князей Церетелевыхъ, до сего селенія, мы пореправились въ бродъ 16 разъ черезъ рѣку Дзрючулу.

Селеніе Салату-банъ лежитъ на быстрой рѣкѣ Квирилѣ, впадающей въ Ріонъ близъ Кутаиса, у подошвы горы, на пологомъ скатѣ.

На высокой каменной скалѣ, представляющей высшую вершину всѣхъ горъ, селеніе облегающихъ, находится изрядная крѣпость Модинахѣ, означающее на Грузинскомъ языкѣ: «Приди, посмотри!» состоящая изъ 2 регулярно построенныхъ башенъ, каменною оградою соединенныхъ и вмѣющихъ 4 небольшихъ пушки.

Внутри ограды выстроилъ Князь Церетель домъ на Европейской вкусъ, и таковой же построенъ и въ селеніи Салату-банъ, съ азіятскимъ смѣшаннымъ.

Я не могу умолчать о томъ удовольствіи, которое я ощущалъ, обнимая взоромъ какъ сіе, такъ и прочія помѣстья Князя Церетеля, и сравнивая оныя съ прочими, черезъ которыя я проѣзжалъ въ Рачѣ и въ малой части Имеретіи. Сколько гѣ находятся въ разореніи и неустройствѣ, столько въ Церетелевыхъ повсюду видно изобиліе, присмотрѣ и порядокъ.

Князь Церетель располагался меня принять въ Европейскомъ своемъ домѣ и въ ономъ угостить по Европейски, но, къ великому его огорченію, исполнить онъ того не могъ, по той причинѣ, что въ домѣ его свирѣпствовала прилипчивая болѣзнь, понудившая все его семейство домъ оставить и перебраться въ крестьянскія избы, на край селенія.

Болѣзни сіи, которыя Азіятцы называютъ прилипчивыми, и въ которыхъ они варварски поступаютъ съ больными, не иное что суть, какъ слѣдствія, часто опасныя, собственной ихъ неосторожности и ихъ обжорливости. Какъ главнѣйшая ихъ пища въ жары состоитъ изъ разныхъ плодовъ, какъ то: дынь, огурцовъ, сливъ разнаго рода и проч., и какъ они, отъ жадности, ихъ употребляютъ еще несозрѣлыми, то и страдаютъ кровавыми поносами, отъ коихъ, по неимѣнію вовсе способовъ къ излѣченію, весьма много умираютъ.

Съ больными поступаютъ варварски; ибо коль скоро кто за-

неможетъ, то вся семья немедленно изъ дому удалится куда ни будь подалѣе, а больнаго въ домѣ запирають, оставляя безъ всякаго призрабнїя, кромѣ что носить ему пищу, но и сіе дѣлается такъ, что принесшїй пищу, сунувъ оную къ болящему въ окно, въ ту же минуту опрометью отъ дома удаляется. Если же бы больному понадобилось объ чемъ либо съ кѣмъ переговорить, то сей ни какъ къ дому не приближается, а, остановясь въ дальнемъ отъ онаго разстоянїи, перекрикивается съ страждущимъ во все горло.

По причинѣ таковой-то болѣзни, коею страдала мать Князя Церетеля, не могъ онъ меня принять и угостить въ своемъ домѣ, а показавъ для пребыванїя нашего гостинной домъ или огромный амбаръ, внутри коего по 3-мъ стѣнамъ подѣламы помостки, на подобіе наръ.

Сїи гостинные дома находятся во всякомъ селенїи у зажиточнаго помѣщика. Такъ какъ у Азіятцевъ не въ обычаѣ принимать прїѣзжихъ въ тотъ домъ, который они съ женами, или семьею, занимають, то сїи гостинницы и служатъ для помѣщенїя въ оныя прїѣзжихъ и самаго Царя, имѣющаго обыкновенїе каждый годъ путешествовать по Царству своему на счетъ подданныхъ своихъ вельможъ, которые, коль скоро кого Царь посѣщенїемъ удостоитъ, должныствуютъ каждый въ своемъ помѣстьѣ Его Высочество со всею многочисленною его святою угощать и довольствовать, безъ полученїя за то платы, во все время, которое благоугодно ему покажется гдѣ пробить.

Пробывъ въ семъ селенїи весь слѣдующїй день, 12-го, въ который Князь Церетель занимался распоряженїемъ о дальнѣйшемъ путешествїи чрезъ мѣста, опасныя отъ набѣговъ и укрывательства хищниковъ Лезгинскихъ, разославъ по окрестнымъ селенїямъ для собранїя конныхъ и пѣшихъ людей вооруженныхъ и для отпращиванїя изъ числа собравшихся обоего рода сорока челоуѣкъ въ ущелье Чератхеви, на границу Грузїи, дабы открыть партїя Лезгинскїя, если таковыя бы въ ономъ засѣли, и немедленно объ оныхъ намъ дать вѣсть. На другой день, Августа 13, въ 7 часовъ по полудни, выѣхали мы благополучно изъ селенїя Салату-банъ.

Переправясь въ бродъ черезъ рѣку Квирилу, подъ самымъ селенїемъ, принимающую въ себя всѣ рѣчки, въ Имеретїю истекающїя изъ Осетїи, Кавказа, и впадающую близъ Кутаиса въ Рїонъ, гдѣ она разливается на великое пространство и течетъ весьма

быстро, мы ѣхали частью ровными мѣстами, а частью горами и лѣсомъ, миновавъ нѣсколько селеній, владѣнія Князя Церетеля, и около 7 часовъ вечера, достигнувъ небольшой деревни Корбауль, послѣдней изъ помѣстьевъ сего Князя, близъ границы Грузіи, въ лѣсу лежащей, расположились въ оной для ночлега.

Августа 14, около 10 часа по полудни, мы выѣхали изъ Корбауль. Спустился съ большой горы густымъ лѣсомъ и весьма песчаными и каменистыми крутыми тропинками и извилинами, и переправясь въ самое ущелье черезъ рѣчку Дэвирилу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ оную впадаетъ рѣчка Лапахде, столь же трудно мы поднимались на другую высокую гору, на вершинѣ которой мы остановились на лугу, въ рошѣ, для отдохновенія и подкрѣпленія себя пищею. На семь мѣстѣ къ намъ явилось 40 человекъ конныхъ и пѣшихъ Имеретинцевъ, изъ Чератхевскаго ущелья вернувшихся, съ донесеніемъ, что они не открыли ни малѣйшихъ слѣдовъ Лезгинскихъ партій, и что опасности намъ не предстоитъ.

По отдохновеніи на семь мѣстѣ, часу въ третьемъ по полудни, мы отправились паки въ путь съ большимъ уже прикрытіемъ Имеретинскаго вооруженія, умножившимся явившимися 40 человеками, и состоявшимъ почти изъ ста конныхъ и пѣшихъ, съ ногъ до головы вооруженныхъ людей.

Спустившись полого съ сей горы, въѣхали въ ущелье, Чератхеви, именуемое по рѣчкѣ по оному, того имени, протекающей.

Ущелье сіе, по положенію своему ужасъ наводящее, заслуживаетъ нѣкотораго описанія, которое я, сколько можно короче и внятнѣе, сдѣлать постараюсь. Спустившись полого съ горы, какъ выше сказано, въѣхали мы въ лѣсистую дефилею, весьма тѣсную, ограниченную съ обѣихъ сторонъ высокими утесами, продолжавшуюся съ $\frac{1}{4}$ версты и окончившуюся лоциною циркулообразною, могущею имѣть въ діаметрѣ сажень 60 и окруженную высокими горами, густымъ лѣсомъ обросшими. Въ 4 частяхъ окружности оной видны дороги, въ горахъ скрывающіяся, и по лощинѣ, почти крестообразно взаимно пересѣкающіяся: одна дорога, и именно та, по которой мы въ лоцину сію въѣхали и путь изъ оной продолжали, ведетъ въ Грузію; другая же, выходя съ рѣчкою Чератхеви изъ ущелья горъ, цѣпь Кавказа составляющихъ, продолжается по таковому же къ горамъ, съ Анатолією граничущимъ, между Грузію и Имеретію. До занятія Грузіи войсками Россійскими, ущелье сіе всегда было занимаемо Лезгинцами, про-

бывавшими въ оное по вышеписанной дорогѣ отъ Анатолиі, которые, партією располагавшись въ ономъ на цѣлое лѣто, разорjali транспорты, изъ Имеретіи въ Грузію ходившіе съ виномъ и разными продуктами, а такъ же дѣлали всегда отряды на ближайшія Грузинскія селенія для грабежей.

Проѣхавъ ущелье сіе, поднялись весьма грязнымъ лѣсомъ на небольшую гору, и съ оной продолжали ѣхать равниною, лугами и кустарниками украшенною, имѣя по правую руку, разстояніемъ верстахъ въ 40, цѣпь горъ, къ Анатолиі прилегающихъ, а по лѣвую, въ верстахъ въ 25, таковую же Кавказскую, или верхней Карталиніи; равнина же, по которой мы ѣхать продолжали, включаетъ въ себѣ земли нижней Карталиніи и множество селеній, хищниками Дагестанскими въ ничтожество обращенныхъ..

Часовъ въ 7 по полудни достигли мы до селенія, Абиси именуемаго.

Прежде нежели я познакомлюсь съ Грузією, думаю кстати здѣсь будетъ упомянуть хотя въ кратцѣ о характерѣ, обычаяхъ, существованіи и образѣ жизни Имеретинцевъ, съ коими я теперь уже расстался... Напрасенъ, однако же, думаю, будетъ трудъ мой для продолженія журнала сего, въ томъ видѣ, какъ я принимаясь за него, было намѣревался. Правда, что пріятно для меня было бы сохранить въ ономъ памятникъ путешествія и, смѣю быть увѣренъ, любопытныхъ въ ономъ примѣчаній, до края сего касающихся въ разныхъ частяхъ. Но трудъ напрасенъ! А дневныя записки можетъ быть исчезли!

Г Р У З І Я.

Малая сія область, обитаемая народами разнаго Исповѣданія, изъ коихъ Вѣра Христіанская въ ней господствующая, будучи окружена со всѣхъ сторонъ Магометанами и хищническими селеніями, не могла, естественно, собственными своими силами существовать въ безопасности, и рано, или поздно, не подвергнуться разоренію и хищничеству сосѣдей своихъ.

Царь Ираклій, храбростью своею присоединившій Царство Карталинское къ Кахетинскому, имѣлъ всегда болѣе привязанности къ сему послѣднему, какъ отечественному; но былъ столь благо-разуменъ, что ни малѣйше не коснулся до обычаевъ, правъ, чиновъ и достоинствъ присоединеннаго къ державѣ Кахетинской Царства Карталинскаго, но оставилъ оныя на основаніи, издревле существовавшемъ, нечувствительно при томъ предпочиталъ Кахетинцевъ, даннымъ позволеніемъ Карталинцамъ переселяться въ Кахетію, безъ исключенія изъ сего преимущества и самихъ крестьянъ.

По мѣрѣ престарѣлости Царя Ираклія ослабѣвало и управленіе во всѣхъ частяхъ Царствъ, ему подвластныхъ, и безопасность оныхъ отъ виѣшнихъ непріятелей исчезала.

Дагестанцы, завладѣвшіе уже Чарамъ и Белаканами, всегда Кахетинъ повиновавшимися, чинили безпрерывные набѣги не токмо на Кахетію, опустошая новыя поселенія выходцевъ Карталинскихъ, но, снискавъ покровительство Паши Ахалцыхскаго, покойнаго отца Шерифъ-Паши, Сабудъ-Пашу свергнувшаго, пробѣгали даже чрезъ его область и въ Карталинію.

Ереванъ и Ганжа, бывшіе до того данники Царей Кахетинскихъ, воспользовались внутреннимъ ослабленіемъ Царства, также отложились отъ обязанностей и платы дани.

Финансы сего царства начали совершенно истощаться чувствительнымъ уменьшеніемъ доходовъ по поводу разоренія рудниковъ Лезгинцами, увлеченія ими въ плѣнъ нѣсколькихъ тысячъ душъ и отклонности Ганжи съ Ереваномъ; а расходы чувствительно должны были возрастать для содержанія, при всѣхъ государственныхъ издержкахъ; размножившейся фамиліи Царской.

Таковыя критическія обстоятельства влекли Царство къ паденію, при глубокой уже старости Царя Ираклія, который, сохранивъ себѣ токмо титулъ Царской, ввѣрилъ оное супругѣ своей, Царицѣ Даріи.

Женщина сія, весьма хитрая, честолюбивая, привязанная къ интересу въ высшей степени, ненавидящая всего того, что хотя мало ей подавало видъ противнаго ея желаніямъ, возъимѣла варварскую систему для пріобрѣтенія сокровищъ съ угнетеніемъ народа. Множество особъ лучшаго дворянства по ея проискамъ погибло, единственно для пріумноженія собственности дому Царскому. Первые жертвы алчности ея были Князья Еристовы, древнѣйшая изъ фамилій горскихъ, поселившихся на рѣкахъ Ксанѣ, Ліахвѣ и Арагвѣ; все имѣніе у нихъ было отнято за измѣну, которая состояла въ оказаніи усердія къ Высочайшему Двору Россійскому вспоможеніемъ войскамъ Россійскимъ, бывшимъ въ Грузіи съ Графомъ Тотлебенемъ.

Наконецъ нашествіе Персидскихъ войскъ Ага-Матмета-Хана, разорившихъ до основанія столицу Грузіи и всѣ тѣ мѣста, чрезъ которыя они слѣдовали, и увлекшихъ нѣсколько тысячъ душъ съ собою въ плѣнъ, можно сказать, былъ послѣдній ударъ, приведшій Грузію въ совершенный упадокъ.

Извѣстно, что по просьбѣ Царя Ираклія, блаженный памяти Императрица Екатерина повелѣтъ изволила вступить войскамъ въ Грузію, для отраженія Персіянъ, которые, подъ командою Полковника Сырохаева, исполнивъ что надобно было, возвратились пакы въ Россію.

Здоровье Царя Ираклія, ослабѣвая часъ отъ часу, угрожало его кончиной. Царица Дарія сочла случай сей удобнѣйшимъ для утвержденія наслѣдства въ своемъ поколѣніи. Извѣстная ея цѣль была та, чтобъ, постановивъ на Царство сына своего, Юлона, еямою неограниченно властвовать.

Употребивъ во зло слабость Царя, супруга своего, убѣдила она его сдѣлать постановленіе о порядкѣ наслѣдственномъ по желанію своему такъ, чтобъ старшій сынъ Царскій, Георгій, родившійся отъ перваго брака, наслѣдовалъ Юлону, а по кончинѣ Георгія достоинство Царское чтобъ переходило наслѣдственно братьямъ Георгія, ея сыновьямъ, постепенно до кончины каждаго изъ нихъ, а по кончинѣ послѣдняго, чтобъ наслѣдство поступило уже Царевичу Давыду.

Вынудивъ сіе постановленіе, Царица Дарія на слѣдующій день повелѣла, обнародовавъ оное, привести къ присягѣ духовенство, дворянство и весь народъ. Но Царь, будучи о томъ извѣщенъ, и чувствуя нескладность сего постановленія, изъ него вынужденнаго злобою супруги, написалъ письмо къ сыну своему, Георгію, въ коемъ предъ нимъ признаваясь въ томъ, увѣрялъ его, чтобъ онъ не считалъ законнымъ постановленіе, имъ по принужденію сдѣланное, но чтобъ по себѣ поставилъ наслѣдникомъ старшаго сына своего, Давыда, и о утвержденіи его прибѣгнулъ бы къ Высочайшему Двору Россійскому, а письмо сіе чтобъ хранилъ въ тайнѣ до кончины.

По кончинѣ Царя Ираклія, въ Телавѣ, случившейся въ Январѣ 1798 года, Царица Дарія приступила было къ приведенію въ дѣйство, по завѣщанію супруга своего, но какъ нѣкоторые изъ Князей, приверженныхъ къ Царевичу Георгію, были свѣдомы о письмѣ, имъ отъ отца полученномъ, которое замысли Царицы Дарія долженствовало опровергнуть, то, не взирая ни на какія неистовства, которыя Царица бы въ состояніи была сдѣлать, Царевичъ Георгій былъ провозглашенъ Царемъ, а Царевичи, его братья, Юлонъ и Парнаозъ, вознегодовавъ на то, разѣхались по своимъ удѣламъ, и Александръ и Парнаозъ, не имѣвшіе еще собственности, и долженствовавшіе получить таковыя по духовной Царя, ихъ отца, изъ имѣнія Царицы, ихъ матери, воспользовавшись отсутствіемъ ихъ брата, Царевича Миріана, въ Россіи тогда бывшаго, отправились въ его деревни.

По вступленіи на Царство, Царь Георгій немедленно отнесся къ Высочайшему Двору Россійскому съ просьбою о утвержденіи его на Царствѣ, а по немъ наслѣдникомъ сына его, Царевича Давыда.

Самое начало царствованія его было уже неблагополучно, отъ раздѣленія братьевъ его и интригъ Царицы, его мачихи, а въ послѣдствіи приходило часъ отъ часу въ состояніе худшее.

Царевичи, братья Царскіе, разѣхавшись въ разныя мѣста, отклонились отъ повиновенія власти Царской и вовлекли съ собою въ то же многихъ Князей и дворянъ. Царица Дарія, переѣхавъ изъ Телавы въ Тифлисъ, завладѣла доходами, по закону принадлежащими супругѣ Царской.

Истощеніе доходовъ казны Царской было чувствительнѣе, чѣмъ при Царѣ Иракліѣ, а расходы во всѣхъ частяхъ пріумножи-

лись; при всѣхъ издержкахъ государственныхъ долженствовали оныя естественно возрастать, для содержанія дѣтей Царя Георгія, изъ коихъ Царевичъ Іоаннъ былъ токмо одинъ, получившій еще при Царѣ Иракліи недвижимое имѣніе.

Раздѣленіе Царства на партіи, отъ удалившихся въ разныя стороны Царевичей, угрожало оному междоусобной войной, и побудило Царя Георгія, подъ предлогомъ опасенія отъ вѣнскихъ непріятелей, водворить въ Грузіи нѣсколько (7) тысячъ Лезгинскихъ войскъ.

Войско сіе хотя и обезпечивало въ безопасности особу Царя, но наиболѣе способствовало конечному разоренію Грузіи, по врожденной имъ склонности къ разореніямъ, коихъ слѣды повсюду нынѣ остались.

Княжество и дворянство Грузинское, подпавшее въ подозрѣніе у Царя въ единомышленіи съ братьями, подвергалось наказаніямъ отнятіемъ и разореніемъ имѣнія, а пребывающіе вѣрны къ особѣ Царской, не избѣгали мщеній отъ Царскихъ братьевъ; бараты, безпрестанно выдаваемые, разоряли купечество и поселянъ, а набогацали Есауловъ, исполнителей оныхъ.

Слабость здоровья Царскаго и безконечныя болѣзни препятствовали ему конечно заниматься дѣлами, и не токмо Царица Дарія, но и супруга его, Царица Марія, имѣвшая немало сообщниковъ, употребляла то въ свою пользу.

Весьма любопытна хитрость, Царицей Маріей употребляемая въ болѣзни Царя и не задолго до его кончины къ приобрѣтенію лихвы на счетъ разореній.

Царь весьма любилъ послѣдняго изъ сыновей своихъ, Ираклія, оставшагося на второмъ году возраста по смерти Царской. Сего дитяту обыкновенно въ нѣкоторые часы приносили къ Царю, который его всячески ласкалъ, давая ему играть колыцомъ, на которомъ напзаны были имянная и гербовая печати, употребляемыя для прикладыванія, по обычаю Азіятскому, вмѣсто подписи на бумагахъ, отъ Царя выходящихъ. Нянька, состоящая въ интересахъ Царицы, должна была всегда раздражить ребенка до слезъ и, коль скоро онъ заплачетъ, то его въ ту же минуту отъ Царя унести къ Царицѣ. А тѣмъ временемъ, пока ублажаютъ маленькаго Ираклія, Мдиваны Ея Высочества поспѣшнѣйшимъ образомъ прикладываютъ печати Царскія на бараты и фальшивыя грамоты, впередъ заготовленныя.

Наконецъ критическое положеніе внутри Царства, раздорами фамили Царской двухъ колѣнъ производимое, намѣреніе Царевичей, братьевъ Царскихъ, жертвовать, для своей пользы, отечествомъ соединеннымъ войскамъ Персидскимъ, Лезгинскимъ и Имеретинскимъ, побудили Царя Георгія прибѣгнуть къ Государю Императору Всероссійскому съ просьбой принять Царство его въ Высочайшее покровительство и подданство.

ВВ. Утверждаютъ большая часть благомыслящаго дворянства Грузинскаго, что Царь Иракліи уже таковое имѣлъ намѣреніе, видѣвши пагубу своего Царства, но что Царица Дарія возможныя къ тому употребляла препятствія, имѣя въ мысляхъ управлять Царствомъ супруга своего при жизни его, а по кончинѣ еще болѣе, и для того-то она настаивала у Царя о постановленіи наследственнаго порядка, какъ выше показано: что Юлонъ во всемъ ей бы повиновался, не имѣя совсѣмъ способностей самъ собою управлять.

Въ 1798-мъ году Царь намѣреніе свое исполнилъ отправленіемъ къ Высочайшему Двору Россійскому, съ прошеніемъ о Всемилостивѣйшемъ Государя Императора воззрѣніи на гибельное положеніе его и Царства отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, и о защитѣ отъ оныхъ войскомъ.

Его Императорское Величество, удостоивъ вниманія его просьбу, Всемилостивѣйше повелѣтъ изволилъ: Инспектору Кавказкой Инспекціи откаманлировать съ Линіи 17-й егерскій полкъ, и оному слѣдовать въ Грузію съ Министромъ, отъ Высочайшаго Двора къ Царю назначеннымъ, Ст. Сов. Коваленскимъ. Сей полкъ выступилъ съ Линіи въ походъ въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1800 года. Приходъ онаго въ Тифлисъ того же года 26 Ноября весьма обрадовалъ Царя и всѣхъ ему преданныхъ, но устрасилъ противниковъ.

Въ скоромъ времени разнесся слухъ по Грузіи, что Россійскихъ войскъ въ предѣлы оной вступило 3000 человекъ. Въ продолженіе же времени, протекшаго со дня отправленія отъ Царя просьбы къ Высочайшему Двору о присылкѣ войскъ до прибытія оныхъ въ Грузію, внутреннія и внѣшнія обстоятельства Царства сего часть отъ часу становились хуже, до того даже, что Царь со всей своей фамиліей долженъ былъ опасаться лишенія жизни: то и рѣшился Его Высочество повергнуть оное въ подданство скипетру Россійскому. Для чего, до прихода еще войскъ, Его Высочество отправилъ къ Высочайшему Двору трехъ пословъ: Князей Чавчавадзева, Асаулова и Палавандова, съ коими егерскій полкъ встрѣтился въ

Казбекъ, и которыхъ Царь, чрезъ курьера въ слѣдъ за ними посланнаго, обратилъ въ Тифлисъ. Причина сему ихъ обращенію была та, что Министръ, услыхавъ объ отправленіи изъ Грузіи пословъ, написалъ къ Царю, чтобъ онъ ихъ, до прибытія его въ Тифлисъ, не отправлялъ къ Высочайшему Двору, а то, въ противномъ случаѣ, и самъ обратно въ Россію поѣдетъ и войска вернуть.

Опасенія Царя миновались съ прибытіемъ войскъ Россійскихъ въ Грузію, и замыслы Царевичей и ихъ единомышленныхъ на нѣкоторое время пресѣклись. Въ Тифлисѣ занимались торжествомъ по случаю поднесенія Россійско-Императорскимъ Министромъ инвентитуры, отъ Высочайшаго Двора присланной, и Высочайшей грамоты на утверженіе въ Царскомъ достоинствѣ Царя Георгія, а наслѣдникомъ его, сына его, Царевича Давыда.

Не извѣстно, по какой причинѣ къ торжеству сему не были Царевичи, братья Царскіе, и по сему они не были приведены къ присягѣ.

Торжество сіе было нѣкоторымъ образомъ причиной вновь возникшихъ неурядицъ въ Царствѣ Грузинскомъ по поводу утвержденія Высочайшей грамотой наслѣдникомъ Царевича Давыда.

Царь, хотя и былъ обезпеченъ въ безопасности особы своей и Дома своего, но мысли о уступкѣ Царства своего не перемѣнилъ. По окончаніи торжества вознамѣрился онъ отправить къ Высочайшему Двору помянутыхъ трехъ пословъ.

Имѣвши же множество неудовольствій отъ Министра, Г-на Коваленскаго, хотя сей и требовалъ свидѣнія о предметѣ ихъ къ Высочайшему Двору отправленія, но ему о истинномъ предметѣ знать не дано, а сообщено токмо, что они отправляются для принесенія благодаренія Его Императорскому Величеству за Всемогущѣйшее подтверженіе достоинства Царскаго въ родѣ Георгія и за зациту Грузіи войсками.

Царь Георгій, привыкнувъ уже видѣть Г.-М. Лазарева и нѣкоторую къ нему имѣть довѣренность, призвавъ его однажды къ себѣ, сообщилъ ему за тайну о своемъ предпріятіи, взявъ, однако же, съ онаго клятву, подъ присягой, чтобъ ону оу онъ хранилъ и отъ Министра, а что бумаги по предмету сему уже отправлены впередъ въ Моздокъ къ одному Армянину, для взятія оныхъ съ собою послами оттуда.

Министръ, уже имѣвшій вражду съ Княземъ Чавчавадзевымъ, и опасаясь его поѣздки къ Высочайшему Двору, писалъ Главно-

командующему Генералу Кноррингу, чтобъ сихъ пословъ съ Линіи возвратить; но Главнокомандующій былъ уже отъ Царя предвренъ о его намѣреніи, и Его Высочеству далъ увѣреніе въ письменномъ отвѣтѣ о томъ, что посламя ни магійшаго затрудненія сдѣлано не будетъ къ достиженію до С.-Петербурга.

Спокойствіе въ Грузіи съ прихода войскъ Россійскихъ продолжалось до весны, сколько по тому, что оныхъ неблагонамѣренныя страшились, не бывъ въ достаточныхъ силахъ противъ оружія ихъ что либо предпріять, сколько и по времени зимнему, которое они, однако же, употребляли, какъ изъ послѣдствія видно, къ приуготовленію чувствительнѣйшаго удара отечеству весной.

Царь, между тѣмъ, надѣясь на оружіе войскъ Россійскихъ, началъ мало по малу входить въ свои права: отнялъ у Царицы Даринъ половину токмо доходовъ, принадлежащихъ Царицѣ-супругѣ. Къ примиренію сихъ Царицъ употребленъ Министръ, который въ семь случаѣ, державъ сторону Царицы Даринъ, дѣло болѣе испортилъ, начавъ убѣждать Царя оставить ее въ покоѣ изъ почтенія, которое къ ней онъ имѣть долженъ; но Царь, сдѣлавъ ей уступку половины доходовъ, повелѣлъ другою пользоваться супругѣ своей.

Сей подвигъ Царя, сколь ни справедливый, былъ, однако же, поводомъ къ продолженію раздоровъ.

Съ наступленіемъ весны сильная партія неблагонамѣренныхъ начала торжествовать, будучи ободрена приближеніемъ войскъ Персидскихъ къ Еревану, предводительствуемыхъ сыномъ Бабахана, Аббасъ-Мирзой, руководимаго дядькой своимъ, Сулейманъ Сардаремъ. Устрашенные жители изъ окрестныхъ селеній Тифлиса стекались въ сію столицу, отъ чего самонужнѣйшіе жизненные припасы не токмо вздорожали, но и содѣлался въ оныхъ чувствительный недостатокъ. Уныніе народа, обращавшагося въ бѣгство въ безопасныя горныя мѣста къ горамъ Кавказскимъ, наводило болѣе трепетъ и на войска Россійскія.

Внутреннія распоряженія къ защитѣ города, поручилъ Царь будучи весьма слабъ, Министру, который въ семь случаѣ, какъ явствуетъ, показалъ, что не за свое дѣло взялся; а въ помощь ему отдалъ Царь сына своего, Царевича Ивана.

Министръ выдумалъ новаго рода укрѣпленія: онъ выгналъ за городъ до 4000 человекъ для рытья канала вокругъ городской стѣны. Какъ кажется, мысль его была та, чтобъ каналъ сей служилъ рвомъ, ограниченнымъ съ обѣихъ сторонъ валомъ

изъ вырытой земли, для удержанія нападенія непріятельскаго на городъ, который бы со стѣнъ могъ быть обороняемъ вооруженіемъ жителей; но каналъ или ровъ сей болѣе бы еще могъ благопріятствовать непріятелю, который изъ онаго, конечно, сдѣлалъ бы непріступный и безопасный ложементъ (logement).

Рытье сего канала, вмѣстѣ съ тѣсною городскихъ жилищъ, чрезъ мѣру наполнившихся стекшимся отовсюду народомъ, произвело повѣтріе отъ паровъ разрытыхъ кучъ около стѣны городской, въ которыхъ, между всякой нечистотой, находилось множество согнявшихъ тѣлъ послѣ чумы, нѣсколько тому лѣтъ назадъ Тифлисъ опустошившей. Приумноженіе больныхъ въ detachmentъ Г.-М. Лазарева весьма наводило много безпокойствъ какъ сему начальнику, такъ и Царю въ столь критическихъ обстоятельствахъ, въ продолженіе которыхъ вдругъ получено извѣстіе о побѣгѣ Царевича Александра изъ деревни своей за границу.

А вскорѣ послѣ сего прибылъ къ Царю посланецъ отъ Аббасъ-Мирзы съ предложеніемъ ему, чтобъ онъ по прежнему подвергнулся подъ покровительство Баба-Хана, и чтобъ сему властителю Персіи прислалъ въ знакъ вѣрности аманатомъ старшаго сына своего. Посланцу сему дана была Царемъ въ домѣ Министра великолѣпная аудіенція; не извѣстно, какой онъ получилъ отвѣтъ, но токмо примѣтно было его неспокойствіе отъ множества войска Россійскаго. По отъѣздѣ посланца изъ Тифлиса, приблизились къ столицѣ сей съ немалымъ вооруженіемъ Царевичъ Юлонъ, Вахангъ и Парнаозъ, подъ предлогомъ тѣмъ, чтобъ спасти Царицу Дарію, мать ихъ, отъ угрожающей опасности.

Сколь ни благовидный предлогъ, но весьма не у мѣста было вооруженіе тогда, когда войско Россійское должноствовало защищать всю Грузію во всякомъ случаѣ опасности; по чему и долженъ былъ командующій Генералъ сдѣлать предположительное заключеніе на счетъ злаго Царевичей намѣренія содѣйствовать съ непріятельскими войсками, которыя, какъ извѣстно было, ими приглашены для избавленія ихъ отечества отъ Россіянъ.

Г.-М. Лазаревъ хотѣлъ самъ разсмотрѣть какъ ихъ силу, такъ и мѣсто ихъ лагеря, и для того испросилъ дозволеніе у Наслѣдника, за болѣзнію Царя, вѣхать на мѣсто, гдѣ Царевичи съ вейскомъ остановились, подъ предлогомъ свиданія съ Царевичемъ Вахангомъ, по старому съ нимъ знакомству. Приѣхавъ на мѣсто,

Г.-М. Лазаревъ, узнавъ о количествѣ собравшейся толпы, въ которой было до 3000 вооруженныхъ, испытывалъ и о причинахъ ихъ приближенія; но его увѣряли, что не для чего иного, какъ для спасенія Царицы Даріи изъ Тифлиса въ Душетъ, или въ Бѣлотъ, въ случаѣ приближенія непріятельскихъ войскъ къ столицѣ.

Г.-М. Лазаревъ, отправляясь оттуда обратно въ Тифлисъ, былъ провожаемъ Царевичами, съ оказаніемъ всѣхъ знаковъ учтивости и ласки.

Царь уже отправилъ на встрѣчу сего Генерала одного чиновника съ вопросомъ о замѣчаніяхъ, имъ въ лагерѣ Царевичей сдѣланныхъ; но Генералъ Лазаревъ приказалъ донести Царю, что слѣдующаго утра явится самъ съ донесеніемъ. По прибытіи же въ Тифлисъ, сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія для безопасности города, а притомъ и поставилъ секретныя бекеты около дома Царицы Даріи.

По утру въ слѣдующій день донесъ Г.-М. Лазаревъ Царю въ подробности о всемъ, что замѣтилъ, и о заключеніи своемъ на счетъ истиннаго предмета сего вооруженія. Черезъ два дня потомъ Министръ, по порученію Царя, ѣздилъ для переговоровъ съ Царевичами за городъ, какъ заключить должно, для убѣжденія ихъ отложить напрасныя хлопоты. По полудни же явился къ Г.-М. Лазареву Совѣтникъ Грузинской артиллеріи, Князь Назаровъ, съ извѣстіемъ отъ имени Царскаго, что Царица Дарія вознамѣрилась тайно уѣхать къ Царевичамъ, а въ слѣдъ за симъ Совѣтникомъ прибылъ, съ подтвержденіемъ того же извѣстія, Секретарь отъ Министра, Карнѣевъ, съ предложеніемъ, чтобъ Г. Лазаревъ бралъ нужныя мѣры. Въ тотъ же часъ жилище Царицы было окружено баталіономъ егерей, караулы у всѣхъ выѣздовъ были удвоены. Царица весьма была гнѣмъ озлоблена на Министра, котораго Г.-М. Лазаревъ нашелъ у нея сидящаго, а экипажъ ея весь уже отправленъ былъ въ лагерь къ Царевичамъ.

Спустя шесть дней послѣ сего происшествія, Царевичи съ вооруженной толпой ретировались по деревнямъ, а черезъ два дня потомъ получены были извѣстія, что и Персіяне отъ Еревана отступили къ рѣкѣ Араксу.

Когда видимая опасность отступленіемъ войскъ Персидскихъ свивалась, то жители изъ окрестныхъ селеній, въ Тифлисъ для спасенія собравшіеся, мало по малу изъ онаго опять разошлись; остались же въ столицѣ токмо вооруженные Кзаахцы. Инспек-

торъ, Г.-Л. Кноррингъ, пребывая на Линіи Кавказской, по видимо-му, ни малѣйшихъ свѣдѣній о происходящемъ въ Грузіи не получилъ, а токмо отъ Царя доходили до него письма съ повтореніемъ требованій о подкрѣпленіи detachementa войскъ; ибо при-славъ къ Г.-М. Лазареву въ теченіе сего времени нарочнаго съ вопросами объ обстоятельствахъ Грузіи. Г.-М. Лазаревъ ему могъ токмо преподать свѣдѣнія о случившемся и о слухахъ, что Дагестанцы намѣреваются, подъ предводительствомъ извѣстнаго Омаръ-Хана Аварскаго, учинить впаденіе въ Грузію.

Слухи о семъ намѣреніи Дагестанцевъ продолжались, Казахское войско изъ Тифлиса не распускалось; а между тѣмъ сдѣлалось повѣтріе кроваваго поносу, отъ коего наиболѣе потерпѣли Казаццы; Россійскій же detachementъ ничего не потерпѣлъ.

По извѣстіямъ, отъ Г.-М. Лазарева полученнымъ, и по мнѣнію его о подкрѣпленіи въ Грузіи detachementa, Инспекторъ откомандировалъ въ Грузію мушкетерскій полкъ съ 4-мъ орудіями Г.-М. Гулякова и 100 Казаками.

Полкъ сей еще не достигъ Тифлиса, какъ Г.-М. Лазаревъ получилъ повелѣніе о принятіи дѣлъ отъ Министра, а сей отзывную грамоту. Вскорѣ послѣ сего получилъ Царь извѣстіе, что Омаръ-Ханъ уже приближается съ сильнымъ вооруженіемъ къ границамъ Грузинскимъ.

Царь призвалъ, для совѣщанія о принятіи нужныхъ мѣръ къ оборонѣ, Г.-М. Лазарева, который Царю предложилъ объ отправленіи въ Козакъ кого ни будь изъ сыновей, дабы народъ сей удержать въ повиновеніи, и о написаніи къ Царскимъ братьямъ, чтобъ они въ своихъ помѣстьяхъ собрали вооруженіе для содѣйствія къ оборонѣ. На первое Царь согласился, а на второе отвѣчалъ, что приближеніе Омаръ-Хана суть плоды ихъ произведеній. Г.-М. Лазаревъ представилъ Царю, чтобъ токмо сдѣлать испытаніе, дабы изъ ихъ исполненія, или отказа, тѣмъ лучше было можно о благонамѣренности ихъ судить. Царь и на сіе согласился.

Какъ все сіе въ Тифлисѣ происходило, получилъ Г.-М. Лазаревъ курьева отъ Инспектора съ репримандомъ о невѣрности свѣдѣній, имъ сообщаемыхъ, о намѣреніи Омаръ-Хана впасть въ Грузію, тогда когда онъ искалъ Высочайшаго покровительства Его Императорскаго Величества и когда ему оное уже обѣщано; а отъ Царевича Ивана, въ слѣдъ за симъ получилъ Г.-М. Лазаревъ увѣдомленіе, что Омаръ-Ханъ уже на границѣ.

Г.-М. Лазаревъ, написавъ къ Царевичамъ, Юлону, Вахтангу и Парнаозу, приглашеніе, по мѣрѣ, положенной, по согласію Царя, выступилъ самъ съ 2-мя баталіонами, егерскимъ и мушкетерскимъ, съ 4-мя орудіями и со 60 Казаками. Одинъ же баталіонъ егерей оставался въ Тифлисъ, по желанію Царя.

На второмъ маршѣ Царевичъ Иванъ прислалъ къ Г.-М. Лазаревонца съ увѣдомленіемъ, что Омаръ-Ханъ съ войсками уже переправился черезъ Алазанъ и движеніе свое располагаетъ къ крѣпости Сигнахской. Г.-М. Лазаревъ, оставивъ съ Г.-М. Гуляковымъ баталіонъ мушкетерскій и 2 егерскія роты, со всѣми при томъ обозами, поспѣшилъ самъ къ помянутой крѣпости съ тремя ротами егерей, 2-мя орудіями и 40 Казаками форсированнымъ маршемъ, а на другой день дошелъ и съ нимъ соединился помянутый Г.-М. Гуляковъ.

Въ ночное время должно было судить по огнямъ непріятельскаго лагеря, отстоявшаго верстахъ въ 30 отъ того мѣста, куда пришли два Россійскіихъ баталіона, о силѣ непріятеля, которая была многочисленна.

По учрежденіи всего нужнаго къ оборонѣ противъ онаго, Г.-М. Лазаревъ отправилъ къ Омаръ-Хану нарочнаго съ письмомъ, въ коемъ ему изъясняла неблагонамѣренный его поступокъ вторженіемъ въ границы области, Россійскими войсками охраняемой, тогда еще, когда онъ снискивалъ себѣ покровительство Высочайшаго Двора Россійскаго, и въ томъ уже получилъ увѣреніе отъ Главнокомандующаго Генерала, Г.-М. Лазаревъ примѣтилъ въ ономъ Омаръ-Хану, что сей его поступокъ не можетъ не навлечь на него справедливаго гнѣва Его Императорскаго Величества, и что гораздо будетъ благоразумнѣе, если того избѣгнуть и, не нарушивъ правъ спокойствія сосѣдственнаго, безъ кровопролитія границы Грузіи оставить; а что, въ противномъ случаѣ, оная будетъ усиленно защищаема войсками Его Императорскаго Величества.

Прошло уже два дня, посланный къ Омаръ-Хану еще не возвращался; по сему Г.-М. Лазаревъ разсудилъ за благо сдѣлать движеніе, чтобъ къ непріятельскому лагерю приблизиться, съ тѣмъ намѣреніемъ, что, если отвѣта отъ Омаръ-Хана не будетъ, то чтобъ его атаковать. Намѣреніе сіе Г.-М. Лазарева не понравилась Царевичу Ивану, который тайно согласовался съ предпріятіями дядей своихъ.

Посланный наконецъ воротился съ отвѣтомъ Омаръ-Хана, заключавшимъ увѣреніе о его усердіи и преданности къ Его Императорскому Величеству, и заключеніе, что въ томъ онъ не видитъ никакого нарушенія, или неблагонамѣренности, если онъ вспомоществуетъ прибывшему къ нему гостю, Царевичу Александру, противъ брата его Царя, дѣлающаго ему разныя гоненія и лишашаго его правъ, законно ему принадлежащихъ.

Донесенія же возвратившагося нарочнаго состояли въ томъ, что, по его замѣчанію, непріятельскаго войска по сую сторону, въ лагерѣ, находилось до 15,000 человѣкъ; что расположены они по лѣсамъ, въ мѣстахъ весьма крѣпкихъ; что онъ слышалъ отъ нѣкоего Аджи, что на слѣдующій день сіе число будетъ умножено корпусомъ 10,000 человѣкъ.

Г.-М. Лазаревъ, имѣя при своемъ detachmentѣ тысячъ до 13 Грузинскаго вооруженія, предводительствуемаго Царевичами Иваномъ и Баграмомъ, подвинулся со всѣми на разстояніе 4-верстное къ лагерю непріятельскому, съ намѣреніемъ оный на разсвѣтѣ атаковать. Расположившись на семь мѣстъ, получилъ Г.-М. Лазаревъ отъ Царя нарочнаго, привезшаго письмо отъ Царицы Даріи къ Царевичу Александру, въ коемъ она его увѣщавала обратиться отъ поступковъ своихъ ко вреду отечества, но заключала оное напоминовеніемъ, чтобъ онъ не забылъ, что онъ сынъ Царя Ираклія.

Г.-М. Лазаревъ не медля отправилъ сіе письмо къ Царевичу Александру съ нарочнымъ, при своемъ письмѣ, коимъ, повторяя ему увѣщаніе его матери, обѣщавъ ему безопасность и примиреніе съ Царемъ, его братомъ, увѣряя его при томъ, что столь благовидными поступками своими онъ подвергается добровольно справедливому гнѣву Государя Императора.

Съ симъ же посланнымъ отправилъ Г.-М. Лазаревъ письмо и къ Омаръ-Хану, съ увѣдомленіемъ о недалнемъ его съ войскомъ Россійскимъ разстояніи отъ лагеря и съ увѣреніемъ, что есть еще время ему отступить, буде хочетъ оное употребить въ пользу.

Вмѣсто даннаго Г.-М. Лазаревымъ срока, какъ Царевичу Александру, такъ и Омаръ-Хану, 4-хъ часовъ для составленія отвѣта рѣшительнаго, продержали посланнаго до утра, ночью отправляя всю пѣхоту по ущеліямъ внутрь Грузіи, а съ разсвѣтомъ и конница туда же двинулась. Грузинскія войска въ ту же ночь отретировались; осталась оныхъ весьма малая часть съ Царевичемъ Иваномъ.

Г.-М. Лазаревъ, снявъ свой лагерь, сдѣлалъ движеніе со всѣмъ detachementомъ своимъ для преслѣдованія непріятеля и для пресѣченія ему пути. На другой день, догнавъ непріятеля, въ четыре часа по полудни, Г.-М. Лазаревъ имѣлъ съ нимъ сраженіе на рѣкѣ Гюрѣ, не подалеку отъ разоренной деревни Тахури, Ноября 27-го, весьма для непріятеля кровопролитное.

По сказаніямъ нѣсколькихъ Грузинцевъ, отъ Царевича Александра бѣжавшихъ въ отечество, непріятельскаго войска было до 22 тысячъ; до 4-хъ изъ нихъ Россіянами побито, остальные же разными толпами обратились въ бѣгство. Одни ретировались къ Ганжѣ, встрѣчени были Ханскими войсками и потерпѣли великій уронъ; другія, шедшія на Чары и Белоканы, терпѣли голодъ, распродали оружіе, лошадей, за малое количество хлѣба и, съ значнымъ урономъ людей, едва могли добраться до своихъ мѣстъ чрезъ горы, всегда снѣгами покрытыя.

Предводительствовавшій ими Омаръ-Ханъ, вмѣстѣ Царевичемъ Александромъ, бѣжали въ Шушу.

Россійскихъ же войскъ на мѣстѣ сраженія находилось въ строю до 700 человекъ, вспомошествоваемыхъ Грузинскими до 2,100 человекъ конницы и до 900 пѣхоты.

На пути Г.-М. Лазарева съ detachementомъ своимъ въ преслѣдованіи непріятеля, возвратился въ нему его посланный отъ Омаръ-Хана. Сей предводитель отвѣтствовалъ, что онъ слѣдуетъ непременно для выполненія желаній своего гостя, Царевича Александра, а Царевичъ сей писалъ, что онъ идетъ въ селеніе Маркоби, для свиданія съ братьями своими и, на чемъ съ ними рѣшится, обѣщалъ увѣдомить.

По малочисленности войска въ командѣ Г.-М. Лазарева нельзя ему было дѣлать наблюденій за поведеніемъ и намѣреніями Царевичей Юлона, Вахтанга, Парнаоза и Миріана, но въ послѣдствіи оныя открылись. Планъ ихъ былъ тотъ, чтобъ Лезгинскія войска заняли обширное селеніе Загареджи въ Кахетіи, сами Царевичи, съ вооруженной толпой Грузинъ, намѣревались занять селеніе Маркоби, также въ Кахетіи и, составивъ отрядъ соединенныхъ силъ, раздѣлить оныя на 2 части, изъ коихъ одна должноствовала освободить Тифлисъ отъ Россіянъ, а другая расположиться на рѣкахъ Ксанъ и Арагвѣ, для воспрепятствованія, на семъ пути, отъ Кавказскихъ горъ къ Тифлису ведущемъ, проходу войскамъ нашимъ, въ томъ случаѣ, когда бы изъ Россіи командировались оныя, для подкрѣпленія находившихся уже въ Грузіи.

Имеритинскій же Царекъ долженствовалъ занять своими силами Карталинію.

Радость въ Тифлисъ была неопиcанная при возвращеніи послѣ сраженія Г.-М. Лазарева въ сію столицу съ побѣдоносными войсками Его Императорскаго Величества. Пушечная пальба и иллюминація продолжались чрезъ четыре дня; Царь одержимъ былъ въ сіе время тяжкою болѣзнію.

Весьма заслуживаетъ замѣчанія поведеніе въ семъ случаѣ Царицы Даріи: когда баталіоны выступали изъ Тифлиса въ походахъ противъ Омаръ-Хана, то Ея Высочество усердно смѣялась сему походу, оказывая сожалѣніе, что ополченіе Россіянъ, столь малочисленное, будетъ неизбѣжной жертвой побѣды Омаръ-Хана. Когда же ополченіе сіе вступало побѣдоносно въ Тифлисъ, то Ея Высочество съ досады не хотѣла на оное смотрѣть, и сидѣла въ домѣ своемъ во все то время съ закрытыми окнами.

Послѣ же того, какъ извѣстно отъ ея приближенныхъ, изволила она отправить ругательное письмо къ Омаръ-Хану, съ изъявленіемъ въ ономъ своего удивленія: куда дѣвалась его храбрость, что такая малая горсть Русскихъ его могла уstrашить?

Г.-М. Лазаревъ осыпанъ былъ отъ всего народа изъявленіями благодарности; Царевичи Юлонъ и Вахтангъ поздравляли его также письмами съ побѣдой, извиняясь, что не могли къ нему прийти съ вооруженными подданными своими на помощь, по причинамъ: первый, что его люди заняты были рытьемъ канала, Министромъ выдуманнаго, вокругъ городской стѣны, а второй, что онъ опасался междоусобія, по извѣстной враждѣ Тіунетскихъ и Пшавскихъ жителей между собой.

Послѣ происшествія сего присланъ былъ къ Царю отъ Тайнаго Совѣта Графа Пушкина горный Офицеръ, для негосіаціи съ Его Высочествомъ по предмету уступки рудниковъ, кои были осматриваемы предъ тѣмъ самимъ Графомъ Пушкинымъ. Сей случай былъ первый, въ который Царь торжественно объявилъ, что онъ не токмо рудники, но все свое Царство на вѣчно уступаетъ Его Императорскоу Величеству, и проситъ токмо себѣ и дѣтямъ своимъ пропитанія.

Послѣ же сего торжественнаго объявленія написалъ Его Высочество къ Г.-М. Лазареву убѣдительное письмо по сему

предмету, въ коемъ, изъявляя неустройства, во всемъ Царствѣ происходящія, которыхъ онъ властію своею не въ состояніи болѣе привести въ порядокъ, поручалъ Его Превосходительству взять на себя смотрѣніе, дабы народъ не претерпѣвалъ угнетеній отъ Царевичей, Цариць, Царевенъ и Царедворцевъ его, повторяя ему неоднократно, что онъ обязанъ то исполнить и оказывать защиту народу Грузинскому, принадлежащему уже Его Императорскому Величеству. Г. М. Лазаревъ представилъ письмо сіе Главнокомандующему.

Здоровье Царское между тѣмъ часть отъ часу истаявало. Г. М. Лазаревъ имѣлъ уже предписаніе отъ Главнокомандующаго съ изъявленіемъ Высокомонаршаго повелѣнія, чтобъ, въ случаѣ кончины Царя, никто по немъ преемникомъ не избирался впредъ до повелѣнія.

Раздѣленіе на партіи народа не претавало существовать, и тѣмъ опаснѣйшихъ слѣдствій ожидать надобно было, въ случаѣ кончины Царской, въ разсужденіи того, что въ избраніи Царя репрезентанты народа не согласовались: признавали преемникомъ старшаго сына, Царевича Давыда, а другіе требовали Царевича Юлона.

Надобно было опасаться волненія въ народѣ и того, чтобы партія неблагонамѣренныхъ не покусилась похитить корону; по чему Г.-М. Лазаревъ и долженъ былъ принять предварительно мѣры осторожности, приказавъ дежурному Маіору быть при коронѣ безотлучно, снабдивъ его при томъ особенными секретными повелѣніями, какимъ образомъ ему поступать въ случаѣ тревоги.

Спустя нѣсколько времени послѣ сего, явился къ Г.-М. Лазареву дежурный Маіоръ съ донесеніемъ, что собирается у Царя множество духовенства для соборованія его масломъ. Ни мало не медля, Г.-М. Лазаревъ пошелъ къ Царю, но его нашелъ въ великой слабости, и который приходомъ его былъ обрадованъ. За Генераломъ Лазаревымъ пришелъ къ Царю Наслѣдникъ съ нѣкимъ Княземъ Леонидзевымъ. * Царь притворился спящимъ, хотя Князь Леонидзе и повторительно Его Высочеству докладывалъ: «Не угодно ли Его Высочеству чего приказать Наслѣднику о Царствѣ?»

---

* См. Исторію о Кн. Леонидзевѣ.

Г.-М. Лазаревъ, ушедши отъ Царя, остался на всю ночь въ караульнѣ, дабы быть свидѣтелемъ всего, что происходитъ будеть, и быть въ готовности на всякій случай. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня явились въ караульню духовникъ Царскій и придворный Священникъ Елефтерій, съ требованіемъ, чтобъ Г.-М. Лазаревъ имъ позволилъ съ собой переговорить на единѣ; а когда всѣ люди были высланы изъ караульни, то они ему объявили о желаніи Царя, на духу яко бы имъ изъявленномъ, чтобъ, по кончинѣ Его Высочества, назначенъ былъ его преемникомъ Царевичъ Давыдъ. Сообщеніе сіе воли Царской ни мало не сходствовало съ той тайной, которую Его Высочество давно уже Генералу Лазареву открылъ и письменно подтвердилъ, и которая не была уже тайна послѣ торжественнаго объявленія по случаю негосіаціи съ Царемъ горнаго Офицера о уступкѣ рудниковъ. Отвѣтъ симъ Попамъ, Г.-М. Лазаревымъ данный, состоялъ въ томъ, что онъ знаетъ, что ему дѣлать.

Послѣ сего, когда уже входъ къ Царю былъ возможенъ, Г.-М. Лазаревъ, пришедъ къ Его Высочеству, встрѣченъ былъ вопросомъ: «Не имѣетъ ли онъ извѣстія о возвращеніи Князя Чавчавадзева, котораго онъ съ величайшимъ ожидалъ нетерпѣніемъ, говаривая всегда, что онъ не умретъ спокойно, если еще при жизни своей не достигнетъ счастья того, чтобъ его Царство было подвластно Его Императорскому Величеству.»

Здоровье Царское примѣтнымъ образомъ ослабѣвало, такъ что ежедневно ожидали его кончины. Претенденты на Царство между тѣмъ старались время сіе употребить въ свои пользы.

Царевичъ Давыдъ разсылалъ своихъ эмисаровъ по Кахетіи, чтобъ преклонить ихъ на свою сторону, обнародовались манифесты о его наслѣдствіи и принуждаемы были жители во всѣхъ мѣстахъ къ учиненію присяги по оному; для лучшаго же успѣха Царевичъ Давыдъ распустилъ въ обращеніе по Кахетіи, сочиненное Мдиваномъ его, Княземъ Леонидзевымъ, письмо, яко бы отъ Г.-М. Лазарева, въ коемъ изображалась Высокомонаршая воля на утвержденіе преемникомъ Царевича Давыда.

Даже и въ самомъ Тифлисѣ интриги сіи были въ дѣйствіи. Въ одинъ день, не за долго до кончины Царя, собраны были въ Сіонскій Соборъ Князя и дворяне Грузинскіе Царевичемъ Ивановомъ для учиненія впередъ присяги вѣрности преемнику, Царевичу Давыду. Г.-М. Лазаревъ, о томъ извѣстясь, внезапно пріѣхалъ въ

сей Соборъ, и тѣмъ разрушилъ замыслы ихъ. Царевичи же, братья Царскіе, разъѣзжая по Карталиніи, вооруженной рукой принуждали народъ присягать Царевичу Юлону, распуская не томо ложныя письма, яко бы отъ Главнокомандующаго къ нимъ писанныя, чтобъ они сего Царевича преемникомъ себѣ избрали, но даже и Именные повелѣнія отъ Государя Императора.

Г.-М. Лазаревъ всевозможныя употреблялъ убѣжденія Царевичу Давыду лично, а сямъ чрезъ письма, чтобъ они оставили столь предосудительныя ихъ чести поступки, но ничего не дѣйствовало: первый всегда отпирался, а послѣдніе простирали свои неистовства еще далѣе: разорили деревни, не хотѣвшія имъ повиноваться, увлекали женъ и дѣтей у Князей, которые имъ противились и отъ страха спасались бѣгствомъ въ Тифлисъ, подъ защиту войскъ Его Императорскаго Величества.

Царевичъ Юлонъ отвѣтствовалъ на письма Г.-М. Лазарева отпачиеніемъ, увѣряя, что на него клеветуютъ и что вооруженіи никакого не собирается, а при томъ просилъ, чтобъ Царевича Давыда удержать отъ подвиговъ его въ Кахетіи. Сіе письмо подписано было Царевичемъ Юлономъ съ титуломъ Наслѣдника. Г.-М. Лазаревъ счелъ за нужное, при повтореніи ему всего того, о чемъ ему прежде уже писалъ, примѣтить, что съ подобной подпиской писемъ отъ Его Свѣтлости онъ принимать не будетъ; ибо знаетъ токмо одного Наслѣдника, Царевича Давыда, утвержденного въ достоинствѣ семъ Высочайшей Его Императорскаго Величества грамотой.

Въ теченіи сихъ обстоятельствъ, Царица Дарія, призвавъ къ себѣ Г.-М. Лазарева, показала ему подписку, ею сочиненную въ томъ смыслѣ, что народъ избираетъ преемникомъ Царства ея сына, Царевича Юлона, которую она намѣревалась послать по всѣмъ мѣстамъ въ Грузіи для собранія подписей, а потомъ просить о утвержденіи оной Его Императорское Величество.

По требованію на то Ея Высочества отъ Г.-М. Лазарева мнѣнія, онъ ей отвѣчалъ, что лучше бы сіе намѣреніе было оставить и ожидать спокойно Высочайшей воли Государя Императора, во 1-хъ, по тому что Царь еще здравствуетъ, а во 2-хъ, что не извѣстно никому Высочайшее Государя Императора намѣреніе; а что таковымъ поступкомъ Ея Высочество болѣе можетъ Государя Императора огорчить. Царица, согласившись на сіе представленіе, настоятельно требовала отъ Г.-М. Лазарева мнѣнія:

кого онъ признаеть достойнѣйшимъ быть Наслѣдникомъ: Юлона, или Давыда?

Отвѣтъ Г.-М. Лазарева, Ея Высочествомъ вынужденный, состоялъ въ томъ, что, по его мнѣнію, ни тотъ, ни другой, достоинствъ отъѣнныхъ не имѣютъ, но что ему бы казалось, Царевичъ Вахтангъ, любимѣйшій ея сынъ.

Симъ пріятнымъ для нея отвѣтомъ Г.-М. Лазаревъ ее совершенно успокоивъ, отклонилъ отъ предпріятія собирать подписку, и заслужилъ особую ея довѣренность на нѣкоторое время.

А послѣ сего получилъ Г.-М. Лазаревъ отъ Царевичей, Юлона, Вахтанга и Парнаоза, вынужденную ими отъ Карталишцевъ подписку о избраніи Царевича Юлона преемникомъ, которую немедленно Г.-М. Лазаревъ представилъ къ Инспектору.

Между тѣмъ Царевичъ Вахтангъ выдумалъ новую хитрость: опасаясь, чтобъ Г.-М. Лазаревъ не вывелъ наружу въ рапортахъ своихъ къ Инспектору всѣ егò шалости, останавливалъ въ своемъ Душетѣ курьеровъ, отбиралъ у нихъ депеши, и оныя распечатывалъ, а на послѣдокъ арестовалъ одного курьера, также отобралъ отъ него депеши; но, къ счастью, проѣзжалъ изъ Россіи фельдъегерь, Туманскій, который и курьера освободилъ и депеши спасъ.

Между тѣмъ достигали въ Тифлисъ извѣстія, что послы Грузинскіе уже на пути изъ Россіи въ Грузію, но что, доѣхавъ до Ларса, возвратились въ Моздокъ, опасаясь мести Царевича Вахтанга.

Кончина Царская послѣдовала Декабря 28-го, 1800 года, послѣ 10-ти дневной тяжкой болѣзни. Съ извѣстіемъ о томъ, весьма скоро повсюду разнесшимся, не взирая на всевозможныя предосторожности, воинскимъ начальникомъ взятыя, весьма увеличались неспокойства въ народѣ, производимыя въ ономъ неистовствами искателей Царскаго достоинства.

Командующій Г.-М. Лазаревъ, въ ту же минуту прибывъ во дворецъ, просилъ Царевича Давыда приказать собрать въ назначенное мѣсто Царевичей, духовенство, Князей и дворянъ, для выслушанія Высочайшаго Егò Императорскаго Величества повелѣнія.

Его Свѣтлость, какъ заключить то было можно изъ его поспѣшности къ исполненію предложеннаго Г. Лазаревымъ, полагалъ, что провозглашенъ онъ будетъ преемникомъ, собралъ всѣхъ весьма скоро. Не прошло часа, какъ всѣ помянутыя сословія собраны были въ близъ стоящій домъ отъ дворца, куда прибылъ и Г.-М. Лазаревъ, имѣя при себѣ Князя Александра Чавчавадзева,

Князя Георгія Туманова переводчиками, и, въ присутствіи всѣхъ объявилъ о Высочайшемъ соизволеніи, чтобъ, по кончинѣ Царя, никто преемникомъ Царства избранъ не былъ, до восposableдованія на то Высочайшей воли Государя Императора. Все собраніе, кромѣ Царевичей, приняло сію Высокомонаршую волю съ восклицаніемъ. Въ то же время какъ Г.-М. Лазаревъ, послѣ сего объявленія, отходилъ изъ сей залы, то Князь Леонидзе, вышедъ изъ числа собравшихся, поздравилъ Царевича Давыда въ достоинствѣ Царскомъ, что побудило Г.-М. Лазарева, въ ту же минуту какъ ему о томъ сказали, воротиться въ собраніе и объявленіе повторить. По силѣ сего повелѣнія, Царство оставалось безъ управленія; ибо Главнокомандующій при томъ не снабдилъ Г.-М. Лазарева никакими по сему предмету поставленіями; почему Г.-М. Лазаревъ и рѣшился поручить на время управленіе онаго Царевичу Ивану, который при жизни Царя пользовался особенной Его Высочества довѣренностію, и труды правленія съ нимъ раздѣлялъ, и тѣмъ личнѣе казалось то, что Царевичъ сей не имѣлъ ни малѣйшаго права на преемничество. Но дабы его ограничить во власти и въ томъ, чтобъ, по привязанности къ интересу, дѣла Царства не управлялись по лицемѣрству, то Г.-М. Лазаревъ предложилъ, чтобъ въ семь временномъ образѣ правленія ни одна бумага по рѣшенію дѣлъ изъ онаго не выходила, какъ за общими печатами Царевича Ивана и Г.-М. Лазарева; о чемъ, объявивъ въ собраніи, Г.-М. Лазаревъ публиковалъ писменно по всей Грузіи. См. въ Исторіи Князя Леонидзе о его чудесахъ послѣ сего съ Княземъ Чавчавадзе и Княземъ Тумановымъ.

Князь Леонидзе, носившій тогда званіе Мдивана Царевича Давыда, не убоясь ничего, началъ возмущать Тифлисъ, склоняя всѣхъ къ тому, чтобъ выбирали Царемъ Царевича Давыда, хотя и посланы были за нимъ люди для поимки, но онъ скрылся въ домъ къ Царевичу Давыду. Безъ нарушенія почтенія къ сему дому, нельзя его было насильственно изъ онаго взять. Въ продолженіи же времени, какъ гласно дѣйствовать онъ уже не могъ; ибо зналъ, что повсюду за нимъ есть надзоръ, то употреблялъ тайныя средства къ возмущенію; а при томъ наставлялъ къ побѣгу Царевича Давыда, который, однако же, того не сдѣлалъ: иные утверждаютъ, что Царевичъ стыдился бѣжать, по тому что состоялъ въ Россійской службѣ, а другіе, что отъ недостатка духа рѣшимости.

Царевичи Юлонъ, Вахтангъ и Парнаозъ, получивъ отъ Г.-М. Лазарева письма съ примѣчаніями о непристойности присвоенія Царевичу

Юлону титула наслѣдника, отвѣчали ему однимъ изъясненіемъ не удовольствія въ томъ, что изъ нихъ никого не сдѣлали участниками въ управленіи Царствомъ по кончинѣ Царя.

На сіе имъ было Г.-М. Лазаревымъ отвѣтствовано, что причиною тому было токмо ихъ отсутствіе изъ Тифлиса, а что онъ почитетъ себя за особую честь, если угодно имъ будетъ раздѣлять съ нимъ и Царевичемъ Иваномъ труды по дѣламъ Царства. Ни одинъ изъ сихъ Царевичей, однако же, не разсудилъ за благо въ Тифлисъ по сему приглашенію ѣхать, а за лучшее избрали собраться въ Мухрани съ вооруженной толпой, для сочиненія тамъ операціонныхъ плановъ и выдумыванія разныхъ чудесъ, къ нарушенію общаго спокойствія.

Нѣкто Князь Кайхосро Челокаевъ (нынѣ Совѣтникъ Экспедиціи Гражданскихъ дѣлъ), также не хотѣвшій повиноваться Высочайшей волѣ, Г.-М. Лазаревымъ объявленной, о неизбраніи преемника, ближній родственникъ неблагонамѣренныхъ Царевичей, оставивъ свою деревню, прибѣгнулъ къ Царевичу Вахтангу съ просьбой, чтобъ онъ употребилъ свое стараніе, дабы полковыя лошади, которыя, по повелѣнію покойнаго Царя, въ его деревни паслись, изъ оной были выведены. Цѣль его была та, чтобъ въ сей деревнѣ своей принять Царевичей, для совѣщанія съ ними и съ нѣсколькими ихъ сообщниками изъ Князей Грузинскихъ по предмету ихъ предпріятій. Въ теченіи сихъ смутныхъ обстоятельствъ прибыли въ Тифлисъ бывшіе у Высочайшаго Двора Грузинскіе послы съ постановленіями о семъ Царствѣ, которыя ими торжественно были поднесены Наслѣднику, Царевичу Давыду, при собраніи особъ Царской фамиліи, знатнѣйшихъ Князей, дворянъ и духовенства. Генваря 14-го, 1801 года, исключая трехъ Царевичей: Юлона, Вахтанга и Парнаоза, которые, не токмо сами по приглашенію въ Тифлисъ не пріѣхали, ниже Князья, ихъ сообщники.

Все торжество обнародованія Высочайшихъ постановленій въ Царствѣ семъ сдѣлано было безъ сихъ трехъ особъ. Послы должныствовали пребыть въ Тифлисъ не болѣе положеннаго имъ на то срока: по чему и поспѣвши, послѣ сего обнародованія, обратнымъ ихъ отправленіемъ, съ благодарственной грамотой къ Его Императорскому Величеству отъ народа, который, съ чувствами искреннѣйшей благодарности, повергалъ жребій свой Скипетру Всероссійскому. Скопъ народа всякаго званія у Г.-М. Лазарева, для предложенія къ благодарственной грамотѣ именныхъ печатей,

былъ невѣроятный: трое сутокъ денно и ночью являлись у него Князя и дворяне, отвсюду единственно для того прѣбжавшіе.

По обнародованіи же постановленій, Г.-М. Лазаревъ отправилъ оныя къ тремъ Царевичамъ, чрезъ своего Адъютанта, въ копіи засвидѣтельствованной Царевичемъ Давыдомъ, послани и имъ, Г.-М. Лазаревымъ. Адъютантъ, нашедъ ихъ въ Мухрани, вручилъ имъ пакетъ. Они же весьма озлобились, прочитавъ бумаги, въ оломъ содержавшіяся, весьма тайно, не показавъ никому изъ Князей и дворянъ, въ единомысліи съ ними состоявшихъ, и на другой день отправили къ Г.-М. Лазареву его Адъютанта съ изъявленіемъ не удовольствія на то, что, не дождавшись ихъ, сдѣлано торжество и обнародованіе.

А по отправленіи отъ себя Адъютанта сего, собравъ войска свои, выступили, чрезъ рѣку Арагву, въ Кахетію.

Коль скоро о томъ дошли свѣдѣнія до Г.-М. Лазарева, то немедленно взяты были мѣры къ разрушенію ихъ предпріятій, раскомандированіемъ повсюду, куда потребно было, отрядовъ войскъ Россійскихъ, съ присоединеніемъ къ тому, который долженствовало поставять преграду въ Кахетіи замысламъ Царевичей, вооруженія Грузинскаго, подъ предводительствомъ Царевича Ивана. Особенно же надобно было обратить вниманіе на то, чтобъ, при внутреннемъ въ Грузіи волненіи, не пресѣклась коммуникація изъ Грузіи въ Россію чрезъ горы Кавказскія; но и сія опасность миновалась благоразумнымъ распоряженіемъ Г.-М. Лазарева, которое состояло въ дозволеніи, Князьямъ Еристовымъ данномъ, всупитъ во владѣніе Осетинскихъ селеній, у нихъ отнятыхъ при Царѣ Иракліи и отданныхъ Царевичамъ Юлону, Парнаозу и Миріану.

Симъ способомъ, съ присовокупленіемъ къ тому двухъ егерскихъ ротъ, долженствовавшихъ конвоировать пословъ на обратномъ ихъ изъ Тифлиса путешествіи въ Россію, обезпеченъ былъ сей край совершенно отъ замысловъ мятежниковъ.

А за нѣсколько дней предъ прѣбавомъ къ Царевичамъ Адъютанта Г.-М. Лазарева, имѣли они намѣреніе, по совѣту нѣкоего Князя Омара Амилахварова, завладѣть ирѣпостью Гори; но нѣсколько часовъ прежде ихъ пришедшая туда рота ниспровергнула сей ихъ замыселъ; Царевичи же, видя таковую неудачу, ретировались въ Мухранъ и на пути до сего мѣста провѣдали, что другой Князь, Георгій Амилахваровъ, поѣхалъ въ Тифлисъ, для участвованія въ общенародномъ торжествѣ, то, за таковую его приверженность,

къ Россіянамъ, Ихъ Свѣтлости разграбили его домъ, а женѣ его дѣлали всякія ругательства. Сверхъ того пронесся слухъ, когда Царевичи, отправивъ отъ себя Адъютанта, пустились въ походъ въ Кахетію, что яко бы Юлонъ слѣдуетъ въ Мцхетъ для коронованія тамъ себя; что имѣло нѣкоторое правдоподобіе; ибо во всѣхъ мѣстахъ, кромѣ Тифлиса, въ церквахъ читались поминовенія о здравіи Царевича Юлона; о чемъ Г.-М. Лазаревъ принужденъ былъ сдѣлать примѣчаніе Католикосу, дабы духовенству то было запрещено, какъ противное Высочайшей волѣ. Но и въ семъ случаѣ предпріятіе Царевича Юлона ни малѣйшаго успѣха имѣть не могло, по тому что двѣ егерскія роты, въ Мцхетѣ находившіяся, для конвоированія пословъ, были всякую минуту готовы сдѣлать ему сильное отраженіе.

Царевичъ Вахтангъ между тѣмъ не дремалъ въ Душетѣ: курьеровъ, изъ Тифлиса въ Россію отправляемыхъ, продолжалъ удерживать, разламывая при томъ мосты черезъ Терекъ.

Видѣвъ съ извѣстіемъ о походѣ Царевичей въ Кахетію разнеслись слухи о прибытіи Царевича Александра изъ Шуши въ Шамшадилы и о его намѣреніи пробраться къ Казахскимъ Татарамъ. а также о собирающемся войскѣ, пораженнаго въ концѣ 1800 года, Омаръ-Хана Аварскаго.

Царевичи добрались уже до селенія Кахетинскаго, Маркоби, и въ ономъ расположили было совѣтъ о дальнѣйшемъ походѣ, какъ получили тутъ гонца отъ Царицы Даріи съ письмомъ, конимъ Ея Высочество ихъ увѣдомляла о выступленіи отрядовъ Россійскаго войска изъ Тифлиса, для преслѣдованія ихъ, и при томъ совѣтовала имъ занять выгоднѣйшія мѣста въ Кизакѣ. Царевичи, Юлонъ и Вахтангъ въ ту же минуту, не окончивъ ужина, поскакали въ Кизикъ. Роты, въ селеніи Загареджи стоявшія, узнавъ о походѣ ихъ въ Маркоби, выступили, для преслѣдованія за ними, столь удачно, что Царевичи успѣли только насильственно привести къ присягѣ въ вѣрности къ Царевичу Юлону двѣ небольшія деревни, какъ роты сіи ихъ настигли. Видѣвши, что ни что имъ не удастся, и что вездѣ по слѣдамъ ихъ ходять отряды войска Россійскаго, потеряли духъ. Парнаозъ ретировался въ Карталинію, отправивъ при томъ гонца къ Омаръ-Хану съ увѣдомленіемъ что требованная помощь болѣе имъ уже не нужна, и чтобъ онъ о собраніи силъ своихъ попеченіе отложилъ до другого времени, а остался токмо одинъ Миріанъ, котораго Г.-М. Гуляковъ и Царевичъ

Иванъ хотя и увѣщавали возвратиться въ Тифлисъ, но онъ все колебался нерѣшимостью, а между тѣмъ, какъ находившійся при немъ Священникъ Царевича Вахтанга, довѣрнейшій въ нихъ тайнахъ, то Царевичъ Миріанъ, объявивъ свое согласіе возвратиться въ Тифлисъ, ускакалъ ночью въ Душетъ, для выполненія тамъ сдѣланной ему братьями порученности не пропускать никого ни изъ Россіи въ Грузію, ни изъ Грузіи въ Россію. Г.-М. Гуляжовъ, потерявъ Царевича Миріана, преслѣдовалъ двухъ Царевичей, уѣхавшихъ въ Кизакъ, но и тамъ засталъ нѣсколькихъ токмо изъ слугъ ихъ. А Царевичъ Александръ между тѣмъ прибылъ, съ 500 Казахами, въ селеніе Магканы, на помощь братьямъ, но, не найдя уже ихъ, и распознавъ о всемъ, съ ними случившемся, послалъ къ Омаръ-Хану съ тѣмъ же отказомъ, чтобъ онъ войско до депети не собиралъ. Казахи же, видя, что Царевичи, преслѣдуемые войсками Россійскими, обращаются въ бѣгство, отложились отъ Царевича Александра и спокойно разѣхались въ свои кочевья, а Царевичъ съ 20-ю человѣками служителей, преслѣдовалъ за братьями своими въ Мухранъ.

Царевичъ Миріанъ, пріѣхавъ въ Душетъ, весьма удивился, что оный занятъ уже былъ отрядомъ войска Россійскаго. Пробывъ въ замкѣ Царевича Вахтанга три дня, выѣхалъ изъ онаго тайно въ Мухранъ же, къ своимъ братьямъ.

Хотя такимъ образомъ замыслы Царевичей и были разрушены, но, по поводу собранія войска Омаръ-Ханомъ на Алазани, надобно было въ Кизикѣ оставить довольно сильный detachmentъ. Въ сіе время получилъ Г.-М. Лазаревъ повелѣніе проектировать раздѣленіе Грузіи на провинціи. Царевичи Юлонъ, Вахтангъ, Миріанъ, Парнаозъ и Александръ, пробывъ нѣсколько времени въ Мухрани, послѣ неудачнаго похода ихъ въ Кахетію, рѣшились наконецъ разѣхаться. Вахтангъ и Миріанъ въ Душетъ, а Юлонъ и Александръ въ Белоту. На пути, сіи послѣдніе хотѣли разорить деревню Каралети, въ коей находились Князья Еристовы, но были встрѣчены оружіемъ жителей, какъ непріатели; по сему, потерявъ одного человѣка, не сдѣлавъ деревнѣ никакого вреда, пріѣхали спокойно въ Белоту, а оттуда написали къ Г.-М. Лазареву, что предметъ ихъ похода въ Кахетію былъ единственно тотъ, чтобъ съ нимъ, Г.-М. Лазаревымъ, видѣться въ селѣ Маркоби; но послѣ они были преслѣдуемы Россійскаго войска отрядами, купно съ Грузинскими, то и рѣшились удалиться въ Кизакъ, изъ опасенія

какихъ-либо съ ними неблаговидныхъ поступковъ отъ соединенныхъ тѣхъ отрядовъ.

Г.-М. Лазаревъ долженъ былъ имъ на сіе отвѣчать, что если бѣ имѣли они надобность съ нимъ видѣться и изъясниться, то стоило бы имъ токмо о томъ ему дать знать и назначить мѣсто, на которое онъ бы прибылъ, по ихъ приглашенію. Что свиданіе могло бы быть и безъ собранія вооруженной толпы въ такое еще время, когда Грузія ни съ которой стороны неприятелю угрожаема не была и пр.

Въ самое то время Царевичъ Иванъ доставилъ Г.-М. Лазареву одно Армянское письмо, въ коемъ было показано, что Царевичи отправили къ Баба-Хану посланца, который уже достигъ до Тавриса, съ просьбой о поданіи имъ помощи. Г.-М. Лазаревъ между тѣмъ получилъ письмо отъ Князей Карталинскихъ, коимъ они приглашали сего Генерала къ нимъ пріѣхать съ Царевичемъ Давыдомъ въ Гори, для принятія отъ нихъ подписокъ о ихъ желаніи быть въ подданствѣ Россійской Державы, объявляя при томъ, что они намѣрены были съ сими предметами сами пріѣхать въ Тифлисъ, но опасались, что въ отсутствіи ихъ Царевичи разорятъ ихъ имѣнія. Царица Дарія, провѣдавъ о намѣреніи Г.-М. Лазарева удовлетворить желаніе Князей Карталинскихъ, просила Г.-М. Гулякова его отъ поѣздки въ Гори отклонить. Г.-М. Лазаревъ счелъ за лучшее лично съ ней о томъ объясниться, и для того, пригласивъ съ собой Царевича Давыда, пошелъ онъ къ Ея Высочеству.

Она начала ихъ обоихъ увѣрять, что походъ Царевичей, ея сыновей, въ Кахетію ничего въ предметѣ другого не заключалъ, кромѣ свиданія ихъ съ Г.-М. Лазаревымъ, но что ихъ злодѣи о томъ растолковали въ худую сторону; что же касается до собраннаго ими вооруженія, то что она къ нимъ напишетъ, чтобъ они оно распустили; въ заключеніе же сего просила она Г.-М. Лазарева и Царевича Давыда не ѣздить въ Гори, по приглашенію Князей Карталинскихъ.

Г.-М. Лазаревъ Ея Высочеству отвѣчалъ, что онъ готовъ ея желаніе исполнить, если ей угодно будетъ, во взаимности того, съ своей стороны, удовлетворить его просьбу, состоящую въ томъ, чтобъ она изволила къ сыновьямъ своимъ написать слѣдующее:

1. Чибъ они въ Карталиннн селеній не разоряли, къ присягѣ своевольно никого бы не приводили, и безчннствъ, званіямъ и достоинству ихъ неприличныхъ, не дѣлали.

2. Чтобъ Царевичи, ея сыновья, безъ повелѣнія Наслѣдника, Царевича Давыда, вооруженія никакого не собирали.

3. Чтобъ Царевичъ Юлонъ не присвоивалъ себѣ титула Наслѣдника.

4. Чтобъ Царевичи прибыли въ Тифлисъ.

Ея Высочество весьма рѣшительно на предвоженіе сіе Г.-М. Лазареву отвѣчала: что 1-е, 2-е и 3-е, есть ложь, имъ выдуманная, а къ послѣднему ихъ никто принудить не можетъ; что она поѣдетъ къ Высочайшему Двору, для принесенія на него жалобъ; а наконецъ, оставя съ нимъ свой разговоръ, обратилась съ ругательствами къ Царевичу Давыду, который, на нее прогнѣваясь, началъ ей отвѣчать по Русски, чрезъ переводчика, что онъ, будучи Россійскимъ Генералъ-Лейтенантомъ и въ Грузіи Управляющимъ, долженъ пещись о сохраненіи благоденствія, народу дарованнаго Его Императорскимъ Величествомъ, и о истребленіи всего, общую тишину и спокойствіе нарушающаго.

Послѣ сего приведенъ былъ къ Г.-М. Лазареву пойманный дворянинъ, бывшій съ Царевичами во всѣхъ ихъ предпріятіяхъ, который въ допросѣ показалъ, что Царевичи пробирались въ Кахетію, съ намѣреніемъ привести тамошнихъ жителей къ присягѣ въ вѣрности къ Царевичу Юлону, подобно какъ то уже они сдѣлали въ Карталинѣ. Царевичъ Давыдъ, въ то же время получилъ изъ Гори отъ Царевича Таймураза письмо, коимъ сей его увѣдомлялъ, что его дядя, Царевичъ Александръ, чрезъ письмо просилъ Омаръ-Хана Аварскаго вспомоствовать ему войскомъ, для освобожденія его отечества отъ Россіянъ; а между тѣмъ разносились слухи о намѣреніи Царевичей Александра и Миріана ѣхать въ Россію.

Въ теченіи сихъ обстоятельствъ Царевичъ Вахтангъ, опасаясь Г.-М. Лазарева, что онъ будетъ о всѣхъ его дѣйствіяхъ рапортовать Инспектору, написалъ къ послѣднему жалобу, что будто Казаки, ѣздившіе отъ Г.-М. Лазарева въ Россію курьерами, дѣлаютъ разныя притѣсненія жителямъ Душетскимъ. Инспекторъ предписалъ Г.-М. Лазареву, по жалобамъ Царевича Вахтанга изслѣдовать; но Царевичъ ни на одного изъ проѣзжавшихъ курьеровъ ясныхъ доказательствъ представить не могъ, а, напротивъ, давно уже Его Свѣтлость изволилъ заниматься остановленіемъ въ Душетѣ курьеровъ, отобраніемъ и распечатываніемъ депешъ, у нихъ находящихся, въ каковомъ видѣ оныя однажды къ Г.-М.

Лазареву привезены были обратно; а въ другой разъ курьеръ принужденъ былъ изъ Душета ити болѣе 35 верстъ пѣшкомъ до мѣста, въ которомъ квартировала команда Казачья, по тому что Царевичъ запретилъ курьерамъ давать лошадей и за плату. По изслѣдованіи всего того, Г.-М. Лазаревъ донесъ въ подробности Инспектору; но его донесенія были сочтены нападками на Царевича Вахтанга.

Въ сіе время Хойской Ханъ, въ присланномъ къ Г.-М. Лазареву письмѣ, изъявилъ желаніе свое быть подъ покровительствомъ Высочайшаго Двора Россійскаго съ тѣмъ, что онъ не требуетъ ни жалованья, ни войска, для защиты своей, но единственно желаетъ имѣть счастье пользоваться титуломъ покровительствуемаго Россіей; о чемъ Г.-М. Лазаревъ сдѣлалъ представленіе Инспектору.

Въ то же самое время прибылъ въ Тифлисъ одинъ Лезгионецъ, бывшій всегда преданнымъ Царямъ Грузинскимъ, привезшій слѣдующее достовѣрное извѣстіе, что Аварскій Омаръ-Ханъ находится въ Белоканахъ и намѣревается весной паки сражаться съ войсками, въ Грузіи находящимися, но что, не надѣясь на собственную свою силу, просилъ подкрѣпленія у властвующаго въ Персіи Баба-Хана и у Ахалцихскаго Шерифъ-Паши. Что отъ обоихъ Омаръ-Ханъ получилъ удовлетворительныя увѣренія, а отъ Баба-Хана подарокъ, состоящій въ богатомъ ружьѣ.

Вскорѣ послѣ сего прибылъ въ Тифлисъ Армянскій Патріархъ Іосифъ, весьма много способствовавшій къ преклоненію народа своего къ повиновенію скиптру Всероссійскому. Царевичъ Юлонъ, Александръ и Парнаозъ, всевозможное испытавшіе къ нарушенію спокойствія народнаго и къ постановленію на Царство старшаго изъ своихъ братьевъ, но ни въ чемъ успѣховъ не имѣвшіе, вознамѣрились наконецъ удалиться въ Имеретію и отправили уже туда вьюки съ большей частію имущества своего.

Г.-М. Лазаревъ, получивши о томъ извѣстіе, и соображая сіе ихъ намѣреніе съ прежними ихъ поступками и свѣдѣніями, съ границы полученными, о намѣреніи Омаръ-Хана, заключилъ, что они выѣдутъ какое ни будь новое предпріятіе, достигнувъ въ Имеретію, набрать тамъ войско и съ помощію Ахалцихскаго Шерифъ-Паши и Омаръ-Хана, тѣмъ сильнѣе учинить нападеніе на Грузію, и воднамѣрился было имъ воспрепятствовать къ побѣгу въ Имеретію, расположивъ воинскіе отряды на границѣ, такъ чтобы

нимъ пресѣчь путь; но Патріархъ Іосифъ отсовѣтовавъ Г.-М. Лазареву произведеніе въ дѣйство предположеннаго имъ плана, обѣщаль обратитъ ихъ на истинный путь другимъ способомъ. Царевичи же между тѣмъ, не довольствуясь рѣшеніемъ, на ложную ихъ жалобу о курьерахъ, сдѣланнымъ, отправили къ Инспектору другую, наполненную также ложью, что будто войска Россійскія, въ преслѣдованіи ихъ въ Кахетіи, разграбили ихъ людей.

При сихъ обстоятельствахъ получилъ Г.-М. Лазаревъ отъ Инспектора письма ко всѣмъ Царевичамъ, заключавшія приглашеніе ихъ въ Россію, а къ Царевичу Александру приказано было Г.-М. Лазареву написать увѣренія о милосердіи Государя Императора, если онъ принесетъ раскаяніе въ прежнихъ своихъ поступкахъ, и что въ такомъ случаѣ онъ надѣяться можетъ не только на Всемилостивѣйшее прощеніе, но и на всякое отличіе и почести, его особѣ причествующія.

Царевичамъ, въ Тифлисѣ находящимся, Г.-М. Лазаревъ вручалъ письма сіи, каждому лично, а отсутствующимъ отправилъ съ нарочнымъ. Въ то же самое время Г.-М. Лазаревъ получилъ нарочнаго отъ Царевича Юлона съ письмомъ, со вложеніемъ въ ономъ такового же отъ Инспектора къ сему Царевичу, содержавшаго въ себѣ его совѣтъ, чтобъ о Царствѣ они не безпокоились, и что Царемъ никто избранъ не будетъ.

Курьеръ, отъ Г.-М. Лазарева къ Царевичамъ отправленный, ихъ уже не нашелъ въ Белотѣ; ибо они всѣ трое, кромѣ Царевича Миріана, съ семействами своими и со свитой, до 300 душъ обоего пола, удалились въ Имеретію.

Вскорѣ послѣ полученъ въ Тифлисѣ и Высочайшій Манифестъ о присоединеніи Грузіи къ Имперіи Россійской, который приличнымъ образомъ былъ повсюду обнародованъ. Народъ принялъ оный съ знаками благодарности и съ мольбами о здравіи Его Императорскаго Величества.

Послѣ побѣга Царевичей въ Имеретію, Князья и дворяне, съ ними въ единомысліи бывшіе, стали мало по малу на путь истинный возвращаться. Г.-М. Лазаревъ, получивши обратно письма отъ курьера, не нашедшаго Царевичей, отправилъ оныя къ нимъ въ Имеретію; а между тѣмъ прилагалъ стараніе выпроводить изъ Грузіи, вознамѣрившихся ѣхать въ Россію, Царевичей Миріана, Ивана, Баграта и Миханга.

Главнѣйшее же обстоятельство, начальство воинское на то время занимавшее, касалось до принятія мѣръ къ охраненію со всѣхъ сторонъ границъ Грузіи, безопасность коихъ, однако же, не совсѣмъ была сомнительна въ разсужденіи неспокойствъ, существовавшихъ въ сосѣдственныхъ съ оной областяхъ.

Со стороны Ахалциха очевидной опасности не было, хотя и ожидаемъ былъ туда Омаръ-Ханъ, для содѣйствія съ силами Шерифъ-Паши къ освобожденію Грузіи отъ Россіянъ; но Шерифъ-Паша самъ еще не былъ безопасенъ въ похищенномъ достоинствѣ.

Карской паша былъ въ опасеніи отъ гнѣва Баталь-Паши, за убіеніе во владѣніяхъ своихъ нѣкоего Муллы. Ханъ Бреванскій оказывалъ приверженность свою къ Россіи, какъ по тому, что сносилъ гоненія отъ Баба-Хана, такъ и по вліянію надъ нимъ Армянскаго Патріарха Іосифа, способствовавшаго къ убѣжденію Хана на искательство себѣ покровительства Высочайшаго Двора Россійскаго.

Хойскій, Шамахинскій, Нухинскій, Ганжинскій Ханы и Едисуйскій Султанъ, искавшіе покровительства Россіи, опасны для Грузіи быть не могли.

Оставались неблагонамѣренными къ Россіи: Шущинскій Ибрагимъ-Ханъ и Аварскій Омаръ-Ханъ, защищавшіе Царевича Александра; безъ сильной помощи Персіянъ, Лезгинъ и прочихъ сосѣдей, собственными силами своими не могли утратить малаго количества войска Россійскаго въ Грузіи.

Внутреннее же положеніе въ Грузіи было вреблагополучное. Народъ уже не опасался мести Багратіомовъ, будучи охраняемъ оружіемъ храбрыхъ Россіянъ, наслаждался спокойствіемъ и тишиною.

Одно тайное безпокойство питалось токмо въ умахъ, а именно: неизвѣстность будущаго ихъ существованія.

Царь Имеретинскій не весьма, однако же, былъ доволенъ посѣщеніемъ своихъ дялюшекъ со столь многочисленной свитой, долженствовавшей отяготить бѣдный его народъ; извѣстно при томъ было, что вспомоществованіе войсками Царь имѣть дѣлать не хотѣлъ, или не могъ.

Помянутый уже выше сего Князь Омаръ Амилахваровъ, общникъ Царевичей, будучи зятемъ Царевича Юлона, питалъ еще надежду, что сего Царевича можно будетъ возвестъ на Царство, но пребывалъ спокоенъ до объявленія Высочайшаго Манифеста

о при соединеніи Грузіи къ Имперіи Всероссійской, а послѣ того началъ было паки возмущать народъ, который, однако же, не могъ поколебаться; ибо надѣялся на защиту роты, въ Гори стоявшей. Царевичъ Давыдъ, проповѣдавшій о подвигахъ Князя Отара Амилахварова, сообщилъ о томъ Г.-М. Лазареву, который отрядилъ въ Гори Казачью команду для поимки его. Въ допросѣ, съ него взятомъ, сдѣлалъ онъ показанія о операціонномъ планѣ Царевичей въ ихъ походѣ въ Кахетію. Они писали къ Царевичу Александру, чтобъ онъ прибылъ къ нимъ на помощь съ вооруженными Казахскими Татарами и о томъ же просили Омаръ-Хана. Положено было у нихъ на мѣрѣ, что коль скоро Царевичъ Александръ къ нимъ бы прибылъ, то, оставивъ при себѣ сикурсъ, имъ приведенный, его самого отправить въ Шушу, для требованія и оттуда подкрѣпленія. По прибытіи сего послѣдняго располагались они, Юлонъ, Вахтангъ и Александръ, соединенными силами учинить нападеніе Тифлисъ, а Парнаозъ долженствовалъ съ Имеретинцами впасть въ Карталинію.

По окончаніи же удачномъ сего плана, то есть, по истребленіи Россіянь, располагались всѣ вмѣстѣ слѣдовать въ Мцхетъ, для коронованія Юлона; но когда они узнали, что ихъ преслѣдуютъ повсюду Россіяне, то, не дождавшись Царевича Александра, двое изъ нихъ отправились въ Карталинію, написавъ при томъ и къ Парнаозу, чтобъ онъ поспѣшалъ къ нимъ въ Мухранъ; что Царевичи, услышавъ, что Князья Еристовы вошли въ ихъ владѣнія, писали къ Горцамъ, чтобъ они имъ дали помощь, на что Горцы было и покусились, но, бывъ встрѣчены Князьями Еристовыми и потерявъ нѣсколько человекъ, ретировались; Царевичи же, находясь въ отчаяніи и видя себя лишенными имущества, предприняли побѣгъ въ Имеретію.

4-го Марта отправились изъ Тифлиса въ Россію Царевичи Иванъ, Багратъ и Михаилъ.

Вахтангъ и Миріанъ объявили Г.-М. Лазареву подобное же желаніе, съ требованіемъ денегъ на путешествіе, о чемъ Г.-М. Лазаревъ представилъ Инспектору и по его предписанію имъ выдалъ по 150 червонцевъ каждому. Царевичъ Миріанъ отправился въ путь, но Вахтангъ переѣмилъ мысль и, взявъ данные ему 150, остался въ своемъ Душетѣ.

Сіе время Ханъ-Ганжинскій счелъ удобнѣйшимъ къ завоеваніямъ, хотя и показывалъ онъ видъ искательства. Высочай-

шаго покровительства Россіи, однако же началъ дѣлать набѣги на Шамшадилы и перевозить къ себѣ цѣлыми ватагами Татаръ. Г.-М. Лазаревъ дѣлалъ о томъ неоднократно представленія Инспектору, но ни какой резолюціи не получалъ, самъ же ни дѣйствовать оружіемъ, ниже входить съ Ханомъ въ переписку, не имѣлъ, по тому что сдѣлано ему о томъ было отъ Инспектора сапрещеніе.

Въ теченіи сего времени скончался въ Тифлисѣ Армянскій Патріархъ Іосифъ. Сему честному мужу, отдають справедливость, что онъ, бывъ истинно привержень къ интересамъ Россіи, немало, въ краткое свое пребываніи въ Грузіи, способствовалъ къ приведенію на путь истинный заблуждавшихся. Князья Тархановы, до нынѣ усердствующіе Россіянамъ, поймали одного посланца отъ Царевича Александра, изъ Имеретіи къ Баба-Хану посыланнаго и оттуда уже возвращавшагося и, отобравъ у него до 20 писемъ изъ Персіи къ Царевичамъ, въ Имеретіи живущимъ, представили сего человѣка Г.-М. Лазареву. Содержаніе сихъ писемъ заключало отказъ Баба-Хана вспомоцествовать имъ на сей годъ оружіемъ и обѣщаніе желаніе ихъ исполнить на будущій 1802 годъ. Посланный же отъ Г.-М. Лазарева въ Имеретію къ Царевичамъ Грузинскій Князь Мачабеловъ съ письмами, содержащими приглашеніе ихъ въ Россію, возвратившись оттуда, привезъ Г.-М. Лазареву письмо отъ Царевича Юлона, коимъ сей ему отвѣтствуетъ, что походъ въ Кахетію онъ предпринималъ по просьбѣ Князей Кахетинскихъ, объявившихъ ему желаніе послѣдовать примѣру Карталинцевъ, учинивши присягу на избраніе Царемъ его, Юлона, и просить Государя Императора о утвержденіи наслѣдственнаго въ Царствѣ Грузинскомъ порядка, Царемъ Иракліемъ постановленнаго; что удаленіе его въ Имеретію было яко бы отъ страха, по тому что онъ повсюду былъ преслѣдуемъ отрядами Россійскаго войска, и что онъ всегда пребывалъ вѣрнымъ къ Его Императорскому Величеству.

Сіе (письмо) Царевича Юлона кажется весьма явно противорѣчить прежнимъ его Г.-М. Лазареву отвѣтамъ, наполненнымъ увѣреніями, что въ походѣ своемъ въ Кахетію онъ имѣлъ цѣлю свиданіе въ Маркоби съ Г.-М. Лазаревымъ.

Князь же Мачабеловъ, письмо отъ Царевича Юлона привезшій, объявилъ, что Царевичи, въ Имеретію бѣжавшіе, ни малѣйшаго намѣренія быть въ Россіи не имѣють, что подтверждалось

письмомъ отъ Царя Имеретинскаго къ Царевичу Давыду, снизъ же Княземъ Мачабеловымъ привезеннымъ, въ коемъ Царь его увѣрялъ, что онъ всѣ силы употреблялъ, чтобъ ихъ уговорить ѣхать въ Россію, но что они совѣтамъ его не внимають.

Князь Мачабеловъ сообщилъ еще извѣстія, имъ въ Имеретіи пріобрѣтенныя, что Царевичъ Александръ намѣревается ѣхать, но не извѣстно куда, къ Баба-Хану ли, или къ Омаръ-Хану, но что дожидается возвращенія челоуѣка, имъ посланнаго къ Баба-Хану (который уже содержался подъ арестомъ въ Тифлисъ, бывъ пойманъ Князьями Тархановыми). Царевичъ Давыдъ, носившій токмо званіе Правителя, отчаявшись, по обнародованіи Высочайшаго Манифеста о присоединеніи Грузіи къ Россіи, видѣтъ себя когда либо на Царствѣ, занялся новыми проектами: началъ преклонять лучшихъ Князей къ себѣ и ихъ уговаривать, чтобъ они обществомъ написали Государю Императору просьбу о утвержденіи Его на Царствѣ, вознамѣрившись тайно при томъ бѣжать въ горы, въ случаѣ томъ, когда бы его потребовали въ Россію. При всякомъ случаѣ отзывался съ неудовольствіемъ, что ничего того не выполнено, о чемъ просилъ покойный Царь, его родитель. Для достиженія же своей цѣли надъ слабыми разсудками соотечественниковъ своихъ, управляя Царствомъ, одарялъ онъ ихъ имѣніями, незаконно лишая тѣхъ, кто не хотѣлъ ему повиноваться и кто еще имѣлъ привязанность къ бѣжавшимъ въ Имеретію его дядямъ.

По силѣ же Высочайшаго Манифеста, Царевичъ Давыдъ лишился и титула Правителя, а управленіе Грузіи поручалось Г.-Л. Кноррингу, съ званіемъ Генералъ-Губернатора.

Жительствующіе въ Тифлисъ Армяне восхотѣли отъ себя отправить депутацію для принесенія благодареній Государю Императору, и просили на то дозволеніе у Г.-М. Лазарева, который о томъ Генералу-Губернатору хотя и представлялъ, но резолюціи не получилъ.

Въ Тифлисъ между тѣмъ начало открываться моровое повѣтріе, происшедшее отъ начавшихся многихъ строеній и отъ разрытія развалинъ сего города. въ коихъ, по разоренію онаго Ага-Магометомъ-Ханомъ, сохранялось множество труповъ. Г.-М. Лазаревъ, въ отвращеніе опасности отъ повѣтрія произойти могущей, счелъ за нужное запретить въ городѣ производить строенія до тѣхъ поръ, доколѣ жары будутъ менѣе, а при томъ и отне-

стись къ Католикосу Царевичу Антонію, дабы онъ приказалъ духовенству отдавать отчетъ еженедѣльный о числѣ умершихъ въ городѣ, съ означеніемъ отъ продолжительной ли болѣзни, или скоропостижно.

Войско Россійское въ Грузіи увеличилось въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ прибытіемъ 2-хъ баталіоновъ Кавказскаго гренадерскаго полка и одного Казачьяго полка, а въ то же время получено въ Тифлисъ извѣстіе о восшествіи на престолъ благополучно царствующаго Государя Императора Александра I-го.

Народъ во всей Грузіи пришелъ отъ сего извѣстія въ колебаніе, вообразивъ, что Царство сіе получить первобытное образование, но успокоился, однако же, коль скоро поминутые баталіоны и Казаки пришли.

Бѣжавшіе же въ Имеретію Царевичи вздумали было употребить и сей случай въ пользу, начавъ распространять слухи о повелѣніи Россійскимъ войскамъ, въ Грузію посланнымъ, чтобъ они возвращались въ Россію, и просили у Царя Имеретинскаго войска для впаденія въ отечество свое; но пришествіе воинскихъ командъ въ разныя части Грузіи успокоило народъ и устрашало внутреннихъ мятежниковъ и Царевичей въ Имеретіи. Въ теченіе сихъ обстоятельствъ внутри Грузіи, внѣшнее оной положеніе было такъ же смутно: въ Белоканахъ скончался Аварскій Омаръ-Ханъ; племянникъ его, подражающій ему храбростію, собравъ до 4000 Дагестанскихъ хищниковъ, располагался ити къ Ахалциху для вспоможенія Сабудъ-Пашѣ, изгнанному Шерифъ-Пашей. Царевичи, въ Грузіи оставшіеся и въ Имеретіи укрывшіеся, вздумали волновать Горскихъ народовъ, которые дѣлали хищничества. Г.-М. Лазаревъ и о семъ сдѣлалъ представленіе Генераль-Губернатору, но никакимъ повелѣніемъ на оное не удостоенъ.

Ханъ Ганжинскій, чиня набѣги на Шамшидилы, перегналъ въ свою область нѣсколько Татаръ. Генераль-Губернаторъ причиталъ потерю сего въ оплошность командующему войсками въ Грузіи, Г.-М. Лазареву, и по видимому запомывалъ, что сей послѣдній неоднократно ему по сему предмету дѣлалъ донесенія, не получая никакой резолюціи. Изгнанный изъ Ахалцихи Сабудъ-Паша въ сіе время прислалъ къ Г.-М. Лазареву, чрезъ чиновника, Селимъ-Ага, изъявляя свою просьбу, чтобъ онъ взялъ осторожныя мѣры, дабы Лезгинцевъ не пропускать чрезъ Грузію, что совершенно согласовалось съ намѣреніемъ нашего воинскаго въ Гру-

зіи Начальства; а въ то же время хищники сіи изъявили свое желаніе быть подъ Высочайшимъ покровительствомъ Россіи, о чемъ Г.-М. Лазаревъ сдѣлалъ представленіе Генераль-Губернатору.

Селимъ-Ага, чиновникъ Сабудъ-Паши, имѣлъ еще отъ него просьбу къ Главнокомандующему о поданіи ему вспомошествованій войскомъ, для истребленія бунтующаго Шерифъ-Паши въ Ахалцихѣ. Какъ въ началѣ Мая мѣсяца получено уже было въ Тифлисъ офиціальное извѣстіе о намѣреніи Главнокомандующаго прибыть въ Грузію, то Г.-М. Лазаревъ и оставилъ сего чиновника прибытія его ожидать въ Тифлисъ.

Г.-М. Лазаревъ разослалъ повсюду обвѣщенія о путешествіи Главнокомандующаго въ Грузію, съ приглашеніемъ Дворянства и духовенства прибыть въ столицу для встрѣчи Генераль-Губернатора, который въ Тифлисъ ввѣхалъ Мая 22-го, 1801 года. Главнокомандующій извѣстенъ уже былъ о дѣяніяхъ Царевича Давыда, но, по прибытіи его въ Тифлисъ, нѣкоторые изъ Князей, по видимому, хотя ему подслужиться, донесли ему о томъ подтвердительно. Главнокомандующій, по видимому, хотѣлъ испытать симъ случаемъ вѣроломство и трусость умовъ Грузинскихъ. Выслушавъ ихъ, спросилъ, будутъ ли они въ состояніи сказать то же самое лицу, о которомъ доносятъ? Единоголасное «Діахъ-Каръ,» хотя бы и могло Главнокомандующаго заставить имѣть вѣру къ ихъ показаніямъ, однако же онъ поручилъ Г.-М. Лазареву ити съ ними къ Царевичу, чтобъ быть того свидѣтелемъ. Въ слѣдующее утро, когда Г.-М. Лазаревъ собирался съ ними ити, то они стали отказываться отъ даннаго ими слова, говоря, что, по ихъ обыкновенію, подобныхъ истинъ бывшему ихъ Властителю говорить некстати.

Главнокомандующій, подѣзжая къ столицѣ, былъ встрѣченъ всѣми степенями Грузинъ и Армянъ, исключая Агаларовъ Татаръ Бамбацкихъ; въ то время еще, когда Г.-М. Лазаревъ разсылалъ циркуляры о пріѣздѣ Главнокомандующаго, съ приглашеніемъ всѣхъ званій для его встрѣчи, то намѣстникъ Моурава ихъ, Князь Арсланъ Орбеліановъ, Г.-М. Лазареву далъ на замѣчаніе о своемъ сомнѣніи, чтобъ Бамбацкіе Агалары тому повиновались, говоря, что они подучаемы Ханомъ Ереванскимъ на переселеніе въ его области. Г.-М. Лазаревъ, будучи извѣстенъ однако же, что Агалары Бамбацкіе сего Князя Орбеліанова не терпятъ и Моуравомъ у себя имѣть не желаютъ, полагалъ, что Князь

сей желалъ доносить своимъ на нихъ имъ отомстить. Въ бытность же Главнокомандующаго въ Тифлисъ Князь Арсланъ повторилъ Г.-М. Лазареву свое донесеніе о неповиновеніи Агазаровъ, съ присовокупленіемъ, что войска Хана Ереванскаго приближаются къ области Бамбацкой. Главнокомандующій, получивъ о томъ донесеніе Г.-М. Лазарева, приказалъ ему написать къ Хану Ереванскому и его спросить о предметѣ движеній войска его къ границамъ Грузіи.

За симъ же изгнанный изъ Ахалциха Сабудъ-Паша просилъ чрезъ письмо Главнокомандующаго, чтобъ удержалъ Хана Ереванскаго и Татаръ, въ Грузіи обитающихъ, отъ намѣренія вспомоществовать похитителю его достоинства, Шерифъ-Пашѣ.

Пребываніе Главнокомандующаго въ Грузіи было весьма кратковременно, по той причинѣ, что онъ поспѣшалъ въ С.-Петербургъ по повелѣнію, на то имъ полученному.

Къ обозрѣнію сей области, къ Имперіи присоединенной, онъ времени ни сколько не имѣлъ, проживъ все то время въ Тифлисъ. Поелику же безпрестанно до него доходили ропоты на правленіе Царя Давыда, то Главнокомандующій рѣшился Царевичу отъ управленія отказать и постановить временное Правительство, состоящее изъ 4-хъ Князей Грузинскихъ, надъ коими предсѣдательство имѣлъ Г.-М. Лазаревъ.

Къ преподанію же правилъ, по коимъ поступать долженствовало временное сіе Правительство, принято за основаніе Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе, чтобъ все оставалось впредь до учрежденія въ Царѣ Грузинскомъ образа Правленія въ томъ положеніи, какъ было при послѣднемъ часѣ до кончины Царя Георгія.

Постановивъ сіе Правленіе данными инструкціями Г.-М. Лазареву, Главнокомандующій отправился изъ Тифлиса въ Россію.

До прибытія еще Главнокомандующаго въ Грузію вдовствующая Царица Имеретинская, Анна (коей супругъ, Царь Давыдъ лишился Имеретинскаго Царства происками Царицы Даріи, супруги покойнаго Царя Грузинскаго, Ираклія, восхотѣвшей воззвѣсть на оное своего внука, нынѣшняго Царя Саломона, и коей сынъ, Царевичъ Константинъ, содержится въ крѣпости Мухури), писала Г.-М. Лазареву и просила вспоможенія для предохраненія ея отъ поданныхъ Царя Имеретинскаго, покусившихся, по его повелѣнію, на ея жизнь и на лишеніе ея

деревень Хепишь-Хсобской области, жалованной ей пок ойнымъ Царемъ Иракліемъ, на границѣ Имеретинской лежащей.

Нѣкто Князь Пипей-Швили Абашидзе, подданный Царя Имеретинскаго, живущій въ деревняхъ своихъ въ Имеретіи, смежныхъ съ Хепишь-Хсобью, по повелѣнію Царя, не токмо дѣлалъ набѣги на сію область, присвоая оную себѣ, но и неоднократно покушался Царицу убить.

Г.-М. Лазаревъ дѣлалъ о томъ представленія Главнокомандующему, но оставался безъ резолюціи. Въ бытность же его въ Тифлисъ докладывалъ ему о томъ же повторительно, но Главнокомандующій молчалъ. Г.-М. Лазаревъ считалъ, однако же, долгомъ своимъ дать предписаніе стоящему въ Сурамѣ Кавказскаго грендерскаго полка съ ротой Капитану Бартенеу, чтобъ онъ наблюдалъ осторожность и дѣлалъ бы преграду на бѣгамъ Имеретинскаго Князя Абашидзе на область Хепишь-Хсобскую, въ границѣ Грузіи лежащую. Вскорѣ по отбѣгѣи Главнокомандующаго изъ Тифлиса въ Россію, дошли до Г.-М. Лазарева письмо отъ Царицы Анны и рапортъ Капитана Бартенева.

Первая писала, что она, бывъ въ домѣ своемъ атакована Княземъ Абашидзе и, потерявъ въ оборотѣ 2-хъ человекъ убитыми а 3-хъ ранеными, спаслась въ лѣсъ, съ 2-мя служительницами и съ Священникомъ, гдѣ, отдохнувъ, прибѣгла въ Сурамъ подъ защиту войскъ Россійскихъ и вскорѣ намѣрена быть въ Тифлисъ.

Капитанъ же рапортовалъ, что посланная отъ него патрульная команда изъ 24-хъ человекъ грендеръ при Офицерѣ, по дорогамъ, коими прокрадываются хищническія партіи Лезгинъ, нашла въ лѣсу на Царицу Анну, съ нѣсколькими, ее сопровождающими, въ жалостнѣйшемъ положеніи, спасавшуюся изъ дома своего, и что Ея Высочество съ нѣсколькими грендерами препровождена, по желанію ея, въ Сурамъ.

Вскорѣ же по отбѣгѣи Главнокомандующаго изъ Тифлиса получалъ Г.-М. Лазаревъ письмо съ чиновникомъ отъ Сабудъ-Паша, коимъ сей Паша извѣщалъ о своемъ прибытіи къ границамъ Грузіи, для свиданія съ Г.-М. Лазаревымъ, въ которомъ заключаться будутъ предметы важнѣйшіе, до интересовъ Государства относящіеся. Г.-М. Лазаревъ отправилъ сего чиновника обратно къ Пашѣ, написавъ къ нему, что онъ весьма удивленъ внезапнымъ прибытіемъ его въ границы Грузіи, не бывъ предварительно о томъ извѣщенъ; что хотя безъ соизволенія Главнокомандующаго

свиданіе съ нимъ имѣть онъ и не можетъ, но, будучи къ тому убѣжденъ важностью предметовъ, до интересовъ Государственныхъ относящихся, назначаетъ онъ для свиданія съ Пашей безъ отлагательности урочище Саганлу, въ 15 верстахъ отъ Тифлиса лежащее. Въ назначенный день съѣхался Г.-М. Лазаревъ въ поманутый урочищѣ съ Сабудъ-Пашей, коего сообщенія состояли въ увѣреніяхъ его преданности къ Россіи, въ помазаніи Г.-М. Лазареву фирмана Султанскаго, коимъ ему предписывалось собрать войско для изгнанія бунтующаго Шерифъ-Паши въ Ахалцихъ и его свергнувшаго, и чтобъ онъ, по истребленіи сего бунтовщика, прислалъ къ Султану его голову; что онъ, будучи не въ силахъ, съ малымъ числомъ преданныхъ ему Магометанъ, того исполнить, проситъ Г.-М. Лазарева, чтобъ онъ, до полученія отъ Главнокомандующаго повелѣнія о вспоможеніи войскомъ Россійскимъ, дозволилъ Грузинскимъ войскамъ съ нимъ соединиться для изгнанія изъ Ахалциха Шерифъ-Паши. Отвѣтъ Г.-М. Лазарева состоитъ въ томъ, что онъ, Паша, долженъ быть извѣстенъ отъ чиновника своего, Селимъ-Ага, объ отвѣтѣ Главнокомандующаго о невозможности ему вспоможеніемъ войсками Россійскими; что Грузинскихъ онъ, Г.-М. Лазаревъ, на то употребитъ равнымъ образомъ не имѣетъ власти безъ позволенія Главнокомандующаго, по что о всемъ не оставитъ ему донести, а его, Пашу, проситъ, оставя Грузію, ѣхать къ пріятелю своему, Карскому Пашѣ, ожидать его, Г. Лазарева, отвѣта, каковой въ состояніи онъ будетъ ему дать по полученіи отъ Главнокомандующаго разрѣшенія.

На другой день послѣ сего свиданія получилъ Г.-М. Лазаревъ извѣстіе о присланномъ отъ Хана Ереванскаго Есаулъ въ область Бамбацкую для требованія подати; что Агалары сихъ Татаръ, вмѣсто собранія податей, отправились сами къ Хану, для поднесенія подарковъ, и что нѣкоторые изъ нихъ, по повелѣнію Хана, посажены въ крѣпость.

Г.-М. Лазаревъ собирался уже объѣзжать границы Грузіи, а по тому оставилъ отношенія свои по сему предмету съ Ханомъ Ереванскимъ до тѣхъ поръ, когда самъ будетъ въ Бомбакахъ.

Въ то же время Царь Давыдъ сообщилъ Г.-М. Лазареву полученное имъ отъ родственника своего, владѣтельнаго Князя Дадіана, письмо съ просьбой о Высочайшемъ Его Императорскаго Величества покровительствѣ и защитѣ отъ нападенія на его владѣнія Царя Имеретинскаго. Г.-М. Лазаревъ, будучи обремененъ въ

въ Тифлисъ дѣлами всякаго рода, долженъ былъ на нѣсколько дней отложить путешествіе свое для обозрѣнія границъ; а изъ Бамбакъ безпрестанно доходили до него, свѣдѣнія о насильствахъ, Татарамъ дѣлаемыхъ Ханомъ Ереванскимъ, то и счелъ онъ за лучшее отправить къ нимъ Князя Арслана Орбеліанова, намѣстника Моуравскаго, для успокоенія ихъ и для увѣренія, чтобы они полагались на защиту Россіяны, Князь Орбеліановъ, по видимому, устращася того, что они его не терпятъ, приказанію Г.-М. Лазарева не повиновался, отвѣчавъ, что онъ безъ оружія ни въ чемъ не уснѣетъ.

Царевичъ Давыдъ, питая въ душѣ огорченіе на то, что онъ ни когда уже участія въ правленіи Грузіи не имѣетъ, началъ выдумывать себѣ упражненія. Занимала его иногда переписка съ Царемъ Иваномъ. Но, по видимому, Царевичъ Давыдъ опасался, чтобы его письма какимъ ни будь образомъ не терялись въ Моздокъ, то, для обезпеченія корреспонденціи своей, отправилъ онъ на жительство въ Моздокъ Грузинскаго Князя, Беглара Орбеліанова, котораго снабдилъ цифернымъ ключомъ.

Уже подъ рукой было извѣстно Г.-М. Лазареву о секретной сей перепискѣ, но надобно было что ни будь изловить, что и дѣйствительно удалось. Перехвачено было письмо, содержавшее въ себѣ слѣдующее цифирями:

«Четыре плута и одинъ дуракъ правятъ всею здѣшной землей; сей дуракъ, поймавъ 2-хъ Лезгинскихъ мальчиковъ изъ Чаръ, прогналъ ихъ сквозь строй; за то Лезгинцы поймали одного солдата, отрубили ему обѣ руки, отрѣзали носъ и такъ отпустили. Сіе Лазаревъ скрываетъ. Сверхъ же сего Русскіе обижаютъ, на базарѣ воруютъ, Князей бьютъ. Князья валяются по улицамъ. Учреждены какіе-то билеты: у кого билета нѣтъ, того къ себѣ не пускаютъ. Ивану напиши, что если будетъ у нихъ такъ до Сентября, и послѣ остановится Губернія, дѣла испортятся навсегда непремѣнно. Напиши чтобы смѣнили отъ насъ собачьяго сына.»

Г Р У З І Я.

1802 годъ.

Годъ сей начался разглашеніемъ повсемѣстно, по тайному повелѣнію Главнокомандующаго, что войска Россійскія знатнымъ числомъ умножатся; предметъ разглашенія сего былъ тотъ, чтобъ оное достигло до Баба-Хана и устрашило Дагестанцевъ. Стоящій съ деташементомъ Кавказскаго гренадерскаго полка Подполковникъ Симоновичъ въ Горы сообщилъ извѣстіе, что его переводчикъ, былъ посланъ къ Шерифъ-Пашѣ, и по возвращеніи своемъ отъ него донесъ, что онъ, находясь тамъ, слышалъ, что Царевичъ Александръ присылалъ къ Пашѣ двухъ Грузинскихъ канонеровъ для исправленія Пашинской артиллеріи; что у Паши собрано тысячъ 12 войска Турецкаго и Лезгинскаго, что Паша посылалъ къ Царевичу Александру 10 тысячъ денегъ на поимку Сабудъ-Паши; что Паша съ Царевичемъ Александромъ, а сей съ Ханомъ Ереванскимъ состоятъ въ непрерывной перепискѣ; что Ханъ Ереванскій, за сдѣланную обиду Грузинскимъ Княземъ Салономъ Меликовымъ одному Шурагельскому Татарину, арестовалъ всѣхъ Грузинъ, для торгу въ Ереванѣ бывшихъ, и требовалъ съ ихъ каравана 1200 р. Г.-М. Лазаревъ, получивъ о томъ свѣдѣніе, требовалъ отъ Хана освобожденія арестованныхъ, въ чемъ Ханъ и не противился. Осетинцы, живущіе по рѣкамъ Псы и Мяхвѣ, подданные Князей Грузинскихъ, вознамѣрились не повиноваться законной власти, бывъ къ тому подстрекаемы Грузинскими Царевичами, въ Имеретію удалившимися. Вскорѣ народъ сей, однако же усмиренъ былъ силою оружія.

Но вскорѣ послѣ сего усмиренія открылась тайная переписка Царицы Даріи и Царевичей, ея дѣтей и внуковъ, съ сыновьями ея, въ Имеретіи укрывающимися. Корреспонденція сія имѣла въ предметъ твердое намѣреніе удержать достоинство Царское въ фамиліи Багратіоновъ, а Царемъ избрать того изъ Царевичей, коего достойнымъ въ санъ сей признаетъ Царица Дарія. Къ содѣйствію въ семъ намѣреніи приглашалось все Дворянство, которое, однако же, въ сіе время, чувствуя свое благополучіе въ новомъ образѣ правленія власти Россійской, осталось не поколебимо, исключая нѣкоторыхъ изъ Князей, которыхъ цѣль клонилась

болѣе къ грабежу въ смутное время, нежели къ ревностному содѣйствію замысламъ Багратіоновъ. Окрестные владѣльцы всѣ оказывали свою готовность Багратіонамъ вспомошествовать, исключая одного Карскаго Паши, который всегда являлъ виды сосѣда благонамѣреннаго къ Россіи.

Осетины, въ горахъ живущіе, по дорогѣ изъ Россіи въ Грузію, были подкуплены Багратіонами, съ тѣмъ, чтобы они препятствовали проходу войскъ изъ Россіи въ Грузію. Они имѣли намѣреніе просить Главнокомандующаго, чтобъ одного изъ Царевичей, въ Тифлисѣ находящихся, сдѣлать участникомъ въ управленіи Грузіей, дабы тѣмъ удобнѣе, мало по малу, производить въ дѣйство замыслы свои.

Царевичъ Вахангъ, живучи въ Тифлисѣ, привлекалъ народъ къ участию въ замыслахъ Царицы Даріи, и по успѣхамъ, которые начали уже оглашаться, Царевичъ сей обратилъ на себя вниманіе и побудилъ командующаго Г.-М. Лазарева приниматься за осторожность, для предваренія опасныхъ слѣдствій. Подполковникъ Симоновичъ, при рапортѣ своемъ, представилъ Грузинское письмо, къ нѣкому Князю Георгію Амилахварову. писанное, коего содержаніе было: что Имеретинскій Князь Палавандовъ проѣхалъ къ Царевичамъ въ Имеретію съ письмами изъ Тифлиса, коими подавалось имъ извѣстіе о повелѣніи Россійскимъ войскамъ посланномъ, слѣдовать изъ Грузіи, въ Россію; что Главнокомандующій и Правитель потребованы также обратно въ С.-Петербургъ, и что Россійскаго въ Грузіи правленія уже не будетъ. Слухи таковыя разглашались уже во всей Грузіи и народъ легко могъ что либо предпринять неблаговидное. Царевичъ Александръ, по полученіи изъ Тифлиса сихъ писемъ, отправилъ къ всѣмъ окрестнымъ владѣльцамъ письма о подкрѣпленіи ихъ намѣреній, а къ Баба-Хану посланца. Г.-М. Лазаревъ прилагалъ стараніе перехватить переписку Тифлиса съ Царевичами въ Имеретіи и съ сосѣдственными, но не было въ томъ возможности; ибо Грузинцы, которые бы то и выполнили, не имѣли смѣлости, отъ неизвѣстности, къ которой партіи переклониться, и отъ страха, чтобъ впредь не понести на себѣ какого либо ищенія.

Мелкъ Дирчи Бебутовъ, исправлявшій при Царѣ и во временномъ Правленіи должность Полцмейстера, доставилъ, однако же, къ Г.-М. Лазареву одно передваченное письмо, въ коемъ упоминалось о приготовленіи войскъ Персидскихъ учинить впаденіе

въ Грузію. По поводу извѣстій, дошедшихъ до Г.-М. Лазарева о моровомъ повѣтріи, въ Имеретіи открывшемся, учредилъ онъ на границѣ Имеретинской карантинъ. Царевичъ Имеретинскій весьма на то вознегодовалъ, видѣвши, что карантинъ преграждаетъ ему способность сноситься съ Тифлисомъ, и чрезъ письмо просилъ Г.-М. Лазарева ѣдущихъ изъ Имеретіи въ Грузію на карантинахъ не удерживать и не осматривать, а Лазаревъ Его Высочеству весьма учтиво отвѣтствовалъ, что того сдѣлать самъ собою не можетъ безъ нарушенія законовъ, а между тѣмъ чрезъ лазутчиковъ получилъ свѣдѣнія Г.-М. Лазаревъ, что въ Кутанѣ были разговоры о способахъ, какими бы можно было вытѣснить Россіянъ изъ Грузіи, и положено, что не иначе, какъ впусченіемъ мороваго повѣтрія. Послѣ сего пойманъ былъ на границѣ одягъ чиновникъ Царевича Александра съ письмами къ разнымъ особамъ, и въ томъ числѣ было письмо къ Царевичу Давыду, который, однако же, никогда дереписки съ Царевичемъ Александромъ не имѣлъ.

Чиновнику сему было поручено отъ Царевича Александра объявить Царицѣ Даріи, чтобъ она не вдавалась въ обманъ Россіянамъ; Царевичу Давыду, чтобъ онъ не унывалъ и въ Грузіи старался работать. Сей же чиновникъ объявилъ, что Царевичъ Александръ часто пишетъ къ Шерифъ-Пашѣ Ахалцихскому который его уже извѣстилъ о готовности для него въ Персіи войска, и что Царевичъ Александръ намѣревается ѣхать въ Ереванъ; что Царевичи, въ Имеретіи живущіе, получаютъ отъ племянника ихъ, Царевича Давыда, весьма почтительныя письма, коими онъ ихъ увѣряетъ о преданности содѣйствовать въ ихъ намѣреніяхъ, а въ послѣднихъ Царевичъ Давыдъ требуетъ у нихъ наставленія, какъ ему при обстоятельствахъ, въ отечествѣ ихъ существующихъ, поступать.

Посланный отъ Г.-М. Лазарева къ Царевичу Имеретинскому съ письмомъ о невозможности уничтожить карантинъ, возвратясь изъ Кутанса, извѣстія о перепискѣ сей подтвердилъ и добавилъ еще слѣдующимъ: что Шерифъ-Паши требуетъ у Царя Имеретинскаго головы Сабудъ-Паши, прибѣгнувшаго, по потерянїи достоинства своего, и по изгнанїи изъ Ахалциха Шерифъ-Пашей подъ защиту къ Его Высочеству и другой чиновника Сабудъ-Паши, Салимъ-Аги, Химшія-Швили, обѣщая Царю за первую 60, а за вторую 40, тысячъ денегъ; что Царевичъ Имеретинскій имѣетъ весьма злыя намѣренія противъ войска Россійскаго въ Грузіи, вспо-

моществуя, по возможности, Царевичу Юлону, Парнаозу и Александру, но что Имеретинскій Салтхуцесь Князь Зурабъ Церетель, любящій Россіянь, часто Царя удерживаетъ и изъ заблужденія выводитъ. Въ исходѣ Генваря мѣсяца прибылъ въ Грузію чиновникъ Сабудъ-Паши, Селимъ-Ага, Химпія-Швили, и донесъ Г.-М. Лазареву, что Сабудъ-Паша находится въ Имеретіи подъ присмотромъ въ крѣпости Кваре, и что проситъ Г.-М. Лазарева его оттуда освободить; что Сабудъ-Паша намѣревается ѣхать чрезъ Тифлисъ въ Карсъ, а оттуда въ Константинополь, для донесенія Портѣ о поступкѣ Шерифъ-Паши.

Г.-М. Лазаревъ могъ ему токмо отвѣчать, что донесетъ о томъ Главнокомандующему и будетъ ожидать повелѣній. Потомъ, получивъ извѣстія отъ Г.-М. Гулякова изъ Кахетіи, что посланный отъ Царевича Александра чиновникъ къ владѣльцамъ Азіятскимъ, доѣхавъ до границы, сдалъ тамъ письма Князю Бебурову, для рассылки ихъ по назначенію. Г.-М. Лазаревъ, почитая всегда Князя Бебурова усерднѣйшимъ, однако же послалъ за нимъ, но онъ, пріѣхавъ, подъ присягой отъ того отперся.

Капитанъ Сизаревъ, посланный отъ Г.-М. Лазарева къ Царевичу Имеретинскому, по возвращеніи своемъ изъ Кутаиса, привезъ слѣдующія извѣстія: что въ Кутаисѣ носится слухъ о движеніи 20,000 Турецкаго корпуса къ Ахалциху, что, однако же, въ послѣдствіи оказалось ложнымъ. Ханъ Ереванскій увѣдомилъ Г.-М. Лазарева, что отъ Царевича Александра проѣхалъ къ Баба-Хану человекъ съ письмами и съ общими подписями Царицы Даріи, Царевичей Вахтанга, Юлона, Парнаоза, Александра и Давыда, коими они просили его покровительства и вспоможенія войсками. Въ то же самое время пріѣхалъ въ Тифлисъ изъ Имеретіи Священникъ Царевича Юлона, подъ видомъ свиданія съ родственниками, но, вмѣсто того, онъ имѣлъ секретныя препорученія отъ Царевичей къ участвующимъ изъ дворянъ Грузинскихъ въ ихъ предпріятіяхъ; а чтобы лучше маскировать предметъ прибытія сего Попа въ Тифлисъ, Царевичъ Юлонъ снабдилъ его письмомъ къ Г.-М. Лазареву, комъ его увѣдомлялъ о намѣреніи Царевича Александра ѣхать въ Персію, отъ котораго онъ его хотя и старался отклонять, но что яко бы его совѣтамъ Царевича Александръ не послѣдуетъ, то что онъ счелъ долгомъ Г.-М. Лазарева о томъ извѣститъ, дабы тѣмъ доказать, что онъ усердствуетъ Государю Императору.

Лазутчикъ, посыланый въ Ганжу, привезъ оттуда извѣстіе,

что изъ Карабаха къ Ганжинскому Хану прибылъ челоѣкъ отъ Нухинскаго Хана съ письмами, коими Ганжинскому Хану доставлялись свѣдѣнія о прибывшемъ къ Баба-Хану посланецъ отъ Царевича Александра съ письмами того точно содержанія, какъ увѣдомлялъ Г.-М. Лазарева Ханъ Ереванскій; что Баба-Ханъ, согласно съ ихъ желаніемъ, приказалъ изготovitъ до 50 тыс. войска, изъ коихъ 40 тыс. имѣли назначеніе въ Грузію, а 10 тыс. на Ереванскую область, въ разсужденіи того, что Баба-Ханъ полагалъ малую вѣру въ Ханъ Ереванскомъ. Операционный же планъ движенія сей арміи былъ тотъ, что, по занятіи Еревана, учинить впаденіе въ Бамбаки (граница Грузіи между Еревана и Карса), а по покореніи Татаръ, на семь пространствъ обитающихъ; отправить посланца къ Начальнику войскъ Россійскихъ съ требованіемъ выступленія съ оными изъ Грузіи; въ случаѣ же невыполненія имъ сего требованія, вести наступательную войну.

За симъ прибылъ посланный для развѣдыванія въ Тегеранъ, который донесъ, что вооруженіе Баба-Хана имѣетъ въ предметъ Хорасанскаго Хана.

Изъ Ахалциха доходили подтвердительные слухи о маршѣ 20 тыс. Турецкаго корпуса, съ прибавленіемъ извѣстій о безпокойствѣ Шерифъ-Паши, о собирающемся у него войскѣ и о укрѣпленіяхъ Ахалцихской крѣпости. Въ Тифлисѣ между тѣмъ разнесся слухъ, что Султанъ Турецкій пожаловалъ Царевичу Александру 250 тысячъ пенсій изъ Арарумскихъ таможенныхъ доходовъ. Самухскіе Агалары, въ присланномъ Г.-М. Лазареву прошеніи, съ изъявленіемъ желанія быть подъ покровительствомъ Державы Россійской, просили защиты отъ притѣсненій, Ганжинскимъ Ханомъ имъ дѣлаемыхъ; о чемъ Г.-М. Лазаревъ сдѣлалъ представленіе Главнокомандующему. Ханъ Ереванскій, удостовѣрившись о присоединеніи Грузіи къ Имперіи Россійской, хотѣлъ оказать свое въ томъ удовольствіе и желаніе быть во всегдашнихъ съ симъ краемъ сношеніяхъ, сбавилъ нѣкоторую часть пошлины, въ его область взимаемой съ купцовъ Грузинскихъ, пріѣзжающихъ въ Ереванъ для покупки товаровъ, а потомъ прислалъ къ Г.-М. Лазареву чиновника съ увѣреніемъ, что онъ въ непрѣмномъ пребываетъ расположеніи быть достойнымъ покровительства Высочайшаго Двора Россійскаго, и съ просьбою о взаимной къ нему присылкѣ чиновника, въ присутствіи коего онъ желаетъ учинить въ вѣрности къ Его Императорскому Величеству присягу, и съ обѣщаніемъ чинить Персіянамъ сильное отраженіе,

буде бы они вознамѣрились напасть на его владѣнія, или на границы Грузіи. Къ чему Ханъ уже и принималъ мѣры запасеніемъ всего, что могло поставить въ возможность Ереванскую крѣпость къ выдержанію долговременной осады.

Крѣпость Ереванская, сколько извѣстно, по положенію своему, Азіятскимъ войскамъ во всякое время противустоять можетъ, имѣя порядочное внутреннее вооруженіе.

Лазутчикъ, посланный на границу Турецкую, къ сторонѣ Ахалциха и въ Имеретію, привезъ извѣстіе, подтвердившее приближеніе 20 тыс. Турецкаго корпуса къ Ахалциху; также, что, по просьбѣ Шерифъ-Паши, прибѣгнувшій подъ защиту Царя Имеретинскаго, Сабудъ-Паша, по повелѣнію Парскому, лишенъ жизни съ 6-ю своими чиновниками; что всѣ ихъ готовы отправлены отъ Царя, съ чиновникомъ Царевича Александра Тавберомъ, къ Шерифъ-Пашѣ, за что сей Паша прислалъ къ Царю, въ знакъ признательности, 10 кисъ, а Царевичу Александру 5 кисъ, Царицѣ, супругѣ Царской, образъ, осыпанный драгоцѣнными камнями, и разные подарки нѣсколькимъ изъ Князей Имеретинскихъ.

Въ сіе время получены были извѣстія изъ Имеретіи, что Царь весьма недоволенъ посланникомъ своимъ, Княземъ Джипаридзе, безуспѣшно съ Линіи возвратившимся.

Что Царь весьма былъ озабоченъ походомъ Россійскаго detachmenta для усмиренія, полагая, что движеніе сіе токмо отводъ, а что главной цѣлю своей detachmentъ сей имѣеть Имеретію, для наблюденія чего Царь поставилъ по всей границѣ своей кордонъ.

Въ сіе время Царевичу Давыду вздумалось разстаться на короткое время съ своей политикой. Его Свѣтлость, по видимому, соскучился отъ бездѣйствія, и для того выдумалъ новое, не сказавши никому, и не спрося дозволенія у Временнаго Правительствя, послалъ въ Сурамъ Есауловъ, кои, по древнему обычаю сего народа, начали забирать у жителей все, что можно было съ помощью Сурамскаго Моурава, Князя Абашидзева. Г.-М. Лазаревъ, для усмиренія ихъ наглостей, нашелся принужденнымъ, приказавъ арестовать, къ себѣ доставить. Но Князь Евгений Абашидзевъ, не воздержавъ отъ наглостей, собралъ толпу народа и съ оной приступилъ къ крѣпости Сурамской. Капитанъ, съ detachmentомъ въ оной стоящій, послалъ къ нему Казаковъ съ повѣстомъ распустить народную толпу, но Абашидзе, пославъ Капи-

тану грубый отвѣтъ, продолжалъ осаждать крѣпость, доколѣ не увидѣлъ на встрѣчу къ себѣ вѣдущую пушку.

Въ то же время Шамшадильскіе Агалары присылали отъ себя Г.-М. Лазареву вѣстника съ донесеніемъ, что сынъ Джаванъ-Хана Ганжинскаго отвлекъ къ себѣ нѣсколькихъ изъ ихъ семей.

Посланный къ сторонѣ Ахалциха для развѣдываній, возвратившись, привезъ извѣстія, что отъ Баба-Хана прибылъ въ Имеретію къ Царевичамъ Грузинскимъ посланецъ, коему было поручено оказать Шерифъ-Пашѣ и Дагестанцамъ въ Ахалцихѣ, чтобъ они Царевичамъ вспомошествовали; что Шерифъ-Паша отвѣчалъ, что онъ явно вспоможенія оказывать не можетъ, но тайно всѣми мѣрами содѣйствовать имъ готовъ; что Царевичъ Александръ рѣшительно уже вознамѣрился путешествовать въ Персію; что Царь Имеретинскій возымѣлъ было намѣреніе лишить жизни, заключеннаго въ крѣпости Мухури, Царевича Константина; сіе послѣднее, однако же, не произведено въ дѣйствіе.

Внутреннія обстоятельства Грузіи до сего времени вообще не были подвержены никакому волненію, исключая тайныхъ намѣреній искателей Царства.

ПРИВѢТІЕ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО ВЪ ТИФЛИСѢ. ОТЕРЫТІЕ ПРАВЛЕНІЯ.

Апрѣля 9-го прибыли въ Грузію Главномандующій, Правитель и прочіе чиновники, для размѣщенія по штату внутренняго въ Грузіи управленія.

Главномандующій имѣлъ съ собою крестъ Святой Нины. Сколько по званію своему, столько и по тому, что онъ имѣлъ при себѣ сей священный крестъ, былъ встрѣченъ народомъ Грузинскимъ и Армянами съ отличными почестями.

За городскими Тифлискими воротами встрѣтили Главномандующаго войска, а въ самыхъ воротахъ Грузинскій Католиксъ, Царевичъ Антоній, съ духовенствомъ, и съ церемоніей такой сопровождался Главномандующій до Собора Сіонскаго, въ которомъ, съ приличнымъ священнослуженіемъ, водворенъ крестъ Святой Нины.

Главномандующій, отобѣдавъ съ Правителемъ у Г.-М. Лазарева, отправился, послѣ обѣда, въ новостроенный для него домъ за городскими воротами, Цавкнаскіе именуемый, въ ко-

торомъ онъ, былъ встрѣченъ купечествомъ и мѣщанствомъ, которое тутъ же ему, подадо множество разныхъ прошеній.

Главнокомандующій, принявъ отъ нихъ оныя, отдалъ Г.-М. Лазареву, съ приказаніемъ учинить онымъ разсмотрѣніе и удовлетвореніе и съ примѣчаніемъ, что до открытія новаго Правленія, временное долженствуетъ существовать во всей силѣ.

Г.-М. Лазаревъ, весьма учтивымъ образомъ, представилъ Главнокомандующему на замѣчаніе:

Что, онъ, находитъ въ томъ великое затрудненіе, чтобъ временное Правительство могло существовать по прежнему до открытія новаго, представивъ тому причины: что одинъ изъ Диванбековъ, Князь Игнатій Тумановъ, по общимъ слухамъ о прибытіи въ границы Грузіи Г. Коваленскаго въ званіи Правителя, тайно скрылся изъ Правительства и уѣхалъ на встрѣчу къ Г. Коваленскому, и что, по поводу сего, онъ не надѣется, чтобъ прочіе Члены Правительства могли оказать довольно твердости и не стали бы искать протекціи у новаго Правителя, съ забвеніемъ при томъ обязанностей своихъ по служенію въ Правительствѣ. Главнокомандующій, однако же, сего не принявъ и подтвердивъ свое приказаніе, Г.-М. Лазареву уже данное, который, оному повинувшись, сталъ продолжать засѣданія свои въ Правительствѣ, но безъ всякаго дѣла; ибо просиживалъ въ ономъ часу до 12 одинъ, въ ожиданіи собранія членовъ онаго, Князей Грузинскихъ, которые, не помышляя болѣе о своихъ должностяхъ, убивали утро въ передней у Правителя.

Правитель же, ни мало не медля по прибытіи своемъ въ Тбилисъ, вступилъ въ дѣла, но ни чуть не въ тѣ, который бы касались до устроенія Правительства, постановленія онаго надлежащимъ образомъ; хотя онъ чудеса свои и прикрывалъ сей маской, но токмо въ такія, которыя приносили пользу и выгоду его личности.

Главнокомандующій, безпрестанно получая прошенія отъ гражданъ, препровождалъ оныя къ рѣшенію къ Г.-М. Лазареву, который, оныя принимая, не могъ никакого по нимъ дѣлать разбирательства, по тому, что члены Правительства въ оное болѣе не являлись. А Правитель принялся за рѣшеніе дѣлъ въ своемъ кабинетѣ и за ходатайства у Главнокомандующаго освобожденія многихъ дворянамъ Грузинскимъ, по разнымъ буйствамъ; поступкамъ и подозрѣніямъ подъ арестомъ содержащимся, началъ

нмъ оказывать особенное покровительство; а при томъ снискивать дружество фамиліи Царской, руководясь яко бы политическимъ поведеніемъ.

На каунѣ праздника Воскресенія Христова, весь народъ въ Грузіи обитающій, былъ приведенъ къ присягѣ.

Казанскаго мушкетерскаго полку Попъ Алексѣй, употребляемый у Главнокомандующаго за переводчика на Грузинскомъ языкѣ, преданный, или, лучше сказать, подкупленный фамиліей Царской, а именно: супругой и дѣтьми покойнаго Царя Ираклія, въ сей день основалъ первое начало своимъ пакостямъ.

По окончаніи церемоніи приведенія къ присягѣ народа въ Тифлисъ, сей Попъ началъ дѣлать внушенія, что самое для нихъ было то благопріятное время для ходатайства о избраніи Царя.

По открытіи Правительства въ Грузіи, Главнокомандующій вознамѣрился обозрѣть границы Грузіи относительно къ Еривану и Ганжѣ, и пригласилъ въ сіе путешествіе съ собою Г.-М. Дазарева. Между тѣмъ, когда занималось новое въ Грузіи начальство приведеніемъ къ присягѣ въ вѣрности всѣхъ народовъ, въ Грузіи обитающихъ, то Правитель настаивалъ у Главнокомандующаго, чтобъ Агаларовъ или старшинъ Казахскихъ Татаръ вѣдать для приведенія къ присягѣ въ Тифлисъ; Агалары же, провѣдавъ о намѣреніи Главнокомандующаго путешествовать на границѣ, предпочли его ожидать въ своихъ кочевьяхъ, и не прежде присягу учинить, какъ когда онъ ихъ посѣтитъ.

Правитель, обративъ таковое ихъ намѣреніе нмъ въ преступленіе, употребилъ сей случай въ свою пользу, сдѣлать внушенія Главнокомандующему неблагопріятныя на счетъ Князя Гарсеана Чавчавадзева, сихъ Татаръ Моурава (по нѣкоторымъ прежнимъ на него злобамъ).

Главнокомандующій отправился изъ Тифлиса въ предназначенное путешествіе въ полномъ удостовѣреніи, что Казахскіе Агалары, по внушеніямъ Князя Гарсевана Чавчавадзева, будучи къ нему привержены, не хотятъ учинить присяги вовсе, а томо дѣлаютъ хитрый отводъ ожиданіемъ его посѣщенія ихъ кочевья на границѣ.

Главнокомандующій до такой степени былъ предваренъ въ худую сторону о Князѣ Чавчавадзевѣ, что не могъ скрыть него-

дованія къ нему своего и въ самыхъ маловажныхъ случаяхъ, чему да послужить доводомъ слѣдующее:

Достигнувъ до деревни Кумыбы, въ коей назначенъ былъ путешественникамъ обѣдъ, Главнокомандующій былъ прогнѣванъ недостаткомъ къ столу вина.

Г.-М. Лазаревъ, имѣвшій съ собой онаго въ запасъ, вызвался къ угощенію Главнокомандующаго, который у него спросилъ «Откуда онъ имѣеть?» Г.-М. Лазаревъ отвѣчалъ, что оно лучшее: ибо изъ винъ Князя Чавчавадзева.

Сего уже было достаточно, чтобъ Главнокомандующаго прогнѣвать. Его Превосходительство не могъ удержаться, чтобъ не обнаружить внушеній, на счетъ сего Князя ему сдѣланныхъ. Сказавъ, чтобъ ему не поминали о Князѣ Чавчавадзевѣ, что онъ и супруга его столько вредны, что его надобно на всегда оставить въ Россіи, а ее отправить изъ Грузіи въ кибиткѣ къ мужу.

Г.-М. Лазаревъ на сіе отвѣствовалъ Главнокомандующему тѣмъ, что, по его мнѣнію, они оба заслуживаютъ противнаго и чего ни будь лучше; но Главнокомандующій, отозвавшись гнѣвно, что онъ все знаетъ, тѣмъ прервалъ сей разговоръ.

На другой день, когда Главнокомандующій достигъ до деревни Сарвани, явился къ нему князь Саломонъ Тархановъ, зять Сардаря, Князя Ивана Орбалиянова, съ письмомъ отъ Правителя, конемъ онъ рекомендовалъ Князя Тарханова, какъ весьма уважаемаго Казахскими Агаларями, и того, который въ состоянїи, быть можетъ, ихъ склонить къ учиненію присяги.

Главнокомандующій, согласуясь съ представленіемъ Правителя, отправилъ сего Князя къ Казахамъ, дабы вызвать Агаларовъ къ тому мѣсту, гдѣ Главнокомандующій въ тотъ день располагался обѣдать.

Главнокомандующій, отпрадившись изъ деревни Сарвани въ путь, въ той надеждѣ, что найдетъ Казахскихъ Агаларовъ въ назначенномъ мѣстѣ съ Княземъ Тархановымъ, объятъ былъ удивленіемъ, отъѣхавъ не болѣе 10 верстъ отъ показанной деревни, встрѣтивши Князя Тарханова, возвращающагося одного безъ Агаларовъ въ великомъ смущеніи.

На вопросъ, Г.-М. Лазаревымъ ему сдѣланный, что съ нимъ случилось, сей Князь отвѣчалъ, что Агалары ему отозвались

нехотѣніемъ и видѣть Главнокомандующаго, а о присягѣ и слышать не хотятъ. Сколь же велико было удивленіе Главнокомандующаго, когда онъ, приближаясь къ мѣсту для объѣда назначенному, былъ встрѣченъ собраніемъ Агаларовъ всѣхъ Татаръ, Казахскихъ, Борчалинскихъ, Бамбацкихъ и Шамшадидьскихъ!

Главнокомандующій, окончивъ съ ними свиданіе, признавался, что онъ ихъ находитъ благоразумнѣйшими, нежели того ожидать могъ, бывъ весьма дурно о нихъ, предвзвѣвъ.

Путешественники продолжали потомъ путь свой далѣе до рѣки Джедадь-Оглу, чрезъ которую, по быстротѣ оной, опасаясь Главнокомандующій въ бродѣ переправляться, откомандировалъ одного Офицера для приведенія къ себѣ Бамбацкихъ, Агаларовъ, которые, прибывъ съ нимъ на другой день, ни мало не затруднились учинить присягу по выслушаніи Манифеста.

Отсюда, путешествіе продолжалось въ Борчалы, а по приведеніи безъ малѣйшаго затрудненія и тамошнихъ Агаларовъ къ присягѣ, слѣдовали обратно въ Казахи, коихъ старшинъ приказалъ Главнокомандующій Г.-М. Лазареву привести къ присягѣ.

Старшины, не отказываясь отъ того, объявили токмо, что они принимаютъ къ Главнокомандующему просьбу, которая имъ и была принята. По долгомъ съ ними разговорѣ наединѣ, Главнокомандующій ихъ отпустилъ и имъ приказалъ пріѣхать къ себѣ въ Тифлисъ. Къ пріѣзду Главнокомандующаго въ Тифлисъ все уже было изготовлено къ открытію новаго Правительства.

Послѣ открытія Правительства Казахскіе Агалары, памятуя приглашеніе Главнокомандующаго, явились къ нему въ Тифлисъ.

Предметы ихъ просьбы состояли въ слѣдующемъ:

1. Подтверженіе ихъ правъ.
2. Оставленіе на всегда Моуравомъ Князъ Гарсевана Чавчавадзеа при Казахскихъ и опредѣленіе его же къ Шамшадидьскимъ Татарамъ въ томъ же званіи.
3. Чтобъ помощникъ Моуравскій Мирабовъ въ семъ званіи у нихъ не былъ.

Главнокомандующій на все то согласился и далъ имъ обѣщаніе сей просьбѣ ихъ удовлетворить; они требовали, однако же письменнаго отъ него обѣщанія; Главнокомандующій и отъ сего не отрекался, но токмо не выполнилъ.

По приведеніи въ дѣйство устройства новаго Правительства, Главнокомандующій изъ Тифлиса отправился въ Кахетію.

По приѣздѣ его въ Кизикъ, въ крѣпость Сигнальскую отъразившись, былъ отъ Главнокомандующаго Грузинскій Князь Адамъ Бабуровъ къ Джарскимъ и Беломанонимъ Леагинцамъ съ увѣщаніемъ, чтобъ они жили спокойно и набѣговъ на границы Грузіи не чинили; но народъ сей, къ увѣщаніямъ никогда не приобыкшій, отъ оныхъ начисто откачался.

Съ самими успѣхами отправилъ путешественники изъ Сигнальской крѣпости въ Тезаву.

На пути, достигнувъ селенія Цицандали, получилъ Главнокомандующій вѣстіе, что Ганжинскій Ханъ перегналъ къ себѣ 500 семей изъ Шамшадильскаго округа; которое было причиною возвращенія путешественниковъ въ Тифлисъ; откуда отряженъ былъ Г. М. Лазаревъ съ двумя батальонами своего полку, для преслѣдованія уведенныхъ семей.

На походъ семъ получилъ Г. М. Лазаревъ въ Бамбакаль вѣстіе, что Царевичъ Александръ, побѣвъ изъ Имеретіи въ Персію и достигнувъ Еркиаца, удержанъ тамъ Ханомъ, яко бы изъ преданности сею къ Россіянамъ, что, однако же, оказалось ложнымъ; что мать Баба-Хана Персидскаго яко бы запрещала сыну своему предпринимать что либо противъ войскъ Россійскихъ.

Прибытіе въ Шамшадилы Г. М. Лазарева съ detachementомъ деснаго, обрадовало дашурнаго Султана, въ умищеніе впащаго и хатраченнаго, успѣхами Хана Ганжинскаго,

Народу же въ Шамшадилы, ни въ Казахъ, Г. М. Лазаревъ не нашель; ибо веселый, по обыкновенію своему, отъ жаровъ перекочевалъ на лѣтнее пребываніе въ горы.

Расположившись лагеремъ на рѣкѣ Тоузѣ, полученны были отъ Генераломъ вѣстія о движеніи Шамахинскаго Мустафы-Хана съ войскомъ на Ганжу.

Шамшадильская область на разныхъ рѣкахъ, 33 деревни, большею частію Татарами населенныя, а нѣкоторыя Армянами.

Въ прежнія времена Шамшадилы повиновались владѣтелю, носившему званіе Султана; по смерти послѣдняго ихъ Султана, владѣли ими его племянники; за дары Царямъ Грузинскимъ подносимые; въ послѣдствіи же одинъ изъ нихъ, бывъ оскорбленъ послѣднимъ Царемъ Грузинскимъ, Георгіемъ, передался къ Ганжинскому Хану; Сей же исходатайствовалъ себя отъ Персидскаго Ага-Магмета-Хана фирманъ на утвержденіе за собой сей области, и съ тѣхъ поръ, считая оную себѣ подвластною, и имѣя при себѣ

передавшагося Султана, дѣлаеть на оную набѣги; въ концѣ предводительствуетъ всегда сей Султанъ. Такимъ образомъ перегналь Ганжинскій Ханъ изъ Шамшадилъ въ свои владѣнія, мало по малу, 29 деревень и стремился уже на остальные 4, но послѣдніи жители оныхъ уже откочевали въ горы на лѣтнее пребываніе, то Г.-М. Лазаревъ, не предвидя для нихъ никакой богаѣ опасности, рапортовалъ о томъ Главнокомандующему, и получилъ отъ него повелѣніе слѣдовать обратно съ detachmentомъ въ Тифлисъ.

Въ сіе же самое время Полковникъ 17 егерскаго полку, сдѣлавъ движеніе detachmentомъ своимъ къ Карсу, для вспоможенія Пашѣ Карскому противъ нападенія на него Нахичеванскаго Калъ-Балы-Хана, и его совершенно разбилъ.

Между тѣмъ Главнокомандующій, собирався къ отъѣзду изъ Грузіи на Линію, и приведши въ надлежащее теченіе вновь поставленное Правительство, занимался распредѣленіемъ дѣлъ ваграничныхъ.

Здѣсь должно на нѣсколько прервать нить сихъ записокъ, дабы новаго Правительства показать въ блистательной сценѣ:

Какъ выше уже упомянуто о началѣ его упражненій, клонившихся къ доставленію личныя себѣ выгоды расположеніемъ къ себѣ умовъ народа, оказаніемъ милосердія освобожденіемъ отъ стражи, содержавшихся подъ оной, и пріобрѣтеніемъ тѣснѣйшихъ связей дружества съ домою покойнаго Царя Ираклія, что, конечно, податъ можетъ поведъ къ заключеніямъ, что онъ поведеніе свое расположилъ по стезямъ тонкой политики; но сіи его подвиги и прочія интриги ни чести ему не сдѣлали, ни пользы въ дѣлахъ не принесли.

Первый его политическій шагъ состоялъ въ томъ, чтобъ какъ можно заочно поссорить Главнокомандующаго съ Княземъ Гарсеваномъ Чавчавадзевымъ, къ которому онъ питаетъ ненависть съ тѣхъ поръ, когда онъ былъ въ Грузіи въ качествѣ Министра, котораго онъ лишился вліяніемъ и настояніемъ о томъ Князя Чавчавадзева у Царя; то, чтобъ отыгнать за то ему, и суицидъ его за то, что она не соглашалась на его предложеніе малаго суммы денегъ, въ то время, когда онъ получалъ уже свой отзывъ изъ Грузіи, ходатайствовать у Царя, чтобъ Его Высочество у Государя Императора просилъ оставленія его по прежнему Министромъ, новый Правитель счелъ за удобнѣйшее нынѣ къ тому время.

Внушалъ Главнокомандующему, яко бы Князь Чавчавадзе въсылалъ въ Кахетію возмутительныя письма чрезъ супругу свою.

Невѣроятно кажется, чтобъ быть то отъ Князя Чавчавадзе могло, по тому что въ теченіи времени, въ которое, до открытія нынѣшняго въ Грузіи Правительства, существовало въ равныхъ видахъ временное, съ 20 Августа 1800 г., по пріѣздъ Главнокомандующаго въ Тифлисъ, Апрѣля 9-го, 1802, о подобныхъ письмахъ его въ Кахетію никогда не было слышно, но, напротивъ, Командующій войсками въ Грузіи, Г.-М. Лазаревъ, во Временномъ Правительствѣ Предѣлательствовавшій, отдастъ сему дому справедливость въ томъ, что оный наиболѣе всегда способствовалъ къ преклоненію умовъ къ повиновенію скипетру Россійскому; и по часту разрушалъ тайныя намѣренія неблагомыслищихъ, за благовременнымъ открытіемъ оныхъ и сообщеніемъ Г.-М. Лазареву.

Чтобъ подать видъ истины и правдоподобія, внушеніямъ своимъ, Правитель опредѣлялъ къ Казахскимъ Татарамъ помощникомъ при Приставѣ или Моуравѣ покровительствуемаго имъ нѣкоего Мирабова, во всѣхъ отношеніяхъ челоука недостойнаго, вооружаясь мнимою несклонностію сихъ Татаръ учинить въ вѣрности присягу, подкрѣпляя въ мысляхъ Главнокомандующаго свои внушенія доводами, что Татары сіи отрекаются отъ присяги по наущенію Князя Чавчавадзе, о коемъ они Главнокомандующаго просили, чтобъ его оставить при нихъ на всегда Моуравомъ: Казахскіе Татары дѣйствительно преданы Князю Чавчавадзеву за его-всегдашнее ими хорошее управленіе, и можно отдать ему справедливость въ томъ, что онъ ихъ всегда удерживалъ, и нынѣ удерживать еще не перестаетъ, отъ намѣренія переконевать въ Персію, особенно до открытія въ Грузіи нынѣшняго Правительства, по штату котораго къ нимъ назначенъ помощникъ Моуравскій Мирабовъ, коего они не терпятъ.

Правитель въ сей интригѣ имѣлъ сильнаго вспомошествователя, бывшаго Грузинскаго Сардаря, Князя Ивана Орбеліанова. Сей домъ, знаменитѣйшій изъ Карталинскаго Дворянства, зная о ненависти Правителя къ Князю Чавчавадзеву, восхотѣлъ употребить случай сей въ свою пользу, чтобъ имѣть Моуравство надъ Казахскими Татарамъ, въ которое званіе прочилъ Князь Орбеліановъ зятя своего, Князя Тарханова, котораго Правитель посылалъ въ слѣдъ за Главнокомандующимъ во время его путешествія для обозрѣнія границъ съ сильной рекомендаціей, что онъ, имѣя въ

цяхъ доверенность, можетъ ихъ склонить къ присягѣ, но выше сего уже изъяснено: о усилѣхъ, каковой имѣло такое порученіе. Князя Тарханова, отъ Главнокомандующаго слѣланное.

Въ продолженіи всего того времени, въ которое Главнокомандующій пребываніе свое имѣлъ въ Тифлидѣ, для приведенія въ надлежащее теченіе дѣлъ по внутреннему управленію, дѣла заграничныя естественно востояли въ полномъ ея управленіи; но, какъ оныя въ отсутствіи Главнокомандующаго изъ Грузіи должныствовали быть къмъ ни будь управляемы, то Правитель всѣ силы свои употребляетъ къ тому, чтобъ завѣдывать ему непосредственно всѣми дѣлами заграничными и по части политической, и однимъ изъ первыхъ почерковъ его тиссавидъ и честолюбія ознаменовался тѣмъ, что онъ токмо, что съ Главнокомандующимъ въ Тифлисѣ прибылъ, то ко всѣмъ сосѣдственнымъ съ Грузіей владѣльцамъ отправилъ циркуляры, съ увѣдомленіемъ изъ, что онъ въ Грузіи Правитель всѣхъ дѣлъ.

Главнокомандующій, однако же, не считъ причиннымъ тако вое его желаніе удовлетворить, а при отъѣздѣ своемъ изъ Тифлиса поручилъ оныя по части политической, въ управленіе командующему въ его отсутствіи войсками въ Грузіи, Г-М. Лазареву, предоставивъ Правителю тѣ, которыя относились до взаимныхъ сношеній жителей Грузіи съ жителями сосѣдственныхъ областей, по дѣламъ торговымъ, или какимъ либо респективными взысканіямъ по части земскаго управленія.

NB. Нынѣ дѣла политическія весьма въ дурномъ положеніи въ Грузіи и, по вѣдному, сосѣдственные владѣльцы, привыкшіе всегда почитать военныхъ Начальниковъ, и за достоверное извѣстно, что они неоднократно отъ Правителя получали подтвержденія, что онъ Правитель всѣхъ дѣлъ и что имъ обо всѣхъ предметахъ слѣдуетъ относиться къ нему; или наоудятся въ заблужденіи, не зналъ точно, съ кѣмъ сноситься, или же, если всѣ такъ Правителемъ осорочены, какъ Ханъ Ериванскій, совсѣмъ отклониться, вознамѣрились отъ Двора Россійскаго, какъ то можно заключить изъ подвѣдовъ Хана Ериванскаго, по ея неповиновенію въ признаніи Патріарха Даниила и по изъясненіямъ его съ титулярнымъ Совѣтникомъ Глицеауровымъ, ей посланнымъ къ нему отъ Главнокомандующаго съ предложеніемъ о принятіи Высочайшей Ея Императорскаго Величества грамоты о Патріархѣ Данилѣ, Ганжидскаго,

давшего у себя убѣжище и знатное содержаніе Царевичу Александру, со вспомоцествованіями ему при томъ къ нарушенію спокойствія въ Грузіи; Царя Имеретинскаго, вооружившагося противъ Владѣтельнаго Князя Дадіана, для того единственно, чтобъ покореніемъ его своей власти отторгнуть его отъ Россіи, коей покровительства онъ ищетъ.

Неисполненіе Царемъ Высочайшаго Его Императорскаго Величества требованія объ освобожденіи Царевича Константина изъ заключенія, и содѣйствіе его съ искателями Царства Грузинскаго дарованіемъ убѣжища бѣжавшимъ изъ отечества и отъ повинненія законной Его Императорскаго Величества власти уклонившимся Царевичамъ Грузинскимъ, Юлону и Парнаозу, суть подвиги, явно неблагонамѣренность сихъ сосѣдственныхъ владѣльцевъ къ Россіи доказывающіе.

Главнѣйшія же интриги Правительства, облеченныя завѣсой непроницаемой тайны, какъ здѣсь нѣкоторымъ образомъ и немногимъ извѣстно, суть еще слѣдующія:

Изъ числа людей, вліяніе имѣвшихъ при существованіи Царства Грузинскаго, есть нѣкоторыя, которые, оказывая усердіе къ власти Высочайшей, поставленной надъ Грузіей, нынѣ пребываютъ еще соучастниками въ интересахъ и замыслахъ искателей Царства, и симъ-то особамъ извѣстны всѣ интриги Правительства съ особами фамиліи Царской.

По ихъ сказаніямъ, Правительство, подъ предлогомъ оказанія должнаго уваженія и почтенія особамъ Царскаго поколѣнія подлежащаго, основалъ съ ними связи тѣсной дружбы съ тѣмъ, чтобы со временемъ удовлетворить ихъ замысламъ о избраніи паки Царя; что онъ яко бы Царицѣ Даріи далъ клятву о томъ стараться, но съ тѣмъ, чтобъ, за произведеніемъ удачно того въ дѣйство, ему было дано 100 тысячъ, и чтобъ тогда отъ той особы, которая избрана будетъ Царемъ, было употреблено къ Высочайшему Двору сильное ходатайство объ оставленіи его въ Грузіи Министромъ.

Нѣкоторое явное вѣроподобіе тайна сія имѣетъ то, что Правительство распродалъ большую часть мѣсть въ экспедиціяхъ Верховнаго Правительства Грузинскимъ Князьямъ, родственникамъ Дому Царя Ираклія и единомышленнымъ съ особами онаго, претендующими на Царство, и даже весьма явно Правительство дѣлаетъ гоненія всѣмъ тѣмъ, которые особамъ симъ не привержены,

употребляя въ сей интригѣ съ успѣхомъ Попа Алексѣя, при Главнокомандующемъ за переводчика бывшаго, для вредныхъ внушеній Главнокомандующему въ пагубу тѣмъ, на коихъ Пратель имѣлъ злобу.

Если можно сіе назвать расколомъ, то оный началъ уже ознаменовываться въ бытность еще Главнокомандующаго въ Тифлисъ, по открытіи Правленія; ибо примѣтнымъ образомъ начали составляться партіи отъ раздѣленія умовъ, и нѣкоторыя, то видѣвши, отретировались за границы Грузіи, къ Царевичу Александру.

Попъ Алексѣй, подкупленный Царицей Даріей и Царевичемъ Вахтангомъ, употреблялъ разныя хитрости къ увѣренію Главнокомандующаго въ томъ, что Правителю для выгодъ своихъ нужно было, выдумывать разныя чудеса и анекдоты, на примѣръ, что однимъ вечеромъ Царевичъ Александръ яко бы къ нему прѣхалъ переодѣтый для развѣданія о мѣстѣ, гдѣ хранится Царская Корона.

А Царица Дарія подсымала, съ помощью сего Попа, къ Главнокомандующему съ предложеніемъ ему уступить большой брильянтъ изъ сокровищъ Шаха Надира, покойнымъ ея супругомъ похищенный и у нея хранящійся, ежели его Превосходительство у Государя Императора исходатайствуетъ возстановленіе Царства и возведенію на оное сына ея, Царевича Юлона.

Царица сія располагала уже, по видимому, планъ для произведенія возмущенія, считая случай сей удобнѣйшимъ по тому, что предлогъ неудовольствія народнаго на Правительство, какъ кажется, ей подавалъ надежду въ успѣхахъ.

Она чрезъ Правителя ходатайствовала у Главнокомандующаго о позволеніи Джвану Царя Имеретинскаго, Князю Леонидзе, прибыть изъ Имеретіи въ Тифлисъ, для свиданія съ родственниками, и она же настаивала тайнымъ образомъ у Правителя, чтобъ начать сборъ махты (поборы съ купечества). Сей вымыселъ ея заключалъ величайшую хитрость въ томъ, чтобъ Правительство новое употребить на озлобленіе народа; ибо махта сія не собиралась съ купечества въ Тифлисъ со времени разоренія столицы сей Персидскимъ Ага-Махметъ-Ханомъ, и Царь Ираклій, а потомъ и Царь Георгій, имѣли тѣмъ въ виду поправленіе состоянія разореннаго народа.

Леонидзе же, конфидентъ какъ ея, такъ и Царевичей, сыновей ея, въ Имеретіи укрывающихся, былъ ей нуженъ для

произведенія въ дѣйство революціи, ею же предположенной. Къ стыду нашему и къ сожалѣнію, должно, однако же, признаться, сколь великое ослѣпленіе интересъ и лихва сдѣлали въ Правителѣ, что онъ, хвалясь всегда познаніемъ народа Грузинскаго, не проникалъ того, что Царица Дарія сими способами его самого дѣлаетъ инструментомъ для удачнаго въ дѣйство приведенія своихъ замысловъ.

Съ одной стороны сіе мудрое управленіе Правителя, а съ другой по разнымъ мѣстамъ Грузіи Исправниковъ или вообще Земскихъ Начальствъ, въ должности вступившихъ, способствовали къ огорченію всего народа, весьма еще непросвѣщеннаго; со всѣхъ сторонъ при томъ получавшаго внушенія отъ единомышленныхъ съ Царицей Даріей противъ новаго Правительства и властвованія Россіянъ. Все сіе угрожало слѣдствіями неблагоприятными.

За нѣсколько дней еще до отъѣзда Главкомадующаго заходились въ разныхъ мѣстахъ тайныя сборища Князей Грузинскихъ, отправлялись отъ оныхъ письма возмутительныя по всей Грузіи, слышны были разглашенія, что чрезъ мѣсяць Россіяне въ Грузіи должны быть искоренены.

Нѣкто Потреловъ былъ употребленъ къ распущенію подобныхъ слуховъ. Въ бытность Г.-М. Лазарева въ Бамбакахъ, на походѣ въ Шамшадилы, получилъ онъ увѣдомленіе отъ Хана Эриванскаго, что сей Потреловъ былъ къ нему присланъ отъ Царевича Давыда съ письмами, изъяслявшими Царевича сего просьбу о вспоможеніи ему силами для пораженія войскъ Россійскихъ въ Грузіи. Потреловъ былъ наконецъ приличенъ въ возмутительныхъ разглашеніяхъ и содержался подъ арестомъ по повелѣнію Главкомадующаго.

Попъ Алексѣй не преставаъ увѣрять народъ, что благоприятѣйшее для нихъ то было бы время, если восхотятъ выбрать себѣ Царя, говоря, «что онъ въ сновидѣніи получилъ увѣренія отъ Св. Георгія и Евстафія, что возстановленіе въ Грузіи Царства необходимо нужно.» Сей же Попъ въ послѣдствіи, по отъѣздѣ съ Главкомадующимъ на Линію, велъ переписку съ нѣкимъ Глахой Джипадзевымъ, фаворитомъ Царевича Ваханга.

Въ самый день отъѣзда Главкомадующаго изъ Тифлиса на Линію, былъ онъ окруженъ купечествомъ сего города, кото-

ров его неотступно просило о уничтоженіи сбора съ нихъ махты, убѣждая его тѣмъ, что, по Высочайшему Манифесту блаженныя памяти Государя Императора Павла I-го о присоединеніи Грузіи къ Имперіи Россійской, всему народу обѣщана льгота на 10 лѣтъ.

Но, не получивъ отъ него удовлетворенія на сію просьбу и тѣмъ огорчасъ, купцы заперли всѣ лавки, и въ сей день какъ войска, такъ и жители, не могли доставать ничего и для пищи. Комендантъ употребилъ было принужденіе, чтобъ лавки были отперты, но купцы твердо въ своемъ устанвали, и лавки не прежде отперли, какъ когда Комендантъ согласился на то, чтобъ имъ дать обѣщаніе о увольненіи ихъ отъ взиманія махты.

Между тѣмъ до отъѣзда еще изъ Тифлиса Главнокомандующаго, войска въ столицѣ сей на непремѣнныхъ квартирахъ расположенныя, выступили уже въ лагерь.

Два баталіона 17-го егерскаго полка расположились съ Г.-М. Лазаревымъ на рѣчкѣ Алгеттѣ, верстахъ въ 40 отъ Тифлиса.

До выступленія еще въ лагерь Г.-М. Лазаревъ имѣлъ частую переписку съ Ахалцихскимъ Шерифъ-Пашей о томъ, чтобъ сей Паша не впускалъ въ свои владѣнія Дагестанскихъ хищниковъ, но онъ всегда отвѣтствовалъ увѣреніями, что ихъ никогда къ себѣ не принимаетъ, но что также и отразить ихъ не въ силахъ, когда они, въ преимущественныхъ противъ него силахъ, чрезъ его владѣнія проходятъ для хищничества на границахъ Грузіи, а по тому просилъ, чтобъ Начальникъ войскъ Россійскихъ отрядилъ часть оныхъ къ Ахалциху для ихъ отраженія соединенными силами, что по повелѣнію Главнокомандующаго и было исполнено откомандированіемъ съ Алгеттскаго лагеря 2-хъ егерскихъ ротъ съ нѣсколькими вооруженными Грузинами, который отрядъ, однако же, стоявъ на виду Ахалциха близъ мѣсяца, дѣйствія предначиннаго не имѣлъ.

А Лезгинцы между тѣмъ чинили набѣги въ весьма близкомъ разстояніи отъ Тифлиса, доѣзжая до самаго предмѣстія Авлабарскаго.

Записка о возмущеніи въ Грузіи въ Іюнѣ 1802 года.

Въ концѣ Іюня мѣсяца дошло до свѣдѣнія Командующаго въ Грузіи Г.-М. Лазарева, что дворянинъ Царевича Александра, Зааль Нацухри-Швили и съ нимъ одинъ чиновникъ Хана Ериванскаго прибыли въ Имеретію съ письмами къ Царю Имеретинскому и къ Царевичу Юлону, и что Царь собираетъ войско свое, не извѣстно для какихъ точно предпріятій, а подъ предлогомъ вести оное противъ Владѣльца, Князя Дадіана; что въ Таврисѣ находится яко бы Сардаръ Баба-Хановъ для собранія Азербиджанскихъ войскъ, дабы съ оными, свергнувъ Нухинскаго Магметъ-Ассанъ-Хана, возвести на его мѣсто брата его, Селимъ-Хана, находящагося у Шущинскаго Ибрагимъ-Хана, при которомъ находился яко бы человекъ Царевича Александра съ фирманомъ Баба-Хана неизвѣстнаго содержанія, къ Царевичу Юлону отправленный; и наконецъ, что всѣ сіи окрестные Ханы имѣютъ въ предпріятіи сдѣлать впаденіе въ границы Грузіи, по поводу чего Баба-Ханъ и вознамѣрился Нухинскаго Магметъ-Ассанъ-Хана, ему всегда противность оказывавшаго, свергнуть, а на его мѣсто возвестъ помянутаго Селимъ-Хана, къ предпріятіямъ его склоннаго.

Между тѣмъ какъ сіи заграничныя свѣдѣнія доходили до Г.-М. Лазарева, и какъ онъ былъ въ сіе время въ лагерь, то одинъ изъ преданнѣйшихъ къ Россіи Грузинъ, бывшій Сардаръ и Салтхуцель, Князь Иванъ Орбеліановъ, чрезъ Графа Пушкина просилъ Г.-М. Лазарева о найскорѣйшемъ прибытіи въ Тифлисъ, для донесенія ему о важнѣйшихъ предметахъ.

Г.-М. Лазаревъ немедленно то исполнилъ, а Сардаръ Князь Иванъ Орбеліановъ встрѣтилъ его тѣмъ, что и Грузія, и войска Россійскія, въ оной находящіяся, въ неизбѣжной опасности, если не будутъ взяты строжайшія мѣры къ утушенію заговора, въ дѣйство производимаго; что Царица Дарія, и Царевичи Вахтангъ и Давыдъ, совокупно съ отсутствующими изъ Тифлиса Царевичами, имѣютъ тайное соглашеніе возвести на Царство Царевича Юлона, стараясь при томъ привлечь къ содѣйствію весь народъ; что помянутая Царица такое же сдѣлала предложеніе и ему, Князю Орбеліанову, какъ первѣйшему чиновнику въ Грузіи по прежнимъ его званіямъ, обѣщая ему, за его содѣйствіе въ ихъ предпріятіяхъ, возвратитъ ему достоинства Сардарское и Салтхуцельское. Князь Орбеліановъ, съ видомъ соглашенія, требовалъ отъ

Царицы письменнаго увѣренія въ ея обѣщаніяхъ съ тѣмъ, чтобъ таковое представить Г.-М. Лазареву, но Царица же ему и того не отказывала, но требовала отъ него присяги въ томъ, что онъ ей будетъ вспомошествовать; но Сардаръ ей отозвался, что единожды присягнувъ въ вѣрности къ Его Императорскому Величеству, оной нарушить не можетъ. Въ то же время Тифлискій Митрополитъ Швилесъ явился у Правителя Грузіи съ подобнымъ сему донесеніемъ, а потомъ о томъ же донесъ и Г.-М. Лазареву. Сей послѣдній безъ упущенія изъяснялся о сихъ обстоятельствахъ съ Правителемъ, который ему отвѣчалъ, что быть ничего не можетъ, и что, напротивъ, если въ самомъ дѣлѣ то произойдетъ, то ему надобно почестъ за благопріятнѣйшій случай къ полученію щедрыхъ награжденій отъ Его Императорскаго Величества за подвиги войскъ и гражданскихъ начальниковъ къ укрощенію неспокойствій. Возраженіе на сіе Г.-М. Лазарева было то, что сколь ни лестно заслуживать милости Императорскія, но что онъ не забываетъ обязанностей своихъ и въ томъ, что лучше заранѣе предпринимать мѣры осторожности, нежели, пропустивъ время, дѣйствовать оружіемъ, и войско тѣмъ изнурять, которое и безъ того весьма изнурено. По мѣрѣ подтвержденія извѣстія о намѣреніи содѣйственныхъ Хановъ учинить соединенными силами, подъ предводительствомъ Царевича Александра, нападеніе на Грузію, Г.-М. Лазаревъ за нужное счелъ отнестись къ Правителю Грузіи, чтобъ къ отрядамъ войскъ Россійскихъ, на границѣ расположеннымъ, присоединены были караулы Грузинскіе; а при томъ и новыя получены извѣстія, что 2,700 Лезгинъ, разными партіями, къ Ахалцихскому Шерифъ-Пашѣ пришедшіе, и въ его владѣніяхъ провіантомъ запасшіеся, хотѣли учинить нападеніе на границы, подъ предводительствомъ Царевича Парнаоза.

Царевичъ же Теймуразъ, находясь въ Сурамѣ, началъ дѣлать сборы и разныя угнетенія какъ тамошнимъ, такъ и окрестнымъ жителямъ; Священниковъ принуждалъ въ церквахъ поминать особъ Царскаго поколѣнія, запрещая имъ приносить моленія о здравіи Его Императорскаго Величества и Свѣтлѣйшей Императорской Фамиліи; съ Имеретією и Ахалцихомъ началъ переписку и заводилъ тайныя сходбища Сурамскихъ Князей и Дворянъ.

Въ самомъ Тифлисѣ ознаменовалось явное волненіе. Все дворянство Грузинское изъясвляло явное неудовольствіе на нынѣшнее Правленіе. Въ Кахетіи не хотѣли повиноваться судамъ, и мно-

гіе Князья начали удаляться въ Еривань къ Царевичу Александру. Изъ Карталиніи тѣ же получены извѣстія. Татары вознамѣрились бѣжать. Царица Дарія, которая всегда на бѣдность свою ропщетъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ отправила къ Царевичу Александру, въ Еривань, новый кафтанъ и 1000 р., а при томъ писала къ нему, что теперь настоящее время вступить въ предѣлы Грузіи.

Царевичъ Вахтангъ, находившійся въ Душетѣ, у самаго устья дороги чрезъ Кавказскія горы, возбужденіемъ противъ насъ Осетинцевъ пресѣкъ коммуникацію Россіи съ Грузіей, и съ самаго отъѣзда изъ Грузіи Главнокомандующаго никакихъ отъ него извѣстій въ Тифлисъ не получено; кромѣ того замѣченъ въ перепискѣ съ братьями своими, въ Имеретіи пребывающими, и съ прочими, а равнымъ образомъ и въ побужденіи народа къ волненію.

Царевичъ Давыдъ, подъ предлогомъ заведенія мѣднаго завода, собиравъ рабочихъ людей и о томъ далъ знать Д. Т. Совѣтнику Графу Пушкину, который нарочно старался сколько можно медлить отвѣтомъ своимъ къ нему; а при томъ Царевичъ собрался ѣхать въ Борчаны, гдѣ будто мѣдные рудники отысканы.

Изъ перехваченныхъ писемъ изъ Имеретіи отъ Царевича Парнаоза усмотрѣно, что онъ соотчицамъ своимъ обѣщаетъ вскорѣ прійти къ границамъ ихъ съ корпусомъ, изъ войскъ Имеретинскихъ и Лезгинскихъ составленнымъ; а Царевичъ Александръ готовился тоже учинить изъ Персіи, и къ Казахскимъ Агаларамъ пущено отъ него было письмо, коимъ онъ ихъ уговаривалъ, чтобъ они, когда онъ съ войсками вступить въ Грузію, ничего не опасались, и что онъ то сдѣлаетъ не съ намѣреніемъ имъ нанести вредъ, но для изгнанія Россіянъ. Агалары же Казахскіе, по полученіи отъ него таковаго письма, отправили къ нему депутацію съ подарками и всѣ съ нетерпѣніемъ готовились къ содѣйствію съ нимъ, кромѣ одного старѣйшаго Папы-Ага.

Борчалинскіе Татары, удалившись въ горы, располагались послѣдовать Казахскимъ.

Изъза границы же подтверждались свѣдѣнія, что Персидскій корпусъ, подъ начальствомъ Пиръ-Кулы-Хана, прибылъ къ границамъ Ериванскимъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ требовать отъ Хана поселившихся въ его области выходцевъ Нахичеванскихъ, для обращенія на прежнюю ихъ землю и собранія съ нихъ контрибуціи, а между тѣмъ стараться возвестъ на Ханство Нахичеванское,

на мѣсто слѣпаго Калъ-Балы Хана, Аббасъ-Кулы-Хана, его брата. Въ случаѣ несогласія Ериванскаго Хана отпустить отъ себя Нахичеванскихъ переселенцевъ, Пиръ-Кулы-Ханъ Сардаръ намѣренъ былъ, въ замѣну того, взыскать съ него 80,000 р. и силою оружія; а буде бы Ханъ согласился на одно, или на другое, то тогда Пиръ-Кулы-Ханъ намѣревался, присоединивъ къ себѣ и Ериванское войско, слѣдовать въ Шушу, для дальнѣйшихъ предпріятій, выше изъясненныхъ, и на Грузію.

Ханъ Ериванскій, находившись въ столь критическомъ положеніи, прислалъ въ Тифлисъ посланца своего, Енваръ-Султана, съ изъясненіемъ желанія и просьбы о принятіи его въ покровительство и о вспомоствованіи ему войскомъ Россійскимъ, обѣщая тѣмъ, которыя даны бы ему были для охраненія его владѣній, сверхъ его продовольствія ежегодно по 10,000 р., а посланецъ съ своей стороны довольствовался и числомъ 300 человекъ, съ коими надѣялся отразить Пиръ-Кулы-Хана и, во взаимство того, выдать Царевича Александра, отзываясь, что онъ имъ весьма дорого стоитъ. Г.-М. Лазаревъ отвѣчалъ Хану, что о его желаніи и просьбѣ донесетъ Главнокомандующему и съ симъ отвѣтомъ отправилъ обратно посланца.

Въ продолженіи сихъ смутныхъ обстоятельствъ появился въ Тифлисъ, въ первыхъ числахъ мѣсяца Іюля, пріѣхавшій изъ Имеретіи для свиданія съ родственниками, Диванъ Царя Имеритинскаго, Князь С. Леонидзе.

Какъ уже выше сего пояснено о ходатайствѣ Царицы Даріи чрезъ Правителя у Главнокомандующаго о дозволеніи сему плуту пріѣхать подъ симъ предлогомъ въ Тифлисъ, и о причинахъ, для которыхъ онъ Ея Высочеству могъ быть нуженъ, то предметы, имъ изъ Имеретіи привезенные, явно доказали.

Онъ привезъ съ собою два фирмана, яко бы отъ Баба-Хана Царю Имеретинскому и Царевичу Юлону посланные; первымъ сей Владѣтель Персидскій Царю повелѣвалъ оказывать всевозможныя вспомоствованія Царевичу Юлону, для возведенія на Царство, а вторымъ прокламировалъ Баба-Ханъ Юлона Царемъ Грузіи. Фирманы сіи вручены были Княземъ Леонидзе Правителю Грузіи въ томъ видѣ, что Царь и Царевичъ Юлонъ, будучи усердны и благонамѣренны къ Его Императорскому Величеству, не хотятъ фирмановъ сихъ употреблять съ свою пользу безъ подтвержденія Государя Императора.

По смыслу сихъ фирмановъ и по стилю оныхъ, нельзя не узнать сочинителя оныхъ, самого Князя Леонидзе.

Но главнѣйшее препорученіе сего Леонидзева состояло въ томъ, чтобъ, по содержанію сихъ ложныхъ фирмановъ, сдѣлать революцію и внушить народу, чтобъ приступать къ выбору Царемъ Юлона; а для подкрѣпленія умовъ въ производствѣ того въ дѣйство, Князь Леонидзе имѣлъ при себѣ открытый фирманъ отъ Царя Имеритинскаго къ Тавадамъ, конимъ Царь ихъ убѣждалъ не отлагать предпріятого ими намѣренія, обѣщавъ имъ воспомоществовать по силѣ фирмана, ему отъ Баба-Хана посланнаго. *

Правитель, почитающій измѣнника сего искреннимъ пріятелемъ, въ минуту его въ Тифлисъ пріѣзда, послалъ къ нему одного изъ своихъ подчиненныхъ съ поздравленіемъ благополучнаго достиженія до Тифлиса и съ извиненіемъ, что головная боль ему препятствуетъ самому лично явиться у Леонидзе.

Лезгинцы же и хищничества ихъ примѣтнымъ образомъ начали уславиваться, даже до того, что, не смотря на всѣ предосторожности кордоновъ къ недопущенію ихъ причинять вредъ на границахъ, покушались они дѣлать набѣги и на близъ лежащія къ Тифлису селенія, что побудило Командующаго въ Грузіи Г.-М. Лазарева, къ подозрѣнію о участіи въ томъ самихъ жителей Грузіи изъ числа неблагонамѣренныхъ, а особенно приверженныхъ къ Царской фамиліи, по поводу чего и были усугублены всѣ мѣры осторожности со стороны войскъ, а за жителями бдительнѣйшее замѣчаніе. Въ то же время рапорты кордонныхъ воинскихъ начальниковъ подтверждали, что Царевичъ Теймуразъ съ Княземъ Евгениемъ Абашидзе близъ Сурама, на границѣ Имеритинской владѣнія свои имѣющіе, въ томъ имѣли участіе.

Въ самыхъ сихъ смутныхъ обстоятельствахъ получилъ Г.-М. Лазаревъ секретное повелѣніе отъ Главнокомандующаго о поданіи всѣхъ охранительныхъ вспомоствованій Государства Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Коллежскому Сов. Соколову, отправлявшемуся съ особыми порученіями Государя Императора съ Линіи въ Имеретію.

Г.-М. Лазаревъ изъяснялся съ Правителемъ о неистовствахъ Царевича Теймураза и Князя Евгенія Абашидзе, на границахъ дѣлаемыхъ, и ему предлагалъ ихъ оттуда вызвать въ Тифлисъ;

---

* Смотри Исторію Леонидзева.

но Правитель съ самого начала, по видимому, потерялъ духъ; ибо ни на одно изъ сношеній Г.-М. Лазарева ни отвѣта не давалъ, ни же исполненія не чинилъ. Ему было сообщено, что жители на границахъ дѣлають сопредѣльнымъ обиды, то чтобъ Земскія власти имѣли въ томъ наблюденіе и отъ того ихъ удерживали, но, вмѣсто того, жители селеній, Мелику-Абову принадлежащихъ, покровительствуемому Правителемъ, не преставали отгонять скотъ у Татаръ Ахалцыхскихъ, каковыя необузданности, конечно, всегда Шерифъ-Пашѣ подавали справедливую причину руководствовать Лезгинцамъ къ набѣгамъ на границы Грузіи. Такимъ же точно образомъ предано было молчанію Правителемъ отношеніе Г.-М. Лазарева о необходимости отдалить изъ Сурама Царевича Теймураза и Князя Абашидзе.

По чему Г.-М. Лазаревъ, сколь ни нужно было его присутствіе въ Тифлисъ, рѣшился ѣхать въ Сурамъ, подъ предлогомъ распоряженій для усиленія Сурамскаго поста, по предмету выше изъясненному о вспомоцествованіяхъ въ Имеретію отправившемуся К. С. Соколову; куда и отправился, истребовавъ отъ Правителя предписаніе къ Горійскому Исправнику о поданіи себѣ всѣхъ вспомоцествованій, каковыя нужны ему быть могутъ отъ начальства Земскаго.

13-го Іюля, Г.-М. Лазаревъ, пріѣхавъ въ Сурамъ, получилъ тамъ, какъ отъ Капитана Бартенева, съ ротой тамъ стоящаго, такъ и отъ самихъ жителей, личное того подтвержденіе на счетъ Князя Абашидзева; а при томъ и отъ Горійскаго Исправника жалобу, что Князь Абашидзе въ ослушался предъ Горійскимъ Нижнимъ Земскимъ Судомъ, по зову онаго для отвѣта по нѣкоторому дѣлу, до него касающемуся въ Горы; по чему Г.-М. Лазаревъ Князя Абашидзе, пригласивъ къ себѣ, спрашивалъ у него о причинахъ, его побудившихъ поступать противъ присяги, коей онъ обязанъ въ вѣрности Всемилостивѣйшему Государю Императору, и по чему онъ не являлся къ Суду по требованію того?

Князь Абашидзе, отъ всего отпираясь, отвѣчалъ съ грубостью, что мы теперь всѣ сравнены съ мужиками. По чему Г.-М. Лазаревъ, не сомнѣваясь болѣе въ истинѣ всего, ему о Князѣ Абашизде донесеннаго, приказалъ его и единомышленныхъ съ нимъ Князей Хадербекова, Чхеидзе-Абазадзева, Дворянина Вахташова, и находившагося при Царевичѣ Теймуразѣ за Сек-

ретаря, дворянина Лорадзе, употребляемаго въ перепискѣ Царевича съ Имеретіей, арестовать.

Г.-М. Лазаревъ, оставивъ Князя Абашидзе подъ присмотромъ въ Горы, гдѣ ему надлежало явиться къ Суду, и тамъ же Царевича Теймураза, добровольно изъ Сурама туда переѣхавшаго, возвратился въ Тифлисъ, гдѣ, получивъ разныя извѣстія о внутреннихъ и внѣшнихъ обстоятельствахъ Грузіи, донесъ объ оныхъ Главнокомандующему 20-го Іюля, и сдѣлалъ нужныя распоряженія въ войскахъ, для предохраненія Грузіи отъ угрожающихъ ей опасностей. Не было возможности никакой курьеру изъ Тифлиса проѣхать на Линію обыкновенной дорогой, которая была заперта Горцами со стороны Грузіи, по старательству Царевича Вахтанга.

Преданные съ давнихъ временъ Россіи Князя Еристовы предложили Г.-М. Лазареву свои услуги, обѣщавъ другой дорогой, съ надежнымъ изъ людей своихъ депеши его на Линію отправить, что Г.-М. Лазаревъ и употребилъ въ пользу. Изъ послѣдствія видно будетъ, что курьеръ сей благополучно на Линію доѣхалъ и съ повелѣніями отъ Главнокомандующаго возвратился.

Они состояли въ слѣдующемъ: что назначенный къ предпріятіямъ противъ Россійскихъ войскъ, Сардарь-Пиръ-Кулы-Ханъ находившійся съ 10-ю тыс. войскъ своихъ въ Нахичевани, отправился съ оными къ Шушѣ, какъ казалось, для исполненія повелѣній Баба-Хана, чтобъ Нухинскаго Магметъ-Асанъ-Хана, Россіянамъ приверженнаго, свергнуть, а на его мѣсто возвести Селимъ-Хана, въ Шушѣ пребывающаго; а потомъ, умноживъ силы свои, ити съ оными обратнымъ путемъ чрезъ Шушу въ Белоканъ и, присоединивъ къ себѣ Лезгинцевъ изъ Дагестана, тамъ въ большихъ партіяхъ находящихся, продолжать свой путь въ Кахетію, для произведенія въ дѣйство своихъ предпріятій изгнаніемъ войскъ Россійскихъ.

Къ Царевичу Александру и чиновникамъ, при немъ находящимся, между тѣмъ отправлено было письмо отъ Царицы Даріи, заключавшее просьбу ея, чтобъ они всѣми мѣрами старались выполнить предпріятое ими уже дѣло, увѣряя ихъ, что, по малочисленности и въ самомъ Тифлисѣ Россійскихъ войскъ, удобнѣйшее то было время ко впаденію съ толпой Пиръ-Кулы-Хана и Белоканскихъ Лезгинцевъ въ Кахетію, гдѣ майдетъ всѣхъ Князей и Дворянъ въ готовности ему вспомоствовать.

Что Царь Имеретинскій вмѣстѣ съ Царевичами Юлономъ и Парнаозомъ также состоитъ въ готовности къ содѣйствію съ Царевичемъ Александромъ; что Ахалхисскій Паша, по связи своей съ Царемъ Имеретинскимъ и помянутыми Царевичами, равнымъ образомъ къ нимъ присоединить до 3,000 Лезгинъ, и что Царь и Паша ожидаютъ токмо того, чтобъ Пиръ-Кули-Ханъ и Царевичъ Александръ переправились черезъ рѣку Алазань.

Съ сими неблагопріятными обстоятельствами увеличивались и внутреннія беспокойства отъ безпрестанныхъ въ разныхъ мѣстахъ набѣговъ Лезгинъ, приводимыхъ самими жителями, въ заговорѣ съ фамиліей Царской участвовавшими, какъ казалось съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ какъ можно болѣе развлечь наши войска.

Царская же фамилія, въ коей главнѣйшую роль играетъ Царица Дарія, всѣми мѣрами старалась народъ привести въ волненіе, убѣждая ихъ къ тому доказательствами, что онъ, въ исканіи подданства своего къ Россіи, самъ себя обманываетъ и, вмѣсто защиты отъ Правительства, сносить токмо притѣсненія.

Со стороны же Кавказа Царевичъ Вахтангъ, пребывая въ Душетѣ, подъ предлогомъ опасенія отъ Лезгинцевъ, которые никогда до его владѣнія не достигали, набиралъ войска и возмущилъ Осетинцевъ и Тагаурцевъ, въ горахъ живущихъ по дорогѣ изъ Грузіи къ Моздоку, для пресѣченія комуникаціи.

Царевичъ Давидъ въ самое то время, подъ предлогомъ недорожья и для лучшаго воздуха, уѣхалъ изъ Тифлиса къ Борчалинскимъ Татарамъ, для возбужденія сихъ къ содѣйствію въ общемъ заговорѣ.

Царица Дарія, главнѣйшая начальница всѣхъ предосудительныхъ замысловъ, безпрестанную имѣя переписку съ Царевичемъ Александромъ и съ Царевичами, въ Имеретіи находившимися, имѣя пребываніе свое въ предмѣстіи Тифлиса, Авлабаръ называемомъ, завела у себя тайныя сходбища единомышленниковъ и посредствомъ ихъ разсѣвала въ народѣ разные слухи и подавала надежду, что вскорѣ они будутъ избавлены отъ Русскихъ.

Мостъ, соединяющій Тифлисъ съ Авлабаромъ, былъ зажженъ по ея повелѣнію. Предосторожность сія со стороны возмутителей была одна изъ лучшихъ, и такова, что если бъ наше войско не спасло моста, то, безъ всякаго сомнѣнія, предпріятія ея были бы удачнѣйшія; ибо сокрушеніемъ моста сего прекратили бы они вовсе путь въ Кахетію для нашихъ войскъ, туда ити изъ

готовившихся; переправиться же черезъ Куру не было возможности за поволодіемъ и быстротой. Единственный бы тогда способъ оставался тотъ, чтобъ войскамъ ити по теченію Куры верстъ за 40 къ лѣсамъ, и тамъ бы развѣ строить мосты, что бы стоило не малой потери времени.

Изъ числа Князей и Дворянъ Тифлисскихъ малѣйшая часть пребыла непоколебима въ вѣрности своей къ Россіи и оною предводительствуетъ усерднѣйшій бывший Сардарь, Князь Иванъ Орбеліановъ; но и они начинали колебаться и высматривали, на которой сторонѣ будетъ перевѣсъ.

Татары всѣ вообще пристали къ бунтовщикамъ и, при малѣйшемъ лучѣ надежды, готовы были первые оружіе обратить на Россіянъ.

Стеченіе всѣхъ сихъ обстоятельствъ производило сильное вліяніе въ народѣ, испытанномъ уже въ легковѣрїи и безразсудности, съ присовокупленіемъ къ тому всеобщаго ропота на нынѣшнее Правительство, на медленность въ рѣшеніи дѣлъ и на прятѣсенія, повсюду гражданскими начальниками дѣлаемая, произвело въ ономъ не менѣе того и трепеть отъ нападенія, которое готовились сдѣлать на ихъ отечество Царевичъ Александръ съ Пиръ-Кули-Ханомъ и съ Царевичами, въ Имеретіи живущими; произвело сильное волненіе въ самомъ Тифлисѣ; кромѣ того что подобное уже происходило въ Кахетіи и Казахѣ; разнесшіеся же слухи, посредствомъ неблагонамѣренныхъ, о отступленіи войскъ нашихъ въ Россію и о намѣреніи Царевича Вахтанга, съ помощью Горскихъ жителей, не пропустить чрезъ горы полковъ, для подкрѣпленія войскъ нашихъ въ Грузіи съ Линіи назначенныхъ, вовлекло весь народъ въ совершенное уныніе.

Г.-М. Лазаревъ, по начальству своему въ Грузіи, за отсутствіемъ Главнокомандующаго, недремлющимъ окомъ все внутренне положеніе созерцая, съ своей стороны не упустилъ ничего къ принятію всѣхъ мѣръ, осторожностей, для возстановленія повсюду тишины и спокойствія.

Всѣмъ воинскимъ начальникамъ, въ разныхъ мѣстахъ Грузіи съ отрядами войскъ находящимся, послалъ предписанія, чтобъ они съ наблюденіемъ дѣйствъ непріятельскихъ, всячески старались успокоить жителей, обращая неблагонамѣренныхъ на путь истинный, противниковъ же, не покоряющихся и нарушающихъ

присягу, чтобъ за карауломъ присылали въ Тифлисъ. Для успокоенія же Тифлискихъ жителей и для приведенія непокорныхъ въ повиновеніе, ввелъ онъ въ сію столицу изъ лагеря баталіонъ егерей, и оный расположилъ въ предмѣстіи.

Въ мѣсто пребыванія Царевича Вахтауга, Душетъ, послалъ, при надежномъ Офицерѣ, отрядъ изъ 50 человекъ состоявшій, который при укрѣпленіи важнаго поста въ урочищѣ Гартискарѣ долженствовалъ имѣть наблюденіе и на Карталинію и не допускать Царевича Вахтауга замыслы свои производить въ дѣйство.

За симъ равнымъ образомъ сдѣланы Г.-М. Лазаревымъ нужная распоряженія для отраженія непріятели въ случаѣ впаденія онаго въ Кахетію, какъ главнѣйшее сборное мѣсто всѣхъ мятежниковъ, того ожидавшихъ

Послѣ сего, Іюля 24-го, Г.-М. Лазаревъ получилъ рапортъ отъ находившагося въ Телавѣ Г.-М. Гулякова о томъ, что онъ, провѣдавъ о нѣкоторыхъ Князьяхъ, въ мятежѣ участвовавшихъ, ихъ арестовалъ, а именно: двухъ Князей Семена и Давыда Кобуловыхъ, Князя Іосифа Чавчавадзе и Протоіерея Елемперія, изъ коихъ первый разсылалъ возмутительныя письма по Кахетіи и бумагу къ подпискѣ о избраніи Царя, а послѣдніе съ нимъ въ сочиненіи того участвовали. На другой же день получилъ Г.-М. Лазаревъ отъ него же рапортъ, что еще имъ арестованы единомышленники, а именно: Князя Тамоза Кобулова, сына Князя Семена, дворянина Алексѣева, сына Протоіерея Николая и Армянина Назара, открывшаго о перепискѣ Князя Семена Кобулова съ Царемъ Александромъ, и что живущіе въ селеніи Кварели Князя Григорій и Вата Чавчавадзевы, не извѣстно куда бѣжали.

27-го донесъ онъ же Г.-М. Лазареву, что Князья Кахетинскіе покушались силой освободить изъ подъ ареста помянутыхъ Князей и дворянъ и склоняли народъ къ исполненію того, но что, по истолкованію его, Г.-М. Гулякова, народу о дурныхъ отъ того слѣдствіяхъ для нихъ самихъ, Князья сіи въ томъ не успѣли, а что послѣ сего, раздѣляясь на партіи, съ своими крестьянами скрывались днемъ въ лѣсахъ, а ночью приходили въ селенія; а поелику Г.-М. Гуляковъ испрашивалъ повелѣнія, продолжать ли арестовать явно тѣхъ, которые въ заговорѣ окажутся, то Г.-М. Лазаревъ ему предписалъ, что арестъ произведенъ быть непременно долженъ, но что въ томъ слѣдуетъ ему поступать съ величайшей

осмотрительностію, дабы, подъ видомъ мятежниковъ, не были взяты невинные.

Вскорѣ послѣ сихъ рапортовъ явился къ Г.-М. Лазареву Князь Луарсабъ Орбеліановъ, бывшій въ собраніи Князей Кахетинскихъ, привезшій отъ нихъ письмо, содержаніе коего неоспоримо подтвердило явное возмущеніе Кахетинскихъ Князей. Въ то же самое время сообщено ему и отъ Правителя Грузіи отношеніе жителей Гурчанскаго селенія Капитанъ-Исправнику Сигнахскому о томъ же, что они Россіи повиноваться не хотятъ, а требуютъ Царя. Князь Луарсабъ Орбеліановъ, при подаваніи того письма, донесъ Г.-М. Лазареву словесно, что мятежники писали къ Царевичу Вахтангу просьбу о непропускѣ войскъ Россійскихъ въ Грузію, буде таковыя отряжены будутъ съ Линіи, о приказаніи сломать мосты на рѣкѣ Терекѣ по дорогѣ черезъ горы и, однимъ словомъ, чтобъ онъ всячески старался пресѣчь комуникацію нашихъ начальниковъ съ Россіей; что сія же мятежники намѣревались писать къ Царевичу Александру для подаванія извѣстія, что они находятся въ ожиданіи его прибытія съ войсками.

Съ самаго уже отъѣзда изъ Тифлиса Главнокомандующаго на Линію, Начальства въ Грузіи не получали отъ него никакихъ повелѣній по той причинѣ, что, какъ уже часто упомянуто, Горцы, возбужденные Царевичемъ Вахтангомъ, не пропускали никого ни изъ Россіи въ Грузію, ни обратно; по чему Г.-М. Лазаревъ, соображая критическое положеніе внутри Грузіи съ опасностями, извнѣшнюю угрожавшими отъ непріятелей, со всѣхъ сторонъ стремившихся на истребленіе войскъ, ему вѣрренныхъ, рѣшилъ составить совѣтъ для положенія мѣръ общими разсужденіями къ возстановленію внутренняго устройства, когда, между тѣмъ, съ его стороны сдѣланы уже были распоряженія къ отраженію непріятеля оружіемъ.

На совѣтъ сей приглашены были Кавказскаго гренадерскаго полку шефъ Г.-М. Тучковъ, Правитель Грузіи, Т. С. Графъ Мушинъ-Пушкинъ, и нѣсколько изъ благонамѣренныхъ Князей: Орбеліановъ, Тархановъ и Макаевъ.

Разсужденія совѣта сего воспріяли только свое начало и рѣшенія никакого еще положено не было, какъ возвратился отъ Главнокомандующаго курьеръ съ повелѣніями о укрощеніи мятежа, на его о томъ донесенія первоначальныя отъ 20 Іюля, по чему и совѣтъ уже рушился. Въ то же время получилъ Г.-М. Лазаревъ

рапортъ отъ Полковника Солениуса, что, по извѣстіямъ, къ нему дошедшимъ, о сборищѣ Князей Кахетинскихъ, отправился онъ для разрушенія ихъ сходбища съ двумя мушкетерскими ротами, но что, когда онъ къ нимъ приближался, то они угрожали его застрѣлить, если не отступитъ, и что онъ (по видимому, отъ излишней храбрости) отступилъ; по чему, разославъ подтвердительныя повелѣнія какъ о мѣрахъ къ отраженію непріятеля, такъ и о удержаніи въ повиновеніи народа, рѣшился Г.-М. Лазаревъ, съ баталіономъ егерей, нѣсколькими Казаками и однимъ орудіемъ, самъ выступить въ Кахетію, какъ главнѣйшее мѣсто сборища мятежниковъ, такъ и то, на которое располагался сильнѣйшій ударъ отъ непріятелей, съ тѣмъ намѣреніемъ, что если не подвѣдываютъ убѣжденіе и ласки, то чтобъ усмирить коварныхъ силой орудія.

Усматривая же необходимость въ удержаніи спокойствія въ самомъ Тифлисѣ, въ предмѣстіи коего и корень всего мятежа, Царица Дарія, находилась, предписалъ Г.-М. Лазаревъ егерскому баталіону, въ лагерь на рѣкѣ Алгеттѣ расположенному, по выступленіи своемъ расположиться на квартирахъ въ предмѣстіи Авлабарскомъ, гдѣ дворецъ Царицы, а къ Ея Высочеству отрядить караулъ изъ 12-ти егерей съ однимъ Унтеръ-Офицеромъ для наблюденія, подъ предлогомъ ея охраненія отъ опасности, по тогдѣшнимъ смутнымъ обстоятельствамъ,

Столь же необходимо было вызвать Царевича Вахтанга изъ Душета. То, для исполненія того благовиднымъ образомъ, написано было къ нему письмо отъ Правителя, Г. Коваленскаго, въ тѣхъ выраженіяхъ, что, по обстоятельствамъ, его пребываніе въ Тифлисѣ необходимо; что прибытіемъ своимъ туда безъ отлагательства докажетъ онъ ревность и усердіе свое къ Государю Императору, которымъ онъ всегда предъ прочими отличался. Письмо сіе отправлено было съ Грузинскимъ Княземъ... на коего можно было надѣяться, но какъ весьма мало надежды предвидѣлось, чтобъ Царевичъ Вахтангъ на приглашеніе склонился, то и былъ командированъ Г.-М. Тучковъ, съ немалымъ числомъ оружія, для приглашенія лично Его Свѣтлости, а при томъ, если бъ не было и въ томъ успѣха, то чтобъ тогда, подъ присмотромъ воинской команды, его въ Тифлисъ препроводить, а довѣреннѣйшаго его дворянина, Глаха Джипадзе, участвовавшаго съ Царевичемъ въ возмущеніи Горцевъ, съ нимъ же доставить арестованнаго.

Іюля 30-го, на канунѣ же выступленія Г.-М. Лазарева въ пред-

положенный походъ, уже въ полночь пришелъ къ нему ефрейторъ секретнаго бекета отъ Авлабарскихъ воротъ съ рапортомъ о пріѣхавшей толпѣ изъ Кахетіи, Посланъ былъ Комендантъ для развѣданія о лицахъ, который скоро возвратился и съ'собой привелъ Митрополита Бодбельскаго, который объявилъ, что имѣеть письма къ Г.-М. Лазареву и къ Правителю «отъ общества Князей Кахетинскихъ, недовольнаго Правительствомъ,» содержаніе коихъ было, что они набрали себѣ Цареня Царевича Юлона, и собравъ отъ всѣхъ единомышленныхъ о томъ подписки, учинили, въ присутствіи сего же Митрополита, въ томъ присягу. Хотя Г.-М. Лазаревъ и представилъ ему о нецѣлости сего выбора и что поступокъ ихъ противенъ общему спокойствію, и что тѣмъ они нарушили присягу предъ престоломъ Божиимъ въ вѣрности Государю Императору, ими запечатлѣнную, но Митрополитъ съ твердостью то опровергалъ, говоря, что выборъ сдѣланъ съ намѣреніемъ просить утвержденія онаго Государемъ Императоромъ. Не входя въ дальнія съ Митрополитомъ симъ объясненія, Г.-М. Лазаревъ, оставивъ его въ своемъ домѣ, подъ приличнымъ присмотромъ, а находившагося при немъ Священника препоручилъ въ наблюденіе Тифлискому Коменданту, который, учинивъ ему формальный допросъ о всемъ происходившемъ въ Кахетіи, представилъ оный къ Г.-М. Лазареву, а сей Главнокомандующему, съ подробнѣйшимъ донесеніемъ всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ въ Грузіи обстоятельствъ.

На другой день Князь Орбелиановъ, Тархановъ и Макаевъ просили у Г.-М. Лазарева дозволенія видѣться съ симъ Митрополитомъ: Какъ онъ не заключалъ въ томъ никакого подозрѣнія въ разсужденіи того, что сіи три особы наиболѣе ему вспомоществовали къ приведенію въ порядокъ разрушившагося и въ спокойствіе волновавшагося ихъ отечества, то онъ имъ въ томъ не воспрепятствовалъ.

Окончивъ съ нимъ свое свиданіе, они возвратились къ Г.-М. Лазареву и ему объявили о раскаяніи Митрополита въ проступкѣ, имъ сдѣланномъ, и желаніи его путешествовать съ Г.-М. Лазаревымъ въ Кахетію, чтобъ быть орудіемъ въ обращеніи на путь истины съ онаго совратившихся. Съ общаго съ Правителемъ согласія Г.-М. Лазаревъ взялъ съ собой Бодбеля.

Внѣшнія же обстоятельства, между тѣмъ какъ въ Кахетіи про-

исходило выше писанное, нѣкоторымъ образомъ получили другой видъ.

Пиръ-Кули-Ханъ, по извѣстіямъ, о томъ полученнымъ, пошелъ отъ Шуши обратно и расположился съ войсками, имѣя при себѣ и сына Шушинскаго Хана, верстахъ въ 60-ти отъ Нахичевана, продолжая при томъ настоятельное требованіе отъ Хана Ериванскаго выше показанной суммы; Ханъ же, отчаявшись получить подкрѣпленіе своимъ силамъ войсками Россійскими изъ Грузіи, рѣшился сумму Пиръ-Кули-Хану выплатить, сдѣлавъ съ нимъ положеніе о взаимныхъ вспоможеніяхъ Царевичу Александру, котораго Ханъ препроводилъ уже въ Ганжу для способствованія.

Царь Имеретинскій и Паша Ахалцихскій пребывали въ прежнихъ между собою соотношеніяхъ, а Царевичи Юломъ и Парнаозъ, оставя Кутаисъ, жили въ Слери, версть за 40 отъ границы Грузинской, въ ожиданіи успѣшнаго совершенія предиріятій, въ Кахетіи ознаменовавшихся. Лезгинцы изъ Дагестана безпрестанно въ Белоканѣ умножались; о Царевичѣ же Александрѣ въ тотъ же день получено извѣстіе, что онъ, съ многочисленною партіей Лезгинъ, находится въ Белоканѣ и хочетъ оттуда учинить съ ними нападеніе на Грузію.

1-го Августа Г. Тучковъ прибылъ въ Душетъ, а по троекратной пересылкѣ его къ Царевичу Вахтангу о желаніи съ нимъ видѣться, Царевичъ сей, подъ разными предлогами, отъ того отклонялся; по чему Г. Тучковъ и приказалъ стоявшимъ въ отдаленіи отъ его замка Казакамъ имѣть наблюденіе за выходящими изъ замка, и если въ числѣ таковыхъ примѣнены будутъ вооруженные, приводить ихъ къ нему. По второй Г. Тучкова посылкѣ къ Царевичу выѣхалъ изъ воротъ одинъ конно-вооруженный Грузинъ, который, не соглашаясь на приглашеніе Казаковъ явиться къ Г.-М. Тучкову, обратился въ бѣгство, но Казаками былъ пойманъ и къ Тучкову приведенъ. Сей же, препоручивъ его правящему въ Душетѣ должностъ Коменданта Майору Гудиму, и приказавъ ему арестанту учинить допросъ, самъ поспѣшилъ къ Царевичу.

Въ слѣдъ за симъ донесено ему было, что изъ задней калитки замка выбрались 2 Грузина. Приказавъ ихъ схватить, Г. Тучковъ продолжалъ ити къ Царевичу; но едва сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ былъ встрѣченъ Грузинскимъ Княземъ Бергвелемъ Тумановымъ, донесшимъ ему съ торопливостію, что Царевичъ ушелъ тайно изъ своего замка, скрылся на гору въ таковой, при-

надлежащей дворянину Глахѣ Джишадзеву. Ту же минуту Г.-М. Тучковъ, сѣвъ на лошадь, устремился съ нѣсколькими Казаками къ помянутому замку, а находящимся въ Душетѣ гренадерамъ приказалъ замокъ Царевича занять караулами. Поднявшись къ замку Глахи, и окруживъ оный Казаками, тщетно Г.-М. Тучковъ въ ономъ искалъ Царевича, кашедъ при томъ всѣ онаго двери запертыми. Оставя при ономъ караулъ, сдѣлавъ онъ поискъ въ лѣсу; но безъ успѣха; по чему, возвратясь въ Душетъ, предпріялъ онъ ити къ Царевнѣ, супругѣ бѣжавшаго Царевича, для узнанія отъ нея, куда супругъ ея укрылся; но, вмѣсто супруги Царевича, нашелъ тутъ Г.-М. Тучковъ Царевну Катевану, супругу покойнаго Царевича Вахтанга, сего Царевича тетку, которая, сдѣлавъ множество укоризнъ Г.-М. Тучкову на счетъ неблагодарности Россіянъ къ заслугамъ Царевича Вахтанга, ничего ему о томъ не объявила. Возвращаясь отъ нея, Г.-М. Тучковъ увидалъ нѣсколько человѣкъ, скачущихъ по горамъ съ ужаснымъ крикомъ. На вопоръ его, что сіе значить? объявлено ему было, что сіи люди скликають Душетскихъ жителей къ вооруженію, которые, совокупно съ многими изъ окрестныхъ селеній, дѣйствительно съ оружіемъ выбирались въ лѣса.

Съ Г.-М. Тучковымъ находились въ Душетѣ токмо 60 гренадеръ, до 50-ти Казаковъ, которыхъ большая часть прибыла съ нимъ изъ Тифлиса, и отъ поисковъ въ лѣсѣ Царевича весьма были утомлены. Однако же онъ, выбравъ надежнѣйшихъ изъ нихъ, имъ приказалъ, если не можно будетъ переловить скачущихъ по горамъ скликальщиковъ, то, по крайней мѣрѣ, ихъ не допускать до деревень; а между тѣмъ, взявъ всѣ воинскія осторожности, послалъ онъ на постъ Гарискарской, чтобъ стоящая тамъ рота егерей съ орудіемъ немедленно прибыла къ нему въ Душетъ.

Скликальщики были разогнаны: и одинъ токмо изъ нихъ, Моуравъ Тухетской, Бераъ Кобіевъ, бывъ въ лѣсу достигнуть Казакомъ и пикой его угрожаемъ, сдался ему, и въ видѣ плѣнника былъ приведенъ къ Г.-М. Тучкову. Помянутая же Царевна Катевана, не довольствуясь неистовыми изреченіями Г.-М. Тучкову, выбѣгала на башню и убѣждала крикомъ своимъ народъ къ подъятію оружія противъ Россіянъ, называя ихъ измѣнниками, для защищенія Царевича Вахтанга.»

Г.-М. Тучковъ между тѣмъ всевозможное производилъ въ дѣй-

ство къ удержанію волнующагося народа и къ отвращенію междубособія, которое, по преданности многихъ Карталинскихъ Князей къ Царевичу Вахтангу, легко возникнуть бы могло, и на сей конецъ издалъ тотчасъ объявленіе, что кто осмѣлится приставать къ мятежникамъ и злымъ намѣреніямъ Царевича Вахтанга вспомоствовать, съ таковымъ и съ его семействомъ погублено будетъ найстрожайше, присоединивъ къ тому и словесное, въ сильныхъ выраженіяхъ, увѣщаніе къ народу. Въ окрестныя же дѣрѣвни посланъ былъ отъ Г.-М. Тучкова съ подобнымъ объявленіемъ Земскій Исправникъ Переяславцевъ съ командой, а при томъ часто упоминаемый Г.-М. послалъ и въ Гори, къ начальствующему тамъ Подполковнику Симоновичу, приказаніе о принятіяхъ мѣръ осторожности въ Карталиніи и объ отряженіи въ Душетъ 2-хъ гренадерскихъ ротъ.

О всѣхъ же сихъ подвигахъ своихъ и о бѣгствѣ Царевича Вахтанга, Г.-М. Тучковъ безъ упущенія сообщилъ Г. Правителю Грузіи, который, по поводу таковаго нарушенія Царевичемъ присяги, въ силу Высочайшаго Манифеста, выславъ обвѣщеніе, что всѣ помѣстья, ему принадлежащія, должны поступить въ казенное вѣдомство; что Земскими начальниками тогда же и исполнено.

Г.-М. Тучковъ между тѣмъ, тщательнѣе занимаясь изысканіемъ мѣстопребыванія укрывшагося Царевича, старался заградить ему всѣ пути къ дальнѣйшему его уходу, и для того счелъ за нужное собрать нѣсколько вѣрныхъ и надежныхъ Грузинъ, которые бы имѣли познаніе о мѣстахъ, чрезъ кои Царевичъ обратиться можетъ, или въ Кахетію, или же за границу, къ Дагестану; по чему и послалъ къ Князьямъ Еристовымъ, извѣстнымъ своимъ усердіемъ и ревностью, чтобъ они найпоспѣшнѣе собрали сколько возможно своихъ вооруженныхъ людей, что ими и было исполнено.

Въ то же время нужно было взять предосторожности, чтобъ Царевичъ не успѣлъ возмутить Пшавской, Хевсурской и Тушинской народы. Г.-М. Тучковъ и сіе исполнилъ, отправивъ къ нимъ отъ себя увѣщанія на письмѣ чрезъ ихъ же Моурава, Г.-М. Челокаева, которыя со стараніемъ его получили желанный успѣхъ.

Изъ числа преданныхъ Царевичу Вахтангу единомышленниковъ находился въ Душетѣ нѣкто дворянинъ*....., о которомъ Г.-М. Туч-

* Пропускъ въ подлинникѣ. О. Б.

нову донесено, что ему не может не быть извѣстно о мѣстѣ нахожденія Царевича. Г.-М. Тучковъ, призвавъ его къ себѣ, посылалъ его къ Царевичу, поручая ему доставить письмо отъ Г. Коваленскаго; но Дворянинъ отговаривался незнаніемъ; когда же Г.-М. Тучковъ къ побужденію его употребилъ строгость, изъяснивъ ему, что противнымъ поступкомъ онъ будетъ сочтенъ измѣнникомъ, и за то со всѣмъ своимъ семействомъ пострадаетъ, тогда дворянинъ взявъ письмо, обѣщалъ Царевича отыскать и чрезъ 24 часа съ отвѣтомъ возвратиться, что дѣйствительно и исполнилъ. На вопросъ же, Г.-М. Тучковымъ ему сдѣланный, гдѣ Царевичъ находится, онъ объявилъ, что нашелъ его въ лѣсу, верстахъ въ 30 отъ Душета, но что онъ болѣе 2-хъ часовъ на одномъ мѣстѣ не остается, переѣзжая безпрестанно съ мѣста на мѣсто.

Довольствуясь тѣмъ, что могъ съ Царевичемъ Г.-М. Тучковъ открыть переписку, посылалъ онъ неоднократно того же дворянина съ увѣщательными письмами къ Царевичу, убѣждая его возвратиться изъ лѣсу и съ нимъ, видѣться; но Царевичъ, отъ того отклоняясь, присылалъ отвѣты, наполненные разными несообразностями.

Между тѣмъ какъ сія переписка продолжалась, то Г.-М. Тучковъ получилъ отъ Душетскаго Коменданта, Маіора Гудина нарочнаго съ перехваченными имъ письмами, отъ Царевича Вахтанга въ Россію отправленными. Письмо Царевича было къ Главнокомандующему съ изъясненіемъ горести и что ему, какъ молодцу, постыдно казалося такъ отдаться въ руки войскамъ.

Записка къ Попу Алексѣю, доказывающая ясно вліяніе Пана Алексѣя въ интригахъ Царской фамиліи и его ходатайство у Главнокомандующаго за Царевича Вахтанга. Она была сего содержанія: «Почтеннѣйшій отецъ Алексѣй! Не жалѣете ли? Какое счастье ожидалъ я себѣ, и какое несчастіе постигаетъ меня! Знаю я, какъ вы будете сожалѣть обо мнѣ, и какъ вы будете трудиться для меня.»

Какъ же скоро отрядъ Г.-М. Тучкова усилился прибывшими изъ Горн и изъ Гартисқари ротами, тогда онъ отправилъ въ Казбекъ Князя Шешшу Еристова и Земскаго Исправника Переславцева съ партією изъ 60-ти человекъ Казаковъ и Грузинъ, для воспрепятствованія извѣстнымъ намѣреніямъ Царевича возмутить Горскихъ жителей. Разосланные же въ разныя стороны вооруженные люди бывшихъ въ сихъ дѣйствіяхъ съ Г.-М. Тучковымъ

Грузинскихъ Князей Соломона Тарханова и Еристовыхъ, открыли наконецъ, что Царевичъ укрывается въ ущелин Гудамарскомъ, не подалеку отъ Паса-Наура, граничащимъ съ Хевсурами, къ которымъ и были отъ него посланы люди, равно какъ и къ Пшавскимъ и Тушинскимъ жителямъ, для соглашенія ихъ на свою сторону; но они, бывъ въ томъ упреждены Г.-М. Тучковымъ, посредствомъ поминутаго Моурава Князя Челакаева, Царевичу не повиновались.

Сдѣлавъ наконецъ преграду умноженіемъ пикетовъ и постовъ во всѣхъ мѣстахъ, чрезъ которыя опасаться было можно, чтобъ Царевичъ куда ни будь пробрался далѣе, Г.-М. Тучковъ пошелъ самъ съ 2-мя ротами прямо къ Гудамарскому ущелью, а впередъ себя прислалъ къ Царевичу съ извѣстіемъ о своемъ приближеніи и желаніи съ нимъ видѣться, увѣряя его при томъ, что онъ ни малѣйшаго противъ него злаго намѣренія не имѣетъ, если онъ токмо самъ къ тому не захочетъ подать поводу.

Устрашенный прибытіемъ Г.-М. Тучкова, Царевичъ Вахтангъ, не имѣя при себѣ болѣе 20 человекъ, и вѣдая о пресѣченіи всѣхъ путей къ бѣгству, выѣхалъ наконецъ изъ ущелья на встрѣчу къ Г.-М. Тучкову, 10-го Августа, со всѣми своими людьми. Онъ былъ принятъ Г.-М. Тучковымъ со всевозможною учтивостію и уваженіемъ и препровожденъ имъ въ Душетъ.

Царевичъ, стараясь оправдаться и злонамѣренность свою представить въ видѣ невинности и устрашенія отъ приближенія войскъ, долженъ, однако же, былъ признаться въ своемъ проступкѣ, и Г.-М. Тучкову съ раскаяніемъ говорилъ, что за прежнюю его службу сію вину можно бы ему было простить; а при томъ просилъ, чтобы ему было позволено въ Тифлисѣ пріѣхать безъ провожденія Казаковъ. Г.-М. Тучковъ, на то согласившись, приказалъ, однако же, конвою ити въ отдаленности, съ строжайшимъ за Царевичемъ наблюденіемъ.

Всѣ сіи подвиги Г.-М. Тучкова, безъ малѣйшаго кровопролитія мятежъ совершенно укротившіе, разрушили при томъ и общія въ Грузіи мятежниковъ предпріятія возмущеніемъ жителей Кавказскихъ горъ прекратить коммуникацію съ Россіей.

Между тѣмъ какъ Г.-М. Тучковъ экспедицію свою въ Душетъ производилъ въ дѣйство, Г.-М. Лазаревъ получилъ отъ Г.-М. Гулякова рапортъ, подтверждавшій о возмущеніи Князей Кахетин-

скихъ и что Царевичъ Александръ готовится вскорѣ съ многочисленнымъ войскомъ прибыть въ Грузію отъ Алазани.

Подполковникъ Солениусъ рапортовалъ Е.-М. Лазареву, что общество Кахетинскихъ мятежниковъ отравило двухъ человекъ къ Царевичу Юлону съ письмами, а именно: Датія-Бата-Швили и Ма-мука-Джаны-Швили, о чемъ сообщено было Правителю и для поимки ихъ на границахъ взяты мѣры.

А при томъ, какъ на домъ Мухранскій, по связи онаго и родству съ Царицей Даріей, никакъ нельзя было полагаться въ его вѣрности, то Г.-М. Лазаревъ отнесся къ Правителю и о томъ, чтобъ за онымъ былъ присмотръ.

Напоследокъ Г.-М. Лазаревъ, по устроеніи въ самомъ Тифлисѣ всего къ опроверженію нагубныхъ дѣйствій мятежниковъ, и сдѣлавъ нужныя распоряженія предписаніями своими повсюду къ начальствамъ частныхъ воинскихъ отрядовъ, выступилъ самъ, Августа 1-го, въ Кахетію, взявъ съ собою данныхъ отъ Правителя Князя Александра Макаева, оказывавшаго во всякомъ случаѣ благонамѣренность свою, Князя Луарсаба Орбелианова и Митрополита Бодбельскаго, раскаявшагося въ поступкахъ своихъ, для употребленія ихъ всѣхъ къ обществу мятежниковъ Кахетинскихъ.

Прибывъ 2-го Августа, на рѣку Лакбе, разстояніемъ на 15 верстъ отъ Сигнаха, и узнавъ, что мятежники собираются не далеко отъ сего мѣста, 3-го числа онъ отправилъ къ нимъ, съ Княземъ Макаевымъ и Митрополитомъ, письмо такого содержанія:

Что, усматривая изъ ихъ къ нему писемъ ихъ заблужденія и поступки, вѣрноподданнымъ Его Императорскому Величеству не приличествующіе и нарушающіе общее благо и спокойствіе народа, дарованное оному всеильною рукой безпримѣрнаго въ щедростяхъ Монарха, избавленіемъ онаго отъ бѣдствій, въ которыя они, таковыми паки соотчичей своихъ вовлекаютъ, прибывъ онъ къ жилищамъ ихъ съ тѣмъ, чтобъ ихъ обратить на путь истины, обѣщая прощеніе и милосердіе отъ Государя Императора всякому, пожелающему принести раскаяніе и признаться въ противныхъ поступкахъ, съ требованіемъ при томъ добровольнаго ихъ къ нему прибытія въ Сигнахъ.

Самъ же Лазаревъ того числа приближался съ баталіономъ своимъ къ Сигнаху и расположился квартирами въ селеніи Нукревнахъ, для ожиданія отъѣзда мятежниковъ, или выполненія ими, по содержанію письма, отъ него къ нимъ, отпращающаго.

3-го числа явился къ Г.-М. Лазареву Князь Николазь Чернозовъ, съ признаніемъ и раскаяніемъ въ поступкахъ своихъ. По уличеніи присяги, просилъ онъ Г.-М. Лазарева о освобожденіи взятыхъ С.-М. Леонтьевымъ, подъ арестъ Князей Намія и Константина Чернозо-Швили, на что Г.-М. Лазаревъ согласился, взявъ отъ него, однако же, обязательство, чтобъ онъ же, по освобожденіи ихъ, привезъ съ собою въ Сигмахъ; что онъ дѣйствительно и исполнилъ.

5-го числа, въ назначенный срокъ съ возвращеніемъ Князя Макаева и Митрополита Бодбея, явились къ Г.-М. Лазареву нѣсколько Князей знатнѣйшихъ Кахетинскихъ семействъ.

И въ многомъ ведерѣчи ихъ, и по увѣщаніямъ Г.-М. Лазарева, признались они наконецъ, что явились къ нему какъ нарушители присяги; ими въ вѣрности учиненной, съ признаніемъ, что таковой поступокъ къ стыду своему и безчестію сдѣлали и съ обѣщаніемъ, что впредь всячески стараться будутъ оный исправить.

Послѣ всего Г.-М. Лазаревъ имъ объявилъ, чтобъ они, учинивъ подтвердительную присягу на вѣрность Его Императорскому Величеству, пояснили и причины, къ мятежу ихъ побудившія. Сблгасившись на то, безъ малѣйшаго затрудненія, объявили они причины слѣдующія:

1-я. Разсѣяніе слуховъ, что будто всѣхъ Князей вѣрно переселить въ Россію:

2-я. Разсѣяніе слуховъ, особенно Исправникомъ Телавскаго Уѣзда, что Моуравства ихъ будутъ уничтожены.

3-я. Что они, по незнанію правъ Россійскаго Правленія, не извѣстны и о томъ, какіе предѣлы имѣетъ власть Земскихъ чиновниковъ, ниже не знаютъ и того, до какой степени простирается ихъ власть надъ крестьянами, и зависимость ихъ отъ помещиковъ, и наконецъ.

4-я. Что они, видѣвъ искательства фамиліи Царской о возстановленіи Царства Грузинскаго, восхотѣли въ томъ соучаствовать, для сдѣланія себя основанія къ будущему благополучію.

А при томъ неотступно просили Г.-М. Лазарева, чтобъ онъ имъ изъяснилъ то, о чемъ въ 3-мъ пунктѣ отъ нихъ предложено.

Г.-М. Лазаревъ, сдѣлавъ имъ приличныя опроверженія ихъ заблужденій, и наставленія, какимъ образомъ они впредь себя вести

долженствуютъ, на повторительное ихъ требованіе по 3-му пункту, имъ обѣщаль снестись съ Правителемъ Грузіи по сему предмету.

Они принесли благодарности Г.-М. Лазареву за его наставленія, клялись не оказывать впредь ни чего тому подобнаго къ нарушенію общаго спокойствія.

6-го и 7-го числа собирались къ нему, по приглашенію же его, изъ дальнѣйшихъ мѣстъ Кахетин мятежники, объявленія которыхъ во всемъ согласовались съ первыми, и съ ними Г.-М. Лазаревъ поступилъ такъ же.

На послѣдокъ общее ихъ признаніе состояло еще въ томъ, что они отправили къ Царевичу Юлону письмо, въ коемъ его приглашали на Царство, и что о томъ же дали знать и Царевичу Вахтангу.

По требованію же Г.-М. Лазарева составили они другое письмо къ Царевичу Юлону, въ противномъ того смыслѣ, которое Г.-М. Лазаревъ отдалъ Правителю для отправленія въ Имеретію.

По окончаніи сего Г.-М. Лазаревъ предписалъ Исправнику Сигнахскаго Уѣзда привести къ присягѣ нѣкоторыхъ старшинъ Квицкихъ, съ Кахетинцами во всемъ соучаствовавшихъ, по не надежности, чтобъ они впредь пребыли вѣрны въ своихъ званіяхъ, а паче по тому, что они могли бы сдѣлать мщенія народу, который пребылъ твердъ и къ ихъ замысламъ непреклоненъ. По предварительному сношенію съ Правителемъ, Г.-М. Лазаревъ приказалъ избрать по деревнямъ на ихъ мѣста другихъ Старшинъ, кои и избраны самими жителями.

За симъ же Г.-М. Лазаревъ счелъ приличнымъ, для поощренія народа и впредь къ такому похвальному поведенію, обвѣстить похвальный листъ въ Сигнахъ чрезъ Коменданта, а въ Уѣздѣ отъ Исправниковъ.

По усмиреніи мятежа Г.-М. Лазаревъ возвратился, и 12-го Августа прибылъ въ Тифлисъ.

Послѣ того, когда Архіепископъ Бадбель, привезшій въ Тифлисъ бумаги о избраніи Царя, былъ арестованъ, и когда въ Кахетин гласное ознаменовалось неспокойствіе, посланы были отъ Правительства чиновники, а именно: Исполнительной Экспедиціи Совѣтникъ Карнѣевъ съ Секретаремъ Лохвицкимъ, для разбирательства на мѣстѣ причинъ, произведшихъ возмущеніе. Сіе разби-

рательство подвержено великому сомнѣнію; ибо за основаніе возмущенія взяты какія-то поддѣльныя письма, яко бы отъ Князя Чавчавадзева писанныя къ его супругѣ, а ею будто въ Кахетіи опубликованныя. Истинное же показаніе Князей Кахетинскихъ, какъ утверждаютъ, въ дѣлѣ не употреблено, потому что въ ономъ весьма много правды они объявили Правителю на его лицо.

Г.-Л. Лазаревъ, по возвращеніи своемъ въ Тифлисъ, уже въ ономъ не засталъ Леонидзе, который, будучи вызванъ Царемъ Имеретинскимъ, для совѣщанія по предмету миссіи К. С. (Соколова) въ Имеретію, туда уѣхалъ; а между тѣмъ отряженные чиновники отъ Правительства для слѣдствія въ Кахетію возвратились, привезши съ собой Князей, главнѣйшихъ участниковъ возмущенія, которые пребываніе свое въ Тифлисѣ имѣли до Октябрина мѣсяца, а потомъ назадъ уѣхали.

Послѣ уже укрощенія возмущенія сего перехвачено было письмо отъ Царевича Юлона, писанное къ Князю Еристову, а въ то же время стало извѣстно, что подобныхъ писемъ возмутительныхъ и во всей Грузіи было довольно въ разныхъ мѣстахъ, и что Царевичъ Юлонъ яко бы находится уже въ Карталинѣ; по чему и приняты были мѣры къ захваченію самаго Царевича и къ доставленію его за карауломъ въ Тифлисъ, чего, однако же, не сбылось. Что же касается до возмутительныхъ его писемъ, то и отъ оныхъ опасаться болѣе уже было нечего въ разсужденіи того, что и мятежь былъ усмирень, и Царевичу Вахтангу пресѣчены были всѣ способы къ содѣйствію въ ономъ.

Изъ Еривани получены достовѣрныя извѣстія, что Ериванскій Ханъ дѣйствительно примирился съ Пиръ-Кулы-Ханомъ, Сардаремъ Персидскимъ условія же, на коихъ примиреніе сіе послѣдовало, суть слѣдующія:

Ханъ Ериванскій согласился уступить Сардарю, вмѣсто требованныхъ имъ у выходцевъ Нахичеванскихъ, 200 семей изъ селенія Кунгулы.

Что Пиръ-Кулы-Ханъ слѣдуетъ съ войскомъ на границу Карабахскую, къ мѣстечку Устабадари, куда прибылъ и Шущинскій Ибрагимъ-Ханъ съ дѣтми своими и съ Селимъ-Ханомъ для совѣщанія, на коемъ было положено, чтобъ всѣмъ соединенно вти для сверженія Нухинскаго Магметъ-Ассанъ-Хана и возведенія на его достоинство Селимъ-Хана, а потомъ, чтобъ послать къ Ган-

жинскому Хану, для приглашенія его къ содѣйствию въ общихъ предпріятіяхъ на Грузію, и, въ случаѣ, если бѣ Ханъ Ганжинскій не согласился на приглашеніе сіе, то чтобъ его наказать; что въ помянутомъ же мѣстечкѣ Устабалари у Пиръ-Кулы-Хана пребываетъ и Царевичъ Александръ. Что Пиръ-Кулы-Ханъ отправилъ 2-хъ курьеровъ къ Баба-Хану, съ настоятельными требованіями 4,000 человекъ, для слѣдованія съ корпусомъ своимъ на Грузію, для истребленія войскъ Россійскихъ, соединенно съ Шекинскими, Ширванскими и Ериванскими; что Ериванскій Ханъ пребывалъ непоколебимъ въ намѣреніи оказывать съ своей стороны всякое пособіе Царевичу Александру и весьма настаивалъ, чтобъ предположенныя операциі на Грузію, вскорѣ были произведены въ дѣйство, побуждая къ содѣйствию Царевича Имеретинскаго и Ахалцихскаго Шерифъ-Пашу увѣреніями о достаточномъ числѣ войскъ Персидскихъ.

Что у Ахалцихскаго Паши Дагестанцевъ весьма довольно, и что письма неблагонамѣренныхъ въ Грузіи оттуда къ Царевичу Александру и отъ него къ нимъ отправляются чрезъ сего Пашу.

Что бѣжавшіе изъ Кахетіи Князья, въ числѣ 20, находятся въ Еривани и Ханомъ для содержанія поручены нѣкому Киръ-Булаки; что Ханъ писалъ къ Царевичу Александру о ихъ пребываніи въ Еривани и его спрашивалъ, что съ ними сдѣлать: отправлять ли ихъ къ нему, Царевичу, или онъ самъ къ нимъ прибудетъ? А что Нухинскій Ханъ сдѣлалъ тайное соглашеніе съ Хойскимъ Джафаръ-Кули Ханомъ къ отраженію соединенными силами Пиръ-Кули-Хана.

Въ то же время явилось въ Тифлисѣ возмутительное письмо изъ С.-Петербурга, писанное Царевичемъ Иваномъ къ Князю Александру Макаеву, который его въ оригиналѣ представилъ Г. М. Лазареву. Оно было отъ слова до слова слѣдующаго содержанія:

«По чему такъ мы Вами забыты, и своихъ родственниковъ Вы не помните? Что Вы дѣлаете? Всякій, искавшій большаго, останется при маломъ, и Вы такъ же. Столько разуму въ васъ не стало, чтобъ понять, что для Васъ лучше.

Есть ли на Васъ какая сила, или принужденіе, то пишете прошеніе Государю тайно, Князьямъ, человекамъ 4-мъ, или 5-ти, велите приложить свои печати и пришлите ко мнѣ, а я здѣсь подамъ. Такъ же тому подобное пишете и къ Лошкареву: я по оно-

му исполню тайно, чтобъ о томъ никто не былъ извѣстенъ. Если же Вы себѣ желаете большаго, и о томъ пишете, и оно исполнится. Теперь Ваша воля, а то, что Вы теперь видите, послѣ еще будетъ хуже.»

Въ половинѣ Августа мѣсяца начали опять получаться свѣдѣнія, о собирающихся въ Имеретію, на границѣ Грузинской, войскахъ, яко бы для покушенія ко впаденію въ оныя, по чему, по взятіи воинскихъ предосторожностей, Г.-М. Лазаревъ послалъ къ Царю Имеретинскому запросъ о причинѣ сего собранія войскъ, и о томъ же къ Пашѣ Ахалцихскому, по поводу умноженія въ его области Лезгинцевъ, обезпокоивавшихъ границы Грузіи.

Между тѣмъ Лезгинцы обратились съ просьбой къ Правителю Грузіи о дозволеніи имъ пріѣхать въ Грузію для торга, а Правитель отнесся къ Командующему Генералу съ требованіемъ предписаній на кордоны о безпрепятственномъ ихъ пропускѣ съ товарищами, состоящими единственно изъ бурокъ и суконъ, которыя они не продаютъ за деньги, но вымѣниваютъ на хлѣбъ.

Карскій Паша предъ сѣмъ относился къ Командующему въ Грузіи Генералу въ томъ, что заключить ли ему примиреніе съ Ханомъ Ериванскимъ; на которое Главнокомандующій ему отвѣтствовалъ: «держатъ себя въ настоящемъ оборонительномъ положеніи до нѣкотораго времени, какъ по тому, что искательство Хана Ериванскаго заключаетъ въ себѣ виды полезныя для Шерифъ-Паши, безъ закона властвующаго въ Ахалцихѣ и, сколько извѣстно, во вредъ Грузіи, такъ же по тому, что онъ тайнымъ образомъ согласенъ съ ея злодѣями.»

Между тѣмъ Царь Давыдъ все еще пребывалъ въ Борчалахъ; по чему Г.-М. Лазаревъ опять къ нему писалъ, что лучше бы, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, онъ слѣдалъ, если бы прібылъ онъ въ Тифлисъ. Отвѣтъ его состоялъ въ томъ:

«Что если служба Государя Императора непремѣнно требуетъ его прібытія, то онъ тотъ же часъ явится, коль скоро о томъ получить увѣдомленіе отъ Его Превосходительства; но если ему службы никакой не предстоитъ, то чтобъ его оставили спокойно въ Борчалахъ, для хозяйственныхъ его дѣлъ.»

Хотя внутреннее въ Грузіи волненіе уже и утихло, но замыслы внѣшнихъ непріятелей все еще продолжались.

Царевичи Грузицкіе, въ Имеретіи пребывающіе, пребывав

въ Суери, отъ границы Грузинской не болѣе разстояніемъ, какъ верста на 40, собирали все еще Лезгинъ и Имеретинцевъ для впаденія въ Грузію.

Изъ полученныхъ же рапортовъ отъ Подполковника Симоновича явствовало, что къ супругъ Князя Имеретинскаго, Кайхосро-Абашидзе, Царевнѣ Даріи, пріѣзжали 3 Леагина съ неизвѣстными препорученіями, и что сія Царевна Княгиня ведетъ переписку съ Царицей Даріей и съ Царевичемъ Давыдомъ.

При одномъ же изъ сихъ рапортовъ прилагалось письмо отъ Царевичевъ Юлона и Парнаоза къ Грузинскому Князю Семену Абашидзе, въ коемъ, по изъявленіи искреннѣйшихъ пріѣтствій, было написано и сіе:

«Какъ только сіе письмо получишь, естли есть твоя къ намъ привязанность, то немедленно пріѣзжай къ намъ въ Суери, гдѣ насъ увидишь, а потомъ можешь возвратиться. Намъ къ тебѣ есть великое дѣло; нельзя, чтобъ къ тебѣ къ намъ не пріѣхать. Просимъ тебя, какъ любезнаго пріятеля, безъ упущенія времени къ намъ сюда пріѣхать.» Сіе письмо представлено было Капитану, съ ротою въ Сурамѣ стоящему, Бартенову, самимъ Княземъ Семеномъ Абашидзе, а отъ Бартенева къ Симоновичу.

Другое же письмо, при рапортѣ сего послѣдняго представленное Г.-М. Лазареву, адресовано было отъ Князя Циціанова, засѣдающаго въ Казенной Экспедиціи, къ Царевичу Юлону, и было слѣдующее:

«Свѣтлѣйшій Царскій сынъ, Милостивый Государь Юлонъ!

Племянникъ Вашъ, Моуравъ Евстафій Циціановъ, лобызаетъ десницу и колѣно Ваше. При томъ же доноситъ, что милостивая грамота Ваша мной получена чрезъ Херхеулидзева, въ которой изъявляете, дабы сдѣлать Вамъ вспомошествованіе. Я же, не успѣвши Вамъ за оную принести благодареніе, получаю уже отъ Васъ другое препорученіе объ оказаніи Вамъ другой услуги, сообщеніемъ свѣдѣній о нашихъ обстоятельствахъ. Нечего объ оныхъ и спрашивать. Хотя мы Ваши, но находимся отъ Васъ въ отдаленіи. Херхеулидзе вступаетъ за своего человѣка, и никто не въ силахъ слова сказать, но Іосифъ Кургановъ, напавши на него, не отдаетъ. Представлена была жалованная грамота отъ Царя Ваханга, и Его Свѣтлѣйшествомъ, Вашимъ братомъ; Катоникосомъ, было разбираемо, и то ничего не помогло, а сей чело-

вѣкъ отъ него не отступаетъ. Увидимъ, чѣмъ конецъ свершится. Покорно прошу Васъ, моего Государя, приказывать мнѣ, что угодно будетъ Вашей Свѣтлости. Я почту сіе за великую Божию милость. Юня 24-го дня.»

А также открылись, мало по малу, и другіе каналы, чрезъ кои велась переписка изъ Тифлиса съ Имеретіей, а именно:

Царевна Катевана, супруга Царевича Ивана, и Царевна Княгиня Анастасія Еристова, то Г.-М. Лазаревъ, увѣдомивъ о томъ Правителя, предлагалъ ему, чтобъ ихъ пригласить изъ своихъ деревень въ Тифлисъ. По дошедшимъ же свѣдѣніямъ, что отъ Царевича Юлона отправленъ былъ нѣкто дворянинъ, Пирамъ Черкесовъ, съ возмутительными письмами въ Кахетію и Карталинію, то воинскимъ начальникамъ, повсюду въ Грузіи обрѣтающимся, предписано было отъ Генералъ-Маіора Лазарева о строжайшемъ наблюденіи и о поимкѣ сего дворянина съ письмами.

15-го Августа получены были находящимся въ Горы Подполковникомъ Симоновичемъ повторительныя извѣстія, что яко бы Царь Имеретинскій, собравъ свое войско, и присовокупивъ къ оному Лезгинцевъ, намѣревается, съ числомъ до 3,000, учинить нападеніе на границы Грузинскія, состоя къ выполненію онаго въ готовности въ селеніи Чало, разстояніемъ отъ границы Карталинской верстахъ въ 30.

Сіе, однако же, было не во всемъ справедливо, по тому что со всѣмъ своимъ войскомъ съ 10-го Августа уже находился въ Лечхумъ противъ Дадіана; а были то Царевичи Юлонъ и Нарнаозъ, которые, будучи вспомошествоемы Пашей Ахалцихскимъ, хотѣли испытать, по видимому, послѣдняго, расположившись съ своею толпою учинить вторженіе въ Карталинію, а чтобъ Шерифъ-Паша, съ своими Лезгинцами съ другой стороны сдѣлалъ ударъ, пройди чрезъ Джевахетію. По чему Симоновичъ и выступилъ съ отрядомъ гренадеръ и Казаковъ, для встрѣчи сего непріятеля на чертѣ границы Грузіи. А при томъ нужно было бдительнѣйшее нѣтъ наблюденіе за Осетинцами, въ Карталиніи, по подошвамъ горъ Кавказскихъ, жительствующими, коихъ селенія къ помянутой деревни Имеретинской Чало прилегали, дабы сіи дикари внутри границъ не вадумали сей случай употребить въ пользу; въ чемъ также ничего отъ начальства воинскаго не упущено, достаточнымъ подкрѣпленіемъ Симоновича въ приличныхъ дистанціяхъ.

Какъ detachmentъ Г. Подполковника Симоновича не былъ

столь силею, чтобъ удержаться противъ сильнаго удара непріятельскаго, то и было предписано Г.-М. Тучкову его подрѣзать 2-мя ротами и 1-мъ орудіемъ; къ сему же detachmentу должны были присовокупиться еще войска Грузинскія изъ Карталинія. Генералъ Тучковъ выступилъ съ сими подрѣзченіемъ изъ Тифлиса Августа 20.

Изъ Ганжи и Еривани извѣстія, приходившія въ сіе время, были сходныя съ послѣдними: Пиръ-Кули-Ханъ все находился близъ Карабага и предпріятій не перемѣнилъ; кромѣ того получено было извѣстіе, что Кахетинскій Кизль, Адамъ Бебуровъ, до возмущенія бѣжавшій къ Царевичу Александру, пріѣзжалъ въ Белоканы для какихъ-то переговоровъ съ тамошними Лезгинскими старшинами, и съ ними же поѣхалъ къ Шушинскому Хану, но не было извѣстно за чѣмъ.

Съ Имеретинской же границы пришли извѣстія, что яко бы одинъ изъ Царевичей, въ Имеретіи пребывающихъ, намѣревается пробраться въ Каэбекъ, и что Вахтангъ намѣревается куда-то бѣжать, что, однако же, не сбылось.

Правитель Грузіи прислалъ Г.-М. Лазареву письмо, имъ полученное отъ Ахалцихскаго Шерифъ-Паши, который просилъ о вспоможеніи ему къ выгнѣнію Лезгинъ, общихъ непріятелей Грузіи и Ахалцихской области.

Много уже разъ сей коварный Паша подобныя обращалъ просьбы, дѣйствуя между тѣмъ подъ рукою, чтобъ Лезгинцы не переводились изъ его областей, для чиненія грабежей въ Грузіи; по чему Г.-М. Лазаревъ, сдѣлавъ Пашѣ учтивый отвѣтъ съ увѣреніями, что содѣйствовать готовъ, рѣшился ити самъ съ баталіономъ спустя нѣсколько времени, оставаясь въ ожиданіи рапортовъ отъ Г.-М. Тучкова о успѣшности его движеній съ Симоновичемъ.

Въ то же время полученъ отъ Г.-М. Гулякова, стоящаго въ Кахетіи, рапортъ, что часто помянутой, бѣжавшій изъ Кахетіи, Князь Адамъ Бебуровъ, пріѣзжалъ изъ Белоканъ въ селеніе Карданагъ, гдѣ, пробывъ у жены своей часовъ 7, отдалъ ей 14 писемъ отъ Шушинскаго Ибраимъ-Хана, отъ Джарскихъ и Белоканскихъ старшинъ, отъ Царевича Александра и отъ находящихся при немъ, бѣжавшихъ изъ Кахетіи, Князей, съ приказаніемъ, чтобъ она доставленіе оныхъ въ Грузію по адресамъ поручила его брату, и потомъ обратно уѣхалъ въ Белоканы. Жена его не-

полнила въ точности приказаніе; но братъ, получивъ письма, представилъ Воинскому Начальнику. Содержаніе сихъ писемъ было самое возмутительное, и адресованы оныя были къ Кизицкимъ обывателямъ и къ Кахетинскимъ Князьямъ. Въ оныхъ, между прочимъ, Царевичъ Александръ упоминалъ, что онъ надѣется, что его братъ, Царевичъ Вахтангъ, все исполнитъ по общимъ ихъ соглашеніямъ, и мосты чрезъ Терекъ приказалъ разобрать, для преграды войскамъ нашимъ, если бы вознамерились ихъ въ Грузіи подкрѣпить отрядами изъ Россіи.

25-го Августа получены были отъ Г.-М. Тучкова рапорты, что еще до соединенія его съ Подполковникомъ Симоновичемъ, Царевичи, услышавши движеніе сего Подполковника къ границамъ, удалились внутрь Имеретіи, а Лезгинцы уклонились во владѣнія Ахалцихскія. По рапортамъ и разнымъ другимъ свидѣніямъ, чрезъ лазутчиковъ полученнымъ, стали извѣстны подробности объ операціонномъ планѣ сего покушенія. Царевичъ Юлонъ и Парнаозъ съ Имеретицями намѣревались изъ Рачи вступить въ Осетинскія деревни Церангу и Царебисъ, въ Черныхъ Горахъ лежація, для взволнованія Осетинцевъ, и съ помощью ихъ впасть въ верхнюю Карталинію, а въ то же время и Царь съ своими войсками хотѣлъ впасть изъ Имеретіи въ Карталинію, надѣясь, что Кахетинцы, объ усмиреніи коихъ, по видимому, не были они еще извѣстны, произведутъ подобное въ Кахетіи, будучи (подкрѣплены) Лезгинцами, изъ Ахалциха, со стороны Джевахетіи стремившихся. Планъ сей еще былъ предположенъ въ Іюль мѣсяцѣ, когда Кахетинское возмущеніе начало ознаменовываться, и по тому Царевичи Юлонъ и Парнаозъ, прибывъ къ урочищу Гамарты, разстоящему отъ Царебисъ верстъ на 10, отправили письмо къ Князьямъ Мачабеловымъ, но посланный съ оными перехваченъ на кордонѣ Подполковникомъ Симоновичемъ, который немедленно занялъ бекетами всѣ проходы изъ Грузіи въ Имеретію, о чемъ Царевичи узнавъ, ретировались въ Рачу, въ урочище Лесхонъ. Симоновичъ же, оставивъ орудіе и обозъ въ селеніи Дарби, пошелъ съ пѣхотой и съ Казаками для встрѣчи непріятеля, но, гнавшись за онымъ до Церанга, на самой чертѣ границы лежащей, нашелъ токмо слѣды Лезгинцевъ и Имеретинцевъ, отступившихъ съ Царевичами въ Имеретинское селеніе Чало. Пойманный же Имеретинецъ въ семъ преслѣдованіи сказывалъ, что и Царь, услышавъ о неудачѣ сей, отступилъ къ областямъ Дадіана. Царевичи же, достигнувъ въ бѣгствѣ до се-

ленія Садчхерети, положили на мѣрѣ другой операціонный планъ, чтобъ пробираться чрезъ Ахалцихъ къ Лезгинцамъ и съ оными дѣйствовать какъ удастся. Г.-М. Тучковъ, возвратившись изъ Карталинніи, подалъ Г.-М. Лазареву рапортъ, въ коемъ объявлялъ, что въ Карталинцахъ ни малѣйшей не замѣтно наклонности къ возмущенію, кромѣ величайшихъ неудовольствій на Земское Управленіе и лично на Горійскаго Исправника, Енохина.

Въ первыхъ числахъ Сентября мѣсяца Грузинскіе Тавады (Князья), Сардаръ Орбеліановъ, Тархановъ и Макаевъ, собравшись у меня, въ присутствіи Г. Г.-М. Лазарева и Тучкова, мнѣ говорили:

Смотри донесеніе отъ 20-го Сентября.

Г.-М. Лазаревъ, рѣшившись испытать на дѣлѣ пронырство Шерифъ-Паши Ахалцихскаго, просившаго вспоможенія, для вытѣсненія соединенными силами Лезгинцевъ, давая имъ подъ рукою покровительство и кривательство въ своихъ владѣніяхъ ко вреду Грузіи, изготовивъ баталіонъ егерей, 8-го Сентября отправился съ онымъ въ походъ, истребовавъ отъ Правителя до 200 человекъ Татаръ, подъ предводительствомъ Сардаря Князя Орбеліанова. Впередъ же себя отправилъ письмо къ Шерифъ-Пашѣ съ увѣдомленіемъ о своемъ къ границамъ Ахалцихскимъ приближеніи и готовности дѣйствовать съ нимъ соединенно для истребленія Лезгинцевъ.

Посланный съ онымъ Татаримъ возвратился на третій день съ донесеніемъ, что, доѣхавъ токмо до Турецкаго селенія Ахалка къ, усмотрѣлъ подъ онымъ Лезгинскій лагерь, изъ коего человекъ съ 10, примѣтивъ его, за нимъ погнались, но онъ успѣлъ отъ нихъ уѣхать. Г.-М. Лазаревъ, сіе же письмо отъ Татарина отобравъ, отправилъ оное, съ надежнымъ Казачьимъ урядникомъ, давъ ему для прикрытія 3 Казаковъ, а самъ съ баталіономъ продолжалъ слѣдовать и, достигнувъ до крѣпости Цалкской, на самой границѣ находящейся, расположился у оной лагеремъ.

Вскорѣ по приходѣ на сіе мѣсто, получилъ Г.-М. Лазаревъ письмо отъ посыланнаго прежде къ Шерифъ-Пашѣ Грузинца, Таки Аргутинскаго (съ вопросомъ о причинѣ, Пашу побудившей, умножить на границѣ войско), коимъ онъ увѣдомлялъ Г.-М. Лазаревъ, что Паша, провѣдавъ о его приближеніи, весьма обезпокоился, и посланнаго къ нему урядника Казачьяго, на другой же день по его прибытіи въ Ахалцихъ, отъ себя обратно отправилъ съ своимъ чиновникомъ въ Турецкіе Ахалкалаки, приказавъ сему послѣднему собрать достаточное количество провіанта и ро-

гатовъ скотины для угощенія войска Россійскаго, приказавъ при томъ Лезгинцамъ изъ владѣній своихъ удалиться.

Г.-М. Лазаревъ, стоя на семь мѣстѣ лагеремъ и не могши дожидаться возвращенія посланнаго урядника, а при томъ восчувствовавъ недостатокъ въ провіантѣ, отправилъ впередъ въ Грузинскіе Ахалкалаки для заготовленія онаго. Потомъ, получивъ чрезъ лазутчика достовѣрное свѣдѣніе, что Шерифъ-Паша отправилъ всѣхъ Лезгинцевъ въ Имеретію къ Царю, рѣшился слѣдовать по чертѣ границы въ Карталинію весьма трудной дорогой ущеліями и лѣсами, коими обыкновенно Лезгинцы проходятъ и, по 3-хъ дневноиъ маршѣ, достигъ до селенія Катыхеви, гдѣ, расположившись лагеремъ, имѣлъ 3-хдневное отдохновеніе, въ теченіе котораго прибылъ обратно изъ Ахалциха Казачій урядникъ съ Такою Аргутискимъ и съ посланцомъ, Дади-Бекомъ, привезшимъ письмо съ изъясненіями всегдашней дружбы и преданности къ Россіянамъ, желанія искоренить Лезгинъ, что уже одна часть пошла въ Имеретію по приглашенію отъ Царя, чрезъ Георгія Церетели слѣланному, а другая къ Карскому Пашѣ, обѣщая при томъ впредь никогда ихъ въ своихъ владѣніяхъ не терпѣть.

Въ знакъ же своего усердія и дружества просилъ Г.-М. Лазарева принять угощеніе, войску его приготовленное; словесно же Шерифъ Паша посланцу своему поручилъ сказать Г.-М. Лазареву, что Царевичъ Имеретинскій пригласилъ къ себѣ Лезгинцевъ на зимнее пребываніе, что какъ, однако же, онъ не будетъ въ силахъ столь долгое время ихъ самъ собою довольствовать, то что они будутъ дѣлать набѣги на границы Грузіи, и чтобъ по тому взять предварительныя мѣры къ ихъ отраженію, въ чемъ онъ, Паша, обѣщается содѣйствовать.

Причина, Царя побудившая Лезгинцевъ къ себѣ умножить, та, что Гуріельскій владѣлецъ и Аджарскій Бекъ, Селимъ-Ага-Химшівъ, заключили между собой намѣреніе отмстить Царю за погубленіе Сабудъ-Паши.

На походѣ семь получилъ Г.-М. Лазаревъ отъ Царя отвѣтъ на письмо къ нему отправленное съ Княземъ Діасамадзевымъ, съ вопросомъ о причинѣ набора войска, содержащее въ себѣ увѣренія, что онъ собираетъ противъ владѣльца Дадіана, уклоняющагося отъ повиновенія, а отнюдь не ко вреду Грузіи.

Князь же Діасамадзевъ сообщалъ свѣдѣнія, имъ въ Имеретіи пріобрѣтенныя, которыя состояли въ томъ:

Что Царь, взявши у Дадіана крѣпость Цхывиши, подвинулся далѣе до крѣпости Зерисъ-Цихе, въ которой Дадіанъ, однако же, укрѣпился, и что при томъ Царю едва ли будетъ возможность крѣпость сію взять, по тому что къ оной приблизиться не иначе возможно, какъ дефилеєю, весьма опасной и войсками Дадіана защищаемой, и со всѣхъ сторонъ засѣками укрѣпленной.

Что Царевичи, Юлонъ и Парнаозъ, намѣревавшіеся учинить впаденіе въ Карталинію и уstraшенные движеніемъ Подполковника Симоновича и Г.-М. Тучкова, ретировались въ самый Кутанисъ, гдѣ получили увѣдомленіе отъ Царевича Александра, что онъ имѣетъ надежду собрать Азербиджанскаго войска до 12,000.

Вскорѣ за симъ получено Г.-М. Лазаревымъ извѣстіе, что Царевичъ Александръ, сопутствовавшій въ экспедиціи Пиръ-Кули-Хана, пріѣхалъ со свитою, изъ 150 человекъ состоящей, въ Ганжу и немедленно отправилъ въ Джары, Белоканы и въ Кахетію съ увѣдомленіемъ, что онъ, будучи снабженъ отъ Баба-Хана фирманомъ къ Дагестанцамъ, для приглашенія ихъ къ содѣйствію въ своихъ предпріятіяхъ, предлагаетъ каждому, участвовать въ томъ желающему, по 100 серебромъ, и что, равнымъ образомъ, Царевичъ Имеретинскій подобнымъ же фирманомъ снабженъ отъ Порты.

Правитель сообщилъ Командующему Г.-М. Лазареву полученное имъ свѣдѣніе, что Царевичъ Александръ намѣревается сдѣлать нападеніе на Шамшадилы; по чему, послѣ многихъ возраженій и подтвержденій, Г.-М. Лазаревъ командировалъ туда, однако же, баталіонъ егерей.

Стоящій на кордонѣ Кахетіи, Подполковникъ Солениусъ, доносомъ въ сіе же время рапортовалъ, что бѣжавшій прежде сего изъ Кахетіи къ Царевичу Александру Юзбаша-Соломонъ-Солдата-швили, въ письмѣ своемъ къ нему, Подполковнику, просилъ о присылкѣ къ себѣ 6-ти Кизицкихъ жителей на назначенное урочище, намѣреваясь съ оными возвратиться въ отечество; что Солениусъ и исполнилъ немедленно; онъ же, Солдата-Швили, вмѣсто исполненія обѣщанія своего, присланнымъ къ нему роздалъ восемь возмутительныхъ писемъ къ разнымъ Князьямъ Кахетинскимъ. Четыре письма получившими ихъ были представлены Подполковнику;

но Юзъ-баша-Бизина-Бочета-Швили и Грузинъ деревни Мирзанъ, Попугонъ, имѣвшіе другія четыре, долго не признавались; но, наконецъ, бывъ въ томъ уличены и обысканы, повиновались и письма отдали.

Карскій Паша извѣщалъ, что онъ, хотя и получилъ отъ Султана фирманъ о истребленіи Шерифъ-Паши, Ахалцихомъ завладѣвшаго, но что, по обстоятельствамъ, исполненіе того отлагаетъ до нѣкотораго времени, и по тому просить, чтобъ войска Россійскія, для вспоможенія ему обѣщанныя, не тревожились.

Между тѣмъ доходили свѣдѣнія, что Царевичъ Александръ, не токмо Джарскихъ и Белоканскихъ Лезгинцевъ къ вспомоствованію себѣ приглашаетъ, но что оныхъ выписываетъ и изъ Дагестана, съ обѣщаніемъ по 50 руб. на человѣка. Также, что Царевичъ Александръ и Ханъ Ганжинскій писали къ Шамшадильскому Султану, Наси-Беку, чтобъ онъ, съ повинующимися ему Татарами, присягнувъ Царевичу Александру и прибылъ къ нему въ Ганжу, страдая при томъ, что, если того не выполнить, то будетъ оружіемъ Ганжинскаго войска наказанъ. Послѣ уже сего извѣстія, отправлены въ Шамшадилы двѣ егерскія роты.

Царица же Дарія тайно не преставала дѣйствовать къ потушенію пламени возмутительнаго; ибо, въ концѣ Сентября, отправила къ Царевичу Александру человѣка съ письмомъ, коимъ его убѣждала поспѣшать выполненіемъ предпринятаго, увѣдомляя, что Кахетинскіе Князья всѣ къ содѣйствію готовы, а Царевичи Юлонъ и Парцаозъ въ Имеретіи только того и выжидаютъ, чтобъ онъ началъ.

Въ сіе же время извѣстно стало, что властвующій въ Персіи Баба-Ханъ писалъ къ Дагестанскому Владѣльцу, Ахметъ-Хану-Султану, чтобъ они имѣли въ готовности вспомогательное войско, для соединенія онаго съ Персидскимъ, въ Грузію назначеннымъ.

Имеретинскій Царь посылалъ къ Шерифъ-Пашѣ съ просьбою о присылкѣ къ нему еще Лезгинцевъ, что Паша и обѣщалъ выполнить, ожидавши къ себѣ оныхъ до 600 человѣкъ.

Гуріельскій Владѣлецъ къ сему же послѣ прибѣгалъ съ подобной просьбой; но Паша ему въ томъ отказалъ, отозвавшись, что обѣщалъ ихъ Царю Соломону.

Въ началѣ Октября получены извѣстія отъ Подполковника Симоновича.

Смотри отъ 3-го Октября донесеніе.

Въ теченіе сего времени располагался внѣшними врагами Грузіи операціонный планъ къ нападенію на оную соединенными силами, но который, однако же, по строжайшему развѣдыванію, сталъ извѣстенъ, а именно:

Царевичъ Имеретинскій, съ Царевичами Юлономъ и Парнаозомъ, располагался напасть, съ помощью Шерифъ-Паши, на Карталинію; Ханъ Ериванскій на Бамбаки; Ганжинскій, съ Царевичемъ Александромъ, на Шамшадилы; Дагестантскіе и Джарскіе и Белооканскіе Лезгинцы на Кахетію; по чему и приняты были въ войскахъ всѣ нужныя мѣры осторожности; а въ то же время пришли въ Тифлисъ съ Кавказской Линіи 6 ротъ гренадеръ, 600 егерей и 2 артиллерійскія орудія, каковое умноженіе нѣкоторымъ образомъ могло и утратить неблагонамѣренныхъ.

Когда всѣ таковыя извѣстія получались, и когда деташементъ предпринималъ мѣры осторожности, въ то самое время Правитель изволилъ отнестись къ Командующему съ потребованіемъ повелѣнія на кордонъ о впускѣ чрезъ оный ѣдущихъ въ Тифлисъ для торговли Лезгинцевъ.

Въ одинъ день ихъ вѣхало 102 человекъ, а въ послѣдствіи прибавлялось и было всего 158 человекъ, которые, конечно, не оставляли развѣдать все, что нужно имъ было. Правителю хотя и было сдѣлано отъ Г. М. Лазарева примѣчаніе на счетъ несообразнаго количества оныхъ, которое впущено, но Правитель отозвался, что онъ дозволеніе такъ далъ на основаніи повелѣнія Главнокомандующаго, и что они мирны и неопасны.

Но, вмѣсто того, они-то и опасны были; ибо одинъ, возвратившійся изъ плѣна, вольнослужащій, пришедъ ко мнѣ, сказывалъ:

Что онъ, находившись долгое время у Лезгинъ, ихъ всѣхъ знаетъ; что, когда онъ прослышалъ о ихъ пріѣздѣ въ Тифлисъ, то пошелъ къ ихъ каравану, но не токмо что онъ ихъ, но и они его узнали; однако же, сколько онъ ни старался съ ними зачинать разговора, они его отъ себя отклоняли. Сія Лезгины были въ Тифлисъ отнюдь не мирны, а посланные, подъ видомъ торговли, изъ большаго селенія близъ Дагестана, Карака, въ коемъ до 400 дворовъ и которое отстоитъ отъ Белооканъ на 7 дней верховой ѣзды. Въ семъ же селеніи содержится у нихъ 40 человекъ плѣнныхъ, въ числѣ коихъ егерскій поручикъ Волковъ.

Въ половинѣ Октября мѣсяца достигли официальные извѣстія,

что Ханъ Ериванскій дѣлаеть заготовленія провіантомъ для собираемаго войска совсѣхъ мѣстъ въ Еривань: что также въ Нахичевани онаго собралось до 4-хъ тысячъ человекъ, и что въ Ечмиадзинѣ укрѣпляется Лжепатріархъ Давыдъ. Всѣ же сіи приготовленія дѣлались на случай тотъ, когда бы войска Россійскія возымѣли виды на область Ериванскую.

20-го Октября получены были официальные же извѣстія, что Ханъ Ганжинскій обѣщалъ всю жизнь свою посвятить Царевичу Александру, а имѣніе свое на его услуги. Что Царевича выдають всегда въ мечети на богослуженіи и называютъ Мусульманшиномъ; что сей Ханъ описывается со всѣми Ханами и ихъ убѣждаетъ себя послѣдовать для возстановленія въ Грузіи дома Царевича Ираклія; что еще послано отъ Ганжинскаго Хана въ Джары и въ Белоканы съ приглашеніемъ 5,000 человекъ для сей экспедиціи и съ обѣщаніемъ каждому по 50 руб. Если же не достанетъ у него для заплаты имъ денегъ, то Ханъ обѣщалъ имъ до расплаты отдать въ залоги дѣтей знаменитѣйшихъ Армянь, за что сіи на Хана въ такой злобѣ, что намѣреваются, по приближеніи войска Росскаго, связавъ Царевича Александра, къ начальнику онаго прислать. Что Ганжинскій Ханъ ведетъ частую переписку съ Казахскими владѣльцами, и что они его увѣряють въ своей готовности къ содѣйствию съ его войскомъ, когда оное соберется. Что Казахскій Агаларъ, Папа-Ага, сносится также съ Ханомъ, и что, яко бы, по прибытіи ротъ егерскихъ въ Шамшадилы, онъ Хана увѣдомлялъ, чтобъ онъ сего войска не страшился, а продолжалъ бы собирать свое. Что сынъ Ханскій также собираеть вооруженіе, чтобъ съ онымъ слѣдовать на рѣчку Заганъ, гдѣ обитають прежде бѣжавшіе изъ Шамшадиль Татары, и ихъ помѣстить ближе Ганжѣ, но по видимому имѣеть онъ, кромѣ сего, или подъ симъ предлогомъ, какое либо другое намѣреніе; наконецъ, что въ Ганжѣ все готовится къ оборонѣ, укрѣпляютъ стѣны пушками и Царевичу строкють домъ,

Въ началѣ же Ноября мѣсяца разгласились слухи, что, яко бы, Шерифъ-Паша, Ахалцихомъ завладѣвшій, изъ онаго нѣкою чиновникомъ убитого въ Имеретіи Сабудъ-Паша, Селимъ-Агой, оттуда выгѣсненъ. Слухи сіи въ послѣдствіи подтвердились, и вотъ какимъ образомъ сіе случилось:

Послѣ убіенія въ Имеретіи несчастнаго Сабудъ-Паша, чиновникъ его, Селимъ-Ага Химшія-Швили, удалившись изъ

Имеретіи, скитался долгое время въ Грузіи, а потомъ уѣхалъ къ Аджарскому владѣльцу Селимъ-Агѣ-Ахеджіани (Апары между Имеретіей и Ахалцихомъ), питая всегда въ сердцѣ мщеніе за Сабудъ-Пашу какъ къ Царю, такъ и къ Шерифъ-Пашѣ.

Въ то время, когда Г.-М. Лазаревъ приближался къ баталіономъ, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, къ Ахалциху, по прежнему предложенію Шерифъ-Паши, для истребленія общими силами Лезгинцевъ, въ области Ахалцихской укрывающихся, тогда Селимъ-Ага-Химшія-Швили, коего голову неоднократно Шерифъ-Паша просилъ у Царевича Имеретинскаго, написалъ къ Шерифъ-Пашѣ, что хотъ бы ему и слѣдовало сдѣлать мщеніе за своего господина, но что, при теперѣшнихъ обстоятельствахъ, когда войска Россійскія угрожаютъ впаденіемъ яко бы въ Ахалцихъ, то онъ, Химшія-Швили, его въ томъ предваряя, по единовѣрью ему предлагаетъ свои услуги въ томъ, что не токмо самъ собою обѣщаетъ ему вспомоществовать, для удержанія за нимъ Ахалциха, но и склонить къ тому же и Селимъ-Агу Ахеджіани Аджарскаго. Что если онъ, Шерифъ Паша, не отвергнетъ его предложенія, то, въ увѣреніе, чтобъ къ нему въ Адары прислать аманатами брата своего и нѣсколькихъ первѣйшихъ и довѣреннѣйшихъ своихъ чиновниковъ.

Шерифъ-Паша, дѣйствительно испугавшійся приближенія Г.-М. Лазарева къ своимъ предѣламъ, принявъ предложеніе Селимъ-Аги-Химшія-Швили, прислалъ къ нему и требуемыхъ аманатовъ. Но коль скоро сіи явились, то оба Селимъ-Аги, изготовивши на сей случай впередъ для нихъ угощеніе, заняли ихъ онымъ, а въ продолженіе того, по знаку окружившая ихъ услуга, въ одну минуту кинжалами лишила ихъ головъ.

Истребивши сей хитростью тѣхъ людей, конхъ наиболѣе они опасались, немедленно съ собраннымъ войскомъ и съ нѣсколькими Лезгинцами, отъ Царя отвлеченными, напали въ распахъ на Ахалцихъ, истребивъ въ ономъ до 400 единомышленниковъ Шерифъ-Паши, который спасся бѣгствомъ съ 20-ю человекѣми въ крѣпость Турецкую Олету, не подалеку отъ Арзрума.

Извѣстія изъ Имеретіи.

Смотри донесеніе отъ 20-го Ноября. Пожаръ въ Тифлисѣ 17-го.

Стоящій съ отрядомъ въ Бомбакахъ Полковникъ Корягинъ, рапортомъ въ теченіи сего времени Г.-М. Лазареву донесъ о

полученныхъ имъ извѣстій, что Калъ-Балы-Ханъ Нахичеванскій, согласившись съ Баязетскимъ Пашей, вознамѣрился напасть на Карскаго Пашу, для возстановленія въ Ахалцихѣ Шерифъ-Паши, и что у него, Калъ-Балы-Хана, состоитъ къ приведенію того въ дѣйство въ готовности до 10,000 вооруженныхъ.

Что подтверждалъ и Паша Карскій съ просьбой о вспоможеніи ему силами противъ непріятеля; по чему отъ Г.-М. Лазарева и было предписано то исполнить, въ случаѣ движенія Калъ-Балы-Хана.

Вскорѣ послѣ сего Карскій Паша увѣдомлялъ помянутаго Генераль-Маіора, что Шерифъ-Паша, послѣ побѣга своего изъ Ахалциха, собравъ до 600 человекъ конницы, хотѣлъ завладѣть крѣпостью Орда накъ, но нашедъ оную занятою Карскимъ войскомъ, ретировался въ Ольту, но, бывъ преслѣдуемъ Селимъ-Агой-Химшія-Швили и братомъ Карскаго Паши, Кара-Бекомъ, растерявъ конницу, скрылся въ Баязеть къ Пашѣ, своему родственнику, давшему ему потомъ 300 человекъ, съ которыми Шерифъ-Паша ушелъ въ селеніе Алахгара. А Селимъ-Ага-Химшія-Швили, съ своимъ войскомъ, атаковалъ Ольту, принудивъ обратиться изъ оной въ бѣгство всѣхъ, Шерифъ-Пашѣ преданныхъ.

Перваго Декабря получены рапорты съ кордоновъ въ Кахетіи, что Царевичъ Александръ, прибывъ яко бы въ Белоканы, намѣревается съ Лезгинскими войсками учинить нападеніе на крѣпость Сигнахскую; другое же извѣстіе получено, что одинъ изъ Карданагскихъ Князей, бѣжавшій нынѣшней весной къ Царевичу Александру, пріѣзжалъ въ свой домъ, и, въ ономъ живши цѣлую недѣлю, отбиралъ отъ Кизицкихъ Князей соглашеніе, куда лучше сдѣлать экспедицію Царевичу Александру: на Сигнахскую ли крѣпость, или на замокъ и селеніе Кварели?

Въ тотъ же день получены Главнoкомандующимъ Генераломъ извѣстія съ границы Имеретинской, что къ стоящему съ отрядомъ въ Сурамѣ Капитану Бартеневу пріѣзжали изъ волости Хепишь Хеобы Деканозъ и два Мама сахлисы, съ изъявленіемъ, что они, чрезъ прибывшаго къ нимъ въ селеніе изъ Кутаиса дворянина, извѣщены, что Царевичъ Константинъ вдругъ распухъ и находится въ опасности, и что полагаютъ, что ему, по повелѣнію Царя, данъ въ пищѣ ядъ.

3-го подтверждалось извѣстіе о покушеніи Царевича на Кахетію рапортомъ Г.-М. Гулякова, въ коемъ означались два Кахет-

скіе Князя: Вачнадзевъ и Мардала-Швили, участвовавшіе и въ прежнемъ бунтѣ. По чему и приняты были мѣры осторожности для отраженія непріятели.

Послѣ полудня пришелъ къ намъ Армянскій Архіепископъ Іоаннъ съ объявленіемъ, что Патріархъ Даніилъ, будучи приглашенъ въ Баязетъ тамошнимъ Пашею, силой отправленъ въ Ечміадзинъ и измѣннически преданъ Лжепатріарху Давыду.

Смотри донесеніе отъ 4-го Декабря по сему дѣлу.

Того же вечера пріѣхалъ изъ Еривани посланецъ съ письмами къ Правителю Г.-М. Лазареву.

Словесныя препорученія, отъ Хана ему данныя къ Правителю, состояли, какъ увѣряютъ, въ томъ, что Лжепатріархъ Давыдъ обѣщалъ Правителю великую сумму, если онъ его будетъ поддерживать и способствовать къ его утвержденію въ Патріаршество. Къ Г.-М. Лазареву онъ имѣлъ препорученія, изъявленные въ немъ донесеніи отъ 5-го числа.

4-го Декабря получилъ я письмо отъ Царя Имеретинскаго, заключающее въ себѣ сообщенія о его движеніяхъ противъ Дадіана и что яко бы Абхазинцы, покусившіеся подать помощь Дадіану, побуждены были обратиться въ бѣгство. Графъ же Мусинъ-Пушкинъ сообщалъ мнѣ письмо, имъ полученное отъ Мдиванъ-Беки Князя Леонидзева, коимъ сей увѣдомляетъ о храбрыхъ подвигахъ Царя, говоря, что онъ, завоевавъ Одиши, Лечхумъ, Суанети, Гурію, и Абхазы, распространилъ предѣлы свои до самаго Чернаго моря или Понта.

5-го Г.-М. Лазаревъ получилъ отъ Карскаго-Паши письмо, коимъ онъ его увѣдомлялъ о полученномъ имъ фирманѣ отъ Султана на непремѣнное истребленіе Шерифъ-Паши, прогнаннаго изъ Ахалциха, съ коего и копію, при письмѣ своемъ, прилагалъ, и на старательство о возвращеніи отъ Хана Ериванскаго земли, изъ области Карской имъ отхваченной.

Съ кордона же получены извѣстія, что Калъ-Балы-Ханъ, собиравшій войска противъ Карскаго Паши, оныя опять распустилъ.

7-го Г.-М. Лазаревъ, бывъ приглашенъ къ Князю Гарсевану Чавчавадзеу, для нѣкотораго разговора, содержаніе коего было объ общественныхъ неудовольствіяхъ на Правительство и о желаніи общества писать Государю Императору, Г.-М. Лазаревъ ему совѣтовалъ отъ того удержаться, по крайней мѣрѣ до при-

бытія новаго Главнокомандующаго на Линію, но Князь Чавчавадзе въ ему на то возразилъ, что ожиданіе таковое будетъ тщетно; ибо Правитель всячески преграждаетъ пути въ Россію; но Г.-М. Лазаревъ предлагалъ къ услугамъ его своихъ курьеровъ. На вопросъ Г.-М. Лазарева, Князю Чавчавадзеу сдѣланный: доволенъ ли народъ войсками? онъ увѣрялъ клятвенно, что въ разговорахъ съ нѣкоторыми народными старшинами о надобности снабжать войска дровами, свѣчами и жилищемъ, (слышалъ) то что, они не токмо сію обязанность на себя принимаютъ, но считаютъ, что не было бы имъ въ тягость и пищей снабжать, по возможности, войско, ихъ защищающее отъ сосѣдственныхъ непріятелей, но что они выходятъ изъ терпѣнія отъ угнетеній Земскаго Начальства. Между прочимъ Князь Чавчавадзе сообщилъ Г.-М. Лазареву, что Г. Коваленскій, обольстивъ нѣсколькихъ Князей, а именно: Князя Ивана Сардаря Орбеліанова, зятя его, Князя Тарханова, Князя А. Макаева, ихъ убѣждаетъ къ подписанію благодарнаго себѣ листа, съ показаніемъ въ ономъ желанія всего дворянства Грузинскаго, въ видѣ просьбы къ Государю Императору, чтобъ Коваленскаго оставить на всегда для управленія Грузіей.

Царевичъ Давыдъ, того вечера меня посѣтившій, между разговоромъ, мнѣ сказывалъ происшедшее между имъ и Правителемъ непріятное объясненіе у Сардаря Орбеліанова на обѣдѣ 6-го числа; что Правитель, будучи побуждаемъ разгоряченными парами, изъявилъ ему свое негодованіе за то, что онъ, съ супругой и другими Царевнами, обѣдалъ 4-го числа у Г.-М. Лазарева, а что не поѣхалъ прежде того къ нему, когда онъ ихъ приглашалъ. Царевичъ ему отвѣчалъ, что онъ за честь себѣ считаетъ, когда бываетъ у Г.-М. Лазарева, который себя такъ ведетъ, что Царевнамъ быть у него въ домѣ не предосудительно, а что, напротивъ, Г. Правитель, поступками своими и неограниченной вольностію своею въ обращеніи, всѣхъ огорчилъ. Правитель, на сіе озлобясь, ему отвѣчалъ, что онъ не знаетъ въ немъ цѣнны, и что Г.-М. Лазаревъ есть совершенный ихъ врагъ, по тому что онъ яко бы дѣйствуетъ къ потери ихъ Царства и къ присоединенію онаго къ Имперіи. Царевичъ, мнѣ о семъ изъявляя съ большимъ огорченіемъ, привосокупилъ, что хотя для него лично не можетъ почесаться обидой какъ поступокъ, содѣянный отъ дѣйствія горячихъ паровъ, но что вообще они краснѣютъ отъ такихъ униженій предъ своими сосѣдями, и тогда еще, когда они, совершенно

будучи увѣрены о милостивѣйшемъ къ нимъ расположеніи Государя Императора, должны сносить грубости отъ ничего незначащей особы.

Еще же Царевичъ мнѣ сказалъ, что Правитель, имѣя у себя ежедневно по вечерамъ сходбища помянутыхъ трехъ Князей: Орбелианова, Тарханова и Макаева, коимъ переводчикомъ служитъ Князь Соломонъ Аргутинскій, трактуетъ съ ними, по секрету, о новомъ планѣ Правленія Грузинскаго, которое имѣетъ за основаніе раздѣленіе Грузіи по народамъ, то есть, на Карталинію, Кахетію и поколѣнія Татаръ всѣхъ вообще, изъ коихъ каждая бы управлялась по узаконеніямъ и обычаямъ своимъ, а всѣ бы вообще зависѣли отъ Главнаго Управленія чиновника Россійскаго съ наименованіемъ, нынѣ существующимъ, Правителя Грузіи. Что Г. Коваленскій, имѣя съ сими людьми сіи тайныя конференціи, ихъ увѣряетъ, что каждый изъ нихъ получитъ въ управленіе означенныя части, а именно: Князь Орбелиановъ Карталинію, Князь Макаевъ—Кахетію, а Тархановъ—всѣхъ Татаръ, съ тѣмъ, чтобъ они, съ своей стороны, употребляли старанія, чтобъ общество дворянское первыхъ двухъ частей и старшины послѣдней просили Государя Императора о утвержденіи въ званіи Генеральнаго Грузіи Правителя его, Г. Коваленскаго.

Кромѣ же того Правитель, обольщая такимъ образомъ людей, совѣтуетъ съ ними о новомъ налогѣ сбора хлѣба.

Для лучшаго же сихъ людей увѣренія и обольщенія, Правитель опредѣлилъ Приставомъ къ Шамшадильскимъ Татарамъ Князя Тарханова, давно того искавшаго.

NB. Шамшадильскіе Татары привыкли повиноваться Моураву Татаръ Кизихскихъ. Сіе назначеніе Князя Тарханова въ Шамшадилы Моуравомъ основано еще на другой интригѣ, и именно той, что домъ Орбелиановыхъ изъ давняго времени враждуетъ съ домомъ Князя Чавчавалзева, коего старается угнетать всѣми мѣрами Правитель, избравшій способъ преклоненія къ себѣ Тарханова и опредѣленія его въ Шамшадилы Моуравомъ, для огорченія Князя Чавчавалзева, носящаго званіе Моурава Кизихскихъ Татаръ, весьма его почитающихъ.

Весьма не трудно изъ сего заключить, что послѣдовать можетъ впредь, и что Правитель, для своихъ интригъ, упускаетъ изъ виду пользу государственную, приведя себѣ на память путешествіе Главнокомандующаго по Грузіи и внушенія, Правителемъ

ему дѣланныя, о непреклонности Татаръ ко внушеніямъ Князя Чавчавадзева къ учиненію присяги, и посылку Князя Тарханова въ слѣдъ за Главнoкомандующимъ съ рекомендаціей, что онъ имѣя надъ Татарами вліяніе, одинъ въ силахъ ихъ къ тому уговорить, и наконецъ возвращеніе его отъ Татаръ съ ложнымъ донесеніемъ, что не токмо о Начальствѣ не хотятъ слышать, но еще менѣе о присягѣ.

8-го числа, въ вечеру, пришелъ къ намъ сынъ Князя Чавчавадзева, для разсказанія страннаго происшествія. Въ тотъ день прибылъ въ Тифлисъ изъ Шамшадиль, тамошнихъ Татаръ Старшина Султанъ-Насибекъ, и, по прибытіи, прямо пошелъ къ Князю Чавчавадзеву, а потомъ къ Г.-М. Лазареву, котораго не заставъ дома, пошелъ къ Правителю.

Правитель, чрезъ посредство, Коменданта, своего племянника, провѣдавшій, тотчасъ послалъ сыскать сего Султана, но какъ выше сказано, что онъ ходилъ туда и сюда, то посланный, не найдъ его, о томъ Правителю и донесъ.

Когда же Султанъ къ нему явился, то онъ прегрозно на него сдѣлалъ нападеніе, съ требованіемъ отъ него отчета, по чему онъ осмѣлился являться прежде у Чавчавадзева и у Г.-М. Лазарева, говоря, что сіи люди ничего не значущіе, и что онъ одинъ Батоно и Властитель. Въ заключеніе же того приказалъ, тутъ стоявшему, Коменданту, своему племяннику, взять сего Султана и посадить на гауптвахту. Но тутъ же находившійся Приставскій Помощникъ Шамшадильскихъ Татаръ, Варламовъ, ставъ на колѣни, упрасивалъ Правителя о помилованіи, которое, въ видѣ милости, Правителемъ было даровано отбѣной ареста и назначеніемъ, чтобъ Султанъ впредь зналъ, что онъ Батоно въ Грузіи.

Наси-Бекъ же, безъ смущенія ему по Татарски отвѣчалъ, что до сихъ поръ ему никто не запрещалъ ходить, куда ему хотѣлось, то что и теперь не хочетъ вѣрить, чтобъ Правитель могъ ему то запретить. Переводчикъ, однако же, сего Правителю не перевелъ.

NB. Сцена сія, или лучше огорчительная комедія Правителя съ Султаномъ Наси-Бекoмъ не можетъ не имѣть дурныхъ слѣдствій, какъ по тому что, сей Султанъ одинъ изъ почтеннѣйшихъ

въ Шамшадлахъ, будучи Магометаниномъ, никогда сей обиды не забудетъ, а прочіе Старшины отъ него о томъ когда узнаютъ, и при томъ, когда къ нимъ прїѣдетъ Князь Тархановъ, новый ихъ Моуравъ, то надобно съ терпѣніемъ токмо ожидать, что наконецъ будетъ.

9-го поѣхалъ изъ Тифлиса обратно въ Ериванъ посланецъ Ханскій, съ коимъ вмѣстѣ тутъ же отправленъ отъ Правителя Персіанинъ, гражданинъ Тифлискій, Алли-Верды. Сколько я ни старался узнать о предметѣ его въ Ериванъ отправленія, но ничего узнать не могъ, кромѣ, что яко бы ему даны письма отъ Правителя къ Хану и къ Лжепатріярху Давыду, съ увѣреніемъ сего послѣдняго, что онъ будетъ въ санѣ Патріяршемъ сильнѣйшимъ образомъ, поддерживаемъ Г. Коваленскимъ.

10 го получилъ Г.-М. Лазаревъ рапортъ отъ Г.-М. Гулякова изъ Телавы о слухахъ, въ Кахетіи разглашающихся, что Царевичъ Александръ и Алискандъ, племянникъ покойнаго Дагестанскаго Владѣльца, Омаръ-Хана, прибыли съ войскомъ въ Белоканы и предпринимаютъ нападеніе (на селенія), за Алазанью лежащія. Еще же получены свѣдѣнія, что отъ Царевича Александра прїѣзжали четыре Грузинскіе Князья, съ нимъ шатающіеся, въ селенія Гаваза, Шильды, Кварели, Кремны, Сабуръ и Енисели, для подговоренія тамошнихъ Князей и народа къ содѣйствию въ его предпріятій къ нападенію на войска Россійскія, съ увѣреніемъ, что у Царевича Александра будетъ собрано до 7,000 конницы и до 8,000 пѣхоты Лезгинскихъ; вланъ же ихъ нападенія, сколько извѣстно, былъ тотъ, что пѣхота должна напасть на селеніе Велищаха и округъ лежащія деревни, а конница на Шильду, Гавазу, Кварели и окрестныя.

При помянутомъ же рапортѣ сообщалось замѣчаніе на счетъ удаленія жителей Шильды отъ Русскихъ въ то время, когда тамъ получены были извѣстія о покушеніи Царевича Александра, и когда стоящая тамъ рота, по приказанію Маіора Будберга, перенеслась съ экипажемъ въ замокъ, то одинъ изъ Князей, стоя у воротъ, изрыгалъ неистовыя ругательства на Россіянъ и вознамѣрился бѣжать.

Того же дня приходилъ къ намъ Князь Тамазъ Орбеліановъ, прїѣхавшій изъ Демургеши, своего помѣстья. Онъ сообщилъ намъ извѣстія, что прїѣхавшіе изъ Ганжи Татары, бывшіе тамъ для торга, рассказывали, что Царевичъ Александръ находится въ

Ганжѣ, и что къ нему прибыли нѣсколько старшинъ Лезгинскихъ, которыхъ онъ съ своимъ человѣкомъ отправилъ къ Баба-Хану, не извѣстно точно за чѣмъ, но, какъ слухи тамъ носились, то для того, что они, будто, опасаются предпріятій какихъ либо отъ войскъ Россійскихъ, то поѣхали къ Баба-Хану, для совѣщанія по сему предмету и для постановленія какихъ либо, по видимому, соглашеній.

11-го, по утру я получилъ записку Архіепископа Армянскаго Іоанна, къ Коллежскому Ассесору Яковлеву писанную, о перехваченныхъ бумагахъ къ Архимандриту Карапету, отъ Лжепатріарха Давыда привезенныхъ, и въ ту же минуту пріѣхалъ ко мнѣ самъ Архіепископъ, съ словеснымъ о томъ донесеніемъ.

Смотри слѣдствіе въ моихъ донесеніяхъ, отъ 15-го Декабря.

Сего же дня получено было извѣстіе, что Царевичъ Александръ, 6-го сего мѣсяца, выѣхалъ изъ Ганжи, въ провожаніи многихъ Лезгинъ, къ нему пріѣхавшихъ въ Джары.

13-го дошло до меня, посредствомъ Г.-М. Лазарева, извѣстіе, за тайну ему конфидентомъ донесенное, что мѣсяца съ два тому назадъ отправленъ изъ Тифлиса въ Тейранъ къ Канимъ-Хану письмо за многими печатями; изъ коихъ извѣстныя Царевича Давыда, бывшаго при покойномъ Царѣ Георгіи Назира Персіяннина Мирза-Араби, Сардаря Князя Орбеліанова и Армянскаго Мелика Дирчи-Бебутова. Содержаніе сего письма заключало просьбу о вспоможеніи въ какихъ то ихъ намѣреніяхъ, и что, если вспоможенія Канимъ-Ханъ имъ дать въ состояніи, то чтобы о томъ увѣдомилъ.

Сей же конфидентъ объявилъ Г.-М. Лазареву, что на дняхъ пріѣзжалъ изъ Ганжи нѣкто дворянинъ Гадсарбековъ, имѣвшій тайныя и неизвѣстныя порученія отъ Царевича Александра къ Царицѣ Даріи, отъ коей съ таковыми же обратно отправленъ и въ Ганжу поѣхалъ съ посланнымъ отъ Правителя къ Хану Княземъ Іосифомъ Бебутовымъ, для вырученія остановленнаго въ Ганжѣ каравана Грузинскаго купечества, отправившаго оный туда по обыкновенію за рыбой; что порученія Царицы состояли въ приказаніи Царевичу Александру поспѣшать прибытіемъ въ Джары, и не упущать изъ виду извѣстныхъ его предпріятій.

Возвратившійся того дня изъ Ганжи Князь Іосифъ Бебутовъ, (съ коимъ пріѣхалъ въ Тифлисъ посланецъ и отъ Хана, чинов-

никъ Гургинъ-Бекъ), явившись у Г.-М. Лазарева, подтвердилъ извѣстіе, что Царевичъ Александръ, на другой день его прїѣзда въ Ганжу, оттуда отправился въ Джары, въ провожаніи 100 Лезгинцевъ, высланныхъ для того наперсникомъ Царевичевымъ, съ нимъ повсюду шатающимся, Кахетинскимъ Княземъ Тауберомъ; что въ Ганжѣ весьма желаютъ, чтобъ войска Россійскія туда пришли, и что всѣ Татары, Армяне гласно говорятъ, что они ни одного выстрѣла не сдѣлаютъ по Русскимъ, что Ханъ ему изъявлялъ свое негодованіе на то, что, войска Россійскія заняли область Шамшадильскую; что, на возвратномъ своемъ пути изъ Ганжи, онъ встрѣтилъ четырехъ Армянъ, бывшихъ на охотѣ въ Самухѣ, и отъ нихъ слышалъ, что Нухинскій Ханъ собираетъ вооруженіе; на что, яко бы, ѣхавшій съ нимъ посланецъ Ханскій, Гургинъ-Бекъ, сказалъ, что вооруженіе сіе собирается противъ Хана Шущинскаго.

14-го, будучи у Князя Гарсевана Чавчавадзева, извѣстился отъ него самаго, что онъ получилъ письмо отъ Царевича Александра, чрезъ посланца Гацжинскаго Гургинъ-Бека, которое сыноу Князя Чавчавадзева мнѣ перевелъ, и которое можетъ быть первое еще его признаніе, что жизнь, кою онъ ведетъ, ему наскучать начинаетъ. Оно было слѣдующаго содержанія:

По изъявленіи Князю поздравленія съ его благополучнымъ прибытіемъ, Царевичъ его увѣряетъ о почтеніи, которое къ нему издавна имѣетъ, какъ къ особѣ покойнаго отца его, Ираклія, а потомъ и брата, Георгія, важнѣйшія порученія имѣвшей. И наконецъ спрашиваетъ Князя Чавчавадзева, что какъ онъ нынѣ возвратился отъ Высочайшаго Двора Россійскаго, при коемъ находился по дѣламъ отечества ихъ, то въ какомъ положеніи оныя? Извѣстенъ ли Государь Императоръ, что они, дѣти Царскія, разсѣяны по разнымъ странамъ, скитаея безъ пропитанія? И можетъ ли Государю быть угодно, чтобъ они въ бѣдствіи пропали? Заключаетъ же тѣмъ, чтобъ Князь Чавчавадзевъ сіе его письмо представилъ, куда разсудитъ выше.

Князь Чавчавадзевъ у меня спрашивалъ, что ему съ симъ письмомъ дѣлать? Я же ему совѣтовалъ его представить Г.-М. Лазареву, что онъ и исполнилъ.

14-го, пришедшій къ Г.-М. Лазареву Квартирмейстеръ 17-го егерскаго полку, Подпоручикъ Сураловъ, употребляемый за переводчика, по знанію его Азіятскихъ языковъ, донесъ о разговорѣ,

который онъ имѣлъ съ 3-мя Грузинскими Князьями, его посѣтившими, а именно: Князь Сардаръ Орбеліановъ, Князь Тархановъ и Князь Сулханъ Тумановъ.

Князь Орбеліановъ началъ свое изъясненіе удивленіемъ, за что яко бы на него сердится Г.-М. Лазаревъ. Что Г.-М. Лазареву самому должно быть извѣстно его усердіе, неоднократно доказанное въ походахъ при войскахъ Россійскихъ; что развѣ за то, что онъ, до возмущенія еще Кахетинскаго, представлялъ сему Генералу о нѣкоемъ письмѣ, у Книгини Чавчавадзевоу имѣющемся, которое яко бы всему бунту было причиной; или за то, что, до прибытія еще гъ Тифлисъ Князя Чавчавадзева, они яко бы обществомъ намѣревались отправить письмо къ Главнокомандующему, чтобы его до Тифлиса не допускать, будучи къ тому соглашаемы Правителемъ; или же за то, что они не согласуются съ Княземъ Чавчавадзевымъ въ предметахъ прошенія, которое онъ затѣвалъ отправить къ Высшему Двору, и съ его мыслями о Высочайшемъ Манифестѣ, что по оному Грузія только въ покровительствѣ, а не въ подданствѣ, которое онъ подкрѣпляетъ сказаннымъ Вице-Канцлеромъ при врученіи Манифеста, что Государю угодно было токмо, чтобы Грузія была покровительствуема Скипетромъ Россійскимъ.

Онъ же, Орбеліановъ, продолжалъ говорить, что желаніе Князя Чавчавадзева, къ коему онъ яко бы и ихъ преклонять хотѣлъ, есть то, чтобы паки избрать изъ рода Багратионовъ Правителя надъ ними, но что онъ, не согласуясь на сіе съ Княземъ Чавчавадзевымъ, удерживаетъ яко бы и всѣ прочіе умы въ согласеніи съ собой.

Князь Тумановъ на сіе сдѣлалъ возраженіе въ сихъ словахъ: что они, Князья Грузинскіе, хотя люди и умные, но Россіяне до сихъ поръ еще не знаютъ; что онъ, будучи нѣсколько лѣтъ имѣлъ случай ихъ испытать; что Россіяне хитры болѣе, нежели они думаютъ, и что ими же можетъ быть Князь Чавчавадзевъ настроенъ на то, дабы, вовлекши и ихъ, для своихъ интересовъ, въ мнимые замыслы, тѣмъ удобнѣе ихъ сдѣлать виновными и подвергнуть какому ни будь взысканію, или отдаленію изъ отечества.

Князь Тархановъ, по окончаніи сего, вступивъ въ разговоръ, сказалъ, что онъ всегда также усердствовалъ Россіянамъ, и то ясно доказалъ тѣмъ, что во всякомъ случаѣ дѣйствовалъ съ ними

согласно, противоборствуя Багратионамъ; что единственная его къ тому цѣль была та, чтобъ сдѣлаться извѣстнымъ Государю, но что нынѣ видятъ, что труды его были тщетны; ибо никакого не удостоился получить награжденія, или отличія; что онъ однимъ днемъ, разговаривая о томъ съ Г.-М. Лазаревымъ, и услышавъ отъ него, что онъ многократно о его усердіи и о услугахъ дѣлалъ представленія, и что не считаетъ себя предъ нимъ виноватымъ въ томъ, что онъ ничѣмъ не награжденъ, ему, Г.-М. Лазареву, остроумной шуткой отвѣчалъ, что онъ по тому, приходя къ Его Превосходительству, у него запасается пищей, у Графа Мусина-Пушкина—виномъ, у Г.-М. Тучкова пьетъ арало, а у Правителя, Г. Коваленскаго, стоитъ и молчитъ, и наконецъ что за лучшее онъ избираетъ отъ всего удалиться.

Сардаръ Князь Орбеліановъ на сіе сказалъ, что онъ и весьма въ томъ увѣренъ, что Г.-М. Лазаревъ, отдавая ихъ услугамъ всегда справедливость, неоднократно оныя представлялъ Главнокомандующему, но что, какъ они имѣли при немъ злодѣя, то и остаются до сихъ поръ въ забвеніи и въ неизвѣстности у Государя.

Князь Орбеліановъ и Тархановъ единогласно послѣ сего сказали, что Генералу безъ нихъ и обойтись никогда не можно, о чемъ они весьма извѣстны, что чрезъ два мѣсяца то случится, и что Генералъ долженъ самъ предвидѣть, по бумагамъ имъ на дняхъ полученнымъ, и по нѣкоторымъ внутреннимъ обстоятельствамъ.

NB. Взявъ на замѣчаніе сіи послѣднія слова, дозволю я себѣ сдѣлать нѣкоторыя заключенія.

Если обратиться къ тому времени, когда, по открытіи Правительства въ нынѣшнемъ году, пронырствомъ Царицы Даріи, Правитель настаивалъ у Главнокомандующаго о повелѣніи, чтобъ собирать тогда же съ купечества, въ Тифлисѣ торгующаго, махту или подать, которая собиралась при Царяхъ, и отъ которой оное было уволено при Царѣ Иракли, съ того времени, какъ Ага-Магометь-Ханъ разорилъ сей городъ, а по смерти его и при Царѣ Георгіи, и вспомнить о волненіи, происшедшемъ въ купечествѣ отъ такого повелѣнія, отъ Главнокомандующаго происшедшаго; а при томъ, если токмо взять въ замѣчаніе тайныя конференціи Правителя у себя въ кабинетѣ съ Царицей Даріей, по нынѣ продолжающіяся, о содержаніи коихъ никто не извѣстенъ, то я позволяю

себѣ мыслить, что нынѣшніе поступки Правителя, то есть, тайныи его конференціи, какъ выше изъяснено, съ Князьями: Сардаремъ Орбеліановымъ, Тархановымъ, Макаевымъ и Аргутинскимъ, о раздѣленіи Грузіи на части, для введенія новаго Правленія, о новыхъ налогахъ сбора хлѣба и опредѣленія Моуравомъ къ Татарамъ Шамшадильскимъ Князя Тарханова, не иное что суть, какъ дѣйствія или слѣпо, или за интересъ, производимыя по внушеніямъ Царицы Дарин, которая, употребляя самаго Правителя на рожденіе въ народѣ неудовольствія, съ помощью Царевича Александра, съ кониъ, какъ извѣстно, она переписывается, по видимому, затѣваетъ паки волненіе, но гораздо сильнѣйшее того, которое было возникло въ Іюлѣ мѣсяцѣ. И, какъ кажется, весь планъ онаго состоитъ въ томъ, что коль скоро начнется въ дѣйство производиться сборъ хлѣба съ новаго года, то народъ, не будучи въ состояніи дать требуемаго, съ помощью огня, который тайно повсюду будетъ раздуваемъ Царицей, принужденъ будетъ рѣшиться на что либо послѣднее, а въ самое то мгновеніе, когда повсюду неудовольствіе возродится, Царевичъ Александръ подоспѣетъ съ многочисленной толпой Лезгинцевъ. Съ помощію Кахетинцевъ и Кизихцевъ, весьма не терпящихъ Земское Начальство, Правителю по родству и разнымъ связямъ преданное, можно ожидать пламени столь сильнаго, что едва ли и потушить оное будетъ возможность.

15-го числа былъ у Г.-М. Лазарева Ганжинскій посланецъ, Гургинъ-Бекъ, имѣвшій при письмѣ отъ Хана и словесное препорученіе, что Ханъ, желая всегда одинаково продолжать дружественныя связи съ Грузіей, съ удивленіемъ видитъ, что войска Россійскія заняли область Шамшадильскую, которую Ханъ почитаетъ себѣ принадлежащей; что прошедшей весной войска Россійскія, хотя также было заняли область сію, но что, когда Ханъ о непримичности того представлялъ Главнокомандующему, то что не токмо войска оттуда были выведены, но что Главнокомандующій обѣщалъ о правахъ Хана на область Шамшадильскую донести Его Императорскому Величеству; что для Хана тѣмъ удивительнѣй кажется, что нынѣ войска Россійскія не токмо оную паки заняли, но даже и собираютъ хлѣбные налоги въ доходы Грузіи, которыя, по праву, должны принадлежать Хану; и наконецъ, что таковой поступокъ Россіянъ можетъ имѣть дурныя слѣдствія для нихъ самихъ, сказавъ при томъ, что и «овца лягнетъ, когда оную изловятъ въ стадѣ для убіенія.»

Г.-М. Лазаревъ отвѣчалъ посланцу, что онъ, съ своей стороны, пребываетъ непоколебимъ въ желаніи сохранять дружество съ Ханомъ, если токмо Ханъ не подастъ самъ повода къ разрыву онаго перемирія поступковъ своихъ, доброму и спокойному союзу свойственныхъ, въ какіе либо предосудительные. А что касается до области Шамшадильской, то; руководствуясь Высочайшимъ Государя Императора повелѣніемъ о сохраненіи предѣловъ Грузіи въ томъ положеніи, какъ оныя были при послѣднемъ часѣ жизни послѣдняго Царя Георгія, и зная достовѣрно, что область сія въ то время Грузіи принадлежала, съ самой кончины Царя онъ ее признаетъ областью Россійскаго Государя Императора, какъ и всю Грузію.

Что прошедшей весной войска Россійскія отнюдь не по тому въ Шамшадилей выведены, чтобъ область сію Главнокомандующій признавалъ Ганжѣ принадлежащей, но единственно по причинѣ жаровъ, дабы не утомить напрасно въ оныхъ войска, которыя нынѣ, по миновеніи оныхъ, паки туда вступили, какъ и прочіе отряды, по границамъ расположенные.

Что о сборѣ съ Шамшадильскихъ жителей хлѣбной подати можетъ посланецъ объясниться съ Правителемъ Грузіи.

Что же касается до слѣдствій, которыя могутъ, яко бы, потерпѣть Россіяне отъ того, что, по мнѣнію Хана, они занимаютъ не принадлежащую имъ область, и до того, что овцы лягаются. Г.-М. Лазаревъ сказалъ посланцу, что храброе войско Россійское ни отъ кого еще утрашено не было; что оно въ Грузіи весьма достаточно, чтобъ искоренить всякаго врага, который бы осмѣлился покуситься на что либо, общему спокойствію противное; кто же будетъ лягаться, то чтобъ берегъ голову.

17-го сообщилъ намъ конфидентъ, что Царица Дарія на сихъ дняхъ получила письмо отъ Царевича Александра такого содержанія, что онъ собираетъ войско, для возвращенія Царства Грузинскаго паки въ родъ Царя Ираклія, и что если, паче чаянія, имъ въ томъ не удастся, то чтобъ Царица запомнила, что у Царя Ираклія и у нея былъ сынъ, Царевичъ Александръ.

Того же утра Коллежскій Ассесоръ Яковлевъ мнѣ донесъ, что дѣйствующіе единомысленно съ Лжепатіархомъ Давыдомъ къ погибели Патріарха Даніила, жительствующіе въ Тифлисѣ, Князь Солонъ Аргутинскій, Уѣздный Казначей Армянинъ Бегтабеговъ, и помощникъ Моуравскій при Казахскихъ Татаралъ, Миравовъ, заключили

между собой въ тайнѣ отправить къ Лжепатріярху мѣшнѣ свое въ томъ, Что, какъ по поводу происшествія, съ Архимандритомъ его Карапетомъ на сихъ дняхъ случившагося (у коего перехвачены здѣшнимъ Правительствомъ, по просьбѣ Викарнаго Архіепископа, Іоанна, для управленія Епархіей здѣсь отъ Даниила находящагося, возмутительныя бумаги отъ Давыда), не предвидится ими возможности къ отправленію отсюда въ С.-Петербургъ къ Высочайшему Двору его бумагъ съ предположенными доказательствами о добровольности Патріярха Даниила яко бы принести раскаяніе предъ Лжепатріярхомъ, и о проектируемомъ ими избраніи, яко бы народномъ, въ Патріярхи Давыда, то чтобъ онъ употребилъ другое къ тому средство, ими предлагаемое: чтобъ отправилъ ложные сіи документы съ нарочнымъ чрезъ Баку, по Каспійскому морю, въ Астрахань, къ Директору Тамошней таможни, Ассесору Иванову, коего они хотѣли о томъ предварить увѣдомленіемъ, чтобъ онъ, по полученіи оныхъ, переслалъ ихъ немедленно въ С.-Петербургъ, къ Армянскому Архіепископу Григорію, для представленія Министру.

Смотри донесеніе отъ 17 Декабря.

Того же вечера нашъ конфидентъ намъ донесъ, что бывшій здѣсь посланецъ Ганжинскій, Гургинъ-Бекъ, отъ имени своего Хана предлагалъ Правителю половину добычи, нынѣшней весной пограбленнаго Ганжинскаго каравана съ Шамшадильскимъ Султаномъ Наж-Беккомъ, если онъ постарается другую возвратитъ Хану; что съ отвѣтомъ на сіе предложеніе отправленъ отъ Правителя къ Хану дворянинъ Патраловъ, на подобныя порученія употребляемый во всѣхъ случаяхъ.

19-го посѣтилъ насъ первѣйшій Агаларъ Казахскихъ Татаръ, пріѣхавшій въ Тифлисъ по дѣламъ, до Правительства относящихся.

Въ разговорахъ своихъ они обращались къ Г.-М. Лазареву съ негодованіемъ на бывшаго Главнокомандующаго въ томъ, что онъ не уважилъ просьбъ, ими изъявленныхъ при учиненіи присяги, отзываясь, что они о томъ паки будутъ представлять новому Главнокомандующему, и что его, Г.-М. Лазарева, поставятъ своимъ свидѣтелемъ.

Съ симъ Агаларомъ я имѣлъ послѣ секретный разговоръ.

желая почерпнуть отъ него свѣдѣнія, какая причина ихъ побуждаетъ быть недовольными и чего бы они желали.

Онъ мнѣ говорилъ, что они, Татары, народъ кочующій, и желали бы, чтобъ имъ дарованы были прежнія права и преимущества, то есть, чтобъ у нихъ на всегда оставался главой Князь Чавчавадзевъ; чтобъ войска къ нимъ на квартиры не были помѣщаемы, по тому что они, будучи Магометане, и твердо Вѣру свою соблюдая, не могутъ въ томъ согласоваться, чтобъ имѣть столь тѣсное сообщеніе съ Христіянами, и что они о томъ докладывали Главнокомандующему, но что онъ ихъ просьбамъ не внималъ.

Что онъ, Папа-Ага, лично за себя отвѣтствуетъ въ твердомъ храненіи присяги, имъ въ вѣрности Государю Императору učinенной, но не отвѣтствуетъ за народъ, могущій, при малѣйшемъ неудовольствіи, обратиться къ единовѣрнымъ сосѣдственнымъ народамъ и предпринять что либо худшее; что они, желая повиноваться одному Князю Чавчавадзеву, просили объ удаленіи отъ нихъ помощника Мирабова, что также не исполнено.

Что Татары Шамшадильскіе, привыкшіе повиноваться одному и тому же, который управлялъ Казахскими, не терпятъ новаго у себя Моурава, Правителемъ къ нимъ опредѣленнаго, Князя Соломона Тарханова, по тому еще болѣе, что они весьма хорошо знаютъ, что такое опредѣленіе сдѣлано безъ всякаго размышленія о пользахъ Государя и народа, но единственно по враждѣ Правителя и дома Орбеліанова съ домомъ Князя Чавчавадзева.

И что по тому Татары, все сіе почитая угнетеніемъ, безъ причины имъ дѣлаемымъ, могутъ отклониться отъ повиновенія и содѣлаться нарушителями присяги, ими učinенной.

Лаская Папа-Агу, я ему совѣтовалъ, по вѣдѣнію, которое онъ надъ всѣми Татарами имѣеть, ихъ удерживать въ повиновеніи, и, по прибытіи сюда новаго Главнокомандующаго, ему о всѣхъ обстоятельствахъ и нуждахъ своихъ донести.

Въ тотъ же день получено Г.-М. Лазаревымъ офиціальное извѣстіе, что, прогнанный изъ Ахалциха, Шерифъ-Паша, прибѣгалъ подъ защиту къ Баязетскому Пашѣ, который, однако же, по силѣ Султанскаго фирмана, его не принялъ, но, наградивъ 15-ю кисами денегъ, отправилъ его къ Хану Ериванскому, обѣцая ходатайствовать въ Константинополѣ о его возстановленіи въ Пашинское достоинство въ Ахалцихѣ, и, если въ томъ успѣха имѣть

не будетъ, то будущей весной общалъ самъ, съ помощью Куртовъ, Лезгинъ и Царя Имеретинскаго его возстановить.

20-го получено Г.-М. Лазаревымъ офиціальное извѣстіе о собраніи Царевичемъ Александромъ войскъ Ганжинскихъ, Шемахинскихъ, Нухинскихъ и Лезгинскихъ, для впаденія съ оными въ Кизицкую провинцію и на крѣпость Сигнахскую.

Пріѣхавшій сегодня отъ Карскаго Паша человекъ привезъ къ Г.-М. Лазареву отъ него письмо, коимъ Паша, увѣдомляя о намѣреніи Хана Ериванскаго и Нахичеванскаго, Каль-Балы-Хана, силой оружія возстановить въ Ахалцихѣ Шерифъ-Пашу, по фирманамъ, у него и у прочихъ сосѣдственныхъ Пашей имѣющимся на истребленіе Шерифъ-Паша, просилъ Г.-М. Лазарева, чтобъ Россійскія войска, въ Бомбакахъ стоящія, сдѣлали движеніе къ Карсу, для воспрепятствованія Ериванскихъ толпамъ намѣреніе, ими принятое въ дѣйство произвестъ.

21-го присланы отъ Подполковника Симоновича къ Г.-М. Лазареву три шпіона Царевича Александра, на границѣ схваченные, съ письмами, у нихъ имѣвшимися; при рапортахъ, что возвратившійся изъ Имеретіи, посланный туда Княземъ Георгіемъ Амилахваровымъ, Дирбскій Моуравъ Максимъ привезъ извѣстіе, что Царь Имеретинскій столь стѣснилъ Дадіана, что сей принужденъ былъ искать убѣжища въ предѣлахъ Поти и Аджара, и что владѣнія его всѣ покорены Царемъ.

Что Царь заключилъ союзъ съ владѣльцами Гуріельскимъ, Абхазинскимъ, Суанетскимъ и Лезгинцами, для возстановленія, при первомъ удобномъ случаѣ, Шерифъ-Паша въ Ахалцихѣ, который союзъ они утвердили взаимной присягой.

Что тому съ мѣсяцъ назадъ Царь Имеретинскій получилъ изъ Кахетіи письмо, которое, будучи завернуто въ патронницѣ, сверху крѣпко замазанной, провезено къ нему въ небольшомъ тулукѣ, виномъ наполненномъ; что содержаніе письма было:

Что коль скоро возстановленъ будетъ Шерифъ-Паша въ Ахалцихѣ, то чтобы сдѣлать на Русскихъ въ Грузіи всеобщее нападеніе, и именно Шерифъ-Пашѣ чрезъ Хеобу на Сурамъ, Царю Имеретинскому, со вспомогательными войсками, вступить въ верхнюю Карталинію, Царевичамъ Юлону и Парнаозу, съ таковыми же войсками изъ Рачи, чрезъ Осетинцевъ пробираться въ Карталинію же, Лезгинцамъ изъ Дагестана на Кахетію, а Царевичу Александру, съ войсками Адербижанскими, на Тифлисъ, обывате-

лямъ же Грузинскимъ въ назначенный день повсюду напасть на Русскихъ.

Что о Царевичѣ Константинѣ разнеслись ложные слухи, яко бы онъ былъ отравленъ, но что онъ по прежнему содержится въ крѣпости и здравствуетъ.

Того же вечера Царевичъ Давыдъ, меня посѣтившій, сказывалъ мнѣ о подтверждающихся слухахъ, что хотъ Царь былъ отравленъ Дадіаномъ и ретировался въ границы свои, расположивши свое войско на Пхенись-Шхали (рѣчка, разграничивающая Имеретію съ Дадіановой областью Одиши), но что Царь нынѣ возымѣлъ паки верхъ надъ Дадіаномъ, вытѣснивъ его изъ Лечхума и Одиши; что причиной тому раздоръ, происшедшій у Владѣльца Дадіана съ тремя братьями, отъ него отклонившимися и къ Царю предавшимися. Что по поводу сего раздора и Абхазинскій Владѣлецъ, Келешъ-Бекъ, вознамѣрившійся Дадіану вспомоствовать увидѣвши перевѣсъ на сторонѣ Царя, отступилъ въ свои владѣнія.

По разсмотрѣнію же писемъ, у шпионовъ схваченныхъ, главнѣйшія были: одно отъ изгнаннаго изъ Ахалциха, Шерифъ-Паши къ Царевичу Давыду, коимъ онъ его увѣдомлялъ, что онъ исправно получилъ его двухъ курьеровъ съ бумагами, для отправления оныхъ къ своему Государю, но что того исполнить нынѣ не можетъ, по случаю зимняго времени. Другое, отъ Царевича Парнаоза къ Царевичу Александру съ изъявленіемъ, что посланному поручено многое ему изустно донести. Сей посланный, Грузинскій дворянинъ Джара-Швили, одинъ изъ шпионовъ, въ допросѣ, ему сдѣланномъ, признался, что Царевичи, Юлонъ и Парнаозъ, ему поручили словесно донести Царевичу Александру: Чтобъ онъ всѣми силами старался о возстановленіи отечества и Дома своего; что они о томъ, съ своей стороны, прилагаютъ возможные старанія; что Юлонъ и Парнаозъ вскорѣ намѣрены ѣхать въ Рачу, и оттуда писать къ Черкесамъ (владѣльцамъ большой Кабарды), чтобъ они имъ также вспомоствовали.

22-го сего утра мнѣ донесено, что Князь Георгій Амилახваровъ, Совѣтникъ Уголовной Палаты, откомандированный Правителемъ, съ мѣсяцъ тому назадъ, въ Карталинію, по востребованной въ немъ надобности для охраненія кордона, имѣлъ яко бы отъ Правителя особое порученіе, состоявшее въ томъ, чтобъ, собравъ

Карталинскихъ Князей, ихъ убѣдить къ подписанію даннаго ему отъ Правителя листа, въ которомъ изъяслялось, что общество дворянства Кахетинскаго избираетъ ходатаями во всѣхъ своихъ дѣлахъ у Правительсва Князей Сардаря Орбеліанова, Тарханова и Сулхана Туманова.

Что Князь Амилахваровъ о томъ обществу дѣлалъ предложенія и съ угрозами, и что, возвратившись оттуда на сихъ дняхъ, привезъ листъ, подписанный токмо четырьмя неизвѣстными особами. Что Правитель намѣренъ дополнить оныя здѣсь, въ Тифлисѣ.

23-го, съ нарочно присланныхъ изъ Георгіевска курьеромъ къ Г.-М. Лазареву, получены предписанія отъ Главнокомандующаго:

1-е, что онъ получилъ извѣстіе отъ Табасаранскаго и Аварскаго Владѣльцевъ; отъ перваго, что Сардаръ Баба-Хана, Пиръ-Кули-Ханъ, Карадацкаго Ата-Хана изгналъ изъ владѣнія, который и удалился въ Талышинскую область и что Пиръ-Кули-Ханъ намѣревается имѣть пребываніе свое на рѣкѣ Курѣ; а отъ втораго, что, по повелѣнію Баба-Хана, войска Персидскія возвратились къ Тегерану, и только малая часть осталась въ Адербижанѣ; что онъ, Аварскій Ахметъ-Ханъ, на вѣрное увѣдомился, что съ Грузинскимъ Царевичемъ Александромъ условились къ нападенію на Россійскія войска въ Грузіи жители Курельскіе, Карскіе, Шильдскіе, Кизицкіе, обыватели Телавскіе, также и Джарскіе Лезгинны.

2-е. Чтобъ Г.-М. Лазаревъ отнесся къ Хану Ериванскому, что, какъ за достовѣрное уже извѣстно о неблаговидномъ происшествіи съ Патріархомъ Армянскаго народа, Даниломъ, преданнымъ врагу своему, Давыду, и какъ таковое послѣдовало въ предѣлахъ его, Хана, то что за жизнь и за всѣ оскорбленія, особѣ Патріарха наносимыя, долженъ будетъ дать отвѣтъ онъ, Ханъ, и не одинъ словесный, или писменный, но неминуемо подвергнетъ себя справедливѣйшему гнѣву Его Императорскаго Величества, и что, восчувствуя тягость онаго, будетъ раскаяваться. Во исполненіе чего Г.-М. Лазаревъ, 24 Декабря, и отправилъ къ Хану, съ письмомъ своимъ, Князя Тамаза Орбеліанова.

Письмо въ донесеніи отъ 24 Декабря.

3. Чтобъ Г.-М. Лазаревъ отправилъ непременно въ Кутаисъ Медицинскаго чиновника, для пользованія Царевича Константина, если будутъ подтверждаться извѣстія о данномъ ему въ пищу ядѣ.

Сего же дня получены Г.-М. Лазаревымъ рапорты отъ Подполковника Солениуса слѣдующаго содержанія:

1. Что исправляющій въ Сигнахскомъ Уѣздѣ должность Капитанъ-Исправника, Поручикъ Соколовскій, угрожаетъ разными словами жителей селенія Бадбельсхеви, Іосифа и Датія Зурабовыхъ, что по чему они ходятъ на ту сторону рѣки Алазани въ Лезгинскія селенія для узнанія о намѣреніяхъ Царевича Александра и хищныхъ Лезгинъ и о всемъ, тамъ происходящемъ, извѣщаютъ его, Подполковника, а не его, Исправника, говоря, что, по чему чрезъ его подчиненныхъ будутъ другія получать свѣдѣнія; за что также страждаетъ жителей налогами безпомѣрнаго сбора хлѣба, и пр. Жители же, боясь угрозъ, по многимъ призывамъ его, Г. Подполковника, къ нему не идутъ, отговариваясь домашнимъ дѣломъ, и что по тому ему посылать не кого для развѣдыванія о движеніяхъ, или намѣреніяхъ непріятельскихъ въ столь критическихъ нынѣ обстоятельствахъ. Что помянутые Зурабовы, не отказываясь отъ оказанія услугъ своихъ, однако же не идутъ для развѣдываній, а другіе жители вовсе не идутъ; и что по тому къ показанію Г.-М. Лазареву заграничныхъ извѣстій онъ уже болѣе не находитъ способа, въ разсужденіи того, что какъ Зурабовы, такъ и еще два Армянина, сообщали ему таковыя единственно изъ усердія, а не за плату, на произведеніе каковой лазутчикамъ онъ, Подполковникъ, и суммы не имѣетъ. Что первые застращены Исправникомъ, а послѣдніе Армяне отправлены отъ Сигнахскаго Коменданта, Маіора Ольховскаго, съ его трехнедѣльными билетами въ Белоканы, а оттуда до нынѣ еще они не возвращаются. Что они проѣхали черезъ кордонъ облыжнымъ образомъ, сказавъ караульнымъ, что билеты у нихъ имѣющіеся яко бы подписаны имъ, Г. Подполковникомъ Солениусомъ; что онъ, Подполковникъ, хотя неоднократно подтверждалъ Юзъ-Башамъ за караулами, жителями содержимыми, имѣть строгое смотрѣніе, но что они на то отзываются нехотѣніемъ, представляя причиной то, что имъ обѣщано было отъ Главнокомандующаго за труды жалованье, котораго они не получаютъ. Во второмъ рапортѣ Г. Солениусъ доносилъ, что какъ онъ въ первомъ своемъ рапортѣ упоминалъ объ отправленныхъ въ Белоканы двухъ Армянахъ съ 3-недѣльными билетами Сигнахскаго Коменданта, съ подтвержденіемъ отъ него, чтобъ они къ нему, Подполковнику, не осмѣлились являться, и, буде въ противность того поступятъ, то подвергнутся жестокому

наказанію; что одинъ изъ сихъ Армянъ застрашанныхъ, прислалъ къ нему, Г. Подполковнику, письмо, съ объявленіемъ въ ономъ, что въ Джарахъ и Белоканахъ сдѣланъ уже закликъ для собранія 10,000 Лезгинскаго войска, съ коими, и съ подкрѣпленіемъ еще изъ Дагестана, Паревичъ Александръ намѣревается учинить нападеніе на Кизицкую область и на крѣпость Сигнахскую, но что не извѣстно токмо опредѣлительно времени, когда нападеніе располагается.

Что они, два Армянина, пришли бы сами къ нему, Подполковнику, съ сими извѣстіями, но опасаются чтобъ Комендантъ не исполнилъ своего обѣщанія, наградить ихъ 1000 ударами палочными.

24-го Армянскій Архіепископъ Іоаннъ мнѣ вручилъ бумагу, имъ полученную отъ Патріярха Давида, въ которой подробно объяснены всѣ насилія, ему и всему духовенству въ Ечмиадзинѣ Давыдомъ сдѣланныя, къ вынужденію подписокъ отъ него, Патріярха, что яко бы онъ добровольно уступаетъ Патріаршество Давыду, а отъ Духовенства, что якобы оное Давыда въ Патріархи избираетъ; что вскорѣ подписки сіи пришлются въ Тифлисъ, для присовокупленія къ онымъ тѣхъ, которыя въ семь городѣ будутъ собираемы единомышленниками Давыда.

Того же дня Г.-М. Тучковъ рапортомъ Г.-М. Лазареву донесъ, что взятый еще весной Грузинецъ подъ деревнею Хударети выкупленъ изъ плѣна Селямъ-Агой-Химшія-Швили изъ Ахалциха Шерифъ-Пашу вытѣснившимъ, и присланъ къ Подполковнику Симоновичу съ весьма дружескимъ письмомъ; съ увѣреніями, что онъ всѣ силы будетъ употреблять къ невпущенію Лезгинъ въ предѣлы Ахалцихскіе и къ ихъ истребленію. При семъ же рапортѣ представлены два письма, отобранныя отъ 3-хъ шпионовъ, отъ Симоновича къ Г.-М. Лазареву присланныхъ сего мѣсяца: одно отъ зятя Царскаго, Князя Малхаза Андронникова къ Царевичу Александру, коимъ его поздравляя съ благополучнымъ прибытіемъ въ Ганжу и съ ласковымъ пріемомъ, Ханомъ ему сдѣланнымъ, увѣдомляетъ объ успѣхахъ Царя Имеретинскаго надъ Дадіаномъ. А другое изъ Ахалциха къ дворянину Грузинскому, Глахъ Цимахурадзе, съ подтвержденіемъ плана о нападеніи на Грузію со всѣхъ сторонъ.

26-го, посѣтившій меня Католицкій Патеръ Филиппъ между прочимъ мнѣ сообщилъ за достовѣрное извѣстіе, что Селямъ-Ага-

Химшія Швили, изъ Ахалциха выгнавшій Шерифъ-Пашу, Владѣтель Аджарскій Селимъ-Ага-Хипіани, Владѣтель Гуріельскій, и Абхазинскій Келешъ-Бекъ, заключили общій союзъ съ Владѣтельнымъ Княземъ Дадіаномъ сдѣлать нападеніе на Царя Имеретинскаго, какъ для отторженія его отъ Дадіана, такъ и для отмщенія ему за убіеніе Ахалцихскаго Сабудъ-Паши.

Сего же числа Г.-М. Лазаревъ получилъ отъ Г.-М. Гулякова изъ Телава рапортъ, что пріѣхавшіе 19-го числа изъ Белоканъ Сигнахскіе и Чалубанскіе Армяне привезли извѣстіе, что Лезгинскіе Старшійны, по согласію съ Царевичемъ Александромъ, уже сдѣлали закликъ въ Джарахъ и Белоконахъ, дабы вооруженіе изъ оныхъ собиралось для слѣдованія съ Царевичемъ къ нападенію на Кизицкую область и на Сигнахскую крѣпость, которое уже тысячъ до 7-ми и собралось. Другой же Армянинъ, 20-го числа пріѣхавшій изъ Белоканъ, донесъ, что Царевичъ Александръ, съ помянутою 7-ми тысячною толпою, намѣревается ити на селенія Гавазы, Кварели и прочія окрестныя, для разоренія оныхъ до основанія. Также, что нѣкоторый Священникъ Іосифъ, селенія Гавазы, донесъ, что бѣжавшій прежде сего изъ отечества къ Царевичу Александру Князь Вачнадзе Бебуровъ, съ 4-мя товарищами, подѣзжалъ тайно къ селенію Гавазамъ, для уговора жителей онаго къ содѣйствію въ предпріятіяхъ помянутаго Царевича, которые яко бы на то согласились. Что сей Князь ихъ увѣрялъ, что Царевичъ непременно 23-го, или 24-го, числа сего мѣсяца прибудетъ съ Лезгинцами на поле Горисцвели, и съ онаго, съ небольшимъ конвоемъ, приблизится къ одной мельницѣ, близъ Гавазъ находящейся, у которой жители сего селенія обѣщали его встрѣтить. Когда же все Лезгинское войско соберется, то что тогда Царевичъ Александръ пришлетъ къ начальникамъ войскъ Россійскихъ сказать, чтобъ изъ селеній отступали; буде же они тому не повинуются, то тогда уже на нихъ нападетъ, въ чемъ жители обѣщали всѣ ему помогать.

Еще же Князь Бебуровъ съ товарищами жителей увѣрялъ, что Царевичъ Александръ съ умысломъ распускаетъ слухи о нападеніи своемъ на Кизицкую область и крѣпость Сигнахскую, дабы привлечь войска Россійскія къ сими мѣстамъ и отвлечь отъ Гавазъ, Карели и прочихъ, куда онъ стремится сильное учинить нападеніе. А что, если бы 23 и 24-го числа какія либо обстоятельства ему воспрепятствовали намѣреніе свое произвести въ

дѣйство, то чтобъ тогда жители Гавазъ, Кварели и прочіе окрестныхъ селеній выходили къ Царевичу на встрѣчу на упомянутое Горисцвельское поле, для полученія отъ него повелѣній; что жители также обѣщались исполнить.

Сего же вечера Г-нъ Г.-М. Лазаревъ мнѣ сообщилъ разговоръ его съ Правителемъ о Ханѣ Ганжинскомъ, который, какъ отзывался Правитель, поведеніе свое нынѣ противъ Россіянъ весьма гордо располагаетъ, разглашая, что онъ не намѣренъ быть въ пріязненныхъ съ Россіянами сношеніяхъ; ибо, если они намѣреваются его лишить Ханства, то что все для него равно, быть ли съ ними снисходительну, или горду. Г.-М. Лазаревъ, не оказавъ ни малѣйшаго къ тому удивленія своего, Правителю отвѣчалъ, что ни одинъ Ганжинскій, но и всѣ сопредѣльные давно уже преступили границы гордости противъ Россіянъ.

28-го былъ у меня Тифлискій Хирургъ Татула, принимающій много участія въ Патріархѣ Даніилѣ, съ коимъ я говорилъ кой о чемъ по сему предмету. Онъ же мнѣ, между прочимъ, сказалъ, что Ханъ Ериванскій призывалъ Даніила, но не извѣстно за чѣмъ.

Что Сардаръ Баба-Хана, Пиръ-Кулы-Ханъ, выступилъ для собранія податей съ Хановъ Азербиджанскихъ, и собраніе начинается съ Нухинскаго, наиболѣе приверженности къ Россіянамъ оказывающаго.

Сего вечера, бывши у насъ, Царевичъ Давыдъ, между разговоровъ, извѣстился съ огорченіемъ на счетъ коварствъ, Правителемъ чинимыхъ, и подписокъ, имъ собираемыхъ. Я любопытноствовалъ у него узнать о сихъ подпискахъ, и онъ мнѣ рассказалъ, что составленъ открытый листъ, въ которомъ означено, что Кахетинцы и Карталинцы избираютъ ходатаями по всѣмъ дѣламъ своимъ Князей Сардаря Орбеліана, Соломона Тарханова, Александра Макаева, Георгія Амилахварова, Запла Баратова и Сулхана Туманова; что сіи избранные составили листъ для собранія на ономъ подписокъ; что дворянство, изъявляя благодарность свою Правителю за доброе ими управленіе, его просить на всегда въ сѣмъ званіи въ Грузіи оставаться. Черезъ лазутчика же моего я получилъ вчерашній день свѣдѣнія, что листъ сей поднесенъ былъ Княземъ Баратовымъ Царицѣ Даріи, для приложенія ея печати, но что Ея Высочество отозваться изволила вопросомъ: по ихъ ли желанію въ Грузіи Коваленскій

опредѣленъ Правителемъ? А что на отрицательный отвѣтъ Князя Баратова, она ему сказала, что они напрасно на себя берутъ смѣлость избирать себѣ Начальникомъ, коимъ весь народъ не доволенъ. Что къ избранію онаго есть Высочайшая власть Государя Императора; а что ежели ихъ подписки могутъ заключать въ себѣ важность, то они могутъ обойтись и безъ печати на семь листовъ фамиліи Царской, нынѣ ничего не значущей.

О Дадіанѣ мнѣ Царевичъ Давыдъ сказывалъ за достовѣрное, что онъ, будучи выгнанный Царемъ, съ помощью 1,500 Лезгинцевъ, изъ Лечхума и Одиши, ретировался въ небольшое селеніе Чалодиди на Ріонѣ, противъ гавани Поты лежащее.

29-го прибылъ изъ Еривани Дьячокъ Армянскій, посыланный къ Хану съ письмомъ отъ Г.-М. Лазарева въ началѣ сего мѣсяца.

О показаніяхъ его смотри донесеніе отъ 31 Декабря.

ГРУЗИЯ 1803 ГОДА,

или ежедневныя записки извѣстіямъ, до мѣня доходящимъ.

Генваря 1-го получилъ Г.-М. Лазаревъ рапортъ отъ Командующаго въ Кахетіи кордономъ Г.-М. Гулякова, что хотя Царевичъ Александръ и располагался учинить нападеніе, о коемъ часто упомянуто въ Декабрѣ мѣсяцѣ на 23-е число онаго, но что оное отложено до 29-го.

Около полудни прибылъ съ Линіи Кавказской нарочный, привезшій отъ Главнокомандующаго ордера къ Г.-М. Лазареву и Правителю.

Къ Правителю, препроводивъ три Высочайшихъ письма отъ Государа Императора и Императрицы къ Царицѣ Даріѣ, содержащія приглашенія ея къ Высочайшему Двору въ С.-Петербургъ, предписалъ всевозможныя употребить средства къ тому, чтобъ Ея Высочество въ три дни собралась къ путешествію; а что касается до распоряженій, которыя бы она восхотѣла сдѣлать о своемъ имѣніи, то оныя могли бы токмо простереться на движимость, а недвижимость чтобъ поступила въ управленіе казенное.

А Г.-М. Лазареву предписывалось, чтобъ онъ, обще съ Правителемъ, приложилъ старанія Царицу выпроводить изъ Тифлиса, и какъ по уваженію, сану ея приличествующему, такъ и для предосторожности, на случай какихъ-либо покушеній со стороны неблагонамѣренныхъ, чтобъ было въ сопровожденіе ея назначено сильное прикрытіе. При семъ же ордерѣ прилагалось письмо къ Царевичу Александру отъ Главнокомандующаго, написанное по письму сего Царевича, Князя Чавчавадзевымъ полученному (о коемъ упоминается въ запискѣ. . . . Декабря прошлаго года), исполненное увѣреніями, что Его Императорское Величество Всемилостивѣйше ему оказать изволить снисхожденіе во всемъ, если онъ разсудитъ въ отечество возвратиться, съ предписаніемъ Г.-М. Лазареву сіе письмо вѣрнымъ способомъ къ нему доставить.

Какъ сей день, былъ праздникъ Нового года, то Г.-М. Лазаревъ вѣздилъ послѣ обѣда, съ поздравленіями или визитами къ особамъ фамиліи Царской. Будучи у Царицы Даріи, онъ съ ней не замѣтилъ ни малѣйшаго удовольствія отъ полученной Ею Высочомонаршей милости.

Будучи же у Царевича Давыда въ то самое время, когда ему принесли Высочайшіе рескрипты, Царицею полученныя, для перевода оныхъ по Грузински, нельзя было не замѣтить того, что онъ, читавъ рескриптъ, перетолковывалъ смыслъ онаго въ томъ, что ее силою изъ Грузіи увлекаютъ.

Въ самое то же время посѣтилъ Царевича Правитель, съ коимъ Г.-М. Лазаревъ завелъ разговоръ о полученномъ имъ ордерѣ отъ Главнокомандующаго о повѣздкѣ въ Россію Царицы Даріи, и объ общахъ съ нимъ распоряженіяхъ по сему предмету. Правитель, однако же, съ перваго слова сказалъ, что онъ сомнѣвается, чтобъ она Высочомонаршей сей милостію воспользовалась. Однимъ словомъ, Правитель не могъ скрыть своего смущенія въ семъ случаѣ, и весьма было примѣтно, что сіе ему не по сердцу.

Г.-М. Лазаревъ, возвратившись домой, послалъ тотчасъ, во исполненіе ордера Главнокомандующаго, предписаніе о воинскихъ отрядахъ для конвоеванія Царицы.

Вечеру сидѣли у насъ Князь Гарсеванъ и Александръ Чавчавадзе. Къ намъ же пришелъ Протопопъ Грузинскій, Захарій Сидоменовъ, который, разговаривая съ Княземъ Чавчавадзевымъ его спросилъ: «Правда ли, что у Г.-М. Лазарева есть письмо отъ Главнокомандующаго къ Царевичу Александру?» Чавчавадзевъ же о томъ съ вопросомъ адресованъ ко мнѣ, но, отбывшись незнаемъ, его просилъ узнать у Протопопа, откуда ему то извѣстно? Князь Чавчавадзевъ то исполнилъ, и мнѣ сообщилъ, что Сидоменовъ о томъ слышалъ въ домѣ Царицы Даріи, къ которой извѣстіе таковое дошло отъ Правителя, Г. Коваленскаго, получившаго о томъ увѣдомленіе чрезъ письмо съ Линіи.

Около полуночи пришелъ къ намъ конфидентъ нашъ, Мулла Тариверды, сообщавшій намъ предварительныя свѣдѣнія, имъ отъ прѣхавшаго изъ Еривана посланца, Магмедъ-Али-Бека, изчерпанныя.

См. мое донесеніе отъ 4-го Генваря.

Генваря 2-го получено мною Армянское письмо изъ Ери-

ванн отъ Меліка Абрама, писанное къ Бегтабекову въ Тифлисъ, заключающее много важности и открывавшее тайныя дружбы единоплеменниковъ Ажепатріарха Давыда.

См. донесеніе мое отъ 4-го Генваря.

Аудіенція въ сей день Ериванскому посланцу, данная Г.-М. Лазаревымъ.

См. донесеніе мое отъ 4-го Генваря.

Г. М. Лазаревъ получилъ сообщеніе отъ Правителя, что Царица путешествіе отложить изволила до совершеннаго выздоровленія.

Въ сей же день, при рапортѣ отъ Полковника Симоновича, Г.-М. Лазаревъ получилъ 57 возмутительныхъ писемъ, перехваченныхъ у нѣкагого дворянина Абазадзе, отъ Юлона Царевича къ Грузію ѣхавшаго.

4-го сообщенія конфидента нашего Муллы.

См. донесеніе мое отъ 4-го Генваря.

Видѣвшись въ сей день съ Графомъ Мусымиъ-Пушкинымъ, я съ нимъ имѣлъ разсужденіе о способѣ понужденія Царицы Даріи къ скорѣйшему отъѣзду отсюда, и какимъ бы образомъ Царевича Ваханга съ нею же спроводить. Графъ, между прочимъ, мнѣ говорилъ, что онъ по прежнему совѣтовалъ сему Царевичу сопутствовать съ матерью, но что онъ отозвался, что лучше желаетъ быть слугою, но въ отечествѣ, а провожаетъ ея цѣль Католикось.

5-го.

6-го, по утру, пришелъ ко мнѣ Яковлевъ съ донесеніемъ, что находящійся при Царицѣ Даріи, довѣреннѣйшій ея Амилахваръ, Юсифъ Гургановъ, приходилъ къ нему для сообщенія и мнѣ донесенія отъ имени Царицы, что 4-го сего мѣсяца Правитель Грузіи, пріѣхавъ къ Ея Высочеству, ее упрашивалъ найубѣдительнѣйше, на колѣнахъ, чтобъ она ему оказала послѣднюю милость, и чтобъ утвердила печатью своей атестатъ въ томъ смыслѣ, что онъ Грузіею управлялъ къ общему всѣхъ удовольствію и благодарности, но что Царица, ни чего ему на то не сказавъ, находится въ недоумѣніи, что ей начать.

* Такъ въ подлинникѣ. О. Б.

8-го изъ Шамшадилъ, отъ стоящаго тамъ съ баталіономъ егерскаго Подполковника Ляхова, полученъ Г.-М. Лазаревымъ рапортъ о происшедшемъ шарицелѣ съ партією Ганжинскихъ хищниковъ, отъ коей убитъ токмо одинъ Казакъ.

Въ партикулярномъ же письмѣ извѣщалъ Ляховъ, что прибывшій туда новый Моуравъ, Князь Тархановъ, повсюду разглашаетъ, что яко бы Князь Гарсеванъ Чавчавадзе въ писалъ къ Татарскимъ Агаларамъ, чтобъ они требуемыхъ Правителемъ хлѣбныхъ продатей не вносили.

Сегодня дошло до меня свѣдѣніе, что Царица Дарія, при первой благополучной погодѣ, отъѣдетъ въ Россію, непременно, но что, по случаю сего путешествія, сдѣланъ уже ею планъ, до Царства относящійся, а именно: что она съ собою беретъ внука своего, сына Царевича Юлона, а сего предувѣдомила, чтобъ онъ до тѣхъ поръ не возвращался въ отечество, доколѣ она при Высочайшемъ Дворѣ Россійскомъ не исходатайствуетъ возведенія его на Царство и не подастъ ему о томъ свѣдѣнія.

Въ вечеру полученъ Г.-М. Лазаревымъ рапортъ отъ Г.-М. Гулякова, что хотя Царевичъ Александръ и имѣетъ въ готовности Лезгинскаго войска до 3,000, но что отправилъ въ Дагестанъ съ требованіемъ онаго еще, отложивъ нападеніе на Грузію до нѣкотораго времени.

9-го отъ сего же Г.-М. полученъ рапортъ, что въ Белоканяхъ у Старшинъ Лезгинскихъ былъ совѣтъ, на коемъ положено отправить къ Алисканду въ Дагестанъ съ требованіемъ о умноженіи ихъ силъ, и что сіе уже исполнено. Что когда таковое подкрѣпленіе изъ Дагестана прибудетъ, то что съ Лезгинцами соединится и Ханъ Ганжинскій. Хотя Г.-М. Гуляковъ и предвѣряетъ въ рапортѣ своемъ, что военныя сіи операціи на Грузію начаться должны съ окончаніемъ Магометанскаго Байрана, 12-го Генваря, но вѣры къ тому имѣть не можно, по тому что за снѣгами на горахъ, чрезъ весь Февраль мѣсяць, не будетъ возможности Лезгинцамъ начать дѣйствія свои, кромѣ хищничества малыми партіями, которыя и нынѣ часто случаются. Сей же Г.-М. Гуляковъ въ рапортѣ доносилъ, что Царевичъ Александръ пребываніе свое имѣетъ въ деревнѣ Мугамъ, неподалеку отъ Джаръ, и что Старшины Лезгинскіе ему отовсюду сносятъ продовольствіе.

До обѣда посѣтилъ я Царицу Дарію, для поздравленія ея Высочества съ Высокомонаршею милостію. Такъ какъ нынѣ было

донесено; по ея приказанію, о просьбѣ Правителя, на колѣняхъ учиненной, то я, въ секретномъ моемъ съ нею разговорѣ, старался того коснуться. Предваривъ ее учтивымъ образомъ, что о томъ до меня достигаютъ слухи, я просилъ: Ея Высочество меня удостоить довѣренностью и мнѣ сказать, справедливы ли оныя, дабы ея устами я могъ быть выведенъ изъ заблужденія.

Она мнѣ признавалась, что хотя лично ей того Правитель яко бы не предлагалъ, но что, чрезъ своего довѣреннаго, разными способами, старался ее къ тому убѣдять. Что она, однако же, не столь проста, чтобъ виѣшаться не въ свое дѣло, по тому что она не знаетъ, сообразно ли Высочайшей волѣ онъ управлялъ; знаетъ же то, что едва ли найдется душа въ Грузіи, которая, сохраняя наружность, внутренно не была бы огорчена противъ Правителя, за его злодѣйства; что на сихъ дняхъ Правитель и съ нею поступилъ весьма дурно, пославъ въ деревню, ей принадлежащую на Авлабарѣ, Есауловъ требовать съ оной податей въ казну; что Старшины деревни пришли къ ней (которыхъ тутъ же она мнѣ показала 6 человекъ) съ жалобами и съ предвареніемъ, что она, какъ помѣщица, буде прикажетъ подати взносить, то они тому повинуются; а при томъ, что, кромѣ податей, Есаулы взимали съ крестьянъ собственно на себя по 2 и 3 абаза. Такъ какъ мнѣ хотѣлось изъ нея извѣдать, скоро ли она изволитъ располагать отправиться въ путь въ Россію, то сію жалобу употребилъ въ пользу, сказавъ Ея Высочеству, что можетъ о такомъ поступкѣ Правительства подать свѣдѣніе Главнокомандующему. Она меня за совѣтъ такой благодарила, и я у Ея Высочества спросилъ: скоро ли она изволитъ выѣхать? Царица же мнѣ отвѣчала, что въ теперешнюю погоду и съ нездоровьемъ ея, выѣхать ей нѣтъ возможности, а что при первомъ удобномъ къ тому времени; что хотя на счетъ ея и говорятъ, что она отъ путешествія будто хочетъ отдѣлаться, но что, однако жъ, оставляя на волю всякому свое сужденіе, она всегда имѣла твердое желаніе ѣхать въ Россію, но что ей всегда къ тому противоборствовали, а что нынѣ, когда она получила уже Всемилостивѣйшее разрѣшеніе, то оному послѣдуетъ.

По чему я Ея Высочеству, чтобъ окрѣпить истинную цѣль моего любопытства, отозвався, что еще будетъ лучше, когда она, встрѣтившись съ Главнокомандующимъ въ Мовдокѣ, лично о томъ Его Сидельству изъяснитъ.

При семъ же случаѣ Царица, мня, по обыкновенію, лаская и осыпая увѣреніями о своей ко мнѣ матерней привязанности и любви не менѣе, какъ таковыя питаетъ къ любезному своему сыну, Царевичу Вахтангу, мнѣ откровенно сообщила о мысляхъ, съ которыми она въ С.-Петербургъ отправляется, съ примѣчаніемъ, чтобъ сіе осталось между нами.

Что, какъ и мнѣ извѣстно, о бѣдственномъ образѣ жизни, который ведутъ ея сыновья, скитаясь по чужимъ землямъ, то что она, будучи уже при глубокой старости, послѣднее имъ хочетъ оказать матернее попеченіе ходатайствомъ у Престола Монаршаго для нихъ милостей, о устроеніи ихъ жребія, въ томъ видѣ, чтобъ имъ не было дѣлано никакого принужденія, а оставлено бы имъ было на волю оставаться спокойно въ своемъ отечествѣ, съ преимуществами ихъ сана, съ сохраненіемъ при нихъ имуществъ, родителей ихъ, Царемъ Иракліемъ, имъ жалованныхъ, а такъ же, чтобъ отдано было и снисхожденіе каждому изъ нихъ, который бы пожелалъ себя употребить на Высочайшую службу.

10-го Князь Тамазъ Орбеліановъ отнесся къ Г.-М. Лазареву письменнымъ увѣдомленіемъ, что, поелику онъ, узнавъ, что свергнутый въ Царградѣ Армянскій Патріархъ Григорій партіею истиннаго Патріарха Даніила, привезенъ уже въ Карсъ, то онъ, Тамазъ, писалъ къ Пашѣ Карскому, чтобъ онъ его у себя сохранилъ, доколѣ не получитъ отъ начальства Россійскаго объ ономъ разрѣшенія.

11-го сообщены мнѣ происшествія, въ Тифлисѣ случившіяся.

За Цаваскими воротами есть небольшая Армянская церковь приходская нѣсколькихъ дворовъ, оную облагающихъ и Сардарю, Князю Ивану Орбельянову, принадлежащихъ, въ которой, по случаю праздника Армянскаго Пророка Давыда, на ектеляхъ читалось поминованіе Лжепатріарха Давыда, въ присутствіи Архимандрита Каравета. Архіепископъ Іоаннъ, о томъ узнавшій, призвалъ къ себѣ Священника, обѣдню служившаго, для допроса: по чему онъ осмѣлился то учинить. Священникъ же, признаваясь въ своемъ проступкѣ, объявилъ, что предъ самою обѣднею получилъ о томъ личное, строгое приказаніе отъ Сардаря Орбельянова. По чему Архіепископъ Іоаннъ, избавивъ его отъ наказанія, требовалъ отъ него подписки въ томъ, что впредь отъ подобнаго будетъ удерживаться и безъ вѣдома его, какъ Викарнаго, не осмѣлится поступать такимъ образомъ; чему Священникъ повиновался.

13-го вѣрнѣйшій нашъ Мулла намъ сообщилъ сего утра слѣдующее:

Что пріѣхавшій въ Тифлисъ, нѣсколько тому дней назадъ, дворянинъ Абазадзе отъ Царевича Юлоца, привезъ письма къ Царицѣ Даріи, Царевичамъ, Католикосу и Вахтангу, и Персіянину Мирзѣ Араби.

Что къ Царицѣ Даріи, между прочимъ, Юлонъ пишетъ, чтобъ она увѣдомила его о Царевичѣ Александрѣ.

А къ Мирзѣ Араби, чтобъ не оставилъ безъ увѣдомленія о извѣстіяхъ, которыя имѣтъ быть изъ Персіи. Что сей Мирза, въ отвѣтъ своемъ къ Юлону, его предварялъ, что Абазадзе, при обратномъ отсюда его отправленіи, будетъ снабженъ препорученіями по своему предмету словесными, для донесенія ему, Юлону.

Что на сихъ дняхъ пріѣхалъ скрытно человекъ отъ Царевича Александра, имѣющій словесныя же приказанія, для донесенія Царицѣ Даріи и Царевичу Вахтангу, что Царевичъ Александръ весьма хорошо принятъ первѣйшими Старшинами Джарскихъ Лезгинцовъ, которые ему дали твердое обѣщаніе, послѣ Магометацкаго Навруза (или Новаго Года, Марта 10-го), учинить сильное впаденіе въ Кизикъ и Кахетію, и что Кизихцы и Казахи такъ же дали слово Царевичу Александру не противоборствовать его намѣреніямъ.

Что есть въ Тифлисѣ два Армянскіе Священника, которые, купно съ Бегтабековымъ, будто писали къ кому-то въ Россію, для узнанія о Высочайшемъ подтвержденіи Патріаршества, и что яко бы получили въ отвѣтъ, что таковое послѣдовало утвердительною грамотою Давыду, а не Данилу.

Что о томъ отъ сихъ единомысленниковъ писано къ Хану Ериванскому, и что Правитель, при обратномъ отсюда отправленіи посланца Ериванскаго, Магмедъ-Али-Бека, ему подтвердилъ подобное же для донесенія Хану.

III

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ

ПОЛЬША И РОССІЯ

ВЪ 1872 ГОДУ.

СОЧИНЕНІЕ

БЫВШАГО ЧЛЕНА ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВѢТА ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО.

Переводъ съ Польскаго.

Иногда не люди, а мы же люди Божіи.

1 Петр. II, 10.

ПОЛЯКАМЪ
ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО,
ЖИТЕЛЯМЪ ЗАПАДНЫХЪ ГУБЕРНІЙ
РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ,
ОТЦАМЪ СЕМЕЙСТВЪ,
ОЗАБОЧЕННЫМЪ СУДЬБОЮ ПОДРОСТАЮЩИХЪ ПОКОЛѢНІЙ,
ГРАЖДАНАМЪ,
СКОРБЯЩИМЪ НАДЪ СВОИМЪ БЕЗДѢЙСТВИЕМЪ,
ВЪ ПАМЯТНОМЪ
MDCCCLXXII году

СЕЙ ТРУДЪ ПОСВЯЩАЕТЪ

Сочинитель.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Переводъ сочиненія: «Polska i Rossia w 1872 roku,» былъ сдѣланъ тотчасъ по выходѣ его въ свѣтъ и доставленъ въ редакцію одного Московскаго журнала. Здѣсь на него не обратили того вниманія, какого по справедливости оно заслуживаетъ, и безъ участія одного знатока Славянскои Истори и Литературы, оно, вѣроятно, на всегда осталось бы въ картонкахъ редакціи.

Переводъ былъ сдѣланъ къ спѣху; кромѣ этого неблагопріятнаго условія, переводчика очевидно стѣсняли и другія соображенія, заставившія его не гоняться за стилистическою отдѣлкою его труда: онъ видимо заботился о томъ, чтобы, возможно близкою передачею подлинника, отклонить отъ своего труда обвиненіе въ ослабленіи, или искаженіи, смысла положеній сочинителя, — уловка, къ которой недобросовѣстность обыкновенно прибѣгаетъ, чтобы уронить доказательства противниковъ, если не видитъ иной возможности вести споръ съ успѣхомъ.

Творецъ сочиненія: «Польша и Россія,» не выставилъ на немъ своего имени; но Польская журналистика, хорошо знакомая съ закулисными тайнами своей литературы, объявила, будто оно написано Господиномъ Крживицкимъ, бывшимъ членомъ Государственнаго Совѣта въ Царствѣ Польскомъ. Это утвержденіе принято и Русскою повременной печатью. Оставляя на ихъ отвѣтственности справедливость такого разоблаченія, мы будемъ, однако жъ, пользоваться именемъ Г. Крживицкаго, какъ условнымъ терминомъ, облегчающимъ ссылки на занимающее насъ сочиненіе.

Въ настоящемъ случаѣ важно не имя сочинителя, важна его національность, важны тѣ выводы, къ которымъ пришелъ онъ, выводы, вызвавшіе уже въ Петербургѣ недобросовѣстныя изпадки людей, прикрывающихся, по удачному выраженію переводчика, Русскимъ именемъ для того, чтобы съ полною удобностью плевать въ лицо Русскому народу, и въ то же время отъѣдаться на Русскомъ хлѣбѣ.

Сочинитель Полякъ, и чистосердечно ратуетъ за сліяніе Русской народности съ Польскою. Полякъ и чистосердечіе, когда рѣчь идетъ о Россіи! Достаточно вспомнить Гуровскаго, чтобы уви-

дѣтъ совершенно иную подкладку подъ всѣми увѣщаніями, съ которыми сочинитель обращается къ своимъ соотечественникамъ. Съ перваго взгляда такое предложеніе пріобрѣтаетъ почти достовѣрность, по тому что всѣ доказательства его построены крайне искусственно и держатся на очевидныхъ натяжкахъ и діалектическихъ тонкостяхъ.

Но такъ только кажется; сомнѣваться въ искренности Г. Крживицкаго нельзя: кромѣ сближенія съ Русскими, онъ дѣйствительно не видитъ другого исхода для Поляковъ, и прибѣгаетъ къ натяжкамъ, не по лицемѣрью, а въ слѣдствіе необходимости. Польская интеллигенція, воспитанная Езуитами и литературою, въ которой истина предпамфренно искажалась, и искажается, для оправданія ничтожнѣйшихъ, или химерическихъ, цѣлей, интеллигенція эта съ воплями отвернулась бы отъ сочинителя, если бы онъ сталъ говорить не привычную ея уху чистую правду. Г. Крживицкій самъ Полякъ, и по тому хорошо знающій неестественный складъ воззрѣній своихъ земляковъ, долженъ былъ прибѣгать ко всевозможнымъ ухищреніямъ и уступкамъ, лишь бы быть выслушану, не накликая на себя обычныхъ между ними обвиненій въ измѣнѣ и продажности; но и при такихъ пріемахъ, онъ не избѣжалъ, какъ уже сказано, участи, которая поочередно постигала всѣхъ Польскихъ дѣятелей, старавшихся образумить свое общество.

Эта горькая для сочинителя необходимость прибѣгать ко лжи, чтобы быть выслушану, вынудила издателя оградить примѣчаніями всѣ исторически невѣрные мѣста его сочиненія. Конечно, можно бы не пестрить ими изложенія и указать на эти ошибки въ предисловіи. Но кому не извѣстно, что большинство читателей предисловія не читаетъ? Кому не извѣстно, какъ мы слабы не только въ исторіи Польши, но и въ исторіи Приднѣпровской Россіи, со времени Татарскаго погрома до воссоединенія ея съ остальною Россіею при Великой Екатеринѣ? При такихъ условіяхъ тѣ ошибки, въ которыя сочинитель сознательно впадаетъ, для болѣе вѣрнаго достиженія своей цѣли, могутъ пойти между нѣкоторыми изъ насъ за неоспоримую истину. Вотъ по чему читатели, которые соблаговолятъ прочесть и предисловіе и изложеніе, встрѣтятся какъ бы съ повтореніями одного и того же. Невѣрности сочиненія Г. Крживицкаго будутъ указаны въ предисловіи, подстрочныя же примѣчанія назначаются собственно для того, чтобы обратить читателя къ предисловію.

Оговорившись, относительно искренности Г. Крживицкаго, просимъ его, или кого бы то ни было, какъ виновника сочиненія: «Польша и Россія,» не считать рѣзкія, да́же, можетъ быть, очень рѣзкія, замѣчанія наши направленными непосредственно противъ него: они относятся къ той партіи, которую онъ желаетъ вразумить, притворяясь, какъ мы убѣждены, человекомъ, раздѣляющимъ ея заблужденія.

Сочиненіе Г. Крживицкаго начинается ложью. Такъ, говоря о раздѣлѣ Польши, онъ называетъ его «величайшею несправедливостью, причиненною Полякамъ сосѣдними Государствами,» и за тѣмъ прибавляетъ: «Люди высокаго ума и благороднаго сердца въ этихъ Государствахъ всегда признавали, и нынѣ признаютъ, это.» Не ручаемся за своихъ людей возвышеннаго ума и благороднаго сердца, но не думаемъ, чтобы хотя одинъ Нѣмецъ, Австрійскій, или Прусскій, видѣлъ вопіющую несправедливость въ раздѣлѣ Польши. Въ оправданіе его, Нѣмцы укажутъ на постоянную неурядицу въ Цольшѣ, слывшей только по имени Государствомъ, неурядицу, вредно отзывавшуюся и на ихъ экономическомъ бытѣ. Нѣмцы скажутъ, что они были вынуждены необходимо вырвать власть изъ недостойныхъ рукъ, и для блага самой Польши взять на себя управленіе ея дѣлами, чтобы водворить въ этой несчастной странѣ хотя какой либо порядокъ. Что касается Россіи, то ея люди высокаго ума и благороднаго сердца могутъ обвинять себя развѣ въ томъ лишь, что они слишкомъ на долгое время затянули рѣшеніе вопроса, котораго старая Россія не снимала со стола, какъ только оправилась отъ Татарскаго ига. Возвращеніе областей, отторгнутыхъ отъ отечества усобицами удѣльщины и Татарскимъ погромомъ, было завѣтною задачею Московскаго Государства. Пусть Г. Крживицкій припомнить, что Россія почти никогда не заключала вѣчнаго мира съ Польшею: война съ нею прерывалась обыкновенно на сроки, правда, довольно продолжительные, но всегда заранѣе опредѣленные. Предки наши понимали цѣлованіе креста на вѣчный миръ съ Польшею не иначе, какъ подъ условіемъ возвращенія отъ нея всѣхъ Русскихъ областей. Но уже съ Ивана Грознаго, съ истребленіемъ Боярства, стали забываться въ Россіи ея историческія цѣли. Съ другой стороны, Приднѣпровское Русское Дворянство перестало сочувствовать строю Московскаго Государства, въ которомъ Самодержавный Царь правилъ народомъ при помощи почornaго дворянства; ему сталъ милѣе строй Польскій съ бессиль-

нѣтъ Королеу и самовластными вельможами, окруженными толпами безчисленной Шляхты, самой своевольной и необузданной; ему была мила эта возмутительная неурядица, поддерживаемая, какъ увидимъ ниже, ловкими руками, какъ орудіе для истребленія его же, этого Придѣлпровскаго Русскаго Дворянства. Петръ Великій, не смотря на свою геніяльность, вѣсье упустилъ изъ вида возвращеніе отъ Польши древнихъ Русскихъ областей. Только Великая Екатерина, Нѣмка по происхожденію, но душою Русская, вывела этотъ вопросъ на настоящую дорогу, но, при рѣшеніи его, должна была столкнуться съ неодолимыми препятствіями. Изъ ея собственноручныхъ писемъ мы знаемъ, сколько огорченій вынесла она при этомъ случаѣ, и какъ отблагодарила ее Фридрихъ Второй, восшествіемъ ея на престолъ спасенный, вмѣстѣ съ его Королевствомъ, отъ неминуемой гибели. Въ слѣдствіе этого раздѣла, въ которомъ мысль Великой Екатерины была искажена, малая Галицкая Русь и до нынѣ остается въ рукахъ Нѣмцевъ, отдавшихъ ее на растерзаніе Полякамъ, а Русскіе, населяющіе Люблинскую, Селецкую и Сувалскую Губерніи, живутъ отчасти и теперь еще подъ Польскими законами, и невольно ополячиваются подъ преобладающимъ вліяніемъ Польскаго языка. Какъ мы видимъ, Россія, возвративъ отъ Польши свое исконное достояніе, и при томъ не вполнѣ, никакимъ образомъ не можетъ считать себя виновною передъ Польшею, и возгласы Польской Шляхты объ историческомъ возмездіи, повторяемые въ угоду ей и Г. Крживицкимъ, можно понимать не въ смыслѣ отместки за нашу будто бы несправедливость къ Польшѣ, а за неизбежное послѣдствіе неправильнаго рѣшенія нами вопроса. Дѣйствительно, навязавъ себѣ на руки нѣсколько милліоновъ настоящихъ Поляковъ и, оставивъ въ чужихъ рукахъ меньшее число Русскихъ, Россія испытываетъ, и должна испытывать въ будущемъ, всѣ невыгоды такого разрѣшенія вопроса.

Въ слѣдъ за такою ложью идетъ, въ подкрѣпленіе ея, другая, не менѣ первой бросающаяся въ глаза невѣрность. «У насъ было обширное отечество, говоритъ Г. Крживицкій. Ежели бъ мы жили сто лѣтъ тому назадъ, во время его раздѣла, мы обязаны были бы пролить послѣднюю каплю крови для обороны его. Но теперь мы должны преклониться предъ совершившимися событіями и безропотно подчиниться выпавшему намъ жребію.» Едва ли и самъ Г. Крживицкій, когда писалъ эти положенія, не видѣлъ ихъ крайней натянутости. Любовь къ отечеству — великая добродѣтель и святая обязанность для каждаго чеговѣка, но она перестаетъ

быть и великою и святою, какъ только переносится въ міръ призрачный. Слѣдовало бы отложить въ сторону увлеченія партіи: разсмотрѣть эти причины, которыя когда-то доставили Польскому племени, не очень великому по численности, первенствующее значеніе между Славянами; слѣдовало бы разсмотрѣть, что сдѣлано руководящими сословіями Польши для того, чтобы случайное и временное возвышеніе ея на степень первенствующей державы обратилось въ постоянное и прочное. Борьба между Россією и Польшею могла бы, по стеченію благоприятныхъ для послѣдней условій, быть сведена на борьбу за верховенство въ Славянскомъ мірѣ. Было время, тяжелое для Россіи время, когда судьба отдавала въ руки Польши весь Славянскій міръ: отъ Адриатическаго моря до Балтійскаго, и отъ Лябы до Волги, все могло бы подчиниться Польскому скипетру. Но Поляки перенесли борьбу за первенствующее значеніе между Славянскими племенами на другую почву: тѣмъ временемъ Россія, оправившись отъ тяжкихъ испытаній, предъявила права на исконное свое достояніе, котораго Поляки, не умѣли связать съ собою даже такъ, какъ Французы связали съ собою Альзасъ, Лотарингію. Случилось то, чему слѣдовало случиться: «Ce qui vient de la flûte, s'en retourne au tambour.» Тогда Польша, эта ворона, ошипанная отъ павлиньихъ перьевъ, составлявшихъ ея заимствованную красоту и ея силу, начинаетъ роптать на коварство сосѣдей, и въ то время, когда исторія безвозвратно отбросила ее, за негодностью, воспоминаетъ о выпадавшемъ когда-то на ея долю назначеніи, перечисляетъ тѣ блага, которыя, будто бы, излились бы на другія Славянскія племена, если бы она, какимъ либо чудомъ, возвратила свою независимость. «Что выиграли бы Чехи, Моравцы, Силезцы, говорятъ представители ея увлеченій, если бы Польша была независима!» * Но мы уже видѣли, какъ она отнеслась къ своему историческому назначенію, и по прошлому можемъ довольно вѣрно судить о будущемъ. И Чехи, и Силезцы, и Моравцы, и Полабскіе Сербы, поочередно подпадали подъ власть Нѣмцевъ, и гибель ихъ ни сколько не возмущала руководящія сословія, буянившія въ обширной и независимой Польшѣ. И вотъ теперь, когда, за свои тяжкія вины и промахи, она сведена на подобающую ей степень ничтожества, когда она возвращена къ тѣмъ первобытнымъ временамъ ея исторіи, въ которыя она цзцемога

* Niemcewicz: «Czy Polacy mogą się wybić na niepodległość?»

отъ ударовъ, наносимыхъ ей завоевательными стремленіями Нѣмцевъ; * когда исторія передала судьбу Славянскаго міра въ другія, болѣе чуткія и преданныя руки, руководяція сословія ея предъавляютъ химерическія притязанія и даютъ имъ названіе несокрушимой вѣрности историческимъ преданіямъ своей страны. «Отечество! Отечество! обширное и великое Отечество, въ предѣлахъ, оставленныхъ намъ Ягайломъ и его великими преемниками!» Но то, что при Ягайлѣ и въ послѣдствіи, случайно принадлежало Польшѣ, — не Польша, а Русь: само оно пришло къ ней, само и ушло отъ нея, по ея неспособности. Возгласы эти, притязанія эти, не то ли же самое, что возгласы Мадыаровъ, которые понимаютъ величіе своего отечества не иначе, какъ подъ возможностью угнетать Словаковъ, Сербовъ, Хорватовъ и нашихъ Русскихъ, когда-то отторгнутыхъ отъ общаго отечества? И что это за Польское отечество съ лицомъ и изнанкою? Сто лѣтъ тому назадъ за него слѣдовало умирать; теперь же такихъ жертвъ оно не стоитъ, и все дѣло должно окончиться конторскимъ расчетомъ, куда выгоднѣе пойти: въ Нѣмцы ли, въ Марьяры ли, или въ Русскіе? Не такъ понимаютъ любовь къ отечеству остальные люди: съ врагами и губителями его они не пойдутъ на сдѣлку: они поведутъ борьбу до послѣднихъ предѣловъ, и, если судьба не благословитъ ихъ усилій, погибнуть, какъ подобаетъ погибнуть каждому честному человѣку, но не подчинятся насильникамъ, съ которыми могутъ мириться только люди, не чувствующие подъ ногами почвы.

Дѣйствительно, этой почвы нѣтъ подъ ногами Польскаго передоваго сословія. Напрасно Г. Крживицкій, за одно съ нимъ, говоритъ о народѣ Польскомъ: Польскаго народа не было во все время независимаго существованія Польши: онъ поднятъ изъ праха милостію и попеченіемъ Русскихъ Государей — Царей Польскихъ; высшія же сословія Польши, при помощи обычныхъ имъ

---

* Крживицкій, говоря о Нѣмцахъ и ихъ стремленіяхъ подчинить себѣ Славянъ, вспоминаетъ о битвѣ подъ Гринвальдомъ или Танненбергомъ. Пусть же онъ вспомнитъ при этомъ, вмѣстѣ съ своими земляками, какъ была передъ тѣмъ ничтожна Польша: она не могла справиться съ Крестоносцами, которыхъ, однако, такъ сильно поражали наши Русскіе Князья, нашъ Св. Александръ Невскій съ своими Новгородцами. Только тогда, когда Приднѣпровская Русь соединила свои полки съ Польскими, положенъ былъ конецъ завоевательнымъ стремленіямъ Тевтоновъ: подъ Танненбергомъ слава побѣды принадлежала нашимъ Смоленскимъ полкамъ.

натяжекъ, пытались даже отвергать самую племенную общность его съ собою. Такъ, когда на мятежномъ сеймѣ 1831 года зашла рѣчь о надѣленіи народа правами, одинъ изъ депутатовъ сказывалъ, что народъ Польскій, будучи другого происхожденія со Шляхтою, долженъ оставаться въ прежнемъ состояніи. Послѣ разразившейся надъ нею бури, почувствовавъ свое одиночество и, всюду отыскивая себѣ пособниковъ, Шляхта вспомнила и объ этомъ забитомъ ею народѣ, наравнѣ съ ею же погубленными Чехами, Моравцами, Силезцами и Полабскими Сербамъ, съ забавнымъ великодушіемъ сулитъ нынѣ всѣмъ имъ журавля въ небѣ.

Споръ за первенствующее значеніе въ Славянскомъ мірѣ не могъ бы довести одну изъ спорящихъ сторонъ, сторону Польскую, до той степени ожесточенія и ненависти, какая проявляется въ ней противъ соперницы ея, Россіи. Ясно, что къ этому спору примѣшались другія, неполитическія побужденія, и что именно они и дѣлаютъ Россію и Польское образованное сословіе на два стана, между которыми невозможны никакое соглашеніе, никакая сдѣлка. Эти другія побужденія, придавшія соперничеству свойство беспощадной и нескончаемой борьбы, станутъ яснѣе при помощи нѣкоторыхъ историческихъ указаній, или, вѣрнѣе сказать, возстановленій. Мы попросили бы особъ, желающихъ провѣрить наши поясненія, обращаться не къ извращенному изложенію позднѣйшихъ Польскихъ историковъ, насильственно подводящихъ показанія лѣтописцевъ подъ свои предвзятые мысли, а къ самимъ лѣтописцамъ, именно лѣтописцамъ Польскимъ.

Мы уже сказали, что Польша стала сильнымъ Государствомъ только въ слѣдствіе присоединенія къ ней Русскихъ Княжествъ. Поляки увѣряютъ, и Г. Крживицкій, въ угоду имъ, повторяетъ то же, будто это присоединеніе совершилось добровольно, а не въ слѣдствіе Татарскаго погрома и не при помощи самыхъ вопіющихъ продѣлокъ. Черезъ Поляковъ ложь эта перешла и къ намъ.

Начало этого, такъ называемаго, добровольнаго соединенія Литвы и Руси съ Польшею, обыкновенно относится къ женитьбѣ

---

* Г. Крживицкій, посмѣиваясь надъ крайними въ своей партіи, ставитъ имъ въ вину желаніе говорить отъ лица всего Польскаго народа, будто на основаніи полученнаго на то полномочія. Но онъ самъ погрѣшаетъ тѣмъ же, безпрестанно отождествляя съ своею партіею Польскій народъ; чуждающійся ея по слонимъ преданіямъ.

Ягайла на Ядвига и съѣздамъ Ягайла съ Сигизмундомъ, Кородемъ Угорскимъ, въ Кошицѣ, въ 1412 году, и съ Витовтомъ въ Городнѣ, въ 1413 году. Соединеніе это закрѣплено Люблинскою унією 1569 года. Съ того времени до послѣднихъ дней отдѣльнаго существованія Польши, оба народа, Поляки и Русскіе, жили будто бы въ братскомъ единеніи, которое было нарушено коварствомъ сосѣдей умыслившихъ погубить Польшу.

Историки, смотрящіе на соединеніе Русскихъ Княжествъ съ Польшею непредубѣжденными глазами, видятъ въ женитьбѣ Ягайла на Ядвига и во всѣхъ послѣдующихъ дѣйствіяхъ, направленныхъ къ этому соединенію, не самостоятельное явленіе, а продолженіе вѣконныхъ стремленій Латинской Церкви къ господству надъ Русокии народомъ, стремленій, начавшихся вмѣстѣ съ принятіемъ имъ Христіанства отъ Грековъ, и разросавшихся вмѣстѣ съ ученіемъ о главенствѣ Папы надъ всѣмъ Христіанскимъ міромъ, в отдѣленіемъ Западнаго Католичества отъ Вселенской Церкви догматическими новшествами. * Первоначально Латинская Церковь домогалась подчинить Русскій народъ своей власти при помощи Русскихъ Князей. Такъ нашъ Даніилъ Галицкій получилъ Королевскій титулъ отъ Папы, и былъ вѣнчанъ на Королевство Папскимъ Нунціемъ. Но когда надежда, возлагавшаяся на Русскихъ Князей, не оправдалась, Папы избрали, для осуществленія своихъ цѣлей, Польшу. Она должна подчинить Папскому престолу все пространство, лежащее между Вислою и Волгой, объявленное языческимъ. Намѣченный Латинскимъ духовенствомъ Литовскій Князь вполне соответствовалъ его видамъ. Ягайло былъ человѣкъ слабыхъ свойствъ, постоянно жившій чужимъ умомъ: такъ до женитьбы на Ядвига и, слѣдовательно, до поступленія подъ опеку Польскаго духовенства съ Олесницкимъ во главѣ, онъ былъ въ рукахъ у Русина Войдыла, пользовавшагося большимъ поче-

* Раздѣленіе Христіанской Церкви на Восточную и Западную есть послѣдствіе такихъ же стремленій Папъ подчинить своей власти Болгаръ: изъ за нихъ и вышелъ споръ у Константинопольскаго Патріарха съ Папою. Патріарху стало очевидно, что, за отторженіемъ Болгарскаго народа отъ его паствы, онъ останется при одномъ, сравнительно говоря, ничтожномъ населеніи Византіи и ея округа. Тогда и въ выставлено было противъ Папы «Filioque.» Безъ примѣси спора о Паствѣ и главенствѣ, эта прибавка была бы осуждена по общему соглашенію и исчезла бы изъ догмата, не причинивъ столь плачевныхъ послѣдствій.

томъ еще у Ольгерда; изъ за преобладающаго вліянія этого Войдыла, Ягайло разошелся съ дядею своимъ, Кейстутомъ, и убилъ его, мстя ему за казнь своего любимца. Ядвига была Королевна, выннѣченная Латинскимъ духовенствомъ для миссіонерской цѣли: она была обручена Австрійскому Эрцгерцогу, Вильгельму, но, для вящей славы Святаго Престыла, Папа расторгъ предполагавшійся бракъ, и ее, дѣвицу высокорелигіозную, отдала Литовскому Князю, обagrившему свои руки кровью дяди. Такихъ супруговъ не трудно было увѣрить въ ихъ Апостольскомъ предназначеніи. Дѣйствительно, оба они съ жаромъ принялись за перекрещиванье Православныхъ Русскихъ въ Католичество. Это-то и есть, такъ называемое, крещеніе Литвы.

Интрига была поведена съ осторожностью, ловкостью и тонкостью, которыми отличаются всѣ подходы Римскаго Двора и въ которыхъ, въ послѣдствіи, такъ нашколились Поляки подъ руководствомъ отцовъ Езуитовъ. На Люблинскомъ съѣздѣ не говорилось ни о чемъ другомъ, кромѣ укрѣпленія союза между Польшею, Русскими Княжествами и Угріею, съ цѣлію изгнанія Крестonosцевъ изъ Пруссіи и подѣленія ихъ владѣній. Это былъ пробный шаръ, безъ котораго не обходится ни одна интрига. На Городельскомъ съѣздѣ былъ уже выставленъ договоръ, въ которомъ полагалось основаніе будущему соединенію Литвы съ Польшею, договоръ, написанный на Латинскомъ языкѣ, котораго не понимало Русское Дворянство, привѣсившее къ нему свои печати. Такимъ образомъ интрига заручилась письменнымъ обязательствомъ, долженствовавшимъ служить ей оружіемъ для дальнѣйшей борьбы. Нѣсколько десятковъ лѣтъ Польша молчала объ этомъ обязательствѣ. Лишь только оно всплыло на поверхность, Русское Дворянство за подозрило достовѣрность его. Оно говорило, что отцы ихъ не понимали языка, на которомъ написанъ договоръ; что они съѣзжались въ Городицъ для обобужденія будущаго наступательнаго союза противъ Крестonosцевъ, а не для соединенія Русскихъ областей съ Польшею; оно опорочивало договоръ по его односторонности, по тому что всѣ статьи его были написаны въ пользу нѣсколькихъ домовъ изъ Русскаго Дворянства, перешедшихъ въ Католичество, и въ ущербъ Православнымъ. Напрасно Поляки возражали, что, въ замѣну утрачиваемой такимъ образомъ самостоятельности, они принесли Русскимъ свѣтъ Католической Вѣры и отдали имъ Ядвигу, красоту неописанную. Раздоръ послѣ смерти Ягайла усилился, но еще и при немъ и при супругѣ его, Ядвигѣ, обнару-

жились тѣ явленія, которыя рѣзко обозначаютъ борьбу Русскихъ Княжествъ съ Польшею, или, вѣрнѣе сказать, съ Римскою Церковью, которой Поляки были слѣпымъ и фанатическимъ орудіемъ. Уже при Ядвига и Ягайлѣ Русскіе, насилуемые въ своей совѣсти, жгли Католическія церкви, рѣзали Картезіанъ и Доминиканъ, ругались надъ святынею Католической Церкви. Но дѣло, начатое Олесницкимъ и поддерживаемое Правительствомъ, продолжалось и было завершено Езуитами. Тѣмъ не менѣе, Русскія Княжества, потерявшія къ тому времени послѣдніе слѣды независимости, продолжали борьбу съ Латинствомъ. Какъ въ предшествовавшій періодъ два враждебные стана, Латинскій и Русскій, стояли рядомъ, такъ и въ послѣдующія за тѣмъ времена, когда Русское Дворянство, обработанное отцами Езуитами, отпало отъ своего народа, ополячилось и одатынилось, въ Польшѣ осталось два враждебныхъ слоя: верхній, шляхетскій, и нижній, народный. Борьбу повелъ самъ народъ, съ Православнымъ духовенствомъ во главѣ, и наконецъ задушилъ врага, съ которымъ не было возможности заключить какую либо сдѣлку, не снявъ съ него предварительно кожу.

Таково было это, столь громко восхваляемое, добровольное соединеніе Руси и Литвы съ Польшею; таковы были эти, столь превозносимыя, условія соединеній равнаго съ равнымъ.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Литва и Русь дѣйствительно могли бы слиться съ Польшею, если бы она преслѣдовала государственныя цѣли, если бы въ ней были необходимы для того государственные люди. Въ томъ-то и бѣда, что такихъ людей Польское Шляхетство не доставляло своему отечеству. Говоримъ это не по тому, чтобы считали Польское племя низшимъ по умственнымъ дарованіямъ относительно другихъ Славянскихъ племенъ; напротивъ, мы убѣждены, что дарованія были и въ Польской Шляхтѣ, подобно тому, какъ они находятся во всякомъ человѣческомъ обществѣ, но они, по стеченію роковыхъ обстоятельствъ, получили въ ней ложное направленіе и гибли бесплодно. Всецѣло подчинившись Папскому Престолу, отдавъ себя на служеніе ему, Польскія высшія сословія, за вящею его славою и пользою, ничего не видѣли: они не могли оцѣнить ни значенія совершавшихся событій, ни тѣхъ обстоятельствъ, которыя, при небольшой долѣ государственнаго смысла, могли бы на вѣки закрѣпить за Польшею Русскія Княжества и отдать въ ея руки судьбы всего Славянскаго міра. Польскія высшія сословія, восни-

тываясь исключительно въ Езуитскихъ школахъ для цѣлей Латинской Церкви, постепенно утрачивали всякій человѣческій смыслъ, и наконецъ обратили свое отечество въ, невиданное въ Европейской исторіи, соборище, въ которомъ корыстныя личныя цѣли прикрывались громкимъ названіемъ служенія Богу и ревности по Вѣрѣ.

«Nierządem Polska stoi!»

Пусть Г. Крживицкій; положи руку на сердце, скажетъ: возможно ли существованіе Государства, держащагося неурядицей? А между тѣмъ эта неурядица входила въ виды Римскаго Престола и Езуитовъ, и по тому поддерживалась ими. Стоитъ развернуть Исторію Польши на любой страницѣ, чтобы увидать, что выборные Короли Польскіе, переставъ быть шляхтичами, старались, если не уравнять Католиковъ и Разновѣрцевъ въ правахъ, то, по крайней мѣрѣ, обезпечить послѣднимъ свободное отправленіе Богослуженія. Но на людей, не подчинившихся Папѣ и не учившихся у Езуитовъ, Латинское духовенство смотрѣло, какъ на проклятыхъ, съ которыми не слѣдовало чиниться; которыхъ надобно было терзать всѣми возможными средствами и загонять въ свое стадо при помощи всѣхъ, самыхъ вопіющихъ, мѣръ. А такія мѣры и были возможны только при сопротивленіи Королевской власти и полнѣйшемъ пренебреженіи къ судамъ и законамъ. Чѣмъ слабѣе и безсильнѣе былъ Король, чѣмъ угодливѣе и пристрастнѣе были суды, тѣмъ вѣрнѣе было дѣло Католической пропаганды. По атому только въ Исторіи Польши можно найти Королей, подстрекающихъ своихъ подданныхъ къ сопротивленію Правительству съ оружіемъ въ рукахъ.

И такъ, миссіонерское призваніе, навязанное Польшѣ Папами, неудавшіеся виды на обращеніе Руси въ Католичество и подчиненіе ея Римскому Престолу, вотъ что дѣлаетъ шляхтича врагомъ Русскаго Государства. Польская интеллигенція — крѣпко организованная и замкнутая каста, даже не партія, съ своими задачами, своими воззрѣніями, предательски навязанными ей людьми, избравшими ее въ оружіе своихъ нечистыхъ замысловъ; подобно всякой кастѣ и партіи, она неспособна ни понять ложности тѣхъ началъ, за которыя ратуетъ, ни принять доказательства, идущія со стороны.

Рассчитывать на поголовное отреченіе ея отъ своего знамени, и при томъ отреченіе скорое, какъ предлагаетъ Г. Крживицкій,

было бы болѣе, чѣмъ странно. Никакая партія въ мірѣ не отступаетъ отъ своихъ стремленій: они умираютъ вмѣстѣ съ нею. Рассчитывать на возможность обезоружить какую либо партію снисхожденіемъ и уступками, значило бы подливать въ огонь горячіе матеріалы: каждымъ снисхожденіемъ партія воспользуется не для примиренія, а для расширенія своихъ требованій. Передъ нами свѣжій примѣръ Бонапартистовъ, которыхъ по справедливости нельзя назвать даже партіею, по тому что это сборище отверженцевъ всѣхъ партій, преслѣдующее самыя негодныя личныя цѣли. Что же? Образумились ли они послѣ того позора и тѣхъ бѣдствій, которыя накликади они на свое отечество, если только они считаютъ Францію своимъ отечествомъ, а не законною добычею? То же самое, и при томъ съ большею основательностію, примѣняется и къ такой ослѣпленной кастѣ, какова, такъ называющаяся себя, Польская интеллигенція. Если не возможны попытки образумить ее и смирить ея химерическія надежды; если, однимъ словомъ, не возможно примиреніе съ нею, остается борьба. Расшатать и ослабить эту касту, лишить ее того призрачнаго значенія, которое она себѣ присвоиваетъ и которое снисходительно признается за нею—вотъ задачи этой борьбы! Успѣхъ ея весьма возможенъ, и мы давно надлаждались бы уже многими полезными его плодами.

Но если не возможно образумить всю интеллигенцію; если съ нею, какъ со всякою партіею, слѣдуетъ бороться, то не слѣдуетъ отвергать искреннихъ союзниковъ, хотя бы они шли даже изъ враждебнаго стана. Выходъ изъ партіи одиночныхъ ея членовъ — обыденное явленіе въ ея жизни. Но выходить слѣдуетъ безвозвратно, не оставляя себѣ, помощію разныхъ уловокъ, возможности сохранить связи со старымъ гнѣздомъ, изъ котораго спасаются въ слѣдствіе сознанныхъ наконецъ, присущихъ ему, міазмовъ. Искренне вышедшіе изъ партіи люди словомъ и дѣломъ должны показать себя непримиримыми противниками той лжи, отъ которой пожелали освободиться.

По этому, вмѣсто того, чтобы писать хвалебныя гимны государственнымъ людямъ, которыхъ въ Польшѣ никогда не было, образумившіеся Поляки оказали бы несомнѣнную услугу и своему отечеству и всему просвѣщенному міру, раскрывъ тѣ пагубныя козни Латинской Церкви, съ которыми знакомо и остальное Европейское Католичество, но которыя въ Польшѣ получили полное примѣненіе и развитіе. Такое разоблаченіе способствовало

бы къ очищенію той удушливой атмосферы, въ которую заключена Польская интеллигенція; оно способствовало бы многимъ изъ ея членовъ взглянуть на движеніе исторіи не сквозь искажающую призму своихъ исконныхъ учителей, отцевъ Езуитовъ, а глазами всего просвѣщеннаго міра; оно помогло бы имъ войти въ общечеловѣческую семью и сдѣлаться полезными вкладчиками гражданственности и науки. Сама интеллигенція, столь далеко отшедшая отъ остальнаго просвѣщеннаго міра въ воззрѣніяхъ на Государство и Церковь, столь превратно понимающая прошлое и будущность Славянства, къ подобному труду не способна. Это сословіе окаменѣвшее на извѣстной, искаженной преступными руками; степени развѣтія, и по тому осужденное на вымирание. Задача государственныхъ дѣятелей въ отношеніи его должна состоять не въ попеченіяхъ объ искусственномъ продленіи его существованія, а въ ускореніи его послѣдняго издыханія, до нынѣ поддерживаемаго различными мѣрами.

Къ этому должны быть направлены усилія и тѣхъ членовъ этой партіи, которые изъ нея выйдутъ. Но для этого не слѣдуетъ благодушествовать гдѣ либо въ Нѣмецкой Швейцаріи, или на берегу Комскаго озера, а перенестись на мѣсто борьбы и принять въ ней дѣятельное участіе. Такимъ, искренне оставившимъ свою партію, членамъ нашлась бы полезная дѣятельность между Австрійскими Славянами, встрѣчающими, со стороны высшихъ Польскихъ сословій, ожесточенное сопротивленіе въ своихъ законныхъ домогательствахъ.

Не слѣдуетъ также придавать какое либо значеніе запугиванію; будто Польская шляхта съ отчаянія можетъ броситься въ мужія руки: судьба Польши и Славянства уже не въ ея рукахъ. Куда она ни бросилась бы съ отчаянія, или фанатизма, къ Прусскимъ, или Австрійскимъ, Нѣмцамъ, къ Мадырамъ, или Туркамъ, это дѣло ея разсчета и вкуса. Ни ея дружба и вѣрность, ни ея вражда и измѣна, немного могутъ значить для Россіи. И когда она была вѣрна ей, эта шляхта, когда не измѣняла? Въ вѣчнопамятномъ 1812 году, въ Угріи, Крыму, при дворахъ Восточныхъ и въ юртахъ кочевниковъ, всюду видимъ мы завязтыхъ сыновъ этой касты, пытающихся подкопаться подъ Россію своими цигмейскими усиліями. Всюду разгаданная и всѣми отвергаемая, партія эта готова бы нынѣ повторить пріемъ, однажды уже едва было не удавшійся: втиснуться въ ряды дѣтей того государства, погибель котораго составляетъ завѣтную задачу ея въ

продолженіе столькихъ столѣтій, и такимъ путемъ вѣрнѣе достигнуть своихъ цѣлей.

Но она забываетъ при этомъ, что въ то время, когда, бѣснуясь, въ безсильномъ раздраженіи, она искала средствъ къ продленію своего, никому ненужнаго, существованія, и думала найти ихъ въ жалчайшихъ соображеніяхъ, внушаемыхъ ей отчаяніемъ, она забываетъ при этомъ, что другіе, тѣ именно, кого она желала бы обратить въ послушное свое орудіе, усильи уже ясно выразумѣть историческія задачи своего отечества. Будетъ съ нихъ и того, что Польша надѣлила ихъ крѣпостнымъ состояніемъ, столь долгое время останавливавшимъ между ними всякое развитіе; будетъ съ нихъ и того, что эта партія усиливалась въ недавнее время внести смуту въ ихъ общество. И въ какое время? Когда Милосердый Господь, устами милосердаго Царя, призывалъ ихъ къ дружному движенію по пути разумнаго совершенствованія.

Братски принимая всѣхъ выходящихъ изъ партій членовъ ея, оставимъ же попеченіе о выборѣ пути самой партіи. Кажется, Россія даже выгадаетъ, если ее минуетъ такое, по взгляду Польской партіи, приращеніе силъ. Разбирая невыгоды соединенія Поляковъ съ Пруссакими, Г. Крживицкій сравниваетъ въ этомъ случаѣ Польшу съ организмомъ, заливаемымъ черезъ всевозможные каналы другимъ, чуждымъ организмомъ. Дѣйствительно, за этимъ должны послѣдовать или полнѣйшее вырожденіе, или смерть. Какъ же Г. Крживицкій не замѣтилъ, что, предлагая Польской партіи и намъ сліянiе во едино, и допуская его не иначе, какъ подъ условіемъ заливанья Россіи черезъ всѣ каналы Польщизной, онъ, не извѣстно по чему, считаетъ его чѣмъ-то высшимъ, предназначеннымъ къ нашему обновленію? Напротивъ, нѣтъ ли одного Русскаго, который не признавалъ бы истиннымъ бѣдствіемъ для своего общества водворенія въ немъ идей и ученій Польскихъ. И до чего доходитъ Г. Крживицкій въ своемъ омыреніи! Между тѣми благами, которыми онъ собирается наградить насъ при посредствѣ Польской образованности, онъ помѣщаетъ и подлѣйшій, омерзительнѣйшій, видъ шпионства, наслѣдованный Поляками отъ Езуитовъ. Что за понятія, что за вкусъ, что за самообольщеніе и ослѣпленіе!

А. Х.

ПОЛЬША И РОССИЯ

ВЪ

1872 году.

I

Со времени перваго раздѣла Польши истекаетъ сотый годъ. Кто же станетъ отрицать, что весь періодъ этого времени не былъ для насъ непрерывною нитью поражений, разочарований, жестокихъ общественныхъ и личныхъ страданій? Подведя итогъ бесплодно потраченнымъ въ это время силамъ, трудамъ и жизни, мы задаемъ себѣ вопросъ: «Не уже ли и преемники наши, по прошествіи новой сотни лѣтъ, очутятся въ такомъ же положеніи, въ какомъ нынѣ мы находимся, или въ положеніи очень схожемъ съ нашимъ?»

Не думаю, чтобы заслуживалъ порицанія тотъ, кто отвѣчалъ бы на него, что отъ насъ зависитъ приготовить имъ лучшую будущность.

И за тѣмъ, спрошенный нами: «Что мы можемъ сдѣлать для этой цѣли, мы, въ настоящее время столь безсильные, разрозненные, оставленные всѣмъ міромъ?» онъ, по всей вѣроятности, отвѣчалъ бы намъ: «Разсмотрите внимательно тѣ мнѣнія, которыми руководствуетесь, надежды, которымъ вы всегда готовы были пожертвовать всѣмъ самымъ дорогимъ для васъ, и вы узнаете, отъ чего вы нынѣ и такъ безсильны, и такъ разрознены, и такъ оставлены всѣмъ міромъ.»

Проѣрка означенныхъ мнѣній и надеждъ нашихъ не составляетъ очень трудной задачи; всѣ онѣ, сколько ихъ ни было въ ходу между нами, сводятся къ одному: у насъ должна быть независимая Польша въ тѣхъ границахъ, которыя были у нея сто лѣтъ назадъ, и что отъ этой надежды не должно отказываться ни одно честное Польское сердце.

Такая привязанность къ прошлому есть чувство весьма есте-

ственное и ежечасно повторяющееся въ исторіи. Чувство это дѣйствительно весьма похвально, на сколько, впрочемъ, оно проистекаетъ изъ высшихъ нравственныхъ побужденій. ¹ Но коль скоро является вопросъ о проведеніи въ жизнь хотя бы то и самыхъ за вѣтныхъ идей, означенное чувство, какъ и всякое другое, должно подлежать неумолимой провѣркѣ разсудка.

Въ этомъ случаѣ прежде всего слѣдуетъ рассчитывать, и при томъ рассчитывать весьма строго. Каковы наши силы, какого рода встрѣтимъ мы преграды въ совершившихся событіяхъ? Вотъ вопросы, которые, въ подобныхъ случаяхъ, слѣдуетъ разрѣшить прежде всего.

Принимая это за исходную точку, быть можетъ, для насъ было бы не излишне вникнуть въ то, не унаслѣдовали ли мы отъ нашихъ предшественниковъ извѣстныхъ цѣлей, столь высоко поставленныхъ, что осуществленіе ихъ превышаетъ всякія человѣческія силы, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находится нашъ край со времени своего паденія?

Наконецъ, по чему же не сознаться со смиреніемъ, что, быть можетъ, стремленія наши не вполне соглашаются съ волею Провидѣнія, раздающаго людямъ разныя назначенія?

Въ числѣ лицъ, посвящавшихъ себя служенію нашему дѣлу, мы видѣли людей необыкновеннаго ума и характера. Отличныя качества этихъ дѣятелей были признаны даже чужими, а имена ихъ могли бы украсить любое общество. Кто же сталъ бы утверждать, что все, сдѣланное подобными людьми для нашего дѣла, лишено было всякаго значенія? Однако же, достоверно и то, что дѣла не запутались бы въ такой мѣрѣ, въ какой мы видимъ ихъ запутанными, и не пришли бы мы къ тому печальному положенію, въ какомъ нынѣ находимся, если бы мы во всякое время лучше умѣли отдавать себѣ отчетъ въ требованіяхъ положенія дѣла въ общемъ направленіи мировыхъ событій и въ силахъ своего народа, въ особенности же, если бы не смотрѣли столь высокомерно на совершившіяся уже историческія событія и лучше помнили бы о необходимости считаться съ ними.

Совершившіяся событія! Можно бы сказать, что въ механикѣ исторіи человѣчества они значатъ то же, что въ небесной механикѣ

---

¹ И не идетъ въ разрѣзъ съ истиною. Дѣло въ томъ, что истина въ этомъ случаѣ не на сторонѣ Поляковъ.

тѣ точки тяготѣнія, около которыхъ, и по отношенію къ которымъ, соразмѣряются міровыя движенія.

Не думаю, чтобы кто либо желалъ заподозрить меня въ томъ, будто я, избравъ подобную исходную точку, исключаю изъ исторіи идею справедливости и порицаю любовь къ отечеству.

Кто вознамѣрился бы исключить изъ исторіи идею справедливости, т. е., идею нравственнаго порядка, въ высшемъ значеніи этого слова, тотъ взялся бы за рѣшеніе задачи, равносильной тому, чтобы выбросить изъ міра идею матеріальной силы. Обѣ этѣ идеи существуютъ одновременно, обѣ обладаютъ безспорными правами, въ силу которыхъ существуютъ и на основаніи которыхъ все себѣ подчиняютъ, но онѣ не всегда гармонируютъ между собою. Отъ чего? Это одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, на который трудно дать удовлетворительный отвѣтъ, даже и тогда, когда бы я пожелалъ, оставивъ въ сторонѣ занимающій насъ предметъ, углубиться съ читателемъ въ непроходимые лабиринты философскихъ разсужденій о причинахъ, обуславливающихъ нравственное зло въ мірѣ. Исторія изобилуетъ явленіями самаго могущественнаго воздаянія правосудія и возмеадія за низпровергнутый нравственный порядок.² Не смотря на это, нравственный порядокъ ежечасно нарушается, и въ то время, когда и неучъ и философъ, въ одинаковой мѣрѣ, чувствуютъ потребность вѣрить, что за это послѣдуетъ заслуженное наказаніе, сдѣлавшимся жертвою погрома предстоитъ со всѣмъ другая работа, и ужь, конечно, не та, чтобы ожидать, когда пробьетъ часъ историческаго правосудія.³

Что раздѣлъ нашего края былъ большою обидою, причиненною намъ сосѣдними съ нами государствами, того отрицать и изгладить никто не въ состояніи.⁴ Люди высокаго ума и благороднаго сердца, и въ этихъ государствахъ всегда признавали и нынѣ признаютъ это. Если бы мы въ настоящее время находились въ положеніи нашихъ предковъ, стоялъ бы тому назадъ, то было бы нашею обязанностию пролить послѣднюю каплю крови за оборону отечества. Все это справедливо. Однако же, событіе совершилось, и нынѣ намъ слѣдуетъ помышлять не о

² Польша есть одинъ изъ самыхъ яркихъ примѣровъ этому.

³ См. Предисловіе.

⁴ Требуется доказать, и именно относительно Россіи, и по нынѣ не собранной во единой своей исконной поземельной области. По Пожскому обычаю, положеніе это предлагается принять на вѣру.

томъ, что за сто лѣтъ тому назадъ могло составлять нашу обязанность и что предписывала намъ тогда справедливость, но о томъ, что дѣлать далѣе, на основаніи совершившагося событія. Безъ сомнѣнія, разборъ первой половины этого вопроса могъ бы послужить предложеніемъ для многихъ возвышенныхъ выводовъ по отношенію къ международной нравственности и искусству правленія. Но это ни къ чему не послужило бы; по тому что мы, въ настоящее время, занимаемся не международными отношеніями и не искусствомъ правленія.

Событіе совершилось. Время возмездія, безъ сомнѣнія, когда ни будь наступитъ; ⁵ быть можетъ оно, въ извѣстномъ отношеніи, уже и наступило... Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы воздаяніе историческаго правосудія приняло непременно размѣры прежняго порядка вещей, уничтоженію котораго споспѣшествовали и даже подали главный поводъ тяжкія вины нашего же народа. *Restitutio in integrum*, въ смыслѣ значенія этого понятія въ частномъ законодательствѣ, не принадлежитъ къ числу факторовъ историческаго правосудія. Въ исторіи нѣтъ ни одного исчезнуващаго событія, не оставившаго послѣ себя никакихъ слѣдовъ. Что совершилось однажды, то совершилось не безъ цѣли.

Исторія ежечасно представляетъ намъ зрѣлище того, какъ извѣстная собирательная единица бываетъ вынуждена приносить въ жертву прежнюю форму своего быта и принимать другую, и при томъ для того, чтобы образовать новое цѣлое, долженствующее исполнить новыя назначенія. Собственно этому видоизмѣненію мы и обязаны возможностью постепенно высшаго историческаго развитія, постепенно высшихъ формъ собирательнаго быта и безконечнаго числа новыхъ благодѣяній для человѣчества. Такимъ путемъ исчезаютъ одни, возникаютъ другія, государства, какъ постоянно новыя формы общественнаго быта. Но въ то время, когда все движется, переходитъ въ другое, преобразуется, есть нѣчто такое, что остается постоянно неизмѣннымъ: сущность человѣческаго общества, не связанная географическими границами и названіемъ народовъ, его составляющихъ.

Народъ, теряющій отдѣльное существованіе, сливается съ новымъ собирательнымъ тѣломъ; въ немъ, отбросивъ внѣшнія и случайныя особенности, снова видитъ себя тѣмъ же, чѣмъ былъ прежде, человѣческимъ обществомъ. Если онъ сумѣетъ примириться съ сво-

⁴ Не при помощи ли Орлеановъ, такъ какъ великій Наполеонъ III оказался выгоднымъ?

имъ предназначениемъ, относительно формы быта, и примириться искренно, ему немедленно же открывается путь ко всемъ благамъ, нераздельнымъ съ существованіемъ собирательнаго быта. Если онъ былъ менѣе образованъ, чѣмъ то общество, съ которымъ слился, въ такомъ случаѣ пользуется тѣмъ, чего ему прежде не доставало. Если же онъ приходитъ съ высшею гражданственностью, то становится въ новомъ своемъ единеніи, орудіемъ нравственнаго улучшенія, принимаетъ на себя роль миссіонера гражданственности...

Предполагаемъ, что народъ, подвергающійся пережвѣнъ бытовыхъ формъ, искренно примиряется съ своимъ предназначениемъ. Въ противномъ случаѣ онъ вступаетъ въ область внутреннихъ потрясеній; переживаетъ рядъ тяжелыхъ страданій и; по прошествіи болѣе, или менѣе, продолжительнаго времени, не измѣнивъ ни въ чемъ предназначенной ему судьбы, подпадаетъ закону необходимости, отъ котораго ни кому не удастся избавиться:

Несомнѣнно, что какъ ни велика экономическая и человѣчная польза, ожидающая извѣстный народъ отъ включенія его въ новый политическій строй, однако же утрата прежней самобытности останется для него событіемъ самымъ болѣзненнымъ. Безъ той доли принужденія, которую несповѣдимое предназначеніе дѣлаетъ пособникомъ исторіи человѣческаго рода, у насъ не было бы ни одного изъ тѣхъ Европейскихъ народовъ и государствъ, которые сдѣлались горниломъ современной гражданственности, возникнувъ на развалинахъ другихъ народовъ и противъ ихъ воли.

Напрасно было бы разсуждать о томъ, откуда возникаетъ привязанность народовъ къ отдѣльному существованію. Она составляетъ такой же законъ природы, какъ и всякая другая привязанность къ самоличному существованію; подобно сему послѣднему, она заключена въ опредѣленный для нея кругъ, внѣ котораго рука времени спокойно оканчиваетъ свое твореніе.

Отсюда ведетъ начало старая, какъ мѣръ, но постоянно забываемая, истина, что отъ времени до времени необходимо, при посредствѣ смерти, восходить къ новой жизни, и на этомъ переходѣ испытывать всѣ томленія кончины,

Мы, Поляки, представляли себѣ до сихъ поръ отечество не иначе, какъ въ извѣстной, исторически выдѣленной, формѣ отдѣльности отъ другихъ народовъ, какъ будто бы на свѣтѣ могутъ существовать какія либо вѣчныя формы и отдѣльности.

Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ надѣяться, ⁶ что со временемъ, когда страсти улягутся и мы предстанемъ на судъ невозмутимой исторіи, наши судьи, даже чужіе, не окажутся къ намъ слишкомъ жестоки; въ особенности же тѣ, посвященные въ тайны жизни, благородные умы, которые не привыкли приписывать всякое увлеченіе сердца его испорченности; все же я сильно опасался бы, чтобы тѣ же судьи, въ известномъ случаѣ, не произнесли приговора, будто сами же мы были виновны въ продленіи страданій нашего народа за обыкновенный предѣлъ. Не въ меньшей мѣрѣ опасался бы я осужденія и за то, что мы, не желая подчиниться высшимъ предначертаніямъ исторіи, и упорно отвергая болѣе обширныя ея цѣли, затормозили на время гармоническое развитіе другихъ соплеменныхъ намъ народовъ, мы, едва ли не первые призванные ⁷ Провидѣніемъ къ доблестному нравственному труду ихъ совершенствованія.

Бросимъ взглядъ на ходъ главнѣйшихъ дѣйствій нашихъ въ продолженіе истекающаго со времени раздѣла столѣтія. Сколько усилій, вызванныхъ желаніемъ воскресить независимое отечество! И какой конецъ каждому изъ нихъ! Можно бы сказать, что послѣ каждого раза, мы собственными же руками раздвигали еще больше пропасти, отдѣляющія насъ отъ той формы быта, которой такъ горячо желали. Возможно ли относить событіе, такъ упорно повторявшееся въ нашей исторіи въ продолженіе ста лѣтъ, единственно къ числу ошибокъ при осуществленіи плановъ, которые будто бы, во всякомъ другомъ случаѣ, были удобоисполнимы? Не является ли тутъ невольна мысль, что, независимо отъ нашихъ ошибокъ, которыя, безъ сомнѣнія, были велики и многочисленны, самыя намѣренія наши не могли соответствовать тайной воли судьбы?... Пусть читатель самъ отвѣтитъ на это, но предварительно пусть онъ подвергнетъ основательному анализу самаго себя: дѣйствительно ли онъ вѣритъ, что Провидѣніе правитъ исторію человѣчества?..

Обыкновенно не съ разу удается народамъ, какъ и единичнымъ людямъ, найти свойственные имъ пути, опредѣлять соответственную цѣль, и узнать волю Предопредѣленія. Нужно долго искать, и приобретенный опытъ искупить рядомъ многихъ бѣдствій и тяжкихъ страданій. Каждый, кто жилъ и трудился, хорошо это знаетъ. А что и съ народами случается то же самое, для этого найдутся, если понадобится,

⁶ Нельзя надѣяться.

⁷ Призывало васъ Провидѣніе, и отбросило за негодностью.

примѣры въ исторіи. Правило это относится и къ нашему народу: исключенія мы не составляемъ.

Нѣкоторые опасаются, что чувство любви къ отечеству можетъ погибнуть, если стануть все подчинять одному холодному разсудку, готовому постоянно считаться лишь съ совершившимися событіями. Да позволено мнѣ будетъ замѣтить, что самое достойное любви человѣка, въ каждой формѣ общественнаго или политическаго быта, именно нравственная сторона этого быта, никогда не подлежитъ уничтоженію, развѣ кто либо самъ отречется отъ нея, или, правильнѣе говоря, окажется недостойнымъ ея. Намъ, вынужденнымъ историческою необходимостію, отказаться отъ политической самобытности, ни что не препятствуетъ, и не можетъ воспрепятствовать, внести въ новое собирательное тѣло, котораго нераздѣльною частицею должны мы сдѣлаться, то, что составляетъ нравственную напу природу. Напротивъ, нравственными идеями нашей Польской народности, на сколько онѣ находятся у насъ, на сколько сдумали мы неповрежденно сохранить ихъ въ себѣ,⁹ мы должны обогатить нашъ новый политическій строй. Это не значитъ отказываться отъ прошлаго: напротивъ, это будетъ продолженіемъ, въ новыхъ формахъ, цивилизующей его дѣятельности, чего требуетъ правильно понятая вѣрность преданіямъ, свободная отъ всякихъ увлеченій, и по тому представляющая полнѣйшее ручательство прочности и постоянства. Прискорбнѣ всего видѣть людей упрямо гонящихся за призраками предметовъ, и въ то же время отвергающихъ ихъ сущность. Какая польза отъ того, что кто либо назовется пылкимъ патриотомъ; я спрошу у него: какова его жизнь? Человѣкъ вездѣ и всегда, какъ существо нравственное, мыслящее и дѣйствующее на свой страхъ, составляетъ предметъ первой важности. Быть человѣкомъ—вотъ первая задача каждаго. Древніе говорили, что люди не рождаются, но вырабатываются. И они были правы: къ сожалѣнію, можно родиться, жить и умереть, и ни на одну минуту не быть человѣкомъ. Къ какой бы кто народности ни принадлежалъ, будь онъ Французъ, Нѣмецъ, Русскій, или Полякъ, въ одномъ стремленіи онъ сходится со всѣми народностями, а именно въ томъ, чтобы быть человѣкомъ. Лишенные политической самостоятельности, въ этомъ именно стремленіи и можемъ мы найти для себя естественное убѣжище и пріютиться въ немъ на извѣстное время, пока это же время не изгладитъ, не облегчитъ скорби,

---

⁹ Да есть ли онѣ? Требуется доказать.

свойственной всякому переходному состоянію изъ одной политической связи въ другую. Въ этой, такъ сказать, нейтральной и столь возвышенной сферѣ исключительныхъ людскихъ цѣлей и трудовъ, мы найдемъ достойное пристанище, пока достаточно охладимся отъ прошлой жизни и сдѣлаемся способными къ новой, во всей ея полнотѣ. Требовать отъ насъ, чтобы мы и въ чувствахъ мгновенно перестали быть тѣмъ, чѣмъ были до сихъ поръ, и сдѣлались тѣмъ, чѣмъ должны быть въ будущемъ, значило бы требовать невозможнаго, т. е., прыжковъ въ природѣ, а не свойственнаго ей медленнаго постепеннаго развитія. И такъ мы видѣли, что переходъ возможенъ и какимъ именно путемъ. Этого для насъ достаточно. Что по природѣ своей представляется для насъ не возможнымъ, то для дѣтей нашихъ сдѣлается возможностью, а для нашихъ внуковъ даже необходимостью. Несомнѣнно, что на извѣстное время мы должны умѣрить въ себѣ то, что вообще, и даже отчасти и мѣстно, называется любовью къ родинѣ. Но умѣрить для того, чтобы облегчить послѣдующимъ поколѣніямъ сблизиться сердцемъ съ тѣми горнилами любви, которыя, при посредствѣ новаго порядка дѣлъ, возгорятся на нашемъ пеплѣ.

На это мнѣ могутъ возразить, что это весьма печальная необходимость.

Печальна ли она, или нѣтъ, какъ быть, если такова необходимость, если, на сколько запомнить исторія, такова колея человѣческихъ дѣлъ.

Не мы первые и не мы послѣдніе подчиняемся подобной очереди судьбы. Всѣ народы—одни раньше, другіе позже, испытали, или испытаютъ, подобную судьбу.

Когда для извѣстнаго народа ударить часъ неизбѣжной утраты самостоятельности, въ то время ему слѣдуетъ заботиться лишь о томъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, онъ не пересталъ составлять человѣческое общество, достойное этого наименованія, т. е., общество, способное выставять истинныхъ людей и вести ихъ къ осуществленію всецѣлаго человѣческаго предназначенія. Какъ только быть удовлетворять этимъ условіямъ, то онъ, не смотря на политическую зависимость, составляетъ величайшее благо, о какомъ только можно мечтать народу, обреченному на утрату самостоятельности; благомъ, пренебреженіе которымъ никогда ни остается безнаказаннымъ; ни одинъ народъ не можетъ ставить себѣ болѣе возвышенную цѣль, чѣмъ совершенствованіе челоѣка; ни одинъ даже изъ тѣхъ, которые наслаждаются самою блестящею самостоятельностью. Всѣ формы собирательнаго быта, начиная съ самыхъ и

окачивая человѣчествомъ, существуютъ единственно для воспитанія людей и доставленія имъ возможности достигать болѣе высшаго нравственнаго совершенства. Безъ семьи, безъ отечества, безъ человѣчества, человѣкъ никогда бы не былъ тѣмъ, чѣмъ онъ есть теперь, и чѣмъ еще явится въ будущемъ. И только для этого на свѣтѣ необходимы семья, отечество и человѣчность.

И такъ отечество, лишенное историческаго обаянія, есть, въ сущности, извѣстная форма быта, дающая мнѣ возможность быть истиннымъ человѣкомъ. Милосердное Провидѣніе всегда оставляетъ человѣку, если только онъ самъ пожелаетъ узнать его, отечество труда, отличное отъ отечества сердца, чарующаго преданіями минувшаго, сіяющаго его блескомъ. Съ теченіемъ же вѣковъ то, что для пращуровъ было только отечествомъ труда, для правнуковъ содѣляется, своею чередою, отечествомъ сердца... Новая жизнь возникаетъ только изъ гроба, а дѣла премудраго Творца всегда одинаково чудесны.

Къ подобнымъ размышленіямъ слѣдуетъ намъ обращаться въ минуты тяжкаго сомнѣнія и тѣхъ жестокихъ испытаній ума и воли, когда намъ кажется, что всѣ силы насъ оставляютъ и уже нѣтъ передъ нами никакой дороги.

Замѣчательно одно весьма отрадное явленіе: и въ періодическихъ нашихъ изданіяхъ и въ частныхъ разговорахъ все чаще и чаще начинаютъ проявляться между нами мнѣнія, что слѣдовало бы бросить цѣля, превыщающія наши силы; стараться, вмѣсто этого, ввести въ будущемъ жизнь въ области тѣхъ условій, какія представляетъ намъ исторически выработанное положеніе; не желать свыше того, что заключаетъ въ себѣ настоящее, при чемъ глубоко исчерпывать и обращать въ собственную пользу ⁹ все то, что оно съ собою приноситъ.

Это значитъ поставить вопросъ на дѣйствительно практическую почву.

Заслуженно, или нѣтъ, но мы пришли теперь къ тому состоянію, въ которомъ находимся. Несправедливость ли сосѣдей, или историческая необходимость, наши ли собственные ошибки, или же все это, вмѣстѣ взятое, обусловили утрату отдѣльнаго нашего существованія: ¹⁰ что же намъ дѣлать съ собою, и при томъ безотлагательно, сегодня, завтра, послѣ завтра, по тому что міръ и время не стоятъ на одномъ

⁹ При помощи, на примѣръ, Русо-Полоно-Жидовъ, выдающихъ себя за поборниковъ Русскаго дѣла?

¹⁰ Безъ сомнѣнія, послѣднее.

мѣстѣ ни одной минуты: волею, неволею, и мы должны ити съ ними. Выжидали же мы сто лѣтъ помощи народовъ и политическихъ системъ; чего же дождались?

Жить въ тѣмъ условіяхъ, какія мы находимъ въ современномъ положеніи дѣлъ, и умѣть, при этихъ условіяхъ, занять путемъ мирной, выдержанной и законной ¹¹ дѣятельности возможную полноту и просторъ общественнаго и самоличнаго, матеріальнаго и нравственнаго быта. Всякое человѣческое существо получило изъ рукъ самаго Творца неоспоримое право стремиться къ этому. Вотъ, по моему мнѣнію, единственный отвѣтъ, какой можно дать на выше означенный вопросъ.

Въ виду поставленной такимъ образомъ цѣли, и отъ избраннаго пути никто уже не въ силахъ будетъ оттолкнуть насъ, по тому что, если мы будемъ слѣдовать имъ безъ уклоненій и колебаній, на нашей сторонѣ будетъ могущественный союзникъ -- самая природа вещей. По этому самое важное для насъ въ настоящее время состоитъ въ ясномъ пониманіи того, гдѣ и каковы условія нашего быта. Перейдемъ же къ разсмотрѣнію ихъ.

Но прежде нежели приступимъ къ дальнѣйшему изложенію предмета, мы должны выговорить себѣ одинаковую съ прежнимъ свободу слова даже и тогда, когда случится коснуться самыхъ болѣзненныхъ мѣстъ. Тѣхъ особъ, которыя почтутъ своимъ вниманіемъ наше сочиненіе, мы не оскорбимъ предположеніемъ, будто откровенность, съ которою приступили мы къ изслѣдованію истины, можемъ быть, въ какомъ бы то ни было случаѣ, поставлена намъ въ вину. Всѣ мы, безъ сомнѣнія, убѣждены въ томъ, что принести полезныя плоды и быть достойнымъ душъ смѣлыхъ, можетъ одно безпристрастное изслѣдованіе правды, направленное къ существованію и основѣ предмета.

II.

Было у насъ отечество, заключавшееся въ весьма обширныхъ предѣлахъ. Мы лишились его по недостатку оборонительныхъ силъ въ то время, когда ударилъ часъ рѣшительной борьбы за независимость. Между нами въ ходу избитая формула, будто недостатокъ означенныхъ силъ былъ слѣдствіемъ продолжительной неурядицы. Но эта

¹¹ Legalnej akcyi. Какъ эта легальность понимается -- дѣло хорошо извѣстное.

формула не вполне исчерпываетъ предметъ. Сознаемся лучше, что недостатокъ этотъ происходилъ отъ недостатковъ политическаго строя, не соответствовавшаго требованіямъ времени. Организмы съ высшимъ развитіемъ всегда возмуть верхъ надъ организмами менѣе совершенными; это событіе оправданное вѣками, потворяющееся какъ въ сферѣ общественной дѣятельности, такъ и въ физическомъ мірѣ. Органическихъ недостатковъ нельзя долгое время возмѣщать, хотя бы и самую сильную мощію. Что сосѣди воспользовались нашимъ безсиліемъ, это вопросъ другого рода, поясняющій только ходъ совершенія событія, но не существенную его природу. Последняя, повторяю, заключается въ томъ, что когда нагрянула буря, у насъ не стало силъ для перенесенія ея ударовъ; мы обрушились въ пропасть.

Пришли ли къ намъ эти силы съ теченіемъ времени? Это было бы особенное чудо. Не озаботившись провести сильную организацію во время нашей независимости, включенные, съ утратою ея, въ составъ другихъ собирательныхъ тѣлъ, мы тѣмъ самымъ лишились возможности организовать по своимъ началамъ и согласно съ нашими потребностями. Тѣ изъ современныхъ иностранныхъ государственныхъ людей и публицистовъ, которые не безъ горечи укоряютъ насъ въ недостаткѣ жизненныхъ общественныхъ силъ, на сколько неоспоримо правы относительно дѣйствительной истины, на столько же, съ другой стороны, забываютъ, что если бы ихъ собственное общество очутилось въ положеніи, подобномъ нашему, т. е., лишено было возможности организаціи, то въ скоромъ времени и оно испытало бы такой же недостатокъ силъ: могущественныя общественныя силы вырабатываются и питаются столь же могущественными общественными организаціями. Но самое событіе неоспоримо: намъ недостаетъ силъ точно также, какъ недоставало ихъ и сто лѣтъ назадъ, съ тою лишь огромною и убыточною для насъ разницею, что въ то время мы нуждались только въ оборонительныхъ силахъ, для защиты отечества, теперь же, для возстановленія утеряннаго, намъ понадобились бы и наступательныя. По несчастію, мы никогда не желали представить себѣ вразумительно такое положеніе дѣлъ. Вотъ чѣмъ объясняется вѣра наша въ самоличную мощь, въ самоотверженіе, въ чудесныя послѣдствія любви къ отечеству, а слѣдствіемъ подобной увѣренности былъ рядъ непростительныхъ политичеткихъ ошибокъ. Смѣшивая средства миссіонерства съ средствами политики, мы предполагали, что тѣми же приемами, какими распространяются религія, одерживаются и политическія побѣды.

Два движенія, въ большемъ размѣрѣ, 1830 и 1863 годовъ, самымъ очевиднымъ образомъ доказали, что, предоставленныя самимъ себѣ, мы не въ состояніи выдержать борьбы хотя бы даже съ однимъ изъ государствъ, раздѣлившихъ нашъ край. Послѣ 1863 года силы наши еще болѣе уменьшились. Что преобразованія, испрошенныя въ эту пору у Престола трудами одного изъ тѣхъ нашихъ государственныхъ людей, который, какъ оказалось въ послѣдствіи, лучше всѣхъ понималъ тогдашнія потребности края и предѣлъ уступокъ со стороны Россіи; что преобразованія эти, повторяю, не нашли въ нашемъ краѣ не только прочной поддержки, но даже и надлежащей оцѣнки, уже одно это, говоря откровенно, свидѣтельствуетъ о необыкновенной лѣзости матеріаловъ, которыми могли мы распоряжаться въ то время для исправленія нашего политическаго зданія. Знаю, что столь тяжеловѣсная ошибка, относительно поведенія нашего къ означеннымъ преобразованіямъ, составляетъ въ настоящее время одно изъ чувствительнѣйшихъ мѣстъ нашего самолюбія; что мы желаемъ, какимъ бы то ни было образомъ, увѣрить самихъ себя въ нашей неповинности; что передъ своею же совѣстью мы рады бы прикрыться чужою виною...¹² Несомнѣнно, что провинились и другіе, и даже немало, но и мы не оказались ли легковѣрными, позволяя чужимъ провести себя? Будемъ же на столько рѣшительны, чтобы высказать себѣ суцую правду; это будетъ похвально и въ нравственномъ отношеніи. Въ достопамятномъ 1862 году мы не стояли на высотѣ мысли, руководившей тогдашними соображеніями, съ которыми навсегда будутъ связаны въ исторіи имена Императора Александра II, Великаго Князя Константина, Маркграфа Велѣпольскаго, и тѣхъ достойнѣйшихъ Русскихъ государственныхъ людей, которые, пользуясь довѣріемъ Монарха и народа, охотно оказали намъ горячее сочувствіе при осуществленіи порядка вещей, могшаго, какъ тогда надѣялись, примирить два разрозненные братскіе народы.

Къ величайшему и неописанному несчастію, благороднѣйшія намѣренія пали, а съ ними исчезла и послѣдняя для насъ надежда хотя полусамостоятельнаго народнаго быта. Неполнота означенной самобытности вознаградилась бы съ другой стороны тѣмъ, что съ сего времени намъ предстояло бы раздѣлить долю, въ болѣе широкихъ размѣрахъ, не съ чуждымъ, а родственнымъ намъ, по крови и языку, народомъ.

¹² Такъ въ подлинникѣ.

Съ тѣхъ поръ, если, съ одной стороны, то есть, со стороны политической зрѣлости, мы сдѣлали коекакіе успѣхи, что, съ точки зрѣнія пройденныхъ нами тяжкихъ испытаній, весьма правдоподобно, за то, повторяю, съ другой стороны, мы потеряли весьма много изъ той крохи матеріальной силы, которою располагали до 1863 года.

Въ численномъ и экономическомъ отношеніи упали мы такъ низко, что не могли, какъ собирательный дѣятель, выполнить ни одной матеріальной задачи, слѣдовательно, застращать кого либо собою, какъ это и теперь еще нѣкоторые требуютъ, а, по недостатку такта, лишены и малѣйшей возможности ¹³ привлечь кого либо на свою сторону. Экономическій упадокъ самъ бросается въ глаза; о численномъ же сокращеніи нашихъ силъ мы не всегда хорошо помнимъ. Крестьянинъ, по свойству своей природы, всегда и вездѣ видитъ свое отечество не дагѣ родной избы. Въ 1859 г., когда чужеземныя арміи сражались съ Австрійцами на поляхъ Ломбардіи за Итальянскую независимость, Ломбардскій крестьянинъ велъ себя весьма страдательно, по тому что у него не было повода роптать на Австрійское правительство, или ожидать ухудженія своей доли подъ властью новаго правительства. ¹⁴ Вотъ чего, при благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ, повторяю благопріятнѣйшихъ, мы могли бы ожидать отъ нашихъ крестьянъ, въ случаѣ новаго столкновенія матеріальныхъ силъ, вызваннаго какимъ бы то ни было образомъ, или пришедшихъ извнѣ, съ цѣлю придать нашему политическому зданію новую форму. Крестьяне Царства Польскаго получили изъ рукъ настоящаго правительства столько, что никакое другое не могло бы дать имъ больше. Разумѣется, что я оставляю въ сторонѣ соціальные теоріи, въ той увѣренности, что, говоря вообще, никому изъ насъ не придетъ въ голову стать въ ряды современной космополитической революціи. Впрочемъ, крестьянинъ обыкновенно обладаетъ такимъ запасомъ врожденнаго здраваго разсудка, и такими инстинктами поземельной собственности, что слѣдуетъ сомнѣваться, чтобы приманки даже соціальныхъ теорій могли, когда либо составить для него столько же прелести и обаянія, сколько для

¹³ А застращиванье, значить, имѣло силу въ 1862 году?

¹⁴ Это несправедливо. Мы сами видѣли въ Одессѣ Итальянскихъ матросовъ, бросившихъ корабли и свѣшавшихъ пополнить собою ряды Сардинской арміи. «Прежде мы сражались за чужое дѣло, говорили они намъ, а теперь будемъ сражаться за свои души.» Иное дѣло крестьянинъ Польскій, непримиримый врагъ шляхты. Съ чего бы онъ сталъ раковать за своихъ всегдашнихъ угнѣтателей?

городской голи. Я знаю, между нами начинается входить въ моду разсужденіе (къ сожалѣнію, и разсужденія имѣють свои моды), будто крестьяне, именно по тому, что получили все, чего только могли желать, въ случаѣ нужды стануть на нашу сторону, и это по тому, что ихъ соединяетъ съ нами единство вѣры, преданія и языка. Призракъ, чистѣйшій призракъ! Въ преданіяхъ, выражаясь мягко, есть много горькаго; вѣра въ простомъ народѣ, какъ политическое орудіе, иногда направляется болѣе ловкою рукою, часто весьма непредвидимымъ образомъ. Остается единство языка, т. е., почти ничего. За чѣмъ мы такъ легко забываемъ Галицію происшествія 1846 года на клочкѣ земли, упитанной въ то время нашею кровью? Вѣра и языкъ соединяли простой народъ съ высшимъ сословіемъ, а что случилось? Они были жертвою обмана, могутъ сказать мнѣ. Нѣтъ! Скажемъ болѣе опредѣленно: ими отлично воспользовались негоднымъ образомъ, съ адскою ловкостью, но ловко. Во время послѣдней войны Франціи съ Нѣмцами, мы не видѣли, чтобы общность языка съ сими послѣдними въ состояніи была вырвать оружіе изъ рукъ Эльзасцевъ, не смотря на то, что Нѣмцы приходили далеко не съ тѣмъ обаяніемъ силы, съ какимъ бы мы могли явиться къ нашимъ крестьянамъ. Откуда же мы почерпаемъ убѣжденія наши въ чародѣйственной силѣ общности языковъ?

Итакъ, отчисливъ крестьянъ, въ странѣ, существующей только земледѣліемъ и не сѣмѣющей, или не могшей, во время своего существованія, образовать среднее сословіе, что же останется для составленія, въ случаѣ нужды, матеріальной защиты дѣла той, или другой, народной идеи? Горсть обѣднѣвшей шляхты и мѣщанъ: по истинѣ ужасающее множество!

Да соблаговолитъ читатель замѣтить, что мы исчисляемъ здѣсь однѣ матеріальныя наши силы. Что же касается силъ высшаго разряда, силъ нравственныхъ, или умственныхъ, не спорю, онѣ у насъ найдутся, даже въ томъ же соотношеніи къ массѣ, какъ и у другихъ народовъ. Не спорю, что и эти силы нѣчто значать, что ихъ тоже нужно принимать въ разсчетъ; будемъ же считать тѣ и другія, но не станемъ ихъ смѣшивать: иначе счетъ нѣ къ чему не пригодится. Величайшій геній требуетъ матеріальной силы для того, чтобы онъ могъ воплотиться и проявиться въ дѣйствіи. Если бы мы были самымъ геніальнымъ народомъ, безъ сильнаго матеріальнаго основанія, самобытно мы ничего не значили бы ни на свѣтѣ, ни для свѣта. Прошу замѣтить: я не говорю, чтобы мы безусловно

ничего не значили, но самобытно мы не были бы въ состояніи совершить ни одного историческаго дѣянія, тогда какъ въ соединеніи съ другимъ народомъ, избоблюющимъ источниками неисчерпаемой матеріальной силы, а по племенному родству представляющимъ намъ болѣе доступное и желательное ручательство единенія, мы могли бы выражаться по просту, дѣлать чудеса.

Вотъ по чему я рѣшился обратить вниманіе читателя на то, что, приступая къ расчисленіямъ (а постоянно расчитывать долженъ каждый, кто желаетъ съ увѣренностію дѣйствовать на этомъ свѣтѣ, сотворенномъ тоже по расчету и мѣрѣ), мы всегда должны держать передъ собою открытыми два отдѣла, одинъ для силъ матеріальныхъ, другой для силъ высшаго порядка. Для успѣшнаго и важнаго предпріятія необходимо, чтобы одинъ отдѣлъ находился въ равновѣсїи съ другимъ. Худо, и весьма худо, если на сторонѣ высшихъ силъ оказывается минусъ; невыразимо худо, если на сторонѣ матеріальныхъ силъ приходится въ итогѣ ставить нуль.

Мы видимъ (по тому что не видѣть не можемъ), какъ мы слабы матеріально въ отношеніи даже однаго Русскаго народа. Между тѣмъ для возрожденія Польши въ томъ видѣ, какою мы ее потеряли, слѣдовало бы вести три войны, навязать нашу волю тремъ первостепеннымъ государствамъ, и въ послѣдствіи быть въ состояніи удерживать въ постоянномъ страхѣ трехъ могущественныхъ и крайне приниженныхъ нами сосѣдей для того, чтобы насъ опять не разобрали. Это было бы самымъ колоссальнымъ подвигомъ, о какомъ когда либо повѣствовала бы исторія человѣческаго рода; мы помрачили бы, смѣло можно было бы сказать, славу Александровъ и Цезарей, по тому что у нихъ было, на что опереться, а мы доказали бы міру, что для насъ не нужно и точки опоры.

Къ нашему несчастью, по мнѣнію, державшемуся между многими изъ насъ, въ особенности между молодыми людьми, Франція должна была въ неопредѣленное время совершить за насъ и для насъ это, превышающее человѣческія силы, назначеніе.

Франція провозглашала себя непобѣдимымъ народомъ; намъ же нравилось повѣрить ей на слово, не смотря на то, что достаточно было заглянуть въ любой исторической учебникъ, чтобы припомнить себѣ, какъ ея войска были поражаемы въ разныя времена разными народами; достаточно было привести на память рѣки собственной нашей крови, пролитой рядомъ съ ея орлами, когда они, въ 1812 г., вынуждены были бѣжать опретью съ полей Россіи.

Вѣра во Францію основывалась, однако жъ, и на другихъ, глубокихъ и лестныхъ для насъ, причинахъ, а не на одномъ легкомысліи, въ которомъ укоряють насъ, съ полною свободою ума, иностранные писатели, и въ которомъ сознаются и нѣкоторые изъ нашихъ писателей съ не менѣе удивительнымъ смиреніемъ и соболѣзнованіемъ къ намъ. Эти Французскіе орлы, хотя въ сущности были только хищными и кровожадными птицами, по тому что одно холодное себялюбіе вождя гнало ихъ передъ собою на поля, покрытыя людскими костями, но вылетали они изъ того гнѣзла, въ которомъ, на глазахъ всего міра, бились пламенные сердца за идеи, за возвышеннѣйшія идеи человѣческаго достоинства, за общественное и духовное совершенствованіе; въ которомъ, если въ теченіе совершившихся происшествій правосудіе и попиралось, но не было, однако жъ, никогда произнесено кощунственное слово, будто правосудіе—бездѣлица; въ которомъ, напротивъ, самая блестящая изъ магистратуръ новаго свѣта краснорѣчиво поучала народъ и все человѣчество воздавать уваженіе правосудію, уваженіе, столь возвышающее человѣка и столь для него благодѣтельное!

Слѣдовательно, нечего стыдиться нашихъ сочувствій къ одному изъ благороднѣйшихъ и, можетъ быть, и несчастнѣйшихъ народовъ, равно какъ и того, что мы въ немъ, а не въ другомъ, видѣли всѣ наши самыя заветныя надежды. ¹⁴ Не хорошо, что мы сочувствіямъ нашимъ придали характеръ обожанія, по тому что только Богъ непоборимъ. Не хорошо, что мы, кромѣ себя и Бога, разсчитывали еще на другихъ. Безмѣрное и принадлежащее къ числу рѣдкихъ историческихъ примѣровъ пораженіе Франціи, должно было охладить и тѣхъ изъ насъ, которые упорно питали въ своихъ умахъ надежду о могущемъ когда либо, и всегда въ самомъ непродолжительномъ времени, воспослѣдовать вмѣшательствѣ этого государства въ нашу пользу. ¹⁵ Всѣ убѣдились уже въ томъ, что Франція, въ продолже-

¹⁴ Вельможи и шляхта пристали къ Наполеоновской Франціи не за ея цивилизаціонныя идеи, а по исторически сложившемуся между этою кастою убѣжденію въ собственномъ безсиліи и въ вытекавшей изъ него необходимости искать пособника, стать за чужія плечи. Эта поворная интеллигенція не изъ за высокой ли цивилизаціи приставала къ Турціи, къ Угріи? Всюду она искала плечъ, и всѣхъ губила своими сочувствіями: такъ она погубила и Наполеона I, и унизила теперешнюю Францію. Быть можетъ, она ее и погубить окончательно.

¹⁵ Охладили къ Наполеону, и стали отзываться о немъ съ площадною бранью послѣ 1863 года. Не ужъ то это Г-ну Крживицкому не извѣстно?

ни многихъ лѣтъ, не въ состояніи будетъ выработать для себя какую либо первостепенную самостоятельную роль Европейской политики. Если уже Франція, на верху могущества, не могла ничего сдѣлать для насъ, то какимъ же образомъ она на низшей ступени своей доли можетъ съ успѣхомъ заняться нами?

Итакъ, мы совершенно одиноки между тремя могущественными государствами, подчинившими насъ своему скипетру; безъ матеріальной опоры въ основаніи, на которую мы могли бы ежечасно рассчитывать, безъ сильнаго городского сословія, безъ денегъ, безъ представителей народной мысли, и, слѣдовательно, безъ благонадежнаго руля и въ тѣхъ горнихъ сферахъ идеи, откуда неоднократно нисходили животворящія силы на упадающіе народы.

Въ такомъ-то положеніи начинаемъ мы второй вѣкъ нашей загробной жизни!

Повторяю: безъ руководителей народной мысли, окруженныхъ всеобщимъ неоспоримымъ вліяніемъ; по тому что нѣтъ у насъ недостатка въ людяхъ науки и въ литературныхъ талантахъ, между которыми найдется почтенное число такихъ, которые справедливо могутъ считаться украшеніемъ нашего общества, трудамъ которыхъ слѣдуетъ воздать тѣмъ большую благодарность, что ихъ призваніе, среди столь разбитаго общества, болѣе чѣмъ гдѣ либо окружено терніемъ. Но эти самые люди, столь славные умомъ и сердечными качествами, будучи, такъ сказать, прицѣплены къ собирательному тѣлу, лишенному всякой организаціи, могутъ ли дѣйствовать на него органически? По этому-то они витаютъ надъ нимъ, подобно блестящимъ метеорамъ отлично освѣщаютъ, украшаютъ и совершенствуютъ самолично, но не въ состояніи вести къ великимъ общественнымъ дѣламъ.

Стало быть, остается во всей силѣ то, что мы выше сказали о нашей совершенной беспомощности.

Объ этомъ лишеніи мы можемъ смѣло и громко говорить между собою, по тому что не знаемъ его только мы сами. Чужіе знаютъ это въ совершенствѣ, и въ этомъ отношеніи ничего новаго изъ нашей исповѣди не узнаютъ, развѣ только то, что мы начинаемъ понимать себя, серьезно считаться съ собою и старательно звѣшивать вещи; а это не только не унизитъ насъ въ ихъ глазахъ, но, можетъ быть, не одного изъ нихъ заставитъ и призадуматься.

Нѣтъ ничего особеннаго въ томъ, что сознаніе полной беспомощ-

ности, въ виду великой опасности, пробуждаетъ въ угрожаемомъ не извѣстную до того времени мощь, и тѣмъ самымъ становится началомъ благоприятнаго поворота въ его положеніи. По этому и мы въ настоящее время могли бы съ нѣкоторымъ правомъ ожидать для себя чего либо подобнаго; но именно въ то время, когда, съ дымомъ несчастныхъ Французскихъ пожарищъ, улетали послѣднія наши надежды на ожидаемую оттуда помощь, особенно по какой-то завистливой къ намъ судьбѣ, возникли между нами и книгою предназначеній нашихъ новые, равнымъ образомъ фантастическіе и небезопасные, призраки о спасеніи при помощи Австріи и, воздержите смѣхъ, о боги Ваггалы, даже самой Нѣмецкой Имперіи!

Ш.

Мы пришли, въ нашемъ выводѣ, къ тому мѣсту, откуда расходятся многочисленныя дороги. Нужно избрать одну изъ нихъ, и избрать такъ, чтобы въ послѣдствіи не жалѣть; по тому что въ исторіи возвратиться къ невнимательно отброшенной исходной точкѣ столь же не возможно, какъ въ жизни человѣческой не возможно возвратиться къ прожитымъ годамъ.

Кромѣ того, въ этомъ мѣстѣ мы должны раздѣлиться на группы и временно разлучиться другъ съ другомъ точно также, какъ раздѣлила и разлучила насъ судьба, подчинивъ разнымъ скипетрамъ. Отнесемъ съ должнымъ вниманіемъ и къ государственному закону, и къ законамъ мысли; первый изъ нихъ требуетъ отъ насъ уваженія къ установленнымъ властямъ; вторые, чтобы мы, говоря о чемъ либо, отдавали себѣ ясный отчетъ, о чемъ и о комъ именно говоримъ.

Итакъ заявляю, все послѣдующее будетъ относиться только къ Полякамъ, которыхъ Провидѣнію угодно было соединить съ Русскимъ народомъ. Поляки, обитающіе въ Великомъ Княжествѣ Познанскомъ и Королевствѣ Галиціи, не могутъ руководствоваться моимъ мнѣніемъ. Я самъ не рѣшился бы давать имъ какіе либо совѣты. Ихъ положеніе совершенно другое.¹⁶ Однихъ необходимость заставляетъ основывать свои надежды на Австріи, другихъ—искать средствъ возможно полезнаго установленія отношеній къ Прусскому правительству. Нѣтъ ничего естественнѣе этого, но

¹⁶ Дѣйствительно, другое. Нѣмцы знаютъ, что дѣлать съ Поляками, и твердо идутъ къ цѣли. Тутъ никакія внушенія не помогутъ. У другихъ не то.

для всякаго въ свойственной ему одному сферѣ. Намъ, жителямъ Конгрессоваго Королевства и Русской Имперіи, назначена судьбою другая исходная точка. Мы должны держаться на этой почвѣ, если не желаемъ вдругъ очутиться въ самомъ ложномъ положеніи. Если воля Провидѣнія такова, что пути наши когда либо сольются въ одинъ, то, по всей вѣроятности, это осуществится въ то время, когда мы, Поляки, соединенные съ Русскимъ народомъ, не смотря на наше миролюбіе и уваженіе къ приобретеннымъ правамъ, вызванные сосѣдями на борьбу, должны будемъ перевести на Славянскій языкъ нѣкоторые афоризмы современныхъ Нѣмецкихъ государственныхъ людей, афоризмы, по которымъ недавно рѣшена была участь Эльзаса и Лотарингіи.

Однако же, я уклонился отъ предмета; да, все это—предположенія отдаленной будущности, о которой я никогда не позволилъ бы себѣ говорить здѣсь, если бы могъ найти лучший способъ точнаго выраженія моей мысли по отношенію къ настоящему. Но, позаимствовавшись на минуту свѣтомъ, ударяющимъ изъ означеннаго положенія, я полагаю, что этимъ самымъ сразу успѣлъ указать читателю со всею силою и то, о чемъ я говорилъ въ настоящемъ сочиненіи, и первый общій очеркъ того, о чемъ еще буду говорить. Подобнымъ образомъ мы лучше поймемъ другъ друга. Одобрять ли меня, или осудять, объ этомъ я не забочусь, такъ какъ я занятъ только тѣмъ, чтобы меня поняли.

Обратимся къ настоящему.

Въ царствѣ Польскомъ и въ Западныхъ Губерніяхъ Русской Имперіи мы считаемъ себя въ своей "сферѣ". Въ этой сферѣ намъ слѣдуетъ призадуматься надъ путями, которые открываются передъ нами, и избрать между ними тотъ, который признаемъ мы болѣе соответствующимъ, чтобы не ити въ послѣдствіи ощупью, и въ этомъ шествіи не уклоняться поминутно то вправо, то влево.

Здѣсь мы прежде всего должны обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Въ последнее время, по мѣрѣ убѣжденія, съ каждымъ днемъ возрастающаго, въ невозможности возвратиться когда либо къ самобытности, брошенная Наполеономъ III мысль о большихъ соединеніяхъ (агломерціяхъ) народовъ, какъ болѣе правдоподобнаго положенія будущаго строя Европы, начинается и въ нашемъ обще-

---

¹⁷ Конечно, рѣчь идетъ о послѣднихъ годахъ.

ствѣ находить многочисленныхъ поклонниковъ. До настоящаго времени это явленіе не представляетъ еще ничего неестественнаго. Однако же найдутся и уклоненія (аномалии). Въмѣсто того, чтобы вникнуть, къ какому именно соединенію сама природа указываетъ намъ стремиться, нѣкоторые желали бы оставить свою мысль, такъ сказать, качающеюся между Россією, Нѣмецкою Имперіей и Австріей, какъ представительницею охранительнаго соединенія ипотечной агломерации Южнославянскихъ народовъ. Это должно, будто бы, выражать самую тонкую политику выжиданія; говоря же откровенно, это есть выраженіе невыразимой слабости воли, не предвѣщающей ничего хорошаго для подчинившихся ей. Было бы самымъ большимъ несчастіемъ, если бы подобное безсиліе воли овладѣло большинствомъ народа. Плаваніе между двумя струями рѣдко когда приносило кому пользу: а что же сказать о плаваніи между тремя?

Рядомъ съ этою системой выжиданія, и отчасти изъ собственныхъ ея зародышей, началъ по немногу развиваться планъ соглашенія съ Россією, при помощи разныхъ угрозъ. Весь этотъ планъ можно выразить слѣдующею формулою: «Не дадите намъ самоуправленія, пристанемъ къ Австріи, или къ Нѣмцамъ, хотя бы пришлось намъ сдѣлаться Мадьярами, или онѣмечиться.» Это, будто бы, должно называться политикой выгодъ, замѣняющей прежнюю сантиментальную политику. ¹⁸

¹⁸ «Мы не сомнѣваемся, сказано въ извѣстномъ, недавно оглашенномъ, сочиненіи, въ томъ, что Русское просвѣщенное сословіе найдетъ въ себѣ достаточно, силы и рѣшимости, чтобы поднять починъ соединенія съ Польшею. Безъ проведенія этого соединенія Поляки, руководясь уже собственной пользою, какъ одинъ человекъ (!!!) станутъ на сторонѣ Нѣмцевъ противъ Россіи (!!!). На насъ лежитъ обязанность, развивая эту мысль, выказать... по чему пользы Поляковъ велятъ имъ бороться за Нѣмцевъ (!!!) и драться противъ Русскихъ, въ случаѣ, если бы соединеніе Польши съ Россіей не осуществилось и не предупредило Нѣмецко-Русской войны. Ибо Поляки, умудренные опытомъ, рѣшились (!!!) бросить сантиментальную политику и въ будущемъ поддерживать единственно свои выгоды; по чему, при каждомъ удобномъ случаѣ, они станутъ не на сторонѣ болѣе сочувственной для нихъ, но на той, которая выкажетъ имъ большую готовность (дѣло только въ готовности?) обезпечить самоуправленіе и Польскую народность (самоуправленіе и народность, какъ въ В. К. Познанскомъ?). Ибо, не воспользовавшись первою войной между Россією и Нѣмцами, въ ожиданіи чего либо лучшаго, мы доказали бы нашу неосмотрительность (?) и недостатокъ политическаго такта(?). По этому Поляки рѣшились (!!!) стать на сторонѣ того государства, которое въ обезпеченіи народнаго самоуправленія ихъ край опередятъ другія госу-

Разумѣется, что извѣстнаго рода выгоды и тутъ затронуты, и, слѣдовательно, въ извѣстномъ отношеніи позволительно и это назвать политикой интересовъ. Но что за жалкая политика не менѣе жалкихъ интересовъ!

Жалкая политика: тѣ, съ которыми мы ждали бы поторговаться, хорошо знаютъ, чего стоятъ наши угрозы и, въ концѣ концовъ, дадутъ только то, что захотятъ, и столько, сколько захотятъ дать.

Жалкіе интересы: если мы сами о себѣ проповѣдуемъ, будто готовы бросить ихъ, какъ только торгъ не состоится, и перейти хоть бы на сторону Нѣмцевъ.¹⁹

Понимаю и я политику выгодъ, и никакой иной не понимаю, но выгодъ великихъ, истинныхъ, которыхъ не позволено бросить, выгодъ, которыми не измѣняютъ, а скорѣе служатъ съ самоотверженіемъ; выгодъ, плоды которыхъ созрѣваютъ въ буду-

дарства (что-то въ родѣ аукціона!!!). Въ этомъ отношеніи Польша похожа на дѣвицу (!!), впервые вступающую въ свѣтъ и готовую (!!!) довѣриться и привязаться (!!!) къ тому, кто первый (!!!) заговоритъ въ ея сердцѣ и успѣетъ увѣрить ее въ заботливости объ житейскомъ пути. Итакъ, мы можемъ сказать въ интересахъ Славянства: «Не дай Богъ, чтобы Россія обратилась къ Полякамъ тогда, когда они будутъ уже на другой сторонѣ (слѣдовательно, противъ Славянства?). Въ настоящее время Польша находится въ состояніи выжиданія, и въ этомъ станетъ ожидать будущаго хода событій и столкновеній между Россією и Нѣмцами (!!!).»

¹⁹ «Другое предположеніе (по словамъ того же сочиненія) относится снова къ тому соображенію, при посредствѣ котораго Нѣмцы, отобравъ у Россіи Польшу, отдали бы ее Габсбургскому Дому. Тогда образовалось бы Польско-Чешско-Угорское Королевство. Существуетъ, впрочемъ, между Нѣмцами мнѣніе, желающее, чтобы Габсбургскій Домъ возвратилъ Нѣмецкой народности перевѣсъ и управление монархіей, и чтобы народность эта, почерпая силу и рѣшимость изъ Берлина, сдѣлалась «передовою страной для Нѣмецкаго племени», съ цѣлю заселенія ею Славянскихъ земель.» Осуществленіе такого соображенія воспрепятствовало бы образованію поманутаго Польско-Чешско-Угорскаго государства, и самостоятельность Галиціи и Польскихъ земель, которыя были бы въ ней присоединены, не переступили бы уже границъ внутренняго управленія края (!!!). Но и въ такомъ случаѣ Польша приобрѣла бы уваженіе народности (какъ же это?) и, въ случаѣ отдачи Польскихъ земель подъ заселенія Нѣмецкаго племени, вѣры, языка, обычаевъ... Но и въ то время перемѣну въ настоящемъ государственномъ складѣ Австріи можно бы сформулировать такимъ образомъ, что, «вмѣсто равноуправленія всѣхъ народностей, одна изъ нихъ, Нѣмецкая, нашла бы

щихъ поколѣнiяхъ; которыя становятся основою великихъ событiй въ исторiи человѣчества, порукою нравственнаго преуспѣянiя для возможно большаго числа человѣческихъ существъ, но вовсе не выгоды такого рода, отъ которыхъ, въ случаѣ нужды, можно и отречься,

Что же сказать о томъ, если выгоды большаго значенiя приносятся въ жертву выгодамъ меньшаго значенiя, и при томъ только для того, что плоды первыхъ ожидаютъ нашихъ дѣтей, или внуковъ, а польза вторыхъ, хоть и мелкая, недалеко и ощутительна? Дѣйствительно, и та, столь извѣстная въ исторiи Израильтянъ, продажа первенства за тарелку похлебки, тоже не была дѣломъ сентиментальной политики; однако же, намъ говорили въ дѣтствѣ, и здравый разумъ то подтверждаетъ, что поступившій такимъ образомъ совершилъ сдѣлку, вовсе недостойную подражанiя.

Теорiя большихъ соединенiй, высказанная нѣсколько лѣтъ тому назадъ Императоромъ Наполеономъ III, безъ сомнѣнiя, заключаетъ въ себѣ мѣткое опредѣленiе человѣческихъ страстей, обнаруживающихся, съ возрастающею быстротою, въ настоящую пору. Но соединенiя могутъ быть различныя: одни съ великою будущностью, другiе съ уродливою. Слѣдовательно, не все равно, къ которой изъ нихъ присоединиться, и, дѣлая между ними выборъ, слѣдуетъ обращать вниманiе не на какiя ни будь ничтожныя уступки, представляющiяся съ перваго раза.

Или мы признаемъ себя принадлежащими къ Славянской отрасли, или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ мы должны ясно и утвердительно сказать себѣ, что, при невозможности для насъ отдѣльнаго народнаго существованiя, все, что намъ остается, все, что можемъ мы сдѣлать, не разрывая узъ съ прошедшимъ и не отрекаясь отъ предковъ и

государственную поддержку достаточною (!!!) для заселительской цѣли» (!!!) для отрасли столь трудолюбивой, какова Нѣмецкая (!!!).

«Менѣ всего было бы желательно для Поляковъ соображенiе, въ которомъ Нѣмецкiй народъ, не послѣдовавъ ни одному изъ означенныхъ предположенiй, рѣшился бы довольствоваться «новымъ разграниченiемъ съ Россiею». Въ этомъ предположенiи Поляки сдѣлались бы «подданными Нѣмецкаго Императора», и не могли бы ожидать правъ лучше тѣхъ, которыя предоставляются В. К. Познанскому. «Однако же, и это соображенiе мы считали бы теперь счастливымъ для себя событiемъ (!!!). Такъ тяжела жизнь Поляка подъ Русскимъ правленiемъ.»

крови нашей, состоитъ въ томъ, чтобы стремиться къ возможно скорому осуществленію обширнаго Славянскаго отечества, и не только обширнаго, но сильнаго, надѣленнаго высокими совершенствомъ организациі, и по тому способнаго развернуть огромное могущество въ войнѣ и мирѣ, дающаго всевозможныя ручательства для постепенно возрастающаго успѣха въ просвѣщеніи, нравственности, правосудіи; отечества, которое было бы обширнымъ полемъ для всякаго рода труда, истинной святыней почитанія Бога въ дѣлахъ человѣка. Во второмъ случаѣ, т. е., если мы не чувствуемъ въ себѣ никакого родства со Славянствомъ, не будемъ, по крайней вѣрѣ, говорить о немъ, перестанемъ декламировать, будто не одна Россія помнить о немъ, приготовимся окончательно къ борьбѣ на жизнь и смерть съ природою вещей, къ борьбѣ, въ которой и самъ не желалъ бы участвовать, и другихъ не сталъ бы уговаривать къ ней.²⁰

На нашихъ глазахъ совершилось объединеніе Нѣмцевъ. Между южною и сѣвѣрною частями ихъ находятся извѣстныя противоположности въ вѣрѣ, нравахъ и даже въ языкѣ. Швабскаго нарѣчія, употребительнаго на югѣ, никто изъ насъ, да же говорящихъ отлично по Нѣмецки, не пойметъ, не изучивъ его особенно. Не будемъ говорить, будто нарѣчіе это грубо, необработанно, безграмотно. Во времена Гогенштауфеновъ оно могло бы сдѣлаться языкомъ Нѣмецкаго образованія: нарѣчіе это обладаетъ почтеннымъ числомъ эпическихъ и лирическихъ поэтовъ; на немъ написаны Нибелунги; въ немъ остались памятники, и въ наше время доставляющіе любителямъ Нѣмецкой литературы высшее наслажденіе. Но въ XVI вѣкѣ оно должно было уступить мѣсто Саксонскому нарѣчію, по той причинѣ, что на немъ говорила та часть Нѣмцевъ, въ которой начали вырабатываться истинныя идеи новаго строя всего Германизма и восходить первыя сѣмена новой гражданственности этой отрасли человѣчества. Что же бы мы сказали, если бы южныя Нѣмцы, воспользовавшись запутанностію обстоятельствъ въ 1870 г. между Сѣвѣрнымъ Союзомъ и Франціею, и видя невозможность отдѣльнаго существованія, пришли къ такому соображенію, что въ

---

²⁰ «Пусть также Русское образованное сословіе пойметъ, что не одна Россія сознаетъ обязанности свои къ Славянамъ; что и Польскій народъ, принадлежащій тоже къ Славянской отрасли, хотя и скованъ рабскими оковами, не потерялъ, однако же, полнаго сознанія своихъ обязанностей, и знаетъ, чего вправѣ ожидать отъ него другія славянскія народности» (Упомянутое выше сочиненіе «Do «Intellig. Ross.» въ заключеніи).

виду противорѣній, раздѣляющихъ ихъ съ сѣвѣрною вѣтвью, для нихъ будетъ гораздо полезнѣе подумать о соединеніи съ Франціею, къ которой могло тогда привлекать ихъ и единство вѣры, и чрезвычайное богатство хорошо воздѣланныхъ земель, и военное могущество, на ряду съ признанною всѣми блестящею гражданственностью? Какъ посторонніе свидѣтели и, слѣдовательно, способные къ безпристрастному суду, мы сказали бы, что они затѣваютъ уродливое дѣло, которое не возможно ни исполнить ни прочно повести впередъ, по тому что оно идетъ въ разрѣзъ съ послѣдовательною племенной исторіи, по тому что оно противуестественно. Къ этому мы бы присовокупили, что не они поворотятъ колесо историческаго шествія, но сами будутъ имъ раздавлены и по ихъ хребту пройдутъ неотвратимыя судьбы племенной вѣтви и человѣчества, для дальнѣйшаго развитія котораго необходима могущественный строй Германизма.

То же самое, слово въ слово, сказалъ бы и о насъ безпристрастный посторонній судья, о насъ, Полякахъ, соединенныхъ съ Русскимъ народомъ узами общественнаго права, гораздо сильнѣйшими, чѣмъ тѣ, которые выработаны договорами взаимной обороны, съ 1870 года, соединяющими Южныхъ Нѣмцевъ съ Сѣвѣрнымъ Союзомъ, если бы мы принимая во вниманіе единственно противоположности въ вѣрѣ, преданіяхъ и языкѣ, которыя, безъ сомнѣнія, отличаютъ насъ отъ нашего Сѣвера, сказали себѣ, что намъ лучше быть съ Австріей, къ которой влечетъ насъ тождество вѣры и постоянно открытый рынокъ для торговъ по части «Аугсгейховъ», или, наконецъ, хотя бы въ формѣ самой покорной ленной зависимости съ Нѣмецкою Имперіею, столь богатой въ экономическомъ отношеніи, столь прекрасно управляемой и столь могущественно представляемой извнѣ. Если бы мы, въ свою защиту, стали доказывать нашему судѣ, что разсуждать такимъ образомъ заставляетъ насъ политика выгоды, повѣрьте, онъ внутренне разсмѣялся бы, если бы даже самъ былъ Нѣмецъ. По этому я крѣпко убѣжденъ, что если бы настоящія мои слова были переведены на Нѣмецкій языкъ и прочитаны Нѣмецкими государственными людьми, то они, безъ сомнѣнія, сказали бы промежъ себя: «Этотъ человѣкъ правъ!» но пусть бы и Поляки сказали, что: «Онъ говоритъ неправду,» не мѣшало бы коечто шепнуть имъ объ этомъ, но, говоря между нами, этотъ человѣкъ правъ.

Во времена Герцогства Варшавскаго нельзя было у насъ называть Императора Наполеона иначе, какъ Наполеонъ Великій; во времена Второй Имперіи неприлично было написать политическую кни

жонку, не ударивъ челомъ, по крайней мѣрѣ, три раза, въ началѣ, срединѣ и концѣ, передъ геніемъ могучаго повелителя и политическаго знатока, правящаго изъ Тюльери судьбами всего міра. Въ настоящее же время вошло въ моду, послѣ каждаго десяти словъ о политикѣ, упомянуть, по крайней мѣрѣ, разъ о государственномъ мужѣ, могущественно правящемъ дѣлами Нѣмцевъ. Многимъ кажется, будто достаточно только произнести эту освященную формулу, чтобы и самому тотчасъ же сдѣлаться государственнымъ мужемъ, показать свѣту, что онъ тоже принадлежитъ къ числу людей, глубоко-мысленно разсуждающихъ объ интересахъ Европейскихъ государствъ и, въ случаѣ надобности (по чему жъ бы и не такъ?), прибрать въ могучія руки кормило этихъ же имтересовъ. Пусть же подобные дипломаты позволятъ замѣтить имъ, что для служенія политикѣ имтересовъ недостаточно одной готовности поступить на службу къ кому бы то ни было, съ единственнымъ условіемъ не служить даромъ. Если безпрекословно слѣдуетъ воздавать честь человѣку, правящему въ настоящее время дѣлами Нѣмцевъ, то безмѣрно большая честь Нѣмецкому народу, такъ трезво и основательно понимающему племенной интересъ, народу, способному, для высшихъ цѣлей, отказаться отъ вѣковыхъ привычекъ къ извѣстнымъ особямъ политическаго быта, съ которыми онъ былъ такъ слитъ всѣмъ своимъ существомъ, что до послѣдняго времени всѣ сомнѣвались, чтобы когда либо могъ онъ стать выше ихъ уровня. И прежде у Нѣмцевъ были весьма знаменитые государственные люди. Не смотря на то, дѣло объединенія не клеилось до тѣхъ поръ, пока не созрѣлъ самъ народъ, пока отдѣльныя племена, его составляющія, не прониклись до глубины убѣжденіемъ, что одному изъ своей среды они должны предоставить первенство, собраться около него, для освобожденія отъ извѣстнаго рола подчиненности, въ которой издревле удерживали ихъ лучше устроившіеся сосѣдныя сосѣди, парализируя тѣмъ самыя жизненныя силы всей племенной отрасли.

Въ силу этого я рѣшился подать нишущимъ у насъ политическія статьи мысль говорить намъ какъ можно больше не о государственныхъ людяхъ, но о томъ разумномъ Нѣмецкомъ народѣ, который въ настоящее время сталъ такъ высоко, благодаря лишь собственному постоянному труду надъ самимъ собою. Кто научилъ бы насъ подражать этому народу, тому, полагаю, стоило бы воздвигнуть памятникъ изъ бронзы и мрамора. Найдутся и въ Славянствѣ знаменитые государственные люди: слѣдуетъ только приготовить для нихъ хорошую почву, такую, на которой они могли бы стать незы-

блемо. Это зависитъ отъ насъ и составляетъ нашу обязанность; остальное предоставимъ Провидѣнію, на которое можемъ смѣло положиться.

Какъ бы предупреждая послѣдовательное развитіе настоящаго сочиненія, я вынужденъ былъ здѣсь же высказать нѣкоторыя мысли, которыя умѣстнѣе было бы развить въ слѣдующихъ отдѣлахъ. Но мнѣ казалось, что, не отодвинувъ теперь же до извѣстной степени завѣсу отъ образа, въ какомъ представляется моей мысли наша будущность, я не могъ бы изобразить всѣхъ уродливостей тѣхъ Прусскихъ, Австрійскихъ соображеній, которыми иногда такъ легковѣрно забавляются между нами нѣкоторые составители проектовъ, и которые, если бы, сохрани Богъ, въ самомъ дѣлѣ пришлось по вкусу нашему народу, то по истинѣ принесли бы ему кровавые плоды. Когда же, наконецъ, захотимъ мы понять, что бывшія до сихъ поръ распри наши съ Русскимъ народомъ приносятъ пользу только кому либо третьему, именно тому государству, для котораго мы должны бы мѣнѣе всего трудиться, по тому что оно было, и въ истину и нынѣ остается, естественнымъ нашимъ врагомъ. Оно задумало раздѣль Польши, и заработало на немъ больше всѣхъ. Для него составляетъ интересъ первой важности какъ можно болѣе ²¹ поддерживать то раздражительное состояніе между Польскимъ и Русскимъ народомъ, при помощи котораго оно старается обезсилить слишкомъ грознаго для себя союда. А мы такъ простодушно идемъ въ ловушку! Признаюсь, я всегда былъ убѣжденъ въ томъ, что извѣстныя иноземныя руки, при вышій дѣйствовать съ неизъяснимою ловкостію, способствовали и въ 1862—63 годахъ уничтоженію, въ самомъ зародышѣ, нашего соглашенія съ Россією, въ то время столь возможнаго и самой Россією столь желаннаго. Умѣли они, для своего интереса, своевременно воспользоваться завязтостію нашею противъ всякаго соглашенія съ Россією точно также, какъ, назадъ тому сто лѣтъ, поживились нашею страстною привязанностію къ внутренней безурядицѣ нашей. Разумѣется, доказательствъ у меня на это нѣтъ; подобную работу нельзя поймать съ поличнымъ; тысячи завѣсь скрываютъ ее отъ глазъ, не посвященныхъ въ тайны; но за меня говорятъ исторія, логика и опытъ ежедневной жизни. Остережемся же, чтобы тѣ же руки, тѣми же средствами и благодаря тѣмъ же недостаткамъ нашимъ, не провели снова насъ.

²¹ Мысль эта принадлежитъ А. П. Ермолову. См. его «Записки о войнѣ 1812 года,» помѣщенные въ «Чтеніяхъ въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ,» 1864—1866, и особо.

При этомъ прошу принять во вниманіе, что, при изложеніи настоящаго сочиненія, не руководить мною какая либо ненависть, или нерасположеніе, къ Нѣмецкому народу. Я далекъ отъ того, чтобы умалять огромныя достоинства этого племени, равно какъ и необъятныя услуги, оказанныя имъ человѣчеству. Напротивъ, я исполненъ уваженія къ трудамъ этого благороднаго племени на поприщѣ науки, поэзіи и искусства, къ общественнымъ учрежденіямъ, которыя онъ умѣлъ развить у себя, къ возвышеннымъ понятіямъ о государствѣ, обществѣ, семьѣ и отдѣльной человѣческой личности, которыя онъ умѣлъ создать себѣ; къ тому трудолюбію, семейной жизни и глубинѣ религіозности, которыми онъ такъ достойно отличается среди всѣхъ другихъ племенъ. При томъ я соединенъ съ избранными членами этого народа и личными чувствами дружбы, знакомства, общности воззрѣній и привычекъ въ извѣстныхъ сферахъ умственной жизни. Мнѣ дороги также и воспоминанія лѣтъ, прожитыхъ въ средѣ этого, столь высоко образованнаго Нѣмецкаго общества.

Но все это само по себѣ, а Славянскій вопросъ, т. е., вопросъ о жизни, не для меня лично, по тому что много ли мгновеній отдѣляетъ меня отъ гроба! но для моего сына, но для нашихъ сыновей, для свободно развивающейся жизни, а не для самаго худшаго изъ всѣхъ родовъ подданства, — закрѣпощенія племеннымъ подданствомъ. Это такой вопросъ, ради котораго, въ случаѣ необходимости, слѣдуетъ пролить послѣднюю каплю крови. И въ этомъ положеніи я не увлекаюсь мечтаніемъ, или навѣтами родовой ненависти, но высказываю убѣжденіе, основанное на причинахъ, которыя будутъ выяснены въ слѣдующихъ отдѣлахъ. Убѣжденіе это приобрѣтено мною послѣ многолѣтнихъ размышленій надъ судьбою нашего народа, въ особенности въ то время, когда я съ удивленіемъ присматривался въ близи къ Нѣмецкому народу.

Пусть читатель войдетъ въ химическую лабораторію, и велить подать себѣ два тѣла, не имѣющія между собою никакого сродства; пусть вложитъ ихъ въ реторту, поставитъ на самый сильный огонь, пропитываетъ сильнѣйшими кислотами, — ничего изъ этого не выйдетъ. Нужно будетъ все выбросить за окно, или же одно изъ тѣлъ уничтожить окончательно, чтобы и слѣда его не осталось въ ретортѣ, въ добавокъ, вытереть ее.

Въ началѣ настоящаго отдѣла было сказано, что мы дожили до того мѣста, отъ котораго расходятся разныя дороги: одну изъ нихъ нужно избрать рѣшительно.

Въ главныхъ чертахъ мы уже видѣли, какія именно это дороги. Онѣ ведутъ:

Одна къ Нѣмцамъ.
Другая въ Австрію.
Третья въ Россію.

Разберемъ теперь подробно каждую изъ нихъ.

IV.

Достаточно присмотрѣться на картѣ къ границѣ между владѣніями Нѣмецкой Имперіи и землями, подвластными Русскому скипетру, чтобы убѣдиться, что на этихъ равнинахъ будутъ еще рѣшаться великія судьбы. Столкновение интересовъ и, при извѣстномъ стеченіи обстоятельствъ, вспышка самыхъ народныхъ инстинктовъ, могутъ сдѣлаться знакомъ пожара, размѣровъ котораго, хода и окончательныхъ послѣдствій заблаговременно исчислить не возможно. Счастье можетъ послужить Прусскимъ орламъ и въ этой четвертой войнѣ; но мы можемъ дожидаться и втораго изданія битвы подъ Гринвальдомъ. Судьба войны перемѣнчива. Однако же, нѣтъ недостатка и въ такихъ головахъ, которыя готовы впадать въ идолопоклонство: какъ прежде Французы, такъ теперь Прусаки, для нихъ непобѣдимы. Отсюда выводится заключеніе, что будь только война, Прусаки побѣдятъ Россію; а такъ какъ на свѣтѣ даромъ не дерутся, то непременно коечто урвутъ и у Россіи, а это коечто и будетъ Польша, быть можетъ, только до Вислы, а то и до Нѣмана. «Можетъ ли это огорчать васъ?» шепчутъ намъ въ уши какіе-то, наполняющіе воздухъ, голоса?» Можетъ ли это огорчать насъ? Ни сколько! отвѣчаемъ мы на этотъ вопросъ. «Если не можемъ сдѣлаться Поляками, будемъ Нѣмцами. За то у насъ будутъ: Европейская образованность, хорошія училища, безопасность личная и имущественная, а Россія получитъ возмездіе за наше угнетеніе.»

Все это умствование проникаетъ меня глубочайшею горестью, по тому что это отчаяніе въ формѣ силлогизма.

Во первыхъ, можетъ пройти много лѣтъ, пока дойдетъ до предполагаемаго столкновения. Это значитъ откладывать окончательное устройство своей судьбы на неопредѣленное время.

Во вторыхъ, когда приблизится столкновение, итогъ его можетъ выпасть въ пользу Россіи, а не Пруссіи. Подобнымъ же образомъ случилось и въ 1812 году, хотя Наполеонъ I и не принадле-

жалъ, кажется, къ дюжиннымъ полководцамъ. Это значить искать себя спасенія въ своего рода лотереѣ.

Въ третьихъ, если бы даже Пруссаки одержали верхъ, то они ни въ какомъ случаѣ не могли бы отнять у Россіи всей бывшей Польши. Мы опять были бы раздѣлены: одни подчинены Прусскому владычеству, а другіе остались бы при Россіи. Между тѣмъ, будучи на сторонѣ Россіи, мы могли бы надѣяться, и далеко не безплодно, воссоединить со временемъ, хотя, быть можетъ, и въ отдаленной только будущности, и остальные части нашего отечества, перешедшія въ чужія, не Славянскія, руки, и такимъ образомъ снова соединить нашъ трудъ и долю, къ чему стремиться предписано намъ нашими преданіями и интересомъ всего Славянскаго племени.

Въ четвертыхъ, въ какой бы мѣрѣ Россія ни потерпѣла поражение, достовѣрно то, что стойкій и готовый на великія жертвы Русскій народъ ни въ какомъ случаѣ не позволилъ бы отрѣшить себя отъ Славянскаго предназначенія (миссіи). При всякой случайности онъ возвращался бы къ борьбѣ, для возвращенія оторванныхъ у него областей. И такъ нашъ край сдѣлался бы театромъ постоянныхъ военныхъ столкновеній, землею, въ которой, даже въ промежуткахъ мира, стратегическіе вопросы долгое время первенствовали бы надъ всякими другими интересами, а во время открытой борьбы кровь нашихъ дѣтей всегда бы лилась обильнѣе, и наши имущества дѣлались бы первою жертвой. Каковы виды!

До сихъ поръ мы смотрѣли на вещи съ той стороны, съ какой онѣ могутъ быть поставлены стеченіемъ случайныхъ обстоятельствъ безъ всякаго участія съ нашей стороны. Но при этомъ, по крайней мѣрѣ, не могло быть рѣчи о нравственной отвѣтственности нашей объ угрызеніяхъ собственной совѣсти и строгомъ судѣ грядущихъ поколѣній.

Взглянемъ на дѣло съ другой стороны. Предположимъ, что мы сами облегчили бы Пруссакамъ покореніе извѣстной части нашего края въ надеждѣ получить за это ручательство высшаго образованія и лучшаго экономическаго быта. Предположивъ это, зададимъ себѣ вопросъ: «Что же, по всей вѣроятности, послѣдовало бы послѣ, и что мы заработали бы на нашемъ предпріятіи?»

Не подлежитъ сомнѣнію, что Прусское правительство, располагая необъятными образовательными средствами, а въ настоящее время столь же огромными и денежными, немедленно озаботилось бы о

водвореніи въ отнятыхъ отъ Россіи областяхъ наилучшаго порядка въ управленіи и судѣ, снабженіи училищъ отличными наставниками, о сообщеніи земледѣлію и промышленности великаго движенія. Въ слѣдствіе этого все, что въ нашемъ краѣ составляетъ движеніе, трудъ, экономическую и умственную жизнь, было бы окружено какъ нѣкою новою атмосферою. Все это справедливо. Но такое возрожденіе вытекало ли бы изъ насъ самихъ, органическимъ путемъ, какимъ только и совершается истинное общественное возрожденіе? Ни сколько! Собственно говоря, насъ ожидадо бы не возрожденіе, но залитіе сверху и при посредствѣ всѣхъ внутреннихъ поръ, куда только можно проникнуть, элементомъ выше насъ образованнымъ, который столь же намъ несвойственъ и столь же не нуждается въ насъ, какъ и тѣ тѣла, не имѣющія между собою никакого химическаго сродства, о которыхъ говорили въ предыдущемъ отдѣлѣ. Мы тотчасъ же увидѣли бы тьму чуждыхъ людей въ управленіи, судѣ и общественномъ воспитаніи дѣтей, дѣйствительно почтенныхъ, обладающихъ высокимъ общечеловѣческимъ и профессиональнымъ образованіемъ, но чуждыхъ, совершенно чуждыхъ, намъ по языку, обычаямъ, привычкамъ и по преданіямъ прошлаго и по видамъ въ будущемъ, приходящихъ къ намъ съ непоколебимымъ убѣжденіемъ о своемъ племенномъ превосходствѣ и возникшею въ послѣднее время теоріею, будто мы не въ силахъ съ ними сравняться, какъ низшая порода, менѣе способная къ гражданственности, а по мнѣнію нѣкоторыхъ и совсѣмъ къ ней неспособная. Сначала намъ дѣйствительно было бы хорошо жить подъ властью столь разумныхъ и усердныхъ вожаконъ, но, если можно употребить такое сравненіе, мы были бы стадомъ подъ хорошими загонщиками. На долго ли мы въ состояніи довольствоваться подобнымъ положеніемъ дѣла?

Правда, промышленность въ краѣ развилась бы. Но сдѣлался ли бы отъ этого нашъ ремесленникъ болѣе искуснымъ въ своемъ промыслѣ, обстоятельнѣе въ жизни, болѣе проникнуть высшими понятіями о предназначеніи и обязанностяхъ труженика? У него, доведеннаго въ короткое время до послѣдней нищеты превосходствомъ соперничества чужеземнаго промышленника, неостало бы и времени, необходимаго для преобразованія своихъ нравовъ. Мы безотлагательно увидѣли бы наши города, наполненные проходимцами разныхъ профессій, снабженныхъ всевозможными средствами производства, какъ въ отношеніи капитала, такъ и въ смыслѣ знанія и опытности. Эти гости показались бы намъ сперва очень милыми и полезными. Но, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, они стали бы между нами устраи-

вать отдѣльные кружки и общества, и мы не успѣли бы оглянуться, какъ эти люди заняли бы, въ отношеніи нашей общественности, положеніе явнаго контраста, какъ элементъ, имѣющій исключительное право на будущность.

Что касается земледѣлія, разумѣется, нельзя утверждать, будто насъ, туземцевъ, можно тотчасъ поставить на одну черту съ краснокожими Американцами. Но достовѣрно и то, что, по прошествіи извѣстнаго времени, мы съ удивленіемъ замѣтили бы, что ряды наши что-то сильно начали рѣдѣть, и при томъ такъ, что мы долгое время и не замѣчали, какъ насъ по немногу убывало бы. Удивленіе наше было бы тѣмъ болѣзненнѣе, что мы не могли бы сказать, будто отъ того потерпѣла вообще обработанность нашего края; напротивъ, мы должны были бы сознаться, что въ то же самое время земледѣліе начало процвѣтать и очевидно вступило въ область рѣшительнаго развитія.

Край нашъ еще весьма мало населенъ. На протяженіи 2215 кв. миль, составляющемъ поземельную область Королевства, въ непродолжительномъ времени могло бы поселиться, сравнительно съ нынѣшнимъ, въ два раза большее число жителей. Въ пограничной нынѣ Силезіи считалось въ 1867 году на 731 кв. милю 3,586,000 жителей; слѣдовательно, въ такой же пропорціи въ нашемъ Королевствѣ могло бы ихъ быть 10,866,000, тогда какъ въ 1866 году у насъ не было ихъ болѣе 5,349,000. До какого числа можетъ достигать населеніе при хорошихъ условіяхъ мѣстнаго сельскаго хозяйства, осуществленіе которыхъ не превышаетъ способностей Нѣмецкаго племени, доказываетъ намъ, не слишкомъ отдаленное отъ насъ, Королевство Саксонское, въ которомъ на 272 кв. миль насчитываютъ 2,423,000 жителей, по 8,910 на 1 кв. милю. Достаточно сказать, что одна теперешняя Варшавская Губернія занимаетъ пространство, равное пространству всего Саксонскаго Королевства, тогда какъ все населеніе ея составляетъ не болѣе 816,000 человекъ, включая сюда и Варшаву съ 180,000 жителей. ** Разсчитывая по Саксонской мѣркѣ, у насъ могло бы быть до 20 милліоновъ населенія!

Мы видимъ, какъ много у насъ мѣста для тѣхъ, кто пожелалъ бы прійти къ намъ и поселиться между нами. Не понимаю, отъ чего бы Пруссіи, по достиженіи округленія своихъ границъ на востокъ,

** G. Kolb Handbuch der vergleichenden Statistik. 4 Auflage. Leipzig, 1871.

чего она издавна желала въ тѣхъ странахъ, не употребить всѣхъ тѣхъ средствъ заселенія, какими она располагаетъ въ настоящее время, стоя во главѣ всѣхъ Нѣмцевъ. Не забудемъ, сколько въ настоящее время выѣзжаетъ ежегодно Нѣмецкихъ выселенцевъ въ Америку. Въ одной Нью-Йоркской пристани высадилось ихъ: въ 1866 году 106,000; въ 1867 году 117, 591; въ 1868, 101,989; въ 1869 101,571. И съ какими трудностями и опасностями сопряжено столь отдаленное путешествіе! На 500 отплывающихъ обыкновенно одинъ умираетъ въ пути. А сколькихъ еще это, столь трудное и опасное, плаваніе воздерживаетъ отъ переселенія! Принявъ въ соображеніе означенныя числа, можно, полагаю, опасаться, чтобы области, отдѣльныя отъ Россіи, доставшись однажды въ Прусскія руки, не сдѣлались поприщемъ быстрого и чрезмѣрно мощнаго заселенія для чуждаго, но сильнаго, элемента, съ цѣлю обезпечить въ нихъ на всегда Нѣмецкое владычество, которое немедленно же было бы провозглашено стратегическою линіей, столько же важной для Имперіи на востокъ, какъ Эльзасъ и Лотарингія на западъ. Настоящее положеніе дѣлъ въ Великомъ Княжествѣ Познанскомъ можетъ дать только слабое понятіе о томъ, что насъ могло бы ожидать въ будущемъ. Можно скорѣе сказать, что оно не дастъ намъ никакого понятія, по той причинѣ, что правительство, столь разумное и осторожное, каково Прусское, навѣрное еще не разоблачило въ Познанской области тѣхъ батарей онѣмеченія, которыя оно держитъ въ запасъ про тотъ случай, когда силою, или ловкимъ поворотомъ, оно подведетъ насъ подъ ихъ вѣрный огонь.

Мы видимъ, къ какому знаменателю приводится то, столь справедливо желательное для насъ, Европейское образованіе, которое Пруссаки непремѣнно принесли бы къ намъ, только, къ несчастію, не для насъ. Мы видѣли бы его вокругъ себя; на каждомъ шагу у насъ была бы возможность оцѣнить его достоинства и пользу; но, какъ племя, мы были бы только зрителями его, а не участниками. Прошу обратить вниманіе: я говорю, что въ этомъ положеніи мы были бы какъ племя: безъ сомнѣнія, извѣстному числу самолично-стей, отдѣльно взятыхъ, могло бы быть въ этомъ новомъ порядкѣ вещей очень хорошо, даже какъ нельзя лучше; но изыятія не опредѣляютъ истиннаго характера событій. Какъ племя, повторяю, и какъ племя Польское, мы удостовѣрились бы въ самомъ непродолжительномъ времени, что, какъ прежде не было уже для насъ мѣста въ, такъ называемомъ, Европейскомъ концертѣ, такъ и впредь не будетъ его

и въ челоѣчествѣ. Самое лучшее въ этомъ случаѣ послѣдовать примѣру Американскихъ краснокожихъ, и—вымереть какъ можно скорѣе.

Быть можетъ, кто либо укоритъ меня въ томъ, что я преувеличиваю. Въ такомъ случаѣ я предложу ему проѣхаться по нѣкоторымъ, прежде бывшимъ, Славянскимъ землямъ, населеннымъ теперь Нѣмецкимъ племенемъ и напоминающимъ одними названіями нѣсколькихъ мѣстностей прежнюю свою къ намъ принадлежность. Пусть взглянетъ онъ хотя бы на Вендовъ, господствовавшихъ когда-то надъ Лабою, а теперь, въ прежнихъ своихъ Драждянахъ, нынѣшнемъ Дрезденѣ, пользующихся всего четырьмя проповѣдями въ годъ на своемъ языкѣ.²³

Не огорченіе подсказываетъ мнѣ настоящія мысли. Я далекъ отъ того, чтобы упрекать Нѣмцевъ за окончательное подавленіе народности у означенныхъ Славянъ; далекъ также и отъ того, чтобы читать имъ наставленіе за готовность ихъ при случаѣ сдѣлать и съ нами то же самое. Процессъ этотъ такъ естественъ въ исторіи челоѣчества, какъ въ физическомъ мірѣ любой процессъ химическаго разложенія. Болѣе сильное племя приходитъ къ племени менѣе сильному: съ этой самой минуты начинается между обоими борьба за существованіе, борьба глухая, невидимая, возникающая весьма естественно, безъ вызова, безъ хвастовства, и, что всего замѣчательнѣе, безъ жесткости въ сердцахъ, хотя иногда и это случается. Она бываетъ болѣе, или менѣе, продолжительна и завершается, какъ всякая борьба за существованіе, возникающая въ различныхъ геологическихъ эпохи между разными существами и новыми условіями жизни на землѣ: поборются нѣсколько съ ними, и наконецъ навсегда распрощаются съ землею. Впрочемъ, неблагоприятно и роптать на то, что составляетъ естественный процесъ. На столько, однако же, неблагоприятно

²³ Быть можетъ, не всякому читателю извѣстно, какимъ Польскимъ языкомъ въ Восточной Пруссіи обращаются теперь къ народу газеты, назначенныя для сего употребленія. Вотъ нѣсколько строкъ, извлеченныхъ изъ «*Pruskiego Przyjaciela Ludu*», издающагося еженедѣльно въ Кенигсбергѣ. «*Na żądanie ministra wojskowego, od ministra od handlu w Berlinie wydano, że gdy teraz rekruci do wojska osadzającego Francyi mają być prowadzeni, tedy nie mają używać wozów, któremi zwyczajnie wożeni będą; ale wszystkie wozy mają być jak one wozy, któremi podróżnych na trzeciej klasie wożeni bywają. Zostało to dla zimna urządzone; bo one wozy dla wojska są nie jak wozy, któremi się dóbr wozi, tylko że w nich ławki są.*» (Крѳлевецъ, Пятекъ, 12 Января, 1872 року, No 2. *Przyjaciel Ludu* wychodzi w Piątek, роѣarkusza teęi (отѣмъ хотѣлъ сказать: «*ein starker halbe Bog«n*»). Газета печатается Готическими буквами.

и готовить добровольно почву для такихъ событій, въ слѣдствіе которыхъ означенный естественный процессъ неминуемо долженъ начаться. Усматривая изъ исторіи, что Нѣмцы, гдѣ бы они ни были между Славянами, истребляли послѣднихъ въ конецъ, я не могу такъ далеко простираеть предрасудковъ собственной родовой привязанности, чтобы не признать, что Нѣмецкое племя въ борьбѣ за существованіе несомнѣнно превышаетъ насъ. По этой причинѣ я не перестаю уважать это племя, не перестаю цѣнить его услуги по отношенію къ человечеству, но говорю самому себѣ, что намъ, Славянамъ, было бы чистымъ съумасшествіемъ и непростительною дерзостію стремиться подъ его владычество, а не пролить скорѣе послѣднюю каплю крови, для спасенія отъ него, пока еще возможно, послѣдующихъ поколѣній. Мы можемъ быть болѣе слабымъ племенемъ; ѿ едположимъ, что мы именно таковы; но слабѣе ли мы, или равны, мы всегда въ правѣ оборонять нашъ бытъ и, на сколько можемъ, оборонять его должны.

Правда, что совершающееся въ химическомъ процессѣ мгновенно, въ процессѣ историческомъ осуществляется цѣлыми вѣками. Однако же, считаю излишнимъ доказывать, чтобы это могло поколебать значеніе выше приведенныхъ основаній, и что предоставить себя процессу неизбежнаго уничтоженія, хотя бы оно могло воспослѣдовать въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, въ той надеждѣ, что наши преемники какъ ни будь выпутаются изъ этой опасности, было бы дѣйствиетъ столь же безразсуднымъ, какъ и умышенное вложеніе руки въ зубчатое колесо дѣйствующей машины, въ той надеждѣ, что какую ни есть случайностію удастся вынуть ее невредимую. Когда съумасбродный расчетъ не осуществится, на кого же тогда пенять: на машину, или на себя?

Предвижу еще одно возраженіе. «Напрасно, могутъ мнѣ сказать, напрасно сочинитель доказываетъ намъ необходимость потери народности подъ главенствомъ Нѣмецкаго племени. Мы знаемъ это; но, выбирая между потерей народности въ Русскомъ направленіи и въ направленіи Нѣмецкомъ, мы выбираемъ обдуманно послѣднюю. Мы примемъ Нѣмецкую образованность какъ превосходящую всѣ другія въ настоящее время, и будемъ ею довольны.»

Если бы меня спросили, что я отвѣчу на это, я началъ бы отрицаніемъ того, чтобы на одни вѣсы можно было класть потерю народности въ Нѣмецкомъ направленіи съ утратою ея въ направленіи Русскомъ. Первое изъ нихъ составляетъ дѣйствительную опасность, угрожающую каждому Славянину, при извѣстномъ стеченіи изложен-

ныхъ выше обстоятельствъ. Второе есть не иное что, какъ то, что въ логикѣ называется сущностью мнимою (*être de raison*). Этому безсодержательному предположенію разума ни что не соотвѣтствуетъ въ природѣ, по тому что Русская и Польская народности суть двѣ отрасли одного Славянскаго племени; слѣдовательно, между ними находится столько сродства, столько общихъ соковъ; что онѣ ежеминутно могутъ одна съ другою соединяться, не насилуя своей природы. Примѣры этому мы видимъ на каждомъ шагу, или на Русскихъ, прожившихъ между нами извѣстное время, или на Полякахъ, брошенныхъ судьбой въ сплошное Русское населеніе. Въ насильственномъ принужденіи одной изъ этихъ народностей къ принятію извѣстныхъ особенностей другой нѣтъ ничего общаго съ процессомъ естественныхъ, не вынужденныхъ, совокупленій между ними. На сколько принудительныя средства возбуждаютъ на этомъ поприщѣ отвращеніе и раздраженіе, на столько же, въ согласіи съ законами природы, дѣло осуществляется кротко и незамѣтно. Въ собственной нашей исторіи есть подобный примѣръ. Когда Литва соединилась съ Польшею, въ первой изъ нихъ былъ въ общемъ употребленіи Русинскій ²⁴ языкъ, составляющій, какъ извѣстно, среднюю отрасль между Русскимъ и Польскимъ. Минуло нѣсколько вѣковъ, и вся Литва говорила уже по Польски. ²⁵ Можно ли назвать это утратою народности Литвы? Если бы Литва соединилась въ то время не съ Польшею, а съ Москвою, то, по прошествіи нѣсколькихъ вѣковъ, точно также и Литва говорила бы по Русски, или же высшее Русское общество по Русински, смотря по тому, на которой сторонѣ изъ этихъ двухъ обществъ былъ бы перевѣсъ. Положа руку на сердце, скажемъ: можно ли назвать это утратою народности Литвы, или Россіи, въ томъ, однако же, предположеніи, что процессъ совершился бы тоже естественно, непринужденно, по собственному влеченію, ²⁶ какъ между Литвою и Польшею? Но предположимъ, что Литвою овладѣли бы Крестоносцы, какъ это

²⁴ Отъ чего же не Польско-Русскій, какъ выражается о Бѣлорусскомъ нарѣчій Литовская шляхта? Но и это невѣрно, по тому что языкъ этотъ—языкъ книжно-Русскій того времени и той среды, въ который со временемъ стали прижизивать изъ Польскаго тѣ изъ писателей, кто желалъ блеснуть знаніемъ польскаго, или же ополчивавшіеся по немногу.

²⁵ Примѣръ выбранъ очень дурно: приличнѣе было сослаться на Эльзасъ, а не на Литву, оподичевъе которой совершилось рядомъ неслыханныхъ обмановъ и насилій.

²⁶ Извѣстно, каково это естественное влеченіе Литвы къ Польшѣ.

могло быть въ XIII, или XIV, вѣкахъ. Въ такомъ случаѣ высшее Литовское общество приняло бы Нѣмецкую образованность, а низшія слоевія низошли бы на степень какихъ ни будь Кашубовъ и были отрѣзаны отъ высшихъ общественныхъ слоевъ и, слѣдовательно, отдѣлены непроходимую пропастью и отъ всего міра. Пусть читатель сообразитъ, былъ ли бы подобный оборотъ дѣлъ полезенъ для Литвы? ²⁷

Нѣтъ ничего хуже, когда высшее сословіе дѣлается представителемъ образованности, не имѣющей ничего общаго съ образованностью низшихъ сословій. Тогда является у общественнаго тѣла недостатокъ тысячи проводниковъ, при посредствѣ которыхъ живительные соки могли бы проникать изъ однихъ слоевъ въ другіе, приносящіе сверху постоянно большій лоскъ низшимъ, и въ то же время доставляя снизу неистощимый запасъ естественной свѣжести и здоровья высшимъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ въ Литвѣ и на Руси высшее сословіе говорило по Польски, а низшее по Русински. Ни одинъ добросовѣстный судья не скажетъ, что такое положеніе ²⁸ дѣлъ было неправильно и вредно образованію. Посмотримъ же на Балтійскія Губерніи. Тамъ мы видимъ земледѣльческое населеніе, состоящее на половину изъ Эстовъ, а на половину изъ Латышей; сверху дворянство и мѣщане, какъ представители исключительно Нѣмецкой образованности; въ срединѣ же пропасть и, къ несчастію, пропасть постоянно расширяющаяся. Раздраженіе, споры, постоянное опасеніе: вотъ внутреннее состояніе этого общества! Какая же отъ этого польза образованію и человечеству? И что выгадало это несчастное сельское населеніе отъ порабощенія его племенемъ, пришедшимъ въ страну съ несомнѣнно высшимъ образованіемъ, и сперва заведшимъ въ ней безспорно лучшее устройство, а въ настоящее время оставшимся тѣмъ же, чѣмъ оно было во время завоеванія, т. е., высшимъ и чуждымъ? Какая же польза отъ того, что Нѣмецкая образованность заключаетъ въ себѣ неисчерпаемая сокровища для образованія человѣческихъ обществъ и отдѣльно каждаго человѣка, во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ, когда нѣтъ тѣхъ путей и каналовъ, при посредствѣ которыхъ она могла бы проникать въ нижніе слои?

²⁷ Подъ Литвою тутъ, выше и ниже, слѣдуетъ вездѣ разумѣть не собственную Литву, а Великое Княжество Русско-Литовское.

²⁸ Положеніе было и неправильно и вредное, по тому что Русскіе, Бѣлоруссы и Литвины, были обращены Поляками въ хозяйственные орудія, подобно тому, какъ Нѣмцы обратили въ такихъ же бессловесныхъ животныхъ обитателей Балтійскаго побережья.

Собственно у Нѣмцевъ самое существованіе племеннаго общенія низшихъ сословій съ высшими, при распространенной нынѣ грамотности, даетъ во всякое время крестьянину доступъ къ богатствамъ отечественной литературы и, такъ сказать, удерживаетъ его въ настоящемъ единеніи съ народнымъ духомъ. Но что было бы съ несчастнымъ Польскимъ, народомъ, и вообще со Славянскимъ простолюдиномъ, если бы на него нагрянулъ сверху совершенно чуждый ему элементъ? Мнѣ кажется, изъ того, что большая, или меньшая, частичка насъ, принадлежащихъ къ образованному разряду, легко могла бы (да и легко ли еще?) соединиться съ Нѣмецкимъ племенемъ, какъ представителемъ образованности, которой мы такъ жаждемъ, что изъ того еще не слѣдуетъ, чтобы образованность вообще выиграла, и чтобы мы своимъ переходомъ къ онѣмеченію оказали ей большую услугу. Напротивъ, приобретаемая личную умственную и экономическую пользу измѣной интересу сословій низшихъ, естественными защитниками котораго Провидѣніе насъ поставило, мы оказали бы весьма горькую услугу постепенному облагороженію массъ, дѣлу, во стократъ болѣе важному въ экономіи развитія человѣчества, чѣмъ всякое личное исключительное совершенствованіе.

Нѣтъ сомнѣнія, образованность принадлежитъ къ высшимъ цѣлямъ, составляющимъ предметъ любви и служенія человѣка. Но именно по тому, что, будучи истиннымъ благомъ, слѣдовательно, тѣмъ, чего предвѣчная Благость никого не лишаетъ, она не можетъ, не должна, быть добываема съ очевидною обидою человѣчества вообще; а будучи приобретена лично, цѣною отступничества отъ дѣла массъ, она перестаетъ быть даже нравственною заслугою.

Въ началѣ настоящаго отдѣла мы указали, какимъ образомъ и изъ какихъ причинъ возникли въ нашемъ обществѣ извѣстныя Прусскія вліянія. Пусть же нынѣ каждый, имъ сочувствующій, самъ цѣнитъ ихъ по достоинству!

V.

Переходя, по очереди, къ разбору предположенія или, правильнѣе говоря, нѣсколькихъ предположеній, построенныхъ на основаніи присоединенія нашего, со временемъ, къ политическому хаосу, волнующемуся пока надъ Лейтой, я долженъ предупредить, что мы вступаемъ въ тѣ сферы, на порогѣ которыхъ невольно сталкиваешься съ вопросомъ: «Есть ли это произведеніе холоднаго разсудка, или одной фантазіи?» Ежеминутно будемъ мы испытывать здѣсь непріятное ощущеніе

ускользающей изъ полъ ногъ земли, хожденія какъ сы по облакамъ, носящимся въ неясныхъ направленіяхъ и принимающихъ постоянно новыя формы.

То, что манить насъ въ ту сторону, представляется нашему воображенію то подобіемъ какой-то миниатюрной Польши съ Габсбургами на престолѣ, то зарею политическихъ созданій совершенно новаго рода, т. е., соединенія народовъ, на первое время тройственнаго, Польско-Чешско-Угорскаго союза, то, наконецъ, какъ тѣло соединившихся Славянскихъ народовъ, но съ Нѣмецкою душою, изъ Вѣны дающею повелѣнія разноязычной периферіи. Твореніе это должно получить предназначеніе, не составляющее ни для кого тайны, даже для самихъ Славянъ, движенія Нѣмецкаго племени на Востокъ.²⁹

Уже одна послѣдняя перспектива, одна тѣнь подобія, что, въ данномъ случаѣ, можетъ осуществиться такое предположеніе, въ которомъ насъ ожидала бы простая роль кондотьеровъ въ службѣ чуждаго племени, должна быть достаточною для того, чтобы мы съ отвращеніемъ отвернули глаза отъ проектовъ, могущихъ такимъ образомъ затормозить наше будущее. Такъ, безъ сомнѣнія, и случилось бы, если бы насъ, такъ сказать, не околдовали двѣ весьма знаменательныя идеи, ради которыхъ мы легко забываемъ о прочемъ. Идеи эти уваженіе къ вѣрѣ и уваженіе къ народности. Мы говоримъ себѣ: «Россия не уважаетъ у насъ ни той, ни другой, а, можно надѣяться, что и та и другая будутъ уважаемы со стороны Австріи; приступимъ же, — какъ быть! — приступимъ съ горя, хотя бы и къ такому Австро-Славянскому наслоенію (агломерациі), въ которомъ Славянство останется при Австро-Нѣмецкомъ корнѣ.» Въ какой степени подобное умствованіе можетъ выдержать критику, мы это сейчасъ же увидимъ.

Что касается самобытной Польши, но въ миниатюрѣ, то мы должны отдать себѣ справедливость, что вообще призрачныя мечты этого соображенія не слишкомъ отуманиваютъ наши головы. Напротивъ, кажется, всѣ мы болѣе, или менѣе, не безъ извѣстнаго тревожнаго чувства, думаемъ о политической и экономической будущности, которая ожидала бы это микроскопическое произведеніе. Что мы всегда были бы на чужой милости; что мы ежеминутно, противъ нашего желанія, могли быть втянуты въ интересы могущественныхъ

²⁹ См. выше на 21-й страницѣ во 2-мъ (19-мъ) примѣчаніи.

сосѣдей, въ слѣдствіе чего снова поплатиться нашимъ политическимъ бытомъ; что, при отсутствіи какого либо значенія извнѣ, у насъ были бы даже во внутренней политикѣ нашей постоянно связаны руки тѣми отношеніями, какія мы обязаны были бы сохранять съ нашими сосѣдями, въ особенности тѣми, у которыхъ остались частицы нашего прежняго отечества; что намъ ежечасно приходилось бы испытывать униженіе; что мы не всегда, быть можетъ, умѣли бы снести его согласно съ мирнымъ, обязательнымъ для насъ, положеніемъ, а, слѣдовательно, могли бы повергнуть нашъ край превышающимъ наши силы бурямъ, во всемъ этомъ у насъ убѣждено большинство. Если бы кто до настоящаго времени и глядѣлъ еще въ этомъ отношеніи на дѣла и не такъ мрачно, тотъ, прочитавъ недавно обнародованныя записки Нѣмцевича относящіяся къ временамъ Герцогства Варшавскаго, конечно, мысленно сказалъ себѣ: «Вотъ та доля, которая болѣе, или менѣе, ожидала бы и нынѣ миниатюрную самобытную Польшу!» У нея, поставленной между тремя такими военными силами, каковы: Россія, Австрія и Сѣверная Германія, какъ нѣкогда Герцогство Варшавское, непремѣнно былъ бы покровитель, отъ котораго она не могла бы избавиться, если бы даже и пожелала; судьба его, въ особенности судьба злосчастная, отражалась бы и на ней. Впрочемъ, для полноты картины положенія, слѣдуетъ присовокупить, что будущность нашего, хотя и небольшого, края, представляется иногда нѣкоторымъ изъ насъ въ совершенно другихъ краскахъ. Ни что такъ не вводитъ въ заблужденіе, какъ названіе предметовъ, въ особенности, когда эти названія переносятся съ однихъ на другіе. Такъ какъ мы были бы малы, то и говоримъ себѣ иногда, что мы были бы второю Бельгіею; а такъ какъ Бельгія, хотя и мала, безспорно пользуется большимъ благосостояніемъ, то, слѣдовательно, и мы были бы счастливы. Это всесторонняя ложь. Чтобы сдѣлаться Бельгіею, недостаточно быть малымъ. Нужно обладать подобнымъ же географическимъ положеніемъ, доступомъ къ Океану и всѣми данными, необходимыми для извлеченія пользы изъ этого доступа. Нуженъ такой же покровитель, какимъ для Бельгіи до сихъ поръ была Англія, на бдительность котораго можно бы всегда полагаться и дурныхъ намѣреній котораго никогда не слѣдовало бы опасаться; нужно бы превосходить страну, отъ которой мы отдѣлились, населеніемъ и вообще матеріальными силами, въ такой, по крайней мѣрѣ, саразмѣрности, въ какой Бельгія превосходитъ Голландію (по переписи 1859 г.: въ первой находится 4,800,000, а во второй 3,200,000 жителей). Между тѣмъ малая Польша была бы болѣе, чѣмъ въ десять

разъ слабѣе того государства, отъ котораго отложились бы, по стеченію какихъ-то особенныхъ обстоятельствъ, противъ его воли, и даже съ униженіемъ народной его гордости. Итакъ это сопоставленіе съ Бельгіей скорѣе можно назвать мечтою, чѣмъ хладнокровнымъ расчетомъ. Тотъ оскорбилъ бы нашу народную мысль, кто предполагалъ бы, что слабость означеннаго сравненія не извѣстна ей въ большей части очень хорошо. Стало, существенное въ глубинѣ этой мысли, если выбросить изъ нея болѣе, или менѣе, мечтательная предположенія и надежды, можно очертить однимъ словомъ: боязнь. Не смотря на это, небольшой, окруженный тысячами опасностей, но собственный, кусокъ земли не перестаетъ быть желаннымъ для насъ исходомъ изъ настоящаго положенія, по тому что мы говоримъ себѣ также точно, какъ и тогда, когда думаемъ о скученіи Славяно-Австрійскомъ. Будемъ, по крайней мѣрѣ, на этомъ маломъ кускѣ земли обладать обезпеченною вѣрою и народностью; что окончателно, по этой одной причинѣ, мы довольствовались бы и наименьшею, лишь бы своею собственностью. Нужно основательно разобрать стремленія и надежды наши, если желаемъ ясно видѣть, куда мы идемъ и чего ищемъ. Въ своемъ мѣстѣ мы подробно рассмотримъ вопросъ касательно религіознаго спокойствія и народности; теперь же намъ остается просить читателя оставить пока въ сторонѣ сопоставленіе окончателнаго мнѣнія и относительно вопроса, о которомъ мы разсуждали съ нимъ здѣсь.

Остается третье соображеніе, состоящее, какъ мы видѣли, въ слѣдующемъ: союзъ (федерация) Польско-Чешско-Угорскій, или вообще союзъ Юго-Западныхъ Славянъ между собою и Уграми, подъ общимъ скипетромъ Габсбургскаго Дома. Это соображеніе, кромѣ того что, подобно двумъ предыдущимъ, не возмущаетъ насъ въ отношеніи вѣры и народности, привлекательно для насъ, съ одной стороны, тѣмъ еще въ особенности, что напоминаетъ наше соединеніе съ Литвой, осуществившееся нѣсколько сотъ лѣтъ назадъ, съ другой же открываетъ передъ нами въ будущемъ совершенно новую перспективу. Однихъ невольно, безсознательно, влечетъ прелесть новизны и большаго сближенія съ Западомъ; другіе, глубже вникая въ дѣло, видятъ его гораздо подробнѣе. Передъ ихъ глазами снуютъ величественные образы международныхъ съѣздовъ, совѣщаній, постановляющихъ приговоры о судьбахъ Славянства, постоянно возрастающее могущество соединенныхъ народовъ относительно остальнаго міра, слѣдовательно, и постепенно возрастающее вліяніе на всѣ дѣла земнаго шара; представляются выплывающіе изъ пристаней Адриатическаго моря Славянскіе

флоты и находящееся съ нимъ въ связи экономическое движеніе на всемъ пространствѣ края до отдаленнѣйшихъ уголковъ его. По истинѣ величественные виды! И кто осмѣлился бы утверждать, что это про сто вздоръ достойный лишь дюженныхъ за ней; кто сталъ бы поддерживать положеніе, будто однѣ благородныя души въ состояніи полюбить столь возвышенныя надежды? Что касается меня, сознаюсь, что хотя я во всемъ этомъ вижу, по несчастью, однѣ надежды, не могу, однако же, не воздать надлежащей дани высоконравственнымъ соображеніямъ, которыя одни могли возбудить ихъ. Если бы я не былъ убѣжденъ, на основаніи другихъ источниковъ, что подобная блестящая добыча можетъ ожидать насъ только на пути искренняго соединенія нашего съ Россією, я самъ бы подчинился обаянію будущности, являющейся въ такихъ образахъ.

Обращаю вниманіе читателя на то, что здѣсь я буду осуждать не выборъ цѣлей, но единственно недостатокъ расчета: есть ли какая либо возможность достигнуть этихъ цѣлей, расчитать не трудно: достаточно подвести итогъ двумъ колоссальнымъ затруденіямъ.

Затруднительность отнятія отъ Россіи если не всей, то большей части ея Славянскаго призванія (миссіи), затруднительность тѣмъ большая, что нельзя было бы и нравственно достаточно оправдать ея, по тому что изъ всѣхъ Славянскихъ народовъ одна Россія по настоящее время ощущала въ себѣ постоянство въ этомъ призваніи.

Затруднительность удержанія надолго натянутого и весьма щекотливаго устройства, каковымъ былъ бы даже при нашей жизни выше упомянутой союзъ народовъ, какъ это будетъ доказано ниже.

Итакъ изъ всего предыдущаго оказывается, что какой бы видъ ни приняли соображенія, склоняющія насъ на сторону Австріи, то, чѣмъ онѣ насъ привлекаютъ, сводится къ тремъ большимъ побужденіямъ, каковы:

Убѣжденіе, что вѣра наша будетъ уважаема.

Убѣжденіе, что на столько же и народность наша будетъ уважаема.

Надежда, что союзническія формы дадутъ намъ возможность еще разъ сыграть блестящую роль въ исторіи человѣчества.

Не остается ни чего болѣе, какъ подробно разобрать каждое изъ этихъ побужденій, и убѣдиться, какое представляется правдоподобіе для осуществленія надеждъ, заключающихся въ каждомъ изъ нихъ; ибо отъ степени ихъ правдопобія зависитъ вполне и степень логическаго оправданія всякаго съ нашей стороны сочувствія къ Австріи.

Послѣдуемъ этому плану.

Начну съ уваженія религiи.

Если мы не желаемъ отуманивать самихъ себя шумными словоизраженiями, то слѣдуетъ начать съ опредѣленiя, что мы понимаемъ подъ этимъ уваженiемъ: свободу ли совѣсти, или невозмутимую гармонiю между гражданскимъ правительствомъ и духовною властiю; или то и другое вмѣстѣ, если и на сколько таковыя могутъ согласоваться между собою.

Свобода совѣсти есть, безъ сомнѣнiя, наибольшее благо человѣка, и для него онъ можетъ все принести въ жертву. Въ настоящее время значенiе этого блага прiобрѣтаетъ болѣе обширное и основательное значенiе какъ между государственными людьми, такъ и между народами, стремящимися къ преусибианiю; можно сказать утвердительно, что за нѣсколько лѣтъ въ Европѣ не будетъ мѣста, гдѣ бы означенная свобода не была принята подъ покровительство общественнаго закона. Подождемъ немного: свобода совѣсти будетъ для насъ и въ Россiи, хотя, быть можетъ, она уже была бы у насъ, если бы мы сами, постояннымъ стремленiемъ разорвать соединяющiя насъ узы, не помѣшали спокойному развитiю общественной жизни въ этомъ государствѣ. Наилучшимъ доказательствомъ тому служить обнаруживающееся въ средѣ самихъ Русскихъ стремленiе къ устраненiю исключительныхъ для ихъ вѣры гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, какъ не соответствующихъ Евангельскому духу ихъ Церкви. Любопытный читатель можетъ найти по этому предмету весьма важныя подробности въ недавно изданномъ сочиненiи одного изъ извѣстнѣйшихъ современныхъ Русскихъ писателей, Г. Самарина, подъ заглавiемъ: «Окранны Россiи. Серiя первая. Русское Балтiйское Поморье,»³⁰ которое предлагаю его вниманiю. Въ этомъ сочиненiи читатель найдетъ самое лучшее доказательство того, какiе необыкновенные успѣхи въ политическомъ просвѣщенiи дѣлаетъ этотъ родственнiй намъ народъ съ той поры, какъ воля великодушнаго Монарха вывела его на дорогу приснопамятныхъ преобразованiй. Кромѣ извѣстныхъ ограниченiй свободы совѣсти,³¹ существуютъ еще въ Россiи, въ особенности съ 1864

³⁰ Берлинъ, 1871.

³¹ Кажется, рѣчь идетъ о служебныхъ преимуществахъ, какими пользуются у насъ привилегированныя сословія. Но сочинитель забываетъ, что почти все шляхта, и даже титулованная, сама сфабриковала себѣ документы и, при помощи ихъ, готова зайти въ служебныя отрасли.

года, извѣстныя распоряженія, лишающія исповѣдующихъ Римско-Католическую вѣру Поляковъ нѣкоторыхъ политическихъ и гражданскихъ правъ. Болѣзненно испытывая ихъ тяжесть, мы, по обыкновенію, относимъ ихъ тоже къ числу преслѣдованій религій, которымъ подвергаемся. Огорченіе лишаетъ насъ возможности различать въ этомъ, какъ бы слѣдовало, послѣдствія отъ цѣли. Въ сущности означенныя распоряженія дѣйствительно направлены у насъ противъ Католиковъ, но задача ихъ преслѣдовать не Католиковъ, а Поляковъ,²² какъ стихію, упорно непріязненную цѣлости Имперіи. Ни въ одномъ здоровомъ обществѣ правительство не любезничаетъ съ отщепенцами (сепаратистами), отступниками (сецесіонистами) и не усыпаетъ имъ пути цвѣтами. Если бы мы были послѣдователями Буддизма, или поклонниками огня, а не Католиками, тѣ же распоряженія, которыя мы видимъ направленными теперь противъ Католиковъ-Поляковъ, были бы направлены и противъ Польскаго поклоненія огню, или Польскаго Буддизма, а Католицизмъ, какъ не находящійся ни въ никакомъ соотношеніи съ Полонизмомъ, былъ бы оставленъ въ покоѣ. Слѣдовательно, собственно мы, нашими политическими заблужденіями, навлекаемъ преслѣдованіе на Католицизмъ въ Россіи. Для положенія преграды этому гнету нѣтъ надобности обращать наши вздохи къ Австріи: достаточно было бы искренне примириться съ Россіею, представивъ ей дѣйствительное ручательство, что съ настоящаго времени мы не хотимъ и помышлять о другой будущности, кромѣ общей для обоихъ народовъ. Это гораздо скорѣе и вѣрнѣе привело бы къ цѣли.

Итакъ замѣтимъ, что свободы совѣсти можно бы достигнуть и не подъ Австрійскимъ только скипетромъ; что основаніе ея находится въ воздухѣ современной гражданственности, и что на проведеніе ея въ жизнь въ Россіи мы сами могли бы вліять въ значительной мѣрѣ, если бы въ самомъ дѣлѣ мы этого такъ горячо и такъ искренне желали, какъ и желать стоитъ. При этомъ мы могли бы откровенно признаться, по чему ея у насъ до сихъ поръ нѣтъ.

Что касается гармоніи между свѣтскимъ правительствомъ и духовною властью, то прежде всего мы приходимъ къ тому заключенію, что какъ всякая вообще гармонія, такъ и эта, можетъ быть слѣдствіемъ единственно обоюдной доброй воли и благопріятныхъ обстоятельствъ. Ни одно государство въ свѣтѣ не въ состояніи поручиться

²² И, можетъ быть, поддѣльщиковъ.

за ненарушимое сохраненіе, въ одинаковой степени, тѣхъ отношеній, которыя, по своей природѣ, могутъ быть ежедневнымъ слѣдствіемъ ежедневныхъ же отношеній заинтересованныхъ сторонъ. Гармонія между гражданскою и духовною властями, существующая сегодня въ извѣстномъ государствѣ, завтра можетъ, въ слѣдствіе тѣхъ, или другихъ, обстоятельствъ, измѣниться въ дисгармонію, а послѣ завтра обратиться снова въ гармонію. Есть примѣры, что нежатолическія правительства живутъ въ наилучшемъ согласіи съ Католическою Церковью; есть также примѣры гражданскихъ правительствъ, стоящихъ во главѣ Католическихъ народовъ, нерѣдко впадающихъ въ непріязненное отношеніе, даже очень рѣзкое, или къ мѣстной Епископской власти, или же, соединясь съ нею, къ Римской Куріи. Такъ было во время извѣстнаго въ исторіи оповѣщенія (деклараци) Галлванскихъ Епископовъ, оповѣщенія, въ которомъ, въ пользу гражданского правительства, игралъ весьма дѣятельную роль самъ Боссюетъ, ревностнѣйшій и краснорѣчивѣйшій защитникъ Католицизма, какъ догмата и ученія, противъ возникавшаго въ то время отступничества отъ Католичества. Наконецъ, за чѣмъ ходить далеко? У насъ есть подъ рукою примѣръ, въ той же Австріи, на которой нѣкоторые основываютъ свои надежды. Всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ Вѣнскій Кабинетъ не задумался уничтожить соглашеніе (конкордатъ) съ Римомъ, какъ только ему показалось, что этого требуетъ польза государства. Онъ рѣшился скорѣе стать въ открытое разногласіе съ мѣстною Епископскою властью и съ Римомъ чѣмъ отказаться отъ извѣстныхъ средствъ, которыя, справедливо, или нѣтъ, признавались необходимыми для того, чтобы вывести страну изъ тогдашняго затруднительнаго положенія. Правда, кто либо можетъ замѣтить мнѣ, будто извѣстно, что Австрія только временно идетъ по этому пути....³³ А что же въ политикѣ, спрошу я въ свою очередь, что и гдѣ не есть только временное?

Слѣдовательно, мы видимъ, какъ по немногу разсѣвается и сводится къ болѣе скромнымъ размѣрамъ шумное ученіе объ обезпеченіи (гарантіи) религіознаго спокойствія; ученіе, употребляемое поклонниками Австріи, какъ орудіе для привлеченія нашихъ сочувствій на ея сторону. Смотри хладнокровно на вещи, мы видимъ, что одна половина означеннаго спокойствія въ каждомъ человѣческомъ обществѣ зависитъ отъ хода событій, другая же отъ общаго направленія образованія. Что могло бы ожидать насъ, въ случаѣ приступленія нашего къ

³³ Точки въ подлинникѣ.

соединенію съ Австріей, сказать трудно, равно какъ и что то ожидаетъ насъ по отношенію къ событіямъ, въ настоящемъ соединеніи нашемъ съ Россією. Что же касается успѣховъ просвѣщенія и обезпеченія намъ плодовъ его, къ числу которыхъ, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ отнести и уваженіе правъ совѣсти, уваженіе каждаго соотношенія между Богомъ и человѣкомъ, да позволено мнѣ будетъ сказать всю правду: за этимъ нечего бѣгать къ другимъ; это пріобрѣтается у себя, дома, собственнымъ продолжительнымъ и усидчивымъ трудомъ.

Перейдемъ къ уваженію народности.

Всегда поражаетъ меня величайшимъ удивленіемъ та форма увѣренности, какую нѣкоторымъ нравится придавать положенію, яко бы Австрія, по крайней мѣрѣ, уважаетъ нашу народность, и въ то же время допускать, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, что все это соображеніе можетъ окончиться главенствомъ Нѣмецкаго племени, заправляющаго изъ Вѣны Славянскою периферією. Казалось бы, что въ этомъ случаѣ было бы далеко не излишнимъ принять въ расчетъ и Нѣмецкія пожеланія, могущія исполноволь выработаться въ Вѣнѣ, пожеланія по тому правдоподобныя, что задача такого рода соображенія состоитъ, по мнѣнію самыхъ же поклонниковъ ея, въ движеніи на Востокъ Нѣмецкаго племени, т. е., преобразивъ эту нѣсколько неполную формулу въ точную прозу: заселенія въ обширныхъ размѣрахъ Славянскихъ земель Нѣмцами. Что Вѣнское правительство не установитъ денежныхъ взысканій за употребленіе Польскаго языка, съ этимъ я могу согласиться. Не стану спорить и о томъ, чтобы оно могло когда либо воспретить ношеніе народной одежды. Допустимъ все это. Однако же, я рѣшаюсь утверждать, что для хорошо понятаго интереса нашей народности, не столь опасны денежные взысканія за употребленіе въ общественныхъ мѣстахъ Польскаго языка, какъ длинныя ряды фургоновъ, перевозящихъ Нѣмецкихъ переселенцевъ въ нашъ край, переселенцевъ, какъ доказываетъ опытъ, никогда уже не возвращающихся оттуда, куда они однажды забрались. Но объ онѣмеченіи нашего края и всякаго рода послѣдствіяхъ его мы въ предыдущемъ отдѣлѣ уже столько говорили, что было бы совершенно излишне входить здѣсь въ новыя по сему предмету разсужденія. Я обращаю вниманіе читателя единственно на то, что изъ всѣхъ путей, которые въ настоящее время предстоятъ Австріи, Нѣмецкое аерховенство едва ли не единственное средство спасенія для этого, разстроенаго въ самой основѣ, государства. Легко можетъ случиться, что Вѣнское правительство, опершись, съ одной стороны, на

Нѣмецкую Имперію, а съ другой на Угрію, наконецъ скажетъ самому себѣ, что Славянъ слѣдуетъ взять въ ежевыя рукавицы: предоставить одну ихъ часть на жертву Мадырамъ, другую же, на сколько можно большую, преподнести Нѣмцамъ. Подобно тому, какъ были Западная и Восточная Римская Имперія, можетъ возникнуть Западное и Восточное Нѣмецкія Государства, съ союзникомъ на крайнѣ, Мадырскимъ народомъ.. ³⁴ Не станемъ же сами, по крайности, помогать этому.

Въ иныхъ соображеніяхъ соединенія нашего съ Австріей, опасеніе онѣмеченія теряетъ свое значеніе; за то выступаютъ на сцену Русины. По чему бы они не могли выступить съ своими заявленіями относительно народности, и при томъ тогда, когда дѣло завершилось бы Славяно-Угорскою конфедераціею? Гдѣ конфедерація народовъ, тамъ и выслушиваніе пожеланія каждаго изъ нихъ. Предоставимъ ли мы дѣло голосованію? Можемъ не получить большинства голосовъ; а если и получили бы, то и въ такомъ случаѣ не послѣдуетъ соглашенія между двумя станами; напротивъ, при первой же случайности споръ возобновится. Въ федерации, навѣрное, не мы, слабые, будемъ составлять краеугольный камень. Мы забываемъ, что въ наши времена конфедерація отдѣльныхъ самостоятельныхъ обществъ, возможная только при особенныхъ обстоятельствахъ, подготовленныхъ самою исторіею тѣхъ обществъ, и тутъ еще допускаетъ не иначе осуществить себя, съ помощію признанія главенства за однимъ изъ сконфедерованныхъ народовъ, или правительствъ, какъ это Нѣмцы и сдѣлали; или, по крайней мѣрѣ, при помощи такого рода устройства, какому подчинились Швейцарскіе кантоны по усмиреніи Зондербунда. Если бы могла образоваться какая ни будь конфедерація Угро-Славянская, главенство союза досталось бы Мадырамъ. Депутаты, избираемые непосредственно въ федеративную палату, на всемъ пространствѣ союза, вѣроятно, должны были бы сѣзжаться въ Пешть, такъ же какъ теперь Нѣмецкіе депутаты сѣзжаются въ Берлинъ. Но эти послѣдніе хотя и сѣзжаются съ разныхъ сторонъ: изъ Баваріи, Виртемберга, Бадена и т. д., собравшись вмѣстѣ, не встрѣчаютъ, по крайней мѣрѣ, ни какихъ язычныхъ затрудненій. Всѣ они Нѣмцы, имѣющіе одинъ общій языкъ Нѣмецкій, благодаря своевременному забвенію особыхъ его нарѣчій. Мы же, собравшись въ Угорской столицѣ изъ Польши, Чехіи, Сербіи, Хорватіи,

³⁴ Точки въ подлинникѣ.

Далматіи, Болгаріи и Богъ вѣсть еще откуда, быть можетъ, также изъ Румыніи, мы не видѣли бы себя дажо въ исключительно Славянской средѣ, и не могли бы вести между собою разговора на какомъ ни будь общемъ племенномъ языкѣ. Ни одного еще изъ отдѣльныхъ нарѣчій нашихъ мы не умѣли, или судьбѣ не угодно было, поднять на высоту общаго Славянскаго языка. На какомъ же языкѣ велись бы наши совѣщанія въ Пештѣ? На первое время, вѣроятно, на различныхъ.... ³⁵ Но этотъ многоязычный хаосъ, рано, или поздно, наобѣлъ бы всѣмъ донельзя, въ особенности Мадьярамъ, въ рукахъ которыхъ находилось бы кормило всѣхъ союзныхъ интересовъ.... ³⁶ Тутъ нѣтъ другого исхода: или разбродъ безсвязныхъ и спорныхъ стихій, предполагая, что Мадьяры не были бы въ состояніи употребить силу для удержанія ихъ въ тискахъ, или омадьяренія.... ³⁷

Дѣйствительно, въ томъ и другомъ случаѣ для насъ незавидные виды.

Да не введетъ насъ, сохрани Богъ, въ соблазнъ примѣръ Швейцарскихъ кантоновъ, употребляющихъ также разные языки и, не смотря на это, живущихъ между собою въ согласіи! Во первыхъ, каждому жившему въ Швейцаріи болѣе продолжительное время, извѣстно, что и тамъ есть противодѣйствіе въ средѣ составныхъ народностей, противодѣйствіе, которое во всякомъ другомъ импровизованномъ политическомъ твореніи уже давно разбило бы цѣлость въ дребезги. Но въ Швейцаріи есть общее преданіе, считающее за собою уже нѣсколько вѣковъ, установившіяся самимъ временемъ отношенія однихъ кантоновъ къ другимъ, и установившіяся въ такую пору, когда народныя противоположности нигдѣ еще не были возбуждены, какъ нынѣ; наконецъ, самое географическое положеніе приводитъ въ этой странѣ къ тому, что привязанность къ общему политическому быту получаетъ перевѣсъ надъ многими естественными отвращеніями племенъ. Къ этому слѣдуетъ присовокупить, что все противодѣйствіе въ Швейцаріи проявляется только въ язычномъ отношеніи, т. е., между Французскимъ и Нѣмецкимъ языками. Итальянскій Король почти стушевывается въ рѣчи Швейцарскаго населенія рядомъ съ означенными двумя корнями. Между тѣмъ Славяно-Мадьярской федераціи пришлось бы вѣдаться съ какою ни будь

³⁵ Точка въ подлинникѣ.

³⁶ Тоже точка въ подлинникѣ.

³⁷ Тоже точка въ подлинникѣ.

дожиною нарѣчій, при томъ такихъ, изученіе которыхъ, кромѣ прагматической пользы, но причинѣ существованія союза, въ смыслѣ образованія ничего бы не значило. Если каждый болѣе просвѣщенный Швейцарецъ старается знать, какъ Французскій, такъ и Нѣмецкій, языки, то изъ этого онъ извлекаетъ пользу не только въ своихъ домашнихъ Швейцарскихъ условіяхъ, но и въ отношеніи къ остальному образованному міру. Мы же, если бы вынуждены были учить нашихъ дѣтей Мадьярскому, Чешскому, Сербскому и другимъ нарѣчіямъ, не могли бы довольствоваться этимъ лишь, и не учить ихъ Нѣмецкому, или Французскому, языкамъ. А на все это, столь ненужное и въ такомъ большомъ объемѣ, ученіе, не стало бы у насъ и времени. Изъ этого мы видимъ, какая неосуществимая мечта не только конфедерація Мадьяровъ съ Славянами, но даже однихъ Славянъ, безъ принятія одного какого ни будь языка всеобщимъ, правительственнымъ, а, слѣдовательно, и обязательнымъ въ училищахъ на пространствѣ всего союза.

Въ одномъ случаѣ оказалось бы возможнымъ разсѣчь этотъ Гордіевъ узелъ, въ случаѣ возрожденія самобытной Польши, водвореніемъ въ ней монархическаго правленія. Оно одно было бы въ состояніи предписать категорически, на какомъ языкѣ должны производиться общественныя дѣла, недовольнымъ вмѣнить молчаніе въ строгую обязанность, и такимъ образомъ положить конецъ ненавистнымъ спорамъ. Но, повторяю, для этого мало было бы одной самостоятельной Польши: потребовалось бы еще самодержавное Польское правительство—два предположенія, изъ которыхъ каждое, взятое въ отдѣльности, принадлежитъ къ области мечтаній: а что сказать о той и другомъ въ совокупности! ³⁸

Обращаюсь теперь къ послѣднему вопросу: «Возможна ли и практична ли для насъ федерація съ Мадьярами и Южными Славянами

³⁸ Какъ мало еще развиты въ нашемъ обществѣ правительственныя инстинкты, доказывается одною, недавно изданною на нашемъ языкѣ, книжицей. Хотя сочинитель ея старается трезво смотрѣть на дѣло, но, коснувшись возможности восстановленія самобытной Польши, и признавая, что въ такомъ случаѣ слѣдовало бы оставить въ ней правленіе, облеченное диктаторскою властью, онъ присовокупляетъ: «на какіе ни будь 10 лѣтъ!» Десять лѣтъ! Едва ли и во сто лѣтъ окажется возможнымъ, и то при чрезмѣрной послѣдовательности, привить къ понятіямъ народа какое либо начало общественнаго порядка такъ прочно, чтобы оно съ того времени перешло какъ бы въ кровь народа и способно было постоять за себя.

сама по себѣ? «Федерация народовъ, слово, исполненное обаянія! Читатель уже знаетъ, какъ я уважаю столь обширные и основанные на этомъ гаданіи предначертанія; по тому не стану больше говорить относительно сихъ послѣднихъ. Въмѣсто того я исключительно займусь слѣдующимъ вопросомъ: «Возможна ли и прочна ли означенная федерация, долженствующая повести къ осуществленію столькихъ заманчивыхъ плановъ, взятая, какъ сказано мною выше, сама по себѣ?» Какая же польза отъ увѣренности достигнуть блестящихъ плодовъ, въ случаѣ проведенія извѣстнаго соображенія, если холодный разумокъ сперва долженъ сказать, что мы именно не въ состояніи осуществить этого соображенія?

Признаюсь, я долго колебался и долго соображалъ, пока пришелъ къ окончательному заключенію такого рода: ни врожденныя племенные свойства характера, ни степень политическаго и вообще человѣческаго образованія, не дѣлаютъ насъ въ настоящее время способными вынести означенную форму правленія. Слѣдуетъ принять во вниманіе, что въ такомъ случаѣ у насъ была бы самая изысканная политическая организація, какую только въ состояніи понять человѣчскій разумъ. Все мы знаемъ, что какъ въ развитіи органической жизни физическаго міра, такъ и въ развитіи формъ, принимаемыхъ съ теченіемъ времени политическими тѣлами, есть извѣстная послѣдовательность закона, разрушить который никто не въ правѣ. Если всякій переходъ общественной власти изъ состоянія менѣе опредѣленнаго къ состоянію болѣе опредѣленному свидѣтельствуетъ о чрезмѣрномъ успѣхѣ извѣстнаго общества въ политическомъ образованіи, то что же мы скажемъ о томъ совершенствѣ политическаго быта, когда уже не только внутреннія отношенія, но и отношенія внѣшнія, нѣсколькихъ обществъ вмѣстѣ взятыхъ, входятъ въ область самаго точнаго опредѣленія? Именно такая усовершенствованная форма политическаго быта есть, или правильнѣе говоря, должна быть, федерация народовъ, если она не будетъ принадлежать къ разряду тѣхъ прошедений минутнаго увлеченія, которыя не могутъ выдержать искуса времени. Представимъ себѣ собирательное тѣло, политическій организмъ, въ которомъ все держится однимъ высокимъ тактомъ составныхъ частей, покоится на хладнокровно условленныхъ, осторожно взвѣшенныхъ, вѣрно и съ умѣньемъ сохраненныхъ, уступкахъ, гдѣ на каждомъ шагѣ, дѣйствуя при посредствѣ представителей, слѣдуетъ держаться постановленнаго ими болѣе, чѣмъ своего собственнаго, сужденія, гдѣ восторженности предпочтается хладнокровіе и наущенію страстей испытанное преданіе, гдѣ дисциплина, въ

самомъ обширномъ значеніи этого слова, не только административная, но и политическихъ партій, дисциплина самоличной мысли играетъ еще болышую роль, чѣмъ въ обыкновенныхъ не конфедеративныхъ политическихъ организамахъ. Представимъ себѣ, говорю, собирательное тѣло такого рода, и спросимъ себя, могли ли бы мы добросовѣстно дѣйствовать въ его сферѣ, и долго ли мы выдержали бы эту роль? Наконецъ, если федеративная система, разсматриваемая сама по себѣ, примѣняемая съ умѣньемъ, безспорно должна быть отнесена къ числу возвышеннѣйшихъ построеній политическаго разума, то, при настоящемъ положеніи дѣлъ въ Европѣ, она не соответствуетъ требованіямъ времени. Лучшимъ доказательствомъ тому можетъ служить поворотъ къ возрастающему сосредоточенію власти въ тѣхъ краяхъ, въ которыхъ еще недавно все клонилось къ чистой федераціи, у Швейцарцевъ и Нѣмцевъ. Кто въ состояніи поднять многочисленныя завѣсы, закрывающія отъ насъ весьма далекое будущее, тотъ можетъ утверждать, что федеративныя формы готовятся уже и для насъ гдѣ-то, за одною изъ этихъ завѣсъ, на лонѣ времени, предназначенныя къ тому, чтобы разродиться все болѣе и болѣе и, когда человѣчество достаточно для того созрѣетъ, соединить братскими узами всѣ проовѣщенныя правительства и народы, придавая высшее освященіе общественной жизни на нашемъ шарѣ. Не стану спорить я съ этимъ. Но это будетъ уже философія, а не политика. Будемъ уважать и ту и другую, но не станемъ смѣшивать ихъ, такъ какъ это вѣрнѣйшій путь къ невѣжеству въ области мысли и къ гибели въ области дѣла.

Намъ, Полякамъ, вынужденнымъ какъ можно скорѣе избрать дорогу, и при томъ безотлагательно, если можно, еще сегодня, нѣтъ времени упражняться въ умственныхъ измышленіяхъ болѣе совершенныхъ формъ политическаго быта. Для насъ должно быть рѣшительнымъ событіе то, что въ настоящее время, гдѣ только политическая жизнь проявляется въ большей полнотѣ, дѣла склоняются не къ федераціи. О Швейцаріи и Нѣмцахъ уже была рѣчь. Взглянемъ на Австрію. Она не можетъ выбраться изъ той путаницы, въ которой очутилась по милости преждевременныхъ федеративныхъ стремленій, да едва ли и выдержится, если не распространится съ означенными стремленіями. Итальянцамъ была предложена федерація, даже предписана договоромъ, закончившимъ походъ 1859 года, которому завѣренія и подписи двухъ Императоровъ придавали, казалось, освященіе. Во что же обратилось это соглашеніе? Что же сдѣлалось съ

этой федераціею, въ слѣдствіе какого-то предопредѣленія, ясно высказавшагося въ послѣдующихъ событіяхъ?

Къ тому же, да позволено мнѣ будетъ сказать, что я не могу вѣрить, и не вѣрю, въ возможность, и въ особенности въ живучесть, Мадояр-Славянской федераціи, придуманной нѣкоторыми изъ насъ, о которой столь многіе разсуждаютъ.

Въ возможность ея я не вѣрно по той причинѣ, что, для осуществленія ея необходимо, чтобы Австрія побѣдила Россію и отняла у нея, какъ сказано выше, не только бывшія Польскія области, но и Славянское ея назначеніе; необходимо, чтобы Австрія помогла въ этомъ Нѣмецкая Имперія; необходимо, чтобы Австрія отблагодарила Нѣмецкую Имперію уступкой настоящихъ своихъ Нѣмецкихъ владѣній; необходимо, чтобы Габсбургскій Домъ подумалъ о выходѣ изъ своего наслѣдственного гнѣзда: предположенія, одно другою несбыточнѣ!

Въ живучесть федераціи тоже не вѣрю, по тому что если бы она какимъ ни будь чудеснымъ образомъ и осуществилась, то, по причинамъ, изложеннымъ мною выше, не выдержала бы продолжительнаго искуса и въ скоромъ времени сдѣлалась бы позорищемъ домашней неурядицы и даже кровавыхъ столкновеній, предвѣщающихъ каждому политическому тѣлу вѣрную гибель.

Въ подобнаго рода стремленіяхъ нельзя видѣть ничего иного, кромѣ естественнаго, хотя и болѣзненнаго, послѣдствія длиннаго ряда бѣдствій и тяжкихъ разочарованій нашихъ. Убѣдившись въ невозможности для насъ отдѣльнаго существованія, мы хватаемся за подобнаго рода сочетанія, какъ утопающій за соломинку. При этомъ мы совершенно упускаемъ изъ виду, что вопросъ, подобнымъ образомъ упрощенный, былъ бы только наружно испѣленной раной, готовою ежеминутно раскрыться; что, обезпечивая, при помощи подобныхъ средствъ, по большей мѣрѣ, одну минуту спокойствія, лично для себя, мы навѣрное приготовимъ нашему потомству самую невѣрную, самую бурную, будущность. Изъ всѣхъ родовъ себялюбія это былъ бы самый безнравственнѣйшій. Какой же отецъ семейства могъ бы спокойно закрыть глаза, сознавая, что онъ спасалъ единственно самого себя?

VI.

Итакъ, изъ всѣхъ путей, какія, за минуту передъ симъ, видѣли мы передъ собою, остается намъ всего одинъ. По этому пути, каковы бы ни были до сихъ поръ наши сочувствія, или несочувствія,

раньше, или позже, охотно, или противъ воли, мы должны будемъ пойти. Тайственная рука, правящая судьбами народовъ, кажется, издавна ведетъ насъ къ этой дорогѣ, низпосылая на насъ дни бѣдствія, какъ только мы затѣвали, хотя бы и съ лучшими намѣреніями, что ни будь такое, что могло бы возвратитъ намъ прежнюю самобытность.

Эта единственно оставшаяся намъ дорога есть соединеніе съ Россією, а при посредствѣ Россіи—со всеѣмъ Славянствомъ. Цѣль соединенія и въ томъ и въ другомъ случаѣ—осуществленіе высокихъ задачъ гражданственности.

Я очень хорошо знаю, что Славянскія сочувствія не простираются еще такъ глубоко въ нашѣмъ народѣ,⁹ чтобы надежда образованія будущаго обширнаго Славянскаго союза могла уже въ настоящее время утѣшить насъ, послѣ утраты послѣдней надежды возстановленія той формы отдѣльнаго существованія, которою предки наши пользовались съ перемѣннымъ счастьемъ.

На это нѣтъ другого средства, какъ только сказать себѣ: «Необходимость, воля предназначенія.»

Я ошибся: есть еще другое средство: не забывать, что и Славянство есть одна изъ формъ, низпосланная намъ извнѣ обстоятельствами, стеченіемъ общихъ событій, потребностями другихъ народовъ, и тому подобными историческими силами, которыми овладѣть мы не въ состояніи и которымъ должны подчиниться; однако же, отъ насъ самихъ зависитъ внести въ эту форму быта такое содержаніе, такую внутреннюю жизнь, какая, по нашему разумнью, лучше всего соответствуетъ предназначенію каждаго человѣческаго общества. Отъ насъ самихъ зависитъ, чтобы мы, въ этой новой формѣ собирательнаго быта, нашли и справедливые законы, и честное управленіе, и отличныя училища, и надлежащую помощь для всякаго полезнаго труда, и попеченіе, гдѣ таковое понадобится, о найвозможно большемъ просвѣщеніи, правосудіи, нравственности, хозяйствѣ, свободѣ, духѣ предприимчивости и самой высшей привязанности къ общественному благу.

«Возможно ли, могутъ сказать, возможно ли, въ виду Россіи, мечтать объ осуществленіи благъ такой важности, намъ, которыхъ эта же Россія устраняетъ отъ всякаго участія въ общественныхъ дѣлахъ и старается привести въ состояніе чуть не Индійскихъ царій?»

⁹ Какое сознаніе! Вспоминаются слова Петровскаго законодательства: «Сознаніе виноватаго лучше свидѣтельства цѣлаго міра.»

Возможно, отвѣчу я.

Если, до настоящаго времени, соединеніе съ Россією не приноситъ намъ ничего, кромѣ гнета, мы должны приписать это не самой природѣ соединенія, но собственному нашему поведенію въ отношеніи къ нему. Неслѣдуетъ забывать, что мы всегда относились къ этому соединенію какъ непріязненная первичность; что явную и сокровенною цѣлью всѣхъ нашихъ дѣяній и помысловъ было не тѣсное сплоченіе съ цѣлостію, но отпаденіе, выдѣленіе и возвратъ къ прежней независимости. Занявъ такое мѣсто, мы какъ бы сами положили въ основу тѣ данныя, изъ которыхъ логически должна была возникнуть для насъ доля, почти что отрѣшенной отъ воды и огня горсти завязтыхъ противниковъ въ средѣ общества, оплачивающаго намъ ненавистью за ненависть. Отдадимъ же себѣ разъ ясный отчетъ объ отношеніяхъ нашихъ къ Россіи. Подвластные ея скипетру,—справедливо, или нѣтъ, —мы обязаны были:

Или освободиться изъ подъ ея владычества, для чего у насъ не было и, какъ полагаю, не будетъ, достаточной силы.

Или искренно съ нею примириться, для чего недоставало намъ достаточно холоднаго еще разсудка.

Или приготовиться на всякаго рода политическія бѣдствія, и не считать ихъ ни чѣмъ другимъ, какъ плодомъ нашихъ же поступковъ.

Всякое другое политическое цѣлое, поставленное къ намъ въ то же соотношеніе, какъ и Россія, безъ сомнѣнія, употребило бы противъ насъ столь же суровыя мѣры, если бы мы о томъ только и думали, какъ бы отъ него отдѣлиться. Быть можетъ, кому либо угодно будетъ возразить мнѣ, что, даже и въ послѣднемъ случаѣ, другія государства гораздо бы человѣчнѣе обошлись съ нами: спорить объ этомъ не стану. Дѣло не въ большей, или меньшей, степени строгости, но въ самой сущности событія. Сущность же его такова: всякое политическое цѣлое, имѣя право оборонять свою нераздѣльность, употребляетъ, для обузданія непріязненныхъ въ своей средѣ стихій, такія средства, какія оно признаетъ болѣе дѣйствительными.

Изъ этого же положенія слѣдуетъ и обратный выводъ: что если бы мы, разъ навсегда, отказались отъ непріязненной роли въ составѣ Русскаго государства, то въ ту же минуту потеряло бы всякое разумное значеніе направленія противъ насъ возмездныхъ мѣръ; напротивъ, мы приобрѣли бы тогда неоспоримое право домогаться, чтобы эти мѣры, во имя справедливости и просвѣщенія и хорошо понятаго государственнаго интереса, безотлагательно были устранены.

Изъ преслѣдуемыхъ мы сразу сдѣлались бы дѣтельными, истинными, гражданами страны.

Замѣтимъ, что какъ только послѣдуетъ примиреніе съ Россією, государство это дѣлается нашимъ союзникомъ, не только ни въ чемъ не уступающимъ другимъ государствамъ, но, напротивъ, болѣе другихъ полезнымъ по слѣдующимъ причинамъ:

Во первыхъ: соединеніе съ Россією принадлежитъ къ числу такихъ, которыя не потребуютъ ни новыхъ потоковъ крови, ни многолѣтняго выжиданія, ни скитанья по свѣту съ просьбою о помощи.

Во вторыхъ: въ этомъ соединеніи преемники наши найдутъ столь обширное поприще для разнообразной дѣтельности, котораго они напрасно искали бы въ другомъ мѣстѣ. Для подкрѣпленія этого убѣжденія достаточно принять во вниманіе, сколько государственныхъ, нравственныхъ и экономическихъ задачъ будетъ со временемъ рѣшаться на обширномъ пространствѣ Русскихъ владѣній, какіе нестерпаемые источники физическаго и нравственнаго могущества челоука жаждаютъ тамъ его мысли и рукъ!

Все это вещи столь ясныя и очевидныя, что каждый изъ насъ издавна долженъ бы признать ихъ непреложными. Между тѣмъ страсти, пробужденныя раздѣломъ нашего края, и съ тѣхъ поръ поддерживаемыя рядомъ общественныхъ и частныхъ огорченій, тормозятъ это дѣло. Кромѣ того, мы до смѣшнаго простираемъ наше ложное понятіе о томъ, будто Русское племя ниже, чѣмъ племя Польское, что, однако же, ни сколько не мѣшаетъ намъ негодовать на Пѣтцевъ, за ихъ увѣренность въ племенномъ превосходствѣ ихъ надъ нами. Мы любимъ также говорить о какомъ-то варварствѣ Русскаго языка, что опять не препятствуетъ намъ мало заботиться о своемъ языкѣ и обычаяхъ.

Я знаю Русское общество, знаю и наше, знаю Петербургъ и Варшаву. Вездѣ найдутся благородные сердца и умы. Однако же, если бы мнѣ кто либо сказалъ, что онъ можетъ въ одну минуту сосчитать, сколько, относительно, въ каждомъ изъ этихъ двухъ обществъ есть характеровъ, дѣлающихъ честь челоучеству, я бы сталъ просить его и заклинать, чтобы онъ оставилъ насъ въ покоѣ и не считалъ. Подобныя выкладки небезопасны, а высокоуміе всегда должно окончиться стыдомъ. Для чего же постоянно слѣдуетъ напоминать народамъ такую обветшалую аксіому! Живя долго въ Русскомъ обществѣ, я могъ убѣдиться, что во внутреннихъ его отношеніяхъ, особенно въпретѣлахъ семейной жизни, есть много благородства, нѣжности,

даже и возвышеннаго. Набрасывая эти строки, я съ признательностію вспоминаю о дорогихъ для меня отношеніяхъ знакомства и дружбы, испытанной мною въ этомъ народѣ, пережившей даже наши послѣднія столкновенія. Въ этомъ сохраненіи довѣрія въ частныхъ отношеніяхъ, не смотря на горькій роковой разладъ, я вижу столь благородную черту Русскаго народа, что не могу воздержаться отъ признательности, вспоминая объ этомъ. Равнымъ образомъ я не знаю на свѣтѣ простого народа, одареннаго отъ природы лучшими инстинктами, какъ Русскій. Языкъ Русскій прекрасенъ и весьма способенъ къ совершенствованію. Въ области поэзіи, изящной словесности у Русскихъ есть истинно великія произведенія. Куда ни взгляну, нигдѣ я не вижу, чтобы Русскій народъ былъ менѣе насъ одаренъ отъ природы. Нѣтъ для народовъ болѣе вѣрнаго признака умственнаго упадка, какъ чувство личнаго самообожанія и презрѣніе всего окружающаго. Испанское племя, говорятъ, до сихъ поръ убѣждено въ томъ, что стоятъ во главѣ всего человѣчества; но это вызываетъ у насъ только улыбку. А развѣ чужеземцы не такъ же улыбаются, слыша, какъ мы иногда проповѣдуемъ о себѣ въ Варшавѣ?

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ между нами, сплошь да рядомъ, раздается восклицаніе: «Намъ ли, Полякамъ, соединиться съ Россією! Что же станется съ нашею Западною образованностію, народностію, языкомъ?»

Въ особенности вопросъ объ языкѣ, подобно какой-то ракетѣ, сейчасъ же вылетаетъ, для воспламененія пороха подъ каждой начинающейся закладкой зданія для междунаго примиренія.

Въ одномъ изъ Библейскихъ преданій говорится о бѣдствіи, ниспосланномъ на человѣческой родъ, въ видѣ тяжкаго наказанія, за тщеславныя намѣренія. Это бѣдствіе названо тамъ смѣшеніемъ языковъ

«Языки, языки, языки!» начали кричать со всѣхъ сторонъ.

Сирашивали уже не о томъ, каковъ человѣкъ, но какой его языкъ?

Не о томъ, какой изъ него вышелъ правитель, а каковъ его языкъ?

Не о томъ, какая наука, но на какомъ языкѣ она излагается?

Не о томъ даже, о ужасъ! какова молитва, но на какомъ языкѣ она произносится?

Можно себѣ представить, къ какому горькому исходу пришло чело-вѣчество, если всѣ понятія до такой степени въ немъ извратились.

Не потвораются ли, съ удивительнымъ сходствомъ, эти прежнія

времена въ настоящее время? Стоило бы надъ этимъ призадуматься и не намъ однимъ.

Прошу у читателя извиненія за оступленіе отъ предмета; возвращаюсь къ дѣлу.

Мы говоримъ объ образованности Восточной и образованности Западной, объ образованности Латинской и образованности Нѣмецкой, и даже о Славянской, пока еще не существующей, какъ о какихъ-то разныхъ мірахъ, носящихся въ воздухѣ въ разнообразныхъ направленіяхъ, никогда между собою не встрѣчающихся, но забываемъ о томъ, что это только разные выраженія одного и того же труда надъ образованіемъ нравственнаго существа чловѣка въ народѣ и при помощи народа. По мѣрѣ большаго, или меньшаго, нравственнаго достоинства тружениковъ, самый этотъ трудъ развивается въ большой, или меньшей, полнотѣ. По этому мы встрѣчаемся здѣсь съ чѣмъ-то весьма измѣнчивымъ, ежедневно способнымъ принять новое направленіе, подвергнуться новому вліянію. За тѣмъ было бы смѣшно говорить о вступленіи въ область какой-то чуждой образованности, какъ бы о переселеніи на какую ни будь отдѣльную планету, при чемъ мы должны совсѣмъ распротиться съ тою, на которой жили до сихъ поръ. Всѣ образованности сходятся между собою въ томъ, что служатъ разрѣшеніемъ вопроса, при помощи государства, точно также, какъ и всѣ религіи сходятся между собою въ томъ, что разрѣшаютъ тотъ же вопросъ, при помощи Церкви. Естественно, что каждое государство разрѣшаетъ этотъ общечеловѣчскій вопросъ свойственнымъ ему образомъ; равнымъ образомъ естественно и то, что въ каждомъ изъ нихъ новые дѣятели вліяютъ не только на способъ разрѣшенія, но даже на самый способъ постановки означеннаго вопроса.

Россія, подобно всякому другому государству, выполняетъ свою государственную задачу сообразно съ выработавшимися въ ней событіями и географическимъ положеніемъ. Не только столь колоссальное историческое событіе, которымъ будетъ когда-то, быть можетъ, даже въ недалекомъ будущемъ, дѣльное поднятіе Славянскаго вопроса, но уже искреннее прекращеніе вѣковаго нашего спора, не можетъ не повлечь за собою чрезвычайно многихъ перемѣнъ во всемъ политическомъ строѣ Россіи, съ которыхъ начнется и новая эра въ нашей общей съ нею образованности. Тутъ, безъ всякой уже надменности, мы можемъ сказать себѣ, что если мы останемся въ общемъ государственномъ строѣ приверженными къ цѣлому, то со временемъ можемъ достигнуть въ немъ весьма знаменательнаго вліянія

Нужно только внести намъ сильныя нравственныя и политическія начала; ибо на этомъ поприщѣ побораеть не численность, не физическая сила, но начала.

Поймемъ же, что у насъ будетъ такая образованность, какую выработаемъ себѣ сами.

Что касается вопроса объ языкѣ, то, чтобы выйти безъ ущерба изъ всей путаницы мнѣній, разнорѣчивыхъ притязаній, восклицаній, ссоръ и завязтыхъ столкновений, къ которымъ подаетъ поводъ этотъ вопросъ въ настоящее время, я, съ позволенія читателя, отличу прежде всего языкъ въ смыслѣ орудія взаимнаго уразумѣнія въ данномъ собирательномъ тѣлѣ, отъ языка, какъ одной изъ существенныхъ отличій каждаго племени, тѣхъ отличій, которыя дѣлають, что племя составляетъ нѣчто отдѣльное, не совсѣмъ схожее съ другими племенами.

Самый этотъ способъ двоякаго воззрѣнія на языки приводитъ насъ къ весьма важному заключенію. На сколько языкъ, разсматриваемый въ первомъ отношеніи, можетъ входить въ государственныя соображенія, на столько языкъ, въ смыслѣ естественнаго отличія, можетъ подчиняться однимъ законамъ природы. Между большими государствами я не вижу ни одного, въ которомъ не было бы, по крайней мѣрѣ, нѣсколькихъ племенныхъ языковъ, тогда какъ языкъ правительственный вездѣ одинъ, кромѣ того политическаго хаоса, который называется Австріею, и гдѣ многоязычіе достигаетъ такихъ, на примѣръ, нелѣпицъ, какъ существованіе двухъ, совсѣмъ отдѣльныхъ, и при томъ буквально отдѣльныхъ, политехническихъ школъ въ Прагѣ: Нѣмецкой и Чешской. Установленіе одного правительственнаго языка безспорно принадлежитъ къ числу хорошаго устроя государства. Чтобы мы сказали, если бы Эльзасцы домогались во Французской палатѣ права говорить по Нѣмецки, а Бретанцы своимъ нарѣчіемъ? Какъ посмотрѣли бы мы на домогательство извѣстныхъ обитателей Англіи, если бы парламентъ слушалъ ихъ рѣчи на Кельтскомъ языкѣ, и т. п? Будемъ же столь же безпристрасны и въ томъ случаѣ, когда идетъ рѣчь о правительственномъ языкѣ, съ цѣлю соединенія нашего съ Россіею въ одно политическое цѣлое. Мы не умѣемъ по Русски? Слѣдуетъ выучиться: нѣтъ другого отвѣта на это возраженіе. Трудно? Во первыхъ, несправедливо, чтобы было очень трудно. Но предположимъ, что трудно: что же дѣлать, когда это необходимо? Не справимся сами, дѣти наши непременно изучать Русскій языкъ въ той мѣрѣ, въ какой долженъ умѣть его каждый гражданинъ, сообразно съ родомъ будущей его дѣятельности; крестьянинъ—коечто, членъ сельской общины—болѣе;

чиновникъ—совершенно хорошо. Время и добрая воля въ особенности помогутъ намъ въ этомъ.

Но совсѣмъ другое дѣло съ языкомъ, когда онъ составляетъ отличіе, врожденное племени. Желать произвольно располагать имъ, значить насиловать природу. Не по тому, чтобы языкъ въ этомъ смыслѣ долженствовалъ быть чѣмъ-то постояннымъ, неизмѣннымъ, вѣчнымъ: подобно всѣмъ на свѣтѣ естественнымъ отличіямъ, то отличіе, которое мы называемъ языкомъ, подвергается постояннымъ, хотя медленнымъ и, на первое время, незамѣтнымъ, видоизмѣненіямъ. По прошествіи нѣсколькихъ вѣковъ, потомки часто съ усиліемъ читаютъ письменные памятники своихъ предковъ. Римлянинъ времянь Цицерона уже не могъ понимать языка Царей; не каждый Французъ въ состояніи читать теперь сочиненія Рабеле и одинъ Англичанинъ не въ состояніи будетъ перевести намъ и двухъ строкъ, написанныхъ на прежнемъ Саксонскомъ языкѣ, если исключительно не изучалъ его. Однако же, видоизмѣненія эти развиваются естественно, незамѣтно, не имѣя ничего общаго съ государственными установленіями.

Внѣ распоряженій, касающихся правительственного языка, оканчиваются преимущества законодателя. Всякое вмѣшательство публичной власти въ границы частнаго употребленія племенной рѣчи, какъ то: въ общественныхъ отношеніяхъ, письменности, молитвѣ и совершенно излишне съ точки зрѣнія государственнаго интереса, и бесплодно въ своихъ послѣдствіяхъ; ибо это, кромѣ тяжкаго огорченія милліоновъ людей, не въ состояніи принести государству никакой существенной пользы.

Предполагать, будто какой ни будь народъ можно лишить народности при посредствѣ порчи его народнаго языка, по тому что языкъ можно испортить, но не искоренить, мысль совершенно неосновательная. Языкъ составляетъ только одно изъ отличій народности, и даже, какъ легко удостовѣриться, не существеннѣйшее изъ нихъ. Пусть какой ни будь Англичанинъ не говоритъ по Англійски, Французъ по Французски. Перестанутъ ли они, въ нашихъ глазахъ, быть тѣмъ, чѣмъ они суть въ самомъ дѣлѣ: Англичаниномъ и Французомъ? ⁴⁰ Сколько между нами такихъ, которые говорятъ по Французки и по Англійски такъ хорошо, что въ этомъ отношеніи ни сколько не уступаютъ настоящимъ Французамъ, или Англичанамъ? Но могутъ ли они по этому

⁴⁰ А Кашубы, а Сербы Сѣверные?

⁴¹ Конечно, перестанутъ. Все это разсужденіе—сильнѣйшая натажка.

считаться Французами, или Англичанами, если бы даже сами желали выдавать себя за нихъ? При томъ же, при надлежащей внимательности, мы увидимъ, что свойства, составляющія, по нашимъ понятіямъ, народную черту Англичанина, или Француза, получаютъ свое начало въ болѣе отдаленномъ прошедшемъ, чѣмъ языки того и другого, возникшіе во времена, относительно не слишкомъ давнія, въ слѣдствіе чрезвычайныхъ историческихъ погромовъ, извѣстныхъ намъ во всей подробности. Англичанина дѣлають Англичаниномъ высокія качества прежняго Саксонца, которыхъ не въ состояніи были уничтожить видоизмѣненія въ языкѣ, созданіе новаго говора на основаніяхъ прежней отечественной рѣчи, по тому что эти свойства охранялись, и охраняются, несокрушимую стражей законовъ природы, которыхъ мы передѣлывать по своему не въ состояніи. То же самое можно сказать и о Французѣ, въ которомъ и по нынѣ живетъ и дѣйствуетъ древній Галлъ, не смотря на то, что надъ могилами, упокоившимися кости его, прошло два потопа: Римскій и Нѣмецкій, оставляя послѣ себя столь объемистое наслоеніе язычныхъ осадковъ, что тому, кто пожелалъ бы на этой почвѣ доискаться прежняго Гальскаго начала, пришлось бы глубоко зарываться въ землю.

Извѣстныя нравственные совершенства, претворяющіяся, съ теченіемъ времени, въ качества, переходящія съ кровью отъ отцовъ къ дѣтямъ, и охраняемыя первоначально пенатами, потомъ ангелами-стражами семейными; собственный болѣе, или менѣе, возвышенный способъ пониманія человѣческихъ обязанностей, гражданскихъ и семейныхъ отношеній къ Богу и свѣту; собственный способъ любви къ правосудію, правдѣ и труду; усвоеніе и дальнѣйшее развитіе въ жизни основныхъ понятій вѣры, философіи, наукъ и всякихъ искусствъ; собственная степень, и даже собственный родъ могущества воли; непреодолимое внутреннее влеченіе надѣленія общественныхъ и семейныхъ отношеній тѣми, а не другими, формами; извѣстный исключительный приѣмъ обращенія не только съ людьми, но и животными, и даже съ безжизненной природой: вотъ изъ чего образуется неисчерпаемый даръ, получаемый каждымъ племенемъ изъ рукъ творческой природы. Въ какое время, спрашивать напрасно. Послѣ перехода изъ быта племеннаго въ бытъ народный, племя, сдѣлавшееся народомъ, перерабатываетъ въ себѣ означенные естественные дары подъ вліяніемъ народныхъ установленій, событій отечественной исторіи, изобилія, или скудости, богатства, или удобства, отечественной земли, суровости, или благоухоренности, отечественнаго климата. Можно бы сказать, что сама природа охраняетъ неприкосновенность своихъ да-

ровъ въ средѣ облагодѣтельствованныхъ ею; ибо не существуетъ бѣдствій, гнета, даже завоеваній, отъ которыхъ народъ не могъ бы уберечь означенныхъ даровъ, если только; по собственной нравственной винѣ, самъ не теряетъ къ нимъ привязанности.

Безполезно было бы утѣшаться мыслью, что, принудивъ какой либо народъ забыть свой языкъ, тѣмъ самымъ можно вычеркнуть его изъ исторической сцены; но бесполезно и огорчаться мыслию, что принадлежа къ народу, имѣвшему несчастье подвергнуться такого рода опыту, человекъ будто бы идетъ къ неизбѣжной гибели. Въ исторіи нѣтъ примѣра, чтобы какой ни будь народъ палъ единственно отъ того, что онъ потерялъ свой языкъ, точно также, какъ въ исторіи медицины нѣтъ примѣра, чтобы кому либо изъ единичныхъ людей причинило смерть то обстоятельство, что его принудили забыть отечественную рѣчь. Охотно вѣрю, что подобный переходъ могъ быть болѣзненно прочувствованъ, но все же это не стоило ему жизни; въ душѣ же онъ, по всей вѣроятности, еще болѣе привязался къ инымъ, болѣе дѣйствительнымъ, отличіямъ своего племени и народа.

Народы падаютъ въ слѣдствіе причинъ болѣе глубокихъ и основанныхъ окончательно на собственной, тяжкой нравственной, винѣ.⁴³

Гдѣ нѣтъ этой вины, тамъ можетъ быть гнетъ, но упадка быть не можетъ.

Гнетъ, какъ все наружное, долженъ со временемъ миновать, и народъ выйдетъ изъ погрома съ языкомъ, хотя и носящимъ слѣды испытанныхъ превратностей, но въ сущности болѣе, чѣмъ прежде, окрѣпшимъ, развитымъ умственно, закаленнымъ нравственно.

Но горе—гдѣ есть нравственная вина!... Тамъ ничего не поможетъ и привязанность къ языку, если бы даже было справедливо и то, что, люди, испорченные нравственно, могутъ дѣйствительно питать привязанности къ какой ни будь не матеріальной по требности, человеческой и общественной.

Извѣстный народъ можетъ быть побѣжденъ другимъ, можетъ добровольно съ нимъ соединиться общимъ политическимъ звеномъ, какъ поступили, на примѣръ, Польскій и Литовскій народы.⁴³ Въ по-

⁴³ Эти совершенства, конечно, приобрѣтаются нами еще выше?

⁴³ Далось же сочинителю это, такъ называемое, добровольное соединеніе Литвы съ Польшею!

добныхъ случаяхъ измѣняются формы политическаго быта, но языкъ покореннаго, или присоединеннаго, народа не перестаетъ существовать въ немъ. Онъ отодвигается изъ правительственныхъ сферъ, а иногда и изъ частнаго употребленія въ предѣлахъ высшихъ слоевъ, но не перестаетъ жить въ массѣ народа, въ литературѣ—положимъ въ меньшей степени, чѣмъ прежде—въ поэзіи; другими словами: нѣтъ возможности ни истребить языкъ во всѣхъ слояхъ народа, ни удержатъ его на высшей степени развитія, вопреки ходу событій, рѣшающихъ судьбы народа: и то и другое превышаетъ разумъ и силы человѣка.

Что касается насъ, то, такъ какъ дѣла рѣшительно принимаютъ такой оборотъ, что мы должны стремиться, при помощи Россіи и подъ ея знаменемъ, къ Славянскому союзу, то разсудокъ велитъ намъ приготовиться заблаговременно къ введенію какого ни будь общаго правительственнаго языка, какъ орудія сношенія между собою всѣхъ нашихъ Славянскихъ отраслей. Не понимаю, по чему этимъ языкомъ долженъ бы слѣдаться нашъ, а не Русскій языкъ; напротивъ, далеко естественнѣе, кажется, желаніе тѣхъ, за которыхъ говорить сила чтобы языкъ ихъ первенствовалъ правительственно. Такимъ образомъ, какъ мы видѣли выше, во времена реформаціи одно изъ Нѣмецкихъ нарѣчій, именно Саксонское, было поднято, силою самыхъ событій, на высоту языка общаго всему Нѣмецкому союзу, безъ искорененія остальныхъ, а только съ устраненіемъ ихъ въ глубь съ исторической сцены. Подобнымъ же образомъ и нашъ языкъ, по мѣрѣ развитія идеи Славянства, долженъ будетъ подвергаться, не постепенному уничтоженію, но по немногу отодвигаться въ глубину исторической сцены, что, въ извѣстной мѣрѣ, замѣчается уже и теперь. Если бы кто изъ Русскихъ потребовалъ отъ насъ больше, или кто либо изъ насъ согласился на меньшее, оба были бы виновны въ томъ и другомъ случаѣ, такъ какъ противъ обоихъ стоялъ бы естественный порядокъ дѣлъ, превышающій всѣ человѣческія пожеланія и въ концѣ концовъ все преодолюющій. Послѣ утраты политической отдѣльности, мы даже не можемъ и мечтать объ удержаніи нашего языка въ области правительственныхъ сношеній. Но лелѣять его у домашняго очага; на немъ наставлять дѣтей нашихъ въ истинахъ вѣры, правилахъ жизни, и раздѣлять, при посредствѣ его, сладостныя чувства; употреблять его въ пріятной бесѣдѣ съ друзьями и Музами; приносить на немъ благодарственныя молитвы Творцу и изливать тайныя скорби сердца; оканчивать съ нимъ поприще нашей труженической жизни, никто

намъ воспрепятствовать не можетъ, не долженъ и, дастъ Богъ, не будетъ.

Пусть только наступитъ искреннее примиреніе между нами и Русскимъ народомъ, тогда, вдругъ исчезнетъ весь этотъ язычный гнетъ, который, какъ мы сказали выше, кромѣ тяжкаго огорченія милліоновъ народа, ни къ чему болѣе не ведетъ, глядя даже на дѣло съ чисто Русской точки зрѣнія.

Примиреніе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, сдѣлаетъ насъ равноправными членами общаго союза; а кто же будетъ оспаривать у нихъ то, что имъ слѣдуетъ по правамъ природы?

Если бы кто желалъ сдѣлать мнѣ замѣчаніе, что, не смотря на устраненіе всякаго гнета, который мы въ настоящее время испытываемъ въ отношеніи языка, уже тѣмъ самымъ, что языкъ нашъ перестанетъ быть правительственнымъ, со временемъ, по прошествіи нѣсколькихъ, или нѣсколькихъ десятковъ, лѣтъ, дѣло дойдетъ до того, что въ высшихъ сферахъ можно будетъ встрѣчать, на всякомъ шагу, Поляковъ, не употребляющихъ Польскаго языка, подобно тому, какъ мы видимъ теперь Литовцевъ, не употребляющихъ Русскаго языка, на которомъ говорили ихъ предки до соединенія съ Польшей,⁴⁴ на это отвѣчу ему, что самъ вполне раздѣляю его предположеніе. Однако же, пусть онъ приметъ во вниманіе, что если подобныя событія вослѣдуютъ совершенно естественнымъ путемъ, медленной, непринужденной, перемѣной, то, подобно всему, приходящему такимъ путемъ, они не должны возбуждать отвращенія.

Къ тому же, свѣтъ идетъ впередъ не людскими привычками, но неизмѣнными законами природы.

Но и тогда можно еще будетъ узнать Поляка, хотя и не говорящаго Польскимъ языкомъ: узнаемъ мы его по тому, что онъ также будетъ думать, чувствовать и дѣйствовать, какъ думали, чувствовали и дѣйствовали, великіе его предки,⁴⁵ не тѣ, которые погубили отечество, но тѣ вѣчнопамятные, о которыхъ не выродившійся потомокъ будетъ слушать рассказы съ глубоко растроганнымъ сердцемъ, хотя и

⁴⁴ То есть, не природныхъ Литовцевъ, а Бѣлоруссовъ, или Черноруссовъ, которые, однако, и теперь говорятъ на своемъ языкѣ, собственно же Литовцы тоже говорятъ на своемъ. Но и тѣ и другіе не говорятъ уже на письменномъ Русскомъ языкѣ того времени, т. е., книжномъ.

⁴⁵ Упаси Боже!

забудеть отечественный языкъ, ⁴⁶ лишь бы только, по возможности, было больше такихъ Поляковъ мысли и дѣла; тогда повѣрьте, у премниковъ нашихъ не будетъ справедливаго основанія слышкомъ роптать на судьбу. ⁴⁷

Таковъ, по моему понятію, будетъ правдоподобный исходъ нашего вопроса объ языкѣ, и такова окончательная его развязка.

Другой развязки не вижу; и весьма сомнѣваюсь въ томъ, чтобы могла быть другая. ⁴⁸

Наравнѣ съ этимъ несчастнымъ вопросомъ объ языкѣ, путается еще между нами вопросъ о формѣ, въ какой могло бы осуществиться соединеніе нашего народа съ Русскимъ. По мнѣнію многихъ, съ этимъ соединеніемъ нераздѣльны понятія о какихъ-то переговорахъ, уложеніяхъ, торжественныхъ актахъ и, если не формальныхъ договоровъ, то, по крайней мѣрѣ, своего рода прагматическихъ санкціяхъ и т. д. Мечты одна другой чудеснѣе, мечты вредныя, могущія сбить насъ съ единственнаго практическаго пути, который въ настоящихъ обстоятельствахъ остается еще намъ для осуществленія столь великаго дѣла!

Въ особенности кружатъ голову торжественные акты. Въ недавно оповѣщенномъ воззваніи: «Къ Русской интеллигенціи,» о которомъ я уже упоминалъ выше, одинъ изъ соотечественниковъ предлагаетъ статьи подобнаго акта; при этомъ онъ такъ рѣшительно говоритъ отъ лица всего народа, что можно бы подумать, будто онъ получилъ на это формальное уполномоченіе. Мы находимъ въ этомъ воззваніи и угрозы, что если бы примиреніе между двумя народами не состоялось, то, въ случаѣ войны между Россією и Нѣмцами, народъ нашъ ⁴⁹ станетъ, будто бы, какъ одинъ человекъ на старонѣ послѣдней.

Не знаю, въ какой мѣрѣ сочинитель помянутаго оповѣщенія обладалъ правомъ такъ рѣшительно и грозно обращаться именемъ своего народа къ передовымъ людямъ Русскаго народа. Полагаю, что у него не было ровно никакого права. Что касается меня, то я говорю только отъ себя и за себя; съ моей точки зрѣнія, подобную постановку

⁴⁶ Гдѣ же добыть такую диковинку?

⁴⁷ Сомнительно.

⁴⁸ Неутѣшительная развязка.

⁴⁹ Народъ въ сторонѣ. Въ Польшѣ онъ никогда не принималъ участія въ политической жизни. Только послѣ разгрома интеллигенціи вспоминала о немъ.

вопроса я считаю неумѣстной, а угрозу заслуживающею строгаго порицанія.

Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда можно располагать не призрачнымъ могуществомъ, разсудокъ не всегда позволяетъ угрожать: что же сказать, если въ виду одна только немощь?

Въ минуту соединенія Польши съ Литвою оба народа были самостоятельны; слѣдовательно, могли, и должны были, договариваться объ основаніяхъ соединенія и состоявшемуся договору придать форму международнаго акта.

Нѣчто подобное, съ нѣкоторыми измѣненіями, произошло въ наше время между Мадьярскимъ народомъ и Цислейтаніею, ⁵⁰ но и здѣсь мы видѣли, съ одной стороны, Австрію, доведенную войною съ Пруссіей да крайняго разстройства и сознанія полнаго матеріальнаго безсилія, съ другой же народъ Мадьярскій, владѣющій несомнѣнными средствами къ спасенію. По этому ни сколько не удивительно, что обѣ стороны могли договариваться между собою, какъ равный съ равнымъ.

Еще что-то третье подготовлялось на нашей памяти, но, по причинѣ тяжкой нашей вины, оно ни чѣмъ не кончилось. ⁵¹ Это были соображенія Маркграфа Велѣпольскаго въ 1862 году.

Этѣ соображенія подоспѣли къ тому времени, когда Русскій народъ переживалъ положеніе извѣстнаго политическаго перелома. Правда, что у него не было причинъ такъ усомниться въ себѣ, какъ Австрія послѣ 1866 года; напротивъ, по справедливости онъ могъ рассчитывать на славную будущность, на перевѣсъ извнѣ, счастье и довольство внутри страны. Но, благодаря той ⁵² политической предусмотрительности, какую всегда обнаруживаетъ этотъ народъ въ тяжкія историческія минуты, онъ понялъ, что, не смотря на все свое матеріальное могущество, слишкомъ достаточное для подавленія горсти возмущеннаго населенія Польши, для него будетъ полезнѣе не приводить въ движеніе этой силы, въ то время, когда, на всемъ пространствѣ Имперіи, вводились законы, уничтожавшіе личное рабство милліоновъ людей и измѣнявшіе экономическія отношенія двухъ главнѣйшихъ обществен-

⁵⁰ Просто на просто здѣсь политическія безтактность и бездарность. Бейста.

⁵¹ И славу Богу!

⁵² Говоря по просту: благодаря Польскимъ кознямъ, пустившимъ быть глубокіе корни въ Петербургѣ.

ныхъ сословій. Случайно, именно въ эту пору, нашли мы въ лицѣ Маркграфа Велѣпольскаго достойнаго истолкователя передъ Престоломъ нуждъ нашего народа. ⁵² Честныя, высокія и умѣренныя идеи имѣють всегда неизгасимое обаяніе; такихъ именно идей былъ представителемъ Маркграфъ Велѣпольскій. Этимъ оружіемъ, скажемъ это къ чести обѣихъ сторонъ, онъ располагалъ къ себѣ умы Русскихъ государственныхъ людей. Въ слѣдствіе подобнаго настроенія и появленія въ Русскомъ обществѣ такой личности, какъ Маркграфъ, значеніе нашей народности чрезвычайно возвысилось въ глазахъ всѣхъ и вызвало самыя благопріятныя сочувствія, по тому что они основывались на уваженіи началъ. Присовокупимъ къ этому законность почвы, ⁵⁴ на которой находился тогда Маркграфъ, занимая правительственное положеніе. Если принять въ соображеніе личныя качества этого человѣка, высокій родъ, знаменитое историческое имя, и то, всегда свойственное обнаружиться, если въ комъ дѣйствительно оно присуще, несокрушимое желаніе оказать услуги дѣлу порядка и гражданственности, независимо даже отъ дѣла народности, желаніе, какимъ, безспорно, была проникнута вся дѣятельность Маркграфа, то мы легко поймемъ, отъ чего въ то время дѣло наше могло принять извѣстный характеръ переговоровъ между Русскимъ Правительствомъ и Начальникомъ Гражданскаго Управленія въ самоуправляемой Польшѣ. Мы употребили здѣсь слово «переговоры» въ томъ убѣжденіи, что читатель самъ придастъ ему такое значеніе, въ какомъ единственно оно и могло быть употреблено при представленіи означенныхъ дѣлъ Монарху подданнымъ, столь же ревностнымъ ко благу Престола, какъ и гражданиномъ, неусыпнымъ о благоденствіи своего края.

Оставляя совершенно въ сторонѣ вопросъ: можемъ ли мы нынѣ представить изъ своей среды человѣка на столько же соответствующаго потребностямъ политической минуты, и при томъ изъ соображенія, что великія несчастія закаляютъ и возвышаютъ душу, допу-

---

⁵² Опять народъ, когда его въ Польшѣ цѣлыя столѣтія не было въ роли дѣятеля!

⁵⁴ Законность! Это плечо, безъ которыхъ Польская интеллигенція не живетъ. Бѣлорусскіе Посредники перваго выбора, писавшіе уставныя грамоты по Польски, подписывавшіеся «*ro jednaj a सुरо'gednik*», и занимавшіеся главнымъ организаваніемъ мѣжежа, тоже рассчитывали на законность. Когда М. Н. Муравьевъ поголовно отрѣшилъ отъ должности и засадилъ въ казматы, они кричали тоже, что это незаконно, что ихъ могъ отрѣшить и предать суду лишь Сенатъ.

ская возможность найти ⁵⁵ въ нашей странѣ и теперь гражданъ, ⁵⁶ достойныхъ быть представителями его нуждъ, по несчастью, я вижу настоящее положеніе уже другое, совсѣмъ другое.

Послѣ того, какъ мы принудили Россію въ 1863 году испытать всю чашу горести, какую только могли приготовить ей, нынѣ у насъ не остается уже въ запасъ ни чего, что бы могло заставить ее спѣшить договариваться съ нами. Напрасно думали бы мы утратить ее нашими сочувствіями къ Пруссіи, или Австріи.

Занеживая ихъ, мы будемъ только все болѣе и болѣе вредить себѣ, но, повторяю, не застрашаемъ, по тому что, какъ разъяснено было выше, мы не обладаемъ никакими матеріальными силами, которыхъ могла бы опасаться Россія. При самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ для Россіи, въ случаѣ неожиданной войны съ Австріей, или Нѣмцами, и вступленія войскъ этихъ государствъ на нашу землю, мы могли бы разыграть единственно весьма жалкую роль какихъ ни будь вольныхъ стрѣлковъ. Но столь еще свѣжія событія Нѣмецкой войны во Франціи служатъ нагляднымъ доказательствомъ, на сколько теперь пригодны, въ виду регулярныхъ армій, шайки вольныхъ стрѣлковъ, какъ съ ними справляются, и какъ на нихъ смотрятъ эти арміи.

Пусть каждый предложитъ себѣ вопросъ, принялъ бы кто на себя важную роль посредника, съ подобною угрозою въ запасъ?

Если нѣтъ, то позволительно спросить: что же будетъ у него въ запасъ, приступая къ переговорамъ съ Россіей, если пожелаемъ вести эти переговоры, какъ равный съ равнымъ? Всякіе переговоры равнаго съ равнымъ сводятся окончательно къ тому итогу: «Дай мнѣ, или сдѣлай для меня, то, или это! Не сдѣлаешь, или не дашь, поступлю съ тобою такъ и такъ!» Два первыхъ требованія можно бы сформировать и съ нашей стороны; но какъ мы сформируемъ третье?

Я совѣтовалъ бы размыслить объ этомъ каждому, кого разбираетъ охота затѣять какое либо посланіе къ Русской интеллигенціи, или лично отправиться съ такимъ порученіемъ.

⁵⁵ Какъ не найти! Но найдутся ли простачки выслушать ихъ?

⁵⁶ Русскіе частенько любятъ играть въ куклы. Тогда, благодаря ловкости Польской интриги, куклою были Поляки. Здравомыслящая часть Русскаго общества и тогда съ горестью глядѣла на такое увлеченіе. Теперь роль куклы перешла къ Жидамъ; но развѣ не слышится уже въ извѣстной части Русскаго народа голоса противъ подобной негѣпницы?

Между кѣмъ переговоры? Между государствомъ, располагающимъ миллиономъ штыковъ, и горстью людей, лишенныхъ не только всякихъ средствъ матеріальной защиты, но и законнаго права заявлять о своемъ существованіи.

Положимъ, что, не смотря на все это, мы предстанемъ передъ правительствомъ, хотя я ни какъ не могу понять, кто и въ силу какихъ титуловъ, могъ бы облечься подобнымъ назначеніемъ; предположимъ, однако же, что мы пришли и говоримъ: «Начнемъ вести переговоры.» На это правительство отвѣтитъ намъ: «Съ кѣмъ же и о чемъ я стану совѣщаться? Въ 1863 году вы подняли на Россію дипломатію всей Европы и собственное ваше оружіе. Дипломатію всей Европы и васъ Россія побѣдила. Съ тѣхъ поръ она будетъ не договариваться съ вами, а предписывать вамъ свою волю.»

Твердыя дѣйствительно слова, весьма твердыя! Однако же, не лучше ли выслушать ихъ заблаговременно отъ самихъ себя, чѣмъ довести дѣло до того, что подобныя же рѣчи будутъ высказаны намъ во всеуслышаніе?

И такъ, отмѣтимъ это у себя, и будемъ крѣпко помнить, что въ настоящемъ положеніи нашемъ мы не можемъ питать надежды договариваться съ Россіею, какъ во времена Владислава Ягайла договаривалась Польша съ Литвою, ни какъ въ 1862 году Маркграфъ Велѣпольскій могъ говорить за насъ въ Петербургѣ, благодаря особенному промыслу Провидѣнія, великодушію Монарха, тогдашнему настроенію Русскаго народа, и не совершеннымъ еще нами ошибкамъ 1863 и 1864 годовъ.

Прошу замѣтить, что я вовсе не думаю развивать здѣсь той мысли, будто для Россіи было бы дѣломъ не возможнымъ,⁵⁷ или бесполезнымъ,⁵⁸ возвратиться, хотя бы и сегодня, къ соображенію 1862 года. Это могло бы осуществиться съ цѣлью болѣе скорого исцѣленія извѣстныхъ ранъ,⁵⁹ въ видахъ оказанія услугъ⁶⁰ дѣлу общей образованности, дѣлу, столь свойственному каждому народу, въ особенности же столь могущественному, и наконецъ изъ желанія развязать себѣ руки для рѣшенія какой ни будь великой исторической зада-

⁵⁷ Все возможно, но только осторожно!

⁵⁸ Въ этомъ-то и заключается вся суть.

⁵⁹ Какихъ?

⁶⁰ И безъ васъ оказываются эти услуги какъ нельзя лучше.

чи. ⁶¹ Я только утверждаю то, что сужденіе о пригодности и пользѣ подобнаго средства принадлежитъ одному Русскому правительству. ⁶² Мы же, какъ заинтересованная сторона, дѣйствовавшіе всегда непріязненно противъ Россіи, а въ 1863 и 1864 окончательно раздавленные ею, ни въ какомъ случаѣ непригодны принять на себя роль совѣтниковъ. По моему разумѣнію, мы не могли бы найти себѣ болѣе ложной точки выхода, если бы пожелали давать совѣты правительству, не сдѣлавъ сперва искренно того, что на политическомъ языкѣ нашихъ предковъ называлось акцессомъ, т. е., предупредительнымъ сближеніемъ съ правительствомъ. ⁶³

Россія можетъ или возвратиться къ соображенію 1862 года, что она выговорила себѣ формально передъ лицомъ Европы въ извѣстныхъ правительственныхъ актахъ, ⁶⁴ или выработать новыя соображенія, или же воспользоваться тѣми, какія могутъ представиться въ данную минуту. ⁶⁵ Во всякомъ случаѣ она сдѣлаетъ это не прежде; ⁶⁶ ибо сдѣлать не можетъ, пока непременно не убѣдится, что мы разъ навсегда перестаемъ быть для ней непріязненнымъ тѣломъ; что мы самымъ искреннимъ образомъ признали ея Славянское предназначеніе, и при осуществленіи этого безусловно останемся вѣрнѣйшими ея союзниками.

Собираться же въ настоящее время между собою, совѣтоваться, составлять условія единенія нашего съ Русскимъ народомъ, мы не въ правѣ. ⁶⁷ Со всякимъ подобнымъ дѣйствіемъ мы не только не можемъ ни чего предпринять явно, напротивъ, должны бы укрываться, какъ съ какимъ ни будь преступнымъ намѣреніемъ.

Вотъ гдѣ наказаніе за вѣковое злоупотребленіе священнѣйшимъ правомъ, какое только дается народу, правомъ совѣщанія о необходимыхъ общественныхъ нуждахъ!

И эту чашу мы должны испить до дна изъ рукъ неумолимой

⁶¹ Этой задачѣ Поляки не въ состояніи ни помочь, ни воспрепятствовать ей.

⁶² Понимаемъ!

⁶³ А послѣ того, стало быть, могли бы?

⁶⁴ Неправда!

⁶⁵ Ждите того, или другого, либо же третьяго, какъ Жиды Мессіи.

⁶⁶ Блаженъ, кто вѣруеть: тепло ему на свѣтѣ.

⁶⁷ Да и никогда.

исторической Немезиды: ни одна ея капля не будетъ намъ прощена суровымъ, но всегда справедливымъ, приговоромъ. ⁶⁸

И такъ всѣ наши затѣи сводятся къ весьма скромной формѣ. Однако же, въ подобныхъ скромныхъ формахъ совершились въ исторіи человечества обширнѣйшія возрожденія.

Дѣло, по моему мнѣнію, должно начаться въ предѣлахъ самоличной совѣсти.

Въ ней-то, по своему существу, должно совершиться наше соединеніе съ Русскимъ народомъ, отъ котораго зависитъ будущность наша и всего Славянства, возрожденіе наще и самаго Русскаго народа, ⁶⁹ возрожденіе всего Славянства, на исключая ни одной его отрасли. ⁷⁰ И это совершится непременно, хотя и не вдругъ, въ совѣсти однихъ раньше, въ совѣсти другихъ позже, какъ это обыкновенно случается, когда идеи новаго порядка вещей начинаютъ распространяться по лицу земли.

Но что означенное наше соединеніе совершится непременно, ⁷¹ несмотря на всѣ предвидимыя и непредвидимыя преграды, не смотря на собственное наше отвращеніе и козни враговъ, которымъ наше примиреніе не по вкусу, я этому вѣрю столько же, сколько и тому, что послѣ зимы, которую теперь переживаемъ, наступитъ весна и свѣтъ облечется новою жизнію, хотя за это время не одного изъ насъ

....вѣчный свѣтъ покроетъ.

Болѣе точный и хладнокровный разборъ нашего вопроса съ каждымъ днемъ будетъ приобрѣтать большее число сторонниковъ тѣхъ болѣе, или менѣе, выводовъ, которые проводятся въ настоящемъ сочиненіи.

Самоличныя убѣжденія станутъ постепенно дѣлаться достояніемъ цѣлыхъ семействъ.

На этой ступени своего развѣтвленія они приобрѣтутъ необъятную мощь и правдивость, — качества, могущія обезпечить имъ дальнѣйшее, и съ той минуты все болѣе и болѣе ускоряющееся, развитіе.

⁶⁸ И совершенно по дѣломъ.

⁶⁹ Нечего возрождаться возрожденному уже.

⁷⁰ Это иная статья.

⁷¹ Дай-жо, Боже!

Образуются общественные кружки, проникнутые тою же политической мыслию; найдутся и орудія печати, которыя начнутъ смѣло заявлять свѣту свои мысли. Съ этой минуты ни что уже не будетъ въ состояніи удержать распространеніе свѣта.

Съ какой бы стороны ни встрѣтилъ сопротивленіе означенный процессъ, оно ни въ какомъ случаѣ не будетъ въ состояніи нанести ему дѣйствительнаго удара; одинъ онъ будетъ гармонировать съ природою, и по тому, выдержавъ напоръ, раньше, или позже, все преодолѣтъ.

Наконецъ наступитъ рѣшительная минута. Совершатся какія-то великія событія, вызванныя не нами, но которыми судьба позволитъ намъ воспользоваться, на примѣръ: война между Россією и Нѣмцами, или Австрією, или тою и другою вмѣстѣ.

Въ то время сохраненіе нами Русскому народу непоколебимой пріязни, хотя бы еще и недовѣрчиво принятой, мужественное выстуупленіе съ нимъ въ однихъ рядахъ, доказательство на дѣлѣ, какъ умѣемъ мы пребыть вѣрными избранному нами разъ на всегда стремленію къ общему Славянскому отечеству, все это, вмѣстѣ взятое, можетъ безотлагательно открыть передъ нами поприще такого благополучія, о какомъ, при настоящемъ нашемъ убожествѣ, нѣтъ возможности говорить, и едва только можно мечтать.

Пораздумаемъ, и мы убѣдимся, что не иначе совершился и ходъ настоящаго процесса объединенія Нѣмцевъ.⁷²

Никогда бы это племя не достигло того блестящаго положенія въ мірѣ, какимъ оно теперь наслаждается, если бы стремленіе къ общему Нѣмецкому отечеству не овладѣло, сперва каждую въ отдѣль-

⁷² Быть можетъ любопытно будетъ привести здѣсь, какимъ образомъ Ю. У. Нѣмцевичъ, въ «Запискахъ» своихъ, въ 1819 г., описываетъ впечатлѣніи при извѣстіи о первыхъ проявленіяхъ Нѣмецкаго объединенія:

«Въ Германіи, говорятъ онъ, умы возбуждены: кромѣ мелкихъ владѣльцевъ и Баварскаго Короля, никто изъ властей не далъ конституціи.

«Университетская молодежь воспламенена до крайности: каждая дѣлается великимъ Нѣмецкимъ народомъ овладѣла этими молодыми головами.

«Они выдумали себѣ слово «Deutschthumъ» подъ которымъ государство, раздѣленное между столь многими Князьками, считаютъ однимъ Нѣмецкимъ отечествомъ. Они возобновили давнюю Нѣмецкую одежду, какую мы видимъ на картинахъ Гольбейна.

ности грудью; если бы отдѣльные народы, составляющіе это благородное племя, не поспѣшили, съ такою братскою вѣрою, на помощь одному въ то время, когда ему стала угрожать война съ Франціею. Мы видѣли, какъ эта послѣдняя жестоко ошиблась, предполагая, что и нынѣ, какъ за нѣсколько десятковъ лѣтъ передъ тѣмъ, приманка Рейнскаго Союза, находившаго въ ней опору, въ состояніи будетъ раздвоить силы всего племени и, придавивъ однихъ, обмануть прочихъ.

Исторія не ждетъ. Со временемъ наступить, по несчастью, должно наступить, ⁶⁷ кровавое столкновение между Россіею и ея ближайшими сосѣдями. Не трудно предвидѣть, что послѣдніе будутъ рассчитывать также и на то, что ловко преподнесенная намъ приманка, въ видѣ какого-то народнаго воскресенія, послужитъ превосходною диверсіею противъ Россіи. Если бы имъ удался такой расчетъ, то равнубетоя, въ итогъ они провели бы и насъ точно также, какъ Наполеонъ, во времена Герцогства Варшавскаго и Рейнскаго Союза, провелъ и ихъ и насъ.

Слѣдовательно, теперь мы обязаны болѣе всего желать одного, объ одномъ всячески стараться, къ одному готовить себя, чтобы и они когда либо также ошиблись въ расчетѣ, какъ Франція, годъ тому назадъ.

Въ настоящее время это—ближайшая наша задача, безотлагательная обязанность, которую, полагаю, мы должны заняться, не теряя ни одной минуты, по тому что и событія наступаютъ неожиданнѣе и скорѣе, чѣмъ слѣдовало бы ожидать при спокойномъ расчетѣ. Было бы неописаннымъ несчастіемъ, если бы какія либо событія большой важности нашли насъ не подготовленными въ нашихъ мнѣніяхъ и стремленіяхъ, какъ это, до настоящаго времени, случалось нѣсколько разъ.

Не наши перья и торги, но великія историческія событія, сплю-

«Въ Геттингенѣ, Іенѣ, Тюбингенѣ изъ за незначительныхъ споръ съ мѣщанами дошло до кровопролитія.

«Правительства, видя такое замѣшательство, склонили нѣкоторыхъ писателей возстать противъ излишней свободы Университетовъ...»

Что сказали бы сочинитель этѣхъ словъ, если бы дожилъ до событій 1866 и 1871 годовъ? Чѣмъ же стали въ настоящее время тѣ, которые въ 1849 году выдумали себѣ слово «Deutschthum,» и чѣмъ стали мы?

⁶⁷ Конечно!

тять желѣзомъ дѣло соединенія двухъ народовъ, подготовленное въ тайникахъ самоличной совѣсти, а кровь, пролитая въ однихъ рядахъ и во имя общаго дѣла, освятить его. «Кровью и желѣзомъ!» таковъ былъ кличъ о спасеніи Нѣмецкой земли одного изъ теперешнихъ отличнѣйшихъ сыновъ ея. Нѣтъ другого символа и для насъ въ той страшной борьбѣ за существованіе, въ которой сразится все живущее, все, отъ вырастающаго въ одну ночь гриба до человѣка, и еще дагѣе—до цѣлыхъ народовъ и породъ.

Однако же, кровь и желѣзо не исключаютъ разума. Требуется большая подготовка, чтобы сѣумѣть воспользоваться обоими. Мы обильно проливали нашу кровь во времена Герцогства Варшавскаго; но, примкнувъ, или, скорѣе, бывъ вынуждены обстоятельствами примкнуть къ той сторонѣ, за которой не могло быть исторической будущности, къ сторонѣ всемирной Наполеоновской монархіи, мы ничего не вынесли для себя изъ этихъ войнъ, кромѣ нищеты и гнета. Россія же, напротивъ, постоянно крѣпла въ могущество, не смотря на бѣдствія войны, не смотря на неисчислимыя потери въ людяхъ и имуществѣ. ⁶⁸ Отъ чего? Такъ какъ паденіе ея повлекло бы за собою гибель и всего Славянства, то есть всемогущая и невидимая рука, которая всегда спасаетъ ее.

Будемъ же вѣрить въ звѣзду Россіи! Эта звѣзда цѣлаго народа гораздо вѣрнѣ той нѣкогда звѣзды единоличнаго воителя, подъ которою, полвѣка тому назадъ, мы строили такія необъятныя надежды и ради которой мы готовы были ити съ нимъ на край свѣта.

Распространимъ же и укрѣпимъ эту вѣру между нами!

«Кровью и желѣзомъ!»—только не противъ Россіи, но въ однихъ рядахъ съ Россіей, и мы стяжемъ болѣе благотворныя условія быта, если не для сходящаго уже съ поля поколѣнія, по тому что старымъ судьба рѣдко возвращаетъ свою улыбку, то, по крайней мѣрѣ, для дѣтей нашихъ, для тѣхъ грядущихъ поколѣній, которыхъ милосердый Богъ всегда избираетъ цѣлью своихъ благословеній, если благословить ихъ отцовъ.

VII.

И покажь ю очесемъ твоимъ, и тамо не видяши. Второзак. XXXIV, 4.

Мы приближаемся къ предѣлу нашего труда. Однако же, прежде чѣмъ мы скажемъ послѣднее слово, остановимся на минуту и огля-

⁶⁸ И козни Польской партіи.

немся назадъ, приведа на память главнѣйшія мѣста пройденнаго пути.

Прежде всего мы видѣли, какъ недостатокъ высшаго государственнаго строя былъ причиною потери народной независимости.

За тѣмъ мы видѣли, какъ, со времени нашего паденія и до настоящаго дня, противъ насъ было, и есть, все и всѣ на свѣтѣ: судьбы или общее направленіе событій, люди или выгоды сосѣдей, сколько ихъ ни окружаетъ насъ, и наконецъ наша собственная матеріальная немощь.

Мы убѣдились, что недостающихъ у насъ матеріальныхъ силъ мы никогда не будемъ въ состояніи выработать; ибо для этого необходимъ строй, стоящій вровень съ временемъ, а мы лишены всякой возможности, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ, устроиться, какъ отдѣльное цѣлое.

Убѣдились мы также и въ томъ, что нравственныя силы, на сколько онѣ неоспоримо многозначащи въ борьбѣ за существованіе, не только самоличное, но и собирательное, въ борьбѣ за политическое существованіе, могутъ доставить что либо вѣрное только при соотвѣтственной долѣ матеріальныхъ силъ.

Отсюда мы вывели заключеніе, что наша борьба за политическое существованіе не можетъ съ тѣхъ поръ быть борьбою исключительно Польскою; что сознаваемую въ себѣ нравственную мощь мы должны соединить съ чужими матеріальными силами, чтобы, хотя въ новомъ какомъ ни будь составѣ, послѣ столѣтняго усыпленія, отдохнуть наконецъ политическою жизнію, столь необходимою даже для человѣка, взятаго въ отдѣльности; получить возможность сдѣлаться полезными для человѣчества дѣятелями; однимъ словомъ, получить возможность выйти изъ печальнаго страдательнаго положенія, въ какомъ человѣческія силы только погибнуть.

Мы видѣли, что ожидало бы насъ не самолично, но какъ породу, въ случаѣ включенія въ Прусскія владѣнія.

Обсудили мы также и то, къ какому хаосу спорныхъ и насильственно стремящихся къ разложенію началъ привели бы мы послѣдующія поколѣнія, если бы бросились въ объятія Австріи, побуждаемые къ этому какимъ-то непростительнымъ съумасбродствомъ, или минутами крайняго отчаянія.

Такимъ путемъ соединеніе съ Русскимъ народомъ, а, при его посредствѣ, и съ остальными братскими Славянскими отраслями, съ

возрастающею ясностію представлялся глазамъ нашимъ, какъ неизбежная историческая необходимость.

Мы сказали себѣ, что разумъ долженъ подчиниться необходимости, и не одинъ разумъ, но и сердце, хотя и растерзанное, окровавленное, но въ то же время послушное Богу, высочайшему зиждителю всякой необходимости.

Въ это же время, казалось намъ, мы слышали какъ бы тихое предостереженіе Всевышняго не упадать духомъ; ибо то, чему мы съ твердою покорностію судьбѣ полагаемъ нынѣ начало, принесетъ послѣдующимъ поколѣніямъ послѣдствія, исполненные счастья и радости.

Послѣ этого намъ осталось заботиться единственно уже о томъ, чтобы отыскать переходъ, такъ сказать, способъ естественнаго приращенія нашего историческаго прошлаго къ предназначеннымъ имъ новымъ формамъ, соответствующимъ новымъ условіямъ политической жизни въ мірѣ.

Этотъ переходъ отъ Польскаго вопроса къ вопросу Славянской будущности почерпнуть нами въ чисто человѣческомъ вопросѣ, имѣющемъ въ виду одно нравственное существо человѣка.

Такимъ образомъ всѣ основанія, пути и будущность нашей борьбы за существованіе, можно выразить ниже слѣдующими словами:

Сдѣлаться на нѣкоторое время людьми; *⁹ направить въ этотъ періодъ нашего бытія всѣ наши силы къ укрѣпленію и распространенію между нами великихъ основаній образованности: чистоты личныхъ и семейныхъ нравовъ, любви къ труду, безусловнаго уваженія законовъ, безпристрастной любви къ правдѣ, хорошему и прекрасному; наконецъ, въ особенности, сохраненія истинной вѣры, проистекающей изъ чистаго сердца и запечатлѣваемой дѣлами.

Совершить этотъ переходъ съ большою покорностію. Принять за исходную точку тѣ условія жизни, въ которыя поставила насъ судьба; не смотря на ихъ упорность, постепенно сокрушать ихъ силою воли, сознающею и себя и свои пути.

Шагъ за шагомъ расширять законную почву труда, не только лично экономическаго, но и общественнаго, въ пользу края. Распространять же его съ тѣмъ желѣзнымъ постоянствомъ и вѣрою въ Про-

*⁹ А по истеченіи этого вѣкотораго времени?

мысль, съ какою пионеры Новаго Свѣта пріобрѣтали пядь за пядью земли во имя образованности, приносимой ими съ собою на отдаленные берега.

Не соблазняться достигнуть 'многого съ разу, не стремиться свыше силъ, но и никогда не отступать, а въ особенности никогда не уклоняться съ однажды избраннаго пути, хотя бы намъ предстояли самыя блестящія приманки.

Каждому дню своя забота, завтрашній самъ о себѣ позаботится. Преемники наши поведутъ дѣло дальше: приготовимъ же ихъ къ этому примѣромъ собственной жизни.

Fata viam inveniunt. Судьбы найдутъ дорогу.

И такъ уже не какъ Поляки, но какъ люди, придемъ мы къ Русскому народу. Лишенные отдѣльнаго народнаго существованія, скажемъ ему: «Неисповѣдимыми судьбами, своими ошибками, а также и по вашей винѣ, мы боролись, въ продолженіе ста лѣтъ, съ судьбою, съ собою и съ вами, для возстановленія этого существованія ⁷⁰ въ прежней формѣ. Передовые изъ нашего народа, въ отчаяніи, оставляли край: какъ новые Энеи, мы унесли съ собою къ отдаленнымъ берегамъ побѣжденных пенатовъ, но не были, подобно ему, счастливы, и не могли, при помощи небесъ, возродиться въ какой либо новой Троѣ.

«Выбившись изъ послѣднихъ силъ, потерявъ изъ глазъ послѣднюю надежду, мы уже не хотимъ, ⁷¹ и не въ состояніи, ⁷² бороться. Слагаемъ оружіе: не передъ вами, но для васъ, въ лицѣ Бога.

«Изъ Его рукъ вы принимаете надъ нами власть: не забывайте же, подъ какими условіями онъ даетъ власть человѣку надъ человѣкомъ. Какъ побѣжденные, мы не можемъ предложить отъ себя никакихъ другихъ условій. ⁷³ Во всякомъ случаѣ съ настоящаго времени вы найдете въ насъ вѣрныхъ союзниковъ; ⁷⁴ давая намъ обѣтъ вѣрности, мы внимаемъ не влеченію сердца, не рѣдко непостояннаго въ человѣкѣ, но голосу обязанности. Обязанность эта требуетъ отъ насъ, послѣ принесенія тяжкихъ жертвъ, обезпечить обоюдное наше спокойствіе и развязать вамъ руки для скорѣйшаго осуществленія судебъ всего нашего Славянскаго міра. ⁷⁵

⁷⁰ Такъ вотъ Русскіе и повѣрятъ всякой белтовнѣ!

⁷¹ Сомнительно.

⁷² Нѣтъ сомнѣнья.

⁷³ Еще бы!

⁷⁴ Чтого вѣрится.

⁷⁵ Поздневѣко.

«Великая предстоитъ вамъ забота, какъ внѣ, такъ и внутри, государства: да поможетъ вамъ Господь и въ томъ и въ другомъ случаѣ достигнуть благоприятныхъ послѣдствій!

«Мы желаемъ съ вами трудиться; съ вами, если понадобится, страдать; дѣти, а правдоподобіе только внуки наши, будутъ радоваться вмѣстѣ съ вашими внучатами.

«Не требуйте отъ насъ свыше силъ. Мы не въ состояніи соединиться съ разу со всеѣмъ существомъ вашей народности. ⁷⁶ Предоставьте времени то, что можетъ выработать только время.

«Съ настоящаго времени мы вступаемъ въ общее политическое тѣло только какъ люди. ⁷⁷ Мы приносимъ съ собою глубокое сочувствіе ко всему, что возвышаетъ и облагораживаетъ природу человѣка, что обезпечиваетъ его труду возраставшую дѣятельность, что придаетъ его отношеніямъ къ подобнымъ ему существамъ болѣе ясную черту нравственнаго строя, что обогащаетъ его умъ, очищаетъ чувства, закаляетъ волю, дѣлая ее послушною разуму, что возноситъ его мысль изъ міра видимаго въ невидимый, и въ этихъ горнихъ высяхъ подготавливаетъ къ великимъ и святымъ подвигамъ. Такихъ сочувствій мы желаемъ искать между вами, и тамъ, гдѣ мы ихъ найдемъ, прочно соединить съ вашими и, въ этихъ точкахъ соприсношенія, основать новыя звенья соединенія двухъ народовъ. Наши преемники, съ теченіемъ событій, не упустятъ случай расширять эти узы, а время, этотъ неутомимый зодчій, сдѣлаетъ остальное.

«Довольствуйтесь тѣмъ, если, на первый случай, будутъ насъ соединять съ вами преимущественно одни человѣческіе и, въ извѣстной мѣрѣ, племенные, но не народныя, вопросы. Это согласно съ порядкомъ вещей: мы не въ состояніи уклониться отъ него, а вы не въ силахъ его измѣнить. Излишнимъ желаніемъ ускоренія 'перерожденія вы причините намъ много безполезныхъ страданій и огорченій, дѣла же вы не ускорите, а, напротивъ, замедлите, или сильно испортите его.

«Мы желаемъ быть вашими вѣрнѣйшими союзниками въ каждомъ честномъ трудѣ, на какомъ бы поприщѣ онъ ни касался человѣка, какъ человѣка.

⁷⁶ Да кто же этого требовалъ когда либо, или потребуетъ отъ насъ?

⁷⁷ Вотъ куда можетъ заводить угодность страстямъ партіи, угодность ихъ желанія быть выслушану, никого не возмущая! Все, что говорится далѣе, — чистая Жидовская діалектика!

«Не оставимъ васъ ни въ какой нуждѣ, ни съ кѣмъ противъ васъ не соединимся: ⁷⁸ развѣ этого для васъ недостаточно? ⁷⁹»

«У васъ дома есть общественные недуги; ⁸⁰ вы сами замѣчаете въ своей средѣ слѣды грознаго нравственнаго разложенія, которое слѣдуетъ предупредить заблаговременно. Собственные ваши журналы, съ сожалѣніемъ, раздирающимъ сердце, гласятъ, какъ многіе изъ вашей молодежи погибли нравственно, начиная съ двѣнадцатилѣтняго возраста. Политическій процессъ, ⁸¹ веденный прошлымъ лѣтомъ, открываетъ глазамъ внимательнаго изслѣдователя страшное опустошеніе, производимое между вами безразсудными общественными ученіями ⁸² и философскими теоріями. ⁸³ У васъ нѣтъ хорошихъ училищъ, по тому что ощущается недостатокъ въ хорошихъ учителяхъ. ⁸⁴ Нѣтъ у васъ и хорошихъ чиновниковъ; нѣтъ у васъ людей и для частной дѣятельности, въ томъ смыслѣ, какъ она понимается Нѣмецкимъ племенемъ, и какъ ее слѣдуетъ понимать, чтобы достигнуть умственной и экономической образованности, до какой дошло сіе послѣднее племя. ⁸⁵»

«Этимъ же общественнымъ недугамъ; съ небольшими видоизмѣненіями, подвержены и мы. ⁸⁶ Нѣкоторые изъ нихъ вы сами прививаете къ намъ, не для того, чтобы вы желали распространять заразу, но по тому, что, по недостатку людей, вы присылаете къ намъ чиновниковъ, не подвергая ихъ строгому испытанію въ общественномъ и политическомъ отношеніи, какъ бы это непременно слѣдовало дѣлать.

«Вопросъ угнетенія, а, въ случаѣ надобности, и совершеннаго

⁷⁸ Увидимъ.

⁷⁹ Да, недостаточно: «*Experto crede Roberto!*» а не словамъ, и словамъ чловѣка, равно какъ и народа, поставленнаго въ такое положеніе, что онъ иначе и не можетъ говорить.

⁸⁰ Укого же ихъ нѣтъ?

⁸¹ И въ каждомъ процессѣ, рядомъ съ нашимъ заблудшимъ, непремѣнно сидитъ и Полякъ-подстрекатель, ищущій мутной воды.

⁸² Пожалуйста, безъ нравоученій!

⁸³ Которыхъ въ сущности никогда и не было у насъ.

⁸⁴ А у васъ есть?

⁸⁵ Такъ не выписать ли все это изъ Польши, благо изъ Нѣмечины уже выписывали?

⁸⁶ То-то же!

истребленія просвѣщеннаго слоя нашего народа, ⁸⁷ до сихъ поръ бралъ у васъ верхъ, надъ всѣми другими, не только политическими, но, къ несчастію, и общественными, вопросами. ⁸⁸ Имъ создано желанное поле для многочисленныхъ послѣдователей разнообразнѣйшихъ превратныхъ теорій. Это тотъ Антоновъ огонь, отъ котораго со временемъ, а, быть можетъ, и скоро, сильно пострадаетъ и мы и вы. ⁸⁹ Не станемъ искать виновнаго: мы ли, вынудившіе васъ ожесточеннымъ упорствомъ нашимъ прибѣгнуть къ такимъ крайнимъ мѣрамъ, или вы, употребившіе ихъ: чтó бы изъ того ни вышло, вина наша общая. Лучше подумаемъ сообща, какъ бы скорѣе выйти изъ этого ужаснаго состоянія, положить предѣлъ возрастающей безнравственности, поставить, пока еще возможно, преграду тому, чтобы подъ усиліями, въ сущности направленными единственно противъ вредныхъ въ государствѣ зародышей, не гибли главнѣйшія основанія общественнаго порядка: неприкосновенность собственности, личности и души человѣка. Съ погибелью этихъ основаній общественная гниль быстрѣе холеры проникнетъ изъ нашего общества въ ваше. Всѣ мы тогда погибнемъ: чужіе овладѣютъ нами и вами, какъ толпою безоружныхъ существъ, и имя Славянина будетъ равносильно ключку раба, какъ это уже и было, когда кровь наша лилась въ Римскихъ циркахъ, для увеселенія всемогущаго народа, надъ Тибромъ. ⁹⁰

«На васъ покоятся надежды всего Славянства: ⁹¹ честь эта слѣдуетъ вамъ давно и справедливо: изъ всѣхъ Славянскихъ народовъ вы одни постоянное другимъ сочувствовали, въ послѣднее время, призываю соединенія во едино всѣхъ братнихъ племенъ. Вы же одни изъ всѣхъ Славянъ умѣли сохранить, по настоящее время, народную независимость, выработать въ себѣ начала исполнскаго могущества и, въ виду государствъ всего міра, занять положеніе, не уступающее первенства ни одному изъ нихъ. ⁹²

⁸⁷ Эту-то проклятую и отверженную Богомъ интеллигенцію и слѣдуетъ уничтожить для блага самой Польши и всего Славянства, а съ уничтоженіемъ ея не будетъ и Антонова огня у васъ.

⁸⁸ Если бы это было такъ, давно бы этого просвѣщеннаго вашего слоя, не существовало.

⁸⁹ Незараженнымъ нечего бояться его.

⁹⁰ Нечего страшать воображаемой погибелью для извѣстныхъ, впрочемъ, очень проврачныхъ, цѣлей.

⁹¹ Знаемъ это и безъ васъ.

⁹² Совершенная правда, но позднеенько сознаваемая нами.

«Со временемъ исторія будетъ изумляться величію внутреннихъ преобразованій, совершившихся въ краткій періодъ нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, со времени воцаренія великодушнаго Монарха, которому во всѣхъ его дѣянiяхъ сопутствуютъ благословенія милліоновъ людей, возвращенныхъ человѣчеству, благодаря его сердцу и рѣшимости.

«Возможно ли же, чтобы такія надежды, чтобы столько достигнутыхъ уже сокровищъ просвѣщенія, порядка и матеріальнаго могущества, сдѣлались когда либо жертвою соціальныхъ революцій, навѣянныхъ съ Запада, или постепенной Восточной гнили, разрушившей такое множество, нѣкогда столь сильныхъ, государствъ?»

«Искреннее примиреніе двухъ народовъ дастъ возможность благомыслящимъ людямъ обѣихъ народностей соединиться въ одномъ усилии, съ цѣлю искорененія, въ самомъ зародышѣ, опаснаго соціализма, поддержанія правительства въ его усиліяхъ создать мѣстное управленіе, достойное этого имени, и вдохновить всѣ отрасли народнаго хозяйства. На этомъ поприщѣ, мы, слабые матеріально, можемъ принести вамъ въ дань сокровища мощи, умѣнья, доброй воли и довѣрія, ⁹³ лишь бы только вы, забывъ давніе споры, пожелали признать и уважать въ нашемъ лицѣ людей. На такомъ поприщѣ мы можемъ, и должны, взаимно подать другъ другу руки. ⁹⁴

«Противъ этого со стороны лицемѣрно нашептываютъ намъ, будто вы народъ, проникнутый уже насквозь гнилью; будто, въ соединеніи съ вами, мы никогда не достигнемъ ни уваженія собственности, ни личной безопасности, ни, что всего дороже, неприкосновенности совѣсти. ⁹⁵ Мы отвращаемъ уши отъ подобныхъ предательскихъ голосовъ, и ни въ какомъ случаѣ не желаемъ покровительства и помощи исконныхъ и естественныхъ враговъ Славянскаго племени. Съ настоящаго времени мы рѣшились ити съ вами всегда въ однихъ рядахъ, въ той увѣренности, что это единственное средство спасти себя и другія слабыя Славянскія племена, а, быть можетъ, и васъ самихъ, ⁹⁶ теперь столь могущественныхъ, отъ

⁹³ Шутите! Этихъ благъ не больше и у васъ, какъ и у насъ.

⁹⁴ Такъ вотъ въ чемъ дѣло: помиримся съ Русскими, и пойдемъ къ нимъ въ начальники. Нельзя: ваканція занята!

⁹⁵ Т. е., признавать Папу Богомъ? Какое намъ до этого дѣло?

⁹⁶ О насъ не тужите!

низведенія на степень обреченныхъ къ смерти низшихъ породъ, будто бы неспособныхъ принять высшую образованность и не имѣющихъ права существовать на землѣ, въ виду породъ, считающихъ себя высшими... ⁹⁷

«Но, одновременно съ принятіемъ на себя столь обширныхъ и рѣшительныхъ обязанностей, мы уполномочены, ⁹⁷ въ силу превышающаго нашу и вашу волю, права божественнаго, естественнаго, требовать отъ васъ всякихъ политическихъ выгодъ и общественнаго быта, къ которымъ гражданство ваше кому либо открываетъ дорогу.»⁹⁸

«Всякое изъятіе насъ изъ подъ общественнаго закона, всякое исключительное ограниченіе нашей дѣятельности, всякое воспрещеніе доступа намъ къ какому бы то ни было отправленію общественной и политической жизни, всякое прегражденіе путей, доступныхъ другимъ, къ образованію, труду, приобрѣтенію собственности, всякое лишеніе насъ возможности распоряжаться ею, всякое недоверіе къ нашей религіи; ⁹⁹ все это, вмѣстѣ взятое, мгновенно подорветъ смыслъ жизни и останется однимъ вопіющимъ злоупотребленіемъ. Цѣлый рядъ мѣропріятій, направленный прежде противъ непріязненныхъ вамъ началъ, долженъ рушиться передъ тѣми голосами, жаждущими справедливости, которые заключили съ вами соединеніе въ своей совѣсти, и готовы доказать это всегда своими дѣлами.»¹⁰⁰

«Этого равенства передъ закономъ мы достигнемъ, не смотря на всѣ преграды и затрудненія, и достигнемъ путемъ спокойнаго законнаго пріема, при помощи живого и печатнаго слова и молитвы, подобно Англійскимъ Католикамъ, достигшимъ, за сорокъ лѣтъ передъ тѣмъ, своего освобожденія, и Шведскимъ, годъ тому назадъ добившимся того же. Мы почерпаемъ нашу надежду въ томъ, что

⁹⁷ Точки въ подлинникѣ!—Это болтовня Нѣмецкихъ верхоглядовъ, не стѣщая не только опроверженія, но и никакого вниманія.

⁹⁸ И такъ, все это предисловіе къ условіямъ! Какъ же это сочинитель доказываетъ передъ тѣмъ на всѣ лады, что Русскіе не примутъ условій, а Поляки не могутъ предлагать ихъ?

⁹⁹ Не уже ли же и всендзамъ, этимъ пламеннѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ слугамъ и ученикамъ Езуитовъ, мы должны будемъ угождать во всемъ?

¹⁰⁰ Поляки могутъ говорить такимъ образомъ только доказавъ на дѣлѣ чистосердечіе своего примиренія, а до того все это—слова, слова и слова!

за насъ будутъ священнѣйшія начала общественной благоустроенной жизни, логика вещей и ваша собственная логика. ¹⁰¹

«Достигнувъ равноправности, воспользуемся ею для того, чтобы, въ обитаемыхъ нами областяхъ, мѣстное населеніе, просвѣщенное и уважаемое, приняло такое же участіе въ управленіи своихъ интересовъ и въ служеніи Престолу, какое существуетъ въ областяхъ, составляющихъ ваше гнѣздо. ¹⁰² Воспользуемся ею и для того, чтобы поднять уровень земледѣлія и промышленности нашего края, при помощи учрежденій, въ несомнѣнной пользѣ которыхъ, и даже необходимости, убѣждаетъ насъ примѣръ образцоваго состоянія хозяйства въ чужихъ краяхъ, а въ особенности у Нѣмцевъ. Приложимъ ее и къ наполненію нашихъ училищъ воспитателями не только просвѣщенными, но и испытанной нравственности, которымъ мы могли бы поручить дѣтей нашихъ, не опасаясь, что изъ нихъ выйдутъ соціалисты и нигилисты, о которыхъ вы сами говорите намъ съ справедливымъ ужасомъ и омерзѣніемъ. Этому соціализму мы объявимъ смертельную войну на всѣхъ соприкосновеніяхъ, и выдержимъ ее съ успѣхомъ, по тому что мы съумѣемъ сквозь кожу узнать опаснѣйшихъ послѣдователей, т. е., тайно-соціалистовъ и тайно-нигилистовъ невидимыхъ, и самими лишь себѣ извѣстныхъ лицемѣровъ, находящихся, по несчастію, даже и въ управительственныхъ сферахъ, которые, подъ видомъ приверженности къ общественному порядку и Престолу, безразсудною, или преступною, рукою разрушаютъ священнѣйшія основы перваго и сильнѣйшія опоры втораго. ¹⁰³

«Вотъ наша программа. Никакой мысли объ отдѣленіи: напротивъ, на вѣки съ вами, но съ Богомъ! Согласитесь же сами: при такой программѣ было бы преступно усомниться въ помощи Божіей и его благословеніи. ¹⁰⁴

«Желаете ли, чтобы я выразилъ въ нѣсколькихъ словахъ всю нить высказанныхъ мыслей? И такъ, изъ благороднѣйшихъ началъ уничтоженной Польской народности ¹⁰⁵ образуется, раньше, или позже,

¹⁰¹ Увидимъ.

¹⁰² Какъ будто эти области Польскаго происхожденія! Какъ же это такъ?

¹⁰³ Что это? Не споримъ, что изъ интеллигенціи нашей выдавались замѣчательные шпегі.

¹⁰⁴ Въ Богѣ-то мы не сомнѣваемся, но вы—иная статья.

¹⁰⁵ Какихъ въ ней никогда и не было, по крайности той народности, какую Поляки всегда себѣ представляли, подразумевали и хвалились ею.

огромная охранительно-Славянская партія. ¹⁰⁶ Символами этой партіи будутъ:

Политическое соединеніе съ Русскимъ народомъ навсегда, а, при посредствѣ Россіи, и съ остальнымъ Славянствомъ. ¹⁰⁷

Гражданственность, а чрезъ нея и нравственная связь съ чело-
вѣчествомъ.

Неприкосновенность совѣсти.

Правосудіе въ законахъ.

Уваженіе труда, лицъ и собственности.

Законное и нравственное возвышеніе семьи.

Попечительное воспитаніе юношества.

Просвѣщеніе низшихъ сословій.

Основа нравственности во всѣхъ слояхъ общества.

Вѣрность Монарху и Царствующему Дому, какъ ручательство и основаніе всего.»

Вотъ какимъ образомъ, полагаю, мы могли бы и должны безотлагательно напомнить о себѣ. Въ моемъ убѣжденіи, въ настоящее время, это единственно возможная постановка нашего вопроса.

На этомъ пути мы должны постепенно, шагъ за шагомъ, приоб-
рѣтать себѣ новыя условія жизни. Какъ въ продолженіе многихъ
лѣтъ вокругъ насъ нагромождались однѣ развалины, такъ и возоб-
новленіе зданія, правдоподобно, должно продолжаться долгіе годы.
Напрасно мы теряли бы терпѣніе: какъ только можемъ мы окинуть
взоромъ, не видно другой дороги. ¹⁰⁸

Какъ въ отношеніяхъ частныхъ, такъ и въ отношеніяхъ между-
народныхъ, однажды утраченное довѣріе нелегко и нескоро возста-
новляется. Оно возвращается не словами, но продолжительнымъ
рядомъ поступковъ, ¹⁰⁹ а для этого необходимо время и подходящія
обстоятельства.

¹⁰⁶ Не вѣрится что-то, но желательно.

¹⁰⁷ Безъ Россіи то немислимо для насъ.

¹⁰⁸ Совершенная правда!

¹⁰⁹ Давайте же ихъ намъ!

И такъ для начала у насъ находятся въ распоряженіи не слишкомъ счастливыя предвѣщанія. Но это, какъ я сказалъ уже выше, касается только насъ, старыхъ. Вѣроятно же всего, мы перемремъ, не дождавшись лучшихъ дней.... ¹¹⁰ Впрочемъ, кто можетъ знать? Неисповѣдимы иногда пути Провидѣнія! Но послѣдующія поколѣнія несомнѣнно увидятъ лучшую долю, лишь бы мы умѣли выдержать до конца избранное направленіе. Если же это единственно оставшійся намъ путь для обезпеченія доли политической жизни, при отсутствіи которой человекъ перестаетъ быть человекомъ, то слѣдуетъ вооружиться достаточною любовью и мужествомъ, чтобы выполнить безъ ропота то, что намъ предписываетъ обязанность, и перенести безъ жалобъ неизбѣжную предсмертную муку.

Продолжительный опытъ жизни заставилъ меня потерять вѣру въ дѣйствительность крутыхъ мѣропріятій.

Съ тѣми, которые мечтаютъ, что лишь бы завилось Австрійское знамя на верхушкѣ Варшавскаго замка, или раздался звукъ трубы Мадьярскихъ гусаръ на Саксонской площади, и край, какъ бы по мановенію чародѣйскаго жезла, зацвѣтетъ, неизвѣстнымъ до тѣхъ поръ, благополучіемъ, съ такими кто же пожелалъ бы вступать въ препираніе? Есть еще мечтатели, надежды которыхъ, хотя и не столь вычурны, однако же равнымъ образомъ ничтожны. Имъ кажется, что достаточно двухъ словъ, припечатанныхъ въ Дневникѣ законовъ: «самоуправленіе и народность,» и у насъ немедленно же будутъ: безпорочное управленіе, справедливость въ судахъ и честность во всѣхъ общественныхъ отправленіяхъ.... Однако же, ни справедливость, ни честность не достаются такъ легко.

Если бы кто сегодня обѣщалъ мнѣ въ одну минуту возвратитъ народу давно утраченное счастье, будь онъ и самъ могущественъ, тотъ скорѣе испугалъ бы меня, чѣмъ обрадовалъ.....

Великія дѣла осуществляются только постепенно и среди великихъ страданій. У меня нѣтъ желанія увлекать несбыточными надеждами ни себя, ни читателя. Однако же, было бы большимъ счастьемъ умереть съ тою увѣренностію, что наконецъ найденъ истинный путь, въ значительной мѣрѣ нами уже пройденный.

¹¹⁰ Такъ и въ подлинникѣ, равно и ниже вездѣ.

Есть книга, въ которой такъ намъ предписано: «И да не отступитъ книга закона сего отъ устъ твоихъ, и да поучаешься въ ней день и ночь, да уразумѣши творити вся писанная.» ¹¹¹

Эта книга, читатель, должна составлять всю основу нашего бытія; въ ней мы должны видѣть все заступничество нашихъ правъ; ее мы обязаны давать, для назиданія, братіи нашей, если бы кто либо, къ несчастію, не прочиталъ еще ее отъ первой страницы до послѣдней.

Съ нею въ рукахъ и въ сердцахъ горсти паломниковъ, двѣстѣ лѣтъ тому назадъ, переплывали океанъ, выходили на дикіе берега Сѣверной Америки, и насаждали первыя основанія того общества, имя котораго произносится теперь съ уваженіемъ на всемъ земномъ шарѣ.

Съ нею въ рукахъ и, дастъ Богъ, съ ея правилами въ сердцахъ, и мы скажемъ себѣ:

«Иногда не люди, нынѣ же люди Божіи.» ¹¹²

Э п и л о г ъ.

Въ началѣ настоящаго сочиненія я указалъ ясно, какихъ именно соотечественниковъ имѣлъ я въ виду, приступая къ изложенію моихъ мыслей. Кто изъ нихъ прочиталъ настоящій мой трудъ со вниманіемъ и до конца, тотъ, вѣроятно, убѣдился, что сочинителя пробудили отъ сна не литературные лавры. Предъ читателемъ лежатъ не книга, а дѣло: исполненная, какъ полагаю, послѣ многолѣтнихъ испытаній мысль и судьба, обязанность гражданина. Не безъизвѣстно мнѣ, съ какою легкостью можно сдѣлать нападеніе на высказанныя мною мнѣнія. Быть можетъ, кто либо пожелаетъ, въ краснорѣчивыхъ періодахъ, привести мнѣ на память много прекрасныхъ нравоченій, разгромляя немилосердно, во имя самыхъ патріотическихъ чувствъ, мой низменный способъ возрѣнія на современное положеніе общественныхъ нашихъ дѣлъ. Тѣмъ не менѣе это будетъ риторика, а не политика. Однако же, я первый буду рукоплескать и такимъ нападкамъ, если только противникъ не переступитъ той счастливой границы, внѣ которой не царствуютъ уже Музы, и рѣшить свою задачу по всемъ правиламъ искусства. Кто не знаетъ, что въ

¹¹¹ Исусъ Наванъ I, 8.

¹¹² 1 Петр. II, 10.

очаровательныхъ убѣжищахъ, огражденныхъ отъ ударовъ кровавой житейской борьбы покровительствомъ Парнасскихъ боговъ, можно созидать чудесные идеалы! Но это не болѣе, какъ цвѣты, безъ которыхъ, дѣйствительно, было бы скучно и пусто на землѣ, но въ то же время они и не составляютъ насущнаго хлѣба, столь необходимаго бѣднымъ изгнанникамъ изъ рая.

Между тѣмъ въ настоящемъ трудѣ дѣло идетъ именно о насущномъ хлѣбѣ. Сочинитель обращается къ отцамъ семействъ, къ тѣмъ, которые дадутъ отвѣтъ Богу за участь многихъ. Польша, какъ отдѣльная страна, перестала существовать давно, но продолжаетъ существовать въ семействахъ, и только на этомъ поприщѣ можно служить ей. Отцы семействъ въ настоящее время — дѣйствительные охранители интересовъ Польши; остальное же — призракъ, или насиліе.

Кому суждено охранять такіе интересы, тотъ обязанъ повиноваться началамъ политики. Однако же, увы, эти послѣдніе не похожи на тѣ идеалы, о которыхъ только что шла рѣчь!

Они носятъ характеръ самой холодной прозы, и могутъ быть выражены едва ли не слѣдующими словами: «Смотри, каковы у тебя карты: играй же сообразно и внимательно!»

Со времени окончательнаго паденія нашего отечества, у насъ дѣйствительно ни разу не было хорошихъ картъ; однако же, раза два были онѣ не дурныя, именно: передъ памятною ночью 1830, и передъ другою, 1863 года. Въ обоихъ случаяхъ мы не умѣли играть; въ обоихъ случаяхъ мы позволяли молодежи переманить весь народъ изъ разсудительной игры въ задорную.

Въ настоящее время, начиная съ 1870 года, Европа роздала себѣ новыя карты. Намъ, не смотря на видимую неудачу, достались такія, какихъ давно уже у насъ не было, лишь бы сѣумѣли мы повести соответственную игру. Будемъ же внимательны, чтобы, съ прежнимъ легкомысліемъ, опять не прокозыряться.

Болѣе же всего мы не должны позволять сбивать себя съ толку криками лжепатриотовъ; такими, на примѣръ: «Развѣ намъ, обиженнымъ, ожидающимъ правосудія съ вѣрою въ будущее, первымъ слѣдуетъ протянуть руку Россіи? Сама Россія обязана сдѣлать пред-

варительный шагъ, о чемъ должно говорить ей само благородство и предписывать собственный интересъ,¹¹³ и т. д.

Пустословія! Мы находимся въ состояніи утопающаго, которому нѣтъ времени пылать краснорѣчивымъ гнѣвомъ за то, что никто, изъ находящихся на берегу, не смотря на нравственную обязанность, не подаетъ ему руку. Онъ долженъ выбиваться къ берегу собственными силами, какія еще у него остались.

Полагаю, что въ подлежащемъ трудѣ я высказалъ ясно, какимъ образомъ мы можемъ прибрать въ наши руки свою судьбу, и, быть можетъ, я весьма ошибаюсь, или для насъ дѣйствительно остался только этотъ единственный способъ. Кто прочиталъ это сочиненіе разъ, пусть прочитаетъ его снова, по тому что предметы очень важные, а сжатость изложенія препятствовала мнѣ быть достаточно яснымъ. Что составляло предметъ размышленій цѣлыхъ годовъ, того, какъ можетъ судить самъ читатель, нельзя уяснить и оцѣнить въ какую ни будь четверть часа.

Пусть, блаженной памяти, Фаддей Чацкій поспѣшитъ къ намъ на помощь, ободряя насъ слѣдующими знаменательными своими словами: «Отказаться отъ дорогихъ дѣдамъ и отцамъ предразсудковъ во имя истины!»

За границей, въ Февралѣ 1872 года.

---

¹¹³ Не въ виду ли подобнаго зазыва все это и писано?

IV

МАТЕРІАЛЫ ИНОСТРАННЫЕ

Шкогда правили Русскими братья: Рюрикъ (Rurichus), Синеусъ (Sinaus) и Труворъ (Truvogus), родомъ изъ Варяговъ (Waregis) или Вагровъ (Wagriis), Князей Славянскаго народа у Каттегата и Зунда (ad sinum Codanum). Взявъ съ собою двоюроднаго брата, Олега (adscito sobrino Oleko), они раздѣлили между собою власть надъ Русью, предложенную имъ тамошними коренными жителями, по внушенію и совѣту гражданъ Великаго Новгорода, для того, чтобы эти братья обороняли ихъ отъ Кіевлянъ, войну съ которыми они едва выдерживали. Это было въ 6370 году отъ сотворенія міра и въ 861 ¹³¹ отъ Рождества Христова, по принятому Русскими Греческому лѣтосчисленію (текущій годъ отъ Рождества Христова 1663, начинающая послѣ Августа мѣсяца, отъ сотворенія міра). ¹³² По смерти же обонхъ бездѣтныхъ братьевъ, имъ наслѣдовалъ Рюрикъ, и умирая оставилъ наслѣдникомъ Государства несовершеннолѣтняго для правленія, единственнаго сына, Игоря (Igorem), подъ опекою Олега, который потомъ и возвратилъ этому Игорю увеличенное имъ Царство. Сынъ Игоревъ, Святославъ (Suatoslaus), отецъ рожденнаго внѣ брака Владимира (Volodimiri), который построилъ на рѣкѣ Клязьмѣ (Clesnam) Володимиръ; ¹³³ куда и перенесенъ престолъ Кіевскаго Княжества. Этотъ Владимиръ подчинилъ себѣ всю Русь, послѣ злодѣйскаго убійства своего брата, отъ законнаго брака, Ярополка (Jeorolcho), и Варяга (Varego) или Вагра (Vagrijo), Псковскаго Князя Рогвольда (Rochvologdo). А въ 6496 году отъ сотворенія міра и въ 987 по Рождествѣ Христовомъ, ¹³⁴ по слѣдамъ своей бабки съ отцовской стороны, Ольги (Olha), крестившейся въ 6463 году отъ сотворенія міра, и 954 отъ Рождества Христова, ¹³⁵ въ Константинополѣ, въ царствованіе Константина VIII-го ¹³⁶ ея восприемника, онъ тоже принялъ святое крещеніе при Восточныхъ Императорахъ Василии и Константинѣ, взялъ себѣ въ жену сестру ихъ, Анну, и славными дѣлами омылъ позоръ своего рожденія. По его смерти, изъ дѣтей и прочихъ его потомковъ, даже братьевъ Георгія (Georgium) и Ярослава (Jaroslauum) въ 6-мъ отъ него колѣнѣ, каждый старался захватить власть, раздѣ-

¹³¹ 862. О. Б.

¹³² Слѣдовательно, это сочиненіе свое Майербергъ писалъ въ 1663 году. О. Б.

¹³³ Владимиръ Мономахъ, а не Св. Владимиръ. О. Б.

¹³⁴ 988. О. Б.

¹³⁵ 957. О. Б.

¹³⁶ По другимъ счетомъ VI или VII. О. Б.

ленную между многими: губя другъ друга, они мало прославились въ войнахъ виѣшнихъ (если исключить праправнука Владимірова, Владиміра Мономаха). Эти самые Георгій и Ярославъ испытали такія невзгоды въ войнѣ съ напавшимъ на нихъ Татарскимъ Царемъ Батыемъ (а Batu), что когда первый палъ въ ней съ сыномъ, Владиміромъ,¹³⁷ Ярославъ не въ состояніи былъ наследовать ему, не отдавъ Татарской надменности въ порабощеніе ту Русь, которую, получилъ отъ предковъ свободною. Татары, высокоумѣрные отъ своего счастья, не только произвольно раздавали требующимъ Русскимъ безсильныя ихъ Княжества по частямъ, чтобы легче было поведѣвать слабыми, но съ гордымъ презрѣніемъ заставили Князей при встрѣчѣ Татарскихъ пословъ, и даже простыхъ гонцовъ, подносить имъ чапу съ кобыльимъ молокомъ, и если пьющіе прольютъ сколько ни будь на гриву своихъ лошадей, подлизывать, а когда введутъ пословъ во дворецъ, уступать имъ Княжескій престолъ и стоять почтительно предъ сидящими съ непокрытыми головами и читавшимъ грамоты Татарскаго Царя, подстилать самыя дорогіе горностаевыя мѣха и сами слушать ихъ на колѣняхъ. Послѣ того, какъ Данилъ, внукъ Ярослава, давно уже перенесъ Великокняжескій престолъ изъ Владиміра въ Москву, это позорное Татарское иго свергнулъ наконецъ сынъ правнука Данилова, Василія Темнаго. Иванъ, благодаря убѣжденію и хитрой выдумкѣ, помагавшей ему, супруги, Софіи Палеологъ (ихоге Sophia Paleologa): онъ погубилъ разнымъ лукавствомъ многихъ родственныхъ себѣ Князей, соединилъ Русь въ одно цѣлое и назвалъ ея единодержавнымъ Государемъ. По кончинѣ его, въ 1504-году,¹³⁸ сынъ и наследникъ его, Гавріилъ, извѣстный потомству подъ именемъ Василія, привелъ въ покорность всѣхъ другихъ Князей изъ Московскаго Княжескаго рода и возвратилъ Смоленскъ, а усилившись такими приращеніями, сталъ питать болѣе высокіе помыслы и присвоилъ себѣ Царскій титулъ, по свидѣтельству Герберштейна, Посла Римскаго Императора Максимилиана I-го, чего никогда потомъ не забывали его потомки. По тому что, по смерти его, въ 1533 г.,¹³⁹ взялъ себѣ этотъ Царскій титулъ, если и не нашелъ его въ отцовскомъ наследствѣ, сынъ его, Иванъ.

¹³⁷ Племянникомъ Василькомъ? О. Б.

¹³⁸ 1505 г., Октября 27 дня, по инымъ 1506. О. Б.

¹³⁹ 1534 г. О. Б.

извѣстный міру жестокостію, можетъ быть, ужь слишкомъ преувеличенною писателями, по покореніи Татарскихъ Царствъ Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго. А преемники не хотѣли казаться меньше своихъ предковъ. При своей кончинѣ, 18-го Марта, ¹⁴⁰ 1584 года, онъ оставилъ Царство сыну, Ѳеодору, гораздо больше способному къ пономарской должности, по заявленнымъ имъ опытамъ своего малодушія, не совмѣстнымъ съ его положеніемъ и; стало быть, готовому переносить всякія обиды. Когда же онъ умеръ, въ 1597 году, ¹⁴¹ безъ наследниковъ, отъ злодѣйской руки, своего шурина, Бориса Годунова (Borissi Goduni), имени котораго, по неблагоразумію, дозволилъ величаться выше своего Царскаго, тогда этотъ Годуновъ первый устранилъ отъ прародительскаго престола Князей изъ племени Рюрика и взошелъ на него, съ помощію коварныхъ и хитрыхъ происковъ. Однако жь, хоть и хорошо правилъ Царствомъ, достигнутымъ такимъ дурнымъ путемъ, совсѣмъ тѣмъ, замѣтивъ 1605 г. народную ненависть къ себѣ изъ того одобрительнаго говора, съ какимъ принялъ народъ пришедшаго изъ Польши обманщика Дмитрія (impostorem Demetrium), и не имѣя той силы духа, которая подкрѣпляетъ и учитъ людей мужественно переносить всякое зло до тѣхъ поръ, пока ещѣ опасается отъ нихъ какой нибудь крайней мѣры, Годуновъ отравился, въ малодушномъ отчаяніи, и уступилъ свое мѣсто сыну, шестнадцатилѣтнему юношѣ, Ѳеодору, при самомъ зловѣщемъ строеніи государства. Ѳеодоръ не на долгую себѣ радость получилъ Царскую власть: въ три мѣсяца его правленія природное непостоянство Русскихъ отъ него отвернулось и, по приказанію Лжедмитрія (Pseudo-Demetrii), онъ былъ удушенъ, 10-го Іюня, вмѣстѣ съ матерію, Марією. Но и Лжедмитрію не въ силахъ былъ долго править непостояннымъ народомъ: ведя легкомысленную и несогласную съ отеческими обычаями жизнь, онъ навлекъ на себя презрѣніе и ненависть и подалъ благоприятный случай людямъ, строившимъ ему погибель. Въ десятомъ мѣсяцѣ его правленія, 18-го Мая, 1606 года, онъ былъ растерзанъ народомъ, по Боярскому заговору, и уступилъ свое мѣсто главному зачинщику, Князю Василю Шуйскому (Basilio Suisco), потомку Рюрика изъ рода Суздальскихъ Князей. Однако жь, скоро наскучилъ онъ Москвитянамъ, по тому что не везло ему счастье. На четвертомъ году

¹⁴⁰ По другимъ Марта 19 дня. О. Б.

¹⁴¹ 1598 г., Января 7 дня. О. Б.

правленія они постригли его въ монахи, ¹⁴² хоть и противъ его воли, и, послѣ напраснаго сопротивленія, вмѣстѣ съ женою, Марією, силой отвели его въ мужской, а ее въ женскій, монастырь. ¹⁴³ Но это былъ еще не конецъ его злополучія. По избраніи въ Цари Владислава, сына Польскаго Короля, Сигизмунда III-го, на томъ, между прочимъ, условіи, чтобы Королевичъ, въ присутствіи Патріярха, Духовенства и Бояръ, перекрестился въ Можайскѣ (Mosaisci) по Московскому обряду, Василии Шуйскій былъ отосланъ къ нему плѣнникомъ, съ двумя братьями и другими родственниками. Не прошло еще и года, какъ онъ, сокрушенный бѣдствіемъ заключенія, умеръ въ Гостинскомъ замкѣ (in agere Gostinensi) Воеводства Равскаго (Palatinatus Ravensensis), вмѣстѣ съ братомъ, Димитріемъ. А Король Сигизмундъ, не желая, чтобы смерть вырвала у него изъ рукъ такой знаменитый трофей, поставилъ круглую часовню въ Варшавскомъ предмѣстьи (suburbano), называемомъ Краковскимъ (Cracoviense), и хотѣлъ похоронить въ ней обоихъ братьевъ, прибавъ тутъ еще мраморную дощечку, въ свѣдѣтельство своего счастья, которой надпись увѣковѣчила бы для потомства злую судьбу несчастныхъ. Однако жъ миръ, послѣдовавшій въ 1634 году, между Королемъ Владиславомъ и Великимъ Княземъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, дозволилъ Москвитянамъ перенести кости плѣнниковъ въ Москву, а Михаилу зарыть въ землю ту мраморную доску съ надписью, присланную къ нему Владиславомъ съ Адамомъ Киселемъ (per Adamum Kisielium), Кіевскимъ Каштеляномъ. ¹⁴⁴

Но Владиславъ долго еще раздумывалъ ѣхать въ Москву для принятія Царства, по совѣту медлительнаго отца, котораго справедливо ужасало то нечестивое условіе въ договорѣ, либо же самъ онъ желалъ Царскаго вѣнца. Москвитяне, наскучивъ этой мѣшкотностью, выбрали себѣ, въ 1613 году, Михаила, сына Ѳеодора Никитича Романова (Theodori Mikitowicz Romanow), который былъ въ то время Митрополитомъ въ Ростовѣ и потомъ Патріяр-

¹⁴² Юля 17 дня, 1610 г., лишень престола и отведень въ его домъ. О. Б.

¹⁴³ Юля 18-го, «повели Царя въ монастырь Чудовъ, а Царицу въ Ивановскій. О. Б.

¹⁴⁴ О пребывавіи Шуйскихъ въ Польскомъ плѣну, смерти ихъ тамъ и т. д.: см. мою статью, какъ особое добавленіе къ переводу съ Латинскаго «Дневника Корба во время посольства его въ Московское Государство.» М. 1868 г., стр. 376 — 379. О. Б.

хомъ. Этотъ Михаилъ давно еще сосланъ былъ Годуновымъ, вмѣстѣ съ матерью, Марѳою Ивановной (*Martha Juanova*), въ Ипатьевскій (*Ipatianum*) монастырь, въ одной верстѣ отъ Костромы (*Castrovia*), и проживалъ тамъ постоянно. Между обоими избранными въ Цари запылала война и велась съ переменчивыми случайностями непостояннаго счастья до 1634 года, когда, наконецъ, уступила мѣсто миру, утвердившему Михаила, по отреченіи Владислава, въ спокойномъ владѣніи Царствомъ. Когда же Михаилъ, 12-го Іюля, 1645 года, скоропостижно умеръ, на 50 году жизни, ему наследовалъ 11-ти лѣтній юноша, Алексѣй, немедленно вѣнчанный на Царство, на другой день послѣ отцовской кончины, благодаря ловкости своего воспитателя.

Если согласимся въ томъ, что рѣки тѣмъ знаменитѣе, чѣмъ неизвѣстнѣе ихъ истоки, и такъ же будемъ судить и о родахъ, неизвѣстность происхожденія которыхъ доказываетъ ихъ древность, то по необходимости должны будемъ сознаться, что родъ Романовыхъ самый знаменитый. Я долго отыскивалъ его родословной, но ни одинъ, мало мальски ясный, лучъ знанія, даже и на минуту, не блеснулъ мнѣ, бродившему въ потьмахъ, такъ какъ всѣ Москвитяне стараются оставлять въ невѣдѣніи о томъ иностранца. Охотно соглашаюсь, что Ѳедоръ, сынъ Ивана, послѣдній изъ древнихъ Русскихъ Князей, по прямой мужской линіи, назвалъ на смертномъ одрѣ своимъ наследникомъ Ѳедора Никитича Романова (*Theodorum Nikitowicz Romanowium*), какъ ближайшаго родственника и связаннаго съ нимъ самою тѣсною дружбой. По тому что навѣрно знаю, что Иванъ Васильевичъ, отличающійся отъ своего дѣда, прозваніемъ Грознаго (*tyranni*), вступилъ въ первое супружество съ Анастасією (*Anastasia*), дочерью Юрія, сына Захарія Романова (*filia Georgii ex Zacharia Romanowio*), и имѣлъ отъ нея дѣтей, Ивана и Ѳедора. Братъ Анастасіи былъ Намѣстникъ Новгородскій, Никита (*Nikitas Praefectus Novogrodiensis*), отецъ Ѳедора, котораго родственникъ его, тоже Ѳедоръ, назначилъ своимъ наследникомъ. Московскій Царь Годуновъ, по убіеніи родныхъ братьевъ этого Ѳедора: Александра, Василья, Льва и Михайла, изъ боязни, чтобы онъ не пожелалъ Царства, слѣдовавшаго ему по достоинству и по праву родства, сослалъ его потомъ въ монастырь Святаго Антонія (*S. Antonii*), на Сѣверномъ Океанѣ, при рѣкѣ Сискагѣ (*ad fluvium Syskagum*),¹⁴⁵ и прину-

¹⁴⁵ Вмѣсто Льва (*Leonem*) рабѣ Ивана, который сосланъ въ Цельмъ, куда пере-

диль дать монашенскій обѣтъ подѣ именемъ Филарета (Filaretus). Однако, вскорѣ онъ выбрался оттуда, получивъ санъ Митрополита Ростовскаго. Потомъ онъ состоялъ въ Посольствѣ отъ имени Московскихъ Воюръ къ Польскому Королю, Сигизмунду III-му, осаждавшему тогда Смоленскъ, вмѣстѣ съ товарищами: Княземъ Василемъ Васильевичемъ Голицынымъ (Duce Basilio Basilowicz Galiczino), Княземъ Даниломъ Ивановичемъ Мезецкимъ (Daniele Janowicz Miszeskio), и Дьякомъ Ѳомой Луговскимъ (Thoma Lugowski a secretis).¹⁴⁶ Они посланы были убѣдить Короля, чтобы какъ можно скорѣ прислалъ въ Можайскъ (Mosaiscum) своего сына, Владислава, избраннаго Великимъ Княземъ Московскимъ, для обращенія, согласно договору, въ Московскую Вѣру. Но Сигизмундъ отправилъ Ѳедора Романова подѣ стражей въ Каменку (Kamioncam); послѣ въ Мариенбургѣ въ Пруссіи его держали, гдѣ и услышалъ онъ, что на Московскій Престолъ взяли его роднаго сына, Михаила, при которомъ и былъ возведенъ на Русское Патріаршество. Я не согласенъ, однако жъ, съ тѣми, которые увѣряютъ, что онъ былъ изъ поколѣнія и родни Ивана Грознаго, по тому что ни самъ, ни потомки его, никогда не пользовались Княжескимъ, или Герцогскимъ, титуломъ, (titulo Knesiorum, sive Ducum), тогда какъ всѣ другіе, ведущіе по линіи родства свое происхожденіе изъ рода Московскихъ Великихъ Князей, еще и нынѣ пользуются этимъ титуломъ, да и передаютъ его дѣтямъ. Ибо, если бы Романовы отличались самымъ знаменитымъ происхожденіемъ, Москвитяне, обыкновенно превозносящіе, но врожденному хвастовству, свои дѣла до небесъ, не только не захотѣли бы скрывать это, но еще прожужжали бы этимъ уши даже и тому, кто ихъ и не спрашиваетъ. А это вѣрно, что изъ роду Романовыхъ остался одинъ Алексѣй, сынъ Михаила, если не хотять

вели и Василія изъ Яренска; Михайло же отправленъ въ Великую Пермь, гдѣ, въ Ныробскомъ погостѣ (Чердынскаго Уѣзда), его удавили; Александръ увезенъ къ Студеному (Бѣлому) морю, къ Уголью въ Луду (посадъ при паденіи въ губу рѣки Уны, Архангельской Губерніи, а Ѳедоръ удаленъ въ Сійскую (Спискую, Сицкую) обитель Архангельской Губ. Холмогорскаго Уѣзда, гдѣ и постриженъ неволею. О. Б.

¹⁴⁶ Томиломъ Луговскимъ. Князя Голицына не стало въ Литвѣ, но тѣло его было отправлено къ Москвѣ. Князь Давило Ивановичъ Мезецкій былъ Околыничимъ, а Луговскій—Думный Дьякъ. Это происходило въ 1610—1611 г. Отправленіе Пословъ было, въ теченіи Апрѣля 1611 года, Дѣлпрожъ на судахъ, по направленію къ Кіеву, до Каменки, Старства Гетмана Жолкейскаго. О. Б.

думать, что у него есть родственники издровле знаменитые Свирскіе Романовы (Swircios de Romanow), а Романовъ городъ на рѣкѣ Каменкѣ въ Кіевскомъ Княжествѣ (ad Kaminczam fluvium in Ducatu Kyoviensi), ¹⁴⁷ а Свѣрчъ въ Червоной Руси (Swiertz in Russia rubra), изъ которыхъ Ѳедоръ былъ Воевода Кіевскій, да и много другихъ даже до сей поры славятся воинскою храбростію. Этого отрока отецъ поручилъ Боярину Борису Ивановичу Морозову (Borisso Juapowicz Morosow), для обученія добрымъ правамъ и наукамъ; но Морозовъ не въ состояніи былъ напечатлѣть на чистой скрижали отроческой души тѣ образы, о которыхъ у самого его не было въ головѣ понятія. Москвитяне безъ всякой науки и образованія, всѣ одполѣтки въ этомъ отношеніи, всѣ одинаково вовсе не знаютъ прошедшаго, кромѣ только случаевъ, бывшихъ на ихъ вѣку, да и то еще въ предѣлахъ Московскаго Царства, такъ какъ до равнодушія не любопытны относительно иноземныхъ; слѣдовательно, не имѣя ни примѣровъ, ни образцовъ, которые тоже, что очки для общественнаго человѣка, они не очень далеко видятъ очами природнаго разумѣнія. Гдѣ же имъ обучать другихъ, когда они сами необразованы и не въ состояніи указывать перстомъ предусмотрительности пути плаванія, пристани и бухты, когда не видятъ ихъ сами? А что Москвитяне изгоняютъ всѣ знанія въ такую продолжительную и безвозвратную ссылку, это надобно приписать, во первыхъ, самимъ Государямъ, которые, за одно съ Лициніемъ, ¹⁴⁸ ненавидятъ ихъ, изъ опасенія, что подданные, пожалуй, наберутся въ нихъ духа свободы, да потомъ и возстанутъ, чтобы сбросить съ себя гнетущее ихъ деспотическое иго. Государи хотятъ, чтобы они подходили на Спартацевъ, учившихся одной только грамотѣ, а всѣ прочія знанія заключались бы у нихъ въ полномъ повиновеніи, въ перенесеніи трудовъ и въ умѣнни побѣждать въ битвахъ. По тому что послѣднее едва ли возможно для духа простолюдиновъ, если

¹⁴⁷ Романовъ или Романовка — мѣстечко на р. Унавѣ и Каменецѣ. О. Б.

¹⁴⁸ Это Луцій Лициній Крассъ, Римскій ораторъ. Въ 95 году до Р. Х. онъ былъ Консуломъ и сдѣлалъ предложеніе, чтобы всѣ, не имѣвшіе правъ Римскихъ гражданъ, оставили Римъ. Предложеніе было принято народомъ. Но Майербергу онъ кстати попалъ для сравненія въ должности Цензора, которую исправлялъ вмѣстѣ съ Домиціемъ Абенбарбомъ въ 92-мъ году: тогда онъ издалъ эдиктъ, объявлявшій «Латинскія училища» вреднымъ нововведеніемъ и повелѣвавшій закрыть ихъ.

онъ будетъ предвидѣть опасности чрезвычайно изощренными знаніями умомъ. Во вторыхъ, это слѣдуетъ приписать духовенству: зная, что науки будутъ преподаваться по Латыни и могутъ быть допущены не иначе, какъ вмѣстѣ съ Латинскими учителями, оно боится, чтобы этими широкими воротами, если распахнуть ихъ настежь, не вошелъ и Латинскій обрядъ, а учителя его не передали на посмѣяніе народу его невѣжество, и не представили бы въ полномъ свѣтѣ несостоятельность вѣроученія, которымъ оно потѣшается надъ его легковѣріемъ. А въ третьихъ виною того старые Бояре по зависти, что молодежь получить такіе дары, которыхъ изъ пренебреженія, не хотѣли брать они сами, а отъ этого они справедливо лишатся исключительнаго обладанія мудростью, которое не по праву отвели себѣ сами, и будутъ устранены отъ общественныхъ дѣлъ въ Государствѣ. Однако жъ, хитрый наставникъ Морозовъ, державшій по своему произволу скипетръ, чрезвычайно еще тяжелый для руки юноши, по обыкновенной предосторожности любимцевъ, отправилъ всѣхъ Бояръ, особенно сильныхъ во дворцѣ расположеніемъ покойнаго Царя, въ почетную ссылку, на выгодныя Воеводства, въ самыя значительныя области, и посадилъ на ихъ мѣсто въ придворныя должности такихъ людей, которые несомнѣнно были на сторонѣ того, по чьей милости попали во дворецъ. Такъ поступилъ онъ не изъ искренней благодарности къ нимъ: по тому что эта, вовсе не знакомая, чужестранная, гостя никогда не находитъ приѣма въ Москвитянскомъ сердцѣ, но въ напоминаніе имъ, что не будетъ дурно, если вязъ, на который опираются, станетъ стоять неподвижно. По удаленіи всѣхъ тѣхъ, которые могли бы перечить ему, чтобы еще сильнѣе привязать къ себѣ душу питомца, онъ положилъ закрѣпить эту взаимную связь между ними, и очень расхваливъ красоту обѣихъ дочерей придворнаго дворянина, Ильи Даниловича Милославскаго, безъ труда убѣдилъ его выбрать и взять себѣ въ жены одну изъ нихъ. Такъ, въ 1647 году, ¹⁴⁹ Алексѣй и отпраздновалъ свою свадьбу съ старшею изъ нихъ, Марією, которая больше пришлась ему по душѣ, а черезъ 6-ть дней ¹⁵⁰ потомъ Морозовъ женился на другой сестрѣ, смѣлою попыткой сдѣлавшись родней Государю.

¹⁴⁹ Т. е., 1648 г., Генваря 16 дня. О. Б.

¹⁵⁰ Черезъ 10 дней, Генваря 26 дня, Анна Ильинична Милославская вышла за Бориса Ивановича Морозова. О. Б.

И Алексѣю нечего желать жены плодороднѣе, по тому что, когда я прѣхалъ, въ 1661 году, въ Москву, она принесла уже 6-ю ¹⁵⁰ дочь, кромѣ сына, Алексѣя, и дочерей: Татьяны (Tatiana), Евдокии (Eudocia), Анны (Anna), Катерины (Katherina), Маріи (Maria) и Софіи (Sophia), изъ которыхъ, однако, послѣдняя уже умерла. ¹⁵¹ А въ бытность мою тамъ, 8го Іюня того же года, родивъ другого сына, по имени Феодора, ¹⁵² она вполне удовлетворила желаніямъ Алексѣя. Онъ надѣялся, что, посредствомъ его наслѣдниковъ, верховная власть въ Московскомъ Царствѣ будетъ непрерывно продолжаться въ его потомствѣ, и такимъ образомъ это Царство утвердится на многихъ опорахъ; кромѣ того, имѣлъ также виды, внушенныя ему Польской Республикой, дать когда ни будь Короля изъ своего Дома этой сосѣдней странѣ. Ему захотѣлось, чтобы этѣ надежды поддерживало многоплодіе его брака: отъ того-то и крушило его сильное горе, что, ожидая наслѣдника мужскаго пола отъ своей жены, при многократной ея беремености, все видѣлъ разрушеніе своихъ надеждъ, такъ какъ она всегда разрѣшалась младенцами женскаго пола. Онъ не шутя было объявилъ ей постриженіе и изгнаніе въ монастырь, по примѣру получившей разводную отъ Василія Саломеи (Salomeae), какъ будто она въ состояніи вылѣпить зародышъ, зачатый въ ея чревѣ, по своему желанію, точно хлѣбница въ пекарнѣ тѣсто въ разныя формы хлѣба, если бы въ восьмые роды не разрѣшалась мальчикомъ, 7-го Іюня; но и, 1662 года, въ бытность нашу въ Смоленскѣ, она произвела девятаго свидѣтеля своего плодородія, Феодосію (Theodosiam). ¹⁵³

¹⁵⁰ Собственно седьмую; см. слѣдующее примѣчаніе. О. Б.

¹⁵¹ Ошибочно, сыновей было 3-ть отъ Маріи Милославской: Дмитрій 1649—1651, Алексѣй 1654—1670, Феодоръ 1661—1682, Семень 1665—1669 и Иванъ 1669—1696; а дочей 8: Евдокія 1650—1712, Марѳа 1652—1707, Анна 1653—1695, Софія 1657—1704, Екатерина 1658—1718, Марія 1660—1623, Феодосія 1662—1713, и Евдокія 1669 г. А отъ Натальи Нарышкиной: сынъ Петръ 1672—1725, и двѣ дочери: Наталья 1673—1716, и Феодора 1674—1678. Всѣхъ дѣтей 16. Самъ Алексѣй Михайловичъ родился Марта 10 дня, 1629 г., а сочетался бракомъ съ Марією (род. 1629, Марта 10, ум. 4 Марта, 1669), какъ сказано выше, 1648 г., Генваря 16, съ Натальею же 1671, Генваря 22 (род. 1651, Августа 22, а ум. 1694, Генваря 25). О. Б.

¹⁵² Феодоръ род. 30-го Мая, 1661 г., по старому численію. О. Б.

¹⁵³ Въ Маѣ 1662 г. О. Б.

А Морозовъ, хотъ и много разъ видѣлъ себя отцомъ, но вскорѣ оказался совсѣмъ бездѣтнымъ (Богъ, можетъ быть, платитъ ему за то, что онъ породнился изъ честолюбія съ своимъ Государемъ). Только что прошелъ годъ послѣ его женитьбы. ¹⁵⁴ народъ, раздраженный алчностью его съ клеветами, при управленіи Государствомъ, потребовалъ его казни: онъ едва избѣжалъ ея, когда народъ, нѣсколько смягчившись казнію его соучастниковъ, простилъ его, по усиленнымъ просьбамъ и слезамъ Царя, умолявшаго оставить его въ живыхъ. Послѣ того страданія отъ подагры и водяной болѣзни привязали его къ постелѣ и удалили отъ военной службы; однако жъ, и тутъ все была у него такая же жадность къ золоту, какъ обыкновенно жажда пить; наконецъ, еще въ бытность мою въ Москвѣ, онъ лишился голоса, движеніе и всѣхъ чувствъ отъ употребленія какого-то настоя, прописаннаго ему однимъ деревенскимъ знахаремъ, съ трудомъ опаматовался только черезъ три дня и, послѣ долгой борьбы съ смертію на послѣднемъ для него поприщѣ состязаній, 11-го Ноября, отдалъ Богу душу, которая, должна быть, услышала отъ Евангельскаго порицателя: «А вся, яже уготовалъ еси, кому будутъ?» Правду сказать. «утолованное» было не такъ маловажно, чтобы назначенный покойнымъ наслѣдникъ имѣлъ причины съ сѣтованіямъ при такомъ богатомъ наслѣдствѣ. По тому что, за раздачею значительнаго количества денегъ на нищихъ и монастыри, по его приказанію при послѣднихъ минутахъ жизни, на слѣднику все таки досталось несмѣтное число серебряныхъ рублей, золотыхъ червонцевъ и іоакимсталеровъ да еще очень обширныя помѣстья, съ 20 тысячами живущихъ въ нихъ крестьянъ.

Алексѣй статный мужъ, средняго роста, съ кроткой наружностью, бѣлъ тѣломъ, съ румянцемъ на щекахъ, волосы у него бѣлокурые и красивая борода; онъ одаренъ крѣпостью тѣлесныхъ силъ, которой, впрочемъ, повредить замѣтна во всѣхъ его членахъ тучность, если съ годами она все будетъ увеличиваться и пойдетъ, какъ обыкновенно, въ животъ; теперь онъ на 36 году жизни.

Духъ его надѣленъ такими блестящими врожденными дарованіями, что нельзя не пожалѣть, что свободныя науки (*liberales*

¹⁵⁴ 1662 г., послѣ пожара 26-го Мая, по другимъ Іюня 8-го, истребившаго Мосюву отъ Кузнецкаго моста до Пречистенки, со всѣми посадами. О. Б.

disciplinae) не приоединились еще украсить извалніе, грубо выѣлненное природой вчернѣ. Кроткій и милостивый, онъ лучше хочетъ, чтобы не дѣлали преступленій, нежели имѣть духъ за нихъ наказывать. Онъ и миролюбивъ, когда слушается своей природной склонности; строгій исполнитель уставовъ своей ошибочной вѣры и всей душою преданъ благочестію. Часто, съ самою искреннею набожностію, бываетъ въ церквахъ за священными службами; нерѣдко и ночью, по примѣру Давыда, вставши съ постели и простершись на полу, продолжаетъ, до самаго разсвѣта, свои молитвы къ Богу о помилованіи, или о заступленіи, либо въ похвалу ему. И что особенно странно, при его величайшей власти надъ народомъ, приученномъ его господами къ полному рабству, онъ никогда не покушался ни на чье состояніе, ни на жизнь, ни на честь. По тому что хоть иногда и предается гнѣву, какъ и всѣ замѣчательные люди, одаренные живостью чувства, однако жъ никогда не позволяетъ себѣ увлекаться дальше пинковъ и тузовъ.

Титулъ его, употреблявшійся во время нашего посольства, былъ таковъ: «Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, Московскій, Киевскій, Владимирскій, Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Сибирскій, Государь Псковскій и Великій Князь Литовскій, Смоленскій, Тверскій, Волынскій, Подольскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и проч., Государь и Великій Князь Нижняго Новгорода, Черниговскій, Рязанскій, Полоцкій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій, Витебскій, Мстиславскій, и всѣхъ Сѣверныхъ странъ Повелитель, Государь Иверскій и Царей Карталинскія, Грузинскія и Кабардинскія страны, Черкескихъ и Горскихъ Князей, и многихъ иныхъ, Восточныхъ, Западныхъ и Сѣверныхъ Государствъ и Областей, законный и наследственный Дѣдичъ, Государь и Повелитель.»

Титулъ разумѣется большой, но по Московскому обычаю въ него вкралось много напрасныхъ, ложныхъ и независимыхъ владѣній.

Алексѣй безъ сомнѣнія Государь, по тому что повелѣваетъ всѣми самовластно по древнему обычаю. Его воля—непреложный законъ для всѣхъ подданныхъ. Какъ господинъ надъ рабами, онъ имѣетъ надо всѣми право живота и смерти по своему произ-

воленію. Когда онъ самъ накажетъ, или по его приказу высъкутъ кого ни будь розгами, либо плетми, наказанные приносятъ еще ему благодарность. Не себя называютъ Москвитяны владѣльцами своего имуществва, а Бога да Царя. Нищіе, у пороговъ церквей, или на перекресткахъ, просятъ подать имъ милостыню изъ любви къ Богу и Царю. Если спросить кого ни будь о неизвѣстной ему вещи, онъ отвѣтитъ, что этого онъ не знаетъ: «Вѣдаетъ про то Богъ да Царь.» Короче сказать, о немъ говорятъ, какъ о Божествѣ, многіе такъ и чувствуютъ. Просьбы, ему подаваемыя, всѣ безъ различія подписываютъ изъ униженія уменьшительнымъ именемъ, такъ что если кого зовутъ Степаномъ, подписывается «Степкой (Stephanulus).» А Патріархъ и всѣ прочіе изъ духовенства, также и монахини: «богомалець твой» (Boghomoletz tuoi), или: «богомалица твоя» (Boghomolitza tuoia, tuus vel tua apud Deum praecator, vel praecatrix). Думные Бояре, всѣ дворяне и прочіе воинскіе чины изъ народа: «холопъ твой» (chlop, mancipium tuum); купцы перваго разряда, которыхъ зовутъ гостями (Gosti): «мужикъ твой» (subditus tuus); купцы низшаго разряда и иностранцы: «сирота твой» (szirota tuoi, orphanus tuus); женщины благороднаго званія: «рабица твоя» (Rabitza tuoia, servula tua); деревенскіе жители: «крестьяне твои» (chrestiane tuoi, christiani tui); слуги Думныхъ Боярь: «человѣкъ твой» (czelowiek tuoi, homo tuus). Надобно, однако жъ, отдать правдѣ слѣдующее ей. Такъ какъ верховная власть Московскихъ Государей скорѣе власть господъ надъ рабами, нежели отцовъ семейства надъ дѣтьми, то подданные не признаютъ отца въ своемъ Царѣ и не оазываются дѣтьми къ нему. Ихъ покорность вынуждена страхомъ, а не сыновнимъ уваженіемъ. По тому-то, когда страха нѣтъ, или онъ понесезнетъ, покорность упрямится и брыкается; хотя немилосердный господинъ и свирѣпствуетъ надъ спинами всѣхъ ихъ тѣмъ же кнутомъ, что и надъ Боярскими, при всемъ томъ, если палачъ уберетъ кнутъ, они, точно собаки, встряхнувши спиной послѣ побоевъ, продолжаютъ по прежнему упрямится, отъ души готовые снова подставлять тѣло подъ удары съ рабскою терпѣливостію. Я видалъ, что Турки, которыми тоже правятъ желѣзнымъ прутомъ, повинуются своему Императору съ болѣе поспѣшною готовностію. Миѣ думается, что упрямая и непокорная Славянская природа, возбуждаемая бурливыми парами ежедневно выпиваемой водки, дѣлаетъ такими строптивыми Москвитянъ. Напротивъ, въ менѣе грубомъ народѣ, Туркахъ, согласно ихъ закону воздержанія, раз-

умъ больше располагаетъ собою для внушенія имъ, чтобы оказывали должное съ веселымъ духомъ, а не то вынудить у нихъ это силой и противъ воли. Герберштейнъ пишетъ, что титулъ Царя принялъ Иванъ, сынъ Василія, и отецъ другого Ивана: По его свидѣтельству, сынъ того Василія, Иванъ, говоритъ, въ 1552 году, Посланникамъ Короля Польскаго, Сигизмунда Августа, что этотъ титулъ данъ отцу верховнымъ Римскимъ Первосвященникомъ Климентомъ и Римскимъ Императоромъ, Максимилианомъ; Славяваютъ, что года черезъ два послѣ того Верховный глава Московскаго духовенства показывалъ другимъ Польскимъ Посламъ письма Максимилиана и Турецкаго Султана, Солимана, удостоивавшія этимъ титуломъ Василія Васильевича.

По этому, кажется, ошибаются тѣ, которые, рассказавъ все это безъ опроверженія, увѣряютъ, что этимъ титуломъ въ первый разъ началъ пользоваться Иванъ, послѣ покоренія Казани.

Относительно этого названія самъ Герберштейнъ, также Гваньинъ, да тоже и Озарій, предостерегали переводчиковъ съ иностранныхъ языковъ, чтобы они воздержались отъ ошибки обыкновеннаго перевода, особенно указывая, что на Русскомъ нарѣчїи слово Царь не означаетъ Императора, какъ переводятъ они обыкновенно, а Царя, по тому что и сами Москвитяне, научившись изъ Св. Славянскои Библии, при упоминанїи о Кородахъ, всегда называютъ ихъ Царями; когда же говорятъ объ Императорѣ и о своемъ Государѣ въ связи одной рѣчи, то съ замѣчательнымъ различїемъ, перваго зовутъ Кесаремъ (Caesarem), а послѣдняго Царемъ (Tsarem); какъ я самъ много разъ слыхалъ. Да и самъ Великій Князь называетъ себя не Русскимъ, не Московскимъ, Царемъ, а либо безразлично Царемъ, либо опредѣленнѣе Царемъ Казанскимъ, Царемъ Астраханскимъ, Царемъ Сибирскимъ, а этѣ страны назвѣрное ни какъ ужъ не заслуживаютъ названїя ни Имперїи, ни Царствъ (исключая Сибири), по тому что, кромѣ нѣк. городовъ, отъ которыхъ получили названїе, едва нѣсколько маленькихъ городковъ считаютъ подъ своею судебною властію. Однако жъ, не обращая вниманїя на дружеское предостереженіе, нѣкоторые изъ переводчиковъ продолжаютъ по своей волѣ, ложно искажать слова къ предосудительному пренебреженію Императорскаго имени. Если ужъ руководить ими такое пристрастіе къ иноземнымъ народамъ, то хотя бы украшать ихъ пышными титулами, и полагаютъ, что имя Царя, по созвучію его съ именемъ Цесаря, звучитъ

гораздо величавѣе, то пусть зовутъ тѣхъ Государей Царями, но отнюдь же не Императорами. Такимъ образомъ они не взведутъ на себя вины во лжи, да и удовлетворятъ своему подслуживанью. Я желалъ бы, однако жъ, чтобы они сами, хоть разъ когда ни будь взглянули на Карталинское и Грузинское Царства и на Царьковъ ихъ, называемыхъ Алексѣемъ Царями въ его титулахъ, по тому что увѣренъ, что когда увидятъ въ гористыхъ предѣлахъ Грузинъ столько Царей, данниковъ Москвитянъ, Персін, или Турціи, ведущихъ жизнь, далекую отъ всякаго Царскаго блеска, среди разныхъ лишеній, имя Царя до того упадетъ у нихъ въ цѣнѣ, что впродъ постыдятся обращать его въ Императорское.

Титулъ Великаго Князя первый присвоилъ себѣ и передалъ потомкамъ, рожденный внѣ брака, Владимиръ, сынъ Святославовъ.

Имя Алексѣй между извѣстными мнѣ Русскими Государями, потомками Рюрика, не въ употребленіи въ Россіи и явно иностранное. Москвитане чтутъ Алексія, Кіевскаго Митрополита, родившагося во время Московскаго Князя Ивана Даниловича, посвященнаго въ этотъ санъ въ 1364 году и умершаго спустя 14 лѣтъ потомъ въ правленіе Ивана Ивановича. ¹⁵⁵ Каждый годъ они торжественно празднуютъ память его 5-го Октября, а день перенесенія его мощей въ Москву 20-го Мая. ¹⁵⁶ Онъ далъ совѣтъ своему народу, чтобы, бросивъ войну съ Крымскими Татарами, лучше сохраняли миръ съ ними, платя имъ ежегодно извѣстную дань. И, принявъ на себя исполненіе своего совѣта, онъ купилъ миръ для Русскихъ у Татарскаго Хана Бердигирея (Вег-

¹⁵⁵ По изслѣдованію Преосвященнаго Филарета, Архіепископа Черниговскаго, Алексій родился въ 1300 г. и нареченъ былъ Елевверіемъ, посвященъ въ санъ Митрополита въ 1354 при Патріархѣ Калистѣ, «на всю Русскую землю», а скончался 78 лѣтъ, 12 Февраля, 1378 г., пробывъ на кафедрѣ Митрополической 24 года, слѣдовательно, въ княженіе Дмитрія Ивановича Донскаго. См. «Русскіе Святые», Февраль, Черниговъ, 1862 г., стр. 86—119. О. Б.

¹⁵⁶ Память его празднуется 5-го Октября, вмѣстѣ съ другими двумя Митрополитами Московскими, съ 1596 года, въ день мученицы Харитины, подъ названіемъ: «Памяти тріехъ Святителей Московскихъ», а 20-го Мая празднуется обрѣтеніе его мощей и перенесеніе, совершившееся, по Николовской глгошисн (IV, 55 — 66), въ 1431 г., но не въ Москву, а въ одного храма въ другой новосозданный. О. Б.

degecio). ¹⁵⁷ Михайловичъ (Mihalowicz) есть имя отцовское, которое, какъ замѣчено выше, по Московскому обычаю, прибавляется къ собственному.

Имя Россіи простирается далеко, по тому что заключаетъ все пространство отъ горъ Сарматскихъ и рѣки Тиры (Туга), называемой жителями Днѣстромъ (Nistro), чрезъ обѣ Волины къ Борисоену (Днѣпру) и къ равнинамъ Полоцкимъ, сопредѣльнымъ Малой Польшѣ, древней Литвѣ и Ливоніи, даже до Финскаго залива, и всю страну отъ Кареловъ, Лапонцевъ и Сѣвернаго Окѳана, во всю длину предѣловъ Скиѳіи, даже до Нагайскихъ, Волжскихъ и Перекопскихъ Татаръ. А подъ названіемъ Великой Россіи Москвитяне разумѣютъ то пространство, которое заключается въ предѣлахъ Ливоніи, Бѣлаго Моря, Татаръ и Борисоена, и обыкновенно слыветъ подъ названіемъ «Москвитяне.» Подъ Малою же Россіей разумѣются области: Браславская (Bratislawensis), Подольская, Галицкая, Сяноцкая, Черемышльская, Львовская, Бельзская съ Холмскою, Волинская и Кіевская, лежащія между Скиѳскими пустынями, рѣками Борисоеномъ, Припетью и Вепремъ, Малою Польшею и Карпатскими горами. А подъ Бѣлою, заключающеюся между Припетью, Борисоеномъ и Двиной, съ городами: Новгородкомъ, Минскомъ, Мстиславлемъ, Смоленскомъ, Витебскомъ и Полоцкомъ и ихъ округами. Все это когда-то принадлежало по праву Русскимъ, но, по военнымъ случайностямъ, они уступили счастію и храбрости Поляковъ и Литовцевъ.

Первый, писавшій себя Самодержцемъ всея Россіи (totius Russiae Monarcha), былъ Великій Иванъ, сынъ Василія Темнаго (соесі), въ его письмахъ къ Александру, Великому Князю Литовскому, въ 1492 году, тотъ самый, что свергнулъ 250-лѣтнее Татарское иго, наложилъ свое на Великій Новгородъ, выгналъ изъ родовыхъ областей весьма многихъ родственныхъ ему Князей, и такъ соединилъ подъ своею властію большую часть Россіи. Послѣ того преемники его всегда пользовались этимъ титуломъ, особливо внукъ его, Иванъ, въ своихъ письмахъ къ Польскому Сенату въ 1572 году, послѣ смерти Сигизмунда Августа. Но, кромѣ Алексѣя, ни кто, для отличія, не носилъ имени самодержца

---

¹⁵⁷ Бердибека, преемника Джанибека, супругу котораго, Тайдулу, Святитель Алексій исклѣвалъ отъ сѣнеты. Это произошло въ 1387 году. О. Б.

(autocrator) или цокровителя (conservator), Великой, Малой и Бѣлой Россіи.

Что Московія занимаетъ первое мѣсто въ титулѣ, это слѣдуетъ приписать не древности ея, а достоинству. По тому что послѣ того, какъ Даніиль Александровичъ, двѣнадцатый преемникъ Государей въ прямой линіи отъ Рюрика, по бывшимъ у меня подъ рукою Московскимъ лѣтописямъ (*Juxta eos, quibus ego, sum usus, Moschorum annales*), съ очень выгоднымъ расчетомъ, перенесъ Княжескій столъ изъ Володимера въ городъ Москву, и жилъ тамъ постоянно, Москва съ каждымъ днѣмъ становилась великолѣпнѣе по зданіямъ, прибывавшимъ въ ней все больше и больше. Даже и свое имя, заимствованное отъ рѣчки (*fluvio*), протекающей мимо, ея и выходящей изъ Тверской области, она передала всей Россіи и всѣмъ обитающимъ въ этой странѣ народамъ: это имя принято всѣми съ такимъ одобреніемъ, что много уже лѣтъ эта страна называется обыкновенно «Московіей» (*Moschovia*), а жители ея общимъ для нихъ въ свѣтѣ именемъ «Москвитянь» (*Moschovitae*); но не зная этого новаго названія, или пренебрегая имъ, они сами всегда зовутъ себя древнимъ именемъ «Русскихъ» (*Russos*), или отъ брата Русса (*a fratre Russo*), или отъ внука Лехова, перваго Польскаго Князя, либо отъ древнѣйшаго города Русса (*Russ*), лежавшаго въ 60-ти верстахъ отъ Великаго Новгорода, или отъ русаго цвѣта волосъ, называемаго на Славянскомъ нарѣчій «русыми» (*Russ*), или отъ народа Роксоланъ (*Roxolanes*), или же отъ древняго слова «Россія» (*Rosseia*), означающаго разсѣяніе, или разсѣваніе. Хотя область Московская ни обширна, ни плодородна, по случаю часто перемежающихся чрезвычайныхъ холодовъ и жаровъ въ воздухѣ, легко убивающемъ въ алядсанной почвѣ по сѣвы переходами отъ необыкновенной засухи къ дождямъ, но, съ позволенія писателей, утверждавшихъ, будто бы въ ней не водится ни какихъ дикихъ звѣрей, кроль-зайцевъ, и ни одна пчела не припаситъ меда, я не оогласомъ съ ними. По тому что, какъ бы ни было это въ старину, а нынѣ въ ней несомнѣнное изобиліе лисицъ, волковъ, медвѣдей, пчель и меда. Какъ очевидецъ противнаго, отвергаю, со множествомъ другихъ, басень, также и тѣ, будто бы животныя въ ней, по случаю холодовъ, безрогія, и кобылы не носятъ жеребятъ. Однако жъ, нельзя же допустить и увѣренія тѣхъ, которые пишутъ о такомъ здоровьѣ ея климатѣ, что никогда тамъ не понадобится бы дытаторъ, какъ часто бывало въ древнемъ Римѣ, для обиванія твоздя

противъ заразной болѣзни, по тому что тамъ никогда не свирѣпствовала никакая зараза. Это увѣреніе опровергають Московскія Лѣтописи, сообщающія, что въ 6930 году отъ сотворенія міра и въ 1421 отъ Рождества Христова, въ правленіе Василя Дмитріевича, и чрезъ 6 лѣтъ потомъ, въ началѣ правленія сына его, Василя, язва опустошила такъ жестоко Московію, что послѣ нея точно обезсилѣло все природное тѣлосложеніе Русскихъ: весьма немногіе изъ нихъ доживаютъ до 100 года, тогда какъ прежде обыкновенно многіе переживали этотъ годъ, съ большою еще къ нему прибавкою. ¹⁵⁸ Въ 7109-мъ году по сотвореніи міра и въ 1600-мъ году по Рождествѣ Христовомъ, и спустя потомъ еще 2 года, въ царствованіе Бориса Годунова, въ Москвѣ свирѣпствовала такая язва, что едва не лишила ее почти всѣхъ жителей. ¹⁵⁹ Въ 1654-мъ году и въ слѣдующемъ, въ настоящее царствованіе Алексѣя, таже чума, похитивъ въ Москвѣ 70 тысячъ жителей обоего пола, тоже едва не опустошила ее совсѣмъ. ¹⁶⁰ Городъ Москва, когда-то самый обширный и населенный, но много разъ терпѣвшій случайные пожары, а въ 7079 году отъ сотворенія міра и въ 1570 году отъ Рождества Христова, 24-го

¹⁵⁸ Моръ этотъ происходитъ въ 1420 г., при Василя Дмитріевичѣ (у. 1426 г.), 1426 и 1427, при Василя Васильевичѣ Темномъ, «и послѣ того мору (говорить Никон. лѣтопись V, 94), какъ послѣ потопа, только лѣтъ люди не почали жити, но маловѣчныи и худіи и щадущини начаша быти.» Это мѣсто доказываетъ, что Майербергъ, между прочимъ, пользовался лѣтописью Никоновскою, можетъ быть ею одной исключительно. Слѣдовательно, какъ замѣчено мною въ Предисловіи, зналъ Русскій языкъ, по своему Славянскому происхожденію. О. Б.

¹⁵⁹ Отъ извѣстнаго голода при Борисѣ, съ осени 1602 года. Отъ него въ одной Москвѣ погибло, по словамъ Маржерета (стр. 75) болѣе 120 т., а по Бору (стр. 39) болѣе 500 т. О. Б.

¹⁶⁰ По донесенію Князя Мих. Петр. Пронскаго, Начальника Москвы во время похода Царя противъ Поляковъ, чума эта началась еще въ 1654 г., но особенно сильно свирѣпствовала съ осени 1654, «отъ чего всѣ 6 Приказовъ Стрѣleckихъ, были совсѣмъ истреблены, церкви, кромѣ большаго собора, лишились Священниковъ, Дьяки и Подьячіе умерли, и всѣ бѣгутъ вонъ.» Въ одной Москвѣ погибло тогда 20 т., съ ея Начальникомъ, Княземъ Пронскимъ, а съ распространеніемъ на другія мѣстности, по увѣренію Кодинса, отъ 700 до 800 т. Кончилась она съ Октябремъ, начавшись падежемъ скота. О. Б.

Мая, весь выжженный Перекопскими Татарами ¹⁶¹ и въ 1611 году Поляками, ¹⁶² пылъ, въ болѣе тѣсной окружности 21-й версты, имѣеть гораздо меньшую часть жителей противъ того, сколько ихъ отведено въ Литовскій и Польскій полонъ. По замѣчанію другихъ моихъ предшественниковъ, при большинствѣ домовъ находятся обширные пустыри и дворы, къ очень многимъ домамъ примыкають еще огороды, плодovitые сады, да, кромѣ того, раздѣляютъ ихъ другъ отъ друга довольно обширные луга, въ перемежку съ ними безчисленныя, можно сказать, церкви и часовни; слѣдовательно, въ ней я вѣтъ такого множества народа, какъ полагали нѣкоторыя, обманувшись ея обширностью съ вида. Въ ней крѣпость, называемая Кремль (Kremelicae помен), мѣстопробываніе Великихъ Князей, не меньше средней величины города, впервые обнесенная каменною стѣною Иваномъ, сыномъ Василя Темнаго; она стала гораздо укрѣпленнѣе съ прибавкою рва и другихъ улучшеній. Въ Москвѣ такое изобиліе всѣхъ вещей, необходимыхъ для жизни, удобства и роскоши, да еще покупаемыхъ по сходной цѣнѣ, что ей нечего завидовать никакой странѣ въ мірѣ, хоть бы и съ лучшимъ климатомъ, съ плодороднѣйшими пашнями, съ обильнѣйшими земными нѣдрами, или съ болѣе промышленнымъ духомъ жителей. По тому что хоть она лежитъ весьма далеко отъ всѣхъ морей, но, благодаря множеству рѣкъ, имѣеть торговля сношенія съ самыми отдаленными областями.

По увѣренію Русскихъ лѣтописей, Кіевъ былъ городъ древнѣе всѣхъ прочихъ городовъ въ Россіи послѣ Великаго Новгорода. По тому что разказываютъ, что братья, вышедшіе изъ Польши (ex Polonia egressi), Кій (Kieu), Щекъ (Issok) и Хоривъ (Kogiw), поселились на горѣ, на правомъ берегу Борисѡена. Кій на самой вершинѣ, Щекъ на той же сторонѣ, которая названа была имъ Щековица (Sokowiza), а Хоривъ на другой, получившей отъ него имя Хоривицы (Kogowicæ). А такъ какъ они не раскаява-

¹⁶¹ Подъ предводительствомъ Хана Девлетъ-Гирея. См. свидѣтельство объ этомъ ужасномъ пожарѣ (1571 г.) очевидцевъ, «двухъ Англичанъ и извѣстнаго Флетчера,» 17 лѣтъ послѣ того бывшаго у насъ: «Матеріалы для Исторіи Россіи, извлеченныя изъ рукописей Британскаго Музея въ Лондонѣ Н. Н. Стороженкомъ,» въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древн. Россійскихъ,» 1870, кн. 3-ья. О. В.

¹⁶² Тогда Москву сожгли, въ концѣ Марта, отъ Кулижскихъ воротъ до Покровки, и отъ Чертольскихъ до Тверской, также и Китай-городъ. О. В.

лись въ выборѣ мѣста, то и построили тутъ городъ, безъ гаданій по полету птицъ, безъ братоубійства, и, руководясь однимъ уваженіемъ къ лѣтамъ, назвали его по имени старшаго брата, Кіевомъ (Kyovia) Олегъ (Olechus), родственникъ Рюрика и опекунъ его сына, Игоря, сдѣлалъ нападеніе на Кіевъ, въ отмщеніе за обиды отъ него Новгородцамъ и, пользуясь счастіемъ, взялъ его и основалъ въ немъ столицу всей Руси. Этихъ преимуществъ лишилъ, однако жъ, городъ Игоревъ внукъ, рожденный внѣ брака, Володимиръ, отдавъ ихъ городу Володимиру, построенному имъ на рѣкѣ Клязьмѣ (Clesmam).¹⁶³ Сынъ его, Ярославъ, побѣжденный въ 1009 году, Польскимъ Княземъ, Болеславомъ Храбымъ, принужденъ былъ возвратить Кіевъ, изгнанному оттуда и лишённому этого города, брату Святополку, но опять отнялъ его у послѣдняго, за его братоубійство.¹⁶⁴ Десять лѣтъ спустя тотъ же Болеславъ побѣдилъ его снова, въ великой битвѣ на рѣкѣ Бугѣ (ad Bugum), и сдѣлалъ своимъ данникомъ.¹⁶⁵ Ярославъ увеличилъ городъ и обнесъ его стѣнами; со всѣмъ тѣмъ, въ 1070 году, Польскій Болеславъ Смѣлый, побѣдивъ Кіевского Князя, Всеволода (Sevoldo),¹⁶⁶ принудилъ отдать ему Кіевъ и приказалъ княжить въ немъ Изяславу (Isaslao). Но это было къ несчастію для Короля, по тому что, повторивъ вступленіе Аннибала въ Капую, Король и его войско изнурили и развратили себя удовольствіями и наслажденіями Кіева, и обратили въ предметъ раскаянія для себя свою побѣду. А послѣдующіе за тѣмъ Князья, зависимые отъ Польши,¹⁶⁷ стараясь вредить другъ другу взаимными кознями, никогда не пере-

¹⁶³ Неизвѣрно, какъ сказано уже было выше. О. Б.

¹⁶⁴ Все это, болѣею частью, по Польскимъ историкамъ, не всюду достовѣрнымъ, лаковы: Мартынъ Галль, Кадлубежъ, особливо Длугошъ и Стрыйковский. О. Б.

¹⁶⁵ Но тогда жила еще Владимиръ. Это изъ Кадлубка, который баснословитъ даже о 4-хъ битвахъ съ Поляками: въ 1008 лѣтъ, 1009 и 1018. Кромеръ, Стрыйковский и другіе тоже повторяютъ, увѣряя всѣ о дани Болеславу. О. Б.

¹⁶⁶ Вообще не Всеволода, но Всеслава, Князя Полоцкого, взятаго хитростью Изяславомъ, Великимъ Княземъ 1067 г., близъ Дибра, у Смоленска, и заключеннаго въ темницу, по освобожденіи изъ коей народомъ былъ объявленъ Кіевскимъ Княземъ, а Изяславъ бѣжалъ къ Польскому Королю, Болеславу Смѣлому, сыну Маріи, дочери Владимира, и согласилъ его помочь ему, но битвы не было никакой, такъ какъ Всеславъ, устранивъ непріятелей, бѣжалъ въ свой Полоцкъ, а Изяславъ вступилъ мирно въ Кіевъ. О. Б.

¹⁶⁷ Несправедливо, но по Польскимъ историкамъ. О. Б.

ставали сгонять попеременно одинъ другого съ Княжескаго престола, до тѣхъ поръ, пока не занялъ этотъ престолъ Ростиславъ, сынъ Мстислава (Rostislao Mistislai filio): тогда, въ 6748 г. отъ С. М., и въ 1239 отъ Р. Х., Татарскій Царь, Батый (Batus), точно бурный ручей, разлился по Руси и, разрушивъ до основанія Кіевъ, сравнялъ его съ землею. ¹⁶⁸ Когда поуляглась эта жестокая буря, Русскіе опять заселили это мѣсто, съ согласія Татарскихъ преемниковъ Батыя и съ обязательствомъ дани. Но Гедиминъ (Gediminus), Великій Князь Литовскій, побѣдивъ, въ великой битвѣ, въ 1320 г., Станислава (Stanislao), княжившаго тогда въ Кіевѣ, и выгнавъ его, взялъ городъ и весь его округъ даже до Черкасъ (ad Czerkassios), и, обративъ это Княжество въ простую область (provinciam), ввѣрилъ его, для управленія, Князю Ольшанскому Миндовгу (Mindopho Holsano Duci). ¹⁶⁹ Въ 1390-мъ году овладѣлъ этимъ Княжествомъ Володимиръ (Volodimirus), старшій сынъ Ольгерда, Великаго Князя Литовскаго, съ согласія своего брата, Ягайла, въ то время уже Короля Польскаго, но долженъ былъ уступить его общему ихъ брату, Казимиру Скиригайлу (Casimiro Skirgeloni). Онъ отказалъ въ согласіи на это, а по тому, въ 1395 году, Витовтъ (a Vitoldo), Великій Князь Литовскій, выгналъ его оттуда, съ сыномъ Олелькомъ или Александромъ (cum Olelokone sive Alexandro); а когда, недолго спустя, Скиригайло умеръ, отравленный какимъ-то монахомъ, то Витовтъ опять обратилъ это Княжество въ область, и отдалъ ее въ управленіе Ивану Альгимунду (Joannis Algimundi), Князю Ольшанскому (Ducis Holsanensis). Въ 1416 году, когда Ягайло праздновалъ въ Сянокѣ (Sanoci) свою свадьбу съ Елисаветою Пилеціею (Pilecia), ¹⁷⁰ Эдигей (Ediga), Воевода Тамерлана, напавъ, съ многочисленнымъ войскомъ, на Кіевъ, опустошилъ его такъ жестоко, что этотъ городъ никогда уже больше не возвращалъ прежняго своего величія. ¹⁷¹ Со всѣмъ тѣмъ въ третій разъ обстроившись множествомъ домовъ, при по-

¹⁶⁸ По Никоновской лѣтописи, которая точно говоритъ о Ростиславѣ Мстиславичѣ, котораго Данилъ взялъ съ собою и отправился въ Угрю, гдѣ Ростиславъ и умеръ. Онъ былъ внукъ Давыда Смоленскаго. О. Б.

¹⁶⁹ Миндовгъ былъ племянникъ Гѣдимины и отчасти Христіанинъ. Все это по Стрыйковскому, который любитъ сказки. По нашимъ лѣтописямъ еще въ 1331 г. въ Кіевѣ былъ Русскій Князь, и при немъ Баскака. О. Б.

¹⁷⁰ Т. е., со вдовой Елисаветой Грановской, вѣчавшись въ Сянокѣ. О. Б.

¹⁷¹ По Длугошу преимущественно и другимъ. О. Б.

дошвъ горы, на берегу рѣки, онъ имѣлъ собственныхъ Князей. ¹⁷² По тому что въ 1421 году Ягайло женился на дочери Кіевскаго Князя, Андрея Иваповича Друка (Andreeae Ivanowicz Druki), Сонкѣ (Zonca), послѣ того называвшейся Софіей (Sophia). ¹⁷³ Пишутъ также, что, въ 1435 году, Иванъ Володимировичъ (Joannes Volodimircz), Князь Кіевскій, взятъ былъ въ плѣнъ въ сраженіи съ Михаиломъ (a Michaële), сыномъ Великаго Князя Литовскаго, Сигизмунда, и потомъ убитъ имъ. Семь лѣтъ потомъ тотъ же Михаилъ взялъ Кіевъ, выгнавъ оттуда Князя Александра (Alexandro), но и самъ, выгнанный Польскимъ Королемъ, Казимиромъ Ягайловцемъ, долженъ былъ возвратитъ это неправое приобрѣтеніе законному владѣльцу. По смерти же Александра, въ 1455 году, тотъ же Казимиръ отнялъ Кіевъ у его дѣтей, Симеона и Михаила (Simoni et Michaëli), однако жъ предоставилъ его, на феодалныхъ правахъ, одному Симеону. Хотя этотъ и оставилъ, по своей смерти, въ 1471 г., сына Василя (Basilium), однако жъ Казимиръ, отнявъ Княжескій титулъ въ Кіевѣ, отдалъ этотъ городъ въ управленіе Мартыну Гастольду (Martino Gastoldo), въ качествѣ области. ¹⁷⁴ Такъ онъ и обратилъ въ простое Воеводство (Palatinatum) это Великое Княжество, пользовавшееся уваженіемъ всѣхъ Русскихъ Князей и заключавшее въ себѣ обширное пространство земли въ Малой Россіи (in Parva Russia). Въ немъ же и начало Козаковъ (Cosacorum ortus), когда-то земледѣльческаго (agrestis olim gentis), жившаго въ окрестностяхъ Кіева. Увлечшись прелестью добычи у Татаръ, привыкшихъ часто кочевать

¹⁷² Такъ какъ Эдигей, разоривъ Кіевъ, не могъ, однако, взять крѣпкаго его замка, то и неудивительно, что въ немъ владѣлъ Русскій Князь, Авдрей Ивановичъ.

¹⁷³ См. выше примѣч. 172. — Ягайло женился на ней послѣ смерти Елисаветы Грановской, умершей 1420 года. Сонка была племянницей Витовту, а по другимъ двоюродной сестрой. О. Б.

¹⁷⁴ По Друтошу, Бѣльскому и Колловичу. Князь Семенъ Омельковичъ, умирая, вѣрилъ, черезъ посла, совѣсти Казимира, Великаго Князя Литовско-Русскаго и своего Государя, свое Кіевское Княжество, жену, дочь и сына, и Казимиръ, по желанію семьи Семена Омельковича, поручилъ опеку ихъ тестю умершаго и дѣду сиротъ, Литвину Мартыну Гастольдовичу. По словамъ Колловича, отъ Василя Семсвовича Омельковича провозопли Князья Служкіе, пользовавшіеся такими почестями и значеніемъ въ Литвѣ и Руси, какихъ не имѣли никакіе другіе Княжескіе роды, кромѣ, развѣ, Князей Глинскихъ. О. Б.

въ пустыняхъ Днѣпра, съ дѣтьми и стадами, этотъ народъ переселился туда же, и потомъ размножившись отъ прибѣгавшихъ къ нему дворянъ (nobilium), изгнанниковъ (exulum), или разбойниковъ (praedonum), онъ началъ уже получать извѣстность во времена Сигизмунда Старого, а послѣ него заслужилъ у Стефана Баторія въ подарокъ себѣ городъ Трэхтимировъ (Trehymirovia), въ 50-ти верстахъ ниже Кіева.¹⁷⁵ Потомъ, отгѣсня все дальше и дальше Татаръ, благодаря удачной отвагѣ, Козаки заняли Днѣпровскіе острова и навсегда удержали за собою главный изъ нихъ, Томаковку (Томаковкам),¹⁷⁶ на немъ поселились главные смѣльчаки ихъ, а множество другихъ, возраставшее изо дня въ день, разошлось на широкое пространство, даже до городовъ, разсѣянныхъ по Волини. У этихъ острововъ, между крутыхъ и утесистыхъ скалъ, Днѣпръ часто свергается внизъ съ высоты стремнинъ, называемыхъ у Поляковъ порогами (porogi),¹⁷⁷ и, протекая черезъ нихъ, оставляетъ Козакамъ названіе Запорожцевъ (Zarogoienses), такъ какъ все, находящееся дальше за этими стремнинами, называется «Запорогами» (Za Porohi, Запорожье). Иногда Козаки называются также Низовцами (Nizovienses), а это названіе взято отъ населяемой ими земли, которая ниже и дальше Волини, а по тому и носить общее названіе Низа (Nis). Этотъ народъ сперва раздѣлялся (uiciscitur) за обиды съ овикии господами, которые свирѣствовали надъ нимъ невыносимо; отплатилъ, за незаслуженную смерть, своихъ вождей (Ducum), казенныхъ, на перекоръ общему мнѣнію — Ивана Подковы (Juana Podkovaе),¹⁷⁸ въ

¹⁷⁵ Мѣстечко Кіевской Губерніи, въ Богуславскомъ Уѣздѣ, лежитъ при рѣкѣ Днѣпрѣ, наискось отъ Переяслава, въ 70 в. отъ Кіева: О. Б.

¹⁷⁶ Томаковка, рѣка Екатеринославской Губерніи, въ 10-ти верстахъ отъ Грушевки. Она достойна примѣчанія тѣмъ, что на ней, во время продолжавшейся у Козаковъ съ Польшаки войны, была Сѣчь Запорожскихъ Козаковъ. Въ этой же Губерніи есть село, или слобода, на той же рѣкѣ Томаковкѣ.

¹⁷⁷ Не у Поляковъ, а у Малоруссовъ, отъ которыхъ они и приняли эту форму, такъ какъ Польская форма его porog. О. Б.

¹⁷⁸ Подкова, по словамъ однихъ, былъ простой Козакъ, по другимъ — Атаманъ Кошевой или Куреній, а по третьимъ — Гетьманъ. О немъ сохранились въ народѣ три небольшія Думы, записанныя Изм. Ив. Срезневскимъ и напечатанныя имъ въ его «Запорожской Старинѣ» (Харьковъ, 1833, I, стр. 33 — 36, 82 — 86). Въ нихъ онъ названъ Серпагою, можетъ быть, его настоящимъ именемъ, Подкова же было прозвище, данное ему по тому, что, об-

Львовѣ, Королемъ Стефаномъ, а Павлюка (Paulukii) въ Варшавѣ—Владиславомъ IV; ¹⁷⁹ отомстил позоръ, нанесенной Чаплинскимъ (a Czaplinscio) Богдану Хмельницкому, въ лицѣ его жены и сына, и, оставленный безъ наказанія Конецпольскимъ (Koniepsolcii), бывшимъ тогда въ должности Великаго Короннаго Гетмана, неутомимой стойкостью и счастливой войной заставилъ Польшу возвратить ему его независимость. Я уже сказалъ, что когда Кіевскій Князь, Володимиръ, положилъ сдѣлаться вѣрою Христу, и выбралъ себѣ въ воскреемники отъ кудели Греческаго Императора, Василя, Константинопольскій Патріархъ, Николай Хризобергъ (Chrysobergus), поставилъ Митрополитомъ въ Кіевѣ Грека Михаила, чтобы онъ окрестилъ Князя и его подданныхъ. Послѣ того, одинъ за другимъ, слѣдовали многіе Митрополиты, то изъ Уніатовъ, то изъ еретиковъ. ¹⁸⁰ смотря по тому, на какую сторону склонялось больше усердіе правителей! Изъ этихъ Митрополитовъ оособливо выдѣляются: Алексѣй, Русскаго происхожденія, посвященный въ 1374 году, ¹⁸¹ о которомъ рассказываютъ (если только молва справедлива), что когда Турокъ Амуратъ (ab Amurathe Turco) позвалъ его къ себѣ, по извѣстной его святости, онъ испросилъ у Бога своими молитвами зрѣніе слѣпой его дочери; ¹⁸² Исидоръ Булгаринъ, который присутствовалъ на Тридентскомъ Соборѣ, подписалъ унію ¹⁸³ и, возведенный въ санъ Кардинала, сдѣланъ Легатомъ Верховнаго Первосвященника (a latere), а въ 1440 году обнародовалъ по Русскимъ областямъ

ладаю необыкновенной тѣлесной силой, ломалъ подковы. Онъ было завладелъ Молдавіей, сдѣлался ея Господаремъ, но видя, что не усидѣтъ ему на ея столѣ, оставилъ ее и возвратился на Подоль, гдѣ Поляки «лестію его емше, до Короля отослали,» который приказалъ снять ему голову. Коваки трупъ его завезли въ Каневъ, и тамъ «у могилу тихо положили.» Начало всего этого относится къ 1577 году. О. Б.

¹⁷⁹ Карлъ Павловичъ Гудванъ или Павлюкъ (сынъ Павловъ), послѣ битвы подъ Кумейками, 6-го Сентября, съ Польскимъ Гетьманомъ, Николаемъ Потопкимъ 1637, вскорѣ былъ выданъ подъ Боровицею (20 Декабря) послѣднему съ нѣкоторыми товарищами и казненъ въ Варшавѣ, въ Февралѣ 1638 года: имъ отрубили головы и воткнули ихъ на колы. О. Б.

¹⁸⁰ Такъ Майербергъ величаетъ насъ, Православныхъ. О. Б.

¹⁸¹ Невѣрно. См. выше примѣчаніе 155. О. Б.

¹⁸² См. также выше стр. 118—119. О. Б.

¹⁸³ Невѣрно. См. слѣдующее примѣчаніе. О. Б.

унію; ¹⁸⁴ Іона, Московитскій еретикъ, около 1520 года, который, по своей святости, почитается выше всѣхъ у еретиковъ его. ¹⁸⁵ Послѣ того, какъ Владиславъ IV-й внушилъ Козакамъ выгнать Унитскаго Митрополита изъ Кіева, и взять себѣ еретика отъ Константинопольскаго Патріарха, этотъ изгнанникъ ожидаетъ для себя въ Вильнѣ лучшаго времени отъ Божіей милости. ¹⁸⁶ Въ тамошнемъ Печерскомъ монастырѣ (Pieszerscensi) можно видѣть подземныя пещеры, которыя началъ копать отшельникъ Антоній, прибывшій съ Аѳонской Горы при Великомъ князѣ Изя-

¹⁸⁴ Соборъ сперва происходилъ въ Феррарѣ, а потомъ во Флоренціи 1439, гдѣ присутствовали и Исидоръ, происхожденіемъ Грекъ, а по мнѣнію другихъ — Булгаринъ, даже Далматъ, учившійся въ Западныхъ школахъ. Изъ Архимандритовъ монастыря Св. Димитрія въ Царьградѣ, сдѣлался онъ Епископомъ Ширика, за тѣмъ испросилъ, по смерти Фотія, Митрополита Всероссійскаго, себѣ у Патріарха Цареградскаго санъ Митрополита Русскаго, прибылъ въ Москву 1437 г., и черезъ 4 мѣсяца отправился въ Италію на Соборъ. По возвращеніи въ Москву съ Собора онъ былъ осужденъ Русскимъ Соборомъ и заключенъ въ Чудовъ монастырь, откуда, однако, бѣжалъ, въ Сентябрѣ 1443 г., въ Римъ, а изъ Рима отправленъ Папой посломъ на Востокъ 1452 г., гдѣ, 1453, присутствовалъ при взятіи Цареграда Турками, которые чуть было не лишили его жизни, но онъ спасся въ Италію, и пожалованъ Папой Николаемъ въ санъ Константинопольскаго Патріарха и Декана Кардинальской Коллегии. Умеръ въ Римѣ Апрѣля 27 дня, 1463 г., и погребенъ въ церкви Св. Петра. Онъ описалъ взятіе Цареграда по Латыни въ письмѣ къ Папѣ изъ Перы. О. Б.

¹⁸⁵ Онъ родился близъ Солигалича, былъ Епископомъ Рязанскимъ, а послѣ Фотія (1431) управлялъ Митрополіей, и 1448 посвященъ Соборомъ Русскихъ пастырей въ Митрополиты Россіи, принималъ участіе въ устройствѣ Православныхъ Епархій въ Бѣлоруссіи и Малороссіи (съ 1449). При немъ разрѣшено Русскимъ поставлять себѣ Митрополита безъ сношенія съ Патріархомъ, и съ того времени Митрополія Русская заняла первое мѣсто послѣ Іерусалимской Патріархіи (1453); съ 1458 противостоялъ Григорію, ученику Исидора, присланному Папой въ Митрополиты Русскіе. Скончался 31 Марта, 1461 года; черезъ 11 дѣтъ обрѣтены его мощи, 1-го Іюля (замѣненаго 27 Мая). О. Б.

¹⁸⁶ Сдѣсь разумѣется дипломъ, полученный Архимандритомъ Петромъ Могилой, 1-го Ноября, 1632 г., отъ Варшавскаго Сейма и Короля, при чемъ, между прочимъ, онъ получалъ позволеніе отъ Православныхъ, собравшихся на Сеймъ, быть избраннымъ на Кіевскую Митрополію, что и произошло вскорѣ. Уніятскій Митрополитъ былъ тогда Великій Рутскій, преемникъ Потѣя, родомъ изъ Бѣлорускаго Новогородка, изъ Русскихъ дворянъ, но сдѣлавшійся Кальвиномъ, Католикомъ и Уніятомъ, любимецъ и избранныкъ Потѣя, 1611, въ преемники, умершій 1637 г. О. Б.

славѣ (Isaslao). ¹⁸⁷ Въ нихъ лежить много не тѣньныхъ еще тѣлъ, почитаемыхъ Русскими за святыхъ, однако жъ безъ всякаго подтвержденія этой святости, какъ Римскою, такъ и Греческою, Церковью. По увѣренію Кіевскихъ жителей, основанному на одномъ древнемъ преданіи, есть тамъ и тѣло Святой мученицы Варвары. ¹⁸⁸

Володимирское Княжество, между Волгою и Окою, замѣчательно плодородною почвой и названіемъ города, построеннаго, рожденнымъ внѣ брака, Владимиромъ, на рѣкѣ Клязьмѣ, которая, по соединеніи съ Окою, въ 60 верстахъ отсюда, ¹⁸⁹ становится судоходною. Володимиръ укрѣпилъ его деревяннымъ дѣтинцемъ и, покинувши Кіевъ, хотѣлъ сдѣлать мѣстопробываніемъ Великихъ Князей Русскихъ. ¹⁹⁰ Но наконецъ правнукъ его праправнука, Даниилъ, разрушилъ его предположеніе и предоставилъ это, вмѣсто Владимира, Москвѣ. Разоренный Татарами, подъ начальствомъ Батты, Владимиръ представляетъ нынѣ великія развалины, — жалкіе памятники его величія. Къ этому Княчеству прилежитъ Муромское (Muroensis), которыми владѣли когда-то потомки Великаго Князя Ярослава, по наследственному праву отъ сына его, Святослава. Но теперь крѣпость города Мурома скрыта: населенный Татарами, смѣшанно съ Русскими, онъ признаетъ верховную власть Москвы вмѣстѣ съ прочею Россіей. Если подниматься отъ него вверхъ по Окѣ, то явится городокъ Касимгородъ (Cassimogro-

¹⁸⁷ Но Антоній два раза ходилъ на Авонъ: послѣ перваго путешествія на него, онъ возвратился въ 1012, или 1013 г., но вскорѣ (1017) удался изъ Кіева, по причинѣ волненій послѣ кончины Владимира; во второй разъ возвратился въ Кіевъ въ 1027 г., или 1028 г., когда «уста усобица и мятежь, и бысть тишина велика на земли.» Первое было еще при Владимирѣ, а послѣднее при Ярославѣ; Изяславъ же сдѣлался Великимъ Княземъ только въ 1034 г., (а умеръ 1078) и тотчасъ явился къ преподобному съ дружиною просить у него молитвы. Не принялъ ли Майербергъ возвращенія Антонія съ дороги обратно въ Кіевъ, когда Изяславъ, разсердясь на него за постриженіе двухъ его придворныхъ (Варлаама и Еврема), велѣлъ было ему удалиться изъ его стольнаго города, но потомъ, по настоянію своей супруги, приказалъ воротить обратно? О. В.

¹⁸⁸ Моща Св. Великомученицы Варвары, какъ извѣстно, находится въ особомъ придѣлѣ Кіевского Золотоверхо-Михайловскаго монастыря съ незапамятныхъ временъ, а не въ пещерахъ. О. В.

¹⁸⁹ Нынѣ въ 150 верстахъ. О. В.

¹⁹⁰ Неправильно, какъ уже было замѣчено выше. О. В.

діа): (Касимовъ), ¹⁹¹ уступленный Царемъ Годуновымъ, на правахъ подданства, Татарскому Царьку, а теперь владѣеть имъ сынъ его, недавно окрещенный въ Московскую Вѣру, и такой маленькій владѣлецъ называется тоже величавымъ именемъ Царя. Если и нынѣ есть подленькіе льстецы, то пусть себѣ назовутъ и его Императоромъ, коли придетъ имъ такая охота.

Княжество Великій Новгородъ въ старину было дѣйствительно великая волость Рюрика, до тому что простиралась она даже до Ливоніи, Финляндіи, Швеціи и Норвегіи. Оно получило названіе отъ обширнаго своего главнаго города, по увѣренію лѣтописей, самаго древняго изъ всѣхъ Русскихъ городовъ, построенаго переселившимися туда Дунайскими Славянами въ 2 верстахъ отъ озера Ильменя (а Іаси Іменіо). Это озеро, принявъ рѣку Хезину (Свеніумъ), у Русскихъ Ловать (Lowat), выпускаетъ ее потомъ изъ своего нѣдра подъ другимъ уже именемъ Волкова (Wolkow), সু-доходнаго, очень изобильнаго рыбой и протекающаго Новгородомъ. Александръ Витовтъ, Великій Князь Литовскій, въ 1414 году, долго осаждалъ его, принудилъ платить себѣ ежегодную дань и принять своихъ Воеводъ, поручивъ тогда это Воеводство, Князю Ольшанскому, Семену Альгимунду (Simone Algimundo Holzano Duce). Черезъ 14 лѣтъ послѣ того Новгородъ заупрямился было, но Александръ привелъ его въ покорность, и король пришелъ въ самое цвѣтущее состояніе подъ этой зависимостью. Наконецъ Московскій Князь, по справедливости Великій, Иванъ, сынъ Василія Темнаго, покоривъ Новгородъ послѣ семи лѣтъ войны, отнялъ его у Казимира III, Короля Польскаго и Великаго Князя Литовскаго, въ 1477 году, ¹⁹² а потомъ, въ 1493 году, принудилъ своего зятя, Казимирова преемника, Александра, отказать отъ всякихъ правъ на этотъ городъ. ¹⁹³ Но 1611 годъ пока-

¹⁹¹ Касимовъ лежитъ на крутомъ высокомъ берегу Оки и при рѣчкахъ Бабинкѣ и Сѣвернѣ, слишкомъ въ 280 в. отъ Москвы, отъ Губернскаго города своего Рязани въ 136. Прежде назывался онъ Городецъ, а по отдатѣ его Касиму, Татарскому Царевичу, Василюмъ Темнымъ, переименованъ онъ въ его имя, такъ какъ составлялъ его столицу. Жителей нынѣ около 10,000 обоюга пола, церквей 9, монастырь женскій, мечеть, училища 4 и т. п. О. Б.

¹⁹² Послѣ смерти старшаго брата (1491—1501), Яна Альбрехта, Маръ заключенъ былъ 7-го Февраля, 1494 г. О. Б.

¹⁹³ Новгородъ покоренъ 15-го Января, 1478 года. О. Б.

залъ, что великія громады, одинъ разъ обрушившись, ужь никогда потомъ не въ состояніи подняться, какъ бы придавленные собственной тяжестью. По тому что Яковъ Де ла Гарди (Jacobus de la Garde), вождь вспомогательнаго войска, посланнаго въ Россію Карломъ IX, Королемъ Шведскимъ, противъ намѣреній его племянника, Польскаго Короля, Сигизмунда III, будучи раздраженъ обманамъ Москвитянъ, взявъ этотъ городъ однимъ отважнымъ приступомъ храбро напавшаго его небольшого, пятидесятичленнаго отряда. ¹⁹⁴ Новгородъ — мѣстопробываніе первенствующаго Русскаго Митрополита. Къ его же области принадлежала и крѣпость Иванъгородъ (агх Ivanogrodia), построенная тѣмъ же Иваномъ, при рѣкѣ Наровѣ, изъ тесаннаго камня, въ 1495 году, а не жестокимъ, его внукомъ, какъ думаютъ нѣкоторые. ¹⁹⁵ Ямбѣ (Jamta), Копорье (Coporgium) и Орѣшекъ (Oreschakum) или Нотебургъ (Noteburgum) въ Ингрии, отняты вооруженною рукою у Москвитянъ или самимъ Карломъ, или сыномъ его, Густавомъ Адольфомъ, вмѣстѣ съ Кексгольмомъ (Kexholmia) въ Карелии (Caretia), подареннымъ Карлу Василіемъ Шуйскимъ въ присланное отъ него вспоможеніе противъ Поляковъ. Всѣ эти мѣста перешли въ вѣчное владѣніе Шведовъ, по праву войны и подъ новыми названіями, по мирному Столбовскому (Stolbovöensis transactio) договору, заключенному въ 1617 году между тѣмъ же Густавомъ Адольфомъ и Великимъ Княземъ Михаиломъ Овдоровичемъ; и подтвержденному юнымъ Королемъ Карломъ XI и Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1661 году и слѣдующемъ годахъ. ¹⁹⁶

¹⁹⁴ Новгородомъ Шведы овладѣли тогда (Юля 15-го, 1611 г.), благодаря нерадѣнію Градоначальниковъ его (Князя Ив. Никит. Одоевскаго и Вас. Ив. Бутурлина) и измѣнѣ одного Новгородца (Ивашки Швада), вѣдшаго въ Новгородъ неприятеля ночью (съ 15 на 16-е Юля) Чудицескими воротами. О. Б.

¹⁹⁵ Несправедливо, но въ 1492 году, у рѣки Нарвы или Наровы, на Дѣвичьей горѣ. О. Б.

¹⁹⁶ Миръ съ Шведами заключенъ былъ, при посредничествѣ Англійскаго Посла (Джона Мерика) въ селѣ Столбовѣ, между Тихвины и Ладоги, 27-го Февраля, 1617 г., по которому Россія удовольствовалась толко возвращеніемъ одного Новгорода съ малою частію Увѣда. При Алексѣѣ же заключенъ былъ, въ Октябрѣ 1661 г., въ Карлясѣ (деревнѣ между Юрьевомъ Ливонскимъ и Кольванью), и по нему Царь уступилъ Швеціи всѣ завоеванныя Ливонскіе города, а черезъ годъ почти послѣдовало подтвержденіе въ Москвѣ и Столгольмѣ съ стороны Королевы Елеоворы, съ ручательствомъ за малолѣтняго Короля, Карла XI. О. Б.

Вологда (Volochda) тоже была Новгородская область, получившая названіе отъ протекающей по ней рѣки и съ трудомъ доступная, по причинѣ частыхъ болотъ и густыхъ лѣсовъ: такимъ образомъ она обѣщаетъ Государямъ въ главномъ городѣ, Вологдѣ, на рѣкѣ Сухонѣ (ad Suchanam), самое безопасное хранилище для ихъ казны, подъ защитою чрезвычайно сильной крѣпости; она же служитъ и мѣстопребываніемъ Архіепископа, пользующагося преимуществомъ предъ другими.

И Устюгъ (Ustiuga) былъ Новгородская область, названная отъ устья рѣки Юга (ob ostio Jugae), гдѣ возвышалась въ старину крѣпость съ городомъ Устюгомъ, нынѣ перенесенная немного выше.¹⁹⁷

Наконецъ тоже была и Двинская (Duina) обширная область, съ городомъ Холмогоры (Colmogoria), и очень населенною страпою на рѣкѣ Вагѣ (Vaga). По случаю бесплодной почвы, въ старину эта область считала у себя немного жителей, а нынѣ, благодаря удобству знаменитой ея пристани у Михаіла Архангела (Michaëlis Archangeli emporii),¹⁹⁸ она изобильна и жителями, и товарами. Свое названіе получаетъ отъ протекающей по ней рѣкѣ Двины (Duina), а эта называется такъ по тому, что образуется изъ сліянія двухъ рѣкъ, Сухоны и Юга (a Suchanae et Jugae confluxu), такъ какъ Двина на Русскомъ нарѣчій то же, что и «два.»¹⁹⁹ Сухона беретъ начало изъ Кубенскаго (Koinski) озера въ Вологодской области.²⁰⁰ Имя рѣки Вологды, впадающей въ нее въ 42 миляхъ ниже города того же имени,²⁰¹ она заглушаетъ своимъ, и такъ обогатившись чужимъ добромъ, да

¹⁹⁷ То есть, Сухона и Югъ, соединясь вмѣстѣ, составили рѣку Сѣверную Двину, по тому городъ, построенный тутъ, получилъ названіе свое Устюга (Устьѣ Юга). Называютъ его и Юстюгъ Великій. О. Б.

¹⁹⁸ То есть, Архангельска. О. Б.

¹⁹⁹ Идѣность! О. Б.

²⁰⁰ Вытекаетъ изъ юговосточной оконечности Кубенскаго озера въ границахъ Вологодскаго Уѣзда. До впаденія въ нее р. Вологды слыветъ Сухона Рабангой, Рабонгской Сухоной, отселѣ до впаденія р. Двиныцы — Нижней Сухоной, Окольной же Сухоной зовется большая излучина ея, въ которую впадаетъ р. Лежа. О. Б.

²⁰¹ Рѣка Вологда вытекаетъ съ границы Вологодскаго и Череновскаго Уѣздовъ и впадаетъ въ Сухону Окольную, выше города на 100. верстѣ. О. Б.

смишавъ это, нечестно добытое богатство, будто собственность, съ своими наследственными водами, и захвативъ еще съ собою другія незначительныя рѣки, уносить все эти воды дальше къ востоку, на пространство 500 миль, и оставлять назадъ у себя городки: Сухкумъ (Suchkum), ²⁰² Тотму (Totmam), Брусенецъ (Browsenskum), Бобровскій (Bobroweskum) ²⁰³ и Стрѣльну (Strelnam) ²⁰⁴. Но только что пройдетъ городъ Устюгъ (Ustugam), какъ изливается въ Югъ (Jugam), и такимъ образомъ показывается, по праву равнаго воздаянія. По тому что обѣ эти рѣки, слившись вмѣстѣ, лишаются своихъ именъ, такъ что изъ точки ихъ сліянія катится, на всемъ пространствѣ прямо къ Обверному океану, уже другая рѣка, носящая названіе Двинны (Duinna). По дорогѣ она увеличивается еще самыми многоводными на 500-у верстѣ рѣками: Пермной (Permwanae), Вычегдой (Witzogdae), ²⁰⁵ Вагой (Vagae) ²⁰⁶ и Пинемой (Pimeti-humeribus); ²⁰⁷ протекаетъ черезъ многочисленныя по берегамъ ея и очень многочисленныя деревни и городки: Двинну (Duinam); ²⁰⁸ Емцу ²⁰⁹ (Jemziam), ²¹⁰ Холмогоры и монастырь Михаила Архангела. Но всегда вѣрная своему Государю, впадаетъ въ Двинскую губу (sinum Gwainiscam). Да и никогда не приходитъ туда безъ ноши на своихъ хребтѣхъ, по тому что совсѣмъ завалена перевозкой: привозитъ то выдѣланныя воловыя кожи, то слѣдующія еще къ выдѣлкѣ ло-

²⁰² Устюгъ?

²⁰³ Брусенецъ, по Географическимъ Словарямъ Щекатова и Гагарина, укрепленный городокъ Вологодской Губерніи въ Великоустюжскомъ Уѣздѣ, вѣроятно, вылившаяся деревня Брусенатская, показанная въ атласѣ Вильбрехта, на правомъ берегу р. Сухомы, ниже города Тотмыши.

²⁰⁴ Имя Бобровскій Ямъ, на р. Бобровѣ, близъ впаденія ея въ Сухому.

²⁰⁵ «А отъ Бобровска до Стрѣльнаго 50-у верстѣ, отъ Стрѣльнаго 50 верстѣ до Устюга Великаго,» сказано въ «Книгѣ Большаго Чертежа.» Имя Стрѣльницкій погостъ на р. Стрѣльнѣ, впадающей въ Сухому.

²⁰⁶ Вычегда беретъ начало въ Усть-Сысольскомъ Уѣздѣ Вологодской Губерніи, а въ Соль-Вычегодскомъ, въ 16-ти верстахъ отъ города Соль-Вычегодска, впадаетъ въ Сѣверную Двинну.

²⁰⁷ Вага беретъ начало въ Тотемскомъ Уѣздѣ Вологодской Губерніи, а въ Архангельской, въ Шенкурскомъ Уѣздѣ, впадаетъ въ Двинну.

²⁰⁸ Пинема беретъ начало въ Вологодской Губерніи, а въ Архангельской, въ Холмогорскомъ Уѣздѣ, впадаетъ въ Сѣверную Двинну.

²⁰⁹ Двинна?

²¹⁰ Емецкое село и приходъ въ Холмогорскомъ Уѣздѣ Архангельской Губерніи.

свинныя, во коноплю и смолу, то лянное сѣмя и сало, то воскъ и приготовляемую на Волгѣ бѣлаужью, осетровую и другихъ рыбъ икру (овіа ісагіі) то липовую, ясневую, вязовую и ябловую очищенную золу для суконнаго и мыловарнаго дѣла, то медвѣжьи, волчьи, лисьи, бѣлыя, рысьи, хорьковые, куны, собольи и другіе мѣха: все это для Англичанъ и Голландцевъ, привозающихъ каждый годъ туда моремъ, въ назѣстную пору гѣта. Она берутъ всѣ эти вещи, да еще слюду, добываемую изъ горъ на берегу Двина, и вытопленное изъ тюленьяго жира масло, и либо уговорашись съ начала объ обмѣнѣ на свои товары, либо тутъ же сторговашись въ цѣнѣ, отдаютъ за то привезенные по Средиземному морю и океану разные благовоныя вещества: сахаръ, шафранъ, соевые, сеяды, малясаю, Испанскія и Французскія вина, сукна разнаго рода и цѣта, Голландское холотно, зеркала, ножи, сабли, пистолеты, ружья, пушки, мѣль, овинець, одово, шелковыя ткани, атласъ, аксамитъ, камку, обьяръ, золотой, серебряный алтабасъ, подотняные, бумажные и шелковыя чулки, пряденое золото, жемчугъ, перлы, алмазы, рубины, смарагдъ, сапфяры, хризолиты, аметисты, топазы, наконецъ огромное количество золотыхъ и серебряныхъ денегъ. Все это отвозится въ верхъ по рѣкѣ, къ городу Вологдѣ, а потомъ, по земной дорогѣ, въ Москву, въ продолженіе 8 дней пути.

Казанское, бывшее нѣкогда Татарское, Царство получило названіе отъ своего столичнаго города, а этотъ отъ рѣки Казанки (Kasanska), обтекающей его своимъ извилистымъ русломъ. Казань построена Перекопскими бѣглецами изъ Тавриды, въ княженіе Василія Васильевича въ Московіи. Василій Ивановичъ заставилъ ее брать отъ него Царей себѣ, а потомъ, когда она вразумилась было, оны сдѣлали ее лишеними опасной войды, однако жъ не покорилъ. Но, въ 7061 году, отъ С. М., въ 1552, отъ Р. Х., сынъ его, Иванъ, взявъ Казань, побѣдъ шестидѣсячной осадѣ²¹¹ и вмѣстѣ съ ея Черемитами (Ceremissis) заставилъ смириться подъ властью Москвы. Однако жъ, въ видѣ вознагражденія за обиду, подчинилъ ей сосѣднюю себѣ Болгарію (Bulgariam), которой терпѣть не могъ за частые мятежи, чтобы эта страна, не привыкшая къ покорности, научилась пренять чужое иго, и украсилъ Казань учрежденіемъ въ ней Митрополіи и мѣстопробываніа Митрополита.

²¹¹ Описаніе вѣн. О. Б. А. 1552

Астраханское Царство, принимающее въ широкое устье Волги приплыя въ нее рѣки и продолжающее ее въ Каспійскомъ море посредствомъ многихъ рукавовъ, было стариннымъ и нарѣдичь длиннаго ряда Царей Татарско-Цаганской орды Иванъ Васильевичъ, въ 1554 году, 1-го Августа, ¹¹² отъялъ его у нихъ, съ горелемъ Астраханью, славною во всей области пристанью, на лѣвомъ берегу Волги, въ 60-ти верстахъ, отъ Каспійскаго Моря (Нисашиш Маге). ¹¹³ Онъ выгналъ изъ горда всѣхъ Татаръ и, обрадовавъ его съ начала каменной стѣной, заселивъ ея однимъ Русскими жителями и почтивъ мѣстопребываніемъ, Архіепископа Астрахань, возбуждаетъ весьма хорошо изъ оаръ, солью, рыбой изъ Волги, птицами изъ камыщей и кустарниковъ; въ ней не только много плодовъ, но и довольно вкусное виноградное вино; какъ дѣльное, бѣтъ, всякой приѣхши, она отправляетъ его въ Московію, для употребленія при церковномъ богослуженіи.

Сибирь (Siberia) сдѣлалъ сначала своєю данницею Иванъ Васильевичъ Старшій (III-й), а потомъ совершенно покорилъ ее Младшій. Это самая обширная область, извѣстная, какъ несчастное ссылочное мѣсто виновныхъ, а также и невинныхъ, изгнанниковъ. По немногу захватывая сосѣднихъ Татарскихъ Князей и время отъ времени дѣлая ихъ своими данниками, благодаря опустошительнымъ набѣгамъ въ разныя стороны, Московія распространила свои разбросанныя предѣлы даже до Имауса (Imaus) (если правду говорятъ Москвитине); перенесла бы ихъ и еще дальше, если бы недавнія военныя неудачи не остановили ея нападеній. Главный городъ Сибири Тобольскъ (Tobolia), построенный Москвитянами на высокой горѣ, при самомъ впаденіи Тобола (Tobola) въ рѣку Иртышъ (Irtischi), и обнесенный деревянною стѣною, подъ защитою тутъ же пристроенной деревянной крѣпости. Городъ пользуется почестію Архіепископства и мужскаго монастыря; заселяютъ его одни Москвитяне, а для всѣхъ другихъ пришлецовъ отведенъ, подчиненный Тобольску, городокъ на берегу Тобола. Въ извѣстное время года въ Тобольскъ со всѣхъ сторонъ стекаются Татары изъ своихъ Царствъ для торговли, однако жъ они не какъ не хотѣть отдавать своихъ товаровъ за деньги, а только мѣняютъ на другіе, привезенные изъ Архангельска. Юзъ Тобольской области

¹¹² По другимъ Юля 2-го, 1554 г. О. Б.

¹¹³ Теперь въ 80. О. Б.

принадлежитъ и большой городъ Тюмень (Tumenis), въ 64 верстахъ ²¹¹ къ югу отъ Тобольска, при рѣкѣ того же имени, обнесенъ деревяннымъ острогомъ и тоже населенъ одними Москвитянами, такъ какъ Татары должны довольствоваться своими жилищами на другой сторонѣ рѣки. Также и Верхогурье (Virschaturia), деревянный городъ, не уступающій обширностію Тюмени, въ 220 верстахъ отъ него, ²¹² тоже къ югу, и построенный на горѣ при рѣкѣ Турѣ (Tura), впадающей потому въ Тоболъ. Между ними и Тюменемъ поднимаются очень высокія горы, поросшія множествомъ кедровыхъ лѣсовъ, откуда Великій Князь ежегодно получаетъ огромный доходъ съ этого обширнаго Царства въ разныхъ очень дорогихъ мѣхахъ. Природные жители Татары, идолопоклонники и говорятъ собственнымъ нарѣчіемъ, и даже до сихъ поръ не знаютъ употребленія хлѣба. Не по тому, однако жъ, какъ пишутъ нѣкоторые, чтобы стужа не давала дозрѣвать жатвѣ, но въ слѣдствіе обычая, почти общаго всѣмъ народамъ той области, которые довольствуются звѣриннымъ мясомъ да рыбой, а этого у нихъ большое изобиліе, и по тому пренебрегаютъ употребленіемъ хлѣба. Впрочемъ, Московскія поселенія, заведенныя тамъ, также ссыльные воины и Воеводы, обрабатываютъ, для своего употребленія, самыя плодородныя поля, особливо у Тюмени, и въ свое время собираютъ съ нихъ вѣтренное имъ сѣмя съ самой богатой для себя прибылью, сверхъ всякаго ожиданія. Пьютъ пиво, квасъ и водку. Меду у нихъ нѣтъ, по тому что совсѣмъ нѣтъ пчель. О виноградномъ винѣ тоже не заботятся, такъ какъ очень удобно привозить его изъ залива Бѣлаго моря.

Тѣ трое братьевъ Варяговъ или Вагріевъ, Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, не владѣли Псковскимъ Княжествомъ (dominium Plescoviense): оно находилось подъ властію Князей, которыхъ тамошній свободный народъ бралъ себѣ, по желанію, у своихъ сосѣдей. Рожденный вѣ брака, Володимиръ, правнукъ Рюрика, пошелъ войной на одного изъ такихъ Князей, Варяга или Вагра Рогвольда (Rokwologdim), за то, что тотъ отказалъ выдать за него дочь свою, Рогмиду (Rochmida): онъ убилъ Рогвольда, вмѣстѣ съ двумя сыновьями, а свою любезную, не смотря на ея сопротивленіе, взялъ себѣ въ жены, противъ воли боговъ, покровителей брака.

²¹¹ Нынѣ въ 250 верстахъ. О. Б.

²¹² Нынѣ въ 500 верстахъ. О. Б.

Городъ этотъ, нынѣ мѣстопробываніе Архіепископа, взятъ былъ потомъ, въ 1241 г., Ливонцами, но, немного времени спустя, получилъ прежнюю независимость отъ Александра, сына Ярослава, Великаго Князя Московскаго, съ помогавшими ему Татарами. Онъ счастливо наслаждался самымъ цвѣтущимъ состояніемъ подъ покровительствомъ выбранныхъ имъ самимъ Князей, подъ своими законами, охраняемыми городскимъ правительствомъ, при чистотѣ своихъ нравовъ и безопасности свободы. Его спокойствіе было нарушено въ 1414 г. Литовскимъ Княземъ, Витовтомъ, который долговременной осадой заставилъ его сдаться, обложилъ данью, отдалъ въ управленіе Георгію, Князю Московскому; когда же, черезъ 12-ть лѣтъ потомъ, городъ оказался непокорнымъ, Витовтъ наказалъ его денежной пеней. Въ 1509 году, по злодѣйскому заговору нѣкоторыхъ Священниковъ, Псковъ былъ преданъ Василию Ивановичу и, лишенный гражданъ, отправленныхъ Василиемъ въ ссылку, совсѣмъ измѣнился въ самую худую сторону, среди чрезвычайной распущенности нравовъ пришлыхъ Москвитянь, которые пробрались туда.²¹⁶ Укрѣпленный промежуточными стѣнами въ четыре ряда²¹⁷ онъ отразилъ нападенія, въ 1581 г., Польскаго Короля Стефана,²¹⁸ а въ 1614 г.—Шведскаго

²¹⁶ Покореніе Пскова Января 13, 1510 года, когда «спустише колоколъ вѣчной (вѣчелой) у Св. Троицы, и начаша Псковичи, на колоколъ смотря, плакати по своей старовѣ и по своей воли.» О. Б.

²¹⁷ «Нынѣшній городъ Псковъ, пишетъ о немъ въ своемъ Словарѣ Щекатовъ, стоитъ на восточномъ или на правомъ берегу рѣки Великой, и раздѣляется на три главныя части: на Кремль, Средній городъ и Большой городъ. Кремль стоитъ при самомъ устьѣ р. Псковы, на лѣвомъ ея берегу, весь каменный съ толстыми стѣнами. Укрѣпленіе сіе называется Довмонтовою стѣною, безъ сомнѣнія, по имени его строителя, мужественнѣйшаго изъ всѣхъ Князей Псковскихъ, Довмонта, во Св. Крещеніи Тимоѣя, княжившаго въ Псковѣ отъ 1266 по 1299 годъ, который и похороненъ въ Соборной церкви. Средній городъ заключается въ каменной стѣнѣ, идущей отъ Кремля вверхъ по лѣвому берегу р. Псковы и обращающейся, на подобіе полумѣсяца, внутри города такъ, что задній ея конецъ примыкаетъ опять повыше Кремля къ стѣнѣ Большаго города. Последній окруженъ стѣною, идущею кругомъ всего Пскова.

²¹⁸ Августа 25 дня. Въ Псковѣ начальствовали тогда Бояре и Воеводы, Князья Шуйскіе, Василій Ѳеодоровичъ и Иванъ Петровичъ, съ другими; изъ нихъ послѣдній отвѣтствалъ за всѣхъ Воеводъ. «Тогда же Баторію, яко мало на свой мечъ не пасти, яко шѣтися сердцу его не треснути.» Послѣ 46

Густава Адольфа. ²¹⁹ Впрочемъ, не одинъ только Псковъ, по ложному извѣстію Пясецаго (Piascius), во всей Московской области обнесенъ каменными стѣнами, кромѣ мѣстопробыванія Великихъ Князей, Москвы, да еще Смоленска, по тому что, не говоря уже о крѣпости Борисовѣ (Borissovia) въ 6-ти миляхъ отъ Можайска, вправо, устроенной изъ вала, кольевъ и камней, и напрасно осаждаемой, въ 1617 году, Литвиномъ Ходкевичемъ (a Lituano Chodkievicio), о Коломнѣ (Columna) на Окѣ и Нижнемъ Новгородѣ (Novogardia Inferior), обнесенныхъ каменными стѣнами, о Казанской крѣпости, съ такою же оградой, и городѣ Астрахани, которую Иванъ Васильевичъ укрѣпилъ самыми толстыми каменными стѣнами, намъ встрѣчаются еще: Великій Новгородъ (Novogardia Magna), Тула (Tulla), Можайскъ (Mosaiscus) и Вологда, обороняемые отчасти каменной крѣпостью, отчасти же высокими и толстыми кирпичными стѣнами.

Подобно рѣкѣ Нѣману или Хронону, который, поглощая въ своекъ теченіи разныя воды, все растетъ и растетъ, Литва (Lituania) тоже съ ничтожнаго начала увеличилась до весьма значительнаго пространства. Правда, что послѣ своего появленія у Куронскаго залива, между Пруссіей и Жмудью (Samogitia), быстро идя впередъ противъ теченія Нѣмана, къ концу X-го вѣка и въ правленіе Итальянца Палемона (principante Italo Palaemone), изъ рода Колонны (ex gente Columna), она столкнулась, на своемъ пути, съ счастьемъ Кіевскаго Владимира Святославича, и отъ этого удара лишилась независимости, однако жъ вскорѣ потомъ освободилась, при дѣтяхъ Палемона: Боркѣ (Borco), Купонѣ (Cunone) или Кунасѣ (Cunasso), и Сперѣ (Spera). Въ сосѣдствѣ Юріи (Juriae) и Нѣмена они построили Юрбургъ (Jurborco), а при впаденіи въ Нѣманъ Виліи (Vilia)—Ковно (Саупа), на озерѣ же, между рр. Невѣжею (Nieviaza), Свѣнтою (Swianta) и Червентою (Tzerwenta)—Сперу; послѣ того сынъ Кунаса, Керно (Kierno) построилъ на Виліи Керновъ (Kiernoviam), который, въ продолженіе длиннаго

отбитыхъ приступовъ, Генваря 15 дня, 1582 г., заключенъ былъ миръ въ Запольскомъ Яму. О. В.

²¹⁹ Именно 1616 г., Октября 7, вылазки Псковитянь, управлешныхъ Воеводами: Болриномъ Василиемъ Петровичемъ Шереметевымъ, Федоромъ Леоньевичемъ Бутурлинымъ и Княземъ Аонасьемъ Федоровичемъ Гагариннымъ, вынудили Короля Шведскаго снять осаду и «пойти за море.» О. В.

ряда лѣтъ, былъ мѣстопребываніемъ Литовскихъ Князей. Литва такъ сильно укрѣпила громоздкое зданіе своего государства, что все увеличиваясь, среди взаимной братской ненависти между Князьями братьями изъ рода Ярослава Кіевскаго, завоевала Браславъ (Braslaviam) и навсегда удержала его за собою при Князьяхъ братьяхъ Кернѣ и Гимбутѣ (Gimbuto). Такую смѣлость Литвы не въ силахъ былъ снокойно сносить Романъ Мстиславичъ (Mіcisłai filius), сынъ Володимирова правнука, получившій, въ 1198 году, въ ленное владѣніе отъ Краковскаго Князя, Лешка Бѣлаго (Leski albi). Галицкое Княжество, отнятое у его предка Уграми, въ началѣ XIII-го вѣка, отплатилъ за эту отвагу Литовцамъ неоднократно побѣдами, наказавъ ихъ немаловажною частью завоеванной ими области и заставивъ ихъ дать себѣ клятву въ вѣрности и платить постыдную дань.²²⁰ Но когда, черезъ пять лѣтъ послѣ того, онъ убитъ былъ при Завихвостѣ (Zawickwustum), честолюбіе его преемниковъ, какъ будто на погибель имъ самымъ, порождая междоусобные раздоры, ободрило сыновей Гимбута, Жи-вибунда (Ziwi bundus) и Монвила (Montwillo), освободить свой народъ изъ рабства. Въ 1217 году они послали Эрдвила (Erdvilum), сына Монвила, съ отборнымъ войскомъ, подъ начальствомъ опытныхъ вождей: Литовцы сперва возстановили и укрѣпили Новогородокъ (Novogrodek), захватили Городно (Grodnam), Берестъ (Brestiam), Дрогичинъ (Drohuczynum), и все пространство между рр. Виліей и Припетью (Przepetium), и поставили въ нихъ охранительные отряды для защиты. Черезъ два года потомъ Мингаило (Mingailo), сынъ Эрдвила, Князь Новогородецкій (Novogrodek), напалъ на Полоцкъ (Polociam), и взялъ его: этотъ городъ пользовался въ то время свободою, употребляя ее во зло и обижая сосѣдей. А на другой годъ сынъ его, Скирмундъ (Skirmundus), въ промежутокъ немногихъ мѣсяцевъ, разорилъ Пинскъ (Pinsco) и Туровъ (Turovia), и, убивъ Царя Заволжскихъ Татаръ, Балаклая (Balacłajo), овладѣлъ Мозыремъ (Мозуго), Стародубомъ (Starodubo), Черниговымъ (Czernicovia), и совершенно всею Сѣ-

²²⁰ Уже въ 1188 г. Галицкіе Бояре, по смерти Ярослава Осмомысла, удаливъ сына его, Владимира, призвали было къ себѣ Волынскаго Князя, Романа Мстиславича, котораго, однако, Владимиръ вытѣснилъ при помощи Угровъ, посадившихъ на престолъ, не его, а Королевича своего, Андрея. Спустя два года (1190) Казимиръ II Справедливый (1178 — 1194), выгналъ Андрея для Владимира, за что онъ съ Романомъ и Всеволодомъ Бельскимъ

верію (Severia), бывшею подъ властью этого Царя. При такомъ распространеніи предѣловъ Литвы, Князь ея, Рингольдъ (Ringoldus), сынъ Гимбута, первый принялъ титулъ Великаго Князя. Зависть сосѣдей возбудила противъ него жестокою войну, но, разбивъ, сперва Кіевскаго Князя, Святослава, и счастливо истребивъ войско союзниковъ, онъ храбро отстоялъ свой новый титулъ. Этотъ титулъ возвысилъ потомъ сынъ его, Миндовгъ или Минданъ (Mindogus sive Mindanus); съ вынужденной покорностью подчинившись мирнымъ условіямъ, предписаннымъ ему Магистромъ Ливонскихъ рыцарей, Андреемъ Штукландомъ (Stuckland), онъ принялъ Св. Крещеніе на Новогородецкомъ полѣ,²²¹ въ 1252-мъ году, отъ Епископовъ Рижскаго и Хельменскаго (Culmensem) и властію Римска-

---

помогли Казимиру изгнать Мечислава Стараго изъ Кракова (1191). Въ 1196 г., по смерти Казимира, Романъ сражался съ Мечиславомъ при рѣкѣ Мозгавѣ, какъ союзникъ Лешка Бѣлаго, старшаго сына Казимирова, у котораго Мечиславъ Великопольскій (Старый), какъ представитель старшей линіи, оспаривалъ престолъ Краковскій. И хотя Мечиславъ, по договору съ Лешкомъ, получилъ Краковское Княженіе (1200), но Лешекъ, въ благодарность Роману за участіе въ его судьбѣ, помогъ ему войти на Галицкій Княжескій столъ, упраздненный кончиной (1198) Владимира Ярославича. Польское войско, предводимое Краковскимъ Воеводой, Николаемъ (ум. 1207), явилось въ Галичъ и принудило жителей его принять Романа. Объ утвержденіи Романа въ Галичѣ въ нашихъ летописяхъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній, но лишь въ Польскихъ (Стрыйковскаго, Бѣльскаго, Кромера и т. п.); по тому не удивительно, что, опираясь на нихъ, Майербергъ толкуетъ тутъ о левнѣйшей зависимости Романа отъ Лешка. Могъ ли онъ допустить ее, сдѣлавшись Государемъ всей Руси по самый Двѣпръ (одолѣвъ Князей Черниговскихъ и Кіевскаго, Рюрика, коего изгналъ, а на его мѣсто посадилъ другого, въ зависимости отъ себя)? Напротивъ, уже въ 1204 г. требовалъ вознагражденія себѣ отъ Поляковъ (при Владиславѣ Тонконогомъ, Мечиславономъ сынкѣ и преемникѣ въ Краковѣ (1202—1207), и, не получивъ его, опустошилъ часть Сандомирской земли и домогался Люблина, который осаждалъ, но узнавъ о томъ, что Лешекъ и Коврадъ, братъ его, Князь Мазовскій, выступили противъ него, пошелъ имъ на встрѣчу и у Завихвоста (въ 14 верстахъ отъ Сандомира), сразился съ Поляками, побѣжденъ и убитъ ими, удалившись съ малочисленною дружиной отъ главнаго войска (1205).

²²¹ Къ этому онъ побужденъ былъ крещеніемъ въ Ригѣ же племянника своего, Тевтивила, воевавшего противъ него съ Русскими Князьями (Романовичами). Свѣдавъ, что Рижане собираются помогать ему, Миндовгъ испугался, склонялъ богатыми подарками Геермейстера на свою сторону, который, съ своей стороны, склонилъ и его креститься: «крещеніе же его лестно бѣ; яри бо богомъ своимъ въ тайнѣ.» О. Б.

го Первосвященника, Иннокентія IV-го, возведенъ въ Королевскій санъ.²²² Благодаря распложенію Римскаго престола, онъ передалъ бы этотъ санъ своимъ преемникамъ, если бы вскорѣ не снялъ съ себя личины, надѣтой имъ только изъ страха, и не отрелся отъ Христіанской Вѣры. Въ возмездіе, за оскорбленіе Бога, въ скоромъ времени самъ онъ и сыновья его, Рукаій (Rucius) и Репикъ (Repicus); не въ силахъ были управиться съ заговоромъ своихъ подданныхъ и погибли. Въ продолженіе многихъ лѣтъ послѣ того Литва, тревожимая набѣгами и газореніями Прусскихъ и Ливонскихъ Крестоносцевъ, никогда и ни сколько не падая духомъ, наоборотъ, и сама беспокоила ихъ: то же опустошала ихъ поля, жгла деревни и села, а Князья ея вредили другъ другу взаимными иронсками. Но въ 1319 году²²³ Гедиминъ (Gedimius), пользовавшійся покоемъ отъ нихъ, по заключеннымъ съ ними мирнымъ договорамъ, обратилъ свое оружіе и ненависть на Русскихъ (in Russios) и, сошедшись подъ самыми стѣнами Володымира (Volodimiriae) (Волинскаго) съ Княземъ его, тоже Володымиромъ (Volodimiro), побѣдилъ его войско, убилъ его самого и овладѣлъ этимъ городомъ и областью. Потомъ, когда Левъ, Князь Луцкій (Luceogiensi Leone), бѣжалъ отъ него изъ своего города, онъ взялъ и Луцкъ и, присоединивъ къ Литвѣ всю Волинь (Volyniam), отдалъ ее подъ охраненіе Воеводъ. Едва только прошла зима, онъ напалъ на Кіевскую область, и покорилъ ее всю, съ главнымъ городомъ, выгнавъ оттуда Кіевскаго Князя, Станислава (Stanislao). Вскорѣ, въ побѣдоносномъ шествіи своемъ, онъ отнялъ Брянскъ (Branskum) у Князя Романа (Romano) и Переславль (Pereslaviam) у Князя Олега (Olego), и подвинулъ предѣлы Литвы даже до Путивля (Putivulum). Послѣ того близъ Кернова онъ построилъ Троки (Trosos), а тамъ, гдѣ р. Вильна (Vilna) впадаетъ въ р. Вилію (Viliae) или Нериду (Neridi), заложилъ городъ Вильну (Vilnam), защищаемую двумя крѣпостями. Сынъ же его, Ольгердъ, разбилъ, въ 1331 году, Перекопскихъ Татаръ, въ великой битвѣ при Синихъ Водахъ (ad Siniavodam)²²⁴ и возвратилъ себѣ Подоль

²²² Новгородокъ былъ стольнымъ городомъ Миндовга, который отпалъ отъ Христіанства, по тому, что Нѣмецкій Орденъ не измѣнился въ отношеніи своемъ къ Литвѣ; умеръ онъ 1263 г. О. Б.

²²³ По другимъ это произошло въ 1320 г. О. Б.

²²⁴ По словамъ Стрыйковскаго въ 1331 г., но собственно въ 1363, гдѣ побѣдилъ 3-хъ Татарскихъ Князей, начальствовавшихъ надъ 3-мя Ордами, прогналъ ихъ

(Podoliam), которымъ владѣли они со времени Батыева нашествія. На другой годъ потомъ онъ сдѣлалъ непріятельскій набѣгъ на городъ Москву, въ священнѣйшій день Воскресенія Христова, вошелъ въ нее и заставилъ у себя просить мира Великаго Князя, Дмитрія Ивановича (Demetrium Juwanowicz), между прочими условіями котораго продѣлы Литвы раздвинуты были къ Можайску (Mosaiecum) и къ р. Угрѣ (Ugram). Въ 1386 году, 14-го Февраля, сынъ его, ²²³ Ягайло, принявъ Св. Крещеніе въ Краковѣ и, нареченный Владиславомъ, женился на Ядвигѣ, дочери Короля Людовика, которая еще при жизни ея отца, съ согласія вельможъ государства, давно уже помолвлена была за Вильгельма Австрійскаго и, слѣдовательно, скорѣе была принуждена, нежели убѣждена, къ этому замужеству; въ приданное за нею онъ взялъ Польское Королевство, а, въ свою очередь, далъ въ вѣно за нее Великое Княжество Литовское съ Жмудью (Samogitia) и прочими областями, бывшими въ его владѣніи. Впрочемъ, онъ объявилъ, что братъ

за Днѣпъ, опустошилъ Тавриду, а въ ней Херсонъ, съ тѣхъ поръ переставшій существовать. О. Б.

²²⁵ Въ названныхъ годахъ ничего подобнаго не было. Походъ Ольгерда къ Москвѣ было два: первый, въ 1368, по жалобѣ Тверскаго Князя, Михаила Александровича, лично Ольгерду, своему зятю, на Дмитрія Ивановича, за несправедливые съ нимъ поступки и нападеніе. Съ огромнымъ войскомъ и всѣми Князьями Литовскими, братомъ Кейстутомъ, сыномъ его, Витовтомъ, и Михаиломъ, подступилъ онъ, въ Ноябрь, къ Москвѣ, осадилъ ее и, послѣ трехъ дней, не могши ее взять, «монастыри и церкви и села попали, а Христіанъ насѣче, удался въ Литву.» Второй походъ былъ въ 1370 г., также по жалобѣ Михаила Александровича: Ольгердъ, съ Кейстутомъ, Литовцами, Смоленцами и Тверичами, явился подъ стѣнами Москвы, въ половинѣ Декабря, стоялъ тутъ 8 дней и, услышавъ о сильномъ ополченіи, спѣшившемъ на выручку, испугался, просилъ замиренія, что и послѣдовало срокомъ до Петрова дня, послѣ чего ушелъ въ свои владѣнія. Третій походъ гораздо меньшій, происходилъ въ 1372 г. тоже по просьбѣ шурина своего, Михаила, съ которымъ соединились въ Калугѣ (около половины Юня), но, встрѣтивъ войска Русскія, примирился, заключивъ перемиріе съ 1-го Августа по 26 Октября. Ольгердъ умеръ 1377 г. Христіаниномъ, схимонахомъ, обращенный изъ язычества второй супругой своей, Юліаной, принявъ имя Александра, а въ монашествѣ имя Алексѣя. Сдѣсь же разскажъ Майерберга основанъ весь на Стрыйковскомъ, который всѣ три похода соединилъ въ одинъ, со множествомъ выдумокъ, повторенныхъ и Майербергомъ. Онъ навывааетъ Дмитрія Ивановича Семечкомъ; Угра же, какъ замѣчаетъ Карамзинъ, не могла быть границей нашей уже по тому одному, что Княжество Смоленское было тогда самостоятельное Княжество. О. Б.

его, Казимиръ Скиригайло (Casimirus Skirgello); будетъ Великимъ Княземъ Литовскимъ, но въ полномъ у него повиновеніи. Но этотъ трусливый, преданный пьянству и буйный, Князь сдѣлался вскорѣ предметомъ ненависти и презрѣнія своихъ подданныхъ: въ 1390 году отъ него отложился дядя его, Витовтъ (Vitoldus), и съ помощію войска Маріанскихъ рыцарей, принудилъ его довольствоваться однимъ Кіевскимъ Княжествомъ, а все остальное уступить ему на правѣ леннаго владѣнія, зависимаго отъ Ягайла. ²²⁶ На съѣздѣ въ Городлѣ (in comitiis Hrodzensibus), въ 1413 году, было постановлено, чтобы, по смерти Витовта, Великое Княжество Литовское навсегда оставалось въ совѣщеніи съ Польшею и, при равенствѣ правъ его дворянства съ Польскимъ, признавало Княземъ только того, кого дастъ ему Ягайло. ²²⁷ Такъ по смерти Витовта безъ наследниковъ, 27 Октября, 1430 года, въ Трокахъ (Trocis), Ягайло хотѣлъ, чтобы Великимъ Княземъ Литовскимъ сталъ братъ его, Болеславъ Свидригайло (Boleslaus Suidrigelo). ²²⁸ По изгнаніи Свидригайла, мѣсто его заступилъ Сигизмундъ, братъ Витовта, но злодѣйски убитый своими подданными, въ Трокахъ, въ Вербное Воскресенье, 1440 года, онъ уступилъ свое мѣсто третьему сыну Ягайлову, Казимиру. Черезъ 42 года послѣ того, по смерти Казимира, его замѣнилъ сынъ его, Александръ, а когда и тотъ умеръ, 19-го Августа, 1506 года, въ Вильнѣ, ему наследовалъ, 20-го Октября, братъ Сигиз-

²²⁶ Ягайло присудилъ брату своему, Скиригайлу, Кіевъ, Кременецъ и Стародубъ, подъ верховною зависимостью Витовта и, въ случаѣ недоразумѣній, обязанностью обоихъ судиться у Польской Королевы, Ядвиги. Это происходило въ 1392 г. О. Б.

²²⁷ Городло на Сѣверномъ Бугѣ. Договоръ Городельскій оспаривается нѣкоторыми писателями, называющими его вымысломъ позднѣйшаго времени. О. Б.

²²⁸ Но Свидригайло сдѣлался преемникомъ бездѣтному Витовту не по желанію Ягайла, не имѣннаго уже права на престолъ этотъ, въ слѣдствіе своего отчужденія отъ него принятіемъ престола Польскаго, но по праву старѣйшинства, которое принадлежало брату его, Свидригайлу, тѣмъ болѣе, что онъ былъ и Исповѣданія Православнаго. Свидригайло тотчасъ потребовалъ возвращенія захваченныхъ Ягайломъ Русскихъ городовъ и держалъ его подъ стражей въ Вильнѣ, куда онъ было пріѣхалъ. Ягайло принужденъ былъ удовлетворить брата; но какъ Нолян не согласился того исполнить, то возгорѣлась война. Рассказъ о ней Майерберга невѣренъ, равно и рассказъ о дальнѣйшемъ. См. «Исторію Червоной или Галицкой Руси, Д. И. Зубрыцкаго,» въ переводѣ моемъ съ Польскаго на Русскій (М. 1845 г.), стр. 268 — 314. О. Б.

мундъ, который еще, при жизни своей, 18-го Октября, 1529 года, въ Вильнѣ, отдалъ Литовское Княжество сыну, Сигизмунду Августу, и при немъ на Люблинскомъ Сѣздѣ, въ 1569 году, оно наконецъ было на всегда присоединено къ Польскому Королевству, которому уступило также Кіевъ, Воынь и Подляхію. Изъ этого обширѣйшаго Княжества недавно заняты войсками Алексѣя горда; Витебскъ (Vitepscia), Полоцкъ (Polocia), Смоленскъ (Smolencsia) и Сѣверія (Severia), и теперь еще находятся въ его власти.

Смоленское Княжество (Smolencensis Ducatus), по увѣренію Русскихъ письменныхъ лѣтописей, родственникъ Рюрика и опекунъ (tutor) Игоря; Олегъ, отнялъ у Славянъ Кривичей (Slavis Kriwitziis). Володимиръ I-й назначилъ его, въ потомственный удѣлъ предпоследнему изъ 12-ти своихъ сыновей, Станиславу (Stanislae), а Ярославъ, сынъ того Володимира, меньшому сыну Вячеславу (Venceslae), которому наследовалъ сынъ послѣдняго, Борисъ (Borisus). Но послѣ бездѣтной смерти Бориса, по назначенію двоюроднаго брата, Володимира Мономаха, при которомъ всѣ Русскія Княжества соединились въ одно тѣло, Смоленское Княжество было отдано восьмому его сыну, Мстиславу (Mistislae), передавшему его праправнуку своему, Георгію; правнуку Глѣба. Этотъ, взятый въ плѣнъ въ сраженіи съ Витовтомъ, гдѣ палъ и отецъ его, Святославъ, лишился своего Княжества, уступленного побѣдителемъ брату его, Глѣбу (Hleho), но въ томъ же еще году Смоленскъ былъ отнятъ у него съ помощію жестокой хитрости и обращенъ въ Литовскую область. Въ 1403 году Георгій овладѣлъ имъ опять, по наущенію и съ вспомогательнымъ войскомъ своего тестя, Князя Рязанскаго; однако жъ Богъ отплатилъ ему за жестокость, съ какою онъ свирѣдствовалъ тамъ, надо всѣми: онъ принужденъ былъ уступить силѣ Витовта, подоспѣвшаго къ Смоленску съ многочисленнымъ войскомъ, а самъ бѣжалъ въ Москву, къ Василю Дмитріевичу (ad Basilium Demetrowicz), съ сыномъ Федоромъ, но мнѣнію Русскихъ лѣтописей, или, по извѣстію Польскихъ историковъ, въ Угрію (in Hungariam), и тамъ убитъ въ одномъ сраженіи въ качествѣ воина Короля Сигизмунда. Спустя 37 лѣтъ возмущеніе Смольяне овладѣли городской крѣпостію и, пригласивъ сосѣдняго Дорогобужскаго (Drohobuso) Князя, Андрея Дмитріевича (Andream Demetrowicz), поставили его своимъ Княземъ, но вскоре низложили и приняли Георгія Лингвенія (Georgium Linguenium),

тотчасъ же прогнаннаго Казимиромъ Ягайловцемъ, Великимъ Княземъ Литовскимъ. Послѣ того Смоленскъ, со всѣмъ его Княжествомъ, находился въ зависимости отъ Литовцевъ, которые, въ исходѣ XV-го вѣка нашего спасенія, цѣлыхъ два года къ ряду превосходно отбивались отъ жестокой осады Московскаго Князя, Дмитрія Ивановича (Demetrii), три раза принимавшагося осаждать Смоленскъ. Но въ 1514 году, въ царствованіе въ Польшѣ Сигизмунда I-го, братъ этого Дмитрія, Василій, возвратилъ Смоленскъ, при содѣйствіи передавшагося ему потомка Русскихъ Сѣверскихъ Князей, Михаила Глинскаго (Michaëlis Linczkii), послѣ чего преемники Василія всегда храбро обороняли этотъ городъ даже отъ усилій Константина Острожскаго (Constantini Ostrogii), неистовствовавшаго послѣ своей побѣды надъ Челядинымъ (Celadinum) при Кропивнѣ (ad Kropiwnam), до тѣхъ поръ, пока 13-го Іюня, 1611 года, не овладѣлъ Смоленскомъ и не заставилъ его подчиниться Литовцамъ другой, болѣе счастливый, Сигизмундъ, защищавшій избраніе въ Московскіе Цари сына своего, Владислава. И послѣ напрасныхъ попытокъ Великаго Князя Михаила Федоровича (Michaële Fedorowicz) покорить Смоленскъ обѣщаніями и орудіемъ въ 1616 и 1633 годахъ, примиреніе между нимъ и Владиславомъ могло состояться не иначе, какъ только съ отреченіемъ Великаго Князя въ пользу Ляты на всегда отъ всѣхъ правъ, какія онъ могъ имѣть на Смоленскъ, а также и отъ титула Князя Смоленскаго. Алексѣй подтвердилъ этотъ договоръ, не давая, однако жъ, ему никакого вѣса, такъ какъ невыгодный миръ не можетъ быть проченъ: въ 1654 г. онъ дождался такого времени, когда Польша занята была холопскимъ возмущеніемъ мятежныхъ Козаковъ, и 4-го Октября, послѣ недолгой осады, овладѣлъ самою сильною Смоленскою крѣпостью, благодаря измѣнѣ малодушнаго Воеводы, Филиппа Казимира Обуковецкаго (Philippi Casimiri Obucowiczi Palatini). Воеводѣ далъ этотъ предательскій совѣтъ изъ корыстолюбія отщепенецъ отъ Католичества, Лидскій Кравчій Альбертъ Голимонтъ (Albertus Golimont). Вмѣстѣ съ крѣпостью Алексѣй подчинилъ себѣ и все Княжество и по прежнему принялъ названіе Князя Смоленскаго. ¹²⁹

¹²⁹ По Русскимъ лѣтописямъ Воеводой въ Смоленскѣ былъ тогда Филиппъ Казимиръ Обуковичъ, при немъ Полковникъ Корфъ, которые и сдали его 23-го Сент., 1654 года. О. Б.

Великій Князь Ярославъ Всеволодовичъ (Jaroslaus Sevoldicz), воротившись изъ своего убѣжища, Великаго Новгорода, въ Москву послѣ разоренія, причиненнаго Россіи Татарскимъ Царемъ Батыемъ (a Bato), построилъ городъ Тверь (Tuveriam), близъ слиянія рѣки Тверцы (Tuverzae) съ Волгою.²³⁰ Онъ оградилъ его деревянною стѣною при самомъ впаденіи Тверцы въ Волгу, и приписалъ къ нему половину города Торжка (Tuverzakii) и обширную волость, которую отдалъ предпоследнему изъ 9-ти своихъ сыновей, Ярославу, съ Княжескимъ титуломъ. Съ того времени это Княжество, имѣя собственные законы и монету, было самое цвѣтущее изъ всѣхъ Русскихъ Княжествъ: родъ Князей его продолжаетъ жить еще и нынѣ въ частныхъ Князьяхъ, лишенныхъ уже родового наслѣдія и подъ измѣненными прозваніями. Иванъ, сынъ Василія Темнаго, женившись на Маріи, дочери Великаго Князя Тверскаго, Бориса, отнялъ это Княжество у брата его, Михаила, потомка Ярославова въ седьмомъ колѣнѣ. Этотъ, въ 1486 году, бѣжалъ къ сыну Ягайлову, Казимиру, проживавшему въ Вильнѣ. Съ той поры это Княжество, зависимое отъ Московскихъ Государей, стало приходить въ упадокъ и, разоряемое въ послѣдовавшихъ за тѣмъ междоусобіяхъ то Поляками, то Шведами, выгонявшими поочередно другъ друга, едва только можетъ представить какіе ни будь жалкіе остатки своей старинной славы. Такъ счастье, по своей измѣнчивой причудливости, повертываетъ сверху внизъ города и царства на легкомъ своемъ колесѣ.

Въ 1319 году Гедиминъ присоединилъ къ Литвѣ обширнѣйшую и плодороднѣйшую область Волинь (Volynia), раздѣлявшуюся на ближнюю и дальнюю и въ древности населенную Тирангитами или Тиритами (a Tyrangitis sive Tyritis). Потомъ она была славнымъ мѣстопребываніемъ многихъ Князей и состоитъ изъ двухъ округовъ: Кременецкаго (Cremenecensem) и Луцкаго (Luceogiensem). По тому что послѣ того, какъ въ битвѣ, подъ самыми стѣнами города Володимира (Волынскаго), погибъ, храбро сражаясь, Русскій Князь Волини, Володимиръ, и, по такой же благосклонности счастья, Левъ (Leo), Князь Луцкій, былъ прогнанъ въ Сѣверію, Гедиминъ покорилъ оба города съ ихъ областями и ввѣрилъ ихъ охраненію Воеводѣ и войска Литовскаго. Хотя, въ 1349

²³⁰ Но Тверь построилъ Всеволодъ Юрьевичъ 1181 года. См. Карамзина И. Г. Р. III, прим. 61. О. Б.

году, Польскій Король, Казимиръ и занялъ почти всю эту область, а въ 1365 году лишилъ Кейстута (Kiestuto), Гедиминова сына, и свободы и города Володимира, однако жъ Кейстутъ первую возвратилъ бѣгствомъ, а послѣдній оружіемъ. И такъ обладаніе этою областью, слѣдуя измѣнчивымъ переходомъ военнаго счастья, было спорнымъ у Поляковъ съ Литовцами. По тому что въ 1437 году Литвинъ Свидригайло (Suidrigelo), принужденный просить мира у Владислава, прозваннаго, по его поражению, Варнскимъ (Varnensis) уступилъ ему Луцкую область съ большею частію Воыни, а Владиславъ отдалъ ее въ удѣлъ сопернику Свидригайла, Сигизмунду, съ условіемъ, чтобы, по его смерти, она опять возвращена была Польскому Королевству. Но по исполненію этого условія Ягайловецъ Казимиръ опять отдалъ ее своему дядѣ, Свидригайлу. Наконецъ въ 1569 году, въ слѣдствіе соединенія Литвы съ Польшею, эта область была уступлена послѣдней и вошла въ составъ ея. Безчисленное Московское войско, посланное Алексѣемъ, опустошило ее своими непріятельскими набѣгами по всему ея протяженію. Но въ 1660 году оно было наказано за свои разоренія потерю 70-ти тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ Василія Борисовича Шереметева (sub Basilii Borissowicz Tzeremetow), близъ Любартова (prope Lubartoviam).

Подоль (Podolia), съ чрезвычайно плодородною почвою, моромъ и алебастромъ, въ древности населяли его Певкины (Pescini), изъ племени Бастарновъ, выгнанные потомъ Сарматами, а въ послѣдствіи подпалъ онъ подъ власть Полякамъ, по собственному ихъ увѣренію, потомъ же, покоренный Скивоомъ Батьемъ, долго стоялъ подъ игомъ Перекопскихъ Татаръ (Praecopensium Tartarorum). Ольгердъ, сынъ Гедимины и Великій Князь Литовскій, разбивши, въ жестокомъ сраженіи, при Синей Водѣ, Султана Кутлубука (Katlubako), Качибея Гирея (Kaszybego Gierego) и Султана Дмитрія (Dimeytero Sultano), и, храбро прогнавъ ихъ, отдалъ эту область своимъ племянникамъ, сыновьямъ брата Коріята (Coriatha), Александра, Константина, Федора и Георгія, съ очень сильнымъ охранительнымъ войскомъ, которые, однако жъ, должны были присягнуть ему въ вѣрности и признавать его власть. Но въ 1339 году, когда Федоръ, одинъ, получивъ во владѣніе всю область, упрямо пренебрегъ властію дяди, этотъ, поспѣшно вооружившись, взялъ ее всю назадъ и, обративъ въ зависимую область, поручилъ вѣрности Воеводы Гастольда. Польскій Король, Ягайло, отдалъ ее

въ удѣлъ своему брату, Болеславу Свидригайлу, получивъ сперва на то согласіе Витовта, по словамъ Литовскихъ историковъ, а Польскіе говорятъ, что онъ поступилъ такъ безъ его сирова. Выгнанный оттуда Поляками, онъ бѣжалъ въ Пруссію и дождался отъ брата того, что этотъ, спустя два года, отнялъ у него область. Однако жь, сдѣлавшись, по смерти Витовта, Великимъ Княземъ Литовскимъ, онъ получилъ ее опять, только съ тѣмъ, чтобы, по смерти его, она снова возвращена была Польшѣ, если прежде того Поляки и Литовцы не сдѣлаютъ относительно ея новаго соглашенія. Говорятъ, что въ слѣдствіе такого условія, она и перешла потомъ къ Сигизмунду, Великому Князю Литовскому. Слѣдовательно, права на нее всегда были подвержены сомнѣнію: Литовцы много разъ требовали ее себѣ, какъ собственность, Поляки столько же разъ отказывали имъ, до тѣхъ поръ, пока, совершившееся при Сигизмундѣ Августѣ, соединеніе Польши и Литвы, въ 1569 году, смѣшавъ права ихъ, научило ихъ обѣихъ мирно повиноваться одному и тому же Государю. Въ Волинн красуется, построенный на высокой горѣ, городъ, Каменецъ (Саменесія), по мнѣнію нѣкоторыхъ, древняя Клэпидава (Cleridava), замѣчательный больше по своей мѣстности, нежели по укрѣпленіямъ.

Югорія (Jugoria), или Югра (Jugra), иначе Юхра (Juhra), небольшая область, прилежащая къ Сибири, жители которой, Татары, ведутъ суровую и дикую жизнь, а со времени Ивана Васильевича Старшаго признаютъ Московскую власть и платятъ дань Великому Князю драгоцѣнными мѣхами. Сказываютъ, что отсюда вышелъ нѣкогда тотъ народъ, который, разбивъ и совершенно истребивъ Аваровъ и Гунновъ и овладѣвъ Дакією, Панноніей и Норикомъ, бывшими подъ властію этихъ послѣднихъ, получилъ весьма знаменитую извѣстность въ свѣтѣ по многочисленнымъ примѣрамъ своей воинской доблести. Нѣкоторые говорятъ, что доказательствомъ тому служить и сходство языка: я повѣрилъ бы это очень охотно на опытъ, если бы могъ имѣть подъ рукой кого ни будь изъ Югорскихъ жителей, чего добивался такъ часто. Только слышавъ отъ одного Нѣмца, бывшаго въ ссылкѣ въ Сибири и наѣзжавшаго иногда въ Югорію, что Югры (Jugri) говорятъ на собственномъ нарѣчій, которое плохо понимаютъ Сибирскіе Татары, и что наружность у нихъ красивая, по тому что не безобразить ея ни большая голова, ни сплюснутое лицо, какъ у Татаръ.

Напротивъ Пермѣ (Permia) очень обширная область, только непроходима, по причинѣ множества рѣкъ и болотъ. На рѣкѣ Вышерѣ есть тамъ очень большой городъ одного съ нею названія, ²³¹ замѣчательный, какъ мѣстопробываніе Архіепископа, который съ титуломъ Вологодскаго (Volochedensis) завѣдываетъ дѣлами и этой Епархіи. Тамъ говорятъ на собственномъ нарѣчьи, пишутъ тоже особенными буквами, которыя нѣкогда были даны имъ Епископомъ ихъ, Стефаномъ. ²³² Иванъ Васильевичъ Старшій принудилъ также и ее платить дань Московскому Царю мѣхами

Вятка (Viatka) нѣкогда обширная Татарская область, застроенная множествомъ городовъ и завоеванная Василиемъ Ивановичемъ. Онъ выгналъ прожнихъ ея владѣтелей и принудилъ ее подчиниться Московскому игу, отъ котораго больше она и не освобождалась, но ежегодно чтила его данію горностаевъ. По причинѣ болотъ и лѣсовъ она непріятна и представляетъ много затрудненій, однако жъ очень богата медомъ, дикими звѣрями и рыбой, которою и кормится, не заботясь о хлѣбѣ.

Заводская область Болгарія (Bolgaria), простирающаяся между Камю и Самарою къ рѣкѣ Яику (Jaikum), въ древности Риму (Rhumum), ведетъ свое названіе отъ большаго города того же имени. Этотъ городъ, покоренный Татарскимъ Царемъ Батыемъ въ 1235 году, ²³³ находился во владѣніи Калмыковъ (Kalmitki) до тѣхъ поръ, пока Великій Князь Московскій, Василій Дмитріевичъ, вытѣснивъ ихъ силою оружія, въ 1398 году, увеличилъ Болгаріей Русскія области. Но какъ она много разъ восставала, то, правнукъ ²³⁴ его, Иванъ Васильевичъ, въ наказаніе за строптивость, подчинилъ ее судебной власти покореннаго имъ Казанскаго Царства. И ужъ разжалованная въ село, ²³⁵ она обитаема смѣшенно тѣми же Калмыками, Мордвинами и Русскими.

²³¹ Намекъ на Старую Пермь, городъ, по «Книгѣ большому чертежу,» стоявшій съ правой стороны рѣки Вычегды (при впаденіи въ нее Вышеры?), отъ устья ея въ 140 в., а ниже Старой Перми, по той же рѣкѣ въ 70 в., городъ Еренскъ (Яренскъ), Уѣздный городъ Вологодской Губерніи. О. Б.

²³² Извѣстнымъ Стефаномъ Храпомъ.

²³³ Т. е., въ 1237 г. О. Б.

²³⁴ Праправнукъ. О. Б.

²³⁵ Собственно городъ Болгаръ, Великій или Болгары, нынѣ селцо Казанской Губерніи, близъ города Теплошъ, но въ Уѣздѣ Сладскомъ, на луговой сто-

Княжество Нижегородское, или Новогородское (Novogrodia), иначе Новагорода (Novae urbis), по плодородію и изобилію во всемъ, ведетъ еще нерѣшенный споръ съ Володимирскимъ. Городъ, давшій ему свое названіе, въ 1509 году, построенъ былъ Василиемъ Ивановичемъ при устьѣ рѣки Оки, впадающей въ Волгу. ²²⁶ Онъ обнесенъ каменными стѣнами съ башнями и защищается крѣпостью, тоже каменною, построенною на горѣ. А при р. Сурѣ, отдѣляющей это Княжество отъ Казанскаго Царства, стоитъ на высокой мѣстности Васильгородъ (Wasilogrodia), построенный тѣмъ же Василиемъ, въ 1523 году. ²²⁷

Алексѣй присвоилъ себѣ титулъ Князя Черниговскаго, такъ же, какъ и самое это Княжество, въ противность мирнымъ условіямъ, заключеннымъ между отцомъ его, Михаиломъ Ѳедоровичемъ, и Владиславомъ, Королемъ Польскимъ въ 1644 году. ²²⁸ Эта область входила въ составъ нѣкогда обширнаго и замѣчательнаго многочисленностью городовъ и крѣпостей Сѣверскаго Княжества, простиравшагося отъ р. Днѣпра до развалинъ крѣпости Мценска (Мценск). Нынѣ же она заключаетъ его въ своихъ предѣлахъ подъ названіемъ Воеводства. Пятый изъ Московскихъ (?) Великихъ Князей, Ярославъ Володимировичъ, сначала отдалъ Сѣверское Княжество третьему своему сыну, Святославу, съ передачею и его наследникамъ, отъ которыхъ получили начало многіе Княжескіе роды въ Россіи. Когда же, по изгнаніи Русскихъ, заняли его Татары, Скирмундъ, Князь Новогородка Литовскаго, разбивъ ихъ и умертвивъ Балакляя, Царька Заволжскихъ Татаръ, отнялъ у нихъ всю Сѣверію и раздѣлилъ между сыновьями, Любартомъ и Писимундомъ (Lubarto et Pismundo). Но по изгнаніи оттуда

ронъ Волги, иначе Успенское, при истокѣ Симанскомъ, р. Болгарѣ и Моховомъ болотѣ, въ 22 в. отъ Спаса, съ населеніемъ около 2,000 д. об. поля, церковью и почтовой станціей, а также съ развалинами. О. Б.

²²⁶ Георгіемъ Всеволодовичемъ, въ 1219 году, по другимъ въ 1224-мъ. О. Б.

²²⁷ Василий Ивановичъ, во время похода своего на Казань, послалъ изъ Нижняго Царя Шигъ-Алея и Князя Василія Шуйскаго съ судовой ратью, а Князя Бориса Горбатаго съ конною, для опустошенія по Волгѣ, при чемъ они заложили городъ при впаденіи Суры въ Волгу, назвавъ его Василемъ. О. Б.

²²⁸ По Подьянскому миру 5-го Іюня, по коему Царь обѣщалъ не называться болѣе Черниговскимъ и Смоленскимъ; уступивъ Польшѣ Сѣверу, Дорогобужъ, Вѣлой и Рославль. О. Б.

ихъ потомковъ, Великій Князь Московскій, Дмитрій Ивановичъ, отдалъ это Княжество своимъ сыновьямъ, Юрію и Андрею; однако жъ черезъ нѣсколько времени Ольгердъ, Великій Князь Литовскій, далъ этому раздѣлу очень неожиданный оборотъ: межъ тѣмъ, какъ Дмитрій тщеславился пораженіемъ, которое нанесъ Татарамъ, Ольгердъ такъ напугалъ его своимъ нечаяннымъ приходомъ къ Москвѣ, что, въ слѣдствіе условій постыднаго мира, онъ допустилъ придвинуть Литовскіе предѣлы даже до р. Угры и Можайска. Такъ Ольгердъ, сдѣлавъ своими данниками Дмитріевыхъ сыновей, назначилъ своему сыну, Дмитрію Корибуту, Новгородъ, тоже платившій дань ему, и вмѣстѣ съ тѣмъ титулъ Князя Сѣверскаго. Братъ Корибута, Ягайло, утвердилъ за нимъ это Княжество, взявъ присягу въ вѣрности съ его пословъ. Но такъ какъ онъ отказалъ потомъ въ дани Витовту, то былъ побѣжденъ имъ въ битвѣ и взятъ въ полонъ, однако жъ выкупилъ свободу, отказавшись на всегда отъ этой области, въ которой Воеводой былъ Федоръ Сангушко (Sangusko). Со всѣмъ тѣмъ, городъ ея, Стародубъ (Staroduba), удержалъ за собою Андрей Вигундъ (Vigundus), братъ ограбленнаго Дмитрія, а послѣ него братъ его, Свидригайло, который, сжегши городской замокъ и много другихъ, передалъ Московскому Князю, Василю, первый въ Сѣверіи городъ Новгородокъ и убѣжалъ въ Москву. Въ правленіе же въ Польшѣ сына Ягайлова, Казимира, сдѣланъ былъ Княземъ Стародубскимъ и Брянскимъ Михаилъ, сынъ Великаго Князя Литовскаго, Сигизмунда, но отложившись, завладѣлъ съ помощію, Москвы Кіевомъ. А потомъ, когда его выгнали изъ Кіева и лишили всѣхъ прочихъ владѣній, убѣжалъ въ Московію и былъ отправленъ въ хлѣбъъ Св. Причастія. Послѣ же паденія Великаго Новгорода нѣкоторые изъ Сѣверскихъ Князей перебѣжали отъ Польскаго Короля, Александра, къ его тестю, единодержавному Московскому Государю, Ивану Васильевичу. А когда этотъ Государь, въ 1499 году, разбилъ, при р. Ведрошѣ, войско своего зятя, подъ начальствомъ Константина Острожскаго, прочіе Сѣверскіе Князья, оставшіеся въ повиновеніи у Александра, передались побѣдителю, только съ несчастнымъ для себя послѣдствіемъ, по тому что сынъ его, Василій, сначала перессорилъ ихъ всѣхъ, чтобы они схватились другъ съ другомъ, а потомъ, подъ обыкновеннымъ у него предлогомъ измѣны, лишилъ ихъ Княжествъ, въ которыхъ самъ заступилъ ихъ мѣсто. Въ то время, какъ на театрѣ Россіи разыгрывались трагическія исторіи Лжедмитріевъ и столько разъ сце-

на перемѣнялась, и все съ новыми декораціями, Польскій Король, Сигизмундъ III-й, овладѣлъ всею Сѣверією и по перемирію, заключенному, 1618 года, съ Царемъ Михайломъ Ѳедоровичемъ, удержалъ это Княжество за собою, а сынъ его, Владиславъ; закрѣпилъ его миромъ съ тѣмъ же Царемъ, уступившимъ его вмѣстѣ съ титуломъ, Польшѣ. Но потомъ Алексѣй разсѣкъ этотъ договоръ мечемъ, и возвратилъ себѣ опять все Княжество.²³⁹

Рязанское Княжество лежитъ между Окой и Дономъ и такъ богато плодородной почвой, обильными рыбой водами и многочисленными, въ которыхъ столько дикихъ звѣрей, птицъ и пчелъ, что всего ставадо вдоволь для Рязанскихъ, Трубчевскихъ (*Strubensibus*), Тульскихъ (*Tullensibus*),²⁴⁰ Карачевскихъ (*Corsigensibus*), Одоевскихъ и Воротыньскихъ²⁴¹ Князей, нѣскольکو пустыхъ титуловъ ихъ можно еще слышать у ихъ потомковъ въ Россіи, а прежде они правили независимо своими народами въ отведенныхъ каждому изъ нихъ предѣлахъ, пока еще не попали подъ гнетъ жестокой власти того же Василія, дожно оговоренные въ вымышленныхъ преступленіяхъ. Столица Княжества Рязань (*Rozania*), мѣстопребываніе Архіепископа, была нѣкогда обширнымъ городомъ, но по разореніи Крымскими Татарами, въ 1568 году, обратилась въ село и изъ развалинъ ея выстроены Переславль Рязанскій (*Pereslavia Riazanensis*), въ сорока верстахъ отъ прежняго города.²⁴² Въ этомъ Княжествѣ, при рѣкѣ Богданѣ (*apud fluvium Bogdanum*), Царь Борисъ Годуновъ хотѣлъ, въ честь своего имени, построить городъ Борисовъ, въ 1598 году. За Тулою (*Tulla*) тянутся къ Таврическому Херсонесу неизмѣримыя необработанныя поля, лишеныя деревьевъ, такъ же какъ и жителей: это были бы рѣшительныя пустыни, если бъ не жило въ нихъ безчисленное множество дикихъ ословъ, которые и въ поимкѣ такъ упорно сохраняютъ свои дикіе нравы, что скорѣе умрутъ, нежели сдѣлаются ручными. Въ этомъ Княжествѣ вытекаетъ рѣка Танаисъ, по Русскому назва-

²³⁹ Все это по Польскимъ и Литовскимъ свидѣніямъ чрезвычайно сбивчиво и слутанно. О. Б.

²⁴⁰ Не Торускихъ ли?

²⁴¹ Воротыньскъ, безуѣздный городъ Калужской Губерніи въ Перемышльскомъ Уѣздѣ, бывшее владѣніе Воротыньскихъ Князей, перешедшихъ изъ подъ власти Литвы къ Василю Ивановичу, въ 1508 году.

²⁴² Нынешняя Рязань. О. Б.

нію Донъ, которая у древнихъ была предѣломъ между Азією и Европою: это и правильно, если только пользоваться такимъ предѣломъ, пока идешь отъ Азовскаго моря противъ теченія этой рѣки до ея колѣна и города Туи (Tuiam), а оттуда, оставивъ ее, продолжаешь путь черезъ поперечный хребетъ Переволоцкій (Pegewlock) къ рѣкѣ Тюменю (Tumenium) и устью рѣки Оби (Obii), въ древности Карамбука (Carambucis), даже до Татарскаго Океана и древняго Кельтскаго мыса Литармина (Lytarmin), называемаго нынѣ Обскимъ (Obium). Эта рѣка, обличая во лжи всѣхъ тѣхъ, которые ей давали начало съ Рифейскихъ или Обскихъ горъ, вытекаетъ изъ большаго озера Одоевскаго (ex ingenti Odoio lacu), или, по народному названію, озера Иванъ (Juanow osero), а по нашему Іоаннъ: она беретъ сначала направленіе прямо къ востоку, становясь судоходной близъ развалинъ древняго города Данкова (Donch), ²⁴³ направляясь къ рѣкѣ Волгѣ, какъ будто для того, чтобы слиться съ нею, межъ тѣмъ касается города Леха (Lechi) вмѣстѣ съ Mezii, а потомъ принимаетъ рѣку Сарону (Чирь?); когда же подойдетъ къ городу Царицыну (Zariza) и къ Волгѣ на 20-ть верстъ разстоянія, среди пѣсчаныхъ горъ Стрѣльныхъ, ²⁴⁴ точно возьметъ ее раскаяніе, и она сворачиваетъ въ своемъ теченіи съ востока на западъ и течетъ 35 верстъ мимо города Туясъ, ²⁴⁵ сопутствуя его параллельному кругу на разстояніи 35-ти верстъ; послѣ того обращаетъ прямо на западъ свое излучистое русло и, принявъ слившіяся вмѣстѣ рѣки Шамену (Schameno), или Сосну (Sosnu), у Геродота Гирге (Hyrge), малый изъ Сѣверинъ Танаисъ (Сѣверный Донецъ), Самару (Samara) и Саргу (Sarga), съ величайшею силою и волненіемъ, въ продолженіе 20-ти дней пути, протекаетъ Эксаполь (Echarolim), Навбаримъ (Naubarim), Великій Перевозъ (Weliki prewos, Magnum Trajectum), на Сѣверномъ Донцѣ Аксайскѣ (Achas), ²⁴⁶ и Азовъ (Asorhum), по древнему его названію Тана (Tanas), бывший некогда во владѣніи Генуезцевъ, а нынѣ подвластный Оракійскому Пашѣ (Thracio tyrapno), послѣ

²⁴³ Донковъ, бывший въ старину городъ на р. Донѣ, выше вышшняго города Данкова (Рязанск. Губ.), верстахъ въ 20-ти, ниже впаденія въ Донъ рѣчекъ съ правой стороны Рыхотки, а съ лѣвой Поники.

²⁴⁴ «А ниже Балыженъ рѣки на Волгѣ Стрѣльныхъ горы.» Кн. Б. Ч. стр. 152.

²⁴⁵ Нынѣ тамъ Нагавская станица.

²⁴⁶ Аксайская станица, на протокѣ Дона, Аксаѣ.

чего эта рѣка впадаетъ въ Гнилое (Putri lacui) или Меотійское болото (Meoti), нынѣ Темериндское (Temerindae)²⁴⁷ и умираетъ въ немъ, этомъ дѣтищѣ, или кормилицѣ, ея водѣ. Впрочемъ, Донъ не казался еще умершимъ до тѣхъ поръ, пока Магометъ, по завоеваніи Константинополя, не взялъ, черезъ Махмута Багрянороднаго, въ 1475 году, славнѣйшаго Генуезскаго поселенія, Кафы (Capham), при Киммерійскомъ Босфорѣ, на полуостровѣ, названомъ Таврическимъ, по имени владѣвшихъ имъ какихъ-то Тавровъ, народа Скиѣскаго происхожденія, не принудилъ къ стѣснительнымъ для свободы условіямъ Заволжскихъ Татаръ (ex Javolgensibus), повелителей всего Херсонеса и жившихъ въ дружбѣ и союзѣ съ Генуезцами, и пока внукъ его, отъ сына его, Баязета, Селимъ, послѣ побѣды надъ Ханомъ Мехметъ-Гиреемъ (Mehmeto Gyreyo), не овладѣлъ остальными городами на Хазарскихъ берегахъ (litora Gazariae). По тому что къ этой славной Θεοδοσίѣ (Theodosiae) пристани со всѣхъ сторонъ стекались купцы съ разными товарами, немаловажное число которыхъ приносили и Донъ изъ Русскихъ областей.

Полоцкое Княжество (Polociae Ducatus), въ Бѣлоруссіи (in Alba Russia), на р. Двинѣ (ad Dunam), считаетъ своимъ основателемъ, часто упоминавшагося здѣсь, Олега (Olechum). Изяславъ (Isoslavus), или Вышеславъ (Viseslaus), второй сынъ перваго Русскаго Великаго Князя, Володимира, получилъ въ потомственный удѣлъ это Княжество отъ своего отца, отнявшаго его у Псковскаго (Plescoviensium) Князя, Рогволода (Rochwologdo), вмѣстѣ съ его жизнію и дочерью Рогнѣдою (Rochnida), и передавшаго своему роду даже до правнуковъ. Но этѣхъ Князей, погибшихъ отъ меча въ равныхъ войнахъ, не стало: послѣдній изъ нихъ, по праведнымъ судьбамъ Божіимъ, назывался тоже Рогволодъ (Rochwologdus): тогда Полочане (Polocienses), убѣжденные своимъ Епископомъ, сами правили общественными дѣлами, посредствомъ выбранныхъ для того изъ ихъ среды 30-ти гражданъ, пока Мингаило или Михаилъ, сынъ Эрдвила, изъ рода Палемоновцевъ, Князь Новгородка Литовскаго, не побѣдилъ ихъ въ битвѣ и, лишивъ свободы,

²⁴⁷ Темерникъ, рѣка Екатеринославской Губерніи, Ростовскаго Уѣзда, впадающая въ р. Донъ и составляющая самое глубокое его устье, именуемое по ней Темерниковъ портъ, служащій только для малыхъ судовъ. Не отъ этой ли рѣки и Азовское море называлось тогда Темериндскимъ?

со всею областью не подчинилъ себѣ, а при своей кончинѣ въ томъ же году передалъ это Княжество второму сыну, Гинвилу (Ginwilloneц). Ему наследовалъ сынъ его, Борисъ, построившій на рѣкѣ Березинѣ Борисовъ: ²⁴⁸ онъ первый изъ Литовскихъ Князей принялъ Християнскую Вѣру, но въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ потерялъ зрѣніе и владѣніе Княжествомъ. Преемникъ его былъ Василій Рехвольдъ (Basilius Rechwoldus), которому наследовалъ сынъ его, Глѣбъ (Hlebus), умершій бездѣтнымъ въ молодыхъ еще лѣтахъ. Онъ возвратилъ было свободу Полочанамъ, только не надолго. По тому что спустя едва 5-ть лѣтъ заставилъ ихъ нести иго зависимости Тевтивилъ (Siepciwilo), по обращеніи потомъ въ Християнство получившій имя Θεофила, внукъ, по брату, Миндовга, Короля Литовскаго. Но онъ погибъ въ 1264 году злодѣйствомъ своего родича, Тройната (Тгоупато), Великаго Князя Литовскаго, который послалъ войско и занялъ Полоцкъ, а потомъ присоединилъ его къ Литвѣ, въ качествѣ области, со всею подвластною этому городу страной. Послѣ того Довмонтъ (Daumantus), съ трудомъ выносившій свою ссылку у Псковичей, завладѣлъ Полоцкомъ, вѣроломно переданнымъ ему Русскими, въ 1281 году, вооруженною рукою освободилъ его отъ власти своего брата, Тройдона, Великаго Князя Литовскаго и, по условіямъ послѣдовавшаго за тѣмъ перемирія между ними, удержалъ его за собою, однако жъ не далѣе, какъ на нѣсколько мѣсяцевъ. По тому что на другой же годъ лишенъ былъ этой нечестно прибрѣтенной области и случайно убитъ среди сражающихся племянникомъ, монахомъ Римундомъ (Rimundo) или Лавромъ (Laugo), иначе Лаврентіемъ (Laurentio), который, сложивши на время клобукъ, возсталъ на него, братоубійцу, съ оружіемъ, въ качествѣ мстителя за смерть отца. Хотя Полоцкъ потомъ и захваченъ былъ Андреемъ Вигундомъ, братомъ Ягайла, въ то время бывшаго уже Королемъ Польши, но вскорѣ взять у него назадъ Витовтомъ, съ согласія того же Ягайла и даже до 1563 года постоянно оставался подъ Литовской властью. Но въ исходѣ 1563 года Иванъ Васильевичъ Младшій, собравъ большое войско и подошедши съ нимъ къ Полоцку, привелъ въ такой страхъ оборонявшую его городскую стражу,

---

²⁴⁸ Борисовъ построилъ, въ 1102 году, Борисъ Всеславичъ, по возвращеніи своемъ изъ похода на Ятвяговъ. Борисовъ принадлежалъ прежде къ Полоцкому Княжеству, а нынѣ Уѣздный городъ на р. Березинѣ въ Минской Губерніи.

что, безъ надежды на чью либо скорую выручку, они не далѣе 15-го Февраля откладывали сдачу города. Въ 1579 году Польскій Король, Стефанъ, мужественно осаждавшій этотъ городъ, не смотря на храбрость защитниковъ, взялъ его въ послѣдній день Августа и опять подчинилъ Литвѣ, давъ ему Воеводу. Однако жъ Алексѣй исторгнулъ его изъ подъ Литовской власти, въ слѣдствіе заговора, которому поблажалъ и главный Литовскій военачальникъ, Янъ Радивиль.²⁴⁹ Полоцкъ орошается рѣками Двиною и Полотою и превосходно защищенъ крѣпостью и бастиономъ; замѣчательенъ также, какъ мѣстопробываніе Архіепископа Русской Вѣры, зависимаго отъ Римскаго Первосвященника.²⁵⁰ Нынѣ, однако жъ, принужденъ терпѣть у себя еретика,²⁵¹ вмѣстѣ съ рабствомъ, навязаннаго ему Алексѣемъ. Король Стефанъ учредилъ тамъ Коллегію отцовъ Езуитовъ.

Ростовское Княжество (*Posthaviae Ducatus*) — самое древнее; въ соименномъ ему городѣ, нѣкогда разоренномъ Татариниомъ Батыемъ, имѣетъ мѣстопробываніе Митрополитъ. Съ городами Переяславлемъ (*Pereslavia*)²⁵² и Угличемъ (*Uglitza*), составлявшими нѣкогда особенное Княжеское, да еще съ Холопнымъ Городомъ (*Chlorpigrodia*),²⁵³ не менѣе извѣстнымъ по бѣгству Новгородскихъ рабовъ, какъ и по многолюднымъ ярмаркамъ,²⁵⁴ Ростовское Княжество, по древнему обычаю, всегда назначалось второму изъ Великокняжескихъ сыновей, если бы оба Юанна, дѣдъ и внукъ, не уничтожили этотъ древній обычай, истребивъ родъ Углицкихъ Князей.

Княжество Ярославское (*Jaroslaviae Ducatus*) получило свое названіе отъ города того же имени на рѣкѣ Волгѣ и отъ деревянной крѣпости. Титулъ Ярославскаго украшаетъ Ростовскаго Митрополита. По одинаковой судьбѣ съ Ростовскимъ, оно составляло нѣкогда удѣлъ вторыхъ Княжескихъ сыновей въ Московіи, и сдѣлалось потомъ добычею того же притѣснителя Ивана, сына

²⁴⁹ Въ 1654 г., Юня 29, Полочане сами сдали Полоцкъ. Все прочее выдумка. О. Б.

²⁵⁰ Т. е., Уніатскаго Архіепископа. О. Б.

²⁵¹ Т. е., Православнаго. О. Б.

²⁵² Нынѣшній Переяславъ Загѣсскій. О. Б.

²⁵³ Нынѣ Молога. О. Б.

Василія Темнаго; въ слѣдствіе обвиненія невинныхъ, оговоренныхъ въ ложныхъ преступленіяхъ Князей.

Бѣлозерское (Bieloesero) — древнѣйшее Русское Княжество, нѣкогда было отдано въ удѣль Синаву (Sinai); одному изъ трехъ Варяжкихъ братьевъ. Оно получило свое названіе отъ Бѣлаго озера (ab albo lacu), на которомъ очень укрѣпленный и по мѣстоположенію почти неодолимый городъ съ крѣпостью представляетъ Московскимъ Государямъ надежное хранилище для ихъ казны и безопасное убѣжище въ случаѣ непріятельскаго нападенія.

Область Удорія (Udorgia) или Обдорія (Obdorgia) извѣстна по баснословному идолу Золотой старухи (aureae anus idolum). Названіе даетъ этой области рѣка Обь (Obbi), въ древности Карамбукъ (Carambuscus), которая беретъ начало изъ Китайскаго озера (ex lacu Kitaisko) и протекаетъ по этому краю, имѣя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ 80 миль въ ширину. Ея обитатели, вмѣстѣ съ окрестными, живутъ безъ всякаго образованія, питаются мясомъ звѣрей; мѣхами; которыми платятъ дань Великому Князю Московскому.

Кондиція (Condinia) или Кондора (Condoga), сосѣдняя область съ Обдоріей, вся въ лѣсахъ и рѣкахъ; тамошніе жители, кочующіе звѣроды, питаются мясомъ убитыхъ ими звѣрей, а мѣхами ихъ платятъ дань Московскому Царю.

Витебское Княжество—часть Бѣлоруссін (Albae Russiae). Главнѣйшій его городъ Витебскъ (Viterpsia), съ крѣпостью, на рѣкѣ Двинѣ. Отнятый у Русскихъ Викингомъ, племянникомъ Литовскаго Короля Миндовга, въ 1240 году, онъ имѣлъ потомъ своихъ Князей, данниковъ Литвы, до тѣхъ поръ, пока Ольгердъ, Великій Князь Литовскій, жеңившись на наследницѣ Витебскаго Княжества, Маріи; въ угодность которой, говорятъ, принялъ и Христіанство, закрѣпилъ за нею это владѣніе и власть. Когда же, въ 1396 году, взялъ его Болеславъ Свидригайло, Витовтъ долженъ былъ отнять его назадъ долговременнымъ облежаніемъ. Но въ 1413 году тотъ же Свидригайло, ведя войну съ своимъ соперникомъ, Сигизмундомъ, въ Литвѣ, покорилъ этотъ городъ и, въ безсильномъ гнѣвѣ, сбросилъ его Воеводу, Князя Гольшанскаго (Holsanum Ducem) съ высокой горы въ текущую подъ нею рѣку. Послѣ того, какъ Сигизмундъ возвратилъ Витебскъ опять Литвѣ, этотъ городъ наслаждался подъ Литовскою властью долговременнымъ миромъ, но въ 1655 году, истощивъ силы и людей и время продолжительной осады, онъ сдался Москвитянамъ, между тѣмъ какъ Ли-

товскія войска смотрѣли, точно въ качествѣ приглашенныхъ свидѣтелей такого торжественнаго дѣйствія, по тому что Главный Военачальникъ, Янъ Радивиль, связалъ ихъ приказаніемъ не схватываться съ непріателемъ безъ его вѣдома. Смоленскій Воевода, Александръ Гонсѣвскій (Gosievus), первый положилъ въ Витебскѣ основаніе Коллегіуму отцовъ Езуитовъ. Тамъ же имѣлъ мѣстопробываніе Епископъ Русскаго обряда (Russici ritus), находившійся въ общеніи съ Католической Церковью,²⁵⁴ хотя много жило и еретиковъ²⁵⁵ въ городѣ, которые, въ ожесточеніи религіозной ненависти, въ 1622 году, замучили тамошняго Епископа и вмѣстѣ Архіепископа Полоцкаго, Іоасафата,²⁵⁶ тѣло его похоронено въ Полоцкѣ, въ церкви Святой Софіи. Въ наказаніе за то Витебскъ, лишенный городскихъ правъ, обращенъ былъ въ село, сохранивъ только замокъ и судебную власть.

Мстиславское (Mscislaviensis), Княжество лежитъ при рѣкахъ Борисвенѣ (Днѣпрѣ) и Припети (Pripetio). Симеонъ (Simon) Лингвеній (Lingvienius), братъ Ягайла, получилъ его въ потомственное владѣніе. Святославъ Смоленскій, осаждая его главный городъ, Мстиславль (Mscislaviam),²⁵⁷ былъ убитъ Витовтомъ. Сынъ Симеона, Юрій, несчастливо сражавшійся въ 1432 году при Ошмянахъ (ad Ostianam) за своего дядю, Болеслава Свидригайла, съ племянникомъ его, Сигизмундомъ, Великимъ Княземъ Литовскимъ, лишенъ былъ побѣдителемъ свободы и наследственнаго удѣла, и въ Троцкой темницѣ вынесъ долговременное мученіе, какое терпятъ всѣ, плохо защищаемые приверженцы чужей имъ будь стороны. Черезъ два года послѣ того братъ его, Ярославъ (Jagoslau), вооружившись за ту же сторону, былъ взятъ въ плѣнъ сыномъ Сигизмунда, Михаиломъ, и убитъ по его приказанію. Но по смерти Сигизмунда, погубленнаго злодѣйствомъ заговорщиковъ, въ 1440 году, въ Трокахъ, преемникъ его, Казимиръ, сынъ Ягайла, возвратилъ прежнюю свободу Юрію. А этотъ, отплачивая за добро злою, отказывался возвратитъ Казимиру Смоленское Княжество, захваченное возмущившимся его подданными, до тѣхъ поръ, пока Казимиръ не выгналъ его оттуда вооруженною рукой; со

²⁵⁴ Т. е., Уніятъ. О. Б.

²⁵⁵ Т. е., Православныхъ. О. Б.

²⁵⁶ Это извѣстный изувѣръ Уніятъ Кунцевичъ.

²⁵⁷ Мстиславль, Уѣздный городъ Могилевской Губерніи, на берегу рѣки Вѣхры.

всѣмъ тѣмъ Юрій увидѣлъ въ немъ такого кроткаго побѣдителя, что получилъ потомъ отъ него въ подарокъ владѣніе своею родоюю областью и по смерти оставилъ ее своему сыну. Этотъ сынъ его, Михайлъ, хотъ и храбро оборонялъ Мстиславскую крѣпость, осажденную Москвитянами въ 1500 году, подъ начальствомъ Государя ихъ, Ивана Васильевича Старшаго, однако жъ, слѣдуя по стезямъ другого Михаила, т. е., перебѣжчика Глинскаго (Кліпскіи), съ безразсуднымъ позоромъ передалъ это крѣпость и все Мстиславское Княжество сыну Ивана, Василю, въ 1508 году. Въ смутное время Лжедимитріевъ Мстиславль опять былъ занятъ Поляками, и остался за ними по миру съ Михаиломъ Федоровичемъ, но утраченъ въ войнѣ ихъ съ его сыномъ, Алексѣемъ. Въ 1660 году онъ былъ выжженъ Москвитянами, Смоленскимъ Воеводою, Княземъ Иваномъ Борисовичемъ Репнинымъ (Ivano Borissowicz Repnino), котораго раздражили частыя возмущенія этого города.

Чрезвычайно напыщенное хвастовство писать себя въ титулѣ повелителемъ всѣхъ Сѣверныхъ областей. Однако жъ, кромѣ тѣхъ владѣній, которыми Алексѣй умножаетъ свои титулы, есть и другія въ Сѣверномъ краѣ, признающія данію Московскихъ Царей за своихъ Государей.

И во первыхъ Лукоморія (Lucomorgia), область, простирающаяся между Сибирью и Китайскимъ озеромъ (Kitaiiskum lacum), съ стремнистыми горами и густыми лѣсами, о жителяхъ которой праздные люди бають, будто бы каждый годъ при наступленіи зимы они, подобно ласточкамъ, лишаются, отъ продолжительнаго холода, всякой жизненной дѣятельности, а потомъ, въ свое время, получаютъ ее опять отъ теплой весенней погоды.

Во вторыхъ область Печора (Petzora), которая тянется очень далеко къ берегамъ Сарматскаго или Ледовитаго моря (Sarmatica Gronii maris), и называется такъ отъ протекающей по ней рѣки. Она изобилуетъ драгоценными мѣхами, особливо черныхъ соболей, которые водятся въ великомъ множествѣ около кедровыхъ деревьевъ, растущихъ на сосѣднихъ, чрезвычайно высокыхъ, горахъ, называемыхъ туземцами Каменнымъ Поясомъ (lapideum singulum). Для Царской забавы на птичьей ловлѣ и охотѣ она посылаетъ также соколовъ (hierofalchos), которыхъ Русскіе зовутъ кречетами (Kretzel), ²⁵⁸ самыхъ лютыхъ недруговъ

²⁵⁸ Аделунгъ замѣчаетъ, что это названіе производятъ отъ Норвежскаго слова

аистамъ; они отличаются отъ другихъ соколовъ смѣлостью и величиной. Любопытство моего товарища видѣть хоть одну такую птицу и желаніе срисовать ее, заставило его цѣлыхъ полгода не разъ настоятельно просить нашихъ Приставовъ, чтобы они позволили ему это: они хоть и обѣщали, только все откладывали. Наконецъ, когда его желаніе, утомленное долгою проволочкою, на столько уже поостыло, что недоставало немногаго, чтобы ему совсѣмъ изгладиться въ душѣ отъ забвенія, вдругъ въ самое Воскресенье на масляницѣ, т. е., въ пятидесятое (Quinquagesima), совершенно неожиданно представилось намъ зрѣлище ряженыхъ (personatorum). Мы сидѣли еще за обѣдомъ съ нѣсколькими собесѣдниками, когда нашъ благородный Приставъ, принявъ на себя важную осанку, будто хочетъ заняться съ нами дѣломъ великаго значенія, просидѣвъ насъ войти во внутренній покой и выслушать, что онъ намъ скажетъ. Когда мы вошли туда, тамъ главный начальникъ охоты Великаго Князя и шесть сокольниковъ, одѣтые въ дорогіе кафтаны изъ Великокняжеской казны, держали каждый по кречету въ правыхъ рукахъ, на которыхъ надѣты были рукавицы съ новою золотою бахромой. Кречеты были въ новыхъ колпачкахъ изъ великолѣпной ткани и съ длинными золотыми веревочками на лѣвыхъ бѣрцахъ, а у самаго лучшаго изъ нихъ, бѣлаго цвѣта съ крапинами, какъ у аиста, правое бѣрцо облегало золотое кольцо съ рубиномъ значительной величины. Тогда Приставъ, снявъ шапку и вынувъ изъ за пазухы свернутую въ свитокъ бумагу, объяснилъ по ней слѣдующій поводъ своего посольства, между тѣмъ какъ мы слушали его, стоя: «Великій Князь и Царь, Алексѣй Михайловичъ (по обыкновенію, онъ пе-

---

Gurfolk, Geyanfalk, по чему по Латыни называли его также Falco vulturinus (Соколы-коршунъ). Другіе полагаютъ, что это названіе произошло отъ слова Hierofalco, Hierax, или Falco sacer Египтянъ. Наконецъ производятъ это названіе отъ слова gurage (gurim facege), кружить, или кругъ описывать, по тому что эти птицы обыкновенно весьма долго кружатъ въ воздухѣ, прежде нежели опустятся на свою добычу. Кречеты въ особенномъ уваженіи у Якутовъ, которые называютъ ихъ Урувъ Кыр, т. е., бѣлый соколъ. По причинѣ ихъ быстрого полета, они уподобляютъ этихъ птицъ молніи, и считаютъ ихъ вѣстниками небесной воли. Если случится, что кречетъ попадетъ въ сѣти, поставленныя для другихъ птицъ, они, опасаясь прикоснуться къ нему руками, освобождаютъ его изъ сѣтей палочками, или другимъ способомъ.» Баронъ фонъ Мейербергъ стр. 217.

рѣсказалъ въ подробности весь титулъ его), узнавъ о нашемъ желаніи видѣть которую ни будь изъ его птицъ, прислалъ по-смотреть намъ шесть кречетовъ, изъ расположенія къ своему любезнѣйшему брату, Цезарю Римскому, Леопольду.» Такая потраченная попусту торжественность и пышность обстановки располагала къ смѣху, и духъ, затронутый забавною картиною этого пустого чванства, разразился бы хохотомъ, если бы, сдерживаясь уваженіемъ лица, показывавшаго это зрѣлище, къ высокому значенію приславшихъ, не подавилъ въ себѣ возбужденнаго расположенія. И такъ, обратившись съ важнымъ видомъ къ Приставу, мы очень расхвалили птицъ въ напыщенныхъ выраженіяхъ и, будто бы увлекшись удивленіемъ къ большому росту ихъ, освѣдомились, въ какихъ краяхъ онѣ водятся? «Въ областяхъ Великаго Государя,» отвѣчалъ онъ сухо, положивъ себѣ на уста персть Гарпократа, чтобы не выболтать Государевой тайны. Поблагодаривъ за то, что Великій Князь удостоилъ насъ такого особеннаго почета, мы изъявили одобреніе дѣйствующимъ лицамъ этой комедіи самымъ пріятнымъ для нихъ образомъ, т. е., сдѣлали имъ подарки, и отпустили ихъ.

Въ 3-хъ, область Самоѣдовъ (*Samojedarum*), сопредѣльная Печорѣ и платящая въ Царскую казну дань драгоценными мѣхами. Ея жители, поѣдающіе другъ друга (*se invicem comedentium*),²⁵⁹ прекрасно описаны у Олеарія.²⁶⁰

И наконецъ въ 4-хъ, тотъ уголъ земли, который, закрываясь въ Сѣверномъ Океанѣ подъ самымъ полюсомъ, дѣлаетъ заливъ въ Бѣломъ морѣ; этотъ уголъ населяютъ Лапонцы, раздѣленные на три области: одни подвластны Московскому, другіе Норвежскому, а прочіе Шведскому, скипетру. Порода тамошнихъ звѣрей дикая и свирѣпая, которую хоть и стараются давно приручить сосѣдніе жители, однако жъ никогда не могли сдѣлать домашнею.

Иверія или Иберія (*Jueria sive Iberia*), называемая нынѣ Грузіей (*Geotgia*) или, по Турецкому имени, Гургистанія (*Gurgistania*), граничитъ къ югу съ Мингреліей (*Mengrelia*), въ древности Колхидой, къ востоку Ширваніей (*Sirvania*), въ древности Мидіей

²⁵⁹ Невѣрное объясненіе. О. Б.

²⁶⁰ Въ Русскомъ переводѣ кн. III, глав. 3, стр. 125 и слѣд. О. Б.

Атропатіей (*Media Atropatia*), къ сѣверу Кавказскими горами и частью древней Албаціи (*veteris Albaniae*), населяемой нынѣ Черкасами (*Circassi*), къ югу большою Арменіей (*Armenia major*) или Туркоманіей (*Turcomania*). Нѣкогда она имѣла многихъ Царьковъ, принявшихъ Св. Крещеніе во времена рождающейся Церкви (какъ Царица Русцида (*Ruscida*) и сынъ ея, Давыдъ, писали къ Верховному Первосвященнику, Григорію IX, въ 1240 году). Только всѣ они дали соблазнить себя заблужденіямъ, которыя распространилъ Евтихій объ единой природѣ Христа, послѣ соединенія въ Немъ той и другой природы, а потомъ свирѣпо защищалъ Іаковъ Барадей (*Jacobus Baradeus*) Сирскій, по чему и получили они названіе Яковитовъ (*Jacobitos*). Въ прошлое столѣтіе они вмѣшались въ самую жестокою войну Турецкихъ Султановъ, Селима, Солимана, и Амурата, III этого имени, съ Персидскими Царями, Измаиломъ, Тамасомъ (*Tamasum*) и Магометомъ, приставая то къ тѣмъ, то къ другимъ, и часто принимая ихъ различное вѣроученіе, однако жъ большею частію къ Персамъ, которымъ платили дань. А чтобы самыми признательными заявленіями вѣрности заслужить доброе мнѣніе о себѣ той стороны, которой передались, такъ много этихъ людей перешло въ Магометанское суевѣріе, въ слѣдствіе постыднаго отступничества, что между Князьями Грузіи едва остался одинъ, или двое, сохранившіе обѣщанную вѣрность Христу Спасителю. Кромѣ Гори (*Gori*), Гримъ (*Grim*), Кайги (*Caigam*), Сомка (*Somka*) и другихъ городковъ, они владѣли еще Тифлисомъ (*Tiflim*); въ древности Юромъ (*Jur*), городомъ, который долгое время осаждали Турки, съ большою потерей крови и золота; его орошаетъ рѣка Киръ (*Cirus*), называемая туземцами Хюръ (*Chiur*), вытекающая изъ горъ Арменіи и, пересѣкши Грузію, впадаетъ, близъ города Кіавата (*Ciavat*),³⁶¹ въ Араксъ (*Aghax*), а этотъ и отводитъ ее въ Каспійское море. Москвитяне зовутъ этихъ владѣльцевъ Карталинскими и Грузинскими Царями (*Cartalinios et Grusinios Tzares*). Въ прежніе годы сильно угнеталъ ихъ тяжелыми повинностями, свыше терпѣнія данниковъ, Персидскій Царь, у котораго они находились въ подданствѣ и обязаны были чеканить свою монету съ его гербомъ; по этому они и просили покровительства Московскаго Царя, порубежника съ ними въ Черкасіи (*Circassia*), по милости котораго поручен-

³⁶¹ Полное названіе этого города Карагады-Жіавоть.

ные его дружескимъ посольствомъ расположенію Персидскаго Царя, они чувствовали себя нѣсколько свободнѣе. Но въ 1654 году Персидскій Царь послалъ въ ихъ область Кумыковъ (Kumukis), которые, покинувъ въ древности берега Чернаго моря, овладѣли горами Арменіи, лежащими между Грузіей и Мидіей Атропатіей, гдѣ живутъ и понынѣ. По этому случаю Давыдъ Темрюковичъ (Temrasciowick), въ рукахъ котораго было тогда кормило правленія, велѣлъ спѣшить въ Россію сыну своему, Николаю, къ Алексѣю, съ просьбой у него, какъ покровителя, защиты противъ Персидскихъ насилій, присоединяя къ политической цѣли еще и духовную, а угождая Московскому Царю, отказался отъ родной Вѣры и пожелалъ принять Русскую. Однако жъ, онъ не могъ получить ничего другого отъ Алексѣя, воевавшего тогда съ Литвой, кромѣ множества Священниковъ, которые научили народъ въ тѣхъ областяхъ поклоняться Богу по Русскому обряду и старались обратить въ Христіанство знатныхъ лицъ, исповѣдывавшихъ Персидскую Вѣру. Все это обратилось въ пагубу того, кто получилъ его. По тому что раздраженный Персидскій Царь занялъ этѣ области силою оружія, взялъ въ плѣнъ Александра, управлявшаго ими по смерти его роднаго брата, Давыда, и, за отсутствіемъ его племянника, Николая, отвелъ его въ Персію и до того заградилъ ему возвращеніе на родину, что нынѣ со многими вздохами поздняго раскаянія, смотритъ онъ изъ города Терки (Terki), своего постоянного мѣстопробыванія, на утраченное имъ владѣніе, подобно нашему прародителю, изгнанному изъ райскаго сада. Такъ какъ эти Владѣтели, ведя свой родъ отъ Еврейскаго Царя, Давыда, хотя и изъ пустаго тщеславія называются Царями, то и были очень довольны Царскимъ титуломъ, который пожаловалъ имъ Московскій Царь, чтобы честь такого громкаго названія отражалась и на немъ: такъ онъ и носитъ названіе Царя Царей (Tzarum Tzar), которое, по его мнѣнію, получилъ надъ ними по праву покровительства. Отсюда ясно, что Алексѣй совсѣмъ не въ правѣ называться Государемъ Иверіи, Карталиніи (Cartaliniae) и Грузіи (Gruisinae), а также Кабардинской области (Cabardiniae), лежащей при Азовскомъ морѣ и населяемой ордою или сборищемъ Татаръ, подвластныхъ жестокому Турецкому игу.

А Государемъ Черкасскихъ Князей называется онъ по праву, хоть и не тѣхъ, которые живутъ у Чернаго моря, между водами

Фазиса (Pasidis) ²⁶² и Азовскаго моря, приняли Св. Крещеніе, но отказались отъ него и, обрѣзанные по Магометански, были нѣкогда расадникомъ Мамелюковъ (Mamelucorum), но тѣхъ, что, по происхожденію Татары, придерживаются обрѣзанія и смѣшенно съ нимъ идолослуженія, населяютъ древнюю Албанію отъ береговъ Каспійскаго моря до Кавказскихъ горъ, между Нагайскою степью (Nagaicum desertum) и рѣкою Быстрой (Bistrum), у Птолемея Gerum. Съ разрѣшенія Федора Ивановича Астраханскіе Казаки заставили ихъ силою оружія уступить Москвитянамъ главный ихъ городъ. Терки; сами же они, разсѣявшись по деревнямъ и городкамъ, платятъ дань и повинуются все тѣмъ же своимъ Государямъ.

Но менѣе справедливо величаетъ онъ себя Государемъ Горскихъ Князей (Montanorum Principum), по тому что этотъ горскій народъ называется у Персовъ Лезги (Lesgi), а у Олеарія Дагестаны (Dagestani) или Горцы (Montani), которые, по его увѣренію, родомъ Татары и, можетъ быть, изъ тѣхъ, что владѣли Грузіей около 1240 года, а по разбросаннымъ въ разныхъ мѣстахъ извѣстіямъ другихъ писателей для потомства, Грузины (Georgiani). Магометанскаго исповѣданія, обитаютъ на крутой горѣ, называемой Турками Брусъ (Brus), и продолжаютъ протяженіе своей области до Черкаскаго городка Терки (Terki), начиная съ того города, который лежитъ между тѣснинами Кавказскихъ горъ, соединяющихся съ берегомъ Каспійскаго моря, и который построенъ Александромъ Великимъ, долго носилъ его имя, и въ послѣдствіи названъ Дербентомъ (Derbentho), по своему крѣпкому положенію, а по Турецки Демиркапи (Demircapi), т. е., желѣзныя ворота. Тамъ они пользуются полною свободой, подъ управленіемъ многихъ своихъ владѣтелей дворянскаго рода, и подъ верховнымъ наблюденіемъ Шамхала (Schemcalis) или Луменія (Lumenia). А Пятигорцы (Petigoriensis, Quinquemontani), обитатели сосѣдней съ Кабардою древней Колхиды, оказываютъ подданическое уваженіе Оттоманской Лунѣ.

Надобно, однако жъ, сказать правду, что общее заключеніе титуловъ ни какъ не лишнее, по тому что, кромѣ показанныхъ областей и народовъ, Алексѣй владѣетъ и правитъ еще другими, между которыми особенно выдаются: знаменитое Бѣльское Кня-

²⁶² Рюна. О. Б.

жество (Bielakiae Ducatus), съ городомъ и крѣпостью Бѣлымъ (Bielagorbe), ²⁶³ лежащими среди обширнѣйшихъ лѣсовъ на рѣкѣ Обшѣ (Obscha). Князь его, Василій, былъ не лучшей вѣрности, какъ и сосѣдніе Сѣверскіе Князья, да и для такой же, какъ они, судьбы. Перебѣжалъ отъ Ягайловыхъ дѣтей къ Великому Князю Московскому, Ивану, сыну Василя Темнаго, по тому что сынъ этого Ивана, Василій, несправедливо отнялъ Бѣльское Княжество у троихъ сыновей его...

Ржевское (Reschoviae Ducatus) обширное Княжество, знаменито городами: Ржевью (Rosowa), памятникомъ побѣды Дмитрія, Волокомъ (Wolok), ²⁶⁴ Торцомъ (Togoresio) и Великими Луками (Wieliki Lugo), побѣдными трофеями Польскаго Короля Стефана; слаятся также и охотою за бѣлыми зайцами.

Также и Суздальское Княжество (Susdaliensis Ducatus) съ городомъ, въ коемъ мѣстопробываніе Архіепископа, и крѣпостью, лежащее между Ростовскимъ и Володимирскимъ. Прежде нежели Великій Князь Московскій, Ярославъ Всеволодовичъ (Sevolodicz), приглашенный на отравленный обѣдъ Татарами, кончилъ поприще своей жизни въ послушаніи Римской Церкви, къ которой незадолго до того перешелъ стараніемъ Іоанна Плато-Карпини изъ Ордена проповѣдниковъ (Praedicatorum), онъ назначилъ это Княжество въ удѣлъ шестому изъ 11-ти сыновей своихъ, Андрею. ²⁶⁵ Отъ него, черезъ праправнука его правнука,

²⁶³ Бѣлый, прежде Бѣльскъ или Бѣльская переправа, Уѣздный городъ Смоленской Губерніи на р. Обшѣ. Уже самый гербъ этого города: двамѣшка съ крутичатой мудою, перевязанные золотыми шнуромъ, даетъ понятіе о значеніи этой пристани въ торговомъ отношеніи.

²⁶⁴ Это вышній Вышній Волочокъ, Уѣздный городъ Тверской Губерніи, при р. Цѣль. Названіе свое получилъ отъ того, что, до сдѣланнаго Тверскаго шлюза и канала, привозимые по Тверцѣ медными судами и полубарками товары отъ пристани Николь Стогна перевозились сухимъ путемъ и, по нагрузкѣ въ Вышнемъ Волочкѣ на суда Осташевни, отправлялись уже дальше водою.

²⁶⁵ Владимирскій (1190 — 1246). Далѣе рассказываетъ выдумка Папы Иннокентія IV и его послонъ къ Александру Невскому. Но Андрей Ярославичъ, братъ Александра Ярославича Невскаго, не былъ родоначальникомъ Князей Шуйскихъ, происходящихъ, по показанію самаго Царя Василя Ивановича (въ грамотѣ его избранія) отъ сына Невскаго, Андрея Александровича, старшаго брата Данила Александровича Московскаго. Василій Васильевичъ

Василія Васильевича, ведутъ начало родоначальники Скопинныхъ Шуйскихъ (Suiskii Scorinogum), потомокъ коня, Василій, овладѣлъ наконецъ Царскимъ скипетромъ и, послѣ трагической гибели Димитрія, тоже и самъ былъ трагическимъ лицомъ. Однако жъ, потомки Суздальскихъ Князей, вмѣстѣ съ сосѣдними Галицкими (Galicziis), ведущиимъ родъ отъ Великаго Князя Московскаго, Димитрія Донскаго (Demetrio Domskoi), дожили до изгнанія своего изъ этихъ владѣній, поглощенныхъ самой хищной акулой къ чужимъ областямъ, Великимъ Княземъ Московскимъ, Иваномъ Васильевичемъ Старшимъ.

Великіе Князья всегда имѣютъ при себѣ Думу но многіе изъ нихъ обыкновенно спрашивали ея мнѣнія только для вида, чтобы свалить съ себя на нее ненависть за сдѣланную имъ несправедливость. Алексѣй превосходно идетъ по слѣдамъ ихъ, распоряджаясь всѣмъ по своему произволу, или лучше, думая распорядиться, по тому что, осаждаемый и проводимый своими любимцами, либо совсѣмъ не знаетъ положенія дѣлъ, либо видитъ его подъ прикрытіемъ обмана тѣхъ же любимцевъ. Въ мою бытность въ Москвѣ Думу составляли около 13 Бояръ (Bojaris), 30-ти Окольничихъ (Ocolnicis), семи Думныхъ Дворянъ (Dumni Duoganiis): всѣ они, принадлежа къ знатному сословію, сидѣли въ этой Думѣ, а трое Думныхъ Дьяковъ (Dumni Djakis), изъ простаго званія, должны были стоять.

По произвольному распоряженію Царя, между этими совѣтниками раздѣлены всѣ заботы о какихъ бы то ни было дѣлахъ Царства, относящихся какъ къ общественному, такъ и частному, положенію подданныхъ. По тому что, такъ какъ въ Москвѣ учреждено 33 главныхъ правительственныхъ мѣстъ, называемыхъ Прика-

---

Гребенка былъ Намѣстникъ въ Псковѣ (1476 — 1478, 1480 — 1482), Нижнемъ (1478 — 1480) и Новгородѣ (1482 — 1487), а Иванъ Васильевичъ Слюпа — родоначальникъ Князей Скопинныхъ Шуйскихъ, утѣшихъ въ 1610 году. Царь Василій Ивановичъ (1583 — 1612) былъ сынъ знаменитаго Воеводы Ивана Петровича, отразившаго нападеніе Баторія на Псковъ; смертью младшаго брата его, Ивана Ивановича, пресѣкъ родъ Шуйскихъ въ 1638 г., а происходящіе отъ Князя Ивана Дмитриевича Губки, вышедшаго въ Великое Княжество Литовско-Русское при Царѣ Иванѣ Грозномъ, сохранились тамъ и до нынѣ, именно вѣтвь Литовская; вѣтвь же Волынская угасла въ началѣ текущаго столѣтія со смертью Княжны, бывшей за Марцеюкомъ. О. В.

зани (Prisazas), то къ нимъ, какъ первоотеченнымъ, учрежденіямъ, но предписанному распоряженію, принадлежать всѣ дѣла, касающіяся правосудія, казны, или войны. Въ каждомъ изъ нихъ, а иногда и во многихъ, предсѣдательствуетъ одинъ изъ этихъ со-вѣтниковъ: онъ завѣдуетъ съ полною властію дѣлами, подлежащими его судопроизводству, и даетъ окончательныя приговоры, съ большею, или меньшею прибавкою къ своему родовому имуществу, такъ что самъ бываетъ оцѣнщикомъ отеченъ своей благо-склонности. Такъ Царь, сохраняя за собою всю полноту Царской власти, дѣлаетъ видъ, что некоторую часть ея передаетъ своей Думѣ, отсылая просьбы народа на разсмотрѣніе ея членовъ. Во каждомъ Приказѣ должность Секретарей исправляютъ особенныя Дьяки: каждаго изъ нихъ Великій Князь всегда обыкновенно наряжаетъ въ товарищи своимъ Посламъ къ иноземнымъ Государямъ.

Любимцы у него непрочны, не только по общему пороку всѣхъ Дворовъ, по которому положеніе любимцевъ, сабдуя непрочности всѣхъ человеческихъ дѣлъ, всегда шатко и легко рушится въ прахъ отъ всякаго, хоть бы и слабаго, удара, но и по тому еще, что это люди безъ твердыхъ основаній въ какой бы то ни было добродѣтели: укрѣпившись на которыхъ, громад-ное зданіе Государевой милости стоитъ прочно, поддерживаемое заслугами:

Между всѣми ими отличался, недавно умершій, Морозовъ (Morozovius), воспитатель его дѣтства, по тому что хотя послѣ народнаго возстанія противъ него, по видимому, и поупалъ въ своемъ могуществѣ, однако жь, сохраняя силу болѣе изъ дружеской пріязни къ нему Государя, нежели по наружному виду, всегда вліятельный въ его душѣ, онъ никогда не испытывалъ утраты его расположенія. Искренность этой дружбы Алексѣй далъ ему почувствовать мно-гими опытами въ то время, когда разстроенное здоровье не позво-ляло ему выходить изъ дома. По тому что хоть онъ и удалил-ся отъ гражданскихъ должностей, но въ увядшемъ тѣлѣ сила ума и здраваго сужденія были еще въ полномъ цвѣтѣ: отъ того-то Великій Князь насто и навѣщалъ его тайкомъ и совѣтовался съ нимъ о важнѣйшихъ дѣлахъ. Это былъ человѣкъ съ природнымъ умомъ и, по своей долговременной опытности, способный править государствомъ, если бы только умѣлъ ограничивать свое корысто-любіе. Но самыя вѣрныя доказательства своего искренняго распо-

ложеиія къ Морозову Алексѣй заявилъ въ послѣднее время его жизни: онъ навѣщалъ его, утратившаго уже всякое чувство и сознаніе; не пропуская ни одного дня; по одному только простому долгу, а не въ видахъ будущимъ заслугъ за то; а по кончѣннѣ Морозова, когда слѣдовало похоронить его, Алексѣй самъ пожелалъ отдать послѣдній долгъ покойному въ церкви, вмѣстѣ съ прочими, не думая ни мало, что унижить тѣмъ свое Величество, если будетъ оплакивать его при всѣхъ.

Теперь является передъ нами Царскій тестъ, Бояринъ Илья Даниловичъ Милославскій (Iliа Danilowicz Miloslawski). Выбравшись изъ грязи самаго бѣднаго люда и самаго низшаго дворянства и, по неожиданной прихоти играющаго счастія, вознесенный на самую высокую степень почестей въ Московіи, онъ получилъ у Царя весьма большую силу въ качествѣ его тестя. Впрочемъ, не очень-то величается ею, по тому что Московскіе Цари, подобно Мельхиседеку, хотятъ быть безъ отца, безъ матери, безъ родо-словной. Алексѣй и, еще важнѣе, сама дочь его, Царица (Tsarissa), въ разговорѣ съ нимъ зовутъ его всегда Ильей, а не тестемъ, не батюшкой. Да онъ и не пользуется какою ни будь большою милостію у зятя, и не одинъ разъ отвѣдалъ его тряски за волосы на головѣ и бородѣ и кулачныхъ туповъ. Когда, въ исходѣ осени 1661-го года, послѣ пораженія, нанесеннаго Литовцами Хованскому (Kowaniskim) и Нащокину (Nasciokinim) на Помоцкиихъ поляхъ,²⁶⁶ разнесся слухъ о приходѣ туда Польскаго Короля съ многочисленнымъ войскомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, гонецъ донесъ объ опасности Переяславля у Черкасовъ (apud Circassios),²⁶⁷ жестоко стѣсненнаго Козаками, Алексѣй, 10-го Ноября, созвалъ Думу и совѣщался съ ней, какою дорогою и съ какими силами ити на встрѣчу такому превосходному неприятелю. Илья, сидѣвшій недалеко отъ Царя, сказалъ: «Государь, поставь меня Воеводой твоихъ полковъ, и я плѣню и приведу къ тебѣ Польскаго Короля.»

²⁶⁶ Это произошло при мѣстечкѣ Глубокомъ. О. Б.

²⁶⁷ Юрій Хмельницкій, съ своими Козаками и Поляками, шелъ было къ Переяславу Кіевскому, но услышавъ о движеніи противъ него Князь Ромодановскаго, остановился противъ Кажева и былъ разбитъ Ромодановскимъ и Нагазнымъ Гетьманомъ Сожкомъ, соединившимся съ нимъ, послѣ чего послѣдніе направилсь къ Чигирину (въ Юдѣ), но Юрій, бѣжавъ въ Черный Лѣсъ и присоединивъ къ себѣ Татаръ, отгнанилъ Ромодановскаго отъ Чигирна за Дѣвирь. О. Б.

У

СМЪСЪ

БЫТЬ ЗАПАДНО-РУССКАГО СЕЛЯНИНА.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Свадьба—одно изъ важнѣйшихъ событій въ жизни человѣка, по тому, нужно думать, характеръ крестьянина нигдѣ не обрисовывается такъ выкупно, какъ въ настоящемъ случаѣ. Здѣсь вы встрѣчаетесь съ длиннымъ рядомъ приличій, примѣтъ, заговоровъ, приговоровъ и разныхъ, обрядовъ, основанныхъ на суевѣрныхъ вѣрованіяхъ, и сохрани Богъ, опустить, не сдѣлать чего ни будь изъ того, что, какъ святыня, передавалось изъ рода въ родъ исполнялось при отцахъ и дѣдахъ, «давнымъ давно бывало;» постоянныя несчастія, вѣчныя неудачи, а пожалуй и неблагословеніе Божіе будутъ преслѣдовать, по мнѣнію селянъ, до гробовой доски такого нарушителя сѣдой старины. Впрочемъ, въ настоящее время, многое селянами оставляется, не исполняется. Теперь, какъ говорятъ они, «новый свѣтъ;» старина уступаетъ ему свое мѣсто. Книга, школьная лавка, образованіе, играютъ въ этомъ не послѣднюю роль. Что мы будемъ говорить, нужно относить преимущественно ко времени до 1868 — 69 года, когда мы собирали настоящія данныя.

Свадьба въ сельскомъ быту не дѣло прихоти, роскоши и менѣе всего имѣеть въ виду удовлетворить какому ни будь внутреннему чувству, любви. Селянину - хозяину, или если онъ на мѣренъ быть самостоятельнымъ хозяиномъ, плохо жить своимъ домомъ безъ хозяйки; даже и безъ этого появленіе въ семьѣ новой, здоровой, молодой, силы составляетъ уже важное приобрѣтеніе: работа можетъ пойти скорѣе, «дружиѣ:

Ой часъ, пора, мати,
Дружины шукати,
Посѣявъ я жито,
Нема кому жати,
Иде нѣчка темна,
Нѣ съ кѣмъ розмовляти.

— «Ой машь ты, сынку,
 Коня вороного,
 Пойди до стаенки,
 Разговляй до ёго;
 Дай коневъ сѣна
 По самы колѣна,
 Дай ёму оброку
 До самогò боку.
 — Ой конь оброкъ изъѣсть,
 На сѣновъ ляже,
 А мнѣ, молодому,
 Правдоньки не скаже.

(Сбор. пам. нар. творч. въ СЗ. краѣ.)

Или:

Ой у тебе, коню,
 Жовтый хвѣстъ и грива,
 Бѣжи дорогою,
 Де моя дѣвчина!
 — «Вже тая дорога
 Черетомъ заросла,
 Вже тая дѣвчина
 Давно замужъ пошла.
 Ой пошли косари
 Той черетъ изжали,
 Вже твою дѣвчину
 Инши хлопци взяли.»
 — Я тую дорогу
 Рожею отычу,
 Я свою дѣвчину
 И къ собѣ приглячу.

Или:

Дубъ на березу чого похилився?
 Молодый Козаче, чого зажурился?
 «Я зажурился, що не оженився.
 Жени мене, мати, сына молодого.
 Коли не оженишь, я самъ ожениюся.
 — До колядь, сынку, до колядь, Василюку!
 — «Ой далеко, маты, колядовъ чекати.

Ой посью жита, не съ кѣмъ позбѣраты;
 Накосивъ я гречки, не съ кѣмъ позвязати;
 Осѣнная нѣчка, не съ кѣмъ розмовляти.»
 — Ой до коня, сынку, до коня, Васильку!
 — «Ой я до коника, коникъ не говорить,
 Ой я до сивого, сивый не промовить.»

(Piosenki gminne ludu Pińskiego. Zienkiewicz, str. 284.)

«Будземъ жениць сына, бо работы много,» разсуждаютъ обыкновенно родители селяне. «Кали я ее всю параблю?» продолжаетъ хозяйка. «Треба, якъ той казавъ, и пашиць и другое дещо что ни будзь зробиць. Ты бачишь, що я одна нидаюся, нидаюся, а памачи некому; добро да гатуль я гаровала, а цяперь уже, выбила съ силы; да на докуль же мнѣ и быць дужой!»

(Чересы, Диснен. Уѣзда Вил. Губ.)

Стало быть, приискывая невѣсту, болѣе всего обращаютъ вниманіе на то, чтобы она не была, что называется, бѣдоручка; была бы работающая, здоровая, и тѣмъ лучше, если при этомъ еще съ достаткомъ. Обращать, впрочемъ, вниманіе на деньги считалось признакомъ барства, пребыванія во дворѣ у помѣщика, заслуживало презрѣнія. Въ пѣсни поется:

Кабъ цябе спалила маланка!
 Чаму не хочешь Сцяпанка?
 Ци іонъ цябе ня кахае,
 Ци іонъ розуму ня мае?
 — «Дакъ што жъ, що іонъ мяне кахае,
 Каля іонъ гроши ня мае?
 Каля іонъ ня мае гроши,
 И самъ ня вельми хорошій?»
 Кабъ цябе спалила маланка,
 Що грошъ любишь, ня Сцяпанка?
 Не дармо дворски хлѣбъ ѣла,
 Паняй быць захацѣла!

(Piosenki wieśniackie znad Niemna i Dzwiny, str. 123—124.)

Или:

Да у мѣсяца два ражки крутые,
 Да Ямечки два браты радные;

Адзинъ брахна кэня сядлаецъ;
 А други брахна яго научаецъ:
 «Да будзь, брахна, разумненьки;
 Да пабдзешъ, брахна, у чужіе людзі,
 Выйдзецъ къ цябѣ таноць дзѣвокъ;
 Ня бяри таей, што у залоць,
 Да бяри тую, што у разумѣ;
 Мы залота у крамѣ дастанемъ,
 Мы разуму свайго ня уставиць.»

(Opisanie powiatu Borisowskiego, str. 300; ср. 356.)

При всемъ богатствѣ Козака на него «неславонька,» по словамъ пѣсни, «за то, що робити не знае.»

(Сбор. пам. нар. тв. СХХХП.)

Въ слѣдствіе того установившагося взгляда на свадьбу, сама она не должна совершаться въ такое время, когда служила бы поводомъ для работы въ хозяйствѣ. Съ другой стороны, необходимо, чтобы на свадьбѣ былъ во всемъ достатокъ, а, пожалуй, даже и излишекъ. По общему вѣрованію, если свадьба совершалась при торжественной, богатой, обстановкѣ, то и молодые въ своей жизни не будутъ чувствовать нужды. Такимъ образомъ, время между Покровомъ Пресвятыя Богородицы и первою недѣлю Филиппова поста почитается у селянъ самымъ благопріятствующимъ для свадьбы (Ср. Opis. Pow. Boris. str. 347.) Тогда всѣ полевые работы покончены и есть болѣе, или менѣе, достатокъ во всемъ; это время селяне въ нѣкоторыхъ мѣстахъ называютъ «богатымъ» и не рѣдко прибавляютъ: «Слава Богу! Есть за что горѣлки купить; можно сына женить.» — «Осенью» и коркюшки (кусокъ бревна) — мясо говорятъ они въ томъ смыслѣ, что вездѣ всего вдоволь и за нужнымъ не придется ходить за тридевять земель, въ тридесятое царство.

(Каменьць Брестск. Уѣзда Гродн. Губ.)

Тревожище, сильнѣе, прежняго начинаетъ биться сердце молодой дѣвушки невѣсты, по мѣрѣ приближенія осенняго, зимняго, времени, что по тому это обычная свадебная пора. Много не глубокихъ, но сердечныхъ, думъ передумала она о своей долѣ. Наскучило, надоѣло, ей быть постоянно въ услуженіи у своихъ родителей; не нравится ей эта половинная, какъ бы несамостоятельная, жизнь, и ей, смотря на другихъ, самой хотѣлось бы быть

полной хозяйкой, я она, подобно птичкѣ въ клеткѣ, рвется, не вырвется, въ эту очаровательную область свободы, съ которою давно, очень давно, познакомили ея пѣсни. Слова пѣсни въ ея устахъ могутъ быть приняты въ настоящемъ случаѣ въ буквальный смыслъ за сердечное изліяніе ея собственныхъ чувствъ. Сельская дѣвушка не находитъ для себя болѣе приличной, болѣе умѣстной и соотвѣтственной, формы для выраженія своего внутренняго состоянія какъ:

Горе мое, горе, несчастная доля,
 Поорала дѣвчинонька мысленьками поле,
 Чорными очима да и заволочила,
 Друбненькими слезоньками все поле зросила!
 Цвѣте гречка, цвѣте, да и цвѣтъ опадѣе:
 А вже жь мене муи миленькій на вѣкъ покидае.
 Ой летѣла птица, роспустивши крыльця:
 Ахъ нема и не буде мого чорнобрѣвця!
 Ой летѣла нава, въ садоньку упала:
 Ахъ нема и не буде, кого я кохала!
 Ой ты, синій орле, високо летаешь,
 Возми жь мене на свы крыльця, занеси, де знаешь!

(Сбор. пам. нар. творч. пѣсня XXXI.)

Ня хадзи, Косю, у зялений садъ,
 Ня пей, Косю, ключевой валы,
 Ня їшь, Косю, зяленой травы!
 У ключа дзѣвка умывалася,
 Красоць сваей дзивавалася:
 — Красата ты моя, красотушка!
 Да каму, красата, ты дастанешься:
 Чи дварянину, чи мѣщанину,
 Чи гетому гостю прїѣзжему?
 — Ни дварянину, ни мѣщанину,
 Ни гетому гостю прїѣзжему —
 Грабавымъ даскамъ. жовтымъ пясочкамъ.

(Тамъ же, пѣсня XXXIX.)

По садоньку похожаю,
 Сама себе розважаю,
 На долецьку нарекаю:

Нема того, що кохаю,
 Нема, нема, и не буде,
 Одраила вражи люде,
 Одраили, одмовили,
 Щобъ мы въ парѣ не ходили
 И другъ дружка не любили!
 Ой пойдю я до болота,
 Тамъ плавають каченята:
 Одно друге погоняе,
 Кожне собъ пару мае;
 На що въ мене тѣлько кары,
 Що мнѣ не давъ Господь пары,
 А ни пары, ни цароньки,
 А ни счасця, ни доленьки!
 Пойдю зъ горы утоплюся,
 Чи о камень розобьюся,
 Нехай люде переймають,
 Якъ безъ счасця пропадають!

(Радзавичи, Грод. Губ. Врѣтск. Уѣзда.)

Много, конечно, и другихъ пѣсенъ поють дѣвушки въ настоящемъ случаѣ; мы привели только нѣкоторые для образца.

Сельскія дѣвушки не предаются одному безнадежному ожиданію. Правда, онѣ очень часто поють:

Ой не видно того села, тѣлько видно поле:
 Ой Богъ знае, Богъ вѣдае, де мое буде горе.
 Ой не видно того села, тѣлько видны кресты:
 Ой туды мнѣ любо, мило, оченьки пѣвести.
 Ой не видно того села, тѣлько видно грушу:
 Якъ я гляну въ ту сторону, то й плакати мушу.

Чтобы, однако, сколько ни будь уяснить себѣ свою неизвѣстную, туманную, будущность, узнать, по крайности, мѣсто жительства будущаго мужа, дѣвушки, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, при каждомъ удобномъ случаѣ гадаютъ о своемъ суженомъ, -ряженомъ. Канунъ Новаго Года извѣстенъ здѣсь подъ именемъ «Богатой кутыи,» или «Щедрого вечера.» Въ это время, съ одной стороны, можно безъ спросу, тайкомъ, брать взаимно разныя вещи, конечно,

съ тѣмъ, чтобы отдать ихъ на слѣдующій день: чѣмъ ловчѣе совершится это похищеніе, тѣмъ болѣе чести похитителю. Дѣвушки стараются брать вещи у парней. Ложась спать, онѣ кладутъ эти вещи себѣ подъ голову. Если они приснятся имъ, это считается хорошимъ признакомъ: съ другой—устраивается, по возможности, роскошный ужинъ (богатый); къ ужину, между прочимъ, готовить и кашу, которую при вареніи мѣшаютъ нарочно приготовленною мочалкой: (у сельчанъ—«коцыстью»). Дѣвицы берутъ эту «коцысть» на которой, конечно, находятся остатки каши, выходятъ съ нею на улицу и начинаютъ очищать ее. Если въ это время валаетъ собака, то, по мнѣнію сельчанъ, это вѣрный признакъ, что въ томъ мѣстѣ есть женихъ. Прибѣгаютъ и къ другому средству: берутъ башмакъ и со всѣхъ силъ бросаютъ его на улицу; потомъ разсматриваютъ, куда обращенъ онъ своею переднею стороною: тамъ, значитъ, придется быть за мужемъ (обычай, кажется, общерусскій). Еще: берутъ три сосуда: подъ одинъ кладутъ хлѣбъ, подъ другой—щетку, а подъ третій—кольцо. Одной изъ присутствующихъ дѣвицъ, невѣстѣ, завязываютъ глаза: она должна подойти къ которому ни будь сосуду, и вынуть положенную туда вещь. Если попадетъ на сосудъ, подъ которымъ находится кольцо, ей, значитъ, придется выйти замужъ за «молодца»; если возьметъ сосудъ съ хлѣбомъ, — выйдетъ за «богатаго»; въ послѣднемъ случаѣ въ женихи дѣвушка должна ожидать для себя «вдовца.»

(Докшицы, Борис. Уѣзда Минск. Губ.)

Нужно замѣтить, что дѣвушки вообще боятся итти мужемъ вдовца. Имъ думается, что вловецъ ужъ непременно злой человекъ, пьяница, разбойникъ, человекъ безъ всякихъ мягкихъ, вѣж-ныхъ, чувствъ. Вотъ какъ поютъ онѣ по этому случаю:

Не дай мѣне, моя матонька, за вдовца,
 Бо вбѣтъ выпоре нашиваннечко зъ рукавца;
 Выпоровши, до корчмоньки занесе,
 Пришовши зъ корчмы, за головоньку потрясе.

(Оваты, Кобрин. Уѣзда Гродн. Губ.)

Или:

Балиць мая, галоука адъ вѣнца,
 Ня аддавай, мой татечка, за удауца,

„Адай мяне, мой татечка, у олюю,
 У сямь есь парадачекъ усяму:
 У истопки таучи, малоць — залуки,
 Даяжу мясиць, хату тадиць — ятроуки,
 А у криницу, па вадзицу — я, магада.

(Opis: Boris. pow. str. 332.)

Но такъ какъ этотъ вопросъ для дѣвушекъ составляетъ во-
 просъ жизни и смерти, и такъ какъ опыта говорить имъ, что
 нѣкоторымъ все таки приходится выходить за вдовцевъ, еднова-
 тельно, такъ уже на фолу написано, такая ужь доля, то, чтобы хо-
 тя нѣсколько успокоить себя съ этой стороны, онѣ опять прибѣ-
 гають къ гаданіямъ. Въ тотъ же самый «Богатый» или «Щед-
 рый вечеръ», отыскиваютъ большой заборъ, сдѣланный изъ ча-
 стокола, въ которомъ по меньшей мѣрѣ, было бы 100 колець.
 Нашедши такой заборъ, начинаютъ гадать. Способъ гаданія очень
 простой. Первый попавшійся колъ называютъ «молодецъ», а
 слѣдующій за нимъ «вдовецъ»; третій опять «молодецъ», а че-
 твертый «вдовецъ» и т. д. Если послѣдній колъ будетъ «вдо-
 вецъ», быть, значить, гадающей дѣвушкѣ за «вдовцомъ»; въ
 противномъ случаѣ ея женихъ будетъ «молодецъ.»

.. (Молодецъ, Брестск. Уѣзда, Гроля. Губ.)

Любопытство дѣвушки на этомъ не останавливается: оно не
 знаетъ предѣловъ, и ей хотѣлось бы, по крайней мѣрѣ, въ мечта-
 ннн, во снѣ, увидѣть своего любезнаго дружка. И для этого услу-
 жившия бабурки придумали вѣрное, по ихъ мнѣнію, средство.
 На пятой недѣлѣ Великаго Поста, въ Среду, вечеромъ, когда чи-
 тается Канонъ, Св. Андрея Критскаго, дѣвки, собирающіяся га-
 дать о своемъ миломъ, отправляются, вмѣстѣ съ другими, въ цер-
 ковь: усерднѣе обыкновеннаго начинаютъ, доу, молиться Богу,
 чтобы, такимъ образомъ, призвавъ его, въ помощь, лучше успѣть
 въ своемъ предпріятнн. Самое это Богослуженіе извѣстно въ народѣ
 подъ именемъ «Андреева достояннн». По окончаннн Богослу-
 женнн дѣвки возвращаются по домамъ, и тутъ дожась спать, раз-
 сѣвають на своей постели заблаговременно приговоренную «горсть
 льнянаго, или коноплянаго, сѣмени;» при этомъ дѣвушка говоритъ
 слѣдующія слова: «На тебе, Святый Андрію, лень сѣю; Дай, Боже,
 знати, съ кѣмъ буду горе горевати!» Теперь онѣ засыпаютъ въ

полной увѣренности, что имъ въ эту ночь непременно явится во снѣ ихъ суженый. Для большого успѣха въ дѣлѣ любви, дѣвушки и парни обращаются иногда къ ворожеямъ—Цыганкамъ и у нихъ просятъ помощи. Въ пѣснѣ поется:

Цыганы стояли,
 А мѣжъ тѣми Цыганами
 Цыганка воружка,
 А до теи Цыганочки
 Бытая доружка.
 — Цыганочка, вороженько,
 Учини мнѣ волю:
 Чи не стане дѣвчинонька
 До шлюбу зо мною?—
 Цыганочка, вороженька,
 Волю учинила,
 Сывому кониковѣ
 Гриву устригла.
 — Бодай тебе, дѣвчинонько,
 Вся семья любила!
 Коню мѣй, коню,
 Золотая грива,
 Бѣжи, мѣй коню,
 Де моя мила!

(Сборн. пам. вар. твор. въ СЗ. краѣ СХХХІІ; ср. ХХV.)

Впрочемъ, подобныя свои стремленія, внутреннія задушевыя тайны, дѣвушки, по возможности, стараются спрятать, скрыть отъ глазъ, зорко слѣдящихъ за ними «молодцовъ»: если послѣдніе забываются иногда, выказываютъ свое предъ ними преимущество въ замужествѣ указываютъ для дѣвушки единственное спасеніе, то, въ отвѣтъ на это, они всегда услышатъ пѣсню, гдѣ выставляется тяжелая сторона брака, неразлучныя съ нимъ заботы, хлопоты:

Не руби сосны, бо не хилитця:
 Не пойду замужь, бо не хочетця.
 Зрубали сосну, похилилася:
 Якъ вышла замужь, зажурилася.

Или:

Ой у качора да злоте перо,
 А у павоньки влосы:
 Ой не заживеть жадна невѣста
 Да у всѣсенькѣй роскоши.
 Свекерко ходить по новыхъ сѣняхъ,
 Невѣсту обучае:
 — Встань, невѣсто, встань, молодая,
 Уже двое курей пѣло!
 Невѣста встала, да заплакала,
 Рученьки заламала:
 — Ахъ, Боже мѣй да малюсенькѣй!
 Чого же жь я да дочекала?
 У матули была, якъ рожа цвѣла,
 На всякѣй роскоши: курей не чула,
 Зоревъ не знала, робота пороблена:
 А якъ пришла да до милого, —
 На великое горе куры почула,
 Зори познала, робота не зроблена!

(Сборн. пам. нар. творч. въ СЗ. край ССП; ср. ССХІХ.)

Но во всякомъ случаѣ, желаніе выйти поскорѣе замужъ составляетъ одно изъ завѣтныхъ, сердечныхъ, желаній каждой дѣвушки. «Хвартуше, злыи душе, говоритъ поговорка; просымо Бога я и ты, щобъ хуцѣи нѣтъ замужъ мойтѣ. (Рядованичи—Брестск. Уѣзда Гродн. Губ.) «Новое сытко на колочку висить;» и по тому дѣвушки въ высшей степени недовольны бываютъ своими родителями, если тѣ, по какимъ ни будь соображеніямъ, откладываютъ время ихъ свадьбы. «Одложивъ хвѣстъ (говорять о собацѣ), якъ батько весѣля на нѣсть,» слышится отъ нихъ часто по этому случаю. Дѣвушки страшно боятся заслужить укоризненное названіе: «Дѣвоцкѣй Король,» и ужь тутъ не бываетъ обыкновенно никакаго разбора при выборѣ жениховъ:

Сякѣй, такѣй, мужичина,
 Абы дрова, не лучина;
 Сякѣй, такѣй, абы бувъ,
 Хлѣба й соли роздобувъ!...

Или:

Хочъ за вола, абы дома не була...

Или:

Святая Покровонько,
 Накрый менѣ головоньку,
 Та хочь бы вже и онучью,
 Най ся довго дѣвкой не мучу!

Мы сказали уже, что осеннее и зимнее время возбуждает отрадныя, утѣшительныя, надежды. Примѣнительно къ этому существуютъ разнаго рода поговорки и даже своеобразныя молитвы. Съ Сентября мѣсяца начинается слышаться между дѣвушками: «Иванъ Богуславъ (Юаннъ Богословъ—26 Сент.) дружкѣ (по другимъ—дѣвоснубы) розославъ, а Покрова—дѣвка готова.» Особенно праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы (1-го Октября), и вообще Богородичные праздники (въ осеннее и зимнее время) пользуются большимъ уваженіемъ у дѣвицъ. На Покровъ онѣ не рѣдко ставятъ свѣчи передъ образомъ, приговаривая: «Святый Покровъ! Покрывъ землю и воду, покрый и мене молоду! (Оваты Кобр. Узда Гродн. Губ.). Или: «Св. Покровъ! Покрый землю листомъ, а мене, молоду, чепцомъ!» (Дисн. У.), и стараются провести этотъ день въ возможномъ весельи, въ той мысли, что «Покровъ весело провести, значить дружка знайти.»

Прим. У всѣхъ Славянскихъ народовъ соединяется такое значеніе съ этимъ праздникомъ. «Батюшка Покровъ, говорятъ въ Велikorоссіи, покрой сыру землю и меня молоду! Другіе говорятъ: «Бѣлъ снѣгъ землю покрываетъ: не меня ли молоду замужъ снаряжаетъ?» Или: «Ты Покровъ, Богородица, покрой меня, дѣвушку, пеленой своей нетлѣнною ити на чужую сторону!» Введенье, Мать Богородица! введи меня на чужую сторонушку!» Срѣтенье, Мать Богородица, всрѣть меня на чужой сторонушкѣ!»

Вопросъ о женитьбѣ въ сельскомъ быту поднимается снизу. Родители дали дѣтямъ жизнь: они должны позаботиться и обставить ихъ въ жизни, должны подумать и о миломъ для нихъ дружкѣ. Сами родители, селяне, смотрять такъ на свою задачу, и рѣдко она поставляется иначе. Сынъ достигъ совершеннолѣтія, и родители надумали женить его. Конечно, если нѣтъ родителей, то о женитьбѣ подумываетъ онъ самъ, совѣтуясь съ своими родственниками. Объявивъ сыну о намѣреніи женить его, родители иногда спрашиваютъ у него, не имѣетъ ли онъ на примѣтѣ для себя невѣсты? Получивъ утвердительный отвѣтъ, они говорятъ ему:

Оженися, сынку, вазьми сабѣ жонку,
 Вазьми сабѣ жонку хоць вдавину доньку;
 Только самавольницы ня бяри,
 И нашой хаты ня разари,
 А бяри ты работницу,
 Которая бы домъ свой шановала,
 Домъ свой сберегала,
 А не то, чтобы спиной уголъ падпирала,
 И насъ старыхъ за воротникъ на бѣгъ свѣтъ вытолкала!

(Чересы Диск. Уѣзда Вилем. Губ.).

Или:

А усѣ луги пакушоны,
 А муое сѣно убрато,
 Пытаецця сынъ матуоньки,
 Куоторую узяци?
 —Ой чи тую, матуленьку,
 Што ручоньки тлусты?—
 Самъ уважай, людей пытай,
 Чи попере хусты.—
 —Ой чи тую, матуленьку,
 Што личенько бѣло?—
 Самъ уважай, людей пытай,
 Чи напече хлѣба?—
 —Ой чи тую, матуленьку,
 Што гладка у тануочку?—
 Самъ уважай, людей пытай,
 Чи зробить сароучку.—
 —Ой чи тую, матуленьку,
 Што головка гладка?—
 Самъ уважай, людей пытай,
 Чи мецена хатка?

(Сборн. пам. народн. творч. въ СЗ. краѣ СХ.)

Иногда родители считаютъ священнымъ долгомъ указать неопытному сыну, помимо его вѣдома, и невѣсту, которой, быть ме-

жетъ, онъ и не видагъ; 'о расположеніи, внутреннѣхъ чувствахъ, тутъ ужь и рѣчи быть не можетъ:

— Янечка маладзеньки,
Куды ты радзѣшься:
Чи у госци, чи у дарожку?
— Да не самъ я ражуся,
Радзѣць мяне мой татечка,
Ни у госци, ни у дарожку,
Къ цесцятку на подворья,
Къ Агатцѣ на застоля.

(Орѣ row. Вору. стр. 301).

Или:

О Боже мѣй да милосенькій,
Нихто правды не скаже:
Сама я не знаю,
Мнѣ люди не скажутъ,
Съ кѣмъ мене matka свяже!

(Сборн. пам. народа. творч. въ СЗ. краѣ, пѣсня ССХХХVIII.)

Очень рѣдко подобныя браки имѣли хорошія послѣдствія: внутренній разладъ, постоянная нелюбовь, взаимное желаніе избавиться другъ отъ друга, наполняло жизнь такихъ несчастныхъ супруговъ. Вотъ какъ описывается въ пѣснѣ эта мрачная картина:

Няй вяже, да няхай вяже,
Да на сваю надолю,
А якъ мнѣ придзе
Да и зъ нимъ быци,
То я зъ мосту и въ воду!
— Ой не тапися, моя донюшку,
Бо ты душу загубишь.—
А ще 'мъ бо я, мая матушка,
Да никаго ня любила,
Да кабъ я рочокъ, да кабъ другій,
Да дзѣвкаю пахадзѣла!
Ой намачивши канапляюшку,
Да треба выцягади:

А женившись съ вѣнцѣмъ надбайломъ,
Треба вѣкъ прападачи!

(Сборн. пам. нар. творч. въ СЗ. край пѣсня ССХХХVІІІ.)

Или:

Ой ты, сухой дубе,
Чомъ ты не зеленый?
Молодой Козаче,
Чомъ ты не веселый?
— Ой якъ же мнѣ, дубу,
Зеленому бути?
Такъ и мнѣ, Козаку,
Веселому бути!
Чужии жоночки
Якъ перепѣлочкы,
А моя невила
Мнѣ свить завязала.
Якъ вѣзму невила
За бѣлую ручку,
Та вкину, невила,
У быструю рѣчку.
Якъ вѣзму, невила,
За бѣлыи боки,
Та вкину, невила,
У Дунай глубокий.
— Ой плавывы, невила,
Тыхою водою:
Не було мнѣ житья
Доброго зъ тобою!

(Радованичи, Брест. Уѣзда Гродн. Губ.)

Если свадьба совершается по обоюдному согласію съ сыномъ, тогда, относительно выбора невѣсты, выполняются разнаго рода мѣстныхъ обыкновенія, условія. Еще заблаговременно родители просятъ своихъ знакомыхъ сватать или «раиць» имъ хорошую, трудолюбивую дѣвицу. Кромѣ того, разнаго рода игрища, посидѣлки досвѣтки или вечерницы, побываніе парня въ мѣстечкахъ, или деревняхъ, много способствуетъ ему въ выборѣ будущей подруги

къ его жизни. Прежде всего бываютъ «доныты,» «донытины,» «первая или малая горѣлка,» малые запоины,» «малые заручины.» Кстати замѣтимъ здѣсь, что очень трудно услѣдить все разнообразіе обычаевъ въ разныхъ мѣстахъ. Что городъ, то норовъ; что деревня, то обычай. Мы старались уловить и представить болѣе, или менѣе, общее въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Часто одно и то же въ различныхъ мѣстностяхъ имѣетъ различныя названія, Что на пр., у однихъ извѣстно подъ именемъ «допытынъ,» у другихъ совершается подъ именемъ «малыхъ запоинъ,» «малой горѣлки,» «малыхъ заручинъ.» Дѣло, впрочемъ, гутъ не въ названіи.

Обыкновенно бываетъ такъ: мать, или же ближайшіе родственники невѣсты, которые поопытнѣе и умѣютъ говорить побойчѣе, отправляются къ родителямъ намѣченной дѣвушки «въ сваты» цѣль ихъ—просватать своего молодца и съ точностію узнать, согласны ли родители невѣсты и сама невѣста выйти за ихняго жениха. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «въ сваты» родственниками жениха приглашается лицо извѣстныхъ лѣтъ (на пр., 40 лѣтъ). Свать помоложе не могъ бы возбудить къ себѣ того довѣрія и вниманія, которое требуется самымъ дѣломъ; свать постарѣе былъ бы не въ силахъ выказать той мощи, живости, подвижности, которая требуется при выполненіи возлагаемыхъ на него обязанностей. Въ дѣломъ селѣ одно и то же лицо бываетъ иногда какъ бы записнымъ уже сватомъ для всего своего околотка: для такой личности названіе «свать» дѣлается уже собственнымъ именемъ.

(Борисов. У. Минск. Губ.).

Дѣвушки, которыя поджидаютъ къ себѣ сватовъ, постоянно обнаруживаютъ уже какую-то безпокойную дѣятельность. Особенно это можно замѣчать по четвергамъ и субботамъ, дни, въ которые большею частію открывается сватовство. Чистота комнаты, ея опрятность, обращаетъ на себя большое вниманіе дочери-невѣсты хозяина. Самымъ тщательнымъ образомъ моются столы, лавы, подки, домашняя посуда, нѣсколько разъ выметается изба. Дѣвушка-невѣста надѣваетъ бѣлье бѣлье обыкновеннаго, тонкое и бѣлое, принаряжается въ бѣлую юбку, подпоясываетъ фартушокъ, а голову повязываетъ платочкомъ, изъ подъ котораго виднѣется коса, заплетенная обыкновенно красною лентой. Нужно стараться, чтобы во всемъ этомъ уборѣ виднѣлась обычная яко бы повседневность.

(Opis pow. Borys. str. 347; 348.)

Отправляясь къ родителямъ невѣсты, сваты берутъ небольшую, въ два, три, фута булку хлѣба, нѣсколько бутылокъ пива, или водки. Пришедши туда, они начинаютъ вести рѣчь разнаго рода притчами, загадочно, въ родѣ, на пр., слѣдующаго: «Что, вотъ, молъ, у нихъ есть гусакъ, а нѣтъ гуски: не найдутъ ли они послѣдней у нихъ, чтобы такимъ образомъ обоимъ имъ жить вмѣстѣ?» Или же: «Не прибиласьли къ нимъ ихняя уточка, или овечка?» Иногда выражаются и прямѣе: «Нашъ быкъ, говорятъ они, къ вашей телушкѣ привыкъ; какъ бы далъ Богъ дождать, вашу телушку къ нашему быку загнать!» Сватевъ упрасиваютъ сидѣть: «Спасибо, говорятъ они: дома сидѣли, ничего не высидѣли, а что будетъ, если еще сидѣть будемъ?» Этимъ сваты намѣкаютъ, чтобы невѣсты не засиживались дома въ дѣвушкахъ.

(Овяты Кобр. Уѣзда Гродн. Губ.)

Въ другихъ мѣстахъ сваты не входятъ прямо въ домъ невѣсты, а являются подѣ окошко, въ видѣ подорожныхъ, и просятъ на ночь. Домашніе невѣсты понимаютъ, конечно, въ чемъ дѣло: сначала немного торжуются, отнѣкиваются, говорятъ, что мѣста нѣтъ, а потомъ все таки соглашаются пустить проходящихъ въ домъ. Тамъ, съ согласія хозяевъ, они располагаются обыкновенно возлѣ стола, и сейчасъ начинаютъ вести приточную рѣчь. Одинъ изъ нихъ половчѣе говоритъ, что «они купцы, и слышали, яко бы въ домѣ есть хорошій товаръ, по чему они и зашли посмотреть его и купить.» На нихъ, по ведомому, никто изъ домашнихъ не обращаетъ вниманія; хозяинъ обыкновенно сидитъ въ «кутѣ» (въ углу, подѣ образомъ—самое почетное мѣсто въ избѣ), какъ бы погруженный въ какую-то глубокую думу. Его дочь пуще прежняго начинаетъ суетиться около своихъ занятій, тоже ничего и ничего, по видимому, не замѣчая. Только въ концѣ концовъ, когда мнимые купцы, въ поясненіе своей предыдущей рѣчи, прибавятъ, что «у хозяина есть молодая, а у нихъ—молодой; что имъ желательно, чтобы изъ нихъ была пара одна,» дѣло принимаетъ иной оборотъ, все оживляется. Сватямъ предлагается почетное мѣсто, все предлагается къ ихъ услугамъ; невѣста, въ свою очередь, быстро исчезаетъ изъ избы въ другую комнату, или даже къ сосѣдямъ. Главное дѣло сватовъ расхвалить жениха: они и говорятъ теперь о его небываломъ богатствѣ, особенномъ умѣньи работать, неизвѣстномъ почетѣ; однимъ словомъ, выставляютъ его съ самой лучшей стороны: «Такой, молъ, молодець, что за горами,

за морями, только и рѣчей, что о немъ.» Въ заключеніе просятъ родителей невѣсты выдать дочь за ихъ парня.

Обыкновенно невѣста поступаетъ въ домъ родителей жениха; иногда бываетъ на оборотъ: когда у родителей невѣсты большое хозяйство, когда сами они уже почетные старики, а между тѣмъ требуется вездѣ наблюдательность, надзоръ и усердный работникъ, они въ свой домъ принимаютъ жениха. Онъ тогда называется «примакомъ,» и дѣлается полнымъ хозяиномъ.

Расхваливая жениха, свать мимоходомъ замѣчаетъ, что вѣдь у хозяина не всё дома, намекая этимъ на отсутствіе невѣсты. Изъ замѣчаніе свата, женщины, присутствующія въ избѣ, выходятъ и стараются заманить сюда невѣсту. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, имъ наконецъ это удается. При появленіи невѣсты въ избѣ, вниманіе всѣхъ обращается на нее. Ставши при дверяхъ въ углу (кочережникѣ), она ни на кого не смѣетъ поднять глазъ. Родители совѣтуются между собою. «А що, жѣнко? Отдаймо свою Ганночку замужъ. Нехай: иде межи людъы, коли у насъ не хоче бути!»—«Нехай ёи Богъ благословить и добру долю дастъ.»—«А що мы, жѣнко, дамо ёй?»—«А що жь? Скрыню, перыну и корову....» Потомъ спрашиваютъ болѣе для приличія о согласіи своей дочери на дѣлаемое предложеніе, на что почти всегда слышится одинъ отвѣтъ: «Колѣ хотять того батько и matka, я пойду» (Руда, Брестск. Уѣз. Гродн. Губ.) Если родители соглашаются, то начинается малое угощеніе, пьютъ «первую или малую горѣлку,» «запиваютъ дѣвку.» Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Борис. Уѣз. Минск. Губ.) хозяйка сейчасъ же на закуску печетъ яичницу; если водку пьютъ всё домашніе, то яичницу ѣдятъ только сваты, родители невѣсты и сама невѣста. Закусивши, когда уже и водка, привезенная сватомъ, выпита, мать невѣсты беретъ локоть ($\frac{3}{4}$ аршина), или два, тонкаго полотна, обертываетъ имъ оную бутылку, и въ такомъ видѣ отдаетъ свату.

(Орѣ. рев. Вогуз. 351.)

Во всякомъ случаѣ родители невѣсты просятъ у сватовъ маленькой отсрочки, на какую ни будь недѣлку, пообстоятельнѣе подумать о сдѣланномъ предложеніи: въ сущности же такъ дѣлается для того, чтобы показать всѣмъ, что дѣвка ихъ—товаръ непростой, не такой, который сразу отдаютъ, а тѣмъ болѣе, чтобы потомъ не сказали и не подумали, будто съ нимъ напращивались. Этимъ и оканчиваются собственно «допытныи,» «малые запоны.»

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «допытины», «запойны» совершаются проще. Предварительно переговоривши съ родителями невѣсты, «сваты», заащисись закуской и водкой, въ условленный срокъ являются къ нимъ въ домъ. Поздоровавшись, садятся за столъ. Невѣста въ это время идетъ собирать своихъ подругъ, а другой кто ни будь изъ хаты отправляется просить на «запойны» крестныхъ родителей и родственнико въ невѣсты. Когда гости соберутся, подруги вводятъ въ хату молодую съ слѣдующею пѣснію:

А то жъ табѣ Ваемилька (примѣрно—имя свата)
 Увядзюнка Агатка;
 Кали яѣ любишь, дай пирогъ;
 Кали ня любишь, то вонъ за парогъ;
 Ня хвали ея, што у насъ бывъ,
 Што нашей Агатки ня любявъ.

(Opis. pow. Woguz. 289.)

Пожатиємъ руки свать привѣтствуетъ молодую, подаетъ пирогъ, сыръ, жаркое, водку цаливаетъ въ мису, куда кладеть нѣсколько копѣекъ. Подруги молодой собирають все это и, вмѣстѣ съ невѣстой, уходятъ въ другую комнату, гдѣ взаимно подчуются и поють молодой пѣсни:

Ой гаросе, гаросе!
 Съели цябе хороше,
 При лузѣ, при дарозѣ,
 При битомъ гаспинцу.
 Ай ты, врасня Агатка,
 Заручили цябе хороше,
 При раднѣ и племени,
 При раднымъ татечку.

(Opis. pow. Woguz. 289.)

Или;

Пріѣхали заручники:
 Чаму яни безъ дудечки?
 Агатка не удавачка,
 Захочець пагуляць.

Татковъ дворъ ривноваць
 Ножками, астрожками,
 Чорными чабатами,
 Зъ маладыми сватами.

(Opis. pow. Borys. 289—292.)

Поютъ еще и многія другія пѣсни. Сваты со стороны молодого закусываютъ въ это время съ другими гостями, и потомъ расходятся домой.

Рѣдко бываетъ, что родители невѣсты отказываютъ сватамъ. Они говорятъ тогда, что дочь ихъ еще молода, что ей не по силамъ еще «ни воды принеси, ни хлѣба замѣсиць;» что у нихъ нѣтъ никакого голубка; или же, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, наливаютъ, виномъ боченокъ, принесенный сватами, что служить знакомъ отказа; въ случаѣ согласія боченокъ насыпаютъ рожью. Если бы случилось, что отказъ послѣдовалъ уже послѣ «малыхъ запоинъ», тогда родители невѣсты обязаны возратить сватамъ понесенныя издержки (20 грошей въ Борисовск. Уѣздѣ). Когда родители невѣсты дадутъ свое окончательное согласіе, тогда въ первое Воскресенье отецъ жениха сѣбшитъ дать въ церковь «на первую заповѣдь» (оглашеніе). При оглашеніи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ присутствуютъ женихъ и невѣста съ родителями. Обыкновенно въ это же Воскресенье вечеромъ выбираютъ, такъ называемая, «дѣвоснубы», «влюбины», «злюбины», «оглядины», «смотрины», «великіе заручины», «великія запоины», «великая горѣлка.» Здѣсь въ первый еще разъ, такъ сказать, встрѣчаются женихъ и невѣста въ настоящей свой роли; теперь поближе они знакомятся, присматриваются другъ къ другу. Отецъ придаетъ сыну кого ни будь изъ родственниковъ, который называется «дружка», даетъ имъ «гостицы», главнымъ образомъ водку и «колачи.» Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ дѣвоснубамъ готовятъ нарочно колачи—небольшія, въ два, три, фунта булки хлѣба—поболѣе обыкновеннаго, и тутъ предугадываютъ какъ бы будущее счастье жениха. Одну изъ сырыхъ еще булокъ называютъ именемъ жениха. Если во время печенія «колачъ» Ивана, или Степана, потрескается, значить и счастье жениха будетъ непрочное, непостоянное. Въ противномъ случаѣ можно быть спокойнымъ относительно своей будущности. Приготовивши все нужное, женихъ съ дружкой отправляются въ «дѣвоснубы.»

(Камецець, Врест. Уѣзда Гродн. Губ.)

Точно такъ же, какъ при «допытѣнахъ», сватья, теперь женихъ съ дружкой, не входятъ въ домъ невѣсты, а останавливаются у окошка и начинаютъ, что называется, тары-бары: то въ видѣ купцовъ дружка просить позволенія войти въ домъ переночевать; то, представляя собою какъ бы заблудившагося съ дороги, просить указать прямой путь къ извѣстному пункту; иногда же прямо спрашиваетъ: «Чи не маеце целушки да прадажи?» — «Маємо,» отвѣчаетъ отецъ невѣсты, «и просимо васъ да хаты.» Дружка съ женихомъ входятъ, крестятся, здороваются и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ говорятъ: «Мы гости присланы, чтобъ столы были засланы;» хозяева отвѣчаютъ: «А мы гостей принимаемъ и столъ застилаемъ.» Дѣйствительно застилаютъ столъ, дружка съ женихомъ ставятъ водку, кладутъ калачи; все остальное, необходимое для угощенія, должно быть приготовлено со стороны невѣсты.

Сама невѣста къ этому времени окружена уже бываетъ особливо дружиною, постоянными подругами, извѣстными подъ именемъ «большанокъ,» «приданокъ.» Эти подруги приданутся невѣстѣ сейчасъ же послѣ «малыхъ запоинъ,» если только послѣдовало согласіе родителей невѣсты на бракъ. «Большанки,» если можно, живутъ у невѣсты до времени брака, развлекаютъ ее, помогаютъ ей въ приготовленіяхъ къ свадьбѣ, поютъ разныя пѣсни:

Наша, Тацянка, наша,
 Паймала сабѣ пташа,
 Да у зяленамъ жицѣ,
 У чирвонымъ аксамицѣ.

Или:

Ой цѣмка, цѣмка на дварѣ,
 Ой цямнѣй таго за дваромъ:
 Баяры варота аблягли,
 Пасыпали золота на скамьи,
 Да ходзяць, паходзяць па двору,
 Да папросюць Тацянки;
 Тацянка татулька прасила:
 «Даражи, татулька, даражи,
 Да сто чѣрвонцавъ запраси;
 Тагды мяне, маладу атдаси.

На «дѣвоснубы,» кромѣ дружины жениха, собираются также родные, близкіе, добрые сосѣди, знакомые невѣсты, и начинается

угощѣніе. Угостившись немного, дружка начинаетъ требовать, чтобы невѣста усѣлась возлѣ жениха. Онъ говоритъ отцу невѣсты такъ: «Свату, за ще мы пьемъ?» Въ отвѣтъ на это собравшіяся женщины начинаютъ пѣть слѣдующія слова:

Заручоная Марися,
Заручивъ ей Господь Богъ,
И батенько навперудъ,
Заручила ей и матюнка...

Или:

Гнися, калино, гнися,
Ты (имя жениха) не журися:
Мы калину наломимо
(Имя невѣсты) намовимо,
Съ тобою посадимо.

(Камянецъ Брестск. Уѣзда Гродн. Губ.)

Невѣста наконецъ садится около жениха, и продолжается угощѣніе. По окончаніи всего гости встаютъ, благодарятъ Бога, хозеевъ, и расходятся. Невѣста въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (въ другихъ. мать ея) беретъ одну изъ бутылокъ, въ которой женихъ приноситъ водку, наполняетъ ее рожью, обвиваетъ утиральникомъ, краснымъ поясомъ и подаетъ дружку. Этими она заявляетъ, чтобы у нихъ всего въ изобиліи такъ, какъ полно она насышала бутылку. Тутъ же женихъ съ невѣстою мѣняются обручальными кольцами. Невѣста теперь проводитъ жениха; за нею идутъ женщины и поютъ:

Сонько за хмару заходить,
Молода молодого проводить.

За такую услугу женихъ даритъ невѣсту деньгами, поцѣлуемъ, и расходятся. Это «дѣвоснубы», «оглядины», «вторая или великая горѣлка.» Теперь отецъ жениха даетъ въ церковь на другую «заповѣдь», и родители невѣсты не могутъ уже отказать жениху, какъ могли это сдѣлать послѣ «доцытынь.»

«Дѣвоснубы», равно какъ и другіе свадебные обряды, сопровождаются пѣніемъ разнаго рода многочисленныхъ пѣсенъ, которыя желающіе могутъ найти въ упоминаемыхъ нами сборникахъ.

Съ своей стороны, какъ въ настоящемъ случаѣ, такъ и въ другихъ, мы приводимъ изъ нихъ только коечто для примѣра, или же будемъ заносить пѣсни, наши собранныя и нигдѣ еще не напечатанныя.

«Дѣвоснубы» повторяются иногда еще въ Четвертокъ передъ свадьбою. Тогда они извѣстны, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, подъ именемъ «змовынъ.»

Является женихъ съ родителями и сватьями и привозитъ съ собою: колбасы, жаркое, сыръ, хлѣбъ, водку. Молодой черезъ столъ подаетъ руку свату, отцу и матери дѣвушки; невѣста дѣлаетъ то же самое, и потомъ здоровается съ суженымъ. Начинается угощеніе. Сваты пьютъ между собою; женихъ, въ свою очередь, пьетъ къ невѣстѣ. Выпивши, онъ кладетъ въ рюмку деньги, наливаетъ водкой, и передаетъ все это невѣстѣ; принявши предлагаемое, она опрокидываетъ рюмку на столъ, беретъ оттуда деньги, а рюмку снова наливаетъ водкой и, закрывъ ее платкомъ, передаетъ жениху. Женихъ выливаетъ водку, а невѣсту даритъ деньгами. Назначаютъ членовъ свадьбы. Молодые вторично мѣняютъ кольца, каждый получаетъ свое. Присутствующіе поютъ: «Свекоръ перепивас, переглядае, чи хороша невѣста, чи хороши приборы, чи низкіе уклоны.» (Срав. Бобровскаго: Статистика Гродн. Губ. 1832.—Коревы: Статистика Виленской Губерніи, 624).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Минской Губерніи Борисовскаго Уѣзда) «змовины» бываютъ гораздо сложнѣе и совершаются далеко торжественнѣе. Родители невѣсты стараются устроить, по возможности богатое угощеніе, на которое приглашаютъ чуть не всю деревню. Сама невѣста, въ сопровожденіи старшей «большанки,» ходитъ изъ хаты въ хату и, съ поклономъ до земли, запрашиваетъ всѣхъ на «змовины,» не исключая даже трехлѣтнихъ дѣтей. Родственники невѣсты, хотя бы жили далеко, обязаны быть на этомъ торжествѣ. Въ прежнее время, для пущей важности и торжественности, по сосѣдству съ домомъ, гдѣ происходятъ змовины, зажигали костры, или смоляныя бочки, что составляло довольно величественный видъ и по неволѣ привлекло множество посѣтителей.

Прежде всего приходятъ родные невѣсты, которые, до извѣстнаго времени, распоряжаются въ избѣ вмѣсто хозяевъ: особенно наблюдаютъ, чтобы посторонніе гости не заняли мѣсть, на назначенныхъ для родныхъ невѣсты, для молодого и его дружкины. Это въ высшей степени соблюдается строго, и нару-

шитель его подвергается надолго общему посмѣянію. Сами хозяева въ началѣ не показываются въ избѣ, но, вмѣстѣ съ дочерью невестой и большанками, остаются въ другой комнатѣ. Между гостями особеннымъ почетомъ пользуются: крестные родители невесты и ея бабка; въ случаѣ смерти послѣдней, ея мѣсто занимаетъ дочь, или кто ни будь изъ хаты; также «возило,» крестный отецъ жениха, привозящій свахъ, и особенно крестная мать; не говоримъ уже о ближайшей дружинѣ молодого и молодой.

Позже другихъ прѣзжаетъ молодой со сватомъ и дружиной. Всѣ они входятъ въ избу, уже наполненную гостями, и ни съ кѣмъ не здороваются, даже не снимаютъ съ головы шапокъ; только свать, легкимъ и важнымъ склоненіемъ головы (не обнажая ея) поздравляетъ съ торжествомъ для собравшагося общества. Послѣ этого идутъ въ конецъ избы и занимаютъ назначенныя для нихъ мѣста. Въ «кутѣ» садится молодой, возлѣ него свать, дальше два, или три, парня, «дружки» молодого, обыкновенно его родственники, потомъ «музыка» (скрипачъ), также непременно родственникъ жениха. Если бы даже случилось, что изъ всей его родни нѣтъ никого, кто бы сумѣлъ играть на скрипкѣ, дудѣ и т. п., тогда названіе «музыки,» съ тѣмъ вмѣстѣ и всѣ почести, сопряженныя съ этою свадебною должностію, предоставляются одному изъ его родственниковъ. Этотъ уже титулярный, такъ сказать, «музыка» одождаетъ гдѣ ни будь скрипку, или другой инструментъ, и передъ началомъ пляски проводитъ примѣрно разъ, другой, по скрипкѣ, и за тѣмъ передаетъ ее кому ни будь, понимающему дѣло.

Когда болѣе почетные гости усядутся, свать то съ тѣмъ, то съ другимъ, начинаетъ разговоръ. Но за отсутствіемъ пока еще хозяевъ, все это идетъ нескладно, вяло; больше всего царствуетъ молчаніе. Тогда свать прерываетъ его, говоря: «Що гета? А гдѣзъ сваты? (свать молодого этимъ именемъ въ свою очередь называетъ родителей невесты). Чи жъ гасцей ня чекали?» Съ этими словами онъ выходитъ въ сѣни, гдѣ, конечно, встрѣчаетъ и хозяевъ: «Хвала жъ Богу (говоритъ онъ): каго шукали, таго спаткали; просимъ, канечно просимъ, да хаты.» «Да не потребенъ я тамъ» (отвѣчаетъ хозяинъ).—«Аде жъ просимъ, пане сваце.» Когда происходятъ эти ушрашиванья, молодой, со всею своею дружиной, выходитъ изъ избы и повторяетъ просьбу свата. Съ противной стороны продолжается упорство, отрициванье. Между тѣмъ нѣсколько женщинъ, вы-

завали изъ другой комнаты молодую съ «большаками,» вводить ее къ гостямъ. Поддерживаемая своими подругами, она каждому дѣлаетъ поклонъ въ поясъ: подходитъ потомъ къ одной изъ замужнихъ женщинъ, и проситъ ее принять, вмѣстѣ съ «большанками,» участіе въ приготовленіяхъ ея къ свадьбѣ. Та сначала отнѣкивается, потомъ соглашается и поступаетъ въ число постоянныхъ подругъ, спутницъ молодой. Называется она «маладзицей.» Въ настоящемъ случаѣ это слово обозначаетъ не только замужнюю женщину, но и настоящую спутницу молодой.

Наконецъ и хозяинъ уступаетъ просьбамъ молодого и входитъ въ избу: За нимъ молодой съ дружиной, и садятся на своихъ мѣстахъ. Тогда женщины придвигаются къ столу и усаживаются напротивъ молодого: старшая «большанка» напротивъ свата, младшая напротивъ старшаго дружка, «маладзица» напротивъ музыки; или младшаго дружка и т. д. Напротивъ отца невѣсты, который сидитъ на послѣднемъ мѣстѣ (на первомъ—молодой), остается свободное мѣсто для ея матери. Теперь только она приходитъ еще въ избу и занимаетъ свое мѣсто. Сейчасъ же приносятъ водку и закуску. Хозяйка открываетъ угощеніе.

Наливши рюмку водки, она пьетъ здоровье свата; наливаетъ вторично, покрываетъ рюмку бѣлымъ платкомъ и подаетъ свату. Сватъ пьетъ къ молодой, та къ старшему дружку, обертывая, по примѣру матери, рюмку цвѣтнымъ, преимущественно краснымъ, платкомъ. Спрятавши платокъ, дружка, въ свою очередь, вторично пьетъ къ молодой; принявши рюмку и только «пригубивши,» невѣста подаетъ ее младшему дружку, предварительно обернувши рюмку платкомъ. Младшій дружка пьетъ къ «маладзицѣ,» та къ молодому: молодой къ старшей «большанкѣ, а та музыкѣ,» обернувши рюмку поясомъ работы молодой. Замѣтимъ здѣсь, что такихъ поясовъ инымъ невѣстамъ приходится раздавать во время свадьбы иногда до ста, и по тому нѣкоторыя дѣвушки съ девяти, или двѣнадцати, лѣтъ начинаютъ уже ткать поясы. Это ни болѣе, ни менѣе, какъ тесьмы, шириною въ два, или полтора, пальца. Для ихъ основы употребляются бѣлыя льняныя нитки, а на утокъ—цвѣтная шерсть. Между различными цвѣтами красному отдается преимущество у крестьянъ. Спрятавши поясъ, музыка пьетъ къ молодой; она до свата, тотъ до отца невѣсты, очередь заканчиваетъ молодой, отъ котораго рюмка переходитъ къ остальнымъ гостямъ, и начинается общая попойка.

Въ это время «маладзица» растилаетъ на столѣ бѣлый платокъ, на которомъ женихъ и невѣста складываютъ свои кольца. Тогда двѣ «большанки» съ одной стороны, а два дружка съ другой, берутъ платокъ по угламъ его и поднимаютъ выше головъ, а свать, во всеуслышаніе, произноситъ: «Вивать!» Присутствующіе должны вторить ему. Это повторяется три раза. За третьимъ разомъ молодлица беретъ кольцо невѣсты и вкладываетъ его на палецъ. Свать подобное дѣлаетъ съ кольцомъ жениха. Онъ же беретъ послѣ этого платокъ, прячетъ его, а молодой подаетъ башмаки. Легкимъ склоненіемъ головы молодая благодаритъ свата, беретъ подарокъ и съ презрѣніемъ бросаетъ его на землю. Ей подають вторично; она снова бросаетъ. Башмаки подають свату, который препровождаетъ ихъ невѣстѣ, съ замѣчаніемъ, что, молъ, данная мѣстность неровная, и по тому башмаки могутъ пригодиться. Но невѣста по прежнему три раза отвергаетъ подарокъ, и только за послѣднимъ разомъ передаетъ его на сохраненіе старшей большанкѣ. Устыдившись какъ бы своего поступка, она опускаетъ глаза внизъ, или же обращаетъ ихъ совершенно въ другую сторону, а «большанка» съ «маладзицей» поютъ:

«Ня, сядзи, Тацянка, бокомъ,
 Гета табѣ нѣ зъ нарокомъ;
 Сядзь сабѣ просцюсенька,
 Будзе табѣ милюсенька.»

Три раза повторяется эта пѣсня. Молодая наконецъ поднимаетъ глаза, а молодой подаетъ ей руку и встаетъ изъ за стола; другіе дѣлають тоже, выходятъ всѣ попарно на средину и открываея плиска. Постоянно играетъ музыка, по временамъ поютъ пѣсни, прбдлжается угощеніе: много всего свѣдается, а и того больше выпивается. Нужно помнить, что каждый изъ гостей приносить что ни будь выпить и закусить; кромѣ того, молодые парни приносятъ еще что ни будь особенное своимъ возлюбленнымъ и, въ общей суматохѣ, нерѣдко уводятъ ихъ въ особую комнату, гдѣ и угощаютъ. Пирь идетъ горой. Въ заключеніе бываетъ «вечеря», и всѣ расхдятся по домамъ. Во время «змовниѣ» уговариваются относительно времени печенія коровай, состава дружины молодого и молодой, кого и какимъ образомъ приглашать на свадьбу и почтивать и т. под.

(Оріс. pow. Вогіс. 293, 357—368.)

На канунѣ свадьбы, обыкновенно въ Субботу, вечеромъ, бываютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «заручины,» «сборная Суботка.» Это уже, какъ выражаются селяне, «начало весилля.» Къ этому времени, еще дня за два, родители невѣсты посылаютъ нарочнаго просить на свадьбу своихъ пріятелей. Посланное лицо (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно называется «просатый») приходитъ въ знакомый домъ и говоритъ: «Прошу на весилле. Просивъ (имя жениха и невѣсты) батько, маты, и я прошу. Прошу на хлѣбъ, на соль, на ще Бугъ давъ.» Или: «Прошу Бога да и васъ, будце ласкавы, придзице на весилле до насъ!» Часто просятъ они каждаго встрѣчнаго, поперечнаго. Но въ свадьбѣ, въ угощеніи, могутъ принимать дѣятельное участіе только тѣ, просить которыхъ заходили въ домъ. Остальные должны считать просьбу одною формальностію, приличіемъ. Сама невѣста въ это время тоже не сидитъ дома. Она ходитъ по всѣмъ домамъ родныхъ, сосѣдей, знакомыхъ. Войдя въ домъ, она прежде всего княняется хозяину дома, потомъ хозяйкѣ, и, если эти послѣдніе уже почтенныхъ лѣтъ, то цѣлуетъ имъ руки. Тотъ, кому кланяется, долженъ перекрестить ее, приговаривая: «Дай Боже счастливей!» старики говорятъ такъ: «Нехай табе, дзетка, Богъ благаславиць счасцемъ в долей!» У дѣвушекъ, если онѣ есть въ домѣ, невѣста проситъ лентъ на «строй» и приглашаетъ ихъ на свадьбу. Женихъ, кромѣ «свата» и «дружка», избираетъ теперь себѣ еще «маршала, чашника, старосту, возилу, кубельника, закосниковъ и др. Съ наступленіемъ вечера гости начинаютъ собираться въ домъ невѣсты. Молодые должны приготовить подарки: со стороны молодого уже непременно должны быть заготовлены бапмаки для молодой; послѣдняя пьетъ ему рубашку. Это въ крайности: если можно, подарки бываютъ гораздо сложнѣе.

(Чересы, Виленской Губ. Дисненскаго Уѣзда.)

Въ «Сборную Суботку», вечеромъ, въ домѣ невѣсты уставляется по срединѣ хаты столъ, накрытый скатертью, на немъ ставятъ кушанья, водку, пиво. Прежде всего собираются къ невѣстѣ званныя дѣвушки, потомъ сосѣди, знакомые, родственники. Въ пѣснѣ поется:

Ступлю я на калину,
Гукну я на родину:
«Збѣрайся, родочку,
Въ субботу зъ вечерочку,

Въ субботу пузенько,
 Въ недѣлю раненько,
 На новый дворъ,
 За тесовый стулъ,
 До Марися на весильяе!

Или:

«Чомъ ты, Ганночка, не вечерашь
 У своего батенька?
 Ой якъ пуйдешь а до чужого,
 Не будешь вечерати:
 Сами сядуть вечерати,
 Тебе пошлють по воду:
 Вѣдро велике, вода далеко,
 Ноченька темненька.»
 — Не журитесь, близьки сосѣди
 Ночкою темненькою:
 Ой есть у мене золотый перстень,
 Вѣнъ буде мнѣ свѣтити;
 Ой есть у мене молодъ Иванко,
 Вѣнъ буде мнѣ годити:
 Я за вѣдерце, вѣнъ за другее,
 Принесемо обоѣ.»

(Сборн. пам. нар. творч. ХСIV.)

Женихъ, съ своими дружками, обыкновенно не снѣшить приѣздомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ ожиданіи жениха, бываетъ, такъ называемый, «вѣнокъ.» Собравшіяся дѣвицы ставятъ себѣ особый столъ, садятся кругомъ него, невѣста приноситъ «руту», изъ которой ея подруги и начинаютъ вить ей вѣнокъ. Приступая къ дѣлу, онѣ испрашиваютъ передъ этимъ благословенія у родителей невѣсты: «Пане ойче, пани матко! благославице маладой вѣнокъ звиць!» Присутствующіе отвѣчаютъ: «Боже, благослави!» Это повторяется во второй и третій разъ. За третьимъ разомъ присутствующіе прибавляютъ: «Да же то радзи!» При витіи вѣнка дѣвицы поютъ:

А въ огородцѣ, а въ новенькомъ, зельечко зацвѣтае:
 Въ нашей дѣвонькѣ молоденькой весильяе зачинае,
 Бугъ же ей дае, допомагае,

Батенько докладае,
А ёще къ тому родина прибывае.

Или:

Иде Кузёмко до дѣвки,
Якъ ясный мѣсяцъ до зурки,
Пытаецца своего батенька, якъ до дѣвки говорити.
Батенько каже до него:
«Не говори ничего;
Есть у тебе маршалько для того!»

Или:

Да старое бердо, да старое бердо,,
Да новые начивниці:
Да вже жь минаются, да вже жь минаются,
Всѣ твои вечерницы.
Да старый свирень, да старый свирень,
Да новое будованейко:
Да вже жь минается, да вже жь минается,
Все твое гудянейко.

Или:

Да вѣнокъ виць, да вѣнокъ виць,
Да нашимъ маладымъ добро жиць.

(Верховичи, Слоним. Уѣзда Гродненской Губ.)

Или:

Ляцевъ виноградъ циразь садъ,
Разсыпавъ перейко на увесь садъ,
Малада (имя) хадзила,
Яна своихъ дзѣвочекъ просила:
— «Дзѣвачки мае, сястрицы,
Вы гета перенко збяриця,
Да мнѣ вяночекъ звиця,
Хоць не рувяный—парловы,
Кабъ бывъ до шлюбу гатовый.»

(Сборн. пам. народн. творч. въ СЗ. краѣ. ССLXXIV.)

Если невѣста сирота, ей поють слѣдующую пѣсню:

Знати Мариськи, що сиротоцька:
 И двурь узенькій, и стуль низенькій,
 Пошла сокола на украину, на свою родину,
 А сыву зозульку кь высокому небу по свою матульку;
 Ще зозулька не долѣтае,
 Матюнка вже промовляє:
 «Дай же мнѣ покой, сыва зозулько!
 Не могу встати, свему дѣтяти
 Вселякъ порякокъ дати:
 Сырая земля двери налягла.»

Или:

Знати Марисю, знати молоденьку,
 Що не батенько отдае:
 И стуль низенькій:
 И чаша меда не повненька,
 И родина не веселенька.

Или:

Ой нѣма, нѣма, Мариси дома,
 Пошла Марися до пана Бога
 Просити батенька (или матеньку) на весельечко.

Сирота невѣста поеть:

«Прошу тебе, татку, на весельечко.»
 —«Веселися, доньку, зо всѣми Святыми,
 Зо всѣми Святыми, зь людьми добрыми!
 Ой уже жь бо я за тремя замками:
 Первый замочекъ—зъ дощекъ дзочекъ,
 Другій замочекъ—рыжичій пѣсочекъ,
 Третій замочекъ—трава-мурава!»

Или:

Што дзень перадъ Богомъ,
 (имя) маточка,
 Яна у Бога проситца:
 «Боже, Боже,

«Пусци мяне зъ неба даловъ:
 Дробнымъ даждчемъ,
 У полѣ мыглицю,
 У травѣ расицю,
 Поглядзеци дзѣцяци,
 Ци харашо прибрана,
 Ци високо пасадзана.
 Прибрана якъ панета,
 Посадзана якъ сирота,
 Прецивъ кутняго аконца,
 Прецивъ яснаго сонца.

Или:

Хто тамъ ходзиць,
 На цемнымъ лѣсѣ гухая?
 Маладая дзѣвочка
 Сваей матачки шукая:
 — Выдзи, выдзи, мая маточка, да мяне!
 Нѣма у мяне парадочку безъ цябе.»
 «Я выйци, мае дзицятка, ня магу,
 Балиць мая галовочка, ня узниму;
 Зрабили добри люцзи до брыі домъ,
 Бязъ сѣначекъ, бязъ аконачекъ,
 Бязъ сонца.
 Нѣ скажу табѣ, маѣ дзицятка,
 Ни словца.»

(Сборн. пам. народн. творч. въ СЭ. краѣ СХСІІІ, ССХХХІХ.)

Свивши вѣнокъ невѣстѣ, начинають вить жениху его «дружкамъ», «подмлодію;» все это сопровождается пѣніемъ пѣсенъ:

А въ полѣ садочекъ неметанъ
 Яроу руткою оплетенъ;
 Нихто въ томъ садочку не бувавъ,
 Но одинъ (имя жениха) въ карты игравъ,
 И къ собѣ (имя невѣсты) намовлявъ:
 «Намовся (имя невѣсты), намовся,
 Мнѣ молодому быть женою,
 Моему батеньку слугою!»

Или:

Въ новомъ городѣ,
 По яруй рутцѣ
 Плакала (имя нев.), вѣночки, вьючи.
 Почувъ (имя жениха), по коня идучи:
 Чого, серденько, плачешь ревненько?
 —О якъ же бо мнѣ та не плакати:
 Въ тебе, молодого, родины много,
 Въ мене, молодой, подарковъ мало.»
 «Мое серденько, не плачь ревненько:
 Якъ я захочу, то й перескочу свою родину,
 Низкимъ поклономъ, покорнымъ словомъ.»

(Верховичи, Гродн. Губ. Слонимск. Уѣзда.)

Часто, въ перемежку съ пѣснями, играетъ доморощенная музыка и пляшутъ.

Наконецъ приѣзжаетъ и женихъ, въ сопровожденіи отца, «дружка», «маршалка» и многихъ другихъ. Его встрѣчаютъ съ почетомъ. Онъ не входитъ въ общую комнату, но оставаясь на нѣкоторое время въ сѣняхъ. Маршалокъ беретъ подарки, которые женихомъ назначены невѣстѣ и, взявъ за руку жениха, вводитъ его въ общую хату. «Нехъ бендзе-пахвалёный Езусъ Христусть!» говоритъ онъ (теперь говорятъ: «Слава Богу!»). «Ото панъ маладый абсылаецъ панну маладую тѣми падарками! Кабы были ласкавы и приняли.» Онъ кладетъ ихъ на кнутъ и подаетъ молодой. Молодая, вмѣстѣ съ свахами и дружками, дѣлаетъ, за такое почтеніе, глубокой поклонъ родителю жениха и маршалку, принимаетъ отъ имени молодого подарки и, на показъ всѣмъ, кладетъ ихъ въ видномъ углу комнаты. Въ свою очередь выступаетъ маршалокъ невѣсты и спрашиваетъ: «А чи юсць тутъ ацець пана маладого, matka и маршалокъ?» Противная сторона отвѣчаетъ, что есть (матери иногда не бываетъ). Маршалокъ невѣсты продолжаетъ: «Ото панна маладая абсылаецъ тѣми падарками атца, matku, маршалка, пана маладого! Кабы были ласкавы и приняли.» Молодому подается «рутьвяный вѣнокъ.» За честь женихъ дѣлаетъ поклоны родителямъ невѣсты, принимаетъ подарокъ отъ маршалка, и припиливаетъ его къ шапкѣ; остальные же вещи отдаются по принадлежности: если онѣ состоятъ изъ кусковъ холста, то

его перепоясываютъ черезъ плечо. По окончаніи этой обрядности начинается другая.

(Миръ, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Мы сказали уже, что еще заблаговременно уставляють среди хаты столъ различными кушаньями, водкой и пивомъ. Теперь, прежде чѣмъ усядутся за столъ, молодые должны еще трижды обойти кругомъ его. Жениху нужно взять невѣсту, но ее окружають «дружки», «бойarki» и не пускають; женихъ выкупаетъ невѣсту, оставляя «дружкамъ» по нѣскольку копѣекъ. Тогда оба «маршала» (жениха и невѣсты) подають молодымъ два бѣлые платка; за концы ихъ берутся женихъ съ невѣстой и три раза обходятъ кругомъ стола. За каждымъ обходомъ кланяются всему роду и получаютъ благословеніе: «Бугъ нехъ благославить!» Если есть музыка, то играетъ, или же поють:

Не вѣтеръ калину поломить,
 Дѣвонька коло стола ходить,
 За собою два анголы водить,
 Третѣго батенька своего:
 «Батеньку, сядь собѣ за столикомъ!
 Казали мнѣ анголы мои
 Уклонитися тобѣ:
 Батеньку, благослови долею!»

(Верховичи, Гродн. Губ. Слоним. Уѣзда.)

Совершивъ обхожденіе, маршалки указываютъ молодымъ на первыя мѣста за столомъ, и садятся вмѣстѣ съ ними; другіе поють

Летѣли гусоньки черезъ садъ,
 Кликали дѣвоньки на посадъ:
 «На посадъ, дѣвоньки, на посадъ,
 Стелите ковдры въ складный рядъ!
 Благослови, батеньку, я сяду,
 А не такъ, я пойду, якъ бачу,
 А не такъ, я сяду, якъ стою.»

Или:

Збурная сяд суботка,
 Збѣрала дѣвонька подружки,

Садовила она ихъ рядъ у рядъ,
 И сама сѣла выше ихъ,
 Гадала гадоньку тише ихъ,
 Казала: «Я замужь не пойду,
 Молодца не люблю.»
 Не уважай, батеньку, на тое,
 Замочи ячень на солодь,
 Уже я съ молодцемъ на словѣ стала.»

(Верховичи, Слон. Уѣзда Гродн. Губ.)

Пѣніе сопровождается иногда и музыкой, а за столомъ идетъ пированье. Если гостямъ можно сказать, съѣсть и выпить лишнее, то молодые должны соблюдать возможное приличіе, воздержанность. Угощеніе нерѣдко продолжается за полночь. Зная, что молодой четѣ придется еще приготовляться къ вѣнцу, маршалокъ молодого встаетъ изъ за стола, «дякуеть отцу, матери, сватовѣ и сватцѣ, за всѣ пожитки,» и съ женихомъ отправляется домой. Иногда поютъ:

До долу, вѣтечко, до долу,
 Пора намъ, гостоньки, до дому:
 Вже мѣсяць дорогу освѣтивъ,
 Господарь ворота отчинивъ;
 Лѣпшъ же намъ було не знатися,
 Нежь теперенька розстатися!

(Сбор. памят. нар. твр. въ краѣ ССѴІІ.)

Другіе гости нерѣдко остаются. Заручины кончились. Онѣ совершаются еще и такъ: Когда гости соберутся на званный вечеръ, то невѣста здороваεται съ ними за руку, черезъ хустку. Сейчасъ же начинается угощеніе, и отцу невѣсты поютъ:

Батюшка радненькій перапой пріймае,
 А мяне забывае,
 Я гетый перапой падъ столъ падлю,
 А тую чарочку а камень разабью,
 А гасцей за варота праганю.

Потомъ ту же пѣсню, съ перемѣной названія, поютъ матери. Послѣ этого, съ согласія родителей невѣсты, начинается въ домѣ

особый обрядъ. Сватъ ударяетъ илетью объ стѣну и говоритъ: «Пане ойче, пани матко, за благаславенѣмъ пана Бога всемагонцаго, пазвольце запалеваць въ своихъ княехъ!» При этихъ словахъ невѣста съ двумя дружками прячется въ клѣтъ. Сватъ подводитъ къ жениху одну дружку подъ видомъ невѣсты, потомъ другую, но женихъ не признается къ нимъ, а тѣ, получивъ отказъ, со стыдомъ возвращаются на свое мѣсто. Тогда сватъ подводитъ невѣсту, которая, будучи признана женихомъ, кланяется на всѣ стороны родителямъ и гостямъ, и садится за столъ по лѣвой сторонѣ жениха. Сватъ тогда испрашиваетъ благословенія Божія и родительскаго для обрученія молодыхъ. Родители соглашаются, а присутствующіе начинаютъ торгъ за вѣнецъ, который сватъ покупаетъ у старшей большанки, дружки. При этомъ поются разныя пѣсни, пѣтомъ слѣдуетъ обрученіе—обмѣнъ колець: все заключается ужиномъ, послѣ котораго гости отправляются по домамъ.

(Собраніе пѣсень, сказокъ.... Дмитриева, 182—184.)

Одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ въ ряду свадебныхъ обрядовъ Западнорусскихъ селянъ занимаетъ печеніе «коровая.» Пекуть коровой не вездѣ въ одно время: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на канунѣ свадьбы, въ другихъ—въ день самой свадьбы; послѣднее опять у однихъ совершается во время отсутствія молодыхъ, когда они отправятся къ вѣнцу, другіе пекуть его вечеромъ, по возвращеніи молодыхъ изъ церкви. Бываетъ и такъ, что у молодого пекуть коровой на канунѣ свадьбы, а у молодой въ самый день свадьбы. Однако «сборная субота,» о которой воспѣвается въ свадебныхъ пѣсняхъ, указываетъ, что печенію коровая слѣдуетъ быть въ Субботу, передъ Воскресеньемъ—днемъ свадьбы.

Обыкновенно на канунѣ печенія коровая дѣлается для него растворъ изъ муки. Для этого избирается нѣсколько дѣвицъ, большею частію нечетное число, и одна между ними получаетъ названіе «старшей коровайницы,» мастерицы, бываетъ всему дѣлу воротила. Иногда растворъ для коровая приготовляетъ крестная мать, или же старшая въ домѣ. Къ этому торжеству гостей созываютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слѣдующими словами, произносимыми подъ окномъ у хозяевъ: «Ой приступъ дай, Боже, приступъ къ нашему да начатку, счастливому короваю! Тебе, Боже, звеличаю; дай, намъ, Боже, счастливо, якъ у нашихъ прадѣдовъ было, якъ они рочиняли, Тебе, Боже, звеличали.» Начиная свое дѣло старшая коровайница запѣваетъ:

Ставьте дѣжу тесовую,
Несите воду кривичную,
Сыпьте муку пшеничную!

Среди пола ставится корзина, наполненная рожью; ее накрывают шубой, которая, въ свою очередь, служить основаніемъ для дежи. Для раствора коровайницы всѣ, поочередно, должны просѣивать муку, сыпать ее въ квашню и лить туда воду. Когда работа приходитъ къ концу, дѣвицы и парни становятся въ круговую около квашни; по слову старшей коровайницы: «Да хвала тобѣ, Боже, що роботку зробили, коровай рощинили!» остальные берутъ квашню, переносятъ ее въ другое, болѣе теплое, мѣсто, и потомъ всѣ бросаются на корзину съ рожью. Завязывается упорная борьба: парни стараются отнять корзину у дѣвицъ и забросить ее на печь, а послѣднія употребляютъ всѣ усилія не допустить этого; напротивъ, онѣ сами смятятся завладѣть ею и выкинуть за порогъ. Споръ часто оканчивается тѣмъ, что корзину разрываютъ на нѣсколько частей. Эта загадочная борьба имѣетъ для себя основаніе въ томъ, что если, по мнѣнію крестьянъ, парнямъ удастся корзину забросить на печь, дѣвицы не выйдутъ въ томъ году замужъ, и на оборотъ. Приготовленный растворъ остается до слѣдующаго дня.

(Еремичи Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

На завтра, по зову, собираются гости. Въ пѣснѣ поется:

Ой золото, Марися,
Ой походи по двору съ тихенька,
И уклонися своему батеньку зъ низенька,
А нехай батенько по селу походить,
А нехай вѣнъ жоночекъ попросить,
А нехай жоночки коровай изробять,
И зробивши, у красную пѣчь усадять!
«Славный нашъ короваю,
Скупый господарю,
Не стоій за дверами,
Неси бочку пива,
Барилко горѣлки,
Для нашей дѣвки!
А де жъ тая господиня що въ шубѣ?

Нехай шукае дочечцѣ кочюбы!
А де жь тая господня що въ хаты?
Нехай шукае до печи лопаты!

(Сбор. пам. нар. творч. въ СЗ. краѣ СС.)

Каждый изъ гостей долженъ принести что ни будь на коровай.

Ишли, ишли, гулонькою жоночки,
Несли, несли, по мисцѣ муки на коровай,
Моцный Боже, великій буде коровай.
Ишли, ишли гулонькою жоночки,
Несли, несли, по копѣ яицѣ на коровай,
Моцный Боже, жовтый буде коровай.
Ишли, ишли, гулонькою жоночки,
Несли, несли, по квартѣ соли на коровай,
Моцный Боже, солоный буде коровай.
Ишли, ишли, гулонькою жоночки,
Несли, несли, по фунту цукру на коровай,
Моцный Боже, солодкій буде коровай.

(Сборн. пам. народ. творч. въ СЗ. краѣ СС.)

Или:

Зѣ суботы на нядзѣлю
Сабралась Ганначки радзина;
Знясли жь яны семь ситѣ муки на каравай,
Хвала Богу, великѣ будзе каравай!
Знясли жь яни семь фасокѣ масла на каравай,
Хвала Богу, пушонѣ будзе каравай.
Знясли яни семь сутѣ яецѣ на каравай,
Хвала Богу, румянѣ будзе каравай!

Гости наконецъ собрались; мука ссыпана въ одно мѣсто. Тогда снимаетъ дежу съ печи, куда большею частію ставятъ у крестьянѣ «росчину.» Несущіе дежу, обыкновенно три парня-коровайники, должны трижды обернуться кругомъ и поставить дежу на «крестѣ» напротивъ печи. Собравшіяся коровайницы принимаются за дѣло. Старшая изъ нихъ всыпаетъ нѣсколько принесенной гостями муки и, вмѣстѣ съ другими, начинаетъ мѣсить тѣсто. Предварительно она испрашиваетъ благословенія

для предстоящаго дѣла у хозяевъ, родителей жениха, или невѣсты, и потомъ у всѣхъ гостей. «Есть тутъ, говоритъ она, Богъ, бацько и matka радзоные, и сусѣдзи близкіе и дальніе, мужи статечные, бабки запечные, дзѣтки заплечные?—Благаславице красней паннѣ каравай учиниць (или замѣсиць)! Такая просьба повторяется троекратно, и въ отвѣтъ каждый разъ получается: «Боже, благаслави!» Коровайницы начинаютъ мѣсить тѣсто. Съ тѣмъ вмѣстѣ онѣ затягиваютъ пѣсню; вторять имъ всѣ присутствующіе:

Благаславице, людзи,
 Близкіе сусѣдзи,
 Гетаму дзѣцяцѣ
 Каравай замѣсиць
 Ручками бѣленькими,
 Перстнями заліценькими,
 Пѣснями вяселенькими!
 Ты зступь, Боже, зъ неба,
 Якъ намъ цабе треба.
 Памагавъ разчинаць,
 Памагай замясиць
 Ручками бѣленькими и проч..
 Не стой, Боже, за дзверами,
 Да сядзь, Боже, на куцѣ,
 Да дай долю маладзѣ!»—
 «Я у хату не пайду,
 Я за дзверами пастаю,
 Маладзѣ долю перешлю.»—
 «Зберайся, родзе,
 Да къ бѣленькаму караваю:
 Старыя бабы для падарку,
 Маладыя маладзицы пѣсни пѣць,
 Удалые малайцы каравай печь!»

Или:

У саду гольс высить:
 Самъ Бугъ каравай мясить,
 А Пречистая Мати
 Пришла памагати,
 А Ангѣлы пришли на пагулянье,
 А всѣ Святыи, люди добрые, на спамаганье

Или:

Самъ Богъ коровой мѣсить,
Пречистая свѣтитъ,
Ангёлы воду носятъ,
А насъ на весѣлье просятъ.

(Еремичи Минск. Губ. Новгор. У. Ср. Бобровскаго стр. 828, 833, и
Орив. row. Вогуз. 294.)

Когда коровайницы окончатъ свою работу, то дежу покрываютъ крышкой, чтобы замѣшанное тѣсто «всходило, подростало.» На крышку дежи ставятъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ блюдо, въ которое кладутъ для невѣсты подарки, кто какіе можетъ. Присутствующіе поютъ:

Хвала жь цабе, Боже,
Што мы дѣло зрабили,
Каравай замѣсили
Ручками бѣленьками и проч.
Четыре нажи въ дзежъ,
Пятая мая сила,
Да впала я въ дѣло,
Цѣло має впацѣло,
Гарѣлочки захацѣло,
Гарѣлочки акавитечки,
Да для мяне, працавиточки;
Гарѣлочки лащаночки,
Да для мяне, мѣщаночки....

Съ тѣмъ вмѣстѣ идутъ плясать и продолжаютъ пѣть:

У нашего гаспадара
Кудрявая галава,
Кудзярками патрясець,
Намъ гарѣлки принясець,
А кудзярками пакалоциць,
Намъ гарѣлки присалодзиць.

(Еремичи, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Къ такимъ умиленнымъ и очень понятнымъ напоминаніямъ хозяинъ не остается болѣе равнодушнымъ. На столѣ является водка, закуски. Гости взаимно почтуютъ другъ друга. Ко-

ровайницы, болѣе другихъ поработавшіе, принимаютъ не послѣднее участіе. Не забываютъ, конечно, онѣ и о своемъ короваѣ, и опять затягиваютъ пѣсню, всеѣмъ напоминая ея о причинѣ, такъ сказать, торжества:

Каравай у дзежи играецъ:
 Да века (крышка) падымаецъ,
 Каравайницъ жадаецъ:
 «Гдзѣ же май каравайницы?
 Чи ня меду зацилися,
 Што мяне забылися?
 Гаспадынячку вутка!
 Варочайся хутка:
 Вже на дварѣ вечерѣ,
 Каравай нашъ не печенѣ.»

(Еремичи, Минск. Губ. Новогр. У. Ср. Опис. pow. Woguz. 296.)

Когда, по расчету коровайницъ, тѣсто должно подняться, онѣ принимаются дѣлать изъ него самый коровай. Передъ этимъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, берутъ еще дежу и трижды обносятъ кругомъ того мѣста, на которомъ она стояла. Потомъ снова ставятъ ее на прежнее мѣсто. Тогда старшая коровайница, испросивши благословеніе у присутствующихъ, беретъ тѣсто изъ дежи, кладетъ его частями на столъ. Сама она дѣлаетъ большую булку. Остальныя коровайницы готовятъ, каждая для себя, деревянныя щепочки, раскатываютъ ими на пластинки тѣсто, и за тѣмъ вокругъ обвертываютъ имъ щепочку. Это, такъ называемыя, «коровайныя шишки.» Эти шишки коровайницы потомъ прикрѣпляютъ къ большой булкѣ. Въ такомъ видѣ булка хлѣба съ шишками называется короваемъ.» Кромѣ одного, большаго, главнаго коровай, иногда, въ видѣ полумѣсяца, который служитъ для взаимнаго обмѣна между молодыми, готовятъ еще нѣсколько другихъ меньшихъ. Одна булка большая носитъ названіе «перепечи.» Другая поменьше назначается для неvěсты, будущей хозяйки; съ ней она должна быть, когда въ первый разъ будетъ мыть бѣлье. Сосѣдки, замѣтивши ее, спѣшатъ помочь ей, за что она должна ихъ почитать. Кромѣ того, для каждой коровайницы и коровайн ка, для каждаго дѣтяти въ избѣ, необходимо спечь маленькую булочку. «Жизнь здѣсь кипитъ, говорилъ намъ одинъ учившійся селянинъ; всякая дѣвушка-коровайница спѣшить, одна передъ другой, сдѣлать

свое дѣло. Иногда тутъ играетъ музыка, но ужь непременно раздаются звонкія пѣсни коровайницъ:

Стукъ, стукъ на дворѣ!
Коровай гыблютъ на столѣ
Бѣлыми рученьками,
Золотыми перстеньками;
Пшуненько зурко,
Що зъ тебе добра много!

Или:

Бити короваю густо
Подъ бѣлюхно хусто,
Мѣсяцомъ окруженный,
Зорами осадзоный.

Или:

Лавы дрыгають,
Окна мигають,
Пѣчка регоче,
Бо коровай хоче.
Коровайницы зъ мѣста,
Накрали у кишени тѣста:
На диво имъ пришло,
У кишеняхъ тѣсто зышло.
А де жь тая першая коровайница?
Нехай иде въ вишневый садъ-виноградъ:
Въ вишнёвомъ саду виноградъ стелется,
Нашимъ дѣткамъ на добрый быть стелется.

(Сборн. пам. нар. творч. въ СЗ. краѣ ССН. Ср. Бобровскаго 829, 833.)

Чѣмъ больше коровай, тѣмъ лучше. Иногда для него беретъ такое количество тѣста, чтобы его едва можно было просунуть черезъ устье печи; если въ печи онъ увеличился еще, то, вынимая, не пожалѣютъ выломать изъ устья нѣсколько кирпичей. Доброй коровай, если кругомъ его сыръ, масло: тогда въ срединѣ его счастье. Удачное печеніе коровай предвѣщаетъ молодымъ хорошее хозяйство, добрый быть. По этому, приступая къ печенію, коровайницы въ самыхъ пѣсняхъ испрашиваютъ благословенія—помощи Божіей:

«Саступь, Боже, зъ неба,
 Якъ намъ цяперъ треба:
 Памагавъ замясиць,
 Памажи жь и всадзиць
 Ручками бѣленькими! и проч.

(Еремичи, Мнѣск. Губ. Новогр. Уѣзда.)

Приготовляясь садить коровай въ печь, коровайницы поють:

А де жь тая господыня домова?
 Нехай старається коровайничкамъ помела!

Самое сажаніе сопровождается опять рядомъ пѣсень:

Кабъ нашъ каравай червонъ,
 Кабъ нашъ женишокъ весѣль бывъ!

Или:

Нихто ня вгадас
 Што у нашѣмъ караваѣ?
 Ой я вѣдаю (дважды), што въ томъ караваѣ:
 Ой три бочки (дважды) да криничнай вады,
 Ой три копы (дважды) перепелячныхъ яецъ,
 Ой три фаски (дважды) да дравичаго масла.
 Дагадайся, добрыя людзи,
 Што въ гетомъ караваѣ есць?
 Дзеваць пудовъ муки,
 Аосьми каровъ масла,
 А лець полтараста.

Или:

Трицять бочекъ пшеничнай муки,
 А три бочки криничнай вады,
 Сорокъ копъ маладыхъ курей яецъ,
 И три фаски дравичихъ каровъ масла.

Или:

Да багать, Ганначка, татка твой:
 Добра пшеница, што въ навинѣ,
 Да великіе стирты у гумнѣ,
 Повныя аруды у клець;

Падышовъ каравай у дзежъ.
 Да чаму яму ня шумѣць?
 Хорошая учиняла,
 Румяная мясила,
 Госпада Бога прасила,
 Кабъ нашъ каравай удався.
 Стаяла каляна кольки лѣтъ,
 Сячеця, рубайца на загнетъ,
 Кабъ нашъ загнецець ясный бывъ,
 Кабъ нашъ каравай красонъ бивъ,
 Кабъ наша Ганначка вясялѣй была,
 Кабъ наша руточка зелянѣй была!

Или:

На дварѣ яворъ сякуць,
 А въ хаточку тряски лятудъ,
 Коля явору тресячки,
 Коля караваю маладчички,
 Перша квѣтка
 Нашая Ганначка.

(Верховичи, Гродн. Губ. Слоним. Уѣзда.)

Когда сажаютъ коровай въ печь, то при сажаніи за всякимъ разомъ ударяютъ лопатой въ верхнюю часть печи въ одномъ и томъ же мѣстѣ. За послѣднимъ ударомъ стараются сломать самую лопату, которою сажали коровай. Одинъ изъ парней-коровайниковъ во все это время постоянно ломаетъ вѣтки сухого вѣтника и «закладываетъ ихъ на загнетъ,» стараясь поддержать огонь, чтобы коровай былъ румяный. Это символическое дѣйствіе имѣетъ одинаковое значеніе съ описанною уже борьбою за корзину съ рожью. Имъ какъ бы выражается желаніе, чтобы дѣвушки въ этомъ году не выходили еще замужъ. Между тѣмъ занятія около коровай склоняютъ мысль коровайницъ рѣшительно въ противоположную сторону; по чему онѣ сердятся и поютъ:

Счарбатый, лунатый, загнетъ закладаецъ;
 Яму Богъ ня памагаецъ.

Коровайницы, наконецъ, и тутъ кончили свое дѣло, посадили коровай въ печь:

Расци, расци, каравай,
 Выше печи мѣдзяной,
 Выше стола залатой,
 Выше Гандзи маладой!

Онѣ начинаютъ нерѣдко ударять въ ладоши, и при этомъ въ пѣснѣ заявляютъ свое благодареніе Богу за оказанную помощь:

Дзякуемъ цябѣ, Боже,
 Што намъ каравай гожи!
 Хороше снарадили,
 И у печь пасаддили.

Или:

Хвала Богу, што мы дзѣло зрабили:
 Каравай усаддили
 Ручками бѣленькими и проч.
 Каравайницы пъяницы;
 Усе цѣсто накрали,
 По кишенямъ наклады,
 Ахъ, цемне пришло,
 У кишентѣ цѣсто падышло.
 Чи я жена гожа,
 Языкомъ дзежу глoжа;
 Чи я жена хяжа,
 Языкомъ дзежу лижа.
 Дайце мнѣ чарку,
 Я тую выпью;
 Дайце другую,
 Я выпью и тую.
 А за трецюю
 Я подзянкую.

(Еремвчи, Минск. Губ. Новогр. У. Ср. Орѣ. row. Вогуз. 297, 298.)

Опять начинаютъ пить, закусывать; иногда бываютъ пляски. Но мысль о короваѣ не покидаетъ коровайницъ, и вотъ онѣ снова затягиваютъ пѣсню:

Стану я у печи,
 Каравай глядзечи,
 Кабъ іонъ не атпекся,
 Кабъ іонъ не аджохся,
 Кабъ намъ соромъ не бивъ,
 Да у чужія людзи!

Или:

А въ печѣ сядячи:
 Де жь мои коровайночки, недбайночки!
 Знать они записиля,
 О мнѣ забулися!
 Духъ мене занимае,
 Часъ мене закропити,
 Одволоженьку дати.
 Ой хорошій коровай, хорошій!
 Знаю: ёго хорошеньки робили.
 Ой удамый коровай, удамый!
 Знаю: ёго удалыи робили.
 Ой бѣленькій коровай, бѣленькій!
 Знаю: ёго биленькіи робили,
 Ой червоный коровай, червоный!
 Знаю: ёго червоныи робыли.
 Ой бѣльматый коровай, бѣльматый!
 Знаю: ёго бѣльматыи робили... и т. д.
 Ой невдалый коровай, невдалый!
 Знаю: ёго не вдалыи робили.

(Собря. пам. нар. творч. въ С.-З. краѣ ССНН.)

Коровайницы начинаютъ наблюдать, не готовъ ли уже коровай, не пора ли его вынимать изъ печи. Сначала, для пробы, вынимаютъ нѣсколько «коровайныхъ шишекъ», или маленькихъ булочекъ. Часть отдають дѣтямъ, остальное служить закуской. Когда приходятъ время вынимать коровай, коровайницы поютъ:

Дайте намъ мѣчь,
 Розсѣчемо пѣчь,
 Выймемо дивный коровай.
 Часъ мене выимати,
 Часъ пшеничного въ комору ховати.

Или:

Запытався коровай у весильного кола:
 А де ж тая дороженька отъ пѣчи до стола?
 Чи баркунцѣмъ заросла,
 Чи калиной зависла?

Дѣйствительно, къ этому времени уже поставлена бываетъ на столѣ крышка отъ «дежи»; ея покрываютъ скатертью, уготовляя какъ бы достойное мѣсто для принятія коровай. Коровай съ торжествомъ вынимаютъ изъ пѣчи и кладутъ его на приготовленное мѣсто. Коровайницы поютъ:

Положили коровай на столъ:
 Столовые ножки зыблются,
 Всѣ люди дивуются,
 Що удався нашъ коровай,
 Да Пану Богу на хвалу,
 Добрымъ людемъ на славу,
 А пріятелямъ на диво.
 Вы, пріятели, глядѣте,
 И по таяру кладѣте.

Тутъ же на столѣ, около коровай, поставлено бываетъ иногда и блюдечко, куда всѣ, любопытствующіе посмотрѣть коровай, должны положить по нѣскольку копѣекъ. Иногда коровай украшаютъ цвѣтами. При этомъ поютъ:

Медведю волохатый,
 Господарю багатый,
 Бойся приступити,
 Коровая выкупити!

Когда совершится, такъ сказать, осмотръ коровай, его переносятъ изъ комнаты въ клѣтъ, кладовую. Передъ этимъ, вмѣстѣ съ короваемъ, дѣлаютъ иногда кругомъ въ избѣ троекратный обходъ. Впереди всѣхъ идетъ хозяинъ, за нимъ коровайница съ короваемъ, и потомъ остальные гости. Совершивши круговую, всѣ, въ прежнемъ порядкѣ, выходятъ изъ избы. Пѣсни сопровождаютъ это путешествіе:

Пытався каравай у перапечи,
 Да куда сцѣжка да клѣци?
 А ты, караваю, вярпаю,
 Часто у клѣци бываешь,
 Сцѣжки, дарожки, пытаешь,
 Вазьми пасашокъ, папирайся,
 Да сцѣжки у клѣтку дабивайся!
 Ой е сцѣженька да маленькая,
 Абы наша рутонька зеляненькая,
 Абы наша Марусенька маладенькая.
 Мы же были на караваю;
 Тамъ насъ частовали
 Пивцомъ маладзенькимъ.
 Медцомъ саладзенькимъ.

Или:

Зышло, вышло, соненько високо,
 Занесемо нашъ каравай далёко,
 Паставено на бочецъ, на житъ,
 «Пазволь, Боже, съ добрыми людзьми пажици!»

(Еремичи, Минской Губ. Новогр. Уѣзда.)

Коровайницы, а съ ними и всѣ присутствующіе, радуются, что печеніе коровай совершилось удачно; онѣ возвращаются въ избу, снова начинаютъ цировать, и при этомъ поютъ:

Цымбалы заграли,
 Коля оконъ забрацали,
 Ганначкина челядзь
 Захацѣла вечераць.
 Ляцѣли гусачки съ вырею,
 Да пыталися караваю:
 «Ци вже вы каравай спляскали,
 Чаму насъ, гусачекъ, ня ждали?
 Мы бы вамъ каравай спляскали,
 Крылками, ножками, спляскали.»

Приличная «вечеря» музыка и своеобразныя пляски завершаютъ наконецъ двухдневное торжество печенія коровай. Гости послѣ всего этого расходятся.

Читатель видитъ, съ какими разнообразными обрядностями совершается у селянъ печеніе коровая. Это разнообразіе, возвышенность и торжественность самой обстановки, иногда переносящей присутствующихъ въ міръ другой, невидимый, въ міръ Ангельскій, призываніе помощи Божіей и глубокое, сердечное, убѣжденіе коровайницъ (выражаемое въ пѣсняхъ), что вмѣстѣ съ ними работаютъ надъ короваемъ Самъ Богъ, и Пресвятая Дѣва, и Св. Ангелы, что вся природа какъ бы сочувствуетъ ихъ дѣлу и готова принести свою долю утастія, все это даетъ намъ право думать, что печеніе коровая, какъ мы сказали, занимаетъ одно изъ виднѣйшихъ мѣстъ въ ряду свадебныхъ сельскихъ обрядовъ. И мы по тому хотимъ еще нѣсколько остановиться надъ этими обрядами и хотя немного уяснить себѣ ихъ значеніе, внутреннюю сторону.

Коровай прежде всего имѣетъ то значеніе, что онъ служитъ для молодыхъ благословеннымъ хлѣбомъ. Хлѣбъ же вообще у Славянъ пользовался (мы говорили объ этомъ уже въ Вил. Сборн. 1 вып.) всегда большимъ почетомъ, считался священнымъ. Кто колетъ ножомъ хлѣбъ, тотъ, по Чешскому повѣрью, поражаетъ самого Иисуса Христа. У Чеховъ же говорятъ: оставлять хлѣбъ на ночь непокрытымъ грѣшно, по тому что хлѣбъ тоже спитъ. Въ Западной Россіи до сихъ поръ, во многихъ мѣстахъ, тоже сохраняется такое повѣрье, и по тому тамъ никогда не оставляютъ хлѣбъ не покрытымъ. Намъ случалось видѣть, что кто, по невнимательности, упускалъ на землю кусочекъ хлѣба, тотъ, поднявши его, долженъ былъ поцѣловать; вообще страшныя наказанія ожидаютъ того; по мнѣнію народа, кто небрежно обращается съ хлѣбомъ—Божіимъ даромъ.

Нѣкоторые ученые говорятъ, что хлѣбъ это одинъ изъ символовъ солнечнаго языческаго еще божества. Въ поговоркахъ, пословицахъ, до сихъ поръ сохраняется сближеніе хлѣба съ солнцемъ, съ небомъ: «Повна печь паляныць, по серединѣ кнѣшъ» (Загадка: мѣсяцъ и звѣзды), говорятъ въ Малороссіи и Западной Россіи. Или: «За хлѣсомъ, за пролѣсомъ, золота дѣжа кисне.» Или: «Червона дѣжа сходить.» По этому взгляду, уваженіе къ хлѣбу значить уваженіе къ насъ не со вчерашняго дня. Оно, конечно, поддерживается тѣмъ значеніемъ, какое имѣетъ хлѣбъ въ нашей обыденной жизни. Но и Христіанство не только не ослабило такого значенія хлѣба; напротивъ, оно его какъ бы осватило,

упрочило. Самъ Спаситель называетъ себя хлѣбомъ животнымъ, такимъ, вкусившій котораго, живъ будетъ во вѣки. Исторію самаго хлѣба потомъ стали какъ бы отождествлять въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ исторіею земной жизни Спасителя. Есть сказка, въ которой хлѣбъ противопоставляется змѣѣ. Змѣя, по этой сказкѣ, увидѣвши тотъ почетъ, которымъ пользуется хлѣбъ, и который выражается въ томъ; что хлѣбъ всегда лежитъ на столѣ, обернутый скатертью, съ завистью обращается къ хлѣбу (змѣидьяволъ завистникъ) и спрашиваетъ: «Какъ достигъ онъ такого почета?» Хлѣбъ отвѣчаетъ, что не даромъ досталась ему честь; что до этого онъ претерпѣлъ многія муки: его молодили, кололи, мѣсили, въ печи пекли, и за тѣмъ уже положили на столъ. Если такія высокія, священно-поэтическія, сказанія сохраняются о простомъ хлѣбѣ, то, конечно, тѣмъ болѣе величественною обстановкою должно сопровождаться чеченіе коровай—благословеннаго хлѣба. Это какъ бы зародыщъ, сѣмя, основаніе будущаго благоденствія молодыхъ; въ немъ, какъ въ зернѣ, скрываются задатки будущаго матеріальнаго и нравственнаго роста брачующихся: слѣдовательно, по взгляду сельянъ, чеченіе коровай—дѣло великое; при исполненіи его нужно соблюсти возможно торжественную обстановку, выполнить дарно сохраняющіеся обряды и повѣрья. Что же удивительнаго, если пѣсни сельянъ при настоящемъ случаѣ заставляютъ какъ бы самого Бога мѣсить коровай. Пресвятую Дѣву и всѣхъ Святыхъ, добрыхъ людей, помогать Всемогущему, а Ангеловъ носить воду? Конечно, то высокое значеніе, какое соединяютъ съ короваемъ, можетъ имѣть силу только тогда, если самъ Богъ, такъ сказать, участвуетъ въ немъ своимъ всемогуществомъ.

Съ другой стороны, коровай готовится для молодыхъ такихъ лицъ, которые оставляютъ одинъ образъ жизни и рѣшаются вступить въ новый, отличный отъ перваго и представляющій въ себѣ очень много таинственнаго, загадочнаго. То и другое отчасти въ настоящее время, быть можетъ, безсознательно изображаютъ въ обрядахъ и пѣсняхъ при чеченіи коровай. Г. Штебня говоритъ, что коровай—символь жениха; на короваѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выносятъ «очепокъ», которымъ покрываютъ голову молодой, въ знакъ того, что она становится замужней женщиной. Пѣсня, которую поютъ при этомъ случаѣ, намекаетъ, что виножникъ покровенія—коровай:

Эй, дагадайся, Ганнулё,
 На што каравай внесяно:
 На караваю павиване,
 На тваю касу пакрыване.

Другая пѣсня: «Пытаецца коровай у перепечи.» которую мы привели, кромѣ своего буквального указанія на древній обычай выносить коровай изъ избы въ клѣтъ, намекаетъ еще на то, что отъ коровай происходитъ потеря дѣвства. Рута—постоянный символъ дѣвства, и топтать руту значить лишать дѣвства; стежка, про которую спрашиваетъ коровай, идетъ къ клѣтѣ, по тому что тамъ кладутъ спать молодыхъ. Въ такомъ смыслѣ понимаетъ Г. Потенія и слѣдующую пѣсню,—разнорѣчіе первой:

Пытаець коровай у перепечи,
 Чи е стежка до печи?
 — «Ой е стежка, да маленькая,
 Муравочка зелененькая,
 Ой заросла да суничникомъ,
 А запцвѣла полуничникомъ.»

Трава значить дѣвица, дѣвство; суница (клубника), полуница (земляника), по всей вѣроятности,—то же, перепечь—невѣста, коровай—женихъ: быть имъ вмѣстѣ въ печи. Въ такомъ глубоко знаменательномъ значеніи коровай мы должны искать причины, по чему изгортвление его сопровождается у селянъ роскошной обрядностью.

Свадьба, бракъ, у Западно-Русскихъ селянъ обыкновенно совершается въ Воскресенье, послѣ обѣдни. Молодые должны быть на тощакъ.

Рано встаютъ въ день свадьбы женихъ и невѣста. Отъ имени ихъ отправляется мальчикъ къ знакомымъ, сосѣдямъ, роднымъ молодымъ, и просить ихъ на «вѣнчанины» къ женьху и невѣстѣ. «Дружки» между тѣмъ, «сваты и свахи» занимаются нарядомъ молодыхъ. У молодой расчесываютъ волосы, заплетаютъ косу, завязываютъ кругомъ головы бѣлой платокъ, къ нему пришиваютъ множество разноцвѣтныхъ лентъ. По срединѣ платка

на головѣ укрѣпляютъ «рутяный вѣнокъ,» и по нему тоже пускаютъ рвзноцвѣтныя долгія ленты. Если отъ жениха получены подарки, состоящія въ платьѣ, то они непремѣнно должны быть надѣты теперь. Одѣтая, такимъ образомъ, невѣста съ дружиною отправляется сама просить на «весилье.» И жена, въ свою очередь, одѣтый въ новое платье (свитку, сапоги), съ рутвянымъ вѣнкомъ при шапкѣ, дѣлаетъ то же (каждый изъ нихъ, конечно, порознь). Пришедши въ чужой домъ, они говорятъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ: «Просивъ батько и мати, и я прошу на весилье, на хлѣбъ, на суль, на коровай, и на все то, що панъ Бугъ давъ.» Совершивши такой обходъ, каждый изъ молодыхъ возвращается во своя си. Тутъ они иногда застаютъ уже гостей, скоро, по крайней мѣрѣ, наполняется ими домъ жениха и невѣсты. Гостямъ предлагается небольшая закуска. Иногда гости приносятъ съ собою хлѣбъ, или пироги, который и кладутъ на столъ.

(Верховичи, Гродн. Губ. Слон. Уѣзда.)

Когда приближается время отправиться къ вѣнцу, въ домѣ жениха ставятъ по срединѣ столъ, на которомъ кладутъ хлѣбъ. Женихъ трижды обходитъ вокругъ стола, дѣлаетъ земной поклонъ передъ иконой, цѣлуетъ руку родителей, цѣлуется со всѣми присутствующими, и выходитъ изъ дому. Въ другихъ мѣстахъ этотъ обрядъ бываетъ сложнѣе, торжественнѣе. «Дружко» беретъ бѣлое полотенце, одинъ конецъ котораго даетъ молодому, а другою держитъ самъ. Потомъ онъ трижды обводитъ молодого кругомъ стола, и за каждымъ разомъ они кланяются въ ноги всѣмъ присутствующимъ, также хлѣбу, который лежитъ на столѣ. Послѣ этого иногда еще садятъ молодого на корзинѣ съ рожью, и при этомъ крестная мать постригаетъ ему волосы, а сестра припалываетъ ихъ нѣсколько восковой свѣчой. Присутствующіе поютъ:

Яначка братня на гумнѣ ходзиць,
 Да три сады садзиць, усе три хмѣлевые:
 «Війся, хмелю, війся да кола тычинки,
 Да усадь шишечкамі:
 Пастрягайся, Яначка, зъ ребяцкаго стану
 Да у мужескую славу!»

Послѣ этого женихъ выходить съ своей дружиной изъ дому и отправляется къ невѣстѣ.

(Ереничи, Новогор. Уѣзда Мин. Губ.)

Самые бѣдные селяне считаютъ священнымъ долгомъ отправляться къ вѣнцу не пѣшкомъ, а на лошадахъ. Женихъ иногда ѣдетъ верхомъ. Когда поѣздъ уже готовъ тронуться то, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, мать жениха беретъ «калачъ» и освященую воду, обходить трижды вокругъ телѣги, въ которой свали съ дружкой, а иногда и молодой, кропитъ всѣхъ священою Богоявленскою водою, и передъ лошадью кладетъ калачъ. «Возила» трогаетъ лошадей и всѣми мѣрами долженъ остерегаться, чтобы не коснуться «калача», въ противномъ случаѣ нужно ждать несчастія. Иногда же мать жениха, одѣтая шубой, вверхъ шерстью, трижды обѣгаетъ кругомъ лошадей, обсыпаетъ ихъ овсомъ и при этомъ поютъ:

Стояла рутонька вкрай плоту,
Друбненькимъ дощикомъ ульяна:
Ой, тамъ Иванко умывався,
Своимъ врагамъ кланялся:
«Ой, мои жь вите враги!
А не переходьте дороги,
А нехай перейде Господь Бугъ,
А муй батенько навперудъ!
Кропи но ты коня,
Кобъ Бугъ зносивъ дѣте,
Зъ великой дороженьки,
Съ чужой сторононьки,
Змежи чужихъ людей!»

(Сборн. пам. нар. творч. въ Св. краѣ. СХСV.)

Невѣста, ожидая прибытія жениха, уходитъ въ сосѣдній домъ, и возвращается только тогда, когда женихъ уже въ ея домѣ. Тогда родители невѣсты начинаютъ готовить ея «до шлюбу.» Ставятъ по срединѣ комнаты квашню, въ которую кладутъ хлѣбъ съ солью, и покрываютъ ее шубой вверхъ. Это вновь приготовленное мѣсто называется «посадомъ». Къ нему подходитъ невѣста съ своими подругами. «Дружки,» сначала у родителей невѣсты, а

потомъ и у всѣхъ присутствующихъ, испрашиваютъ благословенія посадить невѣсту «на посадъ»: «Пане ойче, пани маткò, панове сусѣдзи (говорять онѣ) благаславице маладую на посадъ посадзици!» Присутствующіе отвѣчаютъ: «Боже, благаслави!» Дружки при этомъ поютъ:

Павстаньте, баяре, веъ у рядъ!
Сядзятъ маладую на посадъ!

Сама молодая подходитъ теперь къ каждому гостю, не минуя ни стараго, ни малаго, и всѣмъ кланяется въ ноги. Въ пѣснѣ поется:

Хиляйся, калинка, хиляйся:
Кланяйся (имя невѣсты), кланяйся,
Старого, малого не минай,
У Бога долечки добывай!
За тое зганена не будешь,
У Бога долечки добудешь,
Старому, малому на двоичи,
Своему батюшку хоть трейчи!

(Сборн. пам. нар. творч. въ СЗ. краѣ ССЛXV.)

Если невѣста—сирота, присутствующіе отъ лица ея поютъ:

Низеньку головку клонючи,
Межи бояри пана ойца ищучи;
Я усѣ бояри перейшла,
Своего пана ойца не знашла;
Кинуся, падуся объ скамью,
Свою головоньку розобью,
Свои слезочки розолью,
Свою родинку розжалою.
Бѣдная моя головка у вѣночку,
Нѣтъ мойго пана ойца у родочку!
Бѣдная моя головонька у твѣтъ,
Нѣтъ мойго пана ойца на свѣтъ!

(Еремичи, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Невѣсту садятъ «на посадъ.» Присутствующіе поютъ:

Ляцѣли гусачки цѣразъ садъ:
«Чась табѣ (имя невѣсты) на посадъ.»

— «Што вамъ, гусачки, да таго,
Есць у мяне маточка для таго,
Яна мяне на пасадъ пасадзиць,
Яна мнѣ радочку парадзиць.» —
«Парадзиць радочку я рада,
Выправиць да шлюбу паѣду.»

(Сборн. пам. народн. творч. въ СЗ. краѣ. СLXXIII.)

Или:

Братъ сястру на пасадъ вядзе,
Сястра брату да ногъ падзе:
«Чѣмъ я братка дакучила:
Ци русаю касой,»
Ци сваей красатой?»
— «Ты мнѣ ня дакучила
Нп русай касой,
Ни сваей красатой:
Частыми госциками,
Што суботы ѣдзячи,
Цябе, маладой, пытаючи.»

(Тамъ же, ССLXVI.)

Теперь приходитъ братъ, или ближайшіе родственники (называемые «закосники»), и также испрашиваютъ благословенія у всѣхъ присутствующихъ «расплести маладой косу.» «Ёсць тутъ Богъ, бацько, matka?» и проч... Просьба повторяется три раза, и въ отвѣтъ получается: «Богъ благаславиць!» Закосники расплетаютъ косу, иногда поджигаютъ со всѣхъ четырехъ сторонъ ея волосы, дружка держитъ свѣчу, а подруга черезъ кольцо продѣваетъ небольшую пряди волосъ и, подпаливъ ихъ, отходить, а невѣста встаетъ съ «посада». Сидѣніе невѣсты на «посадѣ» представляется послѣднимъ, заключительнымъ дѣломъ пребыванія невѣсты подъ теплымъ крылышкомъ своей матери, ея прощаніе съ беззаботною, холостюю, такъ сказать, жизнію, и приготовленіе ко вступленію въ новый неизвѣстный міръ. Минута трогательная, вызывающая слезы. Если дѣвица выдержала свою роль, не уронивъ слезинки, ей тогда споютъ пѣсню:

Щто жъ тамъ за пташечка,
Чорная якъ галочка,

Усѣ поля зятала,
 Крыльцомъ ни махнула,
 Перца ни зранила?
 Што жь тамъ за дзѣвица,
 Пасадъ пярасѣдзѣла,
 Слѣзки ни зранила,
 Маточки ни разжалила.

(Сборн. пам. нар. творч. въ СЗ. краѣ. ССLXXII.)

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣлають еще такъ. Посадивши молодую на посадъ, вводятъ въ избу родителей и прочихъ родныхъ, а между тѣмъ поють. Закосники и маршалы приносятъ невѣстѣ вѣнокъ на салфеткѣ, положенной на тарелкѣ, а подъ салфеткой башмаки и подвязки для молодой. Въ Опшмянскомъ, Лидскомъ, Троцкомъ Уѣздахъ между закосниками и маршалами начинаются при этомъ продолжительные споры, иносказанія, двусмысленности, цѣль которыхъ допроситъ маршаловъ, за чѣмъ они пришли; тѣ, въ свою очередь, объявляютъ, что они отъ имени цѣлаго общества пришли поздравить молодыхъ. Чѣмъ богаче и знатнѣе свадьба, тѣмъ длиннѣе и утомительнѣе эти поздравленія.

(Виленск. Губ., Корева, 625.)

Бываетъ и такъ: когда молодой приближается къ дому невѣсты, ее готовятъ «садить на посадъ». Съ одной изъ «болышанокъ-дружекъ» она сидитъ на лавѣ. Въ это время входитъ въ избу братъ молодой съ пирогомъ изъ житной муки, ражкою воды и березовой вѣткой—тремя символами сельскаго жителя-бытья. При входѣ онъ останавливается. Завидѣвши его молодая, съ своею подругой, покрываются платкомъ и поють:

«А мой брахнецька, пашта увышовъ,
 Съ ржанымъ пирогомъ, съ дубовой ражкой,
 Съ пшоннымъ пивомъ, съ бярозавай розгой?»
 — «Ржаний пирогъ дзѣвкамъ падзялю,
 Съ дубовой ражкой у ягоды пайду,
 Пшоннаго пива подъ уголъ падлю,
 Зъ бярозавой розгой на паству паганю.»

Тогда братъ беретъ сестру, и ведетъ ее на посадъ. Присутствующіе поють:

Братъ сястру на пасады вядзець,
 Шовкомъ зямельку мяцець,
 Сытой паливаець,
 Съ сястрой размовляець:
 «Сястрица радная,
 Да ня будзь гордая,
 Да ня желѣй галовки, да кланяйся,
 Мамцѣ у ножки, няхай мамка знаець,
 Да обѣ долю угадаець!»
 — «Знаю, дзяцятка, знаю,
 Да обѣ долю ня угадаю,
 Дасць Богъ долю, дасць добрую,
 Хвала Табѣ, Боже!
 А кали якую проклятую,
 Ахъ моцный мой Боже!»

Братъ испрашиваетъ у присутствующихъ благословенія: «Ёсць тутъ Богъ, бацка и matka, хрещоные и родзоные, сусѣдзи близкіе и дальніе, мужи статечные и бабки занечные и дзѣтки заплечные, благаславице малую панну на пасады пасадыцы.» Въ отвѣтъ получается: «Богъ благаславицы!» Послѣ троекратнаго повторенія, молодая становится, съ своею подружкой, у порога (обѣ покрытыя платкомъ) и причитываетъ: «Добры вечеръ да у гету хату, мужомъ статечнымъ, бабкамъ занечнымъ, дѣткамъ маленькимъ! Сусѣди мае, да идзице ка мнѣ, на мае вяселье!» Невѣста кланяется въ ноги отцу и матери, испрашивая благословенія и причитывая: «Матечка мая! благаслави мяне на пасады сѣсьци, на Божія мѣйса, падъ высшимъ акномъ, падъ Божиимъ крыломъ, гдѣ Богъ разказавъ, гдѣ людъ разгадавъ!» Съ подобными причитаніями невѣста подходитъ къ каждому. Въ хатѣ идетъ пѣсеніе пѣсенъ.

Братъ между тѣмъ устроаетъ «пасады.» На лавѣ, за столомъ, напротивъ печи, растилаетъ кожухъ и, взявши молодую въ поясъ, три раза обертываетъ съ нею, и потомъ усаживаетъ на кожухъ. Къ этому времени прибываетъ дружина молодого. Подошедши съ житной булкой къ дверямъ дома, «дружка» говоритъ: «Добры вечеръ, пане сваце, и той свенцоной хаць, тому міру хрещоному! Приславъ сватъ до свата, сваця да сваця, маладый князь да маладой князи: ёсць тутъ панна заручона? Кабъ намъ была выдад-

зона! Чи чули?» Въ отвѣтъ получается: «Ня чули!» Получивъ за третьимъ разомъ утвердительное: «Чули!» «дружко,» въ кожухъ, вверхъ шерстью, съ плетью черезъ плечо, входитъ въ избу, кладетъ одинъ пирогъ возлѣ печки, другой на столъ, и тутъ же оставляетъ для подругъ невѣсты тройкъ (1½ коп.); онѣ поютъ:

Улезъ дружко у хату, на печь зазераецъ,
 Чи вяликъ гаршокъ каши, чи паядаюць
 Наши: адзинь кажець: «Мала!»
 Другій кажець: «Годзя!»
 Треци кажець: «Мавчи!»
 Бо загадаюць тавчи.

Дружко подходитъ къ молодой, и хочетъ взять ее. Подруги невѣсты поютъ «дружку,» указывая на тройкъ:

Бяри сабѣ гета,
 Буни сабѣ мыа,
 Кабѣ цябе жонка любяда,
 Кабѣ дзѣци пазнади,
 И бацькомъ назвали!

Наступаетъ своего рода торгъ и содряженная, съ нимъ толкотня, суматоха. Подруги невѣсты отгадываютъ отъ нея дружку, схватываютъ его за ноги, руки. При этомъ поютъ:

Верабей, дружко, верабей,
 Па суметнику паскававъ,
 Нагой шелягъ выжапавъ,
 Сваю дзѣвкѣ выкуплявъ.

Дружку дается наконецъ схватить невѣсту, и онъ три раза съ нею обертывается. Невѣста поетъ:

Дружко, дружко! ня варочай мяне!
 Я ня калода табѣ:
 Кабѣ я калода,
 У бару бѣ лежала;
 Кабѣ я бяроза,
 На мяжи бѣ стаяла,

Подруги невѣсты снова окружаютъ дружка, и обвязываютъ его полотенцами:

Звѣзали, дружка, звѣзали,
Гдѣ жь яго паймали?
Запився, дружко, запився
И на дружину забывся.
А гдѣ жь твая дружина:
Чи у полѣ падъ шатромъ,
Падъ бѣленькимъ палатномъ?

Поются и другія пѣсни. Кругомъ радость, веселье, хлопанье въ ладоши. Дружко по временамъ отзывается только къ подругамъ невѣсты: «Брашице, брашице!»

За тѣмъ прибываетъ и молодой. Изъ хаты выносятъ столъ и ставятъ у порога. Мать невѣсты, въ вывороченной шубѣ, выходитъ на встрѣчу молодому съ хлѣбомъ и солью. Ее окружаетъ дружина обѣихъ сторонъ. Съ полной чаркой въ рукѣ, теща встрѣчаетъ своего будущаго зятя: «Зяценьку! Пью на цябе полнымъ кубкомъ, добрымъ здаровьемъ: што мыслю сабѣ, то и табѣ,» и подаетъ молодому. «Зяценько» черезъ голову выливаетъ водку на землю; то же повторяется во второй разъ; за третьимъ разомъ молодой «пригубляетъ» рюмку, бросаетъ туда пять, или десять, копѣекъ, и снова передаетъ тещѣ. Она выливаетъ водку, а деньги забираетъ себѣ. Вся дружина входитъ въ избу, при многочисленныхъ разнообразныхъ пѣсняхъ; начинается общее угощеніе.

(Опис. пов. Вогъ. 305—318.)

Вставши съ «посада,» невѣста, подобно жениху, трижды обходитъ кругомъ стола, кланяется всѣмъ присутствующимъ, цѣлуется съ ними, цѣлуетъ руки родителей, падаетъ къ ихъ ногамъ. Подруги поютъ:

Благаславице, людзи,
Близкіе сусѣдзи,
Гетаму дзѣцяци
До шлюбу стаці!
Скачила Агатка зъ лавки да лавки,
Скланилася мамцѣ низка у ножки,
Корками зямельку парыла,

Слезками ножки памыла.
 Карыся, Агатка, старому
 Кланяйся и малому!
 Съ паклона галовка ня балиць,
 Старый и малый благаславиць.

Сама молодая причитываетъ:

Таткавъ куточекъ,
 Божій дамочекъ:
 Благаслави да шлюбу ступици!
 Кали ты благаславишь,
 Самъ Богъ благаславиць.

Получивши благословеніе, невѣста отправляется въ церковь. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ молодой передъ отъѣздомъ своимъ изъ дому посылаетъ невѣстѣ красную ленточку—знакъ, что она должна отправляться въ церковь, что самъ онъ уже на пути. Невѣста, получивъ такое посланіе, въ сопровожденіи своей дружины, «маршалка, свахъ, музыки или велелаго,» усаживается въ «фурманку» и ѣдетъ къ вѣнцу. Лошадьми править «маршалокъ.» При этомъ тогда поютъ:

Ойченьку муѣ рудненькій, перейдзи дароженьку!
 Ойченьку муѣ рудненькій, въ счастливу гадзѣноньку!
 «До шлюбу, дѣвонька, да шлюбу,
 Упади матюньци да нужокъ,
 Падыкуѣ дѣвонекъ за вѣнокъ,
 Красненькимъ маладцямъ за танокъ!»
 Дѣвоньки бывали,
 Маладци таночки наймали.

Или:

Мои милы вороженьки,
 Вступите зъ дороженьки
 Нашому молодому
 Ъхати до Божьего дому!
 Тамъ намъ ручки звяжутъ,
 Вѣрное словце скажутъ.
 Вѣрниѣ якъ батенька,
 Вѣрнѣйшее нѣжли матюнка.

Или:

Бѣжите, коньки сывы, невелики,
 На гору крутую, подѣ церковь святую!
 Перша квѣтонька — молода дѣвонька,
 Другая квѣтонька — молодой молодець.

Или:

Дзвонное дерево топулье,
 Якъ въ дѣсѣ стаяло, шумѣло,
 Дорогою везѣно — звѣнило,
 На двурѣ звездѣно — мувило,
 Мувило дѣвонькамъ въ недѣлку
 Навити вѣночковъ зѣ барвенку.
 Не плети косанки въ батужки,
 Наготуй ручничокъ подѣ нужки,
 Жовтую свѣченьку у ручки!»
 На бѣленомъ ручничку стояла,
 Жовтую свѣченьку тримала,
 Своѣму молодцѣви присягала,
 Якъ бубѣ слезоньки ронила,
 А въ Бога доленьки просыла:
 «Тутъ мене, Боже, споможи,
 И мого батюнка принеси,
 На святое новое подвурье,
 На записове заступье!»

(Верховичи, Гродн. Губ. Слон. Уѣзда.)

Или:

Разсыпайцися, горы,
 Разлятайцися, ущесы!
 Дзѣвачка къ вянцу ѣдзи,
 Ня доля спотыкая,
 Она зѣ доляй размавляя:
 «Доля мая, доля, калы ты добрая,
 Садзися са мной на возѣ!
 Доля мая, доля, калы ты якая,
 Плыви сабѣ зѣ вадою,
 Ня са мной, маладою!»

(Сборн. пам. нар. творч. въ СЗ. краѣ ССХСН.)

Или:

Пашовъ (имя) въ кадиновый догъ,
 Налаживъ калинки кольца могъ,
 Палаживъ (имя) на приполъ,
 Стада калинка буюци:
 — «Досиць табѣ (имя) гуляци,
 Пара на вазокъ сядаци,
 Ни на одну гадзиньку, на увесь вѣкъ,
 Ни на цябе одну, на увесь свѣтъ!»

(Тамъ же ССЛХХVII.)

Или:

Ходзила (имя) на падварейку,
 Прасила сваей маточки:
 «Ня позъни насъ пазьнѣнька,
 Выправляй насъ ранецька!
 Тамъ же насъ папы ждали,
 Церкви паадмыкали,
 Каберцы пазасцѣлали,
 Тамъ намъ руки звяжуць,
 Вѣрная слава скажуць,
 Съ чужою чужаницею,
 Съ вѣчнаю маладзицею.»

(Тамъ же ССЛХХVIII.)

Приближаясь къ церкви покують:

Нема попа дома,
 Поѣхавъ до Вельвова (до Львова)
 Ключики куповати,
 Церковцю одмыкати,
 Двое дѣтокъ вѣнчати....
 «Попе, попе, ойче нашъ,
 Отчини церковь противъ насъ,
 Звѣнчати дѣтокъ двое въ Божій часъ!»

Встрѣтити на дорогѣ другую свадьбу считается однимъ изъ величайшихъ несчастій. По дорогѣ женихъ и невѣста кланяются всѣмъ встрѣчнымъ. Когда проѣзжаютъ мимо мельницы, то, въ нѣ-

которыѣхъ мѣстахъ, мельникъ останавливаетъ воду, за что отъ молодой получаетъ поясъ.

Прибывши въ церковь, молодые слушаютъ обѣдню. По окончаніи ея «дружки» начинаютъ готовить для молодыхъ мѣсто. Передъ аналоемъ, по срединѣ церкви, разстилаютъ кусокъ бѣлаго холста; на немъ, во время вѣнчанія, становятся молодые. По краямъ его кладутъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, двѣ булочки хлѣба и нѣсколько копѣекъ денегъ, въ той мысли, чтобы въ будущемъ далъ Богъ изобиліе. Этотъ хлѣбъ, деньги, холстъ и еще коечто, отъ имени молодыхъ курица и пѣтухъ, остается уже въ пользу совершающихъ таинство брака. Чтобы въ будущемъ не встрѣчалось въ жизни особенныхъ препятствій, стѣсненій, свахи разстегиваютъ у молодыхъ нѣкоторыя застежки. Во время совершенія таинства обращаютъ вниманіе на то, какъ у молодыхъ горятъ свѣчи. Свѣтлое, ясное, горѣніе предвѣщаетъ имъ такую же будущность; въ противномъ случаѣ ожидаютъ бѣдствій, несчастій. Еще: у кого изъ молодыхъ сгоритъ большій кусокъ свѣчи, того жизнь значить сгоритъ скорѣе, т. е., онъ умретъ прежде своего друга. Если бы свѣча потухла, то тотъ, у кого это случилось, долженъ ожидать близкой смерти. Во время вѣнчанія невѣста иногда старается наступить, яко бы не значай, на ногу своего жениха; послѣ этого, по мнѣнію селянъ, уже непременно женихъ будетъ слушать свою жену. По совершеніи таинства невѣста, сходя съ холста, на которомъ стояла, тащитъ его ногой почти до дверей. Это для того, чтобы «вытянуть, моль, замужъ всѣхъ своихъ подругъ» (Гродн. Губ.).

Послѣ брака свадебный поѣздъ нерѣдко направляется въ корчму, гдѣ устроится маленькая попойка, отсюда уже ѣдутъ въ домъ жениха, или невѣсты. По дорогѣ раздаются веселые крики и пѣніе пѣсенъ:

Подякуймо подонькови,
 Нашему батенькови,
 Що наши дѣтки звѣнчавъ,
 Немного за шлюбъ взявъ —
 Штыры золотые
 За напіе молодые!

Другіе изъ поѣзжанъ, вмѣсто двухъ послѣднихъ стиховъ,
поютъ:

Литовскую копу
За дѣвоцькую косу.

Или:

А не вѣй, вѣтре, полемъ,
А вѣй, вѣтре, дорогою за мною,
Размотай мою косу по поясу!
Моя коса до пояса,
Шовкомъ заплетена,
Золотомъ окована.

Или:

Пріѣхала дѣвонька зе шлюбу,
Пала вона утовьюкою
Передъ своею матюнкою:
«Моя матюнка, роже,
Поздоровъ тебе, Боже,
Що ты мене породыла,
Хорошого сѣмьянина!
На мене попы глядять,
На мене дяки глядять,
На мене задивилися,
Въ косянкахъ помылилися.

Или:

Знати Кузѣмки, що звѣчаный,
На іотъ вѣночекъ перемѣняный;
Якъ до шлюбу ѣхавъ, бувъ зъ калиноньки,
А якъ зе шлюбу — зъ рутоньки.
Иде Кузѣмка зъ вѣнчалъничка,
Его батенько у воротъ стоить,
Бѣлый ручничокъ въ рукахъ держить,
Слезоньками обльвается,
Бѣлымъ ручничкомъ утѣрается,
Свого дѣтатеньки пытается:
«Що ты бачивъ, мое дѣтатко?»
— «Бачивъ я, батеньку, всѣ Святыи и Пречистую»

Пречистая вѣнки вила,
Мнѣ, молодому, въ ручки дала!»

(Верховичи, Слон. Уѣзда Гродн. Губ.)

Или:

Гаи розвивають,
Сады зацвѣтають,
Намъ поле радуе,
Намъ село дивуе:
Молодой Иванко,
Эъ шлюбоньку иде:
—«Ой якъ зачуеть, муѣ батеньку,
Муѣ голосокъ у полѣ,
Застилай столы тѣсовыи
Бѣлыми обрусамы,
Ой посади свою родиненьку
Коло тѣсова стола,
А я, молоденькій,
Буду кланятися
Старому и малому
И батеньку своѣму!»

(Сборн. пам. нар. творч. СХСѢІ.)

Когда брачный поѣздъ приближается къ деревнѣ, поѣзжане поють:

Не дивуйтеса, добры люде,
Що мы пузно идемъ зъ шлюбу:
Не было попувъ дома,
Ѣздили до Львова
Ключовъ покупати
Церковь одмыкати,
И дѣтокъ (имена жен. и нев.) вѣнчати.

Подъѣзжая къ дому родителей, молодые посылають нарочнаго-маршалка освѣдомитися: рады ли будутъ хозяева гостямъ? Маршалокъ трижды спрашиваетъ объ этомъ у родителей молодыхъ, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, даетъ знать о немъ, успѣвшимъ уже подъѣхать къ воротамъ дома, молодымъ. По заявленію маршалка, молодые вѣзжаются на дворъ; свахи поють:

Моя матюню утко,
 Чомъ не выходишь хутко,
 Чомъ насъ не витаешь,
 Чомъ насъ не пытаешь.
 Чи горазь мы шлюбъ брали,
 Чи вси прѣхали?

Тутъ выходятъ на встрѣчу «вытати» молодымъ родители, иногда въ вверхъ вывороченной шубѣ, поздравляютъ ихъ и почитуютъ пивомъ, или водкой; съ тѣмъ виѣстѣ они просятъ всѣхъ прибывшихъ съ молодыми откусать хлѣба-соли. Сваха и другіе поютъ:

Дайте кола,
 Ручнички до стола:
 Иванова (или Варварины) свадьба квокче,
 Обѣдати хоче!

Гости входятъ въ комнату и усаживаются за столъ. Первое мѣсто принадлежитъ молодымъ. Его иногда застилаютъ тоже вывороченной шубой. Въ Минской Губерніи, молодыхъ послѣ вѣнца, встрѣчаютъ еще и такъ: Мать молодой, надѣвъ на выворотъ кожухъ и шапку, съ хлѣбомъ, въ сопровожденіи мужа, выходитъ на встрѣчу, и отецъ говоритъ: «Ци есть тутъ войцець и матка и усеньки пріяцелє?... Благаславице маладую у хату ввесцш!» А молодая плачетъ и говоритъ: Ойченько мой радненькій! Чаму ка мнѣ ня выходишь, чаму мяне ня пытаешь, гдзѣ я, малада, бавилась? За этими словами родители просятъ «дзѣтакъ» въ хату, куда и входитъ весь свадебный поѣздъ. Женихъ даритъ свекрови деньги, и покупаетъ мѣсто за столомъ у брата невесты, который садится подлѣ нея. Хоръ поетъ:

Убралася цецца въ авчину,
 Хацѣла зяця злѣкати,
 Ня хацѣла дачки атдаци.
 Ой братъ ня братъ—Татаринь,
 Прадавъ сястраньку за талаяръ,
 А русу косаньку за шостаць (3 коп. сѣр.),
 Бѣло личко атдавъ такъ.

Или:

Зажги, матка, свѣчку,
 Выйдзи намъ на стрѣчку.

Прими дванхъ дэѣтакъ;
 Дванхъ адналѣтакъ!
 Яни будуць старацца,
 Штобъ табѣ падабатца;
 А ты, матка, учи,
 Штобъ добро было живучи!

(Минск. Уѣзда.)

Гости садятся такимъ образомъ: на куть садится отецъ молодого, рядомъ свать; напротивъ нихъ садятся молодые на услонѣ, заслонѣ (скамейкѣ). Въ другихъ мѣстахъ (Новогор. Уѣзда) молодой, съ своею дружбой, садится по одну сторону стола, а молодая, со своей и дружкойю, по другую, на скамейкѣ. Сваты поютъ молодымъ:

Альжбетка (Лиза) наша
 Слвила сабѣ пташа,
 Довга жь юнѣ налетавсе,
 Пакуль у клѣтку даставсе,
 Цяперь годзя (довольно) летаць,
 Треба клѣтки пильноваць (стеречь).
 Пильнуйце адзинь другова,
 А болѣй нивова!
 Такая наша рада (совѣтъ),
 Бо иначей будзе звада (ссора).

Начинается угощеніе. Отецъ беретъ бутылку водки и почитуетъ гостей, начиная съ зятя: «Ну, зятю, благаславлю васъ счастьемъ и житамъ, и бытамъ, и доугимъ вѣкамъ—будьце здоровы!» Зять отвѣчаетъ: «На здаровье!» Послѣ отца пьетъ зять, молодая и всѣ гости по три раза, а потомъ закусывають. Мать невѣсты ставитъ на столъ верещаку (жареная пара колбасъ, то есть, два вѣнка, на сковородѣ виѣствъ съ кусочками свиного сала). Сыръ изъ творогу, печено (жаркое) и пшонный пирогъ; закусившіе начинаютъ «гуляць» подъ звуки скрипки и бубна, а молодой, съ отцомъ и дружбой, уѣзжаетъ домой къ себѣ, на коровай. Собравшіеся гости у молодого не пускаютъ его въ хату, а онъ долженъ купить себѣ позволеніе войти. Онъ всѣмъ даетъ, по крайней мѣрѣ, по грошу; иначе его не впускаютъ.

(Собр. пѣс., сказ... крестьянъ СЗ. края, Дмитриева, 194 — 196)

Во время обѣда свать жениха постоянно долженъ занимать, развѣдать, собраніе; онъ почти не садится. Какъ полный распорядитель, пришедшихъ гостей онъ разсаживаетъ за столомъ, «подносить имъ чарки» и закуску. Потомъ обѣдаютъ. Молодымъ подаютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особо приготовленное для нихъ, кушанье, преимущественно яичницу, которую они ѣдятъ одною ложкою; передъ тѣмъ же молодой пьетъ здоровье своей жены, говоря: «Пью да цябе повнымъ купкомъ, щедрымъ сердцемъ, добрымъ здоровьемъ. Що мысля сабѣ, то и табѣ.»

(Корева, 621.)

Въ пѣснѣ поется:

Гдѣзъ бывъ, салавейка,
 Гдѣзъ была, зюзелька?
 Зляцѣлися яни въ адзинъ садочакъ,
 Въ адзинъ кусточакъ,
 Ъли калинки съ одной кадинки,
 Пиля вадицу съ одной криницы.
 Гдѣзъ бывъ (имя жениха),
 Гдѣзъ была (имя невѣсты)?
 Эѣхалися яни на одно падворье,
 За одно падворье, за одно застолье,
 Ъли разынки съ одного павмиска,
 Съ одного павмиска одной ложачкай,
 Пиля мѣдъ, вино, съ одного килишка.

(Сборн. пам. народн. творч. въ СЗ. краѣ, ССЛ. XIX.)

Послѣ обѣда начинается пляска. Пляску въ нѣкоторыхъ мѣстахъ непремѣнно долженъ открыть «развести» отецъ жениха, или невѣсты. По этому случаю поютъ слѣдующую пѣсню:

лѣйте водыци на хмѣлецъ,
 Разведи, батеньку, намъ танецъ:
 Ты (имя жениха, или невѣсты) дагадайся,
 Сваихъ падружекъ напраси,
 Свойго батенька вымѣни!

Женихъ остается недолго теперь у невѣсты, и съ своею дружиною отправляется къ себѣ въ домъ, а невѣста провожаетъ

его къ воротамъ, и получаетъ за это поцѣлуй и нѣскольکو денегъ. Дома у жениха тоже начинается попойка, угощеніе, пированье. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ послѣ свадьбы молодые ѣдутъ каждый въ свой домъ, и только вечеромъ женихъ прїѣзжаетъ къ своей невѣстѣ. Это зависитъ отъ того, гдѣ когда принято печь коровай.

(Верховичи, Слонимск. Уѣзда Гродн. Губ.)

На слѣдующій день, въ понедѣльникъ, женихъ отправляется къ невѣстѣ «въ сваты.» Его сопровождаютъ всѣ родные, вся брачная дружина. Съ собою онъ везетъ немалое количество разнаго рода припасовъ. При выѣздѣ «въ сваты» повторяются, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, тѣ же обряды, какъ и при отъѣздѣ къ вѣнцу. «Сватовъ» караулятъ въ домѣ у невѣсты: когда они подѣзжаютъ, то сейчасъ раздается крикъ: «сваты ѣдутъ!» «Сваты», во время дороги, поютъ:

Поѣхавъ Иванко до своего тетенька,
 Пуславъ послоньки впередъ себе до своего батенька:
 «Нехай батенько запасы мае,
 На дворѣ ворота поодчиняе,
 И новии стайни поодмыкае,
 Въ жолобы овса понасыпае,
 Кринычной воды поналивае!
 Въ мене коньки все румаки:
 Не кажу ходити по поплавонцѣ,
 Кажу стояти всѣмъ на стаенцѣ,
 Кажу имъ дати голого вувса,
 А пити имъ дати кринычной водици;
 Въ мене сватове всѣ боярове:
 Не кажу ходити по подворечкѣ,
 Кажу сѣсти всѣмъ на застулечку,
 Кажу имъ ѣсти дати пшеничного хлѣба,
 А пити дати зеленого вина.

Хотя иногда женихъ посылаетъ отъ себя впередъ посланца освѣдомиться въ домѣ у невѣсты, рады ли они будутъ гостямъ и, конечно, получить положительный отвѣтъ, но караульщики дѣлаютъ свое дѣло. Когда приближаются сваты, они ставятъ у воротъ лавку, застилаютъ иногда ее скатертью, кладутъ хлѣбъ-

соль и не пускають «сватовъ» и жениха на дворъ (родителямъ жениха свободный пропускъ) до тѣхъ поръ, пока не получатъ «подворотнаго,» — одну и больше бутылку водки. Въ домѣ невѣсты въ это время поють:

У гордаго цѣсця стаиць зяць за варатами,
 На ёго дожчикъ идзе, на ёго дробнюсерькій,
 На ёмъ сукни мокнуць, падъ нимъ коники охнуць;
 Выпла, выбѣгла красна Анулька:
 «Ойченько, соловейко, што за госця маешъ?
 Чомъ на двуръ ня пускаешъ,
 Чомъ за столъ ня упрашаешъ?
 — «Анулька, мое дзѣцятко, маладый разумъ маешъ,
 Што всѣго ня радаешъ:
 Якъ я ихъ на дворъ пуцу,
 Якъ я ихъ за столъ папрашу?
 Яни мѣдъ, вино пытаюця,
 Залатые кубки пабьюць
 И цябе, маладу, вазьмуць.

Когда женихъ дастъ «подворотное», его впускають на дворъ. Въѣхавши на дворъ, «друзжки» молодого отправляются въ комнату, а женихъ со свахой остаются на телѣгѣ.

(Бобровскій, 630.)

Еще при первой вѣсти о приближеніи «сватовъ», гости въ домѣ у невѣсты усаживаются за столъ; садится и невѣста, а возлѣ нея ея братъ. Женщины въ это время поють:

Наѣхала Литва, будзе зъ ними битва,
 Будемъ ваѣвати, Мариньки не давати.

«Сваты» обращаются къ брату, и просятъ его уступить свое мѣсто жениху; братъ соглашается, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы его сестра была выкуплена за извѣстную сумму. Нечего дѣлать: «сваты» соглашаются, даютъ отъ себя часть денегъ, а остальное доплачиваетъ женихъ:

Братику намѣстничку,
 Сядь собѣ у крислечку,
 Учись, брате, торговати,
 Якъ сестру продавати;

Не давай сестры отъ золотого,
 Отъ таляра битого!
 — «Осьмакъ слына сестра мила,
 За столомъ якъ калина.»

(Сборн. пам. народн. творч. въ СЗ. краѣ. ССІХ.)

Или:

Ой не есть то братикъ, — Татарчукъ,
 Що продавъ сестрѣнку за канчукъ,
 Бѣлос личенько за шостакъ,
 Русую косоньку дарма й такъ.

(Тамъ же, ССХ.)

Купивши для жениха мѣсто, «сваты,» вмѣстѣ уже съ родителями невѣсты, выходятъ встрѣчать жениха, который, какъ мы сказали, до сихъ поръ, вмѣстѣ съ свахой, оставался на телѣгѣ. Сваха теперь поетъ:

Ой знати, знати, що тѣсть багатый,
 Ой не выходить зятя витати,
 Зеленымъ виномъ, пшеничнымъ пивомъ!

Родители приглашаютъ всѣхъ въ комнату. Входя дружки жениха поютъ:

Отсунься, братику, отъ сестры,
 Вже жь бо я вудьнѣйшій, нѣжъ якъ ты:
 Я вже до церкви добжжавъ,
 И передъ Богомъ присягавъ,
 И передъ усѣми Святыми,
 И передъ боярами своими.

(Сборн. пам. нар. творч. ССХІ.)

Въ другихъ мѣстахъ дѣлается еще такъ. Когда уже придутъ «сваты» на дворъ, то входятъ въ сѣни дома, и маршалокъ отправляется въ самую избу, а остальные остаются здѣсь до времени. Маршалокъ беретъ съ собою булку хлѣба, кладетъ подъ него копѣйку, или грошъ, на верху кусокъ жаркого и, вошедши съ этимъ въ комнату, гдѣ сидятъ за столомъ собранные гости, здоровствуется съ ними и сейчасъ спрашиваетъ: «А чи ёсць тута-

ка нашей панны маладой вясёлый» (музыкантъ)? Получивъ утвердительный отвѣтъ, маршалокъ подаетъ «вясёлому» принесенные подарки. Музыкантъ благодаритъ: «Дякую атцу, матули, маладому, маладой, за гетый падарунокъ.» Маршалокъ выходитъ въ сѣни, и беретъ новые подарки для брата невясты, которую онъ стережетъ теперь. Подарокъ состоитъ тоже изъ булки хлѣба, подъ которою на этотъ разъ кладется около 20 коп. Та же передача подарка, и та же благодарность, съ указанными обрядностями. Снова маршалокъ идетъ въ сѣни за женихомъ, вводитъ его съ бѣлымъ платкомъ въ рукахъ, останавливается по срединѣ комнаты и говоритъ: «О то прошу, ойче, матко, о благословенство тѣмъ дѣткамъ першимъ посагомъ!» Изъ за стола всѣ отвѣчаютъ: «Бугъ нехъ благословиць!» Маршалокъ благодаритъ всѣхъ присутствующихъ за такія благожеланія, и трижды обводитъ молодого кругомъ стола. Послѣ этого останавливается и говоритъ: «Прошу ойче, матко и родзѣ коханий, тѣмъ дѣткамъ на устемцѣ!» При этомъ возглашеніи маршалка изъ за стола встаютъ всѣ сидѣвшіе, за исключеніемъ молодой и родителей, и даютъ мѣсто молодому и его дружинѣ. Молодой садится возлѣ невясты, остальные гости занимаютъ другія мѣста. При этомъ поютъ:

Колёсомъ сонико въ гору заходить,
Бокѣмъ (имя жен.) за стулъ заходить....

Когда всѣ усядутся, начинается угощеніе, обѣдъ. Въ концѣ обѣда женихъ даритъ короваемъ всѣхъ гостей.

(Верховичи, Гродн. Губ. Слон. Уѣзда.)

Привезенный коровай разрѣзываютъ на части; также дѣлятся и сыры, которые приезезъ съ собою молодой. Послѣ этого «сватъ», или «маршалокъ» беретъ тарелку, обернутую платкомъ. Поверхъ тарелки онъ кладетъ кусокъ коровай и нѣсколько частей сыру; съ ними онъ подходитъ къ каждому изъ гостей и говоритъ: «О то дариць бацько и маці и молодой N. короваемъ, Божіемъ даромъ.» Принимающій коровай: «Дзянкую ойцю и матцѣ, маладому и маладой за каравай, за Божій даръ. Кабъ Богъ давъ даждаць вяселья мойго сынка, чи дочушки, да кабъ я васъ въ вясело сці и въ радосці атдаривъ!» Одаривши всѣхъ короваемъ, свату подають на палкѣ бапмаки, иногда и чулки—подарокъ матери невясты. Сватъ передаетъ ихъ по принадлежности, и по-

лучаетъ благодарность. Другихъ гостей родители жениха дарятъ иногда холстомъ.

Теперь начинаютъ «сповывать» молодую, т. е., надѣваютъ ей на голову чепецъ, вмѣсто прежняго дѣвичьяго наряда, «строая» Передъ этимъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, мать молодого подстригаетъ накрестъ волосы молодой, положивши три пряди льну. Приступая къ «сповыванью», свахи снимаютъ съ головы лентъ, подбираютъ волосы къ верху, опоясываютъ ихъ волокномъ льнянымъ. Женихъ и вообще мужчины при этомъ не бываютъ: они уходятъ въ другую комнату. Самое дѣйствіе происходитъ слѣдующимъ образомъ. Приносятъ чепецъ, платъ (кусокъ холста) и шапку жениха и упрашиваютъ молодую надѣть все это, въ знакъ того, что она уже болѣе не дѣвица. Молодая, конечно, не соглашается. Напрасно которая ни будь изъ свахъ, подкравшись, надѣваетъ ей на голову принесенныя вещи, особенно стараются надѣть на невѣсту шапку жениха. Молодая сбрасываетъ шапку, желая какъ бы этимъ выразить, что она хочетъ оставаться дѣвницей. Такое дѣйствіе повторяется два раза:

На што мнѣ чапечь?
Я киву на печь;
На што мнѣ шапка?
Кину падъ лавку.

За третьимъ разомъ она старается выбросить все въ окно, ей это не удается, но, какъ бы насильно, на голову ей надѣваютъ чепецъ, обвиваютъ наметкой. Въ такомъ видѣ невѣста кланяется всѣмъ присутствующимъ. Свахи поютъ:

Хвала табъ, Боже: надѣли Агатцѣ чапечь,
Да ня кидай же яго на печь;
Уложили Агатцѣ шапку,
Да ня кидай же падъ лавку!
Чарнецъ Яночка, чарнецъ,
Да уложивъ Агатцѣ чапечь,
Да на чапчикъ наметку,
Прибравъ якъ лябѣдку.

Или:

Хвалилися свахи, свое дѣло зробивши,
Княгиню повывши:

«Пойди, батеньку, погляди,
 Якъ твое дѣтко вповыли.
 Повыли, розквитовали,
 Всѣ люде дивовали!

Въ другихъ мѣстахъ дѣлають еще и такъ: разбрасываютъ на головѣ молодой волосы, и даже подсмаливаютъ ихъ концы, въ знакъ того, что жена съ этихъ поръ не должна щеголять ими; смазываютъ волосы масломъ, иногда медомъ, чтобы жизнь новобрачныхъ была, такъ сказать, сладка, катилась, какъ говорится, по маслу; кладутъ на голову кусочекъ хлѣба и нѣсколько денегъ, желая этимъ изобилія, богатства въ будущемъ. Тутъ же надѣваютъ невѣстѣ на голову ченець, платъ. Свахи поютъ:

Ня скидай вѣнца, ня клалзи чапца!
 Скинь чапець на градзицы,
 Бо зробяць маладзипей!

Въ такомъ видѣ свахи стараются показать невѣсту молодому. Невѣсту, одну изъ дружекъ, сидящихъ за столомъ, покрываютъ простыней, вводятъ молодого и поютъ:

Ой вайдзи, вайдзи, паглядзи,
 Ци твая, ци ня твая:
 Што мы тваю жонку схавали,
 Да стару бабу паказали.

Входитъ молодой и, конечно, узнаетъ сейчасъ свою невѣсту, садится возлѣ нея. Когда женихъ сядетъ возлѣ своей невѣсты, тогда свахи, желая нѣсколько посмѣяться сами и позабыть другихъ, поютъ:

Да нашъ Яначка ня умѣ ни касиць, ни араць,
 Ни сваё Катрянки цаловаць.

При этомъ новобрачныя отворачиваются отъ своего мужа; послѣдній, однако не каждый, въ знакъ своей искренней любви, обнимаетъ ее и цѣлуетъ. Всѣ начинаютъ хохотать и кричать: «Браво!» Опять начинается угощеніе, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «перашой» и бываетъ раздача короваля со стороны невѣсты.

(Миръ, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Тогда начинаютъ пѣть присутствующіе:

Проступите, добрые люди,
Нехай до мене батенько буде,
Эъ великимъ даромъ и съ перепоемъ,
Нехай перепье счастѣмъ, здоровьѣмъ!

Потомъ начинаютъ дѣлить коровай, при чемъ поютъ:

Просылся коровай у Господа Бога и пана господаря:
«Ой часть мене, пшеничного, на столъ поставити.»

Или:

Ой въ погѣ, погѣ, вежа стояла,
Мурована и малѣвана,
А въ той вежѣ дружечка лежить:
«Встань, дружечко, не лежи,
Полень, полени,
Коровай, подѣли!»

Разносятся коровай съ такими же обрядностями, какъ при раздѣленіи коровай жениха. Верхнюю часть его, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, даютъ родителямъ молодыхъ, среднюю—гостямъ, основаніе—«вясѣлому.» Потомъ, въ знакъ почтенія, молодая, черезъ своего маршалка, надѣляетъ родителей жениха и его дружину подарками, состоящими, большею частію, изъ холста. Свахи поютъ:

Жалься, Боже, даровъ
Тѣмъ пышнымъ бояромъ:
Умѣють дары брати,
Не вмѣють дяковати,
Шапокъ изнимати.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не разносятъ коровай, а, подѣливши его на части, предлагаютъ желающимъ брать самимъ. Каждый, подходящій за короваемъ, долженъ положить нѣсколько копѣекъ. Въ это время молодая, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, опоясываетъ дѣтей поясами, которые она нагоговила до своего замужества.

(Городокъ, Вилен. Губ. Вилейск. Уѣзда.)

Когда совершилась раздача коровай, то начинается одареніе молодыхъ со стороны гостей. Женихъ и невѣста садятся за

столь. Передъ ними ставится чашка, куда всыпають горсть ржи и кладутъ кусочекъ хлѣба. Иногда берутъ крышку отъ дежи, кладутъ на ней суконную юбку, отецъ молодой приноситъ булочку хлѣба, немного соли и говоритъ молодой: «Дарую цябе, дзе цятко, хлѣбомъ, солью!» На хлѣбъ оставляетъ нѣсколько копѣекъ.

На гэта ни сподзѣвайце,
Да рано уставайце,
Адно другога пабудзайце!

Молодая отвѣчаетъ:

Да мой татечка,
Щира цябъ рабила,
Вѣрна служила:
Выслужила хлѣба кусочекъ,
Соли драбочекъ.

Подруги поють:

Добрая, Агатка, твая доля,
Што цябе татка дариць:
Счастлива будзецъ гадзина,
Цябе дариць уся радзина.

Сватъ, взявъ обернутую скатертью тарелку, выходитъ на средину комнаты и говоритъ: «Прашу на благаславене!» Этими словами онъ вызываетъ присутствующихъ подарить что ни будь молодымъ. Иногда сватъ говоритъ: «А чи ёсць тутъ ацець и матка панства маладыхъ? Прашу да перапою!» Родители молодыхъ встаютъ и кладутъ на тарелочку понѣсколько копѣекъ. Потомъ, взявъ палочку, сватъ ударяетъ ею по стѣнѣ и всѣхъ присутствующихъ вызываетъ поименно: «Иване, Кирило, Мелaho!» и проч., и всѣ они даютъ, что могутъ, въ пользу молодыхъ. Молодые кланяются дарящимъ ихъ. Если же сватъ не вызываетъ поименно присутствующихъ, а довольствуется общимъ заявленіемъ («Прошу на благаславене!») то каждый, желающій подарить новобрачныхъ, кладетъ деньги на тарелочку; сватъ относитъ ихъ къ молодымъ, вбрасываетъ въ чашку и говоритъ: «Дариць №. столько то серебромъ, или золотомъ.» Молодые благодарятъ,

Да мой брахненька (говорить невеста)!
 Дзянкую табѣ за дары вяликіе тваі:
 Каги жива буду да спамагуся,
 Цябѣ адгаджуся,
 А коли ня цябѣ, то дзѣткамъ тваімъ.

Подобныя рѣчи говорить она каждому изъ дарящихъ ее.

Кромѣ денегъ дарятъ молодыхъ и разными вещами: лошадыми, коровами, овцами и т. под. Кто намѣренъ подарить молодымъ какое ни будь животное, объявляетъ объ этомъ свату. Свать, въ свою очередь, провозглашаетъ вслухъ всѣхъ о такомъ намѣреніи. Кто ни будь при этомъ беретъ палку, или кочергу и, рисуя ею по полу, или по потолку, говорить: «Ёсць записано» (т. е., намѣреніе жертвователя); выливаютъ еще кверху немного воды, чтобы подаренное животное выпрыгивало, а «коли не атдадуць, то волки зядуць.» Такая выходка дѣлается, впрочемъ, съ цѣлью посмѣшить присутствующихъ; сельяне, однако, крѣпко вѣрятъ, что если кто ни будь не исполнитъ своего слова, то обѣщанное не пойдетъ больше въ прокъ хозяевамъ: если это было животное, то оно или пропадетъ, или издохнетъ; такія понятія заставляютъ сельянъ быть вѣрными своему слову.

(Миръ, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Одареніе молодыхъ происходитъ еще и такъ: мать кладетъ на голову дочери-невестѣ три тесемки льну, и накрестъ поджигаетъ волосы; сестра въ то же время поджигаетъ волосы молодому. Мать уходитъ. Является сваха, снимаетъ ленъ, укладываетъ косы на головѣ, повязываетъ платокъ. Отецъ тогда даритъ невестѣ «дежу,» на которую кладетъ булку хлѣба съ солью и нѣсколько монетъ; онъ говорить: «Дарю цябе, дзѣцятка, хлѣбомъ солью.» Молодой потомъ закрываютъ глаза, и всѣ присутствующіе дарятъ ее, кто можетъ.

(Корева, 626.)

Вечеромъ въ понедѣльникъ молодые собираются уже переѣзжать въ свой домъ. Невѣста должна прощаться съ родителями.

Невеста поетъ:

Таткавъ куточекъ —
 Божій дамочекъ:
 Заставайся здаровъ,
 Живи богата!

У ногъ матери:

Мая матачка!
 Заставайся здорова,
 Живи богата,
 Не забывайся на мяне, маладуо!
 Кали буду жebroваци,
 Варотца атчиняйце,
 На ночь пущайце,
 Хоць па кусочку хлѣба давайце!

Такою же пѣсню прощается съ отцомъ. Передъ выѣздомъ изъ родительскаго дома невѣста забираетъ съ собою приданное. Взявши своего мужа, свата, она отправляется съ ними въ амбаръ и обвязываетъ ихъ холстомъ. «Кубельникъ» беретъ «кубло», или «бадню», куда, въ присутствіи всѣхъ, складываетъ вещи молодой. Первоначально онъ долженъ еще откупаться отъ ребятешекъ, которые не допускаютъ его взять «кубло.» Онъ даетъ имъ по нѣсколько копѣекъ. Когда все бываетъ готово къ отъѣзду, невѣста, положивши передъ образомъ земные поклоны, начинаетъ прощаться съ своими родителями—обрядъ самый трогательный и у постороннихъ нерѣдко вызывающій слезы. Иногда, при прощаньи, мать невѣсты подходитъ къ жениху съ маленькимъ прутикомъ въ рукѣ и говоритъ: «Ня бій, сынокъ, маей дачушки кулакомъ, а гетакимъ дубчикомъ!» и при этомъ передаетъ ему дубчикъ. (Чересы, Вил. Губ. Дисн. Уѣзда.) Или: «Зяценьку! Даюцябѣ дочку, ня храмую, ня сляпую; давши лену, праси сарочки; давши жита, праноси хлѣба; давши ячменю, праси крупъ; а кали таго ня паслухаецъ, вазьми нитку, навязи на саломку, да дай, дай; а кали таго не паслухаецъ, вазьми гужъ, да дай, дай гужомъ, кабъ звала мужомъ!»

(Оріс. row. Вогус. 327.)

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ передъ выѣздомъ молодыхъ изъ дома тестя всѣ гости садятся, а свахи поютъ:

Да я гаварила: саколы лятуць,
 Ажъ май брахны на коне еядаюць;
 Я гаварила, што мѣсяць уходзиць,
 Ажъ мой татечка на дворѣ ходзиць,
 Мяне, маладую, праводзиць.

Всѣ садятся на возы. Къ молодымъ кладутъ узелокъ, куда заворачиваютъ подушку, бѣлую рубашку, простыню. Узелокъ обвязываютъ поясомъ, который отдается дѣвушкѣ, снимающей съ воза самый узелокъ. Новобрачные и свать ѣдутъ вмѣстѣ; за ними слѣдуютъ ихъ провожатые съ музыкой или «вясѣлымъ» во главе. По дорогѣ они поютъ:

Ой ну, Марися, выбирайся,
 Въ кованы возы вкладайся!
 Часъ пора годынонька на быть поѣхати,
 Свого быту одвѣдати.
 — «Ой уже жъ бо я убиралася,
 Въ кованы возы повкладалася,
 Ой десь поповъ муй батюшко
 До саду винограду,
 Нѣма кому дяковати.
 Ой нехай коники постоять,
 Бѣлый оброчекъ зѣдять,
 А якъ выйде муй батенько зъ саду винограду,
 То я ёму подякую.»
 Якъ куе зозулька, такъ куе,
 А Марися батеньку дякуе:
 «Дякую тобѣ, батеньку, за обѣдъ,
 А встанешъ раненько — мене нѣтъ,
 Ни моѣй стеженьки:
 Друбными слезами вліешся.
 Ой казавъ же есь, муй батеньку,
 Що не забудешъ ты мене;
 Теперъ же я у возокъ сѣдаю,
 Наглядися на мене,
 Якъ на ружу червоную,
 Такъ на мене молодую!»
 Вже Марися въ возокъ сѣдае,
 Ай батенько пытае:

— «Де ты, донечку, ключи дѣла?»
 — «Я у тебе, татку, вѣрно служила,
 Твоихъ ключикувъ не погубила;
 Десь у коморѣ въ новусенькой,
 У той скринѣ чорнусенькой.
 Не скотѣвъ мене бульшь годовати,
 А ни моихъ гостей частовати;
 Якъ я пуйду въ чужин люды,
 Мнѣ, молодой, догана буде,
 Що мои гостеньки тверозы,
 Що мои гостеньк и нещяные!»

(Сборн. пам. народн. творч. въ СЗ. краѣ, СХСІХ.)

Или:

Похилилася береза въ туй зелененькой дубровѣ:
 «Кулька у тебе лѣтъ стояла,
 Буйнаго вѣтру не чула,
 Тулько жъ то я, зелененька, виттечко годовала,
 Листокъ роспускала.»
 Поклонилася дивонька своѣму батеньку родному:
 «Дякую тобѣ, муй батеньку,
 За твое годованье,
 За хороше посыланье;
 Кулько я въ тебе лѣтъ росла,
 Лихого слова не чула,
 Тулько я, молоденька, русу косу чесала,
 Бѣле личко умывала.»

Приближаясь къ воротамъ дома поють:

Свѣтовая зоренька сѣяе,
 Иванко ворота торгае:
 «Отчини, батенько, ворота!
 Ось тобѣ невѣста молода,
 Винѣёмъ коса припала,
 Чорны очи заплакала!»

Вѣхавши на дворъ поють: -

Пріѣхала до насъ пани
 Въ чорнѣмъ жупанѣ,

Не хоче сама сѣдати,
Треба её повитати.

(Верховичи, Слон. Уѣзда Гродн. Губ.)

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этотъ прїѣздъ невѣсты въ домъ жениха тоже называется «прїѣздомъ сватовъ.» У родителей жениха бывають уже заблаговременно собраны гости, и когда они услышать о приближеніи молодыхъ, то выходятъ на дворъ, на встрѣчу имъ, и поютъ:

Ци ня їдуць, ци ня гайкаюць,
На кониковъ ци ня гайкаюць,
Канчуками ци ня лопаюць?
Ой чуваць сваты, чуваць,
Зялѣзныя колы звѣняць,
Шалковыя повады шумаць.

(Чересы, Дисн. Уѣзда Вил. Губ.)

Вѣзжая черезъ ворота на дворъ своего дома, молодые иногда разсыпають собравшейся здѣсь толпѣ обаранки. Передъ домомъ новобрачныхъ встрѣчаетъ мать жениха, часто въ вывороченной вверхъ шубѣ, съ «вѣкомъ» (крышкой отъ дежи) на головѣ, на которомъ находится хлѣбъ-соль. При встрѣчѣ новобрачные цѣлуютъ руку матери и входятъ въ сѣни: женихъ подъ правую ея руку, а невѣста подъ лѣвою. Въ сѣняхъ невѣста разсыпаетъ горсть ржи, для того, чтобы домъ этотъ былъ богатъ хлѣбомъ. То же дѣйствіе невѣста повторяетъ и въ комнатѣ; тутъ еще «на припечкѣ» она кладетъ булку коровая. Иногда тутъ же вносятъ и приданое невѣсты. Его начинаетъ караулить братъ невѣсты; другіе стараются всѣми мѣрами утащить сундукъ. Если это имъ удастся, та потомъ совершается выкупъ; отнявшимъ у караульщика приданое дается водка, иногда самъ свать затѣваетъ съ молодымъ торгъ за приданое; торгъ, по мнѣнію селянъ, необходимъ для того, что, въ противномъ случаѣ, все можетъ пойти не въ прокъ. Тутъ иногда молодая раздаетъ еще подарки; потомъ начинается угощеніе, при чемъ поютъ:

А що говорила зоря мѣсяцова рано, рано:
«Се впередъ зыйдешъ, той мене знайдешъ,

Освѣтимо небо и землю разомъ, разомъ.»
 А що мовила Маринка Степанкова рано, рано;
 Се вперуджъ встанешъ, то й мене збудышь, рано, рано,
 Дамо добры день обое разомъ, разомъ,
 Ой ты батеньку, а я свекорку, разомъ, разомъ,
 Ой ты родному, а я грузному, разомъ, разомъ.»

Утомленные цѣлодневнымъ торжествомъ, молодые скоро отправляются отдохнуть.

(Верховичи, Слон. Уѣзда Гродн. Губ.).

Встрѣча молодыхъ въ домѣ свекра совершается и такъ. Ихъ встрѣчаетъ хозяйка «съ вѣкомъ» на головѣ. Молодая низко ей кланяется; въ наклонномъ положеніи она остается до тѣхъ поръ, пока свекровь не скажетъ слѣдующихъ словъ: «Свякровь нявехну научаецъ, да у лобъ вѣкомъ лучаецъ:»—Ня хадзи, нявехна, па селу, ня судзи абъ маю сямью, ни ранняго абѣда, не позней вчери! Молодая кладетъ пирогъ, обернутый въ полотно; молодой за руку вводитъ ее въ хату. Молодая бросаетъ на печь поясъ. При этомъ раздаются уже пѣсни:

Милые мае сватове,
 Чи добра было у дарозѣ?
 Чи бѣлые были тарелки?
 Чи давали вамъ гарелки?»
 — «Да добра было у дарозѣ,
 Да бѣлые были тарелки,
 Да давали намъ гарелки.»

(Оріс. роч. Ворг. 338.)

Начинается угощеніе. Всѣмъ подають водку, а молодымъ, между прочимъ, хлѣбъ съ медомъ. Подающее лицо говоритъ: «Пятухъ курку маниць, на курасадникъ садзиць, даецъ меду ѣсци.» Послѣ этого сестра молодого выходитъ, и готовитъ въ особой комнатѣ постель молодымъ; на порогъ разстилаетъ кожухъ. Прежде должна пройти по нему молодая, за нею молодой. Пособивши молодой раздѣться, подавши ей привезенную бѣлую рубашку, сестра молодого уходитъ. Послѣ нѣкотораго времени молодой выходитъ, и снова посылаетъ къ невѣстѣ сестру свою. Она одѣвается, снимаетъ только что надѣтую было рубашку, передаетъ

ее сестрѣ, а на себя снова надѣваетъ свою прежнюю. Съ радостью и весельемъ вбѣгаетъ сестра молодого къ гостямъ съ полученною рубашкою: въ хатѣ раздаются приличные пѣсни. Сейчас же является и сама молодая, и снова начинается угощеніе. Сейчас же молодой съ «приданками» отправляется къ своему тестю. Дезетъ женину рубашку, въ которую увязываетъ порсть ржи и пятьдесятъ копѣекъ. У тестя и у свекра идетъ веселье. Молодому за пазуху кладутъ сыръ, увязанный въ платокъ. Раздаются приличные пѣсни. Скоро молодой съ тестемъ и другими родными отправляется въ свой домъ. Гостей встрѣчаетъ молодая. Вѣшь кланяется и проситъ въ хату. Гостей почтуютъ. Начинается потомъ пляска, разные игры.

(Орѣ. ров. Воргъ. 334—345.)

На слѣдующій день рано опять собираются гости и встрѣчаютъ молодыхъ такую пѣсней:

Уже дѣвонька изъ ложа иде,
 Своѣму свѣкорку добрыдень дае,
 «Ой на добрыдень, муй свѣкорку,
 Ой на добрыдень, муй руденькій.
 Рада бъ я була добрыдень дала,
 Мою головоцьку туга заняла,
 Ой не могу я говорити,
 Своего серденька звеселити:
 Ой я въ тебе завсюду буду,
 До мене пушлешь, я туды пуйду,
 Що мнѣ розкажешь, робити буду.»

(Верховичи, Слов. Уѣзда Гродн. Губ.)

Начинается угощеніе. Иногда молодую, если нѣтъ матери обводятъ вокругъ стола, въ знакъ того, что она будетъ госпожею этого дома. Потомъ обводятъ ее вокругъ хозяйственныхъ строеній и колодезя, чтобы знала весь хозяйственный порядокъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ свадебное торжество продолжается цѣлую недѣлю. Заключительное свадебное торжество называется «перазовъ». На него приглашаются болѣе почтенныя личности: крестные родители, дядья, тетки. Они приносятъ съ собою булки съ медомъ, алады, жаркое. Во время закуски поютъ:

У насъ сѣгодня перазовъ,
 Самъ Богъ перейшовъ,
 Съ Святой Тройцей, съ Пречистой,
 Эъ усѣми Святыми, съ счастьемъ и долей.

Идутъ довольно важные разговоры, иногда пляска, пѣніе.

(Оріс. row. Bogus. 146.)

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Дисн., Борис., Новогор. Уѣздовъ) невѣста въ продолженіи всего перваго года своего замужества за какую бы работу ни взялась въ первый разъ, ея, такъ сказать, начатокъ должна подарить мужу. Такъ, если она пойдетъ въ первый разъ жать, то нажатый первый снопъ должна въ честь мужа обвязать поясомъ, который потомъ даритъ мужу. Если идетъ молотить, то когда намоченное зерно ссунуть въ кучу, она покрываетъ ее кускомъ холста, который тоже даритъ мужу.

Но мы должны замѣтить, что пышная обрядность, торжественность свадебной обстановки, значительно блѣднѣетъ, если выходитъ замужъ вдова, или опороченная дѣвушка (въ сельскомъ быту послѣднее не можетъ утѣяться). Многія пѣсни тогда выкидываются, многіе обычные приемы измѣняются, дѣлаясь какъ бы натянутыми. Такой дѣвицы не садятъ даже «на посадъ;» вмѣсто того ее сажаютъ «въ кутъ», на платкѣ. . . .

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Вся жизнь Западно-Русскаго селянина проходить въ трудѣ. «Зима робиць на лѣто, а лѣто на зиму» (Лебедєво, Вышеск. Губ. Вышеск. Уѣзд.), говоритъ онъ. Въ этомъ отношеніи заповѣдь, данная Богомъ въ раю первому человѣку, очень тѣательно выполняется нашимъ селяниномъ. Хлѣбъ, который онъ кушаетъ, дѣйствительно бываетъ облитъ его потомъ. «Працуецъ, якъ волъ чорный.» «Гдзѣ арати плачець, тамъ жнея скачець» (указаніе на тяжелый земледѣльческій трудъ). У селянина нѣтъ такой поры, когда бы онъ могъ сказать: «Довольно! Я все кончилъ, нечего дѣлать, скучно.» Съ окончаніемъ одной работы является нѣсколько другихъ новыхъ. Въ пѣснѣ поется:

Якъ то мужикъ добре, каги мужикъ
 Трезвый, гаспадарный,
 Для такого у цѣломъ року
 Жадынъ часть нямарный.
 Снѣги таюць, іонъ гарадиць,
 Кальми што зимою,
 И навазивъ начесявъ,
 Добраю парю.
 Ёсць у него и лучина,
 И дровъ много клетекъ,
 Будзе чѣмъ варици кашу
 Всѣ лѣто для дзѣтокъ.
 Вясна блисне, іонъ гной возиць,
 И аре, и сѣе,
 Касиць любе сѣнажаци,
 Нимъ жито даспѣ.
 Хлѣба мае и ня ходзиць
 Вясною па мѣрки,
 Бо зимою іонъ на лыкавъ,
 У корчмѣ съ кватерки.
 Лѣтомъ жонка и дзѣвчатка.
 Жнуць жито, ярину,
 А іонъ звозиць, а іонъ зносиць,
 Все у харамину.
 Пахарь аре и малоциць,

Зновъ сѣе у полѣ,
 И працуе, радъ и вѣсѣлъ,
 Зѣ мужицкой долѣ.
 Нилоли юнъ ня шукае,
 У юрчию вѣселея,
 И ня ляжиць такъ, якъ хворый,
 Весь дѣнь для пахмеля.
 Юнъ у святой у церковцѣ,
 На таргу бываецъ,
 Бога; пана, свою хату
 И работу знае.
 А захочеть патуляци,
 У домъ спросиць госци,
 Тагда сабѣ чарку водки
 Выше да вашмосци.

(Pionaki wieśniacze z nad Niemna i Drwiny, LXII.)

Перестанъ селянинъ работать, и его тогда же охватить голодная, дырявая, нищета, ему придется ити по міру. Есть бѣдники, которымъ, при всемъ ихъ трудѣ, приходится повторять слова пѣсни:

Ахъ, Боже мой, Боже!
 Боже мой единый!
 Чомъ мнѣ не вдается,
 Якъ моей родинѣ?
 У моей родины
 Жито и пшениця,
 У мене, у бездолничка,
 На полѣ мѣтлиця.

(Нарва, Гродн. Губ. Бѣльск. Уѣзда.)

Что же было бы, если бы селянинъ еще опустилъ совершенно руки? Но подобная мысль даже не приходитъ къ селянину въ голову. Трудъ онъ считаетъ своею насущною потребностью, въ немъ видитъ свое назначеніе. Онъ презираетъ лѣбитяевъ, бездѣльниковъ, а въ лѣбности дѣйствительно видитъ одинъ изъ тяжкихъ смертныхъ грѣховъ.

Почти все вниманіе селянинъ устремляетъ на свою землю,

пашню, которая питаетъ его, одѣваетъ, откуда, главнымъ образомъ; онъ извлекаетъ все своей достатокъ:

Ня на тоє Богъ сагваривъ,
 Кабъ ты только ѣвъ да пивъ,
 Але штобъ працовавъ,
 Баранававъ и арагъ.
 У поле, у поле, дзѣтешки,
 У поле, хлопцы, дзѣвешки!
 Поле хлѣба намъ несе,
 Поле здаровѣ дае,
 Какъ ты у полѣ ня рабивъ,
 Ня ѣвъ бы ты, а ни пивъ.
 У поле, у поле и проч.
 Будзь здарова, жонешко!
 Узышло мило соненько,
 Годзе, дзѣтки, годзе спаць,
 Треба араць, сѣяць, жаць,
 У поле, у поле и проч.

(Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Drwiny, LXXXVI.)

Или:

«Мужикъ при сасѣ, то краса.» (Тамъ же, LXIX). Или: «Эъ лубки живемъ,» говорятъ въ Борисовскомъ Уѣздѣ. «Пакинь стрѣльбу и воду, то и я (говорится отъ лица хлѣба) у цѣбе буду!» — «Дай земли, іона цѣбъ дасць.» — «Ня уважай на урожай, а жито сѣй!» — «Паклокусту, а іонъ дасць хлѣба лусту.»

Нашъ селянинъ пока вѣритъ еще въ успѣшный исходъ занятій только землею; торговля, разнаго рода промыслы, для него еще слишкомъ непривлекательны. Стало бытъ, то время, когда у селянина совершаются полевые работы, составляетъ для него, съ одной стороны, въ высшей степени желанную пору, но съ другой эта же пора очень тяжела, въ его быту исполнена разнаго рода нелегкихъ хлопотъ и тревоженій. Такое время у селянъ начинается съ весны. Съ нея въ настоящемъ случаѣ и мы начнемъ свой очеркъ.

Радостно привѣтствуютъ весну въ каждой деревнѣ; послѣ зимы вездѣ замѣтной становится жизнь, является сильное движеніе. Ребятишки первые стараются насладиться живительнымъ дѣ-

ханіемъ весны, и ничто и ничто не заставитъ ихъ теперь сидѣть въ избѣ, отказаться отъ наслажденія теплыми лучами вешняго солнца. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болѣе взрослые парни съ дѣвками по вечерамъ составляютъ хороводы. При этомъ они поютъ пѣсни, которыми привѣтствуютъ весну:

Моя мила Рогоулько, встань въ недѣлю рано,
Умой бѣлое личко, моя мила Рогоулько!
А вчешь, а вчешь, русую косу,
А влужь, а влужь, тонкую кошульку,
А влужь, а влужь, торгову сподницю,
Опашь, опашь, зеленый фартушокъ,
Опашь, опашь, кованный поясъ,
А влужь, а влужь, торговы пантучки,
А влужь, а влужь, черныя черевички
Вскочь собѣ до огрудечка,
Щипни, вырви, ярой рутки,
А свый, а свый, собѣ вѣночекъ,
А влужь собѣ на головоньку,
Пуйди собѣ въ тихій таночекъ,
Покинь тую, возьми другую,
Покинь тую, возьми третью!

Или:

Лѣтала чарна галонька знызенька,
Ой а за ея ясный соволикъ сблизенька:
«Ой зажди, пужди, чарна галонька ты моя!»
— «Не хочу ждати, а нѣ пождати, не твою;
Шукай иншой, то ще чортѣйшой, нѣжи я!» —
«Передѣтѣвъ я четыри лѣсы, и дудь два,
Не нашорѣ же я такой галоньки, якъ ты мнѣ.»

(Верховичи, Гродн. Губ. Слон. Уѣзда.)

При дѣніи этихъ пѣсенъ парни съ дѣвками, взявшись за руки, образуютъ кругъ; въ средину его входитъ одна дѣвушка, и на-

* Последнія слова повторяются за каждымъ стихомъ.

чинается пляска. Такой кругъ называется «городомъ;» а дѣвушка въ среднѣ его «рогулькою.» Пѣсни продолжаются.

Мужчины:

Эй, пойду я коло горóду,
Шукаючи, пытаючи, мойей жоны:
«Чи не бачили мойей жоны
Въ городѣ вы?»

Женщины:

—«Хочь мы бачили, хочь мы видѣли,
Не возьмешь, не возьмешь.»

Мущины:

Выставляю я бочку медочку,
Вина двѣ, вина двѣ.

(Бобровскій, 842—843.)

Но если молодежь беззаботно предается увеселеніямъ, то хозяевамъ въ это время не до того. У многихъ изъ селянъ начинается теперь замѣтно ощущаться недостатокъ въ пропитаніи и для себя и для своей «скотинки.» Не даромъ Юрій (23 Апр.) извѣстенъ подъ именемъ «голоднаго.» По другой поговоркѣ: «Бѣдный терпѣть до Спаса» (6. Авг.). Нѣтъ иногда хлѣба, отдаются послѣдніе остатки сѣна и соломы: по неволѣ приходится призадуматься. Селяне говорятъ: «Якъ придзе недзѣля вербичь (Вай), то у хазяина галава свербиць.»

(Мяръ, Мясн. Губ. Новогор. Уѣзда.)

«Весна—голодъ,» говорятъ селяне, и теплое лѣто съ своимъ урожаемъ представляется для нихъ недостижимымъ будущимъ: «Гдѣ голодно, тамъ и холодно,» и по тому селяне, на замѣчаніе о приближеніи теплаго лѣта, возражаютъ: «Цожа, лѣто, придетъ, то холодъ очи выгѣсть.» Весну они считаютъ вѣдунку «покровительницею вдовъ,» и поютъ иногда такую пѣсню:

Ишла, вдова, додомъ, додомъ,
 За ней дѣтки, роємъ, роємъ,
 Пришла вдова до вуйченька:
 «Муй вуйченько, муй рудненькі!»
 Пусти мене ночевати,
 Поможи дѣтокъ годовати» —
 — «Иди, дочушко, въ вѣръ голову,
 Бери дѣтки за собою!»

(Осташино, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Такъ думаетъ о веснѣ селянинъ, всматриваясь въ свое настоящее положеніе. Но относительно будущаго, у него остается надежда, что, съ наступленіемъ весны, пробудившаяся природа одѣнется зеленымъ праздничнымъ покровомъ, и такимъ образомъ избавитъ его отъ грозящей опасности. И на этотъ разъ у него есть поговорка: «Весна—мати, а лѣто—бацька,» говоритъ онъ, и нерѣдко затягиваетъ такого рода пѣсню:

Ой ты весна, ты красна,
 Да що жь ты намъ принесла?
 Ой принесла, принесла,
 Старымъ дѣдамъ по кіючку,
 Старымъ бабамъ по пирогу,
 Молодичкамъ по вѣночку,
 По вѣночку, по рудвнымъ,
 Молойчидамъ по конику,
 По конику по воронымъ,
 Малымъ хлопцямъ по яечку,
 А дѣвочкамъ по красенцѣ,
 По красенцѣ по бѣленькому.

(Докшицы, Минск. Губ. Борис. Уѣзда.)

Или:

Ой ты весна, все красна!
 А що жь ты намъ принесла?
 Ой принесла! принесла,
 Съ орудя жито вытрясла!
 Малымъ дѣткамъ по яечку,

Молодичкамъ по сыночку,
 Старымъ бабамъ по кіочку,
 А дѣвочкамъ по вѣночку,
 А дѣтjouкамъ по конику.
 Де дѣтjочки гуляли,
 Тамъ дупинки лежали,
 Двѣ бабочки стояли,
 Тамъ кіемъ землю спорoли;
 Де дѣвочки гуляли,
 Тамъ красочки лежали;
 Де дѣдюки гуляли,
 Тамъ кони траву сорвали.

(Дисна, Вил. Губ. — Опытъ Собранія пѣсней и сказокъ на родн. въ СЗ. краѣ, М. Дмитриева, 118.)

Или:

Весна красна, що намъ вынесла?
 Намъ вынесла соху, борону,
 Старымъ бабкамъ посединнячко,
 Молодницамъ красенца ткати,
 А дѣвчатнамъ да й погуляти:

(Сборн. пам. народн. творч. въ СЗ. краѣ, СЛП.)

Каждый, такимъ образомъ, думаетъ найти въ веснѣ для себя нѣкоторую подмогу, надѣется получить отъ нея приличный подарокъ.

Весну селяне считаютъ съ Марта мѣсяца. Правда, и они говорятъ, что «Лютый (Февраль) пятае, чи обуты, Марець кусае за палець, а якъ прійде Май, — конѣмъ сѣна дай, а самъ на печь утѣкай!» (Нарва, Вил. Уѣзд. Гродн. Губ.); но подобнаго рода продолжительные холода, на какіе указываетъ поговорка, довольно рѣдки, и Мартъ вообще считается у селянъ первымъ весеннимъ мѣсяцемъ. Тщательно, изъ родя въ родъ, наблюдаютъ селяне тѣ Мартовскія примѣты, по которымъ можно судить о будущей погодѣ, о будущемъ урожаѣ. Первые четыре дня Марта, по мнѣнію нѣкоторыхъ селянъ, изображаютъ вообще состояніе погоды всего года: первое Марта представляетъ собою какъ бы весну; второе — лѣто; третье — осень; четвертое — зиму; каковы эти дни, такова будетъ и

соотвѣтствующая имъ пора года. Въ другихъ мѣстахъ говорятъ: «Коли Галдакей (день Св. Евдокіи, 1-го Марта) теплый, свѣтитъ солнце, то весна и лѣто будутъ теплыя, и особенно хорошъ будетъ сѣнокосъ. Если идетъ дождь, то будетъ урожай на рожь. Если сильный морозъ, то онъ же поморозитъ гречиху во время цвѣтенія. Если первое Марта туманно, то будетъ урожай на стручковыя растенія; если же мятель и вьюга (что, по замѣчанію, сельанъ, бываетъ рѣдко), то въ текущемъ году нужно ожидать сильнаго голода, который выметъ людей (Гавута, Вилен. Губ. Вилейск. Уѣзда). Въ этотъ день въ иныхъ мѣстахъ сельане стараются ѣсть особаго рода пищу—«нацину», приготовленную изъ листьевъ рѣпы. Говорятъ, что этимъ они предохраняютъ себя отъ болѣзни, такъ называемой, «гречаицы»;» названіе ея сельане производятъ отъ гречихи, отъ которой будто бы и сама она появляется. Болѣзненные признаки на одержимыхъ этою болѣзнію особенно бываютъ замѣтны по утрамъ и вечерамъ. Чувствуется при этомъ, говорятъ сельане, очень сильный неприятный зудъ.

(Иже, Вилен. Губ. Вилейск. Уѣзда.)

Сельане съ нетерпѣніемъ ожидаютъ, чтобы, съ появленіемъ весны, по возможности скорѣе сошелъ снѣгъ, оттаяла земля. Какъ только потекли ручейки, сельане говорятъ между собою: «Слава Богу! Видно будетъ уже весна. Какъ вода заговорила вездѣ! «Хозяева внимательно слѣдятъ за тѣмъ, какъ сошла вода съ полей; если не попорчены ни поля, ни дороги, въ текущемъ году, значить, народъ будетъ здоровъ; но если, сохрани Богъ, вода поразмывала дороги и, еще хуже, снесла гдѣ ни будь мостъ, мельницу, сельанинъ предается большой печали, неутѣшной скорби: «Богъ знаетъ, кто теперь останется въ живыхъ: порвало вездѣ поле, дорогу, мельницы: будетъ же рвать и народъ!»

(Гродн. Губ. Слонимск. Уѣзда.)

Первая забота сельанина съ наступленіемъ весны—это пристроить какъ ни будь свою «скотинку.» Въ продолженіе какихъ ни будь шести мѣсяцевъ стояніе въ хлѣву, при очень посредственномъ кормѣ, она страшно отощала, и теперь ждетъ не дождется «выгона на паству.» Выгнанная, она крикомъ и ревомъ какъ бы привѣтствуетъ весну, радуется ея появленію.

Если пословица: «Мѣй сѣна до Миколы (9 Мая), ня бойся зимы николи!» только тотъ безопасенъ относительно содержанія

скота, у кого хватаетъ сѣна до Св. Николая, то Западно-Русскій селянинъ далеко не можетъ похвалиться этимъ. У него чувствуется уже недостатокъ въ кормѣ около 23 Апрѣля, и онъ оказывается ниже даже той пословицы, по которой у «дурня корму до Юрья.»

(Борисовскаго Уѣзда.)

Выгнавши скоть на пастбище, вручивши его, такъ сказать, пастухашъ, хозяева скорымъ шагомъ, не осматриваясь назадъ и по сторонамъ, должны возвращаться домой, чтобы и скоть съ пастбища возвращался прямо домой; въ противномъ случаѣ можно ожидать частой его отлучки, а, пожалуй, и потери.

(Виленскаго Уѣзда.)

Уладивши дѣло со скотомъ, селянинъ принимается за вспашку своихъ полей. Слѣдуя пословицѣ: «Кто сѣе въ ледъ, той пѣе медъ,» селяне стараются, по возможности, раньше обѣмнить свои поля. Впрочемъ, относительно урожая, кромѣ указанныхъ примѣтъ, есть у селянина и много другихъ. Еще на канунѣ Рождества Христова наблюдаемъ онъ, какова ночь, хорошее, или дурное, обѣщаетъ она ему: если ночь лунная и ярко сияютъ звѣзды, значитъ, можно ожидать хорошаго урожая отъ перваго посѣва; напротивъ, пасмурная ночь обѣщаетъ бѣдную, скудную, какъ бы печальную, ниву. Подобныя наблюденія совершаетъ селянъ и въ другіе праздники (въ Новый Годъ, Богоявленіе, Срѣтеніе. Съ ними мы познакомимся въ своемъ мѣстѣ). Заручившись ими, онъ открываетъ запашку своей нивы.

Приступая къ такому великому въ сельской средѣ дѣлу, хозяинъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, молится передъ образомъ; выходитъ потомъ изъ хаты, беретъ «поводъ» (веревку) и идетъ въ хлѣвъ, гдѣ находятся рабочіе волю. За нимъ идетъ и хозяйка и несетъ съ собою освященную воду. Когда хозяинъ возьметъ воловъ на поводъ и выведетъ ихъ изъ хлѣва, хозяйка освящаетъ ихъ; прибывши потомъ на пашню, большею частію въ огородъ (на первый разъ), запрягши воловъ въ соху, хозяинъ самъ уже освящаетъ вторично и воловъ и соху, и принимается за работу. Этотъ первый день начала полевыхъ работъ бываетъ своего рода праздникомъ въ сельской семьѣ: селянинъ тутъ работаетъ недолго, и все дѣло въ томъ, чтобы только начать. Когда

онъ сдѣлаетъ три, четыре, борозды, мѣстные ребятишки, незамѣтно для пахаря, стараются набрать нѣсколько новой, свѣжей земли, ее разсыпаютъ по комнать, предполагая, что этимъ средствомъ можно истребить насѣкомыхъ разнаго рода, особенно извѣстныхъ «скакуновъ.»

(Ганута, Вилен. Губ. Вилейск. Уѣзда.)

Въ другихъ мѣстахъ это «заориванье» дѣлается еще такъ: вечеромъ, при закатѣ уже солнца, селянинъ запрягаетъ шару воловъ, беретъ хлѣбъ-соль и отправляется въ поле. Бѣда, если при этомъ повстрѣчается кто ни будь съ нимъ съ пустой посудой, или же перейдетъ дорогу. Ему лучше воротиться съ пути: въ претивномъ случаѣ его постоянно будетъ преслѣдовать мысль объ имѣющемъ постигнуть его несчастіи. Впрочемъ, противъ этого несчастія принимается нѣкоторыми селянами слѣдующее средство: они берутъ камень и перебрасываютъ черезъ слѣдъ перешедшаго дорогу: вреда, значить, не будетъ. Пришедши на поле, селянинъ выбираетъ мѣсто, гдѣ лучше просохла земля и, сдѣлавши двѣ, три, борозды, возвращается домой. Вечеръ для «заориванья» селяне избираютъ въ той мысли, чтобы потомъ запахивающій не имѣлъ возможности заняться какою ни будь другою, постороннею работою; иначе, по мнѣнію ихъ, въ хозяйствѣ не будетъ успѣха, на полѣ не будетъ урожая. По той же причинѣ многіе ни за что не согласятся вбить въ землю колъ до тѣхъ поръ, пока не совершенно «заориванье»: вбить колъ въ землю до вспашки, значить забить землю; посѣянные потомъ сѣмена не дадутъ всходовъ, будетъ неурожай. Послѣ «заориванья» начинается уже обычная, черная, тяжелая, полевая работа.

(Дорогичинъ, Гродн. Губ. Кобрин. Уѣзда.)

Когда селянинъ въ первый разъ отправляется сѣять, то въ этотъ день онъ старается никому ничего не одадживать; иначе успѣхъ будущаго урожая ненадеженъ; вмѣстѣ съ одолженіемъ извѣстной вещи къ должнику можетъ перейти, такъ сказать, и успѣшный ростъ хлѣбовъ, а, пожадуй, и самыя сѣмена. По этой же причинѣ очень неохотно соглашается помочь своему сосѣду тотъ, кто заблаговременно обѣмнялъ свои поля. Въ день первой сѣвы хозяйка должна соблюдать въ домѣ возможную чистоту, чтобы на пашнѣ не было сорныхъ травъ.

(Кобрин. Уѣзда, Гродн. Губ.)

Начать посѣвъ стараются, если только возможно, въ полнолуныя думая, что и колосья будутъ подны. Относительно откритія, такъ сказать, посѣвоу, въ народѣ существуетъ такого рода убѣжденіе, ято прежде всѣхъ непременно долженъ начать посѣвъ тотъ хозяинъ, которому предоставлятъ это право другіе селяне, который считается легкимъ на руку. Хозяинъ, получившій такое право, отправляется на приготовленное для посѣва поле съ булкой хлѣба, чистой скатертью и нерѣдко съ бутылкой водки. Прибывши на поле, онъ на одномъ загонѣ разстилаетъ чистую скатерть, кладетъ на нее привезенную булку хлѣба, становится на колѣни, молится Богу, потомъ крестнымъ знаменіемъ осѣняетъ приготовленную пашню и съ словами: «Боже роди!» начинаетъ сѣять. Онъ долженъ помнить, чтобы во время сѣянія не съѣсть случайно одного, или нѣсколькихъ, сѣмянъ; иначе, не видать ему у себя хорошаго урожая, или же имѣющее родиться зерно будетъ очень нехорошаго качества. Первую сѣвбу селянинъ старается совершить въ Субботу, или во Вторникъ: эти дни, если они еще приходятся въ полнолуныя, считаются у селянъ особенно счастливыми, и начатое тогда дѣло уже непременно будетъ имѣть успѣхъ!

Отправляясь на засѣвки, боятся, чтобы кто не перешелъ дорогу, чтобы не повстрѣчалась женщина съ пустымъ ведромъ: въ этомъ послѣднемъ случаѣ на пашнѣ будетъ много прогалинъ, пустыхъ мѣстъ. Чтобы избѣжать какой бы то ни было встрѣчи, стараются выѣхать въ поле очень рано, когда другіе еще спятъ. Но если бы селянинъ ни съ кѣмъ на дорогѣ и не встрѣтился, у него, между тѣмъ, распряглась лошадь, въ возу что ни будь испортилось, онъ непременно будетъ того убѣжденія, что ему кто то перешелъ таки дорогу. Все его будущее начинается представляться ему въ довольно мрачныхъ краскахъ.

Окончивши «засѣвки», селянинъ спѣшитъ домой, гдѣ хозяйка къ его приходу должна уже приготовить порядочное угощеніе: на семейный праздничный ужинъ хозяинъ приглашаетъ своихъ близкихъ сосѣдей, родныхъ, знакомыхъ; старается, чтобы всего было вдоволь, чтобы такимъ образомъ полибла его нива. Возможная чистота должна соблюдаться и въ настоящемъ случаѣ: причина известна: на нивѣ не будетъ сорныхъ травъ. Веселое угощеніе продолжается за полночь.

Нѣкоторые хозяева предпочитаютъ, чтобы «засѣвки» произведены были мальчиками лѣтъ 10—14, считая ихъ невинными. Мальчики въ такомъ случаѣ должны быть въ праздничной одеждѣ и на тощакъ. Какъ только засѣютъ нѣсколько загоновъ, хозяинъ приглашаетъ своихъ помощниковъ, всѣ садятся на травѣ и начинается угощеніе. Прежде всего выпиваютъ по рюмкѣ водки приговаривая: «Щобъ Бугъ зародивъ жито!» потомъ идетъ малая закуска.

При сѣяніи тѣхъ, или другихъ, растений у селянъ соблюдаются свои особыя условія: главное, чтобы въ одно и то же время не производился посѣвъ на двухъ сосѣднихъ полосахъ; у одного хозяина тогда будетъ совершенная неудача, тогда какъ другой можетъ рассчитывать на большой успѣхъ. Возвратившись съ поля послѣ посѣва самъ хозяинъ не долженъ зажигать огня: солнце, моль, будетъ выжигать его ниву.

При посѣвѣ льна селяне наблюдаютъ, чтобы сѣющій одѣтъ былъ въ возможно бѣлую рубаху; пока окончитъ свое дѣло, онъ не долженъ говорить ни одного слова, хотя бы проходящій и сказалъ ему: «Богъ въ помочи!» Знающій свои обычаи только кивнетъ въ подобномъ случаѣ головой. Причина та, чтобы при говорѣ не раздался какъ ни будь свистъ изъ устъ сѣятеля; а раздайся, хотя бы и маленькій свистъ, и ленъ тогда, по мнѣнію селянъ, нужно считать погибшимъ: онъ даже не взойдетъ. Тонкая, бѣлая рубаха сѣющаго выражаетъ желаніе селянъ, чтобы и посѣянный ленъ «хорошо уродился.»

(Краснополье, Могилевск. Губ. Черняковск. У.)

Нѣкоторыми предсказаніями на этотъ случай селяне запа-саются еще во время Рождества: мы съ ними встрѣтимся.

При посѣвѣ конопли тщательно наблюдаютъ, чтобы по сосѣдству никто не вбилъ въ землю ни единого колика; иначе, говорятъ, не взойдетъ конопель. Если бы случилось, что сосѣду въ этотъ день понадобилось огородъ городить, то имѣющій сѣять конопель непременно упроситъ его отложить дѣло до слѣдующаго дня, «не забывать его» коноплю, охотно согласится даже помочь ему. Считается также непозволительнымъ изъ дому дать въ этотъ день взаимы что бы то ни было, одолжить, хотя бы даже огня.

(Краснополье, Могил. Губ. Черик. Уѣзда.)

Въ Западной Россіи до послѣдняго времени въ деревняхъ утромъ, или вечеромъ, очень часто ходятъ изъ дома въ домъ взять огня: (спичекъ у селянъ не бываетъ). Если посѣянная конопель не возшла, хозяинъ надѣется, что въ его домѣ непременно будетъ покойникъ, изъ членовъ его семейства кто ни будь да помереть.

(Верховичи, Слон. Уѣзда Гродн. Губ.)

При посѣвѣ гороха до окончанія дѣла совѣтують не ходить по межѣ и не дѣлать нѣкотораго рода физическихъ отправленій: горохъ, наволите видѣть, будетъ очень нечистъ, съ червями, и стручки его будутъ въ высшей степени тощіе, плохіе.

(Краснополе, Могил. Губ. Чериковск. Уѣзда.)

Когда сѣютъ овесъ, то слѣдятъ, много ли появляется комаровъ, и когда ихъ больше: въ началѣ появленія, или потомъ съ теченіемъ времени. Если количество комаровъ не измѣняется, бываетъ одинаково, по своей численности, и при сѣяннн овса и потомъ, овесъ, значитъ, будетъ хорошъ, кустистый, на подобіе тучъ комаровъ, кружащихся въ воздухѣ; если же комари въ самомъ началѣ появлялись большими тучами, и потомъ исчезли, это предвѣщало, что ранній овесъ будетъ хорошъ, а поздній «пропадетъ»; такая примѣта можетъ имѣть разумное основаніе, если вспомнимъ, что комари и овесъ любятъ вообще мѣста низменныя, влажныя. Есть пословица «Сѣй овесъ въ грязь, и будетъ князь!» Отсюда и выходитъ, что то мѣсто, въ которомъ появляются комари, можетъ быть пригодно для овса; и на оборотъ: съ уменьшеніемъ количества комаровъ, само мѣсто, значитъ, теряетъ нѣкоторыя условія, необходимыя для овса.

При садкѣ капусты женщины, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, одѣваются въ изорванную рубаху и, по возможности, лучше зачесываютъ голову. Этимъ выражается желаніе, чтобы и капуста была листовенна, на подобіе изорванной рубахи, качаны—тверды и гладки, какъ голова работницы.

(Краснополе, Могил. Губ. Чериковск. Уѣзда.)

Въ Слонимскомъ Уѣздѣ хозяйка, собираясь садить капусту, беретъ большую булку хлѣба, и кладетъ ее на грядку, приговаривая: «Дай Богъ, чтобы и капуста поросла такая же большая, якъ эта булка хлѣба!»

Собираясь сѣять гречиху, семяне, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, смотрятъ, «курить» ли, или нѣтъ, можжевелъникъ отъ удара по децѣ палкой. Первый случай, считаютъ, благовременнымъ для сѣвы гречихи. Для этого, впрочемъ, Троицынъ день считаютъ болѣе другихъ благовременнымъ, и тогда не смотрятъ уже, курить ли можжевелъникъ, или нѣтъ.

(Нарва, Гродн. Губ. Вѣл. Уѣзда.)

Въ Слонимскомъ Уѣздѣ при посѣвѣ гречихи обращаютъ вниманіе на то, начинается ли цвѣсти калина. Если цвѣсть ея повляется, гречиху, значить, можно сѣять.

Въ Чериковскомъ Уѣздѣ (Краснополье, Мегид. Губ.) сохраняется по этому поводу довольно странное обыкновеніе. Чтобы гречиха была черная, въ первый день Рождества Христова сельскія семейства, отъ мала до велика, не надѣваютъ бѣлыя рубахи, а ходятъ въ грязныхъ, «чорныхъ». Если кто ни будь, въ семьѣ надѣнетъ бѣлую рубаху, это знакъ, что на гречиху въ наступающемъ году нечего надѣяться; что ее убьетъ неблагоприятная погода, или же будетъ пустая. Если же подобныя повѣрья не оправдываются, что бываетъ довольно часто, старики тогда говорятъ, что Богъ не обратилъ вниманія на того, кто надѣвалъ чистую рубашку, и что, на оборотъ, Онъ любитъ гораздо болѣе тѣхъ, которые носили въ этотъ день грязное бѣлье.

Ячменя не сѣютъ до тѣхъ поръ, пока не появятся Майскіе жуки.

При сѣваніи моркови непременно должно быть «обутымъ»; вначѣ концы моркови будутъ имѣть нѣсколько частей, на подобіе пальцевъ ноги человѣческой.

Огурцы стараются садить всегда утромъ, и особенно въ такой день, когда замѣчаютъ, что небо покрыто скученными облаками: и огурцы тогда будутъ родиться въ изобиліи, будутъ лежать кучами.

При садкѣ лука обращаютъ вниманіе на личный вкусъ хозяйки. Если ей желательно, чтобы лукъ, по возможности былъ горекъ, то его садятъ въ постные дни недѣли: въ среду, либо въ пятницу. Если не желательна особая его горечь, то можно садить въ любой день, за исключеніемъ указанныхъ двухъ.

(Верховичи, Гродн. Губ. Слоним. Уѣзда.)

Будничная полевая работа продолжается теперь у селянина безостановочно изо дня въ день, и онъ тщательно слѣдитъ за разнаго рода примѣтами, которыя могутъ обѣщать ему успѣхъ, или же предвѣщаютъ бѣду. Въ каждый рабочій день наблюдаетъ закатъ солнечный: ясное захожденіе солнца обѣщаетъ хорошую погоду,—пасмурное—дождливую (обыкновенная, разумная, древняя примѣта). Пастухъ гонитъ скоть домой, если впереди его идетъ корова бѣлой масти—это знакъ, что наслѣдующій день можно ожидать отличной погоды; если же впереди всѣхъ видятъ корову черную, то и погода, значить, будетъ мрачная. Если при захожденіи солнца вороны летаютъ стаями и садятся на горахъ, то этихъ самымъ уже онъ предвѣщаютъ сильный, продолжительный дождь, и отсюда—грязь. То же обозначаетъ, если вороны будутъ садиться на частоколѣ: селянину такимъ образомъ придется сидѣть дома, какъ гласитъ поговорка: «Коли ворона на колу то мужикъ на полу.» Пастухи изъ своихъ путешествій по лѣсамъ стараются принести хозяевамъ вѣсть о погодѣ. Съ этою цѣлью, сами они, бродя по лѣсамъ, кричатъ, и тутъ же прислушиваются къ отголоску: если отголосокъ расходится далеко, бываетъ громокъ, звученъ, будетъ, значить, погода; въ противномъ случаѣ нужно ожидать ненастья (примѣта разумная). Нѣкоторые пастухи обыкновенно кричатъ: «Ци пень, ци колода, ци будзе завтра дождь, ци пагода; окажися ляха въ лѣса: го, го, го, го-о-о-о!»

Если продолжается сильная жара, селяне прибѣгаютъ къ слѣдующему средству, надѣясь ускорить дождь: дѣвушки вносятъ въ комнату свои серпы; бабушки бросаютъ въ колодезь макъ; мальчишки рвутъ траву, и при этомъ поютъ пѣсенку:

Идзи, идзи, дождику,
Сваримъ табѣ борщичку,
Поставимъ пада лавкаю,
Накрывемъ булавкаю!

Кромѣ молитвъ въ церкви, богослуженія, до послѣдняго времени однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ противъ общественаго бѣдствія считаются, такъ называемыя, «обыденныя красна» или «обыденное полотно.» Дѣло въ томъ, что, по мнѣнію селянъ, засуха, на пр., прекратится, если они въ одинъ день начистятъ льну, нарядутъ его и соткутъ въ одинъ цѣльный кусокъ полотно известной величины.

(Молодечжо, Вилен. Губ. Вилейск. Уѣзда.)

Когда закукуетъ кукушка, а лѣсъ еще не одѣлся, то этотъ годъ, говорятъ, будетъ неурожайный: кукушка вылетѣла на голый кустъ; если же кукушка закукуетъ когда лѣсъ разцѣлѣтъ, годъ, значитъ, будетъ урожайный: кукушка вылетѣла на одѣвшійся кустъ.

(Цыринцъ, Минск. Губ. Новгор. Уѣзда.)

Когда появятся первые грибы, селянинъ по нимъ гадаетъ о будущемъ урожаѣ. Чистый, здоровый корень перваго найденнаго гриба обѣщаетъ хорошій урожай; въ противномъ случаѣ нужно надѣяться голода. Полетъ нѣкоторыхъ птицъ служить для селянъ признакомъ имѣющаго быть ведра, или ненастья. Если ласточки въ огромномъ количествѣ летаютъ надъ водою и между собою какъ бы играютъ, то селяне съ полной увѣренностью ожидаютъ дождя. Если куры вечеромъ ходятъ долго, будетъ, значитъ, дождь: онѣ какъ будто хотятъ насладиться настоящею хорошею погодою; въ противномъ случаѣ можно рассчитывать на ведро. Ожидаютъ такъ же дождя, если замѣчаютъ, что куры щиплютъ траву,

(Минской Губерніи).

Каждый день съ своими явленіями, и особенно праздники имѣютъ въ глазахъ селянъ свои примѣты, свои особыя знаменія. Мы видѣли уже, какъ смотрятъ селяне на первые четыре дня Марта. На «Сороки» (40 мучениковъ Севастійскихъ 9 Марта селяне замѣчаютъ: что если снѣгъ лежитъ еще на крышахъ, то зима будетъ довольно упорная; они говорятъ. «Когда сороки застали снѣгъ на стрѣхахъ, то Благовѣщеніе (25 Марта) на земли (застанетъ снѣгъ), а Юрья (23. Апр.) въ горахъ.» У нихъ есть повѣрье, будто въ этотъ день вылетаетъ въ наши стороны (изъ теплыхъ мѣстъ) сорокъ «выроевъ»—птицъ. И въ Великороссіи полагаютъ, что въ этотъ день прилетаютъ изъ замора жаворонки.

Извѣстно, что въ сельскомъ быту однимъ изъ величайшихъ наслажденій у деревенскихъ мальчиковъ считается отыскиванье птичьихъ гнѣздъ и яицъ. Чтобы въ свою пору быть счастливымъ въ этомъ дѣлѣ, селяне, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, приобѣгаютъ къ слѣдующему средству. Старшіе въ домѣ подговариваютъ ребятшекъ, чтобы они, по возможности, раньше встали на «Сороки» и нанесли бы въ избу дровъ для отопленія. Кто изъ нихъ

раньше встанеть и выполнить указанное условіе, тотъ будетъ имѣть болѣе успѣха потому въ отыскиваніи птичьихъ гнѣздъ и яицъ. Съ наступленіемъ «Сороковъ» передавали намъ селяне, всѣ дѣти въ домѣ другъ передъ другомъ стараются встать пораньше. Вставшій безъ всякой обуви, не одѣваясь, спѣшитъ принести въ избу дровъ. Товарищъ его не хочетъ отстать, и дѣлаетъ то же. И если въ домѣ нѣсколько ребятишекъ, то потомъ, по окончаніи работы, когда они соберутся вмѣстѣ, между ними поднимается страшная суматоха, крикъ. Каждый изъ нихъ добивается у другого признанія своего первенства, чтобы, такимъ образомъ, оградить для себя успѣхъ на будущее время.

(Иже, Вилен. Губ. Вилейск. Уѣзда.)

Въ другихъ мѣстахъ ребятишки неодѣтыми стараются трижды обѣжать избу и черезъ окошко бросить въ избу 40 щепокъ, взятыхъ ими съ того мѣста, гдѣ рубятъ дрова. Еще: черезъ стрѣху перебрасываютъ 40 тресокъ босые мальчики.

(Сравн. Вилен. Вѣст. № 12.)

Если кто ни будь изъ селянъ увидитъ въ этотъ день летящій вырой, это знакъ, по мнѣнію народа, его будущаго успѣха и очастія во всемъ. При этомъ селяне наблюдаютъ особенно относительно дикихъ гусей и журавлей, летятъ ли они каждый отдѣльно, по одному, или цѣлыми вереницами. Коли гуси и журавли говорятъ они, «леяць по одному», такъ и на жито будзецъ добрый урожай, и снопы будецъ такъ цяжки, что придзецца насыць въ колы по одному снопу; а леляць по два и по три, то и жито придзецца насыць такъ (Минск. Губ. Новогор. У.). Въ этотъ день въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, пекутъ по сорока маленькихъ пирожковъ, въ другихъ дѣлаютъ вареники, галушки. Хорошо, кто утромъ съѣстъ 40 галушекъ. Если на ту пору бываетъ морозъ, то полагають, что еще 40 морозовъ будетъ.

(Вилен. Вѣст. 1869 г. № 12.)

По мнѣнію селянъ день «Сороковъ» есть уже непременно весенній день (Въ Великороссіи: 40 муч. день съ ночью мѣрятся, зима кончается, весна начинается); по этому нѣкоторыя хозяйки сѣють рассаду на грядкахъ, приготовленныхъ еще осенью. Правда,

иногда морозъ даетъ знать о себѣ и въ это время: рассаду всѣми мѣрами стараются предохранить. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на «Сороки» селяне удерживаются отъ извѣстныхъ работъ: почитается грѣхомъ «работать скотиной»; боятся рубить дрова и дома и въ лѣсу; но дѣлать изъ дерева какое ни будь издѣліе можно. Женщины не прыдутъ льна, не ткуть.

(Иже, Вилен. Губ. Вилейск. Уѣзда.)

Въ Мартѣ мѣсяцѣ, большею частію раньше, или позже, бываетъ средопостіе, «Средопостница», или середина Великаго Поста. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хозяйки въ этотъ день пекутъ разной формы пироги. Одинъ обыкновенно бываетъ раздвоенный, имѣетъ видъ сохи; другой дѣлаютъ на подобіе бороны съ многочисленными сверху зубьями. По просьбѣ малыхъ ребятъ имъ пекутъ «пужки», продолговатые «шиловаценькіе» пирожки.

(Нарва, Гродн. Губ. Бѣл. Уѣзда.)

Въ другихъ мѣстахъ (Миръ Минск. Губ. Новогор. Уѣзда) пекутъ блины, трехугольные пироги, которые называются тутъ «хресцами», такъ какъ и самый день называютъ «Хресць», и говорятъ обыкновенно: «Ужо отъ Хресцовъ до Великодня только половина посту.» Въ Гродненской Губерніи часть засушеннаго «хресца» или «крестца» прячутъ до того времени, когда впервые выходятъ пахать землю.

(Вилен. Вѣстн. 1869 года № 6.)

Говорятъ что въ день средопостія «щука хвостомъ ледъ разбиваетъ.» (Въ Великороссіи къ этому еще прибавляютъ: «а овсянка поетъ: «Покинь санки, возьми возъ!»). Нѣкоторые думаютъ, что тогда же до двѣнадцати часовъ дня селедка тяжелѣе колбасы, а послѣ двѣнадцати—наоборотъ: это значитъ, что Пасха сдѣлалась для насъ ближе, чѣмъ начало поста. Мальчишки, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ переважно думаютъ видѣть, какъ щука хвостомъ ледъ разбиваетъ, и для этого, если рѣчка близко, они непременно стараются побывать на ней босикомъ (последнее условіе необходимо). Если же нѣтъ рѣчки, то идутъ къ «озерадамъ» посмотрѣть, какъ селедка мѣрлется съ колбасой.

Чтобы видѣть это явленіе, нужно прійти въ двѣнадцать часовъ ровно и босикомъ; въ противномъ случаѣ ничего нельзя увидѣть.

(Докшицы, Минск. Губ. Борис. Уѣзда.)

Другой, важный для нѣкоторыхъ селянъ, день въ посту, это—«поклоны». Подъ этимъ именемъ у нихъ извѣстенъ тотъ вечеръ, въ который совершается служеніе Св. Андрею Критскому, когда читается покаянный канонъ и кладутся поклоны.

(Миръ, Минск. Губ. Борис. Уѣзда.)

Въ мѣсяцѣ Мартѣ особеннымъ уваженіемъ селянъ пользуется праздникъ Благовѣщенія. Передъ праздникомъ хозяинъ наблюдаетъ, вылетитъ ли, или нѣтъ, пчела изъ улья. Въ первомъ случаѣ заключаетъ, что текущій годъ будетъ выгоденъ для пчелы; въ послѣднемъ наоборотъ. Во всякомъ случаѣ пчела ни какъ не должна вылетать изъ улья раньше «Сороковъ»; иначе она должна потомъ «отсидѣть» въ ульѣ столько времени, сколько теперь, своимъ раннимъ появленіемъ, она упредила «Сороки». Раннее, или позднее, явленіе пчелы указываетъ селянину и на урожай наступающаго года. «Который годъ медно (говорить пословица), тотъ годъ бываетъ не очень хлѣбно.» Такимъ образомъ ранній вылетъ пчелы изъ улья и, съ тѣмъ вмѣстѣ, обиліе въ будущемъ меда не совсѣмъ можетъ радовать селянина: «Будетъ не очень хлѣбно.»

(Ольшаны, Виленск. Губ. Ошмян. Уѣзда.)

На праздникъ Благовѣщенія хозяйка старается встать пораньше, чтобы «развязать соху», пока еще не всталъ хозяинъ. Хозяйка думаетъ, что въ такомъ случаѣ въ текущемъ году куры будутъ хорошо нести яйца. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще до восхода солнца хозяйки садятъ расаду. Тогда же кладутъ въ дымъ головки луку; думаютъ, что отъ этого онъ будетъ лучше расти и изъ середины головки не будутъ выходить «столбикки», которые портятъ его. Передъ всаживаньемъ въ землю, верхушки луку срѣзываютъ и обмакиваютъ ихъ въ свекловичный рассолъ.

День Благовѣщенія, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, селяне связываютъ съ воспоминаніемъ о «буслѣ», т. е., думаютъ, что не-

премѣнно долженъ прилетѣть къ намъ аистъ, и по этому случаю пекутъ пироги, такъ называемые, «галіоны», на подобіе аистовъ, съ чубкомъ, крыльями, ногами и хвостомъ. У сельскихъ мальчиковъ существуетъ даже причитанье, съ которымъ они обращаются къ аисту: «Буся, буся, на табѣ галіону, а мнѣ дай жита копу!» Собравшись въ какой ни будь домъ, и замѣтивши аиста, селяне обыкновенно разсуждаютъ между собою: «Што же намъ Богъ накаже сягодня: ци будзе гетый годъ сухое лѣто, ци мокрое, урожайное, ци ня урожайное.» Высмотрѣвши дерево, на которомъ сидитъ аистъ, они посылаютъ мальчика посмотрѣть, не выбросилъ ли аистъ изъ гнѣзда яйца, или маленькаго дѣтеныша. Въ первомъ случаѣ говорятъ, что годъ будетъ урожайный, «полный, какъ яйцо;» послѣднее предвѣщаетъ неурожай, голодъ: «Гетый годъ (говорятъ селяне), будзе голый, якъ голое буслянятачко.»

(Цыринь, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Малые ребятишки бѣгаютъ утромъ на сосѣдній дворъ и берутъ трески: цѣль та, чтобы съ чужого двора къ нимъ приходили нестись куры. Днемъ и малые и взрослые стараются увидѣть ласточку. Кому это удастся, имѣть, значитъ, потому такому счастливцу успѣхъ въ нахожденіи птичьихъ гнѣздъ. Съ послѣднею цѣлю употребляютъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, тѣ самыя средства, которыя мы указали выше, при описаніи «Сороковъ».

(Ольшаны, Вилен. Губ. Ошмян. Уѣзда.)

Старые люди почитаютъ своею священною обязанностию побывать въ исповѣди на Благовѣщеніе. Хозяйки слѣдятъ за погодой. Если на Благовѣщеніе дождь, значитъ, будетъ урожай на рожь. Если въ этотъ день теплая, сухая, погода, то и лѣтомъ будетъ засуха. Если погода умѣренная, можно ожидать умѣреннаго лѣта съ такимъ же урожаемъ. (Тамъ же). Если саней не оставитъ за недѣлю до Благовѣщенія, говорятъ еще селяне, то онѣ понадобятся на цѣлую недѣлю и послѣ Благовѣщенія.

(Чересы, Дисн. Уѣзда Выл. Губ.)

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохраняются еще слѣдующіе обычаи. Извѣстно, что на Западѣ счисленіе времени идетъ теперь

двѣнадцатю днями раньше нашего. Такое счисленіе въ XVI-мъ еще столѣтіи введено было въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Западной Россіи; Тогда относительно праздниковъ произошла нѣкоторая путаница. Одинъ праздновалъ, а у другого сосѣда были будни. Одинъ веселился, у него было Свѣтлое Воскресеніе, у другого же продолжался еще Великій Постъ. Такой порядокъ, или лучше безпорядокъ, поддерживался потомъ и во время Уніи. Теперь это разногласіе уничтожено; однако въ памяти селянъ осталось, что праздники Латинскіе и Православные приходятся не въ одно время. Въ эти промежуточные дни (мы говоримъ только относительно праздника Благовѣщенія) селяне строго соблюдаютъ, чтобы въ первый разъ не выгнать скота на пастбище; иначе потомъ онъ не будетъ держаться стада, будетъ отставать: самый внимательный пастухъ не досмотритъ за его цѣлостію. Отставшее считается вѣрною добычею волка. Чтобы избѣжать такихъ неурядицъ послѣдствій для дому, стараются выгнать скотъ передъ упомянутыми промежуточными днями, хотя было бы еще холодно; въ крайности ждутъ ихъ окончанія; особенно женщины внимательны къ этимъ днямъ. Опѣни за что не согласятся ткать въ эти дни, а тѣмъ болѣе начать новую работу. Такое дѣло, говорятъ, будетъ неспѣрно, а ссѣтанный въ эти дни холстъ непременно окажется гнилой. Изъ дому боится даже одолжить сосѣду какую ни будь вещь, особенно необходимую при прядени, или тканьи. Если одолжать, то «замыкаютъ ее въ замокъ;» принесши на домъ, отворяютъ одолженную вещь, и только въ такомъ случаѣ она можетъ считаться безвредною; при возвратѣ одолженную вещь опять необходимо «замкнуть» иногда еще въ томъ и другомъ случаѣ привязываютъ къ вещи нѣсколько льну, что почитается равносильнымъ съ «замыканьемъ».

Послѣ праздника Благовѣщенія скоро наступаетъ 1-ое Апрѣля. Оно собственно извѣстно повсюднымъ обычаемъ взаимно обманывать въ этотъ день другъ друга. Въ «Календарѣ народныхъ примѣтъ, обычаевъ и повѣрьевъ на Руси,»* обычай этотъ объясняется тѣмъ, что 1-го Апрѣля просыпается домовый, и по тому должно обманывать другъ друга.

* Напечатаннымъ въ «Чтеніяхъ въ Императ. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1864 г., кн. 4, Отд. V. О. Б.

Около этого времени бываетъ новый праздникъ, Недѣля Ваиѣ. Онъ пользуется у селянъ громаднымъ уваженіемъ и извѣстенъ подъ именемъ «Вербича», «Вербицы», или «Вербой Недѣли.» Еще заблаговременно многіе селяне] наламываютъ вѣтокъ вербы, вставляютъ ихъ въ кувшинъ съ водою и держатъ въ теплой комнатѣ; приготовленныя такимъ образомъ вѣтки распускаются. Въ недѣлю Ваиѣ приносятъ ихъ въ церковь для освященія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Шарковщина Вилен. Губ. Двѣн. Уѣзда) матери не позволяютъ ничего ѣсть своимъ дѣтямъ до времени окончанія въ церкви обѣдни, или, по крайней мѣрѣ, освященія вербы, чтобы дѣти прежде всего на тощакъ могли съѣсть по три почки отъ освященной вербы. Въ этомъ видятъ предохранительное средство отъ лихорадки, которая свирѣпствуетъ весною. Въ Гродняской Губерніи до недавняго времени привозили въ Недѣлю Ваиѣ въ церковь для освященія вербу цѣлымъ деревомъ, съ корнями; послѣ освященія, съ нея ломали вѣтки (Вып. (Вѣсти. 1869 года № 7). Освященная верба у селянъ имѣетъ большое значеніе. Они видятъ въ ней духовное оружіе противъ дьявола: думаютъ, что съ этихъ поръ они могутъ прогнать его, такъ какъ, по мнѣнію ихъ, онъ проживалъ на деревьяхъ со времени освященія воды. Освященная верба тщательно хранится хозяйкою; иногда ее вѣшаютъ въ скотномъ сараѣ, для предохраненія скота отъ навожденія силы дьявольской. Мы встрѣтились еще съ разнаго рода священнымъ употребленіемъ этой вербы. Теперь скажемъ только, что самый ударъ освященною вербою считается полезнымъ; по чему селяне, по выходѣ изъ церкви, ударяютъ другъ друга съ нѣкоторыми причитаніями. Эти причитанія нѣсколько рознятся по своему содержанію, смотря по тому, къ кому бываютъ обращены. Ударяя стариковъ, приговариваютъ:

Не я бью, верба бье,
 За тыждень—великдень;
 Хвора въ лѣсъ, на вересь,
 А здоровье въ кости.
 Не я бью, верба бье,
 За тыждень—великдень;
 Будь здоровъ, якъ вода,
 А рости, якъ верба!

Или:

Будь здоровъ на весь годъ!
Будь такъ весель, якъ весна;
Будь такъ крѣпокъ, якъ зима!

Или:

Не я бью, верба бье;
За тыждень—великдень;
Не будь сонливый,
До работы лѣнивый;
Не будь завысливый,
Але будь здоровъ, якъ вода,
Рости, якъ верба!
Будь шмыткій, якъ пчела;
Будь богатый, якъ земля!
Одъ року до року
Вербою по боку.

Пастухамъ говорятъ:

Не я бью, верба бье,
За тыждень — великдень;
Вставай рано, волы гоня,
Да по лускъ хлѣба бери,
Напаси, напои,
Да и въ хлѣвъ загощи!

(Въ различныхъ мѣстностяхъ Губерній Вилен., Гродн. и Минск.)

Послѣ Недѣли Ваіі начинается «Страстная,» или «Чистая седмица.» Много заботъ и хлопотъ предстоитъ селянину въ эту недѣлю. Еще въ Недѣлю Ваіі удары вербою напоминали ему, что «за тыждень—великдень.» Для селянина эти слова имѣютъ глубокой смыслъ: нужно, значитъ, приготовиться достойно встрѣтить величайшій праздникъ изъ праздниковъ и торжество изъ торжествъ. И вотъ съ «Чистой» среды, или четверка, онъ уже въ хлопотахъ. Нужно и домъ очистить, чтобы онъ глядѣлъ нѣсколько по праздничному, и запастись кое чѣмъ къ празднику. Все это для нашего селянина, знающаго до послѣдняго времени одни только будни, слишкомъ нелегко, не-

сподручно. Но нечего дѣлать! Высокое духовное чувство о предстоящемъ великомъ праздникѣ окриляетъ его, дѣлаетъ находчивымъ. Онъ начинаетъ подчищать свою избенку, а его кропотливая хозяйка уже успѣла наполнить свою небогатую кладовую нѣкоторыми припасами къ празднику. Въ «Чистый» четверкъ селяне считаютъ священнымъ долгомъ сходить въ церковь на «утрель» (на 12 Евангелій), и въ вечеръ этого дня стараются какъ бы покончить съ насущными потребностями. Все вниманіе бываетъ обращено на приготовленіе къ празднику.

Въ Западной Россіи съ давнихъ поръ, существуетъ обычай готовить, такъ называемое, «Свеченое.» Въ каждомъ домѣ, и богатые и бѣдные, всѣ свято стараются соблюсти этотъ обычай, и чѣмъ больше будетъ печенья, варенья, пирожнаго, тѣмъ лучше. Бѣда, если хозяйка слишкомъ щепетивна: она просто мучитъ себя въ эти дни. Всѣ думы ея сосредоточены на томъ, чтобы, если уже не превзойти, то, по крайней мѣрѣ, не отстать бы ей отъ своихъ сосѣдокъ. А сколько приходится испортить всякаго рода матеріалу (конечно, въ домахъ богатыхъ), и все это ни по чемъ, только бы, достигнуть своей цѣли. Тщательно и внимательно прислушиваются потомъ хозяйки къ каждому слову вкушающихъ «свеченое», стараются уловить всѣ ихъ взгляды. Ваше одобреніе ея произведеній служить для нея единственною, послѣднею, желанною наградою, и, сохрани васъ Богъ не отвѣдать «свеченого», заявить относительно чего ни будь свое неудовольствіе: вы, послѣ этого, навживаете себя вѣчнаго, кровнаго врага. Такому обычаю свято слѣдуютъ и селяне. Сколько ни будь состоятельному селянину-хозяину стыдно не имѣть на столѣ въ Свѣтлый праздникъ яицъ, масла, сыра, колбасъ, нѣсколько бабокъ (пирогі), пасхи, поросенка жареннаго, жаркого изъ телятины, говядины, окорока, или ветчины. Всѣ приготовления хозяйскіе должны быть кончены къ полудню «Чистой субботы.» Все это уставляется потомъ на столѣ и просятъ на домъ Священника освятить. Иногда же укладываютъ приготовленное въ корзины и приносятъ къ церкви, гдѣ Священникъ и освящаетъ его послѣ пасхальной заутрени. Все освященное имѣетъ свое значеніе, и сохраняется какъ даръ и милость Неба. Скатерть, на которой уставляется «свеченое», охраняетъ отъ града, коль скоро при появленіи градовыхъ тучъ она будетъ разостлана на дворѣ. Кости отъ священной говядины

закапываются на нивахъ, въ надеждѣ хорошаго урожая. Будучи съѣдены собаками, онѣ предохраняютъ ихъ отъ бѣшенства. Въ день Пасхи боятся одалживать огня: вмѣстѣ съ огнемъ можетъ быть перенесено ко сосѣду и благосостояніе одалживающаго.

(Уѣзды Борисовскій и Дисненскій.)

На Богослуженіи стараются побывать всѣ селяне. Потомъ идутъ домой, и здѣсь разговляются. Пріѣхавшіе въ церковь на обратномъ пути стараются перегнать другъ друга. Про это они говорятъ: «Если я перегоню сегодня другихъ, то моя лошадь будетъ цѣлый годъ сильна и будетъ перегонять всѣхъ сосѣднихъ.

(Городокъ, Вил. Губ. Вилейск. У.)

Христосуются и встрѣчаютъ другъ друга обычнымъ Христіанскимъ привѣтствіемъ: «Христосъ воскресъ,» и «Во истину воскресъ! На первый день боятся ходить въ гости одинъ къ другому; боятся, чтобы о такомъ не сказали, будто онъ «жабруе» (милостыни просить). На второй и третій день сходятся между собою пріатели, друзья, родные, сосѣди, и тутъ-то честь и слава тому, у кого лучше «свеченое».

Сельскіе мальчики ходятъ теперь по домамъ, поютъ пѣсни и собираютъ въ подарокъ яйца; сами они называются «волоچهбниками» (отъ «волочиться»), а иль подарки «волочебнос.» Подошедши къ окну избы волочебники, во главѣ съ починальникомъ-мѣхоношомъ, иногда скрыпакомъ, поютъ:

Да ци дома панъ господарь?
Христосъ васкресь, Сынъ Божій.
Кали дома, сѣдай коня,
Христосъ васкресь, Сынъ Божій *
Сѣдай каня, ѣдзь на поле:
Па твайму полю самъ Богъ ходзиць,
Самъ Богъ ходзиць, да жито родзиць,
Святый Юрій да врасився,
Святый Петро вкаласився;

* Этотъ куплетъ повторяется за каждымъ стихомъ.

Святая Илья жито жала;
Жито жала, въ скирты клала.

Или:

Христось воскресъ!
Ишли, пришли, валочобники,
Играючи, спѣваючи,
Добраго пана шукаючи.
Добры вечоръ, нане гасподару!
Чи спишь, чи ляжишь, пане гасподару?
Кали жь да спишь, Богъ съ табою,
Кали жь ня спишь, ходзь за мною,
Атчини акно, паглядзи на дворъ:
На тваимъ дварѣ стаиць шацѣръ,
Навиосенькій, бялюсенькій,
А у томъ шатрѣ залатое кресло,
На томъ креслѣ самъ Богъ сядзиць.
Передъ Богомъ усѣ Свати
Шикуются, рахуются:
Катораму Святу напередъ пайци?
Святые Сараки напередъ пашли,
Святой Алексѣй сохи чешець,
Святое Благовѣщенье заариваець,
Святой Вербичъ вярбу расвенцаець,
Чистый чецьверъ ячмель засѣваюць.
Святое Величко зъ краснымъ лечкомъ;
Першій дзень пираги маюць,
А сяредній дзѣнь пагуляюць,
А паслѣдній дзѣнь выправляюць:
Радавница статець запасываець.
Святой Юрій, Божій пасолъ,
Да Бога пашовъ,
А взявъ ключи залатые,
Атамкнувъ землю сырусенькую,
Пусцивъ расу цяплюсенькую
На бѣлый свѣтъ и на ввесь свѣтъ.
Святой Барисъ бабы сѣець,
Святой Микола па межамъ ходзиць,
Жито родзиць,

Урасився, умачився,
 Подъ залатый поясъ падаткунвсь,
 Святый Ушестникъ жита выплываецъ,
 Святая Семуха на вазы возиць
 И Бога просиць;
 Святый Дзевятникъ жита равнуецъ,
 Святая Десятуха жита красуецъ,
 Святый Иванъ пщолы садзиць,
 Подъ перелазамъ па шещера разамъ;
 Святый Петра жита спелиць,
 Святый Кузьма сярны робиць (залатые, новыя и сталевые),
 Святый Павлюкъ грабли робиць,
 Святый Дземянъ сѣна грабиць,
 Святый Барисъ снапы зносиць,
 Святые Ганны дамовъ возяць,
 Святый Спасъ жита пасвенцаецъ,
 Святая Пречистая папаръ мешаецъ
 И жита заѣвасць,
 А другая ей памагаецъ,
 Святое Узвиженье зъ поля збераецъ
 Святый Михайла зъ халоднымъ вѣтромъ,
 Святый Пакровъ землю пакривъ,
 Землю листомъ, а воду дѣдомъ,
 Святый Юра грудай гвоздиць,
 Святый Микола снѣгомъ мосциць;
 Пришли калядки, господаромъ парадки
 Святая Васидля дзажу мясила,
 Пираги пывла и рагатые и багатые.
 Святое Вадахрище воду пасвенцаецъ,
 Людзей пакрапляецъ,
 Святые Грамницы свѣчи пасвенцаюць.
 Пришли Саракы да другихъ Сараковъ.
 Дай же, Боже, господарамъ здаровье!
 Дай же, Боже, кабъ жита радзила,
 На нивѣ капамы, а у гумнѣ скиртами,
 На таку умалотамъ, а у арудзѣ спораимъ,
 А у арудзѣ намоламъ,
 У дзажѣ падходамъ, а у печи ростамъ,
 На сталѣ сыцъемъ!
 Гаснадарокъ, дари гасцей,

Не бавъ, бардзей.
 Наши дары нявядчкы,
 У дзвери ня лезуць,
 У акно шыюць.
 Пачинальнику капу яецъ,
 А памагальникамъ па дзедатку,
 Для мѣханоса три гроша,
 Музыцкая (музыканта) горкая доля:
 Што даюць, бярець тоя,
 А не даришь, праси у хату,
 Мы на тоя прыступаемъ,
 Кварту гарелкы,
 Сыръ на тарелкы. Христосъ васькресъ!

(Борис. и Диска. Уѣзловъ.)

Такъ поюць волочebníки хозыину; если у него. есть дочь, то и ей спюють пѣсенку:

Да на озерѣ да на синенькомъ,
 Да на каменѣ да на бѣленькомъ,
 Красна Мариська бѣль бѣлила,
 Бѣль бѣлила, ручки мыла,
 Ручкы мыла, перстень вронила;
 Тудою шли два малойчкы,
 Два малойчкы, рыбаловчкы:
 «Ахъ вы мои, два малойчкы,
 Два малойчкы, рыбаловчкы;
 Да закинъте шолковъ неводъ.
 Да зловице мой золотъ перстень!»
 «Красна Марися, що намъ са того буде?—
 «Аднаму мой золотъ перстень,
 А другому сама молодзя,
 Сама молодая, косица русая».—
 «Красна Марися, да не кажи гани,
 Да не кажи гани; да кажи падары!»

Въ честь хозыйскаго сына:

Да ляцяць, ляцяць, два голубочка,
 Да нясуць да па желудочку:
 Гдѣ желудочки пали,
 Тамъ два дуба стали,

Межь тихъ дубовъ да Дунай пече,
 Въ томъ Дунаѣ челнокъ плыве,
 Въ томъ челноку маладой паничъ,
 Маладой паничъ, душа Сцепанко;
 Падъ Новгородъ надъвзжая,
 Турчатъ павыкликаая:
 «Выйди, выйди, панъ Турчанинъ!»
 Панъ Турчанинъ ня выходзиць
 «Мы твайхъ служекъ ня принимаемъ,
 Мы твой городъ разстраляемъ,
 Разстраляемъ, разрубаемъ,
 Да стрѣлками перетычемъ,
 Къ собѣ паненьку перекличемъ!»

(Осташино, Минск. Губ. Новогор. У.)

Послѣ всякой пѣсни волочечники просятъ яицъ: «Проша, пане Гасподарю, пару яицъ падаци, на шкадаваци, штобъ было за што падзѣнковаци; проша, проша, проша!» Если на таную убѣдительную просьбу не послѣдуетъ желаннаго отвѣта, т. е., коваинъ не дастъ «волочечнаго», то отъ нихъ онъ услышитъ слѣдующую пѣсню: «Штобъ на тваѣй пачи крапива расла! Штобъ чвая нива зельмъ зарасла!...» Или: «Перейшли сляздо, знашли яйцо; перейти другое, згубили и тое.» На другой день малыя ребячешки бѣгутъ къ своимъ крестнымъ родителямъ «по волочечное;» иногда сельные родители, вмѣсто «волочечнаго» (яичекъ), даютъ имъ кусокъ пирога. А нужно знать, что все вниманіе мальчишкѣ обращено бываетъ теперь главнымъ образомъ на то, какъ бы побольше собрать яичекъ, и по тому въ послѣднемъ случаѣ они съ негодованіемъ отвергають предлагаемое: «Развѣ я жабракъ (говорять они)? Да й у насъ здается цяперъ ня дзяды, а Вяшкдень, ня буду я булшъ называць ихъ свайми хрищеныма радзѣнцалы.»

(Осташино, Минск. Губ. Новогор. У.)

Собравши достаточное количество яицъ, деревенскіе ребячешки устрояють разнаго рода игры, къ нимъ пристають иногда взрослые парни и дѣвки. Устрояють большею частію на землѣ маленькую покатость, по которой и начинаютъ «катать яички.» Съ одной стороны честь и слава тому, у кого яичко, пущенное по направленію покатоости, пройдетъ самое большое простран-

ство; съ другой еще болѣе выигрываетъ тотъ, кто приоровится пустить яичко такъ, чтобы оно на своемъ ходу задѣло яички его сотоварищей: всѣ они поступаютъ въ собственность побѣдителя. Это уже видимые трофеи его побѣды. Кромѣ катанья яицъ, сбиваютъ еще ихъ въ рукахъ. Дѣло происходитъ такъ: одинъ держитъ въ рукѣ яйцо носкомъ въ верхъ; а другой долженъ ударить въ него тоже носкомъ своего яичка. Не позволяется дѣлать удары въ сторону, въ бокъ. Счастливъ, кто остался побѣдителемъ, т. е., кто ударомъ яйца пробилъ скорлупу яичка своего сотоварища. Сбитое яйцо получаетъ побѣдитель. Побѣжденный, приходитъ иногда въ нилъ и рѣшается, во что бы то ни стало, одолѣть своего противника; и за частую такому приходится поплачиваться десяткомъ и болѣе яицъ, если попадетъ на «крѣпкое» яйцо. Тщательно и съ немалымъ самодовольствомъ считаетъ побѣдитель свои жертвы, и слово о немъ проносится далеко въ околodкѣ. Даже изъ другихъ деревень приходятъ къ нему помѣряться силами.

Приготовить къ Пасхѣ «крѣпкое» яйцо—верхъ счастья и блаженства для сельскаго мальчика. Съ этою цѣлью употребляется очень много хлопотъ и старанія. Нѣкоторые мальчики, запасаются яйцами дикихъ птицъ разнаго рода; другіе стараются достать «сносокъ», т. е., первое яйцо, которое снесетъ курица: оно действительно бываетъ крѣпче другихъ и по величинѣ меньше; нѣкоторые просверливаютъ дырочку и выпускаютъ изъ яйца желтокъ и бѣлокъ, надѣясь, что оставшаяся одна скорлупа, обхватываемая воздухомъ, будетъ упорнѣе при ударѣ, нежели яйцо въ своемъ естественномъ видѣ. Нѣкоторые, вмѣсто выпущеннаго яичнаго желтка и бѣлка, напускаютъ туда воску, отъ чего яйцо получаетъ значительную «крѣпость». Иные просто съ предыдущаго года откладываютъ еще нѣсколько яицъ надѣясь, что если они пролежатъ значительное время, то приобретутъ крѣпость. Крѣпость яицъ узнаютъ легкимъ ударомъ оконечностей ихъ въ зубы. Чѣмъ выше и чище слышится звукъ, тѣмъ, значить, яйцо крѣпче. При сбиваніи яицъ противники иногда взаимно пробуютъ крѣпость ихнихъ яицъ; это, впрочемъ, зависитъ отъ условія. Иногда они взаимно мѣняются ими. Во всякомъ случаѣ *conditio sine qua non*, это, чтобы яйцо было не поддѣльное и даже не «сносокъ». Обманщика, если поймать, предають общему, всенародному, позору; на него ведаѣ

будутъ указывать пальцами. Только тотъ пользуется почетомъ кто въ побѣдѣ надъ противникомъ имѣлъ одинаковыя съ нимъ силы, имѣлъ яйцо простое, естественное. Последнее, если оно одержало многочисленныя побѣды, само оставаясь цѣлымъ, сохраняется потомъ, какъ святыня.

Играютъ еще и такъ. Одинъ беретъ яйцо, и кладетъ его подъ шапку: вдоль, или поперекъ, это тайна, которую долженъ отгадать противникъ. Онъ поверхъ шапки кладетъ палочку, норовя положить ее въ такомъ направленіи, въ какомъ, по его мнѣнію, подъ шапкой лежитъ яйцо. Если палочка будетъ положена удачно, загадка, значить, отгадана, и отгадавшій пользуется за это яйцомъ. Въ противномъ случаѣ онъ приплачивается своимъ. Качаются еще на качеляхъ, которыя обыкновенно устраиваются при каждомъ домѣ.

Въ праздникъ Пасхи, по древнему обычаю, дарятъ взаимно другъ друга яйцами. Въ Западной Россіи этотъ обычай имѣетъ особенное значеніе между парнями и дѣвушками. Въ Гродненской Губерніи Кобринскаго, Уѣзда взрослые дѣвушки даютъ по нѣскольку паръ яицъ молодымъ парнямъ; парни, въ свою очередь, дарятъ имъ въ храмовые праздникі нѣскольку паръ бубликовъ. Такой обмѣнъ, говорили намъ, происходитъ не только между парнями и дѣвками одной деревни, но и между нѣсколькими деревнями, жители которыхъ хоть сколько ни будь знакомы межъ собою. Обмѣнъ этотъ происходитъ въ знакъ любви.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на первый день Пасхи не выносятъ сору изъ избы: считаютъ грѣхомъ.

Приготовленное «свеченое» селяне обыкновенно ѣдятъ утромъ, разговляются имъ. На первый и второй день праздника почти имъ только и довольствуются. Потомъ готовятъ что ни будь теплое къ обѣду, и ужъ послѣ обѣда «свеченого» не ѣдятъ. «Свеченое» они непременно стараются «дотянуть до проводъ» (Фоинной недѣли). Въ этотъ день все должно дѣлаться также, какъ и на Пасху. Даже разговляются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ яйцомъ и говорятъ при этомъ: «Яйцами отговѣлись (на Пасху), яйцомъ и закончимъ» (на проводы). На «проводы» вечеромъ селяне, по мѣстному выраженію, «полощутъ зубы и зиму прогоняютъ въ вырей» тѣмъ, что вечеромъ устраиваютъ порядочную попойку и закуску.

(Миръ, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Селяне большею частію празднують всю «Свѣтлую Седмицу.» Первые три дня празднуются собственно въ память Воскресенія Христова. Среду Свѣтлой Седмицы селяне называютъ «градовою» и боятся работать на томъ основаніи, что такому человѣку можетъ потомъ постоянно угрожать опасность отъ града, и на оборотъ: молитвой въ градовую среду можно обезопасить себя отъ такой бѣды. Въ четверкъ нѣкоторые празднуютъ память воскресенія умершихъ (Еремичи Минск. Губ. Новгор. У.). Но большею частію поминовеніе умершихъ совершается въ понедѣльникъ, или во вторникъ, Оминой недѣли. Это—«Радуница», которая, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Мирь, Минск. Губ. Новгор. У.) подраздѣляется на «живую и мертвую.» Первая въ понедѣльникъ Оминой недѣли, и тогда семья молится о благоденствіи живущихъ; вторая—во вторникъ, и тогда поминаютъ усопшихъ. Идутъ въ церковь, «закупаютъ обѣдню» за упокой усопшихъ, потомъ идутъ на могилы родныхъ, плачутъ тамъ и въ заключеніе угощаются. Приглашаютъ и покойныхъ родителей: «Святые радзицели, хадзице, хадзице, къ намъ ѣсци, што Богъ давъ!» Избранную могилу покрываютъ скатертью, на ней ставятъ приготовленные по состоянію кушанья, выливаютъ нѣсколько на могилу для покойныхъ. Иногда говорятъ: «Душамъ парка (парь, поднимающійся надъ блюдами), а намъ стравка.» Пообѣдавши, остатки отдаются нищимъ, собравшимся тутъ и поющимъ религіознаго содержанія пѣсни. Нѣкоторые уходятъ домой, простившись съ усопшими и выразивъ желаніе, чтобы земля не давила имъ груди, не нарушала бы покоя, который весною особенно для нихъ пріятенъ. Большая часть собравшихся остаются на могилахъ до поздней ночи. Все «Радовишнее» торжество извѣстное еще подъ именемъ «Радовишныхъ дѣдовъ, должно отличаться особенно печальнымъ, чувствительнымъ, характеромъ.

Внимательно слѣдятъ за тѣмъ, въ какое время «приходятъ» эти «дѣды:» если они пришли въ «маладзикъ,» новолуніе, будетъ, значить, въ текущемъ году хорошій урожай; напротивъ, дѣды приключились въ «ветошку,» послѣднюю четверть, и селяне тутъ ждутъ неурожая, по поговоркѣ: «Радовница ветошка, не будземъ ѣсць хлѣбъ изъ горшка.»

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Еремичи, Минск. Губ. Новгор. У.) существуетъ повѣрье, что на «Радовницу» воскресаютъ умершіе, приходятъ въ церковь молиться Богу; думаютъ, что ихъ можно даже видѣть, стѣбитъ только употребить слѣдующее средство. Нужно,

говорять, взять тѣ пряди льна, которыя находятся подъ холстомъ, когда его ткуть. Эти пряди нужно спрясть, ссучить и выткать изъ нитокъ поясъ. Все необходимо сдѣлать въ одинъ день. Достаточно потомъ подпоясаться такимъ поясомъ, выйти изъ дому и стать возлѣ церкви, чтобы увидѣть, какъ мертвые будутъ ити въ церковь. Одинъ человекъ, продолжаютъ далѣе, поступилъ точно такимъ образомъ и дѣйствительно, въ извѣстное время, въ опредѣленномъ мѣстѣ, увидѣлъ мертвыхъ, отправляющихся въ церковь. Въ числѣ послѣднихъ онъ узналъ яко бы и своего дядю, который, подошедши къ нему, велѣлъ ему снять верхнее платье, повѣсить на заборѣ; самъ онъ, по указанію дяди, не осматриваясь, долженъ былъ ити домой. Пришедши на другой день за платьемъ, онъ, вмѣсто всего, нашелъ только одни ключья.

Послѣ праздника Пасхи, раньше, или позже, селяне празднуютъ Святаго «Юрія.» Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Миръ, Мивск. Губ. Новгор. У.) въ этотъ день селяне отправляются на кладбище, просятъ туда Священника отслужить имъ панихиду. Помянувши своихъ родныхъ, они остаются, съ принесенными заблаговременно кушаньями и водкой, на могилахъ родныхъ, пьютъ, кушаютъ, поютъ пѣсни по умершихъ; остатокъ отъ кушанья они оставляютъ на могилахъ, полагая, что мертвые воспользуются этимъ по ихъ уходѣ, такъ какъ въ присутствіи живыхъ они не могутъ ѣсть. Водку, если остается, обыкновенно выливаютъ на могилу, въ той мысли, чтобы, по крайней мѣрѣ, облить ею мертвого, если бы вставши потомъ, онъ не захотѣлъ ее пить. День Георгія считается послѣднимъ, въ который можно еще сбивать ейца, оставшіяся отъ праздника Св. Пасхи.

Считается необходимымъ вывести лошадей въ поле въ ночь передъ Св. Георгіемъ. Говорять, что въ это время является первая роса, которая очень полезна для скота, особенно для лошадей; въ пѣснѣ поется:

Святый Юрій да вросився.

Или:

Святый Юрій, Божій ключникъ!

Или:

Вазьми ключи, иди въ стайню;
 Вазьми каня варонаго;
 Идзь у поле у чистое;
 Атамни землю, пусци расу!

Или:

Юрій, вставай рано!
 Атмыкай землю,
 Выпускай расу
 На цѣлое лѣто,
 На буйнос жито,
 На ядренистое,
 На каласистое
 Людзямъ на здравье,
 Панама на змиренье;
 Панама пацоваць,
 Жидамъ арендоваць!

(Минской Губерніи.)

Условившись съ извѣстнымъ ночлежникомъ, которому хозяинъ намѣренъ поручить своихъ лошадей, онъ, со всею семьею, становится передъ иконою Св. Георгія, и молится ему сохранить его лошадей невредимыми. Послѣ молитвы хозяинъ беретъ столько яицъ, сколько у него лошадей, три раза обходитъ кругомъ «хлѣвъ» гдѣ стоятъ лошади, и потомъ кладетъ ихъ подъ порогомъ. Перекрестившись три раза, хозяинъ отворяетъ хлѣвъ, входитъ туда, приговаривая: «Пришла Юрьевая раса, ня дамъ вамъ овса;» три раза гладитъ ихъ рукою по всему хребту, надѣваетъ узду, выводитъ изъ хлѣва и старается самъ правою ногою вступить на пороги хлѣва, гдѣ положилъ яйца; тамъ, по мнѣнію селянъ, находится дьяволъ, который всячески старается повредить лошадямъ, и можетъ сдѣлать это только на канунѣ Юрьева дня. Ступить правою ногою на пороги хлѣва значитъ совершенно обезсилить дьявола, сдѣлать его для себя безвреднымъ. Выведши лошадь изъ хлѣва, хозяинъ передаетъ ее ночлежнику; съ тѣмъ виѣстъ онъ даетъ ему пару колбасъ, кварту пшеничной муки, кусокъ сала, какой ни будь десятокъ яицъ, нѣсколько денегъ. Ночлежникъ от-

правляется въ заранѣе уже условленное съ своими сотоварищами мѣсто, и тамъ всѣ они устрояють себѣ угощение.

(Загорье Сѣвнинское, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

На канунѣ праздника Георгія хозяйки, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, готовятъ хлѣбъ, такъ называемый, «коровай», обертываютъ его потомъ скатертью и отдають хозяину. Взявши коровай, хозяинъ кладетъ его въ «кошель», сумку изъ коры бересты. Вставши на другой день какъ можно раньше, хозяинъ беретъ «кошель съ короваемъ», отправляется въ дорогу и обходитъ всѣ свои поля. Пришедши къ послѣдней полосѣ, гдѣ растетъ рожь, вынимаетъ «коровай», кладетъ его въ рожь, и сравниваетъ высоту ржи съ короваемъ. Если коровай прячется во ржи, то рожь, говорятъ, въ текущемъ году будетъ хороша. Прочитавши тутъ же молитву, хозяинъ отправляется домой. Если онъ возвращается домой рано, такъ, что изъ семьи не всѣ еще встали, то онъ самъ немного отдыхаетъ, и потомъ, когда всѣ приготовятся къ завтраку, хозяинъ разрѣзываетъ «коровай» на порціи, по числу членовъ семейства, и всѣ вмѣстѣ, послѣ молитвы, завтракають. Отвѣдавши «святаго хлѣба», хозяинъ спѣшитъ въ церковь помолиться Св. Георгію о сохраненіи его «скотишки.»

(Озаты, Гродн. Губ. Кобр. Уѣзда.)

Въ другихъ мѣстахъ эти обрядности совершаются нѣсколько сложнѣе, болѣе торжественно. Приготовивши «коровай» хозяева, иногда съ семьей, раненько, непременно на тощахъ, отправляются въ обходъ по своимъ полямъ. Кромѣ коровай они берутъ съ собою водку, колбасы, яйца, кости отъ той говядины, которую освящали на праздникъ Пасхи. Кости сохраняются или въ естественномъ видѣ, или въ видѣ порошка, послѣ сожженія ихъ. Пришедши на поле, хозяева иногда качаются сами по ржи, чтобы окропиться Юрьевой росой, и потомъ качають свои короваи. Обходятъ свои нивы съ пѣснями: «Юрій, вставши рано, отмыкай землю!» и проч. На границѣ поля поздравляють свою ниву: «Здравствуй, нива святая!» говорятъ селяне; «поздравляемъ съ хлѣбомъ, солью и Св. Юріемъ. Кабъ Богъ найвысшій и Св. Юрій потѣшилъ погодою и здоровьемъ!» Хозяину при этомъ желаютъ «пиво робить, сына женить (если есть), горѣлку гнать, дочку замужъ дать» (если есть).» Послѣ этого тутъ же начинается

пированье: Выпиваютъ принесенную водку и закусываютъ. Костями, если онѣ въ естественномъ видѣ; обтыкаютъ межу; если же онѣ сохранены въ видѣ порошка, то послѣднимъ обсыпаютъ тѣ мѣста, на которыхъ растетъ осока. Думаютъ, что послѣ этого не будетъ расти сорная трава.

Обходить поля съ вербою, освященною въ Недѣлю Ваи. Потомъ въ извѣстномъ мѣстѣ втыкаютъ ее въ землю, въ той надеждѣ, что этимъ защитятъ ниву свою отъ града. Для избавленія отъ града прибѣгаютъ еще и къ такому средству. Когда завидятъ «градовую» тучу, отламываютъ нѣсколько вѣточекъ освященной вербы, берутъ разнаго рода травы, «зелье», освященное на Юанна Крестителя въ прошломъ году, на «зелнюю» (Успение Пр. Богородицы); бросаютъ все это на горячіе угли: думаютъ, что туча послѣ этого пройдетъ безъ вреда.

Среди селянъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, сохраняется и преданіе, по чему необходимо въ день Св. Юрія совершать обхождение своихъ полей. Говорятъ, что когда-то было сдѣлано такое распоряженіе, что если сынъ не убьетъ своего состарѣвшагося отца въ то время, когда самъ можетъ быть хозяиномъ, то самъ онъ отъ своего общества долженъ подвергнуться этой участи. Оказалось, что одинъ добрый сынъ слишкомъ былъ расположенъ къ своему отцу, и у него ни какъ неподнималась рука совершить убійство. Не хотѣлось въ то же время, и самому подвергнуться тяжелой участи. Вотъ любящій сынъ спряталъ своего отца въ погребъ, распустивъ тогда же молву, что онъ убилъ его. Дѣло было улажено: Сынъ между тѣмъ постоянно посѣщалъ своего отца, доставлялъ ему все необходимое для жизни и пользовался его совѣтами. Случилось, что въ домѣ не стало ржи для обсева полей, да и негдѣ было купить. Сынъ обратился за совѣтомъ къ отцу, какъ поступить въ данномъ случаѣ. Отецъ приказалъ ему пойти, набрать соломы, которою покрыты дома, хорошо перемолотить ее и потомъ разсеять по полю. Сынъ такъ и сдѣлалъ. Съ наступленіемъ весны сынъ пошелъ посмотреть, что дѣлается съ его нивой, каковы всходы; но тамъ, къ его удивленію, хоть шаромъ покати: ничего не было. Опечалился сынъ и опять поспѣшилъ къ отцу повѣдать скорбь свою и горе. Отецъ объявилъ ему, что онъ въ день Св. Георгія долженъ пойти на поле, обойти его и потомъ послушать, что будетъ говорить рожь. Обошедши поле, сынъ приложилъ ухо къ землѣ и сталъ слушать, улегшись на загонѣ; рожь

какъ бы говорила ему: «Посунься ты; тутъ сидятъ три;» что яко бы указывало на будущіе густые всходы. Дѣйствительно, рожь родилась великолѣпная, кустистая, на загляденье всѣмъ сосѣдямъ. Благодарный сынъ открылъ, въ чемъ тайна, и виновника ея указалъ въ своемъ отцѣ. Всѣ, конечно, наполнились глубокаго уваженія къ старцу, порѣшили не убивать болѣе своихъ родителей, а на Св. Георгія обходить поля и слушать, что говорить рожь.

(Ольшаны, Виленск. Губ. Ошмянск. У.)

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще водится обычай, чтобы молодлица (вошедшая той зимы въ хату замужъ) покрыла всходы ржи полотномъ. Послѣ того пьютъ и закусываютъ въ честь покровителя стада и хозяйства. Еще иногда нѣсколько дѣвокъ спекутъ большой «коровай» и, въ сопровожденіи «хлопцевъ», несутъ его съ торжествомъ надъ головами; заходятъ съ поздравленіями къ почетнымъ хозяевамъ, ради почтиванья, а главное ради честнаго пожеланія, чтобы участницамъ въ обрядѣ не довелось болѣе ходить съ короваемъ на Юрія, но къ слѣдующему году посчастливилось выйти замужъ. «Хлопцы» выкупаютъ «коровай» въ складчину рубля за полтора и менѣе; послѣ всего устроится общая закуска и выпивка.

(Гродн. Губ. Виленск. Вѣстн. 1869 г. № 12.)

По погодѣ дня Св. Юрія хозяева гадаютъ объ успѣхѣ въ хозяйствѣ. Если въ Юрьевъ день идетъ дождь (густой, большой), то, говорятъ, будетъ расти большая рожь. Если дождь будетъ только «кропить», то будутъ весь годъ коровы доить. Если будетъ роса, то будетъ довольно копяиъ овса.

Примѣчаніе. Вѣдикорусскія повѣрья и примѣты на Юрія: «На Юрія роса—не надо коняиъ овса. Юрій запасаетъ коровъ. Юрій праздникъ пастуховъ. Юрьева роса отъ сглаза, отъ семи недуговъ. Будь здоровъ, какъ Юрьева роса! Яровой сѣи до Егорья, или съ Егорья! Богатый сытъ и въ Юрьевъ день а бѣдный терпитъ до Спаса. Подъ Егорья вешняго не работаютъ, чтобъ волкъ овецъ не поѣлъ. На Юрья Св. Егорій разѣзжаетъ по лѣсамъ на бѣломъ конѣ и звѣрямъ раздаетъ наказы. Всякъ звѣрь у Егорья подъ рукой. Что у волка въ зубахъ, то Юрій далъ. Юрій весну начинаеть. Юрій рабо-

ты начинается, Юрій и кончается. На Руси два Егорья: холодный (26 Нояб.) и голодный (23 Апр.).

Съ именемъ Св. Георгія селяне соединяють и память о Миколѣ (9-го Мая). Они говорятъ: «Юрья сказавъ: жита ураджу; Микалай отказавъ: пажджи, пагляджу!» «Если до Юрья корму и у дурня, то только тотъ не боится зимы николи, кто маеть сѣна да Миколы.» Микол асоставляетъ переходъ отъ зимы къ лѣту, и обыкновенно около этого времени производится посѣвъ. Сѣва до Николина дня считается «раннимъ посѣвомъ». Послѣ Миколы запрещаютъ постуламъ пасты скотъ на лугахъ, предназначенныхъ подъ покосы. Нанціе, проси милостыни, поють, въ честь Св. Николая, пѣсни, въ родѣ слѣдующей:

Ой хто, хто, Миколая любить,
Ой хто, хто, Миколаю служить,
Тому Святый Миколай
На всякій часъ помагай!
Ему служить, ему служить,
Сонце, мѣсяць,
Во дни, въ ночи,
Непрестанно!...

(Чересы, Вилен. Губ. Дисн. Уѣзда.)

Думаютъ также, что празднованіе въ честь Николы предохраняетъ отъ града.

Въ праздникъ Пятидесятницы, «Семухи», селяне, по древнему обыкновенію, украшаютъ свои дома, внутри и извнѣ, разнаго рода зеленью. Въ этотъ день всѣмъ хорошо (говорилъ намъ одинъ селянинъ), за исключеніемъ бѣдныхъ, шестилѣтнихъ дѣтей. Они скучаютъ дома: имъ непременно хотѣлось бы пойти въ лѣсъ, или «жито», чтобы тамъ поиграть. Но родители, опасаясь несчастій, не пускаютъ дѣтей и говорятъ имъ при этомъ: Ня йдице, дзѣтки, ни да лѣса, ни у жита; бо у лѣсѣ бѣгае тучпица (стадо волковъ); вана якъ нападе на васъ, то заѣдае на смерць, а у житѣ ходять раскудланые русавки съ велизными ножами, то вани васъ парѣжуць». Послѣ такихъ наставленій дѣти по неволѣ остаются дома.

(Нарва, Гродн. Губ. Бѣлост. Уѣзда.)

Въ день Пятидесятницы пастухи и ночлежники устраиваютъ

«балець;» матеріяль для него пастухи выпрашиваютъ предваритель-
но у каждаго хозяина, скоть котораго пасуть; при этомъ болѣе
ловкій между ними говоритъ: «Приславъ Король по лѣтошній духъ;
лѣтось бравъ, не добравъ, пришовъ се лѣто добирать: отъ бычка
молочка, отъ коровки малячка, отъ овечки четыре яички, отъ свин-
ки солоникки, отъ баранчика соли, кабъ бывъ господаръ весѣлый.»

(Стэекъ, Виленск Губ. Вилейск. Уѣзда.)

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ передъ Пятидесятницею празднуютъ «Дѣ-
ды», т. е., поминають умершихъ. Прежде всего хозяйка приготовля-
етъ двѣнадцать блиновъ, потомъ варить «капусту», какой ни будь
супъ (крупникъ), готовить кашу, жаркое, колбасы, яйца, печетъ
«перепечки». Должно быть, по крайней мѣрѣ, пять кушаньевъ, по
другимъ семь. Если селянинъ, совершающій дѣды, не въ состоянн
приготовить и этого числа блюдъ, то онъ остается при томъ убѣж-
денн, что ночью мертвые не дадутъ ему покоя, постоянно будутъ
видѣться ему во снѣ; мертвые, по мнѣнн селянъ, недовольны,
если количество блюдъ не достигаетъ числа пять. Водка опять
считается непременною принадлежностью: если на праздникъ ея
не будетъ, то сильнымъ вѣтромъ можетъ сорвать у селянина
съ какаго ни будь строенн крышу, или же «выкрутить рожъ».

(Марково, Вилен. Губ. Вилейск. Уѣзда.)

Послѣ заупокойной обѣдни хозяинъ зоветъ къ себѣ гостей.
Все уже бываетъ готово, поставлено «на лавѣ» въ такомъ поряд-
кѣ, въ какомъ будетъ подаваться къ столу. Хозяинъ приноситъ
водку и пиво. Хозяйка кладетъ на одинъ конецъ стола шесть бли-
новъ и на другой шесть, а на блинахъ въ томъ и другомъ концѣ
по булкѣ ржаного хлѣба и пшеничнаго. Потомъ ставитъ на столъ
солонку и кладетъ пять яицъ. Гости послѣ садятся за столъ. Тог-
да хозяйка зажигаетъ «громничную» свѣчу, три раза обходитъ съ
нею кругомъ стола, и самую свѣчу потомъ ставитъ въ ржаную бул-
ку. Иногда самъ хозяинъ обходитъ со свѣчею три раза кругомъ
миски съ капустой. Передъ этимъ хозяинъ наливаетъ рюмку вод-
ки и, вставши, виѣстѣ съ другими, читаетъ молитву за умершихъ,
поминаетъ всѣхъ умершихъ въ семействѣ дѣдовъ, отцовъ, дѣтей.
Послѣ молитвы, съ рюмкою водки, хозяинъ обращается къ хозяй-
кѣ, льетъ къ ней съ пожеланн, чтобы Господь удостоилъ ихъ
«приждать и другихъ дѣдовъ». Чара идетъ къ хозяйкѣ. Условн это

должно соблюдаться непременно. Если хозяинъ живетъ съ хозяйкой въ ладу, что при рюмкѣ водки выражается словами: «Будзь здорова!» то подобный домашній миръ способствуетъ къ размноженію овецъ и успѣшному урожаю пшеницы. Отъ хозяйки рюмка переходитъ въ руки гостей, и когда обойдетъ въ круговую всѣхъ, по старшинству, снова возвращается къ хозяину. Закусываютъ сначала яйцомъ, потомъ ѣдятъ капусту и остальные кушанья, а въ заключеніе кашу. Поѣвши немного каши, гости выкаютъ въ нее ложки. За обѣдомъ по ложкѣ каждого кушанья вливаетъ хозяинъ въ особо поставленную тарелку; это для умершихъ; если не оставлять имъ, то хозяину, по мнѣнію селянъ, грозитъ «гнѣвъ отъ душъ». Послѣ обѣда, не вставая отъ стола, хозяинъ почтуетъ гостей нивомъ съ такою же обрядностью, какъ пили водку. Стаканъ пива оставляютъ на столѣ для «душъ.» Вставая отъ стола, молятся Богу за умершихъ. На столѣ, между тѣмъ, въ продолженіи нѣкотораго времени, все остается въ такомъ видѣ, какъ было за обѣдомъ. Думаютъ, что собственно теперь являются души умершихъ подкрѣпить свои силы.

(Стаекъ, Вилен. Губ. Вилейск. Уѣзда.)

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Марково, Вид. Губ. Вилейск. У.) въ заключеніе, вмѣсто пива, даютъ гостямъ по стакану парного молока, въ память умершихъ грудныхъ младенцевъ.

«Дѣды» иногда празднуютъ еще и такъ. Передъ ужиномъ, при всеобщемъ молчаніи, хозяинъ, наливши первую рюмку водки, выливаетъ ее за окно, говоря: «Будзь здоровъ, дѣду!» Каждый членъ семейства пьетъ по три раза и закусываетъ пирогомъ, «кнышомъ» или блиномъ. Начиная кушать, первую ложку тоже выливаютъ за окно, приговаривая: «Дѣду, или до, обѣду!» Потомъ упоминаютъ умершихъ. Сперва вызываютъ отца и мать, что называется «становить столъ за матку и за бацьку.» Послѣ произнесенія каждого имени бросаютъ еще блинъ подъ столъ и говорятъ: «Хавтуры!» (покойникъ; отсюда и пословица: «У одной хавць вяселье, а у другой хавтуры»). Послѣ обѣда хозяинъ обмахиваетъ комнату метелкой, говоря: «А кишъ, кишъ (обыкновенное понудительное слово, когда гоняютъ куръ), душечка! Котора старша и больша, та дверьми, а котора меньша, окнаи!» Кромѣ домашней трапезы, на могиллахъ родныхъ ставятъ еще иногда горшки съ кашей и ложкой, или ставятъ подъ окнами (Боброевскій,

Матеріалы для Геогр. и Статист. Россіи, 838). Иногда еще хозяинъ, до времени сбора всѣхъ домашнихъ къ столу, самъ отпираетъ отъ избы двери и, поставивши въ дверяхъ борону, начинаетъ гонять къ обѣду «душечекъ: «А кишъ, душечки, на обѣдъ: малые черезъ борону, а старые черезъ двери!» Вошедши потомъ въ комнату, хозяинъ беретъ лучину, зажигаетъ ее и трижды обноситъ кругомъ стола, для окуриванія. Усаживаясь обѣдать, вызываютъ «души»: «Мама, дѣду, прадѣду и вси душечки, которые 'сте на сѣмъ мѣстцѣ пребывали, хлѣба и соли заживали, просимо до обѣду!» Начинается обѣдъ. Послѣ обѣда хозяинъ отнимаетъ поставленную борону, беретъ въ правую руку полотенце и стаканъ пива, въ лѣвую тарелку, въ которую за обѣдомъ вливали по ложкѣ каждого блюда для «душъ», и отправляется на гумно. Тамъ, возлѣ сарая, онъ разстилаетъ полотенце, ставитъ на немъ съ одного конца тарелку, съ другого стаканъ пива; по срединѣ самъ становится на колѣни, молится о душахъ, выливаетъ пиво въ тарелку и, въ свою очередь, означенную мѣшанину выливаетъ вонъ для «душечекъ». Обрядъ, значить, конченъ; хозяинъ идетъ домой.

(Верховичи, Гродн. Губ. Слов. Уѣзда.)

Описанные «Дѣды» извѣстны подъ именемъ «Семухи» или «Ставрусскихъ.» «Семухой» называются они по тому, что совершаются на седмой недѣлѣ послѣ Пасхи. Относительно названія ихъ «Ставрусскими» существуетъ такого рода преданіе. Во время оно, говорятъ, на Бѣлой Руси, въ Краснополѣ, еще во времена язычества, жилъ нѣкій Князь, именемъ Бой, славный въ окрестности охотникъ. Вѣрными и неизмѣнными товарищами въ охотѣ служили ему двѣ его собаки, въ высшей степени сильныя, смѣшныя. Одна изъ нихъ называлась «Ставры», другая «Гавры.» Ни одинъ медвѣдь не могъ устоять противъ нихъ. Если случилось, что Бой иногда въ лѣсу окружали разбойники, ему стоило только спустить на нихъ своихъ собакъ, и опасность миновалась: враги принуждены были сейчасъ же разсыпаться. Если Бой заблуждался въ лѣсу, собаки дѣлались его проводниками: шли впереди его, выводили на дорогу, приводили домой. Однимъ словомъ; эти собаки были вѣрнѣйшими его друзьями. За такія ихъ заслуги Бой, яко бы, приказалъ своимъ подданнымъ, чтобы Ставрѣ и Гаврѣ отдавалась честь, какъ самымъ приближеннымъ къ Князю. Когда онѣ покончили жизнь, Князь назначилъ, яко бы, особые дни

въ ихъ вспоминаніе; народъ собирався въ тѣ мѣста, гдѣ были закопаны ихъ кости, приносилъ туда питья и яства; пиршество продолжалась нерѣдко до ночи. Часть пищи и кости бросались на могилы Ставры и Гавры, и участники въ пиршествѣ, яко бы призывали ихъ имена. Отсюда, яко бы, ведутъ свое начало «Ставрусскіе дѣды,» и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хозяинъ, отливши въ особую тарелку кушаньевъ, опускается съ нею подъ столъ и три раза повторяетъ: «Ставры, Гавры, гамъ! Приходзице къ намъ!»

(Opis. pow. Bogus. 376 — 377. Ср. Дмитріева, Собраніе пѣсень, сказокъ СЗ. края, 249.)

Ни одинъ день въ году не обставленъ, кажется, такими суевѣрными сказаніями, какъ «Купала,» канунъ Іоанна Крестителя (24 Іюня). Говорять, что ночью на Купалу души умершихъ — русалки, встають отъ долгаго сна и купаются. Потомъ, когда взойдетъ солнце, онѣ, яко бы, сушатся при его теплотѣ и свѣтѣ. Если солнце пасмурно, то русалки, значить, закрыли его. Утромъ, въ день «Ивана» обыкновенно, по мнѣнію народа, играетъ солнце. Говорять, что оно раздѣляется на многочисленныя разноцвѣтныя круги, которые то сходятся, то расходятся, образуя при этомъ великолѣпную игру цвѣтовъ. Особенно дѣти любопытствуютъ видѣть подобное явленіе, и встають для этого, по возможности, раньше. Но обыкновенно ничего не видять, или же видять только то, что нарисуетъ имъ настроенное извѣстнымъ образомъ воображеніе. Въ другихъ мѣстахъ прямо говорятъ, что нельзя видѣть играющаго солнца; оно «не велитъ, кланетъ: «Вы, дескать люди, цѣлый годъ по сороку разъ играете — дайте мнѣ помграть хоть одинъ разъ!» На Купалу дѣвушки и парни собирають разнаго рода цвѣты, травы, намамываютъ вѣтвей дуба, осины, рябины, и все это приносятъ потомъ въ церковь, къ освященію. Изъ освященной зелени выють вѣнки и сохраняють ихъ какъ средство противъ навожденія злой силы. Думаютъ, что въ этотъ день совершается какой-то переворотъ въ мірѣ: теперь, яко бы, расхаживаютъ по землѣ вѣдьмы, духи; деревья, звѣри и вообще все живущее ведетъ, яко бы, между собою бесѣду, и т. под.

Говорять, что всѣ эти чудеса можно видѣть; можно понять бесѣду звѣрей, найти кладъ, стоить только досмотрѣть, какъ будетъ цвѣсти «папортникъ» (который, по мнѣнію селянъ, цвѣтеть

въ ночь на Купалу), и овладѣть этимъ цвѣтомъ. Последнее, говорить; достается очень трудно. Передъ захожденіемъ солнца нужно отправиться въ лѣсъ, и непременно въ такую глушь, куда никакимъ образомъ не могутъ проникнуть звуки пѣвья лѣтучихъ (Пѣвня лѣтучихъ, по народному мнѣнію, сильно боится дьяволъ). Отыскавши пригодное мѣсто, въ которомъ, конечно, былъ бы и папортникъ, человекъ долженъ устроиться тутъ на всю ночь: въ это время ему необходимо читать «божественную» книгу при зажженной «громницѣ», по тому что дьяволъ будетъ употребляетъ всѣ мѣры, чтобы какъ нѣ будь устроить его и какъ бы выбить его изъ занятого положенія. Онъ будетъ бросаться на человека въ видѣ различныхъ звѣрей, будетъ, по видимому, затоплять его водою, подползать къ нему въ видѣ страшныхъ змѣй, будетъ поражать слухъ его пронзительнымъ гикомъ и пискомъ; человеку будетъ казаться, что на него валятся громадные деревья, и все это для того, чтобы только обратить его въ бѣгство. Нужно, говорить; необычайное присутствіе духа и твердость воли, чтобы устоять противъ подобныхъ наважденій. Передаютъ; яко бы и дьяволъ былъ глушь, пока не овладѣлъ цвѣтомъ папортника, по тому-то онъ и боится такъ, чтобы человекъ не раздѣлялъ его знанія. Средства противъ его нападенія, кромѣ молитвъ и крестнаго знаменія, указываютъ еще въ слѣдующемъ: нужно очертить вокругъ себя мѣломъ, который былъ освященъ во время Богоявленія; дьяволъ никакимъ образомъ не переступитъ этой освященной черты.

Разсказываютъ, что какому-то счастливцу удалось овладѣть цвѣтомъ папортника. Дѣло было такъ. У одного человека на канунъ Купалы заблудились волаы. Онъ пошелъ искать ихъ въ лѣсъ, да и самъ заблудился. Попалъ онъ въ такую глушь, что ни какъ нельзя было ему ити дальше, и по неволѣ пришлось остановиться на отдыхъ. Оказалось, что заблудившійся положился среди папортника. Ночью, когда отцвѣлъ папортникъ (а цвѣтеть онъ, по мнѣнію селянъ, просто мгновеніе), цвѣтъ его попалъ седанину на лапоть. Пробудившись отъ сна, селянинъ почувствовалъ себя совершенно инымъ человекомъ. Онъ понималъ шелестъ деревьевъ, слышалъ что говорятъ у него дома, видѣлъ все, тамъ происходящее какъ бы передъ собою, видѣлъ то мѣсто, гдѣ находятся его волаы, видѣлъ богатства земли, клады. Онъ порѣшилъ пойти за волами, поскорѣе загнать ихъ домой и отправиться разрывать клады. Уже онъ гналъ домой воловъ, но тутъ почувство-

валъ, что ему очень жарко въ ноги и, чтобы облегчить себя и скорѣе добраться домой, онъ сбросилъ лапти, не подозревая, что въ нихъ-то и находится главная и единственная причина его всебѣдствія. Сбрасывая лапти, онъ выронилъ изъ нихъ магическій цвѣтъ, и въ ту же минуту потерялъ все свое знаніе и пониманіе: явился прежнимъ сельяниномъ, съ смутнымъ воспоминаніемъ о недавнемъ своемъ внутреннемъ величій.

Въ этотъ день особенно боятся, чтобы вѣдьмы не испортили коровъ. Еще заблаговременно между хозяйками идетъ говоръ, что скоро, молъ, наступитъ время «уменьшенія молока». Думаютъ, что вѣдьмы теперь собираются въ одно мѣсто, на «Лысую гору» (въ Кіевѣ), и тамъ дѣлаютъ совѣтъ, куда которая изъ нихъ должна отправляться за молокомъ. Такъ какъ нѣкоторые хозяева въ это время выгоняютъ свой скотъ на пастбище очень рано, то вѣдьмы воступаютъ тутъ слѣдующимъ образомъ. На лугъ, гдѣ пасутся коровы, онѣ являютъ тоже очень рано, берутъ полотенце, таскаютъ его по росѣ и говорятъ, указывая на ту корову, у которой желаютъ отобрать молоко: «Какъ роса убываетъ изъ подъ полотенца, такъ чтобы убыло молоко у этой коровы; и какъ роса вбирается въ мое полотенце, такъ пускай молоко переходитъ отъ этой коровы и вбирается въ вымя моей коровы!» потомъ вѣдьма выжимаетъ полотенце и лившуюся воду даетъ выпить коровѣ. Молоко послѣ этого будетъ убывать и перейдетъ къ вѣдьмѣ. Говорятъ, что имой разъ кто-то поименно всѣхъ коровъ зоветъ въ лѣсъ. На этотъ зовъ коровы сильно рвутся. Значитъ, тутъ есть вѣдьма; нужно всѣми силами не пускать туда коровъ: иначе она ихъ испортитъ. Чтобы хотя сколько ни будь предохранить своихъ коровъ отъ такого зла, ихъ поятъ иногда россою, собранною въ огородѣ, или же прогоняютъ скотъ черезъ разложенный костеръ.

(Бобровскій.)

Еще сильнѣе боятся сельяне, чтобы вѣдьма не забралась къ коровамъ въ хлѣвъ. Съ этою цѣлю они стараются какъ бы преградить ей всѣ пути къ своему жилью. На воротахъ кладутъ крапиву, чтобы вѣдьма обожглась; вбиваютъ косу, чтобы она отрѣзала себѣ хвостъ. Въ хлѣвахъ и сараяхъ затыкаютъ всѣ дыры, щели; подъ дверьми въ хлѣву вѣшаютъ свѣчу, которая была освящена на Срѣтеніе (въ Могил. Губ.) оставшуюся отъ Страстей, гримлицу; говорятъ, что вѣдьмы ея боятся, и хотя съ досады гры-

дутъ, но перегрызть не могутъ. На углахъ вѣщаютъ вѣнки изъ освященнаго зелья, вѣщаютъ ихъ такъ же на дверяхъ, кладутъ на крыши, на окна.... Щели и дыры затыкаютъ, по тому что думаютъ, будто вѣдьмы обращаются въ ящерицъ и лягушекъ и, такимъ образомъ, могутъ забраться въ сарай. На крестцѣ и лбу у коровъ намазываютъ дегтемъ крестъ. Истину существованія вѣдьмы селяне подтверждаютъ мѣстнымъ преданіемъ.

Рассказываютъ, что одинъ воинъ сбился съ дороги. Блуждая нѣкоторое время, онъ попалъ наконецъ въ какую-то пустынную, одинокую избушку. Вошедши въ нее, онъ увидѣлъ нѣсколькихъ бабъ, которыя стояли около печки и что-то готовили, но что именно, ему было не извѣстно. Утомленный продолжительнымъ путешествіемъ, онъ просилъ незнакомыхъ жепщинъ пріютиться, позволить ему отдохнуть. Отвѣтъ былъ отрицательный: заинтересовался онъ, почему бы бабы не позволили ему отдохнуть у нихъ. Онъ присталъ къ нимъ съ самою усиленною просьбою, съ намѣреніемъ добиться своего, и потомъ досмотрѣть, чѣмъ онѣ занимаются. Но бабы-то собственно и опасались. Но видя рѣшительную неотвязчивость его, онѣ позволили ему переночевать у нихъ въ той мысли, что, уставши отъ пути, онъ сейчасъ же уснетъ и ночью не увидитъ. Не тутъ-то было. Онъ теперь весь обратился въ любопытство. Получивъ мѣсто на «покутьѣ», онъ ни какъ не могъ вздремнуть, и ему въ высшей степени любопытно было знать, какъ это видимыя старухи заявляютъ въ своихъ движеніяхъ столько живости, рѣзвости, безъ усталости вертятся около печки. Онъ рѣшился наблюдать, что будетъ. Бабы наконецъ сдѣлали свое дѣло. Приготовленное онѣ поставили въ полуразбитомъ горшкѣ въ трубу, а сами сѣли ужинать. Окончивъ ужинъ, каждая изъ бабъ подходила къ поставленному въ трубу горшку, нюхала что-то оттуда, и въ сію же минуту исчезала въ трубу, улетала. Любопытство война возрастало; онъ сталъ уже думать, что попалъ къ нечистому въ гости. Когда въ избушкѣ не стало уже ни одной бабы, всѣ улетѣли, онъ рѣшился посмотрѣть, что это онѣ нюхали; потомъ всталъ, подошелъ къ трубѣ, нагнулся къ полуразбитому горшку, и лишь только втянулъ оттуда маленькую струю воздуха, какъ и его схватила невидимая сила, унесла въ трубу, а потомъ въ воздушное пространство. Онъ не терялъ, однако, присутствія духа, и каково было его изумленіе, когда, послѣ нѣкотораго времени, онъ очутился на горѣ, которую, какъ слышалъ онъ тутъ, называли Лысою, среди многочи-

сленнаго собранія вѣдьмъ, между которыми, къ немалому своему удивленію, онъ нашелъ и недавнихъ своихъ знакомыхъ бабъ! Разсердились страшно вѣдьмы, когда увидали среди себя посторонняго человѣка, и хотѣли разорвать его на части. Воинна нашего защитили только его знакомицы. Онѣ успѣшили скорѣй отправить его отсюда: дали ему бѣлую лошадь, чтобы онъ скорѣе отправился во своя си, съ условіемъ, впрочемъ, не осматриваться во время своего поѣзда и, не сдвигать съ лошади. Онъ видѣлъ, что шутить тутъ нельзя, выполнилъ условіе, и благополучно прибылъ домой. Тутъ онъ слѣзъ съ лошади и наскоро привязалъ ее къ забору, а самъ успѣшилъ въ комнату посмотреть, что дѣлается тамъ. Вышедши потомъ на дворъ, съ намѣреніемъ поставить лошадь въ сарай, онъ, вмѣсто лошади, нашелъ привязанное къ забору березовое бревно.

(Каменецъ, Гродн. Губ. Брестск. Уѣзда.)

Въ день Іоанна Предтечи селяне приказываютъ пастухамъ, чтобы на этотъ разъ они не перегоняли своего скота «черезъ границу», то есть, черезъ ту межу, которая отдѣляетъ поля одной деревни отъ другой: тамъ, говорятъ, собираются вѣдьмы, обращаются въ лягушекъ и, подползши подъ коровъ, «отбираютъ молоко.» Однажды, передаютъ по этому случаю, уговорились нѣсколько мальчиковъ и, не послушавши своихъ хозяевъ, погнали скотъ въ запрещенное мѣсто, «за границу.» Одинъ мальчикъ, наблюдая за скотомъ, замѣтилъ, что между коровами ползаетъ огромная лягушка. Онъ понялъ, что это вѣдьма, взялъ палку, заострилъ ее на подобіе долота и, приблизившись къ лягушкѣ, сказалъ: «Ахъ ты вѣдьма, ты пришла за молокомъ къ моимъ коровамъ, сейчасъ же я тебя угощу!» Онъ прицѣпился и такъ ловко ударилъ по лягушкѣ, что палкою отсѣкъ ей переднюю ногу. Раненая лягушка зашипала и поползла безъ ноги. Мальчикъ разсказалъ объ этой исторіи своимъ сверстникамъ; они посмѣялись, пошутили; дѣло тѣмъ, по видимому, и кончилось. Но когда этотъ мальчикъ воротился вечеромъ со скотомъ домой, то тутъ ему сказали, что недавно кто-то его крестной матери отрубилъ руку. Вспомнился мальчику настоящій случай, и онъ не медля посѣпшилъ посѣтить крестную свою. Не успѣлъ онъ вступить въ хату, какъ старуха, собравши послѣднія свои силы, схватила кочергу и единственною рукою шаряхъ малаго по головѣ: «Ахъ ты, шалунъ,

ослушникъ, сказала она; ты пришелъ еще сюда издѣваться надо мной! Изъ за тебя и отхожу на тотъ свѣтъ!» Присутствующіе были изумлены подобнымъ зрѣищемъ, и просили мальчишка объяснить имъ причину такого приема его крестною матерью. Мальчижъ, конечно, рассказалъ о случившемся въ полѣ съ видимой лягушкой. Домашніе узнали, что была у нихъ за старуха! Скоро старуха скончалась, а преданіе о ней, прибавляютъ мѣстные сельяне, сохраняется у насъ до сихъ поръ.

(Каменецъ, Гродн. Губ. Брест. Уѣзда.)

Скотъ въ этотъ день возвращается съ пашней, увѣнчанный цвѣтами, которые остаются на немъ въ продолженіе всей ночи. На другой день вѣнки изъ этихъ цвѣтовъ освящаются въ церкви и сохраняются у хозяевъ, какъ предохранительное средство противъ болѣзней скота. Лошадей въ ночь передъ «Иваномъ» не пускаютъ на ночлегъ. Думаютъ, что тогда злые духи вѣютъ особенно много хлопотъ и дѣлъ, и рады бываютъ, когда попадетъ хорошій рысакъ, чтобы, при его содѣйствіи, скорѣе исполнить свое дѣло.

Сохраняется также преданіе, какимъ способомъ можно поймать вѣдьму. Нананунѣ Иванова дѣя нужно взять, говорятъ, «цедилку» (тряпку, черезъ которую процеживаютъ молоко) и варить ее въ кипяткѣ. Для этого въ одинъ домъ собираются иногда парни и дѣвки и не спятъ всю ночь, а все варятъ «цедилку». Въ послѣднюю втыкаютъ дѣскольکو будаюкѣ. Во время варенія дрова употребляются не шныя, какъ осиновыя; кромѣ дровъ должна еще постоянно горѣть и лоза, освященная въ Вербное Воскресенье. Варятъ такимъ образомъ «цедилку» до самаго разсвѣта. При этомъ постоянно высматриваютъ въ окно, не идетъ ли вѣдьма; ибо, говорятъ, она непременно должна явиться передъ разсвѣтомъ въ тотъ домъ, гдѣ варятъ «цедилку». Сельяне думаютъ, какъ мы уже отчасти видѣли, что вѣдьмы превращаются въ змѣй, лягушекъ и другихъ животныхъ, значить—вѣдьма и въ настоящемъ случаѣ можетъ явиться въ образѣ какого ни будь животнаго. Случается, что дѣйствительно на дворъ вбѣжить, откуда ни будь собака, кошка и т. под. При мысли о вѣдьмахъ, молодые парни и дѣвки принимаютъ животное за вѣдьму, и съ крикомъ: «Вѣдьма пришла, вѣдьма пришла!» ловятъ неповинную жертву, подвергаютъ ее страшнымъ побоямъ, передаютъ даже нерѣдко

смерти, въ той мысли, что это вѣдьма, и идетъ потому молва, что тамъ-то и тамъ убили вѣдьму, и свекоры еще болѣе овлаиваютъ новоблаудцами.

(Тамъ же.)

Указываютъ еще и на слѣдующій способъ поимки вѣдьмы. Во время заговѣвъ передъ Великимъ Постомъ, поелъ ужина, нужно взять кусочекъ сыру и, ложась спать, положить этотъ сыръ себѣ въ ротъ. Когда сыръ переночуетъ, такъ сказать, во рту, на слѣдующій день зашить его въ рубашку. Зашитый сыръ въ продолженіе всего поста нужно постоянно носить при себѣ, и, что бы человекъ ни дѣлалъ, куда бы ни пошелъ, при всякомъ удобномъ случаѣ говорилъ бы про себя: «Имѣю сыръ.» Кто исполнитъ всѣ эти условія, тотъ на Страстной Седмицѣ, если придетъ въ Великую Субботу къ заутрени, увидитъ въ церкви вѣдьму, держащую на головѣ подойникъ. Рассказываютъ, что одинъ мальчикъ хотѣлъ непременно испробовать вѣрность предлагаемаго способа. Онъ действительно выполнилъ всѣ требуемыя условія, и когда пришелъ въ церковь въ назначенное время, то увидѣлъ среди народа и вѣдьму съ подойникомъ на головѣ. Напрасно онъ показывалъ это своимъ товарищамъ: они смотрѣли, и ничего не видѣли. Тогда онъ подошелъ къ вѣдьмѣ и спросилъ: «Запрѣтъ ты держишь на головѣ подойникъ?» — «А развѣ ты видишь?» — «Вижу.» — «Чтобъ ты не увидѣлъ свѣта!» Только что вѣдьма успѣла выговорить эти слова, какъ мальчикъ потерялъ вѣрность! Далъ знать Священнику! Мальчикъ разсказалъ всю случившуюся исторію и, по молитвѣ Священника, получилъ пощленіе. Женщины вѣдьмы онъ болѣе уже не видѣлъ.

Вечеромъ на Куцалу сельскіе парни и дѣвки устроятъ разнаго рода игры. Избравши предварительно мѣсто, по общему согласію, они, доздивши вечеромъ, выходятъ изъ деревни, съ пѣніемъ различныхъ пѣсень:

Ой молодая молодежи,
Ой выйди, выйди, на улицу,
Ой разведи намъ купальницу! —
«Ой якъ я могу выхидити,
Вамъ купальницу розводити:
Въ мене свекорко не батенько,

Въ мене свекровца не матенька,
 Въ мене дѣверы не братики;
 Въ мене золовоньки не сеструньки,
 Въ мене дѣтя маленькоѣ:
 Що дѣтя писне,
 То кулакомъ стисне;
 Що дѣтя квякне,
 То кулакомъ грядне;
 Ни кому стати,
 Ёго поколихати.

Или:

А: съ того гаю зеленого,
 Ажъ выбьгають три кощанки;
 На перудѣ бѣжить вороженькій,
 По серединѣ бѣжить бѣлюсенькій;
 На задѣ бѣжить сывусенькій.
 Що вороженькій, то Лукашко,
 Що бѣлюсенькій, то Игнашко,
 Що сывусенькій, то Иванко.
 Ой захвалявся Лукашко свого:
 «Я свого возьму, на живву поведу,
 Ой нажну, нажну, сто купъ жита.»
 Ой захвалявся Игнашко свого:
 «Я свого возьму, на сѣно поведу,
 Нагребу сто копыць сѣна.»
 Захвалявся Иванко свого:
 «Я свого возьму, до корчмы поведу,
 Нанью, нанью, сто гарци горѣлки.»
 Ой пили, пили, перепилися,
 Пришли до дому, та й побилися.
 Десь мое горе кропиву поле,
 Руки напекло, до дому утекло,
 На дубъ измѣзло, кору, изгрызло,
 Съ дуба упало, землю драго.

Или:

Ишли дѣвоньки черезъ бурѣ,
 На нихъ суконьки въ девять шудѣ;
 Стали суконьки шастити,
 Стала дуброва горѣти.

Стали дѣвоньки гасить,
 Вѣнками воду носить.
 Якъ въ вѣночку роса есть,
 Такъ въ дѣвоньки правда есть.

Или:

Сегодня Купалья, завтра Янѣ,
 Прийде, дѣвочки, счастья вамъ.*

Идучи по дорогѣ, парни и дѣвки набираютъ по немногу дровъ, зажигаютъ съ одного конца длинныя палки, и съ ними иногда проходить черезъ всю деревню. Пришедши въ назначенное мѣсто, молодежь «кладетъ купалу», большой костеръ изъ дровъ и начинаютъ тутъ разнаго рода кувырканья, игры, пляски, пѣсни:

Сегодня у насъ Купала... то, то, то!
 Самъ Богъ огонь розжигавъ,
 Усѣхъ Святыхъ къ себѣ зазвавъ,
 Только нѣту Ильи съ Петромъ,
 Пошовъ Илья коло жита....

Или:

Купальной ночи,
 Выпекля вѣдзьмы очи,
 Кабъ въ ночи ня хадзила,
 Кабъ росы ня збирала,
 Кабъ въ печи ня сушила,
 Кабъ въ жорнахъ ня малола,
 Кабъ каши ня варила,
 Кабъ дзѣцей ня кярмила,
 Кабъ вѣдзьмять ня пладзила!

Или:

Звала Купала Илью на игрища, то, то, то!
 «Хадзи, Ильища, ка мнѣ на игрища! то, то, то!
 «Ня маю часу, я Купальничко, то, то, то!
 Гету ночку мнѣ ня спащи, то, то, то!

* По другимъ «лихо» вмѣсто «счастья.»

Нада жита усяго польноваци, то, то, то!
 Кабъ змя салому, ня ламала то, то, то!
 У жиць кареньевъ ня капала то, то, то!
 У каровъ малака ня адбирала то, то, то!
 Адбяри, Боже, таму ручки и ножки, то, то, то!
 Выдзари сава са лба вочки то, то, то!
 Кабъ ня видзѣвъ, ня чарававъ, то, то, то!
 Кабъ ня хадзивъ, а прапавъ, то, то, то!

(Диск. Уѣзда Вилен. Губ.)

Зашелестить что ни будь вдали, веселая толпа сразу затихает, все обращается въ слухъ; но сейчас же минутное молчаніе прерывается еще болѣе громкими криками: «Вѣдьма идетъ, вѣдьма идетъ!» Раздаются веселые крики и хохотъ: начинается прыганье черезъ огонь, чтобы однимъ скорѣе жениться, другимъ выйти замужъ, а тамъ и снова поплыли пѣсни:

Ой сѣ намъ, сѣ три мѣсяцѣ въ небѣ,
 Калино, малино, червоная рожа!
 Три мѣсяцѣ въ небѣ, три молодцѣ въ сѣлѣ
 Калино, и проч. "

Першій молодець—молодой Игнатко,
 Другій молодець—молодой Романко,
 А третій молодець—молодой Иванко.
 Ой сѣ намъ, сѣ, три зороньки въ небѣ,
 Три зороньки въ небѣ, три дѣвоньки въ сѣлѣ:
 Першая дѣвонька—молода Ганночка,
 Друга дѣвонька—молода Варварка,
 А третья дѣвонька—молода Марынка.
 Ой зухвалаяся Игнатко сѣю:
 «Добра у мене дѣвка, молода Ганночка,
 Дала мнѣ хустоньку зъ бѣлого лёнку,
 Вся шовкомъ шита, зъ ружи въ вѣнокъ звита.»

Ой зухвалаяся Романко сѣю:
 «Добра у мене дѣвка—молода Варварка,
 Дала мнѣ хустоньку зъ жовтого лёнку,

Повторяется за каждымъ стихомъ.

Вся шолкомъ шита, зъ руты въ вѣнокъ звита,
 Ой зухвалаяся Иванко свею:
 «Добра у мене дѣвка—молода Марынка,
 Дала мнѣ хустоньку зъ сывого ленку,
 Вся виломъ шита, зъ шанды въ вѣнокъ звита.»

Или:

Чіе то стадечко выходило за село, рано, рано?
 Подбурске стадечко за село выходило, рано, рано;
 Подбурцанка мала стадечко заимала, рано, рано;
 Стадечко заимала, жалосно плакала, рано, рано,
 Чѣмъ воно попутане, чѣмъ воно поузнане, рано, рано?
 Товстымъ вадомъ поузнане, рано, рано;
 Грубымъ дыкомъ попутане, рано, рано,
 Дѣвонька жалосно плакала, въ нужого батенька, рано, рано.
 Бо чужий батенько положить пузенько, рано, рано.
 А пробудить раненько, рано, рано,
 До цяжкого дѣлечка, до сырой пшеници, рано, рано;
 Мелю я пшеницю, по зерняшку кидаю, рано, рано,
 По зерняшку кидаю, по слезоньцѣ роняю, рано, рано.
 Чіе то стадечко выходило за село, рано, рано?
 Бурмыцке стадечко за село выходило, рано, рано;
 Чѣмъ воно попутане, чѣмъ поузнане, рано, рано?
 Золотомъ поузнане, рано, рано,
 Бѣлымъ шовкомъ попутане, рано, рано;
 Бурмыцянка, мала стадечко заимала, рано, рано;
 Слѣвала хорощенько въ своѣго батенька, рано, рано;
 Бо свуй батенько продолжить раненько, рано, рано.
 А пробудить пузенько, рано, рано,
 До легкого дѣлечка, до бѣлого кужель, рано, рано.
 До русой косоньки, рано, рано;
 Пряду я кужель, рано, рано,
 По волосочку смькаю, рано, рано.
 Хорощенько слѣваю, рано, рано.

Или:

Положу я кладку вербову:
 «Часъ вамъ, дѣвоньки до дому!
 А ты, Татьяна, тутъ зостань,
 Прийде Оксынко, ручку дай!»

Привезе вѣночекъ въ надыла,
 Щобъ есь здорова сходила.
 Се сама не сходишь; дружкамъ дай,
 Сама молодая чепця дбай!
 «Ой уже жь я задбала,
 Вѣнецъ въ чорну скрѣню сховала!»

(Верховичи, Гродн. Губ.)

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на возвратномъ пути дѣвушки обходятъ свои засѣянные поля и по угламъ ихъ втыкаютъ по одной хворостинкѣ. Думаютъ этимъ заградить вѣдьмѣ доступъ на ниву, и такимъ образомъ охраняются посѣвы отъ того вреда, который бы она могла сдѣлать. Или же по угламъ нивы вбиваютъ осиновые колья: въ этомъ видятъ предохранительное средство отъ града. Иногда кропать еще свои посѣвы освященною Бого-явленскою водою. Считаютъ это предохранительнымъ средствомъ и противъ вѣдьмъ, и противъ разнаго рода насѣкомыхъ.

(Городокъ, Вилен. Губ. Вилейск. Уѣзда.)

Въ Минской Губерніи такъ еще проводятъ Купалу. Подъ вечеръ вся деревенская молодежь собирается на дворъ избраннаго вѣсти на этотъ разъ распорядителя праздника, «урадинка», который начинаетъ заниматься приготовленіемъ. Волишь вѣстямъ сначала ити по деревнѣ собирать всякую всячину: старыя сапоги, онучи, старую ветхую одежду, разное тряпье, лубъ, кору сосновую, лапти и т. п. Когда соберутъ этого хлама огромную кучу, тогда берутъ лошадь у одного хозяина, колеса у другого, тяжести у третьяго, оглобли у четвертаго, шкворень у пятаго и т. д. Составивши полный уборъ для телеги, «воза», начинаютъ вывозить весь этотъ хламъ въ поле, куда назначено, и сбрасываютъ все это въ одну кучу. Сваживанье это происходитъ иногда и днемъ до сумерекъ. Но вечеромъ уже вся молодежь, «хлопцы и дѣви», отправляются на то мѣсто, съѣвая подъ окнами еще большую компанію. Дорогою къ мѣсту игрища рвутъ траву полейнѣ горькій, подпоясываются всѣ рѣшительно и, взявшись за руки, поютъ пѣсни въ родѣ слѣдующихъ:

На Святаго Яна
 Дзѣвачки зелье капали:
 А што жь гето за зелье?
 Чѣрвонае каренье,

Гето зелье купальное,
 Дзявоцкое гулянье,
 Дзядзюково уздыханье.
 Ходзиць Янъ да вулицъ, да й помаду.
 Просиць дзѣвчаты на Купалу:
 «Сягодня Купала, завтра Янъ,
 Завѣць іонъ, нашъ добрый Панъ.
 Вы, дзѣвачки, щаслива доля,
 Вы, дзѣвачки, свая воля,
 Маладзicamaъ нѣту воли,
 Маладзicamaъ нѣту доли, и т. д.
 Досыць, досыць, нявѣстачки,
 Красавица вамъ на Яна!
 «Ой, татулька! Я младая,
 Пусци узвеличаць Яна!»
 Няхай идуць всѣ дзѣвки,
 Узвеличаць Святаго Яна!
 «Ой татулька, и я пайду,
 Може зѣлку якую найду;
 Дзѣда вазьму, я на ручку,
 И другога да й за ручку,
 Ой, принесу я да й буковку,
 Святоянску першу зѣлку,
 Да й натаркну надъ сваймъ ларкамъ,
 У сянѣхъ я надъ разошкамъ;
 А надъ ложкамъ, надъ дзѣпцѣмъ,
 Буду доди его цидноваци!»
 «Ой нявѣстка! усѣ няправда,
 Ня хадзи, ня нада, ня нада!
 Насъ слухайце, людзей старыхъ!»
 «Ой, татулька, ня у насъ аднихъ,
 Па усъмъ свѣцѣ геты примѣты,
 Ци хто женатый, ци бездзѣтный,
 Ой, на Яна зѣлки збираець,
 Да церквы святой прынашаець,
 Ой буровко ли удовковъ,
 А стары дзѣдъ нировкавъ,
 Якъ першій разъ у поле гонюць,
 А ихъ вярбай пагавяюць,
 Святымъ зельемъ падкураюць,

Божедревкай (Arthemisia abrotanum) да и мятой.
 Пусцишь, татулька, няхай пайду,
 Усякой зѣлочки я найду,
 Купальничка заспѣваю,
 Святого Яна звеличаю.»
 «Ой, нѣту, нѣту, Купалиша,
 Да Янъ надъ нашего Яначка:
 Пяшкомъ на вулку ня выходзиць,
 Іонъ на конику выѣждаець,
 Сабѣ дѣваньки выглядаець,
 Самъ же іонъ ѣдзиць на конику,
 Дѣваньку вязець на возику,
 Самъ же іонъ ѣдзиць у атласъ,
 А дѣваньку вязець у пахрасѣ,
 Самъ же іонъ ѣдзиць, якъ жаръ гариць,
 Дѣваньку вязець, якъ цвѣтъ цвѣщиць.»

Пришедши къ назначенному мѣсту, кучу эту поджигаютъ и растягиваютъ длинный огонь. Въ ненастное время устраиваютъ заблаговременно шатры изъ свѣжихъ зеленыхъ деревьевъ, а въ хорошую погоду вбиваютъ только нѣсколько зеленыхъ деревьевъ въ землю, какъ будто бы они здѣсь росли. Хозяйки приносятъ коекакія кушанья, а хозяева вино. Всѣ помѣщаются возлѣ огня. Закусивши немного, одни начинаютъ пѣть и плясать, другіе пьютъ и закусываютъ, третьи ищутъ папоротника, или денегъ. Когда костеръ ярко разгорится, тогда урадникъ отдѣляетъ хлопцевъ отъ дѣвушекъ, и разводитъ ихъ на обѣ стороны костра—хлопцевъ по одну сторону огня, дѣвушекъ по другую.

Ставши такимъ образомъ, одни противъ другихъ, начинаютъ скакать черезъ огонь. Сперва скачутъ дѣвушки, и которая не перескочитъ изъ нихъ, ее называютъ «вѣдьмою.» Послѣ дѣвушекъ начинаютъ скакать и хлопцы. При этомъ перескакиваніи дѣвушки поютъ припѣвъ:

«Теперь Купала, завтра Янъ,
 ...кидавъ хлопцовъ черезъ барканъ

А хлопцы поютъ:

Теперь Купала, завтра Янъ,
 ...кидавъ дѣвокъ черезъ барканъ.

Припѣвъ этотъ продолжается во все время, пока они скачутъ.

Между тѣмъ приходитъ на игрище самая старая старуха за огнемъ; ее караулятъ, чтобы она, взявши огонь, не могла уйти не пойманною. Какъ только она возьметъ огонь, ее начинаютъ гнать и хлыстать полынью, до тѣхъ поръ пока не скроется «вѣдьма» (какъ ее называютъ).

Прогнавши ее, молодежь опять начинаетъ гулять до поздней ночи.

(Сборн. пѣсенъ и скавокъ, Дмитриева, 223—227. Ср. Opis. powiatu Wogr. 369—375.)

Во все это время, съ мѣсяца Апрѣля по Июнь, селяне большею частію занимаются полевыми работами: готовятъ нивы подъ яровые посѣвы, сажаютъ и сѣютъ разнаго рода огородныя и другія растенія. Полотье ихъ отнимаетъ тоже немало времени.

Въ это время женщины поютъ:

Ой пойду же я, пойду, пшениченьки полоти,
 Чи не выметить ряба зозулька въ золотѣ.
 За лѣсомъ, боромъ, круглее поле,
 А тамъ Касенька пшеницю поле,
 Ой поле, поле, перебирае,
 Перебуръ-зелѣе за плуть кидаетъ.
 Ой кидай, кидай, нехъ вода несе,
 Де мой Ясенько волики пасе!
 Ой пасе, пасе, гореньками,
 Не бачить воликѡвъ за слезоньками.

(Нарва, Гродн. Губ. Бѣл. Уѣзда.)

Съ конца Юня начинается самая жаркая для селянъ пора Настаетъ время косьбы, а тамъ и жниво. «Съ Петрова дня въ полѣ пожня», зеленый покосъ. Небольшой у селянина лужокъ: но тѣмъ хуже, если и этого небольшого количества сѣна ему не удастся собрать заблаговременно при благоприятныхъ условіяхъ. Покосъ долженъ быть непременно поконченъ ко дню Пророка Илии. «Придетъ Илья, наробитъ гнилья,» и что тогда будетъ дѣлать селянинъ съ своею «скотинкой», когда для нея онъ не приготовилъ на зиму надлежащаго запаса? Косьба по этому сильно занимаетъ думу селянина: онъ пользуется для нея каждой

удобной минутой, и тайно и явно заявляет одно пока желаніе даль бы Богъ ведро, сухую погоду! Обыкновенная пѣсня «кощовъ» слѣдующая:

Косцы косятъ,
 Бога просятъ:
 «Дай, Боже, погодоньку
 На нашу роботоньку,
 Сѣно покосити,
 До дому звозити!

(Гродн. Губ. Брестск. Уѣзда.)

«Погодонька»—необходимое условіе для косарей, по тому что «послѣ Петра сѣно, даже поднятое на кустъ, не сохнетъ, тогда какъ до Петра оно сохло и подъ кустомъ.» Радостно и усердно работаетъ въ это время селянинъ, не смотря на тяжелое для него время года въ матеріальномъ отношеніи. У него вышли почти всѣ «запасы» стараго года, а новыхъ еще онъ не дождался. При упорной работѣ онъ не рѣдко довольствуется какою ни будь травой «гардовицей,» и утѣшается только надеждой на будущее. Въ пѣснѣ поется:

Боже мой, да у въ агародзѣ гардавица,
 Боже мой! *
 Цяжка дзѣцюкамъ Петровица:
 «Идзице, дзѣцятки, гарду рваці,
 Дягчей будзе Петра ждаци!
 Ждали Петра, мя приждали.
 Боже мой, рѣчка, по рѣчкѣ челнокъ плыве.
 Да у томъ челночку бѣлый малойчикъ,
 Кудзерки чеше, перечешуе;
 «Пдывице, кудры, да маеі милой,
 Паслухайце, што мила гавориць,
 Ци вспоминае, ци праклинае:
 «Ой милый мой, глумилися мной:
 Съял палынь на моемъ сердцѣ,
 Да клалъ агня на маихъ плечахъ,
 Рабилъ скрипки зъ маихъ ручекъ,
 Увязывалъ каня да маихъ косокъ ,

Эти слова повторяются въ началѣ каждаго стиха.

Пуцалъ рѣчки зъ маихъ очокъ.»—
 «Милая мая! Ня правда твая:
 Я сѣялъ палынь у чистомъ полѣ,
 Я клалъ огня у щиромъ борѣ,
 Увязывалъ каня у бѣлой березѣ,
 Я пуцалъ рѣчки криничныя,
 Я рабилъ скрыпки зъ бѣлой липны.»

(Вилен. Вѣстн. 1869 г. № 19.)

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Гроднен. Губ. есть слѣдующее обыкновеніе. Когда на лугъ является хозяинъ, который нанялъ косарей, его связываютъ веревкой, свитой изъ сѣна. Изъ этого почетнаго плѣна онъ долженъ выкупиться нѣсколькими ковѣйками. Косари при этомъ поютъ:

Охъ, славенъ, славенъ, нашъ господарь!
 Охъ чѣмъ же онъ ославился?
 Чи своимъ гумномъ, чи своимъ добромъ,
 Чи своей жоной, чи своими дѣтками? —
 Не ославился онъ ничѣмъ, только гумномъ.»

Покось долженъ быть поконченъ къ Ильину дню. Съ этого времени для косьбы можетъ быть очень неблагопріятная пора, мокрая. «Да Ильли ксѣндзъ просиць а дощъ, а па Ильли и баба фартухомъ нагониць.»—«Ильля наробиць гнилья.»— «Да Ильли, говорить еще поговорка, «хоць аднянъ зубамъ (бороны) падзяри!» (паровое поле). Но, съ другой стороны, «Ильля» не можетъ быть не желателенъ для селянина. Около этого времени онъ большею частію можетъ вкусить уже отъ новыхъ плодовъ. Есть поговорка: «На Ильлю въ мису каши налью;» по другимъ: «На Ильлю пе рапечку налью, а на Бориса уже хлѣба напарюся.» На Ильлю селянинъ рассчитываетъ, какъ бы только наѣсться каши изъ свѣжаго зерна; Борисъ (24 Іюля) приноситъ уже полную зрѣлость его посѣвамъ, и онъ надѣется поѣсть въ плотную хлѣба (напаротся), и этимъ вознаградить себя за долгія голодныя ожиданія во время весны.

(Камеиць, Гродн. Губ. Брестск. Уѣзда.)

Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (Нарва, Гродн. Губ. Бѣл. У.) существуетъ такая поговорка: «На Ивана колосокъ (8-го Мая), а на Петра (29 Іюня) пирожокъ», т. е., около 8 Мая во ржи

появляются колосья, а около 29-го Июня из свѣжей муки можно спечь уже пирогъ. Значитъ, какъ и дѣйствительно бываетъ, климатическія условія известной мѣстности благопріятствуютъ гораздо скорѣйшему въ ней созрѣванію, нежели въ другихъ мѣстахъ. Но какъ бы то ни было, а не успѣвъ еще замолкнуть шумъ и звонъ отъ косъ при косьбѣ сѣна, жнеи спѣшатъ уже вторить ему своими серпами. «Живо, живо,» слышится со всѣхъ сторонъ, «бо подходитъ жниво!» Дѣйствительно, золотистыя нивы начинаютъ наклоняться до земли отъ полноты наливагося колоса; послѣдній «дремить,» какъ бы просить занести его въ стодолу, положить его въ сторону, по тому что на нивѣ пробилъ его часъ, година, и ему въ сторонѣ «гостина.» Сначала идетъ одна жнея «открыть,» такъ сказать, работу. Боятся, чтобы кто не перешелъ дорогу. Если случится это, и во время жатвы работникъ обрѣжетъ себѣ руку, то это несчастіе прямо приписываютъ злонамѣренности перешедшаго дорогу. При открытіи жнива хозяйка несетъ кусокъ хлѣба, а невѣстка въ первый годъ своего замужества кусокъ холста, которымъ обвиваетъ первый сжатый снопокъ, предназначенный для хозяина поля.

Въ первый разъ жнея большею частію жнетъ только такое количество ржи, чтобы былъ одинъ порядочный снопокъ. Беретъ его и съ нимъ возвращается домой, ставитъ его въ почетномъ углу, и потомъ вечеромъ хозяинъ устраиваетъ маленькое угощеніе, «зажицки.» Послѣ «зажинокъ» все семейство уже, кто только можетъ, выходитъ въ поле работать.

(Цыринь, Минск. Губ. Новгор. Уѣзда.)

Нѣкоторое время продолжаетъ кипѣть двойная работа: на лугахъ и поляхъ. Скоро зеленые, баркатные луга и золотистыя нивы принимаютъ видъ пустынный, осиротѣлый.

Опаснѣе всего для селянъ, когда на своихъ нивахъ они найдутъ гдѣ ни будь «закрутѣю» (десятка два колосѣвъ, связанныхъ; «закрученнѣхъ,» и по тому изсохшихъ), или «обжатые» загоны. Несчастливъ тотъ хозяинъ, говоритъ словами одного селянина, у котораго найдется этотъ «закрутенъ;» самъ онъ не знаетъ, что ему дѣлать; бѣгаетъ отъ сосѣда къ сосѣду, тужитъ, горюетъ, и сквозь слезы проситъ указать ему такого человѣка, который избавилъ бы его отъ этого несчастія. Нужно замѣтить, что существованіе «закрутеня» предвѣщаетъ, тому хозяину, на нивѣ котораго

онъ найдець, или смерть, или падежь, скота, или другую какую ни будь бѣду. Поцѣтное дѣло, что при глубокомъ суевѣрномъ пониманіи вещей, есть о чемъ призадуматься. Нѣкоторые, какъ мы сами видѣли въ былое время, обращались къ Священнику, и просили его съ молитвою вырвать своими руками закрутенъ. Въ Уніятскихъ каноникахъ существуютъ даже на этотъ случай молитвы. Такое уничтоженіе закрутня какъ бы ограждало уже селянина отъ грозящихъ ему бѣдъ. Сами селяне никогда не осмѣлятся сжать его, или вырвать. Больше суевѣрные отправляются къ «знахарю.»

Получивъ отъ селянина возможно большую плату, «знахарь» является на предстоящій подвигъ. Большею частію онъ бываетъ страшный пройдоха, опытенъ въ своемъ ремеслѣ: онъ понимаетъ, что «закрутенъ» — вздоръ; что отсюда ни чего быть не можетъ для селянина, но, чтобы не лишиться известной прибыльной статьи дохода, онъ, напротивъ, утверждаетъ еще селянъ въ суевѣрномъ взглядѣ на вещи. Прибывши къ «закрутню», знахарь начинаетъ свистать, кричать, выкидываетъ разнаго рода штуки, дѣлаетъ непонятныя прыжки, произноситъ безсвязныя слова: всѣмъ этимъ онъ какъ будто уничтожаетъ имѣвшія было явиться вредныя послѣдствія закрутня; потомъ онъ объявляетъ селянину, какія случились бы съ нимъ несчастія, если бы онъ не обратился къ нему за помощью; въ заключеніе знахарь беретъ осиновою колъ и имъ вырываетъ изъ земли закрутенъ, приговаривая слѣдующія слова: «Нехай такъ того чловѣка, который зробивъ закрутенъ, роскидается господарка, якъ я роскидаю закрутенъ!» По окончаніи дѣла, селянинъ на радостяхъ угощаетъ знахаря, чѣмъ Богъ пошлетъ, конечно, всѣмъ лучшимъ, и просить его не отказать ему въ помощи и на будущее время. Знахарь пользуется слабостью селянина, начинаетъ заявлять ему свое о немъ «печалованіе», говорить, что у него много есть враговъ, среди сосѣдей, но ему нечего ихъ бояться, по тому что въ немъ онъ всегда найдетъ себѣ сильную, надежную, защиту. Разжалобленный селянинъ снова прочтуетъ знахаря, и еще даетъ что ни будь «на дорогу.» Они расстаются видимыми, сердечными друзьями, а у бѣднаго селянина, глядя на слѣдующій годъ слова является «закрутенъ», единственно, быть можетъ, по прискамъ знахаря; и снова обращеніе къ знахарю, и снова ему почетъ, ласки, плата и угощеніе.

(Гордн. Губ. Кобр. и Брестск. Уѣздогъ.)

Относительно происхожденія «закрутня» слѣдующія мнѣнія, одни думаютъ (Гродн. Губ.), что злые люди, недовольные къмъ ни будь изъ своихъ особѣй, идутъ на нихъ нивы и дѣлаютъ «закрутня» съ разнаго рода страшными проклятіями и недоброежелательствами своимъ недругамъ. Селяне вѣрятъ, что если не уничтожить закрутня указаннымъ образомъ, то положенныя, такъ сказать, на ниву заклинанія могутъ выполниться. Другое объясненіе происхожденія «закрутня» (Минск. Губ.) указываетъ на вѣдьмъ: онѣ яко бы въ Ивановъ день ходятъ по полю и «заламываютъ рожъ на какое либо зѣло.» Выжавшій этотъ «зломокъ» подвергается болѣзни на цѣлое лѣто.

Другая бѣда селянину, по его мнѣнію, если у него найдутся «обжатые» загоны, т. е., если по концамъ загоновъ нѣсколько колосьевъ окажутся сжатыми. Въ объясненіе этого явленія селяне говорятъ, что злые люди, вѣдьмы, колдуны, во время «красованія ржи, ночью, съ серпомъ, отправляются голы на ниву, обходятъ ее кругомъ и съ каждаго загона сжинаютъ по нѣсколку колосьевъ. Сжатые колосья они кладутъ въ свои закромы. Отсюда, по мнѣнію селянъ, происходитъ слѣдующее явленіе. Когда хозяева, которыхъ нивы «обжаты», стануть свозить домой рожъ, то и обжавшему невидимыя силы вносятъ въ закромы сотую часть зерна. По этому случаю разсказываютъ слѣдующее. Случилось, что заболѣлъ одинъ чрезвычайно богатый человекъ, такой, который свое богатство скопилъ тѣмъ, что занимался обжатіемъ нивъ во время красованія ржи. Болѣзни его въ настоящемъ случаѣ какъ разъ приключилась въ ту пору, когда «красовалась» рожъ, единственно пригодная пора для обжатія. Такъ какъ больной самъ не могъ совершить теперь обычнаго своего дѣла; съ другой стороны между тѣмъ не хотѣлось увидѣть уменьшенія своихъ богатствъ, то онъ и выслалъ своего сына обжать нивы. Но сынъ не умѣлъ «знахарствовать», и, не смотря на точныя указанія своего отца, не зная въ чемъ суть дѣла, вмѣсто нивъ, «обжалъ» кусты. Когда потомъ хозяева срубили эти кусты, то закромы обжавшаго, въ силу притяженія, наполнились листьями и вѣтвями, вмѣсто ожидаемыхъ сѣмянъ. Нѣкоторые думаютъ, что если во время «красованія» ржи освятить нивы Богоявленскою водою, то этимъ можно уничтожить силу и значеніе «обжатія» нивы.

(Дорогичинъ, Гродн. Губ. Кобрин. Уѣзда.)

Если на поле придетъ хозяинъ въ то время, когда тамъ жнутъ, то жнеи, подобно косарямъ во время косьбы, связываютъ его перевязью изъ соломы. Чтобы освободиться отъ этого шлѣна, или, какъ говорятъ, выкупиться, необходимо дать нѣсколько копѣекъ, на которыя дѣлается, большею частію, общая выпивка. «Жниво» сопровождается разнообразными пѣснями:

Ой на луцѣ, луцѣ,
 Лука моя да й зеленая, *
 Трава моя да й шовковая!
 Тамъ дѣвчина траву жала,
 Траву жала, въ фартухъ клала;
 Мимо еи стеженька,
 Туды ѣхавъ Козаченько:
 «Ой Богъ помочь, дѣвонько!
 Ой дѣвко, дѣвонько,
 Дай моему коню травы!» —
 «Ой боюся ойца своего.» —
 «Не бойся ойца своего,
 Бойся мене молодого
 И канчуна тернового!»

Или:

Поскочу я въ городецъ, въ городецъ,
 Выкопаю коренець, коренець:
 Ще коренець не укипѣвъ, не укипѣвъ.
 Вже молодець приметѣвъ, прилетѣвъ:
 «Лихо тебе принесло, принесло!» —
 «Ни човничокъ, ни весло, ни весло,
 Привезъ мене сивый конь, сивый конь,
 До милои на подворъ, на подворъ.»

Или:

Плыве човничокъ по рѣчцѣ:
 Плаче молодець по дѣвцѣ;
 Выдеру личко съ кропивы,

* Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждого стиха.

И повѣшусь въ ботвинѣ:
 «Постой, молоде, не вѣшайся,
 Бѣдъ на военку, потѣшься!»

Или:

Хмара иде, дробный дождикъ буде,
 А я, молоденька, сама одиненька,
 За рѣченкою пшенку жну.
 Иде батько, иде батько,
 Снопа не звяже, жменьки не здыме,
 Мене, молодой, не пудажне;
 Иде милый, иде милый:
 Снопокъ мнѣ звяже и жменьку здыме,
 Мене, молодую, пудажне.»

(Нарва, Гродн. Губ. Бѣлск. Уѣзда.)

Или:

Жнися, загонѣ, жнися,
 На мене не дивися!
 У мене загунѣ широкій,
 Оравъ ратай безбокій.
 «Або жь мене подождите,
 Або дайте Антона,
 Подогнати загона;
 Або жь дайте мнѣ Гриця,
 Гриць на мене подивицьця!»

(Сборн. пам. нар. творч. въ СЗ. краѣ, CLVI.)

Окончаніе жнива «дожинки», какъ и его начало, «зажинки», составляетъ праздникъ въ быту селянина. Въ пѣснѣ, какъ бы отъ лица жней, поется:

Дожали жита, дождемъ пшеницѣ,
 Тогда мы придемъ горѣлки пици.

(Тамъ же.)

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, когда жнутъ уже послѣднюю гряду (а напослѣдокъ оставляютъ гряду самой лучшей ржи) и остается

еще только разъ послѣдній и единственный занять серпомъ, оставшюся рожь не сжинають, а притаптывають съ пѣниемъ слѣдующихъ словъ:

Ой вылень, перепѣлко,
 Бо уже у насъ жита тѣлько!
 Якъ не будешь вылетати,
 Будемъ въ полѣ зимовати.

Притоптанное количество ржи прижимають камнями и кладуть туда маленькй кусочекъ хлѣба. Нѣсколько ржи съ кусочкомъ въ серединѣ хлѣба оставляють для мышей, надѣясь этимъ удержать ихъ отъ перехода въ поля, въ сарай.

(Каменецъ, Гродн. Губ. Брест. Уѣзда.)

Изъ нажатой ржи дѣлають вѣнокъ. При этомъ, въ Борисовскомъ Уѣздѣ (Минск. Губ.) поюгъ:

Канецъ нивцѣ, канецъ,
 Упляцемъ пану вянецъ;
 Да ужо жниво у канца,
 «Нуце, дзѣвачки, да вѣнца!»

Сплетенный вѣнокъ кладуть на голову одной изъ лучшихъ жней и съ пѣснями отправляются домой. По дорогѣ поюгъ:

Дяковала жнивонька
 Господу Богу Святому,
 И ёгомосци своёму
 Що вунъ мене у пору зобравъ.
 «Нехай я у сторонѣ погощу,
 Поки на ниву опять пойду!
 То мнѣ у стодолѣ гостина,
 А на нивѣ година.»

Или:

Ой котився вѣночокъ
 Зъ широкеи нивы,
 Зъ женцями молодыми
 Подкотывся подъ ворота:
 «Выйди, пане, за ворота!»

Выкупъ вѣнка зъ золота!
 Не зъ золота вѣнокъ витый,
 Да ѣ зъ густого жита,
 Да ѣ зъ колосистого,
 А ще зъ ядренистого!»

Или:

Котився вѣночокъ по полю,
 Просився женчикувъ до дому:
 «Идѣте, женчики, до дому,
 Занесѣте мене въ стодолу,
 Положите мене въ сторону,
 Ой то я пойду на ниву,
 Ой а мнѣ на нивѣ година,
 Ой а мнѣ въ сторонѣ гостина!» —
 «Отчиняй намъ, пане, ворота:
 Несемо вѣночокъ зъ золота,
 Ой не зъ золота, съ кропивы,
 Бо ще мы горляки не пили!»

(Сборн. пам. народн. творч. въ СЗ. краѣ, СLIV, СLVP, ССV.)

Дѣйствительно, въ домѣ хозяина къ этому времени пригото-
 влено бываетъ возможное угощеніе. Онъ выходитъ на встрѣчу
 жнеямъ, принимаетъ отъ нихъ поздравленія, вѣнокъ, и просить
 отвѣдать, что Богъ послалъ. Подающая вѣнокъ примѣрно гово-
 ритъ слѣдующее: «Принясли пану вянокъ зъ широкаго поля, зъ
 ядранаго жита. Нашъ панъ маладый, конь вараный, сядло золо-
 томъ вышито, брильянтами выбито. Нашъ панъ на коню войска
 куецъ, свайго рыцарства даказуецъ, гавари да служки: «Улаживъ
 бы я саболи, але конь сваволи, нййдзе, лукава, мнѣ саболи бра-
 куя.» Панъ свайго рыцарства ня страциць, намъ за вянокъ запла-
 циць, хоць червоный злотый, для нашей ахоты, жита уражай, а
 пану на довгій вѣкъ; пану вянокъ, а намъ гарляки збанокъ!»

(Opis. pow. Woguz. 398.)

На домашній праздникъ хозяинъ призываетъ всѣхъ, кто
 сколько ни будь помогалъ ему въ работѣ.

Когда начинаютъ свозить хлѣбъ; то первый возъ везутъ въ

гумно черезъ скатерть, разложенную у дверей и сохраняемую со Святой. На скатерти кладутъ еще кусокъ Антипасхи.

(Бобровскій.)

Кончилась жатва: селянину хозяину легче на душѣ, если Богъ послалъ ему урожай. «Потрудившись до поту, онъ теперь можетъ наѣсться въ охвоту,» вознаградить какъ бы себя за предыдущія труды и лишения. Но этимъ не ограничивается кругъ работъ селянина: послѣднія нескончаемы, и не успѣетъ онъ кончить одной, какъ къ нему напрашивается уже нѣсколько новыхъ. Приготовление пашни подь яровой хлѣбъ, сѣва и садка огородныхъ овощей, какъ бы жатва, а тутъ опять нужно готовить ниву подь «озимину,» молотить, сѣять и т. д. Скажемъ пока нѣсколько словъ о праздникахъ во время косьбы и жатвы, которые въ быту селянъ имѣютъ въ какомъ ни будь отношеніи особенное значеніе.

Праздникъ Петра и Павла, по народному «Шятро,» съ нетерпѣніемъ ожидается селянами, особенно «пастухами.» Расчетъ у послѣднихъ чисто матеріальный: имъ надоѣлъ Петровъ постъ, и съ днемъ Петра и Павла они надѣются отвѣдать сыра, молока и, главное, любимой ими «яичницъ.» Еще на канунъ праздника пастухи условливаются пораньше выгнать въ поле скоть чтобы пораньше и воротиться, и потомъ на свободѣ заняться устройствомъ и приготовленіемъ собственной стряпни. Пригнавши съ поля скоть, пастухи къ каждому хозяину, скоть котораго гоняютъ въ поле, заходятъ подь окошко и заявляютъ о себѣ слѣдующею рѣчью:

Приславъ Богъ по пирогу,
 Старшій пастухъ по яшеньку;
 Волики бушевали,
 По мучицу присылали;
 Коровки рыкали,
 По маслечко присылали;
 Свинки скрѣготали,
 По сланинку присылали;
 Курочки кричали,
 По ячки присылали.

Всякій хозяинъ даетъ пастухамъ два, три, яйца, кусокъ сала, немного масла; изъ этого матеріала они устроятъ потомъ для

себя угощеніе, съ пѣснями, пляской. Одно или два яичка оставляютъ и отдають нищему, прося его молиться Богу за нихъ стадо, объ его цѣлости, сохранности (Бѣлица, Вилен. Губ. Лидск. Уѣзда). Въ некоторыхъ мѣстахъ считаютъ необходимымъ дать пастуху сыръ; его носятъ и въ церковь для освященія.

(Черёсы, Вилен. Губ. Дисн. Уѣзда.)

Мы говорили уже, что праздникъ Петра и Павла тѣсно связанъ со временемъ косыбы и жатвы: «Лады косы и серпы къ Петрову дню!» говоритъ поговорка. «Съ Петрова дня въ подѣ пожня,» зеленый покосъ. «Святый Пятро въ жицѣ ядро.» Съ тѣмъ вѣстѣ этотъ праздникъ, по народному воззрѣнію, очень тѣсно связывается съ днемъ Св. Ильи. «Пришолъ Пятрокъ, опалъ листокъ; пришла Илья, опало два.»—«Св. Пятро въ жицѣ ядро, а Св. Илья Божія жноя.»—«Св. Пятро вколосився, а Св. Илья жито жала.»—«Петръ съ колоскомъ, Илья съ колобкомъ.» Въ пѣсни на Куцалу поется: «Только нѣту Ильи съ Пятромъ. Пошовъ Илья коло жита.»

Нужно замѣтить, что имя Ильи многими селѣнами почитается женскимъ, и получившихъ его при крещеніи селѣне у себя дома называютъ «Галиашемъ.» Не смотря на то, что время отъ Петра до Ильи тяжелое, «страдное,» селѣне боятся работать, и не работаютъ, въ эти праздники. Относительно празднованія Пророка Ильи селѣне замѣчаютъ: кто не будетъ праздновать этого дня, того накажетъ Богъ—домъ его сожжетъ молнія. Однажды, передаетъ преданіе, какой-то шляхтичъ на Илью отправился косить. Завидѣвши его, Православные совѣтовали ему оставить свое намѣреніе, грозили гнѣвомъ и наказаніемъ Божиимъ. «За чѣмъ ты идешь косить: вѣдь сегодня праздникъ Ильи!» говорили Православные. «А вотъ я подрѣжу Ильяѣ пяты,» былъ отвѣтъ удальца. Онъ дѣйствительно отправился «подрѣзывать Ильяѣ пяты.» Началъ работать: около полудня явилась небольшая тучка, раздался громъ, ударилъ въ дошъ шляхтича, и бурнымъ пламенемъ было истреблено все его достояніе. Сохранилась только печальная извѣстность объ его неразумномъ удалствѣ.

Съ именемъ Пророка Ильи народъ тѣсно связываетъ одно изъ грозныхъ, величественныхъ, явленій въ природѣ—происхожденіе грома. Темно довольно сохраняется въ народѣ Библейское сказа-

ніе о томъ, что Св. Ілія на огненной колесницѣ взять живой на небо. Вотъ, когда послышится громъ, народъ и говорить, что это Св. Ілія ѣздитъ по небу и бьетъ злыхъ духовъ. Если громъ ударитъ въ сарай, или домъ, тамъ, значить, спрятался было дьяволъ; онъ думалъ, объясняютъ селяне, что изъ за дома Ілія пощадить, пожалуй, и его, но Св. Пророкъ бьетъ его на каждомъ мѣстѣ. Приводятъ и рассказъ о преслѣдованіи дьявола Пр. Іліею. Одинъ Офицеръ яко бы любовался красивымъ видомъ какой-то рѣки. Вдругъ видитъ, на рѣкѣ появился дьяволъ въ видѣ женщины и сталъ на водѣ играть. Скоро ударилъ въ него громъ, но мало; только пронеслось эхо, а серебрястыя брызги разлетѣлись во всѣ стороны. Дьяволъ продолжалъ играть. Понялъ Офицеръ, въ чемъ дѣло, зарядилъ ружье серебрянною пуговицей да и выстрѣлилъ. Ударъ былъ вѣрно рассчитанъ. Послышался, только женскій визгъ, дьявола, больше не было видно. Сверху, въ свою очередь, раздался голосъ яко бы Пр. Ілія, который словами: «Спасибо, награда тебѣ будетъ на небеса!» благодарилъ Офицера за оказанную въ настоящемъ случаѣ помощь.

(Еремичи; Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Опасаясь, чтобы во время грозы дьяволъ не подбѣжалъ къ человѣку, и черезъ это не подвергъ его опасности, селянинъ, заслышавъ громъ, крестится: этимъ знаменіемъ онъ думаетъ прогнать отъ себя дьявола. Рассказываютъ, что дьяволъ спорилъ съ Св. Пророкомъ о возможности ему укрыться отъ преслѣдованій Святаго. «Гдѣ бы ты ни былъ (отвѣчалъ яко бы Ілія), и какъ бы ты ни скрывался отъ меня, я тебя убью». — «Я скроюсь подъ человѣкомъ, котораго ты пожалѣешь убивать.» — «Я убью и человѣка, лишу его временной жизни, за то онъ наслѣдуетъ жизнь вѣчную, а все таки тебя убью.» При такомъ понятіи о громѣ, самое несчастье отъ громового удара селяне принимаютъ съ полною покорностію волѣ Божіей и, въ случаѣ пожара (бывали примѣры), не стараются противодѣйствовать ему. Если отъ удара зажигается домъ, то спѣшать оттуда вытаскать койкакое достояніе, а все остальное спокойно оставляютъ въ добычу пламени. «Што Богъ запаливъ, таго ня можна тушиць.» Намъ передавали, что въ мѣстечкѣ Цырникѣ (Минск. Губ. Новогор. У.) отъ громового удара загорѣлся домъ одного Еврея. Сбѣжался народъ, коечто по-вытащить, остальное все спокойно обрекъ въ жертву пламени.

Еврей что ни кричалъ, просилъ спасать его домъ, а собравшійся народъ все одно твердилъ: «Што Богъ запаливъ, таго ня можна тушиць.» Пожаръ угрожалъ Народному Училищу и всему мѣстечку, и только внушенія мѣстнаго Священника убѣдили селянъ принять противъ него дѣйствительныя мѣры.

(Цыринь, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Если бы во время грозы челоѡвѣку пришлось быть въ дорогѣ, онъ не долженъ поднимать высоко платья, хотя бы на дорогѣ было много воды и грязи. Рассказываютъ, что одна женщина отправилась на пастбище за гусями; случилось, что въ это время разыгралась маленькая гроза и пошелъ сильный дождь. Женщина поспѣшила поднять полы своей свитки и въ настоящемъ случаѣ употребить ихъ вмѣсто зонтика. Вдругъ яко бы съ неба послышался ей голось: «Не подымайся!» Женщина не обратила вниманія. Неизвѣстный голось послышался во второй и третій разъ. Женщина упорствовала. Тогда послышался полный голось: «Гибнешь,» съ тѣмъ вмѣстѣ ударилъ громъ, и женщины не стало. Опасно также, по мнѣнiю народа, надѣвать во время грозы шляпу: поля ея служатъ удобнымъ прiютомъ для дiавола и, такимъ образомъ, вмѣстѣ съ дьяволомъ, можетъ быть убитъ и челоѡвѣкъ.

Вотъ, на примѣръ, возвращаются съ поля старушки съ малыми ребятами. Ихъ застигаетъ дождь. Мальчикъ, не посвященный еще въ тайны сельскаго мировоззрѣнiя, поднимаетъ полы своего кафтана, и начинаетъ закрываться отъ дождя. Што ты робишь, внучку?» говоритъ ему опытная уже старушка. «Не подымайся! а то бачишь, якъ гремитъ; христися, внучку, говори пацери: коли не вмѣешь самъ, говори за мной!» Во всю дорогу наши путешественники молятся. Пришедши домой, бабушка спѣшитъ отыскать скорѣе освященную въ недѣлю Ваий вербу, беретъ связку цвѣтовъ, которыя она освятила въ праздникъ Иоанна Предтечи, кладетъ все это на «припечекъ,» и поджигаетъ Срѣтенскою свѣчею. Нужно, чтобы все это только курилось, чтобы было по возможности болѣе дыму. Этотъ, какъ бы освященный, дымъ (отъ освященныхъ предметовъ) считается однимъ изъ лучшихъ средствъ для прогнанiя дьявола и, такимъ образомъ, застраховываетъ уже самый домъ отъ громоваго удара. Если гроза продолжительна, то отъ куренiя изба страшно наполняется дымомъ;

у присутствующих катятся изъ глазъ слезы, вся семья между тѣмъ продолжаетъ усердно молиться Богу.

(Тамъ же.)

Праздники Петра и Павла и Пр. Илии указываютъ, по мнѣнію народа, какъ бы на окончаніе лѣта. «Спасъ» или Преображеніе Господне уже открываетъ собою осень и зиму: «Пришелъ Петрокъ, опадъ листокъ;» говоритъ мѣстная поговорка; «пришла Илья, опало два, а якъ прійде Спасъ (6 Авг.), то сброситъ и всѣхъ насъ.» Со дня Преображенія Господня деревья; по этому взгляду, теряютъ свою праздничную, лѣтнюю одежду, готовятся какъ бы къ летаргическому оцѣпененію во время зимы. Ко времени Преображенія Господня должны быть кончены всѣ главнѣйшія полевыя работы стараго года, нужно подумывать уже о новой сѣвбѣ. «Спасъ всему часть.» Хозяинъ долженъ дать себѣ отчетъ по хозяйству за истекающій годъ, и на Спаса онъ смѣло уже можетъ вкусить отъ новыхъ плодовъ. Даже «бѣднѣй (по поговоркѣ), терпитъ только до Спаса.» Дѣйствительно, время «Спаса» признается селянами единственно законнымъ временемъ для того, чтобы начинать вкушать впервые отъ многихъ новыхъ плодовъ, временемъ, освящающимъ подобное начинаніе.

Прежде всего селяне боятся ѣсть плоды до «Спаса.» Полагаютъ, что вкусившій ихъ подвергается желудочнымъ болѣзнямъ, хотя бы ѣлъ и зрѣлые плоды. И на оборотъ, послѣ Спаса навредно ѣсть даже незрѣлые плоды (Докшицы, Минск. Губерн. Борис. Уѣзда). Другіе думаютъ, что во время Преображенія Господня Богъ раздастъ плоды всѣмъ умершимъ, которые удостоились Царствія Небеснаго. Если мать умершаго дѣтяти ѣда плоды до Спаса, то ея дѣтяти Богъ не дастъ яблока, или груши, и отъ Бога она услышитъ такія слова: «Часть твою съѣда твоя мать.» На Спаса обыкновенно селяне приносятъ въ церковь плоды для освященія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ теперь же впервые варятъ къ обѣду картофель, стручки бобу, или гороху. Ребятишкамъ позволяютъ пойти въ «стручки,» т. е., нарвать себѣ гороху, или бобу (Чересы, Дзис. Уѣзда Вилен. Губ.). На Преображеніе иногда еще селяне приносятъ съ собою въ церковь для освященія сѣмена ржи для озимыхъ посѣвовъ; но большею частію это дѣлается на Успеніе.

Успеніе (15 Августа) известно подъ именемъ «Зельной», «Большой Пречистой» или «Госпожи,» въ opinionіе отъ «Ма-

лой Пречистой» (8-го Сент.), или «Госпожки.» Въ это время хлѣба уже бывають сняты: если урожай удаченъ, то текущій годъ селянину не страшенъ, и праздникъ Успенія онъ можетъ отпраздновать въ радости и весельи, по тому что теперь хлѣба у него вдоволь. Поговорка гласитъ: «Госпожа—хлѣба дѣжа.» Отправляясь въ церковь, селяне, въ благодарность Богу за посланный имъ даръ, несутъ для освященія по связкѣ колосьевъ всѣхъ хлѣбовъ; освятивши, они вымолачивають ихъ, и сѣмена берегутъ до предстоящей сѣвы (Нарва, Гродн. Губ. Бѣл. Уѣзда). Въ Докшицахъ (Минск. Губ. Борис. Уѣзда.) выбираютъ предварительно изъ всего количества ржи нѣсколько самыхъ лучшихъ сноповъ и околачивають ихъ о борону, или о колеса: выпавшія зерна называются «посѣвочными,» а выколоченные снопы «околотомъ.» Въ послѣдствіи «околотъ» сушатъ въ овинахъ и вымолачивають цѣпомъ. Изъ «околота» дѣлають еще «сѣчку,» которая идетъ въ пищу лошадямъ вмѣсто овса. Приготовленныя сѣмена на Успеніе приносятъ въ церковь для освященія. Зерно бываетъ сложено въ платокъ и, при освященіи его, на поверхность кладутъ алтынъ. Освященныя сѣмена мѣшають потомъ съ остальнымъ количествомъ ржи, предназначенной къ посѣву. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ освящается на Успеніе въ церкви вѣнокъ, который приносятъ хозяину на «дожинкахъ.» Передъ началомъ посѣва этотъ вѣнокъ вымолачивается, и сѣмена его освященныя предназначаются къ посѣву.

(Каменецъ, Гродн. Губ. Бр. У.)

Въ праздникъ Успенія селянинъ уже думаетъ о будущемъ годѣ. Онъ готовится на новое дѣло, вступаетъ въ кругъ занятій новыхъ, сладостныхъ, большею частію, въ концѣ, но слишкомъ тревожныхъ въ началѣ. Послѣ Успенія селянинъ подумываетъ о посѣвѣ «озимины.» Рано, или поздно, въ известномъ году нужно сѣять рожь, что узнають по гречихѣ: если ранній посѣвъ гречихи былъ удаченъ, и рожь, значитъ, нужно сѣять пораньше; и на оборотъ: если «поздняя гречиха вышла удачнѣе ранней,» рожь въ такомъ случаѣ выгоднѣе сѣять позже (Нарва, Гродн. Губ. Бѣл. Уѣзда). Приготовленіе пашни подъ «озимину» и «засѣвки» сопровождается такими же обыкновеніями, какія мы видѣли при началѣ яровыхъ посѣвовъ. Главная разница въ томъ, что теперь прежде всего сѣютъ сѣмена, освященныя въ день Успенія Пресв. Богородицы, если онѣ сохранились отдѣльно, или то количество ржи,

съ которымъ онѣ были смѣшаны. Отправляясь въ первый разъ сѣять, хозяинѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, надѣваетъ «бѣлую» рубаху (Докшицы, Мясск. Губ. Борис. Уѣзда). Бросая первую горсть сѣмянъ, говорить: «Щобъ Богъ зародивъ жито на другій рокъ хочъ такое, якъ было теперя!» (Дрогичинъ, Гродн. Губ. Кобринск. Уѣзда). Иногда еще устилаютъ поле соломою, оставшеюся отъ тѣхъ сноповъ, зерна которыхъ пошли на первоначальный посѣвъ; этимъ выражаютъ желаніе, чтобы и будущая рожь также «устилала» поле. (Каменецъ, Гродн. Губ. Брестск. Уѣзда). Вечеромъ бываетъ угощеніе; требуется, какъ и выше было указано, возможная въ домѣ чистота, опрятность, въ угощеніи полнота, достатокъ, изобиліе: и на нивѣ, въ слѣдствіе этого, можно ожидать, возможной чистоты посѣвовъ отъ сорныхъ травъ, полноты и обилія колосьевъ. Женщины въ это время хлопчутъ, главнымъ образомъ, около уборки льну. Собираютъ также огородныя овощи, картофель.

Кончилъ селянинъ свои полевыя работы. Кончилось и дѣло, и на дворѣ уже время богатое, изобильное всякимъ «добромъ.» Не даромъ существуетъ поговорка: «Спасъ—будетъ хлѣба съ насъ!» или: «Госпожа—хлѣба дѣжа.» Есть, правда, и другая поговорка: «Госпожка (8 Сент.)—хлѣба немножко» (Лебедево, Вилен. Губ. Вилейск. Уѣзда), но, по объясненію самихъ же селянъ, эта поговорка имѣла смыслъ и значеніе до знаменитаго 19 Февраля, 1861 г. До этого времени селянинъ, собравши коечто съ поля, долженъ былъ отдать большую часть своего убогаго достатка помѣщику, у котораго онъ бралъ зерно для прокормленія своей семьи и для обмѣненія полей, такъ что по возвратѣ съ процентами взятаго, у селянина до 8 Сент. дѣйствительно оставалось «хлѣба немножко.» Теперь другія времена. Осень приноситъ съ собою изобиліе во всемъ. Относительно работы миновала самая страдная пора. Есть теперь время селянину подумать нѣсколько о внутреннемъ домашнемъ быту, сосватать, если есть, своего сына, или дочь: по этому съ осени, обыкновенно, наступаетъ въ деревняхъ самая жаркая пора свадебъ: «Иванъ Богуславъ (26 Сент.) дѣвоснубы (по другимъ дружки) розославъ,» говорить поговорка. Съ другой стороны, если до Дмитриева дня (26 Окт.) дѣвка не засватана, то ей не остается уже надежды обвѣнчаться до поста, по тому что истекаетъ срокъ для записи оглашеній. Это подадо поводъ сложить такого рода поговорку: «До Дмитра дѣвка хитра, а по Дмитрѣ хоть ею вытри!»

Если гдѣ не очень далеко ярмарка, селянинъ постарается непременно побывать на ней. У него наступають разнаго рода домашніе праздники (мы сейчасъ ихъ увидимъ); нужно, слѣдовательно, сдѣлать маленькіе запасы. Съ другой стороны, въ хозяйствѣ коечто оказывается лишнимъ: можно продать, или промѣнять на болѣе необходимое въ данную пору. Ярмарка въ этомъ отношеніи представляетъ очень много для него удобства.

До послѣдняго времени Православіе въ краѣ было подавлено разнаго рода вредными вліяніями, и по тому ярмарки главнымъ образомъ устроились въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ бывали костѣлы. Всѣ онѣ носятъ одинаковый характеръ: мы опишемъ одну изъ нихъ въ мѣстечкѣ Міорахъ Вил. Губ. Двн. Уѣзда, со словъ селянина. Изъ далекихъ мѣстностей селяне пріѣзжаютъ въ Міоры на канунъ дня ярмарки (8 Сент.), болѣе ближніе въ самую ярмарку. На лугу, передъ селомъ, ставятъ повозки и лошадей. Ржаніе и топотъ лошадей, пѣніе нищихъ, говоръ, шумъ, все сливается въ одинъ базарный гулъ. Въ селѣ, на улицѣ, становятся, по одной сторонѣ, пріѣзжіе Старообрядцы съ яблоками, пряниками, булками; продаются здѣсь также крестики, иконы, въ прежнее время (недавнее время) виднѣлись разнообразныя Польскія книжки, «шкапелеры» и т. под. По другой сторонѣ села сидятъ нищіе, поютъ, большею частію, религіозныя пѣсни, «литаніи.» На паперти костѣла толпятся богомольцы: одни изъ нихъ, особенно женщины шляхтянки, ползутъ на колѣняхъ вокругъ костѣла, другіе сѣдять въ костѣлѣ послушать «органа;» здѣсь они покупаютъ разные члены человѣческаго тѣла, сдѣланные въ миніатюрѣ изъ воску: кто страдаетъ головою болью, покупаетъ голову, въ надеждѣ забавиться отъ болѣзни; большой глазами покупаетъ глазъ; дѣвушки покупаютъ восковыя пластинки съ изображеніемъ человѣка, чтобы быть стройными и красивыми; однимъ словомъ: «У кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ,» того и спрашиваетъ. Всѣ подобныя вещицы лежатъ первоначально передъ иконою Божіей Матери, откуда онѣ поступаютъ въ продажу. Изъ костѣла отправляются къ своимъ повозкамъ обѣдать. Потомъ закупаютъ все необходимое и возвращаются домой; дѣтямъ привозятъ яблокъ, или «бубликовъ.» Относительно матеріалу, продаваемаго на ярмаркѣ, онъ измѣняется, съ одной стороны, по временамъ года, съ другой, въ слѣдствіе мѣстнаго богатства, или производства того, или другого, произведенія.

(Чересы, Вил. Губ. Двн. Уѣзда.)

Собравши все съ поля, хозяинъ спѣшитъ принести благодареніе Богу, за его высокую помощь, о здравіи всѣхъ своихъ домашнихъ и сродниковъ, и, особенно, помянуть своихъ покойныхъ родичей, отцовъ, дѣдовъ, прадѣдовъ. Каждый хозяинъ считаетъ это своею священною обязанностію. Не помолиться теперь объ умершихъ значить оскорбить ихъ, возстановить противъ себя. Отъ этого время осеняго поминкованія умершихъ, «осенины», «осеніе, богатые дѣды», составляетъ одинъ изъ величайшихъ праздниковъ въ сельской средѣ. Рассказываютъ, что одинъ селянинъ по бѣдности своей не захотѣлъ совершить «Дѣдовъ». Когда пошелъ онъ спать, передъ нимъ такъ и стояли умершіе; всю ночь ему не было покоя; сама молитва въ настоящемъ случаѣ оставалась какъ бы бездѣйственна. Только послѣ того, какъ онъ, по мѣрѣ своего достатка, отпраздновалъ «Дѣды», мертвые ему больше не грезились. Заключение, по селянской логикѣ, понятное. (Осташино, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда). По такому взгляду селяне стараются ничего не жалѣть въ настоящемъ случаѣ. «Что мы будемъ жалѣть для своей души» говорятъ они? «Съ своей стороны мы должны сдѣлать все, чтобы только угодить умершимъ.»

«Осенніе дѣды» одинъ изъ болѣе торжественныхъ, разпространенныхъ у селянъ праздниковъ. Чтобы была возможность всѣмъ въ приходѣ его отпраздновать, и при томъ болѣе, или менѣе, съ обща, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устроится такой порядокъ: селяне одной деревни ежегодно совершаютъ поминки въ одну и ту же недѣлю, селяне другой деревни—въ другую. Одни изъ нихъ обыкновенно участвуютъ въ торжествѣ другихъ. Промежутокъ времени, въ которой совершаются поминки, болшею частію назначается между 1-мъ Октября. (Иже.:Вил. Губ. Вилейск. Уѣзда). «Богатые дѣды» отъ другихъ отличаются, главнымъ образомъ, богатствомъ кухни. Селянинъ теперь перѣдко колетъ кабана, называемаго «дѣдовскимъ», изъ ногъ его, на канунѣ торжества, варятъ студень, изъ части говядины дѣлаютъ колбасы, кровь кабана сливаютъ въ сосудъ и въ послѣдствіи употребляютъ къ блинамъ. Хозяйка, въ свою очередь, рѣжетъ гусь; при этомъ держитъ ее надъ сосудомъ такъ, чтобы туда сливалась кровь. Изъ этой крови варятъ «юшникъ», «поливку», (супъ). Готовятъ по обычаю, по возможности, большее количество кушаньевъ, при чемъ должна быть непременно водка, требуется возможная чистота, соблюдаются разные обряды, какъ и при другихъ «дѣдахъ.» Въ настоящемъ случаѣ укажемъ только нѣкоторыя отъ нихъ отличія.

Такъ какъ осенью главное и почти исключительное занятіе хозяйекъ пряжа, то на «Дѣды» хозяйки крѣпко на крѣпко приказываетъ не браться за веретено, иначе «умершіе сдѣлаютъ такъ, что пряжа будетъ волочиться по всѣмъ горшкамъ.» Ставить къ огню не болѣе двѣнадцати горшковъ, и каждый съ особымъ кушаньемъ. Въ большинствѣ мѣстностей готовятъ обыкновенно нечетное число блюдъ. Замѣсивъ хлѣбъ и пироги, хозяйка кладетъ дрова въ печку, но сама не зажигаетъ ихъ: для этого она приглашаетъ какого ни будь мушину (изъ семьи); за то никому не позволительно теперь ставить въ печку горшки, распорядиться ими: иначе умершіе разсердятся и могутъ задать горшкамъ страшную потасовку. (Осташино, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда). При подачѣ кушаньевъ за обѣдомъ, при столѣ соблюдаются уже извѣстныя намъ обрядности. Передъ обѣдомъ, если въ хатѣ есть умѣющій читать, беретъ книжку и читаетъ заупокойныя молитвы, присутствующіе слушаютъ его, или же въ голосъ повторяютъ за нимъ. Молитвы эти читаются всегда на колѣняхъ; въ нихъ участвуютъ даже и малые ребятишки. Послѣ обѣда, по обычаю, часть всего оставляютъ «душамъ», приговаривая: «Няхай гета будзець нашимъ старикамъ, каторыя въ гетой хацѣ працовали!» Если хозяинъ бѣдный, а его предшественники жили достаточно, онъ прибавляетъ: «Жили дзѣды, не видзѣли бѣды, а унуки набралися муки».

(Чересы, Виц. Губ. Дисн. Уѣзда.)

Къ «Дѣдамъ», кромѣ обыкновеннаго хлѣба, иногда пекутъ еще особую булку, «курецъ.» Этотъ «курецъ» отдаютъ нищему, который почти всегда является въ домъ послѣ обѣда. Когда онъ придетъ, его усаживаютъ за столъ, кладутъ передъ нимъ «курецъ», насыпаютъ соли. Нищій между тѣмъ читаетъ молитвы. Возлѣ него садится хозяйка, иногда хозяинъ, и говоритъ ему поименно для поминовенія всѣхъ своихъ умершихъ родственниковъ, также и хозяйку, которые до нихъ жили въ этомъ мѣстѣ. Обыкновенная поминальная молитва нищаго слѣдующая: «Помяни, Боже, душечку N. N. (слѣдуетъ перечисленіе именъ) при мшахъ, при косцелахъ, при ютраняхъ, при нешпорахъ, при набоженствахъ, при оферяхъ; при чудовныхъ образахъ, да при ясныхъ свѣчахъ, при голосныхъ звонахъ; да завядзи его (или ея) до неба виднаго, до раю покойнаго, до мѣста прохладнаго!» Нѣкоторые нищіе прямо говорятъ: «Вспомяни, Боже, душечку N. N. (перечисленіе именъ

въ Царствѣ Небесномъ!» Помянувши всѣхъ умершихъ, болѣе опытный нищій прибавляетъ: «Няхай яны на томъ свѣцѣ са всѣми Святыми спачиваюць, намъ пріяюць, и насъ довго къ сабѣ чекаюць!» «Курець, служить для него наградой.

(Еремичи, Минск. Губ. Новогр. Уѣзда.)

Праздникъ иногда не оканчивается однимъ днемъ. Одна уже необходимость истребить все заготовленное съѣстное заставляетъ продолжить его и на завтра. Уложившись въ первый день послѣ ужина спать, празднующіе на другой день встаютъ очень рано и завтракаютъ. Праздникъ продолжается снова цѣлый день, среди угощений, игръ и разныхъ рассказней.

Кромѣ «осеннихъ дѣдовъ», когда совершаются «поминки» всѣхъ, когда бы то ни было умершихъ родныхъ, нѣкоторыя семейства празднуютъ еще, такъ называемыя, «покойныя поминки», когда поминаютъ умершихъ, только въ текущемъ году. Этотъ праздникъ обыкновенно совершаютъ вечеромъ въ пятницу. Очистивши отъ сора дворъ и комнату, приготовивши приличныя кушанья, хозяева съ нетерпѣніемъ ожидаютъ званныхъ гостей. Столъ застилаютъ бѣлою скатертью, кладутъ булку хлѣба и ставятъ соль въ деревянной чашечкѣ. Гости приносятъ съ собою хлѣбъ-соль, кладутъ его на столъ, здороваются съ хозяевами и начинаютъ по замѣчанію одного селянина, грустно разговаривать съ ними, показывая видъ, что душевно грустятъ съ ними. Когда соберутся гости, открывается самый праздникъ. Передъ образами, въ углу зажигаютъ «громническую» свѣчу; на столъ хозяйка ставитъ «латушку капусты» и гостей приглашаютъ къ «большому хозяйскому, жалобному столу.» Вообще это поминовение далеко уступаетъ, «Дѣдамъ», въ роскоши и разнообразіи стола; водка, впрочемъ, и здѣсь льется въ изобиліи. Гости, по приглашенію хозяевъ, становятся кругомъ стола, говорятъ молитвы: «Отче нашъ...» «Богородице Дѣво радуйся... Вѣрую...» и въ заключеніе поютъ вѣчную память. Во время молитвы одинъ изъ стариковъ держитъ зажженную свѣчу близъ поставленнаго на столѣ блюда съ капустою. По окончаніи молитвы гости садятся каждый на свое мѣсто, а блюдо съ капустой снимаютъ со стола. Въ этомъ предварительномъ обрядѣ и состоитъ собственно «хозяйскій, жалобный столъ.» Теперь принимаются за водку. Первый стаканъ проливаютъ не много на столъ, полагая, что это дается покойнику. Вы-

дивая первую рюмку, каждый приговариваетъ: «Нехай дастъ Богъ души небо, рай свѣтлый, покой вѣчный!» Попойка продолжается нерѣдко всю ночь. На другой день, раннимъ утромъ (всѣ присутствующіе до этого времени не спятъ), хозяйка снова ставитъ на столъ латушку капусты, и снова начинаются такія же обрядности, какъ мы видѣли въ предыдущій день. Разница въ томъ, что теперь, по окончаніи молитвы, капусты со стола не снимаютъ; ее ѣдятъ присутствующіе; это составляетъ «жалобную вечерю.» По «вечери» говорятъ молитвы, чѣмъ и оканчивается «ночное сидѣніе.» Празднику, впрочемъ, еще не конецъ.

Когда появится день, нѣкоторые близкіе сосѣди расходятся до поры, до времени, по домамъ; другихъ хозяинъ назначаетъ для отдѣлки памятника по покойникѣ. Если хотятъ ставить памятникъ по покойникѣ мужчинѣ, то готовятъ крестъ; если по женщинѣ, то дѣлаютъ «кладку.» Крестъ ставятъ на кладбищѣ; «кладка» назначается обыкновенно для удобства пути на какое ни будь мокрое топкое мѣсто, по которому приходится ходить, или же ее перекидываютъ чрезъ ровъ, ручей, и тогда она служитъ своего рода мостикомъ. Крестъ готовятъ обыкновенно заблаговременно; «кладку» въ каждую данную минуту. Назначенные хозяиномъ люди, съ возомъ отправляются въ ближайшій лѣсъ, отыскиваютъ годную для кладки сосну со смолистою сердцевиною, срубаютъ ее, отдѣляютъ верхушку отъ остальнаго ствола; послѣдній очищаютъ отъ коры и одну изъ сторонъ его обтесываютъ во всю длину. Эта сторона извѣстна потомъ подъ названіемъ «плоскости.» Памятникъ для покойной женщины готовъ. Его взваливаютъ на возъ и везутъ въ назначенное мѣсто, кладутъ «плоскостью» вверхъ, обозначаютъ время смерти, вырѣзываютъ серпъ, или, если умершій былъ младенецъ, сапожки. Теперь всѣ, участвовавшіе въ отдѣлкѣ «кладки», становятся на колѣни, читаютъ молитвы, потомъ садятся на памятникъ, пьютъ, закусываютъ, почтуютъ по-встрѣчавшихся, и возвращаются къ хозяину, приговаривая: «Нехай дастъ Богъ ей небо, рай свѣтлый, покой вѣчный!» Въ домѣ хозяина приготовленъ бываетъ завтракъ, «снаданне.» Его сопровождаютъ заупокойныя молитвы.

По окончаніи завтрака всѣ гости, вмѣстѣ съ хозяевами, отправляются на кладбище. Если приходится ставить крестъ, то теперь везутъ и его. Всѣ идутъ за крестомъ и обыкновенно поютъ 50-й псаломъ. Кромѣ большаго креста, дѣлаютъ еще и маленькій:

къ нему привязываютъ красную ленточку. Крестъ привозятъ или на кладбище, или ставятъ на перекресткахъ; маленькій крестикъ утверждаютъ надъ могилою покойника, въ головахъ. Селяне просятъ и Священника освятить настоящее торжество. Пока придетъ Священникъ, они вырѣзываютъ квадратики изъ дерну и покрываютъ могилы родныхъ. Поверхъ могилы иногда кладутъ еще продолговатую, четырехъугольную, доску, что называется «прикладзинь». Священникъ совершаетъ панихиду, освящаетъ могилы и памятникъ. Служеніе заканчивается пѣніемъ «вѣчная память!» Коль скоро Священникъ оставляетъ кладбище, селяне начинаютъ пить водку и закусывать хлѣбомъ съ солью. Не смотря на увѣщанія Священника, передавали намъ селяне, простой народъ не оставляетъ своихъ старыхъ, иногда нехорошихъ, обычаевъ. И въ настоящемъ случаѣ, по уходѣ Священника селяне разсуждаютъ такъ: «Егомось (такъ до послѣдняго времени большею частью называли Священника; теперь батюшка) уже отъ насъ побѣжавъ домовъ; намъ цѣперъ, можно рабиць то, што наши дѣлды и прадѣлды рабили, чого и мы ня можемъ пакинуць.» Кладбище, послѣ этого принимаетъ совершенно иной характеръ. Изъ всѣхъ сосѣднихъ мѣстъ являются сюда и нищие; имъ тоже не отказываютъ въ угощеніи: послѣ заупокойныхъ моливъ, которыя говорятъ они надъ могилою покойника, имъ даютъ водки и хлѣба. Этимъ и оканчивается торжество.

(Иже, Вилен. Губ. Вилейск. Уѣзда.)

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Любки, Вилен. Губ. Свещ. Уѣзда) есть обычай приготовить ячную кашицу ко времени поминовенія родныхъ. Принесши на кладбище, кашицу отдають мальчикамъ ѣсть. Но дѣло въ томъ, что ѣсть ее нужно не ложками, а голыми руками. Въ деревнѣ Любкахъ кладбище находится не въ далекомъ разстояніи, такъ что кашица, принесенная изъ деревни на кладбище, не успѣваетъ еще остынуть. Часто бываетъ, что мальчики, которымъ достается эта кашица, поплачываются за нее своими пальцами: съ послѣднихъ слѣзаетъ кожа.

Отпраздновалъ селянинъ «осеніны;» на полѣ у него все уже убрано. Что же ему остается теперь дѣлать? Если Богъ далъ ему хорошій урожай, то для него станеть работы дома на всю зиму: молотьба, «работа цѣпомъ», займетъ почти все его время. Если не было урожая, онъ отправляется куда ни будь на «зара-

ботки.» Теперь же по вечерамъ плететь лапти, колеть лучину, запасаются дровами. Женщины исключительно занимаются пряжей. Начиная прядь, приговариваютъ: «Боже Господи, поможи, вереценце побѣжи, ручаеяку принеси, починокъ съ подсвинокъ; хто напередъ почавъ, щобъ сзади торчавъ!» (Осташино, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда). Теперь начинаются «вечерницы,» «посидѣлки,» «попрядухи.» Осень и вся зима проходитъ у селянъ въ подобныхъ занятіяхъ.

Относительно зимы нѣкоторые селяне думаютъ, что она начинается не въ одно и то же время, а каждый годъ все раньше да раньше; съ тѣмъ вмѣстѣ лѣто постоянно дѣлается короче, и передъ кончиною міра лѣта, говорятъ они, вовсе не будетъ, а будетъ продолжаться безсмысленно одна только зима; нельзя будетъ въ такомъ случаѣ заниматься посѣвами, явится голодъ и людямъ придется умирать (Ольшаны, Вилен. Губ. Опмян. Уѣзда). Внимательно слѣдятъ селяне за признаками, указывающими на раннее, или позднее, появленіе зимы. Признаки эти обнаруживаютъ перелетныя птицы. «Если гуси (дикіе) летять низко, зима, значить, близко;» если при этомъ еще гуси летять ночью, селяне выводятъ заключеніе, что зима будетъ тяжелая и наступитъ скоро, что гуси по тому именно и летять ночью, чтобы скорѣе убраться изъ странъ, гдѣ ихъ можетъ застигнуть холодная зима. Если при полетѣ гуси кричатъ часто и громко, то, по мнѣнію селянъ, этимъ указываютъ они на близость зимы. Тихій и несчастный крикъ при полетѣ гусей говоритъ противное. Если на «громницы» течетъ съ кришъ и являются «лужи,» такъ что можетъ напиться пѣтухъ, то зимы можно ожидать легкой и на Благовѣщеніе уже напьется волъ на пастбищѣ. Когда заколютъ борова, то обращаютъ вниманіе на расположеніе его внутренностей. Если известная часть ихъ, «коса», тонкой стороною обращена къ головѣ, и зима, значить, будетъ сначала легкая, потомъ тяжелая; въ противномъ случаѣ—на оборотъ. Если во время зимы образуются на деревьяхъ большія хлопья, завалы снѣга и потомъ, при оттепели, они падаютъ, селяне видятъ въ этомъ прообразъ своей будущности, и въ текущемъ году ждутъ тяжелой болѣзни на людяхъ, или на скотѣ. Зиму съ сильными морозами называютъ злою; зиму безъ сильныхъ морозовъ называютъ лѣтнею.

Зимою бывають большіе праздники, которые и въ глазахъ селянъ имѣють немалое, своеобразное, впрочемъ, значеніе. Еще заблаговременно слышатся пѣсни, которыя указываютъ на особья торжества:

На городъ стринатка,
 Недалеко колядка,
 Ой коляды, коляды,
 Да не всѣ имъ рады:
 Кто нанимаецъ,
 Той съ кармана не вынимаецъ;
 А кто отстаецъ (указаніе на наемъ слугъ),
 Тому каждый почтенъе даецъ.

(Ольшаны, Вилен. Губ. Ошм. Уѣзда.)

Или:

Ня курь, ня вѣй, мяцелица коляда!
 До матки йду, вяночки вью;
 Ать матки йду, развиваю, коляда!
 По сцежацѣ раскидаю:
 Гдѣ сцежачка, тамъ вѣночка,
 Гдѣ слядочекъ, тамъ кусточекъ.
 Сядзиць вовчокъ подъ елачкай, вочки трець:
 Пожалився на (имя парня, которому поется пѣсня), за што
 бьецъ:

«Чаму у цябе, вовчокъ, голова, якъ памяло?»—
 «Я у Кароля бывъ, печь вымятавъ.»—
 «Чаму у цябе, вовчокъ, хвостъ, якъ лапата?»—
 «Я у Кароля бывъ, хлѣбъ сажавъ.»

(Гавута, Вил. Губ. Вилейск. Уѣзда.)

Или:

Шла колядка колядуючи, гей, коляда!
 Перешла сельце, достала яйце, гей, коляда!
 Перешла поле, згубила и тое, гей, коляда!

Подъ именемъ «Колядъ» у селянъ извѣстенъ прежде всего канунъ Рождества Христова (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—кутья,

потомъ колядами называютъ самый праздникъ, а иногда все время отъ Рождества Христова до Богоявленія). Къ празднику сельяне готовятъ строгимъ постомъ; даже малымъ дѣтямъ они боятся давать что ни будь «скоромное.» Если послѣднія плачутъ, желая вкусить отъ запрещеннаго плода, мать въ такомъ случаѣ обыкновенно утѣшаетъ ихъ слѣдующими словами: «Заразь, дзѣтки, будуць каляды; не плачте! Еще нядзѣля, еще нядзѣля, а тамъ и каляды.» Дѣтя успокаивается въ ожиданіи колядъ, какъ чего-то необыкновеннаго. Если до «колядъ» остается недѣли двѣ, то говорятъ, что коляды» еще въ амбарѣ. Дня за два, за три, до колядъ, говорятъ, что онѣ уже «на печкѣ.» Когда хозяинъ вноситъ въ комнату говядину, или колбасы, приготовленные къ Празднику Р. Х., то обращается къ дѣтямъ съ такими словами: «Радуйцесь, дзѣци: уже каляда идзець у хату!»

По мѣрѣ приближенія «колядъ», въ избѣ сельянина замѣчаются особенныя хлопоты, небуднишнія приготовления. Самую избу очищаютъ, убираютъ по праздничному. Вечеромъ на канунѣ Рождества, по срединѣ избы ставятъ столъ: на него кладутъ немного сѣна въ память рожденія Спасителя въ ясляхъ. Посверхъ сѣна застилаютъ бѣлую скатерть и усаживаются ужинать, «ѣсть кутью.» Хозяинъ между тѣмъ отправляется за «колядой.» Идетъ въ амбаръ, беретъ немного сѣмянъ ржи, пшеницы, ячменя, овса, гороху и несетъ въ комнату. Переступая порогъ дома, хозяинъ говоритъ: «Добрый вечеръ, щедрый вечеръ!» иногда еще поютъ: «Да пріѣхала коляда да въ малеваномъ возку, коляда! да къ Марцину у вороцечка, коляда!» Коляду укладываютъ въ «кошель» и вѣшаютъ въ почетномъ углу. Начинается ужинъ.

Коляду встрѣчаютъ еще и такъ. Приносятъ немного сѣна и снопъ ржи. Рожь ставятъ на покути, а сѣно частью разстилаютъ на столѣ (какъ указано выше), частью на «лавкѣ», и тутъ теперъ хозяйка ставитъ горшокъ съ кутьею. Кутья составляетъ въ настоящемъ случаѣ необходимую принадлежность стола, заключительное, почетное, кушанье, отъ чего и самый праздникъ называютъ «кутьею,» также «постною, или «первою, кутьею» (Гродн. Губ.). Въ кутью вставляютъ иногда крестъ изъ двухъ лучинокъ. За столомъ, убранномъ сѣномъ и покрытымъ бѣлою скатертью, садятся ужинать всѣ, не исключая даже малыхъ дѣтей. Хозяинъ въ слухъ читаетъ молитву. Потомъ пьютъ водку. При первой рюмкѣ говорятъ: «Дай, Боже, за рокъ дочекать»; присутствующіе отвѣчаютъ:

«Дай, Боже!» Кушаютъ, «что Богъ послалъ.» Обыкновенно зовутъ ужинать и морозъ. Хозяинъ за ужиномъ говорить: «Морозъ, морозъ, иди ко мнѣ кутью ѣсть, только моего ячменя, овса, пшеницы и проч. (перечисляетъ названія всѣхъ хлѣбовъ, которые намѣренъ сѣять) не морозъ! При этомъ указываютъ на одно обстоятельство, которое заставило нѣкоторыхъ хозяевъ воздержаться нѣсколько отъ подобныхъ приглашеній. Говорятъ, что одинъ хозяинъ по обычаю звалъ къ себѣ морозъ откушать кутю. Морозъ яко бы отвѣчалъ: «Я уже кутью отѣлъ и на лошадь сѣлъ; иди только поддержи жеребенка!» Хозяинъ не обратилъ вниманія на подобныя слова, и послѣ ужина легъ преспокойно спать. На другой день пошелъ посмотреть свой скотъ, и сейчасъ замѣтилъ, что лошадь его куда то исчезла. Онъ вспомнилъ тутъ вечерашній разговоръ съ морозомъ, и догадался въ чемъ дѣло. Нѣкоторые послѣ этого не приглашаютъ мороза къ себѣ ужинать.

(Ольшаны, Вилен. Губ. Опшмянск. Уѣзда.)

Кутью ѣдятъ обыкновенно уже поздно вечеромъ, при огнѣ. Замѣчаютъ: если чья ни будь тѣнь изъ присутствующихъ отображается неясно, или, что еще хуже, совсѣмъ бываетъ не видна, такой человекъ, значить: или умереть въ текущемъ году, или же выйдетъ изъ семьи. Послѣ ужина вытягиваютъ изъ подъ скатерти по былинкѣ сѣна: у кого изъ дѣвушекъ, или замужнихъ женщинъ, былинка будетъ длиннѣе, та можетъ ожидать хорошаго урожая льну. Когда со стола снимутъ сѣно, то смотрятъ, не осталось ли на столѣ зеренъ какого ни будь хлѣба, и если остались, то какого рода зеренъ больше: оставшіяся зерна въ большемъ количествѣ указываютъ на успѣшный урожай въ текущемъ году именно этого рода хлѣба. Брошенные къ тѣмъ сѣменамъ, которыя высѣваются на полѣ, онѣ предохраняютъ урожай отъ головни и другихъ болѣзней. Послѣ ужина хозяинъ сбрасываетъ обувь; изъ принесеннаго снопа ржи приготовляетъ «перевесла» и спѣшить въ садъ, если онъ у него есть, обязать иши плодовые деревья и улья. Въ первомъ случаѣ думаютъ, что будетъ больше плодовъ, что ихъ не будетъ срывать вѣтеръ; въ послѣднемъ, что пчелы не будутъ далеко улетать отъ улья. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ это дѣлаютъ на Новый Годъ. Послѣ ужина вся семья выходитъ на дворъ посмотреть, «зорко на небѣ, или нѣтъ.» Если на небѣ много звѣздъ, то въ текущемъ году хорошо

будутъ родиться гуси и другія домашнія итицы; можно ожидать также и хорошаго урожая, особенно относительно того зерна, большее количество котораго оказалось на столѣ по снятіи сѣна (Ласково, Гродн. Губ. Вобр. Уѣзда). Мальчики деренскіе заключаютъ по своему: въ которой сторонѣ больше звѣздъ, тамъ будетъ больше и грибовъ. Примѣта, которая важна для нихъ во время лѣта. Хорошая погода на кутью, кромѣ урожая, предвѣщаетъ еще такую же погоду и во весь годъ; въ противномъ случаѣ нужно ожидать непостоянной погоды, а съ тѣмъ вмѣстѣ и неурожая. На кутью въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хозяинъ не даетъ скоту цѣлый день: этимъ онъ думаетъ предохранить его отъ насѣкомыхъ. Хозяйки ничего не должны прядь: иначе лѣтомъ скотъ будетъ пускать слюну такими длинными нитями, какія въ этотъ день выпрядутъ (Ольшаны, Вилен. Губ. Опшн. Уѣзда). Другія на оборотъ: на кутью вяютъ клубки нитокъ, чтобы капуста свилась въ головки; вообще прядутъ, вяютъ веревки, стараются мчать непрерывно въ полночь возможную въ хозяйствѣ работу; если бы потомъ потребовалось что ни будь сдѣлать, а начало этому не было положено на кутью, такую работу непрерывно придется уже оставить до праздника Богоявленія. Во все время между праздника Р. Хр. и Богоявленія можно дѣлать, и то, какъ видимъ, съ известными ограниченіями, только ту работу, которая была начата на кутью. Во всякомъ случаѣ избѣгаютъ начинать дѣлать ободья, полозья: опасаются быть искалѣченными. Передъ колядой не дозволяется вязать обыкновенныя метлы для выметанія печей. Необходимо готовить ихъ изъ хвой сосны: тогда онѣ называются «пямало»; неисполнителямъ этого обычая грозятъ сожженіемъ хаты отъ грома.

Хозяйки матери не позволяютъ своимъ дѣтямъ съ утра до вечера ѣсть маку: лѣтомъ не будутъ кусать насѣкомыя. Дѣвушки выходятъ и слушаютъ, въ которой сторонѣ раздается лай собакъ: тамъ, значить, быть имъ замужемъ (Ольшаны, Вилен. Губ. Опшн. Уѣзда). Или: бѣгутъ къ колодезю, мочають въ воду лучину, приносятъ домой и зажигаютъ: чья лучина горитъ ярче, свѣтлѣе, той и замужемъ будетъ лучше (Чересы, Виленской Губ. Дися. Уѣзда). Или: отправляются въ хлѣвъ: если по дорогѣ повстрѣчаются съ быкомъ, имъ, значить, въ наступающемъ году, и ни какъ не дальше осеня, придется выйти замужъ; встрѣча съ коровой не предвѣщаетъ ничего утѣшительнаго.

Въ Борисовскомъ Уѣздѣ (Докшицы, Минск. Губ.) сохраняется такой еще обычай. Родители, желающіе отдать своего сына въ училище, варят особый горшокъ каши; сваривши, выносятъ его на дворъ и ставятъ на «колодѣ» готовящійся въ училище беретъ палку и бьетъ по горшку: если брызги поделятъ далеко, это считаютъ хорошимъ признакомъ—въ будущемъ ученикъ можно полагать остроуміе, хорошую память, охоту къ ученью; въ противномъ случаѣ нужно ожидать противоположныхъ качествъ.

Сѣно, которое «на кутью» послано было на столъ и на которомъ ужинали ча слѣдующій день, раздается скоту. Хозяинъ не даетъ его только лошадямъ: причину указываютъ въ томъ, что когда родился Иисусъ Христосъ, лошадь яко бы съѣла то сѣно, на которомъ онъ былъ положенъ въ ясляхъ (Ольшаны, Вил. Губ. Опшан. Уѣзда). Въ другихъ мѣстахъ это сѣно остается на столѣ въ продолженіи праздниковъ Р. Хр., и только по окончаніи хозяинъ снимаетъ его со стола, раздѣляетъ на столько частей, сколько штукъ у него скота, и отдаетъ ему (Ласково, Гроднск. Губ. Кобринск. Уѣзда). Иногда сѣно сохраняютъ въ продолженіи зимы и уже весной отдаютъ его скоту, когда въ первый разъ выгоняютъ въ поле. Что городъ, то норовъ; что деревня, то обычай.

Въ первый день праздника Р. Хр., когда принесутъ въ избу свѣжую воду, хозяинъ беретъ медкую серебряную монету, бросаетъ ее въ ведро и начинаетъ мыться самъ, а за нимъ и остальные члены семьи: думаютъ послѣ этого, что лицо не будетъ портиться во весь годъ, особенно отъ сильныхъ жаровъ, или морозовъ. Когда заметутъ комнату, сору не выбрасываютъ на дворъ до слѣдующаго дня: иначе, въ пшеницѣ и льнѣ явятся многочисленныя сорныя травы. Иногда и совершенно не метутъ избъ: боятся, чтобъ куры «не выдирали» пощвовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сами хозяева, особенно женщины, не пьютъ воды въ первый день праздника, не даютъ пить и овцамъ; говорятъ, что такимъ средствомъ можно напередъ предохранить себя отъ жажды въ жаркіе дни лѣта. Бѣда, если въ первый день праздника курица снесетъ яйцо: въ хозяйствѣ ожидаютъ убытка (Гродн. Губ. Слон. Уѣзда). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ тогда же вяжутъ веревку, «спутываютъ» ею столъ, чтобы скотина не травила полей. Исполненіе этого обычая обезпечиваетъ потомъ успѣхъ въ осаживаніи роевъ пчелъ. Дробятъ также лучину, зажигаютъ ее

въ углу комнаты на скамейкѣ. (Докшицы, Минск. Губери. Борис. У. Ср. Вобровскаго, стр. 824). Иногда магери запрещаютъ своимъ дѣтямъ причесывать головы: это считаютъ предохранительнымъ средствомъ отъ головной болѣзни.

(Ольшаны, Виленск. Губ. Ошмянск. Уѣзда.)

Каждая семья считаетъ своимъ священнымъ долгомъ побывать въ праздникъ въ церкви. Вечеромъ молодежь въ одномъ какомъ ни будь домѣ устрояетъ игры, пляску, поетъ пѣсни. Иные ходятъ «по колядѣ,» «колядуютъ;» колядующій говорить: «Я маленькій хлопчикъ, злѣзь на стовчикъ, у дудочку граю, Христа забавляю и съ праздникомъ васъ поздравляю;» Или же: «Горобчикъ летѣвъ, хвостикомъ вертѣвъ, а вы, люди, переймайте, и мнѣ по пятачку дайте!» «Иди: «Щуду, лупу по помостѣ, до нашего егомостѣ пріѣхали гости. То не гости, коляднички, потоптали черевички; будьте здоровы съ колядою! Чи кажите спѣвати, чи коляды дати? (Овалы, Кобр. У. Гродн. Губ.). Или же колядующій поетъ подь окномъ слѣдующую пѣснь: «Небо и земля нынѣ веселися, праматерняя клятва разрѣшися; Христось родився, Богъ воплотився, Ангели спѣвають, Царіе витають, люли, люли повѣдають;» (Подобная пѣснь есть въ Уніятскомъ «Богогласникѣ»). Послѣ поздравленія, колядующій ожидаетъ подаенія: ему выносятъ блинъ, или кусокъ хлѣба. Если же хозяинъ ни чего не хочетъ дать колядующему, то стучитъ въ окно: знакъ, что хозяинъ не принимаетъ «колядованія,» и ни чего не дастъ колядующему.

(Миръ, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

На третій день праздника обыкновенно бываетъ наемъ слугъ: отсюда образовалась и поговорка: «На Св. Степана, выше слуга за пана.» Если случится, что хозяинъ встанетъ теперь раньше батрака, то онъ будитъ его и говоритъ: «Вставай! Табѣ сягодня коляда, а мнѣ бяда.» То же говоритъ и слѣдующая, последвица: «Пришли колядки—господаромъ порядку.»

Вечера отъ 25-го Декабря по 6-е Генваря называются «Святыми.» Днемъ можно дѣлать что угодно, и хозяйки стараются напрясть по возможности большіе клубки пряжи, въ надеждѣ, что сравнительно выростетъ большая капуста. Днемъ опасаются

только перекачивать камней съ одного мѣста на другое; отъ этого, говорятъ, появляются на ногахъ разнаго рода болѣзни (Грод. Губ. Слов. Уѣзда). Боятся также выбрасывать «осмолки» изъ печи (несгорѣвшія полѣнья): думаютъ, что отъ этого въ постѣяхъ появится головня. За то дѣлать какую бы то ни было работу вечеромъ строго запрещается. Нарушителя «такого» обычая сельчане непременно «просиѣютъ»; о такомъ человѣкѣ они отзываются: «Пазнаецъ онъ не святковацъ гетыхъ вечерувъ!» Прясти пряжу, или же вить что ни будь, хозяйинъ строго запрещаетъ, по тому что молодой скоть будетъ постоянно мотать головой и пропадать. Если же подобныя работы производились, то хозяйинъ «на послѣднюю кутю» (передъ Богоявленіемъ) пересѣкаетъ въ плоту три пары вѣтокъ, думая этимъ предохранить свой скоть отъ накликаемой было на него бѣды.

(Ольшаны, Вил. Губ. Опшявск. Уѣзда.)

Дѣйствительно, «Святые вечера» особенно опасны для того хозяйина, у котораго много скота. Иногда случается, что у него родится слѣпой теленокъ: всѣ сосѣди и давай тутъ говорить, что вотъ, молъ, не праздновалъ «Святыхъ вечеровъ», что Богъ и наказалъ преступника. Сейчасъ приступаютъ съ распросами къ хозяйкѣ, не шила ли она чего ни будь во время «Святыхъ вечеровъ». Тутъ она обращается къ своей памяти и, напередъ обвиненная, для оправданія какъ бы суда Божія, произноситъ противъ себя приговоръ: она сознается въ преступленіи (что, молъ, шила, хотъ бы этого на самомъ дѣлѣ и не было). «Гета жена зашила глаза сваему целяци», говорятъ послѣ обвинителя. Бѣда и хозяйну, если теленокъ родится слабъ на ноги. Тогда онъ самъ обвиняетъ себя: «Вѣдь это я плелъ ланти въ святые вечера, и такимъ образомъ спуталъ теленка: теперь онъ и ходить не можетъ.»

(Миръ; Мил. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Думаютъ еще, что если во время «Святыхъ вечеровъ» придется оставить въ сундукѣ одежду, ее непременно нужно перекрестить иначе она будетъ похищена некрещенными дѣтьми. Рассказываютъ при этомъ, что на «Святые вечера» некрещенныя дѣти распускаются изъ ада на гулянье: они заходятъ къ тому, кто оставилъ въ сундукѣ свое платье не перекрещеннымъ, отворяютъ сундукъ и забираютъ, что имъ нужно. Въ доказательство приводятъ слѣ-

дующую сказку. Жилъ одинъ «корчмарь» недалеко отъ села. Однажды, во время «Св. вечеровъ,» зашли къ нему въ корчму четыре человѣка въ бѣлыхъ тулупахъ и спросили водки. На вопросъ корчмара: сколько нужно? они потребовали четыре ведра. Желаніе было исполнено. Незнакомцы выпили, расплатились и ушли. На другой и третій вечеръ повторилась таже исторія. Въ третій, впрочемъ, разъ корчмарь при расплатѣ съ незнакомцами спросилъ у нихъ: «Что они за люди?» — «Мы люди недобрые,» былъ отвѣтъ. — «Кто же вы такіе?» — «Мы дѣти некрещенные.» Корчмарь сильно испугался, однако продолжалъ свои распросы. «По чему вы теперь ходите?» Дѣти отвѣчали, что имъ дано право ходить въ продолженіи ихъ оцѣдокъ. «Имѣете ли вы еще охъ дѣл?» — «Дѣти шепчущая чхле васъ?» — «Мы взяли ихъ у тѣхъ людей, которые оставляютъ свое платье не прекрестивши его: какъ только мы придемъ туда, гдѣ оставлено что нибудь не прекрещеннымъ, оно само дается намъ безъ всякаго труда.» — «Постойте же, подумалъ себѣ хозяинъ: я васъ больше не шущу, чтобы вы и мнѣ чего худого не сдѣлали.» Когда гости ушли, хозяинъ сказалъ женѣ вездѣ при всякомъ входѣ начертить кресты, чтобы некрещенныя дѣти не могли прийти къ нимъ бодѣе. По обычаю, гости приходилъ между тѣмъ и на четвертый день; въ корчмѣ огня нѣтъ, и при входахъ вездѣ кресты. Напрасно онѣ ходили кругомъ корчмы, кричали подъ окномъ, просили хозяина отпереть, пустить ихъ повеселиться въ эти остальные вечера, обѣщали не дѣлать ему никакого ала. Въ корчмѣ по прежнему было тихо, темно, хозяинъ все слышалъ, но ни чего не отвѣчалъ, огня не зажигая. Огорчилисъ такимъ приемомъ некрещенныя дѣти; догадались, что сдѣлалъ хозяинъ, и отправились обратно, обѣщая во всякомъ случаѣ, «показать ему, что значить не отпереть имъ дверей.» Кончилисъ «Святые вечера;» у корчмара вышла вся водка, и ему необходимо было отправиться за новой! Взявши денегъ, онъ побѣжалъ за водкой. Уже онъ везъ домой цѣлую бочку; но когда вѣжалъ на «крестовыя дороги» (перекрестокъ, гдѣ иногда погребаютъ дѣтей умершихъ безъ крещенія и потомъ ставятъ кресты), бочка тарахъ! обручи сразу всѣ лопнули и водка вылилась. Смекнулъ корчмарь, въ чемъ дѣло: онъ понялъ, что это мстятъ ему некрещенныя дѣти, которыхъ онъ не пустилъ въ корчму. «Нѣтъ,» сказалъ онъ, «я васъ такъ перемогу,» и снова возвратился за водкой. Но напрасно старался онъ «перемочь» некрещенныхъ, и покупалъ бочку за бочкой: каждый разъ, какъ только онъ вѣжалъ на «крестовыя

дороги,» бочка распадалась, и вся водка пропадала. Преданіе прибавляетъ, что такимъ образомъ онъ истратилъ на водку всё деньги; и наконецъ пришелъ къ такому положенію, что долженъ былъ ити по міру.

(Миръ, Мясск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Отпраздновавъ Рождество Христово, начинаютъ приготовляться ко встрѣчѣ «второй кутьи,» и за тѣмъ Новаго Года: «Вторая кутья,» или канунъ Новаго Года, извѣстенъ въ большинствѣ мѣстностей подъ именемъ «Щедрого» или «Богатого вечера,» или же «Оготухи.» Къ этому вечеру стараются приготовить по возможности роскошный ужинъ, отъ чего и самъ вечеръ называется «богатымъ.» Кутья и здѣсь составляетъ необходимое заключительное блюдо. Ее варятъ изъ «отолченнаго въ ступѣ ячменя.» Пекутъ еще блины съ «юшкою.» Кто не готовитъ блиновъ передъ Новымъ Годомъ, у того въ хозяйствѣ не будетъ «гладкаго снота,» т. е., жирнаго, тучнаго, особенно телятъ (Камешеть, Гродн. Губ. Брест. Уѣзда). Первый блинъ непременно должна съѣсть взрослая дѣвушка, если есть, и при томъ стоя на «сметѣ.» Обыкновенно вечеромъ въ щедрый вечеръ она чисто мететъ комнату, чтобы чистъ былъ на полѣ ячмень, когда будетъ жать его, и когда выносить соръ изъ комнаты, беретъ съ собою блинъ, и ѣстъ тамъ. Если въ это время она услышитъ въ какой ни будь сторонѣ лай собакъ, тамъ, значить, быть ей замужемъ. Обычай этотъ исполняется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ мы видѣли, на канунѣ Р. Хр. Вообще нужно замѣтить, что нельзя приурочить ко всѣмъ мѣстностямъ ни одного общаго названія нѣкоторыхъ праздниковъ, ни тѣмъ болѣе одновременнаго соблюденія однихъ и тѣхъ же обычаевъ. Что соблюдается въ одной мѣстности сегодня, то самое въ другой мѣстности мы увидимъ завтра: отъ этого въ нашихъ статьяхъ для нѣкоторыхъ можетъ показаться коечто видимымъ противорѣчіемъ. Въ оправданіе себя мы ссылаемся на свидѣтельства лицъ, свято не мѣстѣ соблюдавшихъ описываемые нами обычаи.

Когда изба очищена и «вечера» приготовлена; семья садится ужинать. Хозяинъ беретъ водку, наливаетъ рюмку и пьетъ къ хозяйкѣ: «Будь здорова! Дай Богъ за годъ дождати!» говоритъ онъ. «Дай, Боже!» отвѣчаетъ хозяйка. Рюмка обходитъ всѣхъ по старшинству. Послѣ ужина начинается переряживание. Наряжаются «въ Пыгановъ,» «въ аиста, въ козу,» и ходятъ изъ дома въ домъ. Переряженные вездѣ имѣютъ радушный пріемъ, щедрое, угощеніе; при этомъ они говорятъ своего рода поздравленія:

О го, го, каза!
 О го, го, сѣра!
 «Гдѣ хвостъ падеѣла?» —
 «На соль праѣла;
 Бо соль дорогая,
 Мѣра скупая.»
 Гдѣ каза хвостомъ,
 Тамъ жито кустомъ;
 Гдѣ каза ногой,
 Тамъ жито капной;
 Гдѣ каза рогомъ,
 Тамъ жито стогомъ.

Или:

Новое лѣто начинае,
 Новый царь царя вите,
 Убогимъ породивъ,
 Богатого засмугливъ.

Или:

Васильева мати
 Пришла оготати.

Или:

О го, го, коза небого!
 Солому сѣчи,
 Пирогы печи;
 Сало смажь
 Пирогы мажь!
 Гу, гу, гу, гу, дайте мнѣ того,
 Шо въ печкѣ, въ самомъ куту!

Напередъ стараются высмотрѣть, что наодится въ печкѣ.

(Каменецъ, Грод. Губ. Брестск. Уѣзда.)

Или:

Добрый вечеръ, щедрый вечеръ!
 Чи е дома панъ господарь?
 Сидитъ собѣ въ концѣ стола,
 На ѣмъ шапка соболева;
 Налиточка, якъ бочечка;

Въ туй калитцѣ
 Три червунцѣ:
 Намъ, колядничкамъ, по осмачку.
 На Новое Лѣто роди, Боже, жито,
 Жито, пшеницю, горохъ, сочевицю,
 Въ клюнѣ умолотно,
 Въ дѣжцѣ зыходно!
 На печѣ рожа,
 Господиня гожа;
 На проточку рута,
 Господиня крута!

(Пам. нар. твор. въ СЗ. краѣ, 165.)

Или:

Щедрый вечеръ, добрый вечеръ!
 А ци дома панъ господарь? —
 «Нема дома, въ чистумъ полѣ,
 Въ чистумъ полѣ жито сѣе,
 Жито сѣе, Бога просиць,
 Кабъ съ колосочка жита бочка,
 А зъ другого еще много.

(Миръ, Минск. Губ. Новогр. Уѣзда.)

На канунѣ Новаго Года сельяне стараются запастись всѣмъ необходимымъ; если у кого недостаетъ чего, то стараются одолжить заблаговременно. Кто одолжаетъ въ Новый Годъ, тотъ въ продолженіи всего года не будетъ имѣть этой вещи; такого человека еще наказываютъ вѣдьмаремъ. Хозяйки страшно боятся разбить что ни будь: это значитъ накликать на себя бѣду на весь годъ; круглый годъ все постоянно будетъ биться, а для хозяйки это слишкомъ убыточно. Ея дѣло запастись посудой, особенно глиняной, да еще на тѣ деньги, которыя она выручитъ за свою заботу, или же за нѣкоторыя доходныя статьи въ хозяйствѣ, которыми собственно она завѣдуетъ, продажа, на пр., яицъ, куръ.

(Миръ, Минск. Губ. Новогр. Уѣзда.)

Сохранился обычай ловить воробьевъ на канунѣ Новаго Года. Вечеромъ собираются мальчишки и взрослые: берутъ фонарь, зажигаютъ его и отправляются въ сарай. Заткнувши, по возможности,

дыры, одинъ изъ охотниковъ съ длинной палкой начинаетъ пугать воробьевъ, которые къ ночи попрятались уже въ свои гнѣзда, большею частію, въ сельскихъ сараяхъ. Напуганные воробьи бросаются на горящій фонарь, представляя себѣ тамъ отверстіе, чрезъ которое они улетятъ на вольный, Божій, міръ. Тутъ они попадаютъ прямо на ловца. Охота, большею частью, бываетъ очень удачна. Сохраняется повѣрье, что сколько поймають воробьевъ въ настоящій вечеръ, столько копъ ихъ погибнетъ въ текущемъ году. Сельскіе мальчики рады, что могутъ оказать нѣкоторую пользу въ семьѣ, и стараются наловить по возможности больше жертвъ, чтобы потомъ еще больше ихъ погибло. Селяне вообще считаютъ воробья очень вредною птицею, сильно истребляющею посѣвы. Изъ пойманныхъ воробьевъ готовится жаркое. Иногда, впрочемъ, оставляютъ два воробья, завертываютъ ихъ въ тряпку и потомъ сожигаютъ. Оставшійся порошокъ прячутъ до весны, и когда отправляются сѣять ячмень, или овесъ, сюда всыпаютъ и сбереженный порошокъ, и высѣваютъ его вмѣстѣ съ извѣстнымъ зерномъ: думаютъ, что воробьи не тронуть такихъ посѣвовъ.

(Каменецъ, Гродн. Губ. Брестск. Уѣзда.)

Въ Новый Годъ какъ можно раньше будятъ ребятишекъ. Въ этомъ на весь годъ видятъ предохранительное средство противъ лѣни. Вообще думаютъ, что если въ Новый Годъ сдѣлать что ни будь хорошее, или дурное, если даже самое время провести извѣстнымъ образомъ, все это отзовется потомъ въ продолженіи всего года, въ первомъ случаѣ удачею во всемъ, въ последнемъ неуспѣхомъ. Отъ этого родители и сами берегутся и крѣпко на крѣпко приказываютъ и дѣтямъ своимъ не дѣлать ничего дурного; напротивъ, вся семья проводитъ этотъ день благообразно. Бываютъ въ церкви. Послѣ обѣдни разсуждаютъ о значеніи праздника, отдыхаютъ. Вечеромъ хозяйка даетъ курамъ ѣсть ту кашу, которая осталась отъ вчерашней куты. Дѣлается это слѣдующимъ образомъ. По срединѣ избы кладутъ обручъ, ставятъ туда кашу, и впускаютъ куръ ѣсть ее. Куры послѣ такого угощенія будутъ хорошо нести яйца, а обручъ предохранитъ ихъ отъ растраты яицъ по разнымъ мѣстамъ.

(Вашнево, Вл. Губ. Опшн. Уѣзда.)

Послѣ Нового Года наступаетъ праздникъ Богоявленія (6-го Генв.). На канунъ этого праздника, равно какъ на канунъ Рождества и Нового Года, празднуютъ сочельникъ или «кутью третью» по счету. Сочельникъ предъ Богоявленіемъ называется «постною кутьею», или «проводною, проводами». Теперь, съ одной стороны, нельзя употреблять въ пищу мяса; съ другой, сочельникомъ Богоявленія заканчиваются, такъ называемыя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, «колядници», дни «колядь». Къ этому празднику сельянинъ дѣлаетъ своего рода приготовленія: убираютъ хату, варятъ разнообразныя кушанья (постныя). Между послѣдними особенное вниманіе обращаетъ на себя бобъ, смѣшанный на половину съ горохомъ. Его варятъ въ сухомъ видѣ утромъ и не употребляютъ до самаго вечера, до кутьи. До этого времени или, по крайней мѣрѣ, до освященія воды въ церкви, ничего не ѣдятъ. Но вотъ солнце закатывается; Христіяне возвратились уже изъ церкви съ святою водою. Хозяинъ тогда насыпаетъ приготовленнаго бобу въ латушку, поверхъ его кладетъ булку хлѣба, беретъ освященный въ церкви мѣлъ, воду, и со всѣмъ этимъ выходитъ изъ дому. Преднося предъ собою бобъ, хозяинъ мѣломъ изображаетъ, «кресты» надъ окнами, на воротахъ, дверяхъ и косякахъ всѣхъ сараевъ, хлѣвовъ и въ заключеніи на ульяхъ, если есть пчелы; все также окропляетъ водою. Если дома приключится печалованіе объ умершемъ, указанныя изображенія крестовъ дѣлаются углемъ. По окончаніи своего дѣла, хозяинъ приходитъ въ избу, ставитъ на столъ бобъ, который остается тутъ до вечера. (Иже, Вил. Губ. Вилейск. Уѣз.) Въ другихъ мѣстахъ дѣлаютъ и такъ. Предъ ужиномъ хозяинъ приноситъ сѣно, простилаетъ его на столъ, какъ на Р. Хр. потомъ беретъ «пѣк» съ горохомъ, освященный въ церкви мѣлъ, и отправляется изображать кресты въ различныхъ частяхъ своихъ аданій. Домашніе между тѣмъ готовятъ ужинъ, садятся за столъ и ожидаютъ хозяина. Вошедши, по окончаніи своего дѣла въ хату, онъ обращается къ семьѣ съ слѣдующими словами: «Во время рожденія Спасителя три Короля пріѣзжали, и выпали около новорожденнаго золоты; а мы, за неимѣніемъ золота, сыпемъ одни другимъ горохъ.» При этихъ словахъ онъ сыплетъ на столъ горохъ, а сидящіе стараются ловить его. Думаютъ, кто поймаетъ большее количество гороху, у того будетъ много овецъ. Кто въ продолженіи трехъ лѣтъ ловилъ много гороху, тотъ уже приобрѣлъ даже счастливую способность успѣшно разводить овецъ (Ольшаны, Вил. Губ. Ошмян. У.). Еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть особенность. Когда

хозяинъ, изобразивши кресты на строеніи, войдетъ въ сѣни, хозяйка спрашиваетъ: «Что тамъ стукниная, что тамъ грукиная?» Хозяинъ изъ сѣней отвѣчаетъ: «Самъ Богъ стукниная, самъ Богъ грукиная.» — «Что же Ionъ робиць?» — «Жито родиць» (Миръ, Мвѣск. Губ. Новогор. У.). Хозяинъ входитъ въ комнату и начинается ужинъ. Преднесеніе бобовъ, хлѣба при изображеніи крестовъ, означаетъ желаніе, чтобы у селянина въ каждомъ углу былъ достатокъ. Самое изображеніе крестовъ объясняютъ различно. Одни говорятъ, что этимъ изображеніемъ указывается окончаніе колядныхъ дней; другіе находятъ причину старо-религіозную. Когда Іудеи искали новорожденного младенца, Іисуса, то, нашедши его, начертили яко бы надъ мѣстомъ его нахождения крестикъ; но потомъ, чудеснымъ образомъ крестики изобразились надъ воротами всѣхъ домовъ, такъ что Іудеи не могли узнать, гдѣ находится новорожденный Царь, котораго хотѣли похитить.

(Иже, Вил. Губ. Вилейск. Уѣзда.)

Примѣ, биновательнѣе и гораздо вѣрнѣе, то объясненіе, по которому въ изображеніяхъ крестовъ думаютъ видѣть противо-дѣйствіе враждебной силѣ дьявола. Чрезъ намѣченные крестами и освященною водою окна, двери, и даже отверстія печекъ, не войдетъ дьяволъ, думаютъ положительно селяне.

(Миръ, Мвѣск. Губ., Новогор. Уѣзда.)

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, окропляя святою водою свои зданія, хозяинъ говоритъ даже прямо: «Вонъ, черце, изъ мойго дому! Бо тутъ, Богъ живець.» Съ этихъ поръ, по мнѣнію селянъ, дьяволъ не можетъ оставаться въ ихъ дому, и уходитъ яко бы на вербу, до времени осваденія ея въ Недѣлю Ваіи; съ этой поры онъ опять перебирается въ старое мѣсто.

(Лебедево, Вилейск. Губ. Вилейск. Уѣзда.)

Въ другихъ мѣстахъ думаютъ, что съ освященіемъ воды дьяволъ вывозитъ своихъ дѣтей изъ воды, садитъ на сани и перевозитъ на дерево. Для такого повѣрья указываютъ основаніе въ слѣдующемъ преданіи. Однажды къ хозяину на канунъ Богоявленія пришелъ какой-то человекъ и просилъ саней; хозяинъ, нужно замѣтить, жилъ недалеко озера. Онъ спросилъ незнакомца: «За-

чѣмъ ему такъ поздно понадобились сани?» — «Дѣтей перевезти,» былъ отвѣтъ. — «Куда?» — «На дерево.» — «По чему же ты перевозишь ихъ на дерево?» По тому же, что утромъ придетъ на озеро «человѣкъ,» который оболъетъ насъ кипяткомъ.» Подъ именемъ «человѣка» незнакомецъ разумѣлъ Священника, а подъ именемъ «кипятка» — святую воду. Изъ такого разговора сметливый хозяинъ сейчасъ узналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и не далъ саней. Незнакомецъ сталъ невидимъ. Хозяинъ, однако, мучимый любопытствомъ, пошелъ посмотреть, стоятъ ли его сани. Вышедши на дворъ, онъ, къ своему удивленію, не нашелъ ихъ. Незнакомецъ утащилъ. Было уже поздно, и хозяинъ боялся ити къ озеру за своими санями. На другой день утромъ онъ дѣйствительно нашелъ ихъ надъ прорубью въ озерѣ, и здѣсь же увидѣлъ «чертовы ступни.» Сомнѣніе не могло болѣе имѣть мѣста. Дьяволъ явился дѣйствительнымъ похитителемъ саней. Такое суевѣріе, рассказывали намъ, поддержку для своего существованія находятъ въ слѣдующихъ обыкновенныхъ данныхъ. Иногда дѣти, желая взаимно перевозить себя, тайкомъ увозятъ сани, а суевѣрный хозяинъ, не зная въ чемъ дѣло, распускаетъ молву, что «чертъ» укралъ у него сани для перевозки дѣтей.

(Миръ, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Самый праздникъ Богоявленія извѣстенъ подъ именемъ «Трехъ Королей,» «Водохрища.» Православные отправляются въ церковь и потомъ на Иорданъ. Послѣ освященія воды каждый спѣшитъ разговѣться, такъ сказать, ею, и запастись на будущее время. Богоявленская вода пользуется у селянъ большимъ почетомъ: ее употребляютъ, какъ цѣлительное лѣкарство, не только въ болѣзняхъ людей, но и скота. Сами Латиняне, не смотря на противодѣйствіе ксѣндзовъ, видятъ въ святой водѣ необыкновенную силу. Намъ рассказывали, что во время послѣдняго мятежа одинъ ксѣндзъ въ Новогородскомъ Уѣздѣ, объѣзжая свой приходъ, всѣми мѣрами среди своей паствы старался возбудить ненависть ко всему Русскому, Православному. Тутъ онъ узналъ, что въ деревнѣ (въ которой онъ былъ), у его прихожанъ, сохраняется, какъ святыня, Богоявленская вода. Именемъ духовнаго отца, онъ началъ убѣждать ихъ въ безсиліи, бездѣйственности этой воды, говорилъ, что она, напротивъ, можетъ быть даже вредна, по тому что освящена не ксѣндами, а попами Схизматиками, и требо-

валъ, чтобы она была вылита на собакъ. Напрасно прихожане упирались. Ксѣндзъ, напротивъ, настаивалъ и грозилъ небеснымъ судомъ; тогда они обратились къ начальству съ жалобой на него, и просили объ его перемѣнѣ; справедливая просьба была уважена, и завѣтное убѣжденіе въ святости Богоявленской воды не поколебалось.

(Миръ, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Въ продолженіе «колядъ» въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершается по преимуществу два рода игръ. Молодежь ходитъ или съ «звѣздой», или съ «Виолеемомъ». Звѣзду устрояютъ такъ. На раму отъ рѣшета, или сита, наклеиваютъ пропитанную саломъ, или постнымъ масломъ, бумагу, и утверждаютъ ее на подставочномъ шестѣ, для удобства въ переносѣ съ одного мѣста на другое; чтобы этотъ кругъ имѣлъ видъ звѣзды, придѣлываютъ къ нему, въ нѣсколькихъ точкахъ, четыре—шесть пирамидальныхъ «роговъ» и, красоты ради, окаймляютъ ихъ разноцвѣтною бумажною бахромой. Потомъ дѣлаютъ новое, небольшое, кольцо, по окружности котораго наклеиваютъ вырѣзанныхъ изъ бумаги солдатиковъ, конницу, или пѣхоту. Это кольцо утверждается на прутикѣ. Если теперь мы вставимъ въ раму звѣзды свѣчу (въ остальной части комнаты не должно быть огня) и будемъ тамъ поварачивать кольцо съ наклееными солдатиками, то для стоящихъ съ лицевой стороны звѣзды представляется, что идетъ безконечное количество войска. Устройство «Виолеема» нѣсколько сложнѣе и обходится дороже; за него по тому принимаются парни, которые посостоятельнѣе. Устраивается ящикъ, что-то въ родѣ сундука, верхъ котораго раздѣляется на такіе же, какъ у звѣзды, пирамидальные «рога», только большаго размѣра. Бока и верхъ этого ящика украшаются разными священными картинами, относящимися къ празднику: нижняя сторона его или полъ дѣлается съ разрѣзами или щелями, и бываетъ устланъ бѣлыми мѣховыми шкурками. Приготавливаются изъ дерева изображенія людей, представляющія собою разныхъ лицъ: Ирода, на пр., трехъ Королей, жену Ирода, смерть въ видѣ какого ни будь скелета съ косою, Иуду сребролюбца, Цыгана съ медвѣдемъ и т. под. Изображенія эти прикрѣплены къ проволокаѣ, которая можетъ свободно двигаться между разрѣзами пола. Опытная рука, управляя этою проволокою (незамѣтно, конечно, для зрителей) можетъ заставлятъ нѣмыя куклы дѣлать разнаго рода представленія. Здѣсь почтениле зрители

могутъ увидѣть и кровожадную смерть, нещадно посягающую свои жертвы тупою косою, и занимательную борьбу Цыгана съ медвѣдемъ, и своеобразный плясъ Иродіады, и многое другое. Деревенскій людъ считаетъ подобныя зрѣлища верхомъ удовольствія и наслажденія. Мастера съ этими штуками ходятъ обыкновенно по вечерамъ къ болѣе зажиточнымъ хозяевамъ, показываютъ имъ свое искусство, и получаютъ койкакое вознагражденіе.

(Миръ, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Послѣ Богоявленія праздникъ Срѣтенія Господня (2-го Февраля), «Громницы», имѣетъ у селянъ своеобразное значеніе. Къ этому дню во многихъ мѣстахъ готовятъ восковыя свѣчи, которыя въ самый праздникъ за обѣдней освящаютъ. У кого есть свои пчелы, тотъ приготовляетъ свѣчи и для знакомыхъ. Свѣчи называются «громничными.» Думаютъ, что эти свѣчи гремятъ силу бѣсовскую, хотя бы то въ лицѣ вѣдьмъ и чародѣевъ. Потому, когда начинается гроза, селяне зажигаютъ, какъ мы говорили, «громницу,» курятъ «освященное зелье.» По выходѣ изъ церкви, дома хозяинъ крестообразно поджигаетъ «громницей» волосы на головѣ у всѣхъ членовъ своей семьи. Въ этомъ видятъ предохранительное средство противъ головной боли. Зажженной «громницей» хозяинъ выжигаетъ у себя въ домѣ кресты на потолкѣ, на косякахъ. «Громницу» даютъ въ руки умирающему и вѣшаютъ въ скотныхъ хлѣвахъ, какъ предохранительное средство противъ вѣдьмъ (Гродн. и Виленск. ГГ.). На Срѣтеніе гадаютъ и объ урожаѣ. «Если, говорятъ, на громницѣ пѣвень напьется водицы, то на Юрья волъ наѣтся травыцы,» т. е., если на «громницы» таетъ снѣгъ, такъ что можетъ напиться пѣтухъ, то на Георгія будетъ уже для воловъ трава (Нарва, Гродн. Губ. Вѣльск. У.). На Срѣтеніе, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стараются поѣсть въ день семь разъ, чтобы заручиться отъ имѣющаго наступить семинедѣльнаго, пасхальнаго, поста. Со Срѣтенія подумываютъ уже о веснѣ: говорятъ, что «до громницъ не сбрасывай съ рукъ рукавицы, а какъ прошли громницы, то уже ненужны рукавицы.» Иногда, правда, приходится убѣдиться въ вѣрности и другой поговорки, что «громницы—зимы половицы;» во всякомъ случаѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ всѣ уходившіе было изъ дому на заработки, къ Срѣтенію спѣшатъ воротиться домой, и хозяева начинаютъ строить, осматривать, починять снаряды, нужные для весеннихъ занятій

(Ольшаны, Вил. Губ. Опшмянск. У.) По временамъ начинаютъ слышать ся веселыя пѣсни:

Веселицесея, подружки:
 Къ намъ весна скоро придзець,
 Весна придзе, слонце узыдзе,
 Сгонюць снѣги весь морозъ,
 Разцвѣтуць у полѣ цвѣточки,
 Усѣ ракитовы кусточки;
 Между гетыми кусточками
 Быстра рѣчка процѣкла;
 Я на гету быстру рѣчку
 Гуляць зъ милымъ выхожу,
 И печаль, горе свое, выношу:
 Горе на водзѣ не тоне,
 Я вавной горе не бьець,
 И огнемъ горе не жгець;
 Прибивало это горе
 Къ крутому бережку
 И ко жовтому песку.

(Опытъ Собр. пѣсенъ и сказокъ, Дмитріева, 46.)

Не такую пѣсню пѣлъ селянинъ съ прѣблженіемъ зимы:

Прошло лѣто, прошла осень,
 Прошла цѣлая весна,
 Наступае злое время—
 Намъ холодная зима.
 Усѣ рѣчки заплеснѣли,
 Ручеечки не цекуць,
 Къ полѣ травушка завяла,
 И цвѣточки не цвѣтуць!

(Тамъ же, 45.)

Неудивительно, что, по выраженію селянъ, они «ожидаютъ весны, какъ самаго Бога.» Уже со дня Варвары, которая «кусокъ ночи уворовала» (намекъ на увеличеніе дня), тайныя помышленія ихъ и желанія обращены къ веснѣ. А «Новый Рокъ, баранній скокъ,» еще болѣе усиливаетъ эти сердечныя желанія.

(Ганута, Вил. Губ. Вилейск. Уѣзда.)

Въ указанныхъ нами повѣрьяхъ, обычаяхъ, поговоркахъ Западнорусса мы видѣли уже отчасти сходство ихъ съ Великорусскими и вообще со Славянскими. И въ Великороссіи на «Авдотью весновку» (1-е Марта) встрѣчаютъ весну и поютъ: «Весна красна, что ты намъ принесла? Красное лѣтечко.» Западнорусская поговорка: «Марецъ кусаетъ за палець,» существуетъ и въ Великороссіи въ такомъ видѣ: «И Мартъ на носъ садится.» Поразительное сходство въ повѣрьяхъ и поговоркахъ Западной и Восточной половины Россіи находимъ также относительно 40 Мучениковъ (9-го Марта), Благовѣщенія, Мученицы Матроны Солунскія (27-го Марта), 1-го Апрѣля, Мученика Георгія, 8-го и 9-го Мая, Ап. Петра и Павла, Св. Пророка Иліи, значенія мѣсяца Іюля О Преображеніи и въ Великороссіи говорятъ также, какъ и въ Западной Россіи: «Яблочный Спасъ. Второй Спасъ всему часъ.» Встрѣча осени, «осенины» (освящаютъ плоды и медъ, ѣдятъ яблоки, а до него только огурцы). Объ Успеніи говорятъ: «Съ Успенья солнце засыпаетъ: Госпожинки—дожинки.» Рождество Пресвятой Богородицы называютъ «Малая Пречистая.» Мѣсяць Октябрь считается, между прочимъ, временемъ открытія посидѣлокъ, вечерницъ, навѣвающихъ думы о женихахъ, или невѣстахъ, и временемъ работъ около льна. О Рождествѣ говорятъ: «Святки.» На Святки Христа славятъ съ вертепами, со звѣздой, гадаютъ, колядуютъ. Небо звѣздисто—къ гороху; мятель—пчелы роиться будутъ; иней—къ урожаю хлѣба; путь хорошъ—къ урожаю гречи. На Рождество не надѣвай чистой рубахи, а то жди неурожая гречи! Канунъ Новаго Года извѣстенъ подъ именемъ «Меланки,» «Щедраго, Васильева вечера.» Васильева ночь звѣздится—лѣто лядисто. Гаданія. 1-е Генваря также называютъ Васильевымъ вечеромъ; на Васильевъ вечеръ день прибавляется на «куршнѣй шагъ,» а по здѣшнему на «бараній скокъ.» Богоявленіе извѣстно своими крещенскими морозами: «Трещи, трещи, пока не пришли водохрещи!» На «Встрѣтенъе,» по Великорусскому, «зима съ лѣтомъ встрѣтились.» Въ Средокрестную переломъ поста (Великаго): «щука хвостомъ ледъ разбиваетъ.» Въ среду Средокрестной кресты пекутъ. Вербная: «Верба хлестъ, бьетъ до слезъ: не я бью, верба бьетъ; верба красна, бьетъ напрасно; верба бѣла, бьетъ за дѣло.» Св. Лазарь за вербой лазилъ (Ср. «Календарь примѣтъ, обычаевъ и повѣрьевъ на Руси,» Щурова).

Въ свою очередь «Коляды», нѣкоторыми своими обыкновеніями, напоминаютъ общеславянскій, древній праздникъ въ честь

солнца, который тоже праздновался въ концѣ Декабря; когда солнце поварачиваетъ на лѣто, дни увеличиваются, а ночи уменьшаются. Этотъ праздникъ тоже назывался «коляды»; хожденіе славить Божество и собраніе подаянія—существенные обряды праздника. Еще сильнѣе отзывается своимъ древнимъ происхожденіемъ праздникъ «Купалы.» И въ древности зажигали въ этотъ день костры, вѣрили въ цѣлительную силу огня; воды и травъ, по чему прыгали черезъ огонь, купались, собирали травы, истребляли чучелу «мару» — холодъ, смерть; остатокъ послѣдняго суевѣрія не остался ли въ особенно соблюдаемомъ до послѣдняго времени преслѣдованіи въ этотъ день вѣдьмъ и чародѣевъ? Такъ называемые Западнорусскіе «Дѣды» имѣютъ въ своемъ основаніи «Радуницу,» праздникъ умершихъ, когда поминали ихъ живые, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устроили на ихъ могилахъ пирушки, совершали игрища съ переряживаніемъ. Христіанство, конечно, все это осмыслило, одухотворило, указало истинную цѣль. Торжественно совершаемый праздникъ «дожинокъ» также имѣетъ въ своемъ основаніи сѣдовласую древность. Окончаніе жатвы нѣкоторыхъ Славянскія племена праздновали въ древности такъ. Народъ отовсюду собирался вокругъ капища Святoviда, какъ виновника урожая. Жрецъ изъ рукъ божества брагъ рогъ, за годъ наполненный виномъ, предсказывалъ по нему изобиліе, или недостатокъ, въ будущій годъ. Потомъ, давая народу приличное наставленіе, возвѣщалъ ему, щедрой ли рукой онъ долженъ употреблять собранную жатву, или бережливо, въ ожиданіи недостатка. Подъ конецъ онъ клалъ обратно рогъ, наполненный свѣжимъ виномъ, въ руки божества, скрываясь за огромнымъ колачомъ, или хлѣбомъ который былъ испеченъ на меду и который, по словамъ Саксона Грамматика, приносили въ жертву божеству (что нынѣ вѣнокъ изъ колосьевъ); закрываясь этимъ хлѣбомъ, какъ щитомъ, жрецъ спрашивалъ у народа, видно ли его за колачомъ? Когда ему отвѣчали, что видно, онъ обращался къ алтарю и просилъ Бога даровать въ будущемъ году столь обильную жатву, чтобы набожный народъ могъ принести ему въ жертву гораздо большій калачъ. Послѣдній обычай до сихъ поръ сохраняется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Западной Россіи у селянъ, у однихъ на «дожинкахъ,» у другихъ на «богатый или щедрый вечеръ.» Уставивши столь многочисленными явствами, хозяинъ становится за ними, какъ бы прячется, и спрашиваетъ своихъ дѣтей: «Дѣтки! Чи бачите мене?»—«Не бачимо», бываетъ отвѣтъ. «Дай,

Боже, щобъ и на пришлый рокъ вы не зобачили меней! Хозяинъ выражаетъ этотъ желаніе и на слѣдующій годъ богатства и изобилія во всемъ.

НАРОДНОЕ ВРЕМЕСЧИСЛЕНІЕ.

Какъ узнаетъ народъ, когда нужно праздновать ему тотъ, или другой, праздникъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ выполнить тотъ, или другой, обычай, необходимый, по его мнѣнію, для успѣха въ хозяйствѣ? Какъ, на пр., узнаетъ хозяинъ, когда кончается одинъ годъ жизни членовъ его семьи, начинается другой? Какъ вообще селяне, не зная календаря, ведутъ порядокъ времечисленія? «Какъ ты считаешь», спрашивалъ одинъ Священникъ селянина, «въ какой именно день приходится, на пр., праздникъ Параскевіи (28-го Октября)?» — «А вотъ какъ» былъ отвѣтъ: «отъ Покрова (1-го Октября) первая Параска (14-го Октября) черезъ двѣ недѣли, не допуская дня. Коли Покровъ придется въ недѣлю, то первая Параска, черезъ двѣ недѣли, не допуская дня, въ субботу; а отъ этой Параски до другой тоже двѣ недѣли, и тоже въ субботу.» Вотъ какой своеобразный способъ употребляетъ Западнорусскъ при времечисленіи. Главными указателями, какъ бы какими ни будь поверстными столбами или вѣхами служатъ тутъ большіе праздники; разстояніе между ними селянинъ измѣряетъ уже недѣлями, съ прибавкою одного, двухъ и т. д., дней, или точно также не допуская одного, двухъ и т. д., дней. Равнымъ образомъ разнаго рода счастливыя, или несчастныя, обстоятельства въ семьѣ, въ хозяйствѣ, въ самой окружающей ви́шней природѣ, селяне сохраняютъ въ памяти, твердо запоминая круглый, или неполный, счетъ недѣль отъ случившагося событія до ближайшаго, извѣстнаго имъ праздника. Все, стало быть, сосредоточивается у нихъ около большихъ праздниковъ. Откуда же, въ свою очередь, извѣстны имъ эти послѣдніе? На подобный вопросъ селяне отвѣчаютъ такъ: «Гето уже спредъ часовъ карта карцѣ (поколѣніе поколѣнію) заказывая.» И тутъ, значить, преданіе играетъ главную роль: дѣло ведется такъ, какъ было «при отцахъ, и дѣдахъ, зъ давнихъ давенъ.» (О народномъ времечисленіи см. Вилен. Вѣст. 1869 г. №№ 6, 7, 12, 19, 34, 39.)

Мы кратко проведемъ черезъ весь годъ народный способъ времечисленія. Народъ ведетъ особый счетъ тѣмъ праздникамъ,

которые «одного тыдня пильнуюць» (непереходящіе праздники), и тѣмъ, которые «змѣняются.» Основаніемъ для первыхъ служить праздникъ Пасхи. Селяне не могутъ, конечно, въ точности опредѣлять дня Пасхи, но въ своихъ гаданіяхъ о немъ принимаютъ въ соображеніе слѣдующія обстоятельства. Они знаютъ, что Пасха всегда празднуется «послѣ полнои, ветошемъ;» а заговѣны предъ Великимъ Постомъ бываютъ «маладзикомъ.» Отсюда выводятъ заключеніе о величинѣ мясоѣда и о срокѣ Пасхи: если молодикъ приходится объ Рождествѣ, до заговѣнъ, значитъ, восемь недѣль; а если въ Новый Годъ, то недѣлей больше (Въ мясоѣдъ они включаютъ и сырную недѣлю). Продолжительность мясоѣда опредѣляется еще приблизительно по мясоѣдамъ прошлаго года. Если, на пр., въ прошломъ году числялось мясоѣда шесть недѣль, то въ настоящемъ году, по мнѣнію селянина, его должно быть девять недѣль, а въ слѣдующемъ только семь (очень рѣдко ошибаются); опять они знаютъ, что мясоѣда менѣе четырехъ недѣль никогда не бываетъ. Зная величину мясоѣда и заговѣны, легко уже опредѣляютъ время Пасхи.

Въ половинѣ Великаго Поста, въ среду, празднуютъ «Крестцы,» а за недѣлю до Пасхи, «Вербичъ,» «Вербницу.» На шестой недѣлѣ, въ четверкъ, празднуютъ «Вшествіе.» Семь недѣль спустя послѣ Пасхи бываетъ «Семуха,» Пятидесятница. Четверкъ девятой недѣли извѣстенъ подъ именемъ «Девятника» (возсоединеніе Уніатовъ съ Православною Церковью). Пятницу десятой недѣли называютъ «Десятухой.» Кромѣ этой пятницы, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, празднуютъ еще слѣдующія: первую пятницу послѣ Рождества Христова, пятницу на Масляницѣ, на Свѣтлой Недѣлѣ, пятую послѣ Пасхи, такъ называемую «градобойную» или «ледоватый день;» среду и пятницу послѣ Пятидесятницы и указанную «Десятуху.»

При опредѣленіи подвижныхъ праздниковъ селяне обращаютъ вниманіе на то, «какого они тыдня пильнуюць по коладахъ,» т. е., послѣ Рождественскихъ праздниковъ. Опять, чтобы знать, въ какой день прилучится данный праздникъ, селяне припоминаютъ, въ какой день приходился тотъ же праздникъ въ прошломъ году: въ нынѣшнемъ году онъ будетъ днемъ позже. Высокосный годъ, «переступный» или «прибытковый,» нарушаетъ, какъ извѣстно, такой порядокъ. Селяне знаютъ это, и «прибытковый» годъ опредѣляютъ по «Сорокамъ» (40 Мучениковъ). Это

первый праздникъ послѣ 29-го Февраля; если «Сороки» пришлѣсь въ день не по счету, годъ настоящій, значить, высокосный, «переступной», и всѣ уже послѣдующіе праздники будутъ приходиться днемъ позже.

Запримѣчено, что въ одинаковый день съ праздникомъ Р. Хр. совпадаютъ: Новый Годъ, день мученицы Агаѳи и, если годъ «непереступной», то Юрій весенній, Юрій осенній, Спасъ и Покровъ считается такъ: отъ Рождества до Благовѣщенія двѣнадцать недѣль, до Юрія весенняго шестнадцать, до Николы весенняго двадцать, до Ивана Крестителя двадцать шесть недѣль; До полнаго года остается столько же, но счетъ остающимся недѣлямъ ведется уже до слѣдующаго Рождества.

Послѣ Нового Года, «черезъ недѣлю не допусая два дня,» бываетъ Богоявленіе, «Водохрещи.» «На шестой недѣлѣ отъ «колядъ» празднуютъ Срѣтеніе, «громницы.» «За три дня» до Срѣтенія почитается селянами «присвятокъ,» подъ именемъ «Василія да Григорія,» а три дня послѣ Срѣтенія, «присвятокъ Агаѳи.» Три недѣли послѣ Срѣтенія «пчеловоды» празднуютъ 1-е и 2-е «Обрѣтеніе главы Іоанна Крестителя. На одиннадцатой недѣлѣ отъ колядъ считаютъ «Сороки,» на двѣнадцатой «Алексѣя,» на тринадцатой «Благовѣщеніе.» Если «Сороки» прилучились, положимъ, въ четвергъ, то «Алексѣй» будетъ въ пятницу, а Благовѣщеніе въ субботу. Спустя двадцать недѣль отъ колядъ празднуютъ «Николинъ день,» а на канунѣ его чествуется «Николинъ бацько.» Ровно за недѣлю до Николина дня нѣкоторыми мѣстностями празднуется, «Борисъ и Глѣбъ.» Послѣ Ивана Купалы (на двадцать шестой недѣлѣ), на двадцать седьмой считаютъ «Петра и Павла.» Въ три дня послѣ Петра бываетъ «Петрова matka,» т. е., положеніе ризы Пресвятой Богородицы. На тридцатой недѣлѣ, въ день одинаковый съ Петромъ и Павломъ, приходится «Илія.» На четвертый день послѣ Ілии, а недѣлю до заговѣнъ «Спасовки,» празднуютъ Бориса и Глѣба; на слѣдующій день «Анну;» въ какой день прилучится Анна, въ такой «Успѣніе» черезъ три недѣли, и «Успѣновеніе» черезъ пять недѣль. Отъ «Спаса» считаютъ уже, сколько недѣль осталось до слѣдующаго Рождества. Отъ «Госпожки» (15-го Августа) до «Госпожки» (8-го Сентября) считаютъ три съ половиною недѣли: столько же и отъ «Госпожки» до «Покрова;» отъ Покрова двѣнадцать недѣль до Рождественскихъ праздниковъ.» На слѣдующій день послѣ «Успѣновенія» или

«Головосѣка,» селяне празднують день тезоименитства Государя Императора. Ровно черезъ четыре недѣли отъ «Головосѣка» чествуютъ «Чудо Архистратига Михаила;» недѣлю спустя празднують «Здвиженіе.» Ровно черезъ три недѣли послѣ Покрова бываетъ «Казанская Пречистая,» а черезъ четыре дня «Дмитерь.» Недѣлю спустя послѣ «Дмитра,» «не допущая дня,» бываетъ «Кузьма и Дамьянъ, а ровно черезъ недѣлю послѣ Кузьмы и Дамьяна «Михайловъ день;» опять черезъ двѣ недѣли, «не допущая дня,» празднуютъ «Введеніе,» а еще черезъ пять дней «Юрія осенняго.» Спустя 10 дней послѣ Юрія чествуютъ «Варвару,» а на половинѣ—«Андрея.» Черезъ день послѣ Варвары бываетъ глубоко уважаемый селянами праздникъ «Николы зимняго,» а еще черезъ два дня «Зимняя Анна.» Отъ послѣдняго праздника до Рождества остается всего двѣ недѣли и два дня.

Мы указали главнѣйшія точки, около которыхъ Западноруссы собираютъ всѣ обстоятельства изъ своей жизни, распределяютъ свои занятія. Не во всѣхъ мѣстностяхъ Западной Россіи имѣютъ одинаковую важность тѣ, или другіе, праздники. Есть, конечно, свои обязанности у нарѣчныхъ жителей, рыболововъ, пчеловодовъ, «пущевыхъ,» чисто земледѣльцевъ; но у всѣхъ ихъ одинъ способъ временчисленія по недѣлямъ, отъ извѣстнаго, или до извѣстнаго имъ, праздничнаго дня, который, въ свою очередь, «съ предъ часовъ карта карцѣ передаетъ.»

Подобно всѣмъ людямъ, и Западноруссы употребляютъ на своей жизни не одну и ту же пищу. Первое и самое видное въ этомъ отношеніи мѣсто занимаетъ хлѣбъ-соль. «Безъ соли, безъ хлѣба, худая бесѣда,» говоритъ пословица. Для всѣхъ, и для дѣтей, и для взрослыхъ, хлѣбъ составляетъ главную поддержку. «Хлѣбъ—кудрявъ: кто пришелъ, то вдравъ,» говорятъ Западноруссы (Цыринъ, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда). «Хлѣбъ въ домѣ, — хозяинъ, на работѣ—другъ, а въ дорогѣ—товарищъ.» Въ настоящее время исключительно почти хлѣбъ пекутъ чистый, безъ всякой примѣси, а въ недавнее время къ ржаной мукѣ примѣшивали мякину, картофельную, гороховую муку, даже кору древесную, или мохъ. Хлѣбъ большею частью пекутъ разъ въ недѣлю. Когда хлѣбъ садятъ въ печь, то не позволяютъ никому ни входить въ комнату, ни выходить; не исполнившій этого условія

будеть, говорятъ, плѣшивый. Мы говорили уже о томъ уваженіи, какимъ вообще пользуется хлѣбъ у Западноруссовъ.

(Тамъ же.)

Къ хлѣбу требуется «приварокъ;» послѣдній составляютъ: горохъ, бобы, чечевица, разнаго рода крупа, капуста, свекла, сало, масло, мясо, молоко, грибы, ягоды. Приварокъ разнообразится, смотря по временамъ года, или же большей, или меньшей, важности наличныхъ дней. Весною, какъ только покажется зелень, селяне начинаютъ готовить «холодникъ.» варятъ щавель, потомъ охлаждаютъ его, прибавляютъ туда молодой зеленый лукъ, скрошивши его; примѣшиваютъ еще нѣсколько молока, много сметаны, и холодникъ готовъ. Или же: берутъ хлѣбной квасъ, крошатъ туда лукъ, сваренныя яйца, прибавляютъ сметаны, и блюдо готово. Когда созрѣютъ огурцы, ихъ тоже крошатъ туда; а пока нѣтъ огурцовъ, то, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, для вкуса и запаха, кладутъ опавшій огуречный цвѣтъ, или же огуречную траву.

(Вишнево, Вилен. Губ. Опшля. Уѣзда.)

Великая подмога для селянъ и наслажденіе, когда начнутъ созрѣвать у нихъ капуста, свекла, картофель. Капусту употребляютъ въ сыромъ видѣ, варятъ, квасятъ. Въ сыромъ видѣ употребляютъ ее преимущественно въ постные дни, и непременно уже съ льнянымъ масломъ, или же съ растертымъ въ муку льнянымъ сѣменемъ; послѣднее въ такомъ видѣ извѣстно подъ именемъ «макухи.» Варятъ капусту, большею частію, съ небольшимъ кускомъ сала; сваренный, онъ растирается въ горшкѣ же, и пища въ такомъ видѣ подается на столъ. Квасятъ капусту на зиму, и употребляютъ ее до тѣхъ поръ, пока станетъ (Дорогичинъ, Гродн. Губ. Кобр. Уѣзда). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще жарятъ въ головкахъ сырую, свѣжую капусту, и потомъ употребляютъ въ пищу. Это, какъ мы слышали, считается даже своего рода лакомствомъ (Овяти, Гродн. Губ. Кобрин. Уѣзда). Картофель употребляютъ селяне съ той поры, какъ начнетъ созрѣвать онъ, до того времени, пока станетъ. Варятъ картофель, что называется тутъ, въ «мундирахъ», и потомъ каждый очищаетъ его для себя уже при кушаньи. Изъ картофеля готовятъ супъ, тоже какъ и капусту, съ саломъ (рѣдко съ говядиной); варятъ картофельную кашу съ са-

ломъ, съ масломъ, или молокомъ, или же очищаютъ картофель, крошатъ его, жарятъ и ѣдятъ либо съ масломъ, либо съ саломъ, или же со сметаной. Свекла и квасъ являются въ сельскомъ быту на смѣну капустѣ, или картофелю и, подобно имъ, имѣютъ громадную важность.

(Вышнево, Вилен. Губ. Опшня. Уѣзда.)

Постомъ, и даже въ обыкновенное время, сельские ѣдятъ овсяный кисель. Извѣстное количество овсяной муки наливаютъ на ночь теплой водой. На другой день пропускаютъ его черезъ сито и варятъ до тѣхъ поръ, пока эта смѣсь не придетъ въ полугустое состояніе. Кисель, значить, готовъ; его ѣдятъ или съ постнымъ масломъ, или же разливаютъ въ миски, охлаждаютъ, и ѣдятъ съ сытой, съ молокомъ.

Въ постъ употребляютъ еще «милту» или толокно и «солодуху.» Овесъ заливаютъ водой, парятъ горячими камнями, сцѣживаютъ потомъ въ решето, сушатъ въ печи, толкутъ въ ступѣ, подсѣваютъ и везутъ на мельницу смолоть въ муку. Въ случаѣ надобности, въ горшокъ насыпаютъ извѣстное количество этой муки, разбавляютъ ее холодною водою, примѣнительно къ личному вкусу, гуще, или рѣже, прибавляютъ немного соли и употребляютъ въ пищу. На сѣнокосахъ, въ жаркое время, толокно составляетъ очень полезную пищу, питательную и, съ тѣмъ вмѣстѣ, утоляющую жажду.

(Загѣсье, Опшня. Уѣзда Вилен. Губ. Ср. Вилен. Вѣстн. 1860 г. № 7.)

«Солодуха» готовится изъ ржаной муки. Муку заливаютъ въ горшкѣ холодною водою и ставятъ на ночь въ теплую печь. На другой день, смотря по надобности, прибавляютъ къ этой смѣси горячей воды, переливаютъ ее въ другой деревянный сосудъ и оставляютъ до тѣхъ поръ, пока не вскиснетъ. Этимъ и оканчивается все приготовленіе солодухи. Когда она вскиснетъ, ее ставятъ въ холодное мѣсто, и потомъ, по мѣрѣ надобности, употребляютъ или съ хлѣбомъ, или съ картофелемъ. За одинъ разъ обыкновенно готовятъ солодуху на нѣсколько дней (Тамъ же). Въ Гродненской Губерніи (Дорогичинъ, Кобр. Уѣзда) есть въ этомъ отношеніи нѣкоторыя особенности. Предварительно готовятъ еще самый солодъ. Берутъ извѣстное

количество ржи, и заливаютъ ее водою. Поставивши это въ теплое мѣсто, держать нѣсколько дней, пока на зернахъ не появятся ростки. Тогда выливаютъ воду, а самую рожь высушиваютъ; лучше всего, если это можно сдѣлать на солнцѣ. Высушенная рожь перемалывается потомъ въ муку. Дальнѣйшее приготовленіе солодухи указано выше. Селяне думаютъ, что не каждая хозяйка можетъ приготовить хорошую солодуху, а только та, у которой длинныя пятны.

(Тамъ же.)

Для приданія пищи въ вкусу селяне, большею частію, употребляютъ грибы. Маса въ деревнѣ вообще кому бы то ни было достать трудно, а селянину и подавно; развѣ осенью, зимой, когда въ хозяйствѣ оказывается лишнимъ какой ни будь баранъ, селянинъ его рѣжетъ и устраиваетъ пирушку. Впрочемъ, у селянина бываетъ запасъ вяленой свиной говядины въ различныхъ видахъ: ею онъ и пробавляется. За то грибы очень часто являются въ его «стравахъ», какъ необходимая принадлежность. Сборъ ихъ достается селянину совершенно даромъ, и, если «дѣто грибовно», то за нихъ онъ зарабатываетъ еще нѣсколько рублей.

(Тамъ же.)

Ежедневную прѣсную пищу селянина составляетъ «кручникъ», супъ изъ крупы гречневой, ячменной; его смѣняетъ «затирка», приготовляемая изъ «приварковой» муки. Последняя состоитъ изъ ячменя, гороху, бобу, ржи, гречихи. По временамъ ѣдятъ и кашу. Каша считается своего рода роскошью. «Послѣ каши», говорятъ селяне, «никакого приварка нѣтъ.»

(Марково, Вил. Губ. Опшян. Уѣзда.)

По воскреснымъ и праздничнымъ днямъстряпня селянъ значительно измѣняется: дѣлается гораздо сложнѣе, богаче. Въ воскресенье вы увидите блинцы, яичницу; морковь съ картофелемъ, и молокомъ, а, пожалуй, и бутылку водки. Чѣмъ больше значенія для селянъ имѣетъ праздникъ, тѣмъ обильнѣе бываетъ трапеза. Къ Пасхѣ, большею частію, готовятъ жаренаго поросенка, пѣтуха, жаренное изъ телятины, говядины: охотники припасаютъ и дичь. Запасаются, конечно, яичками, колбасами, сыромъ, масломъ, пирогомъ (въ различныхъ видахъ и названіяхъ). На пер-

вую кутью (канунъ Рожд. Хр.) устроаютъ примѣрно слѣдующія блюда: селедка, верещака изъ селедки съ лукомъ и поливкою (ухой), блады, крупникъ кислый, овсяный кисель, груца (толченый ячмень, кутья) съ сытою. Кутья составляетъ заключительное блюдо и въ большіе праздники (Въ Гродн. Губ. Дорогичинъ, Кобр. Уѣзда). Еще недѣли за двѣ передъ праздникомъ Рождества Христа селяне стараются приготовить «груцы» на столько, чтобы стало ее на «всѣ коляды», на двѣ недѣли. Даже бѣдный селянинъ, хотя одолжить ячменя «на отработокъ» изътомъ, а все таки постарается приготовить кутью. Богатый или щедрый вечеръ, какъ показываетъ самое названіе, бываетъ еще роскошнѣе; тогда бываетъ мясное. На «дѣды» опять готовятъ кутью, либо кашу, кулишь, борщъ, юшку, горохъ, студень, морковь, ячницу, сыръ, пироги; подаютъ потомъ молоко, или пиво; конечно, бываетъ и водка. Вообще нужно замѣтить, что въ праздникъ, или въ заговѣны, селянинъ позволить себѣ коечто лишнее. Относительно заговѣнъ существуетъ даже пословица: «На запуски на двѣ куски.» За то онъ ни какъ не рѣшится нарушить постъ; даже больной не позволить себѣ обскормиться. Одинъ солдатъ изъ Западноруссовъ (разсказываетъ одинъ Священникъ) прислалъ роднымъ деньги изъ Курляндіи, гдѣ находился на постѣ. Онъ просилъ ихъ дать на обѣдню, чтобы, по его словамъ, замолить его грѣхъ: «У лютровъ, молъ, онъ принужденъ ѣсть скоромное; а постовъ у нихъ нѣтъ.»

(Вил. Вѣсти, 1869 г. № 6.)

По, праздникамъ у селянъ бываютъ, такъ называемые, «перезывы.» Перезывы эти состоятъ въ томъ, что родные идутъ одинъ къ другому на обѣдъ, ужинъ, и проч.; если сегодня, примѣрно, одна семья гостила, такъ сказать, у другой, въ слѣдующій разъ роли мѣняются. «Перезывы» продолжаются дня два, три, иногда даже недѣлю, бываютъ и одинъ день. Время для «перезывовъ» избирается лѣднее.

(Цыринъ, Минск. Губ. Новогор Уѣзда.)

Еще меньше разнообразія мы встрѣтимъ въ сельской одеждѣ. Лѣтомъ и зимою, въ будни и праздникъ, каждый селянинъ носить рубаху и подштаники, которые, смотря по важности дня, бываютъ то чище и тоньше, то дѣлаются грязнѣе (отъ занятій)

и грубже. Посверхъ рубахи лѣтомъ надѣвають куртку. Все это шьется изъ холста домашняго приготовленія. Въ праздникъ, вмѣсто куртки, носятъ жилетъ, завязываютъ платокъ и, когда отправляются въ церковь, или въ гости, то надѣвають свитку, серигу изъ сукна. Свитки въ той, или другой, мѣстности, имѣютъ свой особенный цвѣтъ. Если въ Гродненской Губерніи придерживаются болѣе сѣраго цвѣта (сукно для свитокъ тоже дѣлаютъ сами), то въ Минской болѣе употребляютъ сукно чернаго цвѣта. Найбѣднѣйшій селянинъ, рассказывали намъ о Слуцкомъ Уѣздѣ, всѣми мѣрами старается имѣть хотя для праздника свитку чернаго сукна. Все лѣто почти ходятъ босикомъ; въ праздникъ только надѣвають сапоги; косить, впрочемъ, многіе отправляются въ лаптяхъ. На голову надѣвають картузь, а во многихъ мѣстностяхъ соломенные «канелюши», дѣлаемые самими же селянами. Зимомъ посверхъ подштанниковъ надѣвають суконные штаны, а подъ свитку козухъ. На головѣ носятъ бараньи шапки, или картузы; ноги закутываютъ, если въ лаптяхъ, постолахъ, въ суконныя онучи. Свитку, кромѣ того, что она бываетъ застегнута на крючки, подпоясываютъ еще узкимъ кожанымъ, или разноцвѣтнымъ шерстянымъ доморощеннымъ поясомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пояса (широкіе, яркіе цвѣтовъ) носятъ мужчины женщины; парни молодые, холостые, подпоясываются только «крайками» (поясъ блѣдныхъ цвѣтовъ, шириною пальца въ два). Къ поясу привязываютъ обыкновенно ножъ, а кто куритъ, то мѣшокъ «съ тытюномъ и кресииво.» Черезъ плечо бываетъ перекинута «калитка, или калита,» гдѣ хранится нѣсколько копѣекъ.

Женщины, кромѣ рубахи и юбки, «сподницы,» носятъ еще обыкновенно «хвартухъ» (передникъ). Посверхъ рубахи лѣтомъ нѣкоторыя надѣвають холщевую куртку, какъ и мужчины, только покороче; другія, «корсеты» изъ сукна или какой ни будь матеріи, родъ мужской жилетки. На головѣ при работахъ обыкновенно бываетъ платокъ. Это въ будни. Въ праздникъ надѣвають «свитку,» «черевикъ,» шею украшаютъ разнаго рода «пацерками,» бисеромъ, или коралломъ изъ стекларуса, въ нѣсколько нитокъ; на рукахъ, на пальцахъ бываютъ видны кольца изъ мѣди, или кости, а въ уши продѣваютъ томпаковыя серьги. Голову повязываютъ дѣвушки платкомъ бѣлымъ, или разноцвѣтнымъ, и къ нему весною и лѣтомъ пришивливаютъ большое количество зелени; замужнія женщины носятъ «наметку,» чепецъ или «каптуръ;» къ

послѣдному въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пришиваютъ покровы (въ родѣ клапановъ) на уши, которые обыкновенно бываютъ изъ шелку, атласу, вообще дорогой матеріи. Этотъ каптуръ внизу подбородка завязывается лентами, прикрѣпленными къ наушникамъ. Ленты составляютъ тоже немалое украшеніе у селянокъ, а при свадьбѣ ихъ должно быть по возможности больше. Зимю женщины, какъ и мужчины, закутываются въ тулупы, которые у женщинъ бываютъ посверхъ остального платья. Все разнообразіе одежды состоитъ, какъ мы сказали, въ томъ, что въ праздникъ и вообще въ дни, имѣющіе для селянъ особое значеніе, одѣваются въ платье почище, потоньше, цвѣтовъ болѣе яркихъ; особенно соблюдаютъ это дѣвушки.

Что касается дѣтей, то тутъ ужъ нужно замѣтить, особенно проявляется Промыслъ Божій. Лѣтомъ и зимю они ходятъ въ одномъ и томъ же, чуть не Адамовскомъ, одѣяніи. Зима и лѣто, осень и весна, для нихъ какъ бы не составляютъ перемѣнъ года. Мы сами видѣли, что нѣкоторыя изъ нихъ зимю копаются въ снѣгу точно такъ же, какъ лѣтомъ въ пескѣ. Еще только весною начинается таять снѣгъ, какъ они съ артистическимъ наслажденіемъ плещутся уже въ лужахъ, образовавшихся отъ таянія снѣга..... И ничто, кажется, не вредитъ имъ; все, напротивъ, какъ будто полезно имъ, укрѣпляетъ ихъ. Самъ Богъ, конечно, охраняетъ ихъ.

Но вотъ заболѣлъ кто ни будь въ семьѣ селянина. Тогда онъ обращается къ своего рода медицинѣ. Первое мѣсто занимаетъ тутъ знахарство, разнаго рода примѣты; только въ крайности ужъ селянинъ прибѣгаетъ къ доктору, или фельдшеру, и употребляетъ нужныя лѣкарства. Въ каждой, большею частію, деревнѣ есть извѣстныя своимъ знахарствомъ личности: главнымъ образомъ ихъ представляютъ какія ни будь старухи, бабы. Обыкновенныя средства, которыя онѣ употребляютъ при своемъ искусствѣ, состоятъ въ разнообразныхъ символическихъ дѣйствіяхъ, въ предложеніяхъ больному пользоваться нѣкоторыми таинственными яко бы травами, хлѣбомъ и т. под. Съ наступленіемъ лѣта, знахарки обыкновенно стараются запастись возможно большимъ количествомъ цѣлебныхъ, по ихъ мнѣнію, травъ. Болѣе всего собираютъ липовый цвѣтъ, который извѣстенъ какъ средство противъ простуды, кашля. На поляхъ и въ лѣсахъ собираютъ «чаборъ» (*Saturea hortensis*), дзюванну (Царскій скипетръ, (*Verbascum*

сум *Tharsus*), пижму (*Tanacetum vulgare*), доухъ (*Lappa major*), Святоянское зелье (звѣробой, *Hypericum perforatum*), паюртникъ, его коренья, можжевельныя ягоды, стропсть (*Oporordon Asanthium*). Въ день Иоанна Крестителя, или на Успение Божіей Матери, травы эти освящаются въ церкви; священнодѣйствіе сообщаетъ имъ еще большую цѣлебную силу, Селяне думаютъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ, если, на пр., кто ни будь «урокъ» (сглазъ) скотину, или человѣка, достаточно совершить только «окуреніе» освященными травами, чтобы отъ «урока» не испытать никакихъ вредныхъ послѣдствій, или же благополучно миновать ихъ.

(Миръ, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Противъ желудочной боли употребляютъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, воробьевы глазки (*Brizamedia*), сердечникъ (*Leonurus cardiaco*, *S. Erytraea centaureum*), прострѣль (*Pulsatilla vulgaris*). Нарядъ зелье и настой даютъ пить больному, употребляютъ цытварь (противу глистовъ), соль и золу, смѣшанную съ водою, или золу съ водкою; очень часто приставляютъ къ желудку стаканъ (родъ банки) (Цыринь, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда). Въ другихъ мѣстахъ (Вилен. Губ. Вилейск. Уѣзда) призываютъ бабу заговорить больного. Знахарка беретъ кусокъ хлѣба, разламываетъ его на пять частей и довольно продолжительно выкатываетъ ихъ по больному желудку. Потомъ произноситъ слѣдующій заговоръ: «№ перепалахъ на мядвѣди, на лисы, на барсуки, на лютучія пашата, на жищирину, на чортпохилину, съ ёго іонъ ёму подпада, няхай іонъ тамъ марце прапада, ци іонъ зо сну, ци іонъ зъ ночи, ци зъ вѣтру, ци іонъ зъ свиней, ци зъ сабакъ, ци зъ гусей, ци зъ курей, ци іонъ бѣтковъ, ци іонъ мацеринь, няхай іонъ тамъ прапада, гдѣ косы не косяць, гдѣ людзи ня ходзяць, няхай іонъ тамъ прападае, а майму № здорово дая.» Заговоръ повторяется три раза. Больного потомъ заставляютъ три раза плюнуть на хлѣбъ, катанный по его желудку, и самый хлѣбъ отдаютъ собацѣ. Болѣзнь очень часто не уступаетъ этой ворожбѣ; тогда говорятъ, что она «затянулася.» Въ Сокольскомъ Уѣздѣ (Гродн. Г.) противъ глистовъ употребляютъ лукъ: выжимаютъ изъ него сокъ, мѣшаютъ съ коноплянымъ масломъ, и эту смѣсь (въ одинаковой мѣрѣ) употребляютъ по столовой ложкѣ на тощахъ. При слабости желудка тоже употребляютъ сокъ изъ луку, но смѣшанный съ сахаромъ до густоты сиропа.

(Тамъ же.)

Если явится чирей на поверхности тѣла, то прикладываютъ его или «полевый грибокъ», или листьями «шелеговъ» (*Althea*) и бабки» (придорожникъ, *Plantago major*), намазанными сметаною, или свинымъ саломъ; если чирей находится внутри человѣка, то парятъ и даютъ пить ему «расходникъ» (*Glechoma*), чтобы вызвать ту болѣзнь наружу (Цыринь, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда). Для ускоренія нарывовъ и смягченія ихъ употребляютъ лукъ, сваренный въ молокъ, или водѣ; или же печеный лукъ съ хлѣбнымъ макишемъ и солью (Соловка, Гродн. Губ.). Если болитъ голова отъ угара, къ ней прикладываютъ сибѣгъ; въ другихъ случаяхъ, когда садне не могутъ отгадать причины боли головы, послѣднюю обкладываютъ бѣлыми тряпками, намоченными въ соленой водѣ. Если случится сдѣлать себѣ ножомъ, или топоромъ, рану, то ее засыпаютъ «вересковымъ порошкомъ» (*Lycorodium?*). Если въ ранѣ замѣтно гниеніе, то употребляютъ для засыпки «волчью табакъ» (*Scleroderma serpinus?*). Если женщина во время жатвы повредитъ себѣ серпомъ руку, то тутъ же она беретъ зелье ранникъ, кривавникъ, растираетъ его и прикладываетъ къ ранѣ. Во время болѣзни глазъ, моютъ ихъ водою, взятою изъ трехъ ключей (Цыринь, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда). Если кто ни будь болѣнъ лихорадкою, прежде всего его стараются испугать: во время сна его окатываютъ холодной водою, заставляютъ идти цѣловать мертвеца, посылаютъ ночевать на кладбище, или въ лѣсъ подъ осину; больному даютъ пить сокъ, выжатый изъ васильковъ, вмѣсто холодной воды теплую, нагрѣтую съ окорками хлѣба; даютъ еще пить настой изъ нѣкоторыхъ веществъ, и даже самыя жидкія вещества (конечно, помимо вѣдома больного), такія, о которыхъ неудобно говорить въ печати. Иногда считаютъ полезнымъ дать больному черезъ мѣру набѣстсы, или напитокъ того, чего особенно ему хочется. Считаютъ такъ же хорошимъ средствомъ хлѣбъ, освященный въ Омино Воскресенье (Омьты, Кобр. Уѣзда Гродн. Губ.). Въ Вилейскомъ Уѣздѣ (Вил. Губ.) употребляютъ слѣдующее средство: завидѣвши въ первый разъ съ наступленіемъ весны аиста, дикаго гуся, жеребенка, говорятъ: «На тихое лѣто, на буйное жито, а намъ на доброе здоровье!» Въ это время завязываютъ узелъ на поясѣ и сохраняютъ его, какъ противъ лихорадочное средство. Если бы съ такимъ человекомъ приключилась лихорадка, то достаточно развязать упомянутый узелъ, чтобы избавитъ отъ непрощеной «тетки.» Но почти всегда бываетъ, что лихорадка не уступаетъ предъ развя-

ываніемъ узла. Тогда говорятъ, что завязавшій 'его несчастій- шій изъ смертныхъ. Противъ «коликъ» употребляютъ отваръ изъ льнянаго сѣмени, смѣшавъ его съ мукою. Прибѣгаютъ и къ такому средству: призываютъ старуху, которая расплавляетъ на сковородѣ свинецъ, или воскъ, и потомъ надъ болящимъ лѣтъ расплавленное въ холодную воду. Получаются разнаго рода фи- гурь: по виду и формѣ этихъ фигуръ знахарка объясняетъ при- чину и послѣдствія болѣзни. Или же: беретъ ножъ, его концомъ придавливаетъ нѣсколько разъ больное у человѣка мѣсто, и в- всякимъ разомъ вбиваетъ его въ стѣну. Бываетъ и такъ: зна- харка забирается на печь, съ разными приговорами бросаетъ оттуда на землю ножъ: считаютъ хорошимъ признакомъ, если ножъ вобьется остриемъ въ землю; въ противномъ случаѣ для больнаго плохія надежды. Если является между пальцами на- ростъ, «мизиперстница», то для истребленія его прикладываютъ свиное сало, толченое съ корнями растенія, извѣстнаго у селянъ подъ названіемъ пальцевъ «мизиперстницы» (*Orcis masada*). Если послѣ тяжелыхъ работъ сильно заболятъ ноги, или руки, къ нимъ прикладываютъ пареный овесъ, или сѣно, взятое изъ яслей. Въ болѣзняхъ горла, если онѣ происходятъ отъ чирея внутри, преж- де всего, самое горло стараются держать въ теплѣ, дѣлаютъ изъ разнаго зелья припарки и въ бѣлыхъ тряпкахъ приклады- ваютъ къ шеѣ. Если горло болитъ отъ того, что въ немъ «опалъ язычекъ», послѣдній поднимаютъ ложкою, или пальцемъ руки, предварительно обмазавши ихъ медомъ; потомъ даютъ кушать чеснокъ, жареный съ масломъ. Въ болѣзняхъ груди отъ сля- наго кашля даютъ пить «пареное сочиво или люкрецію» (Царинъ, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда). Противъ сильнаго кашля употребляютъ слѣдующее средство: берутъ головки двѣ чесноку, очищаютъ ихъ, толкутъ, прибавляютъ туда свиного сала столько, чтобы оно могло быть проникнуто чеснокомъ; изъ всего этого дѣла- ютъ одну смѣсь, прибавляютъ два яйца, размѣшиваютъ такъ, чтобы получился видъ тѣста. Этой мазью, ложась спать, натира- ютъ до колѣнъ ноги, особенно подошвы. Такое дѣйствіе по- вторяется три дня сряду, не выходя изъ дому (Соколка, Гродн. Гу- берніи). Случается иногда, что дѣтя боятся своей тѣни. Тогда ро- дители селяне ставятъ его на солнышкѣ, большею частію у ро- рога избы, и ножомъ изъ подъ самыхъ ногъ его берутъ не- много земли. Перемѣшавъ ее вмѣстѣ съ освященнымъ зельемъ, окуриваютъ имъ дѣтя.

(Царинъ, Минск. Губ. Новогородск. Уѣзда.)

Многіе селяне считаютъ главною причиною болѣзней «повроки, уроки.» Чтобы обезопасить себя отъ нихъ, они напередъ стараются выполнить нѣкотораго рода условія, которыя, по мнѣнію селянъ, уничтожаютъ разрушительную силу «повроковъ.» Нѣкоторыя изъ этихъ условій мы уже видѣли. Укажемъ еще нѣсколько. Увидѣвши новую луну, «молодзика», селяне говорятъ: «Князь маладой, рогъ залатой! табѣ нябо карона, а намъ доброе здаровье!» (Вилейск. Уѣз. Валевск. Губерніи). При такомъ постоянномъ привѣтѣ новолунія, пожеланія злыхъ людей не будутъ яко бы имѣть силы и дѣйствія. Когда загремить въ первый разъ послѣ зимы, селяне, особенно женщины, гдѣ бы онѣ ни находились, начинаютъ кувиркаться, на твердой ли землѣ, или въ грязи, на навозѣ: цѣлый годъ отъ этого будутъ здоровы (Тамъ же). Воду, въ которой передъ ночью купали маленькое дѣтя, не нужно выливать сейчасъ же: это можетъ повредить ребенку. Лучше всего ее вылить на слѣдующій день утромъ. Вымытыя дѣтскія пеленки не должно катать въ каткѣ, а перетирать въ рукахъ: ребенка не будутъ мучить желудочныя боли, вѣтры. Нельзя сушить на дворѣ мокрыхъ пеленокъ: въ нихъ можетъ закрасться злой вѣтеръ и повредить дѣтяти. Если мать неосторожно положить дѣтя въ ногахъ поперекъ своей постели, ребенку отъ этого можетъ приключиться рожа, сыпь, или другая подобная болѣзнь. Когда беременная женщина тянетъ изъ колодца воду, должна стараться не перелить ея; иначе дѣтя можетъ родиться калекою. Беременная женщина избѣгаетъ ссоры съ сосѣдкою; иначе она сдѣлаетъ знакъ на двери, и дѣтя тогда родится съ раздвоенною челюстью.

(Ср. Матер. для Географ. и Статист. Россіи, Коревы, 613, 614, и Вобровскій, 1824).

Если въ селеніи появляется какая ни будь повальная болѣзнь, селяне принимаютъ противъ нея свои мѣры. Иногда они прибѣгаютъ къ обыденному полотну или «кроснамъ», средство, которое употребляютъ они и противъ засухи (Мы указали его выше). Иногда кругомъ деревни дѣлаютъ «опашку.» Опашка совершается обыкновеннымъ образомъ; но дѣло въ томъ, что и самъ паларъ долженъ быть близнецъ и волю его—тоже близнецы, и все, входящее въ составъ сохи, и самая соха, должны быть сдѣланы близнецомъ; если что ни будь, хотя малѣйшая палочка, относяща-

яся къ сохѣ, будетъ заострена не близнецомъ, все дѣло тогда нужно считать погибшимъ. Если указанные условія удовлетворены, тогда пахарь-близнецъ, сопровождаемый многочисленнымъ народомъ, въ самую полночь отправляется дѣлать «опашку.» Проведши борозду кругомъ деревни, пахарь, а съ нимъ и всѣ присутствующіе, возвращаются домой (Кобр. Уѣзда Грод. Губерніи). Повальная пройдетъ. Иногда причиной ея считаютъ кого ни будь изъ умершихъ, или живыхъ: въ первомъ случаѣ, для избавленія отъ бѣды, разрываютъ могилу воображаемаго виновника, отрубаютъ ему голову, кладутъ между ногъ и снова зарываютъ; въ послѣднемъ живого человѣка зарываютъ въ землю.

(Сравн. Бобровскій I, 826.)

Противъ болѣзни скота у селянъ есть тоже свои средства. Если начнутъ заболѣвать свиньи, имъ даютъ супъ, сваренный съ корнями растенія, называемаго «свинымъ зельемъ.» Если замѣчаютъ, что кусаются маленькіе утенята, или гусенята, значить, ихъ кто ни будь сглазилъ: ихъ берутъ, садятъ на решето и курятъ освященнымъ зельемъ; при этомъ приговариваютъ: «Нехай ему церло въ горло!» (Цыриня, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда). Въ Могилевской Губ. въ Чериковскомъ Уѣздѣ, приболѣзни кормлецаго борова, призываютъ старуху знахарку. Знахарка идетъ, неся съ собою старый «пральникъ» (его употребляютъ при мытьѣ бѣлья) и старый мѣшокъ: предметамъ этимъ должно быть не меньше десяти лѣтъ; иначе не ждать помощи борову. Въ согрѣтую печь знахарка кладетъ указанные вещи и прибавляетъ къ нимъ яйцо. Пока эти предметы согрѣваются въ печкѣ, знахарка тоже согрѣвается: ее угощаютъ водкой, личинкой. Закусивши и выпивши порядкомъ, знахарка беретъ «пральникъ», мѣшокъ и яйцо, отправляется въ хлѣвъ,тираетъ принесенными вещами борова около ушей и горла. Во время своего дѣла знахарка зѣваетъ, показываетъ этимъ, будто болѣзнь отъ борова переходитъ къ ней. Въ заключеніе она говоритъ: «Скачи, здоровъ!» и идетъ въ избу. Тутъ начинается она распространяться о причинѣ и свойствахъ настоящей болѣзни борова, и все дѣло въ концѣ концовъ сводится къ «повроку» или «уроку.» Въ довѣренной бесѣдѣ знахарка называетъ даже человѣка съ такимъ несчастнымъ глазомъ. Передъ захожденіемъ солнца, знахарка снова идетъ смотрѣть борова, обноситъ его солью, и потомъ самую соль бросаетъ въ огонь. Тутъ она произноситъ фор-

мулу своего секрета: «Чтобъ у того чловѣка, который смотрѣлъ борова нехорошими глазами, трещала душа, какъ трещить соль на огнѣ! Соль тебѣ у очи, молнія у зубы, трясучее полюбно у колѣно!» знахарка при этомъ дуетъ и плюетъ на огонь. Кругомъ должна царствовать тишина; сохрани Богъ, кто ни будь нарушить ее: такого знахарка засыплетъ ругательствами, проклятіями. Даже крикъ ребенка не допускается; иначе знахарка не отвѣчаетъ за бездѣйственность своей ворожбы. Она за свой трудъ получаетъ известную плату. Если боровъ не поправляется, знахарка говоритъ, что у него «заушица», болѣзнь неизлѣчимая; остается одно средство послѣднее — убить борова. Козлева слушаются: колотъ борова, и знахарка за медвѣжью услугу снова получаетъ чуть не львиную часть.

Когда волкъ зарѣшетъ козу, то, говорятъ селяне, голову ея закапываютъ въ землю. Жители той деревни, откуда пропала коза, непремѣнно стараются отыскать ея голову, чтобы на будущее время предохранить свой скотъ отъ волковъ. Но тутъ нужно соблюсти еще нѣкоторыя обрядности: нашедши искомую голову, къ рогамъ ея привязываютъ поясъ; поясъ этотъ, въ свою очередь, надѣваетъ кто ни будь изъ селянъ, предварительно вложивши на него замкнутый замокъ. Въ такомъ видѣ указанный селянинъ идетъ по границѣ земли своей деревни и тащить за собою голову. Обошедши границу полей, селянинъ отвязываетъ голову и бросаетъ ее; самъ идетъ домой. Послѣ этого, думаютъ, волки уже не будутъ таскать скота. Но, наждаму пенятно, на околько разумны и основательны подобныя ожиданія.

(Могил. Губ. Черниовск. Уѣзда.)

Чтобы облегчить положеніе отелзавшейся коровы, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, ей приготавливаютъ «троянку»: берутъ по немногу всякихъ семянъ, какія только есть у хозяина, рсыщаютъ ихъ въ одинъ горшокъ, отрѣзываютъ немногое отъ каждаго изъ угловъ стола, берутъ сажни и все это бросаютъ туда же, гдѣ семена; вывши еще сюда воды, начинаютъ варить; отвари этотъ даютъ коровѣ ѣсть, предварительно накрывши ее накинемъ или будъ платнемъ.

(Красная, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Когда является на скотъ какая ни будь повапная болѣзнь, селяне прибѣгаютъ къ слѣдующему средству: на цѣлую

ночь собираются въ какой ни есть домъ, мужчины въ одну комнату, женщины въ другую. Мужчины должны приготовить крестъ, вывезти его за деревню и поставить на той дорогѣ, по которой болѣе всего ходитъ скоть. Женщины, въ свою очередь, въ продолженіе ночи должны надирать, соткать, выбѣлить «ручникъ» (полотенце) и еще до свѣта повѣсить на вновь поставленномъ крестѣ. Послѣ этого можно ожидать прекращенія повальной.

(Озаты, Кобр. Уѣзд. Гроднен. Губерніи.)

Когда умираетъ кто ни будь въ семьѣ сельской, то первыми дѣломъ считаютъ «дать на позвунное», чтобы въ церкви позвонили за душу умершаго. Еще заблаговременно сельские по нѣкоторымъ признакамъ наблюдаютъ за опасно больнымъ, умретъ ли онъ, или выздоровѣетъ. Если, сохрани Богъ, сова на чьемъ ни будь дворѣ отзывается плачливымъ голосомъ, въ семьѣ кто ни будь заблораецъ; если же стонетъ протяжно, то тѣмъ предсказываетъ она похороны. Больному въ критическую минуту даютъ гродничную свѣчу. Когда она потухнетъ, принимаютъ, куда пойдетъ отъ нея дымъ: если пойдетъ за двери, больной умретъ; если разойдется по комнатамъ, выздоровѣетъ (Вилен. и Гроднен. Губерніи). Признакомъ смерти считаютъ «обсѣвъ». Если булка хлѣба при печеніи раздвоится сверху до низу, въ домѣ кто ни будь умретъ. То же предвѣщаетъ чирикание стрекозы и пѣніе курицы по пѣтушину.

(Цырань, Новогор. Уѣзд. Мнѣск. Губерніи.)

По умершемъ должна плакать родня; если некому плакать, то нанимаютъ нарочныхъ для этого дѣла плакальщицъ. Умершаго по Христіанскому обычаю обмываютъ, одѣваютъ; надѣваютъ те платяе, которое умершій особенно любилъ. Холостыхъ лицъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, одѣваютъ въ настоящемъ случаѣ какъ къ вѣнцу (Верховичи, Гроднен. Губ. Слон. Уѣзда). Кладутъ потомъ умершаго за своимъ на шавѣ, покрывъ его бѣлымъ полотномъ и сложивъ на груди руки. Столъ покрываютъ бѣлою скатертью, кладутъ булку хлѣба, ставятъ бутылку водки для угощенія приходящихъ посѣтить умершаго. Приходящіе становятся на колѣни, молятся Богу о спасеніи души усопшаго, о принятіи ея къ рай, потомъ закусываютъ и возвращаются домой. При наступленіи погребенія, передъ выносомъ, до совершенія панихиды, умершаго полагаютъ въ «труну» (гробъ).

Когда умереть дѣтя и ему дѣлають гробъ, то при этомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, боятся употреблять желѣзные гвозди: иначе въ семействѣ не будетъ больше дѣтей. Собирають такъ же щепки отъ сдѣланнаго гроба, выбрасываютъ на улицу и наблюдаютъ, чтобы кто ни будь не разводилъ дми огня: въ противномъ случаѣ въ домѣ часто будутъ умирать дѣти (Корса, 614). Въ гробъ вмѣстѣ съ покойникомъ кладутъ и то, что особенно любилъ онъ при жизни, на пр., курительный, или нюхательный, табакъ, или же бутылку водки. Еще въ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтiя, по свидѣтельству очевидцевъ, въ случайно разрытыхъ могилахъ находили указанные предметы (Верховичъ, Слон. Уезд. Грод. Губернiя). Подъ подушку покойному кладутъ разнаго рода травы и травы, освященныя въ день Успенiя Пресв. Богородицы, а поперекъ тѣла шерстяную нитку краснаго цвѣта (Бобровскiй ч. 1-я, 838). Въ руки ему дають иногда два—три прѣша и отвозятъ на кладбище. На мѣстѣ, гдѣ стоялъ покойникъ до позвоженiя его въ гробъ, кто ни будь разсѣваетъ горсть ржи, чтобы семейство покойнаго и послѣ него не терѣло нужды (Верховичъ, Слон. Уезд. Грод. Губернiя). Иногда это дѣлается послѣ выноса покойника на кладбище. Его сопровождаетъ родня, знакомые. Погребаютъ по Христіанскому обряду. Иногда, за отсутствiемъ Священника, по отдаленности, селяне совершаютъ погребенiе сами: тогда въ заключенiе они говорятъ: «Дай, Боже, душеньцѣ его (ей) святость въкусную, а цѣлу—легкую землицу!» На могилу насыпаютъ съѣстное: горшокъ съ кашей и ложкой, чтобы умершiй имѣлъ наслучай чѣмъ подкрѣпитися.

(Бобровскiй, I, 838.)

Послѣ погребенiя семейство покойника устрояетъ закуску (въ Слон. Уездѣ называютъ ее горячее по умершемъ). Между прочими блюдами бываетъ «крупникъ», макъ съ медомъ, блины... Идутъ обычныя разсужденiя о непостоянствѣ человѣческой жизни, заявляютъ сожалѣнiя о покойникѣ. Особенно сожалѣють объ умершихъ въ молодыхъ лѣтахъ. Говорятъ, что на томъ свѣтѣ имъ весьма тяжело: тамъ ихъ заставляютъ безъ отдыха, мужчинъ молотить, молотъ рожь, рубить дрова, женщинъ печь хлѣбъ, варить кушанье, мыть бѣлье. Тамъ, говорятъ, работаютъ всѣ вмѣстѣ; послѣ работы садятся за одинъ общiй огромный столъ, за которымъ сидитъ и самъ Богъ; и смотритъ, чтобы

всѣмъ было всего вдоволь. Когда за столомъ всѣ мѣста будутъ заняты, настанетъ конецъ міра, Страшный Судъ (Самара, Вольск. Губ. Ковельск. Уѣзда). Мѣсто для Страшнаго Суда нѣкоторые называютъ на «Юасафатовой долинь» (не Юасафата Кунцевича, а Иудейскаго Царя; Вид. и Гродн. Губ.). По усопшемъ въ первый годъ совершаютъ «помянки», по крайности, шесть разъ: на третины, девятины, полусорочины, сорочины, полгодіе, годъ. Каждый годъ, кромѣ того, совершаются, какъ мы указали, «Дѣды.»

Многіе селяне вѣрятъ, что покойники ходятъ послѣ смерти. Также вѣроуаніе существуетъ особенно относительно тѣхъ лицъ, смерть которыхъ долго и сильно оплакиваютъ (родители и дѣти, супруги), или же которыхъ при жизни извѣстны были въ средѣ селянъ своимъ колдовствомъ, вероубой. Внимая воплямъ, покойники по ночамъ являются: яко бы къ плачущимъ по нихъ и дѣлаютъ свои распоряженія: изъ хлѣбовъ выгоняютъ окоть, пересыпаютъ зерно, переставляютъ посуду. Вѣдьмы послѣ смерти являются какъ бы для того, чтобы давить живущихъ. Въ одномъ селѣ, рассказываютъ по этому случаю, была знатная вѣдьма; жила она очень долго, такъ что и «косы на головѣ посвѣли.» Случилось такъ, что послѣ смерти вѣдьмы очень замѣтно стали умирать «молодые.» Кто игралъ свадьбу, тотъ непременно сейчасъ же и оплакивалъ ее: «бо якъ только молодыя придутъ въ вѣнцу, пебаляютъ трохи и лягутъ спати, такъ и не встануть.» Нѣсколько лѣтъ прошло при такихъ обстоятельствахъ. Молодежь уже начинала бояться жениться, или выходить замужъ. Вотъ одинъ богатый хозяинъ задумалъ женить своего сына: сосватали ему невѣсту. Въ назначенное время, «въ недѣлю рано,» молодые отправились въ церковь обвѣнчаться. Церковь была далеко, и имъ пришлось долго промедлить. Дома страшно безпокоились. Еще молодыхъ не было, а на дворѣ дома, въ которомъ имѣли праздновать веселье, вѣхалъ горшечникъ. Онъ просилъ хозяевъ позволить ему остановиться у нихъ на ночь. Хозяева не соглашались; но потомъ уступили настоятельной просьбѣ горшечника и даже предложили ему коечто закусить. Въ бесѣдѣ хозяинъ и указалъ ему на нынѣшнее въ домѣ торжество, которое, однако, можетъ окончиться плачемъ: по тому что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, послѣ смерти извѣстной вѣдьмы, сейчасъ приходится оплакивать смерть молодыхъ. Горшечникъ погоревалъ вѣ-

стѣ съ ними, а потомъ и замѣтилъ: «Я трохы знаюсь съ вѣдьмарствомъ и могу помочи вашуй бѣдѣ.» Подъ вечеръ онъ взялъ два осиновыхъ кола, отправился на кладбище и усѣлся за однимъ камнемъ. Около полуночи изъ могилы вышла женщина-вѣдьма, и побѣгла по направленію къ той хатѣ, гдѣ была свадьба. Тогда горшечникъ пришелъ къ могилѣ, изъ которой вышла женщина, положилъ на нее крестообразно два осиновыхъ кола и самъ усѣлся тутъ же. Проходить часъ, другой, а вѣдьмы нѣтъ, какъ нѣтъ. Нетерпѣніе стало овладѣвать горшечникомъ. Наконецъ явилась вѣдьма и стала въ недоумѣніи при неожиданной встрѣчѣ. «Ты чого тутъ сидишь?» сказала она горшечнику—«А ты чого отсюль ходила, куды?» былъ отвѣтъ. «А тобѣ що за дѣло? Пусти!»—«Не пуцу; скажи, куды ходила?»—«На село.»—«Чого?»—«На весѣлья.» — «А що ты тамъ робила?» — «Ныць не робила: пусти!» — «Не пуцу, покюля не скажешь, що ты тамъ робила.» «Я ныць тамъ не робила: хотѣла туюлько подивитися на весѣлья, ажъ якъ я пришла, то вже молодые померли, и я пошла назадъ.» — «А чому оны померли?» — «Не вѣдаю; ну, пусти!» — «Ты не вѣдаешь, а я вѣдаю, що ты ихъ задушила.» (Озяты, Гродя. Губ. Кобр. Уѣзда). Подобными разсказами поддерживается у селянъ вѣрованіе въ хожденіе умершихъ послѣ смерти.

Въ заключеніе, къ своему очерку мы прибавимъ нѣкоторыя особыя примѣты селянъ, имѣющія въ ихъ быту важное значеніе; разскажемъ двѣ, три сказки, съ мѣстнымъ историческимъ значеніемъ и т. д.

Чтобы колдунья не отняла у коровы молока, надобно просверлить ей рогъ, залить его ртутью, и отверстие залѣпить воскомъ. Если мышь съѣстъ кусокъ посвященной Пасхи, то превратится въ летучую мышь. Когда чешутъ волосы, или очищаютъ голову, то надобно потомъ зачесать волоса къ верху, иначе можно встрѣтиться съ волкомъ. Когда голось совы уподобляется плачу дѣтяти, это значитъ, что скоро незамужняя женщина будетъ имѣть потомка. Крикъ филина считается предвѣстникомъ урожая ржи. Воробьи превращаются въ мыши, а мышь въ воробьявъ, судя по времени года и перемѣнѣ въ воздухѣ. Если цѣтухъ запоетъ не въ обыкновенное время, то это предсказываетъ или дурную погоду, или несчастіе. Если услышать, что куры заводятъ необыкновенный шумъ, тотчасъ стараются прекратить его; иначе въ домѣ воцарится шумъ и ссора. Если курица

отозвется голосомъ, подобнымъ пѣтушину, непременно воспослѣдуетъ какой ни будь убытокъ въ домѣ. Чтобы предупредить бѣду, берутъ курицу и измѣряютъ ею пространство отъ лавки, стоящей у стола, до порога, перекидывая ее черезъ голову. Если наконецъ она встрѣтится головой съ порогомъ, отрѣзываютъ ей голову, а если хвостомъ, отрѣзываютъ хвостъ. Не должно сожигать старой метлы, иначе ястребъ будетъ дуть куръ. Не должно никому подавать напитка чрезъ порогъ, чтобы не возникла ссора. Невѣста передъ вѣнчаніемъ не должна ни ѣсть, ни пить, у себя дома, иначе мыши будутъ дѣлать большой убытокъ въ кладовой, а гусеницы въ огородѣ. Если которая ни будь преступитъ это правило, должна на другой день послѣ свадьбы пойти къ сосѣдкѣ, и просить у нея чего ни будь въ займы. Если просьба ея будетъ удовлетворена, то мыши и гусеницы перейдутъ къ сосѣдкѣ. Богоязливыя женщины, не желая нанести вреда сосѣдямъ, идутъ въ лѣсъ, въ которомъ находится много сухихъ вѣтвей, и громко повторяютъ просьбу свою до тѣхъ поръ, пока какая ни будь сухая вѣтвь не задѣнетъ ихъ за одежду. Тогда уже мыши и гусеницы перейдутъ въ сухой лѣсъ. Кто разводитъ въ печи огонь, не долженъ говорить, ни оглядываться, хотя бы его звали; иначе огонь будетъ выходить изъ печи, и можетъ возникнуть пожаръ. Если молнія разобьетъ дерево, такъ что оно засохнетъ, не должно къ нему прикасаться, по тому что надъ его пнемъ пригвожденъ молніей злой духъ. Тронувъ такое дерево, можно освободить его. Но если дерево, разбитое молніей, не засохнетъ, то можно употребить его на свои надобности; по тому что въ такомъ случаѣ злой духъ ускользнулъ отъ громовой стрѣлы. Когда отъ молнии загорится домъ, утверждаютъ, что злой духъ спасся и зажегъ строеніе. Если же молнія не сдѣлала пожара, то это служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ побѣды, одержанной надъ злымъ духомъ. Разставленныя въ костѣлахъ березки въ день Св. Троицы, или въ праздникъ Тѣла Господня, тщательно собираютъ, обламываютъ вѣтви и водятъ ими по капустѣ на грядкахъ, а потомъ кладутъ въ овинѣ подъ снопами. Это средство предохраняетъ капусту отъ гусеницъ, а хлѣбъ отъ мышей.

(Корева, 614—616.)

Вѣрить въ «Стригу и Мару.» Святой воды Стрига не боится; только осторожностію можно спасти себя отъ домашнего. Бере-

менныя женщины видѣли Стригу: это женщина высокаго роста, худая, блѣдная, со впалыми глазами; по вечерамъ она переходитъ съ одного двора на другой. Схвативши ребенка, Стрига колотитъ его такъ, чтобы мать слышала крики; для устранения этого зла, дѣтей купаютъ передъ захожденіемъ солнца. Въ пятницу дѣтей купать не слѣдуетъ. При повитіи ребенка мать должна взять его за носъ три раза и стиснуть. Когда дѣтя боязливо, отыскивають посредствомъ воска, перелитаго черезъ метлу, предметъ, котораго оно боится. Еще страшнѣе Мара, которая юношей и дѣвицъ давитъ во время крѣпкаго сна; отъ нея не можетъ избавиться и домашняя скотина. Лошадь, на которой ѣздила Мара ночью, имѣетъ на своихъ бокахъ знаки, сдѣланные короткими ногами этого страшлища. Мара не пойдетъ къ скотинѣ, если въ хлѣву вывѣшана убитая сорока; для удаленія Мары отъ людей покупають безъ торгу новый кувшинъ. Желаящій избавиться отъ нея, поймавъ на себѣ ночью звѣрка, кладетъ его въ этотъ кувшинъ, или, попросивъ Мару на завтракъ, кладутъ на порогъ, на крестъ,» метлу и топоръ. При заложении хижины, когда положатся подвалины, хозяинъ по всѣмъ угламъ на ночь кладетъ по куску хлѣба; ежели на другой день хлѣба въ какомъ либо углу не оказалось, мѣсто это считается несчастнымъ, и тогда подвалины передвигаются. Селянинъ, основывая на хлѣбѣ все свое счастье, по пропавшему на подвалинѣ хлѣбу, полагаетъ, что если не переставитъ хижины, то будетъ терпѣть недостатокъ, а это сократитъ его жизнь. Никогда не ставятъ избы тамъ, гдѣ проходила дорога, по которой рыскають черти и оставляють свои слѣды. Деревя, сваленнаго буреломомъ, не годится класть въ стѣну; по мнѣнію селянина, мятель и буря производятся чортомъ, а сваленное вѣтромъ дерево могло своею тяжестью придавить его и напитаться его силой, а по тому положенное въ стѣну можетъ сдѣлать избу притономъ самаго чорта. Всѣ несчастія въ домѣ происходятъ отъ бѣсовской силы; а чтобы избавиться отъ нея, въ новопостроенный домъ прежде всего на ночь выпускають черезъ окно пѣтуха и курицу, а слѣдующую ночь гуся, на третью поросенка, на четвертую овцу, на пятую корову, на шестую лошадь. Когда всѣ эти животныя переночевали благополучно, просятъ Священника для освященія, за тѣмъ въ седьмую ночь переносится все семейство. Иногда ограничиваются только однимъ пѣтухомъ: ежели впущенный въ избу пѣтухъ будетъ пѣть — хорошій знакъ; если нѣтъ — дурно. Пѣтухъ, по мнѣнію селянина,

не проспалъ бы своего часа, если бы въ избу не заглянулъ чортъ, испугавши пѣтуха и принудивши его къ молчанію. Чорта изъ избы выгоняють вдвоемъ, или втроемъ, потомъ освящаютъ; если все это не поможетъ, обращаются къ знахарю. Грѣшно обѣдать безъ пояса. За роємъ пчелъ гонятся присѣдая. Со слѣдовъ вора снимають мѣрку и вѣшаютъ въ трубу, чтобы укравшій такъ изсохъ, какъ эта мѣрка. Чтобы прекратить распространеніе пожара, кругомъ горящаго строенія обносятъ хлѣбъ въ решетѣ. Женщина, разрѣшившись отъ бремени, въ теченіи 9-ти недѣль не выдаетъ огня изъ дома. Чтобы водились круглый годъ деньги, надобно побрякать ими въ первый разъ, когда услышишь кукушку, по чему говорятъ: «Сховай три гроши на зозулю!»

(Бобровскій, ч. I-я, 923—825.)

Если кукушка закукуетъ вблизи дома, будетъ свадьба; если закукуетъ на самомъ домѣ, кто ни будь умретъ, а если въ лѣсу, то просятъ ее, чтобы она прокуковала, сколько лѣтъ будетъ жить. Сорока предсказываетъ то же, что и кукушка; указываетъ еще на близкихъ гостей. Воронъ своимъ карканьемъ и перелетомъ черезъ человѣка предвѣщаетъ ему какое ни будь несчастье, поврежденіе въ тулѣ. Ястребъ своимъ щепетаніемъ: «Пиць, пиць!» предвѣщаетъ дождь (Циринъ, Новогор. Уѣзда Мивск. Губ.). Если случится, что у одной женщины родится дѣтя, а у другой тогда же умретъ, послѣдняя причиною смерти своего дѣтяти считаетъ новорожденное; иногда она даже держитъ постъ, чтобы Господь отомстилъ за нее матери новорожденного (М. Дивинъ, Гродн. Губ. Кобринскаго Уѣзда). Случается, что селянинъ найдетъ яйцо въ такомъ мѣстѣ (гдѣ ни будь въ сараѣ, въ снѣгѣ, соломѣ), гдѣ, по его мнѣнію, куры ни какъ не неслись. Яйцо, значить, кто ни будь подбросилъ. Отъ этого непременно должно прозойти несчастье: пропадетъ волъ, или лошадь; даже самъ хозяинъ можетъ подвергнуться болѣзнямъ, если возьметъ яйцо голыми руками. По тому берутъ его обыкновенно въ тряпку, приносятъ въ комнату, вѣшаютъ въ трубѣ и копятъ мѣсяць и больше, чтобы оно совершенно изсохло; такъ, думаютъ, изсохнетъ тотъ человѣкъ, или вѣдьма, которая на зло подбросила яйцо (Родовеничи, Гродн. Губ. Брестск. Уѣзда). Когда отелится корова, то стараются положить теленку въ ротъ ржаной соломы, пока онъ еще не ссалъ матери: надѣются, что такой теленокъ будетъ неразборчивъ потомъ от-

носительно корма. Боятся, чтобы корова не съела того сѣна, или соломы, гдѣ лежалъ родившійся теленокъ: въ противной случаѣ молоко, въ продолженіи одиннадцати недѣль, будетъ превращаться въ пѣну, «шумъ.» Когда родится теленокъ, все семейство идетъ въ хивъ и, при видѣ теленка, говоритъ: «Тѣфу, тѣфу, куры умарали!» и въ заключеніе плачетъ: теленокъ не будетъ бояться уроковъ. Въ этотъ день никому ничего не одоужаютъ: иначе теленокъ не будетъ заходить домой. На третій день послѣ рожденія теленка, хозяинъ трубитъ ему въ ухо, приговаривая три раза: «Бычекъ (телушка) до дому!» послѣ этого онъ не будетъ отлучаться отъ стада и отъ дома.

(Красная, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Разсказъ про чертей. 1. Черти постоянно сѣдять въ водѣ и болотѣ. Когда освятятъ воду, они переходятъ на вербу: по освященіи вербы переходятъ въ зелье, а отсюда обратно въ воду. Такой переходъ совершается постоянно. Старшій чортъ, Антихристъ, прикованъ въ аду, на цѣпи, которую постоянно грызетъ; каждый годъ до Пасхи онъ успѣваетъ почти всю ее перегрызть; но лишь только раздастся: «Хригосъ воскресел!» цѣпь опять дѣлается вполне цѣлою, и опять, съизнова, начинается старая работа Антихриста. Во время оно чертей было очень много, такъ что они постоянно таскались по деревнямъ и обманывали людей; теперь ихъ стало меньше, а со временемъ и всѣ исчезнуть, по тому что ихъ бьетъ громъ.

2. Какой-то мельникъ далеко отъ деревни дѣлалъ камень на мельницу. Вдругъ небо покрылось тучами, начались громъ и молнія. Мельникъ освѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ, перекрестилъ кругомъ себя и легъ около камня отдыхать. Тутъ приступилъ къ нему дьяволъ: «Иванъ, Иванъ,» сказалъ онъ, «идемъ домой.» Иванъ увидѣлъ у чорта куриные ножки и сказалъ: «На льнице головище булавище!» слова, которыхъ черти яко бы очень боятся. По этому случаю передаютъ слѣдующее. Однажды какой-то человѣкъ шелъ со свадьбы. Повстрѣчался онъ съ чортомъ, который несъ около пуда денегъ. Поздоровались они и чертъ просилъ мужичка понести ношу. Взявши ношу, мужичекъ спрашиваетъ черта: «А какъ у васъ ссорятся?» — «На льнице головище булавище!» былъ отвѣтъ. «Этихъ словъ мы очень

боишься.» — «А у васъ какъ ссорятся?» спросилъ взаимно чортъ. «Не боюсь чорта,» отвѣчалъ селянинъ, замотавшій на усъ слова чорта. Когда пришлось разставаться и чортъ хотѣлъ взять деньги, селянинъ сказалъ ему только: «На льнище головище булавище!» и чортъ, что есть мочи, бросился въ ноги. Деньги остались у селянина.

(Новогор. Уѣзда Минск. Губ. передалъ А. Дударевичъ.)

Сказка. Бувъ собѣ одинъ ксѣндзъ который мѣвъ трои кони и потребовавъ парубка, кобы ихъ пасти, и поѣхавъ шукати. Такъ иде, ажно иде хлопецъ. Спитався, чы не мугъ бы ты у мене за парубка служити: бульшъ ниякой роботы не буде, тулько три кони пасти: куды вони пуйдутъ, и ты за ними иди, а що будутъ ѣсти, кобысь на показъ принюсь. То хлопецъ на тое приставъ, и погнавъ кони на пашу. Кони идутъ, идутъ, и вунъ за ними иде, стали коло лужка, а вунъ ну дрѣмати, а вони далѣй пушли. Оточи вунъ прочкнусл, ажно не машъ кони. Ну вунъ шукати, ажно вечеромъ вони сами идутъ назадъ, и пригнавъ до дому. Оточи ксѣндзъ спитався: «Чы ѣли кони?» — «Ѣли.» «А що ѣли?» «Ажъ ни якого показу; то ксѣндзъ ёго пругнавъ, и поѣхавъ другого шукати.

Знову идучи, наторопивъ другого, и ставъ ёго пытати: «Чы не мугъ бы ты у мене за парубка бути? Бульшъ не буде роботы, тулько три кони пасти.» — «Добре,» каже. Но коли кони пугнавъ, коло того самого лужка заснувъ и ничого на показъ не принюсь, що кони ѣли. То и того ксѣндзъ выбивъ, выбивъ, и знову прогнавъ.

Знову ну третьяго шукати, и споткавъ на дорозѣ, и ставъ ёго пытати: «Чы не мугъ бы ты у мене за парубка бути? Бульшъ не буде роботы, тулько три кони пасти: куды вони пуйдутъ, и ты за ними иди, а що вони будутъ ѣсти, кобысь на показъ принюсь.» Парубокъ каже: «Добре!» и кони на пашу погнавъ. Кони идутъ, идутъ, и вунъ за ними иде, пришли до лужка, сонъ ёго морочить, а вунъ не спитъ; кони далѣй, вунъ всё за ними, ажъ пришли на поле. Поле хороше и травы много, а овечки ходять худые и всё тмяны. Знову подышовъ за куньми, ажно знову поле тмяне и травы не машъ, а овечки ходять тлаусты и всё чисты. Кони далѣй, вунъ за ними, ажъ сидить баба, коло ей булки и всё добро лежить, а вона кричить: «Ѣсти,

ѣсти!» ажъ вунъ пытае: «Чого ты, бабо, кричишь ѣсти, коли коло тебе булки лежать?» А вона ёму: «Иди ты собѣ туды, де идешы!» и вунъ знову подышовъ, ажно у чоловѣка черезъ горло вода иде, а вунъ пити кричить; ото жъ каже пастухъ: «Що тобѣ, чоловіче: вода черезъ горло иде, а ты пити кричишь?» А вунъ ёму: «Иди собѣ туды, де идешы!» Коні пушли, и вунъ пушовъ. Ажно стоить косыцюль мурованый и курганъ высокій, ворота отчинилися, коні вбѣгли и знову замкнулися. Такъ вунъ стоить, стоить, и ну плакати: «Що я теперъ почну!» Ажно брама отчиняется, коні выбѣгають и выносятъ ёму каждый по киточцѣ винограда на грывѣ. Вунъ тое взявъ и за пазуху сховавъ на показъ, коні пушли назадъ вунъ, за ними ажъ до дому.

Оточи коні пригнавъ, пытаеця ксѣндзъ: «Чы ѣли коні?» — «ѣли.» — «Покажи на показъ!» ажъ вунъ вынявъ зъ зпазухи и показавъ, що виноградъ ѣли. «Добре!» ксѣндзъ сказавъ, и запытавъ: «Що жъ бульшь бачивъ?» — «Бачивъ, каже, поле, поле хороше и травы мнуго, а овечки ходять по нюмъ худыи и тмяне,» а ксѣндзъ ёму отказуе: «То не есть, сынку, овечки, але души панувъ Ляхувъ, губительникувъ, що на сюмъ свѣтѣ мужикувъ гнембили гвалтами, даремникомъ, толокою и панщиной, въ холодѣ, голодѣ, въ бѣдѣ мучилися, то ихъ Панъ Бугъ скаравъ ихъ на тумъ свѣтѣ на горкую сухоту. Знову пытае: «Що жъ ты бульшь бачивъ?» — «Бачивъ: поле тмяне и травы нема, овечки тлусты и чисты.» — «И то не овечки, отказавъ, але души мужикувъ, которые на сюмъ свѣтѣ Бугъ надгородивъ, що вони всюды щасливы.» «А ще жъ, що бульшь бачивъ?» Вунъ каже: «Бачивъ до кола бабы булки и всё добро лежитъ, а вона ѣсти кричить.» То душа, каже ксѣндзъ, окомончи, що на сюмъ свѣтѣ мнуго добра мѣла, слугамъ не платила, сторожка была, дѣдови куска хлѣба жаловала, то на тумъ свѣтѣ осудивъ сю Панъ Бугъ на вѣчный голодъ, що всё мае, и ѣсти кричить.» Нарешто пытае: «Що жъ ще бачивъ?» — Бачивъ, каже, черезъ горло чоловѣка вода иде, а вунъ пити кричить. — «То бувъ, казавъ ксѣндзъ, на сюмъ свѣтѣ вуйтъ лихий, ровбуйникъ, опуйця, що чужую кровь пивъ, при живѣ воды жаловавъ, то ёго Панъ Бугъ на тамтумъ свѣтѣ осудивъ на смагу, що ёму черезъ горло вода иде, а вунъ не може нашитися. А тые коні, що ты пасъ, то не коні, але Анѣлы: вони тобѣ показали, яка надгорода будетъ, добрымъ, а яка лихимъ,» и вунъ вельми злякався. И ксѣндзъ, взявши, хорошецько пастуховѣ заллативъ и отправивъ.

(Зап. И. Захарчукъ. Верховичи, Слов. Уѣзда Гродн. Губернш.)

Путешествіе Жидовъ. Однажды 12 Жидовъ отправились попутешествовать. Послѣ нѣкотораго времени нашимъ путешественникамъ показалось (дѣло было вечеромъ), будто не подалеку стоитъ волкъ. Вотъ умнѣйшій между ними взялъ свои книжки, «цитуетъ, почитуетъ, на колѣни стувши выплакуетъ, и скажетъ, сто нузно выбрахаць изъ одна сабака.» Всѣ Жиды въ одинъ голосъ закричали: «Гамъ!» Но мнимый волкъ не трогался съ мѣста. Умнѣйшій опять повторилъ то же и сказалъ: «Гето нузно выбрахаць изъ два собака.» Жиды опять закричали: «Гамъ, гамъ!» Но волкъ по прежнему ославался на одномъ мѣстѣ. По повому распоряженію «вбрахаць изъ три сабакъ,» всѣ Жиды закричали: «Гамъ, гамъ, гамъ!» Но, увы, успѣха не было. Тогда умнѣйшій еще разъ свои книжки «цитуетъ, цитуетъ, на колѣни стувши, выплакуетъ, и сказалъ: «Сто нузно виноцовать.» Жиды переночевали и увидѣли, что воображаемый волкъ былъ не болѣе, какъ горькій пень. Въ дальнѣйшемъ путешествіи Жиды увидѣли гречиху и не знали, что это такое. Къ счастью мимо проходилъ селянинъ; вотъ Жиды и спрашиваютъ: «Сто гето такое?» — «Море,» отвѣчалъ селянинъ. — «А якъ намъ перейти на другую сторону?» — «Плывите!» Вотъ Жиды сбросили съ себя одежду и стали ползти по гречихѣ. Переплывъ море, они начали считать, не утонуютъ ли кто ни будь. Одинъ Жидъ считалъ, считалъ, и насчиталъ всего только одиннадцать, другой тоже и т. д. Одного Жиды не доставало. Дѣло въ томъ, что всякій считавшій не считалъ себя. Вотъ они привали какаго-то селянина, чтобы онъ пересчиталъ ихъ. Селянинъ исполнилъ желаніе: взявъ хорошую палку, сталъ ихъ «отсчитывать.» Не «отсчиталъ» еще и трехъ, какъ всѣ Жиды закричали: «Всѣ, во!» Послѣ этого дѣла шли цѣлый день, и вечеромъ пришли къ лѣсу. Нужно почевать. Но всякій Жидъ боится ложиться съ краю. Къ счастью проходитъ мимо лѣсникъ. Жиды обратились къ нему съ просьбою развѣстать ихъ такъ, чтобы никого не было съ краю. Лѣсникъ положилъ ихъ вокругъ муравейника и приказалъ имъ не шевелиться, «въ противномъ случаѣ, говорилъ, всѣ погибнете.» — «А якъ же мы разберемъ ноги?» — «Я самъ завтра приду и разберу.» На другой день лѣсникъ пришелъ съ большою палкою, и сталъ разбирать ноги, т. е., какъ ударить Жиды палкою по ногамъ, Жиды и узнаютъ свои ноги. Испытавши всю непріятность своего путешествія, Жиды постиглии домой.

(Передалъ Д. Шамшуръ: Чересь, Двѣ: Узда Вилей Губ.).

Обманъ Цыганкою сельской женщины. Однажды цѣлое семейство Цыганъ, въ поужерствѣ отъ деревни, остановилось ночевать въ одномъ дѣску. Съ наступленіемъ утра Цыганка пошла въ деревню ворожить. Побывала она въ одномъ домѣ, въ другомъ, третьемъ: въ послѣднемъ жилъ довольно зажиточный, бездѣтный хозяинъ. Къ счастью Цыганки, хозяина не было дома, застала она только его жену. Цыганка, вошедши въ домъ, по обыкновенію своему, начала ворожить; а тутъ къ ней хозяйка съ просьбою, поворожить, будутъ ли у нея дѣти? Посмотрѣвши на ея руку и покачавъ головою, Цыганка сказала: «Охъ, моя матко милая, тобѣ гето зробилося отъ мертвеца, якъ ты его цѣловала у руку, будучи еще незамужною.» Хозяйка думала, думала, и ну просить Цыганку помочь ей въ ея горѣ; Цыганкѣ это и на руку. Она и говоритъ хозяйкѣ: «Треба, моя матко, зробиць относь твоего бездѣтства; а для гетого десятокъ яицъ, жареного поросенка, жареную курку, три фунты свининки, треба отнесци и положиць подъ однимъ деревомъ, щобы вовкѣ, или собака, все гето съѣла. Еще, моя матко, дай мѣ три локци полотна, свою сорочку, въ которой вѣнчалась, хвартухъ, ручникъ и булочку шеничнаго хлѣба: гето все я отнесу и повѣшу на деревѣ, надъ криницею, щобы русалки взяли собѣ на сорочки.» Хозяйка исполнила приказаніе. Дѣло этимъ не кончилось. На другой день Цыганка опять идетъ къ хозяйкѣ, которая ожидала ее. Теперь она сдѣлала такого рода предложеніе: велѣла хозяйкѣ влѣзть по поясъ въ мѣшокъ, опоясаться и стать посреди комнаты на колѣняхъ; сама же взяла стаканъ съ водою, насыпала туда соли, вынула изъ своего кармана желтаго песку, взяла золья, перемѣшала все это, насыпала въ обѣ руки и стала шептать что-то надъ водою; пошептавши, она дала воду хозяйкѣ выпить. Давши выпить хозяйкѣ воду, Цыганка отправилась якобы шептать что-то еще на дворъ, строго приказавъ хозяйкѣ не трогаться съ мѣста, сама же между тѣмъ забралась въ амбаръ, набрала, чего хотѣла, и отправилась въ таборъ, который собирался уже въ путь; хозяйка съ пескомъ въ рукахъ, съ яйцомъ на головѣ, по поясъ въ мѣшкѣ и на колѣняхъ, стояла до тѣхъ поръ, пока не пришла сосѣдка къ ней и не указала ея смѣшного положенія.

(Передалъ И. Гомза. Цыринь, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

О Лидскомъ замкѣ. Причиной постройки этого замка, по рассказамъ стариковъ, было слѣдующее обстоятельство: Одинъ изъ Литовскихъ Князей женился на Польской плѣнницѣ, и до того ее любилъ, что, въ память ея, построилъ замокъ и назвалъ по имени ея «Бонаю.»

Выписавъ работниковъ, изъ Нѣмецкой земли, Князь велѣлъ производить постройку. По окончаніи постройки замка Князь отдалъ все свое богатство (войско, пушки) своей любимой женѣ и на всегда велѣлъ ей оставаться въ замкѣ. Самъ онъ вскоромъ времени скончался, а за Княземъ скончались и мастера, строившіе замокъ. Еще передъ смертію онъ приказалъ женѣ своей похоронить его вмѣстѣ съ мастерами въ замкѣ, а въ противномъ случаѣ, говорилъ Князь, ее вѣчно будетъ мучить дьяволъ. Всѣ приказанія своего мужа Княгиня обѣщала исполнить при жизни Князя; но какъ только онъ умеръ, многіе Литовскіе и Польскіе Князья пріѣхали въ замокъ и просили ея руки; Княгиня забыла обѣщаніе мужу; велѣла тѣло его занести за замокъ и похоронить тамъ. Не успѣли Князя занести въ назначенное мѣсто, какъ жена его, Бона, исчезла. По преданію, она провалилась сквозь землю «въ пекло» (въ адъ). Много прошло времени послѣ этого, видѣлъ ее во снѣ одинъ Дьячекъ, у котораго она просила спасти ее, но всѣ его попытки спасти Княгиню не удалось. Говорятъ еще, что она каждый годъ на первый день Пасхи освобождается отъ мученія и выходитъ поплакать на Божій свѣтъ, стережетъ же ее яко бы черная собака. На томъ мѣстѣ, гдѣ похороненъ Князь, выросли, какъ говорятъ, три сосны: одну изъ нихъ кто-то срубилъ, и въ скоромъ времени умеръ; отъ того пошла молва, что нельзя рубить этихъ сосенъ: скоро, молъ, умрешь.

(Сообщилъ В. Генваревъ, Лыда, Вилен. Губ.)

М. Лебедево. Въ Виленской Губерніи, въ Вилейскомъ Уѣздѣ, находится М. Лебедево, расположенное по обѣимъ сторонамъ небольшого ручейка. Объ основаніи его сохранилось между селянами слѣдующее преданіе: На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь М. Лебедево, когда-то, въ незапамятное время, было непроходимое, бездонное, болото, поросшее густымъ кустарникомъ. Какой-то Русскій человекъ, поселившись на сосѣдней горѣ, началъ копать колодезь. Долго трудился онъ надъ своимъ дѣломъ, и никакимъ образомъ не могъ добыть себѣ воды. Наконецъ онъ рѣшился

оставить это мѣсто и начать копать колодезь въ другомъ. Трудъ его, однако, даромъ не пропагъ: на завтешній день утромъ, онъ выходитъ изъ своего дома и, къ немалому удивленію, слышитъ необыкновенный шумъ и трескъ, какъ отъ пушечнаго выстрѣла. Подошедши къ знакомому мѣсту, онъ увидѣлъ, что вода быстро съ трескомъ и шумомъ вырывается изъ земли и бьетъ ключемъ на нѣсколько саженихъ вверхъ. Отсюда съ этихъ поръ потекла рѣчка, которую онъ называлъ Лебедянкою, что яко бы значить не пропавшій трудъ. Удивившись такому необыкновенному явленію, Русскій человѣкъ возвратился домой и оставался жить на прежнемъ мѣстѣ. Къ нему все больше и больше изъ разныхъ мѣстъ сталъ собираться народъ; черезъ нѣсколько времени образова, лось цѣлое селеніе, которое было названо старымъ. Въ этомъ же селеніи, для совершения Богослуженія, была построена и каменная церковь, такъ какъ поселившійся народъ здѣсь былъ все Русскій, Православный. Но вотъ одно страшное обстоятельство заставило жителей переселиться на другое, болѣе удобное, мѣсто. Въ одинъ праздничный день много собралось людей въ церковь къ обѣднѣ, и не извѣстно, по какой причинѣ, во время совершенія литургіи, раздался подземный гулъ и трескъ, въ слѣдствіе чего земля разверзлась, и церковь, со всѣмъ, находящимся въ ней народомъ, въ одно мгновеніе провалилась. Тогда всѣ, оставшіеся въ живыхъ, опасаясь, чтобы и съ ними не случилось тоже, забрали кто что имѣлъ и расположились нѣсколько дальше по обѣимъ сторонамъ рѣчки Лебедянки. Къ нимъ болѣе и болѣе сталъ присоединяться народъ и, съ теченіемъ времени, образовалось цѣлое мѣстечко, извѣстное теперь подъ именемъ Лебедева.

(Сообщ. Л. Зявочъ.)

О сотвореніи міра, шляхты, мужика. Богъ сатваривъ свѣтъ, гето нябо, зямлю, звѣровъ, птушати и все, што только есць на свѣцѣ, апроць людзей. Видзиць Богъ, што все такъ добра, захацѣвъ сатвориць и людзей. Вотъ Іонъ взявъ пшеничной муки, сатваривъ шляхтовъ, и поставивъ ихъ на сонце сущиць, а самъ пашовъ на глиняную гору мужика твариць; а тѣмъ часомъ, аткуль ни прибѣгла «сабака» (самка) и усѣхъ шляхтовъ паѣла. Богъ сатваривъ изъ глины мужика, поставивъ и яго на сонцѣ, кабъ засохъ, а самъ пашовъ глядзѣць, ци ня засохли уже шляхты. Приходзиць Іонъ, ажъ а ни аднаго шляхцица, только стаиць «сабака.» Богъ узнавъ, што шляхтовъ паѣла сабака

Якъ хващиць Богъ сабаку, якъ дасць абъ камень. — выскатиць ад-
винъ шляхциць, и ставъ называцьця: Каминскій; абъ асину —
Асинскій; абъ ольху — Альховскій, абъ дубъ — Дубовскій, абъ бе-
резу — Березовскій, абъ сасну — Сасновскій и проч.

(М. Шампура и Чересы, Дисн. Уѣзда, Вилен. Губ.)

Юл. Крачковскій.

1-го Октября, 1872 года.
Полоцкъ.

ПО ПОВОДУ ЛЮБЕЦКАГО СИНОДИКА.

Любецкій Синодикъ, напечатанный Г. Милорадовичемъ въ приложеніяхъ къ его изслѣдованію о городѣ Любечѣ, помѣщенному во второй книгѣ Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ за 1871. годъ, вѣроятно, обратилъ на себя вниманіе всѣхъ людей, дѣйствительно интересующихся древней исторіей Россіи. Онъ сообщаетъ намъ множество самыхъ неожиданныхъ и любопытныхъ свѣдѣній касательно родословной Черниговскихъ Ольговичей XII и XIV столѣтій, и даетъ возможность изложить исторію этого племени, по крайней мѣрѣ, чѣмъ это дѣлалось доселѣ. Къ сожалѣнію, памятникъ этотъ, подобно всѣмъ Синодикамъ, мѣстами очень теменъ, а примѣчанія покойнаго Филарета, Архіепископа Черниговскаго, приложенныя къ нему издателемъ, не всегда помогаютъ дѣлу. Многіе Князья объяснены совершенно вѣрно, но есть и ошибки, а главное, значительная часть именъ осталась вовсе не объясненными. Въ виду этого мы рѣшились разобрать выше упомянутый Синодикъ возможно подробнѣе, пользуясь всѣми извѣстіями, которыя даетъ намъ лѣтопись. Полагая, что всякія дальнѣйшія оговорки были бы совершенно излишни, приступаемъ прямо къ дѣлу.

Первые Князья не возбуждаютъ никакихъ сомнѣній. Это: Мстиславъ Володимеричъ Черниговскій † 1036, и сынъ его, Евстаѣій † 1033, Великій Князь Святославъ II Ярославичъ † 1076, и дѣти его, Глѣбъ Новгородскій † 1079 и Давыдъ съ Олѣгомъ Черниговскіе † 1123, † 1115, Владимиръ Давыдовичъ Черниговскій † 1151, сынъ его, Святославъ Вщижскій † 1166, и братъ Никола Святоша, Великій Князь Игорь II Ольговичъ † 1147, Святославъ Ольговичъ Черниговскій † 1164, Олегъ и Игорь Святославичи Черниговскіе † 1179, † 1202, Ярославъ Всеволодовичъ Черниговскій, внукъ Ольговъ, † 1196, и племянникъ его, Великій Князь Всеволодъ Святославичъ Черный † 1215. Новаго узнаемъ

Христіанскія имена Князей и ихъ женъ, изъ которыхъ многія не извѣстны по другимъ источникамъ. Замѣтимъ одно обстоятельство: со Святославомъ вторымъ поминается его жена, Княгиня Киликія. По Нѣмецкимъ извѣстіямъ этотъ Князь и одинъ изъ его братьевъ были женаты на Нункахъ, Оду и Кунигундѣ. Женой Святослава считаютъ обыкновенно Оду, но имена Киликія и Кинека (Русская форма Кунигунды) такъ сходны, что слѣдовало бы пересмотрѣть этотъ вопросъ.

Далѣе поминается Великій Князь Константинъ Ольговичъ Черниговскій и сыны его, Давидъ, Глебъ и Александръ. Это кто такіе? Архіепископъ Филаретъ полагаетъ, что Константинъ Ольговичъ есть одно лицо со Святославомъ Ольговичемъ. Но Святославъ уже помянутъ, при томъ съ Христіанскими именами Вориса, а не Константина, и съ сыновей съ такими именами у него, сколько извѣстно, не было. Нѣтъ, этотъ Константинъ долженъ быть отнесенъ къ князьямъ Черниговскимъ татарскаго времени, которые почти вовсе не извѣстны по летописямъ. Нижеслѣдующее постараемся опредѣлить, чей онъ былъ сынъ.

Слѣдуетъ Глебъ Святославичъ Черниговскій, братъ и преемникъ Чернаго, Великій Князь Михайлъ Всеволодовичъ, убитый въ Орду въ 1246 году, и Мстиславъ Святославичъ Черниговскій, преемникъ Глеба, убитый въ 1224 году на Калкѣ. А въ сходныхъ Синодикахъ, Елецкомъ и Сѣверскомъ, поминаются, кромѣ того, Дмитрій, Андрей, Иванъ и Гавріилъ Мстиславичи.

Архіепископъ Филаретъ, у котораго мы заимствуемъ это послѣднее показаніе, къ сожалѣнію, не говоритъ, на какомъ мѣстѣ помянуты четыре Мстиславича, не посредственно ли за Мстиславомъ Каледскимъ, или какъ ни будь иначе. Мы склонны считать ихъ дѣтьми другого Мстислава—Мстислава Глебовича. Дѣло воу въ чемъ. Извѣстно, что во время Батыева нашествія Черниговомъ владѣлъ Мстиславъ Глебовичъ, двоюродный братъ Св. Михаила. Въ летописяхъ сказано, что въ 1245 году убитъ Татарами Князь Андрей Мстиславичъ, вѣроятно тотъ же, что помянутъ въ Синодикѣ. Современный писатель, Плато Карпини, говоритъ, что около этого же времени казненъ Ханомъ Князь Андрей Черниговскій. Его молодой братъ побѣжалъ въ Орду просить, чтобы за нимъ утвердили братній удѣлъ: Ханъ согласился, но при этомъ принудилъ его вступить, по Татарскому обычаю, въ бракъ со вдовой

казненнаго, которая сопутствовала князичу въ его побѣдѣ Пляно-Карпини, дворянъ объ этомъ князѣ, называетъ его риситъ то есть, мальчикъ. Значить, въ это время онъ былъ еще очень молодъ. Но Мстиславъ Калецкій убитъ въ 1224 году, такъ что его сыну въ 1275 было бы ни какъ не менѣе 22 лѣтъ, и Пляно-Карпиновскій эпитетъ не совсѣмъ бы къ нему подошелъ. И такъ Андрея и его братьевъ скорѣе можно считать за сыновей Глѣбовича. Правда, можетъ показаться страннымъ, что столь молодые Князья наследовали Черниговъ мимо старшихъ, но дѣло въ томъ, что Пляно-Карпиновское выраженіе ни какъ нельзя принимать въ буквальный смыслъ. По нашимъ лѣтописямъ въ Черниговѣ княжилъ въ это время не Андрей, а Михаилъ Черниговскій.

Есть и другое основаніе считать выше упомянутого Андрея Глѣбовичемъ внукомъ Мстиславъ Калецкій носитъ въ лѣтописи прозвище «Козельскаго,» знакъ, что онъ княжилъ въ этомъ городѣ до перехода въ Черниговъ. Известно, что у него былъ сынъ, убитый съ отцомъ. Татищевъ называетъ его Василькомъ. Во время взятія Козельска Батыемъ тамъ княжилъ малолѣтній Князь Василій. Такой относительно важный городъ, какъ Козельскъ, могъ достаться малѣтнему только въ качествѣ отчины Мстиславичей, и только въ томъ случаѣ, если этотъ Василій былъ единственнымъ, или, по крайней мѣрѣ, старшимъ потомкомъ (внукомъ) Мстислава Святославича.

За тѣмъ поминается Владимиръ Борисъ Святославичъ, старшій братъ Чернаго. Архіепископа Филаретъ сближаетъ его съ Владимиромъ Черниговскимъ умершимъ, по лѣтописи, въ 1201 году; впрочемъ, сомнѣвается, чтобы этотъ Князь дѣйствительно владелъ Черниговомъ. Разумѣется, нѣтъ; ибо въ 1201 году еще былъ живъ его дядя, Игорь Святославичъ Черниговскій. Въ Воскресенской и нѣкоторыхъ другихъ позднихъ лѣтописяхъ Князь Владимиръ, умершій въ 1201 году, названъ Всеволодовичемъ, что и подало нѣкоторымъ поводъ считать его младшимъ братомъ Святослава и Ярослава Черниговскихъ. Но не вбродяно, чтобы лѣтописцы не упомянули ранѣе о столь родовитомъ и уже не молодомъ Князѣ. Дѣло объясняетъ Татищевъ. По его словамъ, въ 1201 году скончался Владимиръ Давыдовичъ, внукъ Олега и правнукъ Святослава Всеволодовича и, судя по времени, еще малолѣтній. Позднѣйшіе переписчики прочитали, вмѣсто полуизгладившагося отчества Давыдовичъ.

Всеволодовичъ, чѣмъ и объясняется ихъ ошибка. Годъ же смерти Владимира Святославича остается не извѣстнымъ.

Слѣдуетъ Святославъ Ольговичъ Рылъскій, внукъ Святослава Ольговича Старшаго, Ярополкъ Ярославичъ Новгородскій Всеволодовича, Владимиръ Игоревичъ Святославича, Сѣверскій и Галицкій, Великій Князь Святославъ Всеволодовичъ Ольговича Кіевскій, и сынъ его, Борисъ, уже помянутый выше, Мстиславъ Глѣбовичъ Черниговскій, о которомъ уже сказано, Филиппъ Володимеричъ, по вѣроятной догадкѣ Архіепископа Филарета, одно лицо съ Изяславомъ Володимеричемъ Игоревича, и наконецъ Лаврентій Всеволодъ Ярополковичъ Черниговскій.

Послѣдняя личность была до сихъ поръ совершенно не извѣстна. Въ Волынской лѣтописи говорится, что въ 1261 году Князь Вадимъ Волынкій отдалъ свою дочь за Князя Андрея Всеволодовича въ Черниговъ. Этого Андрея историки считали владѣльщикомъ Княземъ Черниговскимъ, а нѣкоторые изъ нихъ — братомъ Св. Михаила, что не совѣмъ вѣроятно, судя по времени. Синодикъ показываетъ намъ, что въ 1261 году въ Черниговѣ нѣмалъ отецъ Андрея, Всеволодъ Ярополковичъ, очевидно, сынъ Ярополка Ярославича (см. выше). Правъ на старѣйшинство онъ не имѣлъ никакихъ, но въ это время все зависѣло отъ Ханской милости, и законные наследники, дѣти Св. Михаила, находились подъ опалой.

Далѣе упоминаются: Семень Всеволодъ и сынъ его, Святославъ, убитый отъ Литвы. Всеволодъ этотъ вѣроятно Всеволодъ Володимеричъ Игоревича, о которомъ лѣтопись упоминаетъ въ началѣ XIII вѣка, вмѣстѣ съ его старшимъ братомъ, Изяславомъ (см. выше). Кажется, что всѣ эти личности принадлежать къ числу тѣхъ загадочныхъ Князей Болоховскихъ, о которыхъ часто говоритъ Волынская лѣтопись и исторія которыхъ такъ темна. По лѣтописи извѣстно только, что они появились не ранѣе начала XIII вѣка, имѣли удѣлы въ восточной части Волынской Губерніи, держались Ольговичей и постоянно старались вредить Королю Данилу, за что наконецъ и поплатились лишеніемъ удѣловъ. Костомаровъ недавно высказалъ мнѣніе, что эти Болоховскіе были не Рюриковичи, а потомки древнѣйшихъ и исконныхъ Князей Подольской земли. Не можемъ съ этимъ согласиться. Во первыхъ, если это племя владѣло Подоломъ съ незапамятныхъ временъ, то странно, что лѣтопись вовсе молчитъ о немъ до самаго XIII вѣка; во

вторыхъ, не менѣе трудно было бы допустить, что столь слабыя владѣтели были давнымъ давно обобраны гордыми и могущественными Рюриковичами, считавшими себя единственнымъ княжескимъ племенемъ въ Русской землѣ. Вѣдь и у Вятичей были туземные Князья еще въ XI столѣтіи, до что съ ними сталося, про оль завоеванія? Выраженіе «особные Князья», на которое ссылается Г. Костомаровъ, ни сколько не доказываетъ, чтобы Болоховскіе были особеннымъ племенемъ отъ Рюриковичей; при томъ изъ той же лѣтописи видно, что Великіе Князья Изяславъ и Михаилъ открыто называли Болоховскихъ своими братьями. Да и какая надобность въ столь мадифроитномъ предположеніи? Развѣ родословіе Рюриковичей XII и XIII вѣковъ извѣстно намъ съ такой подробностью, что, кромѣ Князей, поменованныхъ въ лѣтописи, нельзя допустить никакихъ другихъ? Не думаемъ. Въ слѣдствіе всего этого мы соглашаемся съ прежними изслѣдователями и считаемъ вѣроятнымъ, что Князья Болоховскіе были сыновья Игоревичей Галицкихъ, только помѣщаемъ ихъ не на Подолѣ, а въ западной части Киевской земли. Удѣлы свои они получили, вѣроятно, отъ Всеволода Чернцаго, бывшаго Великимъ Княземъ во время избіенія Игоревичей. Понятно, что онъ помѣстилъ своихъ родственниковъ именно въ западной части Русской земли, по сосѣдству съ Галичемъ, на который они имѣли притязаніе. Въ опредѣленіи мѣстожительства Болоховскихъ мы слѣдуемъ и Дашкевичу, который, въ своемъ изслѣдованіи о Королѣ Данилѣ Галицкомъ, привелъ новыя и вѣскія соображенія касательно этого предмета. Самымъ сильнымъ владѣтелемъ изъ Болоховскихъ былъ, кажется, Изяславъ Каменецкій. Исторія его темна; ибо лѣтописи этого времени говорятъ о двухъ Изяславахъ, и не всегда различаютъ ихъ отчествами: Изяславъ Игоревичъ являетя, какъ мы уже говорили, въ началѣ XIII столѣтія, какъ сынъ Владимира; за тѣмъ, въ 80 годахъ, начинается дѣйствовать другой Изяславъ. Съ помощію Михаила Черниговскаго онъ согналъ съ Киева Великаго Князя Владимира Рюриковича, и занялъ его мѣсто, но скоро долженъ былъ уступить Киевъ Михаилу. Нѣкоторые изслѣдователи считали, что этотъ Великій Князь Изяславъ есть тотъ же Изяславъ Володимиричъ. Но лѣтописи или молчатъ объ его отчествѣ, или называютъ его Мстиславичемъ, или при томъ сыномъ Великаго Князя Мстислава Романовича, что имѣетъ совершенно правдоподобный видъ. Если же, напротивъ того, принять первое родословіе, то останется совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ Изяславъ Володи-

мерить, отецъ котораго никогда не сидѣлъ въ Кіевѣ, могъ занять Великое Княженіе при жизни его старшаго четвертороднаго брата, Михаила Всеволодовича, и при томъ съ согласіемъ Москальскаго. Послѣ изгнанія Изяслава Мстиславича изъ Кіева лѣтописи перестаютъ объ немъ упоминать. Около времени Батыева нашествія является, по Волынской лѣтописи, другой Изяславъ, Князь Каменца (по мнѣнію Г. Дашковича находился тоже въ восточной части Волынской Губерніи), думаемъ, одно лицо съ Изяславомъ Володимеричемъ. Подъ 1255 годомъ объ немъ сообщается слѣдующее любопытное извѣстіе. Взявъ вспомогательное войско у Татаръ (извѣстно, что Болоховскіе были въ особенной дружбѣ съ Татарами), онъ овладѣлъ Галичемъ, въ отсутствіе Короля Даниила. Но предпріятіе это кончилось худо: онъ былъ осажденъ Королемъ и принужденъ сдать. Что съ нимъ сдѣлалось потомъ, не извѣстно. Любопытно, что Волынская лѣтопись упоминаетъ о кавказъ-то Федорѣ, сподвижникѣ Изяслава, которому удалось уйти съ небольшою отрядомъ. Этотъ Федоръ едва ли не Федоръ Святославъ, сынъ Всеволода и родной племянникъ Изяслава. Такимъ образомъ весь этотъ рассказъ клонится въ пользу нашего объясненія.

Слѣдуетъ Романъ Старый, Великій Князь Черниговскій (Синдикъ, должно замѣтить, отличаетъ этимъ титуломъ всѣхъ Князей, владѣвшихъ самимъ городомъ Черниговомъ: онъ вѣренъ только для протатарскаго времени) и сынъ его, Великій Князь Олегъ Леонтіевъ Романовичъ, въ иночествѣ Василій, составившій болѣе 12 томъ людей и принявшій Ангельскій образъ. Любопытный матеріалъ для опредѣленія населенности южной Руси послѣ Батыя.

Романъ Михайловичъ, сынъ Св. Михаила и его сынъ, Олегъ, часто упоминаются въ Волынской лѣтописи; но только какъ Князья Брянскіе. Изъ Синдика видно, что послѣ Всеволода Ярополковича Романъ получилъ наконецъ старшинство. По извѣстію родословныхъ книгъ, онъ убитъ въ Орлѣ. Вѣроятно Олегъ не былъ его непосредственнымъ преемникомъ; ибо ниже упоминается о Великомъ Князѣ Михаилѣ Дмитриевичѣ, котораго всего легче помѣстить между Романомъ и Олегомъ. Олегъ же Романовичъ притченъ къ Святымъ, и мощи его находятся въ Брянскѣ подъ спудомъ. Въ полныхъ Святцахъ объ немъ сказано только то, что онъ погребенъ въ Брянскѣ и скончался тамъ же, въ самомъ концѣ XIII вѣка. Житія его не существуетъ.

Теперь, думаемъ, не трудно будетъ опредѣлить, кто былъ

этотъ загадочный Князь, Константинъ Ольговичъ Черниговскій, помянутый выше. Очевидно, ему не кѣмъ быть, кромѣ сына Олега Романовича. Княженіе его приходится въ началѣ XIV вѣка, и было, должно быть, продолжительное; ибо нижемы увидимъ, что онъ пережилъ всѣхъ сыновей и имѣлъ преемникомъ внука Михаила Александровича. При этомъ Князь Брянскъ отложился отъ Ольговичей и сталъ брать себѣ Князей изъ сосѣдняго Смоленскаго племени. Причина понятна: Брянчанамъ надоѣло зависѣть отъ разореннаго Чернигова и видѣть, какъ ихъ Князья при первомъ случаѣ перебѣгаютъ на это княженіе.

За тѣмъ идутъ Князья: Борисъ, Давыдъ, Андрей и Дмитрій Святославъ Володимеричи, Антоній Глѣбовичъ, Константиій Михайловичъ, Акинъ: Романъ Черноризецъ и Иванъ Дмитрій, убитый отъ Татаръ, Великій Князь Михаилъ Дмитриевичъ Черниговскій и Ѳедоръ Дмитриевичъ.

Архіепископа Филаретъ считаетъ Володимеричей сыновьями Владимира Давыдовича. По лѣтописи у него извѣстенъ только сынъ Святославъ, уже помянутый выше. Думаемъ, что здѣсь скорѣе идетъ рѣчь о Князьяхъ Болоховскихъ, младшихъ братьяхъ Изяслава и Всеволода Володимеричей. Изъ Волынской лѣтописи видно, что Болоховскихъ было много. Впрочемъ, дѣло темное: Антоній Глѣбовичъ—сынъ Глѣба Святославича, а Константиій, можетъ быть, сынъ Св. Михаила; о слѣдующихъ же не возможна и догадка. Дмитрій есть, кажется, одно лицо съ Дмитріемъ Мстиславичемъ (см. выше). Убитъ онъ, вѣроятно, во время Батыева нашествія. Княженіе его сына, Михаила, должно приходиться между Романомъ и Олегомъ послѣ второй опалы на Михайловичей. Ѳедоръ — его братъ.

За тѣмъ помянутся: Василій Козельскій, убитый отъ Татаръ, о которомъ уже сказано, и Андрей Волынскій, вѣроятно, Андрей Всеволодовичъ, зять Василька. Прозвище Волынскій указываетъ, что, по смерти отца, онъ переѣхалъ на Волынь, къ женинымъ родственникамъ. Далѣе слѣдуютъ: Великій Князь, Михаилъ Александровичъ Черниговскій, сынъ его Великій Князь Романъ, убитый въ Смоленскѣ отъ Князя Юрія, и Семень Романовичъ. Михаилъ есть внукъ Константина Ольговича. Онъ, кажется, былъ современникомъ Литовскаго нашествія и вѣроятно призналъ верховную власть Гедимина. Романъ по лѣтописи упоминается въ концѣ XIV столѣтія, какъ Князь Брянскій; но что ранѣе онъ владѣлъ Черниговомъ, видно изъ того, что Витовтъ, въ письмѣ къ Великому

Князю Василю II, прямо называется его Великимъ Княземъ Черниговскимъ. Вѣроятно, онъ былъ переведенъ въ Брискъ Ольгердомъ, которому не хотѣлось оставлять пограничный Черниговъ въ рукахъ чужого племени. Въ послѣдствіи Романъ былъ Намѣстникомъ Витовта въ новопокоренномъ Смоленскѣ, и погибъ при взятіи этого города законнымъ владѣтелемъ, Юріемъ Святославичемъ, въ 1401 году. О смерти его есть странная замѣтка въ Супрасльской лѣтописи: «а Князя Романа убиша, кнѣжку бо съ хлѣбомъ ѣлъ». Такимъ образомъ онъ погибъ за введеніе въ Смоленскъ поганскихъ обычаевъ и за оскорбленіе хлѣба. Этой трагикомической замѣткой оканчивается исторія Великихъ Ольговичей Черниговскихъ. Дальнѣйшіе Князья Чернигова были изъ другихъ племенъ. Послѣ Романа тамъ княжилъ Дмитрій Ольгердовичъ, не оставившій потомковъ. Во второй половинѣ XV столѣтія и въ первой XVI-го этимъ городомъ владѣли Московскіе Бѣглецы, Иванъ Андреевичъ Можайскій, сынъ его Семень и внукъ Василій; впрочемъ, они княжили собственно въ Стародубѣ. По смерти послѣдняго весь его удѣлъ былъ присоединенъ къ Москвѣ. Сынъ Романа, Семень, былъ отпущенъ живымъ изъ Смоленска. Что съ нимъ потомъ случилось, не извѣстно; потомковъ у него не видать. Была еще боковая вѣтвь Романовичей, Князья Осовецкіе, шедшіе отъ Михаила, старшаго брата Олега Романовича. Они не извѣстны даже по именамъ, и должно быть рано прекратились.

Слѣдуютъ: Князь Георгій Курскій и сынъ его, Георгій, Федоръ Мстиславъ Новгородскій (Сѣверскій), Константинъ Давыдовичъ Новгородскій и сынъ его, Тимоѣй. Георгій вѣроятно сынъ Олега Курскаго, внукъ Игоря Георгія Святославича, приходится въ концѣ XIII вѣка. О рожденіи Мстислава Федора Давыдовича упомянуто въ лѣтописи подъ 1193 годомъ, только не извѣстно, объ нашемъ ли идетъ рѣчь, или о сынѣ Давыда Смоленскаго. Константинъ Давыдовичъ почти несомнѣнно сынъ Давыда Ольговича. Извѣстіе это пополняетъ нѣсколько исторію Сѣверскаго Новгорода, вообще довольно неясную. Въ этомъ городѣ первоначально княжили потомки Святослава Ольговича. Послѣ того какъ Владимиръ Игоревичъ Сѣверскій и его братья овладѣли Галичемъ, Новгородъ былъ, кажется, уступленъ ими Черниговскимъ за оказанную помощь. Заключаемъ это изъ того, что Владимиръ, по изгнаніи изъ Галича, вернулся не въ Новгородъ, а въ Путивль, да и Князья Мстиславъ и Константинъ были изъ другого племени.

Дальнѣйшее преемство Свѣрскихъ можно опредѣлить только приблизительно, имѣя въ виду, что этотъ городъ всегда долженъ былъ доставаться Князю, занимавшему второе мѣсто по старшинству. Такимъ образомъ послѣ Владимира Игоревича въ немъ должны были сидѣть: Глѣбъ и Мстиславъ Святославичи, Давыдъ Ольговичъ (внукъ Святослава), Михаилъ Всеволодовичъ Черниаго, Мстиславъ Глѣбовичъ, и наконецъ Мстиславъ и Константинъ Давыдовичи. Такъ выходитъ по родовому счету.

Иванъ Романовичъ Путивльскій, Константинъ Романовичъ, Михаилъ Романовичъ, убитый отъ Литвы. Соглашаемся съ Архiepископомъ Филаретомъ, что это дѣти Романа Игоревича, повѣшеннаго въ Галичѣ. Старшій городъ Путивль достался имъ, думаемъ, по тому, что дѣти старшаго Игоревича Владимира держались, какъ мы видѣли, въ Бохоловской землѣ.

Александръ Василій Черноризецъ, Михаилъ Глуховскій и сынъ его Семень, Михаилъ Глуховскій, отецъ Семена, долженъ быть сынъ Семена Глуховскаго, сына Св. Михаила, известнаго по родословнымъ. Александръ и Василій, можетъ быть, его братья.

За тѣмъ Александръ Новосильскій, убитый отъ Татаръ за Православную Вѣру, Семень Александровичъ, Михаилъ Всеволодовичъ, Сергѣй Александровичъ. А въ Елецкомъ Синодикѣ, кромѣ того, Всеволодъ Устинскій. Александръ Новосильскій убитъ, по лѣтописи, въ одинъ и тотъ же день съ Великимъ Княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ, въ 1325 году. Семень и Сергѣй—его дѣти. Можетъ быть, его же сынъ и Всеволодъ, отецъ Михаила. Любопытно было бы знать, гдѣ находился Устинскій городокъ. Это извѣстіе даетъ возможность исправить родословіе Новосильскихъ и Одоевскихъ, вовсе искаженное въ родословныхъ книгахъ. По словамъ послѣднихъ, Новосильскіе происходили отъ Семена Михайловича Глуховскаго, у котораго былъ сынъ Романъ Семеновичъ Новосильскій и Одоевскій. Явная нелѣпость; ибо этотъ Князь по лѣтописямъ жилъ уже въ концѣ XIV вѣка. Синодикъ показываетъ намъ, что Романъ былъ сынъ Семена, внукъ Александра Новосильскаго, казненнаго въ 1325 году. А этотъ Александръ чей былъ, сынъ? Думаемъ, младшій сынъ Семена Глуховскаго: во всякомъ случаѣ изъ его племени.

Дмитрій Курскій и сынъ его, Василій, убитый отъ Татаръ, Княгиня Всеволожская Анастасія, и сынъ ея, Всеволодъ, Князь

Корикова(скаго?), Дмитрій, долженъ быть изъ племени Олега Курскаго; Анастасія можетъ быть жена Всеволода Устинскаго. Городъ Кориковъ намъ не извѣстенъ. За тѣмъ помнается Дмитрій Новгородскій, можетъ быть сынъ Мстислава. Это послѣдній Сѣверскій Князь изъ Ольговичей, о которомъ имѣются извѣстiя.

Слѣдуетъ Князь Иванъ Путивльскій «страстотерпецъ и чудотворецъ, убиенный отъ Татаръ за Христiанъ.» Лицо, видно, очень извѣстное въ свое время; нынѣ же объ немъ, кажется, исцезла всякая память. Вѣроятно сынъ Ивана Романовича. Въ Сѣверокомъ Синодикѣ послѣ него помнается Иванъ Владимиръ Ивановичъ Кіевскій, Андрей Вруцкій и сынъ его, Василій, убиенный въ Путивлѣ.

Вотъ яркій лучъ, кинутый нашимъ драгоценнымъ памятникомъ въ непроглядную тьму исторiи Кіева послѣ Батыева нашествiя. И такъ послѣдніе Князья Кіевскіе были изъ Ольговичей? Значить, этому племени таки удалось наконецъ оттѣснить Мономаховичей и упрочить за собой старѣйшій городъ Русской земли? Да, но въ какомъ видѣ онъ имъ достался!

Прежде чѣмъ приступить къ объясненію этого мѣста, надо изложить тѣ скудныя извѣстiя о потатарской порѣ Кіева, которыя даютъ намъ лѣтописи. Изъ нихъ мы узнаемъ, что, послѣ Батыя, въ Кіевѣ княжилъ Св. Михаилъ, убитый въ 1246 году. За тѣмъ, подъ 1246 годомъ, Волынская лѣтопись говоритъ, что этимъ городомъ владѣлъ Князь Ярославъ Суздальскій, управлявшій имъ черезъ своего Боярина, Дмитра Ейковича (едва ли не тотъ самый Дмитръ, который защищалъ Кіевъ отъ Батыя). Михаилъ Черниговскій, по словамъ Никоновской лѣтописи, вскорѣ послѣ Татарскаго нашествiя оставилъ разоренный Кіевъ и перешелъ въ свой наследственный удѣлъ. Умирая Ярославъ завѣщалъ Кіевъ старшему сыну, Александру Невскому, но тотъ не поѣхалъ на Югъ и дождался, вмѣсто того, Сѣвернаго Великаго Княженія. Кіевъ, однако, оставался за нимъ и за его братомъ и преемникомъ, Ярославомъ (см. Густынскую лѣтопись). Вскорѣ послѣ смерти послѣдняго въ Суздальской землѣ началась великая усобица, и въ то же время Орда распалась на двѣ половины: Южная признавала власть Хана Нагая, и вотъ, вѣроятно, къ нему-то обратились Кіевляне, прося, чтобъ имъ дали наконецъ особеннаго Князя. Думаемъ; что Княземъ этимъ былъ именно Владимиръ Ивановичъ Кіевскій, упомянутый въ Синодикѣ. Его отчество, то обстоятельство

ство, что онъ помянутъ непосредственно за Иваномъ Путыльскимъ, и что рядомъ съ нимъ упоминается Василій Путыльскій, почти не оставляютъ сомнѣнiя, что и Владимиръ былъ изъ того же племени; только затруднительно опредѣлить, былъ ли онъ сыномъ, или братомъ, Ивана-Страстотерца. Во всякомъ случаѣ княженіе его приходится на вторую половину XIII вѣка. Андрей Вручскій былъ его братомъ, или, во всякомъ случаѣ, родственникомъ, получившимъ въ удѣлъ Овручь, а сынъ его, Василій, вернулся въ наслѣдственный Путыль, и погибъ тамъ; послѣ чего о Князяхъ Путыльскихъ не упоминается, и самъ городъ былъ, вѣроятно, сожженъ. За тѣмъ, подъ 1331 годомъ, говорится въ лѣтописяхъ о Князѣ Федорѣ Киевскомъ. Этого Федора многіе считали Намѣстникомъ Гедимина, такъ какъ, по позднѣйшимъ Литовско-Русскимъ лѣтописямъ, Киевъ былъ въ это время уже покоренъ Литвой. Но несостоятельность этихъ памятниковъ въ лѣтосчительномъ отношеніи давно уже показана изслѣдователями, да и рассказъ Сѣверныхъ лѣтописей такъ ясенъ и отчетливъ, что не оставляетъ никакого мѣста для сомнѣнiя. Дѣло происходило такъ: Новгородскій Епископъ ѣздилъ посвящаться къ Митрополиту, бывшему тогда на Волыни. Ѣхалъ онъ черезъ Литву; но когда ему пришлось отправляться въ обратный путь, пронесся слухъ, что Гедиминъ объявилъ войну Новгороду. По тому Новгородцы сочли вѣрнѣе ѣхать черезъ Киевскую землю. Когда они были около Киева, напалъ на нихъ разбойническимъ образомъ Князь Киевскій Федоръ, въ сопровожденіи Татарскаго Баскака. Новгородцы были во время предупреждены и успѣли наготовиться къ бою, такъ что Князь вернулся ни съ чѣмъ. Изъ этого рассказа мы можемъ извлечь нѣсколько любопытныхъ данныхъ для исторіи Киева въ первой половинѣ XIV вѣка. Во первыхъ, очевидно, что Киевъ еще не былъ подчиненъ Литвѣ. Во вторыхъ, средства тогдашняго Киевскаго Князя были такъ малы, что онъ не могъ одолѣть даже проезжихъ Новгородцевъ. Въ третьихъ, Баскаки, уже не имѣвшіе постоянного жительства въ сѣверныхъ городахъ, еще сидѣли въ Киевѣ; значитъ, зависимость этого города отъ Татаръ была самая полная. Этимъ объясняется и одичаніе нравовъ, сказавшееся въ поступкѣ Князя Федора.

Вскорѣ послѣ этого событія Киевъ былъ дѣйствительно взятъ Гедиминомъ. По словамъ Литовскихъ сказанiй, тамъ княжили въ это время Князь Станиславъ. Онъ сразился съ Гедиминомъ на

рѣдѣ Дирцени, при чемъ ему помогали Татары, но былъ разбитъ и изгнанъ; а братъ его, Олегъ Переяславскій, погибъ въ бою. Весьма возможно, что Станиславъ и Федоръ одно и то же лицо. То, что братъ послѣднѣго Кіевскаго Князя называется Олегомъ, даетъ поводъ заключить, что и эти Князя были Ольговичи и, по всему вѣроятію, потомки Владимира Ивановича. Извѣстно, что Мономаховичи гнушались этимъ вражьимъ именемъ, такъ что во всемъ ихъ племени буквально не было ни одного Олега.

Остальные Князя, поминаемые въ Синодикѣ, представляютъ мало любопытнаго, принадлежать къ болѣе позднему времени и почти всѣ извѣстны по лѣтописямъ и родословнымъ. По тому мы и не будемъ объ нихъ говорить, а вмѣсто того, считаемъ не лишнимъ представить, въ заключеніе нашего труда, по возможности полный и достовѣрный списокъ Князей Черниговскихъ отъ Мстислава, сына Св. Владимира, и до конца четырнадцатаго вѣка. Вотъ они:

1. Мстиславъ I Константинъ Володимеричъ, овладѣлъ Черниговомъ въ 1024 году, † 1036; Черниговъ былъ присоединенъ къ Велдкому Княженію.

2. Святославъ I Никола Ярославичъ, получилъ Черниговъ, по завѣщанію отца, въ 1055 году, въ 1073 прогналъ изъ Кіева старшаго брата, Изяслава, и занялъ его мѣсто.

3. Всеволодъ I Андрей Ярославичъ, замѣстилъ брата въ Черниговѣ, въ 1076 перешелъ на Великое Княженіе.

4. Борисъ Вячеславичъ, племянникъ предыдущаго; по уходѣ Всеволода овладѣлъ Черниговомъ, но черезъ нѣсколько дней былъ изгнанъ Владимиромъ Всеволодовичемъ, который, кажется, и занялъ его мѣсто. Вскорѣ Всеволодъ уступилъ Кіевъ Изяславу и вернулся въ Черниговъ. Въ 1078 году его изгнали Борисъ и Олегъ Святославичи. За тѣмъ произошла битва на Нѣвжатиной нивѣ, въ которой были убиты Великій Князь Изяславъ и Борисъ, а Олегъ долженъ былъ сѣсть. Всеволодъ вторично перешелъ въ Кіевъ.

5. Владимиръ I Василій Всеволодовичъ Мономахъ, въ 1094 году изгнанъ Олегомъ.

6. Олегъ I Михаилъ Святославичъ, въ 1097 году, по рѣшенію Князей, уступилъ Черниговъ старшему брату.

7. Давыдъ Святославичъ, † 1123.

8. Ярославъ I Константинъ? Святославичъ, въ 1126 году изгнанъ племянникомъ.

9. Всеволодъ II Ольговичъ, въ 1139 году овладѣлъ Кіевомъ, а Черниговъ передалъ двоюродному брату.

10. Владимиръ II Давыдовичъ, раздѣлялъ власть съ братомъ Изяславомъ, а въ 1151 году убитъ въ сраженіи.

11. Изяславъ Давыдовичъ, наслѣдовалъ брату, въ 1155 году занялъ Великое Княженіе, передавъ Черниговъ Святославу Ольговичу, скоро опять вернулся, и въ 1157 году снова занялъ Кіевъ.

12. Святославъ II Борисъ Ольговичъ, двоюродный братъ Изяслава, † 1164.

13. Олегъ II Θεодосій Святославичъ, наслѣдовалъ отцу, но скоро долженъ былъ уступить Черниговъ двоюродному брату.

14. Святославъ III Всеволодовичъ, въ 1173 году занялъ Кіевъ, но не могъ его удержать, въ 1176 снова овладѣлъ имъ, въ 1179 году опять изгнанъ, а въ 1180 окончательно утвердился на Великомъ Княженіи. Въ промежуткахъ княжилъ въ Черниговѣ, надо полагать, Олегъ Святославичъ, умершій въ 1180 году, послѣ мира.

15. Ярославъ II Всеволодовичъ, † 1198.

16. Игорь Георгій Святославичъ Ольговича, † 1202.

17. Олегъ III Святославичъ Всеволодовича, † 1204.

18. Всеволодъ III Данилъ Святославичъ Чермный, наслѣдовалъ брату, въ 1206 сѣлъ въ Кіевѣ, въ томъ же году изгнанъ, въ 1207 снова взялъ и снова изгнанъ, въ 1210 окончательно утвердился въ Кіевѣ, отдавъ Черниговъ своему сопернику, Рюрику.

19. Рюрикъ Ростиславичъ, внукъ Мстислава, правнукъ Мономаха, † 1212 года.

20. Глѣбъ Святославичъ, братъ Чермного, замѣщалъ, надо полагать, своего брата въ Черниговѣ, а потомъ наслѣдовалъ Рюрику. Въ 1214 году Чермный, изгнанный изъ Кіева, прибѣжалъ на родину и скоро умеръ. Годъ смерти Глѣба не извѣстенъ.

21. Мстиславъ II Пантелеймонъ Святославичъ, убитъ на Калкѣ, въ 1224 году.

22. Олегъ IV Игоревичъ, овладѣлъ Черниговомъ, но скоро былъ изгнанъ.

23. Михаилъ I Всеволодовичъ, около 1237 года перешелъ въ Кіевъ.

24. Мстиславъ III Феодоръ Глѣбовичъ, владѣль Черниговомъ въ Батыево нашествіе. Михаилъ снова вернулся въ Черниговъ, и былъ убитъ въ 1246.

25. Всеволодъ IV Лаврентій Ярополковичъ Ярославича, владѣль Черниговомъ въ 1261 году.

26. Романъ I Старый Михайловичъ, сынъ Св. Михаила, убитъ въ Ордѣ.

27. Михаилъ II Дмитріевичъ, кажется, внукъ Мстислава Глѣбовича.

28. Олегъ V Леонтій Романовичъ, умеръ въ самомъ концѣ XIII вѣка.

29. Константинъ Ольговичъ, жилъ въ началѣ XIV столѣтія.

30. Михаилъ III Александровичъ, внукъ предыдущаго.

31. Романъ II Михайловичъ, переведенъ Ольгердомъ въ Брянскъ.

32. Дмитрій Ольгердовичъ, послѣдній Князь Черниговскій.

Н. Квашинъ-Самаринъ.

ЗАМЪЧАНІЕ

ОБЪ ИЗВѢСТНОМЪ ПАЛОМНИКЪ-ПѢШЕХОДѢ ВАСИЛИИ ГРИГОРОВИЧѢ
ПЛАКЪ АЛЬБОВѢ, ЕГО ВОЗВРАЩЕНІИ НА РОДИНУ И МѢСТѢ ПОГРЕБЕ-
НІЯ, СДѢЛАННОЕ ОЧЕВИДЦЕМЪ И ЗЕМЛЯКОМЪ ЕГО.

Въ Воскресенскомъ, Новѣй Іерусалимъ именуемомъ, монастырѣ, изъ нѣсколькихъ Латинскихъ и Польскихъ рукописей и медицинскихъ книгъ съ надписью: «Изъ книгъ Лѣкаря Родіона Померанскаго,» и надписи на этихъ книгахъ, открывается, что онъ въ 1787 г., уже находясь въ Воскресенскомъ монастырѣ, подалъ просьбу объ увольненіи его отъ Лѣкарскаго званія въ Медицинскую Коллегію, и что по увольненіи онъ постригся въ семь монастырѣ съ именемъ Рафаила.

Изъ числа замѣтокъ (болѣе духовно-нравственнаго содержанія), коими исписаны листы книги «Apteczka domowa,» списокъ съ Краковскаго изданія 1663 г., и «Lekarstwa domowa,» тоже съ печатнаго Краковскаго изданія 1678 г., обращаетъ на себя вниманіе отзывъ отца Рафаила Померанскаго объ извѣстномъ сочиненіи нашего паломника - пѣшехода Василя Григоровича Барскаго, который былъ землякъ Рафаила Померанскаго, погребенный въ Кіево-Братскомъ монастырѣ. Отзывъ отца Рафаила слѣдующаго содержанія:

«Выписка изъ описанія путешествія Василя Григоровича, Кіевскаго уроженца, монаха Антиохійскаго, Плаки Альбова, пѣшеходца. Путешествіе его состояло къ Святымъ Мѣстамъ, въ Европѣ, Азій и Африкѣ находящимися, предпринятое въ 1723, а окончанное въ 1747 году, имъ самимъ собственноручно описываемое, съ планами и чертежами, а нынѣ напечатанное въ Петрополѣ при Императорской Академіи Наукъ въ 1778 году. Онъ, Василій Григоровичъ, продолжалъ путешествіе свое по Святымъ Мѣстамъ съ великимъ прилежаніемъ, описывая достопамятныя Святыя Мѣста чрезъ 24 года путешествія его. Примѣчанія достойно въ путешествіи его, во первыхъ, то, что вездѣ тамъ, въ Палестинѣ, при святостию прославленныхъ, мѣстахъ находится также великое множество монаховъ Римскаго Исповѣданія; также, гдѣ есть монастыри Греческіе, находится такое же множество монаховъ Римскаго Исповѣданія, какъ вездѣ въ Европѣ, Азій и Африкѣ по монастырямъ, различнаго ихъ чина и орденовъ обитаютъ, и во

всегдашнемъ съ Греками несогласіи и въ раздорахъ живутъ. Что касается до обрядовъ Греческія Церкви, въ раздѣленіи съ нѣю Церквію Римскою состоящей, о чемъ о ней пѣшеходець Григоровичъ достовѣрно и справедливо описываетъ о нынѣшнемъ и тогдашнемъ состояніи, о внѣшнемъ и внутреннемъ украшеніи, образѣ жизни и самомъ мѣстоположеніи единовѣрныхъ намъ Греческихъ монастырей, въ великомъ множествѣ, въ Европѣ Азіи и Африкѣ состоящихъ, онъ безъ всякаго пристрастія, какъ собственный свои слабости, безъ закрытія вездѣ открываетъ, и добродѣтель чужестранцевъ хвалить безъ малѣйшей зависти, и чудеса не опровергаетъ, и суевѣріемъ не помрачаетъ своей повѣсти, и изъясняетъ образъ гостепріимства по всѣмъ землямъ, пройденнымъ отъ него въ видѣ убогаго странника, съ подробнымъ собственныхъ приключеній и видѣнныхъ имъ вещей описаніемъ, и для лучшаго пути его понятія, сокращенно представляются здѣсь времена и мѣста, гдѣ иногда онъ былъ, и сему означается при томъ сокращенное пути его начертаніе.

Вѣдомо же да будетъ любопытному читателю, какъ, по прибытіи онаго пѣшеходца, Василя Григоровича, возвратившагоси изъ путешествія въ Кіевъ, весьма мало нѣсколько времени въ домѣ своемъ, въ матери (т. е., у матери) находится, скоро представися, и погребенъ въ Кіевобрацкомъ училищномъ монастырѣ, противу самаго большаго олтара, близъ оларнаго большаго окна, при которомъ погребеніи и азъ, многогрѣшный, находяся въ обученіи Кіевской Академіи, находился, и погребли его, какъ священныя чины, такъ и Академисты, изъ коихъ въ присутствіи былъ при погребеніи онаго Василя Григоровича, находяся тогда въ свѣцкомъ званіи при Академіи, именующійся Родіонъ Померанскій, а нынѣ Божіимъ промысломъ освященный монашескимъ званіемъ Рафаилъ, по прозванію тотъ же Померанскій.» *

Сообщ. Архимандритъ Леонидъ.

* Говорятъ, подлинникъ путешествія Василя Григоровича находится нынѣ въ числѣ рукописей Казанскаго Университета, поступившій туда вмѣстѣ съ бібліотекою Князя Г. А. Потемкина. Слѣдовало бы его въ наше время перевести точь въ точь, а не съ приспособленіемъ къ книжному Русскому языку. За это желаетъ взяться сообщившій это замѣчаніе, если Казанскій Университетъ благоволитъ одолжить для того свою рукопись на нѣкоторое время въ Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ. О. Б.

С Л О В О

ВЪ ДЕНЬ СВ. АПОСТОЛА И ЕВАНГЕЛИСТА ЮАННА БОГОСЛОВА. ¹

Или будетъ зло во градѣ, еже Господь не сотвори?

Слова Пророка Амоса гл. 3, ст. 6.

Еще и доселѣ не умолкли гласы недовольныхъ, которые хотѣли бы жить въ свѣтѣ все по своему: «Москва сожжена, храмы Божіи въ ней поруганы, жители разорены.»

---

¹ Слово, нами предлагаемое и случайно прибрѣтенное (въ спискѣ на синей бумагѣ) отъ И. М. Лукьянова произнесено, какъ думаемъ, въ 1813 г., Сентября 26-го, Священникомъ Трехсвятительской, у Красныхъ Воротъ, перви, Николаемъ Петровичемъ Друговымъ, скончавшимся въ санѣ Протоіерея 27 Апрѣля, 1868, на 81 году отъ рожденія. Онъ былъ способный, ревностный проповѣдникъ: на поздней литургіи, въ праздничные и воскресные дни, постоянно сказывалъ поученія безъ тетрадки, имѣя въ рукахъ развѣ одинъ планъ или расположеніе своей проповѣди; такъ, по крайней мѣрѣ, въ позднѣйшіе годы жизни. Его сердечное, одушевленное слово было понятно и трогательно для всѣхъ: для малаго и стараго, для ученаго и простолюдина. Въ своихъ безъ приготовленія поученіяхъ онъ употреблялъ не только простой складъ рѣчи, но и приличныя, мѣткія поговорки, или указывалъ на разные случаи изъ обыденной жизни. Ради общаго назиданія, бралъ иногда въ примѣръ какую ни будь личность изъ среды предстоящихъ. Имя проповѣдника переходило изъ устъ въ уста и обще извѣстнымъ слѣдалось. Не одни прихожане, но и окрестные жители, даже изъ отдаленныхъ мѣстъ столицы, собирались послушать его. Въ Мартѣ мѣсяцѣ 1857 года, не за долго до его кончины, была напечатана литографированная картина художника Д. Струкова (рис. съ натуры) съ надписью: «Проповѣдь Священника во храмѣ.» Священникъ этотъ Н. П. Друговъ. Вотъ онъ, почтенный старецъ, на амвонѣ, у самаго аналоя, окруженный множествомъ слушателей. По лѣвую сторону его обращаетъ на себя вниманіе, стоящій почти рядомъ съ нимъ, молодой Арабъ, разумѣется, Православный (въ Ригѣ присоединенъ къ Православной Церкви); проповѣдникъ, простерши и какъ бы воздѣвши руки свои къ народу, съ выраженіемъ доброты и откровенности въ лицѣ, поучаетъ истинамъ Вѣры... Въ предлагаемомъ нами «Словѣ» (отрывокъ изъ него помѣщенъ въ жизнеописаніи Н. П. Другова, нами составленномъ и напечатанномъ въ Юньской книжкѣ

Больно сердцу слышать все одно и то же. Не время ли уже успокоиться? Не время ли возымѣть чувства достойныя Христіанъ? Все ли язычествовать? Все ли останавливаться на вторыхъ причинахъ, не восходя до первой? Или забыли мы, что все въ свѣтѣ бываетъ не по слѣпому какому-то случаю, а по волѣ или поущенію Творца всяческихъ? Или не знаемъ, что Христіанинъ единожды на всегда отрекся своей воли, и долженъ быть на все готовъ? Если не знаемъ, стыдъ дѣлаемъ Христіанству; если забыли, время вспомнить.

Время вспомнить, когда Господь силъ видимо благословилъ и паки благословляетъ оружіе наше. ² Ибо гдѣ враги наша, вторгшіеся въ любезное отечество наше, ругавшіеся надъ святыней, осквернявшіе храмы Божіи, сожигавшіе жилища наши? Наибольшая часть оныхъ давно уже истлѣли, будучи отъ трехъ сильныхъ непріятелей, воздвигнутыхъ Богомъ-истителемъ: меча, глада и хлада, повержены на распутіяхъ и стогнахъ градовъ и сель. Сіи сквернители и зажигатели сами по смерти сожжены, дабы тлѣніемъ въ нѣдрахъ земли не осквернили и не заразили воздуха, да сбудется Писаніе: ими же согрѣшиша, тѣми и наказани быша. ³ Другая знатная часть оныхъ находится въ плѣну; ⁴ а немногіе оставшіеся, остались для того, чтобы понести въ вертепы свои стыдъ и вѣчную укоризну имени своему, славу же и честь Богу, Спасителю Россіи, и хвалу нашему Монарху и любезнымъ соотечественникамъ нашимъ—Россіянамъ. Время вспомнить, когда союзъ нечестія, буйства и наглости, крамолы и убійства, расторгается, а новый союзъ, союзъ защиты невинности, союзъ справедливости и возвращенія каждому изъ Державствующихъ собственности, уже составился, дѣйствуетъ и счастливитъ Цари и народы. Время вспомнить, когда Монархъ нашъ

«Душеполезнаго Чтенія» 1868 г.) замѣчательно въ особенности мастерское описаніе нравственныхъ недуговъ общества, господствовавшихъ во время, предшествовавшее Французской войнѣ. Вообще оно достойно сохраненія, какъ литературный памятникъ нашей отечественной старины, но подлинникъ едва ли уцѣлѣлъ.

² Заграничная война 1813 года.

³ Прем. 11, 17.

⁴ При Кульмѣ, 17 Августа, 1813, взятъ въ плѣнъ Французскій Генералъ Вандамъ.

любезнѣйшій, Благочестивѣйшій Государь Александръ Павловичъ, приникъ окомъ благочестія и милосердія на дома Царя Царей и жилища сыновъ своихъ, и частію отверзъ уже, а частію готовъ отверзти сокровищницы своя, для возвращенія храмамъ должнаго благолѣпія и для облегченія нужды потерпѣвшихъ отъ нашествія непріятельскаго разореніе. Время вспомнить, когда Августѣйшая Супруга его, Благочестивѣйшая Государыня Императрица Елисавета Алексіевна, приняла на себя священное, сродное сердцу ея, титуло покровительницы несчастныхъ.

Да престануть уже жалобы на постигшее царствующій градъ сей несчастіе; да впечатлѣють ⁶ въ умахъ и сердцахъ своихъ, что не мудрость, или политика, кабинетовъ Царскихъ править царствами земными, и зло, или благо, говоря человѣчески. зиждетъ на земли, но все бываетъ по глаголу воли Царя Царей: Или будетъ зло въ градѣ, еже Господь не сотвори? — Кто есть той, иже рече, и бысть, Господу не повелѣвшу.—Богатъ и нищъ срътоста другъ друга; обоихъ же Господь сотвори. Плачъ Іерем. гл. 3, ст. 37. Притч. гл. 22, ст. 2.

Христіанинъ, знающій Вѣру свою, совѣмъ иначе судить о несчастіяхъ частныхъ и всеобщихъ, нежели какъ обыкновенно судять о нихъ. Какимъ же имянно образомъ, сіе достойно изслѣдованія и вниманія, и сіе изслѣдованіе наше да будетъ въ честь празднуемаго нами Св. Апостола и Евангелиста Юанна Богослова.

Христіанинъ, не буквы токмо, но и силу Святаго Писанія разумѣющій и всѣмъ сердцемъ чтущій божественное откровеніе, въ несчастіяхъ частныхъ и всеобщихъ зреть со стороны Бога уроки высочайшей нравственности. Богъ сими происшествіями, какъ бы съ каедры, краснорѣчивѣе и уразительнѣе всякаго витія, возвѣщаетъ глаголы воли своя, воли благія, святыя, угодныя и совершенныя. ⁶ Во первыхъ, здѣсь Христіанинъ ощущательно видитъ ничтожество всего подлуннаго, ⁷ суету величій мірскихъ, непечность богатства, немощь силы, немудрость мудрости человѣческой, словомъ, всего человѣческаго непостоянство, обманчивость, нетвердость: вѣковѣчныя зданія падаютъ, сокрушаются; гордые

⁶ Жители града сего.

⁶ Рим. 12, 2.

⁷ Въ рукописи: подлуннаго.

обелиски, памятники суетности человѣческой, труды многихъ десятилѣтій, въ нѣсколько минутъ теряютъ и слѣды бытія своего. Градъ нашъ слишкомъ носить на себѣ знаки сего плачевнаго событія. ⁸ Гдѣ лучшія зданія онаго, мастерскія произведенія зодчихъ, искусства архитектуры, живописи и прочихъ художествъ? Рука злодѣевъ, вооруженная пламенниками, унесла ихъ на воздухъ, или сбѣлала изъ нихъ кучу камней. Это чудо Промысла, что священныя мѣста, ⁹ ознаменованныя чрезъ толико столѣтій храненіемъ нетлѣнныхъ останковъ мужей, благоугодившихъ предъ Богомъ, уцѣлѣли отъ всеобщаго разрушенія и свирѣпства пламени. Дивенъ Богъ во святыхъ своихъ, ¹⁰ дивенъ во гнѣвѣ и въ милостяхъ своихъ къ нашей столицѣ!

О, напечатлѣмъ на сердцахъ своихъ сію истину, что нашъ долгъ всюду и всегда смиряться подъ крѣпкую руку Божию. ¹¹ Его бо есть вселенная и исполненіе ея. ¹² О немъ и имъ живемъ, движемся и есмь. ¹³ Гордость одна научила насъ говорить: «домъ мой, богатство мое, сила, или власть, моя, мудрость моя,» все это чужое, Божіе. Что имаша, его же нѣси пріялъ? ¹⁴ Одна у насъ собственность, но и та не дѣлаетъ намъ чести— грѣхи и слабости только наши, все прочее — чужое, Божіе. Се прозорливая политика не спасла ни градъ нашъ, ни вообще отечество отъ нападенія вражія, да сбудется Писаніе: яко аще не Господь сохранитъ градъ, или страну, всуе бдѣ стрегій. ¹⁵ Почтимъ тайну Промысла Божія о насъ, возложимъ перстъ на уста, или съ благовѣніемъ речемъ: Да будетъ воля Твоя, ¹⁶ Господи силъ! При семъ воспользуемся мудрымъ совѣтомъ Сираховымъ: Потерпи, говоритъ онъ, и не скоръ буди во время наведенія; прилѣпися Господу, и не отступи, да возрастши

---

⁸ Подобной плачевной участи.

⁹ Кремлевскіе храмы.

¹⁰ Псал. 67, 35.

¹¹ I Петр. 5, 6.

¹² Псал. 23, 1.

¹³ Дѣян. 17, 28.

¹⁴ I Кор. 4, 7.

¹⁵ Псал. 127, 1.

¹⁶ Мат. 6, 10.

напослѣдокъ твой. Все, елико аще нанесено ти будетъ, прими, и во измѣненіи смиренія твоего долготерпи; яко во огни искупается злато, и человѣцы пріятни въ печи смиренія. Вѣруй Ему, и заступитъ тя, и управи пути твоя, и уповай на нь. ¹⁷

Далѣе, Христіанинъ въ несчастіяхъ частныхъ и всеобщихъ зреть законъ воли Божіей, зло наказующей. Богъ правосуденъ. Свойство правосудія есть воздавать каждому свое. Правда, нѣсть грѣхъ побѣждающій милосердіе Божіе. Богъ есть весь благодать, весь любви. Но все ли оказывать Ему свою благодать нечувствительнымъ? Все ли прощать беззаконникамъ, беззаконія ніющимъ яко воду? Нѣтъ, при всемъ томъ, что онъ есть весь благодать, Онъ есть огонь поядай; ¹⁸ при всемъ томъ, что Онъ щедръ и милостивъ, долготерпѣливъ и многомилостивъ, ¹⁹ Онъ есть Богъ отмщеній. ²⁰ Гнѣвъ Мой послю на языкъ беззаконенъ, говоритъ Онъ чрезъ Исаію, и своихъ людей повелю сотворити корысти и плѣненіе, и попраши гряды и положить я въ прахъ. И воздамъ, говоритъ Онъ чрезъ Іеремію, первѣе сугубая беззаконія и грѣхи ихъ, ими же оскверниша землю мою.—Неправда дому Израилева и Іудина возвеличися зѣло, зѣло, яко наполнися земля людей многихъ, и градъ наполнися неправдъ и нечистотъ, яко рѣша: оставилъ есть Господь землю, и не видитъ Господь И Азъ есмь, и не пощадитъ око мое, ни помилую, пути ихъ на главы ихъ дахъ.—Накажетъ тя отступленіе твое, и увѣждь и виждь, яко зло и горько ти есть, еже оставити Господа Бога твоего.—Смерть и кровь, и рвеніе, и оружіе, наведенія, гладъ и сокрушеніе, и раны на беззаконныхъ, создана быша сія вся. Ис. гл. 10, ст. 6. Іер. 2, 19, 16, 18. Іез. 9, 9 и 10. Сир. 40, 9 и 10.

Разсмотримъ, Христіане, жизнь нашу: не заслужили ль мы участь, постигшую насъ? Поруганы храмы наши! Но не мы ли первѣе поругали ихъ и осквернили, входя въ оныя и нечистыми тѣлами и нечистыми душами? Въ такомъ случаѣ злодѣи только довершили начатое нами самими оскверненіе. Сожжены дома наши!

¹⁷ Сир. 2, 2 — 6.

¹⁸ Евр. 12, 29.

¹⁹ Псал. 102, 8.

²⁰ Псал. 93, 1.

ши! Но не за то ли, что они, можетъ быть, большею частію созданы были неправдою, грабительствомъ, хищеніемъ и прочими обидами и притѣсненіями человѣчества? И такъ огонь попалилъ и очистилъ нечестія и беззаконія. Разграблено имущество наше! Но и оно, можетъ быть, не было ли у насъ плодомъ беззаконій нашихъ? Дѣйствительно ли и всегда ли изъ чистыхъ и закону Божию и совѣсти непротивныхъ источниковъ текло оно въ сокровищницы наши? Не есть ли оно и все, или большая часть онаго, плодъ хитрости и обмана въ приставничествѣ, торговлѣ, ремеслѣ и проч.? Не разореніемъ ли семействъ покупали мы дорогія свои платья и украшенія для тѣла? Не потому ли и кровію обиженныхъ наживали золотыя и серебряныя вещи? Ахъ, коль важные вопросы! Пусть рѣшитъ ихъ совѣсть каждаго, и тогда, вмѣсто роптанія на пути Провидѣнія, можетъ быть, иной сознается предъ Богомъ: Праведенъ еси, Господи, и прави суды твои! ²¹

Точно, слушатели, по самымъ вѣрнымъ разсчетамъ, необидливъ Богъ; ²² и что сказано Израилю, яко погибель твоя отъ тебе есть, то же самое можно сказать и о насъ: разореніе наше отъ насъ есть; мы сами себѣ приготовили сію участь, а Богу не чуда же дѣлать, дабы насильно отвлекать насъ отъ бездны, въ которую мы добровольно вверглись. Посмотримъ на жизнь свою, что она была? Ужасная смѣсь язычества съ Христіанствомъ. Всѣ почти стали жить не по старинѣ, а по модѣ. Все стало не грѣхъ, все возможно. Дѣти строгихъ отцовъ и матерей не возлюбили: «Они, говорятъ, устарѣли, изъ ума выжили,—что ихъ слушать?» Во всякомъ знатномъ домѣ завели иностранцевъ и иностранокъ, а особливо Французской націи, однихъ для ученія, другихъ, ²³ для того же ли, или для компаніи; а сіи-то замерзшія змѣи, какъ пишется въ Притчахъ, огрѣвшись въ нашихъ нѣдрахъ, больно, весьма больно, насъ уязвили! Съ тѣхъ поръ Богопочтеніе у насъ охладѣло, любовь къ родителямъ исчезла, уваженіе младшихъ къ старшимъ пропало, патриотизмъ или любовь къ отечеству измѣнился въ своемъ предметѣ, то есть, любовь открылась, но не къ мѣсту своего рожденія, а къ чужеземнымъ государствамъ. Все свое, національное, опротивѣло, все свое стало дурно, негодно; не

²¹ Псал. 118, 137.

²² Евр. 6, 10.

²³ Иностранокъ.

къ лицу и не къ мѣсту. Бѣдный ремесленникъ трудится, потѣетъ чрезъ всю недѣлю, и наконецъ выносить свою работу: онъ не продастъ ее, развѣ за малую цѣну, если Русское издѣліе не назоветъ Французскимъ. Всѣмъ своимъ стали пренебрегать—и Вѣрою, и закономъ, и націею. Отъ церкви отстали, а если и придуть, то на соблазнъ Православнымъ Христіянамъ: смѣются, разговариваютъ о неблагопріостойныхъ до ея матеріяхъ; вступать въ супружество съ родными считали ни за что, или за должное по праву естественному; стали гнущаться Русскими и вступать въ бракъ съ иновѣрцами и иностранцами. Впрочемъ, отъ туги сердца и изъ уваженія къ святости мѣста уполчу. И не за сію ли найпаче модную жизнь, въ которой ничего Христіанскаго не видно стало, воздвигъ на насъ праведный Богъ толико ужасную бурю? Видно, исполнилась мѣра беззаконій нашихъ. Путіе Сіони рыдаютъ; говоритъ Іеремія, яко нѣсть ходящихъ по нихъ въ праздникъ; вся врата его разорена, жерцы его въздыхаютъ и самъ огорчеваемъ въ себѣ. Отъ чего жъ Сіонъ, и вообще Іерусалимъ, постигло такое несчастіе? Самъ пророкъ сіе объясняетъ, говоря: Научиша языкъ свой глаголати лжу, неправдоваша, и не восхотѣша обратитися. Лихва на лихвѣ, и лесть на лесть не восхотѣша увѣдѣти мене, рече Господь.—Стрѣла уязвляющая языкъ ихъ, лъстивіи глаголы устъ ихъ: пріятелю своему глаголетъ мирная, внутрь же себе виѣтеть вражду.¹ Еда на сихъ не посѣщу, рече Господь, или людемъ такимъ не отмститъ душа моя? Плач. Іерем. гл. 1, ст. 4; Іерем. гл. 9, ст. 5, 6, 8 и 9.

И такъ погибель твоя отъ тебе, Израилю: разореніе наше отъ насъ есть, слушатели. При семъ-если, что особенно надобно взять на замѣчаніе, то сіи слова Христа Спасителя, реченныя имъ разслабленному: Се здравъ еси, ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ. ²⁴ Имѣй уши слышати, да слышитъ!

Наконецъ Христіанинъ въ несчастіяхъ частныхъ и всеобщихъ зреть законъ воли Божіей, искушающей Вѣру пашу и добродѣтели. Вѣра, искушаемая напастьми, есть треніе аромать (?). Человѣкъ въ счастіи рѣдко знаетъ себя. Благо мнѣ, взывалъ порфиноносный пророкъ къ Богу, яко смирилъ мя еси: яко да

²⁴ Юан. 5, 11.

научся оправданіемъ твоимъ ²⁵. Герой виденъ въ сраженіи. Покажемъ себя достойными исповѣдуемой нами Вѣры. Развѣ Бога должно любить за однѣ только Его милости? Это любовь будетъ пристрастная, любовь наемника къ своему хозяину, котораго онъ любить за извѣстную плату. Таковая любовь недостойна Христіанина. Бога должно любить туне, любить тогда, когда посылаетъ намъ благо и зло, счастье и несчастіе. Аще благая пріяхомъ отъ руки Господни, злыхъ ли не стерпимъ? ²⁶

Помните, конечно, Христіане, что та рука, которая наказуетъ насъ, та самая рука основала бытіе наше. Естли жъ она полна была благодати при самомъ ничтожествѣ нашемъ, то какъ можетъ она истощиться при событіи ²⁷ любезнѣйшихъ своихъ намѣреній? Какъ можетъ гражданина небеснаго безразсечно отдать на жертву стихіямъ міра? Скажемъ человѣчески: Еда забудетъ жена отроча свое, еже не помиловати исчадія чрева своего? ²⁸ Нѣтъ, Богъ не вооружитъ мести своей на человѣка, Имъ дышущаго. И что Ему славы свидѣтельствовать могущество свое уничтоженіемъ праха? О человѣки! Познайте въ лицѣ карающемъ васъ Бога, любящаго васъ.

Онъ, какъ нѣжнѣйшій отецъ, бдитъ надъ нами. Жаль Ему, что сладкими мечтами обворожаются прекрасныя Его творенія; жаль Ему, что въ страстныхъ изступленіяхъ гибнуть самые мужи по сердцу Его. Такимъ образомъ Онъ мечетъ стрѣлы, Онъ движетъ громомъ, для того только, чтобы разбудить человѣка, дремлющаго на лонѣ врага хищнаго; чтобы дать ему почувствовать, какъ льстивый міръ измѣняетъ ему, какъ онъ летитъ съ нимъ въ царство смерти вѣчныя. Пусть убо изнурится плоть и кровь лишь бы не угасъ пламенныйкъ совѣсти; пусть все для насъ умретъ и погибнетъ, только да не съ міромъ осудимся.

Вотъ прямой законъ Божіей воли! И мы признаемся, Господи, что Твои наказанія тѣмъ болѣе поражаютъ насъ, тѣмъ скорѣе лѣчатъ раны бѣдной души нашей, тѣмъ скорѣе къ Тебѣ ее обращаютъ. Ждеша, Господи! еже ущедрити насъ.

²⁵ Псал. 118, 71.

²⁶ Іов. 2, 10.

²⁷ При исполненіи.

²⁸ Иса. 49, 15.

Наши естественныя слабости—чувства плоти и крови не оставлены у Бога въ забвеніи. Онъ не тотъ владыка, который возлагалъ бы бремена неудобноносимал, сколь мы ни малы предъ Нимъ, какъ ни низки предъ Его величіемъ; но Онъ обрѣтается намъ, яко сыновомъ своимъ.²⁹ Поди, говоритъ онъ духу злобы, поди искушай Іова, голько не тяготи духа его, только не нарушь его свободы.³⁰ Вѣренъ Богъ, еже не оставитъ насъ искуситися паче, еже можемъ.³¹ Нѣтъ человѣка совершенно твердаго, но нѣтъ и совершенно слабаго; развѣ неопытность, развѣ недовѣрчивость, могутъ доводить до отчаянія, а то разумъ и воля всегда цари въ свѣтѣ;³² и человѣкъ, ежели ни чѣмъ другимъ, по крайней мѣрѣ самимъ собою владѣть можетъ. Этого преимущества Онъ никогда у него не отнимаетъ; довольно, что Божія десница никого не погубляла; довольно, что всѣ отчаянные всегда самоубійцы, не отъ того, чтобъ духъ ихъ превозмогали горести, но что извѣженное самолюбіе³³ ни самонаибѣйшей горести, не хочетъ терпѣть нужды. Если бы мы напередъ не запасались страхомъ, какъ жалкіе трусы; если бы остановились противъ свѣта, противъ заключеній,³⁴ какъ духовные Христіянскіе герои: то мы нашли бы, что наши горести суть простой оборотъ нравственности (?), что слишкомъ трогаться ими есть недостатокъ одного понятія, того понятія, что Богъ есть все, а мы ничто; что Онъ самое зло обращаетъ намъ въ добро, и посылаетъ намъ оное, яко горькое лѣкарство, болѣзни души нашей врачующее; словомъ, въ свѣтѣ нѣтъ зла настоящаго, на которое достойно могли бы мы жаловаться. И человѣкъ самъ по себѣ никогда не плачетъ, но въ корыстяхъ, на примѣръ, стонетъ зависть, въ бѣдности сѣтуетъ плотоугодіе, въ оскорбленіяхъ духа волнуется гордость. Если бы, напротивъ, пороки не жаловались весь свѣтъ былъ бы благодарнымъ гимномъ Богу.

И такъ, Христіяне, чрезъ сіе наказаніе,³⁵ что Богъ говоритъ

²⁹ Евр. 12, 7.

³⁰ Іов. 1, 12.

³¹ I Кор. 10, 13.

³² Свой умъ царь въ головѣ.

³³ Не хочетъ выносить.

³⁴ Разума.

³⁵ Постигшее насъ въ 1812 году.

намъ, какъ не сіе: обратитесь ко мнѣ, и обращуся къ вамъ? Съ чѣмъ Онъ хочеть разлучить насъ, какъ не съ беззаконіями нашими, которыя, яко тати, похищаютъ миръ и покой души нашей, удаляютъ насъ отъ Него, удаляютъ отъ самихъ себя? Нѣсть радоватися нечестивымъ, глаголетъ Господь.»³⁶ Господи! зывалъ одинъ мудрецъ, умилосердись надъ злыми; ибо ты всѣ радости отдалъ въ удѣлъ добрымъ. ¹

Жители царствующаго града сего! Престанемъ роптать на пути Провидѣнія, будемъ паче благоговѣть къ судьбамъ Вышняго. Нашему ли уму проникать въ планы Предвѣчнаго? Давно сказано: Высшихъ себе не ищи, и крѣпльшихъ себе не испытай; яже ти повелѣнна, сія разумѣвай. ³⁷ Да разумѣваемъ, яко Богъ несчастіями ведетъ насъ къ познанію и исполненію Его святаго закона; къ обращенію отъ пути нечестія на путь вѣры и благочестія. Смиримся убо подъ крѣпкую руку Божию, и явимъ плоды достойныя покаянія. А между тѣмъ воззовемъ къ царю царствующихъ:

«Господи! спаси Государя нашего Императора Александра Павловича, весь Августѣйшій Домъ его и все Царство его. Христолюбивое воинство его исполни мужества, силы и крѣпости, сотвори, да окрылатѣютъ аки орли, Сѣверные герои наши; потекутъ на побѣды надъ полчищами, безъ Вѣры предводимыми сыномъ беззаконія, и не утрудятся, ³⁸ дондеже разрушать въ конецъ совѣтъ нечестивыхъ, собравшихся на нынѣшнихъ Помазанниковъ Твоихъ!» Аминь.

• Протоіерей Н. П. Друговъ.

Сообщ. Архимандритъ Григорій.

³⁶ Исаіи 48, 22.

³⁷ Сирах. 3, 21.

³⁸ Исаіи 40, 31.

ПЕРЕВОДЪ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРІИ ИЗЪ ПЕРЕРВЫ ВЪ ЗАКОНОСПАССКІЙ МОНАСТЫРЬ.

По сему исполнено: 1823 года, Сентября 1-го переведена Семинарія изъ Перервы въ Москву въ Закоиноспасскій монастырь, въ устроенный для сего особый флигель, а въ Перерву перевели казеннокоштныхъ учениковъ изъ Петровскихъ Училищъ и изъ Волоколамскаго Училища всѣхъ, уничтоживъ оное.

1822 года, Генваря 25 дня. Комитетъ, составленный отъ 14 числа сего же года и мѣсяца, по предписанію Святѣйшаго Правительствующаго Синода и Комисіи Духовныхъ Училищъ, Члена, Высокопреосвященнѣйшаго Филарета, Архіепископа Московскаго и Коломенскаго, Свято-Троицкія Сергіевы Лавры Священно-Архимандрита и разныхъ орденовъ Кавалера, изъ Ректоровъ: Московской Семинаріи, Уѣздныхъ Закоиноспасскаго и Спасо-Андроньевскаго Училищъ, ¹ и семи Московскихъ Протоіереевъ и Благочинныхъ, для разрѣшенія вопроса касательно мѣстнаго назначенія Московской Семинаріи и низшихъ Духовныхъ Училищъ, въ засѣданіяхъ своихъ 15 числа на Троицкомъ подворьѣ, ² 22 въ Закоиноспасскомъ монастырѣ, 25-го въ Златоустовѣ сего же мѣсяца и года, входилъ подробно во всѣ обстоятельства, до разрѣшенія сего вопроса касающіяся. Онъ при семъ руководствовался сколько опытомъ прошедшихъ временъ, столько же соображался съ нуждами Духовенства Московской Епархіи, и полагаетъ мнѣніе такое:

¹ Ректоръ Семинаріи Архимандритъ Θεоктистъ (Орловскій) сконч. къ Боголюбовомъ монастырѣ въ чинѣ братства, 1829 г. Ректоръ Закоиноспасскаго Училища Іеромонахъ Іона, скончался въ той же должности. Ректоръ Андроньевскій Архимандритъ Иннокентій, Настоятель Златоустовскаго монастыря скончался 18 Декабря, 1842, въ санѣ Настоятеля Нижегородскаго Печерскаго первоуниверсальскаго монастыря.

² Гдѣ жилъ Преосвященнѣйшій Филаретъ.

Еще прежде засѣданій своихъ Комитетъ, спознавъ волю и благонамѣреніе Его Высокопреосвященства, объявлялъ о семъ Московскому Духовенству, которое исполнилось живѣйшею радостію, что Архипастырь ихъ предоставляетъ сколько начальству, столько и чувству сердець родительскихъ рѣшить столь важный вопросъ: «гдѣ слѣдуетъ быть Московской Семинаріи, въ Перервѣ, или въ Москвѣ, и гдѣ именно?»³ вопросъ, долженствующій имѣть важныя послѣдствія не токмо въ настоящее, но и на будущее время. Кажется, что и блаженныя памяти Царь Феодоръ Алексѣевичъ учредилъ Славяно-Греко-Латинскую Академію⁴ не токмо въ Москвѣ, но и среди оной, по сей единственно причинѣ дабы родители учащихся имѣли равенство и удобство, какъ въ доставленіи дѣтей своихъ въ Училище, такъ наипаче въ принятіи оныхъ. И такое премудрое его назначеніе оправдалось въ послѣдствія времени тѣмъ, что до преобразования Семинаріи по новому учрежденію⁵ число учащихся въ Академіи простиралось иногда до полуторы тысячи человекъ;⁶ между тѣмъ какъ въ прочихъ Семинаріяхъ, какъ-то: Лаврской, Виѣанской и Перервинской и въ другихъ инопархіальныхъ не превышало и числа 800, не смотря на то, что въ сихъ Семинаріяхъ всѣ почти ученики, не исключая и Священническихъ дѣтей, обучались на казенномъ содержаніи.⁷ А сіе превосходное число учащихся въ бывшей⁸ Академіи ясно уже показываетъ, гдѣ удобнѣе родители находили обучать дѣтей своихъ, въ Москвѣ или виѣ оной?

Его Высокопреосвященство, въ данномъ Комитету предписаній, самъ изъяснилъ уже многія невыгоды Перервинской Семинаріи; какъ-то: комнаты для классовъ недостаточны; столовая такъ же недостаточна, и ученики садятся за столъ въ два пріема,

³ И если въ Москвѣ, то гдѣ именно? Перерва въ 7 верстахъ отъ Москвы.

⁴ Исторія Моск. Академіи, С. Смирнова М. 1855, стр. 8—16.

⁵ Въ 1814 г. Перервинская Семинарія преобразована по новому уставу и наименована Московскою, хотя по прежнему осталась на Перервѣ. Академія тогда же переведена была въ Троицкую Лавру, на мѣсто упраздненной Троицкой Семинаріи, а въ Занкооспаскомъ монастырѣ, вмѣсто Академіи, открыто Духовное Училище.

⁶ Разумѣется, не всѣ жили въ Академіи.

⁷ По этой-то причинѣ, кажется намъ, и не могло быть больше.

⁸ Славяно-Греко-Латинской.

сминая одни другихъ; деревянный домъ для надзора внѣ монастыря неудобенъ, а можно сказать, что въ случаѣ пожара, отъ чего, Боже, сохрани! весьма опасенъ для живущихъ; сдѣлать же пристройку въ монастырѣ, по причинѣ тѣсноты оного и окружающихъ его съ трехъ сторонъ низменныхъ мѣстъ, а съ четвертой по причинѣ селенія и чужой земли, неудобно, и что она имѣетъ на своей сторонѣ токмо преимущество уединенія. Но, будучи въ толь близкомъ разстояніи отъ Москвы, она не имѣетъ дѣствъ выгодъ уединенія, а въ нѣкоторомъ отношеніи близкое разстояніе оной отъ Москвы еще вредно для дѣтей Московскихъ священно и церковнослужителей. Начальству нельзя въ праздничные дни не увольнять дѣтей въ дома родителей; а бывъ уволены, и особенно проходя чрезъ мѣста болотистыя, чрезъ которыя лежитъ дорога отъ Перервы въ Москву, и наипаче въ бурное и ненастное время, сколь многія изъ нихъ подвергаются болѣзнямъ, имѣющимъ худыя послѣдствія иногда на цѣлую жизнь, и, вмѣсто ускоренія, замедляющимъ для нихъ ходъ ученія; не упоминая уже о значущихъ издержкахъ, совсѣмъ бы не нужныхъ, и, однако, необходимыхъ, бываемыхъ при частомъ отвозѣ дѣтей въ Перерву. Да и самое настоящее уединеніе имѣетъ свои невыгоды и неудобства: часто одинъ, или два, изъ неблагомыслящихъ учениковъ, сообщая духъ непослушанія живущимъ съ ними въ обществѣ, мало по малу отвлекаютъ ихъ отъ благомыслія и дѣлаютъ ихъ также, какъ и сами, непокорными. Здѣсь же, въ Москвѣ, ежели бы таковой неблагомыслящій и явился, то причинить зла не могъ бы, не имѣя всегдашняго обращенія съ ними, или состоя самъ, и видя другихъ, подъ надзоромъ родителей. А при томъ, когда бы въ волѣ родителей состояло, въ глазахъ ли своихъ, или подъ присмотромъ родственниковъ воспитывать дѣтей своихъ, или отдавать ихъ для обученія⁹ въ Семинарію, ежели бы кто и явился худъ въ поведеніи, винить было бы некого. Теперь, когда дѣти въ юныхъ еще, невинныхъ и неопытныхъ, лѣтахъ поступаютъ въ Семинарію, ежели кто изъ нихъ явится несоответствующимъ въ поведеніи ожиданію родителей, кого сіи должны винить, какъ не тѣхъ, которымъ ввѣрено было воспитаніе оныхъ? Предупредить же сіе зло, или пресѣчь, по великому множеству учащихся и по жительству ихъ внѣ монастыря, сколько

⁹ Для жительства.

бы: начальство бдительно ни было, едва ли возможно. Неоспоримо, что здѣсь, въ Москвѣ, ученики могутъ имѣть больше соблазновъ и, слѣдовательно, поводовъ къ порчѣ; но бываетъ и то, что и самой худой въ поведеніи, перешедъ изъ другого мѣста въ Москву, здѣсь исправляется, стыдѣсь таковымъ казаться и публикѣ. Впрочемъ, все сіе болѣе должно предоставить промыслу Божію, руководствующему въ путяхъ жизни каждаго человѣка.

Нельзя при семъ пройти молчаніемъ и того, что многіе изъ священно и церковнослужителей Московскихъ, не имѣя другихъ дѣтей, кромѣ одного или двухъ сыновъ, изъ которыхъ старшій всегда почти обучалъ, и сопровождалъ младшаго въ училище. " чрезъ удаленіе одного, а особливо обоихъ, остаются какъ бы лишеннымъ дѣтей, и маленькихъ хозяевъ и сберегателей домовъ, что также для родительскихъ сердецъ весьма прискорбно бываетъ.

Его Высокопреосвященство въ предписаніи своемъ между прочимъ еще приводитъ, что помѣщеніе въ Законоспасскомъ монастырѣ Семинаріи подвержено опасности разсѣянія. Но опасность сія быть не можетъ, какъ скоро начальство будетъ имѣть строгій надзоръ надъ учениками. Сверхъ сего, опыты прежнихъ лѣтъ показали, что обучающіеся въ Законоспасскомъ монастырѣ " никогда, какъ въ благоповеденіи, такъ и въ успѣхахъ, никакой другой Семинаріи не уступали. Впрочемъ, ежели преимущество уединенія въ Перервѣ, и опасность разсѣянія въ Законоспасскомъ монастырѣ должны быть уважительною причиною удаленія Семинаріи внѣ Москвы, то сіи причины должны бы, по видимому, уважены быть и во всѣхъ прочихъ Епархіяхъ, и тѣмъ паче, что Московская Епархія имѣетъ другую Семинарію въ Визаніи, которая, по своему мѣстоположенію ¹⁰ и окружающимъ ее лѣсамъ, можетъ по справедливости назваться мѣстомъ уединенія, въ которую всякой желающій, чтобы дѣти его учились въ мѣстѣ уединенномъ, можетъ ихъ помѣщать для сего назначенія. Напротивъ извѣстно, что не въ одной Россіи, но и во всѣхъ просвѣщенныхъ Государствахъ, высшія и многолюднѣйшія училища состоятъ болѣею частію въ городахъ. Причиною сему кажется: 1) удоб-

1'

¹⁰ До поступленія въ Семинарію.

¹¹ Въ бывшей тамъ Академіи.

¹² Въ трехъ съ половиною верстахъ къ югосточку отъ Сергіевой Лавры.

ство доставлять всѣ лучшіе и за дешевую цѣну припасы для учащихъ. 2) Удобность для дѣтей имѣть сношеніе, по своимъ нуждамъ, съ своими родителями, или родственниками. 3) Любознательность и образованность, бываемая особливо въ большихъ городахъ. Напротивъ въ уединеніи дѣти привыкають къ нѣкоторой дикости и застѣнчивости. 4) Помѣщеніе же Московской Семинаріи въ Москвѣ нужно еще и для изученія языкамъ Греческому, Нѣмецкому и Французскому, такъ какъ совершеннѣе изучить ихъ онымъ¹³ можно токмо чрезъ обращеніе съ природными жителями. И сію причину нельзя почесть маловажною, по тому что нужно въ Академіи и Семинаріяхъ имѣть собственныхъ учителей для обученія симъ языкамъ, знающихъ совершенно оныя. Да и таковое совершенное знаніе сихъ языковъ можетъ составлять честь и для самой Семинаріи. Но, оставя все сіе, скажемъ главное: сколько ни мала плата, полагаемая въ Семинаріи за содержаніе учениковъ, но и она для родителей тягостна, а особливо многосемейныхъ. Ибо къ 70 рублямъ, платимымъ за содержаніе, еще вдвое надобно на платье, обувь, книги, бумагу, отвозъ дѣтей въ Семинарію и другія необходимыя нужды. Между тѣмъ какъ ученики въ Москвѣ,¹⁴ питаясь отъ одного стола съ родителями, или родственниками, или живя у постороннихъ, для родителей отягощенія не дѣлають, и часто иные изъ нихъ, получая плату за обученіе дѣтей въ хорошихъ домахъ, еще помогаютъ бѣднымъ своимъ родителямъ. Неоспоримо, что такое постороннее занятіе отнимаетъ время для собственнаго ихъ ученія: но прилежный ученикъ вездѣ будетъ успѣшенъ. Касательно же разрѣшенія сего вопроса, что помѣщеніе Семинаріи въ Заиконоспасскомъ монастырѣ не обѣщаетъ довольноаго простора и сопровождается затрудненіемъ размѣщенія низшихъ училищъ, то относительно перваго: 1) содержащихся на казенномъ коштѣ число будетъ не такъ велико; 2) для жительства Профессоровъ нужно токмо отдѣлать тѣ флигели, которые прежде занимали проповѣдники и учителя.¹⁵

А по симъ причинамъ Комитетъ полагаетъ: 1) Московскія Уѣздное и Приходское Училища перевести и помѣстить въ томъ

¹³ Дѣтямъ.

¹⁴ Московскаго Уѣзднаго Училища.

¹⁵ Академіи.

Флигель Петровскаго монастыря, въ которомъ и теперь находятся классы Уѣднаго Училища, не стѣняя, однако, жительствовавшимъ монашествующимъ.

2) Волоколамскія Уѣздное и Приходское Училища, яко малолюдныя и при томъ не имѣющія довольнаго простора, весьма отдаленныя ¹⁶ и имѣющія затрудненія въ доставленіи жизненныхъ припасовъ, перемѣстятъ въ Перервинской монастырь, и въ ономъ помѣстятъ однихъ казеннокоштныхъ, не возбраняя, впрочемъ, окружнымъ духовнымъ ¹⁷ вносить извѣстную сумму на содержаніе дѣтей своихъ, естли они сами того пожелаютъ. Долженствующимъ же содержаться на собственномъ коштѣ размѣстятъ по тѣмъ Училищамъ, гдѣ кто учиться пожелаетъ. ¹⁸

3) Семинарію же Московскую помѣстятъ въ новостроющемся корпусѣ Зайконоспаскаго монастыря и въ прежде занимаемыхъ Академію Флигеляхъ съ нужною поправкою оныхъ. Пусть вертоградъ духовнаго просвѣщенія, насажденный великимъ и благодѣтельнымъ Просвѣтителемъ Россіи еще въ XVII столѣтіи, ¹⁹ воспитавшій многихъ добрыхъ пастырей и великихъ пастыреначальниковъ Церкви, ²⁰ процвѣтаетъ паки на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ первоначально насажденъ, и пусть мать Россіи, первопрестольствующій градъ Москва, будетъ видѣть и свидѣтельствовать успѣхи и благонравность юныхъ дѣтей, долженствующихъ въ послѣдствіи времени быть отцами, пастырями и наставниками сыновъ ея. ²¹

На подлинномъ подписали:

Московской Семинаріи Ректоръ, Зайконоспаскаго монастыря Архимандритъ Θεоктистъ.

Московскихъ Зайконоспасскихъ Училищъ Ректоръ, Златоустовскій Архимандритъ Иннокентій.

¹⁶ Въ 141 в. отъ Москвы.

¹⁷ Церкви раздѣлены на округа или благочинія.

¹⁸ Въ Москвѣ, Коломиѣ, Звенигородѣ, Дмитровѣ.

¹⁹ Царемъ Θεодоромъ Алексѣевичемъ.

²⁰ Митрополиты: Платонъ, Михаилъ, Серафимъ и Евгений Кіевскій.

²¹ Съ 1 Ноября, 1844 г., Московская Семинарія помѣщается въ домѣ, бывшемъ Графа Остермана, въ Каретномъ ряду, а въ Зайконоспаскій монастырь переведено Училище изъ Высокопетровскаго монастыря.

Покровскаго Собора Протоіерей Іоаннъ Платоновъ.

Николаемыновскій Протоіерей Іоаннъ Іоанновъ.

Николаевскій на пупышахъ Протоіерей Петръ Алексѣевъ.

Симеоновскій, на Поварской, Протоіерей Стефанъ Никитинъ.

Никитскій, что въ Басманной, Протоіерей Іоаннъ Савельевъ.

Трех-Святительскій, что у Красныхъ воротъ, Протоіерей Николай Петровъ.

Казанскій, у Калужскихъ воротъ, Протоіерей Іоаннъ Григорьевъ.

Московскаго Спасо-Андроніевскаго Училища Ректоръ, Николаевской, что на Мясницкой, церкви Священникъ Магистръ Арсеній Тяжеловъ.

Сообщ. Архимандритъ Григорій.

З. А. М. В. Т. Ж. Д.

Въ 4-й тетради «Русскаго Архива» настоящаго года помѣщены любопытныя «Записки Хршонщевскаго» (1770 — 1820) въ переводѣ съ Польской рукописи, съ предисловіемъ, примѣчаніями, поправками, прибавленіями и объясненіями І. І. Ролле. Въ 10-мъ примѣчаніи къ 1-й главѣ, стр. 917, сказано, между прочимъ, что «только такая вліятельная личность, какъ Кіевскій Воевода, Фр. Салезій Потоцкій, могъ повести дѣло (о похищеніи дочери Ка-стеляна Коморовскаго, красавицы Гертруды, на которой тайно женился сынъ его, вопреки волѣ родителей своихъ, извѣстный Щенскій Потоцкій, и объ ея насильственной смерти) * подобнымъ образомъ, т. е., что оно не было надлежащимъ образомъ разъяснено, хотя и стоило ему чрезвычайныхъ хлопотъ и затраты громадныхъ денегъ; драма же разыгрывалась въ разгарѣ Барской Конфедераціи, участникамъ коей Воевода Потоцкій помогаетъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, живетъ одновременно въ самыхъ близкихъ и дружественныхъ отношеніяхъ съ М. Н. Кречетниковымъ, командующимъ Русскими войсками въ нынѣшней Галичинѣ.» Ниже, въ примѣчаніи 14-мъ, переводчикъ не только говоритъ, что Воевода Потоцкій «имѣлъ довольно близкія сношенія съ М. Н. Кречетниковымъ, до самой кончины, послѣдовавшей гораздо позже, но и ссылается даже, въ подтвержденіе того, на «Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ,» въ 3-ей книгѣ которыхъ за 1863 годъ помѣщенъ «Журналъ или Записки М. Н. Кр. о движеніи и дѣйствіяхъ военныхъ въ Польшѣ въ 1767 и 1768 г.» Но «Журналъ» этотъ, изданный мною, принадлежитъ вовсе не Михаилу Никитичу Кречетникову, а Генералъ-Маіору Петру Никитичу, брату перваго, бывшему въ послѣдствіи Астраханскимъ Губернаторомъ, между тѣмъ какъ Михаилъ Никитичъ состоялъ первоначально Губернаторомъ Псковскимъ (1772 г.), потомъ Тверскимъ (1775 г.), Калужскимъ (1776

---

* Что все послужило содержаніемъ для извѣстнаго стихотворенія А. Мальчевскаго: «Марія, повѣсть Украинская. Варшава, 1825,» открывшая новую пору для Польской литературы. О. Б.

г.), Генералъ-Губернаторомъ Калужскимъ, Тульскимъ и Рязанскимъ (1777 г.), за тѣмъ управлялъ тремя Малороссійскими Губерніями и войсками, въ нихъ расположенными (1791 г.), черезъ годъ командовалъ 4-мя корпусами, назначенными дѣйствовать въ Бѣлоруссіи, подъ названіемъ Сѣверной арміи, и наконецъ Главнокомандующимъ 2-й части Южной арміи Каховскаго (1793 г.). Онъ тоже оставилъ по себѣ: «Журналъ реляціямъ и письма къ нему,» также «Дневныя записки о движеніи и дѣйствіяхъ войскъ въ Литвѣ 1792 года,» дожидавшіяся мною въ упомянутыхъ «Чтеніяхъ» 1863 г., кн. 4.

Отъ чего же произошло смѣшеніе одного Кречетникова съ другимъ? Безъ сомнѣній, отъ того, что Гамъ-Ролле, поправляя другихъ, прибавляя и объясняя чужое, самъ не всегда справлялся съ источниками, указываемыми имъ въ подтвержденіе своихъ словъ, а писалъ либо по слуху, либо же по памяти, которая нередко намъ измѣняетъ. То уже не знаніе, гдѣ память насъ, а черезъ насъ и другихъ, обманываетъ: «Tantum scimus, quantum nostra valetur.» Въ дѣлѣ историческомъ все должно быть точно, и по тому всегда слѣдуетъ справляться съ источниками самолично:

О. Бодяскій.

25-го Апрѣля, 1874 г.

О П Е Ч А Т К И

въ статьѣ: «О вліяніи борьбы,» и проч., въ кн. I, II и III-й 1873 г.

Напечатано:

Читайте:

Стран.	Строк.		
3	28	спиву: отъ берега	отъ береговъ
4	18	югов... значеніе	юговост. заселеніе
5	33	кочевниками Болгарскими	кочевниками-Болгарами, а по тому стали называться городами Болгарскими
5	16	заселившими	заселившими
6	30	часто съ ними воевали	часто съ ними воевали
12	13	остроконечной деревянной крышей	остроконечными деревянными крышами
25	34	называлось... племенемъ-родомъ	называлось... именемъ—родомъ
26	11	военными подвигами и господствовавшими	военными подвигами, и господствовали
26	3	съ членами другихъ городовъ и народовъ	съ членами другихъ родовъ и племенъ
32	19	Белогетовъ	Бессагетовъ
32	5	касавшихся дѣлъ всѣхъ	касавшихся всѣхъ
41	9	среди религ. собраний	средоточіе религ. собраний
44	14	власть... политическая	связь... политическая
46	7	окруженныхъ	окруженный
47	40	вѣнчать	вѣщать
51	16	толпы	толпы
78	40	съ ослаб.. Варяг... значенія Князья	съ ослаб.. Варяг... господства, когда Князья
79	7	третьей. суды	третьей. суды
80		не достигла	не достигала
83	39	при Олегѣ же	при Ольгѣ
86	21	Славянскаго вѣроисповѣданія служенія	Славянскаго богослуженія
93	24	къ купеческимъ обществамъ	къ купеческимъ обществамъ
94	26	въ пору завоеванія Варягорусскаго	въ пору завоеванія его Варягоруссами.
96	10	Такъ же поселены	Такъ же поселены
98	7	высшую основу	высшій разрядъ
101	10	кучныхъ писцовыхъ книгъ	кучныхъ и писцовыхъ книгъ

Стран.	Строк.		
101	19	Княжескіе, люди крѣ- пост.	княжескіе люди, крѣпост.
102	17	назывались Сотскими	назывались Сотскими и Десят- скими
104	29	состояла особенность	состояла особенность
106	8	со славной	сословной
113	30	сверху: нѣкоторыми и земля- ми въ другихъ	нѣкоторыми землями и въ дру- гихъ
115	34	при гладкости	при шаткости
131	9	поселенное на влад.	поселенныхъ на влад.
131	31	управ. населеніе	управ. дѣленіе
136	10	Владимиръ, Ярополкъ	Владимиръ—Ярополка
152	1	Куруй	Куруй
158	23	завоевали	завоевавши
159	11	отличныя	отличительныя
167	7	оно не было	оно не было
167	8	не оказалъ	не оказали
176	21	и складовъ	и кладовъ
188	7	Мужей, Посадниковъ	Мужей-Посадниковъ
196	34	Это ограниченіе власти Князей	Это ограниченіе власти Князя Кіевского Совѣтомъ другихъ Князей
217	10	прошедшихъ	приходившихъ
218	21	изъ земли	изъ земли Галицкой
218	39	Боярами ихъ Княземъ	Боярами и ихъ Княземъ
230	7	было причиной	были причиной
235	1	Если столь	Если бы столь
235	24	, Андрей Боголюбскаго	. Андрей Боголюбскій
236	20	послали противъ	послали просить
246	6	защитниковъ	защитника
247	16	сбродныя дружины	сбродныхъ дружинъ
251	38	, хотя	. Хотя
266	23	на его родъ	на его рабъ
267	28	примѣнять	примѣнять
268	11	, господствовало	, гдѣ господствовало
268	32	не только для защиты своихъ собствен. лич. выгодъ	не только для защиты страны, но и для защиты своихъ соб. лич. выгодъ
270	9	побуждали	побуждало
273	4	не оправдалось	не сопровождалось
273	25	не свободнаго	несвободныхъ
246	2	Концовъ	кушцовъ
296	6	каждаго рода	каждаго города
302	39	ни гдѣ	нигдѣ
303	24	своего домов. періода	всего домов. періода
305	20	пользовавшихся	пользовавшихся

Стран.	Строк.		
305	31	власти крѣпостной	власти крѣпкой
309	29	владѣвали	овладѣвали
320	25	Твердило Ивановичъ о,	Твердило Ивановичъ,
324	15	пригороднаго населе-	пригородныхъ населеніемъ
—	28	захватила	захватили
—	31	присвоила	присвоили
327	27	участіе военныхъ	участіе въ военныхъ
332	22	тѣмъ богѣ	чѣмъ богѣ
333	23	въ Кіевѣ	въ Кіевъ
—	37	илъ	изъ
343	19	выступали	выступили
—	35	тамъ находится	самъ находится
346	11	изъ словъ, Владими-	изъ словъ Владимира Мстисла-
		ромъ Мстиславичемъ	вича, сказанныхъ Боярамъ-
		сказанныхъ Боярамъ,	дружинникамъ
—	21	значительное количе-	значительный элементъ
		ство.	
349	25	для удержанія	для содержанія
351	30	сношеній	отношеній
352	32	Русю	Русь

Въ примѣчаніяхъ:

5	18	сверху: Тургасову	Пургасову.
8	11	Адамъ Ив. Чевак.	А дакъ Ив. Чевак.
11	30	ратники	ротники
15	42	волвъ	волхвъ
23	19	Гамѣти	Гамшти
28	47	ихъ людьми	его людьми
34	45	Всеволодовичи Ольги	Всеволода Ольговича
37	11.	Ущняя	Угуняя
42	13	на Латинскомъ	на Латышскомъ
43	7	погребси	погреба
43	29	передгороды все	передгородье все
44	23	название	названія
45	33	не бити	исбыти
53	14	Кануть	Конуагъ
68	28	Турки	Туки
72	11	нетюбье	немоубье
92	37	мстити	мштити
93	2	1324	1224
—	3	1239	1224.
—	4	1351	1241

ПРОТОКОЛЬ ЗАСѢДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ

1873 года, Января 22-го дня.

22-го Января, 1873 года, Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, подъ председательствомъ Дѣйствительнаго Члена своего, П. В. Хавскаго. и въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: Графа М. В. Толстого, Г. Д. Филимонова, И. Е. Забѣлина, А. А. Майкова, А. И. Хмельницкаго, Архимандрита Леонида, Е. В. Барсова, В. А. Елагина, Н. П. Розанова, М. Л. Назимова, П. П. Барсова, Соревнователей: А. А. Мартынова, А. Е. Кудрявцева, и Секретаря О. М. Бодянскаго, имѣло обыкновенное Засѣданіе, въ коемъ, по прочтеніи и подписаніи Протокола предыдущаго Засѣданія, 15-го Сентября, 1872 года, происходило слѣдующее:

1. Д. Чл. О. М. Бодянскій прочиталъ Предисловіе къ переводу «Путешествіе Антиохійскаго Патріарха Макарія, писанное Дякономъ Павломъ» и переведенное съ Англійскаго на Русскій, и отрывокъ изъ самаго перевода, сдѣланнаго Д. Д. Благово.

За тѣмъ читаны были:

А. Отношенія.

2. Конторы Московской Синодальной Типографіи, № 3565, увѣдомленіе о полученіи въ оной рукописи Типографской Библіотеки, по старому каталогу № 1603, а по новому № 472, отосланной Обществомъ 11-го Сентября за № 134. Определено: Принять къ свѣдѣнію.

3. Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества въ Москвѣ, отъ 27-го Сентября, № 746, просьба о пожертвованіи «Чтеній» въ составляемую Библіотеку для Миссіонеровъ. Определено: Отвѣтить, что Общество, по малымъ своимъ средствамъ, никому не можетъ жертвовать своихъ изданій.

4. Совѣта Императорскаго Московскаго Университета, отъ 17-го Октября, № 2470, о безмездной высылкѣ изданій Общества Членамъ Парижской Академіи Наукъ. Секретарь отвѣчалъ, по примѣру подобныхъ просьбъ, что Общество, по крайней скудости своихъ средствъ и малому числу печатаемыхъ экземпляровъ, назначаемыхъ преимущественно для Русской публики, не имѣетъ возможности безвозмездно высылать оныхъ.

Б. Предложенія.

5. Редакціи Православнаго Собесѣдника, объ обмѣнѣ изданіями въ 1873 году.

6. Редакціи Биржевыхъ Вѣдомостей, о томъ же.

7. Карамзинской Библіотеки въ Симбирскѣ, просьба о безмездной высылкѣ «Чтеній» въ 1873 году. Определено: Изъявить согласіе.

8. Редакціи «Искры» объ обмѣнѣ изданіями. Определено: отклонить.

В. Приношенія.

а. Матеріалами:

9. Дѣйств. Чл. Ил. Ал. Чистовича, изъ Петербурга: «Выписки изъ дѣлъ Слѣдственной Коммиссіи надъ Волинскимъ.»

10. Директора Смоленской Губернской Гимназіи, В. П. Басова: «Снимокъ съ надписи, снятой во всю величину съ камня, найденнаго въ Смоленскѣ, на старомъ Княземъ дворѣ, близъ развалинъ монастырской церкви, находившейся отъ двора въ 30 или 40 шагахъ. Онъ составляетъ собственность Князя А. М. Дундукова-Корсакова.»

11. Соревнователя Общества, А. А. Чумикова, изъ Гельсингфорса, переводъ изъ сочиненія на Нѣмецкомъ языкѣ Оттона Плейера: «Донесеніе о настоящемъ Московскомъ правленіи 1710 года.»

б. Статьями:

12. Д Члена Архимандрита Леонида: «Историческое описаніе Лихвинскаго Покровскаго Добраго монастыря.»

13. Д. Члена Ю. Θ. Крачковскаго, изъ Полоцка: «Изъ быта Западно-Русскаго Селянина.»

14. Д. Д. Благово, изъ монастыря Николы на Угръшѣ: 1) «Переводъ Путешествія Антиохійскаго Патріарха Макарія, описаннаго Дякономъ Павломъ, съ Англійскаго на Русскій, и Предисловіе переводчика Русскаго; 2) О Царь-колоколѣ.»

в. Книгами:

15. Д. Члена П. В. Хавскаго, сочиненіе его: 4) «Краткая исторія Московскаго женскаго Никитскаго монастыря, названнаго такъ по имени родителя Патріарха Филарета, Никиты Романовича: М. 1866; 2) «Часы Москвы. М. 1872. изд. 2-е.»

16. Югославянской Академіи Наукъ и Художествъ въ Загребѣ: «Rad. XVIII. Zagreb. 1872.»

17. Почетнаго Члена Общества, Предсѣдателя Виленской Коммисіи для разбора древнихъ актовъ, Я. Θ. Головацкаго, изданія сей Коммисіи и Виленскаго Учебнаго Округа: 1) «2 и 4 томы актовъ, 1867 и 1870; 2) Ревизія пущъ 1867, и 3) Туровское Евангеліе. Вильна 1869 года.»

18. Учителя Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ въ Москвѣ, А. Н. Попова: «Описаніе рукописей и Каталогъ книгъ Церковной печати А. И. Хлудова. М. 1872.»

19. Варшавскаго Университета: 1) «Варшавскія Университетскія Извѣстія 1872 года, № 5, и 2) Годичный Актъ Императорскаго Варшавскаго Университета, 30-го Августа, 1872 годъ. Варшава, 1872.»

20. Археологической Коммисіи при Псковскомъ Губернскомъ Статистическомъ Комитетѣ: «Протоколъ Засѣданія этой Коммисіи 4-го Августа, 1872 года» (изъ 39-го № Псков. Губ. Вѣдом. 1872 г.).

21. Тайнаго Совѣтника Д. А. Ровинскаго, его сочиненіе: «Словарь Русскихъ гравированныхъ портретовъ. Спб. 1872.»

22. Д. Члена М. П. Погодина: «Пятидесятилѣтіе гражданской и ученой службы М. П. Погодина (1821—1871). М. 1872.»

23. Архимандрита Амфилохія печатныя сочиненія: 1) «Снимки съ надгробныхъ Греческихъ и Славянскихъ памятниковъ и руко-

писей обоехъ языковъ съ VII вѣка по 1846 годъ, сдѣланные въ 1871 году Архимандритомъ Амфилохіемъ. М. Въ литографіи Д. Гаврилова; 2) О не изданныхъ канонахъ въ служебной Февральской Греческой Миней конца X вѣка, Московской Синодальной Библіотеки № 181. М. 1870; 3) О древнихъ иконахъ въ Московскомъ Даниловомъ монастырѣ. М. 1871; 4) О лицевомъ Греческомъ Акаѳистъ Божіей Матери, 2-й половины XIV вѣка, Московской Синодальной Библіотеки № 429. М. 1870; 5) О миниатюрахъ и украшеніяхъ въ Греческихъ рукописяхъ Императорской Публичной Библіотеки, Московскаго Университета и Библіотеки Г. Норова въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ. М. 1870; 6) Надгробные памятники иновѣрцевъ въ Московскомъ Даниловомъ монастырѣ. М. 1871; 7) О лицевомъ Славянскомъ Акаѳистъ Божіей Матери, XVII в. М. 1871. 8) Объ иконѣ на шиферномъ камнѣ XII—XIV вѣка. М. 1871; 9) Описаніе Ильинской Черниговской иконы Божіей Матери, 1696 г. М. 1872; 10) О внутреннемъ расположеніи храма, поставленнаго въ 1025—43 году Алексіемъ, Патріархомъ Константинопольскимъ, по рукописи Славянской XII вѣка № 330 Синодальной Библіотеки.»

24. Императорскаго Московскаго Университета: 1) «Отчетъ и Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ Собраніи 12-го Января, 1872 года. М. 1873; 2) Университетскія Извѣстія за 1872.»

25. Д. Чл. И. Е. Забѣлина, его сочиненія: 1) «Быть Русскихъ Царей, и 2) Быть Русскихъ Царицъ. М. 1872. Изд. 2-е.»

Опредѣлено: Матеріялы и статьи разсмотреть, а книги сдать въ Библіотеку.

д. Заявленія.

26. Получены деньги за дипломы на званіе Дѣйствительнаго Члена Общества: 1) отъ П. П. Барсова, 2) Ю. О. Крачковскаго, и 3) В. А. Елагина, по десяти рублей, всего тридцать рублей. Определено: Деньги передать Г. Казначею Общества. 4) Отъ Графа С. Д. Шереметева получено въ уплату: I) Университетской Типографіи: а) за бумагу 37 ст. и 340 л. по 4 рубля 29 коп.; б) на сорочку 1 ст. 310 л., и в) печать 8½ л. съ оберткой и пр., всего, за 2300 особыхъ оттисковъ, 278 руб. 49 коп. II) граверу за 4 изображенія, къ нимъ 1313 руб., и III) переплетчику 34 руб. 50 коп. И того 1625 руб. 99 коп. Определено: Деньги сіи передать Г. Казначею Общества для врученія по принадлежности каждому.

Въ концѣ Засѣданія Секретарь Общества представилъ только что отпечатанную 3-ю книгу «Чтеній» 1872 года, содержаніе коей слѣдующее:

I. Изслѣдованія. Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія о происхожденіи Древне-Русскаго Домостроя. И. С. Некрасова.

II. Матеріялы Отечественные. Капище моего сердца или Словарь всѣхъ тѣхъ лицъ, съ коими я былъ въ разныхъ отношеніяхъ въ теченіе моей жизни. Князя Ив. Мих. Долгорукаго.

III. Матеріялы Славянскіе. Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, собранныя Д. Членомъ Я. О. Головацкимъ и изданныя О. М. Бодянскимъ. Часть III. 5, Свадебныя пѣсни Золочевского, 6. Тернопольскаго, 7, Бережанскаго, 8 и 9. Стрыйскаго, 10. Станиславскаго, 11. Коломыйскаго Уѣздовъ, и 12. Лемковъ.

IV Матеріялы Иностранныя. Путешествіе Корнилія де Бруи-на черезъ Московію (при Петрѣ Великомъ). Переводъ съ Французскаго Д. Чл. П. П. Барсова. Глава XV, XVI и XVII.

V. Смѣсь. Пункты Троицкаго Александровскаго монастыря Архимандрита Θεодосія и на нихъ рѣшеніе Петра Перваго. Сообщ. Д. Членъ Ил. А. Чистовичъ. Раскольничій Апокалипсій, покойнаго Д. Члена Ник. Ив. Надеждина. Сообщ. П. И. Мельниковъ. О Грамматикѣ Ломоносова. Д. Чл. М. А. Максимовича Матеріялы для исторіи Хлыстовской и Скопческой ересей, собранныя П. И. Мельниковымъ. Отдѣлъ третій: Правительственныя распоряженія, выписки и записки о Скопцахъ до 1826 года. Письмо Скопца Прапорщика Бориса Петровича Созоновича, бывшаго до оскотленія Штабсъ-Капитаномъ, изъ Архангельска, къ Шуйскому первогильдейскому купцу Василію Максимовичу Киселеву, Юня 17-го дня, 1824 года. Сообщ. И. М. Лядовъ. Донесеніе Суздальскаго Земскаго Исправника, отъ 24-го Января, 1858 года, о новой сектѣ въ селѣ Мордышѣ Владимирской Губерніи Судогодскаго Уѣзда, такъ называемыхъ «Покорителей плоти духу.» Сообщ. Д. Чл. А. А. Майковъ. Къ исторіи сожженія книгъ у насъ. Сожженіе книги: «Молохъ нашихъ дней.» Замятка О. М. Бодянскаго. Протоколъ Засѣданія Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, Мая 31-го дня, 1872 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

	Стран.
Откуда слово Кремль? Д. Члена А. М. Кубарева....	1 — 30
Удѣльные Князья Кашинскіе. Профессора Казанскаго Университета А. Д. Иноземцева..	31 — 57

II.

МАТЕРІАЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ.

Путешествіе мое въ Имеретію съ Линіи Кавказской, мое тамъ, у Царя пребываніе, съ нимъ сношеніе и обратное оттуда путешествіе въ Грузію. Сочиненіе Д. С. С. Александра Егоровича Соколова. Сообщилъ Н. П. Ермоловъ. Съ Предисловіемъ О. М. Бодянскаго.....	I—VI, 1—204
--	-------------

III.

МАТЕРІАЛЫ СЛАВЯНСКІЕ.

Польша и Россія въ 1872 году. Сочиненіе бывшаго Члена Государственнаго Совѣта Царства Польскаго. Переводъ съ Польскаго. Съ Предисловіемъ А. И. Х.....	I—XIV, 1—86
--	-------------

IV.

МАТЕРІАЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

Путешествіе въ Московію Барона Августина Майер- берга и Горація Вильгельма Кальвуччи, Пословъ Императора Леопольда къ Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу въ 1661 году. Переводъ съ Латинскаго Д. Члена А. Н. Шемакина. Съ Предисловіемъ О. М. Бодянскаго.....	105 — 168
---	-----------

V.

СМѢСЬ.

	Стр.
Быть Западно-Русскаго селянина. Д. Члена Юл. О. Крачковскаго.....	1 — 212
По поводу Любецкаго Синодика. Н. Квашина-Са- марина.....	213 — 226
Замѣчаніе объ извѣстномъ пѣшеходѣ-падомникѣ Ва- сильи Григоровичѣ Плакѣ Альбовѣ, его возвра- щеніи на родину и мѣстѣ погребенія, сдѣланное очевидцемъ и землякомъ его. Сообщ. Д. Членъ Архимандритъ Леонидъ.....	227 — 228
Слово въ день Св. Апостола и Евангелиста Іоанна Бо- гослова, Протоіерея Н. П. Другова. Сообщ. Архимандритъ Григорій.....	229 — 231
О переводѣ Московскои Духовнои Семинари изъ Пе- рервы въ Заиконоспаскій монастырь. Сообщ. Ар- химандритъ Григорій.....	239 — 243
Замѣтка О. М. Бодянскаго.....	246 — 247
Протоколъ Засѣданія Императорскаго Общества Исто- ріи и Древностей Россійскихъ 1873 года, Ген- варя 22-го дня.....	251 — 251

Временникъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ съ 1849 по 1858 годъ.

25 книгъ, каждая по 1 р. 50 к., а за все безъ перес. 37 р. 50 к., съ пересылкой 45 р. На пересылку всякой книги „Временника“ за 4 фута.

Изданія Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ можно получать: 1) въ самомъ Обществѣ, у Актуарія Алексѣя Егоровича Кудрявцева, на Моховой, въ зданіи Университета, и 2) у Коммисіонера Общества, Московскаго книгопродавца, Иванъ Григорьевича Соловьева (бывш. И. В. Базунова), на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Алексѣева, противъ Университетской Тапогравіи.

Тамъ же можно получать:

Славянскія Древности, соч. П. І. Шафарика, перев. съ Чешскаго О. Бодянскаго, 2 тома въ 5 книгъ. М. 1848 г., ц. 6 р., перес. за 10 е.

О времени происхожденія Славянскихъ писемъ, соч. О. Бодянскаго. М. 1855 г., съ 19 литограф. снимками; ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Исторія Русовъ или Малой Россіи, соч. Преосвященнаго Георгія Конискаго. М. 1846 г., ц. 5 р. безъ пересылокъ.

Записки некоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы Д. Т. Сов. и Сенатора И. В. Лопухина, сочиненныя имъ самимъ. М. 1860 г., ц. 1 р. 50 к.

О происхожденіи и родинѣ Глаголитивма, соч. П. І. Шафарика; перев. съ Нѣмецкаго А. Н. Шемякина. М. 1861 г., ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Походы Викинговъ, государственное устройство, нравы и обычаи древнихъ Скандинавовъ, соч. А. М. Стрингольма, пер. съ Нѣмца. А. Н. Шемякина. 2 части. М. 1861, ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Путешествіе Венеціанца Марка Поло въ XIII стол., съ объясненіями Авг. Бюрка, перев. съ Нѣмца. А. Н. Шемякина. М. 1863 г., ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Жизнеописанія древнихъ, средневѣковыхъ и новѣйшихъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Россію, или говорившихъ о ней, перев. съ Нѣмца. А. Н. Шемякина. М. 1865, ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Исторія о Великомъ Князествѣ Московскомъ, соч. Петра Петрея, перев. съ Нѣмца. А. Н. Шемякина. М. 1867 г., ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Письма Филарета, Митрополита Московскаго, къ Гавріилу, Архіепископу Рязанскому. М. 1868 г., ц. 75 к. сер., съ перес. 1 р.

Письма Иннокентія, Архіепископа Херсонскаго, къ Гавріилу, Архіепископу Рязанскому. М. 1869 г., ц. 75 к. сер., съ перес. 1 р.

Записки Адмирала А. С. Шишкова, съ Мая 1824 по Декабрь 1826 г. М. 1868 г., ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. серебр.

Записки о событіяхъ на Волынѣ и Подолѣ въ 1789 году, Феодосія Бродовича, Архипресвитера Греческаго Уніятскаго Капитула Луцкаго. М. 1870, ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Сказаніе, и страсть, и похваля Св. мученику Бориса и Глѣба. По харатейнымъ спискамъ XII и XIV стол. Съ 3. литограф. снимками. М. 1870, ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Слѣдственное дѣло о Князѣ Дм. Мих. Пожарскомъ. М. 1870 ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Латинци, особливо въ Ливоніи, въ исходѣ енолосекскаго столѣтія. Соч. Г. Меркеля. Переводъ съ Нѣмецкаго А. Н. Шемякина. М. 1870. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Естонецъ и его господинъ. Переводъ съ Нѣмецкаго А. Н. Шемякина. Москва. 1872 г. Цѣна 1 р. съ перес. 1 р. 20 к.

Физика, выбранная изъ лучшихъ явиторовъ, расположенная и дополненная Невской Семнаріи Философіи и Физики Учителемъ Михаиломъ Сперанскимъ. 1797 г. въ Санктпетербургѣ. М. 1872. Цѣна 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

